

Российская ассоциация политической науки (РАПН)

Московский государственный институт  
международных отношений (Университет)  
МИД России

Финансовый Университет при Правительстве РФ

# РОССИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ЦЕННОСТИ, ИНСТИТУТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы  
IX Всероссийского конгресса политологов

Под общей редакцией  
*О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова,  
Л.Н. Тимофеевой*

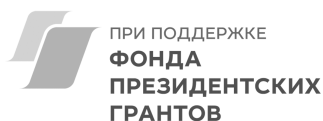


**Москва, 16–18 декабря 2021 г.**

IX Всероссийский конгресс политологов, г. Москва

  
**АСПЕКТ ПРЕСС**  
Москва  
2021

УДК 327  
ББК 66.4  
Р76



Конгресс проводится с использованием средств гранта Президента  
Российской Федерации на развитие гражданского общества,  
предоставленного Фондом президентских грантов, № 21-2-012295

Составитель сборника  
доктор политических наук, профессор *А.И. Соловьев*

**Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы:**  
Р76 Материалы IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16–18 декабря 2021 г. / Под  
общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. — М.: Издательство  
«Аспект Пресс», 2021. — 608 с.

ISBN 978–5–7567–1170–7

Сборник содержит материалы — избранные тезисы докладов и выступлений российских и за-  
рубежных участников IX Всероссийского конгресса политологов (Москва, МГИМО МИД РФ,  
Финансовый университет при Правительстве РФ, 16–18 декабря 2021 г.), включенных в научную  
программу конгресса.

УДК 327  
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–1170–7

© РАПН, 2021  
© МГИМО МИД России, 2021  
© Финансовый университет  
при Правительстве РФ, 2021

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .....	19
<i>Абазов Д.А.</i> Информационно-коммуникационное воздействие СМИ на общественное мнение в Грузии .....	21
<i>Абахра М.И.</i> Трамп и Байден: различия во внешней политике (на примере урегулирования палестинского вопроса) .....	22
<i>Абрадова Е.С.</i> Политика памяти как инструмент формирования новой национально-государственной идентичности в России .....	23
<i>Авдонин В.С.</i> Трансформация советской идеологии в постсоветской риторике власти .....	24
<i>Аверьянова Е.В.</i> Городские сообщества в социальных сетях и местная демократия .....	25
<i>Аветисян А.С.</i> Учет «дуализма агентов» при циклических флуктуациях принятия госрешений в анализе функционирования политической макросреды деятельности современных корпораций .....	26
<i>Авксентьев В.А.</i> Риски этнополитической стабильности на Северном Кавказе в условиях обострения армяно-азербайджанского конфликта .....	27
<i>Авцинова Г.И.</i> Цифровизация в контексте взаимодействия власти и общества: понятие, ценности, перспективы .....	28
<i>Акимочкина М.С.</i> К вопросу об актуальности исследования политических идеологий европейской реформации .....	29
<i>Аксюмов Б.В.</i> Проблема политизации этничности в субъектах СКФО (по материалам ивент-анализа) .....	30
<i>Алейников А.В., Сунами А.Н.</i> Риск-рефлексии и стратегии конфликтного поведения .....	31
<i>Алексеев Д.В.</i> Соотношение карьерных траекторий и карьерных ожиданий молодежи: возможности и риски .....	32
<i>Алексеева Т.А.</i> Конструктивизм: «третье поколение». Что дальше? .....	33
<i>Алименко И.А.</i> Парадигма экспортно-ориентированного развития: особенности режима публичной политики РФ в отрасли Агропромышленного комплекса (АПК) .....	34
<i>Алонци Р.</i> Международная субъектность ЕС и его отношения с Россией .....	35
<i>Аль-Дайни М.А.</i> Психология международных отношений как направление современной политической психологии .....	36
<i>Ананченко А.Б., Шаповалов В.Л.</i> Прогнозирование политического выбора молодых избирателей ..	37
<i>Андерхальден Ю.С.</i> Исследование тематики научной дипломатии в отечественной и зарубежной литературе .....	39
<i>Андреев М.В.</i> Реализация геополитических инноваций на территории Российской Федерации: пространственно-временной аспект .....	40
<i>Андреанов В.В.</i> Климатическая повестка как фактор внешней и внутренней политики Российской Федерации .....	41
<i>Антончева О.А., Апанасенко Т.Е.</i> Измерение политического доверия инструментами экономической теории: перспективы и ограничения моделей .....	42
<i>Апанович М.Ю.</i> Трансформация понимания миграции: классические подходы и новые тенденции. .	43
<i>Артеев С.П.</i> Вакцинная дипломатия России в период пандемии COVID-19: невынужденные просчеты .....	44
<i>Арутюнов А.Г.</i> Взаимоотношения регионов и городов Российской Федерации и Республики Беларусь .....	45
<i>Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю.</i> Национальная идея и национальные символы в сознании школьников регионов Сибирского федерального округа .....	46
<i>Асеева Т.А., Казанцев Д.А.</i> Особенности восприятия общекультурного наследия страны старшими школьниками Сибирского федерального округа .....	47
<i>Асонов Н.В.</i> Россия: новый политический цикл ее существования .....	48
<i>Аствацатурова М.А., Чекменев Д.С.</i> Особенности современного общественно-политического дискурса как конструкта публичной политики .....	49
<i>Ахмадеев К.Н.</i> Проблемы и перспективы формирования федералистской культуры в России .....	50
<i>Ачкасов В.А.</i> Ведет ли делегирование властных полномочий субъектам этнофедераций к сепаратизму .....	51
<i>Ачкасова В.А.</i> Медиатизированные конфликты и инциденты: новая роль в сфере публичных коммуникаций .....	52

<i>Барандова Т.Л., Тарусина И.Г.</i> «Социальный урбанизм»: акторы имплементации политики комфортной/доступной среды на суб/муниципальном уровне (на примере кейсов Санкт-Петербурга и Ленинградской области) . . . . .	54
<i>Барандова Т.Л., Тесленко Н.Д., Сергеева А.В.</i> Символические социокультурные аспекты в мировой политике: спортивные мегасобытия как фактор глобализации . . . . .	55
<i>Баранец С.Н.</i> Идея государственности и аддитивная реальность местной власти: дополненный смысл «политического» для новой концепции социальной философии политики . . . . .	56
<i>Баранов А.В.</i> Политическая регионалистика по-русски: тенденции развития и перспективы . . . . .	57
<i>Баранов Н.А.</i> Выборы как институт доверия или недоверия в постпандемийном мире. . . . .	58
<i>Баранова Т.В.</i> Цифровой популизм как тренд XXI века: проблемы и перспективы . . . . .	60
<i>Барский Я.В., Соколов А.В.</i> Институционализация интернет-активизма: критерии и формы . . . . .	61
<i>Башмаков И.С.</i> Региональные языковые особенности как ресурс формирования культурно-территориальной идентичности (на примере Краснодарского края) . . . . .	62
<i>Безбородов М.И.</i> Внешняя деятельность Русской православной церкви как «мягкая сила» России. . . . .	63
<i>Белов С.И.</i> «Русский медведь» в видеоигре: символическое наследие холодной войны и образ актуальной угрозы. . . . .	64
<i>Белоконев С.Ю.</i> Теоретико-методологические аспекты изучения электорального потенциала публичных политиков и их позиционирование в социальных медиа . . . . .	65
<i>Белый В.А.</i> Цифровая трансформация системы коммуникаций власти и общества и электоральных процессов на примере использования электронных государственных сервисов в Санкт-Петербурге . . . . .	66
<i>Беляева Н.М.</i> Ценности и взгляды молодых европейцев на приоритеты развития Европейского союза: вызовы пандемии коронавируса . . . . .	67
<i>Беляков А.А.</i> Лояльность в социальных сетях в контексте трансформации протестных повесток . . . . .	68
<i>Березкина Е.Ю.</i> Два типа итальянского популизма . . . . .	69
<i>Березкина О.С.</i> Советская модель: ретроспективный взгляд. . . . .	70
<i>Беспалов С.В.</i> Мобилизационное развитие в современных условиях: возможности и риски . . . . .	71
<i>Бизина М.Ю.</i> Современный молодежный радикализм в борьбе за «право на город» . . . . .	72
<i>Бикбулатов Э.А.</i> Образ России в массовом сознании граждан США: анализ политических трендов. . . . .	73
<i>Бирюков С.В.</i> Проект «20 агломераций» в контексте перспектив развития провинциальной России . . . . .	74
<i>Бицадзе Н.</i> Гендерный аспект в эпоху диджитализации . . . . .	75
<i>Близнецкая Е.А., Василенко Е.П.</i> Понимание экономических и экологических последствий пандемии COVID-19 через призму глобальной коммуникации ООН. . . . .	76
<i>Блинов В.В.</i> Два способа мотивации бюрократии к развитию в идеократических режимах . . . . .	77
<i>Богачева А.В.</i> Политический акционизм в России в условиях пандемии . . . . .	78
<i>Бодров А.К.</i> Концепция баланса отношений «центр–регион»: теоретико-методологические подходы . . . . .	79
<i>Бойко С.И.</i> Белорусский вектор: амбивалентность внешней политики России . . . . .	80
<i>Болгов Р.В.</i> Антикоррупционные эффекты открытого бюджета (на примере стран ЕАЭС) . . . . .	82
<i>Болотина И.И.</i> Проблема соотношения государственно-гражданской, региональной и этнической идентичностей членов российского общества . . . . .	83
<i>Большаков А.Г.</i> Политические кризисы в постсоветской России: динамика, трансформации, перспективы . . . . .	84
<i>Большаков С.Н.</i> Вопросы конфиденциальности в условиях цифровизации государственного управления. . . . .	85
<i>Борисов А.В.</i> Содействие международному развитию: проблемы концептуализации . . . . .	86
<i>Борисов Н.А.</i> Постсоветские исследования в российской политической науке: основные достижения . . . . .	87
<i>Борисова Н.В.</i> Языковой вопрос в регионалистской повестке в контексте многоуровневого взаимодействия . . . . .	88
<i>Бородич В.Ф.</i> Режим самовластия разрушительного типа — опыт Китая эпохи Мао Цзэдуна . . . . .	89
<i>Боташева А.К.</i> Ориентиры исследования военно-гражданских отношений . . . . .	90
<i>Брехов Г.С.</i> Современный анархопопулизм как движущая сила протестных движений . . . . .	91
<i>Бродовская Е.В.</i> «Новые левые» на старте электорального цикла 2021 года в Российской Федерации. . . . .	92

<i>Бубнов А.Ю.</i> Политическая религия и феномен «советских верующих» . . . . .	93
<i>Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А.</i> Кризис гражданской идентичности у молодого поколения россиян в условиях социокультурной трансформации . . . . .	94
<i>Букин О.А.</i> Религия и процессы цифровизации . . . . .	95
<i>Буковская Н.В.</i> Формирование концепции и системы омбудсмена в Российской Федерации: между государством и гражданским обществом . . . . .	96
<i>Булуктаев Ю.О.</i> Свобода и несвобода как элемент тезауруса политической науки в преломлении к религиозной ситуации в Республике Казахстан . . . . .	97
<i>Быков И.А.</i> Медиаграмотность как элемент системы политического PR . . . . .	98
<i>Вагин В.В.</i> Партиципаторные практики в экосистеме гражданского участия . . . . .	100
<i>Валитова А.Т.</i> Влияние «пузырей-фильтров» на поляризацию общественного мнения в социальных сетях . . . . .	101
<i>Валяровский Ф.И.</i> К вопросу о конституционных основах внешней политики Российской Федерации . . . . .	102
<i>Василькова В.А.</i> Замещение поствоенного миропорядка постковидным: перспективы для России . .	103
<i>Вафин А.М.</i> Неполитическая идеология в политической сфере: интеллектуалы, власть и искренность . . . . .	104
<i>Вербицкая Т.В.</i> Перспективы дипломатических отношений России и Украины в контексте ежегодного послания президента Российской Федерации 2021 года. . . . .	105
<i>Веретевская А.В.</i> Категория политического порядка как инструмент для исследования политической динамики модерна . . . . .	106
<i>Ветренко И.А.</i> Влияние цифровизации на выборы: два новых тренда . . . . .	107
<i>Викулина С.В., Гребенникова Е.И.</i> Кадровый состав «Единой России» по итогам праймериз в 2021 году по спискам в ЦФО: социально-демографические характеристики и каналы рекрутирования . . . . .	108
<i>Вилков А.А., Шестов Н.И., Казаков А.А.</i> Молодой гражданин о будущем России: левый компонент дискурсов массовых политических коммуникаций . . . . .	109
<i>Виноградова Н.С.</i> Виртуализация современной политики: политико-психологические аспекты . . .	110
<i>Волгин О.С., Кирсанова Е.С.</i> О пределах государственной власти. . . . .	111
<i>Волкова А.В.</i> Легитимация технopolитики: опыт Германии . . . . .	112
<i>Воржецов А.Г.</i> Правовое социальное государство в России: реальность и перспективы . . . . .	114
<i>Воробьев А.П., Константинова М.В.</i> Доверие к власти в молодежной среде. . . . .	115
<i>Воронина Е.Ю.</i> Влияние «мягкой силы» на международную безопасность в глобальном мире . . . . .	116
<i>Воскресенская Н.Г.</i> Отношение к цифровому будущему России и политическая активность молодежи. . . . .	117
<i>Выдрин О.В.</i> Практики взаимодействия третьего и четвертого уровней публичной власти (на примере конкурсных отборов в городских округах). . . . .	118
<i>Габриелян О.А., Гаспарян М.В., Кравченко И.В.</i> Интегральный показатель влияния политических интернет-мемов на пользователей Интернета. . . . .	120
<i>Гаврилов С.Д.</i> Современный молодежный протест в России: проблемы перехода от офлайн- к онлайн-пространству . . . . .	121
<i>Гаврилова В.А.</i> Обзорные конференции ДНЯО 1995 и 2000 годов и политика КНР в области нераспространения ядерного оружия . . . . .	122
<i>Гаврилова М.В.</i> Дискурсивные формы передачи государственной власти . . . . .	123
<i>Гайнутдинова Л.А.</i> «Национализация» проектов гражданского общества: от либерализма к консерватизму . . . . .	124
<i>Гаман-Голутвина О.В.</i> К вопросу об актуальных вызовах внешней политике РФ. . . . .	125
<i>Герашенко С.А.</i> Отношение к холокосту в России: политическая энграмма в условиях «ветра перемен» . . . . .	127
<i>Глухова А.В.</i> Политическая система современной России в условиях конституционных изменений (конфликтологическая экспертиза). . . . .	128
<i>Гнедаш А.А.</i> Государственная семейная политика как фактор устойчивого развития государства: сетевой анализ региональных практик в современной России. . . . .	129
<i>Головин Ю.А.</i> Гражданское общество и информационно-коммуникативные технологии . . . . .	131
<i>Головин М.С.</i> Идеология правого радикализма в современной Великобритании: дискурсивный аспект . . . . .	132
<i>Головлев Р.В.</i> Капитализм платформ как новый этап развития общества . . . . .	133

<i>Гоптарева И.Б.</i> Политические функции публичности. . . . .	134
<i>Горбачев М.В.</i> Модели цифровизации политического протеста в условиях становления новых медиакорпораций . . . . .	135
<i>Горлов К.Н.</i> Экосистемное взаимодействие власти, бизнеса и общества в России . . . . .	136
<i>Градосельская Г.В.</i> Воздействие на городскую среду посредством конструирования политических практик в социальных сетях . . . . .	137
<i>Грачев М.Н.</i> Конфликтогенный потенциал сетевого противостояния эхо-камер. . . . .	138
<i>Грачиков Е.Н.</i> США и КНР за будущую модель мироустройства. . . . .	139
<i>Грибанова Г.И.</i> Публичная политика в условиях глобализации: проблема взаимодействия международных институтов и национальных государств . . . . .	140
<i>Григоренко Д.Л.</i> Когнитивный политический конфликт . . . . .	141
<i>Гриценко Г.Д.</i> Этнополитическая ситуация в северокавказском макрорегионе: прогнозы развития . . . . .	142
<i>Гришин А.В.</i> Недемократические политические режимы и их трансформации . . . . .	143
<i>Гришин Н.В., Линдерс А.М.</i> Пандемия COVID-19 как катализатор долгосрочных изменений института выборов . . . . .	144
<i>Гришин О.Е.</i> Обеспечение политической стабильности в современной России . . . . .	145
<i>Гусев К.А.</i> Новолиберальное понимание роли неформальных и институциональных взаимодействий в реформировании общества. . . . .	146
<i>Гутова Е.А., Кошевой А.С.</i> «Право на городскую среду» — фундамент основных гарантий общества в отдельно взятых публично-правовых образованиях . . . . .	147
<i>Гуторов В.А.</i> Неолиберализм в дискурсивном измерении: утопия или кризис идентичности? . . . . .	148
<i>Давидюк А.А., Осиповская Е.А.</i> Политизация медиареальности: анализ российских СМИ на примере освещения темы COVID-19 . . . . .	150
<i>Данилова Е.А.</i> Формирование национального бренда России с использованием компетенций ОПК в ответ на глобальные военные и информационные вызовы современности . . . . .	151
<i>Десярев А.А.</i> Проблема комплексного моделирования трансформационных процессов «макро-микромасштабной» поведения социально-политических акторов и «сферной инверсии» деятельности политико-экономических организаций в современной GR-аналитике. . . . .	152
<i>Демешко Н.Э.</i> Крымско-татарский вопрос в украинской политике . . . . .	153
<i>Денисов А.Е.</i> Использование стратегии «позиционного хода» А. Виммера в практике этнополитической мобилизации субэтнических групп (на примере кряшенского движения) . . . . .	154
<i>Дергачева В.Е.</i> Памятники и монументы как средство мемориализации событий Афганской войны в России . . . . .	155
<i>Дергунова Н.В.</i> Обществознание в системе факторов формирования политической идентичности старшеклассников. . . . .	156
<i>Дерендяева А.Д.</i> Ключевые идентификаторы национальной символики: сравнительный анализ гимна Казахской ССР (1945 г.) и гимнов Республики Казахстан (1992 и 2006 гг.). . . . .	157
<i>Дибас О.А.</i> Посредничество в урегулировании современных международных отношений: роль Марти Ахтиссаари в решении конфликта в Аче . . . . .	158
<i>Довгань А.А.</i> Цифровые платформы как инструмент коммуникации между партией и ее членами и сторонниками (на примере приложения «Вверх»). . . . .	159
<i>Долгов А.Ю.</i> Не только партийная конкуренция: что показывает сетевой анализ парламентских коалиций. . . . .	160
<i>Донцев С.П.</i> Институциональный аспект сравнительного анализа государственно-конфессиональных отношений на постсоветском пространстве . . . . .	161
<i>Дринова Е.М.</i> Глобальная цифровизация политики: ценности демократии и практики молодежного протеста в России . . . . .	163
<i>Дубровин В.Ю., Соловарова Ю.Н.</i> Ключевые аспекты и эвристический потенциал концепции «этническая демократия» Сэмми Смухи. . . . .	164
<i>Дука А.В.</i> Дуализм элит в дуальных региональных политиках . . . . .	165
<i>Дунамян Н.А.</i> Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве (обзор результатов глубинных интервью с армянскими экспертами) . . . . .	166
<i>Евгеньева Т.В.</i> Особенности взаимодействия этических представлений и социально-политической идентификации представителей российской молодежи . . . . .	167
<i>Евдокимов Н.А.</i> Факторы протестного движения в России накануне думской кампании 2021 года . . . . .	168

<i>Егунов А.В.</i> Особенности развития системы оказания государственных и муниципальных услуг в электронной форме в Краснодарском крае . . . . .	169
<i>Елагин Д.П.</i> Эффекты Арабской весны: государственное управление и демократизация . . . . .	170
<i>Елисеев С.М.</i> Цифровизация политики и проблемы политической социализации поколения Z . . . . .	171
<i>Емельянова Т.П.</i> Коллективные чувства как предмет диагностики психологического состояния общества . . . . .	172
<i>Епархина О.В.</i> Перспективы формирования стандартов качества политических опросов в условиях цифровизации . . . . .	173
<i>Жаде З.А.</i> Доверие к власти как индикатор степени интегрированности солидарного общества . . . . .	175
<i>Завершинский К.Ф.</i> Политическая память поколений: пространственные и темпоральные измерения . . . . .	177
<i>Зазнаев О.И.</i> Влияние формы правления на этнические аспекты общества . . . . .	178
<i>Заславский С.Е.</i> Партийная система России: алгоритм конкурентного отбора . . . . .	179
<i>Зайцев С.Ю.</i> Деятельность цифровых корпораций как политическая проблема . . . . .	180
<i>Зайцева А.А.</i> Оценка эффективности мер по реализации программы «Кадры для цифровой экономики» в сфере высшего образования на фоне COVID-19 . . . . .	181
<i>Закиров А.Р.</i> Институционализация лоббизма в условиях развивающейся экономики: опыт стран Латинской Америки . . . . .	182
<i>Заляев Р.И.</i> К вопросу о законодательных требованиях к численности членов и к численности региональных отделений политических партий Федерального закона РФ «О политических партиях» . . . . .	183
<i>Зарипов Н.А.</i> Возможности изучения политических аспектов парламентских процедур . . . . .	184
<i>Зарипова А.Р.</i> Социально-экономическая повестка как фактор успеха этнорегиональных партий в Европе . . . . .	185
<i>Засорин С.А.</i> Политика памяти: современные глобальные тенденции и российский политологический дискурс . . . . .	186
<i>Захарова А.Е.</i> Конституционные и уставные суды в субъектах РФ: практика становления и модели развития . . . . .	187
<i>Захарова Е.А.</i> Электоральные процессы в Фюльке Норвегии через призму пространственного анализа . . . . .	188
<i>Зверев А.Л.</i> Специфика современного медийного образа России за рубежом . . . . .	189
<i>Зверева А.Д.</i> Практики коммуникации политических партий с электоратом-2021 . . . . .	190
<i>Зеленко Б.И.</i> О взаимовлиянии сетевизации и политических отношений . . . . .	191
<i>Зеленкова К.С.</i> Система оценки эффективности государственного управления в Республике Беларусь: национальный опыт . . . . .	192
<i>Зиневич О.В.</i> Дискурс «человеческого сообщества с единой судьбой» как инструмент «мягкой силы» Китая . . . . .	194
<i>Зиненко В.Е.</i> Интерес к политике как условие проявления политической активности молодежи . . . . .	195
<i>Зинина А.И.</i> Влияние современных миграционных процессов на электоральную динамику в регионах России . . . . .	196
<i>Зиновьев А.О.</i> Политическая философия и социология в изучении государств и революций: переосмысление теоретического синтеза Хабермаса и публичная сфера . . . . .	197
<i>Знаменский Д.Ю.</i> Государственная политика в сфере науки и технологий: изменения и вызовы в контексте пандемии COVID-19 . . . . .	198
<i>Золотарев Ф.Е.</i> Конструирование сетей городов-партнеров и городов-побратимов (на примере Екатеринбурга) . . . . .	199
<i>Зорин В.А.</i> Влияние муниципальной реформы 2014 года на личностные характеристики депутатского корпуса (на примере Челябинска, Самары и Махачкалы) . . . . .	200
<i>Зорин В.Ю.</i> Траектории формирования образа иммигранта в сознании российских граждан . . . . .	201
<i>Зубов В.В.</i> К вопросу о социально-политическом феномене Ватикана и Израиля как разновидностей религиозных государств . . . . .	202
<i>Зуляр Ю.А.</i> Губернаторско-мэрская арифметика: десятилетний политический калейдоскоп в Приангарье . . . . .	203
<i>Зюзина Е.Б.</i> Эволюция политической системы РФ в свете конституционных поправок 2020 года . . . . .	204
<i>Иванов П.В.</i> Необходимость гомогенизации неоднородного социума в рамках стабилизации политической системы на примере ЮАР . . . . .	205

<i>Игнатьева И.Ф.</i> Геополитика туризма: туристская мобильность и политические стратегии государств . . . . .	206
<i>Игнатьева О.А.</i> Цифровые региональные платформы и их влияние на процессы коммуникации . . . . .	207
<i>Игонин Д.И.</i> Основные этапы и факторы формирования государственной миграционной политики в России. . . . .	208
<i>Ильин А.Ю.</i> Политическое образование в Карелии . . . . .	209
<i>Ильинова Н.А.</i> Доверие к власти и солидарность общества в условиях пандемии коронавируса . . . . .	210
<i>Ильичева Л.Е.</i> «Общественный договор» во взаимодействии государства, бизнеса и общества как основа социально-экономической и политической деполаризации регионов. . . . .	211
<i>Ильичева М.В.</i> Цифровое взаимодействие гражданского общества и публичных властей в образе будущего России . . . . .	212
<i>Инишаков И.А.</i> Постмодерн как (не) время для утопии. . . . .	213
<i>Ирхин А.А.</i> «Мир больше пяти». Современная Турция в процессах формирования новой системы международных отношений . . . . .	214
<i>Исаев Б.А.</i> Изменение геополитического порядка и уравнивание безопасности . . . . .	216
<i>Исаева Е.А.</i> Формализованные молодежные площадки в регионах России как механизм активизации гражданского участия . . . . .	217
<i>Искакова Ж.А.</i> Рождаемость в Казахстане: есть ли основания для беспокойства? . . . . .	218
<i>Кавешников Н.Ю.</i> Процедуры принятия решений (законодательных актов) в Европейском союзе: количественный анализ. . . . .	220
<i>Казак О.Г.</i> Основные проблемы в системе местного самоуправления Республики Беларусь. . . . .	221
<i>Казанцев Д.А.</i> Каналы информации и коммуникации молодежи Сибирского и Дальневосточного федеральных округов как фактор формирования политического сознания . . . . .	222
<i>Казаринова Д.Б.</i> «Политика идентичности» и «культурные войны» в российской и западной политической науке: проблема понятий? . . . . .	223
<i>Калашникова Н.П.</i> Концепция «слышащего государства» К.К. Токаева: от идеи к реальному воплощению . . . . .	224
<i>Карадже Т.В.</i> Проблемы и перспективы развития нейрополитики . . . . .	225
<i>Кардава Н.В.</i> Кибератаки в ЕС и США на фоне пандемии COVID-19. . . . .	226
<i>Каринцев О.И.</i> Партийная система Европейского союза: состояние и перспективы . . . . .	227
<i>Карюков А.М.</i> Подходы к оценке эффективности функционирования представительного органа местного самоуправления в городских округах . . . . .	228
<i>Карякин В.В.</i> Геополитическая регионалистика: концепция политической трансформации региональных пространств в современную эпоху . . . . .	229
<i>Качусов Д.А.</i> Типы городских сообществ в социальных сетях в регионах Юго-Западной Сибири . . . . .	231
<i>Кашин Е.А.</i> Анализ строительства «Северного потока-2» через призму неоклассического реализма. . . . .	232
<i>Керимов А.А.</i> Цветные революции и как с ними бороться . . . . .	233
<i>Киреева И.В.</i> Солидарное общество и власть: социально-коммуникативные технологии укрепления доверия . . . . .	234
<i>Киреева О.С., Качусов Д.А.</i> Проблема референтности агентов социализации учащейся молодежи в регионах СФО и ДФО . . . . .	235
<i>Киященко Л.П., Голофаст А.В.</i> Этнос политической архетипики . . . . .	236
<i>Клещенко Л.Л.</i> Образ сапатистов в российских политических СМИ. . . . .	237
<i>Климентьева А.С.</i> Общее и особенное в развитии института уполномоченного по правам человека в Томской области. . . . .	238
<i>Климова Г.С.</i> Искусство в дискурсивном пространстве европейской политики . . . . .	239
<i>Ковалев В.А.</i> «Сцилла» и «Харибда» для региональной политики . . . . .	240
<i>Коваленко В.И.</i> О необходимости инвентаризации категориального аппарата отечественной политической науки . . . . .	241
<i>Коврикова О.И.</i> Институциональный дизайн региональных политических систем: адаптивность и перспективы развития . . . . .	242
<i>Козинцев А.С.</i> Развитие концепта исламской партии в процессе формирования современного арабского государства. . . . .	243
<i>Козлова Н.Н., Монахова Ю.А.</i> Молодые женщины-депутаты региональных legislatures РФ: социально-политический портрет . . . . .	244
<i>Кольба А.И.</i> Политические методы снижения деструктивного потенциала участия городских сообществ в конфликтах: российские практики . . . . .	245



<i>Колянов А.Ю.</i> Семиотические особенности представления искусственного интеллекта в общественно-политическом дискурсе . . . . .	246
<i>Комарова К.А.</i> Гендерное равенство в Республике Корея: вызовы и перспективы . . . . .	247
<i>Комаровский В.С.</i> Образ желаемого будущего страны в представлениях российской молодежи: трансформация под влиянием перемен . . . . .	248
<i>Комбаев А.В., Борисова А.С.</i> Политические настроения молодежи г. Улан-Удэ в 2021 году . . . . .	249
<i>Комлева Н.А.</i> Геополитические последствия пандемии COVID-19 . . . . .	250
<i>Кондратенко К.С.</i> Аспекты кибернетической онтологии рекурсивно-сенсорного управления . . . . .	251
<i>Константинов М.С.</i> Когнитивные матрицы политических идеологий (по результатам исследований 2014–2021 гг.) . . . . .	252
<i>Коньков А.Е.</i> Публичная дипломатия как инструмент доказательной политики. . . . .	253
<i>Копылова П.С.</i> Научные мероприятия как инструмент привлечения молодых исследователей в политологические сообщества . . . . .	254
<i>Коргунок Ю.Г.</i> Вопросы советского прошлого в думской избирательной кампании 2021 г. . . . .	255
<i>Короткова А.В.</i> Школьный экоактивизм как стимул климатической политики. . . . .	256
<i>Корюшкин А.И.</i> Роль и значение дискурсивного сетевого анализа в исследовании и разработке публичной политики. . . . .	257
<i>Косов Г.В., Лукасов А.В.</i> Большое Средиземноморье в контексте деградации системы международных отношений . . . . .	258
<i>Костянян Р.В.</i> Формы массового политического поведения. . . . .	259
<i>Косыгина К.Е.</i> Взаимодействие власти и некоммерческого сектора в регионах: проблемы и решения . . . . .	260
<i>Кочетков А.П.</i> Цифровизация в контексте национальной безопасности России. . . . .	261
<i>Красноперов А.Ю.</i> Право на город и политическая интернет-дискуссия . . . . .	262
<i>Кривов С.В.</i> Проблемы международной миграции в контексте исследований международных отношений: к постановке проблемы . . . . .	263
<i>Кротков В.О.</i> Роль неформальных политических институтов в современной России . . . . .	264
<i>Кругляков Д.А.</i> Взаимодействие государственных и гражданских структур в цифровую эпоху: проблема открытости и поиск новых точек соприкосновения . . . . .	265
<i>Крупная Д.А.</i> Институты и технологии электронного политического участия в РФ: на примере петиций . . . . .	266
<i>Крутов А.В.</i> Стабилизация взаимодействия гражданского общества и государства и флаги (маркеры) политических катастроф . . . . .	268
<i>Крымчанинова М.В.</i> Тенденции развития политического представительства женщин в России и в мире . . . . .	269
<i>Кудряшова И.В.</i> Исламские партии на арабском Востоке в фокусе теории социальных размежеваний Липсета-Роккана . . . . .	270
<i>Кузина С.И., Пастухов Т.Ю.</i> Национальная идея как общественный договор . . . . .	271
<i>Кузнецов В.А.</i> Основные принципы позиционирования Русской православной церкви в мировом политическом пространстве . . . . .	272
<i>Кузнецов Д.А.</i> Трансрегионализм в эпоху пандемии: сломится ли тренд? . . . . .	273
<i>Кузнецова Е.В.</i> Развитие побратимских связей Донецка в современных условиях . . . . .	274
<i>Кузьмин А.Е.</i> Медиадверие как категория изучения политических коммуникаций . . . . .	275
<i>Кузьмин П.В., Халанская Л.Г.</i> Особенности политической деятельности в современном Крыму. . . . .	276
<i>Кузьмина А.М.</i> Вовлеченность участников сетевой политической коммуникации как фактор ее устойчивости . . . . .	277
<i>Куква Е.С.</i> Индекс готовности к сотрудничеству в условиях пандемии (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края). . . . .	278
<i>Кулакова Т.А., Волкова А.В.</i> Цифровой вигилантизм: к концептуализации понятия . . . . .	279
<i>Курочкин А.В.</i> Ключевые риски институционализации публичной власти в РФ в условиях растущих внешнеполитических и внутренних вызовов . . . . .	280
<i>Курюкин А.Н.</i> Права человека в пандемию COVID-19 и после. . . . .	281
<i>Кутьрев Г.И.</i> Проблема пандемии COVID-19 в Королевстве Испания . . . . .	282
<i>Кучинов А.М.</i> Критерии политики современного типа: необходимость понятийного уточнения . . . . .	283
<i>Лаврикова А.А.</i> Цифровое гражданство в современном российском обществе: разработка модели исследования рисков . . . . .	285

<i>Лаврушина Н.В.</i> Об опыте сотрудничества Петрозаводска и его германских побратимов Нойбранденбурга и Тюбингена . . . . .	286
<i>Ланко Д.А.</i> Факторы возникновения солидарности внутри групп государств в современном мире: попытка сравнительного анализа их влияния с использованием игровых моделей . . . . .	287
<i>Лапин А.В.</i> Механизмы и технологии региональной социально-экономической и политической деполаризации . . . . .	288
<i>Лапина Н.Ю.</i> Франция — единая и неделимая? О настоящем и будущем расколотого общества . . .	289
<i>Лапкин В.В.</i> Россия в период критического перехода середины 2020-х годов: к методологии анализа и прогноза . . . . .	290
<i>Лапкин В.В.</i> Разделенные общества: разделение как вызов и ресурс политической консолидации . . .	291
<i>Лебедева М.М.</i> Влияние пандемии COVID-19 на политическую организацию мира и мегатренды политического развития . . . . .	292
<i>Леденева В.Ю.</i> «Политика исторической памяти» в контексте современных миграционных вызовов для России . . . . .	293
<i>Леонова О.В.</i> Особенности провалов государства в социально-экономической политике постсоветской России: холлистский императив интерпретаций . . . . .	294
<i>Лешкевич Т.Г.</i> Гибридный мир и амбивалентность трансфера ценностей . . . . .	295
<i>Линде А.Н.</i> Экзистенциально-персоналистский подход в политической философии (в сравнении с классической политической наукой) . . . . .	296
<i>Лосада Рамирес Альдо.</i> Общественно-политическая дискуссия об окружающей среде: обязательства и перспективы в контексте глобальной проблемы . . . . .	297
<i>Лошкарев И.Л.</i> Диаспоральная политика государств: новые тенденции. . . . .	298
<i>Луптов И.Ф.</i> Общественная безопасность и политика открытости информации . . . . .	299
<i>Лысенко П.Н.</i> Образ власти Московской области в сознании жителей региона . . . . .	301
<i>Лю Цзинюань.</i> Исторический опыт Коммунистической партии Китая в строительстве социалистической страны. . . . .	302
<i>Любин В.П.</i> Выборы в Германии сентября 2021 года и перемены в политике ФРГ и ЕС в отношении России . . . . .	303
<i>Люблинский В.В.</i> Социальное государство в меняющейся реальности: проблемы и перспективы. . .	304
<i>Ляховенко О.И.</i> Телеграм-каналы в системе политической экспертизы современной России: функции, особенности предмета и методологии анализа . . . . .	305
<i>Макаренко В.П.</i> Проблема религиозных предпосылок государственного интереса . . . . .	307
<i>Макаренко К.М.</i> Онлайн-митинг в современной России как инструмент сокращения индивидуальной «стоимости» протестного участия . . . . .	308
<i>Максимова Е.Н.</i> Функциональные особенности политических систем Большого Средиземноморья . . . . .	309
<i>Максимова В.Н., Шестакова Л.И.</i> Геоинформационный анализ деструктивной социальной активности молодежи по вербальным маркерам в материалах социальных сетей . . . . .	310
<i>Макушина Л.В.</i> Новая нормальность: от представительной демократии к партисипативной . . . . .	311
<i>Малинова О.Ю.</i> Репертуар актуального исторического прошлого в региональных политиках памяти: общее и особенное. . . . .	312
<i>Мальшева О.П.</i> Особенности формирования нарративов в цифровой социально-политической повестке . . . . .	314
<i>Мальшева Н.С.</i> К вопросу о региональной идентичности НАТО . . . . .	315
<i>Мальцева Д.А., Дедуль А.Г., Матвеев Е.А.</i> Трансформация национальных образовательных систем в условиях цифровизации экономики и распространения пандемии COVID-19 . . . . .	316
<i>Мальцева Д.А., Петрунина М.А.</i> Молодежная политика в системе управления человеческим капиталом: российская практика . . . . .	317
<i>Мамычев А.Ю.</i> Цифровизация общественно-политических отношений и публично-властной коммуникации: основные направления и характеристики . . . . .	318
<i>Марков Е.А.</i> Особенности ведения современных гибридных войн . . . . .	319
<i>Мармилова Е.П.</i> Оценка мнений избирателей о возможности введения обязательного голосования на выборах в Российской Федерации . . . . .	320
<i>Мартьянов В.С.</i> Влияние пандемии COVID-19 на трансформацию политических иерархий общества труда . . . . .	321
<i>Мартьянов Д.С.</i> Сетевая охлократия как фактор цифрового вигилантизма: от сообществ к толпам? . . . . .	322

<i>Маслова К.В.</i> Культура в мировой политике: выходя за рамки «мягкой силы» . . . . .	323
<i>Матафонова Ю.А.</i> Целесообразность применения категории «устойчивость» к анализу субъекта Федерации в контексте теории и практики федерализма . . . . .	324
<i>Матюсова А.И.</i> Политико-психологический анализ личностных особенностей представителей губернаторского корпуса современной России . . . . .	325
<i>Матюхова Е.И.</i> Трансформация понимания феномена интеграции в Федеративной Республике Германия . . . . .	326
<i>Мелконян Л.А.</i> Опыт Японии в борьбе с COVID-19: особенности и основные направления . . . . .	327
<i>Мельникова Ю.Ю.</i> Восприятие Европейским союзом увеличения значимости Китая в мировой политике: пример Инициативы пояса и пути . . . . .	328
<i>Мещеряков Д.Ю.</i> Характеристика электората партии «Альтернатива для Германии» . . . . .	329
<i>Мизулин М.Ю.</i> Политика и право: необходимость доктринальной перезагрузки . . . . .	330
<i>Милованова М.Ю.</i> Женское участие в публичной политике: дихотомия социального и политического . . . . .	331
<i>Мирзаджанов Т.Э.</i> Конфликт и радикальная догматизация против плюрализма идентичностей и ценностей. Польский пример правления авторитарного популизма . . . . .	333
<i>Мирошниченко И.В.</i> Проектирование молодежной политики в регионе: от ожиданий молодежи к эффективным институциональным практикам . . . . .	334
<i>Мирясова О.А.</i> Проблема концепта «гражданская ответственность» в политических исследованиях . . . . .	335
<i>Митрахович С.П.</i> Интересы ТЭК и двойственность российско-американских отношений . . . . .	336
<i>Митрофанова А.В.</i> Становление геополитики в современной России . . . . .	337
<i>Митрохина Т.Н.</i> Политическая повестка дня в регионе: некоторые особенности и индикативные характеристики . . . . .	338
<i>Михайленок О.М.</i> Проблемы и перспективы сетевого подхода в исследовании социально-политических отношений . . . . .	339
<i>Михайлов А.В., Михайлова Т.В.</i> Местная историческая память в устном дискурсе и текстах СМИ vs образ будущего на материале из экспедиций по северу Красноярского края . . . . .	340
<i>Михайлов И.В.</i> Внешнеполитическая доктрина США в эпоху постгегемонии . . . . .	341
<i>Морозова Е.В.</i> Формирование механизмов преодоления социальных размежеваний на локальном уровне . . . . .	342
<i>Морозова О.С.</i> Влияние пандемии на внедрение в практику выборов особых способов организации голосования . . . . .	343
<i>Москаленко О.А.</i> Метафоризация позиции России в Черноморском регионе в англоязычном медиадискурсе . . . . .	344
<i>Мусина Р.И.</i> Миграционная политика Вишеградской группы: особенности и общие тренды . . . . .	345
<i>Мчедлова М.М.</i> Пандемия и переопределение легитимности религиозных институтов . . . . .	346
<i>Мясоедова Т.И.</i> Стратегия ОПК в социальных медиа . . . . .	347
<i>Назаренко А.В.</i> Новая роль политики и смена социальной аксиоматики в пользу сети . . . . .	349
<i>Настявин И.М.</i> К вопросу о дефиниции и сущности политики . . . . .	350
<i>Неверов К.А.</i> Рекурсивность как свойство интероперабельности цифровых платформ государственного управления . . . . .	351
<i>Невзоров М.В.</i> Анализ формальной модели миротворческой операции во внутригосударственном конфликте . . . . .	352
<i>Негров Е.О.</i> Эффективность механизмов взаимодействия и организации дискурсивных практик внутри виртуальных политических сообществ: основные тактики, стратегии и контрстратегии в условиях цифровизации социально-политического пространства . . . . .	353
<i>Недяк И.Л.</i> Власть в форме господства в современных демократиях: детериорация институтов, социальных и гражданских норм . . . . .	354
<i>Нежданов В.Л.</i> «Сообщество единой судьбы» как одна из ключевых концепций «Идей Си Цзиньпина о дипломатии» . . . . .	355
<i>Нелина Л.П.</i> Институт национальной памяти как инструмент формирования «политической» памяти в Словакии . . . . .	356
<i>Нестик Т.А.</i> Психологическое состояние общества и политическое поведение: перспективные направления исследований . . . . .	357
<i>Нечаев Д.Н.</i> Индустриальные парки как фактор институциональных изменений в государственной промышленной политике субъектов РФ (на примере областей ЦФО) . . . . .	358

<i>Никовская Л.И., Якимец В.Н.</i> Муниципальная публичная политика как фактор устойчивого развития территорий . . . . .	359
<i>Николаева М.В.</i> Сетевые публичные площадки как драйверы делиберативной демократии в современной России . . . . .	360
<i>Николенко А.А.</i> Русская локальная цивилизация: элементы ядра и мифологические основы . . . . .	361
<i>Никоненко С.А.</i> Перспективы партий по итогам электоральной кампании 2021 года . . . . .	362
<i>Носиков А.А.</i> Сетевизация политики: «Угасание государственного порядка» или драйвер для модернизации политических институтов? . . . . .	363
<i>Нугманова К.Ж.</i> Политический диалог основных центров силы (США, ЕС, РФ, КНР, Турции) на внешнеполитическом треке изменившейся мировой парадигмы . . . . .	365
<i>Овчарова О.Г., Рассадин С.В.</i> Гендерное измерение политического потенциала молодых депутатов региональных legislatures: к вопросу об актуальности изучения . . . . .	366
<i>Оганесян А.Л.</i> Историческая память на постсоветском пространстве на примере майских праздников в Армении . . . . .	367
<i>Окара А.Н.</i> Общее благо как категория политической философии в современном прочтении . . . . .	368
<i>Онопко О.В.</i> Черноморское направление украинской внешнеполитической экспертизы: основные аналитические центры и акценты в исследованиях . . . . .	369
<i>Орлов П.Н.</i> Побратимство городов в эпоху цифровизации . . . . .	370
<i>Осинина Д.Д., Шатилов А.Б.</i> Активизация внешних игроков в Центральной Азии: Китай, Турция и США в борьбе с Россией за регион . . . . .	371
<i>Отроков О.Ю.</i> Государственная молодежная политика России в отношении работающей молодежи . . . . .	372
<i>Павлова Т.В.</i> Вектор институциональных изменений в представлениях российских граждан: эмпирический анализ . . . . .	374
<i>Павлютенкова М.Ю.</i> Цифровые технологии как фактор глобальной связанности общества . . . . .	375
<i>Палагичева А.В.</i> Реагирование участников протеста на применение мер демобилизации в современной России . . . . .	376
<i>Палачева Ю.А.</i> Анализ аккаунтов в социальных сетях кандидатов, зарегистрированных по избирательным округам Ярославской области, на выборах в Государственную Думу . . . . .	377
<i>Палитай И.С.</i> Научное лидерство в персональном измерении: политико-психологическая интерпретация . . . . .	378
<i>Панкевич Н.В.</i> Пространственные лимиты суверенитета и проблема политической эффективности внегосударственных регуляторов . . . . .	379
<i>Панфилов Г.О., Чугунов А.В.</i> Инициативное бюджетирование как составляющая электронного участия: мониторинг российских региональных ресурсов . . . . .	380
<i>Парма Р.В.</i> Протестная мобилизация граждан в социальных онлайн-сетях . . . . .	382
<i>Патрушев С.В.</i> В поисках российской политики: от теоретизирования к мониторингу институциональных практик (предварительные итоги) . . . . .	383
<i>Пашковский Е.А.</i> Поляризация польской партийной системы по отношению к Европейскому союзу на современном этапе (после парламентских выборов 2019 года) . . . . .	384
<i>Пейчева А.А.</i> Россия как лидер современной дипломатии и нового мирового порядка . . . . .	385
<i>Пеньков В.Ф.</i> Социокультурные и аксиологические факторы политических трансформаций в России . . . . .	386
<i>Петросян Ф.А.</i> Влияние пандемии COVID-19 на стратегический курс Евроарктического региона . . . . .	387
<i>Петросянец Д.В.</i> Цифровизация оценки университетов: между Сциллой и Харибдой . . . . .	388
<i>Пинюгина Е.В.</i> Этика, политическая идентичность и общественное мнение в социальных сетях . . . . .	389
<i>Пищева Т.Н.</i> Эмоциональное состояние общества в современной России . . . . .	390
<i>Плотников Д.И.</i> Трансформация политической системы в кризисных условиях . . . . .	392
<i>Подшибякина Т.А.</i> Диффузионная концепция когнитивной свободы: политический аспект . . . . .	393
<i>Поливаева Н.П.</i> Устойчивые тенденции развития массовых настроений россиян: «стагнация» или «демократический сдвиг»? . . . . .	394
<i>Полякова Н.В.</i> Ватикан о миграционных вызовах в условиях меняющегося мира: развитие vs неравенство . . . . .	395
<i>Помигуев И.А.</i> Особенности применения сетевого подхода в законодательных исследованиях . . . . .	396
<i>Понеделков А.В.</i> Роль политической элиты в обеспечении национальной безопасности России . . . . .	397
<i>Попадьева Т.И.</i> Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии . . . . .	398

<i>Попков Ю.В.</i> От этнополитики — к национальной политике: что стоит за содержательной трансформацией доктрины? . . . . .	399
<i>Попова С.Ю.</i> Ответственность как этическая категория в сознании молодежи . . . . .	400
<i>Попова О.В.</i> Новые вызовы институционализации публичной власти в современной России . . . . .	401
<i>Попова О.В.</i> Региональная идентичность населения в контексте реализации политики управления доверием к политической власти в современной РФ . . . . .	402
<i>Поцелуев С.П.</i> Метафоры полярности в дискурсе международной политики: явные и скрытые смыслы. . . . .	403
<i>Прокопенко Л.Я.</i> Женщина как объект и субъект политического насилия (страны юга Африки) . . . . .	404
<i>Пророк В.</i> Политика в условиях идеологического плюрализма . . . . .	405
<i>Прохоренко И.Л.</i> Институт монархии в современной Европе: потенциал «соединения» разъединенных обществ . . . . .	406
<i>Пуликовский С.К.</i> Политика формирования патриотизма в современной России: основные подходы к определению исследовательской модели . . . . .	407
<i>Пустовойт Ю.А.</i> Город офлайн и онлайн: «новая этика» сообществ и политика элит в сибирских городах . . . . .	408
<i>Пустошинская О.С.</i> Побратимство городов России и Франции как форма межрегионального международного сотрудничества: адаптация под влиянием внешних пертурбаций . . . . .	410
<i>Пушкарева Г.В.</i> Когнитивные ловушки политической коммуникации. . . . .	411
<i>Пишизова С.Н.</i> «Политический менеджмент» как власть-знание . . . . .	412
<i>Радиков И.В.</i> Возрастание уровня военной опасности как константная тенденция и ее влияние на политику современной России . . . . .	414
<i>Расторгуев С.В.</i> Какие институты имеют значение? Политические режимы и экономический рост . . . . .	415
<i>Расходчиков А.Н.</i> От формирования комфортной городской среды к управлению человекоориентированным развитием городов. . . . .	416
<i>Расчехмарова О.Д.</i> Внешнеполитическая идентичность современной Великобритании . . . . .	417
<i>Римский В.Л.</i> Возможности справедливости в общественно значимых ситуациях по оценкам граждан России . . . . .	418
<i>Рогач Н.Н.</i> Психологическое состояние общества в период пандемии коронавируса как фактор восприятия мэра Москвы С.С. Собянина . . . . .	419
<i>Рогожина К.А.</i> Возможности научной дипломатии . . . . .	420
<i>Рожнева С.С.</i> Образ Российского государства в социальной концепции Русской православной церкви . . . . .	421
<i>Романовский А.А.</i> Процесс оптимизации институтов управления внутренней политикой в регионе (на примере Воронежской области). . . . .	422
<i>Рудась А.В.</i> Политические риски российско-польских отношений в контексте украинского кризиса. . . . .	423
<i>Руденкин Д.В.</i> Политизация запроса российской молодежи к видеоблогам: социологический анализ . . . . .	424
<i>Рулев М.С.</i> Молодежная повестка дня на выборах в Государственную Думу 2021 года . . . . .	426
<i>Русаков А.П.</i> Национал-демократы в российской публичной политике: повестка дня (на примере «Спутника и Погрома»). . . . .	427
<i>Русакова О.Ф.</i> Официальный российский дискурс о Второй мировой войне: проблема цены Победы . . . . .	428
<i>Рустамова Л.Р.</i> Социально-гуманитарная повестка для России и реформирование ее «мягкой силы» . . . . .	429
<i>Рябова Т.Б., Рябов О.В.</i> Мужик и медведь: о взаимовлиянии гендерного и национального дискурсов в символической политике современной России . . . . .	430
<i>Рябцева Е.Е.</i> Большое Средиземноморье в глобальной политике США. . . . .	431
<i>Рябченко Н.А.</i> Опыт моделирования цифровой социально-политической повестки в online-пространстве . . . . .	432
<i>Савенков Р.В.</i> Образ будущего в предвыборных программах политических партий на федеральных выборах 2021 года . . . . .	433
<i>Савина Е.В.</i> Интернет-сайты как канал политической коммуникации партий с гражданами в современной России. . . . .	434

<i>Савойский А.Г.</i> Политические циклы России и США на фоне экономической дипломатии до и после Женева-2021. . . . .	435
<i>Саенко И.В.</i> Перспективы цифровой трансформации системы госуправления в современной России . . . . .	436
<i>Сазантович А.Б.</i> Визуальные ассоциации студенческой молодежи, посетившей Европу. . . . .	437
<i>Сакаев В.Т.</i> Социальная и пространственная идентичность мигрантов в условиях политических трансформаций и глобальных вызовов . . . . .	438
<i>Салаватова А.В.</i> Конструирование образа постъюгославского пространства с позиции критики балканизма . . . . .	439
<i>Самарин Я.В.</i> Праймериз 2020 и перспективы Демократической партии США . . . . .	440
<i>Самаркина И.В.</i> Субъективное пространство молодежной политики: возможности политико-психологического концепта в исследованиях проблем и противоречий работы с молодежью. . . . .	441
<i>Самсонова Т.Н.</i> Интернет как среда политической социализации молодого поколения россиян: новые возможности и проблемы . . . . .	442
<i>Сарайкина Я.И.</i> Секьюритизация миграции во Франции и России: сравнительный анализ . . . . .	443
<i>Саркисян О.Л.</i> Особенности трансформации гражданской идентичности в Армении в годы независимости. . . . .	444
<i>Сафина А.Р.</i> Институционализация неформальных практик как фактор стабилизации этнополитического конфликта: случай Республики Ирак . . . . .	445
<i>Сафонова О.Д., Корейс Л.Д.</i> Социальная значимость гражданских качеств личности молодежи в современной России . . . . .	446
<i>Сащенко Н.П.</i> Детерминанты ситуационной политической идентичности . . . . .	447
<i>Свиридов А.В.</i> Экономическая основа глобализации и ее проблемы. . . . .	448
<i>Сейидли Салех Агил оглы.</i> Роль вооруженных формирований этнических меньшинств в борьбе с ИГ в Ираке (2013–2017) . . . . .	449
<i>Селезнева А.В.</i> Особенности формирования гражданского самосознания российской молодежи в медиапространстве. . . . .	450
<i>Сельцер Д.Г.</i> Кадровая политика в СССР (1985–1991 гг.) как фактор распада государства . . . . .	451
<i>Семенов И.С.</i> Концепт разделенных обществ в современной политической науке . . . . .	452
<i>Сенюшкин Е.А.</i> Методологические пределы сетевого подхода в современных политологических исследованиях . . . . .	453
<i>Сенюшкина Т.А.</i> Память поколений и метаморфозы идентичности: взгляд из Крыма. . . . .	454
<i>Сергеев С.А.</i> Новые левые радикальные партии в Западной Европе: что определяет успех? . . . . .	455
<i>Серебряков К.Д.</i> Особенности госкорпоративного сектора в экономике Китая: в поиске акторной политической самостоятельности . . . . .	456
<i>Сересова У.И.</i> Пандемия COVID-19: переосмысление социального государства . . . . .	457
<i>Сигачёв М.И.</i> Лепенизм как квинтэссенция французского правого популизма: размежевания во Франции по вопросам европейской интеграции, национальной идентичности, отношения к элитам . . . . .	459
<i>Сиденко О.А.</i> Ограничения политики развития (российский кейс). . . . .	460
<i>Сидоров В.В.</i> Этнические партии: катализаторы этнических конфликтов или институты демократии? . . . . .	461
<i>Сизоненко А.Ю.</i> Цифровая повестка на муниципальном уровне: исследование официального дискурса мэров Грозного, Новосибирска, Рязани и Челябинска в социальных медиа . . . . .	462
<i>Силакова И.В.</i> Репрезентация темы научной дипломатии в социальных медиа (2011–2021 гг.) . . . . .	463
<i>Склянчук П.Д.</i> Феномен повседневности в городском пространстве . . . . .	464
<i>Слатинов В.Б.</i> Политико-административные эффекты трансформации систем управления региональными столицами областей Центрального Черноземья в условиях муниципальной реформы . . . . .	465
<i>Слобожникова В.С.</i> Модели государственно-конфессиональных отношений в современной России: между действительным и желаемым . . . . .	466
<i>Смаль С.В.</i> Социальная политика в программах парламентских политических партий России на выборах 2021 года: опыт контент-анализа. . . . .	467
<i>Смирнова С.М.</i> Реформа местного самоуправления в Челябинске: нововведения и результаты . . . . .	468
<i>Смольникова К.А.</i> Цифровое правительство в современной России: результаты внедрения. . . . .	469

<i>Сморгунов Л.В.</i> Принцип справедливости в рекурсивной системе процедур сотрудничества в цифровом публичном управлении . . . . .	471
<i>Сморгунов Л.В.</i> Публичная власть и совместное управление . . . . .	472
<i>Смулькина Н.В.</i> Методические сложности и перспективы изучения феноменов политического сознания рисуночными техниками . . . . .	473
<i>Сокол А., Кускова В., Зайцев Д., Хвацкий Г.</i> Оценка влияния общественных движений на изменение экологической политики с помощью методологии анализа социальных сетей. . . . .	474
<i>Соколов А.В., Беляков А.А.</i> Лояльность молодежи: возможности и пределы. . . . .	475
<i>Соколыцкий Л.М.</i> Глобальное климатическое регулирование в условиях соперничества великих держав: перспективы российско-американских отношений по вопросам экологии и климата . . . . .	476
<i>Соловьев А.И.</i> Квазиполитические системы в структуре власти современного государства . . . . .	477
<i>Соловьев Д.А.</i> «Главная упряжка» политического директората в России: опыт определения . . . . .	478
<i>Сонина Е.О.</i> Влияние типа политической системы на подходы к цифровизации в государственном управлении . . . . .	480
<i>Сосунов Д.В.</i> Основные политические риски для системы государственного управления современной России. . . . .	481
<i>Стахеев И.С.</i> Городская среда как публичная репрезентация политического недовольства: «скрытое послание» в современном российском уличном искусстве . . . . .	482
<i>Степанов А.И.</i> Структура представительства молодежи в региональных парламентах: политические аспекты и инструменты рекрутирования . . . . .	483
<i>Столетов О.В.</i> Приоритеты сотрудничества в сфере безопасности на пространстве Южной Евразии в стратегиях основных международных акторов. . . . .	484
<i>Стрежнева М.В.</i> Методологический индивидуализм как основа интерпретативного подхода в международно-политическом исследовании . . . . .	485
<i>Су Шуай.</i> Состояние и методы китайско-российского сотрудничества в области СМИ. . . . .	486
<i>Сулимов К.А.</i> Институциональная обусловленность «регионального картирования» депутатов ГД. . . . .	487
<i>Сунгуров А.Ю.</i> Общественная палата РФ: эволюция за 15 лет . . . . .	488
<i>Сунгуров А.Ю., Дмитриева А.Е.</i> Общественное участие в бюджетном процессе: опыт прошлых лет и современные проблемы . . . . .	489
<i>Суслов Е.В.</i> Отступничество от демократии как фактор усиления конфликтности в политической сфере общества. . . . .	490
<i>Суховерхов К.К.</i> Кризис внешнеполитического консенсуса США. . . . .	491
<i>Сучкова А.А.</i> Институционализация лоббизма как канала коммуникации между обществом и государством . . . . .	492
<i>Табаринцева-Романова К.М.</i> Публичная деятельность как инструмент гуманитарной дипломатии итальянского Красного Креста. . . . .	494
<i>Ташиева В.В.</i> Русскоязычное население Республики Узбекистан в контексте формирования национальной идентичности . . . . .	495
<i>Тамицкий А.М.</i> Эффективность государственного управления и общественных институтов по гармонизации межэтнических отношений в молодежной среде регионов Российской Арктики . . . . .	496
<i>Тарасов И.Н.</i> Институциональная востребованность бикамерализма на постсоветском пространстве . . . . .	497
<i>Тарусин П.В.</i> Когнитивный контур лидерского замысла: основания и детерминанты. . . . .	498
<i>Телин К.О., Филимонов К.Г.</i> Дефицит национальной идентичности как проблема государственной политики. . . . .	499
<i>Тетерюк А.С.</i> Роль GR-анализа в «инверсивной синхронизации» проектирования интегративных стратегий экономической и политической активности корпораций для осуществления лоббистского влияния на принятие отраслевых госрешений . . . . .	500
<i>Тимофеева Л.Н.</i> Конфликтная политическая коммуникация в современной России: виды, качество, результат . . . . .	501
<i>Тимофеева Ю.С.</i> Эволюция санкций как политический вызов для современных правительств . . . . .	502
<i>Титов А.А.</i> Политико-коммуникативные ресурсы влияния тамбовских СМИ в условиях цифровизации . . . . .	503
<i>Титов В.В.</i> Государственная политика идентичности в России: концептуальные основания и проблема эффективности. . . . .	505

<i>Титова Л.Г.</i> Политика устойчивого развития в динамично развивающихся сообществах . . . . .	506
<i>Токарев А.А., Бойко М.Ю., Козлова Ю.А.</i> Многомерный анализ российских протестов: власть регионов и регионы власти . . . . .	507
<i>Токарев А.А., Маргоев А.Р., Приходченко А.Ю.</i> SNA-исследование политических элит КНР: взаимосвязь биографий и структура власти «лидеров партии и государства» . . . . .	508
<i>Толмачева И.В.</i> Специфика законотворческого соавторства руководителей фракций Государственной Думы VII созыва. . . . .	509
<i>Томин Л.В., Балаян А.А.</i> Права человека в контексте политически мотивированного использования цифровой инфраструктуры . . . . .	510
<i>Трегубов Н.А.</i> Мотивация голосования российских избирателей: эмпирические стратегии анализа . . . . .	511
<i>Трещенков Е.Ю.</i> Стрессоустойчивость постсоветской Евразии между Россией и ЕС . . . . .	513
<i>Тропинова Е.А.</i> Рефлективная координация как доминанта цифрового публичного управления . . . . .	514
<i>Туманов И.А., Ильичев М.В.</i> Экономические составляющие успешности деятельности органов государственной власти . . . . .	515
<i>Тумов А.А.</i> Насилие и динамика политических урегулирований в субнациональных порядках ограниченного доступа. . . . .	516
<i>Тумуров Ж.Т.</i> Эффективность функционирования молодежных парламентских структур при реализации молодежной политики в субъектах Российской Федерации . . . . .	518
<i>Тунаев А.В.</i> Политика мысли в контексте российского общества . . . . .	519
<i>Тушков А.А.</i> Социокультурные аспекты потестарных отношений русской локальной цивилизации . . . . .	520
<i>Тюков Н.А.</i> Политический кризис в Белоруссии в 2020–2021 годы: акторы, технологии, механизмы. . . . .	521
<i>Ульмаева Л.Н.</i> Региональная молодежная политика современной России в контексте формирования «образа» государства у молодежи (на примере Нижегородской области) . . . . .	523
<i>Ульянов П.В.</i> «Места памяти» как «фактор сближения» государств в современных международных отношениях (на примере Великобритании и Ирландии) . . . . .	524
<i>Усенко Р.С.</i> Анализ роли деловых ассоциаций как агентов-медиаторов «микро-макро» перехода в процессе продвижения интересов бизнес-сообщества в отраслевом организационном поле. . . . .	525
<i>Усманова З.Р.</i> Когнитивные и эмоциональные составляющие образа иммигранта в сознании российских граждан . . . . .	526
<i>Утекова З.Д.</i> Образ будущего Казахстана глазами казахстанцев в период пандемии COVID-19. . . . .	527
<i>Уханова Ю.В.</i> Политическое участие в российских регионах: уровень реализации и качественное разнообразие практик . . . . .	528
<i>Фадеева Л.А.</i> Ценностные основания политики идентичности: секьюритизация vs гуманизация . . . . .	530
<i>Фароян Э.М.</i> К вопросу о соотношении понятий «гражданское общество» и «гражданское участие» . . . . .	531
<i>Филимонов К.Г.</i> Экспертотократия в структуре государственных систем: между социальными ожиданиями и легитимацией публичной политики . . . . .	532
<i>Филиппова Л.Е.</i> Деполитизация как способ закрепления структур господства: российский случай . . . . .	533
<i>Фокин И.А.</i> Этнос протеста и лоялизма в гражданских и политических кампаниях: модели реализации в российской публичной политике (2015–2020 гг.) (на материалах регионов России) . . . . .	534
<i>Фомин И.В.</i> Образы советского прошлого в дискурсах российского режима и оппозиции. . . . .	535
<i>Фомин М.В.</i> Индекс политической демографии регионов: внутривосточные риски и национальные интересы . . . . .	536
<i>Фролов А.А., Гребенко Е.Д.</i> Лояльность и вовлечение молодежных групп в политику . . . . .	537
<i>Фролов А.А., Егоров Д.В.</i> Особенности коммуникации в протестных кампаниях в социальных сетях . . . . .	538
<i>Фролова Ю.Н.</i> Технологии «больших данных» в изучении символической политики: проблемы и перспективы (на материале образа «русского медведя» в СМИ США) . . . . .	539
<i>Хайнацкая Т.И.</i> Формирование экологической идентичности и ее влияние на политическую повестку. . . . .	541
<i>Хайруллин Т.Р.</i> Исламизм: трансформационные сдвиги в сторону либерализации . . . . .	542
<i>Харитоновна Е.М.</i> Национальная идентичность Великобритании после Брекзита: новые тенденции . . . . .	543
<i>Харитоновна О.Г.</i> «Консоциация с прилагательными»: опыт Ирака . . . . .	543



<i>Харитонова О.Г., Кудряшова И.В.</i> «Популистские режимы» и режимные изменения: к постановке исследовательского вопроса . . . . .	545
<i>Харкевич М.В.</i> Карнавализация мировой политики: Михаил Бахтин в теории международных отношений . . . . .	546
<i>Хахалкина Е.В.</i> Переосмысление города как концепции в условиях пандемии. . . . .	547
<i>Хачатурова С.И.</i> Политические предпочтения лидеров муниципального уровня власти (на примере Центрального административного округа Москвы) . . . . .	548
<i>Хенкин С.М.</i> Испания: нерешенные проблемы территориально-политического устройства . . . . .	549
<i>Хопёрская Л.Л.</i> Революции в Киргизии с точки зрения политической антропологии . . . . .	550
<i>Хуажев А.А.</i> К вопросу о политической составляющей медийного имиджа Северного Кавказа . . . . .	551
<i>Чадаева З.Т.</i> Политико-режимные аспекты институционализации конфликтов в республиках Северо-Кавказского региона . . . . .	553
<i>Чахор Р.Р.</i> Место и роль международных побратимств в развитии крупных городов Польши. . . . .	554
<i>Чепель С.Л.</i> Электоральная подвижность в регионах Центрального федерального округа: экономико-культурный анализ . . . . .	555
<i>Чернавский А.С.</i> Особенности цифровой дипломатии и дигитализации современного мира (на примере США и Китая). . . . .	556
<i>Черненкова Е.И.</i> Проектная деятельность региональных общественных организаций как инструмент развития общественной дипломатии (на примере Республики Карелия) . . . . .	557
<i>Черникова В.В.</i> Региональное гражданское общество: трансформация-2020. . . . .	558
<i>Чернышов Ю.Г.</i> Региональные идентичности и их связь с имиджами и брендами регионов. . . . .	559
<i>Чеснокова Н.А.</i> «Маркеры демократии»: пространственные представления в политической коммуникации Республики Корея . . . . .	560
<i>Чимириц Е.С.</i> Интеграционные стратегии стран СНГ — опыт типологии . . . . .	561
<i>Чирикова А.Е., Ледяев В.Г.</i> Муниципальная власть в России на пороге перемен . . . . .	563
<i>Чугров С.В.</i> Концепции политической и социальной психологии как часть стратегии сбережения человеческого капитала . . . . .	564
<i>Чугунов А.В., Панфилов Г.О.</i> Мониторинг электронного участия в России: институциональные аспекты . . . . .	565
<i>Чумиков А.Н.</i> COVID-19 и лоббистская активность. . . . .	566
<i>Чупрова Д.А., Бондарев М.Д.</i> Анализ воздействия международной политико-экономической повестки на национальную стратегию и тактику корпоративной политической активности по формированию отраслевого госрегулирования (опыт лоббистской кампании РУСАЛа по введению углеродного налога). . . . .	567
<i>Шаблинский А.И.</i> Федеральный союз, федеративное государство и экзистенциальный конфликт. . . . .	568
<i>Шабров О.Ф.</i> Социальное разнообразие как проблема управления в условиях информатизации и глобализации . . . . .	569
<i>Шадже А.Ю.</i> Ресурс идентичности молодежи в условиях сложной реальности . . . . .	570
<i>Шалаев Н.Е.</i> Географическая близость и схожесть электората: изменяется ли разница в поведении с увеличением расстояния между группами электората? . . . . .	571
<i>Шапиро Н.И.</i> США и Афганский мирный процесс . . . . .	572
<i>Шаповалов В.Л., Шестакова М.Н.</i> К вопросу о типологизации субъектов Российской Федерации по качеству региональных политических элит. . . . .	573
<i>Шарахина Л.В.</i> Российская корпорация-гражданин как феномен медиатизированного общества. . . . .	574
<i>Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю.</i> Протестный потенциал учащейся молодежи СФО и ДФО . . . . .	575
<i>Шаяхметов А.М.</i> Протестный потенциал современной России в условиях пандемии COVID-19. . . . .	576
<i>Шведова Н.А.</i> Гендерное равенство: «двигаться к новому нормальному и лучшему миру для всех» . . . . .	577
<i>Шевченко Е.С.</i> Поиск новых сценариев реализации внешнеполитического курса США: переосмысление некоторых политических решений Дж. Байдена . . . . .	578
<i>Шентякова А.В.</i> Протестные мотиваторы в обзорах популярных молодежных видеоблогеров . . . . .	579
<i>Шестакова А.А.</i> Трансформация традиционных акторов публичной политики: на примере анализа Telegram-каналов политических партий. . . . .	580
<i>Шестакова М.Н.</i> Управленческие модели местного самоуправления в субъектах Российской Федерации: сравнительный анализ . . . . .	581
<i>Шестопал Е.Б.</i> На что в политике может повлиять психологическое состояние общества . . . . .	582
<i>Шмелева О.Ю.</i> Цифровизация как фактор модификации образа современного российского государства: проблемы и противоречия. . . . .	584

<i>Шпагин С.А.</i> Региональные партийные системы в современной России: индикаторы стабильности . . . . .	585
<i>Шпиро Л.А.</i> Кадровые ресурсы в развитии проектного управления в органах государственной власти РФ (по материалам эмпирического исследования в Краснодарском крае). . . . .	586
<i>Щеглова Д.В., Гармонова А.В., Опфер Е.А.</i> Неравномерная цифровизация: от чего зависят цифровые компетенции студентов российских вузов? . . . . .	588
<i>Щенина О.Г.</i> Топологический ракурс исследования политических отношений . . . . .	589
<i>Щербинин А.И.</i> «Право на город»: возвращение в условиях новой урбанистической парадигмы. . . . .	590
<i>Щербинина Н.Г.</i> Политическое конструирование городского семиотического пространства в контексте реализации «права на город» . . . . .	591
<i>Шукина Е.В.</i> Роль клиентоцентричного подхода в формировании образа чиновника. . . . .	592
<i>Эсмаили С.</i> Положение женщин-политиков в Иране за последнюю четверть XX века . . . . .	594
<i>Юрченко В.М.</i> Геополитические и внутренние факторы национальной безопасности России . . . . .	596
<i>Юрченко И.В.</i> Политические практики управления этнонациональными процессами: аксиологический аспект. . . . .	597
<i>Юрченко Н.Н.</i> Политический диалог в условиях глобальных трансформаций: роль и место России . . . . .	598
<i>Юшина Е.А.</i> Зарубежный опыт оценки эффективности и результативности органов публичной власти (на примере органов местного самоуправления) . . . . .	599
<i>Ягодка Н.Н.</i> О проблеме привлечения студентов вузов Москвы к участию в деятельности некоммерческих организаций. . . . .	601
<i>Яковлева А.Ф.</i> Перспективы кадрового воспроизводства российской науки: репутационные и публикационные аспекты . . . . .	602
<i>Януш О.Б.</i> Межмуниципальное сотрудничество в финно-угорском «мире» . . . . .	603
<i>Яхшиян О.Ю.</i> Общинное самоуправление как русская политическая традиция . . . . .	604
<i>Vlaetinck E.</i> Para-Diplomacy As Dialogue In Challenging Times: A Reflection On The Tendencies, Challenges And Opportunities In Contemporary Russian-German City Relations . . . . .	606

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская ассоциация политической науки (РАПН) проводит IX Всероссийский конгресс политологов «Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы» в сложных условиях, определяемых пандемией, экономическими кризисами и политической неустойчивостью в мире. Предыдущие конгрессы РАПН также проходили в сложное и иногда драматическое время. I Конгресс российских политологов «Современная Россия: власть, общество, политическая наука» состоялся 17–18 февраля 1998 г., II Всероссийский конгресс политологов «Россия. Политические вызовы XXI века» — 21–23 апреля 2000 г., III Всероссийский конгресс политологов «Выборы в России и российский выбор» — 28–29 апреля 2003 г., IV Всероссийский конгресс политологов «Демократия, безопасность, эффективное управление: новые вызовы политической науке» — 26–28 октября 2006 г., V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы» — 20–22 ноября 2009 г., VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия» — 22–24 ноября 2012 г., VII Всероссийский конгресс политологов «Политическая наука перед вызовами современной политики» — 19–21 ноября 2015 г., VIII Всероссийский конгресс политологов «Политика развития, государство и мировой порядок» — 6–8 декабря 2018 г. Но именно этот конгресс можно считать особенным в том отношении, что он не просто стремится зафиксировать ситуацию и выработать новый взгляд или предложить конкретное решение для ряда сложных проблем, его работа приходится на начало переломной эпохи, когда обостряются кардинальные противостояния и экзистенциальные акценты. Действительно, на первый план сегодня выходят базовые ценности человеческого существования, связанные со стремлением к полноценной жизни и реализации своих желаний и способностей, экологическими катаклизмами и угрозами пандемии коронавируса, несогласованностью перспектив постгуманизма и трансгуманизма, разрушением основ устойчивого институционального порядка политических режимов и международных отношений вплоть до военной угрозы, а также весьма противоречивой потенциальностью цифровизации. В связи с этим, пожалуй, основной задачей проводимого конгресса РАПН является внимательное и вдумчивое рассуждение о ситуации с учетом необходимости формирования публичной дипломатической конструкции научного, гражданского и политического дискурсов. В подобной ситуации востребованы профессиональные компетенции политологов, включая специалистов по урегулированию внутренних и международных конфликтов и кризисов; диалог в профессиональной среде для нахождения общего знаменателя в целях достижения национального и международного согласия; эффективное участие профессиональных политологов в организации диалога внутри страны и ведение диалога с зарубежным профессиональным сообществом и общественным мнением зарубежных стран с целью продвижения адекватной информации о России и ее политике, создания ее позитивного имиджа за рубежом.

Заседания конгресса пройдут по следующим основным темам:

- ОТ-1. Меняющийся мир: современные теории и политические проекты.
- ОТ-2. Движущие силы общественных перемен сегодня.
- ОТ-3. Антропоген и теория развития природы и общества.
- ОТ-4. Цифровизация, общество и политика.
- ОТ-5. Миграционные вызовы политическому порядку.
- ОТ-6. Ценности и конституция перемен.
- ОТ-7. Развитие против бедности и неравенства.
- ОТ-8. Институциональные порядки и политические режимы развития.
- ОТ-9. Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности.
- ОТ-10. Современное государство: векторы трансформации.
- ОТ-11. Популизм: вызовы и перспективы.
- ОТ-12. Религиозный фактор общественных перемен и политика.
- ОТ-13. Россия: новый политический цикл и динамика.
- ОТ-14. Мировая повестка для России.
- ОТ-15. Россия, память истории и образ будущего.
- ОТ-16. Проблемы безопасности в многосоставном мире.
- ОТ-17. Китай, развитие и мировой порядок.
- ОТ-18. США: внутренние дисбалансы, факторы и стратегии перемен.
- ОТ-19. Восток в динамике мирового порядка.
- ОТ-20. Европейский союз и политика России.
- ОТ-21. Пандемия и политика здравоохранения.

Обсуждение тематики конгресса будет проходить на пленарных заседаниях, тематических заседаниях по основным направлениям политической науки, специальных заседаниях и круглых столах, де-

батах, презентациях книг, проектов и журналов, тематических и рабочих встречах исследовательских комитетов РАПН и проектных групп, профессиональных сообществ, научно-организационных структур и др. — всего более 80 форматов. В рамках конгресса состоится ряд совместных форматов с партнерскими организациями РАПН, а также пройдет VI Форум молодых политологов, организованный Советом молодых политологов РАПН. В конгрессе принимают участие более 800 ученых, представляющих разные регионы России и многие зарубежные страны. На конгрессе представлены все крупные политологические центры России, научные школы, университеты и академические институты, а также международные политологические сообщества и национальные ассоциации политической науки. Ряд тематических направлений работы конгресса основаны на исследованиях, поддержанных в последние годы грантами Президентского фонда, РНФ, РФФИ и ЭИСИ и др. Программа конгресса включает и ряд заседаний, которые имеют важное значение для политологического образования. Заседание Президиума Академии политической науки, встреча с представителями Общественной палаты РФ, заседания редсоветов и презентации ведущих политологических журналов страны.

Результатом работы конгресса станет преодоление разрыва между академическим знанием о политике и его потенциалом как инструмента научной дипломатии в сфере внутренней и внешней политики; демонстрация лучших достижений отечественной политической науки посредством использования ее потенциала для снижения уровня внутренней конфликтности в обществе и достижения общественного согласия; повышение эффективности влияния научной дипломатии как направления общественной дипломатии на современную политику и политическую науку в России и мире; формирование и продвижение позитивного образа России за рубежом; интенсификация научного диалога с учеными различных политических убеждений с целью укрепления позиций благожелательно настроенных по отношению к России научных сообществ и зарубежных соотечественников.

Надеемся, что работа конгресса пройдет успешно, цель и поставленные задачи будут реализованы, а его участники продемонстрируют результаты своих исследований и найдут ответы на возникающие в ходе дискуссии и научных поисков сложные проблемы.

*Гаман-Голутвина О.В.  
Сморгунов Л.В.  
Тимофеева Л.Н.*

## ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СМИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ГРУЗИИ

Сегодня в Грузии широко используются классические модели политических технологий. После «революции роз» 2003 г. средства массовой информации пропагандировали исключительно европейскую систему ценностей и либеральный мировой порядок. СМИ Грузии в основном практикуют черный пиар, который используется как против внешних «врагов» (например, России), так и против внутренних партий и публичных личностей. По сравнению с Россией западные политические союзы преподносятся положительно, как более привлекательные и заслуживающие доверия партнеры.

В Грузии существует множество средств массовой информации с четкой линией поддержки определенных кандидатов, компаний или партий. Телевидение является первым и основным источником политической информации, за ним следуют социальные сети. Поляризация СМИ в Грузии представляет собой очень серьезную проблему как во время выборов, так и в целом, ставя под угрозу демократическое развитие страны. Современное грузинское общество разделено на два лагеря — проправительственный и антиправительственный, и это наблюдается в течение многих лет, что препятствует развитию общества.

В Грузии поляризация выражается в противостоянии и вражде между разными политическими группами. Усиление политического разрыва между политическими партиями или средствами массовой информации и их сползание к противоположным полюсам можно рассматривать как поляризацию элит. Поляризация элит часто вызывает поляризацию в массах или в обществе в целом, что мы и наблюдаем в Грузии.

В Грузии нет фактологической журналистики, есть только журналистика, построенная на личных отношениях, и в этой «журналистике отношений» тенденции не устанавливаются журналистами — они не устанавливают и не изучают факты, они следуют за финансовыми пожертвованиями.

Во время выборов 2020 г. телеканал «Мтавари архи» в основном выпускает новости про правящую партию в негативном контексте, в том числе с ее причастностью к избиениям, шантажу, подкупу и другим незаконным действиям, направленные на фальсификацию выборов. Если раньше в день фиксировался примерно один случай избиения и других форм насилия и беззакония, то это число резко увеличилось до двух, а иногда и до трех после 15 сентября 2020 г. (до 15 дней после начала предвыборной гонки). Эти новости освещаются чаще, начинается активная критика «грузинской мечты» со стороны оппозиции, начинает выходить большое количество компрометирующих сюжетов и репортажей, которые посвящены в том числе и связям правящей партии и Бидзины Иванишвили с Россией.

За негативной новостью про власть следует позитивная новость, заявления, обещания Михаила Саакашвили. То есть, если выходит новость, в которой критикуется власть, сразу за ней же выходит новость про Михаила Саакашвили, Единое национальное движение, и данный способ может повторяться несколько раз в день. Таким образом, канал фактически навязывает избирателям свое мнение, заставляет проголосовать за Михаила Саакашвили и Единое национальное движение, а если учесть, что канал пользуется большим доверием и является вторым по популярности, данный инструмент довольно хорошо реализуется.

Еще один инструмент, который активно использовал данный канал, — это повторение одной и той же новости несколько раз в день. Это в основном касается тех новостей, где речь идет об избиениях, «предвыборных махинациях» и критики «грузинской мечты» со стороны оппозиции.

Телеканал «Мтавари архи» заказал проведение предвыборного исследования у организации *IPSOS*<sup>1</sup>, которое так и не было обнародовано, но при этом активно тиражировались его итоги от имени самого телеканала. Это можно считать еще одним инструментом воздействия на общество, когда проводятся якобы «непредвзятые» исследования общественного мнения, но с целью дискредитации власти.

Средства массовой информации, которые часто называют «четвертой ветвью власти» из-за их функции мониторинга и контроля, сталкиваются с возрастающим недоверием к ним в Грузии, связанным с их поляризацией, политизацией и отсутствием объективности. В результате общественность находится под влиянием средств массовой информации и не видит реальной картины происходящего в Грузии. СМИ очень часто принадлежат членам семьи определенной партии или элиты, которые проталкивают свои интересы и борются с инакомыслием. Таким образом, они служат интересам определенной части общества и усиливают раскол и нестабильность в стране. В этих условиях трудно считать, что СМИ в Грузии способствуют развитию демократии и процветанию страны в целом, что продемонстрировали президентские и парламентские выборы последних лет.

<sup>1</sup> IPSOS. URL: <https://www.ipsos.com/en/about-us> (accessed: 25.06.2021).

## **ТРАМП И БАЙДЕН: РАЗЛИЧИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПАЛЕСТИНСКОГО ВОПРОСА)**

Палестинский вопрос — один из наиболее важных вопросов, которые занимают большое место в повестке дня внешней политики демократа Джо Байдена, пришедшего к власти после республиканца Дональда Трампа. В отличие от произвольных решений, которые были приняты против Палестины под сильным давлением сионистского лобби, которое доминировало в американской политике в эпоху Трампа, заметно, что до настоящего момента в отношении эпохи Байдена сохранялись относительно позитивные ожидания. Однако не следует полагать, что в политике США по отношению к палестинскому вопросу произойдут коренные изменения. Прежде чем давать какую-либо оценку политике новой администрации США по палестинскому вопросу, было бы полезно вспомнить политику администрации Трампа в этом вопросе.

Первым из решений по палестинскому вопросу Д. Трампа был перевод посольства США в Израиле из Тель-Авива в Иерусалим, на которое не отважился ни один предыдущий президент США. Оно было принято 6 декабря 2017 г. в результате усилий Джареда Кушнера, зятя Трампа и одного из его старших советников, поддерживавшего тесные отношения с сионистским лобби. Администрация Трампа призвала другие страны предпринять аналогичные шаги в этом направлении, но лишь несколько стран переместили свое посольство в Иерусалим в ответ на этот призыв. В результате этой неизбежной стратегической ошибки чувствам и неприкосновенности всех мусульман, а не только угнетенного палестинского народа был нанесен удар. Соответственно, в ответ на это решение Палестинская администрация разорвала свои отношения с Соединенными Штатами Америки. После этого администрация Трампа 10 сентября 2018 г. закрыла офис Организации освобождения Палестины, который находился в Вашингтоне с 1994 г.

Вторым из этих решений стало решение администрации Трампа в августе 2018 г. прекратить помощь, предоставляемую США Ближневосточному агентству ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ. Хотя администрация Трампа обосновала это решение проблемами в методах работы агентства, это решение было оценено международным общественным мнением как новое измерение поддержки Израиля со стороны США. Администрация Трампа отреагировала на решение ЮНЕСКО включить Старый город в палестинском городе Хевроне в Список Всемирного наследия сразу после этого решения, и вскоре Трамп решил покинуть ЮНЕСКО вместе с Израилем в январе 2019 г.

Третьим решением была так называемая «сделка века», которую президент Трамп включил в повестку дня, заявив, что она приведет к прочному урегулированию палестино-израильского конфликта. Трамп обнародовал предполагаемый мирный план, связанный с конфликтом, на пресс-конференции, которую он организовал с премьер-министром Израиля в январе 2020 г. Однако некоторые статьи в этом проекте не могут быть приемлемы для палестинской стороны.

Администрация Байдена пыталась предпринимать шаги по нормализации отношений с палестинцами. В этом контексте Байден заявил о том, что он приложит усилия для решения вопроса об урегулировании отношений между Палестиной и Израилем. Точно так же президент Палестины Махмуд Аббас сказал, что, если администрация Байдена выполнит свои обещания в отношении Палестинского вопроса, можно будет нормализовать отношения между двумя странами.

Администрация Байдена объявила, что предоставит палестинцам гуманитарную помощь в размере 15 миллионов долларов для борьбы с новым штаммом коронавируса, и о своем решении 7 апреля направить 75 миллионов долларов в качестве помощи для развития сектора Газа и Западного берега, а также еще 150 миллионов долларов на программы БАПОР. Все это можно считать шагами на пути к нормализации двусторонних отношений. Что касается заявления Госдепартамента США о том, что «оккупация Израилем Западного берега, Газы и Голанских высот является историческим фактом», которое было упомянуто в его отчете за 2020 г., его можно оценить как часть процесса нормализации.

Государственный секретарь Байдена Энтони Блинкен в своем заявлении по палестинскому вопросу, сделанном им после вступления в должность, заявил, что новая администрация продолжит признавать Иерусалим столицей Израиля. Блинкен, кроме того, возражал против заявления Международного уголовного суда в решении от 5 февраля этого года о том, что он обладает юрисдикцией для рассмотрения преступлений, совершенных в Газе, на Западном берегу, в Восточном Иерусалиме и на остальной территории Палестины. Исходя из двух предыдущих заявлений, ясно, что администрация Байдена не желает портить свои отношения с Израилем и что она не будет выполнять свои обязательства перед палестинским делом в полном смысле этого слова. Вдобавок, когда мы рассматриваем заявление Байдена в период его пребывания на посту вице-президента при Обаме о том, что «если бы не было Израиля, нам пришлось бы изобрести его для защиты американских интересов», нельзя высоко поднимать планку ожиданий от администрации Байдена в отношении Палестинского вопроса.

Абрадова Е.С.  
(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

## ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ

Для большинства современных государств формирование национальной политики памяти является одним из основных составляющих политики идентичности, так как именно через интерпретацию событий прошлого государство транслирует необходимые смыслы и установки. Представления об истории своей страны и народа далеко не всегда являются «естественно» сформировавшейся памятью поколений, а часто выступают объектом и результатом осознанного воздействия политических акторов. Поэтому «историческая память — всегда настоящее»<sup>1</sup>.

В общем виде идентичность можно определить как способность человека определять себя членом какой-либо экономической, политической, профессиональной, языковой, этнической, религиозной, расовой и другой социальной группы или сообщества, разделять ее нормы и ценности и отстаивать свое право считаться частью данной группы. В том случае, когда коллективная идентичность начинает деградировать, возникает кризис любого социального образования — семьи, профессиональной организации, политической организации, государства. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что устойчивость политических образований напрямую связана с понятием национально-государственной идентичности.

Важным фактором конструирования национальной идентичности является историческая политика, которая реализуется государством путем создания инфраструктуры исторической памяти, воздействия на символы, создания национальной мифологии, редакционной политики в отношении написания учебников и пособий. Особенно важна в конструировании идентичности роль историков, поскольку они способны привлекательно описать «ядро ценностей» общества, осмыслить символы всеобщей гордости и ключевые события прошлого. Но геополитические и исторические ресурсы цивилизационного выбора различных стран неравны. Задача цивилизационного самоопределения качественно по-разному решается в России, которая в любой цивилизационной доктрине остается центром евразийского ареала и в странах восточноевропейской периферии, элиты которых стремятся «перекодировать» свои общества в пользу цивилизации Запада.

Особенно актуален вопрос выстраивания политики памяти для молодых государств, появившихся на политической карте мира в конце XX в. и длительное время не имевших опыта самостоятельной государственности, существовавших в рамках общего культурно-ценностного пространства. Такие государства в первую очередь пытаются сформировать у своих граждан представления о своей стране как о целостном, суверенном, самостоятельном субъекте международных отношений. Поэтому для таких государств оценка и представление народа о своем прошлом зачастую важнее, чем его настоящее. Формирование представлений о прошлом в настоящем происходит за счет выстраивания определенной системы интерпретации исторических событий через разнообразные формы культуры: кинематограф, литературу, живопись, музыку. Особую роль в трансляции ценностей и формировании идентичности играет образовательная среда, так как именно школы и университеты закладывают ценностные ориентации будущих взрослых граждан, национальные праздники и традиции, массовые мероприятия. В 90-е годы XX в. Россия пережила серьезный кризисный период и оказалась в ситуации ценностного «вакуума», когда старая система ценностей рухнула. Условно процесс становления новой системы ценностей и выстраивания национальной политики памяти можно разделить на два этапа: с начала 2000-х — первый этап формирования основ национально-государственной идентичности российских граждан, поиск новых ценностных ориентаций. Начало этого этапа было во многом связано с пониманием необходимости формирования «новой» идентичности, отсутствием единства нации, противоречиями в оценке истории страны. С 2013–2014 гг. начался второй этап, включающий в себя трансляцию образа сверхдержавы и резкое противопоставление российских национальных ценностей и российской идентичности западным.

Во многом отношение к героическим страницам истории России не только используется как основа формирования идентичности граждан внутри страны, но и является важным ресурсом во внешней политике. Образ страны, спасшей мир от нацизма, общая память о Победе используются как ресурс выстраивания братских отношений с государствами постсоветского пространства. Таким образом, политика идентичности и политика памяти как ее инструмент всегда направлены на интеграцию общества в целях достижения политических целей гражданского единения. Политическая элита конструирует идентичность, чтобы интегрировать общество. Чем больше в обществе расколов и чем они глубже,

<sup>1</sup> Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. 40–41 (2–3).

тем труднее государству выстраивать политику идентичности и политику памяти. При этом у населения государства всегда есть собственные представления об истории своей страны и национальных ценностях. Политика памяти успешна и приносит свои плоды тогда, когда, во-первых, представление элит об интерпретации истории совпадает с представлениями об истории своей страны, которые есть в народе, и, во-вторых, когда она выполняет функцию интегратора разобщенных слоев населения, отвечая на их запросы.

Авдонин В.С.  
(ИНИОН РАН, Москва)

## ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РИТОРИКЕ ВЛАСТИ<sup>1</sup>

Три десятилетия спустя после распада СССР внимание к той исторической и политической реальности, которая ассоциировалась с Советским Союзом, не ослабевает. Важным компонентом того периода была советская идеология, которая вдохновляла и поддерживала советский строй, служила идейной основой советской политики, была существенной частью общественно-политической жизни. Распад СССР связывается в том числе и с кризисом советской идеологии, утратой ею господствующего положения как в системе власти, так и в обществе. В объяснении причин этого существуют два условных направления, которые можно определить как «идеологическое» и научно-исследовательское. Первое вдохновляется идеями классовой и идеологической борьбы, свойственной советской традиции, и объясняет упадок советской идеологии, прежде всего, беспощадной борьбой с ней, развернутой Западом, «мировым капитализмом» и т.д. Вторая исходит из научного исследования идеологий как феноменов социально-политической и идейной жизни, их базовых свойств, качеств, функций, исторических особенностей. С этой точки зрения упадок советской идеологии был связан с изменениями ее функций и свойств, с которыми она сталкивалась накануне распада СССР.

В этот период в ней ярче выступают эпистемологические свойства идеологии как ложного, искажающего сознания, вызывающего проблемы в адекватном восприятии реальности, ослабевают ее нормативные, интегрирующие, легитимирующие, мобилизующие функции. В итоге она терпит поражение в политике, ее сторонники, способные активно, массово и мотивированно действовать в ее поддержку, оказываются в явном меньшинстве и не могут перехватить политическую инициативу. Переход же к силовым действиям под советской идеологической вывеской также не получил поддержки.

После поражения в политике и распада СССР советская идеология не исчезает, а сохраняет значение, преимущественно трансформируясь в элемент политической культуры, но также и в идеологию некоторой части возникшего политического спектра. И в том, и другом случае советская идеология уже не является аутентичной, т.е. идентичной с той, что имела место в позднем СССР. В качестве политической культуры она утрачивает целый ряд свойств политической идеологии, прежде всего ее мобилизующие, акторные функции (идеи-в-действии), что позволяет характеризовать ее скорее как некий «идейный паттерн» в политической культуре, а не как идеологию. Во втором случае — это идеология действующей политической партии (КПРФ), но отличная от исходной — советской.

Превращение советской идеологии в «идейный паттерн» российской политической культуры стало серьезным вызовом для постсоветских правящих режимов. Опираясь на анализ властного дискурса, можно выделить три периода взаимоотношений российской власти с этим идейно-политическим феноменом. Первый период (1990-е годы) демонстрирует модель открытой атаки власти на этот «паттерн». Это хорошо показывает риторика Ельцина, достигавшая кульминации на выборах 1996 г. Она была открыто направлена против «советского идейного наследия» и разоблачала его ложный, связанный с прошлым, закрепощающий, мешающий движению вперед, антинародный характер. Неубедительная победа Ельцина и успех Зюганова давал ясное представление о том, сколь опасна для власти прямая атака на этот «паттерн». Отдавая работу с ним на откуп КПРФ, власть рискует рано или поздно потерпеть электоральное поражение.

Второй этап (с конца 1990-х до начала 2010-х) можно охарактеризовать как поиски оптимальной модели работы власти с этим «паттерном». Для него свойственно сознательное удаление из риторики власти критики «советского». Почти всю критику Путин обрушивает на «лихие 90-е», легитимируя свой отход политики от предшествующего десятилетия. Он также прощупывает связи своих ключевых дискурсивных концептов «сильное государство», «стабильность», «сильная власть» и др. с советским «паттерном» и получает отклик в виде растущей электоральной поддержки. При этом он не забывает говорить об успехах, достижениях, цифрах экономического роста и социальной поддержке людей,

<sup>1</sup> Подготовлено в рамках гранта «Оценка наследия СССР в риторике основных политических акторов современной России» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-011-00709.



что также характерно для этого «паттерна». В то же время однозначной интерпретации советского «паттерна» в этот период еще не достигается. Во властном дискурсе появляется модернизационная риторика Медведева, которая также обращена к советскому «паттерну» (СССР — великий модернизационный проект XX века) и находит определенную поддержку.

Третий период (с 2012 г.) отличает модель деполитизации советского идейного «паттерна» в дискурсе власти. Риторика Путина в этот период включает резкую критику советской идеологии и идеологий как таковых (ведут к расколу, ослабляют государство и др.), которые следует заменить «культурным кодом», «национальной идентичностью», «национальным характером» и т.д., так как именно они создают общность народа, сильное государство, способное противостоять врагам и угрозам. В интерпретации советского периода он выделяет идеологизированные (политизированные) периоды (революция, гражданская война, перестройка, парад суверенитетов) и неидеологизированные периоды, определяемые «культурным кодом» и «гражданской идентичностью» (победа в войне, созидание великой державы). Советский идейный «паттерн» в этой интерпретации предстает как деполитизированный политико-культурный феномен, формируемый в то же время советскими практиками воспитательной работы. Обычно такая деполитизация характеризует идейные комплексы авторитарных режимов, отчуждающие массы от политики, и их роль становится выше по мере снижения эффективности правления и развития таких автократий.

Аверьянова Е.В.  
(КФУ, Казань)

## ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И МЕСТНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Городские сообщества создаются во всех социальных сетях и мессенджерах, но в России самыми популярными являются сообщества «ВКонтакте» и *Instagram*.

В социальных сетях функционируют следующие виды городских сообществ:

- 1) неофициальные новостные паблики, администраторы которых часто не относятся к профессиональным журналистам, их названия могут быть стандартными: «Типичный...», «Подслушано в ...» и т.п.;
- 2) страницы городских средств массовой информации;
- 3) группы местных протестных движений и гражданских инициатив;
- 4) официальные страницы органов местного самоуправления;
- 5) страницы местных отделений политических партий и т.д.

Городские сообщества в соцсетях притягательны возможностью узнавать новости населенного пункта и выразить мнение по актуальным местным проблемам.

Лидерами по количеству участников (подписчиков) являются сообщества первого вида, т.е. паблики, контент которых состоит преимущественно из новостей и обсуждений, связанных с городом. Кроме постов администратора, неофициальные новостные паблики активно наполняются публикациями самих пользователей. Возможность для любого гражданина предложить тему для обсуждения, свободно комментировать публикации стала причиной роста популярности неофициальных пабликов.

Официальные страницы городских СМИ и местных администраций содержат более достоверную и качественную информацию. Но они проигрывают неофициальным сообществам меньшей оперативностью, отсутствием интерактивности, зависимостью от официальной точки зрения (ведь на городские СМИ в определенной степени воздействует власть). Комментарии граждан в них проходят модерацию, и часто удаляются не только оскорбительные комментарии, но и критические высказывания в отношении власти.

Минусы неофициальных пабликов: информация носит непроверенный характер, отсутствие модерации комментариев приводит к обилию оскорблений и клеветы.

Неофициальные паблики предоставляют жителям право выразить мнение по «проблемам своего двора», публикации о которых с большой вероятностью прочитают специалисты по связям с общественностью местной администрации и центра управления регионом и передадут в ответственные службы. Тем самым трансформируется такая форма политического участия, как обращение граждан в органы власти, и в зависимости от степени активности пресс-служб некоторые или многие посты о проблемах тут же, в паблике, получат ответ.

Неофициальные новостные паблики и группы местных протестных движений и гражданских инициатив дают возможность отстаивать свои права, найти единомышленников в борьбе за решение определенных проблем, пообщаться с земляками. Но для большинства пользователей характерен «слактивизм» («диванный активизм»), т.е. поддержка лайками и комментариями, и действия «офлайн» они предпринимают редко.

В неофициальных пабликах часто нет цензуры, и, когда СМИ не пропускают критику в адрес местных чиновников по тому или иному вопросу, жители города узнают про скандальные события в муниципалитете из пабликов. Так паблики формируют локальную повестку дня для общественности и вызывают оживленные обсуждения. И уже на эти публикации реагируют СМИ, которые часто находят темы для материалов в социальных сетях или начинают разъяснять официальную точку зрения, чтобы сгладить негативный эффект, вызванный постами в пабликах.

Для неофициальных пабликов характерен негативный образ местной власти: отрицательные комментарии граждане пишут с большим энтузиазмом, чем положительные.

Интересно, что даже в провинциальных пабликах применяется технология ботов и фейков, причем боты пишут негатив как в отношении оппозиции, так и в отношении власти. В запуске первой категории ботов граждане обвиняют органы власти, а появление «антиправительственных» ботов СМИ объясняли заказом от сторонников Навального.

Неофициальные новостные паблики имеют гораздо больше участников, чем группы протестных движений. Это обусловлено их универсальным контентом.

Местные протестные движения в своих группах освещают проблему, вокруг которой созданы (против строительства магистрали, застройки рекреационной зоны и т.д.), смежную (например, экологическую) тематику, перед выборами появляются оппозиционные публикации.

Их группы более ангажированны: поскольку некоторые протестные движения испытывают внешнее влияние политических сил (их лидеры получают гранты американских фондов и/или зарабатывают политический капитал), то информация ими подается в определенном ключе. Например, информационные провокации в отношении власти противников строительства мусоросжигательного завода в Татарстане, когда действия правоохранительных органов по пресечению несанкционированных публичных мероприятий сознательно провоцировались. При этом группы протестных движений формируют легендарный образ своих лидеров, не чуждых желанию обеспечивать себе PR. Впоследствии некоторые из них выдвигаются кандидатами в депутаты.

Аветисян А.С.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **УЧЕТ «ДУАЛИЗМА АГЕНТОВ» ПРИ ЦИКЛИЧЕСКИХ ФЛУКТУАЦИЯХ ПРИНЯТИЯ ГОСРЕШЕНИЙ В АНАЛИЗЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МАКРОСРЕДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ**

**И**дея работы лежит в русле взаимодействия микро- и макросреды соответствующих субъектов и объектов (на примере ТЭК России и Италии). Решением научного спора: материалистичны или идеалистичны механизмы политической деятельности — мог бы стать отказ от принципа монизма и смена на более плюралистический и гибкий принцип дуализма, который подводит к осмыслению глубокого механизма политической активности, в котором предполагается взаимная обусловленность и «оборачиваемость» обоих «начал»: и идеального, и материального. И следовало бы выделить две основные формы политической активности социальных субъектов: духовно-рефлексивную и материально-практическую, первая из которых «исторически и логически» предшествует второй<sup>1</sup>.

В данной работе особое внимание уделено отношениям бизнеса и государства. Важно провести четкую линию относительно того, с кем бизнес имеет дело. Исследуя отношения между Россией и Италией в области ТЭК, цепь взаимоотношений и делегирования полномочий может быть самой разной, ибо все это адаптируется под каждый конкретный случай, конкретный проект, определенных субъектов и объектов того или иного проекта. Это и есть смысловое содержание циклических флуктуаций принятия госрешений.

Понятие процесса принятия политических решений представляет собой целую систему выверенным образом структурированных этапов и процедур, которые располагают прямыми и обратными связями. Подобная тесная взаимосвязь участников поля, с точки зрения ДиМаджио, объясняется действием институционального определения («структуриации»), включающего следующие составляющие: «усиление взаимодействия между организациями в поле; появление четко обозначенных межорганизационных структур господства и паттернов сотрудничества (*coalition*); увеличение информационной нагрузки на организации в поле; развитие взаимной осведомленности организаций-участниц о том, что они вовлечены в совместную активность»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Дегтярев А.А. Основы политической теории: Учеб. пособие / Ин-т «Открытое о-во». М.: Высш. шк., 1998.

<sup>2</sup> ДиМаджио П. Дж., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 37.

В данном процессе взаимодействия элементов можно выделить четыре базисные стадии: 1) стадия постановки, а также выявления социальной проблемы, требующей своего разрешения; 2) стадия формулирования перспективных иных вариантов разрешения проблемных ситуаций; 3) стадия проведения обсуждений, а также сравнительного анализа с учетом использования альтернативных способов разрешения целей и задач; 4) заключительная стадия принятия окончательного решения в контексте сбалансированного подхода к оптимальной альтернативе в условиях детализированного плана ведения деятельности.

Помимо всего прочего, в контексте сегодняшних подходов идет активное взаимодействие с «дуализмом агентов», к которым относятся как организации в качестве государственных институтов, так и отдельные индивиды, составляющие каркас таких организаций. Организации сталкиваются с вызовами и давлением, исходящими из среды, которая содержит материальные ресурсы, от которых они зависят, многочисленные институциональные схемы, на которые они могут опираться, а также интересы акторов других полей, с которыми они находятся в различных формах взаимозависимости<sup>1</sup>.

Цель здесь состоит в том, чтобы дать некоторые теоретические объяснения относительно идеи общественного интереса и ее связи с частными интересами, так как эти отношения лежат в самом сердце игры за влияние, типичное для связей с общественностью (где все интересы каким-то образом утверждают, что в конечном итоге соответствуют «общественным интересам»)<sup>2</sup>. Любая форма управления может быть истолкована как политическая система, которая вовлекает управляемых и управляющих во взаимную зависимость и принятие правил, которые устанавливают степень и пределы власти<sup>3</sup>. Все эти элементы составляют важную часть GR-анализа и влияют на цепь делегирования полномочий.

Авксентьев В.А.  
(ФИЦ ЮЖНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

## **РИСКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА<sup>4</sup>**

Обострение конфликта вокруг Нагорного Карабаха создало новые риски стабильности в межэтнических отношениях на Северном Кавказе. Большинство субъектов Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) имеет значительные диаспоры армян и азербайджанцев. Наиболее крупная армянская диаспора в Ставропольском крае (более 161 тыс. чел, 5,8% населения, перепись 2010 г.), здесь же проживает 17 800 азербайджанцев. Из республик крупнейшая армянская диаспора в Республике Северная Осетия — Алания. Небольшие азербайджанские диаспоры проживают в других республиках СКФО, причем азербайджанская численно превосходит армянскую в Чечне и Ингушетии при небольших абсолютных величинах. Многочисленным является азербайджанское население в Дагестане (131 тыс. чел.). Поскольку в Азербайджане проживают крупные диаспоры дагестанских народов, Дагестан имеет разнонаправленные этнические связи с Азербайджаном при отсутствии таковых с Арменией.

Армянские и азербайджанские диаспоры хорошо структурированы в виде национально-культурных объединений, что значительно облегчило работу властей по предотвращению открытой межэтнической вражды в период обострения карабахского конфликта в 2020 г. Власти всех субъектов Федерации в СКФО быстро осознали нарастание угроз и рисков стабильности и приняли ряд упреждающих и «купирующих» мер. Был задействован весь арсенал средств: политико-административные, правоохранительные, идеологические. Руководители диаспор и объединений выступили с заявлениями о недопустимости конфликтов между представителями армянской и азербайджанской диаспор, о единой российской идентичности российских армян и азербайджанцев, об однозначной поддержке позиции и действий России в конфликте.

Серьезных происшествий в СКФО удалось избежать. В Ставропольском крае имелись факты сбора помощи воюющим сторонам, в основном армянской. Были единичные случаи «празднования победы» азербайджанцами, на которые оперативно реагировали власти. В республиках Северного Кавказа публичных конфликтов между представителями двух диаспор не было.

Кроме возможных конфликтов между представителями двух этнических групп, «размораживание» конфликта несет другие риски обострения межэтнических проблем и противоречий. Это обусловлено тем, что конфликт вокруг Нагорного Карабаха — типичный этнотерриториальный конфликт, отягощенный гео-

<sup>1</sup> Scott R. Organizations: Rational, Natural, and Open Systems. 5th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall. 2003. P. 35.

<sup>2</sup> Alberto B. Public affairs and political philosophy // The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs / Ed. by P. Harris, C. Fleisher. L., 2017. P. 151.

<sup>3</sup> Gomez P. A political theory of corporate governance // Cambridge University Press. May 2008. URL: <http://www.cambridge.org/9780521856386>.

<sup>4</sup> Публикация подготовлена в рамках ГЗ ЮНЦ РАН, № AAAA-A19-119011190170-5.

политическим соперничеством в кавказском регионе. На Северном Кавказе имеется немало территориальных споров, которые могут актуализироваться «по аналогии» под влиянием событий на Южном Кавказе.

Территориальная близость, активные экономические, этнические и культурные связи, а также общеисламская солидарность вызвали преимущественно проазербайджанские настроения в Республике Дагестан. В других восточных республиках Предкавказья также имелись факты поддержки азербайджанской стороны в конфликте. В сети «Интернет» обсуждались возможность или фактическое участие выходцев из Чечни в конфликте вокруг Нагорного Карабаха. Политические заявления христианских и мусульманских лидеров в обоих закавказских государствах укрепили религиозные рамки восприятия конфликта.

Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха нельзя считать не только разрешенным, но и урегулированным. Произошла «интервенция» в конфликт, его силовая остановка. В сложившейся обстановке осени 2020 г. это был единственный реалистичный вариант, конфликт, по сути, вернулся в «замороженное» состояние. Поэтому узел проблем вокруг Нагорного Карабаха будет являться источником рисков стабильности межэтнических отношений на всем Кавказе еще длительное время.

Развитие армяно-азербайджанских отношений на Северном Кавказе в период эскалации конфликта и после завершения вооруженной фазы свидетельствует, что в распоряжении властей имеются необходимые инструменты предотвращения конфликтов между двумя общинами. Поскольку перспективы разрешения конфликта вокруг Нагорного Карабаха неочевидны, а положение Армении в результате конфликта ухудшилось, можно прогнозировать отток населения из этого государства, часть которого выберет Северный Кавказ как хорошо обжитую территорию. Эта часть армянского народа будет переживать гораздо более сильный эффект травмы, чем армяне, находившиеся за пределами зоны конфликта. В этой связи необходимо дальнейшее внимание к армяно-азербайджанским отношениям во всех субъектах Федерации в СКФО, выявление жизненных стратегий прибывающих переселенцев (временное пребывание, постоянное место жительства), работа по адаптации (для прибывших временно) и интеграции в российское общество, формирование российской государственной и гражданской идентичности (для прибывших на постоянное место жительства). Идеологической основой работы с обеими диаспорами должны быть российская идентичность, гражданское участие, социокультурная интеграция. В поле постоянного внимания должны находиться сеть «Интернет», социальные сети, блоги и др., в которых формируется общественное мнение молодежи.

*Авцинова Г.И.  
(РГСУ, Москва)*

## **ЦИФРОВИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ПОНЯТИЕ, ЦЕННОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

**В** современных условиях интернет-коммуникативная среда изменяет сложившийся экономический уклад, социально-политическую систему, образ жизни людей, конструируя новые ценности и реальность, открывая новые возможности управления и координации деятельности, гражданского участия и контроля. Российские власти стремятся придать новый импульс цифровой трансформации, что нашло адекватное отражение в государственной политике поддержки ИТ-отрасли, разработке и внедрении цифровых проектов и программ, от реализации которых ожидают прорыва во всех сферах жизнедеятельности социума.

В отличие от традиционных подходов, в которых цифровизация понимается как преобразование информации в цифровую форму, в социально-политическом контексте цифровизация трактуется автором как перманентный процесс внедрения цифровых технологий в функционирование власти и общества, обеспечивающий трансформацию всех элементов политической системы. Некорректно рассматривать цифровизацию как однозначно позитивный процесс, способствующий появлению новых перспектив развития. Это справедливо лишь отчасти, это длительный процесс, оказывающий неоднозначное влияние на социально-политические взаимодействия. Повышение цифровой грамотности, уровня информированности граждан, благосостояния и качества жизни россиян, прозрачности деятельности чиновников, доверия к государственным органам и др. во многом зависят от характера взаимодействия власти и структур гражданского общества.

Новая динамика отношений власти и общества в условиях цифровизации актуализирует проблему одновременного разграничения сфер ответственности и объединения усилий. Сегодня масштабы информационного противодействия резко возросли, ведение информационной сетевой войны технически упростилось, появились возможности размещения негативного и анонимного сообщения, которое быстро распространяется в Сети. Разгул новых видов мошенничества (с телефонными звонками, кредитными картами), рост киберпреступности в целом, недостаточный уровень защиты персональных данных, увеличение дисбаланса между требованиями безопасности и личной свободы человека обуславливают рост напряженности и недоверия к власти, которые пролонгируются и на все другие

инициативы чиновников. Ярким примером является сопротивление вакцинации. Рост фейков в СМИ, особенно в социальных сетях, не всегда исходящих от заинтересованных в эскалации общественной напруги, актуализирует запрос на консолидированные действия государства, граждан, специальных институтов, политических акторов в целях обеспечения общественной безопасности.

Цифровизация расширила возможности проявления гражданской активности, социального и личностного креатива, объективации человека в цифровом пространстве без организационной институционализации, что предоставляет возможность реального воздействия на политическую повестку дня, создания информационного повода, инициирования значимых социальных проектов и движений, задействуя при этом минимальный ресурсный потенциал. Однако цифровое пространство, усиливая доступность и разнообразие способов проявления гражданских инициатив, актуализирует многовекторные внешние воздействия на гражданское общество, делая его объектом политического манипулирования, в том числе со стороны геополитических акторов, используя его потенциал как на благо государства, так и для его разрушения.

Цифровизация стимулирует ценностную вариативность, а также «клиповый» тип сознания, фрагментарное восприятие информации. Интернет воспринимается зачастую как источник абсолютного знания и авторитета, несмотря на явный разрыв между разнообразием предоставляемого контента и его ценностно-смысловым содержанием по конкретному вопросу. Противоречивость информации, исходящая в том числе и от представителей власти, длительность поиска ценностей, способных консолидировать общество, дестабилизируют государство. В ценностной структуре россиян значимое место сегодня заняли ценности безопасности, порядка, равенства перед законом, справедливости, сильного государства. Выработка согласованных действий власти и гражданского общества должна основываться на разъяснении гражданам смыслов ценностных конструктов и политических дискурсов, активизации функционирования согласительных площадок, диалоговых взаимодействий и технологий, наступательности в трансляции и защите ценностей, разделяющихся большинством россиян, расширении опыта общения губернаторов с населением по принципу прямой линии, который был апробирован в Москве, Петербурге, Татарстане, повышении ответственности на всех уровнях власти и гражданских организаций, а также отдельных политиков и личности и др. Без выстраивания ценностных приоритетов стратегию экономического процветания, политической стабильности и национальной безопасности реализовать невозможно.

Акимочкина М.С.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## **К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕФОРМАЦИИ**

**Х**арактерной чертой современного мира является растущее многообразие идеологических парадигм, и этот процесс зачастую сопровождается потенциальными или реальными социально-политическими конфликтами, которые определяются наличием противоположных или, по крайней мере, не совпадающих точек зрения в отношении политики, культуры, религии и т.д. Идеологические противостояния сегодня продолжают существовать на уровне многополярной рефлексии. Нельзя не согласиться с тезисом Э. Тоффлера о том, что противостояние либеральных демократий и их противников подобно столкновениям идеологических лагерей католицизма и протестантизма в эпоху Реформации<sup>1</sup>.

В этот период дискурс и политическая практика определялись масштабной идеологической фрагментацией, схожей с нынешним положением дел. Ценности, пронизывающие идеологии Реформации, впоследствии были положены в основу либеральных демократических обществ. Современная критика либерализма исходит в том числе из слабости идеи индивидуализма в противовес коллективизму и общей идентичности, которые характерны для более телеологических форм политики. Р. Плант отмечает, что классическая теология исходит из представлений об универсальном трансцендентном Боге и всеобщем мире христиан, а это определяет враждебное отношение к единству конкретных обществ. С другой стороны, вследствие Реформации появляется политическая теология как контекстуальное богословие, которое пытается связать классическую христианскую богословскую традицию с современной ситуацией<sup>2</sup>. Этим объясняется тот факт, что зарождение идеологии либерализма тесно связано с реформаторскими социальными доктринами, и это в то же время обусловило одно из основных противоречий современных сообществ, в которых вследствие индивидуализации жизни человека господствует чувство социального одиночества. Т. Болл полагает, что протестантские реформаторы совершенно непреднамеренно подготовили почву для либерального учения, с другой стороны, новые

<sup>1</sup> Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. С. 175.

<sup>2</sup> Plant R. Politics, Theology and History. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

принципы, «посеявшие семена», побуждали людей ценить индивидуальную совесть больше, чем сохранение единства и ортодоксальности<sup>1</sup>.

В этом контексте упомянутая Ю. Хабермасом дискуссия между протестантским теологом В. Хубером и Папой Бенедиктом XVI по вопросу совместимости знания и веры как раз характеризует возникший в начале XXI в. кризис либерального государства и культурное напряжение между христианством и исламом<sup>2</sup>. Возникают в современной науке и неожиданные на первый взгляд теоретические коллизии, например сравнение С. Хантингтоном протестантской Реформации и Исламского возрождения<sup>3</sup> или проводимые Э. Фроммом аналогии между идеологией Реформации и нацизмом<sup>4</sup>.

Идеологические парадигмы раннего модерна являются продуктом протестантского дискурса, фундаментом которого стала политическая аргументация, направленная на обличение властных и финансовых притязаний католической церкви. По замечанию Ш. Эйзенштадта, именно протестантство сформировало новую идеологическую систему Запада<sup>5</sup>.

Эпоха раннего модерна стала краеугольным камнем процесса секуляризации политического пространства и дискурса, сформировавшихся в период Средних веков. Сложно согласиться с Р. Коллинзом, который полагал переоцененным влияние протестантизма на европейскую цивилизацию, в том числе на интеллектуальную среду, в связи с тем, что секуляризация, философская революция и «научный рывок», по его мнению, не обязаны своим успехом Реформации<sup>6</sup>. Вместе с тем обратное демонстрируют многочисленные научные дискуссии об исторической роли Реформации в развитии философской и политической мысли. Более того, современные исследования ценностей и культуры констатируют историческое «лидерство» индустриализации и эмансипации свободы в рамках европейской цивилизации именно в странах Запада Реформации<sup>7</sup>.

Политические идеологии Реформации, как и любые другие идеологии, необходимо рассматривать как элемент действительности, который не должен подвергаться критике или этической оценке. В этом заключается главный методологический препон, который до сегодняшнего дня остается непреодоленным в современной теории идеологий.

Аксюмов Б.В.  
(СКФУ, Ставрополь)

## ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ В СУБЪЕКТАХ СКФО (ПО МАТЕРИАЛАМ ИВЕНТ-АНАЛИЗА)<sup>8</sup>

Политизация этничности по-прежнему выступает основным фактором этнополитической напряженности в Северо-Кавказском регионе. В рамках проекта «Тенденции этнизации/деэтнолизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе» был проведен ивент-анализ с целью определения событий, которые влияют или могут повлиять на процессы политизации/деполитизации этничности в семи субъектах Федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа. Для анализа был отобран 161 материал за 2020 г., в основном из интернет-источника «Кавказский узел», ведущего scrupulous учет событий в этнополитической сфере. Среди категорий анализа лидируют «сообщения о значимости/манифестировании национальных традиций» — 53 из 161. Проявление национальных традиций в жизни современного северокавказского общества напрямую не влияет на уровень политизации этничности. Однако при кажущейся деполитизированности этой темы выявлено, что 18 из 53 материалов так или иначе имеют негативные коннотации, что свидетельствует об имеющихся противоречиях в этой сфере, которые могут быть использованы для эскалации напряженности в межэтнических отношениях, и как следствие, привести к политизации этих процессов. Больше всего таких материалов выявлено по Дагестану (10 из 14).

На втором месте в общем рейтинге оказалась рубрика «Сообщения о значимости / использовании этничности в политике» — 34 материала по семи субъектам. Наибольшее количество ивентов по данной категории анализа зафиксировано в Кабардино-Балкарской Республике (КБР) — 10, Чечне — 9, Ингушетии и Дагестане — по 6. Значительно меньшее количество ивентов зафиксировано в Карача-

<sup>1</sup> Ball T. Political Ideologies and the Democratic Ideal. L.: Pearson Education, 2014. P. 50.

<sup>2</sup> Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь Мир, 2012. С. 77–78.

<sup>3</sup> Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 164–165.

<sup>4</sup> Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ, 2006.

<sup>5</sup> Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 249–250.

<sup>6</sup> Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

<sup>7</sup> Вельцель К. Рождение свободы. М.: ВЦИОМ, 2018.

<sup>8</sup> Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-011-00132.

ево-Черкесской Республике (КЧР) — 2 и Ставропольском крае — 1. В Северной Осетии не выявлено ни одного сообщения о значимости использования этничности в политике. Важность этой рубрики объясняется тем, что в ней собраны материалы, в которых можно проследить непосредственные проекции этничности на политические процессы и тем самым в известной степени определить уровень политизации этничности в том или ином анализируемом субъекте.

На третьем месте в суммарном рейтинге идут «Сообщения об этноисторических травмах» — 30 материалов. Распределение мест внутри данной рубрики в целом повторяет предыдущий раздел. На первых двух позициях расположились КБР и Чеченская Республика — 8 и 7 материалов соответственно, далее идут Дагестан — 6 и Ингушетия — 4, замыкает пятерку КЧР — 3 материала. А вот в конце рейтинга наблюдается небольшое изменение — на этот раз Северная Осетия и Ставропольский край поменялись местами — 2 и 0 материалов соответственно. Учитывая большую политическую важность для субъектов СКФО темы исторической памяти, частое использование мотива этноисторических травм в общественно-политическом процессе, коммеморативный фактор является одним из наиболее рискогенных с точки зрения использования этничности в политике. В этой связи суммарные результаты рубрик, занявших в итоговом рейтинге второе и третье места, можно рассматривать как определенную тенденцию.

Четвертое место в суммарном рейтинге заняли «Сообщения о конфликтах, напряженности в отношениях между этническими группами», таковых набралось 26. Первые два места распределили между собой Ингушетия и Дагестан — по 8 материалов. Далее идут: Чечня — 4, Ставропольский край — 3, КБР — 2, КЧР — 1, Северная Осетия — 0. Большинство материалов из данной рубрики имеют прямое отношение к политизированной этничности, поскольку основной массив обнаруженных в рамках ивент-анализа конфликтов имеют этнотерриториальный характер. Например, это неурегулированные споры об административной границе между Чечней и Ингушетией, получившие новый импульс после недавнего обмена территориями. Сюда же относятся многочисленные этнотерриториальные конфликты в Дагестане. Неудивительно, что именно Дагестан, Чечня и Ингушетия расположились на трех первых позициях внутри данной рубрики.

Остальные рубрики, вошедшие в классификатор ивент-анализа, вобрали в себя значительно меньшее количество материала. Отметим несколько интересных нюансов. Так, все три ивента из рубрики «Сообщения о значимости русского языка» пришлись на КБР и были связаны с обсуждением поправки в конституцию о языке государствообразующего народа. Также к КБР относятся оба ивента из рубрики «Сообщения о значимости / использовании этничности в экономике». К Ингушетии относятся единственные выявленные ивенты из рубрик «Сообщения о значимости / использовании этничности в переписи населения» и «Сообщения о российском народе, российской нации».

Ивент-анализ выявил существенную значимость тематики политизации этничности в субъектах СКФО. Основные линии политизации этничности в регионе — нерешенные этнотерриториальные проблемы, доминирование травмирующих сюжетов в коммеморативных практиках, попытки отдельных этнических групп влиять на власть по этническому принципу.

*Алейников А.В., Сунами А.Н.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)*

## **РИСК-РЕФЛЕКСИИ И СТРАТЕГИИ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ<sup>1</sup>**

**С**порные результаты экспресс-тестов на эффективность управления рисками и угрозами указывают на необходимость обновления эвристического инструментария механизмов и методов решения задач политического риск-менеджмента.

На наш взгляд, все участники дискуссии по вопросам восприятия рисков пандемии так или иначе подтверждают тезис У. Бека о смене в современном мире логики «распределения богатства в обществе» «логикой распределения риска» [1, с. 21].

Являются ли риск-рефлексии элементом отражения господствующего властного дискурса, определяющего, что рискогенно, а что нет, т.е. навязывающего формы восприятия риска и рискового поведения? Отсутствие ясности при ответе на этот вопрос неизбежно порождает, используя определение М. Хайдеггера, своего рода «усредненную и смутную понятность» [2, с. 20].

В условиях «воспроизводимого алгоритма успешного экстремального поведения без правил, в котором власть с легкостью провоцирует повторные риски, опираясь на безответственность перед населением» [3], это влечет преференции, оказываемые властью какой-либо социальной групп в ущерб другим, поскольку риски иерархичны и им в большей степени подвергаются слои общества, наименее всего способные к минимизации его последствий [4, р. 216].

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00115)

Поскольку «социально признанные риски несут в себе своеобразный политический детонатор: то, что до сих пор считалось аполитичным, становится политикой» [1, с. 26], они определяют паттерны и стратегии конфликтного поведения — «риск» призывает на службу для выпадов против злоупотреблений власти. Обвинение в создании обстановки риска — это дубинка для битья авторитетов, средство расшевелить ленивых бюрократов, вырвать возмещение для жертв» [5, с. 245].

В соответствии с моделью «двойной заинтересованности» [6] можно выделить в системе координат восприятия рисков, в зависимости от ориентации на собственные интересы или на интересы солидарности «жертв рисков», стратегии избегания, приспособления, доминирования и компромисса.

Особого внимания заслуживает в ситуации риска использование тактики доминирования производителей над потребителями. При этом важно, что доминирование (и мы это наблюдаем в тактиках управления рисками в период пандемии) может принимать формы [7]:

- обольщения жертвы риска с помощью восхваления ее достоинств. При этом важно, что если потребитель риска отдает себе отчет в том, что стремление произвести впечатление (например, действия власти при организации вакцинирования) связано с заботой о собственной выгоде, то любое проявление «обольстительного» поведения будет расценено как манипуляция;
- обольщения жертвы риска с помощью создания впечатления о взаимном сходстве;
- обольщения жертвы риска с помощью оказания услуг;
- тактики «взъерошивания перьев» (сбить с толку, привести в смятение, ослабить упорство), направленной на усыпление подозрений жертвы риска поступками, якобы направленными ей на пользу, либо путем создания у нее чувства безответственности и некомпетентности. Эта тактика успешна, когда сбитые с толку потребители опасностей не подозревают о том, что их в состоянии смятения привели специально;
- тактики скрытых укоров, когда под видом безобидных замечаний о реальных фактах добиваются угрызений совести;
- убедительной аргументации, склонения жертвы риска к снижению своих притязаний с помощью логических доводов;
- угрозы нанести вред;
- нерушимых обязательств, когда угрозы строятся по принципу «если... то» (власть заявляет о том, что будет вести себя определенным образом, а потребителям риска необходимо к этому приспособиться).

#### Литература

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.
3. Павловский Г. Ироническая империя. Риск, шанс и догмы Системы РФ. М.: Европа, 2019.
4. Tierney K.J. Toward a Critical Sociology of Risk // Sociological Forum. 1999. Vol. 14. No. 2. P. 215–242.
5. Дуглас М. Риск как судебный механизм // THESIS. 1994. № 5. С. 242–253.
6. Thomas K.W., Kilmann R.H. Developing a forced-choice measure of conflict-handling behavior: The “mode” instrument // Educational and Psychological Measurement. 1977. Vol. 37. Iss. 2. P. 309–325.
7. Рубин Дж., Пруйт Д., Ким Х. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение. СПб.: Прайм-еврознак, 2003.

**Алексеев Д.В.**  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## **СООТНОШЕНИЕ КАРЬЕРНЫХ ТРАЕКТОРИЙ И КАРЬЕРНЫХ ОЖИДАНИЙ МОЛОДЕЖИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ<sup>1</sup>**

**В** настоящее время проблема собственной идентификации для молодежи встала особенно остро. Неисключением являются и молодые исследователи, студенты. Неясность карьерных перспектив, размытая идентичность стимулируют в том числе и рост протестной активности молодежи. Молодые политологи при этом активно вовлечены в повестку, причем как обладая соответствующими знаниями в области политических наук, так и уже имея возможность применять свои знания на практике.

Проблема идентичности в рамках текущей социально-политической реальности стоит крайне остро. Круглые столы, научные мероприятия, которые в последние годы проводились сообществом молодых политологов, подтверждают: начинающие исследователи и студенты не видят ясных перспектив построения успешной карьеры в рамках своей профессии. Отчасти это происходит из-за завышенных ожиданий от специальности и социально-гуманитарного профиля. Например, на серии круглых

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32262.



столов «Знание о политике: как получить и где применить?» многие студенты отмечали, что при поступлении, по сути, не видели разницы между политологией и политикой<sup>1</sup>. С этим разочарованием во многом связан рост протестного потенциала среди молодежи, в том числе и у обучающихся по социально-гуманитарным специальностям.

Одним из важнейших каналов политической социализации и профессиональной адаптации для студентов, магистрантов и аспирантов являются молодежные организации. В данном случае речь идет и о научных сообществах. Идентификация себя через сообщество, а в дальнейшем и посредством принадлежности к той или иной профессиональной группе — важная составляющая личности молодого человека.

Таким образом, вопрос, связанный с карьерными траекториями и карьерными ожиданиями молодых людей, ученых и политологов, тесно связан с проблемой идентичности. К. Кэлхун определял идентичность среди прочего и через общность характеристик и связь с сообществом<sup>2</sup>. Больше того, сообщества, основанные на идентичностях, «чувстве принадлежности, общности интересов, которые складываются в процессе социализации индивидов», являются наиболее прочными<sup>3</sup>. Отметим, что главной консолидирующей силой профессионального сообщества как раз и является общность интересов. Сегодня у молодежи наблюдается дефицит идентичности. Далее, в процессе обучения этот дефицит часто лишь усиливается.

Проблема реализации профессиональных амбиций молодых людей и, в частности, ученых также связана с социальным капиталом, который у них накоплен на момент старта полноценной карьеры. П. Бурдьё определял его как средство, необходимое для удовлетворения интересов определенных агентов и являющееся предпосылкой эффективного действия в определенной области<sup>4</sup>. Последовательное карьерное продвижение невозможно без приумножения собственного символического (статус), человеческого (знания, навыки), реляционного (коммуникация, партнеры, связи) капитала.

Таким образом, молодежь с трудом осознает свое место в текущей социальной реальности. В поиске идентичности могут помочь вовлечение в жизнь молодежной политологической организации, а также участие в крупных мероприятиях. При этом актуальным и системно нерешенным остается вопрос о будущем молодых политологов, их возможных карьерных траекториях. Данная проблема нуждается в более глубокой проработке, с использованием социологических методов.

При этом с довольно большой долей уверенности можно сказать, что у значительной части студентов и молодых ученых существуют завышенные карьерные ожидания. Часть молодых людей, напротив, не уверены в себе и в выборе той специальности, по которой они обучаются. Последнее может быть связано не с тем, что та или иная образовательная программа не имеет перспектив, но с недостаточным осознанием тех возможностей, которые открываются перед молодежью. Поставленные в настоящем тексте проблемы и гипотезы в дальнейшем будут глубоко проработаны, а результаты представлены в последующих статьях.

Алексеева Т.А.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## КОНСТРУКТИВИЗМ: «ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ». ЧТО ДАЛЬШЕ?

Успех конструктивизма во многом был связан с тем, что он предложил «третий, средний путь» в отношении чуть ли не всех бинарных оппозиций, составлявших «основной поток» дискуссий в политической теории, то есть позволял отойти от крайностей рационализма/рефлексивизма, реализма/идеализма, индивидуализма/холизма и т.д. Отсюда вполне закономерный эклектизм конструктивизма, его компромиссность, нечеткость очертаний и относительная нестрогость методических требований, что отнюдь не делает его менее интересным эвристически или менее применимым как *usable knowledge* (полезное знание).

Не только конструктивизм, но и другие парадигмы в теории международных отношений не являются однозначно и жестко зафиксированными с точки зрения ее отличительных признаков и концептов. Мало того, что большая часть концептов в соответствии с известным определением В. Гэлли «сущностно оспариваемы», то есть допускают множество интерпретаций при сохранении подвижного

<sup>1</sup> Сообщество молодых политологов: Сетевой анализ: Коллективная монография / И.А. Помигуев, Д.В. Алексеев, П.С. Копылова и др. М.: Аспект Пресс. 2021. С 253–254.

<sup>2</sup> Calhoun C. Nationalism, Political Community and the Representation of Society or, Why Feeling at Home is not a Substitute for Public Space // European Journal of Social Theory. 1999. Vol. 2. No. 2. P.217–231.

<sup>3</sup> Панова П.В., Сулимова К.А., Фадеева Л.А. Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций. М.: РОССПЭН. 2012. — 263 с.

<sup>4</sup> Бурдьё П. Формы капитала / Пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. Электронный журнал. 2020. Т. 3. № 5. С. 60–74.

«нервного узла», так и границы парадигмы отличаются прозрачностью, текучестью и взаимоналожением с другими парадигмальными подходами:

*во-первых*, довольно часто присутствует расширительное понимание содержания и методологии парадигм, когда пределы их раздвигаются беспредельно или вообще не фиксируются;

*во-вторых*, нередко парадигма воспринимается как «зонтик», укрывающий под своей сенью чуть ли не всякого исследователя, пожелавшего провозгласить себя ее адептом или получившего такой «порт приписки» со стороны коллег;

*в-третьих*, имеются прецеденты, когда смысл парадигмы настолько сужается, что может вообще предстать как «несущественный»;

*в-четвертых*, для теории международных отношений не менее опасным является также догматизация признаков парадигм, кочующая из учебника в учебник. Заученные подобно мантрам в студенческие годы, эти определения нередко остаются с международниками пожизненно, препятствуя как профессиональному мышлению дипломатов, так и развитию теоретического мышления.

Между тем вполне возможно зафиксировать отличительные черты конструктивизма с точки зрения поколенческого анализа, в частности особенности его наиболее современного третьего поколения. Третье поколение конструктивистов вновь вернулось к постпозитивизму (при всей его многоликости), снова обратилось к исследованию дискурсов и интерпретации смыслов. Но речь идет не о повторении пройденного, а о заметном развитии онтологического, эпистемологического, методологического и этического подходов первого поколения, во многом отвергнутых вторым поколением.

Если конструктивисты второго поколения почти не интересовались проблемой самости — человеческого «Я» и взаимоотношений с другими людьми, не принимали во внимание глубоко социальный характер людских связей, то интерес представителей третьего поколения направился на изучение прежде всего девиантного поведения.

В своих размышлениях они опираются на философию диалога известного философа-экзистенциалиста Мартина Бубера (1878–1965).

Условиями межличностного диалога, по Буберу, является не просто присутствие, а подлинное намерение решить какую-то проблему, а также открытость по отношению друг к другу. В результате возникают отношения «Я–Ты» (*I–You*), то есть способность слышать собеседника и осознавать единство сосуществования с ним. Конструирование отношений «Я–Ты» позволяет связать несколько «Я» вокруг общего центра и тем самым создать «межличностную сферу» отношений, или «Мы» как сообщество.

Но Бубер не остановился на этом. Он раскрыл также тип отношений — «Я–Оно» (*I–It*), который основывается на инструментализации членов общества и дистанцировании людей друг от друга. Эти отношения препятствуют возникновению диалога и формированию сообщества «Мы». Отношения обоих типов, по Буберу, возникают не только между личностями, но также между личностями и природой и даже между такими интеллектуальными сущностями, как теории. В любом случае это означает принятие Другого, признание инаковости. Бубер подчеркнул, что в диалоге нет места для господства или иерархии, так же как и исключения кого-то из участия. Соответственно, «диалогичный мир», по Буберу, — это событие, происходящее между двумя людьми без взаимных оговорок. Однако реальный диалог в наше время стал невозможным — слишком много сопутствующих обстоятельств, поэтому восстановление чисто человеческой способности к ведению диалога должно стать важнейшей задачей. Во-первых, социологический фактор, выражающийся во внутренней дезинтеграции людей, в частности в разрушении семьи и малых профессиональных сообществ, следствием чего становится глубочайшее одиночество человека. Во-вторых, кризис, который Бубер обозначил как «выпадение человека из собственной работы», происходящее не только в сфере технологий, но также в политике и экономике в широком смысле слова. Ни индивидуализм, ни коллективизм не могут решить проблему одиночества человека.

Поэтому межличностный диалог как «ядро» буберовской политической и социальной философии рассматривается конструктивистами третьего поколения в качестве главного лекарства для современного общества от всеобщего отчуждения.

Алименко И.А.  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Орел)

## **ПАРАДИГМА ЭКСПОРТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ: ОСОБЕННОСТИ РЕЖИМА ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РФ В ОТРАСЛИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (АПК)**

Государственная политика постсоветской России в отрасли АПК, реализуемая правительством страны, органами власти и управления субъектов РФ, относится к числу актуальных, жизненно важных и приоритетных политик института государства. Именно в данной политике интегрирована проблематика экономической безопасности государства, обеспечение граждан продовольствием (для этих целей

в 2010 г. была принята «Доктрина продовольственной безопасности», переутвержденная в начале 2021 г.). Таким образом, данный тип отраслевой политики, процесс ее выработки и реализации представляет собой значимый элемент публичной политики. Политики, разрабатываемой правительственной бюрократией и органами госуправления, затрагивающей массовые социальные слои и группы населения<sup>1</sup>.

В пространственно-временном континууме постсоветской России публичная политика в отрасли АПК, на наш взгляд, базировалась на трех парадигмах: 1) парадигме выживания (1992–2004), предусматривающей в том числе и масштабный импорт сельхозпродукции, 2) парадигме импортозамещения (2005–2017), с принятием приоритетного нацпроекта «Развитие АПК» и ФЦП, 3) парадигме экспортно-ориентированного развития (2018 — по н/в), с наличием нацпроекта «Международная кооперация и экспорт», где сделана особая ставка на экспорт сельскохозяйственной продукции. При этом стиль работы правительств РФ, сменяющих друг друга, в рамках типологии Х. Хекло (экономические действия могут быть обусловлены структурированными социальными отношениями<sup>2</sup>) стоит оценивать как открытый.

Важно также подчеркнуть, что деятельность правительств в парадигмах импортозамещения и экспортно-ориентированного развития принесла свой результат. По итогам 2020 г., согласно данным федерального центра «Агроэкспорт», Российская Федерация экспортировала на мировые рынки 79,4 млн т сельскохозяйственной продукции, что в суммарном выражении оценивается в 30,6 млрд долл. Данная эффективность во многом объясняется режимом публичной политики, представляющей собой формат регулирующих механизмов для решения возникших проблем в отраслях и сферах. При этом сами регулирующие механизмы стоит рассматривать в комплексе, сочетающем в себе три основных компонента.

Во-первых, это смыслопроизводство, в процессе которого активные агенты (в нашем случае правительство РФ и органы государственного управления российских регионов) конструируют идеи и события<sup>3</sup>, формирующие направления и приоритеты конкретных действий в политике. К примеру, устоявшийся в период 1990-х годов паттерн «АПК — черная дыра отечественной экономики» в процессе практических действий власти и бизнеса был заменен на паттерн «АПК — один из драйверов экономики и экспорта».

Во-вторых, парадигма экспортно-ориентированного развития в разрезе режима публичной политики представляла и представляет собой некий институциональный дизайн, включающий в себя институты развития, структуры власти, системы мониторинга и контроля реализуемой политики. К примеру, институтами развития в ракурсе экспортной политики являются АО «Российский экспортный центр», Центры поддержки экспорта в субъектах РФ. В-третьих, это интересы и группы интересов (отраслевые общественные организации бизнеса в отрасли АПК), которые мотивированы на участие в реализации проводимой политики в отраслях и сферах.

Алонци Р.  
(РУДН, Москва)

## МЕЖДУНАРОДНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ЕС И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ<sup>4</sup>

Определение политологического характера Европейского союза как субъекта с уникальной институциональной природой, отличной от ранее существовавших политических конфигураций<sup>5</sup>, связано с вопросом обозначения его политической идентичности. Формирование политической идентичности Европейского союза происходит комплексно, посредством обретения европейцами общего видения своей судьбы.

В противовес этому анализ природы ЕС и его взаимодействия с другими акторами глобальной и региональной международной системы показывает, что Союз приобретает собственную международную субъектность<sup>6</sup>, что проявляется особенно в плане развития его отношений с Россией.

Концепция общей внешней политики теоретически действует в качестве главного фактора легитимизации деятельности ЕС в отличие от труднорешаемых вопросов, касающихся европейской политической идентичности и направлений интеграционного процесса.

<sup>1</sup> *Андерсон Дж.* Публичная политика: введение // Публичная политика: от теории к практике / Сост. и науч. ред. Н.Ю. Данилова, О.Ю. Гурова, Н.Г. Жидкова. СПб.: Алетейя, 2008. С. 11–34. С. 12.

<sup>2</sup> *Hecklo H.* Thinking institutionally // *Political Institutions* / R.A.W. Rhodes, Sarah A. Binder, Bert A. Rockman. N.Y.: Oxford, Universitypress, 2006. P. 732.

<sup>3</sup> *Вейк К.* Смыслопроизводство в организациях / Пер. с англ. П.К. Власова, А.В. Коченгина. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2015. С. 21.

<sup>4</sup> Доклад подготовлен в рамках проекта “Understanding and Teaching the EU to future Mass cOmmunication Specialists” (Проект № 621052-EPP-1-2020-1-RU-EPPJMO-MODULE), Erasmus + Jean Monnet Actions.

<sup>5</sup> *Manners I.* Normative Power Europe: a contradiction in terms? // *JCMS*. 40:2. 2002. P. 235–258.

<sup>6</sup> *Manners I., Whitman R* The “difference engine”: constructing and representing the international identity of the European Union // *Journal of European Public Policy*. 2003. Vol. 10. No. 3. P. 380–404.

Начиная с 1990-х годов события в Югославии и военное вовлечение НАТО в конфликт в Косово показали необходимость переосмысления системы общеевропейской внешней политики. Декларация Сент-Мало 1998 г. открыла путь к принятию в июне 1999 г. на саммите Евросоюза в Кельне концепции Общей европейской политики безопасности и обороны (ОЕБП). По сравнению с более широкой деятельностью Североатлантического альянса эта новая структура должна была действовать в рамках определенных ограничений, в первую очередь при условии *no decoupling, no duplication, no discrimination* («без нарушения связи, без дублирования, без дискриминации»). В результате европейская внешняя политика долгое время следовала скорее межправительственному, чем наднациональному подходу (например, в решении ливийского или сирийского вопросов). Тем не менее текущие события показывают, что межправительственный характер внешней политики ЕС меняется в пользу все более атлантического подхода к вопросам, представляющим общеевропейский интерес.

Особенно в отношении России Европейский союз восстанавливает единое видение вопросов «высокой политики», т.е. общих принципов, регулирующих международные отношения. Таким образом, классическое определение ЕС как нормативной силы находит максимальное отражение в его международной субъектности.

При этом ограничения нормативной силы ЕС по отношению к России очевидны.

Первое ограничение — применение принципа стабильности и предсказуемости международной политики. Заявления, озвученные в саммитах «Группы семи», Североатлантического альянса в Брюсселе, а также на встрече Дж. Байдена с председателем Евросовета Ш. Мишелем и председателем Еврокомиссии У. фон дер Ляйен, свидетельствуют об отсутствии единого толкования тех же самых принципов.

Второе ограничение — международная политика как ЕС, так и всего Запада проводится во все более одностороннем контексте, а не многостороннем, на котором настаивает Россия. 10 июня 2021 г. Дж. Байден и Б. Джонсон подписали новую англо-американскую Атлантическую хартию в качестве актуализированной версии, подписанной Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в 1941 г. К «первоначальной» хартии присоединился и СССР. Как отмечал Сергей Лавров, новая хартия не содержит упоминаний ООН или ОБСЕ<sup>1</sup>. Глава МИД России подчеркивал нарушение принципов ООН-центричной архитектуры безопасности<sup>2</sup>, а также ООН-центричного мироустройства. В числе наиболее одиозных примеров Лавров привел реализуемый Парижем и Берлином проект «Альянс за мультилатерализм» и продвигаемую США при поддержке НАТО и ЕС инициативу «саммита демократий».

Третье ограничение — последствия сложностей процесса формирования общих для ЕС интересов внешнеполитического характера. После распада СССР, в то время как европейские политики продолжали сомневаться в том, кто «выиграл» холодную войну, Соединенные Штаты начали формировать образ России как внешнего врага. В то же время возникновение ЕС совпадало со снижением влияния так называемого «исторического Запада» на мировые дела.

Четвертое ограничение — реальная политика. Женевский саммит Путина и Байдена 16 июня 2021 г. показал, что в условиях невозможности представить систему международных отношений как однополярный и односторонний комплекс международное равновесие будет все больше зависеть от формы, которую примет естественное соперничество между Москвой и Вашингтоном, а также между Вашингтоном и Пекином.

Аль-Дайни М.А.  
(ИМО и СПН МГЛУ, Москва)

## ПСИХОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Проблема исследования современного мирового политического процесса напрямую связана с проблемой международных отношений, в структуре которых наряду с политическими, экономическими, юридическими, культурными, военными и дипломатическими факторами важнейшую функциональную роль играют также факторы психологические. Данные факторы изучаются в рамках психологии международных отношений, которая представляет собой развивающееся направление политической психологии. Фундаментальным основанием данного направления можно считать такие отрасли политологии и психологии, как социальная психология и политическая социология, психология масс, этнопсихология и этнопсихология, конфликтология и коммуникативистика, психология дипломатии и переговоров.

<sup>1</sup> URL: [https://www.mid.ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4801890?fbclid=IwAR2krP UysEPbO\\_3KZGTCPkI\\_8u7i75Slzw8EweZh6BRQiW-Ru1O3nCx6jXo](https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4801890?fbclid=IwAR2krP UysEPbO_3KZGTCPkI_8u7i75Slzw8EweZh6BRQiW-Ru1O3nCx6jXo).

<sup>2</sup> URL: [https://www.mid.ru/foreign\\_policy/international\\_safety/-/asset\\_publisher/FXwQn3fmpBvm/content/id/4798212](https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/-/asset_publisher/FXwQn3fmpBvm/content/id/4798212).

Одним из главных детерминант современных международных отношений является внешнеполитическое восприятие, которое представляет собой восприятие индивидом образа как своей, так и другой страны в контексте мирового политического процесса. В данном контексте образ страны можно трактовать как внешнеполитический образ государства, формирование которого в массовом сознании происходит под воздействием таких психологических механизмов, как категоризация, идентификация, стереотипизация и атрибуция. Большое значение в данном процессе имеют такие компоненты когнитивной организации массового политического сознания, как идеологемы, концепты, образы, стереотипы, установки и фреймы. Их формирование происходит под влиянием как эндогенных (например, политический менталитет, политическая культура, специфика развития исторического процесса, геополитические характеристики), так и экзогенных (например, политическая идеология и политическая пропаганда, информационно-психологическое воздействие в целом) факторов.

Таким образом, если рассматривать все перечисленные выше аспекты в качестве основных направлений исследований, то можно выделить две проблемы, которые могут изучаться в рамках психологии международных отношений: проблема влияния восприятия образа страны на формирование специфики международных отношений<sup>1</sup> и проблема технологического использования феномена политического восприятия в целях формирования в массовом политическом сознании образа страны.

В качестве теоретико-методологического основания исследования данной проблематики можно использовать методику исследования политического восприятия и политических образов, разработанную профессором Е.Б. Шестопа<sup>2</sup>, а также методику исследования политического поведения, разработанную М.А. Аль-Дайни (если рассматривать международные отношения как разновидность политического поведения)<sup>3</sup>. Таким образом, автор данных тезисов разработала интегративную методику исследования внешнеполитического восприятия.

В заключение следует отметить, что, помимо внешнеполитического восприятия и внешнеполитического образа<sup>4</sup>, в предметное поле психологии международных отношений входит исследование таких феноменов, как внешнеполитический имидж государства и его лидера<sup>5</sup>, внешнеполитическая идентичность<sup>6</sup>, внешнеполитический дискурс<sup>7</sup> и внешнеполитическая коммуникация<sup>8</sup>. Сюда можно также причислить такой интересный политико-психологический феномен, как «внешнеполитический комплекс»<sup>9</sup>, который оказывает прямое воздействие на характер и специфику международных отношений в целом и взаимоотношений государств в частности.

Ананченко А.Б. (МПГУ, Москва),  
Шаповалов В.Л. (МПГУ, МГИМО МИД России, Москва)

## ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ<sup>10</sup>

**А**нализ политического поведения современной российской молодежи показывает наличие разнонаправленных трендов, связанных как с ценностной ориентацией личности, социальной группы, так и с возрастными особенностями внутри большой группы.

<sup>1</sup> Киселев И.Ю. Образы государств в международных отношениях: механизмы трансформации // ПОЛИС. 2003. № 3. С. 50–57.

<sup>2</sup> Шестопа Е.Б. Восприятие зарубежных стран российскими гражданами // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. № 4. Т. 11. С. 16–28; Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопа. М.: Аспект Пресс, 2008. — 288 с.

<sup>3</sup> Аль-Дайни М.А. Специфика формирования типов электорального поведения в современной России: политико-психологический анализ // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. № 2 (800). С. 9–25.

<sup>4</sup> Herrmann R.K. Perceptions and Image Theory in International Relations // The Oxford Handbook of Political Psychology 2nd ed.) / Ed. by L. Huddy, D.O. Sears and J.S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 334–363.

<sup>5</sup> Анисимова С.Ш. Внешнеполитический имидж государства как атрибут современных международных отношений // Sciences of Europe. 2021. № 67. С. 42–45.

<sup>6</sup> Цырфа Ю.А. Теоретические основы формирования внешнеполитической идентичности актора международных отношений // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2014. № 1 (27). С. 174–179.

<sup>7</sup> Ярославцева Я.А. Специфика внешнеполитического дискурса // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 4 (42). С. 185–191.

<sup>8</sup> Моторина Д.А. Феномен внешнеполитической коммуникации: политико-психологический аспект // American Scientific Journal. 2021. № 47. С. 31–34.

<sup>9</sup> Яковлева Ю.Е. «Комплекс немецкой вины» как политико-психологический феномен // Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft. 2021. № 6. С. 50–53.

<sup>10</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31891 «Треки 2024: прогнозирование политического выбора молодых избирателей».

В публичном пространстве в настоящее время больше внимание уделяется активной группе, демонстрирующей самореферентность и доведенное до антисоциальности самоутверждение. В рамках самопрезентации ею декларируются привлекательные идеи и легкие пути их достижения. В полном соответствии с концепцией «активного (кричащего) меньшинства» они во многом формируют медийный образ молодежи. Формы политического и гражданского участия этой части молодежи характеризуются ситуативной политической гиперактивностью, сопряженной с неконвенциональными действиями и долгосрочной пассивностью.

Однако одновременно мы наблюдаем значительное число молодых граждан, вовлеченных в гражданские и социально значимые проекты, демонстрирующих заинтересованность в долгосрочных конвенциональных действиях.

Значительная часть молодежи подчеркнута аполитична, что не исключает ее вовлечения в политические и электоральные процессы.

Научной задачей исследования является анализ соотношения ценностных ориентаций и моделей политического поведения молодых граждан, определение основных трендов развития и масштаба используемых сценариев политического поведения молодежи, в том числе в зависимости от возрастной группы.

Целью данного исследования является на основании анализа ценностных установок и политических запросов российской молодежи сформировать прогноз треков участия молодежи в политических и электоральных процессах 2024 г., определить стратегии и мотивацию участия, выявить доминирующие сценарии, формы и методы политического участия.

Исследование носит междисциплинарный характер. В ходе исследования применялись подходы и методы политической науки, социологии, а также исследовательских подходов социально-медийного анализа.

Были проведены социологические исследования, направленные на выявление ценностных ориентаций, политического запроса и мотивации участия молодежи в политических и гражданских процессах. В качестве методов исследования использовались глубинные интервью, фокус-группы, опрос. Объектом исследования выступила российская молодежь в возрасте от 15 до 24 лет, дифференцированная по возрастному показателю (15–17 и 18–24) и по территориально-географическому признаку. В исследовании приняли участие представители молодежи четырех субъектов Федерации, представляющих разные федеральные округа. Выборка исследования была структурирована по географии проживания: городские населенные пункты свыше 1 млн жителей, от 500 тыс. до 1 млн, 300–500 тыс., 100–300 тыс., малые города и сельские населенные пункты. Для оценки активности молодежи в социальных медиа, выявления основных дискурсов и практик активности в политической и гражданской сферах были применены методы социально-медийного анализа.

Результатом исследования стало выявление и прогнозное описание треков участия молодежи в политических и электоральных процессах 2024 г.

Была проведена и обоснована кластеризация российской молодежи относительно стратегий и мотивации политического участия. Выявлены и ранжированы треки: сценарии, формы и методы политического участия относительно потенциального масштаба приемлемости со стороны российской молодежи; проведено определение приемлемых и неприемлемых для молодежи сценариев участия в политическом, электоральном и гражданском процессах.

Были определены изменения в базовых ценностях, отношении к политике, формах и методах участия с момента от подросткового возраста (15–17 лет) к следующей возрастной категории молодежи (18–24 года), представлена перспективная оценка политических предпочтений, форм и методов участия молодежи в политических, электоральных и гражданских процессах.

По результатам исследования были сформулированы следующие выводы. Ценностные ориентации, политические запросы и мотивация молодежи дифференцированы в зависимости от возрастной страты, масштабов населенного пункта; определяются информационно-коммуникационной средой, степенью включенности в социально значимые гражданские инициативы. Представители старшей возрастной группы (18–24 года), молодые люди, проживающие в средних и малых городских и сельских населенных пунктах, а также принимающие активное участие в социально значимых проектах, демонстрируют большую степень заинтересованности к участию в конвенциональных действиях.

Андерхальден Ю.С.  
(РАПН, Москва)

## ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕМАТИКИ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ<sup>1</sup>

История изучения понятия научной дипломатии и соответствующей практики относительно молода, однако к настоящему времени сложился обширный пласт работ по рассмотрению теории и практик родовой по отношению к научной дипломатии сфере — публичной дипломатии. В литературе сложилось две точки зрения на истоки возникновения понятия «публичная дипломатия». Одни исследователи (Н. Смирнов) относят первое упоминание к XIX в., когда в 1856 г. в газете *Times London* этот термин был упомянут в качестве синонима вежливости. В 1871 г. термин был использован конгрессменом США С. Коксом в значении «открытой, честной» дипломатии. Во времена Первой мировой войны термин «публичная дипломатия» использовался для характеристики новых методов внешней политики, хотя более популярной была «открытая дипломатия», акцентировавшая публичный характер международных отношений. И в целом до окончания Второй мировой войны термин «публичная дипломатия» использовался как синоним «гласности», «общественного сотрудничества» и «беспристрастности».

Однако большинство исследователей в качестве пионера использования понятия «публичная дипломатия» называют декана Школы права и дипломатии имени Флетчера в Университете Тафтса Э. Гуллиона, который предложил следующее толкование: «публичная дипломатия... имеет дело с влиянием общественных отношений на формирование и осуществление внешнеполитической деятельности. Эта деятельность охватывает те аспекты международных отношений, которые находятся за рамками традиционной дипломатии... Главным в публичной дипломатии является транснациональный поток идей и информации». В развитие этой позиции в 1968 г. соотечественник Гуллиона А. Хоффман в работе «Международные коммуникации и новая дипломатия» писал, что «революция средств массовых коммуникаций породила новую дипломатию, чьи методы еще совершенно не изучены».

Несомненно, революционной вехой в эволюции парадигмы публичной дипломатии стали работы по изучению «мягкой силы» в работах одного из классиков теории международных отношений, Дж. Ная, который рассматривал публичную дипломатию как инструмент распространения «мягкой силы»<sup>2</sup>.

В исследовании эволюции понятия «публичная дипломатия» классической стала работа известного американского специалиста Н. Калла. Особенности эволюции теоретических оснований и практики публичной дипломатии анализируются в работах Я. Мелиссена; Э. Гилбоа; Дж.Р. Кейли; Дж. Берриджа; А. Хенриксона; К.Дж. Айхана; А. Долинского; Н. Цветковой; М. Харкевича.

Изменение характеристик традиционной публичной дипломатии, эволюция расширения ее субъектного поля рассматриваются в исследованиях Н. Сноу; Р.С. Захарны; П. ван Хэма; М. Лебедевой; Н. Цветковой; Т. Зоновой; А. Подберезкина; Ш. Мюллера; Б. Грегори; Г. Лии и К. Айхена; О.В. Столетова и И.А. Чихарева. Учитывая размытость понятийного аппарата публичной дипломатии и частое употребление данного термина в качестве синонима для других близких категорий, заинтересованные исследователи при анализе соотношения термина «публичная дипломатия» со смежными понятиями опираются на работы Дж. Кинга; М.М. Лебедевой; Е.В. Василенко; А. Боброва; С. Анхольта; Г. Сзонди; К.П. Борншполец; Ю.А. Никитиной. Целый ряд значимых для темы аспектов рассматривался в обобщающей коллективной монографии «Публичная дипломатия: теория и практика» под ред. М.М. Лебедевой<sup>3</sup>.

В большинстве источников научную дипломатию рассматривают как разновидность публичной дипломатии и как один из элементов государственной научно-технической политики РФ<sup>4</sup>. Анализ существующих публикаций свидетельствует, что в них рассматриваются преимущественно отдельные аспекты соответствующей практики. В ряде публикаций рассматривалась специфика научной коммуникации, что представляет интерес для концептуализации научной дипломатии<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Подготовлено в рамках проекта РФФИ–ЭИСИ № 21-011-31886.

<sup>2</sup> *Nye J.S., Jr. Soft Power // Foreign Policy. Autumn 1990. No. 80. Twentieth Anniversary; Nye J. Bound To Lead: The Changing Nature Of American Power. N.Y.: Basic Books, 1991. — 336 p.; Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. March. Vol. 616. Public Diplomacy in a Changing World. P. 94–109; Nye J.S., Jr. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 2009. July–August; Nye J.S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N.Y.: Oxford University Press, 2003; Nye S.J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. — 191 p.; Nye J. Soft Power and Cultural Diplomacy // Public Diplomacy Magazine. 2010. Issue 3. P. 120–124; Nye J. The Future of Power. N.Y.: PublicAffairs, 2011.*

<sup>3</sup> Публичная дипломатия: Теория и практика / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017.

<sup>4</sup> *Yagya V.S., Ponomareva E.G. Scientific cooperation — the form and method of public diplomacy // Observer. 2015. No. 307 (8). P. 69–82.*

<sup>5</sup> *Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И., Чугров С.В. Мир и политика сквозь призму научных форумов // Политические исследования. 2019. № 3; Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И., Чугров С.В. Современные конгрессы как форма научной коммуникации: отечественный и зарубежный опыт // Вестник РФФИ. 2019. № 3.*

Исторически научная дипломатия как направление публичной дипломатии включает в себя три направления: наука в дипломатии (когда с помощью науки поддерживаются дипломатические компетенции), наука для дипломатии (использование научных альянсов для выстраивания дипломатических отношений) и дипломатия для науки (когда дипломатия оказывает поддержку науке и ученым в целях упрощения международного научного сотрудничества)<sup>1</sup>. Эти три направления научной дипломатии были сформулированы в докладе по итогам конференции «Новые горизонты научной дипломатии» (июнь 2009 г.), организованной Американской ассоциацией содействия развитию науки совместно с Королевским научным обществом (Великобритания)<sup>2</sup>. При этом нельзя отождествлять научную дипломатию с публичной, поскольку вторая нацелена прежде всего на то, чтобы сформировать у определенной аудитории общественное мнение. Сфера научной дипломатии выходит за рамки публичной, поскольку публичная дипломатия использует в основном такой распространенный инструмент, как средства массовой информации.

Наряду с понятием «научная дипломатия» существует близкий ему термин «дипломатия второго трека», или экспертная дипломатия<sup>3</sup>. Суть ее заключается в оказании услуг неправительственного характера по решению межгосударственных вопросов. Большую роль в данном направлении играют экспертные и аналитические центры, которые осуществляют организацию мероприятий различного формата, устанавливают дополнительные каналы коммуникации, проводят исследования и разработки, обеспечивают информационно-аналитическое сопровождение, в том числе в СМИ.

Следует отметить также активные усилия по развитию и поддержке практики научной дипломатии, осуществляемой Российским фондом фундаментальных исследований во главе с председателем Совета РФФИ академиком РАН В.Я. Панченко. Следует также упомянуть деятельность Центра научной дипломатии Флетчеровской школы права и дипломатии, возглавляемой всемирно известным исследователем Арктики и Антарктики профессором Полом Беркманом, которая имеет также и существенную прикладную направленность: созданные в результате разработки применялись в законотворческом процессе и в ходе принятия практических решений. Также много и плотно работает по этой тематике МГИМО МИД России. В частности, разработан совместный с проф. П. Беркманом междисциплинарный курс — *Science Diplomacy*.

Таким образом, исследовательских и организационных усилий для разработки концепта и практик научной дипломатии предпринимается немало. Однако систематическая концептуализация и систематический анализ данного понятия остается насущной задачей.

Андреев М.В.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТ

В данной работе предпринята попытка определить некоторые подходы к исследованию развития геополитических инноваций (ГПИ), базирующихся на использовании современных геополитических концепций (ГПК), а также найти ответы на следующие вопросы: каковы пространственно-временные аспекты реализации ГПИ в Российской Федерации? Какую роль в данном процессе играют различные аспекты географического пространства и, в частности, управленческая деятельность региональных и федеральных властей?

Из всего многообразия ГПК были выбраны две, имеющие ключевое значение для России, с учетом этнополитической и конфессиональной специфики РФ: панисламизм и пантюркизм.

Автор определяет ГПИ в качестве процесса, включающего возникновение, распространение и внедрение ГПК как политического новшества. К свойствам ГПИ относится стадийность: создание идеи; превращение идеи в концепцию; распространение влияния концепции в обществе посредством создания институтов и формирования общественно-политических движений; конфликт между представителями концепции и другой противоборствующей стороной; завершение конфликта (победа концепции в данной точке пространства или ее «откат» на предыдущие фазы).

По результатам исследования подтверждено, что панисламизм и пантюркизм, оформившиеся как ГПИ на рубеже XIX–XX вв., за последнее столетие прошли на территории РФ все фазы развития:

<sup>1</sup> Бадмаев В.Н., Демичев Д.М., Хутыз З.А. Научная дипломатия и вызовы современного мира // Вестник Майкопского гос. технол. ун-та. 2018. № 1.

<sup>2</sup> Букалова С.В. Научная дипломатия: сущность и роль в системе международных отношений // Мировая политика. 2018. № 2. С. 95–103.

<sup>3</sup> Davidson W.D., Montville J.V. Foreign policy according to Freud // Foreign Policy. 1981–1982. No. 45.



от формирования политической идеи и концепции до политического конфликта и его разрешения. Так, «всплеск» развития идей панисламизма и пантюркизма в первые два десятилетия XX в., возникновение первых политических институтов и движений на территории Российской империи, потерпевших в итоге поражение в борьбе со сторонниками советской власти<sup>1</sup>, — все это свидетельствует о первой волне ГПИ панисламизма и пантюркизма, а также о частичной реализации их за пределами исторического ареала проживания мусульманских и тюркских народов России (Санкт-Петербург, Москва, Нижний Новгород и т.д.)<sup>2</sup>.

Вторая волна развития ГПИ обеих концепций, по мнению автора, началась на рубеже 1980–1990-х годов в связи с внутривнутриполитическими процессами в СССР и началом глобальной геополитической трансформации и продолжается по сей день<sup>3</sup>.

Исследование также иллюстрирует значительную часть проявлений пространственных политических диффузионных процессов (в отношении ГПИ), частично рассматриваемых Р.Ф. Туровским<sup>4</sup>: процесс миграции ядер; иерархический или каскадный тип косвенной диффузии; «периферийная инновационность»; «оцентривание» инновации, появление «сетевых ядер» инновации.

Рассмотрев пространственную диффузию ГПИ во время второй волны обеих ГПИ, отметим ключевую роль использования адептами ГПИ (сторонниками ГПК) различных географических объектов, явлений и процессов (в качестве ресурсов для реализации концепции), к наиболее важным из которых относятся разнообразные урбанизмы, выступающие одновременно инструментом формирования идентичности и объектом символической интерпретации со стороны тех или иных политических, социальных, этнических и территориальных групп российского общества<sup>5</sup>.

По нашему мнению, разнообразные аспекты географического пространства, от символической политики федеральных и региональных властей до физических материальных объектов, могут быть использованы сторонниками ГПИ в качестве ресурсов для ускорения прохождения фаз ГПИ. Это объясняется принципом «черного ящика» (или интерпретационной моделью): расхождение в смысловой интерпретации конкретного символа (памятника) между инициаторами его установки, различными индивидами и их группами (например, памятник Ахмет-Заки Валиди в Санкт-Петербурге)<sup>6</sup>.

Таким образом, символическая политика федеральных и региональных властей РФ может создавать ресурсы для фазового развития ГПИ, их пространственной диффузии.

В этой связи особый интерес представляют: предварительный детальный анализ символического значения того или иного географического объекта, его связи с историческими событиями и оценками со стороны разнообразных политических, этнических, конфессиональных и иных групп; прогнозирование последствий влияния символической политики федеральных и региональных властей на пространственное развитие ГПИ.

Андреанов В.В.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

## КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принятое 12 декабря 2015 г. Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата формирует новые вызовы для российской внешней и внутренней политики. Возникает необходимость четкого обозначения и классификации данных вызовов с целью дальнейшей выработки мер для минимизации возникающих рисков.

Наиболее опасные риски связаны с нарастающим внешнеполитическим давлением на российский нефтегазовый комплекс, являющийся основным источником пополнения бюджета РФ. В условиях санкционной войны, развязанной коллективным Западом против России, широко востребованным

<sup>1</sup> Исхаков Р.Л. Исторический прообраз федерального округа (к истории штата Идель-Урал) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 4 (15). С. 83–90.

<sup>2</sup> Хабутдинов А. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе // Litres. 2016. — 470 с. URL: <https://www.litres.ru/a-u-habutdinov/instituty-rossiyskogo-musulmanskogo-soobshchestva-v-volgo-uralskom-regione/> (дата обращения: 29.06.2021).

<sup>3</sup> Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика. 2018. № 2. С. 11–25.

<sup>4</sup> Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 2006. С. 60–63.

<sup>5</sup> Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. — 562 с.

<sup>6</sup> Заки Валиди — герой или враг? Рассказываем, почему в Питере сносят его памятник, а в Башкирии — нет. URL: <https://utv.ru/material/zaki-validi-geroj-ili-vrag-rasskazyvaem-pochemu-v-pitere-snosyat-ego-pamyatnik-v-bashkirii-net/> (дата обращения: 29.06.2021).

оказался аргумент западной политической элиты о «неэкологичности» российского углеводородного сырья. Вкупе с американской риторикой о «несвободных молекулах» российского газа давление по «псевдоэкологическим» мотивам может привести к падению объемов экспорта углеводородного сырья из РФ и, как следствие, к снижению доходов национального бюджета.

Потенциально опасным для России направлением «зеленой» политики Европейского союза является введение так называемого трансграничного углеродного налога<sup>1</sup>. Объем российского экспорта, попадающего под действие европейской системы торговли квотами на выбросы парниковых газов (*European Union Emission Trading System, EU ETS*), составляет, согласно расчетам ИПЕМ, 76 млрд долларов, что соответствует 40% российского экспорта в ЕС, или 18% совокупного российского экспорта<sup>2</sup>.

Реакция России на возникающие риски может и должна осуществляться по двум направлениям. С одной стороны, требуется полное и четкое выполнение Россией взятых на себя обязательств в рамках Парижского соглашения, и в том числе реализации климатических инициатив, позволяющих кардинально снизить углеродный след российской экспортной продукции. Реализация данного направления возможна, в частности, путем расширения и углубления энергетического диалога по линии России–ЕС<sup>3</sup>.

С другой стороны, необходимо отстаивание на государственно-политическом уровне интересов российских компаний с целью недопущения «экологического шантажа» и применения против России надуманных и не имеющих реальной основы «зеленых санкций», обусловленных политическими, а не природоохранными мотивами.

Для реализации обозначенных направлений необходимо, во-первых, четкое понимание российской деловой и политической элитой проблематики климатической повестки и энергетического перехода. Как показывает проведенное Аналитическим центром Юрия Левады исследование<sup>4</sup>, такое понимание сегодня отсутствует.

Во-вторых, необходима консолидация российской элиты по вопросам климатической повестки. Но, как показывает проведенное автором исследование, климатическая повестка служит сегодня зоной конфликта между различными группами политической элиты РФ. Прозападно ориентированная часть российской элиты выступает за ускоренное осуществление энергоперехода, даже в ущерб базовым отраслям российской экономики, ссылаясь на возможные еще более серьезные потери для экономики страны в случае отказа от «зеленой повестки». Другая часть элиты выступает против неоправданного ускоренного энергоперехода, который может привести не только к краткосрочным потерям нефтегазовых доходов РФ, но и к долгосрочной утрате конкурентоспособности России на мировых рынках и ослаблению ее геополитических позиций. Конфликт элит по данному вопросу усугубляет риски, связанные с реализацией экологической повестки и энергопереходом, и нуждается в оперативном разрешении.

*Антончева О.А. (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург),  
Апанасенко Т.Е. (независимый исследователь, Санкт-Петербург)*

## **ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ ИНСТРУМЕНТАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ МОДЕЛЕЙ**

**В** экономической теории существуют концепции, на основании которых предлагается строить модели измерения политического доверия:

- концепция частных денег Ф.А. фон Хайека;
- концепция свободного банкинга Милтона Фридмена и Джоджа Селгина;
- экономическая модель бюрократии У. Нисканена;
- теория общепризнанной пользы законов М. Олсона.

На основании концепции частных денег фон Хайека и концепции свободного банкинга М. Фридмена и Д. Селгина строится модель использования показателя доли криптовалюты в общей денежной массе в качестве инструмента измерения политического доверия. Доля криптовалюты в денежной массе обратно пропорциональна уровню политического доверия. Так происходит, потому что криптова-

<sup>1</sup> Вызовы углеродного регулирования // Энергетический бюллетень Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. 2021. № 94. Март. — 21 с.

<sup>2</sup> Оценка рисков для российской экономики от ввода трансграничного углеродного регулирования в Европейском Союзе: Аналитический доклад / Ю.З. Саакян [и др.]. М.: ИПЕМ, 2020. — 10 с.

<sup>3</sup> Конопляник А.А. Перспективы взаимодействия РФ и ЕС в сфере декарбонизации. Есть ли возможности для расширения рынка для российского газа в Европе? // Нефтегазовая вертикаль. 2019. № 13. С. 101–105.

<sup>4</sup> Что думает интеллектуальная элита России об изменении климата? URL: <https://www.dw.com/ru/chto-dumaet-intellektualnaja-jelita-rossii-o-zashhite-klimata/a-57556146> (дата обращения: 14.07.2021).

люта представляет собой высокорисковые активы с дорогой эмиссией и главное ее предназначение — бегство от государства.

Данный инструмент измерения политического доверия имеет преимущества по сравнению с социологическим опросом, социологическим экспериментом и введением косвенных институциональных показателей ввиду того, что он свободен и от вовлеченности исследователя в объект исследования, и от условностей экспериментального метода. Кроме того, данный инструмент является прямым, а не косвенным.

Ограничение модели состоит в том, что на сегодняшний день статистических данных о доле криптовалют в денежной массе в страновом разрезе не существует.

У такого положения вещей три причины: 1) анонимность пользователей; 2) использование криптовалюты в трансграничных расчетах; 3) отсутствие угрозы со стороны криптовалюты для официальных финансовых институтов ввиду небольшой доли криптовалюты в денежной массе, следовательно, незаинтересованности официальных финансовых институтов в статистике. Вторая и третья причины, скорее всего, будут преодолены в ближайшем будущем ввиду усиления контроля за криптовалютами со стороны государства. Перспективы сохранения третьей причины остаются неопределенными.

При отсутствии соответствующей статистики возможно использование косвенных показателей, характеризующих спрос на криптовалюту со стороны государства: легализация криптовалют и наличие государственной криптовалюты. Легализация криптовалют прямо пропорциональна уровню политического доверия. Наличие государственной криптовалюты говорит о низком уровне доверия государства к обществу, вплоть до неуверенности государства в возможности выполнять собственные функции.

Согласно концепции экономической модели бюрократии У. Нисканена, увеличение количества государственных служащих обратно пропорционально уровню политического доверия. Но это происходит не всегда, а только если в модель Нисканена ввести допущение, что такое увеличение происходит в ожидании противодействия инициативам государства. Данное допущение нуждается в верификации. Верификация может представлять собой анализ размера компенсации, которую государство намерено предложить гражданам в случае нанесения им ущерба вследствие реализации инициатив государства. Низкий размер такой компенсации говорит о стремлении государства уберечься от перерасходования средств в случае большого количества рекламаций. Например, правительство Московской области предлагает в случае смерти гражданина вследствие антиковидной вакцины компенсацию в 30 000 рублей, инвалидности от последствий вакцинации — 1000 рублей ежемесячно. Обе эти компенсации ничтожно малы, это может быть свидетельством того, что государство ожидает большого количества претензий.

Принцип модели можно сформулировать так: увеличение государственных служащих, сопровождаемое низким размером компенсаций при нанесении ущерба гражданам вследствие инициативы государства, обратно пропорционально уровню политического доверия.

На основании теории общепризнанной пользы законов М. Олсона строится модель использования показателя роста черного рынка как инструмента политического доверия. Показатель роста черного рынка обратно пропорционален политическому доверию. Согласно М. Олсону, залогом работающих законов является их общепризнанная польза (точнее, убежденность в таковой). Если же такой убежденности нет, будет иметь место поиск способов уклонения от выполнения закона. Верна и обратная зависимость: если растет общественный спрос на способы уклонения от выполнения закона, то общество думает, что закон ему «не нужен». Раз общество недовольно законом, то политическое доверие находится на низком уровне. Примером может служить рост черного рынка документов о фиктивных прививках или увеличение на рынке предложений помочь с преодолением КПП без предъявления документов о ПЦР в настоящее время.

В рамках направления, заданного Ф. Фукуямой, измерением доверия становится любое проявление социальных дисфункций. Однако показатель черного рынка лучше обосновывает пропорции, разработанные в рамках теории общественного выбора, и четче указывает на катализатор падения политического доверия, поскольку связан с конкретным товаром.

*Апанович М.Ю.  
(МГИМО МИД России, Москва)*

## **ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНИМАНИЯ МИГРАЦИИ: КЛАССИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

**В** исследовании анализируются понятия справедливости и прав человека в контексте процессов глобальных миграций. Политический дискурс лежит в плоскости сопряжения двух полярных точек зрения. Сторонники первой связывают перемещение с признаком гражданства, который дает свободы и права, но лишь в рамках внутренних границ. Таким образом, государство выступает ограничителем и регулятором потоков. Другая говорит о возможности выхода за рамки, наделяя правами и свободами разные категории лиц. Концепт «глобального управления» и создания «режимов» по отдельным направ-

лениям привносит в дискуссию рассмотрение возможности отказаться от «локальных» барьеров и вслед за глобализацией построить глобальный общественный концепт, в то время как на процесс развития и популярности тех или иных теорий влияние оказывают внешние факторы. А в части перемещения людей по миру или «глобальной миграции» они оказываются превалирующими, задающими тренд развития. Масштабы и развитие новых типов трансграничной миграции в последние десятилетия настойчиво свидетельствуют о значимости данного вопроса для рассмотрения. В то же время большая часть аналитических материалов имеет в своем фокусе разбор отдельных кейсов и тенденций последних лет. Настоящий материал анализирует существующую дискуссию о возможностях и ограничениях миграции с точки зрения политической науки и теории справедливости Дж. Роулса<sup>1</sup>. Основной целью является выделение полярных и смежных точек зрения, а также анализ в соотнесении с концептом «глобального управления» Т. Вайса<sup>2</sup>. Майкл Вальцер<sup>3</sup>, к примеру, пишет о том, что гражданство базируется на коллективной идентичности. По мнению Велмана<sup>4</sup>, страны вообще подобны клубам. У клубов есть приемные комиссии (в состав новых членов. — М. А.) и право контролировать, кто может стать членом, но они не могут помешать членам уйти. Гражданство, по Джозефу Каренсу, в западных либеральных демократиях является современным эквивалентом феодальной привилегии. Возможности и ограничения на пути создания «глобального миграционного режима», российский подход к анализу роли государства в управлении миграционными потоками закономерно подводят к выводам о развитии тенденции как в области отношения и восприятия миграции, так и в области возможного развития политического дискурса по предложенному вопросу. Проведенный анализ позволяет перейти к выводам.

Гражданство, по Дж. Каренсу<sup>5</sup>, наиболее объемно может охарактеризовать текущий момент «замедления» миграционных процессов в мире. Свободы выбора места для переезда и самого процесса перемещения, которые казались абсолютно неотъемлемой частью нашего нового «глобального» общества и совсем ближайшего будущего еще всего лишь в начале 2020 г. Хаос, непонимание, неприятие гражданами ряда стран (прежде всего западных либеральных демократий) самой возможности ограничения их в этой возможности (международной, а затем и национальной). Общественные протесты против ограничений, несоблюдение режимов ограничений как индивидуальный ответ граждан государству и постоянный поиск баланса между перемещениями и ограничениями со стороны самих государств. Это есть реальность, и это есть будущее, которое можно констатировать. Возврат к снятию ограничений, который рано или поздно произойдет (в зависимости от регионов), уже изменил восприятие «свобод перемещения» и «привилегии гражданств», а в будущем скорректирует тренд развития парадигмы, уводя ее дальше от вайсовского «глобального правительства».

Артеев С.П.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

## **ВАКЦИННАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: НЕВЫНУЖДЕННЫЕ ПРОСЧЕТЫ<sup>6</sup>**

**В**опреки надеждам некоторых политиков на консолидацию международного сообщества после начала пандемии COVID-19, ситуация стала развиваться в противоположном направлении. Коронакризис не только не стал объединяющим фактором, но, напротив, превратился в еще одну — медико-биологическую — линию конфронтации между ключевыми мирополитическими акторами. Раскол между Китаем и США, Россией и Европой за 2020–2021 гг. только увеличился. Отдельные эпизоды — наподобие поставки российских аппаратов искусственной вентиляции легких в США, работы отряда медиков Министерства обороны РФ в Италии в апреле 2020 г. или принятия меморандума о сотрудничестве между Национальным исследовательским центром имени Н.Ф. Гамалеи, Российским фондом прямых инвестиций и «Р-Фарм» со стороны РФ и англо-шведской биофармацевтической компанией *AstraZeneca* — общую картину холодной коронавирусной войны между Россией и Западом не меняют. Отсутствие у глобальных организаций, прежде всего у Всемирной организации здравоохранения, над-

<sup>1</sup> Rawls J.A. *Theory of Justice: Revised edition*. Cambridge, Mass: Belknap Press of Harvard University Press, 1999.

<sup>2</sup> Weiss T.G., Wilkinson R. Rethinking Global Governance? Complexity, Authority, Power, Change // *International Studies Quarterly*. 2014. Т. 58. № 1. С. 207–215.

<sup>3</sup> Walzer M. *Spheres of Justice*. N.Y.: Basic Books, 1983.

<sup>4</sup> Wellman C.H. Immigration and Freedom of Association // *Ethics*. 2008. Т. 119. No. 1. P. 109–141.

<sup>5</sup> Carens J.H. Aliens and Citizens: the Case for Open Borders // *The Review of Politics*. 1987. Vol. 49 (2). P. 251–273. URL: <http://www.jstor.org/stable/1407506>.

<sup>6</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60109 «Воздействие глобальных биогенных угроз на мировую политику». The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-04-60109.

национальных полномочий также не способствует улучшению международного взаимодействия в условиях пандемии. Более того, ВОЗ оказалась под шквалом критики, часто безосновательной.

Появление сразу нескольких вакцин во второй половине 2020 г. только усилило кризис недоверия в мировом сообществе, открыв своеобразный второй фронт борьбы между основными центрами силы на мировой арене. К числу вакцин, активно внедренных в оборот, относят несколько препаратов. В России это ГамКовидВак (Спутник-V, в июне 2021 г. к нему добавилась однокомпонентная вариация — Спутник Лайт), ЭпиВакКорона и КовиВак. Наиболее экспорто-ориентированной и известной российской вакциной является Спутник-V. Его поставки осуществляются в Латинскую Америку, Африку и Азию. Китай также вывел в производство несколько вакцин и, несмотря на многочисленные сложности, обусловленные в том числе и вопросом о положении уйгуров и других мусульманских меньшинств в СУАР, развернул масштабные поставки в отдельные страны ЕС. Однако быстрее всего разработать вакцину, наладить международную кооперацию по ее производству и начать массовую вакцинацию удалось в Северной Америке и Европе. Трудно не заметить, что разработка вакцин отражает и текущий международно-политический расклад — западные научные центры и фармацевтические гиганты тесно сотрудничают как на стадии разработки вакцин, так и в ходе проведения кампаний по вакцинации населения своих стран. Если взаимные жесткие обвинения США и Китая с самого начала не оставляли возможности для сотрудничества в сфере взаимных поставок вакцин, то вакцинация в России и Европейском союзе могла пойти по нескольким сценариям:

- позитивный: взаимное признание и введение в оборот западных и российских вакцин в РФ и ЕС;
- умеренно-позитивный: частичное признание российских вакцин на уровне отдельных стран—членов ЕС;
- неблагоприятный: отказ от взаимного признания вакцин.

На практике в текущий период (июнь 2021 г.) реализуется третий сценарий, хотя еще весной был шанс на умеренно-позитивный вариант, который, однако, нес в себе определенные риски, которые и реализовались, несмотря на временные локальные успехи. Венгрия и Словакия закупили Спутник-V, Германия и Австрия проявили интерес к российской вакцине. Однако общеевропейского триумфа вакцинной дипломатии РФ не произошло. К числу объективных факторов следует отнести:

- изначально низкий уровень доверия между Россией и ЕС на момент появления вакцин;
- наличие широкой линейки западных вакцин, получивших одобрение общеевропейских и национальных регуляторов.

Однако наблюдаются и невынужденные просчеты, допущенные российской стороной при продвижении Спутника-V на западные рынки:

- транспарентность: разработчики Спутника-V не сразу опубликовали исчерпывающие данные по разработке и испытанию вакцины, что закономерно привело к недоверию со стороны западного медико-экспертного сообщества — первое впечатление от продукта было испорчено;
- крайне низкие темпы вакцинации внутри России, хотя и не связаны с качеством предлагаемых вакцин, порождают естественное недоверие за рубежом;
- архаичный подход к взаимодействию с ЕС: основные усилия российской дипломатии были направлены на двусторонние контакты с отдельными государствами—членами ЕС, что естественно породило у Брюсселя подозрения в «сепаратных» переговорах и только затормозило процесс, если вовсе не лишило его шансов на успех, учитывая быстрые темпы вакцинации в Европе.

Было бы наивным полагать, что если бы российской вакцинной дипломатии удалось избежать обозначенных просчетов, то Европа сегодня стала бы массово применять Спутник-V, а российско-европейские отношения вернулись на уровень 10–15-летней давности. Однако нельзя отрицать шансы на смену негативного вектора взаимодействия по линии Россия—ЕС. В таких условиях работа над ошибками крайне важна с целью усвоения принципов выстраивания успешной внешнеполитической линии в будущем.

Арутюнов А.Г.  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## **ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕГИОНОВ И ГОРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Отношения Российской Федерации и Республики Беларусь после распада Советского Союза переживали разные состояния, от крайне позитивных до достаточно осложненных. Стоит назвать кризис первой половины 2020 г. и последующий продолжающийся в первом полугодии 2021 г. резкий качественный подъем всех двусторонних дипломатических, экономических и гуманитарных связей. Заметим, что межгосударственные отношения России и Беларуси широко освещены не только пу-

блицистическими, но и научными работами. В то же время региональный и более низкие уровни дипломатических связей традиционно не рассматривались как отдельный предмет изучения в широком круге научных публикаций, а даже если они рассматриваются, то привязываются к общенациональной повестке. Отметим, что данный подход представляется весьма сообразным ситуации, поскольку основные пики сотрудничества регионов и городов Российской Федерации и Республики Беларусь напрямую сопряжены с состоянием международных отношений государственного уровня.

Тем не менее необходимо рассмотреть отдельно и внимательно межрегиональные международные двусторонние связи России и Беларуси, а также некоторые аспекты межгородской опять-таки двусторонней дипломатии двух стран. Это необходимо, поскольку, во-первых, является значительным сегментом от всего объема двусторонних отношений, во-вторых, является естественным продолжением сотрудничества регионов и городов, имевшего место еще во времена СССР.

Межрегиональное сотрудничество между Россией и Беларусью можно разделить на официальный и неформальный блоки. К формальному блоку можно отнести участие глав регионов и делегаций от них в ежегодном форуме регионов РФ и РБ; отметим, что в 2020 г. в форуме впервые участвовали и представители Республики Крым и Севастополя. Кроме того, существует еще несколько формальных площадок встреч, рассчитанных на межрегиональное сотрудничество, проходящих в формате повторяющихся форумов. Кроме того, стоит сказать о смешанном формате международного сотрудничества, а именно о межрегиональном и межгородском одновременно. Речь идет о взаимодействии городов федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе со стороны России и Минска с особым статусом в административно-территориальном делении Беларуси. При этом стоит сказать, что перечисленные города взаимодействуют не только друг с другом, но и с другими регионами, в то же время Севастополь пока участвует лишь в форуме регионов двух стран. Москва, Санкт-Петербург и Минск сотрудничают между собой с третьими городами и регионами, а также участвуют как полноправные субъекты в крупных общенациональных или федеральных мероприятиях, связанных с международным сотрудничеством. Кроме того, стоит сказать о особых режимах приграничного сотрудничества у собственно приграничных регионов России и Беларуси, это касается и возможности пересекать границу (которую, однако, и так достаточно легко пересечь, по крайней мере до эпидемии коронавируса) и некоторых вопросов экономического взаимодействия. К неформальному блоку межрегиональных контактов можно отнести наличие политической, экономической и культурной активности, которая осуществляется на межрегиональном и одновременно на международном уровне. Из истории вопроса можно вспомнить визиты Президента Республики Беларусь в приграничные области Российской Федерации, где встречи с ним напоминали своеобразные митинги, кроме того, стоит сказать о сотрудничестве региональных отделений политических партий и региональных некоммерческих организаций.

На городском уровне взаимоотношения в области международного сотрудничества развиваются крайне интенсивно, однако не в достаточной степени результативно. Для выявления его особенностей автором было проведено глубинное интервьюирование экспертов со стороны Республики Беларусь и Российской Федерации. С каждым годом все больше и больше договоров заключаются о побратимстве и партнерстве городов. Это носит достаточно массовый характер, однако на практике дальше формальных декларативных элементов такие договоры уходят редко. Неким примером подобной работы может быть взаимодействие в рамках побратимских соглашений Минска и Санкт-Петербурга, однако и в этом случае достаточно трудно разграничить просто взаимодействие двух крупнейших городов Восточной Европы и собственно побратимские связи. Стоит сказать, что существует несколько ассоциаций породненных городов, куда входят города России и Беларуси. Если говорить не о побратимском сотрудничестве, то можно вспомнить о существовании форума городов России и Беларуси. Большинство описанных выше процессов (как на городском, так и на региональном уровне) протекают в том числе под эгидой Союзного государства.

*Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю.  
(АлтГУ, Барнаул)*

## **НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ В СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА<sup>1</sup>**

**О**сновным адресатом патриотического воспитания в современной России выступают прежде всего школьники, так как в силу возраста они находятся на стадии первичной социализации и при своей организованности доступны для целенаправленного влияния.

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-00346.

Новая реальность ковидной угрозы и сопутствующее ей ухудшение социально-экономической ситуации вновь ставит задачу консолидации российского общества, в том числе на основе выделения национальной идеи и символов. Однако усиливающаяся индивидуализация общества в условиях сетевых коммуникаций и цифровых технологий вызывает у многих школьников резкое отторжение самого факта навязывания какой-либо системы ценностей и любой коммуникации, воспринимаемой ими как пропаганда. Это прослеживается и в отношении школьной молодежи к вопросу о закреплении национальной идеи. На вопрос «Какая идея должна стать ключевой для развития российского общества?» большинство респондентов не дали ответа (39%) либо заявили об отсутствии необходимости ее наличия (30%). Среди предложенных вариантов лишь пять набрали незначительно более одного процента: искоренение коррупции (2,2%), государство должно прислушиваться к мнению общества (1,9%), сменяемость власти (1,9%), охрана прав и свобод граждан (1,8%), уважение ко всем людям и группам населения (1,5%). Во многом этот результат объясняется отсутствием в современном российском обществе согласованного образа будущего, отражающего приоритетные ценности большинства его групп. Соответственно, современные школьники в основном отрицательно относятся и к идее введения обязательного патриотического воспитания (более 60%), хотя и не исключают сам факт целесообразности существования данной системы.

Тем не менее в сознании школьников старших классов все еще превалирует общероссийская идентичность (ее выбрала половина респондентов), что вполне объясняется историко-культурными особенностями формирования российского общества, когда данный тип идентичности поощрялся как один из интегрирующих россиян факторов. При этом исследование показало, что патриотизм школьников СФО, как и российского общества в целом, является ретроспективным, а также то, что у них преобладает персонифицированное восприятие реальности, характерное для информационного общества и российской политической культуры. Подросткам оказалось легче назвать персоналии, чем знаковые для России события, и увидеть их в прошлом, нежели в настоящем. С этим доминирующим имперским (державническим) типом патриотизма учащихся школ СФО согласуется их символический образ России. При том что 42% респондентов вообще не смогли его сформулировать, наша страна чаще всего у школьников ассоциируется с государственной символикой (герб, триколор, Москва, флаг, язык, символы, двуглавый орел, гимн, армия, Георгий Победоносец — 28%), природой (березовый лес, зима, мороз, тайга, окружающая среда, Байкал, бескрайние поля — 13%), символами-ярлыками или сувенирами (медведь, водка, баня, Кремль, блины, борщ, матрешка, мед, ушанка, балалайка — 9%). Для 8% учащихся символом России выступает президент (Путин), для 7% — народ (граждане, народ, люди, общество), для 5% — проблемы страны (кризис, отсутствие выбора, коррупция, алкоголизм, отсутствие свободы слова, дороги, нетолерантность, налоги, бедность, несправедливость), для 4% — ее пространство (державка, огромная страна, богатая страна, высокий уровень развития страны, мощь, большое количество ресурсов, многонациональность, Сибирь), для 3% — черты национального характера (доброта граждан, сила, мужество, сплоченность, уважение традиций, характер, любовь к родине, великий дух народа, непобедимость, менталитет, гордость, помощь нуждающимся, патриотизм, единство). Единичные ответы касались достижений и деятелей культуры, исторических событий (ВОВ, коммунизм, тоталитаризм, самодержавие), традиций и семьи. При этом для учеников 8–9-х классов Россию чаще всего олицетворяют ее официальные символы и президент, для 10–11-х классов большее значение имеет природа и символы-сувениры.

Наличие поддерживаемых большинством социальных групп национальных символов бесспорно повышает консолидацию общества, но рациональное восприятие действительности порождает стремление современной молодежи гордиться не формальной причастностью к своей стране, а реальными проявлениями заботы власти о людях. Это необходимо учитывать всем акторам целенаправленной политической социализации молодежи, чтобы избежать рассогласования заданных государством целей патриотического воспитания с ценностной системой учащихся.

*Асеева Т.А., Казанцев Д.А.  
(АлтГУ, Барнаул)*

## **ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СТРАНЫ СТАРШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА<sup>1</sup>**

Одним из ключевых элементов когнитивной структуры гражданской идентичности является восприятие общекультурного наследия страны, знание и эмоциональная привязанность к которому определяют степень гражданской идентичности. В современных условиях информационного общества именно молодежь оказывается наиболее уязвимым звеном, испытывающим на себе деструктивное

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-00346 А.

влияние неконтролируемых информационных потоков. На примере старших школьников Сибирского федерального округа можно проследить характерные тренды восприятия ими персон и событий, составляющих культурное наследие страны.

В ходе проведенного эмпирического исследования удалось установить, что школьникам оказалось легче назвать персоналии, чем знаковые для России события, и увидеть их в прошлом, нежели в настоящем. Так, 59,2% не смогли или не захотели назвать ни одной персоны, 72,1% — ни одного события, которыми бы они гордились в истории страны. Для характеристики начала XXI в. эти показатели равны 75 и 87,9% соответственно.

Среди названных исторических персон лидирует Петр I (им гордятся 14,6% опрошенных), далее следуют И.В. Сталин (5,4%), В.И. Ленин (4,6%), Екатерина II (4,5%), ветераны Великой Отечественной войны (4,4%), Ю.А. Гагарин (4,3%), М.И. Кутузов (3,8%), А.С. Пушкин (3,3%), и А.В. Суворов (3,0%). Из современников учащиеся гордятся В.В. Путиным (11,3%) и А.А. Навальным (4,6%).

Более четкие тенденции проявляются в вопросе о рейтинге современных персон, которыми гордятся школьники. Если для 13-летних это официальные лидеры (В.В. Путин и Д.А. Медведев), то, начиная с 14 лет, симпатии определившихся школьников смещаются в сторону оппозиции (С. Фургал, Е. Шульман) и волонтеров (Е. Глинка — доктор Лиза).

В определении персон—объектов гордости среди современников заметны региональные различия, так как в качестве таковых зачастую указывают знаменитых земляков. Историческими событиями, вызывающими у молодежи «чувство гордости за свою страну», стали Великая Отечественная война (ее назвали 15,6% респондентов), первый полет человека в космос (3,5%), отмена крепостного права (2,9%), а из современных — только присоединение Крыма (4,6%). Для сравнения, переходом России к демократии гордятся всего 0,1% школьников.

Среди регионов выделяется Республика Тыва, респонденты в которой в два и более раза чаще, чем в других субъектах СФО, отмечали, что они гордятся военными победами России, Октябрьской революцией, полетом первого человека в космос и созданием СССР. Гордость за победу в Великой Отечественной войне испытывает каждый пятый школьник Иркутской и Омской областей (23,3 и 22%). Из других исторических событий отмена крепостного права оказалась значима для респондентов Омской области и Республики Алтай (5,9 и 5%), победа во Второй мировой войне — в Кемеровской области (4%), в Отечественной войне 1812 г. — в Иркутской области (4,7%) и Республике Хакасия (3,8%), европеизация России в начале XVIII в. — в Кемеровской области (3,6%), а события октября 1917 г. — в Алтайском крае и Томской области (3,1 и 4%). Интересно, что 2% школьников в Республике Алтай и 1,6% в Томской области в качестве объекта гордости определили восстание декабристов, а 2,4% в Новосибирской области — Куликовскую битву.

Таким образом, у старших школьников СФО преобладает низкая информированность и ретроспективное, персонифицированное восприятие культурно-исторического наследия страны и ответы на поставленные вопросы чаще всего обуславливаются изучаемым периодом курса отечественной истории. Указанные тенденции отражаются в восприятии школьниками современного статуса России. Так, 32,5% учащихся считает, что «Россия была и остается великой мировой державой», а 35,3% — что «Россия перестала быть великой мировой державой, но может стать ею». Процент думающих, что «Россия навсегда перестала быть великой мировой державой», составил 5,2%, а что она «никогда не была и не будет великой мировой державой» — 2,4%. На фоне таких оценок показателей и результат 24,5% затруднившихся оценить положение России в современном мире.

**Асонов Н.В.**  
(МПГУ, МГОУ, Москва)

## **РОССИЯ: НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ**

**А**нализ данной темы следует начать с раскрытия типологии цивилизационной принадлежности политических систем, демонстрирующей специфику их суверенитета. Эта типология все политические системы делит на эндогенные, эндогенно-экзогенные, экзогенно-эндогенные и экзогенные. Первый тип отличает закрытость для широкого внешнего воздействия. Второй тип складывается под влиянием мировых религий, не подавляющих эндогенность на уровне государственного управления. Третий тип разрушает на государственном уровне прежнюю структуру и закрепляет инородную модель ее организации, создавая условия для утверждения полностью чужеродной модели управления и жизни. Но принцип эндогенной организации живет на местном уровне. Его разрушение и установление инородной модели политической и социальной системы говорит о торжестве экзогенного типа. Его встраивание в другую цивилизационную среду осуществляется только в ходе решительной победы над противником.

Укрепление его зависимости от победителя достигается за счет строительства слабой экзогенной политической системы. Именно этот ухудшенный тип был внедрен у нас с подачи тех, кто взял верх



в холодной войне. С одной стороны, его реализация осуществлялась путем расстановки «своих людей» во всех руководящих звеньях. С другой стороны, господство таких лиц шло через подчиненные им институты, открывающие доступ ко всем видам методов управления и ресурсам власти. Тем самым они лишили титульную нацию и консервативную оппозицию возможности развернуть страну в сторону ее цивилизационных ценностей и сломать экзогенную модель.

В этом легко убедиться, если вспомнить, что, несмотря на все призывы действующего президента «развиваться с опорой на нашу самобытность»<sup>1</sup>, впервые прозвучавшие 8 июля 2000 г., ни один институт или принцип управления эндогенного типа не был возрожден. Не был создан научный центр, выявляющий и внедряющий успешный опыт собственного управления. В 2008 г. Д.А. Медведев обозначил главную проблему текущего момента, содержащуюся в совмещении «наших национальных традиций» с «фундаментальным набором демократических ценностей»<sup>2</sup>. Он не только выделил их разноречивый характер, но и дал понять, что в случае их несовместимости российская власть, формально причисляя себя к славяно-православной цивилизации, не будет держаться за ее устои. Она пойдет наперекор им. На это в 2003 г. четко указал В.В. Путин: «широкое сближение и реальная интеграция в Европу. ... это — наш с вами исторический выбор. Он сделан... он последовательно реализуется»<sup>3</sup>. Это значит, что разработка, внедрение и защита своих цивилизационных стереотипов не является приоритетной целью нашей власти. Эти стереотипы носят только декларативный популистский характер и латентно рассматриваются как угроза принятой модели экзогенного типа.

Согласно доводам А.С. Панарина, наша новая система, являясь продуктом европейского просвещения, чужда традиционным ценностям России и стремится к их уничтожению. Для этого политика победителей в холодной войне и их ставленников должна сводиться к полному «обращению противника в свою веру»<sup>4</sup>. В таких условиях российская власть на деле будет стремиться не только к подавлению собственных цивилизационных особенностей, но и к утверждению «“антиидеи” вечного настоящего, которое не оставляет надежды проигравшим». Осуществление данной установки может идти только за счет «активизации худших, выдавая их за современный человеческий стандарт» и создавая с их помощью единый мировой порядок «неприкрытой диктатуры меньшинства»<sup>5</sup>. Вот почему сегодня в политической системе России мы видим полное отсутствие эндогенных элементов в институциональной, коммуникативной, нормативной и культурно-идеологической подсистемах, формирующих облик социокультурной среды титульной нации.

Следовательно, новый политический цикл существования России является четвертым и завершающим в ее истории. Он впишет нас в «глобальный человекийник», рождающий последний вид людей и новый тип общности. Его строительство «только начинается» «но, похоже на то, что это будет история, которая по своей трагичности намного превзойдет все трагедии прошлого»<sup>6</sup>.

*Аствацатурова М.А., Чекменев Д.С.  
(Пятигорский государственный университет, Пятигорск)*

## **ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК КОНСТРУКТА ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ**

**З**начимость общественно-политического дискурса как конструкта современной российской публичной политики обусловлена дальнейшей интенсификацией взаимодействия власти и общества, которое осуществляется в процессе модернизации российской политической системы как на процессуальном, так и на институциональном уровне. Эти процессы привели к формированию целых научных направлений<sup>7</sup>.

Вовлечение общественности в политическую сферу, придание ей определенной субъектности в политическом процессе объективно детерминировано рядом факторов, среди которых следует отметить ускоренное развитие информационных технологий, появление разнообразных политических вызовов внутреннего и внешнего характера, требующих обеспечения общественной консолидации.

<sup>1</sup> Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 8 июля 2000 г. // Путин В.В. Прямая речь [Текст]: В 3 т. М.: Звонница-МГ: Новый ключ, 2016. Т. 1: Послания Федеральному Собранию. С. 11.

<sup>2</sup> Медведев Д.А. Выступление на II Общероссийском гражданском форуме 22 января 2008 г. // Вестник Российской нации. 2008. № 1. С. 46.

<sup>3</sup> Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 16 мая 2003 // Путин В.В. Указ. соч. С. 112.

<sup>4</sup> Киссинджер Г. Понять Путина. Политика здравого смысла. М.: Алгоритм, 2015. С. 104.

<sup>5</sup> Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. С. 211.

<sup>6</sup> Зиновьев А.А. Запад. М.: Алгоритм. 2007. С. 507.

<sup>7</sup> Green D. Constructivism and Comparative Politics. N.Y.: Armonk, 2002. P. 75.

Особенностями общественно-политического дискурса как конструкта публичной политики выступают:

- 1) конструируемый характер;
- 2) сетевая идеологизированность;
- 3) нормативное оформление;
- 4) детерминированность позициями политико-властной элиты при обязательном подчиненном инкорпорировании общественных субъектов.

1. Политико-проектное конструирование направлено на формирование общественно-политической реальности. По мнению некоторых ученых, сама политика представляет собой сферу конструирования социальной реальности<sup>1</sup>. В этом процессе общественно-политический дискурс обеспечивает реализацию технологий социального конструирования. При этом он конструируется ведущими политическими субъектами (государством, властью, главой государства) для обеспечения легитимности политической системы. Причем данное конструирование осуществляется на всех уровнях политической организации социума<sup>2</sup>.

2. Сетевая идеологизированность заключается в конструировании дискурса вокруг набора идей, не имеющих четкой структурной организации. К подобным идеям (концептам) могут быть отнесены концепт государственно-гражданского партнерства, концепт «суверенной демократии», концепт открытости органов власти и управления и т.д. Традиционно идеология имеет существенное значение для политического дискурса, политической коммуникации<sup>3</sup>.

3. Нормативное оформление общественно-политического дискурса проявляется в его закреплении в нормативно-правовых актах различного уровня. В частности, можно выделить нормативное закрепление его субъектного состава, форм и каналов.

4. Следующей из выделенных особенностей общественно-политического дискурса выступает его детерминированность позициями политико-властной элитой при обязательном подчиненном инкорпорировании общественных субъектов.

Так, важнейшим фактором конструирования общественно-политического дискурса является комплексное, динамичное и адаптивное целеполагание политико-властной элиты, которое формализуется в соответствующих политических программах и проектах. Данное целеполагание определяет содержание общественно-политического дискурса, его структурную организацию.

При этом эффективность общественно-политического дискурса зависит от качества включения в него общественности, что на современном этапе обеспечивается управляемым сегментированным инкорпорированием общественных субъектов в общественно-политический дискурс. Здесь очевидно открываются дополнительные возможности для политического манипулирования системного уровня, которые традиционно признаются за политическим дискурсом<sup>4</sup>.

В условиях современной российской политической действительности эффективность общественно-политического дискурса существенно зависит от субъектности государства и от субъектности гражданского общества. Здесь очевидны усилия власти, с одной стороны, по расширению номенклатуры участников общественно-политического дискурса, а с другой стороны, по регламентации смыслодержания такового, равно как и технологий его реализации.

Предположим, что федеральная власть усматривает в такой регламентации существенный ресурс сохранения и упрочнения политического и гражданского единства российской нации, потребность в котором очевидна на фоне внутренних проблем и внешних рисков.

Ахмадеев К.Н.  
(УфГНТУ, Уфа)

## ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛИСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

**В**опрос формирования федералистской культуры — или же культуры федерализма — является немаловажным для изучения института федерализма. По мнению классика изучения федерализма Даниэля Элазара, аналитики пришли к выводу, что достигают успеха те федеративные государства, в которых политическая культура либо является федералистской по ориентации, либо открыта к тому,

<sup>1</sup> Мусицец П.В. Политика как сфера конструирования социальной реальности // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 6. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/4844> (дата обращения: 25.07.2021).

<sup>2</sup> Wendt A. Constructing International Politics // International Security. 1995. Vol. 20. P. 71–81.

<sup>3</sup> Wodak R. Language, Power and Ideology. Studies in Political Discourse. Amsterdam: Benjamins, 1998. P. 93.

<sup>4</sup> Dijk T.A. van. Discourse and Manipulation // Discourse & Society. L.: Thousand Oaks and New Delhi: Sage Publications. 2006. Vol. 17 (3). P. 359–360.

чтобы впитать в себя федеративные принципы. «Истинные федеративные системы проявляют свой федерализм в культуре, так же как в конституции и структуре»<sup>1</sup>. Функциональное значение федералистской культуры для любого федеративного государства заключается в том, что происходит дополнительная легитимация федеративного административно-территориального устройства государства со стороны общества. Народ, являющийся источником власти в государстве, который привержен федералистской политической культуре, убежден в том, что именно федеративная природа государства в наибольшей мере отвечает его интересам и ожиданиям. В современной Российской Федерации говорить о формировании федералистской культуры представляется сложным в силу отсутствия как таковой культуры федерализма. За последнее время аналитиками отмечается сворачивание принципов федерализма в России, что не вызывает сопротивления или же общественного неприятия со стороны широких слоев населения. Последние 20 лет ознаменованы процессами дефедерализации, что проявляется в целом ряде решений общегосударственного значения. Специалистами даже выделяются модели федерализма, обусловленные определенной эпохой современной России. Так, ельцинская модель федерализма завершилась в 2004 г. отказом от прямых выборов высших должностных лиц субъектов Федерации и переходом к практике их фактического назначения президентом страны<sup>2</sup>. Возвращение губернаторских выборов в 2012 г. следует охарактеризовать не как элемент возвращения к предыдущей модели федерализма, а как принципиально новый подход к вопросу избрания высших должностных лиц регионов России. Осуществленные федеральным центром реформы федеративных отношений усилили административно-политический потенциал Центра, расширили инструментарий воздействия на региональные элиты, значительным образом уменьшив их влияние на федеративную политику в стране и ослабив их самостоятельность.

Известный отечественный исследователь федерализма М.Х. Фарукшин, конкретизируя понятие федералистской культуры и обобщая наработки зарубежных и отечественных специалистов данного вопроса, перечисляет целый ряд ее характеристик, давая ей определение как политической культуры, адекватной условиям федеративного существования и отвергающей силу и принуждение в отношениях федерального центра и субъектов Федерации и во взаимоотношениях самих субъектов<sup>3</sup>.

Для понимания сущности явления федералистской культуры важным представляется осознание тезиса, высказанного одним из «отцов-основателей США», Т. Джефферсоном, что «федерализм есть территориальная форма демократии». Иными словами, для федералистской культуры важно наличие развитых демократических институтов в обществе, а также гражданская политическая культура, что в совокупности способно обеспечить появление федералистской культуры.

События, связанные с включением Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. и последующим образованием двух новых субъектов Федерации — Республики Крым и города федерального значения Севастополя вместе с просуществовавшим до 2016 г. Крымским федеральным округом, а также внесение поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. актуализировали вопрос федерализма в России и существования федералистской культуры. Представляется, что данный вопрос требует детального изучения и дальнейшего научного политологического осмысления.

**Ачкасов В.А.**  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## **ВЕДЕТ ЛИ ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ СУБЪЕКТАМ ЭТНОФЕДЕРАЦИЙ К СЕПАРАТИЗМУ**

**В**ертикальное разделение власти, имеющее место в федерациях, как и всякое властное размежевание, постоянно порождает сложные коллизии и противоречия. Федеральные отношения крайне динамичны, происходит постоянное формальное или неформальное перераспределение властных полномочий, усиливается роль то федерального центра, то отдельных субъектов Федерации; постоянно идет противоречивое переплетение процессов централизации и децентрализации. Примеров такого рода много и в мировой, и в российской практике. Поэтому можно утверждать, что все федеративные системы являются потенциально конфликтными, находящимися в состоянии непрерывного изменения, постоянно пытаясь «установить баланс между единством и многообразием, централизмом и регионализмом, разделением власти и делением полномочий, а также между симметрией и асимметрией»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Elazar D. Exploring Federalism. L.: Tuscaloosa, 1987. P. 78.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // Собрание Законодательства РФ. 2004. № 50. Ст. 4950. С. 11198–11207.

<sup>3</sup> Фарукшин М.Х. Сравнительный федерализм. Казань, 2001. С. 92–93.

<sup>4</sup> Heinemann-Gruder A. Is Russia's Federalism Sustainable // Perspective on European Politics and Society. 2002. Vol. 3. No. 1. P. 69.

Что же касается требований предоставления территориальной политической автономии национальным меньшинствам в этнофедерациях или увеличения объема предоставляемых им властных полномочий, то здесь ситуация еще более сложная, поскольку «эти требования включают построение отдельных политических институтов и усиление особой национальной идентичности, — указывает У. Кимлика. — Тем самым они создают феномен конкурирующих национализмов в одном государстве. Научиться управлять этим — очень трудная задача»<sup>1</sup>.

Кроме того, федерализм, как уже отмечено, это не неизменная данность, а динамический процесс, предъявляющий очень высокие требования к политическим элитам как федерального центра, так и регионов. По мнению российских исследователей, для поддержания динамического равновесия в этнофедерациях политические акторы: а) должны быть нацелены на продолжение взаимодействия, а не на разрыв отношений; б) находить, создавать и поддерживать такие механизмы, которые делают эти взаимодействия предсказуемыми и устойчивыми; в) поддерживать «связывающие обязательства», задающие предсказуемые и устойчивые рамки взаимодействия. И наконец, в случае если в отношениях возникает сбой, дисбаланс, это должно восприниматься не как «коллапс» и «конец», а как сигнал о том, что механизмы взаимодействия требуют реновации и необходимо активизировать усилия по преодолению дисбаланса<sup>2</sup>.

На устойчивость федеративных систем оказывают влияние и многие другие факторы. Так, К. Дейвикс продемонстрировала, что степень конгруэнтности (согласованности и совпадения) между политико-административными и этническими границами — также существенный фактор, влияющий на стабильность этнофедераций, причем влияние этого фактора нелинейное: риски сепаратистских конфликтов оказываются максимальными в случае, когда конгруэнтность границ между субъектами Федераций и расселением этнических общностей принимает среднее значение. При максимальной либо минимальной конгруэнтности этнофедерации оказываются значительно более стабильными. Этот вывод теоретически основывается на сложном сочетании имеющихся мобилизационных возможностей (внутренних и внешних ресурсов этнической группы), которые возрастают по мере увеличения конгруэнтности, с одной стороны, и мотиваций (наличных стимулов для сепаратизма), которые, напротив, снижаются по мере возрастания конгруэнтности, с другой стороны<sup>3</sup>.

Таким образом, нет причин принимать всегда существующую возможность сепаратизма за доказательство того, что этнофедерации неизбежно потерпят неудачу и что сепаратизм непременно должна состояться.

Ачкасова В.А.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## МЕДИАТИЗИРОВАННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИНЦИДЕНТЫ: НОВАЯ РОЛЬ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ<sup>4</sup>

Рассматривая медиатизацию политики как процесс, обеспечивающий институционализацию политических субъектов в публичном пространстве с помощью медиа, большинство исследователей видят в качестве результата этого процесса создание принципиально новой системы коммуникации между медийными и немедийными акторами<sup>5</sup>. Благодаря тотальной цифровизации значительная часть общества участвует теперь в этой коммуникации через так называемые «медийные линзы» (*mediating lenses*) мобильных телефонов, сообщений в блогах, твиты, прямые трансляции в *Instagram*, *Facebook*, *YouTube* и т.д. При этом следует говорить не только о ключевой роли медиа в информировании социума, но (и это особенно важно в нынешней ситуации) часто о решающей роли медиа в эскалации, стимулировании и даже создании конфликтных ситуаций и процессов.

Феномен медиатизированного конфликта относительно недавно стал предметом серьезного изучения. Растущая роль цифровых медиа в конфликтах позволила выделить различные уровни их участия<sup>6</sup>: 1) медиа в конфликтах (*media in conflicts*); 2) медиа для конфликтов, т.е. медиа как инструмент, используемый в конфликте (*media for conflicts*); 3) конфликтующие медиа (*conflicting medias*). Медиапровождение становится естественной частью конфликта на протяжении всего его развития: от возникновения доконфликтной ситуации до разрешения конфликта и его последствий.

<sup>1</sup> Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М., 2010. С. 466.

<sup>2</sup> Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / Под ред. П.В. Панова. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 13.

<sup>3</sup> См.: *Deiwiks C. Ethnofederalism: A slippery slope towards secessionist conflict?* Zurich: ETH Zurich, 2011. — 118 p.

<sup>4</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Медиатизация локальных инцидентов как механизм мобилизации политического протеста в информационно-сетевом обществе», № 20-011-00371 А.

<sup>5</sup> *Грибовод Е.Г.* Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс. URL: [http://www.urgu1701\\_d.pdf](http://www.urgu1701_d.pdf)

<sup>6</sup> *Budka Ph., Bräucher B.* *Theorising Media and Conflict.* Oxford: Berghahn Books, 2020.

Примечательно, что особую, самостоятельную роль в этих условиях начинает играть инцидент: в классической конфликтологии инцидент рассматривался в качестве отдельного этапа динамики конфликта, превращающего латентное противоречие в открытое противостояние. Ныне инцидент становится автономным феноменом, позволяющим управлять ситуацией, нагнетая ее или деэскалируя. От маркировки инцидента (его границ, повода, используемых инструментов и пр.) зависит дальнейшее развитие конфликта и выбор путей его урегулирования. На приоритетной роли инцидента в конфликтном взаимодействии настаивают не только исследователи, о его значимости свидетельствует и ряд осуществленных проектов, имеющих вполне осязаемые социально-политические результаты. Так, система «Инцидент-менеджмент», разработанная компанией «Медialogия» и взятая с 2018 г. на вооружение российскими региональными органами власти, делает акцент именно на управленческом аспекте: теперь чиновники должны будут отслеживать негативные сообщения в *Facebook*, *Instagram*, *Twitter*, «ВКонтакте» и «Одноклассниках» и управлять проблемами, о которых сообщают пользователи. Но у системы уже на этапе ее первичной адаптации выявился ряд проблем, которые ставят под вопрос ее эффективность, и главная опасность, отмечают эксперты, заключается в том, что «Инцидент-менеджмент» может применяться не для решения социальных проблем, а для анализа общественных настроений посредством *Big Data*: «При помощи *Big Data* уже ищут террористов, преступников и занимаются мониторингом стратегических вопросов, теперь покрытие расширяется на публичное пространство» («Инцидент-менеджмент» и суровая реальность...). Тем не менее возможность перейти на новый уровень коммуникации между властью и обществом становится вполне реальной.

Таким образом, процесс медиатизации порождает в отношении конфликтов несколько следствий: во-первых, медийное сопровождение является неотъемлемым атрибутом любого политического конфликта, наращивая тем самым его публичный капитал; во-вторых, медиатизация обеспечивает интеграцию моноконфликтов в единую систему сложносоставного конфликта, где, как определяют исследователи, образуются устойчивые структурные связи и формируется собственная логика развития<sup>1</sup>; наконец, в-третьих, медиа сами превращаются в своеобразную «фабрику конфликтов», уже не просто транслируя и ретранслируя информацию о противостояниях, но и зачастую конструируя конфликт.

<sup>1</sup> Якимец В.Н., Никовская Л.И. Сложносоставные конфликты — атрибут постсоциалистической трансформации // Соисс. 2005. № 1.

**«СОЦИАЛЬНЫЙ УРБАНИЗМ»: АКТОРЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ  
ПОЛИТИКИ КОМФОРТНОЙ/ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ  
НА СУБ/МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ КЕЙСОВ  
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Интегрированный (синтетический) подход сочетает анализ акторов и факторов давления, связанных с изменениями в экономическом производстве, и противодействующих интервенции управленческих структур и деятельности девелоперов/риэлторов. Его сторонники пытаются совместить «человеческое измерение» со структурным, желая знать, кто является *акторами изменений* и подчиняется ли деятельность людей, вовлеченных в процесс, правилам классового поведения или иным признакам, как пол, возраст, конфессионально-этнические, иные социальные интересы. Рост города не бесконфликтный продукт «смазанной машины», а результат сложного переговорного процесса разных сторон, и локальная среда является политико-социальным конструктом, отражающим компромиссы, достигнутые группами интересов<sup>1</sup>. Местные политики и органы власти/управления/самоуправления теоретически выступают участниками «переговоров» ради достижения компромисса<sup>2</sup>, а участие различных агентов в развитии потенциала места/территории создают «сети роста», т.е. временные ассоциации людей (агентств), объединенные ради противодействия или поддержки противоположных или солидарных им целей.

Важным представляется понимание роли сообществ в городских процессах<sup>3</sup> в современных условиях, когда оппозиция «город — деревня» (т.е. городского общества и сельского сообщества) подвергается критике как абстракция, малопригодная для эмпирических исследований<sup>4</sup>. В современном мире трудно обнаружить «классические» сообщества с определенными пространственными границами, основанные на регулярном взаимодействии, поскольку не существует сельских сообществ, элементы которых нельзя обнаружить в городах, и наоборот<sup>5</sup>. Эмпирические (пилотажные) исследования, проводимые нами с 2015 г. на примере сравнения нескольких кейсов (МО г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области), отражают аспекты того, что форма поселения влияет на функционирование в нем социальных отношений, включая аспекты доступности и комфортности городской среды, и способов поведения в ней (в том числе с происходящими цифровыми изменениями), но сложность и многочисленность социальных миров поселений разных типов уже не вмещается в разработанные теоретические рамки и аналитические конструкции, в том числе, например, в дихотомию «города — деревни», «городской машинерии» и т.п. Это связано с динамикой распространения «городского образа жизни» в малых городах в качестве универсального опыта глобализированной повседневности<sup>6</sup>, с новыми формами отношений между самими городами и сельской (пригородной) местностью, их слияния при процессах мегаполизации, вхождения в крупные городские агломерации, их гибридизацию и комплексный характер форм и функций<sup>7</sup>. В условиях современных преобразований границы городов «растягиваются», социокультурный состав населения становится разнородным, потребности в комфорте и жизнедеятельностных процессах разных групп жителей разнообразятся, что затрудняет анализ, особенно если речь идет о таких формах пространственно-агломерационных гибридов, как «город-поселение» в качестве внутригородского «суборганизма» с внутренне непротиворечивыми процессами<sup>8</sup>.

Анализ показывает, что в современных пространствах (при)городских территорий происходит формирование устойчивых во времени групп с возникающей территориальной идентичностью, для описания форм которых используется понятие «сообщество» в антропологическом понимании ассоци-

<sup>1</sup> Тыканова Е., Хохлова А. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241–256.

<sup>2</sup> Hunter F. Community power structure: A study of decision makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953.

<sup>3</sup> Duncan O.D. Social Characteristics of Urban and Rural Communities. N.Y.: Wiley Chapman, 1950.

<sup>4</sup> Brunt L. Into the community // Handbook of Ethnography / Ed. by P. Atkinson, A. Coffey, Sjo Delamont, Jю Lofland. L.: Sage, 2001. P. 80.

<sup>5</sup> Ibid.

<sup>6</sup> Germani G. Migration and Acculturation // Handbook for Social Research in Urban Areas / Ed. by Ph.M. Hauser. Ghent: UNESCO, 1964. P. 169.

<sup>7</sup> Aguilar A.G. and Ward P.M. Globalization, Regional Development, and Mega-City Expansion in Latin America: Analyzing Mexico City's Peri-Urban Hinterland // Cities. 2003. Vol. 20. No. 1 (February). P. 3–21; McGee T.G. The Emergence of Desakota Regions in Asia: Expanding a Hypothesis // The Extended Metropolis: Settlement Transition in Asia / Ed. by N. Ginsburg, B. Koppel and T.G. McGee. Honolulu: University of Hawaii Press, 1991. P. 3–25.

<sup>8</sup> Amin A., Thrift N. Cities: Reimagining the Urban. Cambridge: Polity Press, 2002. P. 209.

ации с местом<sup>1</sup>, социальной экологии города<sup>2</sup> и культуры жителей малого города<sup>3</sup>, хотя в литературе отмечается, что современные активистские сообщества не всегда выстраиваются по территориальному принципу, так как их члены имеют сильные связи вне мест проживания благодаря мобильности и информационным технологиям<sup>4</sup>. В ряде подходов «сообщество» рассматривается как группа людей с общими интересами, чувствами и поведением<sup>5</sup>, но в ситуации изучения населения крупных (при) городских поселений объектом становятся «воображаемые сообщества»<sup>6</sup>. Сравнение, например, политических программ внутригородского муниципального округа в мегаполисе и сельского поселения (пригородного) района или нового построенного городского образования на границах двух субъектов (СПб и ЛО) позволяет расширить городские исследования.

**Барандова Т.Л.**  
(СЗИУ РАНХиГС при Президента РФ, Санкт-Петербург),  
**Тесленко Н.Д., Сергеева А.В.**  
(независимые исследователи, Санкт-Петербург)

## **СИМВОЛИЧЕСКИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: СПОРТИВНЫЕ МЕГАСОБЫТИЯ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В современном мире появляется большое количество вопросов, решение которых требует кооперации мирового сообщества. Неотъемлемой частью политической глобализации политики стали международные встречи и объединения различного формата, усиление и расширение политических связей по всему миру<sup>7</sup>, а также распространение культурной, включая спортивную, политики правительств стран на международном уровне<sup>8</sup>, участие стран в международных организациях и союзах говорят о наличии процесса политической глобализации<sup>9</sup>. Роберт Кохейн и Джозеф Най рассматривают социальную и культурную глобализацию как взаимодополняющие ввиду их близких друг к другу областей воздействия. Так, авторы характеризуют их распространением различных идей, представлений и другой информации по всему миру, что становится возможным благодаря развитию способов коммуникации. Социальная глобализация способна влиять на человеческое сознание, изменяя политическую, культурную и личную идентификацию<sup>10</sup>. Общение с представителями других стран, международный туризм, популярность зарубежной медиаинформации, международная миграция — яркие примеры социокультурной глобализации. Нами рассмотрена концепция глобализации через призму ролевой теории (И. Гофман), близкой в теоретическом обосновании конструктивистской теории международных отношений (А. Вендт), которая утверждает, что акторы обладают идентичностью, т.е. относительно стабильным пониманием собственной роли и ожиданий от участия в коллективном взаимодействии. Каждое государство может идентифицировать себя одновременно в нескольких институциональных ролях, например как «суверенное» и «лидер свободного мира». Идентичности могут различаться по степени важности, однако каждая связана с особенностями актора. В международных отношениях роли понимаются как прочные социальные конструкты и как рациональные когнитивные концепты. Основное внимание приковано к роли внешней политики государств, но учитывается, что роли постоянно находятся в процессе редактирования через взаимодействие множества акторов, имеющих определенную степень влияния на формирование общей системы. Некоторые роли в большей степени зависят от выбранного актором пути, а выбор осуществляется исходя из доступных материальных и нематериальных сил<sup>11</sup>.

Мегасобытия имеют внешние и внутренние отличительные черты. К внутренним отнесены длительность и масштаб, что заключается в количестве зрителей и участников, количестве отдельных со-

<sup>1</sup> Young M., Willmott P. Family and Kinship in East London. Harmondsworth: Penguin Books, 1962.

<sup>2</sup> Park R., Burgess E.W. and McKenzie R.D. The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925.

<sup>3</sup> Lynd R.S. and Lynd H.M. Middletown: A Study in Modern American Culture. N.Y.: Harcourt, Brace, 1929.

<sup>4</sup> Иванов П. Сцилла и Харибда: между мифами о городских сообществах, 2014. URL: <http://urbanurban.ru/blog/reflection/509/Stsilla-i-Kharibda-mezhdu-mifami-o-gorodskikh-soobshchestvakh> (дата обращения: 12.03.2020).

<sup>5</sup> Warner W.L. and Lunt P.S. The Social Life of a Modern Community. New Haven: Yale University Press, 1941.

<sup>6</sup> Anderson B. Imagined Communities. L., N.Y.: Verso, 2006.

<sup>7</sup> Steger M.B. Globalization: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2013. P. 73.

<sup>8</sup> Keohane R.O., Nye Jr J.S. Globalization: What's new? What's not?(And so what?) // Foreign Policy. 2000. No. 118. P. 104–119. (Op. cit. P. 118).

<sup>9</sup> Dreher A. Does globalization affect growth? Evidence from a new index of globalization // Applied Economics. 2006. Vol. 38. No. 10. P. 1093.

<sup>10</sup> Keohane R.O., Nye Jr J.S. Op. cit. P. 107.

<sup>11</sup> Harnisch S. Role Theory in International Relations. L., 2011. P. 9–10.

бытий (например, соревнований по видам спорта), степени организационной сложности. К внешним особенностям предлагается отнести привлекательность для туризма и заинтересованность медиасферы, а также воздействие на город-организатор<sup>1</sup>.

Выделяются следующие особенности мегасобытий:

1. Привлекательность для зрителей в целом и их большое количество фактически.
2. Широкое освещение в медиасфере.
3. Высокая стоимость подготовки, возникающая в связи с огромным количеством поставленных задач, от строительства объектов и подготовки инфраструктуры до зарплат персонала за организацию и работу на мегасобытиях непосредственно<sup>2</sup>.
4. Большое влияние на место проведения подобных мероприятий и на местное население<sup>3</sup>.

Рассматривая спортивные мегасобытия, К. Робертс выделяет их характерные черты. Во-первых, это особенность: происходящее мегасобытие должно иметь ценность и повышать интерес за счет собственной необычности, удивительности. Во-вторых, оно не должно длиться постоянно: подобные мероприятия могут совершаться с определенной периодичностью, но должны иметь установленный временной промежуток, в течение которого они происходят. Третьей отличительной особенностью выступает их масштаб: сложно не согласиться с тем фактом, что мегасобытия в сравнении с обычными событиями подразумевают большую программу и вовлеченность большего количества людей независимо от предписанных им ролей<sup>4</sup>.

Отдельно стоит отметить, что с развитием средств коммуникации увеличилось и количество акторов, участвующих в мировой политике, несмотря на их территориальную отдаленность, что также способствует развитию ситуации взаимосвязанности во множестве областей между странами на мировой политической арене<sup>5</sup>. Спортивные мегасобытия имеют значение для большого количества людей и различных групп. Данное обстоятельство придает мегасобытиям политическую значимость, делая их политическим инструментом, при помощи которого возможно выражение различных взглядов, мнений, отношения к каким-либо ситуациям или субъектам<sup>6</sup>, самопрезентации мировому сообществу<sup>7</sup>. Кроме этого, мероприятия такого масштаба также играют важную роль в рамках протекающего процесса мировой глобализации, поскольку привлекают внимание огромной части человечества<sup>8</sup>. Исследовательский вопрос: каким образом спортивные мегасобытия включены в процесс политической глобализации? Данная работа сфокусирована на рассмотрении конкретного вида спортивных мегасобытий — Олимпиадах и Паралимпийских играх последнего десятилетия, а также их определенным символическим аспектам в контексте мировой политики.

*Баранец С.Н.*

*(СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург)*

## **ИДЕЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И АДДИТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ: ДОПОЛНЕННЫЙ СМЫСЛ «ПОЛИТИЧЕСКОГО» ДЛЯ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ**

Всякий теоретик местного самоуправления в конечном счете исследует вопрос о том, как меняются представления о сущности местной власти на современной фазе развития цивилизации, когда иерархизация системы общественных отношений, стремление к вертикально интегрированным способам бытия социальной реальности неуклонно вытесняется идущими им на смену сетевыми структурами. Понимание человеческого социума как ансамбля реляционных связей субъектов меняет и точку зрения, и инструментарий его научного познания ради разумно (научно) организованного управления. Объяснение социально-исторического, политически нагруженного процесса как событийно-ситуационного континуума, имеющего место быть и осуществляться в трех измерениях (со-

<sup>1</sup> *Malfas M., Houlihan B., Theodoraki E.* Impacts of the Olympic Games as mega-events // Proceedings of the Institution of Civil Engineers. 2004. Vol. 157. No. 3. P. 210.

<sup>2</sup> *Müller M.* What makes an event a mega-event? Definitions and sizes // Leisure Studies. 2015. Vol. 34. No. 6. P. 627–642.

<sup>3</sup> *Ibid.* P. 634.

<sup>4</sup> *Roberts K.* The Leisure Industries. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P. 188.

<sup>5</sup> *Keohane R.O.* Op. cit. P. 118.

<sup>6</sup> *Грачев С.И., Аксянов А.С.* Спорт как фактор политической деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 76.

<sup>7</sup> *Burbank M., Andranovich G., Heying C.H.* Olympic dreams: The impact of mega-events on local politics. Boulder, 2001. P. 203.

<sup>8</sup> *Грачев С.И.* Указ. соч. С. 76.



циетально-цивилизационном, деятельностном и персоналистическом) аналитически расчленяется на социальное пространство и социальное время, сцепление которых задает деятельностную субстанциональную основу общественного бытия людей и его изменений. Субстратную основу этого бытия составляет телесное бытование человеческих индивидов, которые в силу принципиальной ограниченности производительных сил и технологий вынуждены соединять свои усилия в производстве материальных благ и воспроизводстве социальных условий своего бытия. Субстанционально человеческое общество управляется законами человеческой деятельности, приобретающими в ходе эволюции универсальный характер. Однако обнаружение универсальности самой человеческой природы и трактовка ее как пространства для свободной игры сущностных сил с временными ограничениями и циклической ритмикой деятельности позволяет обосновать необходимость перехода к разрабатываемой автором атрибутивной трактовке политико-социальной реальности. Пример эволюции власти, связанной с уникальным местом человеческого существа в пространстве и времени его индивидуальной истории, с его способностью выхода за пределы собственной экономико-ориентированной природы, прежде всего в политической деятельности, может быть основой нового модуля научного понимания человека.

Приватность существования человека отнюдь не абсолютна: полная автономия человеческого существа — это скорее мыслимое состояние потенциальной возможности, чем актуальная «дорожная карта» для нужд среднестатистического индивида. Тем более что даже за пределами основных социальных процессов люди остаются достижимыми для общественного интереса и могут быть оценены как адепты этих интересов, конформисты или угроза. Для сохранения и воспроизводства исторически определенного социального порядка люди изобретают социальные инструменты, правила и институты. Однако действенность этих инструментов, правил и институтов не в последнюю очередь зависит от того, подчиняется ли каждый из живущих в пределах досягаемости этих «социальных машин» складывающимся под их влиянием обстоятельствам, рассматривает ли этот потенциальный социальный субъект индивидуального типа эти обстоятельства как необходимость или склонен к тому, чтобы не обращать на них внимание и действовать так, как будто он на самом деле автономен и независим. Идея местной власти зарождается в практике апробирования возможности принуждения автономного и суверенного в своей политической потенциальности субъекта права к действию таким образом, как если бы это внешнее, приобретенное право являлось его, субъекта, внутренним моральным законом.

«Местность» власти означает ее «здешность» и актуальность: она предстает перед тобой в лице другого человеческого существа, обладающего возможностью непосредственного физического воздействия, способного причинить боль и потому быть постоянной угрозой. Своя собственная способность быть таким же угрожающим в отношении другого человеческого существа, на время забываемая под давлением существенных жизненных обстоятельств, в результате может редуцироваться к привычке подчиняться уже не в связи с непосредственной угрозой, а чтобы избежать самой возможности ее актуализации. Именно такая первичная власть одного человеческого существа над другим лежит в основе всей системы политических отношений в обществе, пронизывает общественное тело в каждый конкретный момент его существования и передается в качестве «генетической привычки», наследия или реликвии новым поколениям. Только высокая степень социальной зрелости и компетентности может привести человека к разумной оценке собственных властных возможностей в отношении жизни и благополучия другого живого (в том числе и себе подобного), но более слабого или менее искусного во владении собой существа. До тех пор пока массовый уровень сознательности и гуманности общества не оказывается способным минимизировать последствия неудобства совместного бытования, рудиментарные проявления потестарности и потестарной власти имеют возможность стать по умолчанию доминантой в выстраивании социальных отношений.

**Баранов А.В.**  
(КубГУ, Краснодар)

## **ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА ПО-РОССИЙСКИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Н**еобходимость политической регионалистики в качестве отрасли научных знаний обусловлена объективным фактом разнородности политического пространства, характерным для большинства государств. В связи с 30-летием признания политической регионалистики в России актуально оценить тенденции и перспективы ее развития.

Толчок к зарождению политико-региональных исследований дали деколонизация Востока, рост этнополитических и региональных движений. Но вопросы центр-периферийных отношений, представительства территориальных интересов, региональной идентичности и др. в мировой политической на-

уже исследует либо «региональная наука», сосредоточенная на вопросах территориальной организации экономики и социально-экономического управления<sup>1</sup>, либо “area studies” — конгломерат прикладных междисциплинарных исследований, описывающих географию, историю, этническую и конфессиональную структуру, политические и социокультурные черты регионов<sup>2</sup>. Остается неопределенной грань между научными направлениями исследований внутригосударственных и международных регионов. Причины различий научных традиций в странах Запада и России вызваны их долговременным изолированным развитием, привычным в нашей стране «государствоцентризмом» научных подходов и тематики исследований.

На наш взгляд, объект политической регионалистики — это субнациональный уровень политической системы, промежуточный между общегосударственным и локальным уровнями, не изолированный от таковых, а неразрывно с ними взаимосвязанный. Субнациональный уровень политик включает в себя совокупность политических регионов — территориальных сообществ, институционализированных на основе долгосрочных взаимодействий акторов политики и прочности региональной идентичности<sup>3</sup>. Региональные акторы политики (элиты, партии, группы интересов, общественные объединения) обладают достаточной ресурсной базой и территориальной идентичностью, способны к целенаправленным действиям по достижению своих интересов.

Предмет политической регионалистики включает в себя федерализм и иные виды территориально-политических систем, региональную политику (целенаправленное взаимодействие общегосударственных и субнациональных субъектов политики для управления регионами), региональные институты, акторы, социокультурные феномены и, как результат их взаимодействий, региональные политические процессы. Поэтому мы считаем непродуктивными определения политической регионалистики в качестве лишь исследований федеративной формы государственного устройства, взаимодействий субъектов публичной политики либо стратегии государственной власти в отношении территорий<sup>4</sup>. Схоластическим мы считаем спор о предпочтении терминов «политическое регионоведение» или «политическая регионалистика».

Для сообщества регионоведов актуальны исследования таких проблем, как достижение оптимального соотношения интересов государства и регионов, повышение эффективности федеративного устройства, обеспечение суверенитета и целостности страны, поддержание баланса ресурсов между общегосударственными и субнациональными акторами политики<sup>5</sup>.

В итоге анализа специализированных изданий выявлено совершенствование методологий и методов анализа. Активизировалось взаимодействие между геополитическими, политико-географическими и политико-региональными исследованиями. Применяется сравнительный анализ российских и зарубежных региональных акторов, институтов и процессов.

Подтверждается дезинтегрированность развития направлений политической регионалистики в России: исследований федерализма и иных территориально-политических систем; центр-региональных политических отношений; региональной политики; региональных политических систем и режимов; региональных политических элит и групп интересов; партий и общественных объединений; региональных политических культур и идентичностей; субнациональных политических процессов и конфликтов. Возрастает популярность исследований транснациональной интеграции, империй и новых государств, «сетевых» политических сообществ.

Баранов Н.А.

(СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург)

## ВЫБОРЫ КАК ИНСТИТУТ ДОВЕРИЯ ИЛИ НЕДОВЕРИЯ В ПОСТПАНДЕМИЙНОМ МИРЕ<sup>6</sup>

Современная демократия основывается на всеобщих равных прямых выборах при тайном голосовании. Поэтому выборы выступают краеугольным камнем доверия граждан к избираемой

<sup>1</sup> Isard W. Introduction to Regional Science. Englewood Cliffs, N.J., 1975.

<sup>2</sup> Petersson B. We Don't Do Area Studies — Reflections on the Development of the Genre of Research from a Political Science Perspective // Forum of EthnoGeoPolitics. Amsterdam. 2015. Vol. 3. No. 2. P. 37–48.

<sup>3</sup> Баранов А.В. Взаимодействие акторов региональных политических процессов в постсоветской России. М., 2007. С. 5–6.

<sup>4</sup> Гельман В.Я., Рыженков С.И. Политическая регионалистика России: история и современное развитие // Политическая наука. 1999. № 3. С. 172–255; Медведев Н.П. Политическая регионалистика: Учеб. пособие. М., 2005.

<sup>5</sup> Дахин А.В. Политическая регионалистика в России: на пути к устойчивой научной полноте // Политическая наука. 2016. № 2. С. 132–163; Авдонин В.С., Семенов А.В., Гилев А.В. Проблемы и направления российских исследований субнациональной политики // Политическая наука. 2017. № 4. С. 15–33.

<sup>6</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31777 «Трансформация института выборов в период пандемии COVID-19: от временных мер до перспективных новаций».

власти и надеждой на ее эффективное функционирование в соответствии с пожеланиями избирателей. Доверие — это категория, которая носит социальный и конкретно политический характер. Так, к категории доверия исследователи Дж. Коулман, Н. Луман, Р. Патнэм обращаются как к социальному капиталу, социальным контекстам сотрудничества. Антиподом доверия является недоверие, связанное с отчуждением общества от социальной сферы, негативным опытом участия в гражданских акциях, неверием в справедливость, ощущением неуверенности и угрозы, исходящей от властных институтов.

П. Штомпка дает следующее определение доверию и недоверию — «это своего рода ставки, сделанные в расчете на будущие действия других людей, в которых мы не уверены»<sup>1</sup>. Польский социолог пишет о культуре доверия, связанного с прошлым коллективным опытом, в рамках которого культурные императивы могут полностью проигнорировать все рациональные расчеты.

Доверие тесно связано с понятием легитимности, но они не являются идентичными понятиями, о чем свидетельствует К. Эрроу<sup>2</sup>. П. Розанваллон пишет о пропасти между легитимностью и доверием, являвшейся центральной проблемой в истории демократии. Французский исследователь выделяет две формы недоверия: либеральное, связанное с институциональным закреплением недоверия правительству и защитой индивида от посягательств публичной власти, и демократическое, при котором выборные лица выполняют свои обещания и добиваются от правительства служения общественным интересам. В рамках демократического недоверия П. Розанваллон выделяет политическую форму, которую он называет контрдемократией как часть более широкой системы, включающей правовые демократические институты, а также надзорные функции, превентивные инструменты, проверку суждений и мнений<sup>3</sup>.

Разочарование и упадок доверия к демократическим институтам делают современный кризис демократии отличным от предыдущих кризисов. И. Крастев полагает, что граждане утрачивают доверие к демократическим институтам не потому, что эти институты стали менее эффективными или более коррумпированными, но потому, что люди утратили способность влиять на них. Вопрос доверия к демократии — это вопрос влияния<sup>4</sup>.

Проверка доверием особенно актуальна для института выборов в период пандемии COVID-19. Ограничения, ставшие неотъемлемой частью нашей жизни, охватывают в том числе и политическую сферу, сокращая участие граждан в общественных мероприятиях и собраниях, делая невозможным реализацию индивидуальных и коллективных гражданских обязанностей и политических прав.

Международный институт демократии и содействия выборам (*International Institute for Democracy and Electoral Assistance*) исходит из того, что, своевременно разрабатывая надлежащие решения на основе собственного или иного опыта, выборная демократия может укрепляться в условиях противостояния неоправданному давлению со стороны властных структур.

Проблемы, которые возникли в условиях пандемии, состоят в обеспечении достаточного и заслуживающего доверия уровня участия избирателей, который может гарантировать репрезентативность и легитимность выборов; обеспечении безопасных условий голосования как для избирателей, так и для сотрудников избирательных участков, и минимизации рисков для их здоровья; обеспечении прозрачного и подотчетного избирательного процесса с высокой степенью честности.

Международный фонд электоральных систем (*International Foundation for Electoral Systems*) обобщил опыт проведения выборных кампаний в период пандемии и продемонстрировал различные электоральные практики, которые могут быть использованы в дальнейшей организации выборного процесса на основе опыта Израиля, Франции, Канады, Германии, США и других стран<sup>5</sup>.

Пандемия внесла существенные коррективы в проведение выборов и стала показателем устойчивости избирательной системы и в целом демократии в той или иной стране. В обстановке доверия возможны различные варианты голосования, которые не оспариваются гражданами, в условиях же недоверия любое нововведение со стороны власти рассматривается как повод для фальсификаций. И выборы становятся важнейшим показателем этого доверия.

<sup>1</sup> Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польского С.С. Червонной. 2-е изд. М.: Логос, 2010. С. 326.

<sup>2</sup> Arrow K.J. The Limits of Organization. N.Y.: W.W. Norton, 1974. P. 26.

<sup>3</sup> Розанваллон П. Контрдемократия: политика в эпоху недоверия // Неприкосновенный запас. 2012. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/4/kontrdemokratiya-politika-v-epohu-nedoveriya.html> (дата обращения: 22.06.2021).

<sup>4</sup> Крастев И. Управление недоверием / Пер. с англ. А.А. Ожигановой. М.: Изд-во «Европа», 2014. С. 86.

<sup>5</sup> Featured Elections Held and Mitigating Measures Taken: During COVID-19 // International Foundation for Electoral Systems. URL: [https://www.ifes.org/sites/default/files/elections\\_held\\_and\\_mitigating\\_measures\\_taken\\_during\\_covid-19.pdf](https://www.ifes.org/sites/default/files/elections_held_and_mitigating_measures_taken_during_covid-19.pdf) (accessed: 24.06.2021).

Баранова Т.В.  
(Нижегородский государственный университет  
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)

## ЦИФРОВОЙ ПОПУЛИЗМ КАК ТРЕНД ХХІ ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Последние десятилетия характеризуются развитием цифровых и коммуникационных технологий. Такой рост и повсеместное внедрение цифровых технологий несут в себе новые вызовы. Цифровизация затронула все сферы жизни, в том числе и политический процесс. Популизм — одно из самых популярных и распространенных явлений в политической жизни различных стран, вокруг которого не только разворачиваются многочисленные дискуссии, но и само понятие носит разные оттенки содержания и отношения к данному феномену.

Многие исследователи выражают сожаление по поводу отсутствия консенсуса в определении концепции популизма. Данное понятие используется (в социальной теории, а также в публичном политическом дискурсе) для характеристики различных образований — популистских движений, популистских лидеров, популистских конъюнктур.

Обобщая мнение различных исследователей о сущности такого феномена, как популизм, можно выделить несколько точек зрения: популизм как определенная стратегия, набор методик, способ достижения власти путем декларирования заранее невыполнимых обещаний (Б. Моффитт, С. Торми<sup>1</sup>, М. Канован<sup>2</sup>); популизм как часть политического процесса, реакция людей на проблемы внутри страны (Л.Г. Фишман<sup>3</sup>, Э. Лаклау<sup>4</sup>); популизм как идеология (М. Фриден<sup>5</sup>, П. Таггарт<sup>6</sup>, К. Мюдде<sup>7</sup>). Стоит также отметить, что у большинства исследователей совпадает мнение о природе содержания популизма как сугубо негативного феномена современного политического процесса.

В прошлом популисты полагались на традиционные средства массовой информации для связи с людьми, но теперь социальные сети позволяют им передавать свои сообщения непосредственно людям и даже взаимодействовать с ними. Такое использование социальных сетей распространено как среди правых, так и среди левых популистов. Именно здесь цифровой популизм отличается от традиционного правого и левого популизма. Он не только использует цифровые платформы, чтобы политики могли общаться с избирателями, но и основывает свою политическую программу непосредственно на силе социальных сетей и их возможностях для манипуляции.

Традиционные СМИ в последние годы испытывают растущее экономическое давление, поскольку они все чаще сталкиваются с онлайн-конкуренцией. Но им также бросают вызов популисты, которые обращаются к своим сторонникам через альтернативные онлайн-каналы — иногда через перевод в традиционных СМИ, как в случае с твиттером Д. Трампа. Эти альтернативные каналы иногда не следуют общепринятым журналистским нормам, в том числе в использовании грубых выражений и агрессивном тоне по отношению к оппонентам. В гибридной медийной системе, где новые и старые медиа переплетаются, а их логика дополняет друг друга, политические деятели больше не полагаются на один канал коммуникации<sup>8</sup>. С точки зрения автора, четыре возможности *Facebook* и *Twitter* способствуют развитию популистской риторики: они предлагают возможность установить тесную связь с людьми, они обеспечивают прямой доступ к публике без журналистского вмешательства, они могут создать чувство общности и признания среди других разрозненных групп, и они способствуют развитию потенциала для персонализации<sup>9</sup>.

Таким образом, цифровой популизм представляет собой неоднозначное явление, которое только начинает изучаться в среде экспертного сообщества. При этом, с одной стороны, цифровой популизм опирается на математические алгоритмы и таргет, будучи достаточно технологичным, с другой сторо-

<sup>1</sup> *Moffitt B., Tormey S.* Rethinking Populism: Politics, Mediatisation and Political Style // *Political Studies*. 2013. No. 62 (2). P. 381–397.

<sup>2</sup> *Canovan M.* Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy // *Political Studies*. 1999. No. 47 (1). P. 2–16.

<sup>3</sup> *Фишман Л.Г.* Популизм — это надолго // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 3. С. 55–70.

<sup>4</sup> *Laclau E.* On populist reason. L.; N.Y.: Verso, 2005.

<sup>5</sup> *Freedon M.* After the Brexit referendum: revisiting populism as an ideology // *Journal of Political Ideologies*. 2017. No. 22 (1). P. 1–11.

<sup>6</sup> *Taggart P.* The Populist Politics of Euroscepticism, EUSA Biennial Conference. 1997. URL: [http://aei.pitt.edu/2740/1/002543\\_1.pdf](http://aei.pitt.edu/2740/1/002543_1.pdf) (accessed: 01.07.2021).

<sup>7</sup> *Mudde C.* The populist zeitgeist // *Government and Opposition*. 2005. No. 39 (4). P. 541–563.

<sup>8</sup> *Chadwick A.* The Hybrid Media System: Politics and Power. 2nd ed. Oxford, UK: Oxford University Press, 2017.

<sup>9</sup> *Ernst N., Engesser S., Büchel F., Blassnig S., Esser F.* Extreme parties and populism: An analysis of Facebook and Twitter across six countries // *Information, Communication & Society*. 2017. P. 1347–1364.

ны, он работает на принципах универсального деления на «своих» и «чужих», «добро» и «зло» как архаичная политическая культура<sup>1</sup>.

Барский Я.В., Соколов А.В.  
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

## ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРНЕТ-АКТИВИЗМА: КРИТЕРИИ И ФОРМЫ<sup>2</sup>

В условиях развития информационно-коммуникационных технологий трансформируется тип социального устройства, в результате чего происходит виртуализация общественных отношений и среды активности граждан. Теория постиндустриального общества вошла в основу теории постинформационного общества, которая объясняет контекст внедрения цифровых технологий в гражданскую активность<sup>3</sup>.

Интернет-активизм — форма социальной активности граждан, характеризующаяся самоорганизацией индивидов и целенаправленным использованием интернет-инструментов для воздействия на характеристики общественно-политической действительности. Актуальной проблемой исследования интернет-активизма является его институционализация — процесс, при котором практики активистов приобретают устойчивый характер, а формы — общественную значимость и интегрируются в общественно-политическую действительность и нормативно-правовое поле.

В результате изучения интернет-активизма можно выделить семь основных этапов его институционализации: 1. Появление качественных характеристик сообщества, необходимых для формирования «общественного запроса» на институционализацию; 2. Появление акторов, способных сформировать механизмы рационализации общественных отношений; 3. Обсуждение моделей поведения сообществом, в процессе которого индивиды дают оценку предлагаемым моделям поведения; 4. Учреждение институтов в форме конкуренции либо административного учреждения; 5. Включение институтов в общую институциональную среду; 6. Имплементация институтов в нормативно-правовое поле; 7. Становление статусно-ролевой структуры.

Отталкиваясь от предложенной классификации, можно сформулировать и критерии институционализации: 1. Степень конкурентности социальной среды; 2. Степень конфликтности социальной среды; 3. Степень коллективной идентичности; 3. Наличие у акторов необходимых качественных характеристик.

Интернет-активизм обладает спецификой, связанной с виртуальной средой проявления и применяемыми в работе активистов интернет-ресурсами, что вынуждает классифицировать интернет-активизм относительно форм его проявления.

В формах обсуждения общественно значимых проблем, проведения просветительских мероприятий и сетевых протестов, проводимых в цифровом пространстве, основным каналом коммуникации являются группы в социальных сетях и мессенджерах, где происходит информационное освещение и обмен, а также поиск, вовлечение и мобилизация пользователей. Организация общественных отношений носит неформальный характер и проявляется в учрежденных в группах правилах, моделирующих пользовательскую активность.

В формах онлайн-благотворительности и цифрового волонтерства активисты также используют социальные сети и мессенджеры, однако также активно применяют специализированные платформы — персональные сайты и мобильные приложения, где, в частности, осуществляются пожертвования. Интеграция в общественную активность элементов экономической активности способствует росту количества процедур, необходимых для совершения транзакций.

В формах подписания электронных коллективных обращений интернет-активисты используют цифровые платформы, в том числе «*Change.org*» и «Российская общественная инициатива». Информация, генерируемая в российской платформе, по мнению властей, обладает большей достоверностью ввиду наличия процедур верификации пользователей и публикации заявок, которые регламентируются Указом Президента РФ от 4 апреля 2013 г.

Процесс цифровизации форм гражданской активности отразился и на формах, регулируемых государством, — выборах. Успешный опыт применения технологии дистанционного голосования в кам-

<sup>1</sup> Шербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 127–139.

<sup>2</sup> Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности».

<sup>3</sup> Ракитов А.И. Постинформационное общество // Философские науки. 2016. № 12. С. 7–19. URL: [http://phisci.ru/files/issues/2016/12/RJPS\\_2016-12\\_Rakitov.pdf](http://phisci.ru/files/issues/2016/12/RJPS_2016-12_Rakitov.pdf) (дата обращения: 23.09.2019).

пани по довыборам депутатов в Государственную Думу предлагается распространить на ряд регионов, в том числе на города федерального значения, в период действия основной кампании.

Таким образом, интернет-активизм включает в себя широкий спектр форм активности граждан, реализация которых связана с использованием интернет-ресурсов. Формирующиеся в интернет-активизме практики взаимодействия организуются как посредством неформальных регламентов и процедур, так и действиями законодательных актов, что подтверждает актуальность изучения процессов институционализации интернет-активизма.

Башмаков И.С.  
(КубГУ, Краснодар)

## РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Одним из средств формирования культурной и территориальной идентичности является языковая политика (*policy*), т.е. действия государства, направленные на определение языковых норм, правил использования языка, его популяризацию. В языковой политике (в значении *politics*) могут принимать участие общественные движения и организации, стремящиеся сохранить язык, увеличить количество говорящих на нем, повысить его статус. Язык — это не только средство общения и обмена важными идеями, но и своеобразный «культурный код», содержащий в себе и распространяющий обычаи, традиции, нормы, характеризующие группу. Языковая политика необходима для формирования национальной или этнической идентичности, основывающейся на едином языке, который становится важным демаркирующим индикатором между «нами» и «ними»<sup>1</sup>.

Наличие языка важно для развития территориальных движений и культурного регионализма. Благодаря наличию своего языка этнографические и культурные движения регионального уровня могут объявлять о своей особости. Язык служит для легитимации и сплочения группы. Наличие своего языка и его использование становятся одним из главных инструментов формирования таких наций без государств<sup>2</sup>, как каталонцы, баски, окситанцы, галисийцы, корсиканцы, валлоны и др.<sup>3</sup> Обладание своим собственным языком становится важным фактором конструирования отличий для членов региональных сообществ даже в тех случаях (Шотландия, Ирландия), когда он уже практически не используется, но память о его существовании либо ограниченное число его пользователей присутствует.

С. Морган выделяет три этапа в ходе мобилизации языковой политики. На первом активисты добиваются консолидации (т.е. языковой солидарности) в результате взаимного осознания того факта, что национальная идентичность базируется на национальном языке и его использовании. На втором этапе национальные лидеры пытаются связать эту солидарность с особыми обидами, имеющимися у группы. Язык становится основой для коллективных требований (защита регионального языка, прав говорящих на нем). На третьей стадии обиженное и сплоченное сообщество переходит от осознания несправедливости к решительным действиям по их преодолению, например, осуществляется электронная поддержка региональных партий, расширяется участие в деятельности региональных общественных движений<sup>4</sup>.

Многие российские регионы обладают своими диалектными особенностями. Примером может являться кубанская балачка — диалект на основе украинских и южнорусских говоров, не имеющий официального статуса в РФ, распространенный в сельской местности в северной, центральной и западной частях Краснодарского края, особенно среди пожилого населения. Песни на балачке исполняются Кубанским казачьим хором, слова и выражения балачки упоминаются и изучаются в рамках уроков кубановедения в школах. В социальной сети «ВКонтакте» действует группа любителей кубанского говора «Кубанская балачка» (4797 подписчиков). Местное радио *Kazak.fm* имеет ежедневную программу, посвященную балачке. Имеются сайты, посвященные балачке<sup>5</sup>. Бывший губернатор Краснодарского края (1997–2001) Н.И. Кондратенко, активно отстаивавший и воплощавший в себе кубанский колорит, выступал с предложением вести некоторые передачи краевого телевидения на балачке<sup>6</sup>. Предлагалось

<sup>1</sup> Morgan S. Language politics and regional nationalist mobilization in Galicia and Wales // *Ethnicities*. 2006. Vol. 6 (4). P. 454.

<sup>2</sup> Leruez J. *L'Écosse, une nation sans État*. Lille: Presses universitaires de Lille, 1983.

<sup>3</sup> О языковой политике в Окситании См.: Башмаков И.С. Основные субъекты и цели окситанской политики идентичности на юге Франции // *Человек. Сообщество. Управление*. Краснодар. 2016. № 2. С. 115–127. URL: [http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2016\\_2/2016\\_2\\_Bashmakov.pdf](http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2016_2/2016_2_Bashmakov.pdf).

<sup>4</sup> Morgan S. Language politics and regional nationalist mobilization in Galicia and Wales // *Ethnicities* 2006. Vol 6 (4). P. 455

<sup>5</sup> Кубаньска балачка — жива, цвитуца та модна. URL: <https://www.kubanska.ru/zarty-3.htm>.

<sup>6</sup> Мельников А. Балачка — музыка кубанской души // Сетевое издание «Официальный сайт газеты «Тамань»». URL: <https://tamannews.ru/18129/>.

вести преподавание в школах на балачке<sup>1</sup>. Тем не менее в регионе отсутствует политизация языковой политики, что, на наш взгляд, является следствием миграционных процессов, центростремительных тенденций в российской политике, а также сокращающегося числа носителей балачки. В современных условиях балачка является скорее символом региональной особенности, может использоваться в целях создания регионального бренда, развития местного туризма и культуры. Дальнейшее использование балачки в целях формирования идентичности во многом будет зависеть как от усилий местных активистов, так и желания населения и региональных властей идти им навстречу.

Безбородов М. И.  
(ПетрГУ, Петрозаводск)

## ВНЕШНЯЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК «МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ

Одной из крупнейших религиозных организаций является Русская православная церковь (далее — РПЦ), имеющая свои административно-территориальные единицы во многих странах мира и проводящая свою внешнеполитическую деятельность, направленную на сохранение межконфессионального диалога, решение социальных и духовно-нравственных проблем современного мира. Изучение внешнеполитической деятельности РПЦ как «мягкой силы» России обуславливается рядом факторов. С одной стороны, возрастает роль негосударственных акторов мировой политики, одними из которых выступают религиозные институты. С другой — концепция «мягкой силы», серьезно повлиявшая на теорию и практику международных отношений, получила в России и свою специфику — это использование ресурсов и возможностей крупнейшей автокефальной поместной православной церкви в мире — Русской православной церкви, что требует отдельного рассмотрения.

Вопрос о признании религиозных организаций акторами мировой политики является долгосрочным спором. На протяжении многих лет в теории международных отношений единственным фактором, формирующим международные политические процессы, называли деятельность суверенных государств. Поворотным моментом в исследованиях акторов стала работа Дж. Найя и Р. Кохейна «Транснациональные отношения и мировая политика»<sup>2</sup>, расширившая представление об акторности на международной арене. После выхода работы стали появляться тезисы о необходимости более внимательного отношения не только к неправительственным акторам в целом, но и к религиозным в частности, поскольку религия стоит в центре многих современных политических, социальных событий<sup>3</sup>.

Свое понимание категории «мягкой силы» Владимир Путин представил в предвыборной статье 2012 г. «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности»<sup>4</sup>, где под «мягкой силой» понимается комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия.

РПЦ стремится к утверждению христианских ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений как на национальном, так и на международном уровне и добивается признания легитимности религиозного мировоззрения как основания для общественно значимых деяний и как существенного фактора, которые должны влиять на формирование международного права и на деятельность международных организаций.

Межрелигиозные отношения церкви регулируются «Основными принципами отношения к инославию Русской Православной Церкви», на международной арене РПЦ представляет Отдел внешних церковных связей (ОВЦС). В церковной политике внешняя деятельность понимается как «не то, что отделено от церкви государственными границами, а то, что отделено собственно церковными границами»<sup>5</sup>. В этом проявляется отличительная черта религиозных акторов — приоритетными являются церковные (конфессиональные) границы, а не национальные, так РПЦ осуществляет духовную и гуманитарную миссии на территории других стран, выступает на площадках различных международных институтов, где решаются проблемы межправославных и межконфессиональных отно-

<sup>1</sup> Карасев И. Звонок на балачку // Российская газета «Неделя — Кубань—Кавказ». № 0(5102). URL: <https://rg.ru/2010/02/04/reg-kuban/dialekt.html>.

<sup>2</sup> Keohane R.O. and Nye J.S. Introduction // *Transnational Relations and World Politics* // R.O. Keohane, J.S. Nye (eds). Cambridge: Harvard University Press, 1972.

<sup>3</sup> Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2012. № 2 (30). С. 21–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-v-postsekulyarnom-obschestve>.

<sup>4</sup> Путин В.В. Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 4 (25). С. 8–11. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1779/1364>.

<sup>5</sup> Интервью архиепископа Кирилла «Журналу Московской патриархии» // *Журнал Московской патриархии*. 1990. № 6. С. 14.

шений, межкультурного диалога, восстановления и сооружения за границей православных храмов, возвращения памятников русской культуры в российскую собственность, при этом не обязательно церковную, и др.

Начало институционального сотрудничества с европейскими международными объединениями можно отнести к 2002 г., когда учреждается Представительство РПЦ при европейских международных организациях.

Еще одним учреждением РПЦ в Европе является Представительство РПЦ в Страсбурге (Франция), или, по-другому Представительство Московского патриархата при Совете Европы, образованное в марте 2004 г. В 2016 г. Папой Римским Франциском и святейшим патриархом Кириллом подписана совместная декларация, где религиозные лидеры призвали мировое сообщество защитить гонимых на Ближнем Востоке христиан.

Можно рассматривать РПЦ как элемент «мягкой силы» России с точки зрения того, что церковь, с одной стороны, обладает сильным ресурсным и институциональным потенциалом, с другой — является мощным религиозным институтом, осуществляющим свою миссию и деятельность в различных странах мирового сообщества, взаимодействия с другими религиозными организациями и объединениями.

Белов С.И.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **«РУССКИЙ МЕДВЕДЬ» В ВИДЕОИГРАХ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И ОБРАЗ АКТУАЛЬНОЙ УГРОЗЫ<sup>1</sup>**

На сегодняшний день видеоигры являются одним из наиболее перспективных ресурсов символической политики. Последнее обуславливается рядом факторов: 1) развлекательным характером контента; 2) быстрым развитием технологий погружения игрока в виртуальную реальность; 3) доступностью для массовой аудитории (в том числе за счет миграции на мобильные платформы) и ориентацией на продвижение на глобальном рынке; 4) наличием элемента сотворчества в рамках выбора геймером варианта действий при прохождении «сюжетных развилок»; 5) использованием механизмов оперантного обуславливания в рамках воздействия на игрока<sup>2</sup>.

Наличие у игры символической первоосновы само по себе закономерно способствует приобретению соответствующим комплексом знаков мемориального характера. Как было отмечено А. Варбургом, символ выступает в качестве инструмента описания и систематизации новых элементов социальной реальности. В рамках этого процесса происходит преодоление фобических страхов перед неизвестным: новое явление описывается посредством привычной системы обозначений. Последнее априори придает символам ретроспективный характер<sup>3</sup>.

В рамках видеоигр можно выделить четыре вариации интерпретации образа медведя в рамках его стигматизации (зарубежными разработчиками) либо реабилитации (в играх российского производства). Медведь может позиционироваться как источник внешней угрозы (*The materials consist of Conflict of Heroes: Awakening the Bear, The Long Dark, Metro Exodus* и другие), символ национальной маскулинности, вписанный в контекст прошлого (*Bear, vodka, Stalingrad!, Bear, vodka, fall of Berlin!* и др.), образ токсичной российской маскулинности (*Escape from voyna: Aliens from Arena 51* и др.) или элемент ложных стереотипных представлений о национальной специфике (*Russian World, Russian SuperHero Dead Ivan, Soviet Bear Uni Adventure, «Симулятор Бухания Online»* и др.).

В рамках позиционирования образа медведя в российских и зарубежных играх можно выделить общие черты. К ним относятся в первую очередь акцентуация «силовой» символики и комплексная подача за счет сочетания с прочими стереотипами о России. В то же время для российских игр характерны гегемонная маскулинность, гуманизация, включение в контекст повседневности и приписывание юмористических черт, не влияющих на антиобраз<sup>4</sup>.

Зарубежные игры отличают наличие внутри образа медведя хаотического либо дионисийского начала, его «калибанизация», приписывание юмористических черт, расширяющих антиобраз, а также присутствие стереотипных элементов, не характерных для российских представлений о «клякве».

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 19-011-00748 «Русский медведь» в современной символической политике: российский и западный контексты».

<sup>2</sup> Ash J. Emerging spatialities of the screen: video games and the reconfiguration of spatial awareness // *Environment and Planning A*. 2009. No. 41 (9). P. 2115; 12.

<sup>3</sup> Варбург А. Великое переселение образов. М.: Азбука-классика, 2008. С. 72–77.

<sup>4</sup> Калмыков В.А. Образ России и индустрия компьютерных игр // Материалы 1-й Международной научно-практической конференции «Коммуникативные платформы для социальных и медийных инноваций»: Сб. докладов. М., 2014. С. 88.



Все эти черты не являются элементами оригинального позиционирования: они заимствованы из символических моделей периода холодной войны, которые, в свою очередь, в значительной степени выстраивались на основе негативных стереотипах о Российской империи<sup>1</sup>.

Белоконов С.Ю.  
(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

## ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПУБЛИЧНЫХ ПОЛИТИКОВ И ИХ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

В России число пользователей Интернета варьируется в районе 93,6 млн человек ежемесячно, 90,7 млн человек заходят в Сеть еженедельно, а 82,8 млн — ежедневно. В среднем время нахождения пользователя в Интернете составляет 183 минуты в день, причем время, проведенное в Интернете, зависит и от возраста пользователя. Наиболее активной считается группа в возрасте 12–64 года, пользователи находятся в онлайн-режиме в среднем 194 минуты в день.

В настоящее время социальные сети являются мощным инструментом формирования общественного мнения, решения различных проблем, способом взаимодействия с социальными группами и общностями, в особенности с наиболее активными слоями населения. В России социальные сети являются площадкой, где реализуется гражданская активность, создается определенное представление о сложившейся ситуации, а также может формироваться образ «продукта», необходимый заказчику. В социальных сетях предоставляется возможность ведения пропаганды и внушения. Особую привлекательность для политиков (лидеров общественного мнения) приобретают социальные сети, открывающие возможность достаточно быстро распространить информацию с минимальными издержками, с использованием различных интерактивных технологий и возможностей визуализации.

Теоретико-методологическую основу исследования составили следующие теории и подходы: теория постинформационного общества, теория коммуникативного действия, теория обмена, теория социального интеракционизма и драматургическая социология, теория рационального выбора и другие, а в контексте анализа больших данных актуальность приобретает направление *Predictor Mining*, технологии интеллектуального анализа *Big Data*.

Для изучения электорального потенциала политика оптимально выявление рейтинга (уровня) его избираемости, а именно оценки вероятности того, что при проведении выборов избиратели отдадут за него свой голос. Оценка электорального потенциала политика реализуется в несколько этапов. На первом этапе исследователи оценивают текущий имидж политика, выявляют компоненты идеального образа и разрабатывают пути минимизации или ликвидации разрыва между реальным и идеальным образами. Следующим этапом становится изучение и разработка агитационных материалов, которые распространяются в процессе предвыборной кампании, на данном этапе оценивается не только содержательная часть материалов, но и эмоциональное их восприятие. На третьем этапе предполагается оценка информационного пространства вокруг избирательной кампании, выявляются основные каналы взаимодействия с избирателями. Итогом становятся разработанные рекомендации по проведению предвыборной кампании.

В процессе качественного изучения информации, размещенной в социальных медиа, целесообразно использовать следующий алгоритм анализа сообщений:

1. Анализ общего числа публикаций в социальных медиа. Данный параметр непосредственно связан с активностью публичного политика в социальных сетях, предполагает качественный анализ контента, который размещают политики на своих страницах («ВКонтакте», *Facebook*, «Одноклассники», *LiveJournal*, *You Tube*, *Telegram*, *Instagram*, *Twitter*).
2. Исследование аудитории, а именно совокупного числа пользователей сетей, являющихся «подписчиками» на обновления и «паблики», а также имеющих возможность как ознакомиться с контентом, так и отреагировать на него.
3. Изучение степени вовлеченности аудитории, а именно суммы комментариев, откликов, «репостов» на сообщения.
4. Оценка тональности сообщений, предполагающая качественный и количественный анализ комментариев на размещенный контент на страницах политиков в социальных медиа. В данном случае может наблюдаться некоторая сложность в интерпретации тональности комментариев, связанная с субъективностью оценивания. Поэтому, на наш взгляд, в ходе анализа необходимо придерживаться следующей балльной системы оценивания: 1 балл — крайне негативная реак-

<sup>1</sup> Кострова С.В., Маркухова Я.О. Русские персонажи в нарративах компьютерных игр // Культура и технологии. 2019. Т. 4. № 4. С. 205.

- ция, 2 балла — скорее негативная оценка, 3 балла — нейтральное отношение к контенту, 4 балла — скорее позитивная реакция, 5 баллов — позитивное отношение к сообщениям.
5. Анализ ассоциативного контента, предполагающий выявление ассоциаций имени публичного политика с обсуждаемой проблемой.
  6. Определение наличия токсичного контента на страницах политиков или в социальных группах.

Два основных вектора дальнейшего исследования данной темы: 1) выделение публичных политиков по избирательным округам, определение региональных социальных проблем, имеющих особое значение для округа, на решение которых данные политики могут повлиять. Проведение фокус-групп с участием экспертов в области электорального поведения, избирательных кампаний, применения цифровых технологий в электоральных процессах; 2) мониторинг активности публичных политиков в социальных медиа, включающий в себя методы дискурс-анализа и контент-анализа с использованием цифровых интернет-сервисов, позволяющих выявить особенности аудитории, ее социально-демографический состав, географическое распределение с выявлением ключевых параметров и характеристик, помогающих составить представление о вероятном проявляемом электоральном поведении.

**Белый В.А.**  
(Университет ИТМО, Санкт-Петербург)

## **ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЕРВИСОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Уже длительно продолжающаяся и до сих пор не закончившаяся волна локдаунов из-за пандемии ускорила процессы цифровой трансформации электоральных, социально-политических и экономических процессов. За последние два года позиции электронных сервисов взаимодействия власти и общества резко укрепились. Нельзя ставить под сомнение, что электронные государственные сервисы станут основным институциональным средством коммуникации между гражданами, бизнесом и властью по всем ключевым вопросам государственного и муниципального развития, управления и учета мнений.

Введение локдаунов и карантинные ограничения отодвинули на второй план разговоры о непосредственно экономических затратах, связанных с внедрением электронных сервисов взаимодействия власти и общества. Безопасность общества является особенно важной в условиях пандемии, а сами граждане определяют развитие сервисов здравоохранения и безопасности наиболее актуальными<sup>1</sup>. Государство, использующее средства налогоплательщиков в своих социальных программах, должно заботиться об улучшении социальных условий граждан, и именно таким улучшением и является внедрение электронных сервисов в текущих условиях.

Центром технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО с 2018 г. проводятся исследования электронных государственных сервисов в Санкт-Петербурге. Опросы позволили оценить доверие к использованию информационных технологий при взаимодействии через электронные порталы, формы электронных обращений, а также доверие к электронным голосованиям, порталам электронных услуг и др.<sup>2</sup> В ходе проведенных в 2020 г. исследований были определены приоритеты развития электронных государственных сервисов, выявлены преимущества и недостатки при их использовании, определены наиболее востребованные сервисы в условиях начала пандемии COVID-19, а также определена структура обращений граждан при использовании сервисов<sup>3</sup>.

Было установлено, что значительная доля опрошенных считает, что электронные сервисы позволяют экономить время и деньги. У нас есть все основания полагать, что эта цифра будет расти со временем, так как не выделяли временные и денежные выгоды сервисов в основном опрошенные старших возрастных категорий. Хотя сокращение доходов населения и рост стоимости техники могут негативно отразиться на выгодах при использовании электронных сервисов, их наличие у каждого современного гражданина становится практически обязательным для работы и жизни в обществе. После года, про-

<sup>1</sup> Белый В.А., Смирнова П.В., Чугунов А.В. Внедрение электронных государственных сервисов в экономико-демографических условиях пандемии COVID-19: результаты опроса граждан в Санкт-Петербурге // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 11. С. 97–109.

<sup>2</sup> Vidasova L., Kabanov Yu. Online trust and ICTs usage: Findings from St. Petersburg, Russia // ACM International Conference Proceeding Series. 2020. P. 847–850. URL: <https://doi.org/10.1145/3428502.3428637>.

<sup>3</sup> Белый В.А. Структура обращений к государственным электронным сервисам: на основе результатов опроса граждан в Санкт-Петербурге // Управленческое консультирование. 2021. № 2 (146). С. 149–153.

веденного в режиме ограничений, нами будет проверена эта гипотеза в новом опросе об электронных сервисах взаимодействия граждан и власти (опрос в 2021 г. проводился в июне—июле, и к докладу на конференции будут представлены данные в сравнении с опросом 2020 г.).

В анкету нового опроса включены параметры, позволяющие оценить влияние пандемии на уровень доверия Интернет, частоту его использования в зависимости от целей и оценку гражданами вектора развития сервисов. Предполагается, что со временем использование сервисов будет становиться для граждан выгоднее и удобнее. В ходе дальнейших исследований будет определено, насколько функциональность сервисов электронного правительства повлияет на общий уровень доверия к власти. На данном этапе можно предположить, что именно возможность для граждан с помощью сервисов влиять на управленческие решения повысит уровень доверия к взаимодействию с властью в Интернете и к власти в целом. Одновременно это повысит и спрос на данные сервисы, поскольку низкая заинтересованность сервисами, в особенности сервисами гражданских инициатив, может объясняться и недостаточно высоким уровнем доверия к власти.

Таким образом, вектор исследований направлен на определение дальнейших этапов трансформации электронных сервисов и приоритетности их развития. Органам власти необходимо понимать насущные потребности населения для определения приоритетности развития порталов, выявлять положительные эффекты и препятствия по мере их внедрения, а системные исследования в сфере электронных сервисов позволят выявить необходимые для грамотного внедрения сервисов закономерности.

**Беляева Н.М.**  
(Пермский государственный национальный  
исследовательский университет, Пермь)

## **ЦЕННОСТИ И ВЗГЛЯДЫ МОЛОДЫХ ЕВРОПЕЙЦЕВ НА ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА**

События пандемии 2020–2021 гг. стали вызовом, актуализировавшим адаптационные возможности государств Европейского союза, как и всего мира, потребовавшим реализации комплексных мер социально-экономической поддержки общества. Одной из стратегий европейских стран в данный период стал перевод системы образования в дистанционный формат, в результате чего молодые граждане оказались в ситуации вынужденной адаптации к изменившимся условиям, что не могло не сказаться на их ценностях и взглядах, на отношении к государству в целом.

В 2019 г. посредством Евробарометра было проведено очередное обследование социального самочувствия молодых европейцев, их политических и социально-экономических ценностей, моделей политического поведения, результаты которого позволяют охарактеризовать взгляды молодых европейцев до начала пандемии<sup>1</sup>. В период пандемии 2020–2021 гг. Институтом изучения общественного мнения *YouGov* проводилось ежегодное исследование «Молодая Европа 2021» (*Junges Europa 2021*)<sup>2</sup>, результаты которого были опубликованы в июне 2021 г. Данные источники позволяют проанализировать изменения в ценностях и взглядах молодежи на приоритетные направления развития Европейского союза в кросс-темпоральном сравнительном контексте.

В период пандемии молодежь европейских стран испытывала ряд трудностей и ограничений социально-экономического характера, вызванных введением национальными государствами мер по борьбе с распространением инфекции, но при этом подавляющее большинство молодых европейцев (61%) поддержало рекомендованные властями противоэпидемические меры, включая ношение масок, соблюдение социальной дистанции и ограничения общения с другими людьми. 35% респондентов соблюдали все меры предосторожности, 39% — выполняли большинство требований, еще 19% делали это частично.

Как показывают результаты исследований, период пандемии не вызвал существенной трансформации взглядов молодых европейцев на приоритеты развития ЕС.

Основными приоритетами в деятельности ЕС, по мнению молодежи, в конце 2010-х годов должны были стать защита окружающей среды и борьба с изменением климата (67% респондентов), улучшение образования и профессиональной подготовки (56%), борьба с бедностью и социально-экономическим неравенством (56%), повышение занятости (49%), улучшение здоровья и благополучия и продвижение прав человека, демократии и общих ценностей (44%). Аналогичная ситуация сложилась в 2021 г., когда

<sup>1</sup> How do we build a stronger, more united Europe? The views of young people // Eurobarometer A–Z. 2019. URL: [ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Archive/index.file:///C:/Users/belna/Downloads/fl\\_478\\_sum\\_en.pdf](https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Archive/index.file:///C:/Users/belna/Downloads/fl_478_sum_en.pdf).

<sup>2</sup> Junges Europa 2021. URL: [https://www.tui-stiftung.de/wp-content/uploads/2021/06/2021\\_06\\_16\\_TUI-Stiftung-Jugendstudie-2021\\_Gesamt.pdf](https://www.tui-stiftung.de/wp-content/uploads/2021/06/2021_06_16_TUI-Stiftung-Jugendstudie-2021_Gesamt.pdf).

молодые европейцы в качестве основной проблемы Европы указали экологию и защиту окружающей среды. В число основных проблем они также включили финансово-экономическую политику, вопросы миграции и предоставления убежища, здравоохранение. Под влиянием пандемии молодые европейцы стали больше интересоваться политикой в области здравоохранения, особенно на национальном уровне. В то же время внимание к миграционной проблеме резко снизилось: с 49 до 31%.

По данным Евробарометра, к концу 2010-х годов заметно возросла политическая активность молодежи (более 72% молодых европейцев регулярно участвовали в голосовании разного уровня). В 2021 г. также около 80% молодых европейцев считают своим гражданским долгом участвовать в выборах.

Кросс-темпоральный анализ ценностей и взглядов молодежи до и во время пандемии демонстрирует их незначительную эволюцию. Преемственность проявляется, во-первых, в том, что демократия продолжает оставаться смыслообразующей ценностью молодых европейцев. Сильными сторонами демократии в 2021 г. молодежь считает свободу мнений и СМИ, а также возможность для всех граждан участвовать в политическом процессе. Слабыми сторонами — коррупцию среди политиков и слишком долгие процедуры принятия решений.

Во-вторых, сохраняет свое значение сама ценность единой Европы без внутренних границ. Об общеевропейской идентичности в молодежной среде с конца 2010-х годов уже не говорят, предпочитая термин «гибридная идентичность», когда гражданин ощущает себя одновременно как гражданином своей страны, так и европейцем (в 2021 г. от 50 до 61% молодых европейцев являются приверженцами этой двойной национально-европейской идентичности).

Наконец, отличительной чертой политической активности молодежи европейских стран продолжает оставаться участие в выборах разных уровней. В фокусе молодежного внимания сохраняет свое значение экологическая повестка. Таким образом, можно говорить о стабильности ценностей молодежи и ее взглядов на приоритеты развития Европейского союза в 2019–2021-е годы.

Беляков А.А.

(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

## ЛОЯЛЬНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОТЕСТНЫХ ПОВЕСТОК<sup>1</sup>

Образ жизни современного человека во многом состоит из взаимодействия с другими акторами его социального окружения. В течение дня человек вступает в коммуникацию с родственниками, коллегами, друзьями, неизвестными людьми, а также получает от них большой объем информации, которая так или иначе сказывается на его восприятии и мироощущении. В разрезе своей общественно-политической жизни человек также сталкивается с акторами, предоставляющими широкий спектр различной информации, которая может влиять на его предпочтения в политике. К таким акторам можно отнести государство и политические партии, деятельность которых основана на формировании лояльности у населения с целью привлечения его на свою сторону. Подобные цели ставят перед собой и оппозиционные силы, которые пытаются заручиться лояльностью для увеличения своего авторитета и значительности перед другими политическими акторами.

Под лояльностью стоит понимать приверженность индивида или группы целям, нормам, ценностям, идеологиям, предлагаемым социуму политическими институтами, элитой и лидерами общественного мнения<sup>2</sup>. Однако это понимание лояльности формировалось под воздействием офлайн-факторов, когда влияние онлайн-факторов на поведение человека не было столь значительным. С появлением и активным развитием социальных сетей изменилось восприятие человеком своего положения в обществе, принципов взаимодействия с другими людьми. Можно предположить, что подобные изменения коснулись и лояльности.

Стоит учитывать, что для социальных сетей не характерно формирование прочных горизонтальных и вертикальных связей, коммуникация там зачастую происходит на принципах равенства и относительной анонимности, так как образ человека, его реальные мысли и эмоции, передаваемые с помощью вербальных и невербальных жестов, скрываются за виртуальным аватаром. Следовательно, можно предположить, что формирование лояльности как приверженности определенным идеалам и ценностям затруднено в связи с отсутствием ряда ключевых для этого процесса факторов.

Тем не менее в Сети можно наблюдать большое число пользователей, активно выражающих свою гражданскую позицию, поддержку тому или иному политическому актору. Если рассмотреть лояльность с точки зрения приверженности тому или иному движению, акции или кампании, можно сделать

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31770 «Возможности и угрозы управления лояльностью молодежи в современной России».

<sup>2</sup> *Попова О.В., Лагутин О.В.* Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619.

выводы о том, насколько часто пользователи социальных сетей сохраняют единство своей позиции и приверженность определенным идеям.

Анализируя лояльность с точки зрения приверженности тем или иным идеям, темам, целям, стоит упомянуть о том, что в социальных сетях они могут формироваться в рамках протестных повесток. Протестная повестка — это совокупность идей, тем, которые являются существенным информационным наполнением протестной кампании и служат для обращения внимания на проблему, мобилизации соратников или обращения к какой-либо стороне конфликта<sup>1</sup>. Каждая политическая или общественная инициатива берет свое начало с какой-либо повестки, в рамках которой закладывается основной смысл всей инициативы или кампании. Однако проведенное исследование протестных повесток позволяет говорить о том, что с течением времени пользователи и сами организаторы отходят от транслирования и поддержки основных повесток, отдавая свое предпочтение другим, второстепенным идеям и смыслам. Исходя из этого, можно предположить, что трансформируется и лояльность пользователей, так как они меняют свои предпочтения в активности и в большей мере поддерживают повестки, транслирующие иные цели и ценности.

Изучение темы лояльности через трансформацию протестных повесток и их поддержки в социальных сетях позволит раскрыть онлайн-аспект приверженности людей тем или иным идеям, ценностям, кампаниям, акторам. Особую актуальность подобные исследования получают в условиях постоянной виртуализации общественно-политических процессов и воздействия онлайн-активности пользователей на офлайн-процессы. В связи с этим необходимыми становятся методики оценки трансформации протестных повесток и лояльности пользователей.

Березкина Е.Ю.  
(ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва)

## ДВА ТИПА ИТАЛЬЯНСКОГО ПОПУЛИЗМА

Популизм все больше оправдывает свое название и становится значимой политической силой в Европе. В Италии традиции популизма имеют довольно длинную историю. Первые популистские партии выражали идеи правого радикализма. Сегодня идеи сепаратизма и дифференциации общества по признаку проживания в северном или южном регионе сменились более универсальными идеями евроскептицизма, достижения большей национальной самостоятельности и антимигрантской политикой, которые могут значительно расширить круг потенциальных избирателей, правых популистских партий.

К партиям правых популистов, имеющих влияние на национальном уровне, т.е. входящих в Парламент, можно отнести «Лигу» (*Lega*), «Братья Италии» (*Fratelli d'Italia*) и «Вперед, Италия» (*Forza Italia*). Также в 20 регионах страны существует множество менее влиятельных партий, которые способны избраться только в региональные органы власти. На выборах в Парламент Италии в 2018 г. популисты получили почти 50% (429 мест из 945) голосов: «Лига» — 110 мест, «Братья Италии» — 26, «Вперед, Италия» — 92, «Движение 5 звезд» — 201.

Однако популизм в Италии представлен не только правоцентристскими партиями. Запрос на решение в том числе и менее традиционных для итальянского общества проблем, таких как вопросы экологии, использования энергии и потребления других ресурсов, возможность реализации прямой демократии и реальность политического представительства, выполняет уникальная по природе своего возникновения и стремительного развития «антипартия» «Движение 5 звезд» (*Movimento 5 Stelle*)<sup>2</sup>.

В целом можно говорить, что итальянский популизм отвечает на запрос избирателей в попытке решить социальные расколы-размежевания, о которых говорится в теории Липсета–Роккана<sup>3</sup>. Однако исследователи сходятся во мнении, что перечень современных расколов должен быть расширен. Пример — итальянские популисты и их базовая идея отделения граждан, народа от элит<sup>4</sup>.

В Италии отмечается снижение политического участия, что является признаком политического неудовольствия партиями. Конец идеологических границ, глобализация и экономическая составля-

<sup>1</sup> Фролов А.А., Беляков А.А. Классификация процесса трансформации протестных повесток в сети «Интернет» // Политика развития в условиях цифровизации общества: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Краснодар: Вика-Принт, 2020. С. 337–340.

<sup>2</sup> Maccaferri M. At the origins of the political discourse of the 5-star Movement (M5S): Internet, direct democracy and the «future of the past» // Internet Histories. 2018. P. 1–24. URL: [https://www.academia.edu/36348149/At\\_the\\_origins\\_of\\_the\\_political\\_discourse\\_of\\_the\\_5\\_Star\\_Movement\\_M5S\\_Internet\\_direct\\_democracy\\_and\\_the\\_future\\_of\\_the\\_past](https://www.academia.edu/36348149/At_the_origins_of_the_political_discourse_of_the_5_Star_Movement_M5S_Internet_direct_democracy_and_the_future_of_the_past) (accessed: 10.06.2021).

<sup>3</sup> Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments. New York, 1967.

<sup>4</sup> Raniolo F., Viviani L., Damiani M. On political parties in contemporary democracies. From the classic perspective to the current debate // Partecipazione e Conflitto. The Open Journal of Sociopolitical Studies. 2015. No. 8 (1). P. 23. URL: [https://www.academia.edu/11413462/On\\_Political\\_Parties\\_in\\_Contemporary\\_Democracies\\_From\\_the\\_classic\\_perspective\\_to\\_the\\_current\\_debate?email\\_work\\_card=title](https://www.academia.edu/11413462/On_Political_Parties_in_Contemporary_Democracies_From_the_classic_perspective_to_the_current_debate?email_work_card=title).

ющая политики, а также социальные изменения сделали политические партии менее способными к принятию и разработке решений, соответствующих запросам общества. Однако потребность в выражении этих идей остается, рупором народного недовольства и потребности к изменениям стали популистские партии.

Итоги выборов и формирование относительно устойчивых для Италии кабинетов министров показали, что правые и левые популисты имеют больше шансов договориться друг с другом, чем с их политическим антагонистом — Демократической партией.

Выделяются основные общие аргументы популистского дискурса, к которым относятся:

- обвинение традиционных партий в отстраненности от реальных проблем;
- обличение несоответствия предвыборных обещаний и актуальной политики правительства;
- неудовлетворенность проводимой политикой правительства;
- недоверие к традиционному политическому классу.

Еще одна общая черта популизма — доминирующая роль партийных лидеров. Выделяется два типа лидерства: партия личности, где все процессы сконцентрированы вокруг центральной фигуры лидера и развитие партии зависит от него; а также персонализированная партия, в которой лидер выступает лишь рупором идей, формирующихся внутри партии<sup>1</sup>.

Популизм не приводит к созданию отдельного направления политических партий (гнездо/семью политических партий), но выполняет функцию идеологического дополнения к позициям партий анти-истеблишмента.

Популизм в Италии неоднороден, возник в разные периоды и имеет ряд отличительных черт, в то же время итог выборов продемонстрировал возможность консенсуса между ними.

**Березкина О.С.**  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД**

**О**браз России неразрывно связан с характером постановки и восприятия вопросов ее развития. Особая роль здесь принадлежит интерпретациям истории страны, оценке мировых тенденций, в контексте которых рассматриваются события прошлого, адекватному восприятию тех парадигм, в рамках которых осуществляется работа историков и политологов.

Советское общество сложилось на пересечении идеологических установок и политической практики большевиков, во многом определявшейся задачами выживания и решения проблем государственного развития. Каждый из параметров трансформации, в результате которой сложилось советское общество, является предметом дискуссий исследователей.

Исходя из формационного подхода, предложенного классиками марксистской мысли, результатом Октябрьской революции стало построение общества государственного социализма. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно указывали, что социалистическая революция приведет к «экспроприации», «централизации всех орудий производства в руках государства», превращению «средств производства прежде всего в государственную собственность»<sup>2</sup>. Критические трактовки социально-экономического строя в СССР нередко затемняют тот факт, что действия большевиков положительно соотносились с теми мерами перехода к социализму, которые содержались в марксистских работах.

В советском обществе была в значительной степени реализована идея Октябрьской революции о социальном равенстве. В рамках вопроса о социальной стратификации в «зрелом» СССР допустимо говорить о неэгалитарном бесклассовом обществе, в котором материальное и статусное вознаграждение зависели от количества и качества труда, социальная мобильность была высокой, а децильный коэффициент был относительно небольшим. Существовавшие привилегии не являлись исключительной принадлежностью номенклатуры, а являлись общим механизмом распределения благ в условиях «эгалитарно-корпоративной» модели социального государства. В этой модели основной объем социальных благ предоставлялся централизованно и гарантированно каждому, а в дополнение к этим благам существовали преференции, связанные с работой на предприятиях и в организациях, т.е. с принадлежностью к определенной «корпорации». Очевидно, что проблематика социального государства в постсоветской России определялась не его «становлением», а процессом деградации развитой эгали-

<sup>1</sup> Bobba G., Seddone A. Personal and personalized party. Notes on a theoretical framework // Materials of the 61st Political Studies Association Annual Conference. Transforming Politics: New Synergies, 19–21 April, 2021. London, p. 2–11. URL: [https://www.academia.edu/1090187/Personal\\_and\\_personalized\\_party\\_Notes\\_on\\_a\\_theoretical\\_framework?email\\_work\\_card=title](https://www.academia.edu/1090187/Personal_and_personalized_party_Notes_on_a_theoretical_framework?email_work_card=title) (accessed: 10.06.2021).

<sup>2</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 446; Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 289–291.

тарной модели и отсутствием ясности в том, каков может и должен быть масштаб социальных гарантий в новых условиях.

Для характеристики политической системы в СССР понятия тоталитаризма и авторитаризма также не являются достаточно адекватными. Революционные идеи на практике обернулись построением режима «тоталитарной демократии», основными параметрами которой являлись систематическое рекрутирование политической элиты «из низов», массовое участие в общественно-политической жизни в заданном партией русле, повсеместное распространение формально-демократических процедур, сочетавшиеся с монистической структурой власти и подавлением всяких проявлений несогласия с принципами советского общественного устройства. Специфическая политическая система занимала ключевое место в советской модели, обеспечивая ее воспроизводство.

Место советского общества в мировом развитии можно рассматривать в рамках концепций индустриального общества и модернизации. Октябрьская революция привела к построению альтернативной Западу модели индустриального общества, в которой модернизация была осуществлена по всем параметрам: индустриализация, экономический рост, возрастание социальной мобильности, расширение политического участия, достижение всеобщей грамотности, секуляризация, применение достижений науки во всех сферах. Модернизация в СССР, имея ряд схожих с западной моделью черт, показала возможности и ограничения некапиталистической альтернативы.

Значение советского общества в том, что оно продемонстрировало высокие темпы роста и наиболее радикальную в истории попытку преодоления традиционной модели «правлящего класса», подъема социальных низов к активной общественной жизни, создания для них специальных условий продвижения по социальной лестнице. СССР первым в мире начал строительство широкомасштабного социального государства, повлиявшего на принципиальные изменения социальной политики в западных странах. Слабости советской модели заключались в очевидном дефиците свободы и неспособности, при обеспечении базовых нужд, оперативно удовлетворять растущие потребительские запросы людей, что было связано с характером и возможностями государственной экономики. Основной причиной стремительного краха советской модели стала неадекватная политика партийного руководства, свидетельствующая о деградации политической элиты.

**Беспалов С.В.**  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## **МОБИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ**

**В** ситуации нарастания конкурентности в международных отношениях (в том числе между вчерашними союзниками) и явной тенденции к усилению роли национальных правительств вопрос использования государством мобилизационных инструментов развития приобретает особую актуальность, причем не только для аутсайдеров процесса глобализации, но и для ее недавних лидеров. Эта тенденция подкрепляется усилением технического потенциала для расширения сферы государственного контроля и регулирования.

В условиях пандемии COVID-19 не только азиатские государства, но и общества многих западных стран продемонстрировали достаточно высокую способность к мобилизации и готовность поступиться (пусть и на время) некоторыми свободами, еще недавно казавшимися абсолютно незыблемыми.

Поэтому можно говорить о том, что способность системы государственного управления к запуску механизмов политико-экономической мобилизации (при наличии в этом действительной необходимости!) и особого «мобилизационного» режима развития государства и общества является одним из важнейших факторов эффективности государственного управления и конкурентоспособности государства. Более того, параллельное развитие двух процессов — кризиса системы регулирования межгосударственных отношений и нарастания взаимозависимости их субъектов — ставит многие государства в ситуацию, когда они сталкиваются как с обострением традиционных вызовов, так и с вызовами нового типа, включая усиливающееся санкционное и иное давление извне. В этих условиях даже обеспечение самосохранения государства может требовать экстраординарных средств; соответственно, такие страны оказываются вынуждены не просто использовать отдельные мобилизационные практики в чрезвычайных ситуациях, но и осуществлять переход к мобилизационной модели развития.

Весьма значим анализ специфики использования в условиях мобилизационного развития элементов трех базовых моделей управления: рационально-бюрократической, программно-целевой и общественно-сетевой. При этом важно подчеркнуть, что особая роль программно-целевых методов ради достижения целей мобилизации может порождать риск чрезмерного использования инструментария этой модели даже в ситуациях, требующих иных подходов, особенно в условиях информационного

общества. С этим связана еще одна проблема: сочетания строгой определенности целей, характерной для мобилизационного типа развития, с необходимостью корректировки (порой достаточно оперативной) целей, требующейся в современных условиях.

Исключительно важным является вопрос о том, какие из апробированных в условиях индустриального общества мобилизационных институтов остаются актуальными в современную эпоху, использование каких инструментов сегодня является недопустимым и какими могут быть принципиально новые институты современной мобилизационной модели. Основные мобилизационные механизмы, особенно в экономике, складывались в эпоху индустриального общества. Злоупотребление такими практиками в XXI в. может обеспечить не прорыв, а усугубление отсталости

Серьезного изучения заслуживают как основные механизмы построения мобилизационной системы, так и механизмы «выхода» из нее, который нередко является не менее сложным. Мобилизационная модель развития и соответствующая мобилизационная политика государства, подразумевающая чрезмерное напряжение сил, не может и не должна продолжаться бесконечно. В то же время мобилизационные институты нередко достаточно быстро обретают значительную устойчивость и начинают сопротивляться изменениям; мобилизационная система в целом, как правило, является достаточно жесткой и консервативной.

Следует помнить и о некоторых других базовых рисках, которыми чревато развитие по мобилизационному типу:

- достижение ключевых целей, обусловленных внешними вызовами, может отодвигать на задний план иные задачи, что обуславливает проблему обеспечения хотя бы относительной сбалансированности развития;
- необходимость достижения стратегических целей «любой ценой» с особой остротой поднимает проблему минимизации издержек и обеспечения эффективности;
- угроза «идеократии», отторжения альтернативных подходов, поскольку мобилизационная модель развития естественным образом предполагает выдвижение и пропагандирование национальной идеи;
- стремление использовать проверенные в других странах инструменты для быстрого и «гарантированного» достижения целей порождает опасность ловушки догоняющего развития, зачастую обеспечивающего воспроизведение отсталости.

Бизина М.Ю.  
(ТГУ, Томск)

## **СОВРЕМЕННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ РАДИКАЛИЗМ В БОРЬБЕ ЗА «ПРАВО НА ГОРОД»**

Молодежный радикализм — это циклический исторический феномен, разнообразно проявляющийся в зависимости от состояния пространства города, в котором находила себя молодежь в определенные периоды времени. Экскурс в историю радикализма позволяет увидеть, как в 1920-х годах левый радикализм анархистов сменился на правый радикализм нацистов. В 1968 г. левый радикализм вновь вышел на улицы, площади и на первые полосы газет с майскими протестами во Франции и протестами в США против войны во Вьетнаме; а в 1990-е годы правый радикализм джихадистов переключил внимание средств массовой информации на себя. Развитие средств массовой коммуникации в 2000-х годах оказало особое влияние на распространение радикальных идей, которые особенно гулко отдавались в эхо-камере сети «Интернет». Движение «Жизни черных важны», зародившись в 2013 г., отстаивая леворадикальные ценности, столкнулось с ответной реакцией ультраправых националистов, опасавшихся за целостность своих архаичных идей. Таким образом, становится очевидна цикличность радикальных движений, а кроме того, ярко видна существенность пространства, влияющего на их развитие.

Как писал А. Лефевр в 1970 г., урбанизация изменила пространство города, превратив его в городское сообщество<sup>1</sup>, а нерегулируемый капитализм спекулятивным финансовым потоком заставил граждан двигаться за «горячими деньгами» из сел в города. Подобная динамика на все большей шкале наблюдается и в настоящее время, когда «горячие деньги» перемещаются из одной страны в другую, благодаря развитию современных технологий и сети «Интернет», а молодые люди в поисках заработка не всегда имеют возможность последовать по их пути. Результатом разветвления потоков капитала становится фрустрация молодежи, не имеющей шансов развить карьеру в своем городском сообществе. Налицо очередной виток развития радикальных движений, напоминающий о событиях 1968 г. во Франции, акцентирующий внимание на экономическом дисбалансе, например, движение «Захвати

<sup>1</sup> Merrifield A. Henri Lefebvre: A Critical Introduction. N.Y.: Routledge, 2006. P. 82.



Уолл-стрит!» или «Мы — 99 процентов» в 2011 г. в Северной Америке<sup>1</sup>. Проллвившись чуть меньше года, почти без насильственных действий и погромов, это движение все же имело глобальный резонанс благодаря участию молодежи в сетевых сообществах и распространению своих идей и лозунгов с помощью социальных сетей.

Роль социальных сетей не может быть недооценена, ибо они создают возможность существования городского общества вне общества. Пространство города переходит из реальной в виртуальную плоскость и способно охватить большее количество граждан, чем проживающее в данной географической местности. В этом феномене кроется своеобразная опасность, так как радикализация молодежи, происходящая в виртуальном пространстве, также резонирует с большим числом восприимчивых слушателей.

Программы дерадикализации молодежи, существующие в Российской Федерации, Канаде, Франции и Малайзии, изученные автором в рамках диссертационного исследования, делают упор на социальное пространство, окружающее молодых людей. Не находя поддержки в своей городской общине, молодежь все чаще обращается к онлайн-сообществам, выражая свое разочарование в возможностях роста, развития и принадлежности к социуму в рамках своего города. На просторах сети «Интернет» молодые люди легко становятся жертвами убедительных радикальных лозунгов, толкающих их к насильственному экстремизму как к единственному способу борьбы за «право на город». Важной частью процесса дерадикализации в этом случае должно быть создание контрэкстремистского материала в сети «Интернет», доступного молодым людям, как альтернатива, при поиске экстремистской информации. Методическое пособие, изданное Южным федеральным университетом, например, указывает на необходимость создания «сайтов для обсуждений проблем, связанных с радикализмом, экстремизмом и терроризмом», при условии, что «контртеррористическая пропаганда на этих сайтах, психологически выверенная, опирается на правдивые материалы и факты и предлагает альтернативные способы поведения»<sup>2</sup>.

Желание молодежи радикальными методами изменить пространство вокруг себя неново, изменились лишь технологии, которыми она пользуется в настоящее время. Городские власти и общественные организации могут создать гармоничное городское сообщество, если будут активно и искренне взаимодействовать с молодежью как в реальной, так и в виртуальной жизни.

Бикбулатов Э.А.  
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

## ОБРАЗ РОССИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГРАЖДАН США: АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Согласно данным социологической службы *Gallup*, отношение американцев к России достигло рекордно низкого уровня за последние 30 лет — у 77% респондентов сложилось негативное отношение к России<sup>3</sup>. Несомненно, это результат длительных напряженных отношений между странами и результат антироссийской пропаганды в американских медиа. Поэтому в настоящей работе были исследованы политические тренды, которые составляют образ России в массовом сознании граждан США.

Теоретическим основанием работы послужила концепция политического восприятия и образа страны, разработанная под руководством заведующей кафедрой социологии и психологии политики МГУ имени М.В. Ломоносова Е.Б. Шестопал. Непосредственное участие в разработке теории политического образа принимали участие: Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева, Т.Н. Пищева, А.Л. Зверев, Н.В. Смутькина, И.С. Палитай.

В настоящем исследовании нас интересует именно коммуникативный фактор, являющийся одним из пяти факторов, детерминирующих политический образ. Согласно факторной модели политического восприятия СМИ и Интернет могут менять текущие политические представления граждан, «которые либо актуализируют текущие политические события, либо предпочитают замалчивать их, переводя фокус общественного внимания на второстепенные для граждан процессы»<sup>4</sup>.

Цель работы — выявить наиболее резонансные новостные сюжеты, связанные с Россией, которые формируют образ России в массовом сознании граждан США.

<sup>1</sup> *Levitt M.* The Triumph of Occupy Wall Street // *The Atlantic*. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2015/06/the-triumph-of-occupy-wall-street/395408/> (accessed: 30.06.2021).

<sup>2</sup> Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве: традиционные и инновационные формы: Метод. пособие / Авт.-сост.: П.Н. Ермаков, И.В. Абакумова, А.Г. Штейнбух; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Южный федеральный ун-т. М.: Кредо, 2018. С. 11.

<sup>3</sup> *Russia*. *Gallup*. URL: <https://news.gallup.com/poll/1642/russia.aspx>.

<sup>4</sup> *Шестопал Е.Б.* Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018 гг.). М.: Весь Мир, 2019.

Исследование было реализовано с помощью сервиса *Google Trends*. Главное, что дает этот ресурс, — это корреляция переменных<sup>1</sup>. Сервис позволяет выявить частоту определенного запроса по отношению к общему объему поисковых запросов в поисковике *Google* в разных регионах мира и на различных языках. С помощью сервиса нами были проанализированы темы, связанные с Россией, количество запросов по которым наиболее заметно выросло за последние 12 месяцев. В работе был проведен анализ похожих тем по запросу «*Russia*». Анализ тем, связанных с Россией, проводился автором в апреле 2021 г. Полученные тренды были ограничены одним годом. Методология сбора больших данных через ресурс *Google Trends* предполагает, что поисковым запросам присваиваются баллы от 0 до 100. При этом максимальное количество баллов дается штату США с наибольшим количеством поисковых запросов на заданную тему. Если же баллов меньше, то, соответственно, это означает, что уровень популярности запроса по теме меньше.

Согласно данным ресурса *Google Trends*, наиболее популярными запросами, связанными с Россией, являются следующие темы: «*Russia covid vaccine*», «*blue dogs Russia*», «*Russia COVID-19 vaccine*», «*trump Russia bounty*», «*Russia vaccine for COVID-19*», «*Finland vs Russia ice hockey lice score*», «*blue dogs in Russia*», «*Russia Switzerland ice hockey*», «*Russia oil spill*»<sup>2</sup>. Таким образом, можно резюмировать, что одной из наиболее резонансных тем стала тема с российской вакциной от коронавируса. Пик популярности этого поискового запроса пришелся на август 2020 г. Именно в этом месяце была зарегистрирована российская вакцина от коронавируса «Спутник V»<sup>3</sup>. Кроме того, было выявлено, что российская вакцина в большей степени интересовала жителей штатов с высоким уровнем заболеваемости коронавирусом<sup>4</sup> — Огайо, Калифорния, Аризона, Вирджиния и Флорида<sup>5</sup>. Если рассматривать штаты, которые меньше всего пострадали от коронавируса, например Северная Дакота, Монтана, Южная Дакота, Вайоминг (менее 2500 случаев), то можно наблюдать противоположную тенденцию — популярность запросов в *Google* российской вакцины в этих штатах гораздо ниже.

Таким образом, можно резюмировать, что в образе России в массовом сознании граждан США фигурируют такие темы, как «российская вакцина от коронавируса», «голубые собаки в России», «проект российской разведки по вознаграждению боевиков за убийства американских солдат в Афганистане», «хоккейный матч между Россией и Финляндией», «разлив нефти в России».

Бирюков С.В.

(СИУ-РАНХиГС при Президенте РФ, Новосибирск; КемГМУ, Кемерово;  
Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай, КНР; ТГУ, Томск)

## ПРОЕКТ «20 АГЛОМЕРАЦИЙ» В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ

Развитие агломераций — естественный процесс во всем мире. Современная Россия, реализовавшая несколько подходов к реформе местного самоуправления, присоединилась к этому процессу. При этом основная задача федеральной власти в контексте осуществления задуманной реформы — помогать формировать инфраструктуру точек роста там, где существуют объективные предпосылки для формирования агломераций, превращая их в центры генерирования инноваций. Реформационные процессы не только инициируются социальной средой «региональных столиц» и крупнейших городов России, но и до сих пор находят там наибольшую поддержку.

Автор ставит своей задачей оценить качества и возможные последствия задумывавшейся в 2011 г. (и не реализовавшейся) реформы и, исходя из этого, попытаться сформулировать видение перспективной стратегии, позволяющей успешно решать проблемы развития российских муниципалитетов и территорий.

Предметом рассмотрения являются обнародованный в 2011 г. (и упоминавшийся позднее<sup>6</sup>) правительством России проект создания 20 агломераций, призванных стать «локомотивами развития» в рамках общероссийского экономического пространства, одновременно содействуя выходу из кризиса связанных с ними регионов и территорий в ситуации постепенного сужения потенциала экономической и социальной полицентричности<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Calahorrano L., Seithe M. Analysing Party Preferences Using Google Trends // CESifo Working Paper. 2014. No. 4631. P. 1–25.

<sup>2</sup> Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?geo=US&q=Russia> (accessed: 25.04.2021).

<sup>3</sup> Россия подала заявку на регистрацию вакцины «Спутник V» в Евросоюзе. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/01/2021/6007f69d9a79477f86dcf09>.

<sup>4</sup> Центры по контролю и профилактике заболеваний США. URL: <https://covid.cdc.gov/covid-data-tracker/#county-view> (дата обращения: 25.04.2021).

<sup>5</sup> Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?geo=US&q=Sputnik%205> (accessed: 25.04.2021).

<sup>6</sup> Кудрин: России необходимо создать 20 крупнейших агломераций (tass.ru) // URL: <https://tass.ru/ekonomika/4308990>.

<sup>7</sup> Лексин В.Н. Федеративная Россия и ее региональная политика. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 275.

Целью является критический анализ данной программы с позиций системного подхода и рассмотрение возможных альтернативных подходов к решению проблем муниципального и территориального развития.

По результатам проведенного исследования автор приходит к заключению, что односторонние подходы к модернизации регионального пространства неэффективны, необходим комплексный подход, обеспечивающий поступательный выход муниципального и территориального уровней управления из современного кризисного состояния.

При этом, по мнению автора, будущие подобные программы с акцентом на развитии мегаполисов в качестве региональных и межрегиональных «точек роста» должны быть дополнены долгосрочными целевыми программами социально-экономического развития регионов на основе консолидации ресурсов по горизонтали в рамках кооперационных связей «смежных» регионов при сильной поддержке федерального центра и заинтересованных ФПГ общенационального масштаба. Эти целевые программы призваны отражать потребности развития не только производственной, но и социальной сферы регионов. Также необходимы анализ сохраняющихся «ресурсов развития» и текущий мониторинг состояния дел в малых городах в каждом из регионов—субъектов РФ. На их основе могут быть разработаны программы развития отдельных «малых городов» и территорий, отражающие специфику и возможности конкретных регионов России. Разработка подобных «микропрограмм» должна стать совместной задачей региональных и местных властей. Как представляется, именно системный подход к местному развитию, основанный на «взаимоналожении» и «взаимодополняемости» федеральных, региональных и местных планов развития, позволит постепенно преодолеть современные кризисные явления в территориях и муниципалитетах, превратив их из источников «социального бедствия» в действительные «локомотивы развития», что будет отвечать общемировым трендам в направлении более сбалансированного развития регионов, муниципалитетов и территорий<sup>1</sup>.

**Бицадзе Н.**  
(РУДН, Москва, Тбилиси, Грузия)

## ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ЭПОХУ ДИДЖИТАЛИЗАЦИИ

Технологии и Интернет могут быть отличными помощниками для людей, но отсутствие возможностей, навыков и страх дискриминации не позволяют многим использовать и создавать цифровые инструменты и онлайн-контент. Для достижения гендерного равенства девочкам и молодым женщинам необходим равный доступ к технологиям, цифровому обучению и безопасности в Сети. Цифровой разрыв или технологический разрыв — это разница между группами, имеющими доступ к технологиям и Интернету, и группами, не имеющими доступа. Девочки и женщины часто имеют меньший доступ к технологиям и Интернету по сравнению с мальчиками и мужчинами. В частности, в развивающихся странах девушки и женщины борются за доступ к технологиям и Интернету. Кроме того, стереотипы о том, что технологии для них не предназначены, и страх подвергнуться дискриминации не позволяют девочкам использовать цифровые инструменты. Без равного доступа к технологиям и Интернету девушки и женщины не могут в равной степени участвовать в жизни нашего все более цифрового общества.

Цифровые технологии никогда не были более неотъемлемой частью жизни людей, как сегодня. Более 90% рабочих мест во всем мире уже имеют цифровой компонент, и многие скоро потребуют сложных цифровых навыков. После пандемии COVID-19 цифровые технологии стали спасательным кругом для миллионов людей во всем мире и важным инструментом преодоления кризиса и его последствий. Хотя пандемия вызывает двойные медицинские и экономические кризисы, она также представляет собой историческую возможность ускорить цифровую революцию<sup>2</sup>.

Анализ гендера и ИКТ имеет решающее значение в мире, где каждый аспект жизни людей определяется технологиями. Если участие девочек и женщин в технологиях не увеличится, виды продуктов, услуг и платформ, которые создаются, не будут удовлетворять потребности половины населения, например приложения или платформы, которые недостаточно решают проблемы конфиденциальности или раскрывают конфиденциальную информацию, тем самым делая женщин уязвимыми для преследований или насилия. В результате образуется «порочный круг», в котором «гендерное неравенство ведет к цифровому неравенству, которое еще больше усиливает гендерное неравенство»<sup>3</sup>.

Во всем мире технологические инновации, такие как искусственный интеллект, робототехника и машинное обучение, уже оказывают влияние на многие аспекты жизнедеятельности общества.

<sup>1</sup> Путь России: Модернизация закончится агломерацией // Политика — Свободная Пресса (svpressa.ru) // URL: <https://svpressa.ru/politic/article/33929>.

<sup>2</sup> *Sorgner A., Krieger-Boden C.* Empowering women in the digital age // G20 Insights. URL: [www.g20-insights.org/policy\\_briefs/empowering-women-digital-age/](http://www.g20-insights.org/policy_briefs/empowering-women-digital-age/) (accessed: 18.04.2018). 2017.

<sup>3</sup> *Gap G.G.* World economic forum // Cologny/Geneva. 2017.

Они позволяют людям быстрее общаться, обмениваться информацией, чувствовать близость друг к другу. Они стали неотъемлемой частью повседневной жизни, предоставляя беспрецедентные возможности для продвижения в самых разных областях, от образования до участия в политической жизни.

Технологии давно стали обыденными, и их широкое использование предлагает нам думать, что они бесполое. Когда дело доходит до их воздействия на общество, истинная природа предлагает другие реалии. Так же как технологические инновации могут помочь нам продвигаться вперед, они могут еще больше усугубить существующее неравенство и предубеждения, укоренившиеся в обществе.

Это неравенство проявляется в доступе к информационным и коммуникационным технологиям, ведь непропорционально большое количество населения оторванных от благ современных технологий составляют сельские жители и женщины. Их также можно увидеть в таких областях, как отсутствие цифровых навыков, отсутствие актуального контента для женщин и рост негативных стереотипов. Все эти элементы увеличивают так называемый «гендерный цифровой разрыв»<sup>1</sup>.

Согласно отчету ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития — *Organisation for Economic Co-operation and Development*) за 2018 г., существует множество причин того, почему существует цифровой разрыв по гендерному признаку<sup>2</sup>. Наиболее заметные причины включают ограниченный доступ к цифровым инструментам, недостаточную квалификацию или образование и недостаток технической грамотности в дополнение к врожденным гендерным предубеждениям и социокультурным нормам. Хотя подключение к Интернету в целом является проблемой для развивающихся стран мира, вышеупомянутые факторы влияют на женщин, в частности. Во всем мире мужчин примерно на 327 млн больше, чем женщин, имеющих смартфон и доступ к мобильному телефону<sup>3</sup>.

К существующему неравенству необходимо добавить новую возникающую проблему: рост сексизма и дискриминации, заложенный в алгоритмах или использовании алгоритмов и машин, включая роботов и ИИ. Машинное обучение и искусственный интеллект в первую очередь полагаются на информацию, которую им предоставляют люди, включая присущее им дискриминационное поведение и степень предвзятости. В настоящий момент машины не оснащены, как люди, для того, чтобы сознательно противодействовать этим предубеждениям. Машинное обучение и искусственный интеллект не могут отличить причинно-следственную связь от корреляции, а также не могут независимо оценить, когда необходимо собрать больше данных для проверки и предоставления более надежного и сбалансированного заключения<sup>4</sup>.

**Близнецкая Е.А. (МГИМО МИД России, Москва),  
Василенко Е.П. (Международный фонд «Чистые моря», Москва)**

## **ПОНИМАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПАНДЕМИИ COVID-19 ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЛОБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ООН<sup>5</sup>**

**П**андемия коронавируса COVID-19 не могла не изменить представления о существовавших прежде глобальных вызовах для устойчивого развития — современном изменении климата и потере биоразнообразия. Сразу начали появляться призывы решать эти проблемы без отрыва друг от друга, чтобы политические решения способствовали и переходу на низкоуглеродный путь развития, предотвращали сведение естественных экосистем, служащих барьером между дикой природой и антропогенными системами, и тем самым предупреждали будущие пандемии. Между тем в науке взаимосвязь этих проблем не является достоверно подтвержденной. Исследование глобальной коммуникации, выстраиваемой ООН в период пандемии, может пролить свет на то, какими могли бы быть стратегии преодоления кризиса в будущем: будут ли они сосредоточены исключительно на вопросах здравоохранения или будут увязаны с решением таких социально-экологических проблем, как изменение климата и потеря биоразнообразия.

Теме публичной коммуникации в период коронавирусной инфекции в научной литературе в последние месяцы уделяется много внимания. Рассматриваются проблемы эффективности публичной коммуникации, кризиса доверия к науке, методы борьбы с распространением фейковой информации.

<sup>1</sup> Herbert S. Digital development and the digital gender gap. 2017.

<sup>2</sup> Borgonovi F., Greiff S. Societal level gender inequalities amplify gender gaps in problem solving more than in academic disciplines // *Intelligence*. 2020. Т. 79. P. 101–422.

<sup>3</sup> Mariscal J. et al. Bridging the gender digital gap // *Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal*. 2019. Т. 13. No. 9. С. 1–12.

<sup>4</sup> Costa P., Ribas L. AI becomes her: Discussing gender and artificial intelligence // *Technoetic Arts*. 2019. Т. 17. No. 1–2. P. 171–193.

<sup>5</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60109.

Однако исследований, касающихся контента самой глобальной коммуникации, ее паттернов и возможных последствий для политики, пока проведено не было.

В качестве материалов для данного исследования были использованы новостные сообщения на английском языке с тегом *coronavirus*, опубликованные на портале «Новости ООН» (*UN News*) с 13 января 2020 г. по 30 апреля 2021 г. Для анализа полученного массива данных был применен метод интеллектуального анализа текста (*text-mining analysis*). Благодаря преобразованию данных в информацию, которую могут понять машины, интеллектуальный анализ текста позволяет автоматизировать процесс классификации текстов. В рамках настоящей работы данный метод дал возможность выявить, какие темы затрагиваются в информационных и новостных сообщениях ООН, а также определить, существует ли в этих сообщениях связь между вопросами, касающимися здоровья и распространения коронавирусной инфекции в мире, и такими проблемами, как изменение климата и потеря биоразнообразия.

В результате данного исследования удалось определить ряд существенных различий между контекстом, формирующимся вокруг ключевого слова *health* и ключевыми словами COVID-19 и *pandemic*. В случае с ключевым словом *health* контекст во много сформирован новостными сообщениями, касающимися необходимости скорейшего ответа на обострение ситуации с распространением коронавируса, обеспечения средствами защиты как населения, так и медицинского персонала, а также необходимости защиты психического здоровья медицинских работников. Помимо этого, значительную роль играют вопросы репродуктивного здоровья и защиты прав женщин и детей, обострившиеся в период пандемии.

Напротив, контекст, связанный с ключевыми словами COVID-19 и *pandemic*, более тематически разнообразен. В дополнение к проблемам, касающимся обеспечения средствами защиты и деятельности Всемирной организации здравоохранения, данные ключевые слова связаны с различными политическими, экономическими и социальными вопросами, получившими новое развитие в период пандемии. В частности, это оценка влияния распространения вируса и связанных с этим ограничительных мер в экономической и социальной сферах, влияние на права человека, и в особенности на права женщин, детей и уязвимых слоев населения. Не остались незатронутыми и вопросы обеспечения продовольственной безопасности, изменения климата и устойчивого развития, а также проблема обеспечения мира и прекращения военных конфликтов.

Контекст, выстроенный вокруг ключевых слов COVID-19, *pandemic*, *climate* и *biodiversity*, касался вопросов «зеленого» восстановления после пандемии.

Полученные результаты говорят об усилиях ООН как субъекта глобальной коммуникации поддерживать в условиях пандемии актуальность решения ключевых проблем, стоящих на повестке дня организации не одно десятилетие, — бедности, неравенства, изменения климата, сокращения биоразнообразия. Часто повторяется утверждение, что охрана окружающей среды есть лучший способ защитить здоровье и благополучие человека, в том числе от пандемий. Наличие связей, хотя пока достаточно слабых, между темами пандемии, здравоохранения, изменения климата и сохранения биоразнообразия, вероятно, может говорить о формировании новой концепции реагирования на глобальный социоприродный кризис.

Блинов В.В.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

## ДВА СПОСОБА МОТИВАЦИИ БЮРОКРАТИИ К РАЗВИТИЮ В ИДЕОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ

Идеократический режим представляет собой верховенство в государстве политической силы, опирающейся на главенствующую идеологию. Первой идеократией в мире стала власть большевиков в 1917 г., в последующем эта модель распространилась в Европе (Италия — 1922), в Тихоокеанском регионе (Китай — 1949), в странах ислама (Иран — 1979). Представляет интерес анализ устройства этих режимов с точки зрения системной организации конкуренции бюрократии, что дает возможность системе управления функционировать эффективно.

Первый способ предполагает разделение функций управления и идейного контроля, когда «носители главенствующей идеи» присматривают за бюрократией, но не управляют.

По мнению ряда исследователей, такой механизм пытался реализовать Иосиф Сталин, выступивший с инициативой внести в Конституцию 1936 г. положение о соревновательности выборов в Советы<sup>1</sup>. Как отмечают исследователи того периода, эта идея была отринута в результате усиленного противодействия так называемых «региональных баронов». В дальнейшем начавшаяся Великая Отечествен-

<sup>1</sup> Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М.: «Аква-терм», 2010; Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции 1917–1929. 2008; Спицын Е.Ю. Осень Патриарха. Советская держава в 1945–1953 годах. М., 2020.

ная война привела к еще большему сращиванию аппаратных и политических функций у политической номенклатуры. На XIX съезде КПСС в 1952 г. И.В. Сталин выступил с предложением дать ему отставку с поста главы партии и возможность сосредоточиться только на управлении, но это предложение было отвергнуто. По мнению исследователей того периода, существовал план разделения министерской и партийной вертикали, предусматривавший оставление за партией вопросов кадрового контроля и идеологического просвещения общества.

Эта схема на сегодняшний день воплощена в Исламской Республике Иран, где существуют органы, избираемые на основании демократических процедур: Президент, Меджлис и институты контроля за ними: Совет стражей конституции, Совет целесообразности и глава государства Аятолла. Совет стражей обладает полномочиями отправлять на доработку законы Меджлиса или может аннулировать их действие, а верховный лидер страны Аятолла обладает верховной властью, назначает глав силовых ведомств и в силах отменить постановление Президента<sup>1</sup>.

Другой вариант соревновательности бюрократии — введение института ротации. На XXII съезде КПСС в 1961 г. были приняты изменения в Устав партии, предполагающие обязательную ротацию раз в четыре года для четверти руководителей центральных органов и трети обкомов и горкомов. Подобная схема была призвана обновить состав номенклатуры и мотивировать их демонстрировать высокие показатели деятельности. Эпоха Н.С. Хрущева во многом по причине наступления на положения «региональных баронов» закончится спустя три года, а пришедший на место Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнев оставит все попытки институализировать обновление руководящего состава партии.

Китайская коммунистическая партия, созданная Коминтерном в 1921 г., после победы в гражданской войне в 1949 г. начала на манер Советского Союза выстраивать органы управления. Характерно, что после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. партийное руководство стало выстраивать модель, которая бы не позволила отныне сконцентрировать в одних руках власть и содержала механизмы, позволяющие бороться с бюрократией. В 1982 г. принимаются новый устав Коммунистической партии Китая и новая Конституция, вводящие принципы ротации для высшего чиновничества. С этого времени начался процесс ускоренного экономического роста Китая, а многие члены Коммунистической партии вошли в состав советов директоров крупных корпораций<sup>2</sup>.

Описанные выше схемы являются эффективными механизмами, позволяющими обеспечивать развитие и вносить состояние внутренней конкуренции в систему управления. Особенности их использования в существующих по сей день режимах (Иран и Китай) позволяют заключить о способности идеократического режима управления эффективно работать в условиях XXI в.

**Богачева А.В.**

*(Коммуникационное агентство «Бьяка», Санкт-Петербург)*

## **ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКЦИОНИЗМ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

**П**редвыборный 2020 год должен был стать годом активизации всех политических сил и продемонстрировать обществу публичный расклад перед выборами в Государственную Думу 2021 г. Новый вирус COVID-19 изменил многие инструменты политических технологий.

Политический акционизм в некоторых классификациях выделяется в отдельный вид искусства, но в новых российских реалиях он также является одной из наиболее доступных форм публичного выражения мнения. В последние годы акционизм проявил себя как инструмент политтехнологий. Если сравнивать политический и художественный акционизм, то в качестве примера политических акций почти всегда рассматриваются реальные протестные акции и мероприятия. Являясь прерогативой протестной молодежи, политический акционизм направлен на уязвимые места политической системы. Молодежь чаще занимает более радикальную позицию при защите своих прав, молодые люди проявляют активный интерес к организации и проведению выборных кампаний, мечтают стать кандидатами в депутаты, занять какую-либо иную выборную должность<sup>3</sup>. Сталкиваясь с государственными фильмами на пути к публичной политике, многие представители молодого поколения уходят в акционизм

<sup>1</sup> Мамедова Н.М. Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3; Сажин В.И. Корпус стражей исламской революции Ирана — государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций. 2017. № 3.

<sup>2</sup> Вавилов Н. Некоронованные короли красного Китая. М., 2019; МакГрегор Р. Партия. Тайный мир коммунистических властителей Китая. М., 2011.

<sup>3</sup> Авдеева Г.С. Специфика молодежного общественно-политического акционизма в России (по результатам обзора социологических исследований) / Г.С. Авдеева, Д.А. Омельченко, Н.Ю. Атясова // XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19–20 марта 2015 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 1199–1208.

как наиболее яркий и быстрый способ коммуникации в политическом поле. Серьезный рост движения акционистов в начале 2000-х был также связан с непоследовательностью и противоречивостью государственной политики в России, отсутствием реального молодежного сектора активности. Вместо слабой идеологии молодежной политики активистами были предложены постановочные акции с ясным визуальным кодом и политическими коннотациями.

Ограничения, связанные с пандемией коронавируса, стали дополнительной причиной проявления гражданского недовольства. С одной стороны, спектр инструментов, доступных акционистам для формирования альтернативной политики, стал ограничен не только Уголовным кодексом, но и дополнительными мерами, нацеленными на сдерживание распространения вируса, а с другой — росло количество оппозиционных настроений, а значит, можно было повышать протестный потенциал и увеличивать охват сообщений политических акций. Год 2020-й начался под эгидой голосования по поправкам в Конституцию, главной темой которых была возможность переизбрания В.В. Путина еще на 2 срока, что вызвало бурные обсуждения в обществе. По этой причине стоило ожидать увеличения количества протестных акций, однако в связи с эпидемией COVID-19 акционная активность стала единичной.

Самыми яркими в 2020 г. стали акции художника Павла Крисевича (в ноябре 2020 г. его «распяли» на кресте в образе Иисуса Христа у здания ФСБ на Лубянке) и совместный перформанс нескольких муниципальных депутатов и представителей *Pussy Riot*, выложивших своими телами число 2036 на Красной площади (отсылка к поправкам в Конституцию). Данная акция является своеобразным повторением одной из первых политических акций в России, когда в 1991 г. участники арт-группы Э.Т.И. тоже выложили своими телами слово «\*\*\* [член]» на Красной площади. Стоит отметить, что политический акционизм в России также занимается самоизучением. В 2020 г. была проведена выставка «Акционизм и арт-активизм 2020: что дальше?» про историю российского акционизма 2016–2020 гг. Программа мероприятия предполагала помимо самой выставки многочисленные круглые столы и лекции о тактике и стратегии художников и активистов, а также публичную рефлексию по влиянию акционизма на политическую жизнь страны.

Главной составляющей политического акционизма является внимание: общественное порицание, активные обсуждения в медиа, действия со стороны пенитенциарной системы<sup>1</sup>. Политический акционизм и ранее вызывал неоднозначную реакцию общества, а в 2020 г. еще повлияла общая раздраженность населения от экономического кризиса. Если ранее многие акции вызывали неподдельный интерес у разных слоев населения, то сейчас основная реакция общества связана с заявлениями о бесполезности подобных действий и реализации их лишь для удовлетворения личных потребностей акционистов. Политическим активистам все еще недостает в акционизме ясно поставленных практических целей<sup>2</sup>, понятных для большинства общества.

Тем не менее политический опыт в европейском поле демонстрирует, что, пока политический контекст в стране благоволит к возникновению подобных радикальных творческих процессов<sup>3</sup>, акционизм будет востребован в повестке и останется наиболее медийно-привлекательным способом выражения политической позиции.

Бодров А.К.

(Федеральное агентство по делам молодежи, Москва)

## КОНЦЕПЦИЯ БАЛАНСА ОТНОШЕНИЙ «ЦЕНТР–РЕГИОН»: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Взаимодействие центра и региона определяет уровень значимости территории для федеральных властей, а также умение региона демонстрировать свои сильные стороны. В рамках работы рассматриваются теоретические подходы к изучению концепции баланса отношений «центр–регион».

Политическая регионалистика анализирует политические отношения, складывающиеся при взаимодействии центра и регионов. Существуют различия в западном и отечественном понимании региональной науки: если западная делает акцент на социально-экономических вопросах и использовании математических методов, то политическая регионалистика в отечественном понимании пытается использовать комбинацию географических и политологических методов, базируется на изучении территориальных особенностей политического явления<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Бавикина В. Акционизм: каким он может быть? URL: <http://www.korydor.in.ua/ua/opinions/aktsionizm-v-ukraine-segodnia.html>.

<sup>2</sup> Митенко П. Как действовать на виду у всех? // Новое литературное обозрение. 2013. № 124 (6).

<sup>3</sup> Блиничева В. Между ними тает лед: акционизм политический и художественный. URL: [https://actualcomment.ru/mezhdh-nimi-taet-led-aktsionizm-politicheskij-i-khudozhestvennyy-1705171058.html?PAGEN\\_1=7](https://actualcomment.ru/mezhdh-nimi-taet-led-aktsionizm-politicheskij-i-khudozhestvennyy-1705171058.html?PAGEN_1=7).

<sup>4</sup> Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: Учеб. пособие для вузов / Р.Ф. Туровский; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 24.

В среде политической регионалистики есть отраслевая структура с большим количеством направлений изучения. В нашей работе мы рассматриваем направление, которое у В.А. Колосова<sup>1</sup> называется «региональное взаимодействие по оси «центр—периферия»».

Баланс отношений в политической системе определяет ее устойчивость, способность к изменениям. Для описания и анализа модели баланса существует множество подходов. Выделим некоторые из них: хронологический (А. Геттнер<sup>2</sup>); компаративистский; системный; структурно-функциональный; функционалистский и ряд других.

Говоря о балансе отношений в политике, имеется в виду баланс интересов основных акторов. В региональной политике такими акторами выступают федеральный центр и периферия. Необходимо дать краткую характеристику данных терминов: «Центр — это привилегированный пункт территории, в котором наиболее часто встречаются друг с другом обладатели ключевых военных/административных/экономических/культурных ресурсов, где присутствует самая большая доля экономически активного населения, занятого обработкой и передачей на большие расстояния сообщений и инструкций»<sup>3</sup>. Периферия «зависима, контролируя... лишь свои собственные ресурсы... не вносит значительного вклада в общий поток коммуникаций на данной территории...».

Обращаясь к авторам, которые исследовали особенности данных отношений, первым стоит упомянуть Дж. Фридмана — классика концепции «центр—периферия». Неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации порождают диспропорции между центром и периферией, они же, в свою очередь, связаны потоками (импульсами) информации, капитала и товаров.

В системе отношений «центр—периферия» именно центр оказывает ключевое воздействие на развитие или деградацию периферии. Американский исследователь Ш. Эйзенштадт ввел двухчастную типологию систем центра и периферии: «имперско-феодальные системы» (стремление центра преобразовать периферию, унифицировать политическое пространство) и «имперскую» систему (центр ориентирован на эксплуатацию периферии, не проявляя интереса к ее развитию).

Приближенный к российским реалиям формат взаимодействия центра и регионов можно найти у отечественного политолога-регионалиста Р.Ф. Туровского. Регионы воспринимаются как территориально-политические системы, у которых есть свои интересы. Центр проводит национальные интересы, из которых формируется национальный курс политики государства. Основной вопрос в работе центра и регионов — распределение власти вертикально (между территориально-политическими уровнями) и горизонтально (различия между структурными единицами на одном уровне)<sup>4</sup>.

Обобщая выводы, можно выделить несколько ключевых особенностей.

1. Ключевыми акторами выступают сильный центр и зависимая периферия. В редких случаях центров несколько, и между ними происходит борьба.
2. Центр эксплуатирует периферию либо через распространение инноваций и налаживание каналов коммуникации предоставляет возможности для развития периферии.
3. Периферия может влиять на центр в зависимости от объема имеющихся ресурсов.

Рассмотрев основные концепции баланса отношений «центр—периферия», можно заключить, что данная концепция занимает одно из ключевых мест в структуре регионалистики. Данная концепция может считаться собирательным понятием, так как может объять прочие направления в рамках политической регионалистики. Выстраиваемый баланс взаимодействия федерального центра и региона задает траекторию развития для сфер, где складываются отношения между центром и регионом, и влияет на процессы, происходящие в них.

Бойко С.И.  
(РГГУ, Москва)

## БЕЛОРУССКИЙ ВЕКТОР: АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Выдающийся государственный деятель и ученый Е.М. Примаков изменил векторы внешней политики России: «Именно он изменил курс российской внешней политики. Отказался от так называемого «атлантизма» — заигрывания с Западом. Примаков задал собственный многовекторный курс»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Косов Ю.В. Политическая регионалистика. СПб.: Питер, 2009. С. 22.

<sup>2</sup> Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. Л.; М., 1930.

<sup>3</sup> Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. № 6 (40). С. 120.

<sup>4</sup> Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 58.

<sup>5</sup> Млечин Л.М. Примаков. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2017. — 527 с.



Однако термин «многовекторность» в российских политических научных исследованиях сравнительно недавно стал объектом критического анализа, особенно в отношении Беларуси<sup>1</sup>.

Среди многих векторов внешней политики России выделяется белорусский. Договор о создании Союзного государства Беларуси и России был подписан в декабре 1999 г.

В МГИМО в 2019 г. проведено социально-политическое исследование результатов выборов в Национальное собрание Беларуси, отразившее амбивалентность политики России в Беларуси, где показана дифференциация предпочтений граждан Беларуси в отношении к России<sup>2</sup>.

Примерно 10% выступили за нейтральную позицию Беларуси по отношению к России. Около 32% белорусов высказались за партнерские, равноправные отношения. 57,6% анкетированных выступили за союзнические отношения.

В 2020 г. состоялись выборы президента Беларуси. Часть граждан Беларуси, не согласившихся с официальными результатами выборов, устроила демонстративные акции протестов. К июню 2021 г. протесты стихли, но акции не прекратились полностью. Выявленные в соцопросе 10% «нейтрально» настроенных, оппозиционных и активных не смогли стать большинством на улицах, в сфере трудовых отношений, на предприятиях. Фактически требуется переориентация только на Европейский союз. Когда президент Беларуси А.Г. Лукашенко демонстративно вышел с моральной поддержкой к вооруженным автоматами охранявшим государственное здание силовикам, стало очевидно, что вариант «типового» сценария очередной «революции» в Минске не будет реализован. В Беларуси оказался утрачен контроль за социально-политическим управлением плюс Россия продемонстрировала решимость в политике поддержки Союзного государства Беларуси и России.

Амбивалентность внешнеполитического белорусского вектора политики России обусловлена несколькими причинами. Распространяется информация о том, что только европейская политическая система может быть образцом для трансформации политических режимов на постсоветском пространстве. Именно экономическая, финансовая, социальная сферы и осложнения в них становятся объектами стимулирования амбивалентности белорусского вектора внешней политики России оппонентами, поскольку дают им возможность заявлять об ориентации на коллективный Запад, о провальном характере многовекторных интересов России.

Если после двухполярного мироустройства и холодной войны мы теперь «все братья и равноправные партнеры», то остается нерешенным важный практический социально-экономический вопрос: за счет каких источников будет обеспечен устойчивый рост уровня жизни граждан независимых постсоветских государств? Эффективность социально-экономической политики государства наглядно оценивается по демографическим показателям. В аналитическом докладе ООН «Перспективы населения мира — 2019» дается пессимистический для Прибалтики прогноз. По темпам депопуляции Литва и Латвия, которых долго ставили России в пример как модель успеха в модернизации и демократизации, в настоящее время оказались самым вымирающим регионом в мире<sup>3</sup>. По данным статистической службы Европейского союза, за постсоветские годы население Эстонии уменьшилось на 19%, Литвы — на 27, а Латвии — на 13%, до уровня 1959 г.<sup>4</sup>

Закономерен вопрос: почему западноевропейские политические режимы поддерживают внутреннюю оппозицию во всех постсоветских государствах только в том случае, если оппозиция говорит не о политической многовекторности, а отказывается от продолжения сотрудничества с Россией? И России, и Беларуси проектируется судьба Прибалтики, Украины, Грузии, судьба экономических вассалов и сырьевых доноров коллективного Запада, трудовых мигрантов, способной студенческой молодежи, будущих трудовых резервов для иностранной экономики. Задача белорусского вектора внешней политики России — уверенно противостоять такому вызову.

Вызов для внешней политики России — успешная работа коллективного Запада над корректировкой в своих интересах процесса воспитания будущей политической элиты. О.Н. Сосковец, бывший первый заместитель председателя правительства, опытный управленец, прошедший путь от директора крупнейшего в СССР металлургического комбината до высших политических постов, утверждает: «Существует только два варианта подчинения себе потенциального противника: военное вторжение и воспитание собственной элиты, контролирующей экономический сектор, информационное пространство и имеющей доступ к центрам принятия политических решений. Так как у противников нашего Союза

<sup>1</sup> Многовекторность — это предательство: экономист ответил Лукашенко. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3119087.html> (дата обращения: 25.06.2021).

<sup>2</sup> Окунев И.Ю., Шестакова М.Н. Минск и вся остальная страна: территориальная дифференциация электорального поведения жителей Белоруссии. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/differenciacziya-belorussii/> (дата обращения: 22.05.2021).

<sup>3</sup> ООН показала стратегическую обреченность Прибалтики. URL: <https://yandex.ru/turbo/rubaltic.ru/s/article/politika-i-obshchestvo/21062019-oon-pokazala-strategicheskuyu-obrechennost-pribaltiki/> (дата обращения: 26.06.2021).

<sup>4</sup> Круглов В. Убыль население Прибалтики после интеграции в Европу. Посмотрите, не пожалеете. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c9bb74aa9787700b3ac89f7/ubyl-naselenie-pribaltiki-posle-integracii-v-evropu-posmotrite-ne-pojaleete-5f495ef1bb042e41cdf5af08> (дата обращения: 26.06.2021).

нет возможности к военному вторжению, идет активная работа по внутреннему, латентному противодействию нашей интеграции»<sup>1</sup>.

Белорусский вектор должен быть приоритетным и мощным во внешнеполитической концепции Российской Федерации.

Болгов Р.В.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ ОТКРЫТОГО БЮДЖЕТА (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕАЭС)

Быстрое распространение технологий открытых данных дало новые возможности для инициатив Открытого правительства. Во многих случаях открытые данные были движущими силами инициатив Открытого правительства и фактически совпадали с последним. Однако остается вопрос: меняют ли открытые данные государственные институты и практики? Чтобы ответить на этот и другие связанные вопросы, потребуется исследование конкретных проявлений открытых данных (например, открытого бюджета) в конкретных сферах и на показательных примерах тех или иных стран. Мы анализируем антикоррупционные эффекты практик открытого бюджета для пяти стран Евразийского экономического союза (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России). Мы задействуем данные международных организаций, которые анализируют текущую ситуацию в этих странах. Мы оцениваем влияние открытых финансовых данных (согласно *Open data inventory*, *ODIN*, публикуемому *Open Data Watch*) на коррупцию в пяти странах ЕАЭС за период с 2015 по 2020 г. с использованием анализа несбалансированных панельных данных. Гипотеза исследования следующая: реализация технологий открытого бюджета в рамках существующих государственных структур положительно влияет на снижение коррупции. Гипотеза проверяется с помощью анализа вторичных данных. Эмпирическую основу исследования составляют индексы международных организаций, данные которых есть в открытом доступе.

На основе уже существующих исследований мы построили регрессионную модель:

$$CPI_{it} = \beta_0 + \beta_1 RQ_{it} + \beta_2 ODIN_{it} + \varepsilon_{it},$$

где *CPI* — индекс восприятия коррупции, *RQ* — качество регулирования, *ODIN* — *Open data inventory* (категория «Государственные финансы»). Используются данные международных организаций *Transparency International*, Всемирного банка и *Open Data Watch*. Для эконометрического анализа использовалась программа «*Stata 12*». В модели *RQ* принимается как контрольная переменная, а *ODIN* — как объясняющая переменная. Для индикатора *RQ* использовались значения от (–2,5) до (+2,5).

Переменные были протестированы с помощью тестов модульного корня *ADF PP* и *ADF DF*, чтобы проверить, являются ли они стационарными или нет. Наличие автокорреляции проверено тестом *ALM*. Тест Бреуша и Пагана на множитель Лагранжа используется для проверки того, подходит ли модель со случайными эффектами или объединенная модель.

Мы видим, что оценка случайных эффектов в модели неэффективна. Гетероскедастичность модели проверено тестами Левена и Брауна–Форсайта. Наличие автокорреляции проверено с помощью теста Дарбина–Ватсона, теста множителя Лагранжа (*LM*) и теста скорректированного множителя Лагранжа (*ALM*).

Нулевая гипотеза гомоскедастичности отвергнута и определено, что в модели существует проблема гетероскедастичности. Поскольку наблюдений недостаточно, результаты теста Дарбина–Уотсона проверить невозможно. Однако результаты тестов *ALM* и *LM* демонстрируют наличие автокорреляции первой степени в модели случайных эффектов.

В модели присутствуют проблемы гетероскедастичности и автокорреляции. Поэтому мы оцениваем статистику, устойчивую к проблемам гетероскедастичности и автокорреляции.

Индекс восприятия коррупции оценивает воспринимаемый уровень коррупции в государственном секторе по шкале от 0 (высокая степень коррупции) до 10. Этот индекс был изменен с 0 на 10 (высокая степень коррупции), чтобы избежать путаницы в интерпретации знаков оценочных коэффициентов.

Объясняющая переменная (открытые данные о государственных финансах, *ODIN*) имеет ожидаемый знак и статистически значима. Контрольная переменная (качество государственного регулирования, *RQ*) оказывает положительное и статистически значимое влияние на снижение коррупции. Существует положительная (инвертированный ИПЦ) и статистически значимая взаимосвязь между

<sup>1</sup> *Сосковец О.Н.* Запад выращивает в России и в Беларуси свои подконтрольные элиты. URL: [https://vk.com/wall-130254758\\_3970](https://vk.com/wall-130254758_3970) (дата обращения: 26.06.2021).

инвентаризацией открытых данных (*Open data inventory*, категория «Государственные финансы») и коррупцией (ИПЦ). Другими словами, публикация открытых данных о государственных финансах может снизить уровень коррупции.

Наша гипотеза о положительном влиянии открытого бюджета на коррупцию в странах ЕАЭС подтвердилась. Мы выяснили, что качество регулирования и открытость бюджета могут повлиять на снижение уровня коррупции.

Болотина И.И.  
(ТулГУ, Тула)

## ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Для политических процессов в современной России не теряет значимости вопрос соотношения таких видов идентичностей, как государственно-гражданская, региональная и этническая. Первый вид идентичности предполагает осознание членами российского общества сопричастности с государством, его историей, принятием личной ответственности за развитие страны. Региональная идентичность связана с пониманием географических пределов, культурных и исторических особенностей своего региона<sup>1</sup> и выстраиванием в соответствии с этим стратегии и тактики поведения в политическом пространстве государства. Ядром этнической идентичности выступают представления индивидов о кровном родстве, общности культуры, языка и особом предназначении в контексте мирового исторического развития.

Анализ дискурса представителей академического сообщества и государственной политической элиты позволяет сделать вывод о том, что в современной России по-прежнему не теряет своей актуальности вопрос совмещения региональной и этнической идентичностей<sup>2</sup> в сознании граждан ряда административных субъектов (прежде всего это республики), что приводит к некоторой самоизолированности данных регионов из политического пространства Российской Федерации. Кроме того, согласно результатам социологических исследований, проводимых различными социологическими центрами<sup>3</sup>, рост государственно-гражданской идентичности зачастую сопровождается ростом этнической идентичности. Здесь интересное обоснование предложено Л.М. Дробижевой, полагающей, что этничность выступает не препятствием, а ресурсом гражданского согласия, источником гражданского общества, в рамках которого сохраняется этнокультурное многообразие<sup>4</sup>.

Идентичность во многом определяется ценностями, присущими конкретной социальной общности, и их содержательным наполнением. Так, в структуре государственно-гражданской, региональной и этнической идентичностей значимость имеет ценность родного народа, но, очевидно, что инструментальное ее наполнение будет существенно отличаться. На уровне этнической идентичности «родной народ» находит свою практическую актуализацию в потребностях безопасности, социально-экономической защищенности, предоставлении возможности исповедовать тут или иную религию, говорить на родном языке, носить национальную (этническую) одежду и т.п. Региональная идентичность предполагает иное потребностное наполнение ценности родного народа: представленность этнической группы в органах государственной власти, претензии на статус культурного центра для этноса (как в случае с Республикой Татарстан). А на уровне государственно-гражданской идентичности этнические границы сглаживаются, поэтому ценность родного народа воплощается в потребности гражданского единения, развитии политического, экономического и культурного потенциала государства.

Современные политические процессы в Российской Федерации свидетельствуют о ситуации, в рамках которой социально-политическое пространство хоть и не бесконфликтно, но все же обладает условиями для физического существования даже самых малочисленных этнических групп при наличии возможности их политико-правовой представленности во властных структурах. В данной связи естественно сделать предположение, что этнические различия в российском социально-политическом

<sup>1</sup> Назукина М.В. Идентитарные аспекты регионалистского дискурса федеральных символических конкурсов // Политическая наука. 2020. № 4. С. 200–220.

<sup>2</sup> Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115.

<sup>3</sup> Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерениях. Социокультурный и религиозный контексты: монография / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. — 552 с. // Межнациональное согласие в региональном контексте: Информационно-аналитический бюллетень. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4181> (дата обращения: 28.06.2021).

<sup>4</sup> Дробижева Л.М. Динамика российской идентичности // Национализм: состояние, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. М.А. Омаров. М.: Изд-во РГГУ, 2018. С. 11–18.

контексте выступают основанием государственно-гражданской идентичности, а рост показателя этнической или региональной идентичностей в ущерб государственно-гражданской — маркером социально-политической проблемы, нежели несформированности гражданского общества.

Большаков А.Г.  
(КФУ, Казань)

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ДИНАМИКА, ТРАНСФОРМАЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Проблематика политического кризиса вышла на первый в план отечественных исследований по политической конфликтологии в последние три-четыре года. В 2018–2019 гг. кризис понимался исключительно во внутреннем смысле и был связан с принятием Правительством РФ ряда непопулярных нормативно-правовых актов и особенно концепции пенсионной реформы, связанной с повышением пенсионного возраста. Последовало резкое снижение рейтингов не только правительства и парламента, но и Президента РФ.

В 2020–2021 гг. резко меняется ситуация в международных отношениях. Это связано с пандемией коронавируса. Она привела не только к росту заболеваемости и смертности, но и к коллапсу в экономике большинства стран мира. Особенно пострадали наиболее бедные страны мира. Многочисленные локдауны сказались и на наиболее развитых экономиках мира. Нестабильность стала характеристикой различных сегментов мировой и национальных экономик. Появилась не только массовая безработица, но и постоянная неопределенность в развитии (падение цен на нефть до минусовых значений и др.). Понятно, что пандемия и ситуация в экономике стали целиком определять социальную сферу и политику. Глобализация современного кризиса и его многофакторность создали ситуацию, когда развитие новых волн пандемии создает постоянную неопределенность в принятии политических решений в национальных государствах, в том числе и в России.

В подобной ситуации, на мой взгляд, важным является понимание кризиса как «сбоя функционирования системы (в том числе и политической) с позитивным или негативным исходом». Актуальность и важность исследования феномена кризиса не требует дополнительных комментариев: в различных государствах мира и в России политический процесс регулярно сталкивается с нерешенными проблемами, протестами, насилием и ослаблением имеющихся статусных ролей и идентификаций.

Политический кризис представляет собой ситуацию, которая «оспаривает ключевые элементы идентичности системы и лишаящей ее способности адекватно реагировать на угрозы ее существованию из-за распада институтов или неуправляемой и скоротечной трансформации структурных связей». В рамках такого понимания очевидно, что кризис неправомерно отождествлять с конфликтом, социальной напряженностью или «нарушением порядка» внутри политической системы. В случае если система перестает отвечать выдвигаемым требованиям и не выполняет свои адаптивные функции, она переходит в кризисное состояние.

Поэтому одной из важнейших характеристик политического кризиса является внезапный рост мотивированного насилия, которое, с одной стороны, используется государственными институтами для сохранения своего статуса любыми доступными способами, а с другой — представляет собой следствие размывания государственной монополии на насилие — оппозиционные группы могут использовать крайние средства для делегитимации и запугивания властей.

Автор тезисов анализирует политические кризисы постсоветского периода в России. К собственно политическим можно отнести пять. Политические кризисы 1991 и 1992–1993 гг. были связаны с распадом единого государства — СССР и становлением государственности новой России. Кризис 1998 г. стал закономерным продолжением финансового дефолта. Его форма — «правительственный кризис» и создание компромиссного правительства левой ориентации.

Кризис 2008–2009 гг. носил в России сугубо экономический характер и никак не был связан с политикой. Напротив, кризис 2011–2012 гг. был исключительно политическим и связан с дефектами трансформации политической системы в период переизбрания власти.

Пятый политический кризис 2018–2021 гг. связан изначально с непопулярными социальными реформами правительства в поствыборный период и трансформацией конституционно-политического порядка в России. Его можно интерпретировать скорее как ситуацию неопределенности, однако мировая пандемия коронавируса и экономический спад, вызванный его воздействием, трансформировали ситуацию в системную плоскость, что создало проблемы для стабильности существующей политической системы и возможности ее бесконфликтного изменения и функционирования.

«Коронакризис», по всей видимости, будет иметь политические последствия, которые не могут быть устранены властями только с помощью конституционной реформы и ее одобрения населением. Изменение ситуации в российской политике зависит от глубины падения экономики, продолжения

пандемии, устойчивости политического порядка в России. Автор тезисов рассматривает возможные сценарии политического развития Российской Федерации на ближайшие годы.

Большаков С.Н.  
(ЛГУ им. А.С. Пушкина, Пушкин)

## ВОПРОСЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Современные цифровые технологии коммуникации и управления радикально отличаются от существовавших ранее аналоговых, способствуют более широкому охвату объектов управления. Цифровые технологии помогают совершенствованию более сложных и функционально-совместимых цифровых сетей, увеличивающих эффективность процессов управления, что вытекает из интероперабельности и интегрированности сетевых структур.

Развитый архетип позволяет гражданам формировать солидарность и соучастие в деятельности публичных институтов, сохраняя стабильность государства и аппарата управления по мере перехода на цифровые технологии и коммуникации.

Базовыми проблемами цифровизации государственного управления является конфиденциальность информации, формирование защитных механизмов в сфере информационного обмена в киберпространстве.

Новые архетипы информационной ответственности фокусируются на партнерских отношениях между гражданином и органами публичной власти. Они должны формироваться в рамках подотчетности и прозрачности. В подобных отношениях архетип требует, чтобы поставщики контента согласились на передачу данных третьим сторонам, на обмен и анализ персональной информации гражданина. Побочным эффектом для данного архетипа является более замедленная процедура передачи информации, капитализация цифровой среды. В таком контексте важно отметить, что повышается осведомленность граждан о том, как формируется цифровое досье, каковы алгоритмы передачи информации в киберпространстве, каковы общие нормы конфиденциальности и как это соответствует принятым демократическим нормам обращения с информацией.

Важным является процесс легитимации сбора и обработки персональной информации в отношении граждан, которые традиционно опасаются слежки, незаконного сбора и обработки персональной информации.

Сегодня гражданин все чаще апеллирует к Конституции, где закреплены нормы и условия свободы выражения мнения, свободы слова. Эти элементы самопознания и признания других на основе конституционных прав порождают то, что Ю. Хабермас называет «конституционным патриотизмом».

Конфиденциальность понимается зачастую как состояние личной информации, свободное от внешних вмешательств или нарушений в части доступа к персональной информации. Отсутствие ограничений и принуждения играет центральную роль в формировании политических сетей и политического участия между гражданами. Свобода действия на основе самостоятельного выбора стимулирует граждан к взаимодействию, формирует публичный дискурс, конструирует общие ценности и приводит к действиям, влияющим на политическую среду. Если граждане верят или ожидают, что их действия контролируются, или знают о наличии принудительных и превентивных методов и технологий контроля, то они могут стать жертвой воображаемых ограничений и корректировать свое поведение в свете воображаемых связей.

Выделяются следующие архетипы человека в условиях цифрового государственного управления: архетип вторжения, рыночный архетип, архетип приближения, архетип секретности. Данные архетипы позволяют раскрыть модели поведения гражданина, описать возможные стратегии публичного дискурса, спрогнозировать восприятие обществом масштабов перехода на цифровые технологии.

Все западные демократии используют определенную нормативную базу в части оценки законов о конфиденциальности информации. Страны-члены Европейского союза (ЕС) соблюдают политику конфиденциальности ЕС. США опираются на гарантии конфиденциальности, заложенные в Конституции. Канада полагается на защиту личной информации и Закон об электронных документах (*PIPEDA*) для руководства и оценки законодательства о конфиденциальности.

Развитие современных цифровых технологий в части интеграции маркетинговых платформ вынуждает потребителя, гражданина раскрывать персональную информацию, прежде чем он получает необходимые услуги или даже работу. Без утверждения норм конфиденциальности информации солидарность граждан может быть поставлена под угрозу, поскольку они все менее будут способны идентифицировать себя с определенными социальными группами. Общие для всех права станут товаром, который принадлежит цифровым платформам. Отсутствие институциональных норм в части этико-политического дискурса может способствовать социальной и политической фрагментации общества.

Обмен данными сейчас невероятно распространен — корпорации генерируют огромные объемы информации, формируя супербазы данных на основе объема информации, которые собирают их структуры и разветвленные организации, формируют эти данные для дальнейшей обработки и накопления цифрового досье граждан, не дававших согласия на подобную агрегацию данных.

В свете оцифровки информации, легкого агрегирования цифровых записей и все расширяющегося массового наблюдения в цифровую эпоху, когда граждане не осознают, что после тщательного изучения должны вернуться к архетипам конфиденциальности и оценить, необходимо особо обратить внимание на существующие нормы и этику обращения с информацией, которая призвана эффективно защитить людей от незаконного цифрового наблюдения.

**Борисов А.В.**

*(Дипломатическая академия МИД России, Москва)*

## **СОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ**

Существует несколько подходов к определению содействия международному развитию (далее — СМР). И если Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) оперирует понятием «официальная помощь развитию», периодически уточняя его границы, а в практике ООН возник и закрепился термин «сотрудничество в целях развития», то наш термин подобного закрепления и ограничения не получил — мы не даем ему нормативного определения, а в учебниках и учебных пособиях не претендуем на новизну и оригинальность. Так, в отечественном учебном пособии «Содействие международному развитию», изданном в коллаборации со Всемирным банком в 2012 г., указано, что «оптимальным на сегодняшний день является определение содействия развитию как части иностранной помощи, предоставляемой правительствами стран-доноров развивающимся странам»<sup>1</sup>. Подобная неопределенность находит отражение и в Концепции государственной политики РФ в сфере содействия международному развитию, где в первом пункте Общих положений мы сталкиваемся с конъюнкцией, т.е. мы рассматриваем СМР как одну из разновидностей помощи, наряду с технической, финансовой, гуманитарной. Но уже в одиннадцатом пункте той же Концепции, где перечисляются формы содействия, мы увидим, что содействие международному развитию сводится к официальной помощи развитию.

Так что же мы имеем в виду, говоря о содействии развитию? Это не праздный вопрос. Не понимая, что есть СМР, а современная нормативно-правовая база и существующие документы стратегического планирования не дают ответа на этот вопрос, мы не можем:

- а) определить, какие задачи, в какие сроки и кто будет решать, прибегая к содействию международному развитию как внешнеполитическому инструменту. Непонимание сути инструмента, как правило, ведет к его неадекватному применению;
- б) определить эффективность/неэффективность наших усилий в области содействия международному развитию. Задачи, определенные в Концепции государственной политики РФ в сфере содействия международному развитию<sup>2</sup>, постулируются вне конечной цели, ради которой создается и используется инструмент.

Неопределенность термина мультиплицируется неопределенностью механизмов управления и реализации — создание в ноябре 2020 г. Межведомственной комиссии по вопросам содействия международному развитию ничего не исправило. Чего стоит содержащееся в положении о комиссии заявление: «Информационно-аналитическое обеспечение деятельности Межведомственной комиссии и ее президиума осуществляют органы и организации, представители которых входят в состав Межведомственной комиссии...» Так кто же все-таки осуществляет информационно-аналитическое обеспечение?

Помимо прочего, упускается из виду тот факт, что содействие международному развитию является институтом, т.е. некими «правилами игры», которые задают систему стимулов (как положительных, так и отрицательных), направляя деятельность по определенному руслу. Мы, принимая эти правила, пытаемся им следовать, настаивая на согласовании статистических показателей, забываем о главном, что правила и ограничения необходимы лишь для того, чтобы достичь намеченной цели. Но представляем ли мы ее вполне? Этого не следует из актуальных документов стратегического планирования.

Почему важно определение? Ответ на вопрос, что есть содействие развитию, позволяет ответить на вопрос о приемлемости этого внешнеполитического инструмента и ограничениях в его приме-

<sup>1</sup> Содействие международному развитию: Учеб. пособие / Под ред. В.И. Бартенева и Е.Н. Глазуновой. М.: Всемирный банк, 2014. С. 72.

<sup>2</sup> Указ Президента РФ от 20 апреля 2014 г. № 259 «Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию».

нении. Это тем более актуально в связи с реализацией распоряжения Правительства РФ от 28 мая 2021 г. № 1392-р, включающего в перечень государственных программ «Содействие международному развитию». Разработка государственной программы невозможна вне представления о том, какие мероприятия и с какой целью будут взаимоувязаны «по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам»<sup>1</sup>.

Но требования к определению и, как следствие, целеполаганию определяются не только практикой государственного управления, но и необходимостью общественной поддержки такого внешнеполитического инструмента, как содействие развитию, предполагающее отвлечение значимых ресурсов, которые могли бы быть задействованы для решения внутренних проблем. Именно это делает необходимым не только нормотворческие усилия, но и экспертную, научную и общественную дискуссию, посвященную проблемам характера, степени и формам участия России в деятельности по содействию международному развитию.

**Борисов Н.А.**  
(РГГУ, Москва)

## **ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ**

**О** вкладе постсоветских исследований в общую теорию политической науки и об основных направлениях блестяще написал А.Ю. Мельвиль в статье, опираясь на работы зарубежных и российских авторов, опубликованные на иностранных языках<sup>2</sup>. Существует и ряд других обзорных исследований, уступающих работе А.Ю. Мельвиля как по охвату проблемного поля, так и по числу анализируемых работ. Представляется целесообразным обратиться к этой тематике на материале российских исследований.

Основные дискуссионные проблемы, которые находятся в центре внимания российских исследователей политических процессов на постсоветском пространстве, заключаются в следующем.

Во-первых, на протяжении тридцати лет происходил поиск общих теоретико-методологических оснований анализа постсоветских трансформаций, в ходе которого были восприняты или переосмыслены западные концепции, а также предложены оригинальные исследовательские конструкты.

Во-вторых, по-прежнему актуальна классическая проблема «структуры и агента», вызывающая дискуссии о большей значимости структурных или процедурных факторов в процессе трансформации политических режимов и в целом о выявлении ключевых факторов формирования новых режимов. В этих дискуссиях необходимо выделить постановку проблемы о влиянии уровня государственной состоятельности и институциональных основ демократии на формирование новых режимов.

В-третьих, в последние два десятилетия актуализировалась проблема траекторий и итогов постсоветских трансформаций: на смену исследованиям о причинах «неудачи» демократизации пришли поиски терминов и категорий для определения новых недемократических режимов и их сравнительный анализ. Здесь, вслед за западными исследователями, было предложено значительное число концепций «гибридности». В связи с этим поставлена и проблема способов и механизмов смены политической власти и политических режимов в результате так называемых цветных революций, что вызвало дискуссии об их ключевых факторах, общем и особенном по отношению друг к другу и к иным случаям вне постсоветского пространства.

За последние тридцать лет российские исследователи проделали большую работу по изучению политических процессов на постсоветском пространстве. Представляется, что результаты этой работы не только привели к приращению знания о политике, но и обогатили политическую теорию в целом. Основные теоретические достижения постсоветских исследований заключаются в следующем.

Фиксируется нелинейность (или цикличность) политических процессов на постсоветском пространстве, в отличие от первоначальных тезисов о «демократизации» и переходе к демократии в качестве единственного магистрального (и «правильного») пути. Демократизация в исследовательском сообществе больше не воспринимается как основной тренд, а демократия — как обязательный конечный результат трансформации. С этим связан рост интереса к более глубокому изучению и классификации недемократических режимов на постсоветском пространстве, а самое главное — констатация того, что эти режимы являются не переходными, а вполне устойчивыми. Причины и факторы стабильности таких режимов нуждаются в осмыслении.

<sup>1</sup> Постановление Правительства Российской Федерации от 26 мая 2021 г. № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации».

<sup>2</sup> Мельвиль А.Ю. Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований / Russian Studies в современную политическую науку // Полис. 2020. № 1. С. 22–43. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03>.

Объяснения политических трансформаций через культуру, менталитет, «заданный путь», «колею» уходят на периферию политических исследований, уступая место анализу процедурных факторов, в том числе действий политических лидеров. В то же время произошло переосмысление институциональных трансформаций: выбор формы правления понимается теперь не как определяющий фактор трансформации, а скорее как продукт уже сложившихся элитных взаимоотношений, изменения которого носят ситуативный и «прикладной» характер.

Основным фактором формирования и стабильности новых политических режимов выступает незаинтересованность элит в проведении реформ, нарушающих их каналы доступа к ренте.

Перспективным направлением представляется продолжение сравнительного анализа политических процессов в постсоветских государствах на основе соотношения уровня государственности в динамике и уровня институционализации политических институтов и институциональных основ демократии, а также встраивание изучения постсоветских случаев в общий контекст постсоциалистических трансформаций, что уже успешно и делают многие российские авторы. Перспективным представляется сравнительный анализ уровней государственной состоятельности.

**Борисова Н.В.**  
(ФГАОУ «ПГНИУ», ПФИЦ УрО РАН, Пермь)

## **ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС В РЕГИОНАЛИСТСКОЙ ПОВЕСТКЕ В КОНТЕКСТЕ МНОГОУРОВНЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ<sup>1</sup>**

**И**деология регионализма именно в пространстве современной Европы является наиболее выраженной. Для его усиления и актуализации<sup>2</sup> немаловажную роль сыграли разнообразные программы и инструменты ЕС. Вместе с тем едва ли следует рассматривать как единственно значимые для этого исключительно экономическую политику и практики публичного администрирования ЕС. Не менее важными являются «этносимволистические» основания регионализма, в набор которых входит и язык как маркер (региональной) идентичности. Язык может использоваться инструментально или символически для актуализации регионалистской повестки<sup>3</sup>.

Языковой вопрос и его актуализация сопряжены с институционализацией и реализацией языковой политики, которая в Европе носит многоуровневый характер. Во-первых, одним из ведущих субъектов языковой политики выступает национальное государство. В условиях процессов децентрализации, динамика и масштаб которых пространственно вариативна, языковая политика приобретает преференциальный характер, что проявляется в изменении ее акторного состава, когда наряду с национальным государством ее субъектом становятся регионы и даже локалитеты. Во-вторых, в пространстве Европы действует в качестве рамочной организующей и нормативно определяющей «Хартия региональных языков или языков меньшинств». При этом не все страны Хартию подписали или ратифицировали: не подписала и не ратифицировала Бельгия; подписали, но не ратифицировали Франция, Италия и Россия; подписали и ратифицировали Испания, Нидерланды, Великобритания, Швейцария и др. Страны, которые подписали и ратифицировали Хартию, взяли на себя разный объем обязательств в отношении региональных языков. Более того, обязательства одной страны нередко различны в отношении разных языков: например, Великобритания ратифицировала Хартию в отношении корнского, ольстерско-шотландского, гаэльского, валлийского, скотс и мэнского гаэльского языков. Но расширенные обязательства взяла только для валлийского, ирландского и гаэльского. Согласно идеологии «Хартии региональных языков или языков меньшинств», страны, ратифицировавшие ее, берут на себя некоторый объем обязательств по поддержке языков в сферах образования, публичного администрирования, судопроизводства, СМИ, культуры, экономики и в межгосударственных отношениях. Эти обязательства определяются для каждого из языков внутри страны отдельно. Объем обязательств для каждой из сфер может быть разным. Таким образом, вариативна «сила» языковой политики в отношении разных региональных сообществ на разных аренах публичного взаимодействия. Эти обстоятельства дают основания полагать, что многоуровневость языковой политики вариативна в страновом и региональном измерениях.

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

<sup>2</sup> В терминологии Б. Хеттне речь идет о т.н. «росте регионности» (*Hettne B. Beyond the “New” Regionalism // New Political Economy. 2005. Vol. 10 (4). P. 543–571. DOI: 10.1080/13563460500344484*).

<sup>3</sup> Более подробно см.: *Борисова Н., Филиппова Е. Политика языка в контексте электоральной борьбы в Каталонии (2006–2017) // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 145–156. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.09; Борисова Н., Сулимов Р. Language territorial regimes in multilingual ethnic territorial autonomies // Nationalities Papers. 2018. № 46 (3). P. 358–373. DOI: 10.1080/00905992.2017.1351938.*



Всего Хартию подписали 18 из 29 стран: Австрия, Хорватия, Чехия, Дания, Финляндия, Германия, Венгрия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Испания, Швеция, Швейцария, Украина, Великобритания. Кроме того, подписали, но не ратифицировали: Франция, Молдова, Россия. В отношении этих стран есть данные о предполагаемых обязательствах. Итого: 21 страна из 29. Данные о всех возможных обязательствах содержит часть III «Хартии региональных языков или языков меньшинств». Данные о взятых страной обязательствах и их исполнении в отношении конкретного языка содержат мониторинговые отчеты по каждой из стран. Ратификационная грамота, национальные отчеты и отчеты экспертов (для разных стран доступно разное количество тактов мониторинга) содержат информацию: 1) об объеме обязательств по сферам для конкретного языка; 2) о мероприятиях, составляющих языковую политику, ее участниках, уровнях реализации (уровнях власти), в том числе в региональном разрезе; 3) об оценке достижений и/или проблем в разрезе языков и регионов. В докладе рассматривается вопрос о влиянии силы и характера языковых требований регионалистских партий, арен их артикуляций на многоуровневую политику в сфере институционализированных практик регулирования и поддержки миноритарных языков.

Бородич В. Ф.  
(ИДВ РАН, Москва)

## РЕЖИМ САМОВЛАСТИЯ РАЗРУШИТЕЛЬНОГО ТИПА — ОПЫТ КИТАЯ ЭПОХИ МАО ЦЗЭДУНА

История КНР со дня ее основания по сентябрь 1976 г. (смерть Мао Цзэдуна) — это вариант формирования режима самовластия, утвердившегося вопреки разрушительному характеру проводимой властью политики. Учитывая авторитарный характер политического режима в современном Китае, демонстрирующего многопрофильное развитие страны, представляется интересным взгляд на его предысторию — тупиковую ветвь в виде режима самовластия Мао Цзэдуна, который отличает, кроме жестокости, неспособность осуществлять развитие страны, неразвитость современных и не востребовавшихся традиционных институтов и инструментов смены режима в интересах народа. Тема предлагается автором в постановочном виде, лишь с некоторыми политологическими подходами к материалам политической истории, заслуживающей дальнейшего политологического исследования.

К моменту образования в 1949 г. КНР Устав китайской компартии, принятый на VII съезде КПК в 1945 г., включал положение о том, что партия руководствуется во всей своей деятельности идеями Мао Цзэдуна, соединяющими марксистско-ленинскую теорию с практикой китайской революции, выступает против догматизма и эмпиризма<sup>1</sup>, т.е. против слепого копирования и абсолютизации зарубежного, чуждого — советского — опыта. Данное положение Устава позволяло руководству КПК претендовать на независимый от СССР в будущем поиск пути развития Китая. Решению съезда предшествовала продолжительная кампания чистки рядов КПК от руководителей, ориентированных на опыт СССР. Однако именно один из руководителей, проходивших в прошлом обучение в Советской России, Лю Шаоци, выступил на съезде с докладом об Уставе КПК. VII съезд КПК избрал Мао Цзэдуна Председателем ЦК КПК, в этой должности он пребывал до конца своей жизни — 09.09. 1976 г. Таким образом, уже в 1945 г. были созданы условия для утверждения в КПК культа личности Мао Цзэдуна как его потенциального личного ресурса к возможному установлению им режима самовластия в стране после победы в 1949 г. народной революции.

Как выяснилось, возглавивший Китай политический лидер имел к тому времени утопический образ будущего, который мало изменился до начала «культурной революции». «Указанием от 7 мая» 1966 г. он был обрисован следующим образом: 1) в обществе постепенно будет уничтожено разделение труда, 2) постепенно ликвидированы товарно-денежные отношения, 3) постепенно будут стерты «три больших различия»: между рабочими и крестьянами, городом и деревней, трудом физическим и умственным<sup>2</sup>.

Значительная же часть соратников Мао Цзэдуна по партии, занимавших руководящие посты в компартии и органах государственной власти, смотрели на будущее страны гораздо реалистичнее, многие имели более серьезную теоретическую и практическую подготовку, позитивно воспринимали и применяли на практике апробированный в СССР опыт государственного и народно-хозяйственного строительства. Поэтому уже в первой половине 1950-х годов в руководящих кругах КНР образ будущего раздваивался и политика развития носила двухколейный характер: одну колею образовывала за-

<sup>1</sup> Чжунго гунчандан чжанчэн (1945) (Устав Китайской коммунистической партии (1945)). URL: [https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%8B\(1945\)/9864751](https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%8B(1945)/9864751) (дата обращения: 27.04.2021).

<sup>2</sup> Усов В. Н. Дэн Сяопин и его время. М.: Изд-во «Стилсервис», Институт Дальнего Востока РАН, «Дом Конфуция», 2009. С. 53–54.

явленная в 1952 г. генеральная линия постепенного строительства социализма, другую — деятельность Мао Цзэдуна, фактически генеральную линию оспаривавшая. В то время как усилиями сторонников генеральной линии осуществлялась созидательная работа — была принята Конституция КНР (1954 г.), разработан и успешно осуществлялся 1-й пятилетний план (1953–1957 гг.), Мао Цзэдун и его сторонники вели работу разрушительную — корректировали выполнение официально намеченных государственных задач, зачастую придавая им прямо противоположный смысл. Одновременно с помощью кампаний «чисток» и «перевоспитания» политическое сознание и поведение руководящих кадров, интеллигенции и масс приводилось в соответствие с утопией Мао Цзэдуна, на которую продолжало распространяться положение Устава о руководящей роли идей Мао Цзэдуна.

Деятельность Мао Цзэдуна и его сторонников позволила им сохранить инициативу в теневом противоборстве с оппонентами даже после того, как VIII съезд КПК осудил противников генеральной линии за «слепое забегание вперед» и принял решение об исключении из Устава партии положения о руководящей роли идей Мао Цзэдуна. Уже через несколько месяцев критики «слепого забегания вперед» были названы «правыми», а «забегающие вперед» создали в 1958 г. «2-ю сессия» VIII съезда и провозгласили курс «трех красных знамен» (новую генеральную линию, «большой скачок», народные коммуны).

Последующая история режима Мао Цзэдуна показала тупиковый характер самовластия, если его стратегия утопична.

**Боташева А.К.**

*(Пятигорский государственный университет, Пятигорск)*

## **ОРИЕНТИРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

**С**одержательно-смысловое наполнение термина «военно-гражданские отношения» охватывает грани общественно-политического и социального явления в сфере отношений между вооруженными силами, правительством и гражданским обществом. Армия есть институт государства, целенаправленно созданный для обеспечения гарантии военной и национальной безопасности. Следовательно, вооруженные силы любого государства нуждаются в законодательном регулировании своей деятельности, направленной на защиту прав военнослужащих<sup>1</sup>, и гражданском контроле в целом всей военной организации государства.

Учитывая растущую взаимосвязь и взаимозависимость гражданской и военной сфер жизнедеятельности людей, существует актуальная потребность определения баланса между императивами:

- возвышения и милитаризации армии, признания военных как активного субъекта конституционной и институциональной политики, утверждения абсолютной независимости военных от приоритетов гражданского общества;
- навязывания военной сфере ценностей разных политических сил, превращения вооруженных сил в «ударный кулак политики», вовлеченности армии в политические игры;
- некомпетентного вмешательства президента, правительства, гражданской сферы и в целом разных групп интересов, среди которых выделяются некоммерческие организации и СМИ, в профессиональное функционирование военных.

Научная дискуссия относительно военно-гражданских отношений вбирает в себя несколько подходов. Так, существует парадигма взаимной ответственности Д. Блэнда, который уповает на законопослушность военных в сочетании с гражданским контролем их деятельности. Задаваясь вопросом, каким образом возможно осуществление эффективного контроля, Д. Блэнд отвечает, что необходимо лишить армию легитимного права действовать самостоятельно. Соответственно, контроль вооруженных сил и управление ими извне должно осуществляться гражданскими представителями и чиновниками<sup>2</sup>. Но часто зримая некомпетентность сторон рассматриваемых отношений свидетельствует о сложности построения методологически обоснованной платформы взаимной ответственности армии и общества. В этом смысле прав Л.В. Певень, когда констатирует, что отношения военных и гражданских лиц в качестве объекта управления объективно зависят от воздействия «основных субъектов политической системы»<sup>3</sup>. Заметим и возрастающую тенденцию стремления военной элиты разных стран сохранить

<sup>1</sup> *Коряковцева О.А., Макеева Т.В.* Гражданское общество и военно-социальная сфера современной России: перспективы партнерства // Вестник Костромского гос. ун-та. Серия: Педагогика, психология, социокинетика. 2017. Т. 23. № 1. С. 199.

<sup>2</sup> *Армия и общество.* М.: Прогресс, 1999. С. 45.

<sup>3</sup> *Певень Л.В.* Методологические вопросы исследования военно-гражданских отношений // Вестник военного ун-та. 2008. № 4 (16). С. 44.

за собой влияние на ключевые фигуры политического истеблишмента. Поэтому в рамках сложившейся в последние десятилетия парадигматики перспективен подход Ч. Москоса, который находит связь между военно-гражданскими отношениями и типом общества: общества готовности к войне, общества сдерживания войны, общества отрицания войны<sup>1</sup>.

Обобщая подходы, признаем, что на сегодняшний день имеющиеся научные взгляды зачастую слабо отражают сущность и тенденции развития военно-гражданских отношений, которые во многом зависят от формы государственного устройства и существующего политического режима, геополитической ситуации, экономического развития и финансовой стабильности, исторически сложившихся традиций во взаимоотношениях военных и гражданского общества и т.д.

Необходим глубокий научный анализ стремления военной элиты институционализировать влияние на государственную власть, военизировать властные отношения, поощрять и поддерживать курс на продолжение политики иными, немирными средствами, внедрять культ силы и милитаризировать общественную жизнь с увеличением военного сектора в государственной экономике вкупе со стремлением политической элиты использовать армию в своих целях. Именно исследование военно-гражданских отношений как самостоятельной научной проблемы позволит найти методы минимизации вмешательства армии в политику и ограничения вмешательства политиков в дела армии; признание военными приоритета гражданской политической власти; оптимальное сочетание невоенных и военных средств в процессе обеспечения национальной безопасности и других, не менее актуальных проблем военно-гражданских отношений.

Брехов Г.С.  
(РУДН, Москва)

## СОВРЕМЕННЫЙ АНАРХОПОПУЛИЗМ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ

За последние несколько десятилетий страны Европы и США столкнулись с несколькими глобальными кризисами, которые шли практически друг за другом: начиная с экономического кризиса 2008 г. и заканчивая пандемией коронавируса. Согласно ежегодному отчету о доверии *Trust Barometer*, общемировой показатель доверия к власти и бизнесу в 2020 г. упал почти в 2 раза по сравнению с 2019-м, а все ключевые европейские страны и США потеряли несколько пунктов общего доверия к правительству<sup>2</sup>. И такой спад не случаен — традиционные политические институты не показали себя эффективными в борьбе с вызовами современности, прецедентов решения которых ранее или не возникало вовсе, или механизмы изучены мало. В этой связи на политическую арену выходят новые идеи и течения, такие как анархизм и популизм, которые предлагают понятные массам механизмы решения актуальных проблем.

Разработкой понятия популизма занимается множество ученых, в том числе Г. Вайнштейн, А. Глухова и К. Мюдде. Опираясь на идеологический подход к определению популизма Д. Альбертацци, К. Мюдде и Д. МакДоннелла, можно заключить, что анархизм и популизм имеют множество пересечений. Идеология популизма, в рамках которой цельный «народ» противопоставлен коррумпированной группе «элит»<sup>3</sup>, сама по себе имеет общие черты с анархической мыслью, которая тоже выступает против властей и правящих элит. Для обоих течений общим также является недоверие к СМИ и бизнесу, что приводит к подрыву авторитета классической демократии и государственных институтов. Согласно теории о слабых идеологиях Б. Стенли, популизм принято считать таковой<sup>4</sup>, поэтому в современной общественно-политической ситуации он смог образовать некий симбиоз и вылиться в новую политическую силу — анархопопулизм.

В работе предпринята попытка изучения нового для анархизма течения — анархопопулизма, а также предпосылок его возникновения в контексте исторического пересечения движений в прошлом. Традиция изучения современного анархизма представлена работами Д. Миллера, Р. Пол Вольфа, П. Рябова и других исследователей, но новейшие анархические течения, в том числе и анархопопулизм, изучены мало. И хотя работы про анархопопулизм редки, в исследованиях П. Гербаудо заключается, что анархизм в целом, как и анархопопулизм в частности, сегодня оказывает значительное влияние на европейские протестные движения, такие как «Оссуру», «Марш миллиона масок» и «Желтые жилеты», образуя

<sup>1</sup> Bland D. A Unified Theory of Civil-Military Relations // *Armed Forces and Society*. 1999. Vol. 26. No. 1. P. 95.

<sup>2</sup> Edelman Trust Barometer 2020 (January 19, 2020). URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf> (accessed: 26.06.2021).

<sup>3</sup> Albertazzi D., McDonnell D. Introduction: The Sceptre and the Spectre // *ResearchGate*. 2008. P. 1–11. DOI: 10.1057/9780230592100\_1.

<sup>4</sup> Stanley B. The Thin Ideology of Populism // *Journal of Political Ideologies*. 2008. No. 13 (1). P. 95–110. URL: <https://doi.org/10.1080/13569310701822289>.

ядро этих акций. При этом анархизм перестает быть незаметным, маргинальным движением, чаще всего ассоциирующимся в глазах обычных людей с терроризмом и вандализмом.

По П. Гербаудо, одному из первых исследователей анархопопулизма<sup>1</sup>, все больше людей в современном обществе поддерживают новый тип анархизма, факторы роста популярности которого заключаются в повышении протестных настроений и все большем недоверии к традиционному государству и его институтам. Этот новый анархизм, согласно данным *Social Market Foundation*, больше не является отражением классической теории, а перерастает в тождественное антиистеблишменту понятие<sup>2</sup>. После изучения внутренней структуры «Марша миллиона масок», движений «Occupy» и «Желтые жилеты» было установлено, что анархопопулизм не обретает никакого конкретного институционального воплощения в глобальном масштабе и может быть изучен только в рамках конкретных протестных движений.

Таким образом, в рамках роста поддержки анархопопулизма новые идеологические трактовки анархизма и использование массовых, «популистских» методов агитации и сбора сторонников приводят к появлению нового заметного актора на политической арене, чье присутствие ощущается во множестве протестных движений странах Европы и даже отражается на современной деятельности ряда российских политических акторов, в основном оппозиционных, например — среди выступлений против ограничительных мер из-за COVID-19.

Бродовская Е.В.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

### «НОВЫЕ ЛЕВЫЕ» НА СТАРТЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2021 года В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ<sup>3</sup>

Предстоящая в 2021 г. избирательная кампания по выборам депутатов ГД ФС РФ может стать поворотной для устоявшейся конструкции партийной системы, прежде всего, благодаря существенному электоральному потенциалу «новых партий». Заявившие о себе на региональных выборах в 2020 г. политические партии «Новые люди», «За правду», «Зеленая альтернатива» претендуют на переток голосов избирателей от традиционных парламентских акторов, так как это продиктовано «климатом ожиданий» в обществе.

Жесткость конструкции и малая динамика в развитии партийной системы часто ведут к снижению уровня легитимности институтов партий и парламентаризма, а также способствуют усилению общественной потребности в «новых лицах». Важно подчеркнуть, что интенсивный перенос ряда практик политических партий в цифровое пространство, с одной стороны, стимулирует межпартийную конкуренцию и расширяет возможности по наращиванию электорального потенциала «новых партий», опирающихся в своем продвижении в первую очередь на цифровые инфраструктуры. С другой стороны, решение задачи масштабирования электоральной поддержки в социальных медиа серьезно утяжеляется в силу того, что в интернет-пространстве политическим партиям приходится конкурировать за внимание электоральных групп с более популярными структурами гражданского общества, внесистемными акторами, лидерами и центрами общественного мнения, различными комьюнити и т.д.

Уникальность ситуации на старте нового электорального цикла заключалась также в том, что пандемия COVID-19 не только ускорила освоение партийными и протопартийными акторами цифровых каналов и технологий коммуникаций, но и способствовала артикулированию и агрегированию интересов групп, ориентированных на усиление прежде всего социальных функций государства. Своего рода ответом на «левый поворот» в электоральных ожиданиях части российского электората стало объединение политических партий «Справедливая Россия», «За правду», «Патриоты России».

Важно подчеркнуть, что исследование «левого поворота» предполагает диверсификацию объектов анализа, учет изменений общественных запросов и расклада политических сил. В современных условиях «левый поворот» жестко не связан с социал-демократической идентичностью партий, его осуществляющих. Скорее наоборот, в условиях кризиса ряд политических партий прибегают к ценностному камуфлированию, отвечая на изменения в электоральных предпочтениях.

Анализ информационных потоков левых сил в ходе старта электорального цикла 2021 г. позволяет выделить следующие тенденции. Во-первых, информационная активность объединенной партии

<sup>1</sup> Gerbaudo P. When anarchism goes pop // OpenDemocracy: журнал. 2013. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/when-anarchism-goes-pop/> (accessed: 28.06.2021).

<sup>2</sup> Draca Mirko. Anarchy in the UK (and Everywhere Else): The Ideological Roots of Populism. Social Marker Foundation, 2019. URL: [http://www.smf.co.uk/publications/anarchy-uk-everywhere-else-ideological-roots-populism/?doing\\_wp\\_cron=1572687807.8811650276184082031250](http://www.smf.co.uk/publications/anarchy-uk-everywhere-else-ideological-roots-populism/?doing_wp_cron=1572687807.8811650276184082031250) (accessed: 28.06.2021).

<sup>3</sup> Поддержка. Грант РФФИ 21-011-33015 «“Левый поворот” в развитии партийной системы и электоральных ожиданий граждан РФ (2020–2021)».

«Справедливая Россия — За правду» отличалась равномерностью и устойчивостью, что связано с привлекательностью обновленного партийного бренда, соответствием растущему общественному запросу на политическое обновление.

Во-вторых, «Справедливая Россия — За правду» предпринимает активные попытки обеспечивать диверсификацию собственных информационных потоков, перераспределяя активность с традиционных социальных медиа на новые цифровые платформы.

В-третьих, в ходе анализа социально-демографического профиля пользователей социальных медиа, вовлеченных в «левый» информационный поток, выделяется рост мужской аудитории, связанный с преобладанием соответствующих тем и дискурсов.

В-четвертых, партия реализовала достаточно успешную стратегию по объединению различных элементов цифровой инфраструктуры (цифровых сообществ, персональных аккаунтов, онлайн-представительств), что отражается в устойчивом росте их аудитории. При этом отмечаются проблемы с идеологическим соответствием и продолжающимся поиском основополагающих идей и смыслов.

Бубнов А.Ю.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ И ФЕНОМЕН «СОВЕТСКИХ ВЕРУЮЩИХ»<sup>1</sup>

Исследователи достаточно давно указали на религиозный характер идеологий, обеспечивающих процесс легитимации тоталитарных режимов, начиная с известных работ Бердяева и Маритена. Более развернутое применение этого подхода содержится в работах Роджера Гриффина и Эмилио Джентиле<sup>2</sup>. Джентиле, указывая на сакрализацию политики, как неизбежный процесс, связанный с увеличением сферы государственного контроля над обществом и втягивания общественного в государство, различает две его формы. С одной стороны находятся демократические режимы, создающие «гражданские религии», связанные с почитанием исторических событий, важных для становления нации, в первую очередь памяти о войнах. Гражданская религия позволяет интегрировать членов общества в общегражданскую идентичность, создавая устойчивые ритуальные формы почитания предков, институтов и ценностей. В этом смысле Джентиле интерпретирует национальные праздники США, американскую конституцию, и даже символизм долларовой купюры. Религия здесь, разумеется, понимается в дюркгеймовском смысле, как система верований и ритуалов, выстроенная вокруг сакрального (не только трансцендентного бытия, но и сакрализуемого общественного и даже политического). На противоположном полюсе находятся характерные для тоталитарных режимов «политические религии». Их отличием от гражданских религий является экстремистский и эксклюзивный характер, в первую очередь конкуренция с традиционными религиями за право определять смысл человеческой жизни и предписывать моральные императивы. И Гриффин, и Джентиле интересуются преимущественно функционированием фашизма (и его наследников в правом спектре) как политических религий. Однако советский коммунизм и в целом левые идеологии представляют собой гораздо более яркий пример политических религий в силу стремления полностью подавить традиционную теистическую религиозность. Палингенный миф (фашистский, по мнению Гриффина), выраженный в стремлении создать нового человека и совершить антропологическую революцию, находится в центре коммунистической идеологии и в целом современного левого прогрессизма. Судьба традиционных религий в Советском Союзе определялась тем фактом, что формирование советской идентичности находилось под идеологическим контролем «политической религии», непримиримой до самого конца к альтернативным формам сакрального. Нормализация отношений с религией, которая наметилась в годы «сталинского конкордата», достаточно быстро сменилась новым охлаждением, а затем и хрущевскими гонениями. Даже в относительно спокойный брежневский период советская власть не забывала, что православие является опасным конкурентом на поле сакрального, продолжая настойчиво проводить антирелигиозное сдерживание.

К 1960-м годам произошло затухание вызванного революцией социального хаоса, определяемого сменой социальных позиций большими группами населения и интенсивными миграциями. Произошло, как отмечает Шейла Фицпатрик, исчерпание классового подхода, манифестируемого ранней советской властью, и массовое принятие населением СССР новой «советской» идентичности, бесклассовой и общегражданской<sup>3</sup>. Среди той части православной церкви, которая пыталась совместить

<sup>1</sup> Подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 21-09-43066.

<sup>2</sup> Гриффин Р. Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 51–63; Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб.: «Владимир Даль», 2021.

<sup>3</sup> Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011. С. 37.

советскую идентичность и вытекающий из нее советский патриотизм с верой в Бога и сохранением православных традиций, формируется массовый феномен «советских верующих». Во многом это была вынужденная мера, связанная с необходимостью сохранения религиозной жизни в условиях государственного давления. Вопросы практической политики, одобрения деятельности властей и признания важных достижений государства на пути построения справедливого общества не вызывали проблемы у основной части верующих. Однако отрицание «религиозных» претензий советской идеологии, несовместимых с православием, приводило к незавершенности советской идентичности верующих, разорванных между лояльностью государству и конфликтом с его идеологическим аппаратом. С одной стороны, синкретизм народной веры позволял уходить от неудобных вопросов, с другой стороны, церковные элиты использовали клише советской пропаганды, такие как борьба за мир и моральный кодекс строителя коммунизма, чтобы смягчить конструируемый советской властью конфликт двух религий<sup>1</sup>.

Иными словами, православная идентичность была вполне совместима с гражданской религией государства, но не с политической, в терминах Джентиле. В более широкой перспективе крах советского проекта был во многом обусловлен кризисом политической религии, лежащей в его основе, заменить которую гораздо более гибкой гражданской сакральностью советские элиты не смогли и/или не захотели.

*Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А.  
(ЯрГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль)*

## **КРИЗИС ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

**В** ситуации социально-экономической неустойчивости и политической нестабильности, вызванных трансформационными процессами во всех сферах жизни современной России, актуальным становится поиск и политологический анализ факторов, несущих в себе как дестабилизирующий, так и стабилизирующий общество эффект. К таковым факторам мы относим гражданскую идентичность личности.

В условиях разрушения традиционно сложившейся системы ценностей, стереотипов мышления и поведения, утраты мировоззренческих ориентиров реальностью становится самостоятельная, активная и конкурентоспособная личность, которая вынуждена самоопределяться в условиях «кризиса идентификации». Особенно сложным процесс самоопределения и социализации представляется для молодой, становящейся личности.

Трансформация социально-политического пространства России требует ответа на вопрос, который имеет стратегическое значение для успешного будущего российской государственности. В связи с этим в рамках политологической науки необходима концептуализация формирования гражданской идентичности молодого поколения россиян на основе интегративного подхода, конвергенции гуманитарно-общественных наук (философии, политологии, социологии, истории, психологии, педагогики) и использования методов качественного исследования (преимущественно опросных методов и анализа документации) и процедур анализа качественных данных.

Различные аспекты политической жизни молодого поколения вызывают довольно бурные дискуссии в среде отечественных политологов, причем эти дебаты продолжаются уже более пятнадцати лет, но особенности становления гражданской идентичности молодого поколения политической наукой практически не рассматриваются. Из-за доминирования массмедиа в процессах воспитания и формирования мнений, интенсификации информационного обмена, приводящего к кардинальным трансформациям, молодое поколение является самым изменяющимся субъектом гражданского общества: в первую очередь меняются факторы, детерминирующие становление их системы ценностей, механизмы формирования их личностных качеств и социализации в целом.

Молодое поколение наиболее подвержено трансформационным процессам, в силу своего возраста и активного отношения к жизни именно оно первым начинает разделять новые ценности. В период личностного становления происходит наиболее интенсивное формирование гражданской идентичности, которая в значительной мере определяет перспективы социального и политического преобразования гражданского общества. Судьбоносная значимость гражданской идентичности требует создания адекватной государственно-общественной системы социализации и политизации молодого поколения с опорой на феноменологическую модель формирования гражданской идентичности молодого поколения россиян.

<sup>1</sup> Шлихта Н.В. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е — начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 82–107.

Важнейшей задачей государственной политики должна быть выработка конкретных механизмов социальной поддержки, экономических и политических действий, способствующих направлению хаотичного процесса идентификации в рациональное русло. Современная государственная политика обозначила вектор развития общероссийской идентичности граждан, но при этом отсутствие конкретных действий со стороны субъектов реализации данного решения не позволяет достигнуть цели. Результаты исследования подтверждают, что субъекты реализации государственной политики не обладают достаточным уровнем собственной гражданской идентичности и не готовы формировать ее у других. Современная молодежная политика уделяет гипертрофированное внимание развитию военно-патриотического направления, а вопрос о роли личностной идентификации в государстве и гражданском обществе практически не решается. Государство должно выполнять роль регулятора объективного процесса формирования гражданской идентичности молодого поколения.

Закономерным для процесса формирования общероссийской гражданской идентичности является использование отечественного опыта многонационального государства, исторических, культурных, социальных, политических, экономических и конфессиональных особенностей России. Процесс формирования должен строиться с опорой на единую общественно-государственную систему, направленную на формирование всех компонентов структуры гражданской идентичности. Данный процесс носит интегративный характер и становится фактором преодоления фрагментарности, конкуренции теорий и основой для преемственности как динамических процессов формирования гражданской идентичности, так и системного взаимодействия субъектов. Такое понимание формирования гражданственности позволяет уйти от излишне индивидуализированного общества, двойственности и противоречивости в восприятии гражданской идентичности. Только технологии объединения позволят сформировать гражданское общество с российской гражданской идентичностью.

Букин О.А.  
(РУДН, Москва)

## РЕЛИГИЯ И ПРОЦЕССЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Развитие СМИ и цифровых технологий сильно изменило жизнь общества, политику и религию. Пандемия коронавируса актуализировала дискуссии о «виртуализации» и «цифровизации» религии, но эти понятия существовали и раньше. Понятие «виртуальность» фигурировало еще в средневековой теологии, в трудах таких мыслителей, как Фома Аквинский и Дунс Скотт, которые рассматривали ее как воображение человека об иерархической структуре различных уровней реальностей<sup>1</sup>. Таким образом, такая трактовка виртуализации религии предполагает то, что религия была виртуальной изначально.

Также процессом виртуализации религии можно назвать и то, что люди постепенно перестают признавать авторитет религиозных организаций, но не теряют веру, а ориентируются на идеал, полученный ими в результате рефлексии<sup>2</sup>.

После появления СМИ, которые оказали значительное влияние на виртуализацию религии, субъекты, контролируемые СМИ, получили возможность формировать у людей те или иные взгляды на какую-либо религию у людей. Такое произошло, например, после Октябрьской революции в России, когда новые власти стали вести обширную антирелигиозную пропаганду. Об этом говорит концепция «медиатизации» религии, подразумевающая, что СМИ формируют образ конфессий у населения<sup>3</sup>.

Однако и сами религии получили возможность влиять на общество, создавая собственные СМИ. Большую роль, например, сыграл канал «Аль-Джазира» в событиях Арабской весны в Египте, а многие российские телеканалы («Спас», «Хузур ТВ») пропагандируют традиционные ценности. Именно об этом процессе говорит «теория посредничества»<sup>4</sup>.

С дальнейшим развитием информационных технологий (далее — ИТ) — слово «виртуальность» обрело современное значение, под которым понимается нематериальный мир, доступный для чувств человека с помощью технических средств (например, компьютера).

Религиозные организации не остались в стороне от технического прогресса и создали свои «представительства» в виртуальном мире Интернета. Сегодня в Интернете существуют сайты отдельных храмов, приходов и даже религиозных школ, через которые человек может получить духовные услуги.

<sup>1</sup> Соловов Д.Н. Понятие виртуальности в философии Средневековья // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2010. № 4. С. 76.

<sup>2</sup> Лебедев С.Д. Виртуализация религиозного сообщества как ключ к пониманию эволюции социологических концепций религиозности // Концепт: философия, религия, культура. 2020. № 4 (3). С. 85–104.

<sup>3</sup> Campbell H.A., Evolv G. Contextualizing current digital religion research on emerging technologies // Human Behavior and Emerging Technologies. 2020. No. 1. P. 7.

<sup>4</sup> Howeer S.M. Religion in the Media Age. 1st Edition. L.: Routledge, 2006. — 352 p.

Кроме официальных конфессий, в Сети представлены и отдельные группы верующих, религиозные экстремисты, культы, секты и т.д. Простые верующие используют Интернет как средство консолидации и общения, но экстремисты и секты могут быть опасны, так как провоцируют межконфессиональную вражду, набирают сторонников и т.д.

Конечно, не все религиозные деятели одобряют широкое внедрение ИТ в жизнь общества. Так, например, Патриарх Кирилл заявлял, что ИТ могут помочь в установлении власти Антихриста. Другого взгляда придерживается Папа Франциск, который назвал Интернет «даром Божиим», к которому, правда, необходимо серьезное отношение. Как бы то ни было, религия прочно обосновалась в виртуальной реальности.

Но не стоит отрицать, что религия изменилась с появлением ИТ, ибо сегодня многие верующие плохо знают свое вероучение, но ищут «истину» в Интернете. Отсюда и возникают такие явления, как «кошерный поисковик» или «богослужение онлайн». Эти явления не только кризис для традиционных религий, но и возможность заменить старые ритуалы чем-то более близким для современного человека, особенно в период пандемии.

Отдельного упоминания заслуживает и сакрализация самого виртуального пространства. Так же как и в Царствии Небесном, душа человека освобождается в виртуальности от слабостей и ограничений смертного тела. Отдельные представители трансгуманизма говорят о том, что разум человека — это информационная структура, которую можно скопировать на электронный носитель и поместить в виртуальное пространство, которое станет «цифровым раем» для теперь уже бессмертного разума человека.

Сейчас подобное может быть лишь научной фантастикой, но не выдумкой является то, что некоторые пользователи Интернета заявляют о существовании цифрового «Бога Интернета», который образован миллионами терабайт информации, компьютерами и серверами, и посвящают этому «Богу» целые сайты.

Таким образом, даже такой консервативный институт, как религия, не смог игнорировать технический прогресс, вошедший во все сферы современной жизни, и активно использует СМИ, Интернет и другие телекоммуникационные технологии в своей деятельности, а само виртуальное пространство стало получать сакральный статус.

*Буковская Н.В.  
(ТГУ, Томск)*

## **ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ И СИСТЕМЫ ОМБУДСМЕНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ**

**Ф**ормирование концепции омбудсмана в РФ шло параллельно его становлению, уточнению правового статуса на федеральном и региональном уровнях. Менялся образ уполномоченного, его восприятие властями. Он стал рассматриваться как средство обеспечения стабильности режима, а не только способ интеграции в мировое сообщество. Сам термин «уполномоченный» сразу отсылает к вопросу о том, кто выдал полномочия. Независимость органа вначале подчеркивалась принадлежностью уполномоченных к оппозиционной партии, к правозащитной деятельности, затем политический аспект убрали (беспартийный, не депутат) и стали назначать, как и в мировой практике, с учетом профессиональных качеств, прежде всего юристов; в дальнейшем прибавился гендерный аспект — женщины. Если вначале независимость трактовалась в негативном плане — от чего-то (от депутатов, партий, чиновников), то затем прибавилось ее положительное понимание (для чего, для защиты чьих интересов?). Становление статуса и самопонимания уполномоченного идет в диапазоне между госслужащим и представителем гражданского общества. И здесь необходимо понимать, что институты уполномоченного в субъектах не есть преобразованные комиссии по правам человека.

Данный институт создавался сверху, но опирался на гражданские инициативы. Два процесса (со стороны государства и правозащитных организаций) взаимодополняли друг друга. Тот факт, что в целом становление системы уполномоченного в РФ растянулось на долгие 30 лет, говорит о непросто-м для российских властей и элит решении инкорпорировать в политическую систему западный институт и тем самым легитимировать правозащитную деятельность гражданского общества. Консервативные установки были достаточно сильны. Между принятием закона и его исполнением возникали длительные паузы. Блокировки были на всех этапах и в центре, и затем в субъектах: на уровне принятия закона «Об Уполномоченном» и на уровне его исполнения, назначения на должность. То, что процесс все-таки был завершен, говорит о роли внешних факторов и европейских ценностей и о преодолении консервативных установок в регионах и развитии правозащитных организаций. При этом дискуссии как таковой не было. Противники в основном выдвигали формальные причины, прежде всего ссылки на отсутствие федерального закона об уполномоченном в субъектах РФ.



Так как введение института в регионах было не обязательным по ФЗ, то учреждение этой должности в субъектах явилось своеобразным тестом. За этот период произошла смена концепции государства в отношении гражданского общества в направлении регуляции процесса, контроля и активного участия в нем. Появилось разграничение на свое и чужое гражданское общество. Образ врага был перенесен на определенные виды общественных организаций, названных иностранными агентами. Институт омбудсмена не попал в эту категорию, и его образ эволюционировал от изначально чего-то прозападного, опасного в позитивную сторону, выполняя легитимирующие функции в том числе. Тем не менее в становлении российского омбудсмена проявились ценностные аспекты гражданского общества и таких его характеристик, как коммуникативность, конвенциональность и независимость. Демократические ценности при этом соединяются с ценностями стабильного развития общества и характеризуются осознанностью деятельности в направлении создания специально организованной системы контроля в области защиты прав человека.

Таким образом, постепенно произошла интериоризация идеи и ценности прав человека в конкретные законы и учреждения. Неравномерность развития института в субъектах РФ заставляет обратить внимание на региональные процессы. Нелинейная логика развития института уполномоченных включает региональные точки роста. Внешние акторы (Совет Европы, ООН и др.) действовали не только на уровне правительства и центра, выдвигая определенные требования для вступления России в мировое сообщество, но и в субъектах, на уровне гражданского общества, информируя, просвещая, обучая. Поэтому учреждение и апробация института произошла, прежде всего, в пионерских регионах, опыт которых, как правило, опережал федеральный уровень. Это касается и развития специализированного омбудсмена. В некоторых субъектах возникают его новые виды, например по правам коренных малочисленных народов, по правам осужденных, наряду с уже действующими (по правам ребенка и предпринимателей).

Развитие российской системы уполномоченного по правам человека идет в направлении, во-первых, дифференциации, разделения функций, специализации, во-вторых, интеграции между вновь созданными видами и уровнями. А это ведет к тому, что концепция-образ одинокой фигуры уполномоченного меняется на концепцию коммуникативную, системную, сетевую. Для России проблема состоит в том, чтобы, с одной стороны, учесть и мировой опыт, и свою специфику, с другой стороны, сохранить дух самого феномена омбудсмена, его независимую природу.

Буруктаев Ю.О.  
(ИФПир КН МОН РК, Алматы, Казахстан)

## **СВОБОДА И НЕСВОБОДА КАК ЭЛЕМЕНТ ТЕЗАУРУСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПРЕЛОМЛЕНИИ К РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

«Существование каждого из субъектов политической жизни характеризуется свободами и несвободами бытия». За свободами и несвободами бытия государства и гражданского общества скрыты движущие силы общественного развития<sup>1</sup>. Обратимся к вопросу религиозной свободы в Казахстане. Современный Казахстан — светское государство, большая часть населения которого исповедует ислам. По итогам II квартала 2020 г. в республике насчитывалось 18 конфессий (ранее было 46) и 3816 официально зарегистрированных религиозных объединений (до перерегистрации действовало 4551 религиозное объединение)<sup>2</sup>. 18 конфессий в РК: ислам — 2683 религиозных объединений; протестантизм — 592; православие — 342; католицизм — 86; свидетели Иеговы — 60; Новоапостольская церковь — 24; Общество сознания Кришны — 11; иудаизм — 7; бахаи — 6; буддизм — 2; Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны) — 2; муниты — 1.

Специфика религиозной ситуации в Казахстане заключается в том, что на его территории исторически соприкасались крупные мировые конфессии, такие как христианство и ислам. Считается, что среди казахов, составляющих около 70% 19-миллионного населения страны, истинно верующие следуют ханафитскому мазхабу. Такие этнические группы, как узбеки, кыргызы, турки, азербайджанцы, тоже придерживаются ислама. Славянские народы, сосредоточенные преимущественно в северных регионах, в основном православные.

Очевидно, что в этих условиях межконфессионального согласия можно достичь, придерживаясь соблюдения принципа свободы совести и вероисповедания. На религиозную ситуацию оказывает се-

<sup>1</sup> Иошкин В.К. Концепция свободы и несвободы бытия: ее значение для анализа проблем политики. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/3665>.

<sup>2</sup> URL: <https://informburo.kz/special/kakie-religii-ispoveduyut-v-kazahstane-i-pochemu-vazhna-svoboda-veroispovedaniya.html>. 10 июля 2020.

резное влияние и светский тип государства: «Конкретизация содержания принципа светскости, отвечающего религиозной ситуации в Казахстане, развивает принцип светскости до практических форм его реализации»<sup>1</sup>.

Что же касается оценки состояния религиозных свобод и несвобод, то в опубликованном 21 апреля 2021 г. докладе Комиссия США по международной религиозной свободе (*USCIRF*) заявила о том, что в Казахстане отмечены некоторые положительные изменения в плане религиозной свободы, но в стране по-прежнему сохраняется множество ограничений. В документе, охватывающем 26 стран, Казахстан значится в списке «государств, нуждающихся в особом наблюдении»<sup>2</sup>.

По данным *USCIRF*, ограничение свободы вероисповедания в Казахстане усилилось десять лет назад, после вступления в силу закона о религиозной деятельности и религиозных объединениях, который установил строгие требования к регистрации религиозного объединения, повысив минимальный порог членов, и запретил или ограничил деятельность незарегистрированных религиозных объединений. По данным *USCIRF*, количество религиозных групп, которые государство относит к «нетрадиционным», сократилось после принятия закона с 48 до 16.

Анализируя религиозную ситуацию в Казахстане, *USCIRF* дает следующие рекомендации правительству США:

- включить Казахстан в список наблюдения Госдепартамента США — за причастность к нарушениям свободы религии или терпимость к ним;
- призвать правительство Казахстана реформировать религиозное законодательство, облегчить регистрацию религиозных объединений и положить конец религиозным преследованиям.

Какой вес имеет решение комиссии? В Казахстане со стороны государства в рамках соблюдения принципа свободы совести позитивный потенциал религии в общечеловеческом смысле не подвергается сомнению. Поэтому можно предположить, что правительство в своей дальнейшей работе по обеспечению свободы вероисповедания в стране будет учитывать рекомендации Комиссии США.

Возможно, не исключен и критический подход к оценке некоторых пунктов решения *USCIRF*. Ведь это касается ограничений или несвобод. «Свобода возникает там, где существуют границы, — считает Михаил Гэфтер. — Там же, где границы установить нельзя, нет ни свободы, ни несвободы. Свобода и несвобода существуют там, где возможность действовать ограничена»<sup>3</sup>. И потому выводы Комиссии США (*USCIRF*) о религиозной ситуации в современном Казахстане можно рассматривать и в контексте защиты прав человека, и в контексте взаимосвязей государства и гражданского общества, и в контексте специфических свобод и несвобод бытия.

Быков И.А.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО PR<sup>4</sup>

Сегодня можно наблюдать бурное развитие исследований в области медиаграмотности и медиакомпетенций. Так, в России в 2020 г. состоялась защита докторской диссертации А.А. Казакова по теме «Политическая роль медийной грамотности в условиях технологической трансформации массовой коммуникации». Также в России с 2005 г. выходит журнал «Медиаобразование» (главный редактор А.В. Федоров). Исследования медиаграмотности и медиакомпетентности — это направление изучения в политологии и смежных дисциплинах, которое только начинает набирать популярность в России.

Очевидно, что подобное внимание появилось не на пустом месте. Оно связано с постоянным увеличением производства и потребления контента. Неожиданно обнаружилось, что СМИ сами находятся в состоянии глубочайшего кризиса<sup>5</sup>. Особенно непростая ситуация сложилась с периодическими печатными изданиями: газетами и журналами. Массовый контент и мультимедийную продукцию сегодня производят не только СМИ, но и организации самой разной направленности. Обилие информационных потоков привело к переизбытку контента, что, в свою очередь, приводит нас к современному низкому уровню доверия СМИ. Еще более серьезным развитием ситуации стало формирование

<sup>1</sup> URL: <http://repository.kazguu.kz/handle/123456789/351?show=full>. 26.03.2018. (accessed: 03.05.2021).

<sup>2</sup> «Множество ограничений». Доклад о ситуации с религиозной свободой в Казахстане. URL: <https://rus.azattyq.org/a/31217287.html>. 22.04.2021.

<sup>3</sup> Гэфтер М. К вопросу о жизненном мире. URL: <http://gefter.ru/archive/22853>. 02.10.2017.

<sup>4</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-31361 «Медиакомпетентность молодежи как элемент политической культуры современной России».

<sup>5</sup> Кин Д. Демократия и декаданс медиа. М.: ГУ ВШЭ, 2015. — 312 с.

персональных информационных меню, когда каждый потребитель получает собственный набор медианосителей и контента. На место клиенто-ориентированного подхода в современном маркетинге пришел клиентоцентричный подход, который опирается на технологии *Big Data* и самообучающиеся нейронные сети.

Применительно к электоральным кампаниям и политическому *PR* этот процесс приводит к тому, что ежегодно во всем мире придумываются и развиваются все новые и новые коммуникативные технологии влияния на массовое сознание. Классические технологии информационного воздействия предполагают сегментирование аудитории на целевые группы, с выделением специфических характеристик и каналов массовой коммуникации. В современных условиях большое значение получает медиаграмотность, поскольку именно она определяет, как будет восприниматься политическая информация потребителями. Умеют ли они перепроверять информацию по первоисточникам? Выбирают ли они источники информации в зависимости от их репутации?

Общий уровень медиаграмотности в современной России относительно невысок. Так, исследование коллектива авторов из НИУ ВШЭ и исследовательской группы «ЦИРКОН» провели исследование и получили следующие результаты. Несмотря на то что пользоваться поисковиками, такими как Яндекс или Google, умеют практически все респонденты, сообщили об этом навыке только 60% респондентов. Только 56% опрошенных заявили, что сравнивают информацию из разных источников, чтобы ее проверить<sup>1</sup>.

Современная информационная модель работы с избирателями при этом совершенно не учитывает молодое поколение<sup>2</sup>. Большая часть информационных агитационных роликов транслируется исключительно по телевидению и не предназначена для молодой аудитории. Современная молодежь, исключенная из государственного информационного поля, в связи с низкой заинтересованностью в представляемом государственной пропагандой контенте оказывается как бы в информационном вакууме. Чаще всего в поисках выхода из него она черпает информацию из оппозиционных СМИ и становится жертвой оппозиционной пропаганды и манипулирования<sup>3</sup>.

В специальной литературе подавляющее число авторов рассматривает медиаграмотность как безусловно положительный фактор политической коммуникации: чем выше медиаграмотность, тем лучше. Однако в понятие медиаграмотности зачастую вводят критерий «критического мышления», который достаточно сложно кодифицировать. Озабоченность угрозами медиаманипулирования и «черным *PR*» приводит к феномену чрезмерной грамотности и доминированию «теорий заговоров». Парадокс заключается в том, что все варианты медиаграмотности оставляют широкое поле возможностей для технологий политической пропаганды и политического *PR*.

<sup>1</sup> Войнилов Ю.Л., Мальцева Д.В., Шубина Л.В. Медиаграмотность в России: картография проблемных зон // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2016. № 2. С. 95–114.

<sup>2</sup> Быков И.А. Политическая информация и социальные медиа: проблемы политической коммуникации в студенческой среде Санкт-Петербурга // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политех. ун-та. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3. С. 28–36.

<sup>3</sup> Быков И.А., Медведева М.В. Медиаграмотность как часть системы информационной безопасности // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 24–32.

## ПАРТИСИПАТОРНЫЕ ПРАКТИКИ В ЭКОСИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

**П**артисипаторное бюджетирование (ПБ) — непосредственное участие граждан в бюджетных решениях, предоставляющее возможность решить общественные проблемы за счет бюджетных средств. Кроме всего прочего, это одна из наиболее известных партисипаторных практик участия граждан в государственном и муниципальном управлении.

Появление ПБ связывают с экспериментами левых партий в Бразилии конца 1990-х — начала 2000-х годов и ученых в сфере прямой демократии, непосредственного участия граждан в управлении. Можно проследить эволюцию ПБ от инструментария поддержки местных инициатив к превращению в эффективный способ осуществления социальных инвестиций. В последние годы развитие ПБ приобрело многовекторный характер: от включенности граждан в государственное и муниципальное управление до инклюзивных проектов вовлечения различных социально незащищенных групп населения.

В России ПБ развивается под брендом «инициативное бюджетирование» (ИБ). Его появление связано с наличием значительного арсенала разнообразных практик, нуждавшихся в унификации, в рамках государственного и муниципального управления. Сегодня наиболее известными практиками ИБ являются: проекты поддержки местных инициатив (ППМИ), «бюджетные комиссии» Европейского университета в Санкт-Петербурге, «Народный бюджет», «Инициативы».

ИБ с самого начала было интегрировано в «Бюджет для граждан», систему мероприятий Минфина России по формированию «открытости бюджета». Благодаря поддержке Минфина России и финансовых органов в субъектах РФ была разработана методология и Программы развития ИБ; ИБ стало частью документов стратегического характера; с 1 января 2021 г. вступил в силу закон об ИБ.

Начиная с конца 20-х годов XXI в. в России начали складываться цифровые «экосистемы гражданского участия», предполагающие разнообразие форм участия граждан в управлении городами и поселениями. При этом формализация традиционных способов гражданского участия, предусмотренная рядом федеральных законов, не способствует активному гражданскому вовлечению.

Опыт зарубежных стран демонстрирует особую роль партисипаторного бюджетирования в формировании подобных экосистем. Так, в частности, в Лиссабоне (*lisboaparticipa.pt*) *Orçamento Participativo* — партисипаторное бюджетирование существует с 2008 г. Количество реализованных в столице Португалии проектов приближается к 150, а объем средств на реализацию ПБ из городского бюджета — к 40 млн евро.

Наряду с ПБ в городе есть еще ряд партисипаторных практик: *LisBOAidea* — круглогодичный краудсорсинг идей, запущенный в 2017 г.; приложение для смартфона «На моей улице», позволяющее осуществлять сбор информации о проблемных точках в городе, нуждающихся во внимании городских служб; *Lisboa em Debate* — городские обсуждения проектов, инициируемых городской администрацией. Среди них социальные инициативы, проекты в сфере культурного наследия и др.; *Lisboa Aberta* — политика открытых данных с целью содействия участию граждан, поощрения повторного использования и обмена данными; *Fórum da cidadania* — гражданский форум, площадка диалога между органами власти, представителями некоммерческих организаций и гражданскими активистами. В 2017 г. на форуме была принята «Лиссабонская хартия прав и обязанностей», одобряющая принципы взаимоотношений горожан и городских властей.

Наиболее известное экосистемное платформенное решение в Российской Федерации — «Активный гражданин», *mos.ru* (Москва), — избегает практик непосредственного участия граждан. По мнению московских властей, в крупном городе организовать практику непосредственного участия граждан невозможно. Однако опыт Парижа, Нью-Йорка, Берлина и многих других мегаполисов опровергает данное заблуждение. В мире накоплен достаточный опыт практик очных собраний внутри отдельных сообществ и участия граждан в бюджетных решениях.

Такой опыт есть и в России. В Санкт-Петербурге с 2016 г. получила развитие практика «Твой бюджет», где в «бюджетных комиссиях», создаваемых в районах Санкт-Петербурга в формате очных обсуждений, «городские эксперты» обсуждают проекты, направленные на совершенствование городской среды.

Создание экосистемы гражданского участия в государственном и муниципальном управлении возможно лишь на основании закона об общественном участии.

Данный закон должен стать основой для включения в отраслевое законодательство и нормативно-правовые акты положений, регулирующих отношения между государственными институтами и гражданами, непосредственно участвующими в принятии решений по вопросам государственного и муниципального управления.

Наличие закона позволит разработать и реализовать комплекс мер, направленных на включение вопросов участия граждан в мероприятия государственных программ и национальных проектов Российской Федерации, реализуемых на всех уровнях публичной власти.

Валитова А.Т.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## ВЛИЯНИЕ «ПУЗЫРЕЙ-ФИЛЬТРОВ» НА ПОЛЯРИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

**Ф**еномен «пузырей-фильтров». Первое употребление термина находим у И. Парайзера. «Пузыри-фильтры» — это негативная сторона персонализированного поиска, когда веб-сайт показывает пользователю, что тот «хочет видеть», основываясь на информации о месторасположении, предпочтениях и истории поиска<sup>1</sup>. «Пузыри-фильтры» — это результат автоматической работы алгоритмов поисковых систем и социальных сетей.

*Политическая поляризация общественного мнения в социальных медиа.* Общественное мнение можно представить как совокупность индивидуальных установок каждого человека. Однако Пейдж и Шапиро выделили феномен стабильности общественного мнения по сравнению с неустойчивым индивидуальным мнением<sup>2</sup>. Поляризация определяется и как крайность мнений, и как дистанция между противоположными полюсами мнений, а также как рост такого противостояния с течением времени<sup>3</sup>.

В научной литературе есть две точки зрения на влияние социальных сетей на поляризацию общественного мнения. Первая точка зрения заключается в том, что рост «пузырей-фильтров» и «эхо-камер» усиливает поляризацию, так как пользователи социальных сетей будут предпочитать информацию, которая соответствует их убеждениям (К. Санстейн<sup>4</sup>, Д. Самптер, Гешке). Вторая точка зрения: социальные сети способствуют распространению различных мнений, значительная часть связей в социальных сетях существует между людьми по разные стороны политического спектра, гомофильные сообщества социальных сетей не существуют изолированно, они встроены в новую «медиаэкологию» (Э. Банкши, Дж. Шапиро, Брунс<sup>5</sup>).

*Исследования, доказывающие возрастающую поляризацию в социальных сетях.* Д. Самптер: алгоритм социальной сети *Facebook* создает «пузыри-фильтры» даже для изначально непредвзятых людей. Алгоритм фильтрации информации выявляет небольшие различия среди пользователей и возмечивает их. Вывод исследования: пользователи социальных сетей становятся более привязанными к самоутверждающимся идеям и взаимодействию с небольшой группой людей<sup>6</sup>.

Гешке: моделирование «пузыря-фильтра». В результате исследование показало, что «пузыри-фильтры» создают «эхо-камеры», которые становятся отчетливыми и менее взаимосвязанными, тем самым усиливая поляризацию общества<sup>7</sup>.

*Исследования, опровергающие рост поляризации из-за развития социальных медиа.* Э. Банкши: исследование распространения информации по социальной сети *Facebook*. Пользователи *Facebook* больше делятся информацией со случайными знакомыми (слабые связи). Вывод исследования: пока в сети друзей пользователя существует неоднородность, пользователь будет иметь представление о различных точках зрения<sup>8</sup>.

Дж. Шапиро: Индекс политической поляризации среди взрослого населения США. Рассматриваются данные с 1996 по 2016 г. и анализируются две группы (18–39 лет, 40–64 года). Старшая возрастная группа более поляризована, чем младшая, причем респонденты старшего возраста имеют более низкий уровень использования социальных сетей. Вывод исследования: ограниченное влияние Интернета и социальных сетей на поляризацию общества<sup>9</sup>.

<sup>1</sup> Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. N.Y.: Penguin Press, 2011.

<sup>2</sup> Page, B.I., Shapiro R.Y. Changes in Americans' Policy Preferences, 1935–1979 // Public Opinion Quarterly. 1982. Vol. 46. P. 24–42.

<sup>3</sup> DiMaggio P., Evans J., Bryson B. Have American's Social Attitudes Become More Polarized? // American Journal of Sociology. 1996. Vol. 102. No. 3. P. 690–755.

<sup>4</sup> Sunstein C.R. Republic.com 2. Princeton: Princeton University Press, 2007.

<sup>5</sup> Bruns A., Moon B., Münch F., Sadkowsky T. The Australian Twittersphere in 2016: Mapping the Follower/Followee Network // Social Media + Society. 2017. P. 1–15.

<sup>6</sup> Sumpter D. Outnumbered: Exploring the Algorithms that Control Our Lives. L.: Bloomsbury Publishing Plc., 2018.

<sup>7</sup> Geschke D., Lorenz J., Holtz P. The triple-filter bubble: Using agent-based modelling to test a meta-theoretical framework for the emergence of filter bubbles and echo chambers // British Journal of Social Psychology. 2019. Vol. 58. P. 129–149

<sup>8</sup> Bakshy, E., Rosenn, I., Marlow, C., & Adamic, L. The role of social networks in information diffusion. // Proceedings of the 21st international conference on World Wide Web. 2012. P. 519–528.

<sup>9</sup> Boxella L., Gentzkowa M., and Shapiro J.M. Greater Internet use is not associated with faster growth in political polarization among US demographic groups // PNAS. 2017. Vol. 114. No. 40. P. 10612–10617.

Алгоритмы социальных сетей действуют на основании привычек пользователей и рекомендуют информацию, которая будет для них полезна. Фильтрация информации и, соответственно, «пузыри-фильтры» действительно существуют. Однако роль «пузырей-фильтров» социальных медиа в поляризации общественного мнения не существенна, информация распространяется по всей социальной сети независимо от политических взглядов пользователей.

**Валяровский Ф.И.**  
(Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорск)

## **К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВАХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**В** новом тысячелетии государственно-организованные человеческие общности столкнулись с целым рядом проблем и вызовов, которые несут прямую угрозу устойчивости их политических и правовых систем и фактически ставят под сомнение саму идею национального суверенного государства и международной межгосударственной системы как совокупности равноправных политико-правовых систем.

При этом основанное на нормах международного права сотрудничество государств предполагает наличие прочной внутригосударственной правовой базы взаимодействия. По этой причине наиболее пристальное внимание отводится положениям Основного закона государства. И это понятно, так как именно в Конституции концентрированно отражаются подходы государства к международному сотрудничеству, она является тем элементом правового государства, который способен эффективно регулировать деятельность власти в международных отношениях<sup>1</sup>.

Обновленная Конституция заложила юридические основы кардинальных перемен, происходящих в жизни российского общества и затрагивающих буквально все важнейшие сферы его жизнедеятельности: экономику, внешнюю и внутреннюю политику, идеологию и т.д. Однако многочисленные научные исследования современного отечественного конституционализма практически не затрагивают той мощной международно-правовой составляющей, которая существует в системе российского конституционного права<sup>2</sup>.

«Конституция — важнейшая, принципиальная составляющая правовой системы России. Она необходима для нормального функционирования состоящего из людей гражданского общества и государства, для организации их внутреннего единства и обеспечения эффективных взаимоотношений с внешним миром», — пишет М.А. Пшеничнов<sup>3</sup>.

В условиях глобального мира Конституция устанавливает основные принципы взаимодействия между локальным гражданским обществом, складывающимся в рамках отдельно взятого государства, и глобальным гражданским обществом, бытие которого определяется нормами международного права.

А. Кисе справедливо отмечает, что «Конституции, их характер и содержание, казалось бы, полностью подпадают под исключительную компетенцию национального государства, но в действительности суверенные полномочия последнего существенно ограничены: во-первых, положения Конституции не должны противоречить общепризнанным нормам поведения; во-вторых, национальные Конституции обязаны учитывать и отражать международные обязательства государств»<sup>4</sup>.

Каждое государство обязано соотносить свою деятельность с международными обязательствами. Расширяющиеся связи между государствами, необходимость развития равноправного сотрудничества между ними обуславливают выработку значительного количества договоров, закрепляющих основные принципы международного общения. В этой связи особое значение приобретает проблема конституционного закрепления следующего фундаментального принципа современного международного права — принципа добросовестного выполнения международных обязательств.

В классических трудах по международному праву данный принцип принято рассматривать в качестве основы всего международного правопорядка, некой «генеральной нормы». По мнению итальянского ученого Д. Анцилотти, «Обязательная сила этих норм проистекает из принципа, согласно которому государства обязаны соблюдать соглашения, заключенные между ними, — *pacta sunt ser-*

<sup>1</sup> См.: Валяровский Ф.И. Конституция Российской Федерации и международное право: политико-правовые аспекты взаимодействия // Влияние новой геополитической реальности на государственное управление и развитие Российской Федерации: Материалы: III Всероссийской научно-практической конференции (г. Грозный, 11 декабря 2020 г.). Грозный: Изд-во ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2020. С. 9.

<sup>2</sup> См.: Кабышев В.Т. Становление конституционного строя России // Конституционное развитие России. Саратов, 1994. С. 4;

<sup>3</sup> Пшеничнов М.А. Конституция России и международное право: проблемы гармонизации. Нижний Новгород, 2002. С. 41.

<sup>4</sup> Цит. по: Пшеничнов М.А. Указ. соч. С. 41.

*vanda*. Этот принцип, именно потому, что он является основой норм, о которых идет речь, не подлежит дальнейшему доказыванию с точки зрения самих этих норм; он должен быть принят в качестве объективной абсолютной ценности, в качестве первоначальной, не подлежащей доказательствам гипотезы»<sup>1</sup>.

При этом, несмотря на отсутствие формального закрепления обязанности добросовестного выполнения международных обязательств в качестве отдельной конституционной статьи, следует признать, что последняя нашла иное, не менее весомое подкрепление в действующей Конституции, которая устанавливает прочную основу для реализации данного принципа. Обновленная Конституция в полной мере отвечает закрепленному в ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров требованию: «Участник договора не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора».

В этой связи уместно процитировать новую ст. 79<sup>1</sup> Основного закона, которая устанавливает, что «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства». Приведенная конституционная формула закрепляет на политическом уровне приверженность Российской Федерации политике мира и сотрудничества и неукоснительного соблюдения международных обязательств, ее уважение к общепризнанным принципам и нормам международного права. Не будет преувеличением сказать, что данная статья в концентрированном виде содержит основные принципы внешней политики российского государства.

**Василькова В.А.**  
(Администрация г. Кирова, Киров)

## **ЗАМЕЩЕНИЕ ПОСТВОЕННОГО МИРОПОРЯДКА ПОСТКОВИДНЫМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ**

**П**оследние две хорошо знакомые нам системы миропорядка стали продуктом мировых войн — Первой и Второй соответственно. Война с ее причинами, ходом, итогами явилась ядром, вокруг которого в дальнейшем выстраивалась новая канва международных отношений. Следовательно, место каждой отдельной страны, ключевые аксиологические мотивы, количество и сущностное содержание международных институтов определялись в соответствии с ее результатами.

Победители осуществляли раздел материальных и геополитических приобретений, закрепляли лидерство и особый статус, взамен брали на себя ряд обязательств по недопущению формирования новой критической ситуации.

Однако всегда оставались политические силы, недовольные этим новым миропорядком. Отвлекаясь от конкретики (спорных территорий, ответственности за трагические эпизоды с большим количеством жертв, материальных претензий), нужно отметить, что существованию систем международных отношений угрожают глубинные неизбежные трансформационные процессы.

Пожалуй, один из главных — неотвратимая смена политических элит.

Очень простая на первый взгляд мысль, даже по сути банальная, способна объяснить, почему сегодня сложилась благоприятная ситуация для очередной смены миропорядка, только на этот раз уже не в результате войны, а в результате пандемии коронавируса.

После окончания Второй мировой войны Советский Союз находился на пике своего геополитического могущества, имея ресурс, чтобы поддерживать позиции и расширять зоны влияния. Однако со временем, больше в силу социально-экономических причин, его статус начал размываться, а распад страны нанес сильный удар по той системе международных отношений, одной из ключевых фигур которой был Кремль.

Однако множество значимых организационных и содержательных элементов поствоенного миропорядка по умолчанию продолжили свое существование, все менее отвечая потребностям политических акторов, настроенных на окончательное освобождение от рудиментов Второй мировой войны. Шокирующий для российской политической элиты пересмотр причин и перечня инициаторов войны, таким образом, является закономерным итогом движения Западного мира на пути этого освобождения. Так кто же и чего ждет от этих преобразований?

В первую очередь Вашингтон, поставив во главу угла проблему COVID-19 и борьбы с ним, сможет достичь сразу нескольких стратегических целей: окончательно вытеснить Россию с ее особых позиций, так как отношение Москвы к победе во Второй мировой войне еще более обесценится ввиду утраты актуальности, а также сможет получить новые рычаги давления на Пекин.

Стоит отметить, что изначально Китай занял очень выгодную позицию после 1945 г., длительное время копя силы и не заявляя о своих претензиях на глобальное лидерство, что во многом позволяет ему де-

<sup>1</sup> Анцолотти Д. Курс международного права. Т. I: Введение — общая теория. М., 1961. С. 57–58.

лать это сегодня. США отлично прочувствовали данный момент и всячески пытаются навязать КНР роль ключевого геополитического противника. Но сделать это в рамках прежней системы сложно. Примером может служить крайнее нежелание Китая быть втянутым в серьезные переговоры по ядерным вооружениям, а также умеренная позиция в контексте участия в многосторонних форматах по урегулированию глобальных проблем (за исключением глобальных экономических проблем). А если нет сильной заинтересованности со стороны конкурента, то нет возможности торговаться с ним в процессе переговоров.

Дополнительно можно отметить, что ограничения, вызванные пандемией, в первую очередь наносят удар по экономике, если судить по промежуточным итогам. В условиях, когда явное целенаправленное, во многом уже противоестественное давление на производство и корпорации Китая расходится даже с рыночными ценностями, профилактика распространения новой коронавирусной инфекции — еще один повод для «легитимного» введения ограничений в сфере торговли и иного финансово-экономического обмена. Не будем забывать и о том, где были выявлены первые случаи заболевания, а это уже дополнительный козырь на полях информационной войны.

Чего ожидать России в таких условиях? Как принято говорить сегодня — новых вызовов. Новых, поскольку нам придется провести болезненную ревизию собственной геополитической ценности с поправкой на обесценивание советского наследия. От того, насколько это возможно и в каком качестве будет исполнено российской политической элитой, зависит будущее страны.

Пытаясь посмотреть на неизбежное позитивно, отметим такие грамотные шаги Кремля, как:

- активная разработка и распространение отечественной вакцины;
- бравирование успехами национальной медицины в борьбе с инфекцией;
- критика избыточных ограничительных мер, затрудняющих гуманитарный обмен (мысль часто смыкалась с традиционной критикой однополярной системы, нечестной конкуренции в борьбе за мировое лидерство).

Но будет ли этого достаточно, чтобы занять приемлемые позиции в постковидную эпоху? Чтобы составить предметный прогноз, необходимо четко понимать, что будет преимуществом в новое время, что страны смогут использовать в качестве политических козырей, дающих исключительное влияние.

Вафин А.М.  
(МВШСиЭН, Москва)

## НЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, ВЛАСТЬ И ИСКРЕННОСТЬ

«Чиновники» относительно легко приспосабливаются к личности вождя, оказываются под сильным воздействием его демагогических качеств: материальные и идеальные интересы чиновников находятся в тесной связи с ожидаемым получением при его посредстве партийной власти, а труд ради вождя сам по себе приносит огромное внутреннее удовлетворение. Восхождение вождя представляет гораздо большие трудности там, где наряду с чиновниками влияние на партию оказывают уважаемые люди — как это по большей части и бывает в буржуазных партиях. Ибо идеально они «творят свою жизнь» из крошечных постов в правлениях или комитетах, которые они занимают. Завистливое чувство (*Ressentiment*) по отношению к демагогу как *homo novus*, убеждение в превосходстве партийно-политического «опыта» — который действительно имеет большое значение, — а также идеологическая обеспокоенность разрушением старых партийных традиций определяют их поведение.

Макс Вебер «Политика как призвание и профессия»

Данное выступление основывается на одной из сторон большого исследования, связанного с идеологией государственного управления. В этом исследовании рассматривается феномен неполитической, управленческой идеологии, которая является частью другого феномена, который традиционно именуется политологами *policy*.

Наш тезис заключается в том, что во многих демократических государствах имеется запрет на госидеологию (однако что такое либеральная демократия, если не политическая идеология?), но при этом существуют неполитические идеологии, которые влияют на управление. К неполитическим идеологиям следует относить персональную и групповую идеологию, которая не выражается в динамическом конфликте партия *versus* партия, а застывает в корпоративной статике. Также осмелимся утверждать, что к такого рода неполитическим идеологиям можно относить и макроколлективную идею служения общему благу. (Альтер эго такой идеологии — антисоциальность.)

Казалось бы, когда речь идет об общем благе, не должны ли мы рассуждать о политике в самом классическом ее понимании (политика — это борьба за власть, конфликт интересов, результатом которых является в современном обществе не война (традиционная, гибридная, всех против всех, какая



угодно), политические убийства и т. п., а выборы, итоги электоральных процессов)? На этот вопрос поможет ответить следующее дополнение: можно ли утверждать, что идеология, связанная с общественным благом, является неполитической? Сама политическая практика говорит, что да, такое возможно, при условии, что в том или ином виде в политической реальности существует рациональная бюрократия (Макс Вебер), которая *исполняет* задачи, поставленные политиками и обществом. То есть речь идет не о политике в смысле *politics*, а о политике в смысле *policy* — управление. Но управление тоже должно на чем-то держаться. И таким основанием являются максимально абстрактные базисные консенсусные ценности, а именно служение обществу. Что — в идеале — обязан делать любой государственный служащий. (Несмотря на то что политическая партия, бюрократический антагонист, выдает себя как целое, по существу, она лишь защитник и выразитель конкретных интересов.)

Мир стремительно развивается. Помимо государственных служащих, также сегодня активно трудятся на благо государства интеллектуалы, публичные или непубличные эксперты, которые могут наниматься и конкретными политическими партиями, не только исполнительной властью. Однако эти интеллектуалы все равно остаются исполнителями. Их политическая работа технически и инструментально является неполитической. Подобно хирургу они зашивают раны, вырезают здоровые и нездоровые органы. Подобно хирургу они делают то, что делают, иногда скрываясь за маской профессионального цинизма: «пациент скорее жив, чем мертв».

В данном выступлении речь как раз пойдет об этих независимых служащих.

Будут представлены результаты анализа нескольких неформализованных интервью с теми людьми, которые сотрудничали или продолжают работать на власть, находясь на высоких руководящих постах в различных исследовательских структурах и НКО. В плане эмпирической социологии мы ограничились российским кейсом.

Ключевой вопрос в этой части исследования звучал так: насколько искренен интеллектуал в сотрудничестве с властью?

И вот один из ответов: «Как ни странно, многие действительно начинают верить. Иначе можно сойти с ума. Ведь если тебе за это платят, значит, ты нужные вещи делаешь. Просто подстраиваешь свои взгляды и идеи под требования заказчика. И вот уже кажется, что равновесие более или менее достигнуто. И многие думают, что действительно могут как-то помочь государству и стране выполнением госзаказа. Разочаровываются, правда, потом».

Вербицкая Т.В.

(Государственный архив Свердловской области, Екатеринбург)

## **ПЕРСПЕКТИВЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЕЖЕГОДНОГО ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2021 года**

Дипломатические отношения России и Украины с момента событий Евромайдана 2014 г. были заморожены на уровне поверенных в делах. Тем не менее Россия, несмотря на давление внешних акторов, не стремилась давать оценку состоянию и перспективам межгосударственных отношений с Украиной в официальных заявлениях. Однако совокупность факторов обусловила важность обозначения Россией позиции по поводу перспектив дипломатических отношений России и Украины. К числу таких факторов относится: принятие властной элитой Украины мер по ухудшению отношений с Россией в надежде на внешнее содействие; усиление военного присутствия акторов вне постсоветского пространства на территории Украины, в Черном море; спекулирование вопросом вступления государства в НАТО и обострение конфликта на Донбассе. Анализ ежегодного Послания Президента России 2021 г. позволяет выявить позицию России по поводу «красных линий» во взаимодействии России и Украины.

После событий Евромайдана 2014 г., обусловивших новый этап трансформации украинской государственности, и в силу интересов ведущих акторов по укреплению своих позиций на постсоветском пространстве украинский вопрос постоянно находится в поле зрения мирового сообщества<sup>1</sup>.

Тем не менее политическая элита Украины не смогла получить выгоды от спекулирования вопросами вступления в НАТО и ЕС, продемонстрировав неспособность к выстраиванию сбалансированного внутривнутриполитического и внешнеполитического курса, к решению острых социальных и экономических проблем в государстве<sup>2</sup>. В свою очередь Россия не стремилась характеризовать межгосударственные

<sup>1</sup> Броварь А.В., Степанов В.А. Признание государств в современном мире (на примере Донецкой народной республики) // Вестник Донбасской юридической академии. Серия: Юридические науки. 2020. № 15. С. 41.

<sup>2</sup> Нарочницкая Е.А. Крымский вопрос и позиция Франции: критический дискурс французских элит // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 3 (19). С. 21.

отношения с Украиной и их будущее, ожидая стабилизации политической системы Украины и формирования легитимной власти для выстраивания внешнеполитических отношений. Россия убедилась, что этого не произошло, и, кроме того, внешние акторы стали обсуждать возможность силового сценария, устанавливая для России «красные линии»<sup>1</sup>. Соответственно, 2021 г. стал подходящим моментом для озвучивания ответа США и ЕС в рамках ежегодного Послания Президента Российской Федерации<sup>2</sup>.

Позицию России по исследуемым вопросам можно выявить посредством анализа ряда положений Послания 2021 г. в их взаимосвязи.

Во-первых, в качестве приоритета политического курса России на мировой арене указано поддержание мира и безопасности в целях защиты граждан страны.

Во-вторых, выстраивание диалога с другими государствами Россия считает возможным, исключительно если все стороны будут соблюдать нормы международного права. Россия не допустит и впредь того, чтобы попытки подтолкнуть ее к силовому сценарию в отношениях с иным актором возымели успех. Россия указывает на недопустимость высокомерного тона, эгоизма, практики немотивированных политических санкций в экономике, включая установление для нее «красных линий», ограничивающих ее на мировой арене<sup>3</sup>.

Таким образом, изучение Послания Президента России позволяет сделать вывод о том, что восстановление межгосударственных отношений России и Украины до уровня, который существовал до событий Евромайдана 2014 г., невозможно без того, чтобы вооруженный конфликт на Донбассе сохранялся в качестве одного из самых острых вопросов повестки дня на постсоветском пространстве и вне его. Глава государства подчеркнул важность формирования результативного механизма прекращения военных действий на Донбассе (в качестве первого шага к началу переговорного процесса). Одновременно в Послании Президента Российской Федерации подчеркнуто, что «красные линии» будут определяться Россией самостоятельно. Именно поэтому обострение отношений России и Украины, в том числе сопряженное с применением силы, не входит в повестку дня внешнеполитического курса Российской Федерации.

**Веретевская А.В.**  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ МОДЕРНА**

Вопрос о лучшем (адекватном и эффективном) способе управления общественными благами будет, наверно, актуальным, пока существуют человеческие общества. Попытки организовать управление «правильно» известны еще со времен древних государств Междуречья. Научная работа над этой проблемой обыкновенно начинается с исследования существующих способов организации политического управления. Такие исследования также имеют весьма длительную историю, которую можно отсчитывать, например, с работ Аристотеля и закончить современными работами специалистов по политическому развитию — представителей различных по уровню своей универсальности научных подходов (от условно «цивилизационного» (Шпенглер, Данилевский, Фукуяма) до условно «универсалистского» (Маркс, Тоффлер, Полань). Обязательным этапом такой работы (независимо от научной школы) становится подбор необходимой «оптики», инструментария для исследования политической действительности, без которой понять что-то о способах организации политического управления (т.е. выделить существенное в каждом из них, сравнить и в итоге — оценить) невозможно. Ученые оперируют понятиями «полития», «государство», «общественная формация», «политическая система», «политический режим» и др., стремясь осознать общее и особенное в организации политического управления различных обществ.

Накопленный на сегодняшний день концептуальный инструментарий достаточно обширен и предлагает много полезного, однако следует понимать, что конкретные концепты, во-первых, возникают как результат отражения действительности, на описание которой они направлены в конкретный исторический момент; во-вторых, являются отражением текущего мировоззрения, своего рода текущей «политической картины мира» их авторов. И тому и другому свойственно меняться. С начала эпохи модерна мы уверены в том, что мир политического динамичен и динамика нарастает. За этот последний период (политического модерна) изменения особенно заметны. Мир успел пожить в империях

<sup>1</sup> Штоль В.В. Украина: реформы или крах? // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2014. № 5 (292). С. 29.

<sup>2</sup> Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 17.05.2021).

<sup>3</sup> Буханцов В.В., Комарова М.В. К диалектике цивилизационного ответа и политического выбора // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 99.

(от территориальных до колониальных); поделиться на суверенные национальные государства (которые должны были по всем правилам оставаться финальной точкой «делимости» суверенитета, однако таковой не остались); объединиться в идеологические блоки (тоже долженствовавшие четко канализировать развитие), чтобы один из них провозгласил победу над другим, а потом наблюдал, как постепенно выходит из-под его рук политическое влияние, переходя почему-то к «проигравшим». Для анализа такого мира политического модерна в динамике требуются новые инструменты, потому что, когда создавались старые, мир не выглядел еще таким динамичным.

Одним из таких инструментов может выступить концепция политического порядка. Термин этот не совсем новый, однако достаточно «молодой» в теоретическом плане. Он появляется в работах периода конца холодной войны (как у «практиков» вроде С. Бжезинского, так и теоретиков вроде С. Хантингтона). Категория политического порядка в большинстве существующих коннотаций дает необходимый уровень универсальности для изучения различных феноменов внутри одного модерна — даже с учетом различных типов организации политического управления (например — демократического и авторитарного, преимущественно секулярного или преимущественно религиозного). Это справедливо как в отношении «миропорядка», т.е. некоего *status-quo* в смысле расстановки сил в международных отношениях (в работах «международников»), так и в случае «установившегося баланса системы» (в работах политологов-государствоведов).

Классические категории либо слишком универсальны (примером может служить политическая система — очень полезная и очень коварная из-за своей псевдонейтральности категория), либо слишком «парокиальны», т.е. слишком специфические (здесь примером может служить любая цивилизационно или культурно опосредованная концепция). Результат у применения слишком универсальных или слишком специфических концепций, как ни странно, одинаков: получаются работы, в которых оценка качества политического управления зависит от того, насколько анализируемый способ управления похож на единственный идеальный тип этого управления — европейско-капиталистический с обязательным либерально-демократическим основанием. По проблематике политического развития таких работ все еще абсолютное большинство, как ни странно.

Нам представляется, что с тех пор, как стала очевидна если не теоретическая неадекватность (это всегда спорно), то практическая несостоятельность основанных на таком анализе рекомендаций (почти вся теория модернизации об этом свидетельствует), представляется необходимым категориально «расширить» идеальный тип. Модерн множественен не потому, что «модернов много», а потому, что он (один) разнообразен. Такой «разнообразный» модерн в виде современного (национального) государства, например, и является примером политического порядка. Система, режим и даже формация могут, как оказывается, быть разными в нем, потому что черты, определяющие его сущность, гораздо фундаментальнее, чем нам казалось раньше. Соответственно, и для оценки состоятельности способа управления уже недостаточно традиционных систем и режимов.

Ветренко И.А.

(СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург)

## ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ВЫБОРЫ: ДВА НОВЫХ ТRENDA

**К**ак любой институт системы политического управления, выборы сегодня претерпевают серьезные изменения, как процедурные, так и коммуникационные.

Долгое время коммуникативное воздействие на избирателя в электоральный период осуществлялось через информационные ресурсы, но ситуация радикально изменилась с приходом в нашу жизнь цифровизации. Доступ к цифровым ресурсам сегодня определяет многое.

На наш взгляд, самым важным трендом влияния на выборный процесс является использование больших массивов данных, или *Big Data*, для выявления закономерностей в нашем поведении, предсказания реакции на происходящие события, а также влияния на выбор.

Большие данные (англ. *big data*) — серия подходов, инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и значительного многообразия для получения воспринимаемых человеком результатов, эффективных в условиях непрерывного прироста, распределения по многочисленным узлам вычислительной сети, сформировавшихся в конце 2000-х годов, альтернативных традиционным системам управления базами данных и решениям класса *Business Intelligence*.

Эти данные используются политтехнологами для выявления групп влияния и создания контента. Примером использования подобных баз в политических целях является массовая рассылка информации через мессенджеры, а также потенциальная возможность компрометировать участников выборного процесса, устраивая фальсификации с данными, например регистрируя пользователей в различных сервисах самостоятельно.

Следующим важным трендом, который также влияет на выборный процесс с точки зрения манипуляции общественным сознанием в информационном поле с применением цифровых технологий, является создание информационного купола.

Информационный купол (англ. *Information cocoon*) — набор информационных ресурсов, формирующих картину мира группы пользователей. Информация, не попавшая внутрь купола, остается невидимой для данной группы.

Доказательством существования феномена информационного купола служит, например, новость о том, что Сбербанк после незаконных акций протеста, прошедших в России в начале 2021 г., устроил рассылку предостерегающих писем по своим сотрудникам, которые предположительно были замечены на незаконных акциях. Данная новость была размещена на информационных ресурсах РБК и ЯндексНовости, а также в некоторых группах в социальных сетях. В поисковой выдаче эту новость найти крайне сложно.

Еще один пример создания информационного купола, но уже в рамках одной платформы был продемонстрирован в 2016 г. на выборах президента США, когда компания *Cambridge Analytica* предварительно выкупив у *YouTube* и *Facebook* данные о цифровых профилях избирателей, показывала контент, направленный на поддержку позиций Дональда Трампа. Данный тезис отражен в докладе генерального прокурора Мюллера по итогам расследования, инициированного Конгрессом США.

В заключение хотелось бы сказать, что вышеперечисленные тренды не являются всеобъемлющими. Цифровые технологии настолько плотно вошли в нашу жизнь, что каждый день креативные люди, работающие на определенные политические силы, придумывают новое применение цифровым инструментам для влияния на политический процесс и мнение электората, будь то взлом корпоративных почт или черный пиар через новостные каналы мессенджеров.

Все вышеперечисленные инструменты в совокупности позволяют замаскировать искусственно созданную общественную поддержку или ненависть под реальную общественную инициативу, подобно тому как природный слой газонной травы можно заменить синтетическим аналогом, для разжигания определенных настроений в обществе. Влияние цифровизации будет только усиливаться, политика и ее процессы не могут оставаться в стороне, соответственно, будут формироваться новые тренды точно так же, как после каждого электорального цикла у нас пополняется копилка технологий.

Викулина С.В., Гребенникова Е.И.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **КАДРОВЫЙ СОСТАВ «ЕДИНОЙ РОССИИ» ПО ИТОГАМ ПРАЙМЕРИЗ в 2021 году ПО СПИСКАМ В ЦФО: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И КАНАЛЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ**

Праймериз служит своеобразным социальным лифтом для активных сторонников и членов партии, являющихся лидерами общественного мнения и обладающих поддержкой со стороны населения. В 2016 г. на Медиафоруме ОНФ Владимир Путин подчеркнул пользу данного механизма: «эта система будет выталкивать наверх людей заинтересованных и желающих работать в интересах общества, в том числе и в высшем законодательном органе страны»<sup>1</sup>.

Поскольку в обществе за последние годы сформировался запрос на «новые лица», мы решили проанализировать кандидатов предварительного голосования по спискам в ЦФО, чтобы выявить основные тенденции в кадровом составе партии и проанализировать каналы рекрутирования «новых лиц» в федеральный парламент.

В ходе исследования нами были проанализированы 84 лидера праймериз в регионах ЦФО — первые тройки в каждом регионе, за исключением Москвы (22) и Московской области (14). Такой диапазон среди «лидеров» в крупных регионах определился огромным разрывом между 22-м и 23-м местами в Москве (разница в 187 тыс. голосов) и Московской области (разрыв в голосах между 14-м и 15-м местами более 220 тыс.).

Были определены четыре ключевых параметра для анализа кандидатов: деятельность (сфера работы), род (возраст, город рождения), образование (уровень и специализация, наличие ученых степеней) и медийность (количество подписчиков в социальных сетях). Также мы проверили, являются ли некоторые кандидаты победителями или призерами известных федеральных конкурсов по рекрутированию кадров в политику.

Диапазон возрастной группы кандидатов списка — от 21 до 85 лет. Молодежь в возрасте до 35 лет составляет около 17% от списка кандидатов, группа от 36 до 50 лет — 39%, а возрастная группа от 51 до 85 лет — около 44%.

<sup>1</sup> Путин: Праймериз выявит желающих работать в интересах общества. URL: <https://vz.ru/news/2016/4/7/804161.html>.

Город рождения совпадает с регионом выдвижения у 45% кандидатов. Только в двух регионах все три лидера являются местными жителями — в Ярославской и Костромской областях. Каждый третий кандидат — женщина.

Более 75% кандидатов имеют непосредственное отношение к политике. Уже пробовали себя в роли депутата федерального уровня власти 27 человек, 25 из них — действующие депутаты Госдумы. Кроме того, 18 кандидатов являются депутатами регионального уровня, а еще 4 — муниципальными депутатами. Пять человек занимают позиции глав городов, администраций или заместителей губернаторов. Направление молодежной политики представляют 10 кандидатов: это координаторы движений МГЕР, «Молодежки ОНФ», руководители молодежных региональных парламентов, общественных и волонтерских организаций.

Представители других сфер деятельности распределены в следующем соотношении: по 6 человек — сфера «авиация и космос», деятели «культуры и искусства», «образования и науки», сферы «бизнес, промышленность и строительство», 5 человек традиционно из сферы «здравоохранение», 3 человека — «спорт», 2 человека — «журналистика», еще 2 человека — «ЖКХ».

Что касается каналов рекрутирования в виде специализированных конкурсов, трое представителей списка являются финалистами «Лидеров России», один — финалист «Политстартапа», еще один — финалист «Конкурса политологов».

По первому образованию кандидаты преимущественно технического профиля (25%) и экономического (18%), по 10% составляют гуманитарии, учителя и юристы. У одного человека нет высшего образования, у одного — среднее техническое, еще один является студентом. Второе образование есть у 42% кандидатов — в основном управленческое (30%) и экономическое (24%). Кандидатами наук являются 19 человек, докторами наук — 6 человек.

Самой популярной социальной сетью среди кандидатов является Инстаграм. Активно ведут свои страницы на трех площадках (Инстаграм, Фейсбук, ВКонтакте) 23% кандидатов, наиболее популярными являются страницы представителей сферы культуры и искусства, космоса и нескольких наиболее активных политиков (они ведут в том числе собственные телеграм-каналы и твиттер).

В результате мы пришли к следующим выводам. Тенденция опоры на «возрастных и опытных» кандидатов в партии все еще сохранена, но доля молодых кандидатов является довольно высокой. Обновление кадров в ЦФО за счет «новых лиц» действительно имеет место быть —  $\frac{2}{3}$  кандидатов не являлись депутатами Госдумы, однако праймериз является здесь трамплином по большей части для выходцев из молодежной политики и депутатов регионального уровня. Медийные деятели культуры и искусства являются лидерами общественного мнения и способны привлечь новые голоса, поскольку не менее медийные космонавты из списка уже вовлечены в федеральное законодательство. Специализированные конкурсы действительно успешно используются в качестве каналов рекрутирования в органы власти.

*Вилков А.А., Шестов Н.И., Казаков А.А.*

*(Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов)*

## **МОЛОДОЙ ГРАЖДАНИН О БУДУЩЕМ РОССИИ: ЛЕВЫЙ КОМПОНЕНТ ДИСКУРСОВ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ<sup>1</sup>**

Внесенные в 2020 г. поправки в Конституцию с политической точки зрения являлись попыткой синтезировать в границах отдельных правовых норм достаточно разнородный спектр социальных запросов к политике, экономике, праву и роли институтов государства в их функционировании. Речь идет о синтезе запроса на усиление социальной функциональности российского государства с запросом на сохранение стабильности политического и социально-экономического порядка в стране, сложившегося за минувшее десятилетие, а также с надеждой большого числа граждан, особенно молодых, на возвращение политических, экономических и правовых процессов в русло ценностей справедливости, гражданского достоинства, взаимной ответственности и солидарности субъектов политического процесса, транспарентности коммуникаций внутри властной элиты и гражданского общества.

По сути, так российская властная элита дала гражданскому обществу ответ на вопрос «Что дальше?». Вопрос, который в последние годы является источником конфликта в самом гражданском обществе. Одна его часть продолжает придерживаться либерально-консервативных ценностей и считает это условием стабильности своих отношений с государственной властью. Другая часть, в которой широко представлена молодежь, не против стабильности, не против либерально-консервативных («патриоти-

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31176 «Образ будущего как фактор политического участия современной российской молодежи (региональный кейс)».

ческих») ценностей, но считает необходимым обновить и расширить это идейное основание российской политики за счет интеграции в него ценностей левого политического спектра: справедливости, равенства в распределении социальных благ, приоритетности интересов тружеников перед интересами собственников. Как показали массовые протестные акции января–февраля 2020 г. «в защиту Навального», на этом желании молодых российских граждан расширить ценностное основание своего политического участия попытались сыграть отечественные радикальные либералы-«западники». Организаторы протестных акций стремились решительным образом расширить свою нишу в политическом пространстве России (заметно сузившуюся в последние годы) за счет провоцирования идейного и поколенческого раскола между сторонниками консервативно-либеральных и левых ценностей. Такой раскол дал бы им возможность взять на себя функцию центральной, системообразующей и управляющей силы в политическом процессе без необходимости вести открытую борьбу за обладание политической властью при помощи стандартных демократических процедур. Эта попытка не привела радикальных либералов к стратегическому успеху. В том числе по той причине, что политические партии коммунистической и социал-демократической направленности устами своих лидеров сформулировали отказ поддержать организаторов протестных акций и их политические призывы, обращенные к российской молодежи.

Тем не менее эта попытка высветила реальную проблему недостаточной включенности левых идей и ценностей в отечественный политический процесс. Более очевидной стала и проблема отсутствия у общественных институтов, заявляющих себя проводниками левых ценностей в современной российской политике, четкого представления о структуре спроса массового сознания российских молодых граждан на левые ценности и о способах этот спрос удовлетворить так, чтобы не спровоцировать идейного конфликта внутри пространства российской политики. И институтам власти, и институтам гражданского общества сегодня необходима большая, чем прежде, четкость в понимании того, посредством каких дискурсов артикулируются в российской политике левые ценности и какой смысл сознание молодых людей в нашей стране вкладывает в ту или иную левую ценность.

Авторы настоящей публикации предлагают свой вариант решения упомянутых выше проблем в рамках исследовательского проекта «Образ будущего как фактор политического участия современной российской молодежи (региональный кейс)». Тем не менее уже на этапе подготовки проекта стала понятна одна из главных трудностей, которую молодежи приходится преодолевать при выработке дискурсов массовых коммуникаций на тему будущего своей страны. Трудность состоит в том, что дискурсы своих коммуникаций молодые люди «собирают» из фрагментов либеральных и левых (социалистических, коммунистических, анархических) дискурсов по принципу отбора наиболее радикальных структурных элементов, и сборка эта осуществляется преимущественно стихийно. Отсутствуют лидеры и структуры, способные предложить молодежи эту интерпретацию левых ценностей и закрепить ее в виде «матрицы» массового сознания, в то время как консервативный и либеральный дискурсы массовых политических коммуникаций давно и прочно приобрели матричные характеристики. Такая «матрица» левой идеи, адаптированная к реалиям современного политического процесса в России, представляется необходимой в качестве условия достижения мотивационной сферой российской политики внутренней целостности и конструктивности.

*Виноградова Н.С.*

*(МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва)*

## **ВИРТУАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Образ страны, формируемый в сознании граждан, напрямую зависит от действий политических акторов и публикаций в СМИ, которые информируют об этих действиях. Интернет-коммуникации и активность пользователей в сети «Интернет» формируют новое информационное пространство, которое наполнено «веерами» образов, транслируемое различными акторами, т.е. меняется роль граждан, от пассивного получателя в активного участника политического процесса, генератора собственного мнения и транслятора этого мнения своим читателям. Формируется виртуальное поле политики — поле, наполненное не только фактами, но и мнениями, фейками и «веерами» восприятия. Проблематика заключается в том, что существующее множество образов создает искажения, которые влияют на отношение гражданина к текущей политике. В результате возникает конфликт между транслируемой официальной точкой зрения и интерпретациями. Это обуславливает необходимость научно осмысления проблемы коммуникационного разрыва и искажений в процессе формирования образа страны в сознании граждан.

Предметом данного исследования являлись политико-психологические аспекты виртуализации политики.

Виртуальная политика<sup>1</sup> понимается как альтернативная картина мира, которая формируется в сети «Интернет»<sup>2</sup>, как альтернативное видение развития тех или иных политических процессов и насыщается теми или иными точками зрения, чаще всего совершенно не касаясь реальных событий или реальных политиков. В начале развития сети «Интернет» виртуальная политика являлась отпечатком реальной политики, но на данный момент виртуальная политика и реальная политика не являются одним и тем же<sup>3</sup>.

Виртуальная политика, как и реальная политика, является частью картины мира граждан. Изучение картины мира респондентов входит в предметное поле теории восприятия. Так, образ — единица картины мира, результат целостного отражения внешнего объекта, его свойств, признаков, которые встраиваются в картину мира. Картина мира формируется на основе чувственного восприятия, последовательно складывающегося из ощущений ценностей, установок, оценок, ожиданий в результате переработки информации, практической деятельности, рационального осмысления действительности. Политический образ состоит из отражения политической власти, личности лидера, политических институтов и т.д. и проекции ожиданий субъекта восприятия, т.е. граждан<sup>4</sup>.

Восприятие носит оценочный характер и интерпретирует позиции политических лидеров. Основывается на когнитивных и эмоциональных уровнях восприятия, которые замыкаются друг на друга, где эмоции являются катализатором точек зрения граждан. Политическое восприятие формируется последовательно от личности лидера, деятельности власти, понимания территорий и роли народа, оно формируется в основном с помощью СМИ и лидеров мнений в сети «Интернет»<sup>5</sup>.

По результатам исследования были представлены некоторые характеристики виртуализации политики. Одна из них — это изменение коммуникации между обществом и государством: с помощью сервисов Электронного правительства, а именно системы одного окна, когда все услуги можно получить с помощью сети «Интернет»; в вопросах принятия решений, а именно возможность принять участие в выборах, референдумах, голосованиях с помощью сети «Интернет»; появилась возможность персонализированного и мгновенного общения с представителем (или ботом) от государства гарантированный ответ. Другая гласит, что виртуализация политики затрагивает самих политиков, которые как публичные личности вынуждены постоянно комментировать и объяснять свои действия в политике, что ведет к созданию большого количества мемов, дублей и информационных клонов, которые не всегда работают на позитивный имидж политика.

Волгин О.С.

(Одинцовский филиал МГИМО МИД России, Москва),

Кирсанова Е.С.

(ГУУ; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

## О ПРЕДЕЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Тезис о возрастающей роли государства по мере строительства коммунистического общества был одним из ключевых для теории научного коммунизма и своей парадоксальностью у вдумчивого читателя вызывал своеобразный когнитивный ступор, поскольку он оказывался за гранью рационального понимания: ведь марксистская теория предсказывала, что в будущем «вмешательство государственной власти в общественные отношения становится... в одной области за другою излишним и само собой засыпает... Государство не отменяется, оно отмирает»<sup>6</sup>. Мы — поколение этого самого будущего, видим, что парадоксальная диалектическая связка «отмирание через возрастание» распалась. Государство не думает ни засыпать, ни тем более отмирать, оно усиливает свое влияние на общество.

Объяснение этому можно ограничить указанием на несостоятельность ключевого тезиса марксизма — возможности ликвидировать частную собственность. Однако более продуктивно для современ-

<sup>1</sup> Norris P. The Digital Divide // F. Webster, R. Blom, E. Karvonen, H. Melin, K. Nordenstreng, E. Puoskari (ed.) The information society reader. L.: Routledge, 2020. P. 464.

<sup>2</sup> Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // ПРАΞИМА. Journal of Visual Semiotics. 2021. № 2 (28). С. 9–28.

<sup>3</sup> Ferguson N. The tech supremacy: Silicon Valley can no longer conceal its power // The Spectator. 2021. January 16. // URL: <https://www.spectator.co.uk/article/the-tech-supremacy-silicon-valley-can-no-longer-conceal-its-power> (accessed: 25.03.2021)

<sup>4</sup> Шмелева О.Ю. «Образ государства» как категория политической науки: теоретико-методологические аспекты изучения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Т. 13. № 4. С. 26–27.

<sup>5</sup> Шестопал Е.Б. Сдвиги в массовом политическом сознании России перед президентскими выборами 2018 г. // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 203–204.

<sup>6</sup> Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс В. Соч. 2-е изд. М.: Государственное изд-во полит. лит-ры. Т. 20. С. 292.

ной политической теории поставить вопрос об основном условии существования государства, т.е. о характере власти в обществе. Можно констатировать, что вместе с изменениями, затронувшими природу общественной власти, меняются и границы возможностей для государственной власти.

Границы государственной власти — это границы возможного для государства, т.е. не ограничения того, что государство *хочет* делать, а того, что оно *может* делать. Это вопрос о том, какие сферы общественных отношений государство может себе подчинить и какие отношения нормативировать. Вопрос о границах государственной власти невозможно умалить, поскольку мы видим, что современное государство пытается нормативировать «все и вся». Безусловно, эта тенденция имеет культурно-цивилизационную и страновую специфику, но она является общей для государств современного типа.

Вопрос о границах государственной власти важен не только с точки зрения легитимности государственного нормативизма, но имеет более глубокое теоретическое значение; ответ на него подводит нас к пониманию предела для государства, что равнозначно определению государства как основного политико-правового института власти. Это важно, поскольку часто приходится сталкиваться с очень расплывчатыми представлениями о государстве, когда, например, политические партии считают частью государственного механизма<sup>1</sup>, что, по нашему мнению, является следствием упрощенного представления о природе государства, смешением всеобщего и частного уровней власти.

Новая парадигма государственной власти гласит: государство — ведущий властный институт, но власть не есть чья-либо собственность, в том числе и не собственность государства. Поскольку власть в обществе есть общественное достояние, то власть не может монопольно принадлежать никому и никакой субъект власти не обладает приоритетом на пользование ею. Государство, как властный субъект, отличается от всех остальных субъектов власти только тем, что оно имеет право на нормативную деятельность всеобщего характера. Но это право ограничено только сферой того, чем люди обладают, но не тем, кем они являются как личности. Иными словами, государство имеет право нормативировать имение личности, но не бытие личности. Поэтому границы государственной власти определяются только теми отношениями, которые допускают нормативацию, ненормативируемые отношения не должны быть объектом государственного управления.

XX век стал полигоном, испытательной площадкой для проверки границ государственной власти. Были всесторонне испытаны два противоположных варианта организации государственной власти в ее отношении к своим границам: путь тоталитаризма и либерализма. Первый, тоталитарный вариант выразился в стремлении государственной власти выйти за эти границы и нормативировать ненормативируемое, что во всех без исключения случаях привело к разрушению социума и самой государственной власти. Второй, либеральный вариант в своих различных культурно-цивилизационных вариациях имел также ряд отрицательных для общества последствий, поскольку в неверном толковании предполагал отказ от нормативации отношений, которые *должны* быть нормативированы. В результате государственная власть «сжималась» до минимального участия в общественной жизни, уступая место социальному хаосу, примитивно отождествляемому со свободой личности.

Однако этот второй путь дал и положительные плоды, показав, что он успешно работает только при условии развитой культуры социального общежития, что предполагает готовность всех участников социальных отношений к совместному, основанному на дискурсе демократическому самоуправлению по принципу: «Ничего для нас без нас!»

Волкова А.В.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## ЛЕГИТИМАЦИЯ ТЕХНОПОЛИТИКИ: ОПЫТ ГЕРМАНИИ<sup>2</sup>

Формирование институциональных условий цифровых трансформаций в Германии, с одной стороны, представляет собой планомерную и поэтапную разработку и реализацию целого ряда федеральных программ, таких как «Цифровая Германия 2015», «Цифровая администрация 2020» или наиболее актуальная сегодня «Стратегия будущего «Гигабитная Германия», а с другой стороны, это — инициативная деятельность земельных правительств, которые в контакте с гражданскими структурами ведут поиск оптимальной модели цифровизации и особо остро реагируют на ее угрозы и риски. Отмечается существенный разрыв в процессах институционализации цифровых технологий в бизнесе и государственной администрации, многообразие земельных стратегий и значительные различия в восприятии, в легитимации технологических новаций в различных социальных группах.

<sup>1</sup> Холодковский К.Г. Политические партии России // Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 2014. С. 175.

<sup>2</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».



В целом в соответствии с традициями политико-административной культуры страны особое внимание уделяется разработке соответствующей правовой базы, вопросам безопасности данных и конфиденциальности технополитики. «Бюрократический подход» обусловлен как культурными стереотипами немецкого общества, так и «провалами», широко обсуждаемыми в мировом масштабе (хакерские атаки, глобальные сбои). Использование компьютерных технологий, возможностей искусственного интеллекта, *Big Data*, которые призваны снять сомнения в возможности ошибки, воспринимается немецким обществом как опасная ситуация. Лавинное нарастание информационных потоков создает затруднения в поиске и понимании информации рядовыми гражданами. Социологические опросы фиксируют неуверенность немецких граждан в получаемом знании, а без доверия невозможно обеспечить легитимацию использования цифровых технологий в общественном сознании. К числу наиболее значимых препятствий легитимации использования цифровых технологий и внедрения технополитики в настоящее время можно отнести:

- страхи и стереотипы, в том числе страх утраты автономии демократических институтов и процедур;
- проблему частного и публичного (осознается как эффект «стеклянного человека», когда гражданин полностью открыт государственному аппарату, беззащитен, легко уязвим);
- агрессивность мер «вынужденной цифровизации», когда в условиях ограничений, вызванных пандемией, происходит навязывание цифровых технологий, а гражданин лишается выбора;
- последствия расслоения общества, усиливающиеся при ускорении цифровых трансформаций, когда неравенство изначальных условий (материально-технических, социальных) стремительно нарастает.

В условиях «постковидной реальности» менее 40% граждан Германии занимают проактивную позицию в отношении цифровых технологий. Почти столько же относятся к цифровым технологиям и новациям в технополитике настороженно или негативно<sup>1</sup>.

В рамках общегерманских мероприятий интересен общенациональный «День цифровых технологий» (19 июня 2020 г. и 18 июня 2021 г.), центром которого выступает конкурс проектов, ориентированных на инклюзивность развития и популяризацию цифровых процессов. Это, к примеру, проект *Dorf.Zukunft.Digital (DZD)*, охватывающий 30 деревень в районе Хекстер (Северный Рейн-Вестфалия). С 2019 г. он позволяет сельским общинам использовать цифровые технологии для улучшения услуг, представляющих общий интерес, качества жизни, участия и поддержки сообщества. Для того чтобы сделать деревенские территории пригодными для будущего, основанного на цифровых сетях, совместно разрабатываются и тестируются ориентированные на потребности и низкопороговые цифровые услуги («Деревенский призыв о помощи», платформы «Церковная цифровая» и «Заботливая деревня»). В каждой деревне два добровольных деревенских эксперта по цифровым технологиям передают свои знания деревенскому сообществу, например используя обучение и средства массовой информации.

Обобщение и анализ масштабных, разноуровневых публичных мероприятий, предлагаемых федеральным правительством, земельными структурами, и инициатив со стороны гражданского общества и бизнеса позволяют сделать выводы о том, что идейное обоснование цифровых трансформаций и технополитики в Германии к 2021 г. строится на следующих принципах:

- Волонтерство — как важнейший механизм для цифровой трансформации и достижения цифрового единения.
- Цифровые навыки — основа цифрового участия — должны распространяться среди возрастных групп.
- Цифровая инфраструктура как предпосылка цифрового участия для сельской местности
- Оцифровка работает только вместе с традиционными институтами и как демократический процесс.
- Цифровизация позиционируется как «тройной выигрыш» (для администрации, граждан и бизнеса).
- Модернизация администрирования для непрерывных цифровых процедур (от заявки до уведомления).
- COVID-кризис как триггер цифровизации ради социальной солидарности и сплоченности.

<sup>1</sup> Открытость для цифровых инноваций Bitkom Research. URL: <https://www.bitkom-research.de/de> (дата обращения: 27.08.2021).

Воржецов А.Г.  
(Казанский национальный исследовательский  
технологический университет, Казань)

## ПРАВОВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В РОССИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Председатель Конституционного суда Российской Федерации профессор В.Д. Зорькин считает, что «Конституция провозглашает суверенитет России именно как правового, демократического и социального государства». Причем «сильное государство — одновременно правовое и социальное, не иначе»<sup>1</sup>.

Во многих странах Европы в настоящее время функционируют правовые социальные государства. Отличительными признаками правового государства являются следующие:

1. Реальное разделение государственной власти, разграничение законодательной, исполнительной и судебной власти, их взаимный контроль и взаимодействие на основе конституционных норм.
2. Правовое равенство всех граждан, приоритет прав личности.
3. Принцип верховенства права над различными подзаконными актами, подчинение закону всех государственных служащих, всех граждан.
4. Ограничение сферы деятельности государства охраной прав и свобод личности, общественного порядка, созданием благоприятных условий для экономической деятельности.

В условиях социального государства свободная рыночная экономика трансформируется в социальную рыночную экономику, характерными чертами которой являются следующие:

1. Государственное регулирование рыночной экономики через систему эффективной налоговой политики.
2. Разнообразие и равноправие разных форм собственности (частная, государственная, кооперативная, муниципальная и др.).
3. Перераспределение валового национального дохода в пользу развития таких отраслей, как образование, наука, культура, здравоохранение, экология.
4. Ориентация на создание многочисленного среднего класса.
5. Социальное партнерство.

Важным признаком правового социального государства является также децентрализация власти и усиление влияния органов местного самоуправления.

Определяющую роль в становлении и развитии правового государства играет демократическое государство. По мнению академика М.К. Горшкова, «Россия, очевидно, далека от демократического государства: партийная система и парламентаризм нестабильны; разделение власти в стране своеобразным образом сочетает и унитаризм, и федерализм»<sup>2</sup>. Россия, очевидно, далека и от социального государства. По мнению профессора М. Делягина, в социальных государствах функционирует прогрессивная шкала налогообложения. Он считает, что в России должны, «во-первых, ввести прогрессивную шкалу НДФЛ». И, «во-вторых, гарантировать гражданам реальный прожиточный минимум, начав с обнуления подоходного налога для бедных»<sup>3</sup>.

По мнению В.Д. Зорькина, в России необходима «прорывная правовая модернизация, начало которой положено состоявшимся обновлением Конституции»<sup>4</sup>. Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «сегодня в нашем обществе четко обозначился запрос на перемены, и поэтому следует вынести на обсуждение ряд конституционных поправок, которые считаю вполне обоснованными и важными для дальнейшего развития России как правового социального государства...»<sup>5</sup>.

Причем существует общественный запрос на перемены в направлении новой демократизации в России (по результатам всероссийских социологических опросов, проведенных сотрудниками Института социологии РАН в 2017–2019 гг.). В настоящее время «триаду основных ценностных предпочтений россиян составляют справедливость, демократия, держава, а всего четыре года назад — справедливость, традиция, держава»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Зорькин В.Д. Возвращение государства // Российская газета. 2021. 17 мая.

<sup>2</sup> Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. М.: Новый хронограф, 2011. С. 17.

<sup>3</sup> Цит. по: Аргументы и факты. 2019. № 51.

<sup>4</sup> Зорькин В.Д. Возвращение государства // Российская газета. 2021. 17 мая.

<sup>5</sup> Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2020. 16 января.

<sup>6</sup> Петухов В.В., Петухов Р.В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Политические исследования. 2019. № 5. С. 126.

Новая демократизация в России будет направлена на переход от частично демократического государства к демократическому через реализацию комплекса реформ. Это, прежде всего, внесение второго пакета поправок в Конституцию РФ, направленных на реализацию принципа разделения государственной власти, на возможность формирования правительства на партийной основе, на восстановление в полном объеме контрольной функции Государственной Думы РФ.

С этой реформой тесно связана другая комплексная судебно-правовая реформа с целью создания независимой правовой системы в стране. Важное значение может иметь и реформа партийной системы с целью создания реальной политической конкуренции в России. Сердцевиной такой реформы может стать формирование крупных центристских партий (консервативной и социал-демократической).

Насколько реальной является новая демократизация российского общества в 2020-е годы? В этом плане важнейшее значение имеет высказывание Президента РФ В.В. Путина, в котором подчеркивается возможная направленность общественно-политического развития страны. Он отмечал, что «для России нет и не может быть другого политического выбора, кроме демократии» и что «мы разделяем именно универсальные демократические принципы, принятые во всем мире». Причем «изменения, модернизация политической системы естественны и даже необходимы»<sup>1</sup>.

*Воробьев А.П. (ГУУ, Москва),  
Константинова М.В. (КГПУ им. В.П. Астафьева, Красноярск)*

## **ДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

**П**роблема общественно-политической активности молодежи является одной из наиболее важных в современных условиях. Это связано с социокультурными изменениями, которые происходят в молодежной среде. Включаясь в общественные отношения, идентифицируя себя с теми или иными социокультурными образцами, основывая на них свой общественно-политический выбор и реализуя его в конкретных формах общественно-политической активности, молодежь воспроизводит определенные политические структуры и отношения, обновляя их на основе изменившихся ценностных представлений. Поэтому характер общественно-политической активности молодежи является определяющим при прогнозировании развития молодежи и всего общества в целом, а исследование проблем общественно-политической активности не теряет своей актуальности.

Общественно-политическую активность можно охарактеризовать деятельностной формой когнитивных и эмоциональных реакций индивида или группы на изменяющуюся социальную реальность. В процессе осмысления окружающей реальности у индивидов формируется определенный тип ее восприятия и отношения к ней. В зависимости от характера отношения проявляется либо доверие, либо недоверие к ее объектам, в том числе и к власти. Степень доверия и недоверия, их соотношения в сознании молодых людей способны повлиять на направленность, интенсивность и формы общественно-политической активности.

Выражением доверия к власти (т.е. принятием действий власти, расцениванием их как целесообразных) может служить несколько показателей — это интерес (нет безразличия, соответственно, человек видит свою роль в политике), оценка и, наконец, участие в общественно-политической жизни.

Всплеск протестной активности, произошедший в России летом 2019 г. в период выборов в Мосгордуму, а также в первой половине 2021 г., когда молодежь выступила одним из основных участников, свидетельствует о кризисе легитимности власти. Отмечалось резкое падение доверия и одновременно рост недоверия не только к результатам выборов, но и в целом к власти.

Стоит отметить, что государство всерьез озаботилось проблемой кризиса народного доверия и в 2021 г. включило уровень доверия граждан региона к власти в перечень критериев для оценки эффективности губернаторов и глав субъектов страны.

Согласно данным опросов крупных социологических центров в молодежной среде преобладает доверие только к трем институтам: волонтерским движениям, армии и президенту. Наибольшим недоверием пользуются международные организации, а также российские политические партии и профсоюзы. Низкое доверие к госинститутам связано, скорее всего, с низким уровнем вовлеченности молодежи в политическую жизнь и очень низким уровнем ее готовности участвовать в политике, считают эксперты.

В период с 2019 по 2020 г. авторы провели исследование политического поведения молодежи Красноярска. Полученные данные в большей степени сопоставимы с результатами исследований на федеральном уровне, что позволяет говорить о их высокой степени релевантности.

Проведенный опрос продемонстрировал, что самым значимым мнением по политическим вопросам для молодежи Красноярска является мнение президента страны (38,9%), почти в четыре раза мень-

<sup>1</sup> Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2012. 13 декабря.

ше доверяют другим представителям власти в России (11,9%). Весомым кредитом доверия пользуются у молодежи и журналисты (22,2%).

Выясняя степень доверия молодых ребят к власти, мы спрашивали их и об эффективных формах влияния на нее. На первое место в этом вопросе респонденты поставили обращение в СМИ (47,8%), на второе — участие в выборах (42,65%). Принятие института выборов как важного инструмента влияния на органы власти должно говорить о том, что в целом молодежь доверяет существующим политическим институтам, однако при ответе на вопрос «Может ли Ваше участие в выборах что-либо изменить в России?» наиболее часто респонденты выбирали ответ «Нет, не может» (38,5%). Кроме того, зафиксировано большое количество затруднений при ответе на этот вопрос, а также отказов от ответа — 20,7%.

Полученные результаты показывают низкий уровень доверия к институту выборов в России. Молодежь, в целом не отказываясь участвовать в политике, воспринимая это как свой гражданский долг, не верит, что выборы — эффективный инструмент политических изменений. Низкий уровень доверия к выборам порождает соответствующий уровень доверия к выборным институтам власти.

Несмотря на снижение уровня доверия ко всем институтам власти (в том числе и президенту страны), говорить о серьезных изменениях в общественно-политическом сознании населения, и в частности молодежи, сегодня не приходится. Общество продолжает демонстрировать традиционное отношение к политике и власти — глава государства пользуется весомым кредитом доверия практически в одиночестве, остальные институты власти находятся на периферии политического сознания россиян.

*Воронина Е.Ю.*

*(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)*

## **ВЛИЯНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» НА МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ**

**В** настоящее время использование «мягкой силы» для создания более привлекательного имиджа государства используется повсеместно на мировой арене почти всеми участниками международных отношений. Обеспечение мирного и безопасного сосуществования государств силовыми методами малоэффективно, в связи с чем применение инструментов «мягкой силы» является важным и влиятельным фактором развития глобального мира. Использование «мягкой силы» на современном этапе развития человечества отличается от индустриальной эпохи в сторону высокой эффективности и более широкого охвата аудитории благодаря быстрому развитию информационно-коммуникационных технологий.

Информационная революция и появление новых средств связи существенно усилили влияние СМИ и новых социальных медиа на широкие массы людей, в связи с чем «мягкая сила» приобрела новое значение в современном мире, став особым видом влияния и власти. Новейшие технологии позволяют передавать информационные сообщения из одного конца света в другой с высокой скоростью, с учетом большого охвата аудитории манипуляция сознанием широких масс стала не только высокоскоростной, но более качественной.

Инструментами «мягкой силы» для манипуляции массовым сознанием и легитимизации идеологии и взглядов отдельного государства являются множественные факторы повседневной жизни: образование в том числе высшее, подразумевающее предоставление услуг для иностранных студентов, прибывающих по обмену, — общественные науки, кино, литература и др. Ярким примером использования «мягкой силы» в интересах конкретного государства является Голливуд, представляющий кинопродукт с учетом интересов американского государства по всему миру. Современные технологии в области коммуникаций и развлечений развиваются с огромной скоростью — так, для человека новейшей информационной эпохи просмотр новостей, кино и иных продуктов отдыха больше не связано с походом в кинотеатр и приобретением иностранного продукта за деньги, поскольку социальные сети и онлайн-площадки предоставляют ему эти возможности быстро и бесплатно.

Современная эпоха развития человечества характеризуется высоким уровнем напряжения в международных отношениях и появлением ряда новейших угроз, ставящих под вопрос безопасность как отдельных стран, так и всего мира в целом, наиболее значимыми из которых являются терроризм, имущественный, социальный и классовый разрыв, рост радикальных экстремистских группировок и настроений в обществе и др. Одним из действенных инструментов борьбы с вышеперечисленными угрозами является применение методов «мягкой силы» как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

Актуальность исследования «мягкой силы» в целом и ее инструментов в частности обусловлена высоким уровнем политического давления и манипуляции общественным сознанием в целях формирования определенного имиджа государства или межгосударственного союза. Использование механизмов «мягкой силы» часто связано с деструктивным влиянием политических сил как на внутригосударственное

устройство, так и на межгосударственные отношения. Несмотря на тот факт, что использование «мягкой силы» не подразумевает применения средств принуждения (военное присутствие, экономическое давление и пр.), использование ее инструментов может угрожать национальной и международной безопасности, поэтому использование данного механизма внешнеполитического воздействия должно применяться с осторожностью и в соответствии с рекомендациями опытных специалистов в данной сфере.

Использование инструментов «мягкой силы», таких как повышение уровня привлекательности государства через популяризацию его культуры, обычаев, языка и прочего, также является мощным фактором внешнеполитического воздействия в контексте глобальных взаимоотношений. Продвижение идеологических и политических ценностей государства при помощи «мягкой силы» способствует снижению напряжения в международных отношениях и укрепляет как национальную, так и глобальную безопасность. Таким образом, исследование «мягкой силы» как явления, ее характеристик, инструментов и практических результатов применения особенно актуально в современную эпоху глобальных вызовов.

*Воскресенская Н.Г.*  
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)

## **ОТНОШЕНИЕ К ЦИФРОВОМУ БУДУЩЕМУ РОССИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ**

**И**зменения в обществе, вызванные интенсивными темпами внедрения цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности в период вынужденной самоизоляции, обострили препятствия и риски в принятии политических инициатив молодежью. Анализ политического поведения через призму отношения молодежи к цифровому будущему России представляет особый интерес, так как тема цифровизации обладает особой значимостью для данной возрастной категории в силу влияния на формирование индивидуально-личностных особенностей насыщенности среды обитания цифровыми средствами в период взросления.

Осенью 2020 г. в рамках изучения особенности формирования цифровых компетенций молодежи был проведен опрос (807 человек в возрасте от 14 до 24 лет ( $M = 18$ ,  $SD = 2,22$ ) и шесть фокус-групп с применением проективных методик (63 студента в возрасте 17–24 года:  $M = 18$ ,  $SD = 1,83$ ). Некоторые результаты этого исследования высветили аспекты, связанные с влиянием на политическую активность готовности молодежи к самореализации в цифровом будущем.

В ходе опроса 68,3% респондентов отметили возросшее влияние цифровых технологий на свою жизнь, оценивая это влияние по шестибальной шкале ( $M = 4,5$ ,  $SD = 1,46$ ). Самые высокие оценки получили сфера развлечений ( $M = 4,87$ ,  $SD = 1,49$ ), общение ( $M = 4,71$ ,  $SD = 1,46$ ), учеба ( $M = 4,67$ ,  $SD = 1,47$ ). Ниже всего оценены новые возможности в реализации гражданских прав и обязанностей ( $M = 3,31$ ,  $SD = 1,86$ ), что во многом связано с небольшим и достаточно односторонним опытом взаимодействия с «электронным правительством». Чаще всего этот опыт касался использования электронной связи для решения проблем в сфере образования (61,8% отметили опыт такого взаимодействия), осуществления платежей (58,9%), записи на предоставление госуслуг (54,8%), получения различных документов (53,2%) и справочной информации (47,1%), реже — для высказывания мнения при принятии решений общенародной значимости (11,4%) и муниципального уровня (9,5%). Корреляционный анализ Пирсона показал, что готовность молодежи к взаимодействию с «электронным правительством» связана с активностью в поиске разнообразной информации с помощью интернет-ресурсов ( $r = 0,436$ ,  $p < 0,01$ ), возрастом ( $r = 0,304$ ,  $p < 0,01$ ), тематическим разнообразием при использовании социальных сетей ( $r = 0,249$ ,  $p < 0,01$ ), владением навыками компьютерной грамотности ( $r = 0,277$ ,  $p < 0,01$ ), количеством разных цифровых устройств в пользовании ( $r = 0,220$ ,  $p < 0,01$ ). Таким образом, готовность молодежи обсуждать общественно значимые проблемы с помощью ресурса «электронное правительство» обусловлена возрастными особенностями, общей познавательной активностью, сформированностью цифровых компетенций и опытом взаимодействия с государственными органами посредством электронной связи.

Фокус-группы позволили уточнить результаты исследования. Так, было выявлено, что значимость цифровых компетенций для успешной самореализации не вызывает сомнения, хотя само цифровое будущее в восприятии студентов несет как плюсы, так и минусы. Позитивное влияние цифровых трансформаций общества чаще всего связывали с прогрессом, новыми возможностями для самореализации и оптимизацией труда; негативные влияния — с обездушиванием и деградацией личности в процессе повсеместного внедрения цифровых технологий, совершенствованием технологий манипуляций общественным мнением и тотальным контролем. Обсуждение позволило обозначить препятствия для цифровизации в восприятии студентов, которые условно можно разделить на внешние (государственный сектор, социально-экономические факторы, информационная безопасность) и внутренние

(нежелание осваивать новые виды деятельности, страх перед цифровыми трансформациями общества). При признании высокой значимости цифровых технологий в своем будущем обсуждение препятствий на пути цифровизации звучало особенно болезненно и сводилось к консерватизму старшего поколения, где категория «старшее поколение» носила обобщенный и схематичный характер: в нее попадали органы власти и партии; люди, представляющие или поддерживающие их; та часть общества, что критично настроена против цифровизации; а также бабушки и дедушки, растерявшиеся от активного внедрения цифровых технологий в свою жизнь.

Таким образом, при осознании важной роли цифровых компетенций в своем будущем и связывании этого будущего с цифровизацией общества обозначилась негативная тенденция к стереотипизации старшего поколения как консервативной части общества, препятствующей этому развитию, и внесение в данную категорию органов власти. Это является еще одной причиной неготовности использовать систему «электронное правительство» для конструктивных форм проявления политической активности.

**Выдрин О.В.**  
(ЧелГУ, Челябинск)

## **ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРЕТЬЕГО И ЧЕТВЕРТОГО УРОВНЕЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОНКУРСНЫХ ОТБОРОВ В ГОРОДСКИХ ОКРУГАХ)**

**В**ыбор институционального дизайна на уровне местного самоуправления в России и эффекты от реализации разных моделей представляют высокий интерес для представителей политической и смежных наук. Это можно объяснить целым рядом объективных причин.

1. Федеральные нормы, регулирующие принципы устройства и функционирования органов местного самоуправления, являются одними из наиболее изменчивых в российском законодательстве (причем зачастую изменения происходят без должного обсуждения не только в публичном поле, но и на пленарных заседаниях парламента), и при этом нормы остаются рамочными, т.е. дающими определенный диапазон возможностей для регионов и муниципалитетов.

2. Сохранение большого числа муниципальных образований (несмотря на общую тенденцию сокращения).

3. Продолжение встраивания уровня МСУ во «властную вертикаль», что формально закреплено в 2020 г. в ст. 131 и 132 Конституции РФ.

Интересным кейсом для понимания изменений в системе МСУ является практика взаимодействия двух уровней МСУ в городах (в современной терминологии — третьего и четвертого уровней публичной власти), которая показывает, каким образом региональные и муниципальные власти используют свои полномочия для обеспечения большей подконтрольности уровня власти нижестоящего уровня.

Данное явление имеет в российской политической практике ограниченное распространение ввиду того, что двухуровневая система МСУ в городах, предложенная законодателями в 2014 г., до сих пор реализована только в Челябинске, Самаре и Махачкале.

Наиболее наглядным аспектом взаимодействия уровней МСУ является проведение конкурсных отборов глав внутригородских районов.

Форма избрания глав муниципальных образований представительным органом по результатам конкурсного отбора появляется весной 2015 г. Государственная Дума РФ, рассматривая во втором чтении законопроект, изначально имеющий целью ограничить пассивное избирательное право некоторых категорий муниципальных депутатов, принимает поправку, вводящую новую форму избрания глав муниципальных образований.

Одним из соавторов поправки был сенатор Д.И. Азаров, который полугодом ранее ушел с поста мэра Самары вследствие применения региональными властями новых полномочий. Федеральный закон от 27 мая 2014 г. наряду с возможностью введения двухуровневой модели в городских округах фактически лишил муниципальные образования права выбора собственного институционального дизайна, передав его региональным законодателям.

В конце 2014 г. этим правом воспользуется целый ряд регионов, в основном сворачивая практику муниципальных выборов в пользу введения двуглавой системы местного самоуправления (что и произошло в Самарской области и Дагестане).

Но благодаря поправке Азарова—Кидяева двуглавая модель (устраивающая губернаторов как альтернатива муниципальным выборам, но спорная с точки зрения эффективности) начинает в массовом порядке заменяться на избрание глав муниципальных образований по конкурсу.

Все три города, реализующих двухуровневую систему МСУ, сразу же перешли на избрание глав городских округов по итогам конкурса, но к такому же способу избрания глав внутригородских районов

переходят только Челябинск и Махачкала. В Самаре до 2020 г. во внутригородских районах сохранялась двуглавая модель.

В 2016 г. федеральные законодатели предоставили региональным и муниципальным законодателям право предъявлять требования к участникам конкурсов по профессиональному образованию и профессиональным навыкам. Этим же актом было установлено правило предоставления по итогам конкурсного отбора для голосования местным депутатам не менее двух зарегистрированных кандидатов.

Предполагается, что ответ на следующие вопросы даст понимание, насколько главы внутригородских районов обладают автономией по сравнению с руководителями внутригородских районов — административно-территориальных единиц городского округа: 1) присутствуют ли в региональном законодательстве четкие рамки условий проведения конкурсных отборов? 2) насколько прозрачно сформулированы условия проведения конкурса в муниципальных уставах и положениях? 3) кого включают в состав конкурсных комиссий? 4) каков уровень отсева кандидатов по итогам работы конкурсных комиссий? 5) каков реальный уровень конкуренции в ходе голосования представительного органа? 6) насколько распространена регистрация кандидатов от оппозиции и их одобрение конкурсной комиссией?

## ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ НА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА<sup>1</sup>

Исследование интернет-мемов переживает существенные трансформации: от традиционных подходов (семиотический, структурно-функциональный) к новаторским (сетевой, объектно-ориентированный). В интернет-среде мемы стали важнейшим информационным носителем, который задает возможность поддержания поливариантной коммуникации. Элементарная и в то же время способная к переформатированию структура мема, его высокая вирулентность привели к появлению новых стратегий общения и репрезентации актуальных событий. Мемы выступают в качестве оптимального материала, посредством анализа которого раскрывается вся специфичность виртуальных коммуникаций. Новые коммуникации требуют привлечения новых методик их изучения с использованием средств автоматизированного и интеллектуализированного анализа данных, поступающих на поточной основе.

Интернет-мемы представляют собой набор неструктурированных данных, изучение которых может привести к выявлению скрытых переменных и определению закономерностей распространения мемов в пределах Интернета и, в частности, социальных сетей. Особенно это касается политических мемов, появление которых может расцениваться как реактивный либо предиктивный индикатор, позволяющий следить за динамикой политической ситуации либо предсказывать ее.

В ходе исследования по теме «Политический мем в виртуальных коммуникациях: создание программного продукта для мониторинга распространения и воздействия (анализ русскоязычного сегмента Интернета)» удалось реализовать целый спектр задач, связанных с применением алгоритмов автоматизированного поиска и подбора файлов изображений, находящихся в открытом доступе в сети Интернет. Эти файлы, распределенные по нескольким объективным показателям (источник — адрес, время публикации, область распространения и др.), выступают в качестве первоначальной базы данных, позволяющей анализировать динамику распространения политических мемов в русскоязычном сегменте Интернета (программный комплекс Мемометрикс).

На следующем этапе реализации проекта в рамках заявленной темы «Разработка программного комплекса для автоматического мониторинга влияния политических мемов на русскоязычный сегмент Интернета (этап — формирование базы данных для обучения нейросети)» предполагается решить задачу оценки влияния политических интернет-мемов.

В качестве основных социометрических характеристик интернет-мемов в структуре социальных сетей можем выделить: «комментарии», «репосты», «лайки» (здесь представлены условные обозначения, для каждой социальной сети они имеют уникальное наименование, что не меняет сути вопроса). Отмеченные характеристики имеют натуральное выражение, что облегчает процедуру их учета и сравнения. Тем не менее необходимо построить интегральный показатель для набора рассматриваемых характеристик. Рассматриваемые характеристики с точки зрения отражения воздействия политического интернет-мема на пользователя не равнозначны. Мы можем говорить, по сути, о порядковой шкале — «лайки», «репосты», «комментарии» (характеристики упорядочены по степени усиления обратной реакции пользователя). Дистанция между рассматриваемыми характеристиками на порядковой шкале имеет качественную природу, что весьма сложно квантифицировать, а следовательно, измерить. В этой связи использование традиционных мер для описания множества собираемых значений не обеспечит адекватной оценки. Мы предлагаем применить геометрический подход. В качестве интегрального показателя использовать значение площади фигуры, образованной вершинами с координатами, соответствующими значениям рассматриваемых характеристик.

На рисунке представлена проекция социометрических характеристик интернет-мема в декартовой системе координат. Каждая из осей соответствует одной из характеристик: ось  $R$  — «репосты», ось  $L$  — «лайки» и ось  $K$  — «комментарии». Для расчета площади фигуры — треугольника мы используем формулу Герона. Решение отмеченной задачи позволит дополнить интегральный программный комплекс Мемометрикс, конечным результатом работы которого будет аналитический отчет о влиянии политических мемов на русскоязычный сегмент Интернета. Он будет формироваться интеллектуализированной автоматической системой, основанной на принципах работы нейросети. Ее первая версия уже работает в online-режиме с потоковым информационным массивом, отражающим степень влияния политического интернет-мема на пользователей Интернета.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31733.



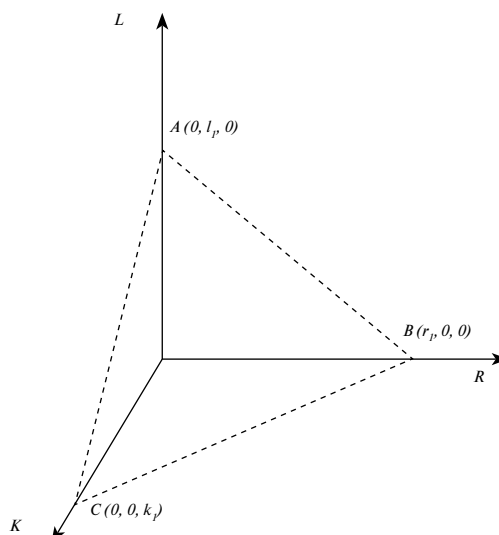


Рисунок. Проекция социометрических характеристик интернет-мема в декартовой системе координат

Гаврилов С.Д.  
(ВолГУ, Волгоград)

## СОВРЕМЕННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ПРОТЕСТ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА ОТ ОФЛАЙН- К ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВУ<sup>1</sup>

Сущностные изменения системы массовой коммуникации в России в последние годы, обусловленные развитием идей цифровой культуры, с одной стороны, и социальным дистанцированием в рамках борьбы с COVID-19 — с другой, неизбежно оказывают влияние на политический процесс, все более переводя его в виртуальное пространство. Интернет уже достаточно давно признается как средство самовыражения, самоактуализации молодежной когорты, заменяя традиционные формы коммуникации в обществе. Вместе с тем только 19% молодых людей выражают заинтересованность политикой<sup>2</sup>.

Молодежная когорта в современной России представляет собой симбиоз двух поколений (поколений Y и Z), причем «зумеры» (или «цифровые аборигены», по М. Пренски) на настоящий момент представлены в большей степени. Уникальность российской молодежи связана прежде всего с тем, что при возрастающей роли в экономической, социальной, культурной, информационной сферах она слабо представлена в политических институтах, даже несмотря на попытки сформулировать новую государственную молодежную политику, выраженную в Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ. Общественное мнение о молодежи в России также достаточно противоречиво. По данным ВЦИОМ, за 2020 г. 60% россиян считают, что у молодежи нет интереса к политике, при этом 44% респондентов считают, что молодые люди склонны пренебрегать принятыми в обществе правилами<sup>3</sup>, а значит, имеют потенциальную протестную мотивацию.

Исходить из позиции, что молодежь не проявляет себя в политическом процессе, также было бы неверно, хотя такие тенденции и были актуальны для России до 2018 г.: «граждане страны, которые в своей жизни не видели никого, кроме Путина, но при этом выросли по преимуществу в современном, городском, в высокой степени модернизированном обществе с открытыми границами, Интернетом и работающей рыночной экономикой, и ведут себя как модернизированный социальный слой»<sup>4</sup>. При этом фиксация прироста протестной активности молодежи происходит как в офлайн, так и в пространстве социальных сетей, блогов и видеохостингов.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31705.

<sup>2</sup> Более 80% российской молодежи равнодушны к политике // Левада-Центр. 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/bole-80-gossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike/> (дата обращения: 27.06.2021).

<sup>3</sup> Молодая Россия: автопортрет и взгляд со стороны // ВЦИОМ. 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodaya-rossiya-avtoportret-i-vzglyad-so-storony> (дата обращения: 28.06.2021).

<sup>4</sup> Колесников А. Общество после протестов. Несет ли смена поколений модернизацию России // Левада-Центр. 2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/24/obshhestvo-posle-protestov-neset-li-smena-pokolenij-modernizatsiyu-rossii/> (дата обращения: 28.06.2021).

Специфика российского протеста последних лет связана с политизацией гражданского протеста, вызванного различными общественными проблемами, среди которых социальная сфера, экология, правозащитная деятельность. Как отмечает К.М. Макаренко, «гражданские активисты... прибегают к политизации протеста с целью повышения резонанса и придания ему большей заметности/значимости»<sup>1</sup>. Молодежный интерес к данным темам в интернет-пространстве обусловлен тем, что, во-первых, они все больше находят свое отражение в видеорепортажах блогеров и постах в социальных сетях, которые менее подвержены цензурированию; во-вторых, доступностью интернет-информации и возможностью создания собственного контента для массовой аудитории в силу распространенности цифровых компетенций. Так, по данным исследования ФГБУН ВолНЦ РАН (Т.А. Гужавина), 40% молодых людей считают наиболее эффективным «разместить обращение к органам власти и всем равнодушным в Интернете» для решения социальной проблемы, затрагивающей интересы многих граждан<sup>2</sup>. Более того, степень популярности лиц из традиционных СМИ для молодежи достаточно низкая, основные ее «политические герои» представлены в Интернете: Ю. Дудь, А. Пивоваров, А. Навальный, Н. Бондаренко, Е. Жуков и другие.

Все вышеуказанное свидетельствует о трансформации российского молодежного протеста. Вместе с тем на данный момент не представляется возможным рассуждать о полной цифровизации протеста; скорее о наличии выражения протеста в двух пространствах, на которые необходимо по-разному реагировать субъектам публичной политики России.

Гаврилова В.А.  
(НГУ, Новосибирск)

## ОБЗОРНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ДНЯО 1995 и 2000 годов И ПОЛИТИКА КНР В ОБЛАСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Китайская Народная Республика — активный участник режима нераспространения ядерного оружия, одно из пяти ядерных государств, соблюдающих положения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), подписанного в 1968 г. ДНЯО содержит три основные цели — предотвращение ядерного распространения, развитие процесса ядерного разоружения и содействие использованию ядерной энергии в мирных целях. На основе ст. VIII ДНЯО начиная с 1975 г. каждые 5 лет проводятся конференции по рассмотрению действия Договора.

КНР подписала договор только 9 марта 1992 г., хотя сам документ был подписан в 1968 г., а ратифицирован в 1970 г. Таким образом, КНР стал 144-м государством ДНЯО. Стоит обратить внимание, что Франция, которая также являлась ядерным государством, также присоединилась к договору в 1992 г., что объяснялось необходимостью совершенствоваться и накапливать свой ядерный потенциал, а также желанием развивать сотрудничество с развивающимися странами в атомной сфере.

Присоединение КНР в ДНЯО привело к активизации усилий государства по укреплению режима — это присоединение к большинству механизмов режима — Группа ядерных поставщиков, Комитет Цангера, инициативы по заключению многостороннего международного договора о взаимном неприращении первыми ядерного оружия, а также участие в Обзорных конференциях ДНЯО.

В рамках ОК ДНЯО решаются разные вопросы: от содействия развития мирной атомной энергетики до вопросов международной безопасности, связанных с ядерной программой КНДР, атомной программой Ирана, ситуацией на Ближнем Востоке и перспективами создания ЗСЯО в регионе.

На Обзорной конференции ДНЯО 1995 г. Китай принимает участие в качестве полноправного участника, выбрав стратегию максимальной осторожности и выжидательности<sup>3</sup>. Выразилось это в присоединении к инициативе о бессрочном продлении ДНЯО, а также неприсоединении к мораторию на ядерные испытания. Среди интересных моментов этой конференции — желание реанимировать ст. V ДНЯО — о возможности для государств проводить ядерные испытания в мирных целях. Данное предложение было негативно воспринято всеми государствами, особенно Австралией.

Инициатива, которая исходила из Китая, — это необходимость полного запрещения и уничтожения ядерного оружия, равно как и запрещение химического и биологического оружия<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Макаренко К.М. Политизация гражданского протеста в публичном пространстве современной России / К.М. Макаренко // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 17–18.

<sup>2</sup> Гужавина Т.А. Готовность молодежи к жизнедеятельности в условиях цифровизации // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 4. DOI: 10.15838/ti.2020.4.54.4 URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28676> (дата обращения: 28.06.2021).

<sup>3</sup> Орлов В. Конференция 1995 г. по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия: особенности, результаты, уроки // Научные записки. М., 1999.

<sup>4</sup> Национальный отчет КНР об осуществлении Договора о нераспространении ядерного оружия // Конференция 1995 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению и продлению действия Договора. 17 апреля — 12 мая 1995 г.

Конференция 2000 г. интересна той стратегией, которую выбрал Китай: активная вовлеченность и демонстративность. Выразалось это и в заявлении, что не стоит прибегать к двойным стандартам во имя нераспространения, с тем чтобы ограничить экспорт ядерных материалов и ядерное сотрудничество между государствами, а также в поддержке создания зон, свободных от ядерного оружия, как в Центральной Азии, так и на Ближнем Востоке, в Южной Азии и на Корейском полуострове<sup>1</sup>.

В рамках национального доклада КНР, представленного на Обзорной конференции, стоит обратить внимание на раздел «Ядерное разоружение».

Так, стремясь к полной ликвидации ядерного оружия (о чем говорилось и на предыдущей конференции в 1995 г.), Китай заявляет, что: ядерное разоружение должно представлять собой справедливый и разумный процесс постепенного сокращения в сторону пониженного баланса; государствам с крупнейшими ядерными арсеналами необходимо взять на себя ответственность за работу над вопросами ядерного разоружения, им следует производить сокращения своих ядерных арсеналов с целью создания условий для участия других ядерных государств в многостороннем процессе ядерного разоружения.

Таким образом, Китай подчеркивает, что готов присоединиться к ядерному разоружению только тогда, когда ядерные арсеналы США и России сократятся до уровня, сопоставимого с уровнями других ядерных государств, когда сокращаемое оружие будет уничтожено, когда прекратится разработка и развертывание систем космического оружия, а также систем противоракетной обороны и когда все ядерные государства возьмут на себя обязательство не применять ядерное оружие первыми.

Участие Китая на Обзорных конференциях, безусловно, шаг вперед на пути укрепления режима нераспространения ядерного оружия. И если на конференции 1995 г. для Китая была характерна выжидательная позиция, то в дальнейшем Китай выступает с конкретными инициативами и с обязательствами, которые другие ядерные государства пока не приняли.

Гаврилова М.В.

(Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург)

## ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМЫ ПЕРЕДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Церемония вступления в должность президента России призвана засвидетельствовать законный и мирный переход государственной власти от одного президента другому. Передача и преемственность политической власти выражается: 1) посредством символических действий (участие обоих президентов в числе действующих лиц на подиуме, передача символов президентской власти от одного президента другому, рукопожатие президентов, совместное участие в смотре Президентского полка), 2) с помощью речевых действий (речь уходящего с должности президента и инаугурационное выступление вступившего в должность президента, в котором упоминаются заслуги предшественника; благодарность за службу уходящего с должности президента и поздравление с годовщиной образования Президентского полка вступившего в должность президента), 3) посредством символов президентской власти (штандарт президента Российской Федерации и знак президента).

Материалом нашего исследования являются три заключительных выступления российских президентов: речь Б.Н. Ельцина<sup>2</sup>, произнесенная на инаугурации В.В. Путина в 2000 г.; речь В.В. Путина<sup>3</sup>, произнесенная на инаугурации Д.А. Медведева в 2008 г.; и речь Д.А. Медведева<sup>4</sup>, произнесенная на инаугурации В.В. Путина в 2012 г. Подчеркнем, что данные выступления играют важную роль в системе политической коммуникации, поскольку, являясь заключительным политическим заявлением президента, они представляют обществу итоги его правления и видение перспектив развития страны.

Мы установили, что процедура дискурсивного перехода государственной власти закрепляется в определенной последовательности речевых действий: выступление уходящего с должности прези-

<sup>1</sup> Национальный доклад о ходе осуществления Китайской Народной Республикой Договора о нераспространении ядерного оружия // Конференция 2000 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. 24 апреля — 19 мая 2000 г.

<sup>2</sup> Ельцин Б.Н. Выступление на церемонии вступления В.В. Путина в должность президента России / Б. Н. Ельцин. 2000. 7 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21410> (дата обращения: 25.06.2021). Текст: электронный.

<sup>3</sup> Путин В.В. Выступление на церемонии вступления Д.А. Медведева в должность Президента России / В.В. Путин. 2008. 7 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/2> (дата обращения: 25.06.2021). Текст: электронный.

<sup>4</sup> Медведев Д.А. Выступление на церемонии вступления В.В. Путина в должность президента России / Д. А. Медведев. 2012. 7 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/15224> (дата обращения: 25.06.2021). Текст : электронный.

дента — слово председателя Конституционного суда — присяга избранного президента — инаугурационная речь вступившего в должность президента.

Основная дискурсивная стратегия заключительной речи президента реализуется в использовании коммуникативной стратегии самопрезентации, с тем чтобы укрепить политический имидж, актуализировать доверительные отношения с народом и сформировать положительное отношение граждан к периоду правления уходящего с должности президента. При этом стратегия положительной самопрезентации воплощается при помощи определенных коммуникативных тактик: акцентирование положительной информации, отождествление, солидаризация и дистанцирование.

Коммуникативная тактика отождествления реализуется посредством самоопределения роли президента и, в частности, его личности в истории страны. Б.Н. Ельцин представляет себя в роли основателя нового государства («*Да, мы писали историю новой России с чистого листа*»), политика, стоящего во главе первопроходцев, которым пришлось пройти тяжелый путь к созданию свободной страны («*методом проб и ошибок, было много нелегких испытаний, много трудностей*»). Экспликации положительной самопрезентации способствуют ценностные концепты. В качестве основных политических ценностей Б.Н. Ельцин провозглашает свободу и демократию. При этом свобода располагается в семантическом поле «борьба».

В.В. Путин считает своей главной обязанностью беречь Россию. Исполняя должность президента, глава государства преимущественно осуществляет речевую, интеллектуальную и социальную деятельность. Когнитивная схема понятия «политик» включает следующие элементы: следование нравственным нормам, выполнение обещаний, опыт управления, обладание профессиональными знаниями, направленность результатов государственной деятельности на благо общества. В.В. Путин, слагая полномочия, прославляет народ и благодарит его за поддержку.

Д.А. Медведев заявляет, что «*возглавлять Российское государство, работать для нашего народа — это великая ответственность и великая честь*». Президент актуализирует стратегические задачи, на решение которых была направлена его государственная деятельность: соблюдение законов, безопасность людей, социальное государство, широкое участие граждан в политической жизни.

Таким образом, одной из дискурсивных форм передачи государственной власти является заключительное выступление уходящего с должности президента, в котором политик определяет то, чем для него является процедура передачи власти; представляет свое видение должности президента; заявляет об успехах страны в период его правления; обращается с пожеланиями к избранному президенту.

Гайнутдинова Л.А.  
(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

## **«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ» ПРОЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОТ ЛИБЕРАЛИЗМА К КОНСЕРВАТИЗМУ**

Концепция гражданского общества была достаточно эффективно использована в конце XX столетия в борьбе с авторитарным государством в странах Восточной Европы. При этом именно сохранившиеся в независимости от государства общественные структуры, ячейки гражданского общества, стали центрами кристаллизации сопротивления тоталитаризму<sup>1</sup>. Какова судьба данной концепции после распада этих режимов, когда уже не существовало образа государства-партии, для уничтожения которого его противники объединялись под знаменем гражданского общества?

Как подчеркивают многие исследователи<sup>2</sup>, в наши дни существование демократии парадоксальным образом характеризуется в одно и то же время как «прогрессирующей демократизацией», так и растущим недоверием масс к демократическим институтам. В результате на смену еще недавно господствовавшему в политологическом сообществе триумфализму, порожденному расширением «демократического ареала», пришел период отрезвления и беспокойства вообще за судьбу демократического способа правления. Эта озабоченность в значительной мере вызвана осмыслением динамики и конкретных проявлений процесса так называемой «третьей волны» демократизации на основе либеральных принципов.

Дело в том, что схема навязанной Западом модели либеральной демократии в качестве продукта для распространения в глобальном масштабе основана на том, что с авторитаризмом снизу борется только либерализм. «Отец» современной теории гражданского общества Роберт Патнэм<sup>3</sup> считает,

<sup>1</sup> Bernard M. Civil Society and Democratic Transition in East Central Europe // Political Science Quarterly. 1993. Vol. 108. No. 2. P. 307–326.

<sup>2</sup> См.: Dahl R. A Democratic Paradox? // Political Science Quarterly. Spring. 2000. Vol. 115. No. 1; Dulto R. Democratic Challenges — Democratic Choices // The Erosion of Political Support in Advanced Industrial Democracies. Oxford: New York, 2004.

<sup>3</sup> Putnam R.D. Bowling alone: The collapse and revival of American community. 2000. URL: [https://sociology.berkeley.edu/sites/default/files/faculty/fischer/Bowling%20Alone%20-%20What%27s%20the%20Score\\_Soc%20Net\\_2005.pdf](https://sociology.berkeley.edu/sites/default/files/faculty/fischer/Bowling%20Alone%20-%20What%27s%20the%20Score_Soc%20Net_2005.pdf) (accessed: 28.06.2021).

что низовые сообщества, объединяясь, неизбежно становятся закваской для либеральной демократии, т.е. оказываются тем самым гражданским обществом. Однако современная российская политика показывает, что без пересмотра либеральных представлений о гражданском обществе и местных форм самоорганизации никак не получится прийти к пониманию сути происходящего. А происходит перестановка акцентов в понимании гражданского общества: если раньше был акцент на разрушении тоталитарного государства и противостоянии государству как политическому институту, то сегодня акцент перенесен на другую его функцию — помощь государству в разработке и реализации политики в различных сферах, что подчеркивает выраженную тенденцию на включение умеренных групп гражданского общества в «партнерство» с властями различного уровня и бизнесом. А слабая укорененность либерализма в российской политической культуре создает питательную среду для вытеснения либеральных институтов. То есть происходит процесс нейтрализации общественного сопротивления и встраивания современных представлений в традиционную систему ценностей, опирающуюся на понятия национализма, патриотизма, общественной солидарности и справедливости.

Таким образом, российское государство вместе с гражданским обществом апробируют свои национальные модели взаимодействия, основанные на активизации процессов горизонтальной интеграции общества. Этот процесс очень непросто и часто порождает соблазн вертикальной интеграции, присущей популизму, основанному на включении механизмов выстраивания непосредственных связей между харизматическим лидером и массами. Однако в условиях нестабильности демократических процедур и институтов такая вертикаль — ненадежный и, как правило, недолговечный, но вместе с тем мощный механизм вовлечения пассивных масс в политический процесс.

В целом социокультурный подход к перспективам российского гражданского общества подчеркивает важность культурных и институциональных факторов. Подобно тому как макроэкономическую парадигму Вашингтонского консенсуса в качестве стандартизированного рецепта экономических реформ в переходных экономиках сняли с повестки дня как неадекватную<sup>1</sup>, учитывая культурно-институциональные различия, точно так же все больше критики вызывает схематический пакет развития гражданского общества при участии международных донорских организаций в странах с различными культурными особенностями. «Национализация» проектов гражданского общества и поиск оптимальных моделей сочетания специфических национальных интересов с универсальными демократическими идеалами — это единственный оптимальный путь формирования эффективного поля гражданской политики в разных странах.

В свою очередь Владимир Путин, придя к власти, просто воспользовался уже заложенными инструментами централизации и проросшими снизу идеями гражданского общества, только не того, либерального, о котором писал Р. Патнэм, а консервативного гражданского общества, которое сокрылось от исследователей из-за узости их теоретических рамок<sup>2</sup>.

Гаман-Голутвина О.В.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВЫЗОВАХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РФ

Успешность дипломатии правомерно представлять как эффективность ответов на текущие и перспективные внешние вызовы и угрозы. Вызовы не обязательно означают угрозы, но непременно требуют адекватной реакции. Каковы наиболее чувствительные вызовы и, соответственно, в чем состоят долгосрочные и ближайшие задачи внешней политики?

Базовым рамочным вызовом представляется трансформация международной среды — дрейф мирового порядка от де-факто однополюсного мира с преобладанием «благожелательного гегемона» в лице США к существенно более плюралистической среде. Данный тренд содержит несколько составляющих, в том числе возрастание роли национальных государств (иногда говорят о национальном эгоизме и даже об элементах деглобализации, что проявилось в ходе пандемии COVID-19); повышение роли великих держав (Россия, Индия) и активизация региональных (Турция, Саудовская Аравия) игроков; умножение общей анархизации международной среды и, соответственно, выраженный рост ее конфликтности. Дополнительным фактором риска в этом контексте выступает эрозия нормативно-регулятивной функции международного права, призванного систематизировать межгосударственные взаимодействия в стабильные времена, а в условиях турбулентности тем более востребованной в качестве инструмента снижения конфликтности.

<sup>1</sup> Гайнутдинова Л.А. Роль гражданского общества в системе глобального управления // Вестник Мос. ун-та. Серия 12: Политические науки. 2009. № 5. С. 95–109.

<sup>2</sup> Грек И. Консервативный ресурс. Кто сформировал современную Россию // Журнал «Огонек». 2019. № 34. 2 сент. С. 8.

Вторым значимым вызовом видится *становление новой — безблоковой — конфронтационной биполярности США–КНР*. Для РФ это означает усложнение условий маневрирования и опасность втягивания РФ в это противоборство, в котором для РФ в принципе нет оптимальной позиции. Выступать на стороне США не просто означало бы признание поражения, но стало бы катастрофой для России как сухопутного соседа КНР с протяженной (4 тыс. км) общей границей. Втягивание на стороне КНР чревато быть накрытой условной «взрывной волной». При этом растущая мощь КНР и ее асимметрия с РФ в терминах объема и качества потенциалов сама по себе является вызовом, поскольку стимулирует активность КНР, в том числе на постсоветском пространстве, и шире — может вызвать у КНР искушение относиться к РФ как к младшему партнеру.

Третьим вызовом предстает *сохранение опасности военного столкновения с США/НАТО в результате непреднамеренных действий с возможным перерастанием его в военный конфликт*, не исключено — с применением ядерного оружия. Значение ОМУ в условиях анархизации международной среды амбивалентно. С одной стороны, оно может выполнять функцию взаимного сдерживания противоборствующих сторон, с другой — с учетом понижения психологического порога применения ОМУ вследствие технологических, поколенческих и иных сдвигов — повышать риски разрастания конфликта до масштаба ядерного столкновения.

Но главным вызовом представляется *асимметрия между возрастающим участием России в мировой политике и ограниченностью ее экономического, научно-технологического и социально-демографического потенциала*, структурные диспропорции в экономике РФ.

Поиски ответов на упомянутые вызовы исходят из предположения о длительности конфронтации с США, ЕС, НАТО: позиции крупнейших игроков в ближайшей перспективе вряд ли претерпят существенные изменения. Соответственно, задачи внешней политики предстают как ответы на обозначенные вызовы.

В условиях повышенной турбулентности и сохранения конфронтации с США/ЕС/НАТО плодотворной может быть идея директора Московского Центра Карнеги Д. Тренина об идее динамического равновесия в отношениях с соседями в Европе и Азии, на востоке и на западе, севере и юге: «Равновесие означает уверенное удержание положения самостоятельной крупной державы... Это также отказ принимать чужих врагов или друзей как своих»<sup>1</sup>. Данная идея предстает как развитие традиционной роли России в качестве «держателя мирового равновесия», но в данном случае равновесие должно быть построено в интересах России.

Ответом на усиление турбулентности должно быть обретение большей внутренней устойчивости за счет наращивания позитивной динамики экономического, научно-технологического и социального развития. Необходимо обратить вспять тенденцию сокращения экономического и демографического веса РФ в мировой экономике и населении.

Российская дипломатия нередко компенсирует эти уязвимости, демонстрируя значительную маневренность и гибкость, в том числе благодаря системному прагматизму. Последний предполагает свободу внешней политики от характерной для советского периода идеологизации, что открывает возможность конструктивного взаимодействия с различными сторонами конфликтов. Так, в регионе традиционно повышенной конфликтности — на Ближнем Востоке — РФ является единственным игроком, поддерживающим конструктивное взаимодействие одновременно с Ираном и Саудовской Аравией, Израилем и Ираном, Израилем и Турцией и т.д. Это характерно для дипломатии России и в других регионах мира — она осуществляет рабочие отношения с Китаем и Индией, КНДР и Республикой Корея, Арменией и Азербайджаном и т.д. Однако это не отменяет желательности расширения арсенала дипломатии. В частности, востребована диверсификация средств политики, в том числе за счет реального использования технологий и инструментов «мягкой силы», потенциал которой пока остается малореализованным. Это находит проявление в том, что еще одной проблемой российской внешней политики является ее преимущественная ориентация на контакты с элитами и слабый интерес к взаимодействию с обществами стран-партнеров. Эффективность влияния других крупных игроков — США, ЕС — не в последнюю очередь обусловлена плотностью и разветвленностью их контактов с институтами гражданского общества стран, в которых они заинтересованы.

В условной новой — безблоковой — биполярности России необходимо максимально дистанцироваться от конфликта между Китаем и США, чтобы не стать разменной монетой в этой битве. Сохраняя партнерские отношения с Китаем, важно настойчиво проводить свои интересы и не впадать в зависимость от него, сохранить стратегическую самостоятельность и разнообразить форматы и репертуар экономического сотрудничества с КНР ввиду неоптимальности его нынешней структуры. Востребованы инновационные технологические взаимодействия, крупные высокотехнологические инвестиционные проекты.

Непреднамеренное столкновение в условиях сохранения международной конфронтации может потенциально возникнуть в Сирии, в воздушном пространстве Черного и Балтийского морей, на Украине в случае пересечения ею обозначенных Россией «красных линий». Поэтому крайне важ-

<sup>1</sup> Тренин Д. Новый баланс сил. Россия в поисках равновесия. М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 278.

но воздержание всех сторон потенциальных конфликтов от пересечения взаимных «красных линий» и всестороннее укрепление механизмов деконфликтинга, разработка эффективных алгоритмов взаимодействия в тех областях, где угроза военного столкновения наиболее высока (киберсфера, космос, высокоточные неядерные вооружения и др.). Особо востребованы асимметричные средства поддержания стабильности.

Особое значение имеет снижение конфликтности на постсоветском пространстве — недопущение вооруженной эскалации в Донбассе и новых вооруженных столкновений в Карабахе, стабилизация внутренней ситуации в Белоруссии. В плане региональных конфликтов важно не допустить осложнения в российско-турецких отношениях. Достижением отечественной дипломатии последних лет стало сохранение стабильности взаимодействия с Турцией.

Решение четвертой из перечисленных задач одновременно выступает общим знаменателем решения вышеперечисленных задач. Обеспечение устойчивости в условиях турбулентности, сопряженной с переформатированием международной среды, не может быть достигнуто без обретения позитивной устойчивой внутренней экономической, научно-технологической и социальной динамики и преодоления экономических диспропорций. По сути, *главной задачей внешней политики РФ является создание условий для эффективного внутреннего развития, которое, в свою очередь, способно открыть новые возможности и на внешнеполитическом треке.*

Геращенко С.А.  
(ГАУ ДПО «СОИРО», Саратов)

## ОТНОШЕНИЕ К ХОЛОКОСТУ В РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНГРАММА В УСЛОВИЯХ «ВЕТРА ПЕРЕМЕН»

Как в советской, так и в современной российской историографии сложилось абсолютно пиететное отношение власти и общества к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сакрализация данного события связана сразу с несколькими важными для каждого гражданина факторами: прямой связью истории войны с семейной историей, масштабностью и относительно недавней отдаленностью в новейшей истории и ролью своеобразной «скрепы» в жизни часто нестабильного отечественного социума («умение скорбеть», «точка сборки», «трагический нарратив»<sup>1</sup>).

Совершенно особое место в истории Великой Отечественной войны занимает политика Холокоста на оккупированных советских территориях. Беспрецедентная и универсальная с позиции своего идеологического обоснования, в большей степени эта политика сочетается с термином «Вторая мировая война», так как ряд исследователей подчеркивает, что Холокост — это геноцид непосредственно «европейского еврейства»<sup>2</sup> (К.А. Вавилова), а некоторые включают его в число известных примеров геноцида XX в.<sup>3</sup> (Н.В. Романовский). Непосредственная связь данной политики с историей нашей страны прослеживается в оценке жертв Холокоста, среди которых, по оценкам современных историков, 2,6–2,8 млн человек проживали на территории СССР<sup>4</sup>.

Феномен Холокоста на территории СССР можно считать своего рода политической энграммой, которая существует в центре «розы ветров» — на постоянном пересечении «ветра перемен». Действительно, исследователей, занимающихся проблематикой Холокоста, можно считать раздражителями, которые время от времени оставляют след памяти в организме, роль которого играет отечественный социум. Периодизация данного «раздражения» связана с периодами изучения Холокоста в Советском Союзе и России.

Первыми исследователями Холокоста в нашей стране стали недавние участники войны — очевидцы событий, а также представители Еврейского антифашистского комитета. Несмотря на некую «закрытость» темы, ее отдельные аспекты рассматривались на глубинном уровне изучения нацистской идеологии. Так или иначе, тематика Холокоста нашла свое отражение в работах И. Эренбурга, В. Гроссмана<sup>5</sup>, А.А. Галкина, Л.Б. Черной и др. Но перед советской исторической наукой стояли задачи героизации советского народа-победителя, куда не вписывалось сохранение памяти об уничи-

<sup>1</sup> Пахалюк К. «Умение скорбеть». 22 июня и ценностный язык российской политики // Воронцово поле. 2021. № 2. С. 32–34.

<sup>2</sup> Вавилова К.А. Основные векторы в изучении проблем Холокоста на современном этапе // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2014. № 4 (60). Т. 3. С. 23–27.

<sup>3</sup> Романовский Н.В. Лики этнократии // Россия и современный мир. 2000. Вып. 3. С. 128.

<sup>4</sup> Альтман И.А., Гилева М.В. История Холокоста в вопросах и ответах // Преподавание истории в школе. 2019. № 5. С. 12.

<sup>5</sup> Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. / Сост. под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. В.: ИАД, 1993. — 608 с.

тожении отдельных этнических групп (евреи, синти и рома). Именно это породило универсальный государственный концепт «мирные советские граждане» без указания их национальной принадлежности. Этот концепт в послевоенное время достаточно часто использовался на памятниках и мемориальных табличках, установленных в том числе на местах массового уничтожения и/или захоронения советских евреев.

Российский период изучения феномена Холокоста ознаменовался созданием ряда различных исследовательских и просветительских организаций, вузовских лабораторий (НПЦ «Холокост», Международный научно-образовательный центр истории Холокоста и геноцидов), а также благотворительных фондов и проектов (Российский еврейский конгресс, проект «Вернем достоинство»). Всплеск интереса к изучению данной темы в 1990—2000-е годы можно связать с рассекречиванием большого числа архивных документов, а также вследствие этого началом поисков своих исконных корней российскими и зарубежными гражданами. В то же время в качестве одной из характерных черт изучения Холокоста можно отметить формирование ревизионизма и реваншизма в отношении к историческим источникам и отрицание данного явления как такового. Официальный политический дискурс можно связать как с внесением термина «Холокост» в целый ряд российских учебников, так и с выступлениями политических лидеров (В.В. Путин<sup>1</sup>, В.И. Матвиенко<sup>2</sup>) по данному вопросу

Тем не менее Холокост был и остается подвержен «веяниям времени», связанным как с повесткой дня в мировой политике, так и отношением российского общества к евреям как особой группе жертв Великой Отечественной и Второй мировой войн. Яркий интерес исследовательского сообщества к построению толерантного социума в начале нулевых годов привел к росту исследований Холокоста как темы, способной на примерах сходства и отличий судеб евреев и других советских народов воспитать толерантность в молодых людях. Спад популярности концепта «толерантное общество» постепенно приводит к формированию несколько двойственного отношения к проблематике «окончательного решения еврейского вопроса» с возникновением риторики отрицания беспрецедентности и «особости» Холокоста в ряду иных геноцидов. Очередной поворот «ветра перемен» был совершен с проведением Дня единых действий в память о геноциде советского народа нацистами и их пособниками в годы войны, поддержанного органами исполнительной власти. Перспективы этого поворота напоминают очертания концепта «мирные советские граждане», но на данный момент прослеживаются недостаточно четко. Какие изменения произошли или происходят в рассмотрении Холокоста как политической энграммы, покажет время.

Глухова А.В.  
(ВГУ, Воронеж)

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ (КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА)<sup>3</sup>

Российская политическая система, сложившаяся на основе Конституции, принятой в условиях политического конфликта 1993 г., изначально характеризовалась двойственностью, сосуществованием и взаимодействием подсистем, опирающихся на принципы как традиционной российско-советской, так и западной политической системы. Наличие формальных институтов демократического государства — Конституции, выборов, многопартийного парламента — сочетается в ней с созданием огромного количества формализованных и неформальных ограничений для участия населения в управлении страной, включая полный контроль политических элит над повесткой дня.

В институциональной подсистеме нормами Конституции 1993 г. был изначально заложен серьезный дефект, вызванный нарушением системы сдержек и противовесов, обеспечивающей взаимный контроль ветвей власти. В результате исполнительная власть не просто возвышается, но довлеет над другими ветвями власти, особенно по вертикали, открывая дорогу к плебисцитарному авторитаризму. Парламент как представительная и законодательная ветвь власти с функцией контроля над деятельностью правительства, включая распределение ресурсов, после 2003 г. полностью попал под контроль доминирующей партии, «Единой России», и добровольно отказался от полноценного обсуждения

<sup>1</sup> Форум «Сохраняем память о Холокосте, боремся с антисемитизмом» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62646> (дата обращения: 19.03.2021).

<sup>2</sup> В. Матвиенко: Наш общий долг — сохранить правду о событиях Холокоста и не дать миру забыть об этой трагедии и ее жертвах // Совет Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <http://council.gov.ru/events/chairman/112720/> (дата обращения: 20.05.2021).

<sup>3</sup> Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-31097 «Риски деформации политической системы РФ в условиях конституционных изменений (конфликтологическая экспертиза)».



важнейших государственных решений. Суды, призванные быть независимым механизмом разрешения конфликтов и согласования интересов, чаще всего выносят решения в интересах властных структур, подрывая доверие к себе как институционализованному арбитру (по результатам расчета индекса верховенства права в 2020 г. Россия заняла 94-е место из 128 стран)<sup>1</sup>.

После внесения в Конституцию РФ серии поправок-2020 институциональный дизайн политической системы стал более определенным, но гораздо менее демократичным. Несмотря на видимое перераспределение полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти (Государственная Дума отныне наделена полномочиями утверждать не только кандидатуру председателя правительства, но и части министров, за исключением силовых), сверхполномочия президента в части роспуска парламента или отставки правительства еще больше укрепились. Председатель правительства может быть отправлен в отставку при сохранении кабинета министров; возможны и произвольные отставки отдельных министров. И без того ослабленный статус правительства как главного распорядительного органа в системе государственной власти становится еще слабее.

В ходе конституционных преобразований произошло изменение статуса Конституционного суда: его состав сократился с 19 до 11 членов, назначаемых лично президентом, включая его председателя. Подчинение президенту всех силовых структур — ФСБ, МВД, МО, прокуратуры, а также МИДа — завершает логику дальнейшей концентрации верховной власти. Глава государства, получив два десятка новых конституционных полномочий, еще выше встает над другими ветвями власти, а обе палаты парламента превращаются в административное приложение властного механизма.

Закрепленные в нормативно-правовой подсистеме нормы призваны обеспечивать важнейшую функцию Конституции — быть основным законом прямого действия во всей совокупности его статей, обеспечивать единство правового поля и следование политических акторов единым правилам «политической игры». Однако поправки усиливают противоречие между преамбулой, первыми незыблемыми главами («Основы конституционного строя» и «Права и свободы человека и гражданина») и новой конфигурацией государственной власти. Это привело к созданию «избыточно сложной и недостаточно цельной конструкции, которая едва ли полностью снимет противоречия, провоцировавшие споры о Конституции 1993 г.»<sup>2</sup>.

Таким образом, проблема существенного повышения роли политической системы в достижении более равновесного сочетания динамизма и стабильности в развитии российского государства и общества по-прежнему актуальна. Пандемия COVID-19 вернула в политическую повестку дня вопрос об эффективности политических систем. Выявлены идеальные типы социально-политических конфигураций, определяющих успех или неудачу разных систем в борьбе с коронавирусом<sup>3</sup>. Важнейшим показателем является степень доверия населения к политической системе, готовность взаимодействовать с государством в противостоянии опасному эпидемиологическому вызову. И напротив, институциональная ригидность, неспособность к обновлению и неопатримониализм ослабляют систему, лишая ее необходимой поддержки граждан и не оставляя поля для маневра.

Гнедаш А.А.  
(КубГУ, Краснодар)

## **ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА: СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ<sup>4</sup>**

**В**первые семейная политика и ее роль как фактора устойчивого развития государства была осмыслена в ракурсе пересечения нескольких относительно самостоятельных направлений в социально-политических науках: государственная семейная политика; региональные меры, инструменты и программы поддержки семей; трендовые связи между инструментами семейной политики и рождаемостью в регионах; сетевой гражданский дискурс в отношении реализуемой семейной политики; точки пересечения и линии разлома между реализуемой государственной семейной политикой и сетевым дискурсом (восприятие и оценка) данной политики и гражданами, и сообществами; мониторинг и прогнозирование

<sup>1</sup> The World Justice Project (WJP) Rule of Law Index. URL: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index>.

<sup>2</sup> Малинова О.Ю. Конституционный процесс как символическая политика: дискуссии о поправках к Конституции РФ, 1993–2020 // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 35.

<sup>3</sup> Merkel W. Das Virus und der Wettlauf der Systeme // Frankfurter Hefte. 2020. No. 5. S. 16–20.

<sup>4</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011–31701 «Государственная семейная политика как фактор устойчивого развития государства: сетевой анализ региональных практик в современной России» (2020).

ние реакции граждан на принимаемые меры семейной политики в регионах РФ; сетевой подход как методология и инструментарий оценки эффективности и результативности государственной семейной политики, направленной на увеличение рождаемости в стране.

В результате применения трендового анализа (наличие условий, которые стабильно и долгосрочно влияют на увеличение/сокращение рождаемости) мы получили три группы регионов:

- группа из 47 регионов с зафиксированной тенденцией увеличения рождаемости за период 2000–2019 гг.;
- группа из 11 регионов с зафиксированной тенденцией сокращения рождаемости за указанный период;
- 27 субъектов РФ, в которых тренд, как совокупность факторов, устойчиво и долгосрочно влияющих на рождаемость, не выявлен.

Для проведения исследования официального и гражданского дискурсов посредством сетевого и лингводискурсивного анализа были выбраны 9 субъектов РФ.

Сравнительный анализ результатов сетевого и лингводискурсивного анализа гражданского дискурса (публикации, комментарии и обсуждения в пабликах 9 региональных сетевых сообществ «Типичный регион») и официального дискурса (9 официальных пабликов профильных региональных органов власти в сфере семейной политики в сети ВКонтакте) позволил выделить следующие точки пересечения и линии разлома между деятельностью государственных структур и ожиданиями гражданского общества в области семейной политики, а также оценить эффективность и результативность осуществляемых мер в области поддержки российских семей на основании выявленных пересечений и разломов.

Контрольная группа — регионы без тренда (Краснодарский край, Тверская область). Специфика официального и гражданского дискурсов состоит в том, что гражданский дискурс представляет собой более обширные дискурсивные тематики, связанные с семьей. Мы видим, что пользователи обсуждают не только государственную семейную политику, обсуждения происходят на тему школ, детских садов, инфраструктуры города и досуга для детей, допускаются высказывания подписчиков относительно ценностей современных родителей, оценочные суждения по поводу распределения бюджетных средств, некачественной инфраструктуры. Официальный дискурс отличается от гражданского не только тематикой, но и стилем передачи информации, который сосредоточен на информировании граждан о возможностях государственной поддержки семей, изменений в законодательстве, помощи семьям в получении необходимых льгот и пособий. Гражданский дискурс построен на желаниях граждан заявить о своих проблемах, трудностях и нерешенных ситуациях; официальный дискурс регламентирует права и возможности семей эти проблемы решать и не создавать другие проблемы.

Группа регионов с убывающей рождаемостью (Тамбовская область, Чукотский автономный округ, Республика Калмыкия). Традиционные национальные ценности видны как в гражданском, так и в официальном дискурсе, потому что, помимо финансовых и материальных ресурсов, семьи нуждаются в том, чтобы от государства исходила единая, сплоченная государственная политика, транслирующая семейные ценности и связь между поколениями.

Группа регионов с ростом рождаемости (Самарская область, Тюменская область, Республика Дагестан). В рамках гражданского дискурса обсуждаются как концептуальные основания государственной семейной политики, так и проблемы ее реализации в регионах. В социальных сетях неофициального профиля публикуются мнения лидеров общественного мнения относительно целей и методов государственной семейной политики, инициативы государственных деятелей, официальные документы по государственной семейной политике, разъяснения работников социальных служб относительно нюансов реализации пакета государственных мер в области поддержки семьи. Таким образом, «разломов» в официальном и гражданском дискурсах практически не наблюдается: большую часть проблем, обозначенных гражданским неофициальным дискурсом, официальный дискурс стремится учитывать.

Город федерального значения Москва как единственный регион с восходящим графиком анализа рождаемости. Семейная политика в Москве — это не только государственные органы власти, заботящиеся о семьях, требующих помощи, это в первую очередь сеть развитых НКО и фондов, детализирующих семейную проблематику на узкие области, в которых присутствуют специалисты, готовые помочь.

Головин Ю.А.  
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

## ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ<sup>1</sup>

Основными приоритетами государственного строительства во все времена развития России являлось формирование демократических основ. Укрепление гражданского общества как фундамента демократии становится важнейшей государственной задачей, включенной в федеральную повестку. Более 10 лет внимание государственного аппарата сконцентрировано на работе социально ориентированных общественных организаций. Вектор развития государства формируется благодаря общественному мнению, при этом в некоммерческом секторе, благодаря диалогу власти и общества, также определяются основные тенденции развития.

В условиях современности коммуникация приобретает первостепенное значение, являясь базисом соблюдения интересов «третьего сектора». Единое информационное пространство в динамично меняющихся обстоятельствах становится источником информированности об изменениях нормативно-законодательной базы, а также формирования горизонтальной коммуникации для полноценного функционирования некоммерческих организаций.

Однако информационное пространство может негативно воздействовать на людей. Возможность манипуляции общественным сознанием через искажение реальных фактов в информационном пространстве вызывает множество проблем. Насколько велико влияние информационных потоков на формирование гражданского общества в регионе, являются ли используемые социально ориентированными организациями области коммуникативные технологии достаточными для их развития? С целью выяснить это в 2020 г. в нашей области был проведен экспертный опрос: были опрошены более 70 руководителей и работников НКО Ярославской области.

Все эксперты используют Интернет. Как и год назад, их активность в Сети чаще всего ограничивается профессиональной необходимостью и социальным общением: поиск справочной информации (85,3%) и материалов для работы (75,0%), работа по электронной почте (94,1%), просмотр новостей (57,4%) и общение в социальных сетях (63,2%).

Продолжается рост числа тех, кто полагает, что эффективность взаимодействия с органами государственной власти не зависит от формата взаимодействия. В 2018 г. данную точку зрения разделяли 14,5%, в 2019 г. — 17,1, в 2020 г. их стало уже 24,6%. Надо отметить, что по результатам опроса не улучшилось мнение об эффективности использования Интернета для контроля деятельности органов власти, однако в период пандемии по состоянию на февраль 2021 г. 70,9% экспертов считают, что Интернет занимает лидирующие позиции в получении информации о деятельности органов власти.

Весьма показательна позиция членов НКО о роли Интернета во взаимодействии с органами власти, как государственными, так и муниципальными. По основным вопросам участники опроса констатировали снижение роли Интернета в таком взаимодействии. Однако период изоляции значительно скорректировал позиции гражданских активистов, что подтверждается результатами опроса.

В целом представители «третьего сектора» стали реже использовать Интернет в личных целях и чаще видеть в нем угрозу для общества и государства. Тем не менее число сторонников тотальной интернет-цензуры среди них продолжает снижаться. В 2020 г. за такой вид регулирования контента выступили 25,4% экспертов (в 2018 г. их было 29,6%). Все больше выступают за введение частичной цензуры в зависимости от информации. В ходе исследования к ее сторонникам отнесли себя 67,2% участников исследования (на уровне 2018 г. и на 10 п.п. выше значения 2019 г.). И только лишь 6% поддерживают идею полной свободы распространения информации в Интернете (на уровне 2018 г. и на 3 п.п. ниже значения 2019 г.).

Ощущение безопасности и защищенности в ходе онлайн-сеансов испытывают порядка 7% экспертов (на уровне прошлых лет). Чувствуют лишь частичную защищенность 60,3% общественных активистов (+18 п.п. к 2019 г.), полную беззащитность — 30,9% из них (–10 п.п. к значению 2019 г.).

Эти данные также позволяют говорить о развитии тенденции «опривычивания» Интернета: его все в большей степени осмысливают, привыкают к нему и к предоставляемым им возможностям. При этом все более четкими становятся запросы как на свободное пользование ими, так и на создание безопасных условий для этого.

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии, используемые региональными общественными организациями, оказывают большое, но не решающее влияние на общую информированность, необходимую для формирования и развития гражданского общества. В регионе все популяр-

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-011-00268 «Трансформация гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий (на примере Ярославской области)».

нее становятся дискуссионные площадки, лекции и круглые столы по актуальным вопросам юридического сопровождения профессиональной деятельности некоммерческих организаций и повышения их мотивации к регулярному мониторингу нововведений в законодательстве, регулирующих деятельность «третьего сектора».

Головин М.С.  
(ЧелГУ, Челябинск)

## ИДЕОЛОГИЯ ПРАВОВОГО РАДИКАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Праворадикальная идеология в последнее десятилетие стала набирать популярность во многих государствах Европы, и в частности в Великобритании. Подобный электоральный рост политических партий, основным инструментом которых является националистический дискурс, объясняется в первую очередь проблемой с беженцами и в целом непрекращающимися конфликтами на почве иммиграционного вопроса. В конечном итоге, именно миграционная проблематика стала одной из центральных тем, на которых делали акцент политики, выступавшие за выход Британии из Европейского союза.

Однако, помимо националистической составляющей и дискурса национальной идентичности, одной из важнейших категорий дискурса праворадикальных политических организаций является политкорректность (*political correctness*). И случай британских крайне правых, вероятно, является одним из самых показательных в этом отношении: в программных документах, выпущенных праворадикальными организациями различного уровня, тема политической корректности стала одной из центральных. К примеру, в программном документе Партии независимости Соединенного Королевства 2020 г. под названием *UKIP National Manifesto 2020. Save Britain*<sup>1</sup> присутствует такой раздел, как «Свобода слова и политкорректность», в котором делается акцент на том негативном влиянии, которое оказывает политкорректность на свободу слова. Кроме того, критикуется «политическая доктрина культурного марксизма» (*the political doctrine of Cultural Marxism*). В более ранней программе также наличествовало упоминание данной «доктрины», однако в более определенной, негативной форме: «культурно-марксистская социальная инженерия общества»<sup>2</sup>. Таким образом, в дискурсе британских крайне правых идеи политкорректности, а также «культурный марксизм» не просто являются частью идеологии их оппонентов, но выступают в качестве программы по конструированию нового общества с установками, которые, по мнению идеологов Партии независимости, содержат в себе угрозу идентичности британцев. Весьма интересным для анализа представляется исследование конца 2020 — начала 2021 г. под названием «Культурные войны по всему миру»<sup>3</sup>, проводившееся Королевским колледжем Лондона (*King's College London*) совместно с *Ipsos Group*. Среди прочего было изучено отношение британцев к политической корректности, и выяснилось, что более половины опрошенных жителей Великобритании (51%) негативно относятся к этому феномену, считая, что люди «слишком легко обижаются»<sup>4</sup>. Интересно, что это наиболее высокий показатель среди всех стран, в которых проводилось исследование. Исходя из особенностей процесса трансформации дискурса праворадикальных партий в ряде европейских стран в последние годы, учитывая расстановку новых акцентов при конструировании своего дискурса и формировании своей идеологии, а также данных опросов общественного мнения, можно сформулировать следующий тезис: праворадикальные партии продолжают совершенствовать свой дискурс, достаточно чутко реагируя на те социально-культурные, политические и идеологические изменения, которые происходят в обществе.

Следовательно, вполне вероятно, что нерешенность ряда актуальных проблем теми политическими силами, которые формируют правительство и определяют государственный курс, способствует тому, что крайне правые организации еще больше актуализируют вопросы, касающиеся иммиграции, политической корректности, позитивной дискриминации и «культурных войн». И таким образом, можно сделать предположение, что, несмотря на ряд факторов, которые сдерживают электоральный рост крайне правых партий, в обозримой перспективе их влияние на общественное сознание будет увеличиваться, что в конечном счете может привести к радикальным изменениям партийно-политического ландшафта в некоторых государствах современной Европы, в том числе и в Великобритании.

<sup>1</sup> UKIP National Manifesto 2020. Save Britain. URL: <https://irp-cdn.multiscreensite.com/f6e3b8c6/files/uploaded/UKIP%20MANIFESTO%202020-1.pdf>. P. 19.

<sup>2</sup> UKIP Manifesto for Brexit and Beyond. URL: [https://irp-cdn.multiscreensite.com/f6e3b8c6/files/uploaded/manifesto\\_complete.pdf](https://irp-cdn.multiscreensite.com/f6e3b8c6/files/uploaded/manifesto_complete.pdf). P. 35.

<sup>3</sup> Culture wars around the world: how countries perceive divisions. URL: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/culture-wars-around-the-world-how-countries-perceive-divisions.pdf>.

<sup>4</sup> Ibid. P. 3.

Головлев Р.В.  
(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

## КАПИТАЛИЗМ ПЛАТФОРМ КАК НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Стремительное развитие цифровых технологий приводит к тому, что главным товаром на рынке становится информация. Поскольку данные теперь являются особо актуальным и специфическим активом, появляются специальные компании-платформы. Их основной деятельностью, с одной стороны, является обработка полученной информации и последующая передача результатов заказчику, с другой — является площадка, на которой происходит встреча покупателя и потребителя. Основными характеристиками такой компании являются использование данных в качестве «сырья» для бизнес-деятельности, порождение «сетового эффекта» (чем больше у компании пользователей, тем привлекательнее она выглядит в глазах других людей), использование механизмов перекрестного субсидирования; наблюдается различная ценовая политика среди подразделений компаний.

Но почему для будущего человечества является важным появление новой бизнес-платформы? Дело в том, что популярность данной предпринимательской стратегии приводит к масштабным трансформациям в сфере государственного управления и трудовых отношений.

В первом случае это обусловлено одной из тенденций компаний-платформ, а именно стремления к монополизму. Это происходит в результате действия «сетового эффекта»: большинство пользователей предпочитают присоединяться к популярным платформам, где уже могут находиться их друзья и необходимые товары и услуги. Модель функционирования «сначала рост — потом прибыль», которая побуждает платформу к максимальному увеличению аудитории, обостряет стремление к доминированию на рынке. В стремлении охватить наибольшее количество пользователей компании создают экосистемы, которые предоставляют практически полный спектр существующих сервисов. Из-за этого платформы становятся очень похожими друг на друга, что в сочетании с обозначенными выше факторами существенно осложняют функционирование ряда институтов рыночной экономики, в особенности принцип свободной конкуренции<sup>1</sup>. Кроме того, большинство компаний-платформ имеют экстерриториальный характер и выводят свои активы в офшорные зоны, что существенно понижает налоговую нагрузку и доходы в бюджет. Контролируя огромные потоки информации и имея возможность влияния на многие процессы, выборы, протестные акции и т.д., компании становятся важнейшими политическими акторами.

Сфера трудовых отношений переживает еще более глубокие перемены. Компании-платформы используют механизм аутсорсинга для сокращения издержек и получения более выигрышного положения по сравнению с конкурентами<sup>2</sup>. В результате подобной политики резко социальные группы, названные Гаем Стендингом прекариатом, т.е. люди, которые не имеют гарантии занятости, могут рассчитывать только лишь на прямое вознаграждение за свой труд и имеют меньший объем прав по сравнению с другими гражданами государства. Часть прекариата являются студентами, мигрантами, стажерами, фрилансерами, работниками креативных индустрий и т.д. Следствием роста данной группы является снижение социальной защищенности наемных работников, поскольку большинство прав трудящихся гарантируются только при условии заключения полноценного трудового договора<sup>3</sup>. Вследствие того, что большинство современных политических режимов поддерживают либеральные положения о том, что цифровизация существенно увеличивает инвестиционную привлекательность бизнеса, дают многим работникам возможность регулировать свое рабочее время, почувствовать себя предпринимателем и т.д., капитализм платформ не воспринимается большинством правительств как угроза, будоража умы узкого круга левых интеллектуалов.

В то же время сложившийся порядок не способен преодолеть сложившиеся противоречия, профсоюзы и социал-демократические партии не пользуются доверием прекариата, и поэтому стремительно набирают популярность фашистские движения, дающие простые ответы на сложные вопросы.

В результате исследования мы можем сделать вывод о том, что переход к капитализму платформ вызывает огромные общественные сдвиги. Монополизм крупных агрегаторов информации приводит к вытеснению более мелких игроков с рынка и разрушению правил конкуренции. Особенности функционирования платформ ведут к тому, что большинство их работников имеют неустойчивый статус и предпочитают тред-юнионистскому способу защиты своих прав стихийные коллективные действия. В будущем это может привести к серьезным социальным потрясениям, поскольку у государства в настоящий момент не существует эффективных механизмов контроля за деятельностью подобных компаний, а также сотрудничеству с самими государственными органами. Возможные способы выхода

<sup>1</sup> Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020.

<sup>2</sup> Крауч К. Победит ли гиг-экономика? М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020.

<sup>3</sup> Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Марнигем Пресс, 2020.

из данного положения — введение безусловного базового дохода, попытка контроля пользовательских соглашений и т.д. — сейчас находятся лишь на уровне обсуждений в кабинетах правительств.

**Гоптарева И.Б.**  
(Оренбургский государственный университет, Оренбург)

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПУБЛИЧНОСТИ

**П**од публичностью понимается сфера общественных отношений, в центре которых стоят вопросы, требующие коллективных решений без учета и вмешательства частных субъектов принятия решений.

Формирование публичного пространства тесно связано с модернизацией общественных отношений, развитие которых обеспечивается функциями публичности, выраженными тремя нормативными измерениями ее смыслового содержания<sup>1</sup>.

1. Делиберативная функция публичности. В сети коммуникационных потоков публичных взаимосвязей постоянно всплывают вопросы о нормальной и справедливой жизни. Именно таким способом публичность подтверждает действенность современного общества. Благодаря своим делиберативным качествам (диалоги, дискурсы, диспуты, компромиссы, согласования, договоры и т.п.) феномен публичности позволяет идентично воспринимать насущные проблемы в обществе для их конструктивного решения. Публичность формирует систему посредничества, политическая функция которой заключается в приеме запросов, требований на «входе» системы, переработки определенных интересов на «выходе» с последующей трансляцией результатов совокупного общественного мнения.

Сосредоточение внимания активной части общества на остросоциальных вопросах через публичные коммуникации гарантирует принятие решений в интересах большинства. При данных обстоятельствах концентрация политической коммуникации может трансформироваться в политическую власть, особенно в случае принятия резонансных решений, законов и т.д. Например, обсуждение подобных вопросов в парламенте является предметом особого внимания в СМИ, в общественных дискуссиях, публичных выступлениях и др., которые могут оказаться инструментом давления на властные структуры при принятии решений. Коммуникационные мероприятия этого типа характеризуются тем, что связь между общественным мнением и парламентским обсуждением особенно тесна: общественное мнение определяет повестку дня парламентских дебатов, в результате которых происходит агрегирование множества интересов, сформированных в процессе принятия решений активной частью общества.

2. Политико-правовая функция публичности. В рамках процедур общественного наблюдения достаточно, чтобы политическая система поддерживалась партиями, общественными ассоциациями, гражданским обществом и государственными организациями, а также выборами и голосованием на различных уровнях принятия решений, основанных на верховенстве права. Это предпосылка того, чтобы институты политической системы могли на законном основании принимать общеобязательные решения в качестве исходного результата.

Эта функция обеспечивает легитимацию политической власти, процессы решения политических проблем и политико-правовую сферу действия на основе элементарных гражданских прав, включая право голоса и выборов. Формирование демократического самоопределения успешнее происходит в обществах с доминирующим пространством политической публичности. Все коммуникационные процессы остальных сфер потенциально могут найти в нем отклик. Высокая активность политической публичности определяет проницаемость коммуникационных потоков в соответствующие сферы в функциональном отношении. В пределах этой проницаемости институты демократического и правового государства, процедура принятия решений и т.д. приобретают легитимность с меньшим напряжением благодаря механизму «обратной связи», обеспечивающему востребованность общества в базовых регуляторах его жизнеобеспечения.

3. Интеграционная функция. Сфера политической публичности (гласность, свобода слова, обмен мнениями, манифестации и др.) — единственная из всех других сфер создает возможность для граждан объединяться в политическое сообщество, активность которого на всех уровнях — национальном, региональном, местном — имеет решающее значение для устойчивого расширения (или сужения) политической и правовой идентичности в форме общих убеждений граждан<sup>2</sup>. Это «многоуровневое» доверие к объединяющему началу является императивом для политического участия и лояльности, формирующих у граждан готовность принять демократию, необходимую как противовес политике власти навязывания решений, перераспределения ресурсов и т.п. в ущерб интересам большинства. Публич-

<sup>1</sup> Kohler G. Öffentlichkeit. In: Kolmer P., Wildfeuer A.G. Neues Handbuch philosophischer Grundbegriffe. Freiburg: Karl Alber Verlag, 2011. С. 1668.

<sup>2</sup> Imhof K. Theorie der Öffentlichkeit als Theorie der Moderne. URL: [https://www.foeg.uzh.ch/dam/jcr:00000000-13a2-35bc-00000000568aa4ad/Theorie\\_der\\_Moderne.pdf](https://www.foeg.uzh.ch/dam/jcr:00000000-13a2-35bc-00000000568aa4ad/Theorie_der_Moderne.pdf) (accessed: 15.06.2021).

ность обеспечивает интеграцию посредством массовой коммуникации и является регулирующей идеей, агрегатором общественного мнения, способом раскрытия смысла возникающих в обществе проблем через делиберативную политику.

Рассмотренные функции публичности способствуют активизации части общества, состоящего из акторов, коммуникационных потоков и открытых площадок для обмена мнениями. Они нацелены на укрепление демократических институтов и обеспечивают политическое пространство участием широких масс в обсуждении средств и целей политики правительства.

Горбачев М.В.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **МОДЕЛИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ МЕДИАКОРПОРАЦИЙ**

Современная социально-политическая реальность отличается стремительной политизацией социальных сетей и мессенджеров, расширением информационного и технологического влияния новых медиакорпораций, увеличением ресурсных возможностей каналов и устройств передачи данных. Цифровизация политического участия постепенно становится главным мегатрендом развития социума. Цифровые возможности, предоставляемые носителями передовых информационных технологий, активно задействуются многочисленными субъектами политики для реализации собственных интересов и задач. Ими разрабатываются и применяются сценарии, механизмы, модели ускорения цифровизации политического протеста с целью получения конкурентных преимуществ над политическими оппонентами. Данные сценарии, механизмы, модели имеют двойственную социально-технологическую природу, что делает их эффективными в плане оказания разностороннего влияния на различные общественные группы. Одновременно это затрудняет их идентификацию и анализ, требует обращения не только к группе социально-гуманитарных методов изучения протестного участия, но и к сложным математическим моделям и алгоритмам<sup>1</sup>.

Несмотря на то что о широких возможностях цифровой политической мобилизации граждан с целью организации и поддержания политического протеста ученым и практикам было известно достаточно давно, настоящим «открытием» стало то, что электронные инструменты вовлечения граждан в протест активно меняют свой политико-технологический статус. Они перестают быть вспомогательными и трансформируются в ключевые средства его организации и поддержания. Это проявлялось в следующих кейсах: протесты несогласных с результатами президентских выборов в Белоруссии (2020–2021 гг.), протесты в Москве и Санкт-Петербурге в поддержку интернет-блогера А. Навального (зима 2021 г.), протесты в Вашингтоне (2021 г.), протесты в Париже против законопроекта «О глобальной безопасности» (2020 г.), протесты в Гонконге против законопроекта об экстрадиции (2019–2020 гг.) и целый ряд других.

Представленные выше примеры цифровизации политического протеста демонстрируют его децентрализацию, удаленное управление, преобладание горизонтальных связей участников над вертикальными, использование новых приемов сбора и передачи информации, конструирование электронных моделей политической самоорганизации граждан, формирования нового типа протестующего — «цифрового бунтаря», создание электронной сети вспомогательных цифровых площадок поддержания протестной активности и многое др. Эти и другие особенности политического протеста нового типа являются важными ориентирами для идентификации базовых моделей цифровизации политического протеста.

Думается, что исследование базовых моделей цифровизации политического протеста в условиях становления новых медиакорпораций связано с решением следующих научно-практических задач: во-первых, необходимо провести идентификацию национальных механизмов и сценариев цифровизации политического протеста, определение их социально-технологических возможностей и ограничений. Во-вторых, следует выделить национальные модели цифровизации политического протеста, определить критерии их сравнительно-сопоставительного анализа. В-третьих, стоит осуществить типологизацию национальных сценариев и механизмов цифровизации политического протеста, классификацию национальных моделей цифровизации политического протеста, выявление их общих и особенных характеристик. В-четвертых, следует сконструировать обобщенную модель цифровизации политического протеста в условиях становления новых медиакорпораций. В-пятых, требуется осуществить описание ключевых характеристик и элементов обобщенной модели цифровизации политического протеста,

<sup>1</sup> Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53; Бронников И.А., Горбачев М.В., Кононенко О.С., Тимирчев И.К. Медиаактивизм и гражданская мобилизация: генезис и тенденции // Вестник Мос. гос. обл. ун-та. 2021. № 1; Игнатовский Я.Р. Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста // Власть. 2019. № 1.

определение ее функциональности в конфликтогенной социально-политической среде. В-шестых, следует разработать и предложить социально-технологические инструменты противодействия внесистемным цифровым политическим протестам на основе математических моделей анализа их сценариев, алгоритмов, механизмов.

Горлов К.Н.  
(ИСПИ РАН, Мичуринский государственный  
аграрный университет, Мичуринск)

## ЭКОСИСТЕМНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Понятия «экосистема», «платформа», «сети» прочно укрепились в современном политическом дискурсе. Современное государственное управление утрачивает прежнюю жесткость и регламентированность и базируется скорее на горизонтальных, чем на вертикальных связях между правительственными органами, ассоциациями гражданского общества и бизнесом. Уровень учета позиций невластных институтов становится важным критерием успешности и эффективности функционирования всей системы государственного управления в целом. Поэтому на современном этапе развития политической коммуникации все чаще говорится об экосистемном сетевом взаимодействии сторон.

Термин «экосистема», который ранее монополизировала биологическая наука, сегодня активно используется в оценке социальных явлений. В нашем понимании это весь социум и его сегменты, общества людей, государственные, общественные и бизнес-институты, а также системы платформенных решений, сетей, связей и взаимодействий, информационный и ресурсный обмен между ними.

Теперь для экосистем естественной считается функция квазирегулятора, устанавливающего правила, следящего за их соблюдением и отвечающего за исполнение положений общественного договора, заключенного с его помощью.

Взаимодействие власти, бизнеса и общества в рамках экосистемы мы предлагаем рассматривать как совокупность процессов объектно-субъектного воздействия, изменений и взаимной обусловленности. Выделяя три основные функции экосистемного взаимодействия в соответствии с этапами политического процесса — мониторинг, установление повестки дня и участие в процессе принятия решений, — ученые рассматривают различные формально институционализированные механизмы, а также неформальные выражения гражданской активности, включая социальные сети.

Взаимодействие власти, бизнеса и общества в рамках экосистемы должно строиться на взаимном доверии. Возникший уже в нашем веке новый вид доверия — *цифровое доверие* можно определить, как уверенность пользователей в безопасности и надежности цифровых систем, процессов и технологий<sup>1</sup>. «Цифровое доверие», таким образом, превращается в механизм обеспечения стабильности и поддержки социально-экономического развития.

Успешные практики использования для взаимоотношений бизнеса и власти официальных государственных платформ и неофициальных каналов, предоставляемых социальными сетями, в совокупности с цифровыми технологиями можно рассматривать как инструменты укрепления доверия между бизнес-структурами и государственными институтами.

Необходимо обеспечить преемственность программ цифрового развития и координацию их целей с общей стратегией развития регионов и страны<sup>2</sup>. Власти необходимо создать условия для обеспечения потенциальной и реальной инклюзии представителей предпринимательского сообщества в процессы подготовки, принятия и реализации политических решений на различных уровнях. Одновременно необходимо установление границ допустимой степени вмешательства власти в деятельность субъектов предпринимательства в рамках приемлемого общественного консенсуса.

Современные цифровые платформы способны не только справиться с этими задачами, но и обеспечить весь спектр коммуникативных взаимоотношений бизнеса и власти по широкому кругу вопросов (регистрация, налоговые и имущественные отношения, отчетность и проверки, меры поддержки, решения споров, оценка регулирующего воздействия и многое другое) по тем каналам коммуникации, что привычны и понятны бизнесу. В данном контексте интересно предложение канадского политолога Н. Срничека о создании «общественных платформ», принадлежащих «простым» людям, не зависящим ни от надзорного аппарата государства, ни от бизнес-корпораций и обеспечивающих «чистоту» отношений сторон<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе // Вестник С.-Петерб. ун-та. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 134.

<sup>2</sup> Ильичева Л.Е., Лапин А.В. Разработка региональной стратегии: новые подходы и критерии // Власть. 2019. № 5. С. 83.

<sup>3</sup> Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. С. 113.



Реальным движением в направлении укрепления доверия бизнеса к власти может стать создание экосистемы цифровой экономики, заявленное в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации».

По нашему мнению, для успешного экосистемного взаимодействия общественных институтов, предпринимателей и власти в новых условиях нарождающейся цифровой экономики необходимо заключение нового «Общественного договора» между государством, бизнесом и обществом, закрепляющего приоритет партнерских отношений сторон, определяющего взаимные обязательства и ставящего общие цели для достижения.

Градосельская Г.В.  
(ИСА, Москва)

## ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ГОРОДСКУЮ СРЕДУ ПОСРЕДСТВОМ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ<sup>1</sup>

Социальные сети являются новым фактором конструирования социально-политической реальности на региональном и федеральном уровнях. Одним из самых распространенных вопросов в социологических исследованиях является соотношение данных, полученных через классические социологические опросы, и данных, собранных в социальных сетях. Этот вопрос имеет методологические и содержательные аспекты.

Опыт предыдущих сравнительных исследований показывает, что классические социологические опросы показывают долгосрочные, устойчивые социальные установки населения. Поведение в социальных сетях, наоборот, демонстрирует краткосрочную, ситуативную реакцию населения на внешние раздражители: события, заявления политиков, повседневные рутинные практики<sup>2</sup>. Сочетание этих источников данных демонстрирует объемную картину и способствует более полному пониманию механизмов происходящего.

Подобный подход одновременного восприятия акторов в разных пространствах соответствует комплексному моделированию политических процессов в бурдиевистском смысле<sup>3</sup>.

Социальные сети, согласно П. Штомпке<sup>4</sup>, позволяют фиксировать действия социальных акторов, выявлять повторяющиеся практики и из них реконструировать социальные институты.

В качестве примера распространения политических практик в социальных сетях и через них — воздействия на ситуацию в регионе — было проведено картирование социальных сетей Томска в начале 2021 г.

2020–2021 годы являются стартом длинного выборного цикла: 2021–2023–2024. В связи с этим в 2020 г. активизировались протестные действия во многих регионах России. В 2020 г. опробуются новые инструменты манипуляции электоральным поведением, так называемое «Умное голосование», которое продвигается штабом Навального как «инструмент против Единой России». В Томске эксперимент с «УГ» считается успешным — штаб Навального позиционирует победу 19 кандидатов из 27<sup>5</sup>. Оппозиция объясняла подобные успешные действия удачной стратегией работы в социальных сетях. На самом деле от штаба Навального победили всего 7 человек. Предыдущие социологические исследования показывали высокую вовлеченность томичей в социальные сети и вместе с тем — закрытость в выражении собственных политических предпочтений.

Необходимо было провести подробное исследование социально-политических практик жителей Томска в социальных сетях.

Для сбора и картирования групп Томского региона была использована методология зернового приращения, описанная в публикациях<sup>6</sup>. Зерновая кластеризация как метод целевого сбора сетевых данных была предложена Г.В. Градосельской в 2013 г. для картирования политических групп.

<sup>1</sup> Опубликовано в рамках гранта, предоставленного РФФИ и ЭИСИ. Проект № 21-011–31374 «Право на город: политические пространства устойчивости, конфликта, диалога».

<sup>2</sup> Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. — 432 с.

<sup>3</sup> Бурдье П. Социология политики. М.: Logos, 1993.

<sup>4</sup> Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

<sup>5</sup> Итоги «умного голосования» в Томске: побеждают 19 кандидатов из 27 // <https://news.vtomske.ru/news/177837-itogimnogo-golosovaniya-v-tomske-pobejdayut-19-kandidatov-iz-27> (дата обращения: 10.11.2020).

<sup>6</sup> Gradoselskaya G., Karpov I., Sheglova T. Mapping of Politically Active Groups on Social Networks of Russian Regions (On the Example of Karachay-Cherkessia Republic). In: Bychkov I., Kalyagin V., Pardalos P., Prokopyev O. (eds) Network Algorithms, Data Mining, and Applications. NET 2018. Springer Proceedings in Mathematics & Statistics. Vol. 315. Springer (2020); Градосельская Г.В., Расходчиков А.Н. Два сценария будущего молодежи: результаты картирования групп социальной сети «ВКонтакте» на примере Томска // Вестник Мос. ун-та. Серия 12. Политические науки. 2020. № 4. С. 37–54; Градосельская Г.В., Шеглова Т.Е., Карпов И.А. Картирование политически активных групп в Фейсбуке: динамика 2013–2018 гг. // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 4. С. 94–104.

По Томскому региону группы в социальной сети «ВКонтакте» отбирались по трем разным направлениям — городские, политические, федеральная оппозиция. Проанализировано около 5000 региональных групп. Для итоговой визуализации были отобраны 860 групп. Проведен анализ политических практик, механизмов и источников влияния. Подготовлены содержательные выводы о наблюдаемых практиках и их воздействии на социальные институты.

Грачев М.Н.  
(РГГУ, Москва)

## КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕТЕВОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЭХО-КАМЕР

Понятие «эхо-камера» пришло в терминологический аппарат теории массовой коммуникации из области акустики — раздела физики, изучающего закономерности генерации и распространения упругих колебаний, в том числе и звуковых волн, в различных средах. В своем первоначальном значении данное понятие использовалось в качестве названия специального помещения или иного замкнутого пространства, предназначенного для создания звуковых эффектов эха и реверберации. В медийном контексте оно получило метафорическое переосмысление: это — «среда, в которой индивид наталкивается только на такие мнения и убеждения, которые похожи на его собственные, и не нуждается в рассмотрении их альтернатив»<sup>1</sup>.

В современных исследованиях представления об эхо-камерах соотносятся с различными ситуациями, когда определенные идеи, убеждения или установки подкрепляются и усиливаются вследствие передачи соответствующих сообщений, а также их повторения внутри некоторой замкнутой коммуникационной системы. Как правило, в качестве подобных систем рассматриваются устойчивые сообщества, формирующиеся в интернет-пространствах социальных сетей. Однако, на наш взгляд, в качестве эхо-камер выступают и возникшие задолго до наступления эпохи Интернета политические организации, члены которых придерживались жестких идеологических установок, и религиозные объединения, предполагавшие строгое соблюдение установленных в их рамках канонов, и различные субкультуры.

Эффект возникновения эхо-камер в коммуникационном пространстве и сохранения ими своей устойчивости представляется возможным объяснить с точки зрения двух теоретических конструкций, предложенных в середине XX в. Так, согласно теории когнитивного диссонанса, сформулированной Л. Фестингером, человек начинает испытывать чувство психологического дискомфорта, когда получает извне некоторые сведения, противоречащие или не соответствующие его собственным представлениям, воззрениям или убеждениям. При этом «в случае возникновения диссонанса, помимо стремления к его уменьшению, индивид будет активно избегать ситуаций и информации, которые могут вести к его возрастанию»<sup>2</sup>. Однако подобное «бегство от дискомфорта» предполагает возможность активного поиска достаточно убедительных сведений и мнений, которые позволяют данному индивиду подтвердить его собственную правоту, что согласуется с базовыми положениями так называемой теории пользы и удовлетворения, выдвинутой примерно в то же время Э. Кацем. Ключевая идея этой концепции состоит в том, что «ценности людей, их интересы, их ассоциации, их социальные роли имеют преимущественную силу и что люди избирательно “подгоняют” то, что они видят и слышат, под эти интересы»<sup>3</sup>.

Становясь участниками замкнутого коммуникационного процесса в какой-либо эхо-камере, люди получают возможность подкреплять свои убеждения и взгляды, не сталкиваясь с позитивными оценками альтернативных точек зрения либо некритически отвергая их, что приводит к поляризации мнений в коммуникационном пространстве, потенциально способной стать одной из движущих сил нарастания социальных конфликтов. Примером подобной поляризации выступает, в частности, развернувшаяся в отечественном сегменте Интернета жесткая полемика по поводу мер, предпринимаемых органами власти в связи с распространением коронавирусной инфекции. Весной 2020 г. эксперты Российской ассоциации по связям с общественностью отмечали, что в активной части сетевой аудитории оформились по отношению к данной проблеме две группировки — «алармисты» и «антипаникеры»<sup>4</sup>. Поскольку летом 2021 г. условные «антипаникеры», несмотря на резкий всплеск

<sup>1</sup> Echo chamber // Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/echo-chamber> (accessed: 28.06.2021).

<sup>2</sup> Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999. С. 17.

<sup>3</sup> Katz E. Mass Communications Research and the Study of Popular Culture: An Editorial Note on a Possible Future for This Journal // Studies in Public Communication. 1959. Vol. 2. P. 3.

<sup>4</sup> Эксперты РАСО: Черные лебеди кружат над нами. Публичное действие в условиях «обнуления» // КРОС. 2020. 9 апреля. URL: <https://vc.ru/marketing/119016-eksperty-raso-chernye-lebedikruzhat-nad-nami-publichnoe-deystviev-usloviyah-obnuleniya> (дата обращения: 28.06.2021).

заболеваемости в стране, перешли от интернет-активности к публичным офлайн-действиям и провели в центре Москвы акцию против обязательной вакцинации<sup>1</sup>, недооценивать конфликтогенный потенциал поляризации мнений, первоначально проявляющейся в форме сетевого противостояния эхо-камер, очевидно, не следует.

Грачиков Е.Н.  
(РУДН, Москва)

## США И КНР ЗА БУДУЩУЮ МОДЕЛЬ МИРОУСТРОЙСТВА<sup>2</sup>

В современной конкурентной борьбе США и Китай стремятся изменить основополагающие принципы организации современной мировой системы. Они противостоят порядку, который происходит из европейской системы. Вашингтон и Пекин стремятся предложить *третий* организационный принцип, выходящий за рамки обычной диады в современной дисциплине международных отношений: анархии и иерархии. Идет процесс формирования самоидентификации в Америке и Китае против европейского «другого» (Вестфальской/Потсдамской системы), который демонстрирует тем самым исключительные доктрины двух государств и их альтернативные взгляды на постмодернистский мировой порядок<sup>3</sup>.

Постмодернистский мировой порядок. Вашингтон и Пекин пытаются создать *альтернативную* глобальную политическую систему или принцип третьего порядка, выходящий за пределы анархии и иерархии после расширения/глобализации европейского международного сообщества. Можно легко указать на огромный разрыв между постмодернистскими проектами двух стран и их реальным поведением в качестве суверенных национальных государств, неотличимых от современной европейской политики. Тем не менее в данном контексте необходимо больше внимания обращать на исключительные амбиции и меняющиеся идентичности двух конкурентов-гегемонов, на то, что их конкурирующие нормативные цели составляют важнейшую часть их многомерного глобального соперничества, которое тем самым формирует будущий мировой порядок и его ключевые принципы в XXI в.<sup>4</sup>

Биполярное соперничество США и КНР. В 2019 г. появились явные признаки биполярного соперничества США и Китая, весьма отличного от биполярности США и СССР в период холодной войны. Фундаментальное различие между нынешним биполярным соперничеством и соперничеством времен холодной войны состоит в том, что идеология больше не является основным двигателем международной конкуренции, а скорее является новым цифровым измерением стратегической конкуренции, возникающей между Соединенными Штатами и Китаем. Технологический прогресс за последние 15 лет привел к вступлению мировой истории в раннюю цифровую эпоху. Развитие цифровых технологий создало новые способы защиты национальной безопасности, накопления национального богатства и получения международной поддержки. Кибербезопасность становится основой национальной безопасности, и доля цифровой экономики в валовом внутреннем продукте крупных держав резко возрастает. Для ведущих держав стратегическая конкуренция в киберпространстве в эту раннюю цифровую эпоху в решающей степени превосходит физико-географические границы.

Структурный конфликт. Трансформация великой стратегии Америки происходит с 2010 г., с момента прекращения войны с террором на параллельную миссию борьбы с терроризмом и противодействие росту Китая. В 2015 г. Китай пытался установить новый тип отношений между крупными державами. Однако напряженность в отношении Китая и США показала, что, помимо геополитических и экономических конфликтов, существует еще и идеологический конфликт, потому что США всегда считали Китай чем-то чужеродным/совсем *другим*<sup>5</sup>. Это понимание структурных конфликтов между Китаем и США, т.е. силового соперничества между утвердившейся державой и восходящей, что такая конкуренция имеет все черты игры с нулевым результатом.

В апреле 2018 г. произошел инцидент с ЗТЕ, когда Министерство торговли США запретило китайскому телекоммуникационному гиганту приобретать «чувствительные» технологии у американских поставщиков. В мае того же года на торговых переговорах между Китаем и США Вашингтон потребо-

<sup>1</sup> На акции против вакцинации в Москве задержали десять человек // РИА Новости. 2021. 26 июня. URL: <https://ria.ru/20210626/zaderzhanie-1738752632.html> (дата обращения: 28.06.2021).

<sup>2</sup> Тезисы подготовлены в рамках гранта РФФИ № 20–514–93003, совместного проекта с Китайской академией общественных наук, «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

<sup>3</sup> Taesuh Cha. Competing visions of a postmodern world order: the Philadelphian system versus the Tianxia system // Cambridge Review of International Affairs. 2018. Available at: <https://doi.org/10.1080/09557571.2018.1536113>.

<sup>4</sup> Bull and Watson. The Expansion of International Society. Oxford: Clarendon Press. 1984; Dunne and Reus-Smit. The Globalization of International Society. Oxford: Oxford University Press, 2017.

<sup>5</sup> Грачиков Е.Н. Китай как совсем «другое» Запада // Социология. 2013. № 4. С. 124–140.

вал приостановить китайскую политику «Сделано в Китае 2025». Конечная цель — защитить глобальное технологическое превосходство Америки. Юань Пэн заметил, что торговая война между Китаем и США «ведется не из-за нескольких сотен миллиардов долларов торгового дефицита», но связана с тем фактом, что у Америки «гораздо более глубокая стратегическая повестка дня и гораздо более долгосрочные стратегические соображения».

Институциональный конфликт. Институциональный конфликт также называют модельным конфликтом, т.е. конкуренцией моделей развития. Хотя теория структурного конфликта является общепринятой, некоторые ученые по-прежнему утверждают, что Соединенные Штаты начали торговую войну с Китаем по более серьезным причинам, чем неизбежный структурный конфликт, который, по их мнению, не может объяснить, почему китайско-американская торговая война и стратегическая конкуренция произошли раньше, чем ожидалось, поскольку ВВП Китая составляет менее 70% от ВВП США и сохраняется значительный разрыв в ВВП на душу населения и качестве экономического развития между обеими странами.

Соединенные Штаты Америки не признают реформу рыночной экономики Китая, которую они называют «государственным капитализмом», в связи с чем китайско-американские экономические и торговые отношения будет трудно улучшить без изменения внутреннего признания правительством США китайской системы или фундаментальных изменений в китайской системе.

Между Китаем и США преобладают расхождения между экономическими системами и моделями развития двух стран. Чтобы разрешить торговую войну, и особенно для того, чтобы заручиться поддержкой внутренних коммерческих групп США и других стран, Китай должен ускорить внутренние экономические реформы и более широко открыться для интеграции с международным рынком.

*Грибанова Г.И.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)*

## **ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ**

**П**убличная политика на всех этапах развития человечества детерминировалась той внутренней и внешней средой, в которой функционировали органы власти в отдельной, конкретно взятой стране. Однако в современных условиях влияние внешних факторов, необходимость адаптации государственной политики к императивам глобализации становятся все более очевидными.

Во-первых, наблюдается постоянное нарастание числа вопросов, решение которых не может быть осуществлено в рамках одной страны, а требует совместных действий с другими государствами.

Во-вторых, процесс принятия решений, требующих сбора и анализа значительного объема информации, необходимой для спокойной взвешенной оценки имеющихся альтернатив и обоснованного выбора из них оптимальной, постоянно ускоряется в ситуации, когда глобальные финансовые рынки, торговля, СМИ функционируют практически круглосуточно.

В-третьих, расширяется сам круг требующих разрешения вопросов, нарастает их сложность и противоречивость. При этом многие проблемы не только выходят за рамки традиционной публичной политики, но и в силу своей новизны и сложности с трудом осознаются политиками и чиновниками, над которыми нередко довлеют привычные стереотипы.

В-четвертых, в условиях широкого распространения цифровизации публичной сферы, с одной стороны, нарастают требования и технические возможности усиления легитимности и подотчетности процесса принятия политических решений, с другой — неизмеримо возрастают возможности манипулирования общественным сознанием и осуществления контроля над поведением граждан.

Очевидно, что данные проблемы не могут быть решены в рамках национального государства, а требуют объединения сил всего мирового сообщества. Отсюда вытекает необходимость создания достаточно эффективной системы глобального управления, что, на наш взгляд, стало абсолютно очевидным, когда человечество столкнулось с проблемой COVID-19. Именно пандемия высветила особенно отчетливо те проблемы, которые предстоит решить миру, для того чтобы выработать адекватные ответы на вызовы современности. Поскольку в центре борьбы с коронавирусом оказалась Всемирная организация здравоохранения, то именно в ее деятельности нашли свое отражение базовые проблемы взаимоотношений национальных государств и структур, составляющих основу системы глобального управления.

Основные обвинения, которые чаще всего раздаются в адрес ВОЗ, сводятся к следующему:

1. Запоздалое реагирование на ситуацию.
2. Противоречивость и непоследовательность исходящих от нее заявлений и рекомендаций.

3. Лоббирование интересов фармацевтических корпораций.
4. Политическая ангажированность в пользу Китая.

Интересно отметить, что почти все обвинения, раздающиеся со стороны правительств национальных государств в адрес ВОЗ, могут быть переадресованы и самим критикующим. В этом плане действия ВОЗ могут рассматриваться как своего рода зеркальное отражение действий отдельных государств, что, впрочем, не должно вызвать особого удивления, поскольку сама ВОЗ является межгосударственной организацией и обладает лишь теми средствами и полномочиями, которые страны желают ей предоставить.

19 мая 2020 г. Всемирная Ассамблея здравоохранения единогласно одобрила резолюцию, призывающую дать беспристрастную, независимую и всеобъемлющую оценку качества действий институтов ВОЗ в условиях пандемии. Однако и без результатов этого расследования уже очевидна необходимость рассмотреть вопрос о реформах, которые могли бы предоставить ВОЗ ресурсы и полномочия, необходимые ей для выполнения своей сложной миссии. Никакие структурные изменения не принесут желаемых результатов без достижения государствами-членами хотя бы минимального согласия по таким ключевым вопросам, как:

- четкие критерии достаточности финансирования;
- методика и процедура оценки эффективности использования ресурсов;
- превращение не только ВОЗ, но и других профильных структур ООН в действенные площадки обучения и обмена опытом как для их непосредственных участников, так и для всех других заинтересованных лиц и организаций.

При этом главное — это признание того факта, что глобальные организации, сети и партнерства призваны дополнить, а не заменить национальные правительства, которые порой ведут себя недостаточно последовательно, с одной стороны, не желая следовать их рекомендациям, а с другой — пытаясь переложить на них ответственность за решение своих внутренних проблем.

В целом пандемия COVID-19, с одной стороны, еще раз показала необходимость глобального управления, с другой — продемонстрировала противоречивость и недостаточную эффективность существующей системы, связанную в первую очередь с отсутствием политического консенсуса об ее целях, задачах, властных полномочиях и пределах влияния на публичную политику отдельных стран.

**Григоренко Д.Л.**  
(Институт права и национальной безопасности,  
РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## **КОГНИТИВНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ**

**В** докладе автор предлагает к рассмотрению дополнение типологии политических конфликтов и дает определение понятию когнитивного политического конфликта в качестве нового типа политического конфликта в конфликтологии. Исследование когнитивного политического конфликта становится актуальным в условиях информационно-психологического противоборства в глобальном информационном пространстве в процессе формирования полицентричной модели мироустройства.

В конфликтологии традиционно выделяют три типа политического конфликта: конфликт интересов, конфликт ценностей и конфликт идентичностей. Такая типологизация рассматривает конфликт по объекту, вокруг которого зарождается и разворачивается данный конфликт. Эти три типа конфликта также можно рассмотреть с точки зрения природы конфликта: ресурсной и ценностной. В ресурсной природе конфликта преобладает материальное объяснение конфликта, когда конфликт разворачивается за значимые средства жизнедеятельности: территорию, экономику, сырьевые и энергетические ресурсы, сферы политического господства. Аргументы, выдвигаемые противоборствующими сторонами конфликта в ресурсной природе конфликта, будут обозначаться как апелляции к потребностям и интересам, соответственно, тип политического конфликта будет определяться как конфликт интересов. В ценностной природе конфликта главенствующую роль приобретают системы верований и убеждений, противоречия в культурных традициях и принципах организации общественного устройства. В ценностной природе конфликта аргументация противоборствующих сторон будет апеллировать к ценностям и нормам, и тип политического конфликта будет определяться как ценностный конфликт, а в некоторых случаях как конфликт идентичностей. Политический конфликт может включать в себя обе природы конфликта, а также все четыре способа причинной аргументации или все четыре уровня мотивации субъектов конфликта: потребностей, интересов, ценностей и норм.

В психологической сфере жизнедеятельности человека потребности, интересы, ценности и нормы определяют направления культуры, а в политике определяют направление политической культуры

как системы сложившихся установок, убеждений, представлений, моделей поведения, закрепляющих принципы отношений к политическому процессу и к политической системе. Политическая культура в значительной степени формирует базовую целеустремленность политических групп и общества.

Политическую культуру определяет политическое представление, которое в том числе является условием перехода субъекта политики к политическому действию. Политическое представление обусловлено возникновением в сознании индивида воображаемого возможного и лучшего мира параллельно с восприятием реального мира, сравнение которых будет порождать политическую динамику, стимулировать к политическому действию из стремления что-либо изменить, например приблизить в политике воображаемое к реальному. Таким образом, политическое представление образует у представителей политических групп собственную картину мира, а средством воздействия на данную картину мира будет являться психологическое воздействие на индивидуальное сознание представителей политических групп. Следовательно, политическая борьба направлена на возможность политического действия по сохранению или изменению реального мира, сохраняя или изменяя восприятие этого мира путем воздействия на индивидуальное сознание представителей политических групп.

Политические конфликты на основе существенных различий в политической культуре наиболее точно подходят к определению современного политического конфликта, возникающего в процессе формирования полицентричной модели мироустройства в глобальном информационном пространстве. Воздействие на восприятие человеком картины мира дополняет тот факт, что конфликты политических культур будут возникать не только из-за ресурсов или ценностей, но скорее уже вокруг смыслов и способов восприятия реальности, а также способов политического мышления и действия политических групп. Поэтому рассмотрение вопроса, как именно политические группы мыслят, как выстраивают собственную картину мира и как воспринимают реальность, может стать способом к определению инструментов управления политическим конфликтом.

**Гриценко Г.Д.**  
(ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

## **ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ: ПРОГНОЗЫ РАЗВИТИЯ<sup>1</sup>**

К концу второго десятилетия XXI в. на Северном Кавказе завершился затяжной этнополитический кризис и имеются основания констатировать переход региональной ситуации на умеренный сценарий развития. В то же время в Северо-Кавказском федеральном округе отсутствуют устойчивые результаты социально-экономической реконструкции<sup>2</sup>, что не позволяет безоговорочно пролонгировать умеренный сценарий на среднесрочную перспективу<sup>3</sup>. Намечилось замедление положительных трендов в экономике<sup>4</sup>, что усугубилось коронавирусной пандемией. Именно поэтому премьер-министр М. Мишустин во время своей поездки на Северный Кавказ оценил положение дел в субъектах Северного Кавказа как непростое и констатировал, что «правительство готовит для макрорегиона новую стратегию развития на ближайшие десять лет, чтобы раскрыть экономический потенциал территорий»<sup>5</sup>. Факторами риска по-прежнему остаются историческая память, земельный вопрос, территориальные споры, языковая проблема, «русский вопрос»<sup>6</sup>.

Историческая память периодически актуализируется как «война историй», в рамках которой мобилизация тех или иных событий истории зависит от «социального заказа» элит, что обуславливает выборочный интерес к историческим фактам, событиям, целым эпохам. При этом «война историй» может рассматриваться как борьба современных элит за ресурсы, а в ряде сюжетов — как стремление получить преференции от федерального центра или от международного сообщества.

Пик обострения земельных проблем с этническим компонентом пришелся на 2017 г., однако в 2021 г. каких-либо существенных сдвигов в решении этой проблемы не произошло. Наиболее су-

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта № гр. АААА-А19-119011190170-5.

<sup>2</sup> Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д. Рискогенные факторы в этнополитической сфере Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4 (96). С. 81–91.

<sup>3</sup> Гриценко Г.Д. Манифестирование этнополитических конфликтов в Северо-Кавказском регионе: практика реализации и пути решения // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 10–2 (100). С. 130–133.

<sup>4</sup> Гриценко Г.Д. Этнополитическая ситуация в Северо-Кавказском макрорегионе: эксперты об угрозах и путях их минимизации // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 7–2 (85). С. 73.

<sup>5</sup> Кузьмин В. Михаил Мишустин призвал искать регионам Северного Кавказа новые точки роста и инвесторов // Российская газета. Федеральный выпуск. 2021. № 130 (848). 15 октября. URL: <https://rg.ru/2021/06/15/reg-skfo/mishustin-ocenil-polozhenie-del-v-subektah-severnogo-kavkaza.html> (дата обращения: 28.06.2021).

<sup>6</sup> Гриценко Г.Д. Реальные и потенциальные риски этнополитического развития в Северо-Кавказском регионе // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. М.: Изд-во МГПИ, 2019. С. 115–116.

щественно земельная проблема влияет на этнополитические процессы в Дагестане и в Кабардино-Балкарии.

В 2021 г. продолжали сохраняться территориальные споры как внутри северокавказских республик, так и между ними, которые могут быть отнесены к «застарелым» конфликтам, истоки большинства из которых относятся к периоду нацистроительства 1920–1930-х годов и территориальным переделам, связанным депортациями ряда народов в годы Великой Отечественной войны. Самой горячей точкой в рамках рассматриваемой проблемы стала Ингушетия, что обусловлено подписанием в 2018 г. договора с Чеченской Республикой о закреплении административной границы между двумя республиками и актуализацией скорбной даты — 77-летия депортации ингушского народа.

Языковая проблема, вылившаяся во втором десятилетии XXI в. в конфликтогенный фактор №1 в межэтнических отношениях в России, не приобрела в Северо-Кавказском регионе в 2021 г. большой остроты. Рискогенность языковой проблемы незначительно увеличилась в период обсуждения поправок в Конституцию России, включавших положение о «языке государствообразующего народа».

Сутью «русского вопроса» в регионе было сохранение и возвращение русского населения в республики Северного Кавказа. В таком контексте «русский вопрос» в настоящее время в регионе не актуализирован из-за отсутствия социально-экономических и социально-политических условий для разрешения этой проблемы. Его решение связано с необходимостью реализации проекта системной трансформации Северного Кавказа. Одним из сохранившихся ресурсов влияния является русский язык как государственный язык и язык межнационального общения, позиции которого в социокультурном пространстве Северного Кавказа также неоднозначны. Проблемное поле «русского вопроса» в Северо-Кавказском регионе также включает оценки и переоценки роли России в развитии региона. Таким образом, «русский вопрос» в Северо-Кавказском регионе трансформировался, с одной стороны, в проблему сохранения и усиления влияния России на республики Северного Кавказа, с другой — в тренд актуализации исторической памяти.

Резко обострилась геополитическая ситуация, что обусловлено стремлением Турции расширить свое влияние на «Большом Кавказе». В этих условиях важно вернуться к пониманию на доктринальном уровне Северного Кавказа как региона, требующего приоритетного внимания со стороны государства.

Гришин А.В.  
(соискатель, г. Буэнос-Айрес, Аргентина)

## НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ

Существуют различные подходы к классификации недемократических политических режимов. Х. Линц и А. Степан в своей работе *Problems of Democratic Transition and Consolidation* выделили пять идеальных типов политического режима: демократический, авторитарный, тоталитарный, пост-тоталитарный и султанский<sup>1</sup>. Между тем в современных политических исследованиях все больше внимания уделяется характеристикам тех или иных институциональных очертаний недемократических политических режимов — однопартийных, военных или персоналистских<sup>2</sup>.

В однопартийных режимах решения принимаются высшим органом партии, при этом лидер занимает почетное место генерального секретаря партии (президента) и полностью зависит от выдвинувшей его структуры. Правящая партия в данном режиме является несменяемой и получает не менее  $\frac{2}{3}$  голоса.

В военных режимах все решения принимаются армией, которая контролирует доступ к основным политическим постам. Их институциональный дизайн бывает различным — к примеру, может существовать многопартийность или однопартийность, однако сущность остается неизменной — любые назначения и смещения контролируются вооруженными силами. Военные приходят к власти, как правило, для наведения порядка в условиях анархии, недееспособности демократии или многопартийного авторитарного режима.

Персонализация власти — черта всех недемократических режимов, так как «в половине военных или однопартийных режимов или их комбинаций проявились персоналистские черты». Тем не менее в персоналистской недемократии все политические решения зависят исключительно от воли лидера. Ключ к выживанию данного типа политического режима лежит в правильном проведении политики «разделяй и властвуй», которая нацелена на воспрепятствование объединению политических групп против лидера.

<sup>1</sup> Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation*, Baltimore: John Hopkins University Press, 1996. P. 44–45.

<sup>2</sup> Харитонов О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука. 2012. № 3. С. 9–30.

В современном мире существует тенденция к изменению недемократических режимов в сторону как демократизации, так и усиления авторитарных тенденций.

Демократизация в сравнительной политологии может трактоваться как переход от недемократических к демократическим режимам, имеющий место в конкретной стране. В данном значении термин «демократизация» использует в своих работах С. Хантингтон<sup>1</sup>.

Процесс демократизации не всегда ведет к установлению демократического режима. Зачастую он ограничивается лишь смягчением авторитаризма, попыткой инкорпорировать недовольных в систему властных отношений, т.е. либерализацией. Она подразумевает достижение большей открытости политической системы без проведения свободных соревновательных выборов<sup>2</sup>.

Д. Чалмерс и К. Робинсон описали различия между демократизацией и либерализацией следующим образом. Демократизация ведет к включению в политический процесс и установлению открытых соревновательных отношений среди тех, кто уже в него включен. Либерализация же — установление более соревновательных отношений без включения большинства населения в политический процесс<sup>3</sup>.

«Смягчение» недемократического режима в форме демократизации или либерализации является не единственным направлением трансформаций. Может иметь место и усиление авторитарных тенденций. Согласно теоретическим выкладкам А. Пшеворски, либерализация может как закончиться полноформатной демократизацией или установлением смягченной диктатуры, так и не привести к изменению политического режима (статус-кво диктатура) или вылиться в формирование твердой диктатуры<sup>4</sup>.

Основываясь на концепции Х. Линца и А. Степана, можно предположить, что при ужесточении политического режима политический плюрализм, если присутствовал, сужается или перестает существовать вовсе. При его отсутствии политическое руководство страны начинает более жестко пресекать вмешательство в политическую сферу. Идеологизированность общества, скорее, растет, так как руководству необходимо оправдать проведение массовых репрессий и непопулярных мер. Зачастую идеология принимает форму «внешнего врага». Возможности политической мобилизации могут как расширяться, так и сужаться. Политическое лидерство концентрируется в руках власть имущих, так как обновление политического класса может поставить под угрозу существование политического режима.

*Гришин Н.В. (СПбГУ, Санкт-Петербург),  
Линдерс А.М. (МГИМО МИД России, Москва)*

## **ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК КАТАЛИЗАТОР ДОЛГОСРОЧНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ИНСТИТУТА ВЫБОРОВ<sup>5</sup>**

**В** период пандемии COVID-19 в разных странах мира произошли существенные изменения электоральных институтов на всех стадиях избирательного процесса. Характер изменений, спешный порядок принятия решений и почти «одновременное» изменение множества электоральных институтов являются беспрецедентными в истории электорального реформирования и оказались вызовом для области знания, изучающей публичное управление в сфере выборов. Многообразие, сложность и политические последствия произошедших институциональных трансформаций значительны, и их научное изучение находится пока на начальной стадии. В настоящее время не вполне ясно, какие из процедурных изменений прекратятся с периодом карантинных ограничений, а в отношении наступления каких изменений пандемия выступила скорее катализатором.

По критерию долговременности произошедшие изменения могут быть разделены на три группы:

- 1) изменения, введенные только на время современной пандемии COVID-19;
- 2) изменения, которые вводятся не только для современных условий, но и для иных «чрезвычайных обстоятельств» в будущем;
- 3) изменения, которые предполагается сохранить после возвращения к «нормальным» условиям (дистанционные формы «активной» регистрации избирателей в ряде западных стран; институт многодневного голосования в России и т.д.).

<sup>1</sup> Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 14.

<sup>2</sup> Ibid. С. 19.

<sup>3</sup> Chalmers D.A., Robinson C.H. Why Power Contenders Choose Liberalization: Perspectives from South America, *International Studies Quarterly*. Vol. 26. No. 1. (Mar., 1982). P. 13.

<sup>4</sup> Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер. с англ.; под ред. В. А. Бажанова. М., 2000. С. 102.

<sup>5</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31777.



В нормативно-правовых актах отдельных стран присутствует недостаточно четкое разграничение второго и третьего типов изменений электоральных институтов, что может благоприятствовать сохранению большинства изменений в постпандемийную эпоху.

В ряде стран, в том числе в России, в период пандемии возникла принципиально новая модель электорального реформирования: изменения электоральных институтов первоначально вводятся в качестве временных, на следующем этапе нормативно закрепляется возможность их сохранения на неограниченный период.

В результате анализа сил, способствующих и противодействующих изменениям института выборов в условиях пандемии, можно прийти к выводу о значительном превосходстве первых. Отдельной проблемой является политический фактор: в большинстве стран мира определенные политические силы явно используют условия пандемии как удобный повод для реализации своих планов по электоральному реформированию (ограничения наблюдателей в странах, находящихся за пределами западных демократий; распространение почтового голосования в США по инициативе Демократической партии и т.д.). Среди неполитических сил особое влияние следует признать за различными группами лоббистов, стремящихся к более активному внедрению современных технологий в избирательный процесс.

В период пандемии впервые в некоторых странах произошли ограничения и даже «откат» в последовательной истории демократического развития электоральных институтов: ограничение инклюзивности, открытости и т.д.

Международным организациям в целом удается играть активную роль в содействии выборам в условиях пандемии. Однако они едва ли обладают инициативой в обеспечении соблюдения международных избирательных стандартов. Не было заявлено о существовании «красной линии», переходить которую при изменении электоральных институтов в чрезвычайных обстоятельствах недопустимо. Явную опасность представляет отсутствие точных указаний на конкретные признаки «чрезвычайных обстоятельств», при которых международным сообществом допускается изменение процедур проведения выборов. Некоторые из международных рекомендаций (например, указание на то, что решение о наступлении таких обстоятельств должно приниматься квалифицированным большинством в парламенте) представляются недостаточно надежными для защиты от возможных злоупотреблений.

Гришин О.Е.  
(РУДН, Москва)

## ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ<sup>1</sup>

**А**ктуальность исследования обусловлена поиском новаций обеспечения политической стабильности политической системы, институтов и процессов в современной России, наличием ее борьбы за выгодные позиции на международной политической арене. Изучение сущности, структуры, функций политической стабильности, выявление факторов, тенденций, направлений и закономерностей ее организации в российской политической системе позволяет выйти на решение проблем повышения ее эффективности.

Стабильность есть устойчивое, неподверженное существенным изменениям состояние. Стабильное развитие, следовательно, это способность к постоянству каких-либо параметров динамического состояния, сохранение базовых элементов при переходе от одного качественного статуса к другому, от старого к новому.

Достижение внутренней и внешней устойчивости, стабильности развития государства — сложная задача, решаемая комплексом средств при участии множества субъектов. Износ устойчивости политической системы «означает появление в ней дестабилизирующих процессов, которые не поддаются управлению и приводят к дезинтеграции взаимодействия ее элементов»<sup>2</sup>.

Политическая стабильность — это индикатор качественного и устойчивого состояния общественного развития любого государства и общества<sup>3</sup>. Традиционно стабильность рассматривается как результат постоянного обновления<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке Российского университета дружбы народов. Код (шифр) темы НИР/НИОКР «Технологии обеспечения политической стабильности в современной России» 100701-0-000.

<sup>2</sup> Гришин О.Е. Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1—1. С. 1924.

<sup>3</sup> Индекс политической стабильности Российской Федерации составляет (–0.52). Среди 195 стран мира РФ по этому показателю заняла 136-е место. Параметры индекса политической стабильности выглядят следующим образом: (–2,5 слабый; 2,5 — сильный). Средний показатель за 2018 г. по 195 странам составил 0,05 балла. Самое высокое значение было в Монако: 1,61 балла, а самое низкое в Йемене: –3 балла. URL: [https://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb\\_political\\_stability/](https://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb_political_stability/) (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>4</sup> Ake C. A Definition of Political Stability. URL: <https://www.jstor.org/stable/421552?seq=1> (accessed: 30.06.2021).

Р.И. Бальбек полагает, что «политическая стабильность рассматривается как условие устойчивости системы, то есть условие способности самостоятельно поддерживать гомеостазис и самосохраняться. Политическая стабильность сохраняется при стабильности интегративно значимых частей (даже в условиях дестабилизации некоторых частей системы), способности развиваться и адаптироваться к изменениям»<sup>1</sup>.

Анализ показал, что исследователей в контексте обеспечения политической стабильности в современной России интересуют следующие вопросы: реформирование Конституции России как инструмента стабилизации политической системы; коррупция как дестабилизирующий фактор, информационный комплекс России и стабильность социума; выборы как стабилизационный инструмент политической системы; местное самоуправление как основа демократической стабильности; миграционная политика как фактор стабильности политической системы; эффективная социальная политика государства в контексте обеспечения политической стабильности; проблемы взаимодействия в системе «Периферия» и «Центр»; образовательный и научно-технологический фактор обеспечения политической стабильности; экстремизм, терроризм и сепаратизм как угрозы политической стабильности; экологический, энергетический, демографический факторы обеспечения политической стабильности; гражданское общество как стержень развития политической стабильности и т.п. Таким образом, политическая стабильность подразумевает поэтапный, поступательный, пошаговый рост определенных показателей жизнедеятельности общества и государства, характеризующих их как целостный хорошо и совместно функционирующий организм без политических переворотов, революций и «резкой» смены власти.

Гусев К.А.  
(СПбГУПТД, Санкт-Петербург)

## НОВОЛИБЕРАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ РОЛИ НЕФОРМАЛЬНЫХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В РЕФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВА

Сохраняют научную и практическую актуальность два ключевых положения нового русского либерализма: естественно-правовая философия и концепция социальных прав лица, выраженная в принципе «право на достойное существование».

«Великая правда индивидуалистических предпосылок раннелиберальных теорий (не отрефлексированная самими их творцами), — пишет о создателях новоевропейского либерализма Б.Г. Капустин, — заключалась в том, что индивид, будучи, несомненно, продуктом общества, обретал свободу самоопределения по отношению к данному обществу»<sup>2</sup>. По его мнению, сущностной проблемой человеческой экзистенции в Новое время стала и поныне остается проблема осуществимости «общественного порядка, общежития вообще, если в их основу кладется индивидуальная свобода, понимаемая как право (т.е. способность и возможность) человека *действовать по своему усмотрению* (курсив автора. — К.Г.)»<sup>3</sup>.

Преодолев упомянутую Б.Г. Капустиным «неотрефлексированность» либерально-индивидуалистической классики, современный либерализм отстаивает следующий тезис: «Либералы одни стоят на позиции — пусть неопределенной, неустойчивой и необоснованной, — но которая утверждает возможность свободы в настоящем — возможность индивидуальной свободы для таких людей, как мы с вами, в хорошо известном нам социальном мире. Не отягощенный мистифицирующим наследием традиции, не обольщенный обещанием, что свобода наступит для всех в исторически назначенное ей время, человек для либерала уже сейчас противостоит общественному строю и требует уважения к имеющимся у него возможностям автономии, разума и деятельности»<sup>4</sup>.

Социальный либерализм выделяется из всего многообразия либеральных концепций через противопоставление с крайним экономическим либерализмом, принимающим во второй половине XX в. форму либертариизма. Именно в России совершен первый шаг к преодолению классической либеральной парадигмы. На рубеже XIX–XX вв. в России, как и на Западе, формируется новый (социальный и демократический) либерализм.

<sup>1</sup> Бальбек Р.И. Технологии обеспечения политической стабильности в условиях внешних дестабилизирующих влияний (на примере Республики Крым): Дис. ... канд. полит. наук. М.: РАНХиГС, 2019. С. 51.

<sup>2</sup> Капустин Б.Г. Три рассуждения о либерализме и либералах // Полис. 1994. № 3. С. 13.

<sup>3</sup> Там же. С. 13–14.

<sup>4</sup> Уолдрон Дж. Теоретические основания либерализма // Современный либерализм: Роулз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. С. 137.

Предшественником и социального, и христианского либерализма является, на наш взгляд, политико-правовая концепция великого русского философа Вл. Соловьева. В его социально-христианской этико-правовой доктрине мы выделим принцип права каждого лица на достойное существование. Это положение Вл. Соловьева получило глубокое развитие в теории социального либерализма, разработанной создателями концепции возрожденного естественного права П.И. Новгородцевым, Е.Н. Трубецким, Б.А. Кистяковским, И.А. Покровским, В.М. Гессеном, С.И. Гессеном.

В западной философии и социологии, по словам И.Д. Осипова, «противопоставление морали и права теоретически обосновало “неизбежный дуализм” государства и гражданского общества». Сторонниками такого дуализма были, например, И. Кант, Г. Гегель, И. Бентам, Р. Штаммлер, М. Вебер, Г. Кельзен. Поэтому «в русской философии, отстаивающей необходимость ограничения политики и права нравственными нормами, выражена глубокая мысль о наличии ценностных оснований права, обусловленных историко-культурными условиями бытия народов»<sup>1</sup>. «Я-свобода» И. Канта, И.Г. Фихте, В. Гумбольдта, Дж. Стюарта Милля и других классиков западного либерализма трансформировалась в концепцию «Мы-Свобода» у Вл. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева. Синтез нравственности и права с требованием поднять их «над государством и властью» становился теоретическим основанием политики социального либерализма<sup>2</sup>.

«Истина либерализма, — писал в работе эмигрантского периода Е.В. Спекторский, — состоит, во-первых, в том, что нельзя от среднего человека требовать самозабвения и жертвенности, во-вторых, в том, что всякому человеку на известном уровне культуры независимость так же необходима, как рыбе — вода, а птице — воздух, наконец, в-третьих, в том, что без инициативы отдельных личностей слишком оскудевает общественная жизнь»<sup>3</sup>. По мнению Спекторского, требуется не искоренение свободы, а уравнивание ее другими началами. Право, «свобода в пределах законности», и служит достижению подобного равновесия.

Еще накануне революции С.А. Котляревский признал, что либеральная теория в своих философских основаниях, т.е. идеях народного суверенитета, разделения властей, прав человека и гражданина, а также логической стройности их изложения, не всегда убедительна. Но, по словам Котляревского, «возрождается опасная иллюзия», которая заключается в убежденности, что «достаточно разоблачить логические слабости и несовершенства теорий и систем», исходящих из либеральных начал, и «потребность, создавшая последние, перестанет существовать для людей». Постановка вопроса о неотъемлемых правах каждого лица, вопреки многократно отмечаемым в истории кризисам либеральной идеологии, неколебимо возрождает убеждение: государство должно стать правовым<sup>4</sup>.

По словам Л.В. Селезневой, русский либерализм рубежа XIX–XX вв. располагал *теорией заимствования* (курсив автора. — К.Г.). Это позволяет решительно опровергнуть утверждение о слепом копировании русскими либеральными авторами западного опыта. А взгляды русских новых либералов, преодолевающие доктрину «позволять действовать», концепцию минимального государства, «государства–ночного сторожа», стали общепризнанным достоянием современного западного социального либерализма<sup>5</sup>.

Гутова Е.А., Кошевой А.С.  
(ТГУ, Томск)

## **«ПРАВО НА ГОРОДСКУЮ СРЕДУ» — ФУНДАМЕНТ ОСНОВНЫХ ГАРАНТИЙ ОБЩЕСТВА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТЫХ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ**

Настоящей статьей авторы обозначают наличие существенных проблем угольного региона Кузбасс в отдельно взятых публично-правовых образованиях. Ключевым вопросом авторы определяют угольную промышленность, противопоставляя ей право на адекватную среду жизни населения на отдельной территориальной единице Кемеровской области. В статье затронуты некоторые проблемы обеспечения и защиты прав человека органами местного самоуправления в РФ, право на благоприятную окружающую среду, охрану здоровья, жилища, что является приоритетным правом человека согласно

<sup>1</sup> См.: Осипов И.Д. Проблема нравственно-правового разума в русской философии // Вестник СПбГУ. 1999. Сер. 6. Вып. 4 (№ 27). С. 43.

<sup>2</sup> Там же. С. 51.

<sup>3</sup> Спекторский Е.В. Либерализм // Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Сост. А.П. Альбов и др.; 2-е изд. СПб.: Алетейя, 1999. С. 344.

<sup>4</sup> См.: Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М.: Мысль, 1915. С. 2–4.

<sup>5</sup> Селезнева Л.В. Российский либерализм и европейская политическая традиция: созвучия и диссонансы // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Материалы международной научной конференции. М.: РОССПЭН, 1999. С. 123, 128.

положениям Конституции РФ, проблемы реализации полномочий органами местного самоуправления согласно Федеральному закону № 131-ФЗ, вопросы расстановки приоритетов на территории угольного региона, преференции угольным предприятиям, объединение сельских территорий в городской округ.

Основной задачей органов местного самоуправления являются обеспечение и защита прав человека, реалии происходящего, к большому сожалению, зачастую противоречат этим основаниям. Жители различных территориальных единиц, обеспечивая формирование управленческого корпуса путем выбора соответствующего главы и депутатов муниципалитета, искренне надеются на значительный рост качества жизни, в чем бы он ни выразился, однако и основную свою потребность в безопасном для жизни месте проживания обеспечить себе не могут. Приоритетным направлением деятельности угольного региона Кузбасс остается развитие угольной промышленности, и это не плохо, географически оправданно, учитывая то, что недра региона богаты содержанием «черного золота», кроме того, это крупнейший запас энергетического комплекса страны. Парадоксальна при этом реальность жизни в регионе самих его жителей, которые вынуждены смириться с тем, что деятельность угольных предприятий наносит невосполнимый ущерб окружающей среде и их здоровью в целом, при этом не компенсируя эти потери. Дополнительно ко всему для предприятий угольной промышленности ежегодно руководством региона вводятся значительные льготы, которые заключаются, например, в снижении налоговой нагрузки оплаты кадастровой стоимости земель, что в первую очередь сказывается на пополнении доходной части бюджетов сельских поселений, и, как следствие, последние лишаются возможности полноценного исполнения комплекса вопросов местного значения, установленного Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», что приводит к исполнению бюджета сельских поселений со значительным дефицитным результатом. Сельские поселения в итоге не могут в полной мере обеспечить элементарные потребности своей территории, такие как вывоз мусора, ликвидация свалок, а про благоустройство территории всем необходимым для жизни населения и говорить не приходится.

Влияние угольных разрезов, расположенных в Кузбассе, на окружающую среду и здоровье жителей имеет огромный резонанс. Обеспечивают и защищают ли права человека органы местного самоуправления и в чем выражаются связанные с этим проблемы — самые актуальные вопросы на сегодня, учитывая, что обеспечение прав и свобод человека состоит в удовлетворении потребностей людей, проживающих на территории соответствующего публично-правового образования.

Конституция РФ обеспечивает права и свободы человека. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Из ст. 18 Конституции следует, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, руководят деятельностью законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Все нормативные правовые акты, в которых основной упор делается на государственные гарантии обеспечения прав и свобод, устанавливают общие обязанности органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц по реализации этих прав и свобод».

В ст. 35 Конституции РФ говорится, что право частной собственности находится под охраной закона. У собственников существует право свободно владеть, пользоваться и распоряжаться землей и другими природными ресурсами только в том случае, если это не вредит окружающей среде и не нарушает права и законные интересы иных лиц. Соблюдение конституционных положений входит в обязанности органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц, а также граждан и их объединений. Местное самоуправление признается и осуществляется по всей территории и во всех видах муниципальных образований, в том числе в сельских поселениях. Право на благоприятную окружающую среду муниципалитет также должен обеспечивать и защищать.

Гуторов В.А.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## НЕОЛИБЕРАЛИЗМ В ДИСКУРСИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ: УТОПИЯ ИЛИ КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ?<sup>1</sup>

В чисто абстрактном плане неолиберализм может рассматриваться как исторически обусловленная гегемонистская идеология капиталистического развития, возникшая на рубеже 1970–1980-х годов и органически связанная с множеством тенденций к глобальной экономической интеграции, нормализованным практикам «рыночного регулирования» и «государственного интервенционизма». Идеология современного неолиберализма основана на идеализированном видении господства

<sup>1</sup> Тезисы подготовлены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 21-011–31167 «Неолиберализм в современном политическом дискурсе: “посттрадиционный порядок” и кризис идентичности».

рынка и либеральных свобод, сочетающем утилитарную концепцию рыночной рациональности и конкурентного индивидуализма с глубокой антипатией к социально ориентированному перераспределению доходов и солидарности. В целом и сторонники, и противники неолиберализма сходятся на том, что в дискурсивном плане «типично неолиберального момента» никогда не существовало, равно как и «неолиберального ядра»; таким образом, не имеет значения, является ли конкретная пространственно-временная конъюнктура более или менее неолиберальной, чем другая. Неизбежные противоречия приводят в конечном счете к тому, что «неолиберализм» всегда был и до сих пор остается оспариваемым термином.

Неолиберальная идеология и политическая философия на любом этапе их эволюции выглядят расплывчатыми: в аргументации их адептов сочетаются принципы эффективности, контроля затрат, приватизации и конкуренции, в основе которых лежит стратегически избирательный подход к реструктуризации правительства, предоставлению корпоративных концессий, патерналистское с оттенком репрессивности «управление бедностью», превращение общественной жизни и природных ресурсов в товар, а также (часто технократическое) навязывание фискальной дисциплины, структурной перестройки и децентрализованной экономии. Несмотря на радикальные призывы к свободным рынкам и индивидуальным свободам, ликвидации регулятивных ограничений и государственного вмешательства, на практике «обоюдоострые» реформы, проводимые неолиберальными элитами во второй половине XX в., очень часто влекли за собой значительное усиление принудительных и агрессивных форм государственного вмешательства с целью навязывания неолиберальных версий «рыночного регулирования», принуждения к дисциплине «неуправляемых субъектов» для того, чтобы ими манипулировать. Поэтому вполне правомерными являются попытки некоторых ученых анализировать идеологию и политэкономия неолиберализма как одну из разновидностей современных социальных утопий. В основе таких характеристик «утопической природы» неолиберализма лежит вполне обоснованный тезис, согласно которому в утопических проектах и идеологиях вполне органично объединяются элементы, которые трудно совместить как в реальной жизни, так и в претендующих на последовательность программах политических партий<sup>1</sup>.

Хотя историческая полисемантическая термина и, следовательно, его правомерность не подвергаются сомнению, в ходе дискуссий постоянно возникают вопросы: насколько он был подходящим «тогда» и «теперь» для описания соответствующих идеологических ситуаций? и существовала ли когда-либо вообще такая вещь, как неолиберализм? В этом плане целенаправленный отказ от использования данного понятия — явление столь же обычное, как и его апология. Дискурсивная конфигурация, политические институты, социальные и экономические практики неолиберализма имеют тенденцию изменяться настолько быстро, что даже у современных сторонников этого направления постоянно возникает искушение дистанцироваться от более ранних дефиниций и даже задавать себе вопросы совершенно различного свойства — были ли их предшественники «истинными неолибералами»?; живем ли мы все еще в неолиберальные времена? и т.п.

Такое стремление к постоянной «переоценке ценностей», по убеждению многих современных аналитиков, признается одним из наиболее динамичных свойств неолиберализма, изначально присущих его природе. Подъем популизма, неонацизма, традиционного «белого» и инновационного «черного» ВЛМ-расизма, так называемых «альтернативных правых» и других движений и партий, нарушающих монополию центристского политического истеблишмента, распространение режимов «постправды» и так называемых фейковых новостей, подрывающих привычный либеральный дискурс, создают тот фон, на котором обозначенные выше вопросы выглядят вполне правомерными.

<sup>1</sup> См., например: *Harvey D. A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 19, 37, 203–204; ср.: *McManus M. The Rise of Post-Modern Conservatism: Neoliberalism, Post-Modern Culture, and Reactionary Politics*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 149–150, 156.

## ПОЛИТИЗАЦИЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ: АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ СМИ НА ПРИМЕРЕ ОСВЕЩЕНИЯ ТЕМЫ COVID-19

На сегодняшний день из-за меняющейся природы общества, медиакультуры и текущего политического климата наблюдаются как положительные, так и отрицательные изменения в потреблении медиа и восприятии социальной реальности. Пандемия стала триггером к возникновению новой медиареальности, которая сегодня является неотъемлемой частью глобального информационного пространства. В своем исследовании мы проанализировали более 7800 публикаций самых цитируемых и популярных российских газет на тему COVID-19. Анализ проводился с помощью системы мониторинга «Медialogия» в период с декабря 2019 по ноябрь 2020 г.

Теоретической базой исследования стали работы немецкого социолога Никласа Лумана, принципы производства новостей, теория привратника, медиафрейминг и теория установления новостной повестки дня. Также были рассмотрены модели распространения информации в СМИ, процесс производства новостей и то, как СМИ меняют восприятие читателей, трансформируя одну реальность в другую. В работе рассмотрены две гипотезы: 1) журналисты склонны трансформировать событие фактической реальности в медийную, при этом искажая ее; 2) тема пандемии, не имеющая прямого отношения к политическому дискурсу, активно политизируется российскими журналистами. Цель исследования — выявить особенности конструирования медиареальности российскими СМИ на двух уровнях.

Первый — макроуровень, охватывающий способы отбора журналистской информации и основные темы. Выбор той или иной информации для публикации напрямую влияет не только на то, как пользователи ее воспринимают и какое мнение у них складывается относительно события, но и на то, какие действия они будут совершать в дальнейшем. В результате анализа было выявлено три способа отбора информации: 1) теория новостной ценности, 2) модель привратника и 3) установление новостной повестки (от англ. *agenda setting*). При использовании теории новостной ценности наиболее влиятельным фактором оказался общественно-политический — свобода прессы. Российские СМИ в значительной степени зависят от власти и часто подвергаются цензуре, что сказывается не только на выборе конкретной новости, но и на характере публикаций в целом. Согласно модели привратника, главным фильтром при отборе новостей оказалось государство, а второстепенным — редакция и сам журналист, именно они выбирали, что может стать новостью, а что — нет.

Далее были рассмотрены ключевые темы и события, освещавшиеся журналистами на тему COVID-19. Большинство новостей изученного периода имели ярко выраженный политический характер. В газетах публиковались новости о сложностях, связанных с проведением голосования по поправкам в Конституцию в период пандемии, и о мерах, предпринимаемых властями для урегулирования ситуации. Вслед за политикой поднимались вопросы экономики и коронакризиса в стране, здравоохранению же уделялось второстепенное третье место. Исходя из ключевых тем, были выявлены источники и ключевые ньюсмейкеры публикаций. Условно их можно разделить на три группы: отраслевые источники, источники-персоны и источники-компании и бренды. Среди персон-ньюсмейкеров доминировали представители власти: В.В. Путин, М.В. Мишустин, С.С. Собянин; отраслевыми источниками выступили медицинские учреждения и персоны, аффилированные с ними, нередко встречались и представители банковской сферы (например, ЦБ РФ); а в качестве компаний и брендов были выделены российские медиахолдинги: ТАСС, МИА «Россия сегодня».

Использование журналистами сопровождающих иллюстраций было обусловлено двумя факторами — тематикой статей и источником, используемым в ней. Мы установили, что доминирующая тема публикаций чаще всего имела политический подтекст, а в качестве источников указывались представители власти и их изображения. Таким образом, иллюстрациями обычно выступали фотографии спикеров, ньюсмейкеров и конференций на тему COVID-19. Однако не менее часто публиковались репортажные снимки из больниц и медицинских исследовательских центров, а также комиксы на тему коронавируса.

На протяжении всего исследуемого периода журналисты все чаще акцентировали внимание читателей на политической и экономической сторонах вопроса и в меньшей степени — на здравоохранении. Все перечисленные особенности публикаций позволили выгодно фреймировать новости и создавать новую медиареальность.

Анализ на микроуровне включал общий характер языка публикаций, ключевые слова и слова-триггеры, потенциально влияющие на общественное мнение в отношении коронавируса. Из-за явного смещения акцентов язык публикаций российских СМИ часто изобилует политическими, экономическими и медицинскими терминами и словами-триггерами: цена, спрос, коронавирус, рубль, вакцина,

Путин, кампания, миллиард, рынок, известие. В статьях также были обнаружены признаки фреймирования текстов, например использование понятия важности и видимости главной мысли публикации. При этом общий язык публикаций наполнен выразительными лингвистическими средствами в виде метафор и оборотов: «обратился к сильным мира сего», «вторил своему коллеге из ООН всемирный главврач», «действовать по принципу каждый за себя», «достать из-под земли», «Понтий Палат», «оттуда ветер дует», «отточить братство» и др. Общий вывод, к которому мы пришли в ходе нашего исследования, подтвердил выдвинутые в начале статьи гипотезы: 1) событие, произошедшее в фактической реальности (появление COVID-19), искажается и трансформируется в медиареальность; 2) тема пандемии, не имеющая прямого отношения к политическому дискурсу, политизируется российскими журналистами, что также является свидетельством дисторсии фактической реальности.

**Данилова Е.А.**  
(Финансовый университет при Правительстве РФ,  
Москва; ТГУ, Томск)

## **ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДА РОССИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЕТЕНЦИЙ ОПК В ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Геополитическое и информационное противостояние со странами Запада служит наполнением современной внешнеполитической конъюнктуры, обусловленной столкновением интересов России и Запада в различных регионах мира. Разворачивающаяся информационная война против России, раскачивание внутрироссийской политической ситуации, вылившееся в нарастание оппозиционных настроений, особенно среди молодежи, усиливающаяся нестабильность на постсоветском пространстве — все эти вызовы, адресованные российской элите, требуют ответа и дополнительно актуализируют проблему поиска ценностной идеи стратегии национального брендинга для укрепления как внутривнутриполитической стабильности, так и международного веса.

Одновременно нарастает глобальное информационное противостояние. В то время как информационные войны становятся неотъемлемой частью современной геополитической практики, вопрос отражения информационных атак глобальных оппонентов требует эффективного ответа. Западные СМИ искажают и негативизируют образ России. Необходима системная коммуникационная стратегия национального брендинга как технологии формирования убедительного образа России в восприятии внутренних и внешних целевых аудиторий в целях утверждения геополитической субъектности и обеспечения социально-политической стабильности за счет консолидации нации на базе единой ценностной идеи поддержания национальной безопасности и обеспечения обороноспособности.

Центральная иницирующая роль в реализации стратегии национального брендинга должна принадлежать государству как основному бенефициару и ресурсодержателю. Также в развитии данной стратегии в области национальной безопасности ее сореализаторами могут выступать ключевые субъекты ОПК, принимающие участие в политике инноваций и обеспечивающие выпуск инновационных продуктов и технологий. СМИ выступают значимым актором с технологической точки зрения, так как коммуникация в современных условиях становится ключевым элементом политики. При этом необходимо придерживаться системного подхода и использовать широкий охват информационных каналов с учетом целевых аудиторий, на которые они направлены. Цифровая дипломатия в эту новую эру глобальной коммуникации является моделью влияния через отношения внутри социальных сетей, а национальный брендинг стал новым трендом публичной дипломатии. В целом появление новых каналов и форматов коммуникаций обуславливает необходимость их активного применения в стратегии национального брендинга. Инновационные технологии национального брендинга в области обороны и безопасности предполагают активную работу с молодежью, интерактивный формат взаимодействия, проведение конкурсов, опросов в Сети, организацию виртуальных выставок вооружений, внедрение техник визуализации (яркие фото и видео), освещение возможностей ОПК в части трансфера технологий двойного назначения в гражданский сектор будут способствовать росту патриотических настроений, усилению доверия населения к армии, решению проблемы рекрутинга и укреплению социально-политической стабильности в целом.

Одновременная реализация продуманной политики инноваций в оборонной отрасли, инновационное развитие ОПК, выпуск высокотехнологичных продуктов и технологий, активное включение ключевых инновационных субъектов отрасли в стратегию национального брендинга с целью репрезентации их возможностей и достижений будут определять ее эффективность. Разработанная и системно реализованная в ответ на глобальные военные и информационные вызовы современности стратегия

национального брендинга РФ в области национальной обороны и безопасности будет способствовать укреплению международного престижа России, расширению ее влияния на состав глобальной международной повестки, увеличению кредита доверия населения к власти, развитию национальной идеи в духе активации глобальной субъектности в рамках формирования многополярного мира.

Дегтярев А.А.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **ПРОБЛЕМА КОМПЛЕКСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ «МАКРО-МИКРОКОНВЕРСИИ» ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ И «СФЕРНОЙ ИНВЕРСИИ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ GR-АНАЛИТИКЕ**

В прикладном политическом анализе (ППА) и современной GR-аналитике еще пока что достаточно остро стоит проблема выбора аналитической оптики и определения пространственно-временного фокуса для адекватного и релевантного моделирования трансформационных переходов при анализе поведения таких политических микроакторов, как отдельные малые группы и индивидуальные стейкхолдеры, которые и составляют, к примеру, профессионально-кадровую и социально-организационную основу деятельности современных GR-подразделений — как крупных корпораций (*in-house*), так и GR-консалтинговых фирм (*out-source*). И здесь следует спросить, используя некую метафору: чем же тогда должен руководствоваться и инструментально воспользоваться тот же политаналитик — крупным телескопом для последующего изучения «макро-мега» измерений мира политики или же лишь небольшим микроскопом для исследования его «микро-мезо» уровней.

И здесь, опять же закономерно, возникают два весьма важных аналитических вопроса. Во-первых, каким образом происходит артикуляция и трансформация политической деятельности и поведения отдельных индивидов (GR-специалистов) и малых групп (GR-подразделений) в агрегированную корпоративную политическую активность (КПА), политическую стратегию и тактику поведения крупных бизнес-организаций. И, во-вторых, как же происходит статусно-ролевая трансформация в организации деятельности корпорации, базовой экономической функцией которой является производство товаров и услуг на отраслевом рынке для конечного извлечения финансовой прибыли. При этом, кроме вполне органичной для реализации данной функции существования фирмы как агента рыночно-экономической «внутренней среды», существует еще и социально-политическая «внешняя среда», где корпорация вдруг становится уже неким политическим агентом, выступая в качестве разновидности группы интересов (давления) или лоббистской группировки.

Для дальнейшего концептуального моделирования, а также операционального построения рабочих моделей-гипотез нам придется более четко определить и структурировать данный категориальный блок. Во-первых, само исходное понятие «конверсия» следует интерпретировать как учет (инкорпорирование) индивидуального и группового интересов политических агентов (деятельности по производству политической ренты) в трансформационном процессе построения комплексной структуры «формулы интересов» и государственно-управленческого определения общественной проблемы (повестки) посредством их продвижения и осуществления политического влияния. Во-вторых, категорию «инверсия» необходимо рассматривать как учет (инкорпорирование) индивидуального и группового интересов экономических агентов (по максимизации экономической прибыли) в процессе поддержания адекватного им характера «внешней» политической среды для обеспечения релевантного уровня конкурентоспособности их основной экономической деятельности. Для адекватного моделирования указанных выше конверсионных и инверсионных переходов необходимо также включение в проектирование их структурно-динамических моделей категории «делегирования» полномочий по политическому представлению организационным субъектом («делегатом») интересов социального (экономического) объекта («носителя»). В итоге осуществления подобного процесса аналитического конструирования дается рабочее обоснование комплексной структурно-динамической модели интерпретации «макро-микро» переходов и экономико-политических трансформаций (для практического ее использования в GR-менеджменте), которая включает в себя «амбивалентно-дуальные» статусы и «кросс-средовые» взаимообмены агентов экономической (внутренне-первичной) и политической (внешне-вторичной) деятельности, как участников (стейкхолдеров) рыночного и политико-управленческого процессов.



## КРЫМСКО-ТАТАРСКИЙ ВОПРОС В УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Восстановление российского суверенитета над Крымом спровоцировало на Украине значительное усиление внимания к крымско-татарской проблематике. Украинская элита, используя многонациональный фактор полуострова, стремится осложнить реинтеграцию Крыма в российское пространство, ослабить позиции России в Черноморско-Средиземноморском регионе, а также дискредитировать международный имидж России. В украинских механизмах влияния в отношении крымских татар можно выделить четыре основных направления:

1. Активизация законодательной деятельности украинских органов власти в отношении крымских татар по нерешаемым Украиной с 1991 г. вопросам.
2. Использование представителей меджлиса крымско-татарского народа (организация запрещена в РФ) в целях дестабилизации ситуации на Крымском полуострове.
3. Популяризация крымско-татарского вопроса, «уязвимого» положения крымских татар на территории Крыма и одновременно с этим позиционирование себя «гарантом» прав крымских татар.
4. Внедрение в массовое сознание выгодных украинской элите этноисторических мифов и этнических символов<sup>1</sup>.

Стоит отметить, что именно после политических событий 2014 г. украинское правительство приняло ряд постановлений и законов по крымско-татарскому вопросу. Анализ базы данных официального сайта Верховной Рады Украины продемонстрировал, что с 2014 по 2021 г. было опубликовано 28 документов, в которых упоминались крымские татары. Наибольшее количество нормативно-правовых актов за указанный период приходится на 2014–2016 гг.<sup>2</sup> (рис.).

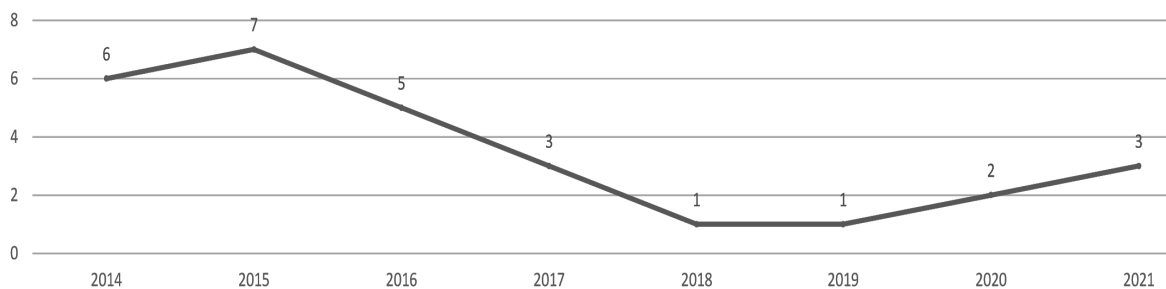


Рис. Количественные показатели базы данных «Законодательство Украины» по крымско-татарской проблематике

В Украине решение крымско-татарского вопроса до 2014 г. в большей степени носило ситуативный характер или актуализировалось в ходе избирательных кампаний. При этом многочисленные обещания крымско-татарскому народу звучали в устном формате. Исключением являются выборы 2014 г. В предвыборной программе П.А. Порошенко крымские татары упоминаются единожды — как «коренное население Крыма», которое «требует защиты со стороны украинского государства»<sup>3</sup>.

Также украинская политическая элита активно взаимодействует с меджлисом крымско-татарского народа, признавая данную организацию и курултай представительными органами крымских татар, предоставляя должности членам меджлиса на различных уровнях государственной власти, финансируя его деятельность из госбюджета, обещая предоставить национальную автономию.

Следующим украинским механизмом влияния в отношении крымских татар является стремление популяризировать крымско-татарскую проблематику. Данное направление реализуется через предоставление гарантий прав крымско-татарского народа, установление памятных дат, деятельность Министрства информационной политики, публикаций СМИ, правозащитных общественных организаций, обращение Украины к международному сообществу о якобы нарушениях прав крымских татар Российской Федерацией.

Помимо негативной интерпретации современной политики России в отношении крымских татар украинской стороной, происходит внедрение в массовое сознание выгодных власти этноисторических мифов. В ходе реализации данной политической технологии в большей степени задействовано два на-

<sup>1</sup> Демешко Н.Э. Международно-политическое противодействие интеграции крымских татар в геополитическое пространство России: Дис. ...канд. полит. наук: 23.00.04 / Демешко Наталья Эдуардовна. Симферополь, 2020. — 365 с.

<sup>2</sup> Всі документи бази даних «Законодавство України». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws>.

<sup>3</sup> Передвиборна програма кандидата в Президенти України Порошенка Петра. URL: [https://constituanta.blogspot.com/2014/10/2010\\_27.html](https://constituanta.blogspot.com/2014/10/2010_27.html).

правления: депортация 1944 г. и фальсификация политических взглядов национальных героев крымско-татарского народа.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, Украина дискредитирует политику России в отношении крымских татар. При этом данные действия направлены на формирование представлений об исторической преемственности Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации в «дискриминации» крымских татар.

Во-вторых, Украина после событий Крымской весны стремится на внутригосударственном и международном уровнях сформировать имидж «защитника» крымских татар от «российской агрессии» и всячески использовать крымско-татарскую проблематику в своих стремлениях восстановить юрисдикцию над Крымом.

В-третьих, политический союз действующих украинской и крымско-татарской политических элит является ситуативным и, по всей видимости, недолговременным, поскольку одновременное существование двух националистических проектов возможно при условии наличия общего внешнего врага, которым в данном случае объявляется Россия.

Денисов А.Е.

(Академия наук Республики Татарстан, Казань)

## **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРАТЕГИИ «ПОЗИЦИОННОГО ХОДА» А. ВИММЕРА В ПРАКТИКЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ СУБЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП (НА ПРИМЕРЕ КРЯШЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ)**

**Ц**ель субэтнического национального движения заключается в политическом признании своей этнической группы как отдельного народа. От этого субэтнические группы используют в своих национальных движениях стратегию «позиционного хода». По этой стратегии общая иерархическая структура этнических групп, которая есть на данный момент в обществе, сохраняется и не оспаривается, а субэтнические группы выступают за изменение своего положения уже в существующей структуре иерархии<sup>1</sup>.

Субэтнос изначально не может презентовать себя как отдельный народ, так как имеет очень маленькие отличия от «ядра» своей нации. Субэтническому национальному движению от этого очень выгодно презентовать себя не как часть какого-то народа, имеющую отличительные культурные черты, а изначально говорить о себе как об отдельной нации. Поэтому субэтнические национальные движения в качестве тактики своего движения выбирают категорию «коренной малочисленный народ», так как она изначально позволяет дистанцироваться от доминирующей этнической группы внутри единой нации, опираться на свою малочисленность и угрозу полной ассимиляции.

В докладе стратегия «позиционного хода» будет рассмотрена на примере современного кряшенского субэтнического движения в кампании к переписи населения 2021 г. В частности, данная кампания содержит в себе несколько нарративов. В докладе подробно будут рассмотрены:

- 1) вопрос о происхождении кряшен и времени принятия христианства;
- 2) нарратив взаимоотношений с РПЦ;
- 3) нарратив «отличительности» от крещеных татар (новокрещеных татар).

Что касается первого пункта, то на основании исследований советских этнологов современные кряшенские активисты говорят о том, что современные кряшены (а до этого — старокрещеные татары) являются потомками болгарцев и ногайцев, которые приняли христианство еще в IV–XIV вв. задолго до завоевания Казанского ханства Иваном IV.

Данный нарратив часто актуализируется, когда кто-то в СМИ высказывается о том, что кряшены — это татары. В духе этносимволизма отметим, что здесь проявляется сюжет конфликтности разных репертуаров развития татарской нации (золотоордынской и болгарской позиций). Кряшены считают себя и современных казанских татар потомками болгар и в этой плоскости согласны с тем, что они являются субэтнической группой последних. Однако при золотоордынском дискурсе о происхождении татарской нации кряшены пытаются всячески дистанцироваться от татар, говоря о своем «болгарском» происхождении.

Что же касается нарратива «взаимоотношения с РПЦ», то РПЦ является главной опорой восстановления кряшенской идентичности как для умеренного крыла, так и для оппозиционного блока. Однако отдельным вопросом стоит история с канонизацией Н.И. Ильминского. Представители кря-

<sup>1</sup> Wimmer A. The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory // American Journal of Sociology. 2008. Vol. 113. Issue. 4. P. 988.

шенского движения стремятся как можно скорее канонизировать Н.И. Ильминского, так как он неразрывно связан с этнически значимым символом «православия». Это нужно для легитимации требований о предоставлении кряшенам права записываться отдельной переписной категорией в будущих переписях населения и является существенной ресурсной базой для «позиционного хода».

Особое внимание стоит уделить нарративу «отличительности» от крещеных татар (новокрещеных татар). Этот нарратив выражен в том, что кряшены всячески пытаются демаркироваться от просто «крещеных татар». Данный нарратив прекрасно раскрывается на примере конфликта кряшенского движения с общиной православных татар Москвы. В частности, лидер православной татарской общины Москвы предложила использовать кряшен как православных миссионеров среди татар-мусульман, чтобы последние переходили в православие. Это привело к тому, что эти инициативы повлекли за собой негативную реакцию как со стороны татарских националистов и татарского сообщества, так и со стороны кряшенской общественности. Представители кряшенского движения выразили недовольство грубым вторжением во внутреннюю жизнь кряшен, игнорированием кряшенского самобытного этнического самосознания и провокацией перед татарскими националистами<sup>1</sup>.

Особое стремление кряшенского сообщества обособить себя от «крещеных татар» говорит о том, что при стратегии «позиционного хода» кряшены сталкиваются со сложностью внешнего признания (часто «крещеные татары» и кряшены синонимичны в сознании людей).

Дергачева В.Е.  
(АлтГУ, Барнаул)

## ПАМЯТНИКИ И МОНУМЕНТЫ КАК СРЕДСТВО МЕМОРИАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

В современном мире глобализации и интернационализации политических и социальных процессов политика памяти является неотъемлемой составляющей национальной политики практически всех государств. С развитием технологий появляются новые формы и методы, используемые государствами при проведении национальных вариантов политики памяти. В данной работе рассматриваются памятники и монументы как средство мемориализации событий Афганской войны. Возведение памятников и монументов является одним из многочисленных аспектов «монументальной»<sup>2</sup> политики.

Тема мемориализации событий Афганской войны посредством памятников в контексте проводимой в России «монументальной» политики недостаточно изучена в отечественной историографии. В пример можно привести следующие работы отечественных исследователей: «Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы)»<sup>3</sup> Н.Ю. Даниловой, «Коллективная память в городском пространстве: места памяти об Афганской войне»<sup>4</sup> А.В. Стрельниковой, «Пространство памяти в “Афганском” музее: попытки договориться с прошлым»<sup>5</sup> Е.Ю. Рождественской, И.Н. Тартаковской.

В процессе увековечивания событий Афганской войны посредством возведения памятников и монументов принимают участие как государственные институты, так и институты гражданского общества. Стоит отметить, что последние, в лице организаций воинов-«афганцев», проводят более активную коммеморативную деятельность.

Можно выделить несколько основных характеристик мемориального пространства Афганской войны в контексте «монументальной» политики:

1. Памятники, посвященные Афганской войне, чаще всего носят названия: «памятник (или мемориал) воинам-интернационалистам». При коммеморации событий Афганской войны это придает ее участникам обобщенный коллективный статус солдата любого локального конфликта.
2. Большинство монументальных объектов возводится по инициативе институтов гражданского общества и на средства благотворительных взносов: различные объединения ветеранов-«афганцев», матерей воинов-интернационалистов.

<sup>1</sup> Денисов А.Е. Религиозное возрождение как основа современного кряшенского религиозного возрождения // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 4. С. 184.

<sup>2</sup> Подробнее об этом понятии см.: Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.

<sup>3</sup> Данилова Н.Ю. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы) // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 146–161.

<sup>4</sup> Стрельникова А.В. Коллективная память в городском пространстве: места памяти об Афганской войне // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 118–125.

<sup>5</sup> Рождественская Е.Ю., Тартаковская И.Н. Пространство памяти в «Афганском» музее: попытки договориться с прошлым // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 103–117.

3. Памятники, посвященные Афганской войне, открываются в основном в регионах по инициативе местных организаций ветеранов Афганской войны и при поддержке местных властей. Эти памятники и монументы пользуются большей популярностью среди ветеранов, чем мемориалы в крупных городах, так как рядом с первыми проще проводить коммеморативные мероприятия со своей спецификой и с большей периодичностью.

Основными мотивами и символами при мемориализации Афганской войны являются: один солдат в «афганке»; несколько солдат, символизирующих воинское братство; «черный тюльпан», представленный либо в виде фюзеляжа самолета, либо в виде черного цветка.

Мемориалы Афганской войны имеют обширное «символическое поле», которое можно условно разделить на несколько групп:

1. Памятники, которые символизируют утрату и скорбь по сослуживцам, солидарность и единство погибших и живых солдат.
2. Памятники, которые отражают героизм воинов-«афганцев».
3. Памятники с использованием религиозных символов. Например, часовни часто являются частью мемориальных комплексов, посвященных Афганской войне.

Фразой Цицерона «Велика сила памяти, присущая месту» можно описать и значение проводимой «монументальной» политики относительно Афганской войны. Памятники и монументы, наполненные символизмом и имеющие историческую ценность для общества, связаны с человеческими судьбами, переживаниями, воспоминаниями, которые отчасти проецируются на места проведения коммеморативных мероприятий посредством характерных символов и различных мемориальных ритуалов, характеризующих коммеморативное поле Афганской войны.

*Дергунова Н.В.*  
(УГПУ им. И.Н. Ульянова, Ульяновск)

## **ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ**

В последние годы в стране оппозиционными силами была предпринята попытка вовлечения подростков, школьников в политическую жизнь страны, что привело к усилению тенденции политизации молодежи в целом. Предстоящие избирательные циклы, агитационные кампании также способствуют вовлечению старшеклассников, учащихся колледжей в политику. В политических исследованиях, как правило, изучается молодежь, начиная с 18 лет. Однако процессы идентификации подрастающего поколения начинаются намного раньше, и к 14–16 годам у молодых уже формируются основы социокультурной идентичности, включающей в себя и элементы политической идентичности наряду с этнокультурной и гражданско-государственной. По мнению И. Семененко, использование понятия «идентичность» для анализа публичного поведения означает, что «в поведении человека в публичной сфере есть не только рациональная, но и духовно-нравственная и эмоциональная составляющие»<sup>1</sup>, заставляющие социологов и политологов «учитывать взаимопереплетение интересов, ценностей и эмоций в анализе политического сознания и поведения». Проблема идентичности есть проблема ориентации, саморефлексии и самоопределения, с помощью которых индивид может позиционировать себя в социальном и политическом пространствах. Каждый человек одновременно может быть и гражданином, и членом (сторонником определенной политической) партии, и сторонником определенных идеологических взглядов, и представителем этнических и социальных групп и др.

В статье ставится задача проанализировать роль обществознания как школьного предмета, прямой функцией которого является формирование основ политической идентичности старшеклассников — выпускников школы. В основу статьи положены результаты прикладных исследований — опроса учителей истории и обществознания (113 экспертов) и фокус-группы учащихся 9–11-х классов сельских и городских школ, проведенные областным общественным фондом РАПИР (региональная аналитика, профессиональные исследования, рейтинги) в 2021 г. По мнению учителей, из всех разделов обществознания политология вызывает наименьший интерес у учащихся. Если вопросами права интересуется более 40% учащихся, то политологией чуть более 5%. Однако, по мнению учителей, учащиеся весьма активно интересуются политическими процессами и событиями, происходящими в стране. Наибольший интерес вызывают: состояние демократии в стране (65%), деятельность президента (65%), деятельность политической оппозиции в целом и ее отдельных представителей (49%), политические технологии и деятельность средств массовой коммуникации (СМИ, Интернет, сети) — 36%.

<sup>1</sup> Семененко И.С. Идентичность как категория политической науки: опыт концептуализации // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 8.

Наименьший интерес для школьников представляют следующие процессы: работа парламента, парламентаризм в целом (6,25%), местное самоуправление (9,82%), политическая культура, политическое сознание, политические идеологии, их состояние в России (12,5%).

Средний интерес вызывает следующая проблематика: выборы, избирательный процесс в целом (24%), деятельность губернатора (30,36%), деятельность политических партий и их лидеров (28,57%), международные отношения и конфликты (32,14%), военно-политическое развитие РФ, военно-политическое сотрудничество и противостояние (26,79%). Интерес школьников к политическим событиям значительно превышает интерес к изучению политологических тем курса обществознания.

Учителя отметили также, что для исследовательских проектов по политологии старшеклассники чаще всего выбирают темы, связанные с яркими историческими и политическими личностями, о государстве и политических партиях. Таким образом, старшеклассников интересуют люди в политике, личностный аспект восприятия политических процессов и событий (через призму жизни и деятельности отдельных людей). Потом деятельность основных политических институтов — партии, государство, выборы.

По мнению экспертов, 23,21% старшеклассников не интересуются деятельностью политических партий вообще. У остальных наибольший интерес вызывает «Единая Россия» — 66,07%, ЛДПР — 50,89, КПРФ — 49,11%. Остальные политические партии мало известны им. Данное распределение ответов экспертов—учителей обществознания не во всем совпадает с результатами фокус-групп старшеклассников. Наибольший интерес у школьников вызывает деятельность ЛДПР, и, если бы им пришлось идти на выборы, то большинство проголосовало бы за нее. У старшеклассников сложилось весьма позитивное отношение к оппозиции, особенно внепарламентской и внесистемной, оппозиция воспринимается как полностью позитивное явление политической жизни.

Фокус-группы показали, что основное восприятие политики двоякое: с одной стороны, для старшеклассников это сфера ограничения свободы и прав личности, с другой — это сфера регулирования отношений с целью обеспечения равенства прав и система распределения благ, ценностей. Однако школьники не представляют механизмы управления общественными процессами, принятия законов. Государство во многом воспринимается утопически абстрактно, как некая всеобщая сила, стоящая над обществом, нейтральная к интересам различных социальных групп. Не смогли сообразить, что любое решение, любой закон — это попытка найти компромисс интересов больших социальных групп, чьи интересы отстаивают группы интересов, группы давления, политические партии и движения, активность институтов гражданского общества. При формировании политической позиции школьники в основном ориентируются на два источника: мнение родителей и Интернет, но решения собираются принимать сами.

Роль школьного курса обществознания оценивают старшеклассники в целом высоко. Однако к учебнику обращаются «редко, иногда обращаемся» при попытках разобраться, проанализировать какие-либо события. Больше требуется личное общение и умение анализировать информацию из Интернета.

*Дерендяева А.Д.  
(АлтГУ, Барнаул)*

## **КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕНТИФИКАТОРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГИМНА КАЗАХСКОЙ ССР (1945 г.) И ГИМНОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (1992 и 2006 гг.)**

Одним из ключевых инструментов политики идентичности выступает национальный гимн, представляющий собой торжественную музыкальную композицию, которая является официальным государственным символом. После распада СССР все бывшие республики были вынуждены конструировать новую официальную символику, в том числе и национальный гимн. Особый интерес на постсоветском пространстве представляет собой Республика Казахстан, которая сменила данный символ дважды: в 1992 и 2006 гг. В связи этим актуальным становится компаративный анализ текстов гимнов Казахской ССР и Республики Казахстан, а также выявление ключевых идентификаторов, способствующих консолидации общества в разные периоды.

Так, при анализе текста гимна Казахской ССР, написанного в 1945 г. (слова — К. Мухамедханова, А. Тажибаева, музыка — М. Тулебаева, Е. Брусиловского), можно выделить следующие идентификаторы: во-первых, обозначалась «легитимность советской власти» — уже в первом куплете говорится о важной для казахов роли В.И. Ленина («казахи... искали путь среди тумана, пока не взошел Ленин»). Помимо этого, «апелляция к лидеру» есть и во втором куплете гимна, здесь

речь идет о «победоносном пути вождя». Важный «исторический нарратив» закладывается в припеве, он показывает решающее значение Советского Союза, который выступает как интегрирующее для всех народов начало («ведет все страны к единству, к победе...»). В третьем куплете гимна определяется «роль партии» — описываются ее мудрость, любовь к ней. Аксиологический блок композиции определяется такими терминами, как «свобода», «радость», «единство», «дружба», «равенство» и т.д. В целом можно говорить о трех важных идентификаторах гимна 1945 г.: В.И. Ленин, Советский Союз и партия выступают как единое начало для всех народов СССР, что соответствовало марксистско-ленинскому дискурсу того времени и показывало значительную роль власти и государства в обществе.

С распадом СССР гимн уже нового государства — Республики Казахстан — был изменен в 1992 г. (слова — М. Алимбаева, Т. Молдагалиева). В связи с новой политикой идентичности, направленной на определенную «казахизацию» общества, официальный символ прежде всего отражал в себе такой идентификатор, как «коллективная травма». Текст гимна носил «агональную» и «жертвенную» коннотацию, поскольку в первом куплете использовались такие категории, как «жертвенность всем», «тиски-испытания судьбы», «мы уцелели», «адские огни», тем самым определялось трагическое прошлое народов, на основе которого нужно интегрироваться. В то же время припев начинается с использования такого идентификатора, как «этническая символика», используется образ «орла-свободы» (беркута). Патриотические чувства обозначаются в таких конструктах, как «любимая Родина», «святая колыбель дружбы», тем самым придается духовное предназначение своей степи. Отмечается надежда на будущее, это отражается в словах «светлое, прекрасное». В качестве ценностей выступают честь, традиции, родная речь. В целом можно говорить о таких идентификаторах, как «коллективная травма», «историческая память», «национальные ценности», «вера в будущее».

В 2006 г. появился новый гимн, им стала песня, написанная еще в 1956 г. Ж. Нажимеденовым. В первом куплете текста современного символа можно увидеть такой идентификатор, как «природа, географические ценности», что описывается в категориях «небо», «золотое солнце», «степи», «золотое зерно». Показывается «золотой век» истории казахов, поскольку используется словосочетание «седая древность», где казахи уже славились своими победами. В припеве закладываются патриотические чувства: «мой казахский народ», «моя родина». Также представляется образ будущего: «сплоченный, единый народ», «дорога» и т.д. Таким образом, современный гимн Казахстана содержит в себе такие идентификаторы, как «географические ценности», «золотой век», «единый народ», «патриотизм» и т.д. Смена политического дискурса в новом гимне не случайна, поскольку, с одной стороны, Казахстан был вынужден интегрировать многонациональное общество, исходя из его порой противоречивых ценностей. С другой стороны, гимнодия определяла место страны в мировом пространстве, поэтому органы власти решили показать свою лояльность другим государствам (в том числе и России) и не стали обострять проблемы прошлого в тексте своего символа.

Подводя итог, можно говорить о том, что базовые идентификаторы гимна Казахской ССР, а затем и гимнов Республики Казахстан менялись в зависимости от политического режима страны, ключевых направлений политики идентичности, а также позиционирования государства в мире. Если гимн 1945 г. был связан с марксистско-ленинской идеологией, то гимны независимого Казахстана уже опирались на идеологические установки новых органов власти, были связаны с историей казахского народа, коллективными травмами, ценностями.

Дибас О.А.  
(независимый исследователь,  
Ростов-на-Дону)

## **ПОСРЕДНИЧЕСТВО В УРЕГУЛИРОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: РОЛЬ МАРТИ АХТИССААРИ В РЕШЕНИИ КОНФЛИКТА В АЧЕ**

**Б**орьба партизанского движения *GAM* (движение за свободу Аче) против правительства Индонезии началась в 1976 г., когда бизнесмен из провинции Аче Тенгау Хасан де Тиро, получивший образование в США, объявил индонезийскую провинцию Аче независимой. Партизанское движение к 1977 г. было подавлено, а большая часть его участников ликвидирована. Одним из немногих исключений был Ди Тиро, которому удалось бежать в Швецию<sup>1</sup>.

Однако уже в конце 1980-х годов *GAM* возобновила свою деятельность, а жестокость в подавлении ее деятельности со стороны легитимной власти лишь способствовала увеличению ее поддержки среди населения.

<sup>1</sup> Merikallio K., Ruokanen T. A Biography of Martti Ahtisaari. L.: Hurst and Company, 2014. P. 288.

Новому витку деятельности *GAM* способствовало падение режима Сухарто в 1998 г., после которого *GAM* стремительно расширило зону контроля над территориями.

Как впоследствии вспоминали сами участники *GAM* — они руководили партизанским движением из Стокгольма, используя для координации спутниковую связь, факсы и в последующем — текстовые сообщения. Предполагаем, что именно данный конфликт является «первой в мире войной мобильных телефонов». При этом на каждом этапе конфликта ряд международных правительственных и неправительственных организаций принимали участие в урегулировании данного конфликта.

Так, М. Соседова отмечает, что участие ЕС в урегулировании в Аче можно разделить на три этапа. Первый этап — январь—август 2005 г. — наиболее интересен для нашего исследования, так как именно с ним связано оказание содействия в хельсинкском процессе: сотрудничество *Crisis Management Initiative (CMI)* под руководством бывшего президента Финляндии М. Ахтисаари, при участии которого в августе 2005 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании, вступивший в силу в августе 2006 г.<sup>1</sup>

Данных успехов удалось достигнуть в том числе благодаря опыту М. Ахтисаари, который пользовался авторитетом как у представителей *GAM*, так и правительства Индонезии, которое готово было пойти на ряд уступок для восстановления мира. При этом стоит отметить, что, по мнению самого Ахтисаари, сложнее всего было достигать договоренностей с представителями *GAM*, которые находились в эмиграции в Швеции и были далеки от прямого влияния конфликта, а вследствие этого и значительно радикальнее настроены<sup>2</sup>.

Так как стороны пришли с диаметрально противоположным видением решения ситуации, то одной из приоритетных задач М. Ахтисаари было «создать совершенно новый вид комплексного решения, при котором автономия была бы лишь частью широкого пакета, который включал бы вывод индонезийской армии из провинции, разоружение партизан и широкомасштабные экономические реформы»<sup>3</sup>.

В рамках хельсинкского этапа переговоров между сторонами конфликта удалось выделить наиболее активные болевые зоны, а именно невозможность в рамках индонезийского законодательства существования местных политических партий, что полностью противоречило задачам *GAM* в легализации своего статуса в регионе Аче, а также в реформатировании системы распределения доходов от добычи полезных ископаемых между правительством и регионами.

Подводя итог, стоит отметить, что М. Ахтисаари в рамках переговорного процесса по Аче удалось применить по отношению к сторонам конфликта ряд требований, которые были выдвинуты в качестве условия посредничества, а именно: 1) каждая сторона ответственна лишь за свои высказывания и не комментирует высказывания оппонентов; 2) стороны несут ответственность за дальнейшую имплементацию решений, принятых в ходе переговоров (готовы взять на себя ответственность); 3) стороны отказываются от использования СМИ в качестве инструмента давления на ход переговорного процесса; 4) договоренности принимаются в ограниченный временной срок, чтобы не потерять актуальности. Еще одной задачей, с которой справился Ахтисаари, было установление хоть и неформального, однако прямого контакта между *GAM* и правительством Индонезии.

Довгань А.А.

(Информационный центр Крымского регионального  
отделения партии «Единая Россия», Симферополь)

## **ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ПАРТИЕЙ И ЕЕ ЧЛЕНАМИ И СТОРОННИКАМИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЛОЖЕНИЯ «ВВЕРХ»)**

Сегодня в России единственной партией, которая использует цифровую платформу как инструмент для коммуникации со своими активистами, является Всероссийская политическая партия «Единая Россия». Речь идет о мобильном приложении «Вверх», с помощью которого формируется прозрачная система рейтинга активности членов, сторонников единомышленников партии и партийных команд (первичных организаций и местных отделений).

С помощью данного приложения можно выявить наиболее активных членов, сторонников и единомышленников партии «Единая Россия», а также привлекать их к участию в партийных мероприятиях и в реализации партпроектов. Использование этого приложения дает возможность каждому члену, стороннику и единомышленнику партии «Единая Россия» участвовать в жизни партии, самостоятельно создавать мероприятия, общаться с зарегистрированными коллегами, делиться опытом реализации

<sup>1</sup> Соседова М. Конфликт в Аче в 1990–2000-х гг.: специфика, интернационализация и сценарии возможного развития событий // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2012. №19. С. 170–171.

<sup>2</sup> Merikallio K., Ruokanen T. Op. cit. P. 291.

<sup>3</sup> Ibid. P. 294.

проектов. За каждую активность в приложении «Вверх» для участников предусмотрено начисление баллов. Пользователи могут как участвовать в деятельности уже существующих команд, так и создать свою. Приложение доступно для скачивания в *AppleStore* и *PlayMarket*.

Презентация мобильного приложения «Вверх» для членов и сторонников партии «Единая Россия» прошла 18 июня 2020 г. в онлайн-режиме<sup>1</sup>. Тестовый запуск данного проекта состоялся в Нижегородской области, а апробация прошла в рамках проведения голосования по поправкам в Конституцию РФ. За период тестирования участниками приложения стали 941 человек, которые создали 26 команд<sup>2</sup>.

После положительной реализации пилотной версии проект использовали во время избирательной кампании по выборам депутатов городской думы Нижнего Новгорода, депутатов городской думы Арзамаса и депутатов городской думы Дзержинска. В качестве поощрения для активных пользователей предусматривались рекомендации для включения в составы местных политсоветов и регионального политического совета партии, должности помощников муниципальных и областных депутатов, благодарности.

Так, пользователи приложения распространяли агитационные материалы в сети «Интернет», участвовали во встречах с кандидатами. За время избирательных кампаний в вышеуказанные городские думы в приложении было сформировано 47 команд, которые объединили 5300 человек. Количество полезных активностей составило 3700 действий. Итогом этой совместной работы стало избрание 42 из 47 лидеров команд депутатами от «Единой России»<sup>3</sup>.

По итогам тестового этапа было принято решение о масштабировании приложения в рамках избирательной кампании в Государственную Думу РФ VIII созыва. Сейчас пользователям приложения доступны следующие федеральные проекты — «Приведи друга», «Агитация в Сети», «Контент-центр», «Тестирование контента» и «Мобилизация». Для лидеров рейтинга предусмотрены поощрения — по итогам каждого месяца и всего проекта (февраль — сентябрь). Среди поощрений — обучение в Высшей партийной школе, публикации о лидерах в социальных сетях, встреча с председателем партии, назначение помощником избранного депутата Государственной Думы от партии «Единая Россия», вхождение в Генеральный совет партии, приглашение на съезд партии и т.д.<sup>4</sup>

Следует отметить, что приложение «Вверх» с учетом требований времени постоянно дорабатывается и совершенствуется. Так, 10 июня 2021 г. в ходе отчетной кампании депутатов «Единой России» о выполнении предвыборной программы секретарь Генерального совета партии «Единая Россия» Андрей Турчак выступил с инициативой проводить отчеты с помощью цифровых сервисов партии. Он также предложил добавить в приложении функцию, дающую возможность оставить негативные отзывы о работе депутата<sup>5</sup>.

Также одной из мер поощрения команды активистов партии, которая сформирована в приложении «Вверх», может стать возможность получить партийный грант на реализацию своих инициатив в рамках конкурса первичных отделений. На данный момент у них такого права нет, так как зачастую команды состоят из людей, представляющих разные отделения партии.

Долгов А.Ю.  
(ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ, Москва)

## НЕ ТОЛЬКО ПАРТИЙНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ: ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ПАРЛАМЕНТСКИХ КОАЛИЦИЙ<sup>6</sup>

«Сеть» — понятие, объединяющее очень разные исследовательские направления и интуиции в социальных науках как на уровне выбора объекта исследования (политические сети, социальные сети, цифровые сети и т.д.), так и на уровне методологии сетевого анализа. Несмотря на такой теоретико-методологический «размах», который приводит к неясности и размытости понятия «Сеть», сетевая оптика остается очень востребованным инструментом в политических исследованиях. Сетевой анализ

<sup>1</sup> Уникальное мобильное приложение «Вверх» для партийцев запустили в Нижегородской области. <https://nnov.er.ru/activity/news/unikalnoe-mobilnoe-prilozhenie-vverh-dlya-partijcev-zapustili-v-nizhegorodskoj-oblasti>.

<sup>2</sup> В Нижегородской области протестировали уникальное мобильное приложение «Вверх». <https://nnov.er.ru/activity/news/v-nizhegorodskoj-oblasti-protestirovali-unikalnoe-mobilnoe-prilozhenie-vverh>.

<sup>3</sup> Лидеров приложения «Вверх» ждет активный кадровый рост. <https://nnov.er.ru/activity/news/liderov-prilozheniya-vverh-zhdet-aktivnyj-kadrovij-rost>.

<sup>4</sup> Официальный сайт приложения «Вверх». <https://vverh.er.ru/>.

<sup>5</sup> Андрей Турчак предложил проводить отчеты через цифровые сервисы партии. <https://er.ru/activity/news/andrej-turchak-predlozhl-provodit-otchety-cherez-cifrovye-servisy-partii>.

<sup>6</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31792.



популярен в исследованиях парламентских систем, поскольку в них акторы политического процесса выстраивают различные коалиционные стратегии: для получения голосов на выборах, для подготовки законопроектов и принятия законов, для формирования правительства и т.д. Поэтому, как отмечает В.В. Сидоров, чтобы понять, как работает современная парламентская демократия, нужно понять, как формируются коалиции<sup>1</sup>.

Одно из ограничений, которое помогает преодолеть сетевой анализ, состоит в пересмотре традиционного взгляда на взаимодействие представителей различных политических партий как на то, что строится исключительно на отношениях конкуренции. Сетевой анализ позволяет обнаружить сети сотрудничества, которые формируются, например, на основе обмена информацией. Так, опираясь на данные онлайн-опроса депутатов Бундестага (N = 98), немецкие политологи А. Вонка и С. Хаунсс обнаружили пять кластеров парламентариев, чьи сети сотрудничества различаются как по своей структуре, так и по интенсивности контактов, которые они поддерживают с разными участниками: 1) депутаты, сотрудничающие с членами своей парламентской партии; 2) депутаты, сотрудничающие с министрами правительства в основном из своей партии; 3) депутаты, которые, помимо контактов внутри своей партии, поддерживают прочные связи с неправительственными организациями и профсоюзами; 4) депутаты, регулярно контактирующие с руководством своей парламентской группы и с руководством своей партии; 5) депутаты, взаимодействующие с группами интересов<sup>2</sup>.

Группы интересов — важный участник процесса создания коалиций, который становится «видимым» благодаря сетевому анализу. Так, в исследовании американских политологов М. Гроссмана и К. Домингез показано, что в рамках американской двухпартийной системы группы интересов на выборах действуют как партийные коалиции (поляризация по партийной принадлежности), а в законодательных дебатах для принятия закона они стремятся преодолеть разногласия для достижения консенсуса (объединение вокруг общей проблемы)<sup>3</sup>.

Политические убеждения при этом рассматриваются в исследованиях как один из ключевых факторов выстраивания коалиций. Например, используя теоретическую рамку коалиции поддержки (*advocacy coalition framework*), группа американских политологов показала, что акторы со схожими политическими убеждениями с большей вероятностью образуют коалиции, что приводит к фрагментации политических подсистем на идеологические группы<sup>4</sup>.

Сетевой анализ позволяет увидеть и зафиксировать, что содействует, а что препятствует формированию парламентских коалиций и кто, помимо партийных представителей, может быть значимым участником взаимодействия. Сетевой анализ показывает, что структуры взаимодействий выходят за рамки партийной принадлежности, а межпартийные связи могут возникать на неформальном уровне. Например, с помощью сетевого анализа можно зафиксировать коллаборации депутатов и сенаторов не только в рамках законодательной деятельности, но и в социальных медиа<sup>5</sup> или на пресс-конференциях<sup>6</sup>. Сетевой анализ, таким образом, позволяет уловить и описать важные элементы выстраивания коалиционных стратегий, что открывает перспективу более глубокого понимания политического процесса в целом.

Донцев С.П.  
(РГГУ, Москва)

## ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С момента обретения независимости в большинстве государств постсоветского пространства религия остается важным фактором внутренней политики. Она может также определять и внешне-

<sup>1</sup> Сидоров В.В. Коалиционная политика политических партий в парламентских системах. Казань: Казан. ун-т, 2016. С. 4.

<sup>2</sup> Wonka A., Haunss S. Cooperation in networks: political parties and interest groups in EU policy-making in Germany // European Union politics. 2020. Vol. 21. No. 1. P. 130–151.

<sup>3</sup> Grossmann M., Dominguez C.B.K. Party coalitions and interest group networks // American politics research. 2009. Vol. 37. No. 5. P. 767–800.

<sup>4</sup> Henry A.D., Lubell M., McCoy M. Belief systems and social capital as drivers of policy network structure: the case of California regional planning // Journal of public administration research and theory. 2011. Vol. 21. No. 3. P. 419–444.

<sup>5</sup> См.: Esteve Del Valle M., Broersma M., Ponsoen A. Political interaction beyond party lines: communication ties and party polarization in parliamentary twitter networks // Social science computer review. 2021. Feb. 2. Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0894439320987569>.

<sup>6</sup> См.: Desmarais B.A. et al. Measuring legislative collaboration: the Senate press events network // Social networks. 2015. Vol. 40. P. 43–54.

политические стратегии государств. Религиозные организации стали значимыми социальными институтами, в ряде случаев религиозный фактор стал активно использоваться в политической борьбе, активно задействовался в процессах строительства наций, в политической мобилизации и социализации населения.

Формирование новой модели государственно-конфессиональных отношений в государствах постсоветского пространства характеризовалось созданием системы устойчивых институтов, функциональное содержание которых предопределяло специфику политики в отношении религиозных объединений, возможностей выстраивания диалога между ними и государством. Устойчивость модели обуславливается правовой системой государства и вытекающими из нее коммуникационными практиками, а также субъектностью религиозных организаций, их способностью становиться значимыми акторами институциональных взаимодействий с государством по определенным вопросам. В данных тезисах остановимся на некоторых особенностях институционального аспекта государственно-конфессиональных отношений России, Украины и Беларуси.

Маркерами формирования институциональной модели взаимодействий между государственными и религиозными институтами здесь могут выступать принятые конституции, декларирующие принципы взаимодействия государства и религии, а также законы, раскрывающие содержание конституционных принципов и предопределяющие наличие тех или иных институтов. Например, принятый на Украине в 1991 г. Закон «О свободе совести и религиозных организациях», Закон Республики Беларусь 1992 г. «О свободе совести и религиозных организациях», принятый в России в 1997 г. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях».

При анализе законодательства важной характеристикой будет наличие или отсутствие формальной возможности особых отношений государства с той или иной религиозной организацией. В этом аспекте выделяется Республика Беларусь, где в 2003 г. было заключено «Соглашение о сотрудничестве между государством и Белорусской Православной Церковью», в котором выделялись приоритетные направления сотрудничества и сферы совместной деятельности.

Религиозные организации взаимодействуют с широким спектром государственных институтов. Часть таких взаимодействий с органами исполнительной власти неизбежно при осуществлении хозяйственной, образовательной и прочей деятельности, осуществлении совместных проектов в гуманитарной сфере. Однако особый интерес представляют специализированные государственные институты для взаимодействий исключительно с религиозными организациями. Здесь возможны два основных сценария. Первый — это наличие специализированного государственного органа по делам религий. Такой сценарий реализован на Украине и в Беларуси. На Украине Закон «О свободе совести и религиозных организациях» прямо говорит о необходимости создания центрального органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере религии. Особенностью институционализации государственно-конфессиональных отношений на Украине является не ликвидация, а постепенная трансформация советского института управления религиозной сферой Совета по делам религий при Совете Министров Украинской ССР. С 2019 г. данный орган носит имя Государственной службы Украины по этнополитике и свободе совести.

В Беларуси в 1992 г. также был создан специализированный институт для взаимодействия с религиозными объединениями — Республиканский орган государственного управления по делам религий. Его полномочия постепенно расширялись. Если в начале своей работы он выполнял роль исключительно информационного и экспертного центра, то уже к 2002 г. стал осуществлять и контрольные функции.

В России пошли по иному пути — после ликвидации союзного и республиканского Совета по делам религий единый государственный орган по регулированию религиозной сферы создан не был. Однако была сформирована сеть институтов, имеющих совещательный характер по вопросам взаимодействия государства и религиозных объединений при разных органах государственной власти, — Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ, Комитет по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений при Государственной Думе РФ.

В России и Беларуси институциональная структура государственно-конфессиональных отношений более устойчива и за последние годы не претерпела существенных изменений. На Украине институты находятся в состоянии перманентной трансформации, существенно меняя свое содержание и функции.

## ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ: ЦЕННОСТИ ДЕМОКРАТИИ И ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖНОГО ПРОТЕСТА В РОССИИ<sup>1</sup>

Трендом новой постинформационной эпохи выступает глобальная цифровизация политики. Гипотетически цифровая политика предполагает выстраивание паритетных отношений между институционализированными и неинституционализированными акторами государства и гражданского общества. В современном мире большинство молодых людей используют социальные сети как для поиска новостей, так и для участия в социальных/политических акциях. Сети представляют собой интернет-платформы, которые облегчают создание и обмен пользовательским контентом с использованием мобильных или веб-технологий. Они являются одной из популярных форм общения в Интернете, большинство молодых пользователей в мире используют такие сайты сетей, как *Facebook*, *Twitter*, *Instagram*, *Tik-Tok*; мессенджеры *Telegram*, *Viber*, *WhatsApp*. В постинформационную эпоху новые технологии стали катализатором стремительно развивающегося мира, актуализировали инновационные формы молодежного протеста.

Глобальная цифровая политика стала драйвером протестных выступлений как в развитых демократических государствах, так и в гибридных. В 2020–2021 гг. протесты имели место в Белоруссии, Гонконге, России, Мьянме, США, Франции и др. Молодежный протест в постинформационную эпоху имеет транснациональную специфику, отражающую содержательные векторы цифровой политической культуры: протест при отсутствии институциональной формы организации, протест без лидеров; массовый характер протеста на основе цифровой мобилизации и координации в Интернете; открытая и латентная политическая интернет-социализация; включенность молодых людей в глобальное цифровое сопротивление, как аполитичных, так и имеющих разные политические взгляды; протестная деятельность опирается на цифровые инструменты, мессенджеры, социальные сети. Цифровая политика порождает феномен нового глобального монополизма, снимает возрастной ценз. Влияние социальных сетей на политическую жизнь невозможно отрицать, очевиден их потенциал для мобилизации, такова сила социальных сетей. Вместе с тем имеет место страновая специфика протестного потенциала молодежной когорты. В США актуально утверждение расовой толерантности; в Гонконге — сохранение независимости от материкового Китая; в Белоруссии и Мьянме — падение авторитарных режимов, отстаивание практик честных выборов; во Франции — укорененность светских ценностей.

В России векторы протестной активности молодежи обусловлены конфликтом интересов государства и гражданского общества, наличием следующих дихотомий: авторитаризм и демократизация; консерватизм и либерализм; государственный этатизм и гражданский активизм, подотчетность органов власти неинституциональным акторам гражданского общества. В заключение приведем несколько примеров: стремление иметь комфортную среду отдыха, светский городской ландшафт привело к протестным акциям в ряде российских городов. В Санкт-Петербурге несколько лет шла борьба против передачи Исаакиевского собора РПЦ, интернет-петиции набирали сотни тысяч голосов, в 2019 г. городские власти приняли решение, Собор остался в ведении города. Интернет-активизм имел место в Екатеринбурге во время протестных акций горожан против строительства храма в парковой зоне, в результате парк был сохранен. Напротив, минимальная протестная активность молодежи в Волгограде привела к тому, что в центре города-героя был возведен храм, радикально изменивший городской дизайн; также неудачей закончились протесты активистов-экологов — в ближайшее время в биосферном заповеднике Средней Ахтубы начнется строительство мостового перехода, что приведет к вырубке дубовых рощ, ухудшению экологической ситуации. В стране массовый характер имели политические акции в поддержку Навального, а также экологические акции против строительства мусоросжигательных заводов. Возможно, особенность российской молодежи со временем проявится в том, что она с большей долей вероятности будет участвовать в политической деятельности виртуально в Интернете, чем в реальном мире.

Цифровизация политики оказывает влияние на социальную и политическую жизнь молодежи, но здесь возникает ряд вопросов, на которые нет однозначного ответа. Служит ли онлайн-протестная политика входом к другим формам политического участия или их заменой? Что скрывается за двойственным характером социальных сетей? Они информируют и просвещают молодых россиян, мобилизуют к политическому участию или превращают их в дезинформированные, поляризованные и манипулируемые массы? Введение со стороны государства тотального контроля в Интернете может

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31705.

привести к массовым кампаниям неповиновения или станет основой для выращивания поколения конформистов?

Дубровин В.Ю. (КФУ, Казань),  
Соловарова Ю.Н. (КНИТУ, Казань)

## КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ И ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПЦИИ «ЭТНИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ» СЭММИ СМУХИ

В работе рассматриваются ключевые аспекты особой модели политического режима — «этническая демократия» Сэмми Смухи, которая базируется на идее формирования одной этнической нации в одном государстве.

Основной идеей стабильности данной формы политического режима, с точки зрения автора концепции, является абсолютный контроль этнического большинства над меньшинством.

Рассмотрены причины возникновения «этнической демократии», особенности ее реализации на практике и условия стабильности. Проведена оценка эвристического потенциала концепции «этническая демократия».

Особая модель политического режима — «этническая демократия» была предложена профессором социологии университета Хайфы Сэмми Смухой в 1989 г. Она базируется на идее формирования одной этнической нации в одном государстве.

Высокий эвристический потенциал концепции «этническая демократия» Сэмми Смухи позволяет проанализировать реализацию данной модели на практике, где Израиль выступает классическим примером «этнической демократии», а страны Балтии, Словакию, Северную Ирландию, Польшу он причисляет к государствам, вступившим на путь реализации этой модели.

С. Смуха выделяет следующие причины возникновения «этнической демократии»: 1) возродившееся на определенной территории независимое государство; 2) наличие угрозы (реальной или предполагаемой) для нации; 3) приверженность этнического большинства к демократии, которая может быть идеологической или прагматической; 4) условием является контроль за этноменьшинством.

Условиями стабильности «этнической демократии», с точки зрения автора, являются положения, «красная нить» которых — доминирование этнического большинства над этническим меньшинством.

С. Смуха определяет ряд особенностей, которые являются основными элементами его модели «этнической демократии»: доминирование этнического национализма, идеология которого предполагает наличие только одной нации, имеющей исключительное право на формирование страны; государство формирует этнонациональное ядро, опекая его от ассимиляции и депопуляции; усиление национальной идентичности членов «основной» этнической нации для предотвращения апатии и ассимиляции; ограничение этнического меньшинства в правах, как индивидуальных, так и коллективных, восприятие его как демографической угрозы, осуществление постоянного контроля; при этом этническому меньшинству разрешено проводить парламентскую борьбу.

В итоге модель «этнической демократии» допускает:

- авторитарные методы осуществления власти и, как следствие, нарушение анонсируемых прав этнического меньшинства;
- обострение этнонационального вопроса и его решение авторитарным способом, вплоть до геноцида со стороны этнического большинства;
- обострение международных связей с государствами, где данное этническое меньшинство превалирует или имеет сильное лобби.

В рамках модели «этнической демократии» целенаправленно ущемляется в правах часть населения — этническое меньшинство. Таким образом, на наш взгляд, «этническая демократия» является элементом государственной политики, которым прикрывают неравенство во имя национального единства и ради прекращения борьбы против ассимиляции.

Авторы статьи делают вывод о том, что при реализации модели «этнической демократии» целенаправленно ущемляется право на самоидентификацию части населения — этнического меньшинства, следовательно, «этническая демократия» является элементом государственной политики, которым прикрывают неравенство или стремление к тотальной ассимиляции.

Дука А.В.  
(СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)

## ДУАЛИЗМ ЭЛИТ В ДУАЛЬНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЯХ

Синтетичность российской социетальной периферии задает функциональные особенности региональным элитам. Это связано как с наличием двойственной нормативной базы, так и с особенностями социальной структуры местного сообщества.

Под синтетичностью здесь понимается сосуществование исторически разновременных институтов, социальных взаимодействий, норм и структур в рамках единого социетального пространства. Проблема синтеза традиционного и современного в эволюции восточных обществ разрабатывалась отечественными востоковедами (Л.И. Рейснер, Н.А. Симония и др.) применительно к колониальному и постколониальному Востоку. Однако развитие в рамках Советского Союза национальных окраин вполне может быть проинтерпретировано в рамках данной концепции. При разрушении советского порядка и в условиях значительного экономического спада в части национальных регионов происходит архаизация социальных отношений, что связано с поиском местных сообществ точек устойчивости. Стало достаточно очевидно, что традиционные формы периферийных обществ не просто сохранились, а воспроизводились, но не в своей «чистой» форме, а в адаптационной. Не все национальные республики могут быть отнесены к социетальной периферии.

Нормативная двойственность связана с сосуществованием в качестве регуляторов в частной и публичной сферах наряду с общегосударственными нормами, являющимися обязательными (во всяком случае на официальном уровне), традиционных норм. На уровне персональных отношений властных персон доминирует неформальность.

Первичные социально-структурные примордиальные связи имеют важное, подчас определяющее значение. Этнические, клановые, трайбалистские (для части регионов), семейные идентичности и соответствующие общности выступают основанием принятия решений и образцами иерархических взаимодействий. Организация общества по субэтническим кланово-семейным основаниям приводит к «структурному элитизму» (*H. Ziadeh, N. Stel, W. Naudé*). Современное государство стремится монополизировать и централизовать (или, по крайней мере, структурировать по своим меркам) обеспечение безопасности, контроль над жизненно важными ресурсами. Региональные элиты могут вступать в конкуренцию с этим устремлением, опираясь на традиционные представления и практики.

Такого рода сосуществование государственных и негосударственных социополитических форм организации и взаимодействия описывается исследователями как гибридный политический порядок (*V. Boege, M.A. Brown, K.P. Clements* и др.). Причем эти формы, как указывают ученые, соединяются не механически, а диалектически, создавая цельную систему властных отношений. Н. Стел и В. Науде сближают гибридный политический порядок с порядком ограниченного доступа Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, указывая на создание элитами экономической ренты. Надо отметить, что последнее в России носит общий характер и не специфично для рассматриваемых регионов.

Вместе с тем определенная двойственность как региональных политий, так и региональных элит существует. Региональные группы доминирования интегрированы в общероссийскую систему властных отношений. Они институционализированы в официальные государственные структуры. Одновременно они являются частью традиционных иерархических отношений. Роли, выполняемые в этих двух социально-политических порядках (федеральном и региональном), различны, хотя и обладают функциональным сходством. Возникает двойственность элит. Они — агенты федеральной элиты, контролирующей основные ресурсы и обладающей конечным решением по поводу назначения на высшие региональные позиции. Но в отношении своих регионов они выступают принципалами, не свободными от давления традиционных структур и норм (включая религиозные). Известны случаи, когда традиционные структуры оказывали существенное влияние на принятие решений. Такая «дуальная полития» или «традиционно-государственный дуализм» (*L. Buur, H.M. Kyed, K. Holzinger, F.G. Kern, D. Kromrey*) задает определенные ограничения для проведения общенациональной политики.

Особым случаем является Чечня. Формирование федеральных государственных структур в регионе происходило с участием негосударственных вооруженных субъектов. В результате эти персоны обладают определенной автономией, что угрожает легитимации федеральной власти как обладающей монополией на институционализированное вооруженное насилие.

Внутренняя гетерогенность местных сообществ, наличие этнически не эндогенного населения (хотя часть национальных республик ввиду оттока «русскоязычных» становятся все более однородными) предполагает включение в местную элиту инородных элементов. Как правило, они занимают маргинальное положение в системе принятия решений.

Существующие тенденции по эволюции дуальных систем достаточно противоречивые. Пока нельзя с большой уверенностью утверждать как о сглаживании противоречий и различий в базовых основаниях властных структур и отношений периферийных сообществ, так и об обострении противоречий.

Дунамалян Н.А.

(Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения)

## **РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ С АРМЯНСКИМИ ЭКСПЕРТАМИ)<sup>1</sup>**

В рамках исследования развития гражданской идентичности в Армении и России кафедра политологии Российско-Армянского университета совместно с кафедрой сравнительной политологии РУДН провели ряд глубинных интервью с целью обозначения основных проблем, которые требуют отдельного внимания и более глубокого анализа. В рамках ответов на тринадцать вопросов, где учитывалась и национальная принадлежность респондента, нам удалось выделить несколько смысловых блоков, имеющих методологическое и научно-практическое значение. Ответы армянских экспертов на вопросы интервью представляют собой довольно интересный взгляд на развитие гражданской идентичности сквозь призму этнокультурного самосознания.

Все эксперты отмечают доминанту этнокультурного элемента армянской идентичности и его влияния на восприятие государства и общественных отношений как в Армении, так и за ее пределами. Важно понимать, что даже религия в этом контексте воспринимается как часть культурного наследия, поэтому Армянская Апостольская церковь играет роль не только религиозного института, но и культурного символа армянства. Добавим, что вопрос о влиянии религиозных организаций на формирование гражданской идентичности был воспринят в контексте обсуждения некоторой табуированной темы, где нет очевидного ответа.

Однако в вопросе о соотношении «гражданской», «государственной» и «национальной» идентичностей возникает проблема тождественности этих явлений. Если представить агрегированный подход армянских экспертов, то «государственное» и «гражданское» воспринимается как одно и то же, но здесь надо понимать, что понятия «гражданственность» и «государство» в общественном дискурсе, как и в ответах респондентов, представляются в деонтологическом ключе (как должно быть), а не в контексте анализа сложившихся условий. Такая ситуация усложняет задачу исследования гражданской идентичности. Двойственность позиций выражается и в комментировании понятия «национальная идентичность», которое может трактоваться широко, распространяясь на все армянство мира, или узко, применяя западный подход в рамках концепции *nation-state*.

Примечательно, что многие эксперты напрямую не связали советскую гражданскую идентичность и современную армянскую, обращая внимание на универсальные черты посттоталитарных обществ, которые могли бы проявляться в различных частях мира. Вместе с тем наличие некоей постсоветской общности также отрицается, поскольку отсутствие общего скрепляющего элемента в виде единого политического центра приводит к регионализации постсоветского пространства и, как следствие, формированию отдельных идентичностей.

Армянский поход к восприятию проблематики гражданской идентичности включает в себя эклектичное восприятие социально-политической реальности в современной Армении, формируя оппозицию негативным явлением прошлого, но в то же время создавая портрет армянской гражданской идентичности на основе символов периода до создания независимой республики (личности, праздники, культурные артефакты, образы, исторические события и т.д.). Еще одним важным индикатором является отношение экспертов к необходимости трансформации традиционной (этнокультурной) модели идентичности как основного условия развития гражданской идентичности. Здесь также сталкиваются два общих тезиса: 1. трансформация традиционной идентичности неизбежна, и она влияет на гражданственность, 2. этнокультурная идентичность должна стать основанием для развития гражданской идентичности с точки зрения учета историко-культурного опыта армянской нации.

Фактор двух карабахских войн представляется одним из важнейших столпов государственной идентичности граждан Армении, и поражение в войне может пагубно отразиться на развитии гражданской идентичности в вопросе утраты отдельных символов независимой государственности.

Что касается общеармянской идентичности, объединяющей армян диаспоры и Армении, то в качестве унифицирующего элемента эксперты выделили несколько аспектов: 1) самосознание, 2) участие в жизни Республики Армения, 3) историческая память (геноцид армян), 4) социальная проблематика для представителей новой диаспоры (после распада СССР).

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы 20RF-182 и 20-511-05025 соответственно.

Евгеньева Т.В.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Финансовый университет  
при Правительстве РФ, Москва)

## ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ<sup>1</sup>

Современная российская молодежь во многом отличается от представителей старших поколений своим часто обостренным интересом к моральной стороне самых различных явлений и процессов, наблюдаемых ею во многих сферах социальной и культурной реальности. При этом достаточно часто эти моральные оценки распространяются и на происходящее в сфере политики.

Комментарии в социальных сетях, оценивающие резонансные политические события, содержат достаточно упрощенные варианты моральных оценок происходящего, часто не подтвержденные какими-либо логическими обоснованиями. А сами представления о моральном и аморальном иногда выглядят плохо систематизированными, чрезвычайно фрагментированными, а в применении к социальной или политической сферам зависящими во многом от социально-политической ориентации оценивающего. В ряде случаев можно наблюдать влияние этих не до конца обоснованных моральных представлений на политические оценки.

Интересно, что при всей размытости представлений о моральном вообще, в том числе о моральном в политике, в процессе исследований большинство молодых респондентов уверенно выделяли значимость моральных критериев при оценке политических событий или действий политических акторов. Однако дальнейшая детализация вопросов продемонстрировала фрагментированный характер предлагаемых моральных оснований этих оценок. Так, в вопросе о том, какие действия в политике можно считать абсолютно аморальными, был получен полный разброс мнений от насилия и войны до безразличия к экологии.

При этом оценка значимости отдельных позиций выявляет неожиданные зависимости. Насилие и убийство оппонентов оказываются по значимости существенно выше, чем война, геноцид или применение оружия массового поражения. Одновременно война, геноцид и применение оружия массового поражения, объективно наиболее значимые с моральной точки зрения, оказались практически на одном уровне с бездействием власти или безразличием к проблемам народа. Нарушение прав или обман и манипуляция сознанием получили значительно большее осуждение с моральной точки зрения, чем нарушение Конституции или законов, а измена Родине попала на одно из последних мест.

В качестве возможного объяснения такого соотношения можно предложить специфику восприятия каждой из групп действий, прежде всего, с точки зрения интересов самих респондентов. Какие-то из этих групп, связанные с нарушением норм по отношению к обществу или государству, воспринимаются в качестве очень далеких от собственной жизни молодых респондентов, поэтому их нарушение не предполагает морального осуждения. С этой точки зрения нарушение закона или даже просто интересов общества или государства представляется вполне моральным. Данное противоречие легко заметно в дискуссиях о необходимости соблюдать ограничения или делать прививку в период пандемии. Если же речь идет о нарушении моих или наших интересов со стороны государственных структур (в связи с той же пандемией), это оценивается в качестве серьезного аморального действия.

В рамках данной закономерности можно отметить, что часто объявление ряда политических действий моральными или аморальными зависит от того, каким образом человек идентифицирует субъект данных действий в социальном и политическом плане, воспринимается ли этот субъект как условно «свой» или условно «чужой». По результатам ряда предыдущих исследований уже отмечалось, что именно у молодежи в первую очередь усиливается восприятие государства и его институтов в качестве «чужих» по отношению к условным «своим», народу в целом или некоторой небольшой части политиков, активно заявляющим о поддержке интересов общества против государства<sup>2</sup>.

Выявленные тенденции в формировании моральных оценок политики представителями современного молодого поколения российских граждан вместе с размытостью и фрагментированностью

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011–31165 «Моральное и политическое в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, этические представления и политические установки».

<sup>2</sup> См.: *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). М., 2017. № 4. С. 48–64.

их этических представлений в целом может стать основанием для активного политического манипулирования, при котором правовые оценки подменяются субъективно понимаемыми моральными, а в качестве аргументов используются произвольно понимаемая значимость тех или иных моральных норм.

Евдокимов Н.А.  
(БАГСУ, Уфа)

## ФАКТОРЫ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ НАКАНУНЕ ДУМСКОЙ КАМПАНИИ 2021 года

Последние несколько лет развития политической системы России характеризовались ростом протестного потенциала. Протестное движение впервые с 2011 г. становится заметным субъектом политической жизни. Симптоматично, что протест развивается как в ходе электоральных кампаний, что в том числе предопределило победу оппозиции на выборах в ряде регионов в 2018 г., так и в результате развития внеэлекторальных процессов.

Сегодняшняя Россия сталкивается с новой политической реальностью, которая характеризуется снижением патерналистских настроений и, как следствие, определенным разочарованием в функционирующих государственных институтах. Ситуацию усугубляют отдельные непродуманные заявления чиновников федерального и регионального уровней, что вызывает еще большее раздражение граждан. Уже есть примеры, когда протестная повестка приводила к победе на региональных выборах «технических» кандидатов. Это говорит о том, что население готово голосовать фактически за любого кандидата, способного агрегировать протестные настроения, а зачастую — просто против власти.

Если в период «электоральных пауз» протест часто носит локальный характер, то в период избирательной кампании он становится ключевым фактором, влияющим на исход голосования. Ситуация усугубляется тем, что власть не всегда осознает степень и глубину протеста, сводя его исключительно к субъективным факторам и недооценивая объективные причины. Региональные чиновники в значительной степени показывают неготовность к принятию новой политической ситуации, часто не способны использовать новые возможности и каналы коммуникации с населением.

Вместе с тем ряд политических сил действительно заинтересованы в эскалации протестной повестки. Оппозиция понимает, что политическая ситуация изменилась и сейчас наиболее удобное время для того, чтобы попытаться перехватить инициативу и победить на выборах или, по крайней мере, существенно увеличить собственное представительство в региональных парламентах. При этом протесты в регионах, по какой бы причине они ни возникли, становятся частью системы по дискредитации федеральной власти и персонально президента Владимира Путина. В конечном счете это ведет к снижению доверия ко всем властным институтам и ключевым субъектам российской политики.

В связи с этим целесообразно выделить основные причины роста протестного потенциала населения и их взаимосвязь:

- Ухудшение социально-экономического положения. Падение жизненного уровня населения становится главным фактором, определяющим протестные настроения. Можно говорить о том, что в России заканчивается эпоха «посткрымского консенсуса», когда значительная часть общества готова была смириться с ухудшением материального положения в обмен на решение ряда внешне- и внутривнутриполитических вопросов. Это связано с тем, что в России окончательно сложилось общество потребления, которое основано на постоянном росте качества и количества предоставляемых услуг. Соответственно, снижение этого качества и количества неизбежно ведет к раздражению значительной части общества.
- Неприятие частью общества антикоронавирусных мер власти, особенно процесса вакцинации. Становится очевидным, что государственная политика вакцинирования провалилась, а меры насильственной вакцинации не дают ощутимого эффекта, но вызывают раздражение значительной части общества. В этих условиях политические субъекты начинают использовать эпидемиологическую ситуацию как фактор для критики власти.
- «Вызывающая» политика власти. На рост общественного недовольства существенное влияние оказывают действия власти. В условиях, когда общий уровень жизни снижается, инициирование пенсионной реформы, повышение НДС, цен на бензин воспринимаются населением крайне болезненно. В свою очередь, власть не способна внятно объяснить, почему тяготы пенсионного законодательства вместе с рядовыми гражданами не разделяет политическая элита. В итоге людей возмущает не только сама пенсионная реформа, но и нежелание элиты нести солидарную ответственность с населением. Ситуация усугубляется различного рода «идиотизмами», быстро распространяющимися в условиях информационного общества. Заявления о том, что «макарошки всегда стоят одинаково» или «государство не просило вас рожать», восприни-



маются значительным числом людей как полный отрыв чиновников от реальности и крайняя степень цинизма.

- «Усталость» населения от нынешней политической элиты и лидеров. Рост недоверия к власти породил в обществе существенный запрос на обновление. Несмотря на то что «Единая Россия» предпринимает шаги по интеграции молодежи в партийные ряды, это не решает проблему полностью. Несколько больше доверия вызывают молодые кандидаты, предложенные президентом на должность губернаторов в ряде субъектов. Но и эта модель не может считаться беспроигрышной. В целом у населения складывается стереотип, что обновление может быть связано не столько с приходом новых лиц, сколько с приходом новых политических сил, что и сказалось на результатах выборов в ряде регионов.

Егунов А.В.  
(КубГУ, Краснодар)

## **ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ**

Трансформация традиционного государственного управления под влиянием революции технологий связана со взаимодействием граждан с административными структурами государства через электронное правительство. Население узнает, что оно может участвовать в системе и извлекать выгоду из своего участия. Взаимодействие может осуществляться в форме получения информации, подачи заявок, внесения платежей и множества других действий через Всемирную паутину. С 1 июля 2012 г. все регионы и муниципалитеты начали постепенный переход на электронное межведомственное взаимодействие. основополагающей целью является повышение качества государственного управления, выражающегося в снижении временных, организационных и финансовых расходов граждан и организаций при получении и предоставлении государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Решения направлены на концентрацию усилий по улучшению управления и эффективности государственных информационных технологий.

В Краснодарском крае, как и других субъектах РФ, практикуется и действует система межведомственного электронного взаимодействия СМЭВ. Региональная система межведомственного электронного взаимодействия (РСМЭВ) — региональная информационная система, включающая программные и технические средства, обеспечивающие взаимодействие информационных систем участников информационного обмена для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Эта система предназначена для решения ряда вопросов, возникающих при осуществлении органами власти своих полномочий.

Правила формирования и функционирования региональной системы межведомственного электронного взаимодействия в Краснодарском крае определяются постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 28 декабря 2012 г. № 1663 «О региональной информационной системе межведомственного электронного взаимодействия Краснодарского края»<sup>1</sup>.

РСМЭВ содержит сведения о программном обеспечении, возможности доступа через региональную систему электронного взаимодействия к их информационным системам, используемым участниками информационного обмена, данные по истории движения в данной системе, электронных сообщений при предоставлении государственных и муниципальных услуг в электронной форме, размещенной на региональном интернет-портале государственных и муниципальных услуг.

Участники информационного обмена, использующие РСМЭВ:

- региональные органы исполнительной власти, осуществляющие государственные услуги с использованием информационных систем региона, содержащих данные, необходимые при предоставлении государственных или муниципальных услуг, операторами которых они являются;
- территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, территориальные подразделения государственных внебюджетных фондов, осуществляющие государственное обеспечение услуги с использованием информационных систем Российской Федерации, содержащих данные, необходимые для предоставления государственных услуг;

<sup>1</sup> Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 28.12.2012 № 1663 «О региональной информационной системе межведомственного электронного взаимодействия Краснодарского края» (вместе с «Положением о региональной информационной системе межведомственного электронного взаимодействия Краснодарского края», «Порядком организации межведомственного электронного взаимодействия с использованием региональной системы межведомственного электронного взаимодействия Краснодарского края») // Кубанские новости. 2013. 25 февраля. № 34.

- государственные и муниципальные организации, подведомственные государственным органам и органам местного самоуправления, расположенные на территории региона, которые участвуют в предоставлении государственных и муниципальных услуг с использованием информационных систем.

РСМЭВ представляет собой центральный интеграционный элемент инфраструктуры электронного правительства региона. Иерархичная, территориальная, распределенная информационная система, реализующая инфокоммуникационную среду обеспечения не только процессов оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде, но и решения задач информационного обмена непосредственно в интересах ведомств.

На текущий момент в Краснодарском крае к системе межведомственного электронного взаимодействия подключено 15 органов исполнительной власти Краснодарского края, предоставляющие 88 государственных услуг в электронном виде.

На официальном сайте Департамента информатизации и связи Краснодарского края представлена вся актуальная информация по предоставлению и оказанию государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Многие государства и регионы пытаются перейти на цифровые технологии и сделать государственные структуры более доступными и прозрачными для граждан, упрощают процедуру общения граждан с государственными и муниципальными органами. Электронное правительство — это большой шаг в будущее. Ряд программ разного уровня оказали ощутимое влияние на степень внедрения ИКТ в крае и привели к ощутимым результатам.

**Елагин Д.П.**  
(МГИМО МИД России, РУДН, Москва)

## **ЭФФЕКТЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ: ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ<sup>1</sup>**

**В** докладе представлены результаты исследования, направленного на выявление изменений в политических системах арабских стран после событий Арабской весны. Основное внимание сфокусировано на оценке ситуации в сфере государственного управления.

Актуальность темы определена тем, что в исследовательской литературе остается недостаточно освещенным вопрос о том, смогли ли протесты времен Арабской весны добиться заявленных целей, в частности демократизации, более эффективной борьбы с коррупцией и увеличения эффективности государственного управления. Кроме того, накоплено достаточно материалов для проведения сравнительного статистического анализа: в этом году «весне» исполняется десять лет<sup>2</sup>.

Цель данного исследования — статистически оценить изменения в качестве государственного управления и демократизации в арабских странах после событий Арабской весны.

Исследование опирается на методы статистического анализа, в том числе трендирование и регрессионный анализ (используются линейная регрессия, линейная регрессия с фиксированными эффектами, а также панельная динамическая линейная регрессия).

Выдвинута гипотеза, что цели социально-политических протестов Арабской весны в арабских государствах Ближнего Востока и Северной Африки не были достигнуты. Результаты трансформаций, произошедших в странах региона, не привели к существенным изменениям в области повышения качества государственного управления или вызвали его снижение (хотя проблемы коррумпированности власти и неэффективности предоставления общественных благ были обозначены как первоочередные). Вариативность результатов может быть связана с различными последствиями протестов: от отсутствия явных институциональных реформ до вооруженных конфликтов высокой степени интенсивности и фактического перехода ряда государств региона в категорию «несостоявшихся» (*failed*), а также от исходных характеристик политических систем<sup>3</sup>.

В качестве зависимых переменных в исследовании используются компоненты индикаторов государственного управления Всемирного банка (*World Governance Indicators*)<sup>4</sup>, а также Индекс вос-

<sup>1</sup> Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00922 «Арабское государство после Арабской весны: траектории и динамика политических трансформаций».

<sup>2</sup> Наиболее активная ее фаза пришлась на 2011 г. — *Прим. авт.*

<sup>3</sup> *Прим. авт.*: Исследователями выдвигались предположения о большей устойчивости монархий региона. Например, см.: *Menaldo V.* The Middle East and North Africa's Resilient Monarchs // *Journal of Politics*. 2012. № 74 (3). P. 707–722; *Korotayev A., Khokhlova A.* Effect of the Arab Spring on Stabilization Capacity of the MENA Monarchies // *Journal of Asian and African Studies*. 2021. № 56 (5). P. 1–19.

<sup>4</sup> *Worldwide Governance Indicators / World Bank*. 2021. URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/> (accessed: 30.06.2021).

приятия коррупции<sup>1</sup> и индикатор характеристики политического режима базы данных *Polity V*<sup>2</sup>. Зависимые переменные исследования описывают степень демократизации политических режимов, уровень распространения коррупции, качество государственного регулирования и политическую стабильность государств.

Анализ с помощью метода трендирования позволяет выявить негативный тренд в период после 2011 г. по большинству зависимых переменных исследования, хотя не во всех случаях он оказывается статистически значимым. Исключением являются переменная *Voice and Accountability* («Право голоса и подотчетность власти») индикаторов качества государственного управления Всемирного банка и показатель уровня демократизации базы данных *Polity V*, которые указывают на рост уровня демократизации в арабских странах после 2011 г. при одновременном снижении качества государственного управления. При внедрении дополнительных ковариатов в модели знаки перед коэффициентами тренда не меняются, однако сам тренд оказывается статистически значимым. Вывод об ухудшении качества государственного управления при одновременном росте уровня демократизации подтверждается и при использовании моделей с дамми-переменной для периода после Арабской весны. В то же время при использовании моделей с фиксированными эффектами на страновом уровне эта переменная в некоторых моделях теряет статистическую значимость, однако знаки перед коэффициентами переменной остаются неизменными.

Таким образом, хотя гипотеза исследования об отсутствии позитивных изменений в качестве государственного управления в целом подтверждается, говорить о наличии общерегионального тренда к его ухудшению не всегда правомерно. Кроме того, были подтверждены результаты предыдущих исследований, указывающих на большую степень политической устойчивости и эффективности государственного управления в арабских монархиях.

Елисеев С.М.  
(Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС,  
Санкт-Петербург)

## ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОКОЛЕНИЯ Z

Развитие цифровых технологий создает множество возможностей для самоорганизации, образования групп и сообществ, формирования и поддержания социальных отношений. Это стало возможным благодаря тому, что место и время перестали играть решающую роль для образования социальных связей. Сегодня цифровая среда создает и обеспечивает новые форматы диалогического и коллективного взаимодействия, невозможные при обмене письмами, телеграммами, телефонными звонками. В цифровом обществе возникли такие новые формы групповой организации и коллективного взаимодействия, как флэшмобы, коллективные мобилизации, перформанс и т.д. Рост возможностей группового и коллективного порождает иллюзию о возрастающей мощи социального общения и устранения социального одиночества. В целом ряде работ утверждается, что новые поколения, регулярно находящиеся в социальных сетях, увеличивают возможности социального взаимодействия, но в то же время уменьшают развитие навыков человеческого общения.

Поколение «миллениум» и особенно поколение Z, организуя свое социальное взаимодействие с помощью информационно-коммуникационных технологий, отличаются, с одной стороны, амбициями, особым «нарциссизмом, желанием жить за границей (в крупных городах этот показатель — около 45% по сравнению с менее чем 10% среди представителей старшего поколения), а с другой — недоверием к большинству институтов власти и политике.

Большую часть информации молодые люди получают по Интернету, из новостей Яндекса, социальных сетей и видеоблогов. Это их отличает от старших поколений, которые, особенно те, которые живут за пределами больших городов, все еще в значительной степени полагаются на телевидение как основной источник информации о событиях в России и мире.

Критики процессов цифровизации социальной жизни отмечают, что молодое поколение добровольно выкладывает в социальные сети большие массивы личных данных. В перспективе такая прозрачность личных данных обеспечивает пространство для слежки за огромным количеством людей. Среди резонансных дел можно назвать деятельность проекта *AHB PRISM*, к которому *Google*, *Microsoft*, *Facebook* и *Yahoo*. Также можно отметить работу центра *Cambridge Analytics*.

<sup>1</sup> Corruption Perceptions Index / Transparency International. 2021. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl> (accessed: 30.06.2021).

<sup>2</sup> The Polity Project / Center for Systemic Peace. 2021. URL: <https://www.systemicpeace.org/polityproject.html> (accessed: 30.06.2021).

Интересно отметить, что при всеинформированности и постоянном присутствии в социальных сетях молодые люди, родившиеся в XXI в., очень мало интересуются политикой. По сравнению со старшим поколением молодые вдвое реже следят за политическими новостями и обсуждают политические вопросы с друзьями и знакомыми, в три раза реже ходят на выборы. Политические взгляды и представления о происходящем у самых молодых россиян только формируются, и многие некритически заимствуют эти представления и оценки российской внутренней и внешней политики у старших товарищей — родных или учителей, которые в гораздо большей степени подвержены влиянию тех интерпретаций, которые задает телевидение. А значит, пусть и опосредованно, молодые люди подвержены влиянию телевизионной пропаганды. Более того, эти интерпретации и установки усваиваются как очевидные и само собой разумеющиеся, формируя основные черты картины мира молодых россиян. И далеко не все молодые люди по мере своего взросления готовы будут подвергнуть эти представления критическому анализу. В России, как и в мире, молодежь использует Интернет в основном для развлечения и общения с друзьями. Во всем, что связано с политическими вопросами, Интернет и социальные сети оказываются инструментами «на вырост», когда сегодняшние молодые люди станут старше и будут проявлять больший интерес к общественно-политическим событиям. Поэтому сегодня серьезной политической силы российская молодежь не представляет, представители старших поколений в политическом плане гораздо активнее.

Значительная часть молодежи не отличает правду от вымысла, что делает ее объектом регулярных манипуляций как среди внутренних, так и особенно внешних политических сил. В сложившихся условиях мы не видим эффективных стратегий привлечения молодежи в политику. Власть и оппозиция в принципе используют одну и ту же стратегию — материальную заинтересованность, но такая стимуляция политической активности молодежи проигрывает конкуренцию с желанием молодежи открыть свой бизнес и ощутить себя независимым и от родителей, и от государства.

В том, что молодежь в России стала меньше интересоваться политикой, мы видим хорошую тенденцию, которая прерывает тенденцию прошлого, когда молодежь вне политики считалась аномальным явлением.

*Емельянова Т.П.*  
(Институт психологии РАН, Москва)

## **КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЧУВСТВА КАК ПРЕДМЕТ ДИАГНОСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА<sup>1</sup>**

Знание о психической жизни больших групп людей стало актуальным, востребованным обществом и политической элитой. Коллективные чувства пока не получили «права гражданства» в перечне феноменов коллективного сознания. Между тем это, безусловно, самостоятельное явление, отличающееся от более часто изучаемых аффективных явлений, имеющих социальную природу. Так, социальные эмоции традиционно атрибутируются малой группе, а коллективные эмоции — большим скоплениям людей, испытывающих схожие ситуативные эмоции, например, в условиях праздника или массовых мероприятий. Коллективные чувства — это устойчивые, разделяемые членами группы, аффективные переживания, связанные преимущественно с относительно стабильными экономическими, политическими, региональными условиями жизни людей. Коллективные чувства выполняют ряд важных функций в общественной жизни: они побуждают, стимулируют активность людей, обеспечивают мобилизацию или провоцируют демобилизацию поведения, выполняют функцию символической защиты от неблагоприятных воздействий, компенсируют материальные и моральные потери, участвуют в прогнозировании будущего, создают базу для межгрупповых отношений и т.п. Важными представляются проблемы рейтинга интенсивности чувств в разных социальных группах, преобладающая модальность чувств, «кристаллизация» чувств на определенных социальных объектах, динамика чувств и их зависимость от конъюнктуры социальных обстоятельств, в которых оказываются группы. Согласно нашему предположению, именно эмоциональная реакция коллективного субъекта, если иметь в виду его типичный, разделяемый членами сообщества аффективный ответ, будет первичной и повлечет за собой когнитивные, адаптивные и другие ответы. В нашем исследовании коллективных чувств о значимых социальных явлениях, проведенном совместно с Т.В. Дробышевой, изучалась роль фактора политической ангажированности/индифферентности как характеристики ментальности (N = 119) и роль фактора религиозности (N = 118). Был использован опросник, содержащий перечень событий и явлений социальной жизни российского общества, которые с наибольшей частотой упоминались на поисковом этапе исследования. Респондентов просили поставить им в соответствие те чув-

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках проекта № 21-011-31386 «Теоретико-методологические основания диагностики психологического состояния общества в современном российском политическом контексте».

ства, которые они переживают по поводу названных событий и явлений, наиболее часто упоминаемые на предыдущем этапе.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что беспокойство и разочарование у аполитичных респондентов вызывали не только повышение курса валют, но и внешняя политика государства, в то время как сокращение товарооборота не явилось источником сильных переживаний. В группе же политически ориентированных респондентов чувства *страха, беспокойства, разочарования, несправедливости* переживались значимо больше. Социальные явления и события в целом сильнее переживались в группе политически ангажированных людей. Примечательно, что чувства унижения и несправедливости в группе политически ангажированных также были выражены сильнее, чем в группе «вне политики». Объединили две группы лишь испытываемые ими позитивные чувства по поводу такого явления, как автоматизация и компьютеризация всех сторон жизни.

В коллективных чувствах студентов православных и светских вузов обнаружилось существенные различия, которые мы объясняем, прежде всего, спецификой ментальности одной и другой групп. В целом *большая* интенсивность чувств у студентов православных вузов может объясняться особенностью православной психологии. Для глубоко верующих людей характерен особый образ мыслей и «повышенный градус» эмоциональной жизни. Это касается и позитивной, и негативной модальности переживаний. В частности, им свойственны сильно выраженные чувства сожаления, беспокойства, тревоги, связанные с огорчением по поводу хода реформ образования и здравоохранения, с сочувствием бедным, больным и нетрудоспособным людям. Характерно, что чувства раздражения и злости им практически не присущи по сравнению со студентами светских вузов, поскольку эти чувства расцениваются ими как грех. При этом чувство жалости у православных студентов выражено намного сильнее. Примечательно, что оптимистичный настрой относительно социальной действительности у православных студентов также значительно выше (вера и надежда переживаются ими в два раза сильнее).

Как свидетельствуют результаты фокус-группового исследования респондентов молодого возраста, способами совладания с негативными переживаниями служат стратегии, отвечающие основным для современного российского менталитета ценностям семейной жизни, любви и здоровья. Способами совладания выступают также и небезопасные средства — алкоголь (из наиболее популярных), курение, компьютерные игры.

Епархина О.В.  
(ЯрГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль)

## **ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТАНДАРТОВ КАЧЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОПРОСОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

**В** связи с беспрецедентно ускоряющимся переходом опросов в сферу онлайн-исследований происходит практически полная трансформация инструментария политических опросов. Эта тенденция начала проявляться со второго десятилетия текущего века, набрала обороты в 2014–2016 гг., а 2020 г. принес невиданное ускорение этого процесса. Подавляющая доля методов испытала серьезные изменения в связи с уходом в интернет-среду: все опросные методы, качественные исследовательские стратегии и кейс-стади, наблюдение, контент-анализ. Эти изменения привели к необходимости качественного пересмотра стандартов проведения и оформления исследования с учетом как расширения возможностей достижимости респондентов за счет Интернета, так и роста нарушений приватности и нерепрезентативности информации. Проблемными зонами исследований на сегодняшний день можно считать следующие: критерии оценки качества, прозрачность данных, проблемы соотношения генеральной совокупности и выборки, неотчеты, измерение, проблемы приватности личности, пользовательских соглашений и адекватности этических руководств в условиях цифровизации. Стандарты предполагают, что хорошо проведенный опрос является протоколированным бизнес-процессом.

Р. Гроувс выделяет три группы ошибок, наиболее сильно сказывающихся на качестве опроса: неполнота охвата генеральной совокупности, эффекты измерения, когда опросный инструмент приводит к получению ненадежных или невалидных данных, а также эффекты неотчетов.

Эти ошибки отчасти можно исключить путем использования диспозиционных кодов. Коды стандартизируются во всех опросах, вне зависимости от того, кто их проводит — частный сектор, государство или научные учреждения. Это позволяет найти единые основания для сравнения коэффициентов результативности. Базовые формулы для расчета таких коэффициентов разработаны CASRO еще в 1982 г.<sup>1</sup> Речь чаще идет о таких методах, как телефонные опросы со случайным отбором, личные

<sup>1</sup> The American association for public opinion research 2015. Standard definitions: final dispositions of case codes and outcome rates for surveys. 8th edition AAPOR, 2015.

интервью по месту жительства, почтовые опросы по экспертной выборке, аналогичные онлайн-опросы, комбо-технологии. Однако дальнейшее развитие телекоммуникационных технологий в практике опросов потребует расширения списка таких кодов.

Стандарты позволяют унифицировать методики работы с завершенными и незавершенными интервью, решать проблемы неответа и невернувшихся анкет, несоответствия критериям отбора при рекруте респондентов онлайн и т.д. Уже есть стандарты качества интернет-панелей со случайным отбором респондентов, определения коэффициента участия в интернет-панелях с неслучайным отбором респондентов, оценки качества потоковых выборок. Особую проблему представляют исследования комплексного дизайна.

Изменение техносреды опросов также влечет за собой изменение стандартов. В целом проблемы связаны с охватом генеральной совокупности, фактором неответа, с измерением либо с длительностью полевого этапа, использованием вознаграждения для стимулирования участников и т.п.<sup>1</sup>

Особое внимание следует уделить анализу социальных медиа в опросах, дающих исследователям новые инструменты для сбора данных и альтернативные источники как количественной, так и качественной информации, что позволяет улучшить традиционные методы сбора данных, а иногда полностью их заменить. Однако это приносит новые проблемы — технологические, статистические, методологические и эτικο-правовые, которые еще предстоит изучать. Кроме того, это расширяет диапазон методов анализа данных, например, становится возможен сетевой анализ мнений, настроений и поведения респондентов без рекрута и интервьюирования респондентов, исключительно через расширенный сетевой отбор<sup>2</sup>.

Особый интерес представляет то, что в данном случае меняется единица анализа: ею перестают выступать люди, как в классическом опросе. Это ведет к изменению методов анализа данных. В основном задача аналитика теперь сводится к анализу текстовых данных путем написания алгоритмов интеллектуального анализа. Специалисты по моделированию естественных языков и лингвисты создают текстовые классификаторы для выявления глубинных текстовых структур посредством приемов разведочной визуализации крупных массивов данных или качественных наблюдений.

<sup>1</sup> Стандартные определения: систематическое описание диспозиционных кодов и коэффициентов результативности для массовых опросов / AAPOR; Пер. с англ. А.А. Ипатовой, Д.М. Рогозина. 8-е изд. М.: АО «ВЦИОМ», 2016. — 88 с.

<sup>2</sup> Оценка качества опроса в сложных реалиях сегодняшнего дня. Социальные медиа в исследованиях общественного мнения: отчет рабочей группы AAPOR о новых технологиях в исследовании общественного мнения / AAPOR; Пер. с англ. В.А. Силаевой, О.А. Оберемко. М.: АО «ВЦИОМ», 2017. — 78 с.

**ДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ КАК ИНДИКАТОР СТЕПЕНИ  
ИНТЕГРИРОВАННОСТИ СОЛИДАРНОГО ОБЩЕСТВА<sup>1</sup>**

Пандемия коронавируса COVID-19 стала лакмусовой бумагой для многих политических явлений и процессов, связанных, в частности, с (не)доверием граждан к органам власти. Институциональное доверие является своеобразным индикатором, определяющим социальное самочувствие населения. Выход российского общества из состояния посттравматического синдрома, обусловленного пандемией, и вступление на путь устойчивого развития заметно обострили внимание к проблеме доверия в солидарном обществе.

Доверие к власти выступает одним из значимых факторов солидарного общества, которое должно стремиться к сплочению граждан через формирование новых и совершенствование традиционных механизмов социальной интеграции.

В условиях затянувшегося кризиса, фактически обретшего черты новой социальной реальности, в ситуации повышения неопределенности и неуверенности граждан в социальных взаимодействиях сфера институционального доверия усложняется и трансформируется, становится все более важным элементом социального капитала. Повышение доверия к властным институтам, обеспечивающим эффективность институциональной структуры повседневной жизни россиян, является потенциальным ресурсом российской политики, активизация которого окажет существенное влияние на качество жизни и на социально-экономическое развитие России в целом и ее регионов.

Интегральный индекс доверия органам власти Республики Адыгея и Краснодарского края, рассчитанный в рамках так называемой «первой волны» коронавируса COVID-19 научным коллективом Адыгейского государственного университета, относительно невысок и составил по Республике Адыгея 118,8; по Краснодарскому краю — 103,2. Проведенный анализ доверия на межличностном и институциональном уровнях позволил выявить несколько более высокий совокупный индекс доверия в Республике Адыгея. При схожести индексов в сфере межличностного доверия снижение совокупного индекса происходит за счет низких индексов доверия (с преобладанием недоверия) различным институтам<sup>2</sup>.

Доверие населения к органам власти выступает в качестве важнейшей предпосылки обеспечения стабильности функционирования государства на долговременной основе. Высокий уровень доверия к власти определяет ее легитимность и устойчивость. Доверие наделяет власть значимыми ресурсами, которые необходимы для принятия и практической реализации различных государственных решений. Оно также характеризуется включенностью в механизм легитимации, влияет на формирование социальной опоры существующего режима, функционирующих государственных институтов и реализуемой ими социальной и экономической политики. В более широком смысле доверие предстает в качестве одного из основополагающих факторов, обеспечивающих устойчивость общества, его эффективное поступательное развитие и социальную интеграцию.

Доверие имеет непосредственную взаимосвязь как с базовыми, так и с ситуационными представлениями о власти, которые отражаются в знаниях и представлениях о ней, а также в соответствующих ценностях и ориентациях. Индивидам свойственно соотносить действия, осуществляемые органами государственной власти, с собственными ценностями и ожиданиями от нее. На этой основе может происходить формирование идентификации с властью как со «своей»/«близкой» или, напротив, «чужой»/«враждебной». Иными словами, предпосылкой формирования высокого уровня доверия к власти является соответствие ценностных ориентаций граждан и их ожиданий от власти и ее реальной деятельности, содержания проводимой государственной политики.

В сложившейся ситуации население ожидает от государственной власти определенных социальных гарантий, помощи и поддержки в условиях социально-экономического кризиса, вызванного пандемией. В том случае, когда действия органов власти вступают в противоречие с интересами граждан, не оправдывают их ожиданий, люди перестают рассчитывать на помощь со стороны государства, отказывают ему в доверии.

С уровнем доверия граждан государству и различным органам власти связана и готовность граждан проходить вакцинацию, которая выступает в качестве наиболее действенного способа борьбы с инфекцией. Сегодня складывается новое направление социального неравенства — по критерию вакцинации и наличию «COVID-паспортов». В такой ситуации снижается уровень доверия населения

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011–31778.

<sup>2</sup> Жаде З.А., Шадже А.Ю., Ляужева С.А., Ильинова Н.А., Кужва Е.С. Региональная власть и общество в условиях неопределенности и риска: индекс (дез)интеграции как основа модели взаимодействия // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия «Регионоведение». 2020. Вып. 4. С. 115.

к власти, что способствует усилению социального пессимизма, обострению чувства социальной несправедливости, сокращению горизонта планирования, приводит к ослаблению солидаризации и росту социальной атомизации.

Доверие к власти следует рассматривать как своеобразную форму отношения к отдельным властным институтам и их представителям со стороны населения, выражающегося в оценках их деятельности. Оно является важной составляющей социальной консолидации, основой стабильности и индикатором степени интегрированности системы солидарного общества. В период социальных изменений и потрясений доверие приобретает ценность именно как социальный капитал, который позволяет удерживать стабильность ситуации. Доверие гармонизирует отношения солидарного общества и институтов власти, формирует стабильность власти в долгосрочной перспективе, определяет ее легитимность, характер развития региональных сообществ и направленность интеграционных процессов.



## ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Семантическая диверсификация и эрозия ценностных компонентов политических коммуникаций современных сообществ, вариативность и гибридизация политических идеологий и институтов, реализующих политику поколенческой преемственности, актуализируют проблему коррекции исследовательских парадигм изучения процессов политической социализации и позиционирования молодежи в современном обществе. В реалиях современных политических коммуникаций нельзя не учитывать рисков возрастающей асинхронности («разновременности») различий в восприятии политического времени поколениями<sup>1</sup>.

На наш взгляд, более традиционная исследовательская стратегия в изучении политической социализации молодежи как политизации возрастного меньшинства («будущих» или «начинающих» граждан), так или иначе обусловленной политической активностью старших («взрослых») поколений<sup>2</sup>, должна и может быть дополнена исследовательскими стратегиями, интерпретирующими политическую социализацию как комплекс коммуникативных практик социального конструирования политических ожиданий у молодого поколения, которые категорируются и символически репрезентируются в национальной памяти сообществ. Из этой парадигмальной установки исследования политической социализации следует, что молодежь в реалиях современных коммуникаций не просто адаптируется к институтам и идеологическим режимам «взрослого общества», а активно выбирает и оспаривает политические представления старших поколений посредством создания своих, нередко альтернативных нарративов национальной идентичности. Подобные нарративы амбивалентны в коммуникативном плане, они могут разрушить доминирующие, но могут выступить и связующим звеном проекций прошлого и будущего поколений в гражданской идентичности.

Важность подобного моделирования политической социализации молодежи обусловлена динамикой темпорального структурирования в пространстве политической памяти современных сообществ, а успех или неуспех политической социализации молодежи предопределяется в значительной степени тем, как происходит процесс становления межпоколенческого коммуникативного понимания, связанного с различиями в дизайне символизации коммуникативных событий значимого прошлого, настоящего и будущего. Решающую роль при этом, на наш взгляд, играет исследование трансформации профилей легитимации национальной памяти<sup>3</sup>, изучение конфликтной динамики ее символических контуров, включающей разнообразные конкурирующие смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с «врагами»), определяющие характер возникновения и умножения конфликтов идентичностей. Все эти элементы так или иначе определяют направленность политической социализации молодежи, а их конфликтная динамика может выступить семантическим триггером политизации молодежи, направленной на переформатирование существующих профилей национальной легитимации.

В контексте культуросоциологических исследований прагматики, действенности символических аспектов политической социализации, продуцирование чувственных образов политического является важным способом реализации современной иконической власти<sup>4</sup>, символические формы которой существенно влияют на позиционирование молодежи в политических коммуникациях, культивируя/подавляя чувство поколенческой солидарности и порождая новые формы политического активизма/эскапизма.

Обозначенные теоретико-методологические особенности интерпретации политической социализации современной молодежи и способов символической репрезентации ее политических ожиданий в национальной памяти посредством иконической власти позволяют констатировать нарастание процесса конфликтной борьбы «памятей» политических поколений, столкновений «политик памяти» молодого поколения с символическими структурами политической памяти более возрастных политических страт. Это ведет к конфликтной конкуренции жанров и профилей национальной легитимации как внутри этих обществ, так и во внешнеполитическом их позиционировании. Современные обще-

<sup>1</sup> Giesen B. Noncontemporaneity, Asynchronicity and Divided Memories // *Time & Society*. 2004. SAGE (London, Thousand Oaks, CA and New Delhi). 2004. Vol. 13. No. 1. P. 27–40.

<sup>2</sup> См., например: Pickard S. *Politics, Protest and Young People*. L.: Palgrave Macmillan, 2019. — 508 p.

<sup>3</sup> Olick J.K. *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago, L.: The University of Chicago Press, 2016. — 517 p.

<sup>4</sup> Alexander J.C. *Iconic Power and Performance: The Role of the Critic* // *Iconic Power. Materiality and Meaning in Social Life* / ed. by Jeffrey C. Alexander, Dominik Bartmański, and Bernhard Giesen. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012b. P. 25–39.

ства и их поколенческие страты переживают динамичный процесс смены профилей легитимации национальной идентичности, сопровождающийся непредсказуемой динамикой символических контуров памяти поколений, конкуренцией образов прошлого и будущего, переформатированием символических фигур героического, представлений о долге, вине и ответственности поколений за события прошлого и настоящего, что стимулирует возникновение и умножение конфликтной динамики политических поколений.

Зазнаев О.И.  
(КФУ, Казань)

## ВЛИЯНИЕ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ НА ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВА<sup>1</sup>

**В**лияние формы государственного правления на этнические аспекты общества проявляется по нескольким линиям.

1. Та или иная форма правления сокращает или расширяет возможности для представительства этнических групп во власти и их политического участия. Политическое представительство важно для этнических групп, и непредставленность во власти порождает обиды, в связи с чем возникают конфликты на этнической почве и возрастает риск этнического насилия. На наш взгляд, президентские системы сокращают шансы политического представительства, особенно для этнических меньшинств, в силу ряда черт («победитель получает все»; неколлегиальный характер исполнительной власти; жесткое разделение власти, которое оставляет меньше возможностей для консенсуса и компромисса), в то время как парламентские системы расширяют представительство этнических групп во власти.

2. Институциональные черты формы правления способствуют доминированию одной этнической группы, что в конечном итоге выливается в создание режима этнической демократии или этнократии. На наш взгляд, мажоритарная черта как президентской, так и парламентской системы может способствовать складыванию этнократического режима. В условиях парламентской системы не исключена ситуация, когда одна партия, представляющая интересы одной этнической группы, завоевывает на выборах абсолютное большинство мест в законодательном собрании, создает правительство и полностью определяет политический курс. Схожая ситуация возможна в президентской системе, когда одна группа обладает постом президента и большинством в конгрессе. При этом так называемое разделенное правление, при котором президент и большинство в конгрессе принадлежат к разным группам, препятствует появлению этнократии.

3. Один из дискутируемых в науке вопросов сводится к тому, какая форма правления создает больше рисков для возникновения этнических конфликтов. Одни авторы утверждают, что президентские системы превосходят парламентские по возможностям сокращения конфликтов<sup>2</sup>. Напротив, другие политологи настаивают на том, что риски конфликтов создает именно президентская система, поскольку она базируется на принципе «победитель получает все»<sup>3</sup>. При этом парламентская форма правления, по мнению этих авторов, наиболее годится для этнически разделенных обществ<sup>4</sup>. В своих исследованиях мы обосновываем взгляд, согласно которому этнические конфликты более вероятны в парламентских, а не президентских системах<sup>5</sup>.

4. Наконец, необходимо сказать о влиянии формы правления на проводимую государственную политику по отношению к этническим группам. В условиях парламентской системы такая политика является более мягкой и склонной к компромиссам по сравнению с президентской системой, в рамках которой формируется и реализуется более жесткая и склонная к принятию непопулярных и решительных мер государственная политика. Парламентские системы применяют более сбалансированную и эффективную этническую политику с учетом интересов разных этнических групп. Президентские системы проводят менее сбалансированную и менее эффективную этническую политику.

Итак, у президентской системы есть свои преимущества в условиях полиэтнического общества, но очевидны и ее недостатки. Парламентская система также имеет свои плюсы и минусы. Кроме того,

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00102 «Роль формы правления в предотвращении и урегулировании этнических конфликтов: сравнительное исследование».

<sup>2</sup> Saideman S.M., Lanoue D.J., Campenni M., Stanton S. Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled Time-Series Analysis, 1985–1998 // *Comparative Political Studies*. 2002. Vol. 35. № 1. P. 110–111.

<sup>3</sup> Theuerkauf U.G. Presidentialism and the Risk of Ethnic Violence // *Ethnopolitics*. 2013. Vol. 12. № 1. P. 72.

<sup>4</sup> Lijphart A. Constitutional Choices for New Democracies // *Journal of Democracy*. 1991. Vol. 2. № 1. P. 72–84; Linz J.J. The Perils of Presidentialism // *Journal of Democracy*. 1990. Vol. 1. № 1. P. 51–60.

<sup>5</sup> Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 1. С. 32–33.

абстрактный разговор о позитивном и негативном влиянии той или иной формы правления на этнические аспекты социума не имеет большого смысла, поскольку плюсы и минусы конкретных форм правления могут усилиться под воздействием традиций, норм и практик, сложившихся в разных странах, а также деятельности политических лидеров.

**Заславский С.Е.**  
**(Финансовый университет  
при Правительстве РФ, Москва)**

## **ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА РОССИИ: АЛГОРИТМ КОНКУРЕНТНОГО ОТБОРА**

**Н**акануне парламентских выборов 2021 г. российская партийная система столкнулась с определенными вызовами, обусловленными особенностями ее развития. Начало выборного цикла проходило в условиях четко сформировавшегося общественного запроса на политическую конкуренцию и обновление партийно-политической системы, что, в частности, продемонстрировало и появление в 2020–2021 гг. ряда партий, три из которых («Новые люди», «За правду», «Зеленая альтернатива»), удачно стартовав в Единый день голосования в сентябре 2020 г., сумели обрести представительство в ряде законодательных собраний регионов.

Вместе с тем именно к началу 2021 г. партийная система России окончательно завершила этап технологической перезагрузки, обусловленный либерализацией в 2012 г. законодательства о политических партиях, в т.ч. радикальным снижением требований к численности политических партий (с 40 тыс. до 500 членов) и к числу подписей как условию регистрации партий и кандидатов для участия в выборах.

Либерализация норм породила резкий всплеск партийного строительства в 2012–2014 гг., сопоставимый с первой волной партиобразования в 1990–1991 гг. При этом политические партии в большинстве своем создавались в расчете на будущую востребованность в том или ином, неосвоенном (как казалось их создателям), сегменте политического пространства, на поддержку нишевых социальных групп. Но предложение новых партийных проектов явно превышало спрос на них. По мере того как партии выходили на политический рынок, принимая участие в избирательных кампаниях, часть из них получали поддержку избирателей, а другая либо не получали ее, либо вообще воздерживались от участия в них.

Учитывая, что российским законодательством установлены четкие критерии участия политических партий в выборах и ответственность в виде их ликвидации за невыполнение данного требования в течение семи лет, период 2019–2021 гг. был отмечен не только возникновением новых партий, но и прекращением деятельности ранее созданных, не сумевших обеспечить базовый, нормативный уровень электоральной активности. Этим, в частности, объясняется и резкое снижение их численности: если в 2012–2013 гг. в России было свыше 70 официально зарегистрированных политических партий, то на дату назначения выборов депутатов Государственной Думы право участия в них имели 32 политические партии.

Однако снижение количества потенциальных участников не привело к снижению качества конкуренции, так как в основном происходило за счет юридической фиксации утраты статуса мнимыми политическими величинами, не участвующими в выборах. Из 15 партий, выдвинувших списки кандидатов, 14 смогли успешно пройти регистрацию и выйти в финал предвыборной кампании. По итогам выборов 5 партий, преодолев заградительный барьер, были допущены к распределению мандатов, сформировав парламентские фракции, еще 3 смогли провести в Госдуму по одному депутату в мажоритарных округах.

Важно, что параллельно с выборами депутатов Государственной Думы проходили выборы высших должностных лиц 9 субъектов Российской Федерации, выборы 39 региональных парламентов и органов местного самоуправления значительного числа муниципальных образований. Всего в выборах различного уровня, состоявшихся 17–19 сентября, приняли участие 23 политические партии. Итоги выборов убедительно свидетельствуют о расширении партийно-политического представительства на региональном уровне публичной власти, об устойчивости тренда на активное вовлечение партий в избирательный процесс.

Таким образом, либерализация законодательства и активизация создания новых партий в 2012–2013 гг., тестовая проверка серьезности намерений в выборах 2012–2020 гг. и масштабная избирательная кампания 2021 года, позволившая ряду непарламентских партий реализовать свои планы по получению представительства в структурах власти, в совокупности обеспечили естественный конкурентный отбор акторов в партийной системе страны, где главным и коллективным субъектом принятия решения выступили избиратели.

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦИФРОВЫХ КОРПОРАЦИЙ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Развитие Интернета, его почти повсеместный доступ и высокий уровень инвестиций начиная еще с 1990-х годов в IT-сектор обеспечили рост технологического и экономического влияния корпораций, специализирующихся на разработке и предоставлении цифровых продуктов и услуг (*Apple, Google, Uber*), а также создающих инфраструктуру (*Facebook, IBM, Microsoft*) для всех участников модели цифровой экономики (компаний, пользователей, государств, сообществ). Применение продуктов и сервисов, разработанных цифровыми корпорациями, сыграло важную роль в политических событиях последнего десятилетия. Интерес представителей политической науки к деятельности цифровых корпораций обусловлен следующими причинами:

— Рост влияния цифровых продуктов и сервисов на граждан в период избирательных кампаний.

Наиболее характерным примером является предвыборная борьба в США 2016 г. между Хиллари Клинтон и Дональдом Трампом. В этот период, с одной стороны, продукты таких корпораций, как *Facebook* и *Twitter*, стали инструментами распространения фейковых новостей и недостоверной информации, что оказало влияние как на ход кампании, так и на последующее президентство Трампа, перманентно обвиняемого в поддержке «русских хакеров», якобы использующих ресурсы социальных сетей для роста его поддержки и эскалации различных конфликтов среди граждан США. С другой стороны, кандидаты активно использовали эти же площадки для привлечения сторонников, формирования своей повестки дня, освещения хода предвыборной кампании и критики конкурента.

— Повышение роли цифровых продуктов (прежде всего социальных сетей и мессенджеров) в координации и стимулировании участия в массовых протестных акциях.

Эффективное использование мобильных приложений социальных сетей и мессенджеров в протестных акциях проявилось еще во время событий Арабской весны. Наиболее показательными примерами последнего времени стало использование мессенджера *Telegram* участниками протестных акций в Беларуси после выборов в августе 2020 г. Мессенджер использовался участниками для общения между собой и координации совместных действий, а также для освещения самих протестных акций. В последнем случае в фокус внимания авторов телеграм-каналов попадали следующие темы: поддержка протестующих со стороны жителей различных городов страны, действия сотрудников правоохранительных органов по отношению к протестующим, заявления и призывы к тем или иным действиям со стороны лидеров оппозиции. Наибольшую известность в данном сегменте получил телеграм-канал *Nexa* (на момент написания тезисов доклада имеющий более 1 млн подписчиков). Важно отметить, что создатель мессенджера *Telegram* российский программист Павел Дуров поддержал протестующих и препятствовал действиям белорусских властей по цензурованию контента и ограничению работы приложения.

Вторым характерным примером является применение китайского приложения *TikTok* для призывов к участию несовершеннолетних граждан в акциях в поддержку оппозиционера Алексея Навального в январе 2021 г. Несмотря на довольно неоднозначную роль приложения в привлечении участников на акцию, *TikTok*, а также такие корпорации, как *Google* и *Twitter*, были оштрафованы за отказ удалить контент, содержащий призывы к участию в несанкционированной акции.

— Деятельность цифровых корпораций в сфере соблюдения прав и свобод граждан и их позиция в отношениях с государством по линии «свобода личности — национальная безопасность».

На анализ рисков передачи конфиденциальных данных цифровым корпорациям научное сообщество и широкая общественность обратили внимание после так называемого «дела Эдварда Сноудена». В 2013 г. бывший аналитик ЦРУ и АНБ передал в СМИ информацию о предоставлении рядом ведущих цифровых корпораций персональных данных пользователей. Публикации и дальнейшая реакция на них властей США положили начало дискуссии о приоритете национальной безопасности над гражданскими свободами граждан, проявляющейся в использовании цифровыми продуктами и передаче персональных данных.

Перечисленные выше и другие кейсы ставят вопросы об обладании цифровыми корпорациями различными ресурсами власти и росте их влияния на политические процессы. С одной стороны, цифровые корпорации могут использовать инструментальные ресурсы, такие как лоббизм, выстраивание отношений с государством путем GR-политики, финансирование избирательных кампаний кандидатов.

Во-вторых, росту влияния цифровых корпораций способствует их технологическое превосходство над государством. При этом последнее становится зависимым от разработок IT-компаний с увеличением уровня цифровизации государственных услуг, внедрения системы «умный город», необходимостью анализировать большие объемы данных.

В-третьих, научное сообщество больше уделяет внимание влиянию продуктов и разработок цифровых корпораций на политическую и социальную сферы. На наш взгляд, в дальнейшем необходимо подходить к анализу цифровых корпораций как акторов политических процессов, обладающих субъектностью.

Зайцева А.А.  
(РУДН, Москва)

## **ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «КАДРЫ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ» В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ФОНЕ COVID-19<sup>1</sup>**

**К**ризис ряда сфер, вызванный пандемией COVID-19, стал своего рода апробацией результатов реализации положений, прописанных в ряде федеральных проектов, входящих в перечень национального проекта «Цифровая экономика», цель которого состоит в формировании конкурентоспособной экономики цифрового формата в России к 2024 г.<sup>2</sup> Под ударом оказалась и сфера высшего образования: обнажившиеся проблемы спровоцировали массу вопросов об эффективности мер по формированию высококвалифицированного человеческого капитала. Кроме того, в начале 2021 г. в связи с кризисными условиями Правительство России было вынуждено пересмотреть содержание соответствующего федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» и сократить его бюджет практически в два раза<sup>3</sup>. Оценка эффективности реализации данного проекта, что является целью данной работы, имеет ключевое значение для повышения темпов социально-экономического и научно-технического развития, а также для обеспечения конкурентоспособности нашей страны.

Для достижения поставленной цели был использован метод статистического контент-анализа нормативных документов и заявлений. В качестве эмпирического материала были привлечены сведения о реализации мероприятий, обозначенных в паспорте федерального проекта, размещенные на интернет-страницах органов власти и в статистических источниках (Росстат, Статистические сборники НИУ ВШЭ и др.), а также в общедоступных средствах массовой информации.

Таким образом, на основе доступных данных был проанализирован ход реализации 32 прописанных в документе задач<sup>4</sup>, а также шести целевых показателей обеспечения цифровой экономики России высококвалифицированными кадрами по состоянию на II квартал 2021 г.

Анализ статистических данных и новостных лент государственных ведомств показал, что на момент проведения исследования все еще сохраняется проблема обеспечения массовой подготовки кадров для цифровой экономики, которая кроется глубже, нежели в формальном соблюдении целевых показателей цифр приема. Такой дисбаланс объясняется по большей части апостериорным характером программ высшего образования, который выражается в несоответствии формируемых в процессе обучения компетенций потребностям стремительно преобразующегося рынка высоких технологий и их включением в учебный процесс. Однако результаты исследования позволяют утверждать, что данный разрыв может быть ликвидирован к концу реализации проекта, что подтверждается недавним утверждением Минобрнауки приказов о внесении цифровых компетенций в Федеральные государственные стандарты высшего образования, обучение по которым началось с 1 сентября 2021 г.; разработкой учебных модулей в части цифровых компетенций, в том числе по искусственному интеллекту, совместно с ФУМО; и наконец, утверждением на базе Университета Иннополис тридцати наборов цифровых компетенций для выпускников вузов, которые теперь подлежат точечной апробации и затем масштабированию<sup>5</sup>.

Еще одним препятствием на пути к обеспечению качественного образования в условиях цифровизации экономики и общества становится степень сформированности цифровой инфраструктуры вузов

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: Грант № 21-011–32280 опн\_мол.

<sup>2</sup> Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [утвержден Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам: протокол от 24 декабря 2018 г. № 16]. URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 20.06.2021).

<sup>3</sup> С 2021 г. кадры для цифровой экономики будут готовить по-новому // Цифровая экономика 2024 [сайт]. URL: <https://digital.ac.gov.ru/news/5114/> (дата обращения: 22.06.2021).

<sup>4</sup> Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» [утвержден Президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности: протокол от 28 мая 2019 г. № 9]. URL: [https://www.economy.gov.ru/material/directions/chelovecheskiy\\_kapital/kadry\\_dlya\\_cifrovoy\\_ekonomiki/](https://www.economy.gov.ru/material/directions/chelovecheskiy_kapital/kadry_dlya_cifrovoy_ekonomiki/) (дата обращения: 23.06.2021).

<sup>5</sup> Утверждены 30 наборов цифровых компетенций для выпускников вузов // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [сайт]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41177/> (дата обращения: 13.07.2021).

и ее интеграции в учебные и управленческие процессы. Решение этой проблемы приобретает особую актуальность на фоне дальнейшего ужесточения мер по борьбе с пандемией, как, например, недопуск непривитых студентов к очным занятиям.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пандемия стала дополнительным импульсом для дальнейшей цифровизации сферы высшего образования, однако сокращение финансирования может привести к углублению технологического разрыва при повышении уровня подготовки специалистов с необходимым набором цифровых компетенций.

**Закиров А.Р.**  
(КФУ, Казань)

## **ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЛОББИЗМА В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКИ: ОПЫТ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ**

Демократизация институтов государства, стремительное развитие информационных технологий, социальных сетей и инновационных способов управления обусловили развитие коммуникации между бизнес-акторами и органами государственной власти. Нельзя отрицать тот факт, что из числа негосударственных общественных акторов бизнес играет существенную роль в принятии политических решений. В последние десятилетия крупные бизнес-акторы становятся признанными участниками не только экономических, но и политических процессов. Это ведет к росту количества и улучшению качества взаимодействий бизнес-акторов с органами государственной власти. Стоит отметить, что данная тенденция носит глобальный характер и получила свое распространение не только в развитых западных сообществах, но также и в странах с развивающейся экономикой, к числу которых можем отнести Латинскую Америку и постсоветское пространство.

В совокупности демократическое развитие, экономический подъем и начало массового участия бизнеса в процессе принятия политических решений привели перуанское и чилийское общества к пониманию необходимости создания прозрачной системы взаимоотношений бизнеса с государством, подразумевающей регулирование на законодательном уровне. В частности, соответствующие законы были приняты в Перу в 2003 г. и в Чили в 2014 г.

Процесс институционализации лоббизма на национальном уровне можно разделить на три части. Во-первых, это определение лоббизма, его функций и роли в системе. Во-вторых, определение рамок реализации лоббизма и санкций за их нарушение. В-третьих, внедрение норм в политическую практику.

Так, в законах этих государств оговаривается, что лоббизм оказывает влияние на принятие решений государственными органами. В случае перуанского закона отдельно прописываются положения о том, что не является лоббизмом. Такой подход делает схожим его с законом о лоббизме США, в котором проводится четкая граница между лоббистской и иной PR-деятельностью. Законы Чили и Перу в качестве объектов лоббирования затрагивают как законодательную, так и исполнительную ветвь власти, а также обозначают всех лиц, принимающих политические решения.

Необходимость обеспечения прозрачности лоббистской деятельности привела к формированию в обоих государствах систем регистрации лоббистов и их публичной отчетности. В законах как Перу, так и Чили оговаривается обязанность лоббистов публично предоставлять информацию как о себе, так и о лицах, к которым они обращались в органах государственной власти, с указанием информации о времени и месте встречи, предмете обсуждений, а также данных о вознаграждении и иных подарках. Отличительной чертой является то, что в Перу любое лицо, желающее заниматься лоббизмом, обязано зарегистрироваться в реестре, соблюдать писанный кодекс лоббистов и декларировать любые взаимоотношения с законодательной властью. В Чили регистрация носит добровольный характер и необходимость соблюдения законодательных ограничений возникает только при подаче официального запроса.

Определенный интерес вызывает система наказания за несоблюдение лоббистского законодательства. Лоббистам Перу, нарушившим положения закона, грозит предупреждение, штраф, приостановление деятельности или аннулирование лицензии. Для Чили характерно отсутствие конкретных санкций за нарушение закона о лоббистской активности. Также вне рамок закона оказалась практика «вращающихся дверей», так как нормами предлагается лишь шестимесячный период, когда бывшим госслужащим разрешается заняться лоббистской деятельностью. За этот период не всегда успевают разрушиться бывшие связи в органах государственной власти. Для сравнения, в законе о лоббизме в Перу данный срок предполагает от одного года до полутора лет.

В заключение стоит отметить, обе страны сегодня сталкиваются с проблемой институционализации влияния бизнес-сектора на принятие большого числа общественно-политических решений органами государственной власти. Однако различия в способах принятия решений, принципах построения демократического сообщества и в восприятии лоббистов говорят о реализации в Чили и Перу

двух различных моделей лоббистской деятельности и ее регулирования. В частности, перуанская модель обнаруживает аналогии с плюралистической системой США, в которой существует множество конкурирующих между собой политических, экономических, религиозных, этнических и других заинтересованных групп. Государство не есть высшая ассоциация и находится в борьбе с другими организациями. И каждая группа может влиять на политический процесс. Тем самым обуславливается необходимость жесткого регулирования с целью обеспечения приемлемого порядка во взаимодействии конкурирующих групп.

Чилийская модель по своей сущности ближе к европейской корпоративистской модели лоббизма. Ее отличительной чертой является ограниченное количество функционально упорядоченных и выстроенных по иерархии с монопольным правом представительства групп интересов. Государство осуществляет делегирование своих функций отдельным группам интересов.

**Заляев Р.И.**  
(КФУ, Казань)

### **К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К ЧИСЛЕННОСТИ ЧЛЕНОВ И К ЧИСЛЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА РФ «О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ»**

В этом году исполнилось 20 лет с момента принятия в России Федерального закона «О политических партиях». Федеральный закон содержит требования к численности членов и к численности региональных отделений политических партий, которые способствовали становлению в России устойчивой партийной системы, лучшему отражению воли избирателей путем формирования крупных общенациональных политических партий, выражающих интересы значительной части граждан России, вытеснения из избирательного процесса малочисленных партий, не имеющих серьезной социальной опоры в обществе и дезориентирующих выбор избирателей. Также законодательный запрет создания и деятельности региональных политических партий эффективно защищает партийную систему России от создания и деятельности сепаратистских и националистических политических партий, которые могут угрожать целостности и стабильности государства.

В то же время количественные требования Федерального закона к созданию и деятельности политических партий в России неоднократно вызывали в обществе оживленные дискуссии и споры. В первоначальной редакции закона были установлены требования о том, что «политическая партия должна иметь региональные отделения более чем в половине субъектов РФ» и «в политической партии должно состоять не менее десяти тысяч членов политической партии»<sup>1</sup>. Некоторая часть общества считала, что эти требования являются слишком высокими и ограничивают право индивидов на объединение. В 2012 г. законодателем требование к численности членов партий было резко снижено, и сегодня достаточно, чтобы в политической партии состояло всего не менее 500 членов<sup>2</sup>. По мнению ряда экспертов, существующее количественное требование к численности членов партии стимулирует появление малочисленных партий, которые не будут иметь серьезной социальной опоры в обществе и будут дезориентировать выбор избирателей. На наш взгляд, данное количественное требование нуждается в дальнейшем научном анализе и оценке целесообразности сохранения с точки зрения его соответствия дальнейшему партийному развитию страны.

Дискуссии и споры в обществе проходили и по требованию к численности региональных отделений политических партий, которое косвенно запрещает создание и деятельность межрегиональных, региональных и местных политических партий. Сторонники запрета региональных политических партий в России считают, что создание региональных партий будет вести к развитию сепаратистских тенденций и угрожать стабильности и целостности государства. Например, В.Д. Зорькин отмечает, что политико-партийная система должна учитывать исторические, политические, социокультурные, этнорелигиозные особенности страны и что в условиях крайне болезненных социально-политических последствий «парада суверенитетов», который прокатился по России, «институт региональных политических партий вполне способен оказаться механизмом провоцирования сепаратизма или даже инициирования государственного распада»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Пункт 2 ст. 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 14.07.2001) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 02.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Зорькин В.Д. Правовые основы российской многопартийности и практика Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 6. С. 5.

Действительно, в России существует связь между региональным уровнем деятельности политических партий и вероятностью создания и деятельности сепаратистских и националистических политических партий, и создание региональных партий, на наш взгляд, преждевременно. Однако, во-первых, прошло 20 лет с момента принятия Федерального закона России «О политических партиях» и за этот период в России произошло существенное снижение сепаратистских проявлений. Во-вторых, для стабильности политической системы региональные интересы должны регулярно поступать в политическую систему. Поэтому, на наш взгляд, важно развивать и другие возможности учета региональных интересов в партийной системе страны. Например, для регионального представительства в партийной системе страны возможно развивать внутренний потенциал партийного представительства региональных интересов общенациональными политическими партиями путем включения в партийные программы задач учета и решения региональных проблем. Также важно развивать региональное и местное представительство интересов путем расширения допуска региональных и местных общественно-политических организаций к участию в выборах на региональном и местном уровнях.

Таким образом, в докладе представлена попытка актуализировать вопрос количественных требований к созданию и деятельности политических партий в России с целью их дальнейшего научного обсуждения и выработки оптимальных параметров для развития партийной системы страны.

Зарипов Н.А.  
(НИУ ВШЭ, Москва)

## ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПРОЦЕДУР<sup>1</sup>

Одной из ключевых характеристик функционирования политической системы современного государства выступает возможность принимать политические решения, обязательные для исполнения на всей территории страны. Чаще всего эти решения представляются в виде законов, принимаемых парламентом. Сфера принятия законов долгое время выступала предметом изучения преимущественно правоведов, в связи с чем в случае обращения политологов к толкованию регламентных процедур последние рассматриваются через терминологическую рамку юриспруденции и часто понимаются как «совокупность формальных процедур, установленных в соответствующем законе порядке»<sup>2</sup>. Подобное понимание во многом ограничивает объяснительный потенциал проводимых исследований и несколько редуцирует логику законодательного процесса до простого соблюдения регламента.

Вместе с тем немногочисленные исследования российского законодательного процесса за пределами юридической традиции (Т. Ремингтон, П. Чейсти, Б. Ноубл, Е.М. Шульман, И.А. Помигуев и др.) показывают, что регламентные процедуры можно рассматривать и как «правила игры», обладающие политической природой<sup>3</sup>. При смещении методологической оптики в сторону неоинституционализма перед политологом возникает ряд исследовательских лакун, связанных с неопределенностью толкования процесса регламентации процедур как политического, а также его соотношения с распределением реальных властных полномочий между акторами (или вето-игроками)<sup>4</sup>. В предложенной плоскости и располагается проблематика доклада. Упомянутые авторы обращают внимание на процедурную компоненту принятия решений, однако область интерпретации затрагивает и «процесс согласования интересов политических акторов»<sup>5</sup>, и «оценку влияния институции на законодательный процесс»<sup>6</sup>, и отношение к законодательному процессу как к политическому, предполагаемому «совокупность действий акторов по осуществлению своих специфических функций в сфере власти и ведущих к развитию или упадку политической системы общества»<sup>7</sup>. Предварительный обзор концептуальных рамок включает в себя широкий спектр толкований законодательских процедур, в связи с чем остается не до конца понятным, что данный термин с «зонтичной характеристикой» в себя включает.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31792.

<sup>2</sup> Помигуев И.А., Алексеев Д.В. Законодательный процесс и законодательные технологии как предмет исследования в российском политологическом дискурсе // Власть. 2020. № 3. С. 190–195.

<sup>3</sup> Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 17.

<sup>4</sup> Tsebelis G. Veto players and institutional analysis // Governance: an international journal of policy and administration. 2000. Vol. 13. No. 4. P. 441–474.

<sup>5</sup> Помигуев И.А. Роль вето-игроков в федеральном законодательном процессе в современной России: Дисс. канд. полит. наук. М. 2016. — 248 с.

<sup>6</sup> Chaisty P. Presidential dynamics and legislative velocity in Russia, 1994–2007 // East European Politics. 2014. Vol. 30. № 4. P. 588–601.

<sup>7</sup> Шульман Е.М. Законодательство как политический процесс. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. — 184 с.



Поскольку в российской политологии рассматриваемая тема только начинает свое развитие, предпринимается попытка дополнить дискуссию опытом международной политической науки, что достигается посредством проведения метаанализа зарубежных публикаций в области *legislative studies*. Таким образом, предлагаемая классификация представляет собой синергию российского и зарубежного опыта.

В результате исследования удалось определить, что при обращении к понятию «регламентные процедуры» фокус связан с:

- 1) принятием агентами решения с учетом затрагиваемых интересов;
- 2) закреплением политического преимущества доминирующим подмножеством парламента;
- 3) способностью контролировать повестку дня отдельными акторами;
- 4) возможностями выступать участниками процесса принятия решений посредством дебатов, голосования и иных механизмов.

При этом конвенциональной в дискуссии выступает позиция о высокой значимости Регламента, который закрепляет «правила игры» — устанавливает порядок принятия решений, возможные инструменты влияния и их границы. Но при этом изменяющаяся конъюнктура внутри и вовне института легислатуры может привести к динамике изменений Регламента, в результате чего законотворческий процесс характеризуется не столько «игрой по правилам», сколько «игрой с правилами». Например, за II созыв Регламент Государственной Думы РФ подвергался изменениям 10 раз, за III — 31, за IV — 32, за V — 33, за VI — 25, за VII — 44 раза. Предлагаемый в докладе подход к определению «регламентных процедур» позволяет более детально рассмотреть каждый случай изменения «правил игры», а также разработать объяснительный механизм трансформаций.

Зарипова А.Р.  
(КФУ, Казань)

## **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА КАК ФАКТОР УСПЕХА ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ В ЕВРОПЕ**

Сегодня региональные партии представляют собой политическую силу, способную оказывать влияние на принятие решений как в регионе, так и на национальном уровне. Усиление региональных акторов становится ярчайшим проявлением тенденций децентрализации и регионализации, охвативших большинство европейских государств. Наблюдается рост популярности региональных партий среди населения, о чем свидетельствуют убедительная электоральная поддержка на региональных и национальных выборах, а также полноценное участие этих партий в проведении региональной политики в составе правительства.

Стоит обозначить, что определяющим в понимании этнорегиональных политических партий является их тесная связь с отдельной территорией, которая обладает этнокультурной, географической или исторической самобытностью. Само существование такого рода партий связано с необходимостью выражения и защиты интересов сообщества, проживающего на данной территории.

Принадлежность к региону, тесная ассоциация с конкретной территорией и ее проблемами является ключевой особенностью региональных политических партий, которая отличает их от других действующих в регионе политических сил. Если последние заинтересованы в доброй судьбе региона и решении его проблем лишь в той мере, в какой это отвечает их заявленным целям и вписывается в выбранную ранее идеологическую парадигму, то региональные политические силы формулируют свои цели в соответствии с интересами представляемой территории. Еще одной особенностью региональных партий является их активность лишь на субрегиональном или локальном уровне, тогда как общенациональные партии активно разворачивают свою деятельность в масштабах всего государства.

Причины подъема этнорегиональных политических партий отражаются в выдвигаемых ими требованиях, расширивших традиционную этнокультурную повестку регионалов за счет включения проблемы социально-экономической и политической децентрализации.

Изначальное представление этнорегиональных политических партий как выразителей и защитников исключительно этнокультурной и языковой самобытности сегодня не в полной мере отражает положение дел. Для европейских этнорегиональных сил характерна трансформация из нишевых партий в универсальные партии, ориентирующиеся на широкий спектр вопросов регионального развития. На первый план в программах региональных партий выходят вопросы территориального развития, а фактор этничности даже если сохраняется, то теряет свое первичное значение. Регионализм такого рода партий опирается на элементы, представляющие интерес для развития потенциала региона, к числу которых относится политическая субъектность региона, его социоэкономическое развитие. Такого

рода смещение акцента с проблемы защиты этнической самобытности в сторону актуальных для региона в конкретный момент вопросов полностью вписывается в представление об этнорегиональных партиях как представителей региональных интересов. Спектр политических проблем, решаемых региональными партиями, очень широк, и вопросы увеличения полномочий региона и процесс децентрализации государственно-территориального устройства не остаются единственными в повестке этих партий. Например, каталонские националисты в лице Левореспубликанской партии (*ERC*) сделали акцент в своей программе, представленной накануне выборов в региональный парламент в 2021 г., именно на социально-экономической повестке. Тема налогового освобождения и расширения экономической автономии тесно связывается с требованиями политической независимости в программе партии «Вместе за Каталонию» (*Junts per Catalunya*). В свою очередь, в программных положениях шотландских националистов (*SNP*), которые традиционно выступают за проведение социально ориентированной политики в противовес либеральным решениям Британии, независимость Шотландии представляется путем решения социально-экономических проблем региона.

Таким образом, акцент в программах этнорегиональных сил смещается с темы этнокультурного раскола в сторону социоэкономической асимметрии государства. Поскольку вопрос распределения ресурсов определяется балансом отношений центральных и региональных властей, эта тема легко встраивается в программу регионалистов, стремящихся повлиять на вертикальное разделение властей. В регионах, испытывающих экономические трудности, этнорегиональные партии выступают в качестве борцов с внутренней колонизацией, а в экономически благополучных территориях эти партии стремятся усилить влияние региона в принятии решений не только локального порядка, но и в масштабах всего государства.

Кроме того, идеи об этнокультурной самобытности, не исключаемой из дискурса региональных партий, получают новые смысловые значения в качестве дополнительного аргумента в пользу обретения большей политической и экономической автономии.

Засорин С.А.  
(МПГУ, Москва)

## ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РОССИЙСКИЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Научные термины «политика памяти» или «историческая политика» вошли в оборот относительно недавно — в течение последних 30–40 лет. Во многом это было связано с попытками ревизии новейших исторических событий и переоценкой сегодняшних общественных ценностей. При этом понятие «политика» подчеркивает набор приемов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие.

В начале 1980-х годов немецкий канцлер Г. Коль выступил с позиций консервативной реставрации немецкого патриотизма на основе отказа от предыдущего гипертрофированного социал-демократического покаяния за преступления нацистского режима. Это не было вовсе попыткой реваншизма, а, скорее, стремлением освобождения от комплекса неполноценности, которое мешало дальнейшему немецкому развитию.

Другие корни происхождения исторической политики оказались в Польше. По иронии судьбы они вошли в противоречие с новыми немецкими идеологами. В 2004 г. группа польских историков выступила с позиций укрепления «здорового польского патриотизма», направленного против реабилитации нацистских и сталинских преступлений. Под давлением геополитической зависимости этот новый польский национализм принял одностороннюю направленность: современную русофобию через исторический антисоветизм.

Польская модель политики памяти была скопирована рядом постсоциалистических стран Восточной и Центральной Европы и оказалась идеологически построена на антисоветизме, переходящем в русофобию. Ее механизмами стали: 1) принятие законов, служащих догматизации той или иной трактовки исторических событий; 2) финансирование и поддержка политически ангажированных проектов; 3) организация институтов национальной памяти; 4) создание специальных музеев под прямым патронажем определенных политических сил; 5) ограничение доступа к архивам; 6) установление контроля над СМИ; 7) идеологизация системы образования; 8) воздействие на символическую сферу (создание и продвижение пантеона исторических личностей, учреждение памятных дней, проведение акций памяти, использование государственной и национальной символики и т.п.); 9) использование политической топонимики.

В современной России активизация политики памяти проявилась в середине первого десятилетия XXI в., т.е. оказалась прямой реакцией на антироссийскую историческую политику бывших союзных

республик и стран Восточного блока. Историческая политика сегодняшней России соединила отвержение радикального прозападного либерализма, стремление к реабилитации советского исторического опыта, провозглашение возврата к традиционным национальным ценностям.

Исследования феномена исторической памяти в нашей стране отражают публичное идеологическое противостояние либеральной трактовки (А.В. Колесников, Московский центр Карнеги<sup>1</sup>) с лево-патриотическими подходами (А.Р. Дюков, Фонд исторической памяти<sup>2</sup>). В первом случае авторы исходили из глубокого раскола общества по вопросу об исторических ценностях, из вынужденной исторической конъюнктуры большинства россиян, которой противостоит оппозиционная «антипамять». Их оппоненты из второго лагеря призывали к отражению фальсификаторской войны Запада против наших исторических традиций. Определенную центристскую линию выразила позиция А.И. Миллера-ИНИОН<sup>3</sup>, которую можно охарактеризовать как попытку компаративистского эклектического сочетания либерализма и национализма.

Судя по результатам опросов общественного мнения, большинство россиян склоняются к поддержке гражданского патриотизма. Стержнем проявления современной российской политики памяти стала реализация в последние годы ряда проектов, посвященных истории Великой Отечественной войны: «Бессмертный полк», «Книга памяти», «Без срока давности» и др., которые получили широкий общественный резонанс и поддержку.

Захарова А.Е.  
(НИУ ВШЭ, Москва)

## КОНСТИТУЦИОННЫЕ И УСТАВНЫЕ СУДЫ В СУБЪЕКТАХ РФ: ПРАКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Органы конституционного нормоконтроля, которые функционируют в РФ в форме Конституционного суда РФ и конституционных и уставных в субъектах РФ, являются особыми не только правовыми, но и политическими институтами. Деятельность органов конституционного нормоконтроля нацелена на обеспечение надлежащей реализации положений основных законов — Конституции на федеральном уровне и конституций или уставов на региональном уровне.

Централизованная ликвидация конституционных и уставных судов в субъектах РФ не является решением проблемы, она ставит новые вопросы перед социальными науками в части перспектив развития региональной конституционной юстиции и соответствия проводимых изменений основополагающим конституционным принципам, закрепленным в ст. 1 Конституции РФ: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство»<sup>4</sup>. Отсутствие четких перспектив дальнейшего существования региональных органов конституционного нормоконтроля (пусть и не в судебной форме), острота вопроса в силу его конституционной природы доказывают, что необходимость изучения конституционных и региональных судов в регионах РФ не является надуманной, а выступает реальным требованием российской действительности.

Каковы перспективы новой модели развития региональной конституционной юстиции? Будет ли она работоспособна в российских реалиях? Перечисленные вопросы на текущий момент остаются открытыми.

В данном контексте автор считает необходимым вспомнить идеи Р. Таагепера, который указывал на важность развития в социальных науках предиктивных моделей<sup>5</sup>.

Для того чтобы создать эффективную модель будущего, необходимо детально проанализировать прошлый опыт — восстановить и осмыслить цепь предшествовавших событий, понять, что сработало, что нет. Успех реформ невозможен без надлежащей подготовительной стадии. К сожалению, в части региональной конституционной юстиции такая комплексная работа не проведена.

<sup>1</sup> Колесников А.В. Историческая политика в России: почему она разобщает, а не объединяет: Науч. статья. 9 августа 2017 г. <https://carnegie.ru/2017/08/09/ru-pub-72746>; Колесников А.В. Несекретная война Кремля: Науч. статья. 9 апреля 2020 г. URL: <https://carnegie.ru/2020/04/09/ru-pub-81437>.

<sup>2</sup> Дюков А.Р. Историческая политика или политическая память // *Международная жизнь*. 2010. № 1. С. 133–148; Гончаров В.Л., Дюков А.Р., Исаев А.В., Морозов М.Э. Мифы Великой Отечественной. М.: ЭКСМО, 2008.

<sup>3</sup> Миллер А.И. Политика исторической памяти как основа формирования коллективной идентичности и воспитания деятельного патриотизма. Гл. 3 // *Стратегия развития XXI*. 2014. [http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/04strategy21\\_vosprit.pdf](http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/04strategy21_vosprit.pdf); Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018; Миллер А.И., Ефременко Д.В. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2020.

<sup>4</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

<sup>5</sup> Taagepera R. *Making Social Sciences More Scientific. The Need for Predictive Models*. Oxford University Press, 2008.

Автор нацелен устранить обозначенный пробел. В исследовании автор выходит за рамки стандартного изучения конституционных и уставных судов в рамках юридического поля, которое зачастую отстранено от реальности, ограничено текстами документов — концентрируется на анализе политических аспектов становления и функционирования конституционных и уставных судов в субъектах РФ. Автор предполагает и впоследствии доказывает взаимообусловленное функционирование органов конституционного нормоконтроля и политической системы. Комплексный анализ становления конституционных и уставных судов в субъектах РФ, включающий не только правовые, но и политические методы, позволяет выработать практико-ориентированное знание: во-первых, выявить факторы, оказывающие влияние на становление региональных конституционных и уставных судов, во-вторых, на основе комбинации факторов сформировать модели становления конституционных и уставных судов в субъектах РФ, что позволит выработать практические рекомендации — прогнозы по перспективам трансформации органов конституционного нормоконтроля в регионах РФ, шаги по выходу из текущего состояния неопределенности.

**Захарова Е.А.**  
(МГИМО МИД России, Москва)

### **ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФЮЛЬКЕ НОРВЕГИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА<sup>1</sup>**

Автор использует пространственный анализ<sup>2</sup> для выявления наличия или отсутствия влияния «эффекта соседства» на голосование в фюльке Норвегии. Для определения эффекта соседства применялся расчет индекса пространственной автокорреляции Морана<sup>3</sup>. В свою очередь, для оценки пространственных кластеров был применен метод локальных индикаторов пространственной автокорреляции (*LISA*)<sup>4</sup>. Что касается эмпирической базы исследования, то автор собрал данные результатов голосования за последние три (2009, 2013 и 2017 гг.) электоральных цикла в фюльке Норвегии<sup>5</sup>, с тем чтобы провести анализ электорального поведения граждан.

Рассчитанный индекс Морана для голосования за партии Норвегии оказался значимым для голосования за Рабочую и Консервативную партии в 2009 г., за Рабочую партию в 2013 г. и за Консервативную партию в 2017 г.

При рассмотрении локальных индикаторов пространственной автокорреляции голосования за Рабочую партию в 2009 и 2013 гг., можно заключить, что для обоих электоральных циклов характерно выделение трех одинаковых кластеров голосования норвежских фюльке. В первый кластер выделился Сёр-Трёнделаг, что говорит о том, что в этом фюльке наблюдался высокий процент поддержки партии, при этом в соседних фюльке также наблюдался высокий уровень электоральной поддержки Рабочей партии. Из этого следует, что в данном случае при голосовании за Рабочую партию сработал «эффект соседства», электоральные предпочтения Сёр-Трёнделаг схожи с соседними фюльке. Во второй кластер вошла губерния Вест-Агдер, в которой наблюдалась низкая электоральная поддержка Рабочей партии при низких уровнях в соседних фюльке. Наконец, третий кластер включил фюльке Телемарк. В данном случае «эффект соседства» можно описать следующим образом: при низком уровне голосования за Рабочую партию в соседних фюльке отмечается высокий процент поддержки данной партии в данном фюльке.

Что касается Консервативной партии Норвегии, для 2009 г. выделилось два кластера губерний: первый кластер объединил Нурланн и Сёр-Трёнделаг, для которых низкий уровень поддержки Хейре обусловлен низким уровнем поддержки окружающих их фюльке. Как можно заметить, для 2009 г. Сёр-Трёнделаг является той губернией, которая не отдает предпочтения ни Рабочей, ни Консервативной партии и окружена теми фюльке, которые не предоставляют широкую поддержку ни одной из двух партий. Отметим, что Сёр-Трёнделаг скорее отдавал электоральные предпочтения в 2009 г. Социалистической левой партии и Красным. Второй кластер включил в себя Эстфолл и Телемарк, который характеризуется тем, что в этих двух губерниях граждане отдают мало голосов за Консервативную партию, несмотря на то что в соседних губерниях поддержка этой партии была выше. На выборах 2017 г. при голосовании за Консервативную партию выделились три кластера губерний. Первый из них снова включил Сёр-Трёнделаг, отдающий мало голосов за Хейре, равно как и соседние фюльке. Во второй

<sup>1</sup> Тезисы подготовлены при поддержке гранта РНФ № 19–78–10004 «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ».

<sup>2</sup> Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа: Монография. М.: Аспект Пресс, 2020. — 255 с.

<sup>3</sup> Cliff A., Ord J.K. Spatial Autocorrelation. L.: Pion, 1973.

<sup>4</sup> Anselin L. Local Indicators of Spatial Association — LISA // Geographical Analysis. 1995. No. 27. P. 93–115.

<sup>5</sup> Elections Resources on the Internet: Elections to the Norwegian Storting. URL: <http://electionresources.org/no/storting.php?election=2017&county=03> (accessed: 17.09.2020).

кластер вошел Эстфолл, и здесь отражаются произошедшие изменения в электоральных предпочтениях граждан, а именно, если в 2009 г. этот фюльке и соседние с ним губернии отдавали малое количество голосов за эту партию, то в 2017 г. Хейре получила здесь большую поддержку, равно как и в соседних фюльке, оказавших влияние на голосование в Эстфолле и увеличивших поддержку этой партии в 2017 г. Наконец, третий кластер включил в себя фюльке Телемарк, в котором граждане оказали невысокий уровень поддержки Консервативной партии, хотя соседние губернии отдали большее количество голосов за эту партию.

Выводы. Таким образом, пространственный фактор оказывал влияние на голосование в фюльке Норвегии при голосовании за Рабочую партию и Консервативную партию. Пространственный анализ продемонстрировал, что если для Рабочей партии тенденции голосования губерний сохраняются в разных электоральных циклах, то для Консервативной партии тенденции претерпевают трансформации ввиду влияния «эффекта соседства». Кластеризация губерний Норвегии способствует проведению таргетированной кампании, что доказывает эффективность проведения пространственного анализа электорального поведения граждан.

**Зверев А.Л.**  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, Москва)

## **СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО ОБРАЗА РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ**

Содержательное наполнение медийного образа России за рубежом во многом зависит от сложившейся оптики политического восприятия современной России гражданами других стран, от отдельных стереотипов, формируемых, прежде всего, зарубежными СМИ, дискурсом по текущей новостной повестке в мире, связанной с нашей страной, в массовых сетевых политических коммуникациях, от сложившихся дипломатических отношений между РФ с разными странами, как и от личных предпочтений получателя информационного сообщения о России из иной страны. С другой стороны, данный образ может быть продуктом идеологически закреплённых догм, которые в существующей коммуникативной среде могут производиться в формате пропагандистского информационного противостояния отдельных стран друг с другом в рамках актуализации национально-государственной самоидентификации граждан страны с воспроизводством образа «врага» по отношению к стране, с которой есть противоречия в классовой или идеологической борьбе, истоки чего можно найти во взаимном восприятии этих стран в период холодной войны.

На политическое восприятие нас в мире за последние годы во многом влияли события, связанные с воссоединением Крыма с Россией (2014 г.), жестким проведением самостоятельного внешнеполитического курса российским государством и подчеркиванием собственной политической субъектности в международных отношениях путем демонстрации своего суверенитета и независимости в мировой политике, следования в фарватере традиционных ценностей и общих консервативных ориентиров.

Вследствие этого Россия как государство во многих странах западной цивилизации воспринимается как не входящая в их цивилизационно-ценностную платформу страна и потому требующая в случае возможного подобного вхождения большей либерализации как всего российского общества, так и политической власти в стране, общего ослабления роли России на международной арене, снижения уровня ее влияния на текущие дела в мире, выстраивания диалога России и Европы, но с приоритетом интересов стран Запада над российскими национальными интересами.

В пространственном измерении информационного образа России в западных медиа в большинстве своем соотносится с широтой образа СССР и имевшейся тогда боязни о распространении политической власти нашей страны по всему миру, при осуществлении перманентной идеологической революции, а также представлений об экспансионистских и имперских амбициях Советского Союза. Во многих СМИ стран ЕС Россия сегодня представляется как отдельная «большая и независимая» страна, близость к которой «пугает» европейские медиа тем, что в ситуации острого кризиса между ЕС и РФ наше государство может экспансионистским способом расширить территориально собственную зону ответственности, как это было сделано с Крымом в 2014 г.

Темпоральное измерение актуального информационного образа нашей страны в западном медиапространстве включает содержательные характеристики дихотомии: «силы-слабости», с включением в него ряда содержательных ключевых черт информационного образа СССР в русле актуализируемой идеи о «русском реваншизме» в сегодняшних мировых реалиях. Образ постсоветской России несет в себе противоречия по шкале «сила-слабость»: с одной стороны, формируется образ России как слабого государства, потерпевшего поражение в холодной войне, а с другой стороны, Россия представляется чуть ли не единственным актором, способным с военной и идеологической точек зрения к борьбе с международной исламизацией радикального типа (например, с ИГИЛ).

Политико-культурный параметр информационного образа России за рубежом характеризуется четким выражением ценностных ориентаций, свойственных гражданам современной России. Содержательная структура рассматриваемого параметра информационного образа нашей страны за рубежом содержит базовые черты: традиционализм, империализм, милитаризм, реваншизм, государственный центризм, nepoтизм и слабо рефлекслируемый российским обществом, но проявляемый национализм.

Особо стоит отметить, что часто западные СМИ при формировании представлений о современной России в массовом сознании собственных сограждан пытаются разделить образ государства и образ народа в реалиях российской действительности, показывая, что власть в нашей стране, в образе В.В. Путина, стремится к продолжению ранее избранного экспансионистского курса СССР. Российский народ, напротив, устремлен в лоно западной цивилизации, и ему надо помочь избавиться от диктатуры нынешнего государства и переориентировать его от покорности власти национального лидера-тирана, угрожающего нынешнему миропорядку, к поддержке нового лидера, символа надежды устремлений российского народа к присоединению ко всем благам западной цивилизации.

В целом проанализированный медийный образ России в зарубежных СМИ имеет часто резко отрицательную форму своего выражения.

**Зверева А.Д.**

*(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)*

## **ПРАКТИКИ КОММУНИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ С ЭЛЕКТОРАТОМ-2021<sup>1</sup>**

**В** преддверии выборов в Государственную Думу VIII созыва на российской политической арене появилось немало политических партий. Каждая из них будет стремиться получить свое место в парламенте. Эффективная предвыборная коммуникация и взаимодействие партий с электоратом может обеспечить новым партиям такую возможность.

Политические партии, представляющие интересы различных социальных групп, должны стремиться удовлетворить запрос современных избирателей на новизну идей и смыслов, обновление информационной повестки, реальное исполнение предвыборных обещаний и целенаправленно выражать интересы своего электората в парламенте. Интересы народа должны представлять парламентские партии, набравшие большинство голосов на выборах. К сожалению, чаще всего ряд программных лозунгов политических партий носит конъюнктурно-популистский характер.

Наблюдаемый сегодня кризис представительной демократии обусловлен слабой вовлеченностью партий в диалог со своими избирателями. А избиратели, в свою очередь, ввиду недостаточной информированности о деятельности партий приходят к непониманию, за кого им голосовать, чтобы их услышали.

Выборы, как один из институтов демократии и форма участия граждан в обсуждении вопросов публичного характера, позволяют получить избирателям интересующую их информацию (в виде лозунгов, программ и т.д.), выразить свои предпочтения и принять решение в отношении партии. Избиратели хотят видеть реальное исполнение предвыборных обещаний в течение всего срока созыва, а не только в начале предвыборной гонки.

Так, появившаяся в марте 2020 г. политическая партия «Новые люди» во главе с А. Нечаевым принимает в свои ряды только тех людей, которые реально что-то сделали для общества. Партия проводит регулярные спортивные мероприятия и субботники по всей России. Ввиду вынужденного затворничества, вызванного пандемией, людям необходимо видеть, что жизнь продолжается. После подобных мероприятий в Сети появились призывы: «“Новые люди” — новое отношение к своим родным городам и к своей стране!», что существенно повысило рейтинг партии в глазах общественности.

В начале 2021 г. политические партии «Патриоты России», «За правду» и «Справедливая Россия» подписали манифест об объединении. Общие силы, закрепленные в «12 принципах Правды, Патриотизма и Справедливости»<sup>2</sup>, могут гарантировать партии прохождение в нижнюю палату за счет реального исполнения пунктов и репутации «справороссов». Как отметил сопредседатель партии «Справедливая Россия — За правду» (СРЗП) 28.06.2021 г. на предвыборном съезде З. Прилепин: «Программы прописали не для того, чтобы понравиться избирателю, а для того, чтобы с ней работать и претво-

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31826 «Делиберативная практика взаимодействия парламентских партий с электоратом: структурно-коммуникативный анализ» (2021).

<sup>2</sup> Манифест. 28.01.2021. Социалистическая политическая партия Справедливая Россия-Патриоты-За правду. Официальный сайт. URL: <https://spravedlivo.ru/10981210>.

рять в жизнь. Эта программа является угрозой для правящего политического класса<sup>1</sup>. Обновленная партия может надеяться на поддержку. Так, с 1 января 2021 г. в РФ начал работать «налог для богатых», подразумевающий обложение подоходным налогом физических лиц на доходы свыше 5 млн руб. в 15% (повышенная ставка вместо привычных 13%). Фракция «Справедливая Россия» ставит себе это в заслугу и во всех агитационных материалах нового избирательного цикла отчитывается: «Добились введения прогрессивной шкалы подоходного налога (богатые платят по более высокой ставке, чем бедные) и повышения минимальной зарплаты до прожиточного минимума».

По мнению политологов<sup>2</sup>, «правлящей» партии («Единая Россия») будет непросто получить привычное большинство мест в Госдуме в сентябре этого года (2011 г. — 238, 2016 г. — 343), так как далеко не все их важные для электората обещания исполнены. Более того, по их мнению, она продолжала выполнять роль исполнителя воли правительства и президента, не согласуясь с желаниями электората. Речь, прежде всего, идет о поддержанном ими решении о повышении возраста выхода на пенсию.

Намечается перспектива перестройки сил в парламенте именно благодаря потребности избирателей самовыражаться и взаимодействовать со своими представителями во власти. По мнению исследователей, процесс самовыражения способствует построению и развитию демократических институтов<sup>3</sup>, а демократизация заключается именно в наделении народа властью для обеспечения гражданских и политических прав и свобод.

Подстраиваясь под современные реалии, российские политические партии сталкиваются с проблемой совершенствования инструментов и механизмов налаживания связи с избирателями. Современный сознательный избиратель хочет видеть конкретные дела политиков, реализованные не только на бумаге. Отлаженная коммуникация и реальное выполнение предвыборных обещаний может обеспечить новым перспективным партиям возможность прохождения в парламент.

**Зеленко Б.И.**  
(ФНИСЦ РАН, Москва)

## **О ВЗАИМОВЛИЯНИИ СЕТЕВИЗАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

**В** настоящее время онтология в этой сфере фиксирует взаимообратную связь двух элементов одной парадигмы. Политика влияет на сети, последние на политику. В аналитике уже давно обоснована политическая природа сетевизации. Сегодня констатируется некая специфика сетевого воздействия как на политические отношения, так и наоборот. В чем она? Прежде всего Сеть является онтологической экспансией в массовое сознание, влияющее на изменение картины мира. В нашем случае изменение политического образа жизни (*modus vivendi*) сетевых акторов. Главным становится столкновение моделей политического *modus vivendi*, что выражается в онтологии сетевой экспансии внутри массового сознания, где имеет место преференция исключительно своей картины мира, исключительно своего *modus vivendi*. При этом сетевых акторов множество со своими разными моделями политических образов жизни. Аналитика констатирует, что мир сетей — это то, где существует взаимосвязь во всем. Такой «клубок» событий теперь трансформировался. Они заменены «клубком» сетевых узлов. В данном случае онтология сетевой экспансии переливается в политическую экспансию через кибервариант, воздействуя на чужие проявления политического образа жизни. Как свидетельствует политическая практика, так произошло с движением киберпартизан в Беларуси.

Онтология сетевой экспансии стала форматировать различные представления о современной действительности. В прошлом конструировалась одна парадигма мира, где создавался определенный уровень идентичности. В настоящее время данная экспансия, внедряясь в массовое сознание, создает разную идентичность, что влияет на модели политических образов жизни в сетях, а следовательно, на политические отношения. Все упирается в технологии: через информационно-цифровое пространство виртуальность превращается в реальность. В аналитике верно подмечено, что виртуальные коммуникации стали сильнее вербальных. Именно в них творятся политические отношения. Имеется в виду форматирование многообразных моделей политических образов жизни сетевых акторов.

<sup>1</sup> Справедливость и правда записались на второе место. СРЗП провела предвыборный съезд // Коммерсант. 28.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877635>.

<sup>2</sup> Выборы-2021 в Госдуму: как партии готовятся к парламентской кампании // dw.com (Новости и аналитика о Германии, России, Европе, мире). URL: <https://www.dw.com/ru/vybyory-2021-v-gosdumu-kak-partii-gotovjatsja-k-parlamentskoj-kampanii/a-55615895>.

<sup>3</sup> Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. — 464 с. (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»). С. 219.

Здесь философская максима в том, что онтологическое системное побеждает случайное. В этом суть онтологии сетевой экспансии, зачастую меняющая политическую парадигму целой страны. Представляется, что и современную Россию это не обойдет. Более того, просматриваются признаки и контуры политической онтологии сетевой цивилизации, о чем следует говорить специально. Политическое целеполагание данной экспансии заключается в обнаружении узлов воздействия на массовое сознание. И тогда форматирование моделей политического образа жизни сетевых акторов следует рассматривать в когнитивном плане.

Имеется в виду переход от целеполагания сетевой экспансии к ее смыслополаганию. Аналитики по этому поводу нет. Нами была сделана первая попытка по анализу методологии привнесения политических смыслов в сетевизацию и наоборот<sup>1</sup>. В ней был задан контекст настоящего исследования, посвященного смыслополаганию сетевизации политических отношений. Так, феноменологическое описание категории «смысла» еще не получила должного онтологического статуса. Охарактеризовать его особенности в условиях неопределенности сложно, поскольку неизвестно, где начинается и где заканчивается политика, особенно в виртуальном поле. Смысл есть всегда, его надо найти. Более того, смысл смысла в том, что он направляет ход бытия<sup>2</sup>.

В когнитивистике смысл определен как установление соответствия между объектом и потребностью индивида. Смысл конструируется субъектом, выступает, по Л. Выготскому, как его психологическое орудие. Оно, в свою очередь, структурирует деятельность (ориентируя и контролируя его ход) и бытие личности (субъективно его обосновывает). По мнению Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, сущее является таким, каково оно есть, только благодаря смыслу, посредством которого оно конституировано. Без конституирования нет мира, а конституирование — смысловой процесс.

Отсюда сетевизация политических отношений становится осмысленной, только если «сработали» законы смыслополагания, — иначе осмысленности нет. Поэтому смысл интенционален. Ясно, что все это касается отношений по поводу власти. Причем при современном противостоянии институализированной и легитимной власти и виртуальных политических сетей. Главное здесь — определиться в «столкновении» двух онтологий: политическими целе- и смыслополаганием. Как известно, в первом случае превалирует нацеленность на «захват» властных приоритетов, во втором — на «захват» политических смыслов. Приоритет последнего реально бы отразился на движении от протестно-конфронтационного к созидательной доминанте во внутривластные отношения.

**Зеленкова К.С.**  
(БелГЭУ, Минск, Беларусь)

## **СИСТЕМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ**

Стремление к улучшению эффективности деятельности органов государственной власти — одно из направлений совершенствования управления социально-экономическими системами. В Республике Беларусь система оценки эффективности государственного управления основана на результативной модели, в соответствии с которой сравнивается фактический результат деятельности с ожидаемым результатом (с целью, прогнозируемым показателем), расчет которой производится по формуле « $\text{Э} = \text{Р} / \text{Ц} \times 100\%$  (Э — эффективность, Р — результат, Ц — цель)»<sup>3</sup>. С 2016 г. Советом Министров Республики Беларусь ежегодно издаются постановления «О реализации задач социально-экономического развития», в которых утверждаются поквартальные значения ключевых показателей эффективности работы правительства и Национального банка, а также руководителей министерств, концернов, председателей облисполкомов и Минского горисполкома, на основе которых и определяется их результативность.

Проведенный анализ оценки эффективности государственного управления в Республике Беларусь за 2018–2020 гг. позволил выявить проблемные сферы управления. По итогам 2018 г. эффективность работы правительства составила 85,7%, было выполнено 6 из 7 показателей (рис.). Сравнивая итоги работы правительства, республиканских и местных органов государственного

<sup>1</sup> Зеленко Б., Шиманская Э. О политическом смысле в социальных сетях (интенциональный контекст) // Власть. 2018. № 8 (26). С. 74–80.

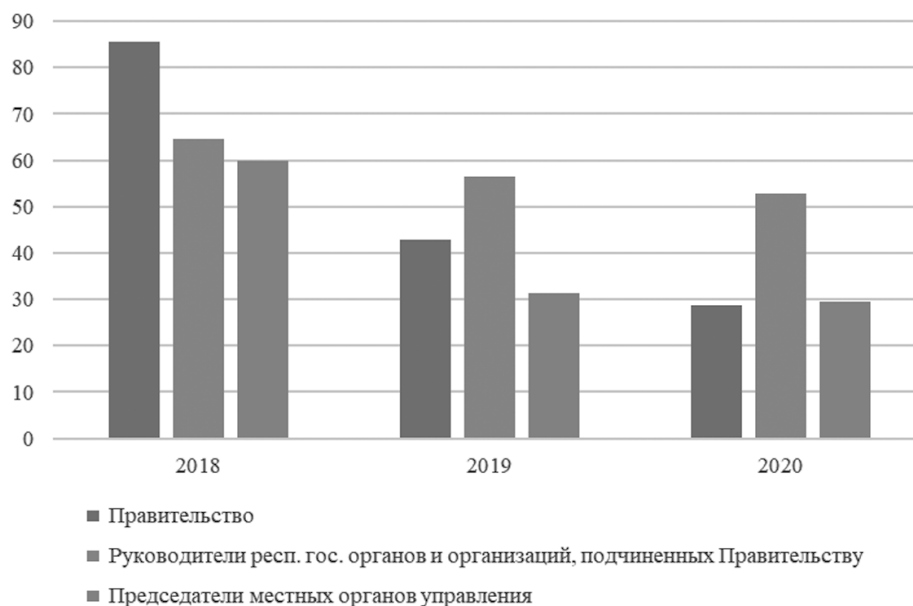
<sup>2</sup> Франкл В. Смысл жизни // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 70.

<sup>3</sup> Сильвестрова Т. Критерии оценки эффективности использования бюджетных средств при современной модели управления бюджетными ресурсами / Т. Сильвестрова // Бюджетные организации: бухгалтерский учет и налогообложение. 2007. № 5. С. 58–64.



управления за период 2018–2020 гг., можно сделать следующие выводы. За два года эффективность работы правительства снизилась в три раза (2018 г. — 85,7%, 2020 г. — 28,6%), председателей местных органов управления областного уровня — в два раза (2018 г. — 60%, 2020 г. — 29,6%). Результативность руководителей республиканских государственных органов и организаций, подчиненных правительству, также падает, но не так быстро, как в правительстве и органах местного управления. Несмотря на неблагоприятные внутренние и внешние факторы социально-экономического развития Республики Беларусь, по сравнению с прошлым годом показатель уменьшился на 3,6% (2019 г. — 56,4%, 2020 г. — 52,8%). Незначительно упал показатель у руководителей органов местного управления, хотя выполнение прогноза на уровне 29–31% нельзя назвать эффективным. Особого внимания заслуживают отстающие регионы республики: Витебская и Гомельская области, где в среднем выполняются 1–2 показателя.

Сегодня основными рисками развития регионов являются проблемы обеспечения демографической безопасности, рост демографической нагрузки, в том числе вследствие старения населения; появление депрессивных территорий, не способных к устойчивому социально-экономическому развитию. «Последующее сокращение численности населения приведет к дефициту квалифицированных рабочих кадров, а продолжающаяся пандемия коронавирусной инфекции — к ухудшению условий торговли экспортируемой продукции, экономической нестабильности и замедлению темпов экономического роста»<sup>1</sup>.



**Рисунок.** Динамика эффективности работы Правительства Республики Беларусь, руководителей государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, председателей облисполкомов и Минского горисполкома за 2018–2020 гг. (%)<sup>2</sup>

Полученные данные будет полезно учитывать при прогнозе развития органа на следующий период, поскольку запланированные показатели, в первую очередь, должны быть реальными, т.е. их можно достигать и даже перевыполнять. Во-вторых, они должны напрямую относиться к целям и задачам органов, которые фиксируются в соответствующих государственных программах.

Для Республики Беларусь показатель качества и эффективности государственного управления играет значимую роль. Это находит свое отражение в НСУР-2030, в которой закреплены основные задачи, направленные на достижение цели в системе управления — повышение эффективности государственного управления в контексте обеспечения устойчивого социально-экономического развития. Так, запланировано решить 14 задач (10 — к 2020 г., 4 — к 2030 г.). Реализация поставленных задач приведет к повышению эффективности государственного управления, которая также отразится в положительной динамике изменения индекса качества системы государственного управления Республики Беларусь в международных рейтингах.

<sup>1</sup> Зеленкова К.С. Формирование и реализация государственной региональной политики на примере Гомельской области: достижения и перспективы / К.С. Зеленкова // Экономика. Наука. Инноватика: Материалы II Международной научно-практической конференции, Донецк, 19 марта 2021 г. / ДонНТУ; отв. ред. А.В. Ярошенко. Донецк, 2021. С. 188–192.

<sup>2</sup> Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <http://belstat.gov.by/>. (дата обращения: 29.06.2021).

Зиневич О.В.  
(НГТУ, Новосибирск)

## ДИСКУРС «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА С ЕДИНОЙ СУДЬБОЙ» КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ

Национальная культурная экспансия мощных в экономическом отношении стран, претендующих на лидерство в глобальном управлении в современном мире, становится непреложным фактом политической реальности и инструментом «мягкой силы». Трактовать этот факт можно по-разному: либо как стремление к достижению с помощью «новых подходов» более сильной позиции на международной арене и лидерства в глобальном управлении, либо как действие во имя гармонизации отношений в интересах не только инициатора «новых подходов», но и государств-партнеров. Китайская риторика «новых подходов», как считает А.В. Лукин, не вполне убедительна, что видно из противоречий «силовой» и «миролюбивой» составляющей самой риторики, а также между риторикой и реальной политикой («подчеркивание уникальности собственной роли и места в мире»)¹.

На пути модернизации Китай руководствовался идеями марксизма, отмечая мировое значение этого учения для развития цивилизации, но используя его с китайскими особенностями. Провозглашенные марксизмом ценности свободы, равенства, братства трактовались как общечеловеческое достояние, искаженное капитализмом Запада. Китаизация марксизма легла в основу маоизма и социализма с китайской спецификой. Истинный марксизм по-китайски не только заключается в раскрытии универсальных законов развития человечества, но и учит «искать свой путь», «идти по собственному пути»². В свою очередь, собственный путь, провозглашаемый китайскими лидерами, заключается в правильном исполнении универсальных законов, открытых марксизмом, правильном воплощении общечеловеческих ценностей. Отсюда следует, что принятие общечеловеческих ценностей с китайской спецификой — это и есть правильный, если не единственный путь для развития всей человеческой цивилизации. Таким образом, Китай продвигает себя в качестве лидера глобализации не только в экономической сфере, но и в сферах культурной и идеологической: западные ценности (в марксистском варианте) признаются общечеловеческими, их содержание модифицируется в соответствии со спецификой китайской культуры и обновленные ценности предлагаются миру как основа для единения.

Политический лидер современного Китая Си Цзиньпин представил международному сообществу инициативу «человеческого сообщества с единой судьбой», в содержании которой прослеживается стремление Китая к экспорту ценностей китайской культуры. Китайский лидер провозгласил становление Китая в качестве ответственной глобальной державы. Являясь сильной державой, «Китай намерен брать на себя ответственность в международных делах... соразмерно своему положению»... Концепция человечества с единой судьбой «представляет собой план и мудрость, которые Китай предлагает для формирования честного и справедливого нового порядка...»³. Широкое использование дискурсов конфуцианского наследия (о «гармонии без единообразия», «гармонии как системы всеобщей взаимосвязанности», «взаимной учебы как основы добрососедства с другими странами») призвано убедить международное сообщество в возможности реформирования международных отношений на основе «сопряжения» разнонаправленных интересов без ущерба для национальных идентичностей⁴. Но следует иметь в виду своеобразие ответственности, основанной на ценностях китайской культуры: ответственность за человечество реализуется тогда, когда достигаются определенные успехи во внутренних делах и на условиях лидерства. Древнее китайское изречение гласит: «Из троих идущих обязательно найдется один, у которого можно чему-нибудь научиться». Не будет большим преувеличением сказать, что Китай стремится достигнуть собственного процветания путем научения «китайской мудрости» через распространение откорректированных с помощью конфуцианства ценностей социализма с китайской спецификой, которые трактуются как общечеловеческие.

Остается открытым вопрос о степени влияния глубинных культурных кодов на возможности единения человечества, но не вызывает сомнения то, что дискурс «единой судьбы» призван помочь в реализации политики «мягкой силы» Китая.

¹ Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 78.

² *Суть Лэй*. Китайский путь — модернизационная трансформация китайской цивилизации // Сравнительная политика. 2019. № 2. С. 27–28.

³ Чрезвычайный и полномочный посол КНР в РФ Ли Хуэй. Пусть идея человеческого сообщества с единой судьбой осветит весь мир // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 7, 8.

⁴ Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. С. 695.

Зиненко В.Е.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ КАК УСЛОВИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ<sup>1</sup>

В современной России развитие социально-политических отношений во многом зависит от эффективного использования потенциала молодежи в интересах государства и общества. Способность молодого поколения быстро адаптироваться к меняющейся политической и социально-экономической реальности, творческое мышление, энергия позволяют рассматривать молодежь как движущую силу общественного развития и важнейший стратегический ресурс государства. Поэтому для выстраивания эффективного взаимодействия органов власти с молодежью важно учитывать потребности, ценности и интересы молодых людей.

Данная статья посвящена рассмотрению именно интереса к политике, так как он представляет собой причину действий субъектов, определяющую их политическое поведение и участие. В психологии под интересом понимают «форму проявления познавательной потребности, которая обеспечивает направленность личности на осознание целей деятельности и тем самым способствует ориентировке, ознакомлению с новыми фактами, более полному и глубокому отображению действительности»<sup>2</sup>. Интерес носит ценностный характер, связан с потребностями и их положительными переживаниями<sup>3</sup>.

На основе политических интересов формируются политические взгляды и настроения, те или иные идеологические позиции граждан. Через политические интересы выражаются актуальные политические потребности представителей тех или иных социальных групп.

Интерес к политике является значимой характеристикой политического сознания, а также регулирует политическое поведение молодых людей. Стоит отметить, что политическая активность реализуется человеком в соответствии с его ценностными ориентациями и интересами.

Реализовывать свои политические интересы молодежь может в различных формах политического участия, таких как участие в выборах; участие в деятельности общественно-политических организаций и движений; участие в деятельности представительных органов государственной власти (молодежных парламентов, молодежных правительств); профессиональная политическая (или общественно-политическая) деятельность; участие в протестных акциях и др.

Для того чтобы молодые граждане были политически информированы, важно их политически просвещать и пробуждать интерес к политике. Как справедливо отмечал Р. Даль, «идеальный» гражданин должен проявлять горячий интерес к общественной и политической жизни; быть хорошо информирован о программных документах, кандидатах и партиях; совместно со своими согражданами активно участвовать в решении общественных вопросов; оказывать активное влияние на политику правительства через голосование; выражать свою точку зрения; посещать политические митинги и т.д.<sup>4</sup> Сложно построить крепкое гражданское общество без интереса граждан к политике.

Различные центры изучения общественного мнения в своих опросах интерес к политике измеряют с помощью трех показателей: частота обсуждения политических событий с родственниками, друзьями, коллегами; субъективная оценка индивидом собственного интереса к политике; частота слежения за политическими новостями в различных СМИ.

Уровень интереса к политике у молодежи может быть разным: детализированным (систематическим), обобщенным, фрагментарным или отсутствовать вовсе. На уровень интереса к политике оказывают влияние пол, возраст, уровень образования, социальное положение. Помимо этого, социально-политическая обстановка в стране также отражается на нем.

Отсутствие интереса к политической сфере общества может привести к политической апатии и абсентеизму. Впоследствии такое отчуждение от политики отражается на степени участия молодого поколения в политической жизни. Таким образом, интерес к политике выступает важным условием проявления политической активности молодых людей. Измерение уровня интереса молодежи к политике дает представление о ее политической информированности, образованности и отношении к политической сфере общества.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 21-011-31165 «Моральное и политическое в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, этические представления и политические установки».

<sup>2</sup> См.: Лобанова Т.Н. Влияние доминирующих трудовых интересов на деятельность сотрудников организации // Организационная психология. 2015. Т. 5. № 2. С. 27–29.

<sup>3</sup> См.: Меньшикова Е.А. Психолого-педагогическая сущность познавательного интереса // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. Вып. 3 (77). С. 18.

<sup>4</sup> См.: Даль Р. Проблема гражданской компетентности. URL: <http://www.politnauka.org/library/teoria/dahl.php> (дата обращения: 19.09.2019).

Зинина А.И.  
(НИУ ВШЭ, Москва)

## ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ ДИНАМИКУ В РЕГИОНАХ РОССИИ

После распада СССР в России изменился естественный уровень внешней и внутрирегиональной миграции. Численность населения в центральных и южных регионах России увеличивалась из-за притока граждан из восточной части государства, а также стран СНГ. Мигранты увеличивали поляризацию общества<sup>1</sup>. С возрастанием граждан, отстаивающих антимиграционную политику, произошло изменение электорального поведения населения в регионах РФ. До 2004 г. развивались праворадикальные партии, которые увеличивали протестность среди населения<sup>2</sup>.

Исследовательская проблема: неоднозначность последствий влияния современных миграционных процессов постсоветского периода на лояльность и протестность в электоральном поведении населения регионов РФ.

Актуальность исследования. Произошедшие изменения в процессах формирования политических партий, вызванные принятием в 2001 г. нового Федерального закона «О политических партиях»<sup>3</sup>, способствовали пересмотру идеологической праворадикальной направленности некоторых партий. Кандидаты до сих пор не обладают возможностью открыто показывать свою предрасположенность к людям другой национальности, но они имеют право заявлять о своем отношении к миграционным преобразованиям, происходящим в регионах России.

Гипотезы. H1: внешняя миграция по-прежнему влияет на радикализацию настроений электората в регионах Российской Федерации, несмотря на существующие ограничения в партийной системе. H2: вызванные внутренними миграциями демографические изменения, связанные, в частности, с возрастной структурой населения, существенно изменили электоральные предпочтения регионов в постсоветский период.

Цель исследования — установление влияния структурных изменений населения в результате миграций на электоральное поведение в регионах Российской Федерации.

Задачи: 1. Выявить теоретические рамки исследования для проведения анализа межрегиональной миграционной политики в Российской Федерации. 2. Определить, как структурные изменения электората в результате внутренних миграций воздействуют на электоральную динамику. 3. Определить влияние внешних миграций на динамику электоральных предпочтений в регионах Российской Федерации.

Методы: 1. Статистический метод сбора данных о проведении федеральных выборов в разрезе субъектов РФ за период с 1991 по 2019 г.; 2. Метод регрессионного анализа на основе данных о миграционных передвижениях населения по территории Российской Федерации; 3. Кейс-стади анализа влияния миграции на электоральное поведение регионов РФ.

Исследование. Были сконструированы независимые переменные: показатель внутренней миграции, показатель внешней миграции, альтернативный показатель внешней миграции, сформированы зависимые переменные: показатели радикализма и лояльности на основе идеологически направленных партийных кластеров<sup>4</sup>. Дополнительные контрольные переменные — доля русского населения в регионах РФ, валовой региональный продукт на душу населения и доля городского населения.

Результаты. Множественный регрессионный анализ показал прямую взаимосвязь показателя радикализации и внешней миграции. Коэффициент полученного результата равен 5.722\*\* и является значимым: первая гипотеза подтвердилась. Панельная регрессия и регрессия *varying slopes* показали, что показатели доли русского населения и доли городского населения влияют на показатель радикализма.

Вторая многофакторная регрессионная модель с контрольными переменными и *varying slopes* подтвердила вторую гипотезу о значимой обратной связи между показателями радикализма и доли пожилого населения.

Третья и четвертая модели выявили прямую зависимость между показателем радикализма и контрольной переменной — долей русского населения. Четвертая построенная регрессионная модель показала нетривиальный результат. Изначально получившийся результат панельной регрессии должен

<sup>1</sup> Morton R., Ou K. Public Voting and Prosocial Behavior // Journal of Experimental Political Science, 2019. P. 141–158.

<sup>2</sup> Lavanex S., Givens T., Jurje F., Buchanan R. Regional Migration Governance // Oxford Handbook. Oxford University Press, 2018. — 2 p.

<sup>3</sup> Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 19.07.2009) // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: [http://www.cikrf.ru/law/federal\\_law/2001\\_95fz.html](http://www.cikrf.ru/law/federal_law/2001_95fz.html) (дата обращения: 21.04.2021).

<sup>4</sup> Туровский П.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Политика. 2005. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-elektoralnaya-karta-postsovetskoy-rossii> (дата обращения: 06.06.2021).

был обладать значимым коэффициентом обратной связи, означающим, что показатель лояльности отрицательно зависит от внутренней миграции. В итоге модель показала, что граждане государства, недовольные приездом переселенцев, голосуют за те партии, которые включают в свою агитационную программу пункты защиты местного населения от мигрантов. Регрессионная модель показала статистически значимые результаты между обратной взаимосвязью показателя лояльности и доли русского населения и положительной связью с валовым региональным продуктом.

Вывод. В результате подсчета взаимосвязей нескольких переменных удалось найти прямую зависимость радикальных настроений среди населения и возрастающей с каждым годом внутренней миграции, изменяющей идеологию лояльно настроенных граждан РФ.

Зиновьев А.О.  
(ПГУПС, Санкт-Петербург)

## **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ В ИЗУЧЕНИИ ГОСУДАРСТВ И РЕВОЛЮЦИЙ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА ХАБЕРМАСА И ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА**

Состояние публичной сферы в современной России, как и идей и идеологий в публичной сфере, представляет собой сложный теоретический и практический случай. Если после распада СССР в России явно начала формироваться классическая буржуазная публичная сфера с частичным доминированием либеральной идеологии, но с высоким уровнем плюрализма различных политических идей, то в современной России можно наблюдать тенденцию со стороны государства к созданию репрезентативной публичной сферы (характерной для средневекового общества), а со стороны общества тенденцию к формированию потребительской публичной сферы (с отдельными попытками сохранить критическую публичную сферу). Для понимания особенностей «диалога» государства и общества в современной России, который, на мой взгляд, является частью революционного процесса, запущенного распадом СССР, необходимо обратиться к переосмыслению теоретического синтеза Юргена Хабермаса как синтеза политической философии и социологической теории.

Для изучения политики фундаментальной остается позиция Макса Вебера о необходимости «свободы от оценки» и критика данной позиции в политической философии Лео Штрауса. Выделение нормативной политической теории направлено на смягчение данного противостояния между социологией и политической философией. В духе данного компромисса между социологией и политической философией Хабермас разрабатывал свое понимание публичной сферы. Данный компромисс был продолжен в последующих работах Хабермаса в виде соотнесения классической эмпирической социологии со стратегической рациональностью, а политической философии с коммуникативной рациональностью. Хотя в современных исследованиях государств и революций преобладают подходы в духе эмпирической социологии, но появление таких понятий, как «достойное/недостойное правление», говорит о необходимости обращения к нормативной политической теории (в том числе и для изучения последствий революций в виде появления правового государства). Очевидным достоинством теоретического синтеза Хабермаса является удачное сочетание социологического анализа современного государства с нормативными ожиданиями по отношению к «достойному правлению» (в частности, нормативные ожидания по отношению к характеру диалога между государством и обществом).

Со стороны политической философии, по моему мнению, следует понимать государства как диалектику стратегической рациональности и коммуникативной рациональности, а революции как разрушение данной диалектики. Со стороны социологической теории теоретический синтез Хабермаса можно дополнить теорией четырех источников социальной власти Майкла Манна. Сети военной власти и сети экономической власти более ориентированы на стратегическую рациональность, а сети идеологической власти и сети политической власти более ориентированы на коммуникативную рациональность в общей диалектике данных рациональностей. Кроме того, сети социальной власти необходимо понимать в духе Бруно Латура, как состоящие не только из людей, но также из вещей. Каждая из четырех сетей социальной власти имеет дело с различными вещами и различными наборами практик обращения с вещами. Учет роли вещей усиливает специфичность каждой из четырех сетей социальной власти (но не отменяет ключевую роль отношений социальной власти) и объясняет трудности построения нового революционного государства как нового сочетания всех четырех сетей социальной власти. Хотя в условиях революционного разрушения государства сеть идеологической власти, коммуникативная рациональность и роль идей выходят на первое место, необходимо помнить участие трех оставшихся сетей социальной власти в построении нового революционного государства, идеи всегда зависят от существования ресурсов трех других сетей социальной власти.

Из данной теоретической перспективы публичная сфера выступает оформлением характера диалога между государством и обществом (которые пронизаны сетями социальной власти), а очевидная

неопределенность характера публичной сферы в современной России говорит, на мой взгляд, о незавершенности революционного процесса, который начался с распада СССР. О незавершенности процесса построения нового государства как устойчивой диалектики стратегической рациональности и коммуникативной рациональности.

Знаменский Д.Ю.  
(ГУУ, Москва)

## **ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ: ИЗМЕНЕНИЯ И ВЫЗОВЫ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19**

**П**андемия, вызванная новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в 2020–2021 гг., затронула практически все сферы общественной жизни — от розничной торговли и оказания бытовых услуг до международных отношений<sup>1</sup>. Темпы распространения, тяжесть протекания и уровень летальности заболевания вынудили правительства большинства стран принимать системные меры по борьбе с этой новой угрозой. Не стала исключением и сфера науки и технологий.

Эффективная государственная научно-техническая политика немыслима без учета базовых рисков ее реализации, в числе которых автор выделяет: 1) изначально неверные приоритеты государственной политики; 2) некорректный выбор получателей приоритетной государственной поддержки; 3) неверные оценочные показатели научно-исследовательской деятельности; 4) невозможность применения полученных фундаментальных научных результатов в прикладных исследованиях; 5) угасание существующих и отсутствие новых научных школ; 6) неспособность конкурировать с ведущими научными державами мира; 8) общеполитические, макроэкономические и демографические риски. Думается, что к последней группе рисков следует отнести и появление новой коронавирусной инфекции.

Можно считать, что с марта 2020 г. на государственную научно-техническую политику России оказывает влияние новый фактор, и это влияние имеет следующий характер: а) оно является перманентным, т.е. действующим постоянно, и его действие не прекратится в обозримой перспективе; б) действует системно, т.е. оказывает влияние как на тематику и объемы финансирования научных исследований, так и на ряд организационных вопросов — формат проведения научных конференций, взаимодействие ученых из разных регионов и стран, уровень академической мобильности, работа диссертационных советов и т.п.; в) способствует повышению внимания власти к проблемам финансирования не только прикладных, но и фундаментальных исследований не только в области медицины, но и по широкому спектру тем. В частности, Российским фондом фундаментальных исследований был объявлен Совместный конкурс на лучшие научные проекты, направленные на решение проблем, связанных с глобальной пандемией COVID-19 (из 43 принятых заявок поддержано 10 проектов, объем финансирования каждого составил от 2 до 5 млн рублей).

Думается, что логичным шагом со стороны политического руководства страны станет частичный пересмотр Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, учет в ней новых больших вызовов, как непосредственно связанных с пандемией COVID-19, так и производных от нее.

Не менее важным аспектом влияния пандемии на характер государственной политики в сфере науки и технологий, по мнению автора, должно стать изменение отношений власти и научного сообщества, более активное привлечение представителей академической и вузовской науки к формированию приоритетов государственной политики.

Автором уже неоднократно подчеркивалась проблема относительной «бедности» институциональной структуры государственной научно-технической политики, практическое отсутствие действующих политических институтов, активно и независимо участвующих в ее формировании и реализации. Вне всякого сомнения, данное обстоятельство делает актуальным поиск новых форм взаимодействия между российской властью и обществом в сфере развития отечественного научного потенциала. При этом представляется доказанным, что российское научное сообщество обладает волей и стремлением к участию в формировании государственной научно-технической политики, но результаты проведенных социологических и экспертных опросов позволяют сделать вывод, что данный запрос реализован не полностью<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См., например: Воронина Н.А., Волох В.А., Суворова В.А. Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии // Власть. 2020. № 4. С. 26–32.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Знаменский Д.Ю. Политические институты в процессе формирования государственной научно-технической политики в современной России: Монография. М.: Издательский дом ГУУ, 2015; Znamenskiy D.Y., Kerre M.S. Network Communications of the Scientific Community on the Issues of State Scientific and Technical Policy Formation in Modern Russia // Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature Vs. Social Origin. 2020. P. 512–518.

Золотарев Ф.Е.  
(УрФУ, Екатеринбург)

## КОНСТРУИРОВАНИЕ СЕТЕЙ ГОРОДОВ-ПАРТНЕРОВ И ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА)<sup>1</sup>

Города в современных международных отношениях заняли свою нишу. Наряду с государствами и их объединениями на макрополитическом уровне они участвуют и реализуют собственные интересы и цели на микроуровне. Города используют богатый инструментарий межгосударственных отношений, начиная с дипломатических обменов и заключений формальных договоренностей и продолжая реализацией проектов на двусторонней и многосторонней основе. Вместе с этим влияние отдельного города не просто мало по сравнению с влиянием государства, но также и несоизмеримо по имеющемуся или потенциальному воздействию на международные отношения, реализуемые отдельной страной. Для преодоления подобного «беспомощного» положения города формируют между собой самостоятельные сети партнерств и сотрудничества либо присоединяются к уже созданным сетевым формам сотрудничества на региональном и международном уровнях.

Сети благодаря своим имманентным качествам позволяют городам преодолевать накладываемые государством и международной системой ограничения. Трансграничный, зачастую транснациональный характер сетей позволяет городам устанавливать отношения друг с другом за пределами своего региона и преодолевая границы государства без нарушений суверенитета последнего. Структурно сети состоят из узлов (*nodes*), посредством которых они закрепляют имеющиеся наборы практик. Характер городских сетей зависит от характера отношений между его узлами, их количества и сущностного наполнения образуемых связей. Исследование сети реализуется двумя подходами: посредством частного анализа узлового соединения или комплексного анализа всей протяженности цепи. Так или иначе, роль самого города в конструировании подобных сетей остается значимой и может быть подвергнута систематизации.

Действуя на «низовом» уровне, города воспроизводят векторы государственной внешней политики, частью которой напрямую или опосредованно они выступают. Город, участвуя в мировой политике, создает сети различных типов в зависимости от определяемых критериев: уровень (локальный, внутригосударственный, региональный, глобальный), открытость (расширяется ли сеть за счет новых городов или нет), формат (двусторонний, многосторонний), устойчивость (определение инструментов поддержания связей). В практическом плане это находит свое выражение в установлении двусторонних межгородских связей между исполнительными органами и их подразделениями, законодательными органами власти; вступлении в существующие международные сети городов. Использование института «побратимства» и «сестринства» становится частным выражением связей между городами. Более тщательный анализ именно двусторонних отношений городов позволяет приблизиться к пониманию логики и целей, которые ставят города при создании сетей.

В докладе обсуждается сотрудничество города с другими городами на национальном и международном уровнях. При этом в фокусе исследования находятся задачи, цели, стимулы, побуждающие город участвовать в создании сетей партнерских и побратимских отношений с российскими и зарубежными городами. Отдельного рассмотрения заслуживают формы городского сотрудничества. На примере Екатеринбурга Свердловской области, располагающегося во внутреннем регионе и не имеющего приграничных партнеров из числа зарубежных регионов, выявляются отдельные паттерны межгородского сотрудничества.

Для анализа процессов и результатов конструирования сетевых связей Екатеринбурга с российскими и зарубежными городами используются качественные и количественные данные, взятые из открытых источников (официальные сайты, запросы через систему связи с муниципальными службами, новостными изданиями), подчерпнутые из интервью с бывшими и действующими сотрудниками администрации Екатеринбурга. Полученные данные систематизировались для дальнейшей визуализации информации в виде графов и цифровых карт. Особый интерес для исследования представляют агенты, которые принимали участие в установлении отношений между городами официально и неофициально, а также поддерживают связи в настоящее время.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20–414–660001 р\_а.

## **ВЛИЯНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ 2014 года НА ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕПУТАТСКОГО КОРПУСА (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКА, САМАРЫ И МАХАЧКАЛЫ)<sup>1</sup>**

Реформирование структурных элементов политической системы, как правило, является результатом тестирования элитой наиболее эффективных технологий и форматов работы тех или иных институтов. Однако мы полагаем, что сам по себе факт изменения норм и правил не может рассматриваться как показатель того, что предполагаемые авторами реформы цели достигнуты. Политическая система реагирует на такого рода эксперименты с определенной степенью сопротивления и негибкости. Критерием того, что предусмотренные концепцией реформы принципы начали работать на практике, становятся существенные изменения на уровне неформальных поведенческих практик, в том числе появление новых типов акторов, играющих ту или иную роль в политической системе.

В данном исследовании мы рассматриваем реформу местного самоуправления в Челябинске, Самаре и Махачкале, которая была реализована в 2014 г., воспроизведена в 2019 г. и до сих пор остается объектом споров и критики среди участников политического процесса в этих городах.

Задача данного исследования состоит в том, чтобы, совмещая институциональный и политико-психологический подходы, выявить имплицитные критерии, говорящие о том, что реформа реально привела к трансформации практики функционирования системы местного самоуправления в Челябинске, Самаре и Махачкале и вызвала в ней изменения, которые потенциально могут стать новой основой взаимодействия муниципальной власти и гражданского общества. Дело в том, что реформа была спроектирована для того, чтобы активизировать механизмы социальной динамики (т.н. «лифты») и привлечь к участию в работе органов местной власти рядовых деятелей общественных организаций, т.е. людей, «находящихся на расстоянии вытянутой руки» от избирателей.

В ходе исследования была создана база данных, содержащая личностные характеристики всех кандидатов, выдвинутых на муниципальные выборы в районные советы указанных городов на протяжении двух избирательных циклов. Кроме того, для получения сравнительной перспективы по той же схеме был изучен коллективный портрет депутатских корпусов, существовавших в Челябинске, Самаре и Махачкале до начала реформирования. Личностные параметры, которые анализировались в ходе исследования, соответствуют блокам информации, которая предоставляется кандидатами при выдвижении своей кандидатуры и находит отражение в базе данных, размещенной в сети «Интернет» ([izbirkom.ru](http://izbirkom.ru)).

Коллективный портрет муниципальных депутатских корпусов Челябинска, Самары и Махачкалы изменился в ходе реализации реформы местного самоуправления по нескольким значимым личностным параметрам. Так, на первом этапе реформы (в 2014 г.) важную роль играли следующие тренды: снижение среднего возраста депутатов, увеличение доли женщин, появление в представительной власти муниципалитетов достаточно большого количества лиц без высшего образования и рост доли кандидатов, которые по основному месту работы не занимали руководящие должности на момент выдвижения.

Процент переизбрания в районные советы на выборах 2014–2015 гг. был в целом высоким (51% в Самаре и 62% в Челябинске). Однако даже на основании этих данных у нас есть возможность сделать вывод об относительном обновлении муниципальной политической элиты. При этом степень обновления была гораздо выше в Махачкале (27% переизбрания на уровне районных советов), но для административного центра Дагестана смена конкретных персоналий и субэлитных групп внутри депутатского корпуса была принципиальным мотивом реформы уже на этапе ее проектирования и целеполагания. На выборах второго созыва во всех трех городах отмечается тенденция к ограничению этого тренда, что может свидетельствовать о начале инкорпорирования новых политиков в действующую муниципальную политическую элиту.

Таким образом, проведенный анализ личностных характеристик выдвинутых на муниципальные выборы кандидатов позволяет сделать вывод, что введение двухуровневой системы привело к расширению демократического представительства на уровне муниципального депутатского корпуса и привлекло к участию в «низовой» политике более широкого круга горожан. Однако наши данные не позволяют сделать вывод о том, что в результате реформы произошли критические изменения с точки зрения социально-демографической структуры представительства. Наша гипотеза состоит в том, что трансформация личностного профиля депутатского корпуса муниципального уровня может быть объяснена, прежде всего, сменой поколений, а не институциональными преобразованиями.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20–411–740004.



Зорин В.Ю.  
(ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН;  
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

## ТРАЕКТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ИММИГРАНТА В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН<sup>1</sup>

Привлечение иммигрантов в страну — часть государственной политики (миграционной, демографической, экономической, культурной). Иммигранты не только являются трудовыми ресурсами, но и играют роль трансграничного культурного транзита, в том числе и возвратного, если речь идет о репатриации бывших соотечественников, предположительно культурно идентичных российским гражданам. При этом вопросам конструирования позитивного образа иммигранта внимание практически не уделяется, в связи с чем в сознании россиян он становится носителем набора признаков (стереотипов, клише), часть которых могут вызывать неприятие или отторжение.

Необходимо признать, что если государство привлекает миграционные потоки, то работа с информационно-культурной составляющей становится обязательной. Недостаточно налаженная работа по адаптации иммигрантов в социально-культурную сферу российского общества, как и подготовке российского общества к принятию инокультурных субъектов, может повлечь неконтролируемые межкультурные (межэтнические, межрелигиозные) конфликты. Теоретическая разработка указанной проблемы включает анализ той роли, которую образ иммигранта играет в восприятии реальных людей, выборе стратегии взаимодействия с ними и особенно подстрекании межкультурного напряжения. Без учета этого образа сложно прогнозировать характер поведения российских граждан и реакции на присутствие иммигрантов в их социально-профессиональном поле.

Достижения современной социальной и политической психологии убедительно доказывают серьезную роль образов (представлений, стереотипов, символов, ценностей, психологических установок) в регулировании поведения людей. Особенно важно понимать, что некоторые компоненты образов — архетипы массового сознания, глубинные иррациональные его пласты — не осознаются и слабо контролируются людьми. И если эти компоненты массовых представлений в отношении иммигрантов имеют негативные значения, то в периоды кризисов они могут повлечь деструктивные реакции, конфликты, противоправное поведение.

Концептуальная модель исследования разработана в русле политико-психологического и этнополитического подходов. Определенное в рамках данных подходов понимание роли представлений об иммигрантах и миграции в социально-политическом восприятии и формировании установок на взаимодействие с иммигрантским сообществом, сохранение межнационального мира и согласия в российском обществе нашло отражение в следующих гипотезах:

1. Особенностью массового восприятия является упрощение и поиск легко узнаваемых черт любого феномена, в связи с чем предположительно образы иммигрантов связываются в массовом сознании с этническими группами и профессиональными характеристиками, включающими набор соответствующих стереотипов. Этнополитическая роль указанных траекторий формирования образа состоит в том, чтобы упорядочить межкультурную коммуникацию, регулировать общественные отношения в поликультурном (полиэтническом) российском обществе в русле этнополитической традиции уживаемости носителей разнообразных этнорелигиозных ценностей в одном государстве.

2. В российском массовом сознании может быть обнаружен разрыв между относительно недавними представлениями о миграции и иностранных этнокультурных иммигрантах, как о в принципе новом для России явлении (которого не существовало во времена СССР), и более глубинными, не до конца осознаваемыми традиционными представлениями о представителях азиатских, закавказских, славянских народов, как жителях некогда единой страны («братство народов» — СССР). При этом цельный этнический образ иммигранта может распасться на две параллели — образ бывшего соотечественника, близкий к «идеальному» и имеющий позитивную коннотацию («миф о золотом веке», «братство народов»), и образ современного инокультурного иммигранта, который может быть связан со случайными информационными поводами, негативными происшествиями и неблагоприятным общественным мнением. При этом содержание идеальных образов связано именно с глубинными, архетипическими особенностями этнополитической оптики, не подверженными ситуативным влияниям.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011–31096 «Образ иммигранта в сознании российских граждан: траектории формирования и конфликтный потенциал».

Зубов В.В.  
(Финансовый университет  
при Правительстве РФ, Москва)

## К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ ВАТИКАНА И ИЗРАИЛЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЕЙ РЕЛИГИОЗНЫХ ГОСУДАРСТВ

Двадцатое столетие стало временем появления двух специфических государств религиозной направленности — Ватикана и Израиля. Их особый характер объясняется тем, что оба отмеченных государства, несмотря на значимую роль религии в функционировании каждого из них, далеко не полностью укладываются в традиционные представления о религиозных государствах.

В политической науке к религиозным государствам относятся как теократии, так и собственно религиозные государства. В теократиях форма правления всегда является монархической, поскольку сочетание высшей светской и духовной власти в одном лице допускается лишь в обществах с традиционным типом политической легитимации. Причем, поскольку речь идет о традиционных обществах, монархия носит, как правило, абсолютный характер. Что касается собственно религиозных государств, то форма правления для них не является настолько принципиальной, как для теократий<sup>1</sup>. Важным и неотъемлемым фактором выступает политическое и/или правовое признание значимости роли религии в жизни социума либо установление какой-либо религии в качестве государственной.

Если говорить о Ватикане, то форму правления данного государства следует обозначать как абсолютную теократическую монархию. По всем основным признакам Ватикан, безусловно, является государством. Наличие территории, системы права, публичной власти носит бесспорный характер. Однако если обратиться к сущности государства как института, существующего, в первую очередь, для удовлетворения общественных потребностей, то нетрудно заметить, что государство Ватикан не укладывается в данный критерий. Смысл существования Ватикана состоит в обеспечении деятельности Святого Престола — Папы Римского и Римской курии — высших органов управления Римской католической церковью, а остальные функции носят факультативный характер. В этом смысле можно с известной долей условности говорить о том, что хотя Ватикан и является религиозной теократией, но с точки зрения представлений о назначении государства данное политико-правовое образование надлежит называть квазигосударством религиозного плана.

В отличие от Ватикана, Израиль характеризуется республиканской формой правления. Религиозный характер Израиля прописан в ст. 1 Основного закона: Израиль — национальное государство еврейского народа. Отмеченная норма предусматривает статус Израиля как национального государства еврейского народа, в котором последний реализует, кроме всего прочего, право на религиозное самоопределение, т.е. на исповедание иудаизма. Государственная религия де-юре отсутствует, однако на уровне одного из Основных законов, который в совокупности с другими Основными законами образует корпус конституционных актов государства, устанавливается назначение Израиля как государства для удовлетворения евреями потребности в исповедании национальной религии. Подобная норма носит для светского государства, в котором ни одна религия не является приоритетной, беспрецедентный характер. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что само образование Израиля объяснялось значимостью исторического шага воссоединения еврейского народа на исконной территории проживания после трагедии галута, а исповедание иудейской веры способствовало сохранению этноса и препятствовало полной ассимиляции с автохтонным населением стран изгнания, что и нашло свое отражение в упомянутом акте конституционного значения<sup>2</sup>. При этом на территории Израиля допускается исповедание и распространение иных религиозных воззрений, что позволяет говорить о том, что Израиль является своего рода квазирелигиозным государством, т.е. политическим институтом, в котором допускается сосуществование различных верований, а упоминание одной религии в источнике конституционного значения детерминируется самим смыслом образования еврейского государства<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Попова О.В. и др. Теория и история политических институтов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. — 344 с.

<sup>2</sup> Гордис Д. Израиль: история государства. М.: Мосты культуры, 2018. — 488 с.; Даймонт М. Евреи, Бог и история. М.: Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2019. — 570 с.

<sup>3</sup> Основной закон: Израиль — национальное государство еврейского народа. URL: <https://main.knesset.gov.il/RU/activity/pages/basiclaw.aspx?LawId=13> (дата обращения: 29.06. 2021).

Зуляр Ю.А.  
(ИГУ, Иркутск)

## ГУБЕРНАТОРСКО-МЭРСКАЯ АРИФМЕТИКА: ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП В ПРИАНГАРЬЕ

Политическая жизнь в Иркутской области (Приангарье) традиционно характеризуется повышенной турбулентностью. Прошедшее десятилетие не стало исключением и продемонстрировало рост ее динамики. В исследовании рассмотрены кадровые метаморфозы с губернаторской и мэрской должностями в Иркутске.

14 марта 2010 г. вопреки желанию губернатора Д.Ф. Мезенцева мэром Иркутска при поддержке КПРФ был избран депутат Законодательного собрания Иркутской области (ЗС) по списку КПРФ В.И. Кондрашов, набравший более 62% голосов и ставший с февраля 2011 г. членом партии «Единая Россия».

18 мая 2012 г. президент В.В. Путин отправил губернатора Иркутской области Д.Ф. Мезенцева по его просьбе в отставку и назначил и.о. губернатора местного предпринимателя, руководителя Иркутского РО партии «Правое дело» С.В. Ерошенко. 29 мая 2012 г. на внеочередной сессии ЗС региона депутаты утвердили Ерошенко в должности губернатора.

В целях недопущения переизбрания на новый срок мэра Кондрашова в феврале—марте 2015 г. в результате «молниеносной операции», проведенной депутатами ЗС Иркутской области от партии «Единая Россия», Иркутск был лишен права на прямые выборы мэра. В связи с этим мэр Кондрашов в марте 2015 г. был вынужден уйти в отставку.

Одновременно с этими процессами в 2014 г. мало кому известный заместитель директора ООО «Бизнес-центр “Ладога”», уроженец Ангарска, самовыдвиженец Д.В. Бердников избирается в думу Иркутска шестого созыва. На выборах 14 сентября он получил поддержку 57,92% избирателей. Регистрация его основного конкурента, кандидата от «Единой России» Д.В. Турушева в этом округе была отменена из-за нарушений, допущенных в ходе избирательной кампании. На первом заседании Иркутская городская дума единогласно выбрала Бердникова своим председателем. Затем он вступил в партию «Единая Россия», а 27 марта 2015 г. депутаты Думы единогласно выбрали его мэром города.

13 мая 2015 г. губернатор С.В. Ерошенко в связи с его просьбой об отставке, с целью участия в выборах, был назначен Президентом РФ врио губернатора Иркутской области. 13 сентября 2015 г. в ходе выборов губернатора он набрал 49,6% и вышел во второй тур, вместе с кандидатом от КПРФ С.Г. Левченко. 27 сентября 2015 г. он во втором туре проиграл Левченко.

Возглавивший Иркутскую область коммунист С.Г. Левченко 12 декабря 2019 г. неожиданно ушел в добровольную отставку, хотя срок его губернаторских полномочий истекал осенью 2020 г. В тот же день президент В.В. Путин назначил врио губернатора Иркутской области заместителя министра МЧС России И.И. Кобзева. 13 декабря он был представлен полномочным представителем президента России в СФО С.И. Меняйло членам правительства и депутатам ЗС Иркутской области.

В связи с непримиримыми противоречиями мэра Бердникова с председателем Заксобрания ИО, секретарем Иркутского РО партии «Единая Россия» С.М. Соколом и лидерами строительного бизнеса возникла угроза его переизбранию на второй срок. И.о. губернатора попытался помочь мэру, но безрезультатно. Поэтому 17 марта 2020 г. Бердников сложил полномочия мэра Иркутска и перешел на должность и.о. первого заместителя губернатора Иркутской области. После безуспешных попыток уже избранного губернатором Кобзева провести его кандидатуру через региональный парламент Бердников уехал в Якутию, где 12 ноября 2020 г. назначен и.о. зампреда правительства Республики Саха (Якутия).

Не сумев сохранить на должности мэра Иркутска Бердникова, и.о. губернатора решил использовать эту должность для освобождения от и.о. председателя правительства региона Р.Н. Болотова. Так возник третий угол мэрского треугольника — Болотов, имевший неплохой послужной список. В октябре 2015 г. он назначен губернатором Левченко заместителем председателя правительства Иркутской области. 7 августа 2017 г. его назначили исполняющим обязанности первого заместителя губернатора и председателя правительства. 25 сентября 2017 г. его кандидатура согласована Заксобранием ИО на эти должности. В декабре 2019 г. и.о. губернатора Кобзев назначил Болотова исполняющим обязанности председателя правительства региона. В ходе реализации губернаторской многоходовки 30 апреля 2020 г. Болотов избрали на должность мэра Иркутска.

20 мая 2020 г. и.о. губернатора Кобзев сообщил о принятии решения участвовать в качестве самовыдвиженца в губернаторских выборах. 13 сентября того же года Кобзев набрал 60% голосов, опередив кандидата от КПРФ, депутата Госдумы РФ М.В. Щапова. Явка на выборах оказалась самой низкой по России и составила порядка 32%.

Таким образом, в Приангарье в течение 10 лет сменилось четыре губернатора и три мэра областного центра, что является свидетельством политической нестабильности в регионе. Естественным

образом возникает вопрос о причинах этого феномена, обусловлен ли он внешними обстоятельствами или внутренними и т.п.

**Зюзина Е.Б.**  
(ВГУ, Воронеж)

## **ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РФ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК 2020 года**

Поправки в Конституцию внесли корректировки в форму правления Российской Федерации, существенно трансформировав баланс сил в сторону президентской власти. Изменилась и система ценностей, закрепляемых Основным законом. Сделан акцент на консервативных установках, что подпитывает традиционалистские пласты политической культуры, сохраняет архаичные стереотипы патримонильной модели власти в России<sup>1</sup>. Является ли консервативный поворот исторически выбором, или это политехнологический ход для легитимации правящего режима? Каковы последствия очередного конституционного цикла для дальнейшего политического развития России?

Согласно внесенным поправкам, президент, с одной стороны, теряет полный контроль над формированием персонального состава правительства, но, с другой стороны, появилась норма, согласно которой президент осуществляет общее руководство правительством (ст. 83, п. б), что соответствует признакам президентской республики: президент получает право освобождать председателя правительства от должности без отправки всего правительства в отставку. С одной стороны, по обновленной Конституции появляется обязательный механизм консультаций с Советом Федерации по кандидатурам министров силового блока и руководителей спецслужб. Но в то же время представляется, что эта поправка выглядит как пустая формальность: сенаторы будут не утверждать, а всего лишь обсуждать кандидатуры силовиков. И назначение того или иного министра не зависит от результатов этих обсуждений. В обновленной версии Конституции президент назначает сам генерального прокурора, прокуроров субъектов РФ после консультаций с Советом Федерации и самостоятельно освобождает от должности. Такая формулировка ослабляет влияние Совета Федерации в данной процедуре.

Произошли серьезные изменения и в законодательном процессе, влияние президента в нем значительно усилилось. У главы государства появляется законный способ не допустить вступления в силу негодного ему закона — обратиться в Конституционный суд (ст. 107, п. 3) и подвергнуть любой законопроект, готовящийся в Думе, проверке на его соответствие Конституции. По сути, отлагательное вето президента превращается в абсолютное. За видимым усилением роли парламента и Конституционного суда отчетливо просматривается жесткий контроль президента за содержанием принимаемых законов.

Усиливается влияние президента на судебную ветвь власти, ставится под сомнение ее независимость. Президент получает право вносить в Совет Федерации представление о прекращении полномочий судей Конституционного суда, судей Верховного суда, судей кассационных и апелляционных судов (с. 83, п. е). Тем самым нарушается принцип правосудия о несменяемости судей. Право лишения полномочий всех других судей ранее принадлежало исключительно судейскому сообществу в лице Высшей квалификационной коллегии судей. «Система сдержек и противовесов» смещается в пользу президентской власти.

Перестройка публичной власти поправками декларировала усиление парламентаризма для повышения гибкости и адаптивности политической системы, но в реальности существенно скорректировала механизм разделения властей в направлении монополизации власти, сосредоточения ее в руках президента. Данный результат был достигнут за счет совокупности отдельных корректирующих поправок в отношении каждой из ветвей власти, кумулятивный эффект которых состоял в фактическом ослаблении их влияния по отношению к президенту<sup>2</sup>.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, мы приходим к выводу о том, что общий вектор изменений состоит в трансформации модели смешанной формы правления к президентской. При этом российская президентская модель лишена сдерживающих механизмов, свойственных классической президентской республике, — невозможность роспуска парламента, сменяемость власти, парламентский контроль, конкурентная партийная система. Многие политологи склоняются к выводу о том, что конституционная реформа в России 2020 г. вписывается в мировой тренд кризиса либеральной демократии и феномена «нового авторитаризма» как последствия данного кризиса. Внесенные поправки подвели черту под очередным конституционным циклом и отразили сущность сложившего политического режима в период президентства В. Путина.

<sup>1</sup> Шаблинский И. Новый баланс: как поправки в Конституцию повлияют на иерархию власти. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/28/01/2020/5e3002949a7947aaa2899523> (дата обращения: 15.06.2021).

<sup>2</sup> Медушевский А.Н. Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 40.

## НЕОБХОДИМОСТЬ ГОМОГЕНИЗАЦИИ НЕОДНОРОДНОГО СОЦИУМА В РАМКАХ СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА ПРИМЕРЕ ЮАР

Век XXI ознаменовал себя иллюстратором длительного политологического флуктуационного процесса, как интеграционного, так и дезинтеграционного характера, на планетарном и межрегиональном уровнях. Усиливающаяся миграция из государств третьего мира сопряжена с обилием внутриобщественных конфликтов, характерной чертой которых становится невозможность политических систем осуществлять свои функции ввиду изменений условий социальной сферы. Отталкиваясь от того, что политическая система и сопутствующие ей группы функций довольно чувствительны к культурной среде, в частности, если она разнородна<sup>1</sup>, логичным видится заключение о колоссальной степени влияния биологического редукционизма социума на ее стабильность, а именно от взаимозависимости фидуциарности и регулярности/качества политических обменов, циркулирующих в самой системе и среде, в которую она погружена.

Однако негомогенное общество, в силу наличия множества неидентичных поведенческих паттернов, не может эффективно запускать рекреационные процессы в плане воспроизводства политических акторов, необходимых для исправного функционала системы. Сказывающиеся примордиальные аспекты, в частности, дифферентность субъектов в культурном плане<sup>2</sup>, существенно усложняют задачу предотвращения социальных конфликтов<sup>3</sup>. В ситуации, где партисипанты системы не обладают схожими социокультурными и когнитивными показателями, возникает проблема унификации, а значит, достижение консенсуса через консолидацию общественных масс невозможно. Возникает вопрос, как осуществить стабилизацию политической системы с непаритетным социумом и какова степень влияния со стороны государства?

При рассмотрении особенностей генезиса политической биосферы ЮАР представляется интересной возможность стабилизации системы через коэргитивное вмешательство посредством совокупности патерналистских и федерализационных манипуляций, в рамках действовавшей государственной административной парадигмы, существовавшей до середины 1990-х годов. Осложняется ситуация не только историческими предпосылками к росту конфликтности, а значит, и преломления эволюционного прогресса в структурно-функциональный «даунгрейд», но и присутствующие деструктивные элементы бихевиора некоторых этнических групп, начиная от демпинга виджилантизма<sup>4</sup>, популяризации авангардных (экстремистских) идеологических течений, заканчивая культивацией сексуального насилия<sup>5</sup>.

Так как для полиэтничного неоднородного социума консоциативная модель де-факто невозможна, появляется необходимость в гомогенизации общественной среды. Однако в зависимости от конкретного случая предполагается свой набор инструментов государственного вмешательства, как явного, так и имплицитного. Не прибегая к территориальной сепарации, допустимым видится генерация надэтнического слоя политических акторов через привитие необходимых для стабилизации системы бихевиористических паттернов, посредством замещения или рекуперации культурного кода целевых этнических групп с целью нивелирования деструктивных примордиальных аспектов, предотвращения межэтнического противостояния. Воздействие необходимо проводить как напрямую, путем открытого менеджмента коллективных мнений, так и инфлуентально.

<sup>1</sup> The politics of the developing areas. / Almond G.A. & Coleman J. S. Princeton N.J.: Princeton University Press., 1960. — 609 p.

<sup>2</sup> Meisenberg G. Talent, character, and the dimensions of national culture // *Mankind Quarterly*. 2004. No. 45. P. 123–168.

<sup>3</sup> Ibraimovic T. and Masiero L. Do birds of a feather flock together? The impact of ethnic segregation preferences on neighborhood choice // *Urban Studies*. 2014. No. 51(4). P. 693–711.

<sup>4</sup> Djokic A., Ivanov P.V., Plotnikov D.I. Vigilantism in Divided Societies // *Journal of Social, Political, and Economic Studies*. 2021. No. 46 (1–2). P. 27–50.

<sup>5</sup> Dosekun S. «We Live in Fear, We Feel Very Unsafe»: Imagining and Fearing Rape in South Africa // *Agenda: Empowering Women for Gender Equity*. 2007. No. 74. P. 89–99.

## ГЕОПОЛИТИКА ТУРИЗМА: ТУРИСТСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВ

Геополитика туризма может быть рассмотрена в самых разнообразных аспектах<sup>1</sup>. Реализация государственных геополитических стратегий через политику развития туризма является одним из важных аспектов анализа. Туризм в этом случае раскрывается через понятие мобильности населения и взаимных влияний государств через взаимопроникновения путешественников, преодолевающих границы как преграды.

Туристская мобильность во многом влияет на культурную политику и геополитику туризма в целом. Она может вызывать изменение границ территории, смену форм суверенитета и другие процессы, связанные с геополитическими целями и ценностями государств. Политические последствия инструментов мобильности туризма на границах национальных территорий требуют пристального внимания исследователей. Понятия «мобильность» и «границы» все чаще признаются как неразрывные области анализа<sup>2</sup>. Туристы — особый вид подвижных субъектов. Они пересекают границы, и их перемещения зависят от строительства и функционирования этих границ. Границы играют важную роль в поощрении или ограничении туризма как потенциального инструмента для достижения мира между отдельными национальными государствами. Вопросы мобильности туристов связаны с миграцией и суверенитетом государственной территории.

Наиболее ярким примером является политика Китая в области туризма. В частности, геополитическими целями Китая объясняется тот факт, что туризм используется для проецирования китайской государственной власти на Тайвань и укрепления ее контроля над Тибетом и Синьцзяном. В статье Жана Ровена (*Ian Rowen*) анализируется выездной туризм из материкового Китая в Гонконг и Тайвань, две территории, на которые претендует Китайская Народная Республика. «Пример Китая, самого быстрорастущего туристического рынка в мире, является образцовым. Туризм оказывает глубокое влияние на пространственный, социальный, политический и экономический порядок во всем регионе, реконструируя досуговые пространства и экономику, транспортную инфраструктуру, популярный политический дискурс и геополитическое воображение»<sup>3</sup>. Автор статьи полагает, что именно туризм вызвал народный протест в Гонконге (включая продемократическое зонтичное движение и его последствия) и международные проблемы по поводу территориально оспариваемого Южно-Китайского моря.

Вильям Каллахан трактует понятие Великого Китая как «условного государства»<sup>4</sup>. В сложной суверенной и территориальной топологии этого «условного государства» туризм является политическим инструментом, провокацией для протеста и этапом борьбы с высокими ставками за этническую идентичность, национальные границы и территорию государства. Великий Китай, хотя и отсутствует на геополитических картах и в международном праве, является примером условного состояния государства в международной политике. Каллахан суммирует основные представления о Великом Китае, анализируя четыре политические «проблемы» в Восточной Азии: споры в Южно-Китайском море, китайско-корейские отношения, возвращение Гонконга и отношения между двумя сторонами пролива. Каждая из «проблем» связана с конструированием условного национального государства, реальные отношения которого проявляются, прежде всего, через туристскую мобильность, размывающую границы.

Таким образом, туризм — это не просто досуг, но способ геополитического воздействия. Одним из важных аспектов геополитики туризма является использование его в качестве инструмента внешней политики как процесса, связанного с преодолением границ и конституированием территорий.

<sup>1</sup> Игнатъева И.Ф. Пространство потоков: экономический и геополитический анализ туризма // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 1 (26). С. 111–115; Игнатъева И.Ф., Исаев Б.А. Геоэкономика как структурный элемент геополитики // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 213–223.

<sup>2</sup> Cresswell T. Towards a Politics of Mobility // Environment and Planning D Society and Space 2010. 28(1):17–31. DOI:10.1068/d11407. [https://www.researchgate.net/publication/248881905\\_Towards\\_a\\_Politics\\_of\\_Mobility](https://www.researchgate.net/publication/248881905_Towards_a_Politics_of_Mobility) 25.06.2021; Richardson T. Borders and mobilities: Introduction to the special issue // Mobilities/ 2013. No. 8 (1). P. 1–6; Salter M.B. The global visa regime and the political technologies of the international self: Borders, bodies, biopolitics // Alternatives: Global, Local, Political. 2006. No. 31. P. 167–89.

<sup>3</sup> Rowen I. The Geopolitics of Tourism: Mobilities, Territory, and Protest in China, Taiwan, and Hong Kong // Annals of the American Association of Geographers. 2016. 106:2. — 385–393 p. DOI: 10.1080/00045608.2015.1113115. <https://cpb-us-e1.wp-mucdn.com/blogs.ntu.edu.sg/dist/f/1564/files/2017/12/Rowen-2016-geopolitics-of-tourism-2fj9es5.pdf> (accessed: 22.06.2021).

<sup>4</sup> Callahan W.A. Contingent states: Greater China and transnational relations. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2004. — 334 p.

Игнатъева О.А.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## ЦИФРОВЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕССЫ КОММУНИКАЦИИ

Цифровизация государственного управления является одним из основных трендов последнего десятилетия в рамках реализации государственной программы «Информационное общество» (2011–2020 гг.). Работы в этом направлении продолжают, и в третьем квартале 2021 г. запланировано утверждение федерального проекта «Цифровой регион». В рамках данного тренда почти все регионы создали свои собственные порталы, позволяющие осуществлять коммуникацию между региональными властями и населением по насущным проблемам города или субъекта Федерации.

Многообразие современных цифровых платформ позволяет их классифицировать на платформы обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления в соответствии с ФЗ № 59, порталы городских (региональных) проблем, порталы оценки инициатив, платформы общественного участия<sup>1</sup>. Двигаясь по данной классификации, можно говорить об усложнении алгоритмов, заложенных в платформы, поскольку они предполагают переход от простого взаимодействия по типу «вопрос–ответ», характерному для первых двух типов платформ, к возможности реализации более продвинутого способа делиберации, характерного для третьего и четвертого типов платформ. В практике российского государственного управления порталы оценки инициатив и платформы общественного участия реализованы в основном в Москве, в то время как в регионах преобладают платформы первого и второго типов. В частности, в Санкт-Петербурге цифровая платформа «Наш Санкт-Петербург» представляет собой коммуникационный портал между жителями города и его властями по городским проблемам в области управления жилищно-коммунальным, дорожным, строительным хозяйством, т.е. второй тип платформ.

Идентификация проблемы посредством подачи заявления заинтересованным лицом через платформу «Наш Санкт-Петербург» и его решения органами государственной власти предполагает прохождение следующих этапов<sup>2</sup>: 1) определение заявителя; 2) подача заинтересованной стороной информации о проблеме с геопривязкой; 3) подтверждение заявителя; 4) управление и переадресация заявления; 5) анализ заявления; 6) подготовка предварительного ответа; 7) отправление ответа заявителю; 8) оценка заявителем полученного; 9) оценка качества полученного ответа. Таким образом, во втором типе платформ реализован жесткий алгоритм, предполагающий взаимодействие с органами власти по типу «стимул–реакция» и не предусматривающий возможности реализации свободной дискуссии между чиновниками и населением, что позволяет осуществить платформы третьего и четвертого типов<sup>3</sup>.

В свою очередь, платформа общественного участия «Город идей» (Краудмос), реализованная в отношениях жителей Москвы и столичных властей, позволяет вести развернутую делиберацию по проблемам благоустройства столицы. Этому способствуют алгоритмы платформы, позволяющие модераторам как поддерживать и развивать идеи властей по созданию комфортной среды проживания, так и подталкивать жителей города к высказыванию собственных идей, что делает процесс коммуникации полноценным и позволяет жителям столицы чувствовать свою сопричастность к государственному управлению на уровне столичного региона<sup>4</sup>.

Цифровая платформа «Активный гражданин» (Москва) является примером портала оценки инициатив, исходящих от представителей столичных властей, и по сути является способом легитимации решений столичного градоначальника. Алгоритмы платформы настроены так, что они позволяют стимулировать активность жителей Москвы в отношении тех или иных предложений органов государственной власти по благоустройству столичного мегаполиса. Здесь использованы элементы геймификации, предполагающие возможность накапливать баллы за активность и обменивать их на ценные призы<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Барышкин А.Г., Быков И.А., Игнатъева О.А., Кондратенко К.С. Городские коммуникационные платформы: критический анализ управленческой технологии // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 25–26.

<sup>2</sup> Данный алгоритм предоставлен организацией, разработавшей региональную коммуникационную платформу «Наш Санкт-Петербург».

<sup>3</sup> Сморгун Л.В., Игнатъева О.А., Быков И.А., Кондратенко К.С., Барышкин А.Г. Публичная коммуникация граждан и органов государственной власти: формирование суждений на цифровых платформах // Вестник Пермского ун-та. Политология. 2021. Т. 15. № 2. С. 160–162.

<sup>4</sup> Барышкин А.Г., Быков И.А., Игнатъева О.А., Кондратенко К.С. Городские коммуникационные платформы: критический анализ управленческой технологии // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 27.

<sup>5</sup> Сморгун Л.В. Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 88–99. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.08>.

Таким образом, цифровые платформы, возникшие в процессе цифровизации государственного управления, определяют характер коммуникации между органами региональной власти и населением, либо делая ее строго формальной, или позволяя жителям обсуждать собственное мнение.

Игонин Д.И.  
(КФУ, Казань)

## ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

В постсоветской истории России можно выделить три основополагающих периода в регулировании миграционной политики: это этап 1991–2000 гг., с 2000–2012 гг., с 2012 г. по наше время.

Первый этап связан с распадом Советского Союза. Этнополитические конфликты в союзных республиках СССР явились причиной массовых миграционных волн на постсоветском пространстве. Вследствие этого наблюдалась активная миграционная подвижность населения. Государственная миграционная политика России в этот период характеризовалась своей открытостью.

На втором этапе происходило изменение законов о гражданстве, курса на создание миграционной службы, делегирование функции работы с миграцией милиции/полиции. Становится выраженным преобладание сдерживающих решений миграционной государственной политики по причине возросшей социальной напряженности и недовольством мигрантами.

Интеграционные черты присущи в период третьего этапа с момента принятия Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 г., где четко определены цели, принципы, задачи, основные направления и механизмы реализации политики в сфере миграции.

Известно, что формирование государственной миграционной политики основывается на совокупности факторов, определяющих ее содержание и развитие. Проведенный анализ позволил нам сформировать собственный перечень факторов миграционной политики российского государства.

Системообразующим фактором миграционной политики можно назвать институциональный фактор, он включает в себя всю совокупность политических оснований для проведения миграционной политики, т.е. связан с политической системой общества, которая создает устойчивые легитимные формально-нормативные основания для выработки и проведения миграционной политики. Принципиальным требованием здесь выступает разумное сочетание двух аспектов. Первый аспект — «концептуальный» — он включает в себя целеполагающие ориентиры миграционной политики. Второй аспект — организационно-управленческий — он вводит систему мер тактического характера, формирующего регулирование миграционных процессов посредством политических институтов.

Процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации способствует прозрачности границ и ведет за собой подвижность миграционных потоков. Глобализация делает миграцию более открытой, способствуя двусторонним соглашениям, направленным на учет национальной специфики миграционных процессов. Век информационной свободы открыл и сделал доступными знания о политическом и социально-экономическом состоянии страны. Информационный фактор оказывает существенное влияние на формирование миграционной подвижности.

Уровень жизни людей, финансовое благополучие оказывают значительное влияние на динамику миграционных потоков. Экономический фактор миграционной политики в первую очередь отражается на движении рабочей силы. Межгосударственные и межрегиональные различия в уровнях благосостояния работающих приводят к взаимному обмену специалистами как технического, так и гуманитарного профиля.

Немалую роль играет и социокультурный фактор миграции. Мигранты имеют иное, свое мировоззрение, ценности, язык, образ жизни, тип поведения, отличный от доминирующей культуры общества, в которое происходит вливание. Если социокультурная адаптация мигрантов проходит успешно, то снимается социально-психологическая напряженность, а следовательно, и вероятность возможных конфликтов.

Под этническим фактором миграции понимают совокупность объективных и субъективных причин, оказывающих определенное влияние на формирование миграционных установок. Эксперты отмечают, что этнический аспект миграции включает изучение этнической самоидентификации, этнического самосознания, национальных отношений, особенностей взаимодействия народов<sup>1</sup>.

Определяющим вектором на среднесрочную перспективу страны можно назвать демографический фактор. Поддержание численного состава населения, сокращение смертности и увеличение рождаемости являются приоритетными задачами государства. Миграция стабилизирует численность населения страны, компенсирует естественную убыль.

<sup>1</sup> Арутюнян Ю.В. Москвичи: этносоциологическое исследование / Ю.В. Арутюнян. М., 2007.



Природный фактор, под которым понимается совокупность экологических и природно-климатических условий, которые способствуют процессу миграции. Во-первых, государственная миграционная политика в России на федеральном уровне формируется под воздействием сложно организованной совокупности факторов. Последние можно аналитически разделить на внешние («фоновые») и внутренние («внутрисредовые») факторы. Во-вторых, институциональные факторы государственной миграционной политики в Российской Федерации обладают внутренней структурой. Она включает концептуальные компоненты (стратегическое целеполагание); организационно-управленческие составляющие (тактические, оперативные регуляторы — прямые и косвенные по отношению к миграционным процессам).

Ильин А.Ю.  
(ПетрГУ, Петрозаводск)

## ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАРЕЛИИ

В последние годы в России активно проходит «модернизация и оптимизация» высшего образования. Один за другим принимаются образовательные стандарты 2, 3, 3+, 3++. В недалеком будущем ожидается стандарт 4-го поколения. Третья ступень высшего образования — обучение в аспирантуре, которая поставлена в один ряд с бакалавриатом и магистратурой. При этом до 90% бакалавров не продолжают обучение. Для высших учебных заведений данный факт становится серьезным препятствием для привлечения перспективных выпускников бакалавриата к образовательной и научной деятельности на выпускающих кафедрах институтов и факультетов. Данная ситуация характерна и для социально-гуманитарных направлений подготовки. В этой ситуации подготовка преподавательских кадров, передача опыта, связь поколений становятся проблематичными.

В настоящий момент в Карелии правильнее было бы говорить о свертывании политического образования. И это в республике с высоким процентом недоверия к политике и политикам, о чем немалолетно свидетельствуют цифры всех электоральных циклов, включая и последние выборы в ЗС РК, и выборы Президента РФ. В частности, в ходе проведенного в мае 2021 г. экспресс-опроса молодых избирателей о политической ситуации в Карелии выявлена критическая оценка в отношении к политической системе страны. В этих условиях преподаватели-политологи высших учебных заведений должны уметь систематически вести диалог с гражданами своей страны, со студентами. Необходимо вести диалог по самым острым темам, в том числе знакомить с мировым и отечественным опытом политического анализа. Такая работа требует не случайных людей, а профессионально подготовленных исследователей и условий для систематического общения. Сегодня это почти неразрешимая проблема.

В 2021 г. исполняется 30 лет трансформации бывших общевузовских кафедр научного коммунизма в кафедры политологии. В Петрозаводском государственном университете в 1991 г. была создана общеуниверситетская кафедра политологии и социологии. С этого времени преподаватели на всех специальностях очного и заочного обучения, в том числе в филиалах университета, стали вести учебный курс «Политология». С 1996 г. при кафедре началась подготовка студентов по специальности «Политология». В 2001 г. на базе кафедры был создан факультет политических и социальных наук с подготовкой студентов по четырем специальностям: «Политология», «Социология», «Социальная работа» и «Международные отношения». Выпускники по направлению «Политология» продолжали обучение в аспирантуре ПетрГУ, в магистратурах и аспирантурах в университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Германии, Венгрии, Швеции, Финляндии, Норвегии, США. С 2014 г. после ряда шагов по «модернизации и оптимизации» директора образовательных институтов, ответственные за образовательные программы, отказываются включать в них политологию даже в рамках курсов по выбору. Как следствие, политология была изъята почти из всех учебных программ студентов неполитологических специальностей. Все попытки переломить данную ситуацию на уровне университета или в переговорах с директорами образовательных институтов не дают положительных результатов.

Политическое образование неполитологов в Республике Карелия свелось к просветительским акциям в рамках общеуниверситетских или студенческих проектов, ограничиваясь идеями пропаганды гражданской ответственности и патриотического воспитания силами самих студентов или представителей административных структур университета.

Наряду с этими вполне очевидными прикладными проблемами возникают и более концептуальные вопросы. В связи с ориентацией на региональные и локальные вопросы сам образовательный процесс в большей степени ориентирован если не на сокращение, то на маргинализацию изучения вопросов истории, философии политической мысли, как отвлеченного абстрактного знания. В долгосрочной перспективе это приведет к тому, что будет невозможно даже прикладное использование политической науки, поскольку у нее просто не будет ни идейного, ни методологического потенциала для изучения серьезно изменившегося общества.

Ильинова Н.А.  
(Адыгейский государственный университет, Майкоп)

## ДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ И СОЛИДАРНОСТЬ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА<sup>1</sup>

2020 год стал эпохальным для всего социума в связи с тем, что человек как биологический вид столкнулся с таким глобальным риском, как пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Механизмы, скрепляющие на протяжении человеческой истории общество в единое целое, подверглись проверке на прочность, в связи с чем концепт «солидарность» приобрел новые способы прочтения через призму объединения людей для противостояния такой угрозе, как новый вирус.

Эмиль Дюркгейм, который проблеме солидарности посвятил большую часть своей творческой жизни, рассматривал солидарность как иную сторону разделения труда. Различные виды трудовой деятельности, выполняемой людьми, множество функций в рамках этой деятельности вынуждают людей объединяться для нормальной жизни<sup>2</sup>. Социальная солидарность выводится Дюркгеймом на уровень высшей ценности, универсального морального принципа, разделяемого всеми членами общества. И необходимость сдерживать натиск такого глобального вызова, как пандемия коронавируса, подтверждает значимость солидарности для людей, оказавшихся заложниками COVID-19. По данным социологического исследования (исследование «Взаимодействие власти и общества в условиях нового глобального риска: тенденции (дез)интеграции (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края)» проведено научным коллективом Адыгейского государственного университета при поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011–31523 в сентябре–октябре 2020 г. (метод анкетирования (N = 1171), 48,7% принявших участие в опросе считают, что пандемия стала проверкой на человечность, отзывчивость и солидарность (25,8% испытали трудности в ответе на данный вопрос, 25,5% считают, что во время пандемии произошло еще большее разобщение общества). Хотим обратить внимание, именно проверкой, а не подтверждением. Тезис о том, что людям свойственно объединяться перед лицом угрозы и что борьба с коронавирусом объединила людей региона проживания респондентов, был поддержан лишь 23,5%, преобладающая часть принявших участие в опросе — 45,9% — убеждены в том, что сопротивление натиску коронавируса никак не повлияло на объединение людей. Данная позиция распространилась и на сплочение граждан страны в деле преодоления пандемии: 44,8% считают, что пандемия никак не повлияла на сплочение людей, 18,7% выбрали вариант ответа «да, сплотила», 13,2% уверены в разобщении россиян в условиях пандемии коронавируса, 23,3% испытали затруднения с ответом. В отношении сплочения всего человечества перед такой глобальной проблемой, как пандемия, респонденты также продемонстрировали уверенность в том, что коронавирус не выступил маркером солидарности человечества всего земного шара.

Таким образом, по мнению респондентов, противостояние внешней угрозе — пандемии коронавируса — не выступило основанием для единения людей на разных уровнях: региональном, национальном и глобальном. Социальная солидарность не состоялась, не пришло к респондентам понимание того, что все взаимозависимы друг от друга и что наилучшее общество — это то, которое строится совместными усилиями при взаимном внимании и уважении.

Возникает вопрос, только социальные институты не вызывают оптимизма в деле преодоления нашествия COVID-19 или и доверие властным структурам также в дефиците? Действительно, в случае возникновения серьезной проблемы, связанной с коронавирусом, лишь 6% обратились бы за помощью в органы власти. Хотя в целом степень доверия власти (сумма вариантов ответов «полностью доверяю» и «скорее доверяю») достаточно высока. В условиях пандемии 53% опрошенных доверяют президенту, 55% — главе региона проживания, 50% — региональным органам власти, 52% — муниципальным органам власти. Чем объясняется такая нестабильность респондентов в определении симпатии/антипатии к своему социальному окружению и политическим институтам? Ответ на этот вопрос мы видим в неоднозначности ситуации, в которой вынужденно оказалось человечество, преодолевая пандемию коронавируса. Дистанцированность друг от друга в целях выживания препятствует установлению солидарности. Желание выжить по необходимости обращает граждан лицом к политической власти, в руках которой сосредоточены все ресурсы преодоления COVID-19 — от финансовых до медицинских.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011–31778.

<sup>2</sup> Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.

Ильичева Л.Е.  
(ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва)

## **«ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР» ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕПОЛЯРИЗАЦИИ РЕГИОНОВ<sup>1</sup>**

В основу концепции системы формирования механизмов и технологий повышения доверия населения к региональной и муниципальной власти был положен 3-й вариант как указывающий на реальную достижимость решения задачи завоевания властью доверия у населения, работу по повышению доверия населения к власти:

1. Деятельность, направленная на повышение благосостояния населения, входящая в региональную общественную повестку дня и оцениваемая по основным социально-экономическим показателям, установленным по двум группам: а) региональные показатели, определяемые федеральной повесткой дня; б) региональные показатели, определяемые необходимостью решения ключевых региональных проблем, в том числе насущных социально-бытовых проблем.
2. Деятельность, направленная на демонстрацию операционной прозрачности мероприятий по повышению благосостояния граждан, в том числе по решению насущных социально-бытовых проблем.
3. Деятельность, направленная на выстраивание конструктивных и доброжелательных взаимоотношений с гражданами в соответствии с принятым сторонами «кодексом поведения».

Для ликвидации разночтений у региональной власти и граждан по вопросу отнесения той или иной проблемы к числу насущных или не очень возникает необходимость введения процедуры согласования интересов власти, бизнеса и общества по содержанию и перечню проблем, которые необходимо включать в общественную повестку дня. Так как региональные проблемы, идентифицируемые сегодня, как правило, многочисленны, их приходится классифицировать, чтобы выделить только ключевые системные проблемы, решение которых будет значимо влиять на социально-политическую ситуацию в регионе или муниципалитете.

В силу своей масштабности устранение региональных ключевых системных проблем, как правило, возможно лишь в долгосрочной перспективе, и результаты их преодоления скажутся только в некотором будущем. То есть, планируя способы и технологии преодоления региональных ключевых системных проблем, существующих в настоящем, мы, по сути, проектируем будущее общество в его новом целевом состоянии. В этом смысле главный общественный запрос, включаемый в региональную общественную повестку дня, — это не настоящее, уже отягощенное старыми и новыми общественными и личными конфликтами и противоречиями, а образ будущего, которое еще не наступило, и в нем нет пока непримиримых соперников. Это означает, что в нашем настоящем есть шанс в рамках переговорного процесса по формированию долгосрочной общественной повестки дня достичь консенсуса интересов всех ключевых региональных акторов по образу желаемого будущего регионального общества на основе получения возможных выгод и предпочтений, которые стороны могут получить при реализации соглашения, закрепляющего эти интересы.

Образ желаемого регионального будущего имеет политические, экономические, социальные, психологические и другие компоненты, он может описываться теми или иными количественными и качественными параметрами, разные региональные акторы могут вкладывать в этот образ различное понимание желаемых потребностей и ценностей. Однако, согласившись с форматом желаемого образа будущего в случае фиксации этого согласия в совместном соглашении, тем самым ключевые заинтересованные региональные акторы добровольно принимают на себя солидарную политическую ответственность как за соблюдение правил совместного движения к этому образу, так и за соответствие фактически достигнутого результата желаемому образу.

Эта особенность, заключающаяся в условной достигаемости компромисса и неумолимости возможных политических последствий, придает особую значимость процессу формирования желаемого образа будущего регионального общества и его закрепления в соответствующем совместном соглашении между ключевыми заинтересованными региональными акторами. Такое соглашение, в котором присутствует относительное моральное согласие по поводу принципов справедливости и слияния собственных и групповых интересов, в политологии принято называть *общественным договором*.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 21-011-31709 «Механизмы и технологии социально-экономической и политической деполаризации в российских регионах».

Легитимация согласия региональной власти, бизнеса и общества в форме общественного договора заставляет по-новому взглянуть на роль и место в общественном договоре системы ценностей, фундаментальные представления о которых лежат в основе оценок внутренней и внешней состоятельности жителей региона. Эти базовые ценности характерны для граждан любого региона и служат руководящими принципами в жизни каждого человека. Поэтому система личных и общественных социокультурных ценностей с учетом региональной идентичности, отраженная в общественном договоре, позволит сохранить устойчивость общества, несмотря на воздействие краткосрочных форс-мажорных обстоятельств.

Групповая ответственность заинтересованных в достижении желаемого целевого состояния общества региональных акторов подразумевает принципиальное переустройство у граждан внутренних форм контроля своей деятельности, приобретения гражданами таких черт личности, при которых все принимаемые решения соотносятся с собственной и групповой системами ценностей, формируя тем самым чувство ответственности за последствия своих действий.

*Ильичева М.В.*

*(БФ «Приоритеты роста», ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва)*

## **ЦИФРОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПУБЛИЧНЫХ ВЛАСТЕЙ В ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО РОССИИ<sup>1</sup>**

**П**од влиянием цифровой реальности изменяются государство, а также гражданское общество и его институты, что обуславливает появление новых направлений и форм их взаимодействия. В проводимом нами исследовании важно отметить, что молодежь особое внимание уделяет характеристикам цифровой демократии и моделям поведения в образе будущего России.

Выделим следующие признаки цифровой демократии:

- цифровая демократия предполагает, что большинство ее форм базируется на непосредственном участии граждан в демократических процессах (делая их акторами последних), что соответствует и большей вовлеченности граждан в реализацию этих процессов, осуществление их прав и свобод;
- она характеризуется широтой охвата граждан, так как каждый присоединившийся к интернет-пространству может стать участником тех или иных демократических процессов, отсюда, например, возможность дистанционного голосования, вне избирательных участков, что облегчает его доступность (что особенно важно для инвалидов, пожилых людей и пр.), делает его более удобным и комфортным;
- одна из существенных черт данной демократии — опора на гласность, информирование граждан. Современные цифровые ИКТ позволяют достаточно быстро освещать действия представителей государственной власти, оперативно давать оценку таким действиям, раскрывать информацию, которая прежде была закрытой, и пр. В плане оперативности цифровая демократия предполагает быстрое реагирование на то или иное событие и распространение этой реакции с помощью социальных сетей. Отсюда возможность скорого установления обратной связи между гражданским обществом и структурами государства. Кроме того, эта связь становится все более открытой;
- цифровая демократия делает подвижной границы индивидуального и публичного пространств, пространств гражданского общества и государственной власти, включая совместные поиски политических решений, что повышает легитимность последних;
- такая демократия объединяет открытые «коммуникации самоорганизующихся виртуальных сообществ закрытых панелей», дает возможность сформировать онлайн-сообщества, объединенные гражданскими инициативами или проектами совместных действий;
- в силу многообразия политических идей, высказанных гражданами в интернет-пространстве, последнее дает возможность раскрыть весь спектр мнений граждан по тому или иному вопросу;
- данная форма реализации демократических процедур с каждым годом в силу все большей отлаженности системы делает их все менее затратными, экономичными, включая и временные потери.

Несмотря на принимаемые государством меры, проблемы взаимодействия гражданского общества и публичных властей в цифровой реальности (и не только в цифровой реальности) остались:

- внедрение цифровых ИКТ не идет параллельно с развитием цифровой демократии; официально принятые меры по развитию данной демократии во многом носят декларативный характер и реализуются формально;

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 21-011-31366 «Образ будущего России в представлениях учащейся молодежи: факторы формирования и трансформации в условиях перемен и кризисов».

- акцент в электронном государстве делается на оказании госуслуг, а не на развитии электронной демократии;
- отсутствует системное взаимодействие публичной власти и институтов гражданского общества, действенные механизмы такого взаимодействия не созданы, а существующие — во многих случаях не эффективны.

Сформулируем ряд предложений по развитию цифрового государства и цифровой демократии в образе будущего России:

- концепцию электронного государства следует рассматривать не как технократический проект, а как проект, направленный на дальнейшее развитие принципов демократии, в котором электронные технологии нацелены на наиболее полную реализацию указанных принципов; нельзя сводить электронное государство только к процессам цифровизации государственных и муниципальных услуг, это лишь одна из форм взаимодействия публичной власти и граждан, гражданского общества;
- необходим действенный и эффективный механизм участия гражданского общества в государственном управлении: в частности, должны быть сформированы не ангажированные со стороны государства и бизнеса экспертные группы, которые давали бы аргументированную оценку той или иной общественной инициативы. Такая оценка могла бы быть раскрыта на специальных сайтах общественных экспертов; в официальных документах должны быть четко прописаны процедуры общественного обсуждения;
- необходимо сделать более действенной работу сайта «Российские общественные инициативы», передав функции его администрирования Общественной палате Российской Федерации;
- в оценке качества государственного управления целесообразно заложить показатели практики взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества в цифровой среде;
- важно создание действенного механизма общественного контроля с широким участием институтов гражданского общества и граждан. По мере развития информационного общества все чаще в качестве акторов демократических процессов выступают не институты гражданского общества, а отдельные наиболее активные граждане, не равнодушные к происходящим (и будущим) политическим процессам и явлениям. Этот феномен был назван «нанодемократия». Представляется, что механизмы гражданского контроля должны учитывать и активно привлекать такие формы демократии;
- взаимодействие гражданского общества и государственной власти в цифровой среде не исключает и процессов манипулирования сознанием граждан и их поведением. В связи с этим требуется разработка комплекса мер, направленных на противодействие такого рода манипуляциям;
- необходимо упорядочить нормативные правовые акты и документы, касающиеся формирования электронного государства и электронной демократии. В настоящее время они разрознены, порой противоречивы, не согласованы по срокам исполнения.

В заключение отметим, что в настоящее время ставится вопрос о переходе от электронного государства к цифровому государству, который рассматривается как коренная перестройка государственного управления на основе цифровых ИКТ.

**Иншаков И.А.**  
(НИУ ВШЭ, Москва)

## **ПОСТМОДЕРН КАК (НЕ) ВРЕМЯ ДЛЯ УТОПИИ**

**1** *Обоснование проблемы доклада.* Конец XX в. — эпоха триумфа либерального капитализма<sup>1</sup>; «меланхолии левых» и продолжающейся маргинализации крайне правых; иными словами, «исчерпания утопических энергий»<sup>2</sup>. Но XXI в. оказывается временем «после конца истории»: проблемы терроризма и экологии, экономический (2008) и миграционный (2013–2014) кризисы — и подъемы левой повестки (*Occupy Wall Street*, «Желтые жилеты», феномены СИРИЗА и «Подemos») и правого популизма (Трамп, Болсонару, Марин ле Пен, «Альтернатива для Германии») — вновь актуализируют ценностное и критическое, *утопическое мышление о политике*.

С другой стороны, с 1980-х годов по настоящее время — время расцвета установки постмодерна как «конца нарративов» (в том числе утопических). Сегодня также появляются прогнозы зарождения новых темпоральных режимов на его основе (метамодернизм и проч.<sup>3</sup>). Соответственно, актуален во-

<sup>1</sup> *Fukuyama F.* The End of History? // *The National Interest*. 1989.

<sup>2</sup> *Хабермас Ю.* Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 87–113.

<sup>3</sup> *Метамодернизм* / Под ред. Робина ван дер Аккера. М.: РИПОЛ классик, 2020.

прос о том, как концептуально соотносятся постмодерн и утопия? В докладе обсуждаются три аргумента о (не)возможности утопических проектов в концептуальной рамке постмодерна.

2. *Определение понятий. Утопия* понимается функционально: это трансцендентная по отношению к текущей реальности ориентация, которая не соответствует ей и подрывает ее, заключая в себе преобразующую функцию<sup>1</sup>. Основные характеристики *постмодерна*: (1) отрицание модерна / Просвещения, в первую очередь — их универсализма и веры в прогресс; (2) склонность к релятивизму, субъективизму, плюральности; (3) ироническое отношение к объектам, в том числе к прошлому.

3. *Аргумент о ценности плюрализма*. Постмодернизм делает акцент на аутентичной «инаковости» другого в противовес универсалистскому подходу современного мышления, дискриминирующего множество социальных групп<sup>2</sup>. Однако это же свойственно теоретикам модерна (Беньямин, Маркузе, Фуко) и самому модерну, который представляет собой не-гомогенное сосуществование в одном времени практик, сложившихся в разных исторических периодах и условиях<sup>3</sup>. Постмодернист же, признавая ценность партикулярностей, не может предложить им эмансипирующей стратегии без перехода к универсалистским требованиям<sup>4</sup>.

4. *Аргумент о конце метанарративов*. Для теории утопии важна постмодернистская критика в адрес тотализации истории и утилитарной жертвенности со стороны «больших утопий» XX в. (например, коммунизма). Однако в дальнейшем данная критика способна привести к парадоксу Франсуа Лиотара<sup>5</sup>: провозглашая «конец метанарративов», он сталкивается с тем, что на фоне крушения социалистического проекта капитализм становится по-настоящему универсальным нарративом. Лиотару приходится объявить капитализм не столько конкретным нарративом, сколько выражением космического принципа сохранения энергии, предшествующего самой жизни на Земле и находящего законченное выражение в либеральных демократиях как наилучших эволюционных механизмах конкуренции за источники энергии. Столь серьезное обоснование политического статус-кво метафизическими принципами вселенского масштаба блокирует любые теоретические попытки осмысления его возможной трансформации.

5. *Аргумент о ценности иронии*. Если постмодернизм — это отказ от ценности однозначной истины, его культурная программа оказывается уязвима перед коммерциализацией и апроприацией любых альтернативных практик<sup>6</sup>. Сторонники постмодерна утверждают, что эмансипирующий потенциал постмодерна состоит не в формулировании позитивной программы действий, но в принятии иронической позиции, позволяющей критически взглянуть на объект иронии, деэссенциализации «природы», «власти» и т.д.<sup>7</sup> Однако проблема состоит в том, что с течением времени ирония также рискует рутинизироваться и превратиться из критики реальности в способ индивидуальной защиты от наиболее дискомфортных ее проявлений, в пределе — в способ формирования *циничных установок* в отношении политики<sup>8</sup>.

6. Таким образом, постмодерн как темпоральный режим является, как минимум, проблематичным для разворачивания политической утопии в силу (1) своего недоверия к производству истин о мире — особенно в форме больших нарративов, — которое, однако, может приводить к еще более фундированному ненарративному обоснованию статус-кво (случай Лиотара); и (2) амбивалентной иронической установки, которая может служить и основанием для критики, и способом формирования циничного отношения субъекта к миру и своему месту в нем. (3) Осуществляемая из постмодернистской позиции критика утилитарной жертвенности утопий и акцент на «плюрализме голосов» являются важными позициями для мышления об утопии сегодня, но могут быть также артикулированы и изнутри темпорального режима модерна.

Ирхин А.А.  
(СевГУ, Севастополь)

## **«МИР БОЛЬШЕ ПЯТИ». СОВРЕМЕННАЯ ТУРЦИЯ В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**В**нешнеполитическая активность турецкого президента Р.Т. Эрдогана показывает, что современная модель мирового порядка уже не удовлетворяет видению ближайшего будущего-

<sup>1</sup> Мангейм К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.

<sup>2</sup> Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей шк. экономики, 2021. С. 98.

<sup>3</sup> Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 598.

<sup>4</sup> Харви Д. Указ. соч. С. 101.

<sup>5</sup> Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2011. С. 37–51.

<sup>6</sup> Джеймисон Ф. Указ. соч.

<sup>7</sup> Hutcheon L. The Politics of Postmodernism. Second Edition. London, N.Y.: Routledge, 2002. P. 89–101.

<sup>8</sup> Гренинг С. «Южный парк»: цинизм и другие постидеологические полумеры // Логос. 2012. № 2 (86). С. 215–233.

го Турецкой Республики. «Мир больше пяти» — формула, предлагаемая первым лицом Турции с 2013 г. Однако Анкара меняет мир не только на эмоциональном уровне — по крайней мере, в нескольких ключевых регионах, но и на уровне воздействия на него через «жесткую и мягкую силу»: Восточное Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, Черноморский регион, Кавказ и Центральная Азия.

За время нахождения у власти Партии справедливости и развития умеренные исламисты дали стране новый импульс развития, который можно охарактеризовать как возвращение к своим цивилизационным корням. Государство сделало заметные успехи в развитии экономики, военно-промышленного комплекса, армии и флота и позиционировании себя в мире как защитника всех мусульман. Современную Турцию можно определить как великую региональную державу с секторальным глобальным лидерством в военных показателях и в области притягательности модели развития — успешного мусульманского государства. Анкара инвестирует значительные средства в «мягкую силу», а ее успех основывается на существовании турецкой идеологии развития как синтеза неоосманских, неопантюркистских и панисламистских идей в определении картины будущего. Возрождение Турции в качестве региональной державы и ее стремление стать мировой державой неизбежно будут увеличивать пространство противоречий в российско-турецких отношениях, сокращая сферу сотрудничества двух держав.

Турецкая Республика — пример уникального государства, причем с точки зрения как цивилизационного, так и геополитического развития. Современная Турция — наследница Османской империи, которая без малого на протяжении полутысячелетия, с 1453 по 1923 г., была одним из имперских центров Евразии. Высшая точка геополитического развития Османской империи приходится на XVI в., когда владения османов превышали территориальный ареал Римской империи. Еще задолго до XVI в. мусульманский мир в своем развитии — как в культурном, так и техническом — значительно опережал Европу, главенствуя в таких областях науки и техники, как математика, картография, медицина, обработка металлов, производство пушек, строительство маяков, выращивание лошадей, и во многих других сферах. В период между чрезмерным ослаблением Османской империи и формированием современной Турции в начале XX в. турецкая элита испытала на себе действие так называемого «Севрского синдрома». Подписав в августе 1920 г. Севрский мирный договор, османская элита потеряла, по сути, большую часть оставшейся территории и ощутила на себе давление объединенного Запада. Однако в 1923 г. этот период закончился через национально-освободительную войну и формирование Турецкой Республики, создание которой было закреплено подписанием Лозаннского договора. Затем последовала вестернизация Турции, которая в годы холодной войны сменилась западнцентристским курсом: таким образом, на протяжении более чем 70 лет Турция пыталась и в цивилизационном, и в геополитическом пространстве стать частью Запада.

Окончание холодной войны открыло перед государством ряд внешнеполитических перспектив, которые одновременно стали вызовами: в начале 1990-х годов выдвигаются идеи пантюркизма, а с приходом к власти в 2002 г. ПСР, которая продолжает руководить страной, идеи пантюркизма были интегрированы во внешнеполитические концепции панисламизма и неоосманизма. Современный внешнеполитический курс Турции в идеологическом пространстве включает в себя три направления: неоосманизм, неопантюркизм и неоисламизм. При этом первые две идеологические платформы имеют региональный и макрорегиональный характер, а последняя — глобальный.

По сути, с 2002 г. турецкая политическая элита начала процесс контрреволюционных реформ в отношении того цивилизационного выбора, который она сделала после 1923 г.

После 2002 г. ПСР, приобретя в Турции статус правящей, делает значительные внешнеполитические успехи, проводит экономические и технологические реформы, возвращает республику к своим цивилизационным корням, а Анкара получает возможность утвердиться в Черноморском регионе и в регионе Восточного Средиземноморья в качестве регионального лидера, а также претендовать на более масштабную роль в мировой политике.

Современная Турция является одним из растущих центров геополитического влияния. У действующей турецкой политической элиты рубежным этапом развития обозначается 2023 г. — год столетия создания Турецкой Республики. Правящая турецкая элита планирует, что к этой базовой точке государство подойдет, демонстрируя военное, экономическое, технологическое лидерство и притягательную массовую культуру не только в региональном, но и в глобальном масштабе.

## ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА И УРАВНЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Понятие «мировой или международный порядок» активно используется в теории международных отношений для обозначения состояния и направления внешней активности всей совокупности государств, образующих мировую политическую систему<sup>1</sup>.

С этим согласны как зарубежные, так и отечественные авторы<sup>2</sup>.

Под **геополитическим порядком** мы будем понимать состояние геополитической системы, обеспечивающее, с одной стороны, национальные интересы всех ведущих государств, с другой — глобальную безопасность, стабильность и устойчивое развитие. Понятие «геополитический порядок» в отличие от понятия «геополитическая система» более текучее. Если геополитическая система определяет статику мировой геополитики, то геополитический порядок является показателем ее динамики.

В настоящее время геополитическая система, основными акторами которой выступают США (+Канада), ЕС, КНР, РФ (+Беларусь), переживает смену геополитического порядка. Основой уходящего, старого геопорядка было доминирование США и коллективного Запада, основой нового геопорядка становятся равноправные действия всех акторов, с учетом союза КНР и РФ и построения нового коллективного Востока. Пока для окончательной смены геопорядка сил и влияния у союза КНР и РФ не хватает. Особенно чувствуется эта нехватка на уровне ООН, в частности в Совете Безопасности, в других международных организациях, которыми руководят преимущественно выходцы из западных стран, в финансовой сфере, в сфере СМИ.

Смена геополитического порядка — процесс не скорый, и происходит он в течение многих лет и даже десятилетий. В 2020-х годах смена геопорядка только началась, и сегодня весьма затруднительно прогнозировать, когда она закончится.

Ускоряют смену геопорядка такие факторы, как: удобное положение России и Китая в центре мира, на Евразийском континенте; огромная территория, занимаемая этими странами и их союзниками; большое население, составляющее более  $\frac{1}{3}$  населения мира; общность границ и возможности быстрого объединения ресурсов и сил; обеспеченность энергоносителями и возможность перекрыть обеспечение ими стран ЕС и Японии; постепенное выравнивание соотношения со странами Запада в части сухопутных, военно-морских и воздушно-космических сил и др. Замедляет смену геопорядка усиление сплоченности коллективного Запада, увеличение его геополитических показателей, усиление интеграции таких организаций и союзов, как ЕС и НАТО, G-7, развитие науки и новых технологий.

Смена геопорядка идет параллельно с таким геополитическим процессом, как смена полярности мира, который на наших глазах превращается из однополярного в многополярный. В этом превращении также играют существенную роль ведущие державы коллективного Востока РФ и КНР, а также Индия, Бразилия, ЮАР и другие страны. Следует отметить, что указанные выше государства составляют организацию БРИКС, которая может стать одной из структур нового геопорядка.

**Уравнение безопасности** вытекает из состава геополитической системы. Уравнение безопасности при геопорядке, существовавшем до 1990 г., может быть представлено следующей формулой:

$$\text{НАТО (США + 15 стран Европы)} = \text{ВД (СССР + 7 стран ЦВЕ)}.$$

После распада Варшавского договора (1990), перехода стран Центральной и Восточной Европы в НАТО, установления диалога НАТО с Россией, но противостояния НАТО Китаю уравнение безопасности приобрело следующий вид:

$$\text{НАТО + страны ЦВЕ} - \text{РФ} = \text{КНР}.$$

С созданием Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) произошел разрыв по линии «НАТО—РФ» и Россия «двинулась на восток», уравнение безопасности глобальной геополитической системы преобразовалось к следующему виду:

$$\text{НАТО (США + 29 стран Европы)} = \text{ОДКБ (РФ + 6 стран Евразии)} + \text{КНР}.$$

<sup>1</sup> Киссинджер Г. Мировой порядок / Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милукова. М.: АСТ, 2015. С. 6; Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. 3rd ed. Columbia Univ. Press, 2002. P. 368.

<sup>2</sup> Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005. — 376 с.; Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1. С. 6–23.



Если учитывать реальности современного геопорядка, это уравнение можно привести к следующему виду:

$$\text{США (+НАТО)} = \text{РФ (+ОДКБ)} + \text{КНР.}$$

В этом уравнении заметна роль США и РФ как главных протагонистов современного противостояния, военно-политических организаций НАТО и ОДКБ как своеобразных опор, союзников главных протагонистов и Китая как «наблюдателя на берегу реки, ждущего, когда по ней проплывет труп врага».

Для России такое состояние глобальной безопасности, когда она фактически противостоит ведущим геополитическим державам двух континентов Америки и Европы, не является оптимальным. Для обеспечения оптимальной безопасности РФ при данном геопорядке выгодной была бы разрядка международной напряженности, снижение уровня противостояния по линии «Запад—Восток» и развитие экономических и культурных связей между всеми странами мира. Этому служит политика РФ, в частности последние контакты с США и ЕС.

*Исаева Е.А.*

*(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)*

## **ФОРМАЛИЗОВАННЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ПЛОЩАДКИ В РЕГИОНАХ РОССИИ КАК МЕХАНИЗМ АКТИВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ<sup>1</sup>**

Одной из целей молодежной политики в России, обозначенной в ст. 4 Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», является создание условий для участия молодежи в политической, социально-экономической, научной, спортивной и культурной жизни общества. Статья 7, выделяя формы участия молодежи в реализации молодежной политики, указывает на участие в деятельности консультативных, совещательных и иных органов, созданных при федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, а также при международных организациях.

Целью проведенного нами исследования выступало выявление нормативно закрепленных молодежных площадок в регионах России, которые могли бы давать возможность через формализованные каналы доносить мнение молодежи до органов власти, стимулировать желание молодых людей участвовать в жизни общества, участвовать в выработке политической повестки в субъекте РФ.

Среди таких площадок в субъектах России нормативно закреплены молодежные правительства (Республика Карелия, Республика Коми, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Ленинградская область, Татарстан, Республика Саха (Якутия), Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Крым и др.); молодежные парламенты (Москва, Московская область, Севастополь, Ленинградская область, Республика Марий Эл, Республика Алтай, Республика Татарстан, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Адыгея, Республика Крым и др.); молодежные палаты при законодательных собраниях (Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Республика Мордовия, Кабардино-Балкарская Республика и др.); молодежные советы при главе региона (Ленинградская область и др.); молодежные советы при департаментах (Москва, Республика Башкортостан, Республика Алтай и др.); молодежные советы при уполномоченных по правам ребенка (Москва и др.); молодежные избирательные комиссии (Московская область, Республика Карелия, Республика Марий Эл и др.).

В подавляющем большинстве регионов нормативная база о диалоговых площадках была сформирована еще до 2010 г. По отсутствию обновлений текстов нормативных актов в ряде субъектов в последние годы можно предположить, что молодежные площадки остались существовать лишь в тексте нормативного акта. В частности, это касается в большей степени молодежных избирательных комиссий, молодежных правительств.

Есть субъекты России, в которых не были выявлены закрепленные механизмы участия молодежи в процессе выработки решений органами власти регионального уровня.

Отсутствие стабильных разнообразных, в том числе формализованных, каналов коммуникации органов власти с молодежью региона, дающих возможность услышать, почувствовать настроения молодых людей, серьезным образом влияет, на наш взгляд, на возможность реализации управленческих процессов, выработки правильного вектора мероприятий молодежной политики. Даже созданные молодежные правительства, молодежные парламенты, молодежные общественные палаты в тех регионах,

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011–31770 «Возможности и угрозы управления лояльностью молодежи в современной России».

где они работают, не являются достаточным каналом для коммуникации с молодежью. Формализованные каналы вовлекают в диалог с властью скорее лояльную молодежь, оставляя за бортом тех, чье мнение, отношение к принимаемым политическим, экономическим, социальным решениям органами власти порой довольно критично. Создание площадок и каналов, позволяющих работать с такой молодежью в регионе, является обязательным элементом реализации молодежной политики, ставящей целью формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям.

Искакова Ж.А.

(Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,  
Нур-Султан, Казахстан)

## РОЖДАЕМОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ: ЕСТЬ ЛИ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА?

1 Численность населения Казахстана достигла 18,7 млн человек. Это пиковая точка за всю историю страны. За последние десять лет прирост населения составил 2 млн, что на фоне кризисных демографических тенденций 1990-х годов является хорошим показателем.

Тем не менее Казахстан, будучи 9-й территорией мира, занимает по численности населения лишь 63-е место, уступая по этому параметру даже далеко не самым крупным мегаполисам<sup>1</sup>.

Учитывая этот факт, в казахстанском обществе вполне резонно идут дискуссии о том, почему же страны, чье население в десятки раз больше нашего, принимают меры для стимулирования рождаемости, в разы увеличивая материальную поддержку, а Казахстан не торопится этого делать. Более того, государство за годы независимости не обозначило и четких параметров демографического развития, так и не представив внятной социально-демографической модели.

2. Согласно прогнозам ООН по народонаселению до 2100 г.<sup>2</sup>, демографическая картина мира будущего выглядит довольно сложно. В частности, в соседней России к 2100 г. при сохранении текущего уровня рождаемости и миграционных показателей ожидается сокращение населения с нынешних 146 млн до 126 млн человек (!). Это в определенной степени станет демографической катастрофой для нашего северного соседа. Поэтому экстренные меры по предотвращению такого негативного сценария, озвученные в недавнем Послании В. Путина, стали одними из ключевых приоритетов российской социально-демографической политики.

По Казахстану оценки гораздо оптимистичнее. Согласно данным ООН, в стране к 2100 г. будет проживать около 28 млн человек, что почти на 10 миллионов выше текущего показателя.

Демографы отмечают, что для нормального воспроизводства населения страны критическим показателем суммарного коэффициента рождаемости является приблизительно 2,2 ребенка на одну женщину в течение жизни. У соседней России этот показатель ниже критической нормы и составляет 1,6. В Казахстане же суммарный коэффициент рождаемости на сегодня равен 2,84.

3. Демографические тенденции, которые ученые отмечают в развитых странах мира, по большей части характерны для Казахстана. Первое — это интенсивный процесс урбанизации, который всегда сопровождается сокращением размера семьи. Второй тренд — общее сокращение рождаемости в мире и увеличение продолжительности жизни. Третий тренд — откладывание рождения первого ребенка на более поздний срок. Соответственно, раз повышается возраст матерей при первых родах, то вместе с ним снижается и вероятность рождения большого количества детей, чем у предыдущих поколений.

В целом мы уже наблюдаем в Казахстане черты всех этих демографических тенденций, т.е. то, что демографы называют вторым демографическим переходом, все больше становится реальностью и для Казахстана. Более того, тенденции демографического перехода ускоряются.

4. В 2019 г. в стране впервые был презентован национальный доклад «Казахстанские семьи 2019»<sup>3</sup>. Согласно исследованию, подавляющее большинство казахстанцев (92%) считают детей обязательным фактором семьи, тогда как 7,9% полагают, что наличие детей в семье вовсе не обязательно.

5. Несмотря на позитивные прогнозы уровня рождаемости в Казахстане, все же имеются риски того, что ситуация может поменяться в противоположную сторону. И этому будут сопутствовать как обозначенные выше общемировые тенденции, так и наши внутренние. Кроме того, отсутствует вообще какая-

<sup>1</sup> Искакова Ж. Родить, нельзя погодить: почему в Казахстане следует заняться ростом рождаемости уже сейчас? URL: <https://ekonomist.kz/iskakova/rodit-nelzia-pogodit/> (дата обращения: 01.03.2021).

<sup>2</sup> <https://population.un.org/wpp>.

<sup>3</sup> [http://arasha.org.kz/publication\\_pdf.php](http://arasha.org.kz/publication_pdf.php).

либо четко обозначенная, системная модель демографического развития. Очевидно, что необходима новая понятная социальная программа с учетом актуальных демографических показателей.

Само по себе повышение рождаемости не является главным условием улучшения демографии. Должна проводиться дальнейшая работа по снижению материнской, младенческой смертности, а также ранней мужской смертности, которые, несмотря на уже достигнутые результаты, по-прежнему высокие. Для государства не менее важным является, чтобы и взрослые люди были максимально долго трудоспособными.

**6.** Государство должно быть готово к демографическим изменениям, которые, безусловно, происходят сейчас. От этих процессов зависит необходимость планирования политики и в других сферах, таких как уход за детьми, образование, жилищная сфера и др. Усиление исследований демографии и института семьи в Казахстане просто необходимо. Мировая практика показывает, что преодоление кризиса спада рождаемости обходится государству гораздо дороже, чем своевременная поддержка этой сферы.

**ПРОЦЕДУРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ  
(ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ) В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ:  
КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ<sup>1</sup>**

В политологических исследованиях наиболее распространенный подход к оценке глубины интеграции в ЕС — через анализ функционирования институтов ЕС и проблематики управления и, в частности, исследование процесса принятия (в меньшей степени — исполнения) решений. Теоретическую основу таких исследований составляет группа рационалистических школ: либеральный межправительственный подход, школа управления, институционализм рационального выбора.

С некоторым упрощением эти исследования можно разделить на две группы. Представители первой теоретизируют о параметрах наднациональности и исследуют на предмет соответствия этим параметрам деятельность ЕС в отдельных сферах, а также отраслевые режимы регулирования<sup>2</sup>. Представители второй группы отказались от терминологии «наднациональности» и заявляют о наличии в ЕС нескольких методов управления, несводимых к дихотомии коммунитарно-межправительственного подхода<sup>3</sup>.

Большинство исследований глубины интеграции и методов управления в ЕС до сих пор носят либо характер кейс-стади (анализ процесса принятия отдельного законодательного акта), либо описательный характер (использование того или иного метода управления в отдельной сфере деятельности ЕС).

Однако применение количественных методов открыло новый этап в исследованиях процесса и методов управления в ЕС, поскольку позволяет протестировать теоретические построения неофункционализма, теории рационального выбора и др. Отдельным направлением пространственного анализа является анализ выживаемости (*survival analysis*). Статистические методы анализа базы законодательства ЕС и применяемых процедур принятия решений используются для исследования глубины интеграции и особенностей регулирования в отдельных сферах<sup>4</sup>. Настоящая работа предлагает подобного рода статистическое исследование на основе базы эмпирических данных за 1990–2019 гг.

Базу эмпирических данных для нашего исследования составили законодательные акты ЕС, принятые в 1990–2019 гг. Для сбора информации использовались данные официального портала законодательства *EUR-Lex* ([www.eur-lex.europa.eu](http://www.eur-lex.europa.eu)). Были проанализированы данные исключительно о директивах и регламентах, поскольку только они создают нормы права общего действия. Итоговая база эмпирических данных для нашего исследования составила 5427 документов, из них 1272 директивы и 4155 регламентов.

По результатам исследования эмпирически подтверждены некоторые особенности эволюции практики применения процедур принятия решений в ЕС. Эмпирически подтвержден рост частоты использования процедур, подразумевающих более активное участие Европарламента в законодательном процессе. В то же время обнаружено, что значительная часть вторичного законодательства по-прежнему принимается Советом без участия ЕП. Выявлено существенное различие в использовании процедур при принятии директив и регламентов; сформулированы рабочие гипотезы о причинах таких различий.

На основе анализа выживаемости определены базовые параметры, влиявшие на скорость принятия законодательных актов (число государств-членов, степень участия Европарламента, некоторые характеристики законодательных актов, фактическая трансформация процедур при сохранении их формальных параметров). Дана количественная оценка влияния указанных параметров на скорость принятия законодательных актов.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00867.

<sup>2</sup> Наиболее комплексной работой до сих пор является: *Sandholtz W. and Sweet A.S.* (1998) (Eds.) *European Integration and Supranational Governance*. N.Y.: Oxford University Press. — 389 p.

<sup>3</sup> Среди множества работ системностью и охватом практически всех сфер деятельности ЕС выделяется: *Wallace H., Pollack M.A. and Young A.R.* (2015) (Eds.) *Policy-Making in the European Union*. 7th ed. Oxford University Press. — 574 p. Также с теоретической точки зрения интересно исследование: *Peterson J. & Bomberg E.* (1998) *Decision-Making in the European Union*. Basingstoke & New York, Palgrave. — 336 p.

<sup>4</sup> См., например: *Golub Jonathan* *The Study of Decision-Making Speed in the European Union*. *Methods, Data and Theory* // *European Union Politics*. 2008. Vol. 9 (1). P. 167–179; *Hertz R. and Leuffen D.* *Too big to run? Analysing the impact of enlargement on the speed of EU decision-making* // *European Union Politics*. 2011. No. 12; *Hurka S. and Haag M.* *Policy complexity and legislative duration in the European Union* // *European Union Politics*. 2019. P. 1–22; *König Thomas* *Analysing the Process of EU Legislative Decision-Making. To Make a Long Story Short...* // *European Union Politics*. 2008. Vol. 9 (1). P. 145–165; *Toshkov D.D.* *The impact of the Eastern enlargement on the decision-making capacity of the European Union* // *Journal of European Public Policy*, 2017.24:2. P. 177–196.

## ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Под местным самоуправлением в Республике Беларусь понимается, прежде всего, деятельность местных Советов депутатов, избираемых гражданами на четыре года (ст. 118 Конституции Республики Беларусь). Большинство властных полномочий на местах сосредоточены в руках исполнительных комитетов (исполкомов) — местных исполнительно-распорядительных органов власти, подчиненных и подотчетных непосредственно Президенту Республики Беларусь (ст. 119 Конституции Республики Беларусь). Существуют Советы и исполкомы первичного, базового и областного уровней.

Местные Советы обладают ограниченными контрольными полномочиями в отношении исполкомов. В соответствии со ст. 38 Закона о местном управлении и самоуправлении исполкомы подотчетны соответствующим Советам только по вопросам, отнесенным к компетенции этих Советов. Председатели исполкомов не реже одного раза в год обязаны представлять сессиям соответствующих Советов отчеты о деятельности исполкомов по вопросам, отнесенным к компетенции Совета (ст. 47 Закона). Однако замечания депутатов о возможных просчетах, допущенных в работе исполкомов, не обязательно приведут к кадровым перемещениям чиновников, изменению бюджетной политики в будущем. Схожая ситуация существует и в области утверждения местными Советами программ экономического и социального развития, установления порядка управления и распоряжения коммунальной собственностью и др.

Местные бюджеты имеют недостаточный уровень бюджетной автономии. Недостаточная обеспеченность собственными источниками доходной базы местных бюджетов порождает высокую степень их дотационности. Средства местных бюджетов первичного уровня составляют около 1% от всех средств местных бюджетов, что свидетельствует о крайне низких финансовых возможностях институтов данного уровня местной власти.

Органы территориального общественного самоуправления (ОТОС) как важный инструмент решения вопросов локального значения имеют недостаточно каналов «обратной связи» с местными Советами и исполкомами. Согласно действующему законодательству, ОТОС не могут вносить в повестку дня сессий Советов, заседаний исполкомов и местных администраций вопросы местного значения. Вследствие этого снижается авторитет и привлекательность ОТОС в глазах граждан. Коллегиальные ОТОС могут быть созданы с образованием и без образования юридического лица. Положительной стороной создания ОТОС без статуса юридического лица является упрощение порядка регистрации данного органа, однако в этом случае отсутствует возможность его прямого финансирования из средств местного бюджета, затрудняется процедура получения денежных средств в виде самообложения граждан, добровольных взносов и пожертвований граждан и организаций, а также через проекты в рамках международного сотрудничества.

Местные референдумы как одна из форм прямой демократии в суверенной Республике Беларусь не проводились. Законодательство, регулирующее процесс подготовки и проведения местных референдумов, содержит ряд факторов, которые могут существенно повлиять на мотивацию граждан. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 126 Избирательного кодекса «документы о проведении местного референдума, представленные инициативной группой, и вопрос, предлагаемый на референдум, направляются местным исполнительным и распорядительным органом на заключение в соответствующий областной, Минский городской орган юстиции, которые проверяют соответствие вопроса, выносимого на референдум, требованиям законодательства и соблюдение порядка образования инициативной группы». В том числе областные и Минский городской органы юстиции вправе давать оценку важности вопроса, выносимого на референдум. Последняя норма носит субъективный характер, кроме того, может трактоваться как избыточная — если выполнены все предусмотренные законодательством процедуры, собраны в требуемом количестве и признаны достоверными подписи граждан, то это уже означает, что данный вопрос важен для граждан и референдум может быть проведен. Избирательный кодекс Республики Беларусь не содержит прямого указания на орган, устанавливающий юридический статус решения (рекомендательный или обязательный), принятого референдумом. Если следовать аналогии с процедурой республиканского референдума (юридическую силу решения, принятого референдумом, определяет орган, принимающий решения о его проведении), получается, что решение должен принимать соответствующий местный Совет. Таким образом, граждане, инициируя референдум, не знают, будет ли решение референдума обязательным или рекомендательным.

Таким образом, к основным проблемам в системе местного самоуправления Республики Беларусь следует отнести недостаточность полномочий местных Советов и ОТОС, дотационность местных бюджетов, отсутствие практики проведения местных референдумов.

## КАНАЛЫ ИНФОРМАЦИИ И КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ СИБИРСКОГО И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ<sup>1</sup>

Дискуссии о факторах формирования политического сознания такой социальной группы, как молодежь, до сих пор не потеряли своей актуальности. Не в последнюю очередь это связано с тем, как отмечал Р. Инглхарт, что «...широкое распространение получила упрощенная теория глобализации, согласно которой глобализация в сфере СМИ и массовых коммуникационных сетей ведет к “культурной конвергенции” — международное сообщество превращается в одну “глобальную деревню”, где все “настроены на одинаковую волну”»<sup>2</sup>. При этом одним из таких факторов выступают каналы информации и коммуникации или, более узко, социальные медиа, а также информационно-коммуникативные технологии. Ученые в оценке влияния последних на сознание людей разделяются на множество научных направлений, свести которые можно условно к двум: а) на те, что наделяют средства массовой коммуникации определяющую роль в информационной эпохе, приверженцы теории коммуникации или теории информационного общества, например Д. Белл, Е. Масуда и др.; б) на тех, кто в последнем тезисе сомневаются или вовсе его отрицают, например уже упомянутый Р. Инглхарт или Ф. Уэбстер.

Не вдаваясь в подробности дискурса, стоит отметить недостаточность изученности данного вопроса не только в отечественной политической науке, но и в региональном разрезе. По этой причине перспективным представляется рассмотрение связи между типами и свойствами каналов информации и коммуникации (далее — источник(а)) молодежи Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (далее — СФО и ДФО соответственно), с одной стороны, и их политическим сознанием — с другой. Базой данных исследования послужил региональный, репрезентативный социологический опрос, проведенный кафедрой политологии Алтайского государственного университета осенью 2020 г. Объем выборки составил 2050 человек: выборка квотная, гнездовая, единицы анализа — учащиеся школ и вузов. Далее было проведено количественное изучение переменных в *SPSS*, автор также прибегал к корреляционному анализу.

Разумеется, подавляющее большинство респондентов используют социальные сети, мессенджеры, иные интернет-ресурсы в качестве источников информации о политике: об этом заявили 85,5 и 74,8% соответственно, на втором месте расположились друзья и знакомые — 64,1%, на третьем — родственники с 58,5%, телевидение по сравнению с предыдущими годами продолжает сдавать позиции, его отмечают 44,7% опрошенных. Кроме того, в распределении ответов об источниках информации и коммуникации были обнаружены статистически значимые различия между мужчинами и женщинами, школьниками и студентами, менее заметно прослеживается влияние дохода в семье. Корреляция источников и важных для респондентов ценностей и взглядов показывает устойчивые различия в выборке. Так, свобода, справедливость и порядок важны для всей молодежи независимо от типа используемых ими источников (70–80%). В то же время потребители региональных средств массовой коммуникации особо выделяют такие ценности, как «сохранение традиций» и «интересы вашей этнической группы». Любопытно, но те, кому ближе националистические политические взгляды, чаще указывают на такие источники, как друзья, родственники, в отличие от носителей иных идеологий. Центральное телевидение в качестве источника информации наиболее популярно среди представителей левых взглядов (более 60%). При оценке государственной молодежной политики в стране и регионе респонденты также разделились по источникам. Если респондент заявляет о неэффективности государственной политики в сфере поддержки молодежи, то он чаще пользуется сетевыми источниками информации, чем другими. Более того, отличия проявляются в вопросах, касающихся доверия общественным и политическим институтам и организациям, субъектов коммуникации, оценки протестных акций, публичной и политической активности.

Так или иначе, независимо от направления научной мысли и его аргументов, корреляция между источниками информации и коммуникации и элементами политического сознания молодых людей прослеживается довольно уверенно. Безусловно, связано это с согласованным распределе-

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 21-011-31651 «Факторы и каналы формирования политического сознания и мотивации политического участия учащейся молодежи приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока».

<sup>2</sup> Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 199.

нием переменных относительно друг друга, а не причинными зависимостями. В целях дальнейшего изучения проблемы будут предприняты попытки многоуровневого регрессионного анализа к данным опроса.

Казаринова Д.Б.  
(РУДН, Москва)

## **«ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ» И «КУЛЬТУРНЫЕ ВОЙНЫ» В РОССИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЙ?<sup>1</sup>**

**В** условиях пандемического роста социального напряжения и протестной активности внимание ученых всего мира привлекает углубляющаяся социальная поляризация внутри обществ, которая благодаря социальным медиа производит внутри обществ глубокие трансформации, оказывая влияние на становление «постполитики». Тесно с этим понятием оказывается связанной политика идентичности.

Русскоязычная и англоязычная трактовки термина «политика идентичности» описывают принципиально различные процессы: речь идет о конструировании (в случае с отечественной трактовкой) и деконструкции (в англоязычном варианте) определенной политики. Согласно широко распространенному представлению, политика идентичности в западном понимании хотя и не направлена напрямую на разобщение общества и государства, замыканию в собственном кругу и на собственной повестке, но на практике приводит именно к этому.

Понятие культурных войн в зарубежной, в первую очередь американской, литературе (Bell 1992, Williams 1997, Бьюкенен 2007) интерпретируется как культурное противоборство, острая полемика, процесс постепенного обособления вплоть до полного расхождения и латентного или даже открытого конфликта, протекающего в дискурсивном пространстве между определенными социальными группами внутри нации. Собственно культурные войны обретают институциональное оформление в рамках политики идентичности, которая фиксирует социальные размежевания.

Европейский, и в первую очередь французский, взгляд на культурные войны развивается в контексте дискуссии о мультикультурализме (Maу 2015) и тесно связанной с ним проблеме миграции. Зримые очертания культурные войны обрели в противостоянии сторонников и противников Брексита в Великобритании, в дискуссии о судьбе территориальной целостности Испании и в целом в получили политическое оформление в рамках идеологии ультраправых, поднявших на знамя тему культурной безопасности (*AfD, Vox*).

В этом отношении отечественная традиция (весьма ограниченная) интерпретации понятия «культурная война» также делает акцент на культурологическом аспекте проблемы (Масаев, Разбеглова 2016). Культурная война понимается в первую очередь как угроза культурной безопасности (Явроский 2010, Волочкова 2012, Кочетков, Максимов 2013), как перманентное эпистемологическое противостояние культурных систем, в результате которого происходит полное или частичное разрушение культурных кодов некоторых этносов, народов и наций. В российском контексте культурная война чаще всего воспринимается как борьба за культурную самобытность и национальную идентичность, которой угрожают навязываемые либеральные ценности глобального мира.

Западная (англоязычная) и отечественная политическая наука пользуются одними понятиями, но трактуют их часто не просто различно, но подчас диаметрально противоположно. Если в западной традиции речь идет о расколах внутри общества, в России — о целенаправленной политике их преодоления. Для России реализация различных политик идентичности остается неактуальной в отсутствие конкурентной публичной политики, а культурные войны обретают измерение борьбы с культурной гегемонией либерального миропорядка за культурную безопасность. В этой же парадигме разработана вновь опубликованная Концепция национальной безопасности России. Однако сами реалии культурных войн и общественной поляризации в России присутствуют, что ярко демонстрирует кейс про- и контравакционных настроений. Пусть не самые широкие, но безусловно самые активные социальные слои расходятся на либеральный и консервативный лагеря в самом широком смысле, однако такого рода самоопределение не работает как интегративное для иных форм размежеваний (например, вакцинных), определяющие факторы которых пока мало просматриваются. Во всяком случае, они лежат вне логики образовательной, социально-экономической, демографической стратификации российского общества. Однако эти проблемы не получают пока достаточного внимания с точки зрения политической науки.

<sup>1</sup> Публикация подготовлена при поддержке Гранта РФФИ № 20–511–05025 «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)».

Калашникова Н.П.  
(Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,  
Нур-Султан, Казахстан)

## КОНЦЕПЦИЯ «СЛЫШАЩЕГО ГОСУДАРСТВА» К.К. ТОКАЕВА: ОТ ИДЕИ К РЕАЛЬНОМУ ВОПЛОЩЕНИЮ

1. Провозглашенные в Казахстане концепции «слышащее государство» и «разные мнения — единая нация» определили центральное место современной повестки в развитии государства, став базовой основой в управленческой философии государства.

2. «Слышащее государство» в Казахстане — это, по своей сути, целый блок качеств институционального, ценностного, парадигмального порядка.

3. Мировая практика показывает, что сильные гражданские общества все более вовлечены в глобальный процесс и поиск ответов на вызовы<sup>1</sup>. Казахстанское общество не исключение. Влияние модернизационных процессов на гражданскую активность казахстанцев меняет баланс взаимоотношений в треугольнике «государство—НПО—население». Активное участие в их реализации становится значимым общественным проектом, и государство обеспечивает прочную правовую основу для таких взаимно заинтересованных отношений<sup>2</sup>.

4. Концепция «слышащего государства» в Казахстане реализуется не только через апробированные парламентские площадки, но и через инструменты эффективного общественного диалога, широко вовлекая в него разные социальные группы. К примеру, в Мажилисе Парламента РК стали широко применять технологии публичного обсуждения проектов законов, включая в рабочие группы и комиссии представителей институтов гражданского общества. Кроме того, в контексте концепции «слышащего государства» проводится работа по расширению участия институтов гражданского общества в развитии альтернативных способов разрешения споров, в том числе процессов совершенствования института медиации; разработка закона «Об общественном контроле»; законодательных мер по защите граждан, особенно детей, от кибербуллинга; развитие форм взаимодействия государства и общества, общественного мониторинга и контроля принимаемых государством решений. Реализуется проект «бюджет народного участия», который предусматривает непосредственное вовлечение граждан в распределение местного бюджета.

Реализация этих и других базовых элементов концепции «слышащего государства» способствует положительным изменениям и может кардинально изменить работу многих государственных институтов, что подведет к прозрачной работе государственных органов на всех уровнях.

5. Перспективные тренды, которые уже внедрены в государственную управленческую практику: системный мониторинг и анализ работы каналов прямой и обратной связи с населением; создание «единого окна» по взаимодействию государства с населением в электронном формате, ребрендинг портала «Открытое правительство»; портал с *user-friendly interface*; запуск проекта «е-петиция», благодаря которому у населения появилась возможность выразить коллективную точку зрения в отношении различных проблем и ситуаций, не затрачивая больших усилий и ресурсов, и др.

6. К 2025 г. результатами реализации концепции «слышащего государства» должны стать такие изменения, как рост участия граждан в работе институтов гражданского общества; увеличение числа граждан, занятых в гражданском секторе; рост количества переданных государственных функций в гражданский сектор<sup>3</sup> и др. Одним из ключевых индикаторов конкретной реализации концепции станет повышение уровня доверия к государственным органам и институтам гражданского общества; создание благоприятных условий для его развития и обеспечение эффективных путей взаимодействия граждан с государством в различных формах на основе равноправного партнерства.

7. Без развитого гражданского общества эффективная социально-экономическая и общественно-политическая модернизация невозможна. Необходимо формировать современные, доступные каналы коммуникаций.

В Казахстане требуется принятие конкретных мер по формированию доверия, которое является больше эмоциональным, чем когнитивным феноменом, что объясняет стремление в государственной политике привнести тренд конструктивного диалога как основы инновационного развития, стабиль-

<sup>1</sup> Калашникова Н.П. Глобальное гражданство: контексты Казахстана в разделе «АЭФ-2018: экспертно-аналитическое и социологическое измерения» в журнале Казахстана // Спектр. Научный журнал. 2018. № 2. С. 115–117.

<sup>2</sup> Калашникова Н.П. Модернизация общественного сознания и ценностных ориентиров социума // Социальная модернизация Казахстана: Колл. монография. Гл. 5 / Г.С. Ныгметов, М.М. Шибатов, Р.К. Кадыржанов и др. Астана: Институт Евразийской интеграции, 2017. — 368 с. С. 199–242; приложение к монографии, данные социологических исследований.

<sup>3</sup> Модернизация общественного сознания: концептуальные и методологические подходы. Нур-Султан: Казахстанский ин-т общественного развития «Рухани жанғыру», 2020. — 150 с.



ности и процветания Казахстана. В сфере политической коммуникации государства и общества роль гражданского общества становится ключевой.

Карадже Т.В.  
(МПГУ, Москва)

## ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НЕЙРОПОЛИТИКИ

Начало XXI столетия ознаменовалось новыми научными открытиями. Активно ведутся исследования в области искусственного интеллекта, искусственной жизни, искусственного сознания. Взрывной рост нейронаук, генетики, когнитивистики, информационных технологий дал возможность расширить наши представления о возможностях человека и перспективах его дальнейшего развития.

Политическая наука в последние десятилетия благодаря междисциплинарному подходу включила в свой методологический исследовательский арсенал результаты естественных наук, что позволило сформироваться ряду новых научных направлений, среди которых и нейрополитика. Все, что касается инструментов воздействия на сознание, в том числе и на политическое сознание, приобретает в современном мире все большую значимость и актуальность.

Задачей нейрополитики является формирование технологий управления и воздействия на политическое сознание и поведение.

Научно-исследовательский инструментарий нейрополитики основывается на результатах достижений нейронаук, искусственного интеллекта и Нейронета. Результаты междисциплинарных исследований дают возможность по-новому взглянуть на политическое сознание и поведение человека, связывая их с особенностями строения и функционирования мозга, а не только с менталитетом или политической культурой.

Началом нейрополитики можно считать работу американских исследователей Дж. Волка и М. Лоджа. Нейрополитика активно развивается в США, что объясняется, в первую очередь, тем, что для подобного рода исследований необходима серьезная научно-исследовательская инфраструктура. К сожалению, в российской научной практике это направление практически не исследуется.

Технологии, разработанные в рамках нейрополитики, уже сегодня активно используются в избирательных кампаниях и политической практике<sup>1</sup>. Применение нейрополитики в рамках нейроконсалтинга и нейромаркетинга набирает популярность в современной прикладной политологии. Активно развиваются такие компании, как *Cambridge Analytica*, *Emotion Research Lab*, *Neuropolitics Research Lab*, *Neurohm*, *Neuropolitika*, *Neuro Discover*, предоставляющие политическим клиентам свой продукт в виде нейротехнологий.

«Искусственный интеллект способен не только анализировать накопленную информацию, но и учитывать постоянно изменяющиеся внешние воздействия»<sup>2</sup>. Можно сказать, что с развитием возможностей искусственного интеллекта, когнитивных наук и науки о мозге изменится и направленность нейрополитики. Огромные вычислительные мощности могут быть направлены на моделирование возможных вариантов развития социальных систем и мирового процесса в целом, формирование новых управленческих и манипулятивных технологий.

Не менее важная проблема, которая находится в фокусе внимания нейрополитики, — это внедрение симбиотического интеллекта в политическую практику. Ряд специалистов прогнозируют, что симбиотический интеллект — это будущее общества, и определяют его как «совокупность естественных и искусственных систем, продукта технологических и биологических составляющих, которые представляют собой отражение современных тенденций социума»<sup>3</sup>. По сути своей данный феномен представляет собой гибридную форму искусственного и естественного интеллекта, который позволяет решать проблемы на новом уровне.

Нейрополитика может стать направлением исследования новой глобальной социотехнологической инфраструктуры, которая в будущем станет основой новых принципов управления человеческим сообществом<sup>4</sup>.

Становление нейрополитики как научной дисциплины находится в начале своего пути и требует дальнейшего исследования и развития этого направления.

<sup>1</sup> Lane C. The Biological Citizen: Neuropolitics as Aim and Danger, 2015. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/side-effects/201511/the-biological-citizen-neuropolitics-aim-and-danger> (accessed: 02.11.2018).

<sup>2</sup> Григорьева Д.А., Мингатина А.М. Принятие управленческих решений в экономике на основе накопления информации и применения систем искусственного интеллекта // European research. 2015. № 4 (5).

<sup>3</sup> Ицков Д.И. Создание симбиотического интеллекта в контексте социальной политики развития социума // Вестник ЗабГУ. 2017. № 11. С. 41.

<sup>4</sup> Социально-гуманитарные знания: взгляд молодых исследователей: Сборник. 5–6 марта 2019.

## КИБЕРАТАКИ В ЕС И США НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

С началом распространения коронавирусной инфекции COVID-19 резко увеличились кибератаки на важнейшие государственные, промышленные, технологические и социальные инфраструктуры как в некоторых странах ЕС, так и в США. Не будет лишним говорить о том, что пандемия COVID-19 затронула в том числе и такую жизненно важную сферу, как киберпространство и кибербезопасность.

22 марта 2020 г. неизвестные хакеры пытались провести кибератаки на крупнейшую в Европе и одну из крупнейших в мире сетей больниц *Assistance publique — Hôpitaux de Paris (AP-HP)*, работающую в Париже и его окрестностях.

Хакеры пытались вывести из строя серверы *AP-HP*, перегрузив их «мусорным» трафиком. Выведение из строя серверов могло иметь катастрофические последствия, учитывая нынешнюю ситуацию с пандемией коронавируса. Однако, к счастью, больнице удалось отразить атаку и предотвратить возможный ущерб.

На фоне распространения COVID-19 в Чехии Университетская больница города Брно была вынуждена отключить свои компьютерные системы и отложить запланированные операции из-за кибератаки.

Администрация больницы тогда не уточняла характер кибератаки, однако она оказалась достаточно серьезной для того, чтобы отложить запланированные хирургические операции и направить новопривывших пациентов в расположенную неподалеку больницу Святой Анны.

По словам директора медучреждения Ярослава Штербы (*Jaroslav Štěrba*), кибератака произошла 13 марта, около двух часов ночи (четыре часа ночи по московскому времени). Компьютерные системы стали одна за другой выходить из строя, поэтому пришлось отключить всю ИТ-инфраструктуру больницы. Кибератака также затронула детское и родильное отделения.

Количество серьезных кибератак на европейские организации в 2020 году увеличилось вдвое по сравнению с 2019 г., согласно данным Европейского агентства по сетевой и информационной безопасности (*ENISA*).

По данным *ENISA*, в 2020 г. были совершены 304 крупные атаки, а годом ранее всего 146. То есть количество атак выросло на 108%. Вместе с этим на 47% увеличилось количество атак на больницы и медицинские сети.

По данным британской компании *Sophos*, занимающейся информационной безопасностью, выросла средняя стоимость кибератак с использованием программ-вымогателей. Если в 2020 г. ущерб от атак составлял в среднем 761 тыс. долл., то в 2021 г. данный показатель уже вырос до 1,85 млн долл. В эту сумму входят платежи хакерам, расходы на страховку и ликвидацию последствий взлома.

9 декабря 2020 г. американская компания *Pfizer* и ее немецкий партнер *BioNTech* заявили, что в результате кибератаки на серверы Европейского агентства лекарственных средств (ЕМА) хакеры получили незаконный доступ к технической документации на вакцину от COVID-19, которая была разработана данными фармацевтическими компаниями. В заявлении говорится, что неизвестные хакеры получили доступ к некоторым документам, связанным с получением одобрения регулятора для вакцины-кандидата *BNT162b2<sup>1</sup>* *BioNTech* и *Pfizer*.

Отдельно стоит упомянуть и про некоторые инциденты в киберпространстве США. Так, в марте 2020 г. кибератаке преступников подверглись компьютерные сети Министерства здравоохранения и социальных служб США (*Department of Health & Human Services*). По некоторым данным, злоумышленники в ходе атаки пытались перегрузить работу серверов Минздрава США миллионами обращений в течение нескольких часов.

Незадолго до атаки Совет национальной безопасности США предупредил пользователей о «поддельных» текстовых сообщениях от неизвестного отправителя о введении общенационального карантина. Как отметило издание, данные сообщения были связаны с кибератакой на Минздрав и попыткой распространения дезинформации.

2 июля 2021 г. хакеры провели масштабную кибератаку на международного производителя программного обеспечения компанию *Kaseya*. Киберпреступники потребовали выкуп в 70 млн долл. в обмен на разблокирование поврежденных систем. От действий злоумышленников пострадали многочисленные компании и госструктуры в разных странах мира. В их числе, например, шведская продуктовая сеть *Coop*. Ее магазины до сих пор закрыты, поскольку сотрудники супермаркетов не могут оформлять платежи покупателей. Программы для *Coop* разрабатывала *Kaseya*, через которую был запущен вирус-вымогатель.

<sup>1</sup> Вакцина *BNT162b2* — совместная разработка американской *Pfizer* и немецкой *BioNTech*, в начале ноября 2020 г. препарат проходил клинические испытания. В ходе испытаний разработчики отчитались об эффективности препарата в 95%.

Каринцев О.И.  
(независимый исследователь, Москва)

## ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

К началу третьего десятилетия XXI в. партийная система Европейского союза представляет собой политический институт, в который входят политические партии на европейском уровне, имеющие представительства в Европейском парламенте, — это Европейская народная партия, Партия европейских социалистов, Альянс либералов и демократов за Европу, Партия европейских зеленых / Европейский свободный альянс, Партия европейских левых, Альянс консерваторов и реформистов и Идентичность и демократия. В Европейском парламенте, таким образом, сложилась плюралистическая многопартийная система, правый фланг которой образуют христианские демократы, слева им противостоят социал-демократы, а в центре находятся либеральные демократы. Крайние силы представлены Партией европейских левых и правопопулистским объединением «Идентичность и демократия», а промежуточные звенья между центром и крайними силами составляют евроскептики из Европейских консерваторов и реформистов, а также «зеленые» и регионалисты из Европейского свободного альянса. Также представлены независимые депутаты, не входящие ни в одну из политических групп Европарламента и представляющие в основном евроскептические партии национальных государств, входящих в ЕС. После выборов в Европарламент 2019 г. основные позиции по результатам этих выборов в законодательном органе ЕС занимают правоцентристы из Европейской народной партии, а также их союзники по широкой коалиции, включая Партию европейских социалистов и Альянс либералов и демократов за Европу — представители данных трех партий составляют основу Европейской комиссии как основного исполнительного органа ЕС и образуют политическую основу для принятия решений в ЕС. В этой связи представляется актуальным проанализировать современное состояние и обозначить возможные перспективы развития партийной системы Европейского союза, оценить вероятность связанных с данным развитием сценариев европейской интеграции.

### Состояние партийной системы ЕС

В результате выборов в Европарламент 2019 г. основной вектор политических дебатов в Европейском союзе сосредоточен вокруг роли ЕС в процессе глобальных трансформаций и формировании новой международной экономической и политической среды. В этих условиях правоцентристы и консерваторы, которые исторически тяготели к сближению различных стран и культурных пространств, все более склоняются к национализму, подчеркиванию особого пути Европейского союза, культурной идентичности и образа жизни европейских стран, а также других черт, составляющих, с точки зрения правоцентристов, исключительность европейской и христианской цивилизации. В то же время левоцентристы, отказавшиеся от традиционной социал-демократической повестки равенства и экономического выравнивания шансов, все более стремятся к занятию ниши защитников толерантности и мультикультурализма от посягательств со стороны правых и популистских сил. Акцент в политике левоцентристов делается на защите прав человека и прав меньшинств, противодействии национализму и популизму, защите либерально-демократических ценностей от попыток ревизии и нелиберального пересмотра. Сами либеральные демократы при этом склоняются к защите европейской интеграции от популистских тенденций, а также сохранению свободного рынка как основы экономической политики в Европейском союзе. В целом можно отметить, что партийная система ЕС находится в состоянии равновесия — несмотря на турбулентность последних лет, партийная конфигурация в европейском политическом пространстве осталась той же самой, какой она была до начала кризиса политических институтов и волны правого популизма в европейских странах. Это позволяет предположить, что вектор политического развития Евросоюза, как и в 2000-е и 2010-е годы, по-прежнему ориентирован на сохранение статус-кво в сфере европейской интеграции, что предполагает отказ как от продолжения или интенсификации интеграционных процессов, так и неприятие сворачивания европейской интеграции и возврата к системе национальных государств.

Можно сделать вывод, что партийная система ЕС представляет собой, по классификации Джованни Сартори, партийную систему умеренного плюрализма, которая способствует созданию широких коалиций левого и правого центра, а также противодействует популизму и антисистемным политическим партиям. Данная конфигурация вряд ли изменится в ближайшее время — скорее всего, она останется в целом такой, как есть, поскольку партийный механизм ЕС, перерабатывая повестку дня оппозиционных сил, стремится находить консенсус между политическими партиями и формулировать взвешенный, центристский курс как во внутренней, так и во внешней политике ЕС.

## **ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДСКИХ ОКРУГАХ**

Существующая в настоящее время система органов местного самоуправления стала результатом прошедшей муниципальной реформы, которая определила для местных сообществ различные варианты ее формирования, что повлияло на место и роль представительных органов в системе муниципальной власти.

Например, в настоящее время во всех муниципальных образованиях Челябинской области внедрен в практику вариант организации местного самоуправления, который предусматривает прямые выборы в представительный орган власти (в муниципальных районах и городских округах с делением они могут формироваться путем представительства от муниципальных образований, входящих в их состав) и главы муниципального образования, избираемого депутатами из числа кандидатур, отобранных конкурсной комиссией.

Роль, которую играет представительный орган в системе местного самоуправления, определяется его функциями. Их можно подразделить на нормотворческую, контрольную и представительскую.

Представительская функция заключается в представлении интересов всех жителей города в системе муниципальной власти.

Нормотворческая функция заключается в принятии нормативно-правовых актов по вопросам местного значения и отдельным государственным полномочиям. Фактически, это правовое сопровождение деятельности всех других органов местного самоуправления.

Контрольная функция представительного органа реализуется при формировании бюджета и его исполнении.

Место и роль представительного органа в системе местного самоуправления, рассмотренные выше, позволяют определить критерии для оценки эффективности работы представительного органа муниципальной власти. Их, на наш взгляд, можно подразделить на две группы. В первую включить формальные показатели, характеризующие работу представительного органа и отраженные в различных видах официальной документации, и прежде всего в ежегодных отчетах о его работе. К таким показателям можно отнести: число заседаний, количество принятых нормативно-правовых актов, число публичных слушаний, количество решений, отчеты депутатов и др.

Во вторую группу необходимо отнести итоги социологических опросов населения о работе представительного органа и депутатов, что позволяет сопоставить формальные показатели работы представительного органа с фактической оценкой его деятельности населением муниципального образования.

С методологической точки зрения изучение данной проблемы предполагает применение следующих исследовательских подходов: институционального и социологического, а также метода контент-анализа. С помощью институциональной методологии мы можем изучать работу представительного органа в рамках его нормотворчества, представительских и контрольных функций, изучив и собрав информацию о планах работы представительного органа за определенный период и их исполнение.

Социологический метод путем проведения опросов общественного мнения и фокус-групп позволяет нам произвести оценку работы представительского органа и самих депутатов со стороны населения и избирателей. По результатам исследований можно сделать выводы об эффективности работы как самих депутатов, так и представительного органа в целом.

Проведя исследования отдельных представительных органов муниципальных образований, можно заметить следующую тенденцию: эффективность работы депутата и представительного органа повышается при условии достижения разумного баланса между исполнением критериев формального характера и прямой работой с населением, что позволяет точнее понимать его запросы и проблемы для более эффективного представительства его интересов.

Карякин В.В.  
(Военный университет Министерства обороны РФ, Москва)

## ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА: КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Геополитическая регионалистика — это новое научное направление, сформировавшееся в результате симбиоза и взаимного обогащения геополитики и регионоведения.

Целью данного выступления является изложение современных подходов к исследованию региональных проблем в условиях глобализации. Еще одной задачей данной работы является формирование школы региональных геополитических исследований, представители которой владели бы навыками аналитической работы для экспертной поддержки принятия политических решений с использованием современного инструментария анализа и прогнозирования региональных проблем.

В научно-прикладном плане перед геополитической регионалистикой стоит задача анализа и прогнозирования региональной военно-политической и социально-политической обстановки с целью формирования желаемого будущего при отстаивании национальных интересов государства. При этом эксперт, работающий в данной области, должен обладать видением динамики развития событий в условиях многофакторности, турбулентности и нелинейности развития социально-политических и международных процессов. Это называется прогнозирующим типом мышления, способным понимать динамику развития региональных процессов в условиях глобального информационного общества и быть нацеленным на формирование политики государства, исходя из реалий текущей и прогнозируемой геополитической обстановки.

Глобализация обозначила постиндустриальный этап развития мировой системы, называемый «эпохой постмодерна», философией которого является мировоззрение, ориентированное на формирование социальной среды, главными ценностями которой являются ничем не ограниченная свобода и индивидуализм личности, погруженной в информационное пространство Интернета и социальных сетей. Для постмодернистского мироощущения человека, превратившегося в атомарного социального индивида, характерно отрицание всякого рода норм и традиций — этических, эстетических, культурных, конфессиональных, отказ от авторитетов любого ранга, начиная от государственной власти и кончая правилами поведения человека в обществе.

Вместе с тем утверждать, что на смену премодерну и модерну окончательно пришел постмодерн, нет оснований. Заявления о преодолении данных этапов развития человеческого общества преждевременны. Премодерн и модерн сохраняют свои позиции в развивающихся странах, органически вписываясь в уклад жизни народов с традиционным укладом жизни. Да и в странах так называемого «золотого миллиарда» не наблюдается абсолютного доминирования постмодерна. Более того, в настоящее время имеет место сосуществование модерна и постмодерна при ренессансе премодерна в обществах, сохраняющих свою культурно-конфессиональную идентичность<sup>1</sup>.

В условиях глобализации, которая явилась реальным воплощением философии постмодерна, сформировалась специфическая система взглядов не только на природу региональных процессов, но и на политическую реальность, которую формируют стратегии не прямых действий, «мягкой силы» и технологии информационно-психологического воздействия на человеческое сознание. В этих условиях между субъектами региональной политики различного уровня возникают новые формы соперничества и партнерства, основанные на рефлексивном управлении социально-политическими процессами с целью формирования программируемой политической реальности, зачастую виртуальной и оказывающей воздействие не только на настроения и взгляды людей, но и на принимаемые руководителями государств политические, экономические и военные решения.

После окончания холодной войны парадигма силового противоборства, существовавшая в условиях ядерного паритета сверхдержав, претерпела трансформацию. Мир перестал быть линейно-детерминированным. Социально-политические процессы приобрели нелинейный, стохастический характер. Это породило проблему для экспертно-аналитического сообщества, состоящую в разрешении противоречия между линейно-детерминированным видением политических процессов и реальностями управляемого хаоса и социальной энтропии современного общества, в котором первостепенное значение приобрело многообразие средств борьбы субъектов международной политики в информационном, культурном, конфессиональном, экономическом, дипломатическом и военно-стратегическом пространствах.

<sup>1</sup> См.: *Сморгунов Л.В.* Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация. М.: РОСПЭН, 2007; *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004; *Василенко И.А.* Геополитика современного мира. М., 2006; *Костин А.И.* Глобалистика и политические аспекты глобализации // Современная политология в контексте глобализации и диалога культур. М., 2003.

Наличие вышеобозначенных факторов обусловило необходимость разработки новой методологии региональных геополитических исследований, рассматривающей региональные государственные системы как сверхсложные социально-политические организмы, функционирующие в условиях нестабильности и конфликтогенности, нелинейного развития событий и балансирующие на грани хаоса и порядка, при утрате явно выраженных для прежних эпох свойств линейной детерминированности общественного развития (табл.).

Таблица

Сравнительные характеристики политической и геополитической регионалистики

Параметры сравнения	Политическая регионалистика	Геополитическая регионалистика
Цели исследований	Государственная региональная политика как одно из направлений внутренней политики, проводимой центральной властью в отношении подчиненных Центру субъектов.	Соперничество региональных держав за сферы влияния, лидерство и доступ к природным ресурсам. Расширение зоны политического и конфессионального доминирования.
Формы реализации	Региональная политика государства — это система наиболее значимых целей в политике государства, позволяющих обеспечить баланс отношений «центр—регионы» на обозримую перспективу, гармонизация отношений на всех уровнях территориально-политической иерархии и снижение конфликтогенности отношений как по вертикали (между центром и регионами), так и по горизонтали (между территориальными сегментами).	Соперничество в многомерном геополитическом пространстве: географическом; культурно-конфессиональном; информационном; экономическом и демографическом, за ресурсы, экономическое и военно-политическое влияние.
Методы реализации	<ul style="list-style-type: none"> <li>— Гармонизация отношений «центр—периферия»;</li> <li>— социальные лифты для региональных элит;</li> <li>— силовое принуждение;</li> <li>— миграционная политика;</li> <li>— расширение конфессионального и культурного влияния.</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>— «Гибридные войны» между субъектами региональной политики как реализация стратегии непрямых действий и «мягкой силы»;</li> <li>— создание «управляемого хаоса» и контролируемой нестабильности с целью организация «цветных революций» для смены политических режимов;</li> <li>— расширение влияния неправительственных организаций;</li> <li>— мобилизация «пятой колонны», «шестой колонны» и несистемной оппозиции для смещения действующего режима;</li> <li>— «гуманитарные интервенции» как новая форма экспансионизма;</li> <li>— информационно-психологические и конспирологические операции для переформатирования сознания населения;</li> <li>— проведение силовых и миротворческих операций;</li> <li>— захват, покупка и обмен территориями;</li> <li>— вассализация государств и установление внешнего управления;</li> <li>— борьба за доступ к морю как уничтожение территориальной замкнутости государства.</li> </ul>
Направления исследований	<ol style="list-style-type: none"> <li>1. Сохранение территориальной целостности государства.</li> <li>2. Контроль со стороны Центра и баланс полномочий.</li> <li>3. Гармонизация отношений между регионами.</li> </ol>	Формы и способы реализации региональной геополитической реальности в условиях применения стратегии территориальных экспансий, поиск новых форм сотрудничества, соперничества и конфронтации, а также использование религиозной идентичности как ускорителя геополитических процессов.
Дефиниции	Исследование форм социально-культурной и политической самоидентификации территориальных сообществ, проявляющихся в идеях, настроениях, действиях, намерениях, направленных на сохранение самобытности региона или повышение его статуса в государственной системе.	Исследование региональных отношений в вопросах защиты, обретения, легитимации, организации структурных элементов и освоения геополитических пространств как традиционных (территориальных, ресурсных, экономических, финансовых, демографических), так и новых (конфессиональных, информационных, культурных и когнитивных) измерений, приобретающих особую значимость в эпоху глобализации.

Базовую дефиницию геополитической регионалистики можно сформулировать как исследование региональных отношений в вопросах защиты, обретения, легитимации, организации структурных элементов и освоения геополитических пространств как традиционных (территориальных, ресурсных, экономических, финансовых, демографических), так и новых измерений (конфессиональных, информационных, культурных и когнитивных), приобретающих особую значимость в эпоху глобализации.

Качусов Д.А.  
(АлтГУ, Барнаул)

## ТИПЫ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В РЕГИОНАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ<sup>1</sup>

Самоорганизация граждан на местном уровне, создание проблемных сообществ или групп по интересам является важным компонентом гражданского общества, а также значительно повышает эффективность функционирования институтов самоуправления на местах. Развитие информационных технологий дало людям дополнительные возможности для консолидации и гражданского участия и вызвало переход некоторых объединений в виртуальную сферу и значительное увеличение охвата участников. При изучении городских интернет-сообществ в городах Юго-Западной Сибири (Барнаул, Кемерово, Новосибирск, Томск) можно выделить три основных их типа по направлению деятельности.

Первую группу составляют сообщества, связанные непосредственно с городской тематикой: облагораживание территорий, создание «дружественной» среды проживания, защита зеленых зон в населенных пунктах, сохранение исторических памятников и т.д. Как правило, можно выделить две основные причины появления подобных объединений. Во-первых, это наличие значительного числа нерешенных проблем городской жизни — начиная от благоустройства и выявления конкретных хозяйственно-бытовых проблем на уровне квартала или дома и заканчивая проблемой сноса исторических зданий с целью коммерческой точечной застройки. Во-вторых, это увеличение интереса горожан, особенно молодежи, к вопросам повышения комфортности среды месту своего проживания, увлечение урбанистикой и поиск возможностей для приложения своей активности в общественной сфере. Данные группы не имеют фиксированного членства, имеют малочисленное ядро и весьма аморфный состав, представляя объединенные общностью территории и интересов сетевые сообщества.

Вторая группа — различные типы экологических объединений, занимающихся вопросами сбережения зеленых насаждений и других природных объектов в городах, борьбы со свалками и загрязняющими производствами, продвижения бережного природопользования (раздельный сбор мусора, сбор вторсырья, экономия природных ресурсов и т.д.). Обострение проблемы размещения бытовых отходов, массовые вырубки лесов, общемировой тренд на экологическую грамотность в последние годы стимулировали развитие данного типа сообществ, которые являются самыми многочисленными, имеют разветвленную структуру, волонтерский состав и проводят регулярные экологические акции (например, группа «Акция Зеленая белка» — 7908 участников в «ВКонтакте», «Мусора.Больше.Нет. Барнаул» — 5151 участник).

Третью, довольно обширную и разнородную, группу составляют сообщества, которые можно назвать историко-патриотическими. Их проблемное поле связано с тематикой патриотизма, изучения и сохранения истории региона и страны в целом, приобщения молодежи и жителей к региональному историческому наследию. Эти сообщества характеризуют две отличительные особенности — исключительное разнообразие (они могут объединять краеведческие, национально-культурные, военно-спортивные и военно-исторические клубы, поисковые отряды) и большая степень институционализации, когда подавляющая часть объединений входит в общегосударственную сеть или действует в связке с государственными или окологосударственными организациями.

Основными площадками для подобных сообществ являются социальные сети и мессенджеры «ВКонтакте», *Telegram*, *Facebook*, в последнее время стал активно использоваться *Instagram*, многие объединения располагают собственными сайтами или каналами на *YouTube*. Как правило, численность данных сообществ разнится от нескольких сотен до нескольких тысяч человек, в зависимости от уровня их географического охвата, масштабов продвигаемых вопросов и времени существования групп. Структура может различаться, но у большей части представлена одним или несколькими модераторами или руководителями, узким кругом активистов, участвующих в офлайн-мероприятиях, и широкой периферией, не принимающей деятельного участия в жизни сообществ.

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20–311–90029 «Гражданская активность как фактор развития местного самоуправления в современной России (на примере регионов Юго-Западной Сибири)».

В настоящее время мы можем наблюдать увеличение численности и значимости подобных объединений в городах Юго-Западной Сибири, что связано и с ростом гражданской активности, особенно в среде молодежи, и с желанием все большей части населения способствовать решению актуальных проблем в месте проживания. Нельзя не отметить, что нередко муниципальные власти поддерживают подобные объединения, видя в них значимый ресурс для решения проблем на местном уровне. В свою очередь, сообщества стараются не выходить за рамки обозначенной проблемной сферы, нередко подчеркивая свою аполитичность и «прикладной» характер своей деятельности.

Кашин Е.А.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

## **АНАЛИЗ СТРОИТЕЛЬСТВА «СЕВЕРНОГО ПОТОКА-2» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА**

Принимая во внимание то, как действует Российская Федерация, и характер энергетической сферы, реалистические теории имеют наибольшую применимость при анализе внешней энергетической политики России.

Среди различных ветвей реализма неоклассический реализм кажется наиболее адекватным. В отличие от классического реализма, который признает государства главными действующими лицами в международных отношениях, неоклассический реализм подчеркивает ключевую роль государственных лидеров. Согласно принятой теоретической схеме, существует два типа власти — власть нации и власть государства. Первый из них измеряется с помощью определенных объективных показателей, таких как военный потенциал, ВВП, доля в международной торговле или численность населения. В то время как мощь государства зависит от мощи нации — способности лидеров и подчиненного им государственного аппарата использовать власть государства для достижения конкретных целей политики. Так, неоклассический реализм — в отличие от классического реализма — значительно подчеркивает значение внутренних факторов, важность внутренних структур и восприятий международной среды правящей элитой. Следовательно, это более полезный исследовательский подход, позволяющий дать более точное объяснение того, почему Российская Федерация так заинтересована в реализации экспортных инфраструктурных проектов. Такие проекты, как «Северный поток-2», движимы не только внешнеполитическими целями, разработанными нынешней российской правящей элитой, но и интересами других российских заинтересованных сторон, особенно субподрядчиков, которые получают значительные финансовые выгоды от строительных работ.

Использование неоклассического реализма для изучения важности «Северного потока-2» для российской политики позволяет нам проанализировать цели, которыми руководствуется Россия при реализации проекта. В неоклассическом реализме внутренние факторы должны быть включены во внешнюю деятельность государства, что позволяет определить цели трех групп. Это:

- 1) государство;
- 2) «Газпром» — контролируемая государством, но тем не менее коммерческая компания;
- 3) субподрядчики.

Так, способ принятия стратегических решений в энергетическом секторе в России подтверждает полезность использования неоклассического реализма для анализа «Северного потока-2». Хотя формально инициатором и основным подрядчиком проекта является «Газпром», ключевые решения в отношении стратегических проектов принимаются Кремлем или с его согласия. Администрация Президента РФ является основным институтом, принимающим решения по вопросам внутренней и внешней политики — в силу как его формального статуса, так и неформального положения в системе. Проект «Северный поток-2» является предметом не только переговоров между заинтересованными компаниями, но и межправительственных консультаций, проводимых российским президентом, премьер-министром, министром иностранных дел и другими высокопоставленными должностными лицами. Об этом свидетельствуют сообщения, опубликованные на сайте «Газпрома» и официальных порталах Кремля, правительства, МИД РФ и сайтах других государственных структур.

Принятие парадигмы неоклассического реализма в качестве теоретической основы очень полезно при анализе «Северного потока-2», поскольку подчеркивает важность внутренних факторов в формировании внешней политики России. С одной стороны, это объясняет важность личных взглядов и подходов российской правящей элиты. Москва начала воспринимать энергетический сектор как полезный внешнеполитический инструмент, особенно по отношению к странам-членам ЕС и бывшим советским республикам (Украине, Беларуси, Армении и т.д.). С другой стороны, неоклассический реализм побуждает исследователя учитывать индивидуальные интересы других внутренних заинтересованных



сторон, которые получают выгоду от таких проектов, как «Северный поток-2», особенно российских олигархов, таких как Борис и Аркадий Ротенберги или Геннадий Тимченко.

Керимов А.А.  
(УрФУ, Екатеринбург)

## ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И КАК С НИМИ БОРОТЬСЯ

Цветные революции представляют собой сложное и многогранное явление. События, происходящие в настоящее время на политической арене, определяют актуальность рассмотрения существенных особенностей этого явления и определения механизмов борьбы с ним<sup>1</sup>.

Цветная революция, определяемая как «процесс смены правящих режимов под давлением массовых уличных акций протеста и при поддержке финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций»<sup>2</sup>, представляет угрозу основам стабильности государства и общества и требует пристального внимания для ее предотвращения и пресечения.

В современной литературе эта проблематика получила достаточно широкое освещение. Тем не менее считаем, что имеется необходимость в уточнении некоторых моментов, касающихся обозначенных проблем.

Политические причины цветных революций проявляются в глубоком кризисе государственности, отсутствии межэлитного консенсуса, слабой структурированности политико-идеологических интересов, незрелости гражданского общества, неразвитости политической и общегражданской культуры населения, слабой коммуникации между властью и обществом.

Социально-экономические причины обусловлены неэффективностью функционирования экономической модели в государстве, низким уровнем экономического благосостояния населения. «Дестабилизация ситуации происходит в результате бедности большинства населения и отсутствия среднего класса как гаранта стабильности»<sup>3</sup>.

Идеологические причины включают отсутствие консолидирующей идеологии, наличие разногласий в обществе, отсутствие согласия в обществе по поводу проводимой внутренней политики и идеологическое вмешательство извне.

Среди других причин также можно выделить «жесткую централизацию постсоветских государств, с одной стороны, и центробежные тенденции в обществах — с другой; авторитарный характер постсоветских обществ; растущее техническое отставание во всех отраслях промышленности, низкую производительность труда, низкое качество и потерю рынков сбыта традиционной продукции; постоянное отставание по уровню жизни от развитых стран Запада; продолжающиеся техногенные катастрофы; коррумпированность и власти, и общества»<sup>4</sup>.

Для предотвращения и недопущения цветных революций необходимо осуществить комплекс мер, степень успешности которых определит, сможет ли государство противостоять этому разрушительному явлению. Эти меры носят политический, идеологический, социально-экономический характер.

В политическом и идеологическом плане на постоянной основе должна быть организована пропагандистская работа против деструктивных сил, манипулирующих общественным сознанием. Достижению поставленной цели может помочь консолидация сил, а именно элит, оппозиции, интеллигенции, представителей бизнеса, других институтов гражданского общества, готовых понимать потребности, нужды общества и государства и нести ответственность за принимаемые решения. Необходимо вести беспромиссную борьбу с такой опасной болезнью, как коррупция. Провинившиеся должностные лица должны быть наказаны по всей строгости закона и лишены права продолжать занимать такие должности.

Значительное место среди мер должны занимать вопросы экономического развития и учета экономических интересов населения. Приоритетом экономической политики государства должно стать развитие предприятий реального сектора экономики, создание благоприятных условий для инвестиций в экономику реального сектора, снижение налогового бремени для малого и среднего бизнеса, освобождение субъектов предпринимательства от ненужных проверок, искоренение коррупции в экономической сфере, предотвращение вывоза капитала из страны, установление строгого контроля за доходами и расходами должностных лиц.

Без решения проблем социальной защиты населения вряд ли стоит рассчитывать на стабильность общества и устойчивое развитие государства. Социальная политика должна быть направлена на повышение уровня реальных доходов населения, реализацию программ доступного жилья, сокращение

<sup>1</sup> Вербницкая Т.В., Керимов А.А. Концепция цветной революции в политической науке // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 1. С. 154.

<sup>2</sup> Белова Ю.Р. Между «Цветными революциями», военными вмешательствами и переговорами. М., 2019. С. 6.

<sup>3</sup> Даник Н.С. «Цветные революции» от теории к практике. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 10.

<sup>4</sup> Там же.

уровня безработицы и ликвидацию бедности за счет создания дополнительных рабочих мест в реальном секторе экономики, повышения заработных плат и т.д.

Таким образом, успех борьбы с проявлениями цветных революций возможен, если будут приняты меры по достижению политической стабильности в обществе, реализованы программы экономического развития и повышен реальный уровень благосостояния населения, а политика, проводимая властями, будет подчинена интересам народа, а не олигархических кругов, чиновничье-бюрократического аппарата.

Киреева И.В.

(Адыгейский государственный университет, Майкоп)

## **СОЛИДАРНОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УКРЕПЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ<sup>1</sup>**

Уровень доверия к власти в регионах Российской Федерации напрямую зависит от состояния неопределенности, которое является следствием распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

Пандемия коронавируса — это вызов способности людей действовать сообща, вместе противостоять угрозе. На фоне снижения доверия к власти в период «первой волны» (в том числе в Республике Адыгея и Краснодарском крае)<sup>2</sup> наблюдается рост гражданской активности.

Доверие к власти — это одна из основ солидарного общества, проявлением которого является активное сотрудничество с политическими институтами, предполагающее не потребительское отношение к жизни, а активную деятельностную позицию. Гражданское общество представляет собой добровольные ассоциации, которые существуют вне государства. Деятельность таких организаций основана главным образом на доверии и сотрудничестве. В условиях риска приобретает важное значение формирование коллективного правила социального поведения, в котором доверие является основополагающим.

Социально ориентированные некоммерческие организации, используя социально-коммуникативные технологии, интенсивно включаются в помощь гражданам, решая разные задачи. В основе данных технологий лежит принцип солидарности, который предполагает, что общество готово к решению противоречий, что оно едино в готовности совместно преодолевать трудности.

Социальная коммуникативная технология — «это опирающаяся на определенный план (программу действий) целенаправленная системно организованная деятельность по управлению коммуникацией социального субъекта, направленная на решение какой-либо социально значимой задачи»<sup>3</sup>. Она предполагает установление, поддержание и расширение контактов с гражданами и организациями, расширение участия граждан и гражданских институтов общества в управлении государством.

Центр оценки общественных инициатив Института прикладных исследований НИУ ВШЭ оценил вклад НКО в борьбу с инфекцией и выделил следующие направления деятельности: помощь отдельным категориям нуждающихся, в первую очередь обеспечение уязвимых категорий населения продуктами питания, товарами первой необходимости и средствами защиты; поддержка учреждений здравоохранения и медицинских работников; психологическая помощь; юридическая помощь; информационная поддержка; инфраструктурная поддержка со стороны крупных НКО; влияние НКО на принятие политических решений в области поддержки некоммерческого сектора в целом и отдельных социальных групп.

Государственная власть выработала целый комплекс мер для поддержки НКО, что подтверждает важность данного сектора в преодолении последствий коронавирусной инфекции. Также следует отметить, что НКО имеют установленные связи с различными общественными субъектами в регионах, объединяя инициативы «снизу».

Таким образом, гражданское общество, демонстрируя высокую гибкость, оперативность, готовность действовать «здесь и сейчас», являет собой пример применения социально-коммуникативных технологий, которые могут использоваться для укрепления институционального доверия. Представляется важным проведение на региональном уровне исследований характера взаимодействия власти и институтов гражданского общества с целью выработки эффективных технологий укрепления доверия к политическим институтам в постпандемийный период.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31778.

<sup>2</sup> Жаде З.А., Шадже А.Ю., Ляшьева С.А., Ильинова Н.А., Куква Е.С. Региональная власть и общество в условиях неопределенности и риска: индекс (дез)интеграции как основа модели взаимодействия // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия «Регионоведение». 2020. Вып. 4. С. 115.

<sup>3</sup> Радченко Д.Б. Роль социально-коммуникативной технологии в формировании доверия к органам государственной власти // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. Т. 2. № 3. С. 6–23.

Киреева О.С., Качусов Д.А.  
(АлтГУ, Барнаул)

## ПРОБЛЕМА РЕФЕРЕНТНОСТИ АГЕНТОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАХ СФО И ДФО<sup>1</sup>

На современном этапе интересы и ценности учащейся молодежи определяются все большим влиянием информационного пространства. В этой связи возникает вопрос о том, какие агенты социализации играют для нее значимую роль. Согласно предыдущим исследованиям, проведенным преподавателями кафедры политологии АлтГУ (руководитель — доктор политических наук Я.Ю. Шашкова) в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах осенью 2020 г. среди школьников 8–11-х классов и студентов вузов 1–2-го курсов, важным агентом социализации являются родители и родственники. Так, респонденты при обсуждении общественных проблем прежде всего ориентируются на их мнение. Это характерно для 48,8% опрошенных в СФО и 47,8% — в ДФО. Обращает на себя внимание то, что достаточно значительная часть студентов и школьников (32,2% в СФО и 32,8% в ДФО) не признают для себя каких-либо авторитетов и ориентируются только на собственное мнение. Причем влияние родителей/родственников значимо для учеников 8–11-х классов, но к 1-му и 2-му курсам оно становится менее значимым и при этом не заменяется другими агентами социализации. Только лишь среди студентов 2-го курса в субъектах СФО более значимым становится свое собственное мнение.

Следующим по значимости в рейтинге референтных лиц являются друзья (соответственно 26,2 и 29,4%). Меньшим влиянием, чем друзья, обладают известные политики и общественные деятели (16,5 и 15,1%). Хотя последние заменяют влияние друзей среди студентов 1-го и 2-го курсов только в субъектах СФО.

Данные опроса показывают, что для 14,5% респондентов в СФО и 14% в ДФО важным представляется мнение блогеров. Что касается возрастных категорий, то в Сибири их взгляды особенно популярны среди школьников 9-х классов и студентов 1-го курса, а вот на Дальнем Востоке — среди школьников 8-х и 10-х классов. При этом в субъектах этих двух федеральных округов отмечается следующая особенность: точка зрения блогеров более значима, чем мнение таких традиционных агентов социализации, как учителя (к ним прислушивается 9,1% опрошенных в СФО и 8,7% — в ДФО), СМИ (соответственно 10,6 и 11%). Примерно таким же по своему влиянию является мнение известных людей (бизнесменов, деятелей искусства, спортсменов) в этих субъектах (11 и 9%). Еще менее значимым является мнение лидеров различных политических партий и движений (8 и 7,6%), депутатов и государственных деятелей (6,7 и 3,7%), лидеров молодежных организаций (6,4 и 6%).

Интерес представляет рейтинг агентов социализации с учетом типа регионов (административно-территориальный и национальный). В целом вышеперечисленный рейтинг референтных лиц и институтов выглядит так же, но некоторые моменты все же можно отметить. Так, в национальных республиках прослеживается большее влияние традиционных агентов, в административно-территориальных — известных людей.

С точки зрения гендерного аспекта мнение родителей/родственников важно в большей степени для 50,2% юношей и 47,2% девушек в СФО и для 42,9% юношей и 53,3% девушек в субъектах ДФО. Для девушек и в том, и в другом субъекте более значимо мнение друзей, известных политиков и общественных деятелей, блогеров, лидеров политических партий/движений и молодежных организаций, СМИ, известных людей. Что касается такого агента социализации, как учителя, то их влияние больше значимо для юношей в регионах СФО, а в субъектах ДФО — для девушек.

Таким образом, можно отметить, что в условиях информационного пространства в процессе политической социализации учащейся молодежи влияние традиционных агентов в СФО и ДФО становится менее значимым в сравнении, например, с мнением блогеров. Это во многом актуализирует проблему, согласно которой государство в реализации молодежной политики опирается как раз на традиционных агентов, которые в глазах респондентов не обладают абсолютным авторитетом, как следствие, мы можем наблюдать отсутствие определенного интереса со стороны школьников и студентов к различным государственным проектам.

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 21-011-31651 «Факторы и каналы формирования политического сознания и мотивации политического участия учащейся молодежи приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока».

## ЭТОС ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРХЕТИПИКИ

**Введение.** Архитектоника политического как реальное воплощение человеческой деятельности содержит, помимо институциональных и содержательных пределов, ценностную составляющую, выраженную в принципах этоса, позволяющего отследить динамику изменений архетипического. Проблема этоса научного познания, с нашей точки зрения, сегодня представлена через осмысление традиционного соотношения Истины и Блага в новейшей культуре, всеобщего и общезначимого, фундаментального и прикладного аспектов научного познания, наконец, персональной и коллективной ответственности в проведении исследования<sup>1</sup>. Этос выражает конкретное ситуативное применение ценностного каркаса этических принципов своего времени, формирующего мотивации и вектор поведения участников объединения<sup>2</sup>. Современный морфогенез политического может быть соотнесен с изменением внутренне сложившейся «распределенной ответственности» агентов действия, которая консолидирует объединение по интересам в известном противостоянии с внешним, контекстно обусловленным окружением. Этос, рассмотренный как проблема, дает представление о некотором единстве сложноорганизованной, открытой и динамичной целостности, которая может быть рассмотрена в различных аспектах и подходах, с учетом архетипически инвариантного в архитектонике политического. С целью выделения вариативной инвариантности составляющей этоса подобраны три архетипа структурной организации соотношения ответственности, расположенные в порядке от жесткого к мягкому, распределенному типу ответственности в управлении.

**I. Иерархия.** Иерархическая структура подразумевает наличие четко обозначенной юрисдикции. «Цементом», на котором держится иерархия, выступает контроль. Поведение каждого элемента внутри иерархии определяется его схемой<sup>3</sup>, обладающей высокой частотностью повтора, что может значительно масштабировать воздействие. Иерархические организации содержат неформальные механизмы коммуникации, пронизывающие контролем горизонтальные пласты структуры. Иерархия упорядочивает, способствует равенству и обезличивает управление, однако не позволяет своевременно реагировать на экстраординарный контекст<sup>4</sup>. Достройка иерархии возможна за счет включения в состав дополнительной периферии, в то время как попытки достроить центр чреваты разрушением всей структуры ввиду эндогенной деконструкции центра<sup>5</sup>.

**II. Гетерархия.** Как только сложность вызовов среды превышает уровень сложности в поведении элемента, иерархические механизмы теряют способность к монополярной координации индивидуального поведения<sup>6</sup>. При деконструкции иерархии ее домен дробится на несколько частей. Некоторые из них оказываются под властью двух ведущих центров и становятся гетерархиями<sup>7</sup>. Лавируя между несколькими ведущими центрами, гетерархический домен приобретает способность к коэволюции и самоорганизации<sup>8</sup>. Изменения в поведении одного элемента гетерархии приводят к сдвигам в поведении других, что отражается на поведенческих характеристиках группы в целом и позволяет развить новый домен на основе селекции практик, применявшихся предыдущим.

**III. Дисперсия.** Большая свобода индивидуального поведения на микроуровне влечет повышение сложности коллективного поведения и формирование структур ветвления управленческих слоев. Когда коллективное поведение выравнивается со степенью сложности поведения индивида, способности иерархии к усложнению исчерпаны и ей приходится уступить место прежде периферийным горизонтальным взаимодействиям<sup>9</sup>. Ведущий центр в дисперсной структуре заменяется на узловое элементы матричной структуры. Компонентом сплочения элементов дисперсии выступает доверие. Каждый участник обретает пропорциональную долю персональной ответственности за реализацию общих целей. Такой тип структурной организации обладает способностью к саморегуляции<sup>10</sup>.

<sup>1</sup> Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Сост., предисл., перевод с англ., нем., польск. яз., общ. ред. В.Н. Поруса. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. — 220 с.

<sup>2</sup> Этос науки / Отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская; Рос. акад. наук, Ин-т философии, Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. М.: Academia, 2008. — 535 с.

<sup>3</sup> Anderson Ph. (1999). Complexity Theory and Organization Science // Organization Science. Vol. 10. No. 3. P. 216–232.

<sup>4</sup> Olsen J. (2017). The Ups and Downs of Bureaucratic Organization. Arena Working Paper. No. 14.

<sup>5</sup> Время мира. Альманах (2001). Вып. 2: Структуры истории. Сибирский хронограф. — 520 с.

<sup>6</sup> Bar-Yam Y. (2004). Multiscale Variety in Complex Systems // Complexity. 9(4). P. 37–45.

<sup>7</sup> Crumley C. (1995). Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Archeological Papers of the American Anthropological Association. No. 6(1). P. 1–5.

<sup>8</sup> Anderson Ph. (1999). Complexity Theory and Organization Science // Organization Science. Vol. 10. No. 3. P. 216–232.

<sup>9</sup> Ostroff F. (1999). The Horizontal Organization. Oxford University Press. — 272 p.

<sup>10</sup> Долфсма В. (2017). Провалы государства. Общество, рынки и правила. М.: Изд-во Института Гайдара. — 256 с.

**Вывод.** «Целое являет собой напряжение несоединимого [...]. В области политики парадоксальность состоит в том, что то, на что направлены все силы, не должно быть завершено»<sup>1</sup>. Управление колеблется между двумя крайностями парадоксального противостояния — тотального контроля и неограниченной свободы. Учитывая «экстраординарность» кризисной ситуации, в которой мы пребываем, принуждает делать выбор не только под воздействием «когнитивных рекомендаций» (они во многом сами находятся в стадии становления), но «напрямую зависит от убеждений, авторитетов, социально-психологической атмосферы и традиций «научных сообществ», а также от многих других социокультурных воздействий»<sup>2</sup>. Искусство политического созидательного баланса состоит в том, чтобы расположить политическую форму в интервале подвижной «золотой середины» между экстремумами, по возможности не допуская институционализации перекоса в ту или иную сторону спектра.

**Клещенко Л.Л.**  
(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

## ОБРАЗ САПАТИСТОВ В РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМИ

Страны Латинской Америки в целом и Мексика в частности не находятся в фокусе внимания российских СМИ. Одной из немногих тем, которая прочно присутствует в российской информационной повестке, являются конфликты в Латинской Америке. Конфликт в Чиापасе — затяжное противостояние коренного населения беднейших штатов Мексики федеральному правительству — является одним из наиболее острых конфликтов в регионе. Участники данного конфликта стали известны всему миру именно благодаря медиатехнологиям. В настоящем исследовании поставлена цель выявить особенности репрезентации образа сапатистов в российских политических СМИ.

Движение сапатистов в Мексике берет начало в 1980–1990-х годах и обусловлено общественным недовольством социальных низов, этнических меньшинств, левой интеллигенции сложившейся социально-экономической ситуацией в стране. Движение сапатистов возникло на основе Сапатистской армии национального освобождения, вооруженного партизанского формирования, основанного в 1983 г. Широкою известность Сапатистская армия национального освобождения получила после организации восстания против соглашения НАФТА 1 января 1994 г., когда ею были захвачены четыре муниципальных центра в южном мексиканском штате Чиापас. Вскоре после этого Сапатистская армия переходит к невооруженным методам политической борьбы, трансформируясь в широкое социальное движение, имеющее международную поддержку. Движение сапатистов сыграло большую роль в зарождении антиглобалистского движения<sup>3</sup>. Идеолога сапатистов Субкоманданте Маркоса СМИ нередко называют и лидером антиглобалистов (РИА Новости, 06.06.2007). Политическая доктрина современных сапатистов основана на сочетании традиционных индейских мифов, антинеолиберализма, автономизма<sup>4</sup>. Благодаря созданию яркого медиаобраза сапатистам удалось привлечь внимание мирового сообщества к проблемам аграрного юга Мексики, а также организовать и финансировать автономные территории (т.н. «караколи») в Чиапасе.

Российские СМИ освещают почти все крупные события, о которых на своем официальном сайте объявляют сапатисты. Наибольшее внимание новостям, связанным с сапатистами, ожидаемо уделяют именно левые российские СМИ, например интернет-журнал Рабкор. Издание публикует материалы о сапатистах, в которых рассказана история движения, его достижения, последние новости. По большей части материалы позитивной тональности. В то же время и крупные издания с большой аудиторией и самой различной идеологической направленностью также упоминают сапатистов: РИА Новости, Фонтанка, Коммерсантъ, Lenta.ru. Как ни странно, и в этих изданиях встречаются не только критические, но и романтизирующие опыт сапатистов статьи и репортажи.

Среди событий и процессов, которые стали наиболее востребованы в российских СМИ в период 2016–2021 гг.: полемика сапатистов с президентом Мексики Лопесом Обрадором, поддержка кандидата от Национального индейского конгресса на выборах 2018 г., экспедиция сапатистов в Европу в 2021 г. Помимо освещения событий, организованных сапатистами, российские СМИ как федерального, так и регионального уровня обращаются к образам сапатистов в контексте политических конфликтов на постсоветском пространстве и в самой России. Например, при об-

<sup>1</sup> Ясперс К. (1991). Смысл и назначение истории. М.: Политиздат. — 527 с.

<sup>2</sup> Сокулер З.А. Э. Гуссерль о геометрической традиции: к смене парадигм в теории познания // *Философия науки*. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей. М., 1999. С. 127.

<sup>3</sup> Шумаков А.А. (2020). Проблема происхождения и периодизации антиглобалистского движения // *Via in tempore*. История. Политология, 47 (2): 291–301.

<sup>4</sup> Попова Л.Л. Глобальные и региональные факторы эволюции левого радикализма в Латинской Америке (начало XXI века): Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. С. 99.

суждении вооруженного конфликта на Востоке Украины (проводятся аналогии между Мексикой и Украиной) (Правда.ру, 18.05.2021), экологических протестов в Шиесе (ИА «Беломорканал», 01.03.2019), протестов в России января–февраля 2021 г. («Бизнес Online» 21.02.2021). Обращение к образу сапатистов при освещении событий, радикально отличающихся по своим причинам от кейса конфликта в Мексике, свидетельствует о широкой известности данного движения и его методов. Как освещается в российских СМИ конфликт в Мексике? Какие СМИ чаще используют образы мексиканского этнополитического конфликта и его участников? Поиску ответов на эти вопросы посвящено настоящее исследование.

Климентьева А.С.  
(ТГУ, Томск)

## **ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

Томская область считается одним из уникальных субъектов. Среди регионов Сибирского федерального округа она входила в тройку принявших региональный закон «Об Уполномоченном», а среди первых сорока субъектов была на 32-м месте. Институт омбудсмена в Томской области прошел трудности в принятии закона и создал прецедент досрочного освобождения с должности своего первого регионального омбудсмена.

Одна из самых сложных задач РФ — это преобразование взаимоотношений между зарождающимся гражданским обществом и властью. С учетом влияния советского прошлого, в современной России необходимо развивать правозащитные институты, которые выполняли бы контрольную функцию за соблюдением прав человека.

Возникновение института омбудсмена в РФ является важным достижением среди демократических преобразований. В ходе учреждения данного института в регионах нашего государства были свои трудности, которые до сих пор могут мешать его функционированию. Томская область не является исключением в данном случае.

Сейчас в российской государственной системе существуют федеральный, региональный и специализированные институты омбудсменов. Положение о федеральном омбудсмене было впервые закреплено в Конституции 1993 г., а в 1997 г. Государственной Думой РФ был принят соответствующий закон. Возникновение региональных уполномоченных по правам человека было реакцией на потребность граждан в локальном разрешении правозащитных вопросов и восстановлении нарушенных прав на местах, где органы власти наиболее приближены к населению.

Процесс принятия законов о региональных уполномоченных по правам человека занял двадцать один год (1996–2016), потому что: во-первых, в федеральном законе отсутствовала норма, обязывающая субъекты вводить данный институт; во-вторых, отсутствие лишних финансовых средств в бюджетах регионов на создание нового учреждения; в-третьих, внутривластные противоречия местных парламентов, которые не могли выбрать на должность кандидата, устраивающего всех. Третья причина особенно актуальна в регионах, где областной закон «Об Уполномоченном» был принят формально региональной Думой, а фактически институт не работал.

Мешают функционированию региональному институту омбудсмена два вида трудностей: субъективные и объективные<sup>1</sup>. К субъективным относятся: желание региональных властей «подмять под себя» уполномоченных и отсутствие сопротивления самих уполномоченных руководству, забывая, что подчиняться они не обязаны никому. К объективным относится то, что гражданско-процессуальное и уголовно-процессуальное законодательство находится в ведении РФ, поэтому региональный омбудсмен ограничен в своих полномочиях: он не может обратиться в суд и не имеет доступа к уголовным и гражданским делам, административным правонарушениям.

Ускорил учреждение должности региональных омбудсменов выход указа Президента В.В. Путина в 2007 г. «О концепциях демографической политики...», в котором акцент был сделан на развитии системы детских омбудсменов. Там, где не было должности уполномоченных по правам человека, почти одновременно вводились институты омбудсмена и детского омбудсмена.

В некоторых субъектах институт омбудсмена возник еще до принятия ФЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ». Большинство региональных уполномоченных появились из Комиссий по правам человека. В исследуемом субъекте между первым (2001) и вторым (2005) чтением с последующим принятием областного закона о томском омбудсмене прошло четыре года. Основным противником вы-

<sup>1</sup> Развитие института Омбудсмана в России // Европейский омбудсман. 2009. URL: [http://euro-ombudsman.org/ombudsmen\\_activities/razvitie-institutata-ombudsmana-v-rossii](http://euro-ombudsman.org/ombudsmen_activities/razvitie-institutata-ombudsmana-v-rossii).

ступал депутат Г.А. Шамин («Единая Россия»), считавший невозможность принятия регионального закона без соответствующего федерального. В промежутке между чтениями (2002–2004 гг.) председатель Комиссии по правам человека правозащитник, член общества «Мемориал» Б.М. Крейнделль активно выносил на повестку Совета общественных инициатив при областной Думе вопрос об учреждении института омбудсмена в Томской области. Спустя пять лет (2010) на пустующую должность был назначен первый томский омбудсмен и принят закон о детском омбудсмене после указа президента от 2007 г.

В 2013 г. депутатами Законодательной Думы региона была создана специальная Комиссия по вопросу поиска оснований для досрочного освобождения с должности уполномоченного по правам человека. Работа томского омбудсмена перестала устраивать местные власти, и в короткие сроки было проведено расследование, в ходе которого были найдены основания для снятия с должности первого томского уполномоченного. Аналогичный случай произошел в 2009 году в Санкт-Петербурге. Такие кейсы являются весьма показательными. Действия властей подрывают общую концепцию независимости омбудсмена от государственных органов, что вызывает серьезную обеспокоенность о правовом положении региональных уполномоченных по правам человека.

Климова Г.С.  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## ИСКУССТВО В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

**Б.** Гройс точно заметил, что «у искусства есть своя сила, своя позиция»<sup>1</sup> во власти. Действительно, мы можем видеть сложные процессы политизации эстетики и эстетизации политики в современном мире. Будучи связанными, но неидентичными, они оказывают неоспоримое влияние на развитие национальных и региональных политических процессов. А также нередко позволяют выявить специфику самих политических систем и их функционирования.

В Совете Европейского союза существует практика шестимесячного председательства одного из государств-членов. Каждое вступление в должность знаменуется выставкой в здании *Justus Lipsius* в Брюсселе. Большая часть экспозиций носит символический характер, но не вызывает бурных общественных дискуссий. Исключение составили кейс Энтропии 2009 г. и недавняя отмена выставки Словении.

В 2009 г. в честь председательства в Совете ЕС Чехия представила арт-объект, над созданием которого должны были работать художники из 27 стран. Скульптура не только не ссылается на канонические образы Европы, но и представляет современный интеграционный процесс как утопический хаос. Сатирическое изображение государств-членов вызвало бурную реакцию, которая усложнилась после раскрытия мистификации. Энтропия оказалась творением только художника Давида Черни и двух его коллег.

Весной 2021 г. министр культуры Словении Васко Симонити отменил выставку, приуроченную к председательству государства-члена в ЕС. СМИ высказали предположение, что отмена связана с включением в экспозицию Арьяна Прегля, активного словенского оппозиционера, и общим конфликтом правительства Словении с институтами ЕС<sup>2</sup>. Вокруг этого события развернулась менее оживленная, но не менее значимая дискуссия.

Оба случая позволяют сформулировать гипотезу о том, что способы понимания и вербализации неудобных художественных образов и идентичностей в политическом пространстве зависят от типа (качества) политической системы. Именно события 2009 г. представляют наибольший интерес, поскольку вокруг них сформировался более объемный дискурс, но возможность сопоставления с дискурсом 2021 г. является механизмом дополнительной верификации.

Исследование построено в рамках дискурсивно-исторического подхода Р. Водак<sup>3</sup>. Этот подход, являясь частью критического дискурс-анализа, интегрирует исторические и интертекстуальные источники и социально-политическое пространство, в которое встроены дискурсивные события. Это позволяет сфокусировать исследование на том, как специфика политической системы и особенности ее участников отражаются в языке и способах понимания эстетического: Энтропии и экспонатов выставки 2021 г.

Важной частью теоретической рамки исследования являются эстетическая теория Т. Адорно и теория смеха М.М. Бахтина<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> *Groys B.* Art Power. MIT Press Book, 2008. P. 1.

<sup>2</sup> *Simoniti v Bruslju:* «Naslovili bomo široko polje ustvarjalnosti, kulturnih pravic in dediščine» // [Электронный ресурс]. URL: <https://cutt.ly/fmJTrYl> (accessed: 10.07.2021).

<sup>3</sup> *Reisigl M., Wodak R.* The Discourse-Historical Approach (DHA) // *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies.* (ed. By Flowerdew J., Richardson J.E.). Routledge, 2017.

<sup>4</sup> *Адорно Т.* Эстетическая теория. М.: Республика, 2001; *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: ЭКСМО, 2015.

Эмпирическую базу исследования составляют публикации в СМИ об Энтропе 2009 г. и выставке Словении 2021 г. В частности, комментарии политиков, общественных деятелей и художников в *Le Figaro*, *Spiegel*, *BBC*, *La Libre*, *Czechnews* и т.д.

Анализ выборки реакции общественности и политиков на Энтропу позволил выявить два основных дискурса: гомерического и сардонического смеха. Дискурс гомерического смеха, включивший положения о свободе искусства и полезной провокативности, оказался характерен для стран с устоявшимися демократическими системами. В то время как дискурс сардонического смеха — более разнообразный по составу — оскорбления / унижения нации / национального достоинства, глупость, уродливое и оскорбительное не искусство, был характерен для новых членов ЕС, переживающих политический транзит. То есть можно утверждать, что провокационный замысел Давида Черни выявил, что в странах ЕС с формирующейся демократией искусство интерпретируется как средство культурной гегемонии, которое должно быть подконтрольно власти. В то время как в странах с развитой демократической культурой искусство и художник рассматриваются как независимые акторы политического процесса.

Таким образом, мы видим, что искусство не «заигрывает» с властью или же создает политически тенденциозные произведения, но воссоздает «смеховой» контекст властных структур. Провокативная интенция к объединению в искусстве выявила системные различия в понимании политического как эстетического в странах ЕС с разным уровнем развития политической культуры и демократии.

Ковалев В.А.  
(СыктывкарГУ, Сыктывкар)

## «СЦИЛЛА» И «ХАРИБДА» ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Несмотря на то что в череде разрушительных угроз для РФ проблемы региональной политики как будто отошли на второй план, они продолжают оставаться актуальными. Оптимального баланса в распределении ресурсов и властных полномочий между Центром и регионами, а также местным самоуправлением в постсоветский период найти так и не удалось. Мы уже однажды пытались проанализировать эту проблему, проводя сравнительный анализ издержек федерализма и административной вертикали в РФ в «лихие девяностые» и «нулевые» годы<sup>1</sup>. Ответ, к которому мы пришли, можно определить формулой «оба хуже»: при ослаблении власти федерального центра махровым цветом распускаются злоупотребления на местах и появляются тенденции к сепаратизму; «вертикализация» элиминирует региональное своеобразие и лишает территории стимулов к самостоятельному развитию. Кроме того (что еще опаснее!), чрезвычайно высокая концентрация ресурсов в Центре способствует тенденции к возникновению такого политического образования, которое Гарольд Лассуэлл в свое время называл «гарнизонным государством»<sup>2</sup>, а оно бывает очень склонно к военно-авантюрной «геополитике». И наоборот при прочих равных условиях, распределение ресурсов на местах дает возможность тратить деньги на текущие и очевидно актуальные цели, повышая качество и уровень жизни населения не только в столице. Таким образом, нахождение более оптимального и справедливого баланса между центральной и региональной властью, между государством и самоуправлением местных сообществ — это не только вопрос региональной политики, но и по-настоящему актуальная проблема *национальной безопасности*.

Мы полагаем, что в будущем, при более подходящих условиях, в поиске ответов на вопрос о балансе власти и ресурсов может поспособствовать концепция «узкого коридора», предложенная Дароном Аджемоглу и Джеймсом Робинсоном в их недавно вышедшей книге<sup>3</sup>. Напомним, что эти известные авторы свой немалый том посвятили доказательству и иллюстрации тезиса, согласно которому движение к обществу, которое будет богатым, безопасным и демократическим, возможно лишь в «узком коридоре», когда сильное государство и сильное общество, постоянно развиваясь, сдерживают и уравновешивают друг друга.

Помимо движения по «узкому коридору», который создается *сильным государством и сильным обществом*, практически значимым является соблюдение баланса по принципу сильный центр — сильные регионы, если относиться к этому принципу серьезно, а не считать это просто риторикой. На практике, конечно, это потребует искусства прохождения между Сциллой гиперцентрализации и Харибдой развала, местничества и сепаратизма, но тем не менее сейчас и в демократическом будущем нам представляется актуальным перераспределение ресурсов на места, в пользу субъектов Федерации и, особенно, МСУ. Значительные перераспределительные меры (речь идет о ресурсах разного типа) в обозримой перспективе представляются совершенно неизбежными. Но если эта перспектива превратится в оче-

<sup>1</sup> Ковалев В.А. Издержки федерализма и административной вертикали России: попытка сравнения // Политическая экспертиза. Политэкс. 2018. № 4. С. 104–12.

<sup>2</sup> Lasswell G.D. «The Garrison State» // American Journal of Sociology. Vol. 46. No. 4. January 1941. P. 455–468.

<sup>3</sup> Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы. М.: АСТ, 2001. — 704 с.



редной тупик, то, скорее всего, импульс к распаду станет неуправляемым. Успех публичной политики в области регионального развития неизбежно связан со стратегией развития территорий и обеспечения принципа субсидиарности.

Далее остается вопрос о поиске и поддержке агентов/акторов, потенциально заинтересованных в таком повороте и способных его осуществить ради более равномерного развития регионов и уменьшения контраста между ними. Очевидно, что здесь в принципе помощь откуда-то «сверху или сбоку» сама не придет и что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Без превращения групп населения в действующих свободных и автономных акторов местной, региональной (а потом и федеральной) политики, преодоления массового социального инфантилизма и выхода из-под гипноза текущей версии *post-truth* поставленный выше вопрос останется без ответа.

Коваленко В.И.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## О НЕОБХОДИМОСТИ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Годы, прошедшие со времени акта официальной институционализации политологии в нашей стране в 1988 г., стали периодом вполне уверенного становления и развития политической науки в научном пространстве страны. Вместе с тем остаются вопросы, требующие своего дальнейшего осмысления. В их числе — проблема качества самого категориального аппарата отечественной политологии, его соответствия существующим политическим реалиям России, ее национальным традициям, существующей ментальности россиян.

В последние годы резко возросла потребность в самоопределении политологического сообщества и общества в целом в отношении цивилизационной специфики России, природы ее национальных интересов. В дискуссионное пространство прочно вошла тема национальной ориентированности научных школ и направлений. Фиксируя излишнюю подчас идеологизированность развернувшейся полемики, нельзя не признать в то же время, что, по сути, сам этот вопрос не может не касаться глубинных мировоззренческих и методологических измерений.

Безусловно, наука, любая наука, если она претендует на это высокое звание, также должна обладать внутренним единством, оперировать системой необходимых для нее научных подходов и категорий. Вопрос в другом: могут ли эти подходы и категории (или, во всяком случае, трактовки их содержания) обладать достоинством универсалий, способных адекватно описать развивающиеся процессы и возникающие ситуации?

В ходе становления политологической науки в России возникающее профессиональное сообщество обратило свое первостепенное внимание на инструментарий, разработанный нашими зарубежными коллегами. Это было закономерно и необходимо. Со временем, однако, стало появляться все больше сомнений в достаточности такого подхода, стало появляться осознание, что больший упор начал делаться на выявление некоторых инвариантов, которые, конечно же, присутствуют в политической жизни, но не на анализ конституирующих оснований национального бытия. Как реакция, стали множиться и труды противоположного толка, где отчетливая опора на отечественные политические традиции также стала сопровождаться заметным акцентом на уникальной неповторимости России, что, преподносимое часто в абсолютизированной форме, исключало возможность позитивного диалога с иными социокультурными представлениями. Естественно, что все это не могло не проявить себя в собственно категориальной плоскости.

Еще на первом съезде Российского общества политологов тогдашний ректор Балтийского федерального университета А.П. Клемешев вполне обоснованно отметил: «Когда в условиях ценностного вакуума, слома прежней ценностной системы появилась потребность в новых инструментах, мы попытались заимствовать западную модель общественных наук, в том числе политической науки. Мы использовали термины западной политологии... Мы переняли прежде всего некие доктрины... не придавая должного значения вопросам научности, идеалов и норм научности, процедур и норм научного исследования»<sup>1</sup>. И в рамках такой парадигмы воспитано уже целое поколение политологов.

Я далек от стремления утвердить в политологическом лексиконе появление некоего альтернативного «новояза», хотя, конечно же, введение в науку новой терминологии во многих случаях плодотворно и возможно. Речь о другом: об инвентаризации сложившегося категориального аппарата и даже в целом — применяемых сегодня методологических подходов при учете тех традиций и исканий, которыми всегда была богата отечественная мысль.

<sup>1</sup> Клемешев А.П. Российское политологическое образование: проблемы и перспективы // Вестник Мос. ун-та. Серия 12. Политические науки. 2014. № 5. С. 40–41.

Я отдаю отчет в том, что вопрос, конечно же, требует своего предметного осмысления и обоснования, но в постановочном плане считаю возможным заявить, что мы, опираясь на отечественные политические традиции, и должны, и способны наполнить категории нашей науки таким содержанием, которое шло бы навстречу общественным ожиданиям и утверждению системы новых требований к качеству наличных политических элит. Мы все понимаем, в частности, недостаточность для полноценного политического анализа утвердившейся типологии политических режимов или, скажем, системы классических политических идеологий. Сильнейший дискомфорт вызывают и трактовки структур гражданского общества вне его привязки к концепту гражданственности, властеотношений и природы политических элит — вне измерений ответственности власти и т.д.

Отдельно следует сказать о политике и морали. Мир политического проявляет себя чаще всего в достаточно жестких своих измерениях, но это все же не дает оснований для исключения из политики морального императива. Я и хочу закончить свою статью напоминанием о том, что при институционализации политологического образования в России созданная в 1804 г. в Московском университете структура была обозначена как отделение нравственных и политических наук.

*Коврикова О.И.*

*(Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов)*

## **ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ: АДАПТИВНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**В** докладе планируется предложить к обсуждению тему способностей региональных политических систем приспосабливаться к новым вызовам и угрозам, обусловленным тенденцией к гибридации систем публичного управления, сегментацией социального пространства, обострением противоречий, истощением ресурсов, дефектами институциональной структуры, ростом протестных настроений, мобилизацией различного потенциала в чрезвычайных обстоятельствах и т.д.

На базе изучения региональных политических систем четырех субъектов<sup>1</sup> (Белгородская, Воронежская, Курская, Тамбовская области) предлагается познакомиться с ключевыми участниками региональной политической сцены, с тем, как они оценивают формирующиеся вызовы и накапливающиеся риски, а также предпочитаемые ими стратегии реагирования. Интерес представляют выводы о степени готовности региональных акторов к сотрудничеству и выработке новых моделей поведения, коммуникативных практик, организационных форм.

Первый определяющий вывод будет о том, что, несмотря на то что выделенные в исследовании единицы наблюдения — это очень разные прежде всего с экономической точки зрения регионы, объединяемые в одну территориальную зону Центрального федерального округа, с точки зрения сложившихся институциональных «порядков» политической системы — это по многим параметрам схожие модели взаимодействия. Если Белгородская область — один из самых успешных нестоличных регионов с высокой инвестиционной привлекательностью, по показателю социально-экономического благополучия относится к территориям со средними и пониженными рисками дестабилизации, то Тамбовская область, позиционирующая себя как аграрный регион, относится, к сожалению, к традиционно устойчивым дотационным регионам страны со стабильно снижающимися демографическими показателями и показателями качества жизни населения. Тем не менее все четыре субъекта показывают поразительно однородную картину, демонстрирующую механизм адаптации политической системы региона и перспективные сценарии ее реформирования.

Прежде всего, единодушные оценки эксперты высказали по поводу степени сформированности региональной политической системы — это показатель медианы в 6–6,4 балла по 10-балльной шкале, что являет собой довольно невысокий уровень. При этом степень централизации публичного управления оценивается экспертными группами субъектов на уровне 7–8 баллов (самая высокая под 8 баллов в самом экономически зависимом регионе — Тамбовской области, самая низкая — около 7 баллов в самом экономически сильном регионе — Белгородской области).

Выделяя верховенство права, подотчетность, справедливость и народовластие как основополагающие принципы, которые реализуются в рамках выделенных к наблюдению региональных систем, эксперты трех из четырех субъектов наделяют этот процесс реализации не очень высокими баллами — это срединная позиция в 4–5 баллов по той же шкале.

Говоря о перспективах, обратимся к экспертным оценкам возможных вариантов реформирования, они также демонстрируют картину той же природы, что и по ранее проявленным характеристикам по-

<sup>1</sup> Исследовательский проект по гранту РФФИ ВГУ (г. Воронеж) «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (на примере областей Центрального Черноземья)».

литической системы регионов ЦФО. Потребность региональных политических систем всех четырех регионов в реформировании была оценена в среднем на 7,3 балла (разрыв в оценках между регионами составил 2 балла — от 6,3 в Белгородской области до 8,3 в Курской области). Перспектива проведения реформ «снизу» — в среднем на 3,6 балла, реформ «сверху» — на 6,05 балла. Перспектива раскола элит и формирования широкой коалиции за реформы — на 4,1 балла.

Ограниченные возможности тезисного формата диктуют неукоснительность перехода к заключительной части, хотя с позиций содержательной доказательности есть потребность более подробно объяснить существенные проявления сложившихся региональных режимов, их сегодняшних практик и завтрашних перспектив.

Подводя некоторые итоги, можно констатировать, что сформировавшиеся региональные политические системы — это модели, в которых подконтрольность определяет региональную политику. Ее стержнем, ее сердцевинной и воплощением всех управленческих начал является исполнительная власть. Довольно невысокие риски раскола региональной элиты для целей реформирования системы, низкий уровень самостоятельности регионов в условиях обострения социально-экономических, политических обстоятельств влекут за собой потерю навыка брать на себя ответственность, решать проблему фактически, а не имитационно, принимать решения и применять методы управления, адекватные конкретной ситуации. Так называемый технократический подход обусловил невероятную ответственность региональных структур власти не перед обществом, а перед вышестоящими органами государственной власти.

Козинцев А.С.  
(МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, Москва)

## РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА ИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО АРАБСКОГО ГОСУДАРСТВА<sup>1</sup>

К настоящему времени термин «исламская партия» прочно закрепился в арабском политическом дискурсе<sup>2</sup>. Слова «партия», «ассоциация», «движение», «лига», «фронт» используются как синонимы, однако относительно недавно это было не так. По крайней мере, до начала XX в. мусульманские интеллектуалы и активисты намеренно избегали придавать этому термину положительную коннотацию. Само словосочетание «исламская партия» воспринималось как оксюморон, умозрительная конструкция, находящаяся на грани между дозволенным и запретным.

Сложность осмысления *партийности* как социально-политического феномена связана для мусульман с ее неоднозначным определением в исламской доктрине — Коране, Сунне и заключениях исламских богословов и мыслителей, где она этимологически сопряжена с процессами *разделения* и *размежевания*. Партия оказывается противопоставлена *умме*<sup>3</sup> как единой общине верующих: она посягает на ее целостность и существование в согласии с Божественным Законом.

Цель доклада заключается в проведении анализа трансформации понятия «исламская партия» в мусульманском политическом дискурсе. Рассматривая процессы дифференциации ислама и политики как формирование обособленных систем коммуникации, я ставлю перед собой задачу понять, каким образом, несмотря на доктринальные ограничения, словосочетанию «исламская партия» удалось приобрести черты устойчивого политического концепта.

Выдвинуто предположение о том, что по мере социально-политической модернизации арабских стран политическая система присваивает это понятие, тем самым специфицируя исламские ценности на уровне, необходимом для их сочетания с новыми властными институтами и наполнения ими конкретных политических действий. Эта гипотеза проверяется путем анализа темпоральной структуры понятия «партия» в исламской доктрине, текстах первых идеологов Ассоциации «Братьев-мусульман» и риторике современных исламских движений, имеющих устойчивые позиции в национальных парламентах.

Анализ процессов *темпорализации* понятия «партия» (разрыв с кораническим временем и помещение партийности в национальные политические контексты), а также его *прагматизации* (размывание ценностного — преимущественно негативного — ядра и включение понятия в политические документы, публичную политику и научный оборот) позволяет выявить функциональное значение исламских партий. Они стали выступать в роли института, дифференцирующего исламские ценности и обеспечи-

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00922 А.

<sup>2</sup> Здесь под дискурсом мы понимаем помещенный в определенный контекст коммуникативный акт, осуществленный с помощью лингвистических символов.

<sup>3</sup> Наиболее часто используемое значение понятия «умма» — религиозно-политическое сообщество. Впервые встречается в так называемой Мединской конституции (622 г. н.э.).

вающего их сочетание с появившимися в ходе модернизации современными институтами национального государства.

В результате исследования зафиксировано, что по мере усложнения арабских политических систем и социальных изменений *исламские партии* начинают выступать в качестве одного из институциональных посредников между политической и религиозной системами коммуникации. Заложенные в исламской доктрине семантические различия *партийности* (враждующие группировки, внешняя угроза, община верующих, практика совместного нахождения членов общины) предопределили возможность дискуссий о политическом будущем общины, ее взаимоотношениях с государством и инакомыслящими. В свою очередь, процесс формирования в арабских полициях национального сообщества актуализирует борьбу за новые интерпретации коранических принципов и попытки их репрезентации в политической повестке.

Подобная гармонизирующая роль исламских партий приводит к возникновению сущностного противоречия, которое выражается в их попытках представлять всю *умму* (или даже стать *уммой*), сохраняя за собой партикуляристский характер и таким образом посягая на целостность общины. Эта дилемма становится для исламских партий источником постоянного поиска обоснования собственного существования. Чтобы оставаться в согласии с исламской доктриной и соответствовать современным условиям, они вынуждены постоянно обновляться и переопределять свою идентичность. Одно из решений было озвучено тунисской партией «Ан-Нахда»: сосредоточение партии на политических делах и передача ответственности за другие области деятельности (образовательную, культурную и религиозную) гражданским организациям.

Козлова Н.Н., Монахова Ю.А.  
(ТвГУ, Тверь)

## МОЛОДЫЕ ЖЕНЩИНЫ-ДЕПУТАТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕГИСЛАТУР РФ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ<sup>1</sup>

Необходимость данного исследования фундирована стоящими перед российским обществом задачами стабильного и инновационного развития, обеспечиваемого преемственностью в рамках российской политической региональной элиты. Политическая активность молодежи на протяжении всего постсоветского периода является предметом пристального внимания государства. Поскольку современное поколение молодежи формировалось как политический субъект в постсоветских условиях, то его политические ценности, установки, модели политического поведения, проекты будущего России существенно отличаются от старших поколений российских граждан. В связи с этим представляется важным проанализировать социально-политический портрет молодых депутатов региональных парламентов РФ.

Объектом анализа являются политические биографии молодых депутатов (в возрасте до 30 лет) региональных законодательных (представительных) органов субъектов РФ, сформированных в ходе электоральных циклов 2016–2020 гг. Источником информации являются сайты региональных legislatures, специализированные порталы, посвященные депутатам различного уровня, материалы СМИ, сетевые сообщества и т.д.

В законодательных собраниях субъектов РФ из 4099 депутатов — 621 женщина (16%), из них 24 женщины (3,9%) моложе 30 лет, что по отношению ко всему составу депутатского корпуса составляет 0,6%. Наибольшее количество молодых депутатов насчитывается в Сибирском (7 человек) и Центральном (6 человек) федеральных округах, в Уральском и Северо-Кавказском федеральных округах молодые женщины-депутаты не представлены. Сравнивая со статистикой предыдущих лет<sup>2</sup>, можно сделать вывод, что количество мест, занимаемых женщинами-депутатами, незначительно, но увеличилось во всех legislatures региональных парламентов РФ. Все женщины-депутаты до 30 лет имеют высшее образование: экономическое образование получили 6 (25%) женщин, юридическое образование — 5 (20,9%), техническое — 4 женщины (16,7%), медицинское — 3 (13%), педагогическое и политологическое — 2 (8,3%), остальные виды образований представлены одним человеком. В своих аккаунтах во «ВКонтакте» депутатки выкладывают информацию, что получают второе высшее образование.

До избрания в депутатский корпус региональных парламентов молодые женщины трудились по своей специальности и занимались общественно-политической работой: 12 (50%) депутатов являлись помощниками депутата, занимались работой с молодежью, были членами Молодежного правительства или парламента, членами штабов местных отделений «Молодой Гвардии»,

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31690.

<sup>2</sup> Козлова Н.Н., Монахова Ю.А. Женщины-депутаты представительных органов Приволжского федерального округа: опыт анализа политических биографий // Вестник Пермского ун-та. 2019. № 2. С. 57–69.

советниками губернатора и т.д. Шесть молодых женщин (25%) работали в педагогической сфере. Большинство молодых депутатов было избрано по пропорциональной системе — 19 человек (79,2%), соответственно 5 (20,8%) — по мажоритарной системе. Партийная принадлежность молодых депутатов выглядит следующим образом: от «Единой России» было избрано 12 (50%) женщин, от ЛДПР — 5 (20,9%) депутатов, от КПРФ и «Справедливой России» — по 3 женщины (12,5%), от партии «Новые люди» — одна депутатка, что составляет 4,1%. Большинство женщин являются рядовыми членами парламента, однако пятеро (20,9%) из них являются заместителями председателя комитета, одна (4,1%) занимает пост председателя комитета. Шесть (25%) женщин-депутаток были избраны в legislatury субъектов РФ второй раз. Большинство женщин (20 — 83,3%) родились в том субъекте РФ, в котором были избраны. На момент избрания 10 (41,7%) депутаток были замужем; 9 (37,5%) депутаток — не замужем; одна депутатка (13%) находилась в разводе; 4 (16,7%) женщины информацию о семейном статусе не предоставили. При этом 5 (20,8%) женщин имеют одного ребенка; одна депутатка (4,2%) — двух детей; 13 женщин (54,2%) детей не имеют; 5 (20,8%) женщин информацию не предоставили.

Таким образом, для депутатского корпуса региональных парламентов РФ характерен низкий уровень представленности женщин-молодых депутаток. Основными партиями, которые продвигают молодых женщин в региональные парламенты, являются «Единая Россия» и ЛДПР. Роль, выполняемая женщинами в представительном органе субъекта Федерации, — это роль рядового депутата, но отдельные депутатки продвигаются по карьерной лестнице. Образовательный уровень молодых депутаток высокий, кроме того, у них имеется опыт общественно-политической деятельности. Молодые депутатки успешно совмещают семейные и профессиональные роли. В целом характеристики социально-политического портрета позволяют сделать вывод о высоком политическом потенциале молодых депутаток.

*Кольба А.И.  
(КубГУ, Краснодар)*

## **ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ СНИЖЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАСТИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В КОНФЛИКТАХ: РОССИЙСКИЕ ПРАКТИКИ<sup>1</sup>**

Одной из основных задач реализуемого в 2019–2021 гг. исследовательского проекта стало определение политических методов снижения деструктивного потенциала участия городских сообществ в конфликтах (как в теоретическом, так и в практическом аспекте). В рамках данной публикации будут кратко представлены выявленные в ходе исследования методы такого рода, используемые в городских политических практиках.

В основе исследования лежат данные, полученные в ходе анализа интервью с лидерами и активистами городских сообществ (2019 г.), результатов экспертного опроса (2020 г.), а также ряда конкретных ситуаций конфликтов с участием городских сообществ в крупных региональных центрах РФ (Воронеж, Краснодар, Ярославль).

Одной из распространенных практик, реализуемых во избежание открытого протеста городских сообществ в ходе конфликтов, является кооптация их лидеров во властные или околовластные структуры городского уровня. К ее проявлениям относится назначение на должности в муниципалитетах, реже — избрание в представительные органы муниципальной власти, а также включение общественных активистов в советы, комиссии, комитеты при органах МСУ. При этом кооптированные лидеры, как правило, продолжают позиционировать себя как представители общественных интересов, в том числе и в коммуникациях с сообществами.

Разновидностью подобной практики является предоставление активистам «особых условий» общения с представителями муниципальных властей (через неформальные каналы коммуникации). В своих интервью многие общественники признавали ценным такой канал общения и полагали его эффективным для воздействия на принятие решений по поводу конфликтов.

Местные власти также широко используют потенциал сетевых интернет-платформ, прежде всего через участие своих представителей в тематических группах по городским проблемам. Здесь присутствует широкий спектр практик — от диалоговых до манипулятивных. Так как эксперты оценивают интернет-каналы коммуникации как весьма значимые для сообществ, такого рода присутствие позволяет отслеживать тематику общественно-политического дискурса и вести с ним работу. Как показывает

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00571 «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала».

исследование конкретных ситуаций конфликтов, наиболее эффективны взаимодействия такого рода для решения локальных конфликтных ситуаций (по поводу незаконного строительства, коммунальных проблем) или привлечения внимания к ним. Однако на более масштабные вопросы городского развития контакты такого рода не обращают практически никакого внимания.

Достаточно эффективным с точки зрения контроля над сообществами оказывается сдерживание их численности. Местные органы власти в принципе поощряют деятельность локальных соседских сообществ или, по крайней мере, открыто не препятствуют ей. При этом тематические сообщества (по вопросам транспорта, городского благоустройства), стремящиеся действовать в масштабах всего города, сталкиваются с сопротивлением.

Определенную роль в конвертации противоречий между городскими сообществами и другими акторами городского развития (бизнесом, властными структурами и др.) в конструктивные практики играет и тип реагирования местных властей на их действия в различном формате. Как отмечают А.В. Соколов и Д.Е. Палатников, при попытках политизации конфликта органы власти реже идут на контакт с лидерами городского сообщества, тогда как в случае неполитизированных конфликтов вероятность решения вызвавших их проблем более высока<sup>1</sup>.

Подводя итоги, следует отметить, что применение местными властями достаточно широкого спектра политических методов снижения деструктивного потенциала участия городских сообществ в конфликтах в целом приводит к тому, что случаи политизации их деятельности, тем более выступления с открытыми политическими протестами, относительно редки. Минусом имеющихся практик, на наш взгляд, является общее снижение активности городских сообществ в сфере принятия решений по стратегическим вопросам развития крупных региональных центров.

Колянов А.Ю.  
(СПбГЭУ, Санкт-Петербург)

## **СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**Р**азвитие технологии искусственного интеллекта (ИИ) сопровождается интенсивными дискуссиями в общественно-политической среде. Вслед за распространением алгоритмов в экономике и промышленности компьютерные технологии закономерно проникают в политические процессы. Искусственный разум рассматривается как один из важнейших ресурсов для достижения мирового лидерства и вполне может стать причиной «гонки вооружений» XXI в., поэтому понятно желание политиков контролировать развитие технологии и определять смысловые рамки ее публичного восприятия. Так, к началу 2020-х годов более 50 стран инициировали создание национальных стратегий и программ развития ИИ. Отмечается потребность в морально-этическом регулировании технологии. К концу 2020 г. ЮНЕСКО был разработан черновой вариант рекомендаций по этике ИИ, этическими вопросами применения технологии занимаются Европейская комиссия и ОЭСР.

Изучение семиозиса технологии ИИ является актуальной научной задачей. Обратившись к описанию компонентов семиозиса у Ч. Морриса («знаковое средство–десигнат–интерпретанта–интерпретатор»), в качестве последнего компонента можно выделить сообщества, вырабатывающие правила интерпретации технологии. Это политические институты, экспертные группы, медиа и др. Дальнейшая задача: изучить семиозис технологии в одном из трех измерений: семантическом, синтаксическом и прагматическом<sup>2</sup>. И.В. Фомин и М.В. Ильин указывают на то, что «лишь на уровне семантики» может быть эффективен метод контент-анализа<sup>3</sup>. Для изучения представления искусственного интеллекта в общественно-политическом дискурсе был проведен контент-анализ, эмпирическую базу которого составили материалы общественно-политических медиа, опубликованные в период с 2010 по 2020 г. Медиа были разделены по формальному и технологическому критериям на три группы: пресса, телевидение, Интернет (всего около 40 источников). В результате были отобраны 23 единицы анализа: искусственный интеллект, технология ИИ, алгоритмы, самообучающиеся алгоритмы, оптимизация, нейросети, автоматизация, самообучающиеся системы, роботы-помощники, нейронные сети, естественный язык, робототехника, машинное обучение, синтезированная речь, массив данных, разработка программного обеспечения, разработчики, данные нейросети, цифровые технологии, развитие высоких технологий, система интеллектуального распознавания, IT-специалисты,

<sup>1</sup> Соколов А.В., Палатников Д.Е. Природа и конфликтные стратегии городских сообществ в условиях виртуализации политического пространства // *Власть*. 2019. № 6. С. 100.

<sup>2</sup> Моррис Ч.У. Основания теории знаков // *Семиотика: Антология*. М., 2001. С. 47–50.

<sup>3</sup> Фомин И.В., Ильин М.В. Зачем семиотика политологам? // *Политическая наука*. М., 2016. № 3. С. 25.

цифровая экономика. Представление единиц анализа учитывалось как положительное, отрицательное или нейтральное.

За изученный период во всех группах наблюдается общая динамика роста числа упоминаний. В Интернете число единиц анализа в публикациях за 10 лет выросло в 40 раз (с 319 в 2010 г. до 12 813 в 2020 г.). В прессе пиковые периоды по количеству упоминаний пришлись на 2014 и 2017 гг., также рост наблюдался ближе к 2020 г. Телевидение стало больше уделять внимания теме ИИ с 2018 г.

Соотношение положительного/отрицательного контекста изменилось с начала десятилетия с 63 к 37% до 52 к 48%. Положительный контекст составили повышение производительности труда, обработка большого объема информации, быстрота, отсутствие эмоций, способность выполнять рутинную работу, обучаемость, повышение эффективности труда, точность результатов, решение сложных задач, повышение качества, минимизация ошибок, повышение безопасности. Негативный контекст ИИ формировали безработица, повышение требований работодателей, способность привести к катастрофе, использование против других стран, вред для окружающей среды, интеллектуальное превосходство над людьми, выход из-под контроля, вред для людей, зависимость от машин, тотальный контроль, незтичность.

В итоге были выделены контекстные поля, формирующие смысловые рамки интерпретации ИИ в изученный период. Это:

- признание к концу 2010-х годов правительствами крупнейших мировых держав ИИ одним из ключевых ресурсов, необходимых для достижения и удержания лидирующих позиций;
- утверждение программных и стратегических документов в области развития ИИ крупнейшими международными организациями и правительствами национальных государств;
- рост инвестиций крупных мировых компаний для использования роботов и ИИ с 2014 г.;
- распространение *big data* и технологий анализа больших объемов информации.

Представляется, что дальнейшее изучение уровней семиозиса технологии ИИ возможно в рамках данных полей.

Комарова К.А.  
(НГТУ, Новосибирск)

## ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ<sup>1</sup>

В настоящее время в таких странах, как Япония, Китай и Республика Корея, активно обсуждается вопрос гендерного равенства. Проблема женского движения в рассматриваемом регионе включает множество факторов: от борьбы с сексуальным насилием до политического участия женщин. Для Республики Корея актуальным остается вопрос о необходимости адаптации и трансформации концепции гендерного равенства. Расходятся мнения насчет того, каким образом корейское общество принимает идею равного положения мужчин и женщин. Конфуцианская традиция, которая также регулирует отношения между полами, до сих пор остается сильным нравственным ориентиром. Необходимость рассмотрения женского движения в Корее обусловлена не только растущим интересом научного сообщества к социальным проблемам на Востоке, но и той самой двойственной картиной, которую можно наблюдать в корейском обществе: внутренняя борьба между традиционными представлениями и современными тенденциями в сфере отношений между мужчинами и женщинами.

Однако стоит отметить, что проблема гендерного равенства включает в себя не только «женский вопрос», но и диалог с мужчинами, а именно каким образом люди с разной половой принадлежностью реагируют на вызовы общества в контексте гендерных отношений. Для Республики Корея подобное утверждение является актуальным, так как патриархальные конфуцианские ценности напрямую влияют не только на женщин, но и на мужчин (необходимость построить успешную карьеру и завести семью к 30–35 годам, порицание разводов, необходимость содержания семьи в одиночку, слабая государственная поддержка родителей-одиночек).

Рассматривая в качестве кейса Республику Корея, можем отметить, что ситуация складывается неоднозначная. Южная Корея — страна с устойчивыми традициями, в условиях которых вопрос гендерного равенства представляет собой проблему столкновения традиционных ценностей и интернационализации западных по происхождению ценностей гендерного равенства. Изучение «женского вопроса» в Южной Корее фактически невозможно без анализа влияния гендерных стереотипов, сложившихся в рамках корейской патриархальной культуры. Несмотря на то что историческое положение женщин

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках реализации программы развития НГТУ, научный проект № С21–29.

менялось — от полного послушания и ограничения прав женщин в XV–XVIII вв. до частичной трансформации роли женщины в обществе, — современное корейское общество не до конца готово к полному принятию западных идей гендерного равенства.

С развитием движения #MeToo и феминизма в Корее женщины начали активно обсуждать и обращать внимание общественности на проблему гендерного неравенства как в профессиональной сфере, так и в сфере политики и публичного права.

Сексуальное насилие в отношении женщин — одна из самых острых социальных проблем, которые обсуждаются в медиапространстве. Корейские женщины предполагают (без опоры на статистику), что более 90% девушек когда-либо подвергались сексуальному харассменту<sup>1</sup>. По официальной статистике «Национального агентства по безопасности Республики Корея», на 2019 г. насильственные действия сексуального характера составили 23 531 случай<sup>2</sup>. Многие публичные личности (такие, как бывший мэр Сеула Пак Вонсун) обвиняются в подобных преступлениях.

Изучая профессиональную сферу, можно сказать, что в большинстве случаев для жителей Республики Корея, в том числе и женщин, характерно стремление поступить на работу в престижную компанию. Со второй половины XX в., когда женщинам было предоставлено больше возможностей для получения образования и трудоустройства, выбор профессий также расширился — все больше женщин устремились на службу в полицию и армию. Тем не менее данная сфера еще более подвержена стереотипизации в отношении женщин. Самый главный вопрос не в том, могут ли женщины поступать на военную или полицейскую службу, а в том, должны ли физические стандарты быть одинаковыми для обоих полов (в корейском инфопространстве мнения на этот счет расходятся).

Несмотря на то что положение корейских женщин за прошедшие 70 лет заметно улучшилось, до сих пор корейское общество не всегда воспринимает всерьез стремление женщины построить хорошую карьеру в разных профессиональных областях, а такие примеры женского успеха, как первая корейская женщина-космонавт Ли Соён, становятся скорее исключением из правил и могут быть как ориентиром для корейских девочек, так и объектом осуждения: «женщина без мужа».

**Комаровский В.С.**  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## **ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО СТРАНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПЕРЕМЕН<sup>3</sup>**

**Д**оклад основан на данных трех исследований, осуществленных по единой методике фокус-группового интервью групп студентов десяти вузов страны, расположенных в различных городах (регионах) России — 2019 г. (в 2020 г. в четырех вузах, в 2021 г. — в трех).

В сравнении с 2019 г. в 2020 г. появились два новых событийных ситуативных фактора возможного влияния на образ будущего: пандемия и принятие поправок к Конституции страны. В 2021 г. — продолжающаяся пандемия и выборы в Государственную Думу. Ключевыми теоретико-методологическими посылами исследования были:

- образ страны включает следующие составляющие: образ территории (природа, экономика, социальная сфера); образ народа, проживающего на данной территории; образ власти; образ лидера; миссия страны и ее роль на международной арене;
- вторая ипостась анализа образа будущего страны — его согласованность и целостность по линии: цель, средства, акторы, результат;
- образ желаемого будущего — это не научный прогноз и не сценарный анализ состояния страны к тому или иному сроку. Он всегда так или иначе отражает условия наличия бытия тех субъектов, которые формируют (у которых формируется) этот образ. Главная его [образа] черта — репрезентация идеального, соединенная с нравственно-этическими оценочными суждениями.

Соответственно, целью исследования в 2020 и 2021 гг. было: выявить, как объективные, ситуативные факторы влияют на формирование образа желаемого будущего. Предполагалось, что наибольшее влияние оказывает пандемия, так как наиболее уязвимой категорией населения оказалась именно молодежь<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Что корейцы думают о сексуальном насилии: видеоматериал YouTube канала Asian Boss. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=T-CLIXbRfo> Загл. с экрана (дата обращения: 26.06.2021).

<sup>2</sup> Национальное агентство по безопасности Республики Корея: официальный сайт. URL: <https://police.go.kr/eng/main.do> Загл. с экрана (дата обращения: 26.06.2021).

<sup>3</sup> Доклад подготовлен в рамках реализации проекта РФФИ и ЭИСИ № 21-011–31336 «Образ будущего России в представлениях учащейся молодежи: факторы формирования и трансформации в условиях перемен и кризисов».

<sup>4</sup> Общество и пандемия. Опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / Под ред. В.А. Мау. М., 2020. — 744 с.



Обсуждение результатов исследования. В 2019 г. автор фиксировал, что если у большинства населения образ России скорее положительный, чем отрицательный<sup>1</sup>, то у студентов наоборот — скорее отрицательный, чем положительный. Студенты более адекватно оценивают ситуацию в стране, и у них более высокие запросы, образцы для сравнения. Наибольшую неудовлетворенность у студентов вызвали: социальная сфера, экономика, экология, система управления, действия власти. Обобщающий вывод: по мнению большинства студентов, страна нуждается в кардинальных переменах, иначе у нее нет перспектив, ей гарантирована отсталость не только от Запада, но и от Китая и даже Индии. Одновременно: Россия располагает необходимыми ресурсами для осуществления назревших перемен, может войти в число самых развитых, благополучных стран, что позволяет классифицировать образ будущего России в сознании студенческой молодежи как условно положительный. Главный актор предполагаемых перемен — молодежь, но никак не старшее поколение, «одурманенное телевизионной пропагандой и не способное на решительные действия»<sup>2</sup>.

Вместе с тем даже среди студентов одной группы не обнаружено консолидированного мнения относительно будущего России, хотя можно было зафиксировать и некоторые относительно устойчивые, воспроизводимые в разных группах паттерны желаемого будущего.

Средства и методы достижения желаемого будущего страны в сознании студентов четко не фиксировались. В 2020 г. ситуация несколько изменилась: у студентов обострилось ощущение необходимости и неотложности перемен, а главным драйвером этих перемен может стать приход к власти нового поколения политиков и их победа на честных и открытых выборах (не обязательно в 2021 г.). В числе необходимых перемен, отвечающих желаемому образу будущего, чаще стали называться состояние медицины (что естественно), экология, политическая организация общества (главным образом обеспечение принципа сменяемости властей). Общая условно положительная оценка студентами будущего России в целом осталась неизменной. Более того, отмечалось снижение престижности в глазах студентов западных стран, желание эмигрировать в одну из них, стал ярче проявляться запрос на единение общества, необходимость сплотиться над общей бедой, что можно считать одной из основных особенностей национального характера. По остальным обозначенным выше позициям, характеризующим образ желаемого будущего, исследование 2020 г. в сравнении с 2019 г. различий не выявило (исследование 2021 г. не завершено). За одним важным исключением: заметно возросло число студентов, не только предлагающих свой проект благополучного будущего России, но и готовых за него бороться именно как за свой проект. На данном этапе — легальными методами, но все может измениться.

*Комбаев А.В., Борисова А.С.*

*(Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ)*

## **ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ МОЛОДЕЖИ г. УЛАН-УДЭ в 2021 году**

**В** России за последний 2021 г. прошли масштабные по географическому охвату акции протеста, которые прокатились практически по всем регионам России, движущей силой протестных акций в подавляющем большинстве стали молодые люди. В Улан-Удэ это были студенты ССУЗов. Официальной причиной протестной активности стал арест оппозиционного политика А. Навального, но, на наш взгляд, массовые протесты по большей части олицетворяли желания молодых людей исправить то, что они искренне считают неправильным. Политик А. Навальный послужил неким проводником чаяний и надежд молодежи на изменение политической ситуации, в общем-то за изменения к лучшему и выступали молодые люди.

С целью изучения политических настроений молодежи был проведен анкетный опрос. На начальных этапах нашего исследования с помощью простого вероятностного отбора, используя таблицу случайных чисел, было выбрано 12 средних специальных учебных заведений Улан-Удэ. Таким образом, в результате проведения исследования из 12 ССУЗов было опрошено 1350 человек (мужчины — 699, женщины — 651).

По результатам нашего исследования ключевыми политическими проблемами, которые требуют скорейшего разрешения, молодые люди считают:

- коррумпированность чиновников (32,3%);
- отсутствие действенных механизмов сменяемости власти в лице Президента страны В. Путина (12,5%);

<sup>1</sup> Шестопал Е.Б. Образ своей страны в сознании граждан как фактор формирования идентичности: политико-психологический аспект // Траектория политического развития России: институты, проекты, акторы. М.: МПГУ, 2019. С. 445.

<sup>2</sup> Образ будущего России глазами молодежи: Монография / Под ред. В.С. Комаровского. М.: Аспект Пресс, 2021. — 224 с.

- по ощущениям молодых людей, сегодня крайне низкий уровень политической культуры у общества, что не позволяет действенно противостоять несправедливости, источником которой молодые люди видят президента страны и чиновников (22,3%).

Большинство опрошенных респондентов—молодых людей (62,2%) считают, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей». Самый низкий уровень доверия у молодежи был выявлен по отношению к президенту РФ, премьер-министру РФ, парламенту РФ, а также правительству РФ.

Высокая степень недовольства молодежи сложившимся положением вещей, очевидно, связана с ощущением кризиса и отсутствия будущих перспектив. Молодое поколение сегодня сфокусировано на себе, они хотят получить от жизни удовольствие во всех сферах — от работы и продвижения по социальной лестнице до путешествий, но при этом осознают, особенно в таком отдаленном регионе, как Бурятия, вероятно, что их желания так и останутся желаниями.

Наиболее серьезными социальными проблемами молодежь считает:

- безработицу — 146 (21,4%);
- низкий уровень жизни — 120 (17,6%);
- низкий уровень социальной поддержки для населения — 108 (15,8%); молодыми людьми было отмечено, что социальная поддержка, оказываемая на уровне региона, не всегда отвечает истинным запросам нуждающихся слоев населения.

Что касается ожиданий от государства самих молодых людей, то в целом они предсказуемы — получить хорошее образование и успешно трудоустроиться. Оценивая вероятность, что ожидания воплотятся в жизнь, практически половина опрошенных молодых людей ответили (49,2%), что при сложившихся политических условиях ожидания успешной карьеры и реализации внутреннего потенциала практически невозможно.

Оценивая эффективность системных инструментов реализации политических прав, таких как выборные процедуры, мнения молодежи разделились. 43,1% опрошенных молодых людей считают, что, только используя свои права, прежде всего право голоса, можно добиться постепенно изменений в лучшую сторону. Диаметрально противоположного мнения придерживаются 56,8% опрошенных, они считают, что при нынешней политической системе, как в регионе, так и на уровне центра, выборами изменить ничего нельзя, так как они все равно будут сфальсифицированы в пользу правящей партии и президента страны.

Мы попытались выяснить, почему молодежь вышла на улицы города и приняла участие в протестных шествиях в поддержку А. Навального, и получили три наиболее популярные причины: любопытство — 256 (32,6%); недовольство политической ситуацией — 243 (30,9%); обеспокоенность социально-экономическими проблемами в стране — 174 (22,1%).

В целом, анализируя политические настроения молодежи в период протестных акций, мы пришли к следующим выводам:

- степень политического доверия как к действующему президенту страны, так и к институтам власти у молодежи невысока;
- ключевыми политическими проблемами, которые требуют скорейшего разрешения, молодые люди считают коррумпированность чиновников, отсутствие действенных механизмов сменяемости власти, низкий уровень политической культуры общества;
- наиболее серьезными социальными проблемами молодежь считает безработицу, низкий уровень жизни, некачественное предоставление социальной поддержки для населения;
- более половины молодых людей не верят в эффективность системных методов осуществления власти в виде выборных процедур.

**Комлева Н.А.**  
(Центр геополитического анализа, Екатеринбург)

## **ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19**

**П**андемия COVID-19 меняет не только внутреннюю политику государств, но и некоторые параметры геополитического процесса.

Определяющим глобальным трендом станет уже происходящая цифровизация общества. Компании, производящие средства контроля над населением, а также предоставляющие удаленный доступ к различного рода услугам, расцветут; в правовых системах государств появятся нормы, закрепляющие тотальный цифровой контроль над гражданами (для предотвращения реально возникающих угроз общественной безопасности); значительная часть функций государственных и муниципальных органов власти перейдет в цифровой формат; продажи большей части товаров и услуг (включая меди-

цинские и образовательные) перейдут в интернет-пространство. Одним из последствий такого положения дел будет высвобождение значительных объемов рабочей силы, становящейся просто лишней в условиях цифровой экономики, что вызовет как всплеск социального напряжения, так и дополнительную нагрузку на систему социальных гарантий социума. Кроме того, массовое и постоянное использование цифровых девайсов ведет к определенной деградации психики: пропадает поисковая активность, утрачивается самостоятельное целеполагание, доминирует психология толпы. В этом случае деградирует не только объект, но и субъект управления социумом, примитивизируется сам по себе геополитический процесс, и вместо сложных решений доминируют простые, чаще всего основанные на военной силе.

Второй тренд — так называемая борьба орла (белоголовый орел — символ США) и дракона (символ КНР), усиленная в данный момент обвинениями Китая со стороны США в искусственном провоцировании пандемии. Не входя в подробный анализ причин и форм противостояния данных государств, отметим лишь две особенности этого процесса. Первое: борьба США и КНР заканчивает период однополярного мира и восстанавливает биполярность мирового геополитического пространства в соответствии с концепцией геополитического дуализма, утверждающей непреходящее противостояние сверхдержавы Суши (в данное время — Китай) и сверхдержавы Моря (в данное время — США). КНР — это «социализм с китайской спецификой», т.е. сочетание политического доминирования Компартии Китая и капиталистического сектора китайской экономики. Дэн Сяопин, следуя, по всей вероятности, формуле Мао Цзэдуна «бороться острием против острия», в 1978 г. начал свои реформы, как нам представляется, именно с целью формирования адекватного оружия в борьбе против мирового капитализма в той его форме, которая складывалась во второй половине прошлого века: растущее мировое влияние ГК/ТНК. Современный Китай имеет собственные ГК/ТНК, не уступающие ГК/ТНК западного мира по возможностям экономической экспансии и геополитического влияния. К тому же пандемия наглядно продемонстрировала реальные «преимущества социализма», активно осуждавшиеся во всем мире на протяжении последних тридцати лет, т.е. способность жесткого ограничения прав и свобод индивида ради эффективного (а в случае текущей пандемии и эффективного!) достижения общественно значимой цели. Таким образом, возвращается не просто геополитическая биполярность мира, но и жесткое противостояние «капитализм — социализм», хоть и «с китайской спецификой», что, возможно, повлечет за собой в перспективе некоторое ограничение функций ГК/ТНК западного мира в аспекте их взаимодействия с государством, так или иначе вынужденным обеспечивать «социальный пакет» как для традиционно опекаемых государством малоимущих слоев населения, так и для «среднего класса», имеющего отчетливую перспективу маргинализации в связи с пандемией и накладываемыми ею социально-экономическими ограничениями.

Третий тренд глобального развития, усиливающийся в связи с пандемией (ограничимся «мистическим» числом три): эрозия государственного суверенитета и еще более активное функционирование государства в качестве выразителя интересов корпораций. При этом процесс парадоксальным образом идет на фоне реверсивного восстановления (ЕС) и укрепления государственных границ в связи с пандемией. Однако граница — это лишь географическая составляющая государственного суверенитета, который имеет еще несколько аспектов, в том числе экономический, культурный и политический. Нетерриториальные аспекты суверенитета будут изнутри подтачиваться растущим недоверием и даже прямым осуждением внутренней политики государств со стороны класса «новых бедных», а извне — получившим новый импульс экспансионизмом ГК/ТНК. И все это под аккомпанемент призывов ограничить суверенитет с целью преодоления угроз глобальной безопасности.

Кондратенко К.С.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## АСПЕКТЫ КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ РЕКУРСИВНО-СЕНСОРНОГО УПРАВЛЕНИЯ<sup>1</sup>

Управляющие системы по определению диалектически связаны с системами управляемыми, поскольку управляющей мы можем назвать лишь такую систему, которая управляет управляемой, а управляемой — ту, которая управляема управляющей. Из этого следует, что процесс управления связан с определенными элементами внутри управляемой системы, отвечающими за процедуру взаимодействия, поведение, анализ. Однако среди всех элементов управляемой системы наиболее важным представляется ценностное восприятие управляющей системы.

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 19–18–00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

Наличие ценности, оформленной в виде смысла, свидетельствует о том, что управляемая система выстраивает в себе некий образ управляющей системы, воспринимаемой как смысловой объект, и вне себя пытается навести коммуникативные мосты с этим объектом. Следовательно, основные способности, или функции управляемой системы, — рациональность и умение конструировать смыслы. Ввиду этого такой тип систем получил название *рационально-смысловой системы*<sup>1</sup>.

Из этого следует, что для осуществления качественного управления недостаточно выдвигать определенные требования, ставить задачи и формировать различные цели. Качественное управление должно быть основано на увеличении потенциала рационально-смысловой системы, заключающегося в формировании проекта ее развития и совместном обсуждении стратегии достижения желаемого обсуждения. Рациональность и смысловая ориентация не просто становятся функциями одной из систем, они становятся базовыми институциональными основаниями взаимодействия систем.

Для того чтобы осуществить подобные действия, управляющей системе необходимо в первую очередь постоянно принимать сигналы от рационально-смысловой системы, посредством анализа которых она сможет понять, приближается или отдаляется управляемая система от поставленных целей, а также обладать способностью формулировать эти цели. Сигналы принимаются посредством рецепторов, данные которых отправляются в различные структурные компоненты управляющей системы, которые многократно анализируются и синтезируются до тех пор, пока не будет получен реальный образ рационально-смысловой системы и подготовлен проект ее развития. Ввиду того что сама управляющая система участвует в развитии управляемой системы, основную функцию можно обозначить как рекурсию, а саму систему — как рекурсивно-сенсорную.

В рационально-смысловых системах обычно блок, отвечающий за формирование смыслов, имеет большее значение, чем рациональный блок. Подобный дисбаланс компонентов рекурсивно-сенсорная система устраняет за счет формирования образа себя, стимулируя рационально-смысловую деятельность к выполнению требований и реализации поставленных задач. Помогая «коалиции компонентов», рекурсивно-сенсорная система достигает баланса элементов внутри рационально-смысловой системы, переводя взаимодействие типа «господство—подчинение» в партнерский тип взаимодействий. Дисбаланс в сторону рациональных компонентов будет означать, что рационально-смысловая система теперь сама способна к рекурсивно-сенсорной деятельности, после чего взаимодействие систем может быть прекращено, сокращено или формализовано.

Модель рекурсивно-сенсорных систем, с точки зрения автора, имеет определенный объяснительный потенциал как политических процессов, так и цифровизации государственного управления, ориентирующегося на сбор и анализ данных с последующим извлечением полезной информации. При этом базовое соотношение систем, стремящихся к иерархическим или же сетевым формам взаимодействия, имеет существенное значение. Помимо этого, описанная выше теория может стать вкладом в дискуссию о природе рациональных систем и внести скромный вклад в системологию.

**Константинов М.С.**  
(ЮрФУ, Ростов-на-Дону)

## **КОГНИТИВНЫЕ МАТРИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2014–2021 гг.)**

С 2014 по 2021 г. сотрудниками Южного федерального университета совместно с коллегами из Южного научного центра РАН была проведена серия социологических обследований студенческого сознания. В методологическом плане в основу исследования была положена авторская концепция когнитивно-идеологических матриц, под которыми понимается дорефлексивная политически нейтральная среда, формирующая протоэлементы политических идеологий (идеологемы и концепты) из элементов седиментированного социального опыта индивида. Понятие когнитивно-идеологических матриц описывает «нулевой уровень», на котором возникает идеологическая «протоплазма» (идеологемы) посредством формирования предрасположенности индивида к той или иной, а чаще сразу к нескольким идеологиям. Результатом рефлексии идеологом выступает кристаллизация идеологических концептов. По мнению авторского коллектива, изучение ключевых характеристик когнитивно-идеологических матриц, формирующихся в студенческом сознании, позволяет прогнозировать динамику кристаллизации основных идеологических установок в этом сознании средствами анкетированных опросов в сочетании с методикой фокус-групп. В методическом плане первые два исследования (2014–2016 и 2018–2019 гг.) включали серию свободных групповых интервью, которыми предварялись анкетированные опросы, и фокус-группы, по результатам которых проверялись и уточнялись качественные характеристики количественных

<sup>1</sup> Кондратенко К.С. Элементы теории рационально-смысловых систем // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 459. С. 113–118.

метрик, полученных в результате анкетированных опросов. В 2021 г. предварительного свободного интервью не проводилось, но на октябрь 2021 г. запланирована серия фокус-групп.

В процессе исследования были получены следующие три блока результатов.

На первом этапе (2014–2016 гг.) была разработана и апробирована система категорий для изучения доконцептуального уровня формирования идеологий в массовом сознании: понятие «смутных идеологем» (М. Бахтин), «плавающих означающих» (С. Жижек), модусов периферийности (М. Фриден), мигрирующих концептов (С.П. Поцелуев, М.С. Константинов) и др. Применение указанных категорий при изучении праворадикальных идеологем в сознании студентов Ростовской области выявило высокий эвристический потенциал концепции, но при этом продемонстрировало необходимость расширения ее возможностей для исследования связи между дорефлексивным уровнем идеологем и уровнем развитых идеологических концептов.

Для этого на втором этапе (2018–2019 гг.) авторским коллективом была разработана теория когнитивно-идеологических матриц, дополнившая принятую в когнитивных науках (и восходящую к «матрице понимания» Ст. Тулмина) трактовку матрицы как концептуальной структуры, определяющей для индивида смысл социальных ситуаций, двумя ключевыми аспектами, актуализирующими собственно политическое и идеологическое содержание категории когнитивной матрицы:

- концептуальной вариативности и подвижности элементов матрицы идеологических концептов в структуре идеологии (с учетом выявленной У.Б. Гэлли «сущностной оспариваемости понятий» политического языка и элегантного решения этой проблемы М. Фриденем в неологизме «деконстация»);
- влияние идеологических концептов (посредством смыслового атрибутирования значимых ситуаций) на attitudes субъекта с целью побуждения к действию/бездействию. Соответственно, наиболее важное значение авторы придали изучению не только и не столько тех когнитивных элементов матрицы, которые посредством идеологизированного оценивания получаемой информации приводят к формированию и активизации тех или иных установок субъекта, сколько тех элементов матрицы, которые по своим функциям напоминают «инертный газ» в естественных науках, деактивируя (до возникновения «лиминальной ситуации») хранящиеся в памяти идеологические концепты, открытая декларация которых в данный момент времени и в данной социальной ситуации воспринимается субъектом как неуместная.

На этом этапе работы над проектом была создана и доработана система основных понятий и категорий, введены некоторые дополнительные понятия, такие как «дорефлексивный и рефлексивный слой матрицы», «нулевой уровень идеологии», «мерцающие концепты» и др. Полученный в результате серии групповых интервью и анкетированного опроса (2551 респондент из пяти регионов Юга России) эмпирический материал позволил рассмотреть динамические характеристики когнитивных матриц и разработать понятия «мерцающих» и «мигрирующих» идеологических концептов. Анализ динамики когнитивно-ценностных установок студентов проводился посредством сравнения полученных в результате анкетного опроса 2019 г. данных с данными, полученными в результате социологического обследования 2015 г.

На третьем этапе полученные результаты и выводы были проверены на материалах фокус-групп, и на этой основе была разработана модель динамики «мигрирующих» периферийных идеологических концептов. Проведенный весной 2021 г. анкетированный опрос подтвердил прогностические возможности этой модели.

**Коньков А.Е.**  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ<sup>1</sup>**

Одной из ответных реакций на активный рост популизма в публичном пространстве многих стран и современной демократической модели в целом стало формирование запроса на доказательную политику — механизм двусторонней коммуникации между государством и обществом в целях выработки наиболее объективных и взаимоприемлемых приоритетов социального развития. Расширения явлений постправды, фейк-ньюз и дефицит достоверности и верифицируемости в общественно-коммуникационном дискурсе сформировали ошутимые предпосылки для потребности в государственной политике, базирующейся на надежных и непредвзятых источниках информации — тех, которым доверяют одновременно и власть, и граждане.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31194.

Проблемы множественной дезинформации, которые охватывают разные сферы социальной жизни, продолжают оставаться актуальными и для различных стран по отдельности, и для глобального мира в целом. Внешняя политика государства, остающаяся мишенью как для конкурирующих держав, так и для негосударственных акторов, также нуждается в новых аргументах, которые могли бы фундаментализировать ее «доказательность» как для внешней среды, так и для легитимации со стороны собственного населения. В опоре на доказательные принципы лежат и перспективные механизмы актуализации публичной дипломатии, которая оказалась в непрестом положении как в результате уже укоренившихся вызовов современного миропорядка, так и вследствие масштабного коронакризиса, значительно ограничившего традиционное международное общение.

Показательным примером расширения принципов доказательной политики во внешнеполитической проблематике стало явление вакцинной дипломатии — состязательности глобальных игроков в противодействии пандемии COVID-19, базирующейся при этом на объективных показателях способности к ее преодолению.

В годы активной глобализации и всеобщего консьюмеризма выработалась модель, при которой степень общего влияния глобальных игроков на мировые процессы в значительной мере коррелировала с их экономическими возможностями, способностью провоцировать и поддерживать спрос на производимые товары и услуги, их масштабирование в мировой торговле и международном разделении труда. Богатые страны становились богаче за счет того, что производили то, что нужно странам бедным, а бедные всячески стремились наращивать потребление продукции богатых стран.

В условиях сохраняющейся пандемии подобная модель приобретает новое состояние: страны по-прежнему разделяются на тех, кто производит, и тех, кто потребляет, но уже через призму нового товара, спрос на который имеет все перспективы для длительного восходящего тренда, — вакцины от COVID-19. В сжатые сроки на мировой арене формируется принципиально новый рынок, закрепление на котором вполне может сулить производителям и продавцам ключевые позиции для долгосрочного влияния как на сам ход вакцинации и освобождения планеты от значимого риска, так и на процесс форматирования будущего мироустройства, основанного на способности защитить человечество от реальных угроз его биологической природе.

При анализе вакцинной дипломатии имеет смысл рассматривать не только и даже не столько ее непосредственное влияние на производство и потребление конкурирующих антиковидных препаратов, сколько ее роль в формировании перспективных нарративов мировой политики. В частности, меняющееся качество международного сотрудничества призвано дать ответы на многие висящие в воздухе вопросы — как уже дискутируемые: как перемещаться по миру и нужны ли особые паспорта вакцинируемых, какова позиция отдельного государства и мирового сообщества в отношении не желающих прививаться, — так и лишь готовящиеся войти в повестку: что делать с рынком труда и системой образования после новаций коронакризиса, как дальше поддерживать здравоохранение и, возможно, самое главное: нужно ли, и если да, то как готовиться к появлению такого рода вызовов в будущем — не только при новых волнах самого коронавируса, но и при появлении собственно новых вирусов и пандемий.

Доказательность как стремление к опоре на взаимоприемлемые критерии и индикаторы и их совместное использование для выработки решений — новая стадия динамики публичной дипломатии, отражающая диалогово-консенсусную природу международного взаимодействия, в котором долгосрочные инструменты убеждения последовательно укрепляют свои преимущества перед краткосрочными возможностями принуждения. Современная доказательная политика как средство легитимации решений государства сохраняет все предпосылки и для дальнейшего масштабирования в глобальной системе координат.

Копылова П.С.  
(ФНИСЦ РАН, Москва)

## **НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА<sup>1</sup>**

**К**рупные научные мероприятия в жизни любой общественной организации или даже неофициального объединения единомышленников представляют собой один из наиболее эффективных форматов взаимодействия как внутри структуры, так и с окружающей средой. Например, в деятельности Российской ассоциации политической науки важное место занимают как ежегодные конференции, так и всероссийские конгрессы политологов, проходящие раз в три года. Такие мероприятия становят-

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32256.

ся площадкой для выработки единых стратегий и позиций по широкому спектру вопросов<sup>1</sup>. Крупное мероприятие — высшая точка консолидации сообщества, несмотря на возможные внутренние противоречия внутри сообщества. Ведущими функциями таких мероприятий являются не только научное взаимодействие, мобильность разных уровней, представление тенденций развития отдельной отрасли, но и составление общей тематической картины мира, которая позволяет актуализировать содержание и контуры предметных полей политологии.

Вместе с тем современные объединения все больше начинают быть похожими на сетевые структуры, где элементы относительно свободно взаимодействуют, не находясь в отношениях соподчинения.

Междисциплинарная методология сетевого анализа является одним из наиболее удачных подходов для рассмотрения отношений и взаимодействий социальных групп, и в частности молодежи<sup>2</sup>. Уже к 20-м годам XX в. социологи (Г. Зиммель, Дж. Морено, Э. Дюркгейм), психологи (С. Милграм, Ф. Хейдер, Т. Ньюкомб), антропологи (А.Р. Рэдклифф-Браун, Дж.К. Митчелл), а с развитием компьютерных технологий (с 70-х годов) информатики, математики (теория графов), статистические физики проявляли интерес к исследованию больших сетей. Переход в историческую фазу «информационного общества», о котором писали еще Э. Тоффлер и М. Кастельс, показал важность изучения не только акторов, но и особенностей коммуникации, структуры связи между элементами социальной системы.

Структура таких систем достаточно рыхлая, связи между элементами сети часто образуются стихийно и направлены на решение конкретных задач. В случае научных организаций речь может идти о проведении локальных мероприятий, исследований или написании статей. Таким образом, в случае с научным сообществом мы часто имеем дело с взаимосвязью структурных компонентов (например, профессиональных организаций и структур) и сетевой коммуникации — горизонтальных связей его участников. В итоге формирование общего представления о сфере политического в сознании участников сети происходит благодаря коммуникациям со своими коллегами, что потенциально может устранять действие других факторов, в том числе связанных с нахождением в цифровом пространстве, где часто наблюдаются тенденции к политизации, причем оппозиционной. Таким образом, важно понять, насколько сетевые научные коммуникации способны выступить инструментом деполитизации молодых политологов, какие технологии для этого можно применять.

Главной проблемой является вопрос о привлечении и интеграции молодых политологов в молодежные научные сообщества с перспективой развития их в академической сфере. Крупные мероприятия, направленные на консолидацию сообщества, остаются одним из таких ключевых инструментов. При этом в последние годы заинтересовать молодых политологов становится все сложнее, поэтому вопрос об инструментах привлечения молодых политологов в молодежные научные сообщества стоит достаточно остро.

Коргунюк Ю.Г.  
(ИНИОН РАН, Москва)

## ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО В ДУМСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2021 г.

Тема советского прошлого продолжает занимать не последнее место в риторике политических партий современной России. Это объясняется как российской традицией вписывать действия акторов в широкую историческую перспективу, так и отзывчивостью массового сознания на апелляцию к прошлому. Поскольку ближайшим для постсоветской России является именно советский период, неудивительно, что он остается предметом в том числе и межпартийной дискуссии.

Данная тема уже затрагивалась в работах автора<sup>3</sup>. В частности, на методологической основе концепции размежеваний и теории проблемных измерений и с помощью ряда математических методов (факторный анализ, корреляционный анализ, регрессионный анализ) были выделены два основных размежевания партийных позиций по вопросам советского прошлого: «коммунисты—антикоммунисты» и «либералы—государственники».

<sup>1</sup> Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И., Чугров С.В. Мир и политика сквозь призму научных форумов // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 87–106. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.06>.

<sup>2</sup> Stokman F.N., Doreian P. Evolution of Social Networks: Processes and Principles // Evolution of Social Networks / Ed. by P. Doreian, F.N. Stokman. L.: Routledge, 1997. Vol. 1. P. 233–250; Кучукян А.В. Возможности методологии сетевого анализа в исследовании виртуальных молодежных сообществ // Теория и практика общественного развития. 2017. № 4. С. 24–26; Ганич А.Э., Плисюк А.Г. Теоретико-методологические подходы к изучению структуры молодежных интернет-сообществ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 36–40.

<sup>3</sup> Коргунок Ю.Г. Советское прошлое и межпартийное противостояние: опыт использования количественных методов // Политическая наука. 2021. № 1. С. 274–300.

Факторные нагрузки партий внутри этих размежеваний были сопоставлены с их факторными нагрузками в размежеваниях по более широкому кругу вопросов: в трех основных (системное, авторитарно-демократическое, социально-экономическое) и семи дополнительных, выявленных в трех предметных областях — внутривластной, социально-экономической и «системной» (международная повестка + мировоззренческие вопросы).

Обнаружено, что размежевание «коммунисты—антикоммунисты» сильнее всего коррелирует с основным социально-экономическим измерением, его подтипом «коммунисты—либералы» и вариантом «советские традиционалисты—прогрессисты» системной предметной области.

Размежевание «либералы—государственники» оказалось тесно связано с основным авторитарно-демократическим измерением, но еще больше — с его разновидностью «либералы—лоялисты».

Из этого сделан вывод, что размежевания между партиями по вопросам советского прошлого легко вписываются в картину общих политических размежеваний, фактически теряясь в ней.

Сравнение размежеваний по вопросам советского прошлого с электоральными размежеваниями показало, что для массового сознания эти вопросы не являются особо значимыми. Высокие коэффициенты корреляции нивелировались высоким же уровнем погрешности, что свидетельствует об имеющем место типичном эффекте не включенного в анализ «третьего фактора».

Эти выводы будет интересно сравнить с результатами новых замеров — теперь уже по итогам избирательной кампании в Государственную Думу VIII созыва (19 сентября 2021 г.).

Нет никакого сомнения, что вопросы советского прошлого в ходе этой кампании будут подниматься, как минимум, не менее активно, чем в предыдущий период.

В частности, вопросы о восстановлении памятника Дзержинскому на Лубянской площади в Москве и недопустимости уравнивания коммунистических и фашистских режимов еще год назад были на периферии межпартийной дискуссии — споры по ним, казалось, потеряли свою актуальность.

Однако в конце 2020 — начале 2021 г. они неожиданно вновь всплыли на поверхность, а по поводу недопустимости уравнивания коммунистических и фашистских режимов был даже принят особый закон.

В связи с этим будет небезынтересно узнать, каким образом оживление дискуссии по этим вопросам отразится на месте тематики советского прошлого в избирательной кампании 2021 г.

Короткова А.В.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

## **ШКОЛЬНЫЙ ЭКОАКТИВИЗМ КАК СТИМУЛ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

Приблизительно с последних «предковидных» лет (2018—2019) в мире наблюдается всплеск интереса к экологической тематике в целом и экополитике (как конкретным комплексным мерам) в частности. Пандемия, сместившая фокус внимания на более «прикладные» вопросы, не только не ослабила, но стимулировала этот тренд. О климатическом кризисе, необходимости разработки специальных программ местного и глобального охвата заговорили на всех уровнях: от всемирных организаций и ведущих интеграционных объединений до властей отдельных стран и городов. Появились реальные планы действий, официально разработанные, дискутируемые и принятые для достижения намеченных под эгидой ООН Целей устойчивого развития (где климатическое благополучие заявлено в качестве одной из ключевых), реализации задач Парижского соглашения по климату и пр. Политики и бизнес все-таки заговорили о перспективах так называемого энергетического перехода, преимуществах «зеленых» технологий и сокращении использования углеродных источников энергии. Климатическая тематика переместилась из последних колонок газет и узкоспециализированных изданий на передовицы ведущих таблоидов. Словом, климатический кризис из разряда лишь «сопутствующих» более актуальной повестке вопросов перешел в разряд первостепенных, заставив даже экоскептиков внятно обозначать свое отношение к данной повестке.

Подобный рывок в современном мире был бы невозможен без наличия устойчивой поддержки климатического тренда не только традиционными, организованными «зелеными» активистами и политиками, но и широкими слоями населения. Сегодня такая поддержка налицо, особенно в странах Запада, в отношении которых даже весьма сдержанные эксперты употребляют порой термин «экоистерия». Также исследователи сходятся во мнении, что сильнейшим стимулом продвижения экологических мероприятий на всех уровнях стала поддержка молодежи. Причем весомый вклад в активизацию климатической политики внесли самые юные представители общества — подростки, не имеющие электоральных прав и формально не способные определять политический курс. Случайность или нет, но хронологически педальрование экоповестки со стороны всемирных организаций и принятие программ «зеленого» развития, например, в странах ЕС (и не только) совпало со всплеском «детских» экод-



вижений, самое заметное из которых — «Пятницы ради будущего» — стартовало в 2018 г. с инициативы 15-летней шведки Греты Тунберг.

Экологический активизм в самых разных проявлениях существовал и до «перформанса» Греты. От радикальных направлений до полноценных «зеленых» политических партий, от выступлений в защиту Земли всемирно известных ученых-климатологов до экологических послов доброй воли из числа звезд шоу-бизнеса — все участники данного направления добивались определенных переменных успехов. Однако именно несовершеннолетняя (на тот момент) школьница Тунберг обрела на этом поприще статус глобальной «иконы», получив возможность говорить о грядущих климатических бедствиях с самых статусных мировых площадок. И что еще более важно — заставить мировой истеблишмент обратить внимание на свои призывы, вызвать открытую реакцию (пусть и отрицательную) и не оставить элитам иной возможности, кроме как определить во всеуслышание свою позицию по экологическому вопросу.

Мы опускаем здесь вопросы о конкретных способах, которыми лидеру «Пятниц...» и ее адептам удалось добиться таких успехов. Важно, что этот феномен действительно оказался способным как объединять, так и разъединять общества, демонстрируя порой самые неожиданные их разломы и точки соприкосновения.

С одной стороны, «Пятницы...», воспользовавшись потенциалом имеющихся сегодня новых технологий, сплотили вокруг себя уникальное сетевое сообщество, обладающее массой преимуществ. Оно являет интереснейшее переплетение различных идентичностей, составные части которого дополняют и балансируют друг друга, складываясь «снизу» и на добровольной основе. Вокруг основополагающей экологической повестки объединились представители разных поколений (формально «школьное» движение открыто для поддержки людей всех возрастов), разных национальностей, языковой и культурной принадлежности, различных мест проживания (планетарный масштаб сети и численность их акций говорят сами за себя). Усиленно подчеркивая свою аполитичность, они открыли свои ряды представителям широкого спектра взглядов, единым для которых остается защита будущего общей планеты.

С другой стороны, они же сплотили против себя армию критиков, зачастую весьма достойных и статусных. Это тоже крайне важный показатель потенциала такого рода сообществ. Не считая огульных обвинений личного характера, серьезные деловые противники «климатических подростков» в конечном счете дискутируют с ними единые, важные для всех вопросы климатического благополучия, расходясь лишь в способах и подходах к решению общечеловеческих проблем.

Корюшкин А.И.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДИСКУРСИВНОГО СЕТЕВОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ И РАЗРАБОТКЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Сетевая публичная политика, разворачиваясь в интегрированном с интернет-средой публичном пространстве, «представляет собой одновременно процесс и результат взаимодействия широкого круга разнообразных социально-политических акторов, использующих сетевые ресурсы и технологии для выработки способов решения проблем общественной значимости и их интеграции в управленческую практику»<sup>1</sup>. Вместе с тем, в публичной сфере как информационно-коммуникативном пространстве происходит конструирование групп общественности, участвующих в формировании общественно-политического дискурса. Здесь «конституируются и институционализируются различные политические акторы — участники делиберативного политического процесса, связывающего дискурсивные практики с циклическим производством публичных решений на основе диалога и согласования позиций сторон. На этой основе формируется деятельностно-активистский потенциал, или институциональное измерение публичной политики, характеризующееся эффективностью публичной деятельности акторов и их участия в принятии решений»<sup>2</sup>. Обе эти ипостаси современного политического процесса, его сетевой характер и его дискурсивную природу, соединяет в себе дискурсивный сетевой анализ публичной политики, который представляет собой синтетический эмпирико-теоретический инструмент исследования сетевых и дискурсивных параметров процесса выработки, изменения и смены конкретных политических курсов (*policies*).

Роль дискурса в объяснении процессов публичной политики и разработки конкретных политических курсов (*policies*) явилась предметом исследований в политической науке еще в конце прошлого века в рамках аргументативного подхода. Исходным, базовым положением этого подхода является представление о том, что социальные акторы, противостоящие друг другу в политическом конфликте,

<sup>1</sup> Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 83.

<sup>2</sup> Там же. С. 85.

следуют различным модусам рациональности<sup>1</sup>, в основе которых обнаруживаются различные рамки, фреймы интерпретации, используемые различными конфликтующими группами. Такие фреймы состоят из интересубъективных структур смысла, состоящих из наборов идей, концептов и категорий и придающих смысл социальной реальности и задающих способы ее преобразования. В литературе по интерпретативному подходу группы акторов, участвующие в разработке публичной политики и являющиеся носителями относительно одинаковых фреймов интерпретации, определяются в качестве дискурсивных коалиций. Такие дискурсивные коалиции принимают участие в борьбе за дискурсивную гегемонию, а сама эта борьба за институционализацию своего дискурса является, по утверждению ряда авторов, сутью политики<sup>2</sup>.

Следующим шагом в теоретической разработке темы политического дискурса явился, уже в нынешнем веке, концепт дискурсивного сетевого анализа, собственный вариант которого предложил британский политолог Филип Лейфелд<sup>3</sup>. Следует признать продуктивность и теоретическую значимость интерпретации им публичных политических дебатов как динамических сетей, исследуемых в рамках дискурсивного сетевого анализа. Целью такого политического сетевого анализа является описание структур политического дискурса и логическое выведение порождающих их процессов выработки конкретных политических курсов. Усматривая разрыв, отсутствие важного звена в изучении политических курсов между контент-ориентированными и актор-ориентированными подходами в исследовании политического дискурса, Ф. Лейфелд предложил и успешно реализовал вариант заполнения его на основе новой методологии эмпирического и теоретического анализа политического дискурса посредством концепта дискурсивного сетевого анализа, связывающего каждого политического актора с его контентом, представляющего собой комбинацию качественного контент-анализа и количественного социально-сетевого анализа и призванного концептуализировать и измерять коэволюцию акторов и их контентов в процессе динамических изменений реформирования и смены политических курсов, что свидетельствует о его достаточном объяснительном потенциале и определяет его релевантность задаче исследования дискурсивно-динамического аспекта публичной политики.

**Косов Г.В. (Севастопольский государственный университет, Севастополь),  
Гукасов А.В. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)**

## **БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В КОНТЕКСТЕ ДЕГРАДАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**М**ировая политическая система в настоящий момент претерпевает значительные трансформации, становится более сложной и менее предсказуемой.

Стохастичность, непредсказуемость и неопределенность являются признаками «кроличьей норы» современных международных отношений. В этой ситуации за неимением иных институтов процесс управления мировой политической системой осуществляется за счет использования старых, что неизбежно влечет за собой инструментальный кризис и, как следствие, кризис глобального управления. Появляются технологии по формированию нового мирового порядка, такие как:

- искусственное формирование новых «больших» пространств, разрушающих старую ткань мирового порядка, делящих мир на новые зоны влияния, выводя, посредством включения в новые большие пространства произвольных территорий, тех или иных государств/регионов из под влияния традиционных доминантов;
- формирование на потенциальной территории распада «флибустьерского» государства, которое по сути имеет все атрибуты государственности: валюта, налоги, аппарат принуждения, законодательная и судебная система, социально ориентированный блок. ИГИЛ как раз и явилось результатом технологий международной инженерии по трансформации мироустройства. Представляется, что отработанные на Ближнем Востоке технологии могут быть перенесены в любой регион. Представляется, что территория Европы, с ее множеством противоречий, является основным претендентом на продолжение эксперимента по обкатке подобной технологии преобразования мира;
- «экологический империализм» как специфическая технология, используемая элитами «центра» по отношению элит «периферии» для минимизации их конкурентных преимуществ, основанная на трансляции в периферийные страны зеленых технологий вчерашнего дня, огра-

<sup>1</sup> Clegg S.S. Frameworks of Power. L.: Sage, 1989.

<sup>2</sup> Sederberg P.C. The Politics of Meaning. Tucson, Arizona: The University of Arizona Press, 1984.

<sup>3</sup> Leifeld P. Discourse network analysis: Policy debates as dynamic networks. In: Victor J.N., A.H. Montgomery & M.N. Lubell (Eds.). The Oxford Handbook of Political Networks. Oxford: Oxford University Press, 2017; Leifeld P. Policy Debates and Discourse Network Analysis: A Research Agenda // Politics and Governance. 2020. Vol. 8. Issue 2.

ничение потенциала их развития экологическим дискурсом, использованием международных неправительственных организаций экологической направленности для «блокирования экономической деятельности конкурентов»;

- экономические/финансовые санкции вкуче с монетарной политикой;
- политизация религии и десекуляризация общества.

В ситуации отсутствия возможности для полноценного сотрудничества, как основы выстраивания миропорядка, объемность и многоуровневость формирующемуся новому мировому порядку придает, во-первых, фрагментарная кооперация. Так, например, сотрудничество в сфере борьбы с пандемиями может выступить точкой пересечения международных интересов и явиться своеобразной точкой «сборки» нового мирового порядка. Во-вторых, инверсивность политико-экономических факторов внешней политики современных государств, т.е. постепенное вытеснение экономической выгоды от принимаемых внешнеполитических решений политическими «бонусами».

Кардинальные изменения, произошедшие в рамках системы международных отношений, и неразрывно связанная с ними несоизмеримость целей/задач, которые стоят перед государствами, и средств/инструментов, которыми они располагают, не могли не отразиться на их внешнеполитическом поведении. Все это привело к тому, что сегодня государства проявляют максимальную гибкость и стараются не принимать на себя долгосрочные обязательства, поскольку последние могут выступать в качестве ограничений в постоянно меняющемся мире.

Важно отметить, что следствием происходящих глобальных трансформаций является то, что в современном мире, с одной стороны, все большую популярность приобретают «гибкие альянсы» или «коалиции *ad hoc*», поскольку они демонстрируют достаточно высокую степень устойчивости, а с другой — наблюдается кризис большинства «жестких альянсов». Очевидно, сложившаяся ситуация порождает для государств ряд вызовов и угроз, однако, как это зачастую и бывает, она также открывает перед ними определенные возможности.

В настоящее время поведение многих государств-лидеров, которым всегда были присущи глобальные цели и интересы, можно охарактеризовать как «политический интровертизм», в рамках которого явный приоритет отдается решению задач, лежащих во внутривнутриполитической плоскости, с неизбежным сокращением глобальной компоненты во внешней политике.

**Костянян Р.В.**  
(КубГУ, Краснодар)

## ФОРМЫ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

**П**оведение масс прогнозируется трудно, так как общество в политике руководствуется не только рациональными выводами, но и иррациональностью, т.е. опирается на настроение, эмоции и бессознательные ментальные установки. Массовое поведение представляется катализатором перемен. В условиях изменения политических институтов, общественного изменения видоизменяется смысл поведения разных групп, приобретает напряженность в обществе, периодически повторяется кризис экономического и политического характера, и следствием являются различные конфликты.

Исследование форм массового поведения началось не так давно, но на сегодняшний день существует много работ на данную тематику. Первыми, кто обратил внимание на массовое политическое поведение, были авторы «психологии масс» Г. Тард<sup>1</sup>, Г. Лебон<sup>2</sup>, З. Фрейд<sup>3</sup>, Х. Ортега-и-Гассет<sup>4</sup>, Э. Канетти<sup>5</sup>, Г. Блумер<sup>6</sup>. Позже стали изучать данный феномен и отечественные исследователи, такие как Д.В. Ольшанский<sup>7</sup>, С.В. Коваленко<sup>8</sup>, А. Бовин<sup>9</sup>, Б.А. Грушин<sup>10</sup>. В своих работах они стремились к подробному изучению поведения масс во многие периоды времен России.

<sup>1</sup> Тард Г. де (1843–1904). Законы подражания / Пер. с франц. / Г. Тард. М.: Академический проект, 2011. С. 302, [1] с.; 22 см. (Психологические технологии).

<sup>2</sup> Лебон Г. Психология масс и народов // Диалог. 1992. № 3. С. 212–261.

<sup>3</sup> Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «я» // Диалог. 1990. № 12; Фрейд З. Психология бессознательно-го. М., 1990. С. 134–148.

<sup>4</sup> Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства // Антология культурологической мысли. М.: Изд-во РОУ, 1996. С. 253–257.

<sup>5</sup> Канетти Э. Масса и власть. М.: АСТ, 2014. (Новая философия). — 576 с.

<sup>6</sup> Блумер Г. Коллективное поведение, 1996. С. 166.

<sup>7</sup> Ольшанский Д.В. Социальная психология «винтиков» // Вопросы философии. 1989. С. 192.

<sup>8</sup> Коваленко С.В. Человек в толпе // Вестник. Мос. ун-та. Серия 12. Социально-политические исследования. 1992. С. 251–254.

<sup>9</sup> Бовин А. Вожди и массы // Новый мир. 1989. — 312 с.

<sup>10</sup> Грушин Б.А. Массовое сознание. М., 1987. С. 101–112.

Политическое поведение играет огромную роль, так как затрагивает все сферы жизнедеятельности общества. Поведение складывается из множества факторов, как внутренних, так и внешних. Политическому поведению всегда есть место, ведь благодаря знаниям в этой области можно вычислить масштабы и действия массового поведения и предотвратить нарастающее негодование общества.

В большинстве политических процессов люди участвуют, как правило, группами. В качестве подобной группы могут выступать и случайные, временные образования. Люди, находясь в таком состоянии, приобретают специфические черты массы.

Случайность образования, неоднородность состава предопределяют специфическую манеру политического поведения людей, соединенных в такие общности. Она выражается в подавлении рациональности, резком преобладании чувства над разумом, ведущего к утрате личной ответственности. Политическое поведение в основном проявляется бессознательно. Человек, вступая в толпу, теряет свои индивидуальные качества, интересы, мотивы, цели и многое другое и приобретает коллективное мышление толпы. Масса легко раздражаема, эмоциональна, поэтому люди в ней совершают множество неправомерных действий или, наоборот, благородные поступки. Индивид находится в некоей защищенности ввиду анонимности, и все его решения не несут никакой ответственности. Также они могут сознательно присутствовать в толпе и совершать определенные действия в своем усмотрении.

Таким образом, все люди, для того чтобы выражать свои интересы посредством политического поведения, должны иметь хотя бы самые общие представления о политическом мире и механизмах его функционирования, о том, в чьих руках находятся бразды правления страной, регионом, городом. Это необходимо еще по одной причине: мир политики в той или иной форме затрагивает каждого из нас и общество в целом.

Косыгина К.Е.  
(Вологодский научный центр РАН, Вологда)

## **ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В РЕГИОНАХ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ<sup>1</sup>**

**В** новых реалиях некоммерческий сектор становится неотъемлемым субъектом системы хозяйствования и вступает во взаимоотношения с органами государственного управления. Выстраивающееся взаимодействие обладает своей спецификой. Органы власти и муниципального управления вступают в отношения с некоммерческими организациями (НКО) на условиях равноправия, что накладывает определенные сложности на проведение государственной социальной политики с привлечением НКО, так как они не выполняют «прямые поручения» власти в отличие от подведомственных государству учреждений. Требуется создание особых механизмов взаимодействия между властью и некоммерческим сектором. При этом государственные формы регулирования должны иметь достаточную гибкость в соответствии не только с общими целями социальной политики, но и с местными особенностями и потребностями населения регионов. Взаимодействие должно основываться на сочетании единства государственного управления и множества интересов других субъектов, действующих в социальной сфере. Возникает необходимость создания формы такого взаимодействия на основе научно обоснованных предложений.

Исследование базируется на идеях неинституционализма (Д. Норт, Дж. Бьюкенен). НКО рассматриваются как субъекты, влияющие не только на государственные органы, создание формальных механизмов, но и непосредственно на общество, образуя сеть неформальных институтов, оказывающих воздействие на социально-экономическое развитие и функционирование политической системы (концепции «производства общественных благ» (Б. Вейсброд<sup>2</sup>); «провалов рынка/государства» (И. Иллман<sup>3</sup>, Г. Хансманн<sup>4</sup>); «социального происхождения» (Г. Эсприн-Андерсен<sup>5</sup>, Л. Саламон, В. Соколовски<sup>6</sup>); «непрямого государственного управления» и «межсекторного социального партнерства»

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

<sup>2</sup> Weisbrod B. The Nonprofit Economy. Cambridge: Harvard University Press, 1994. — 75 p.

<sup>3</sup> Ellman I. Another Theory of Nonprofit Organizations (Corporations) // Michigan Law Review. 1992. № 5. P. 14–28.

<sup>4</sup> Hansmann H. The Role of Nonprofit Enterprise // The Yale law journal. 1990. № 89. P. 76–79.

<sup>5</sup> Esping-Andersen G. The comparative macro-sociology of welfare states // Moreno L. Social Exchange and Welfare Development. Madrid, 1993.

<sup>6</sup> Salamon L., Sokolowski W. Explaining Patterns of Civil Society: the «Social Origins». Prepared for delivery at the 9th International Conference of the International Society for Third Sector Research. Istanbul, Turkey, July 9, 2010.

(В.Н. Якимец, Л.И. Никовская<sup>1</sup>, Н.А. Василенок, Л.И. Полищук<sup>2</sup>). В информационную базу также вошли: правовые источники, документы органов власти; данные Росстата; результаты мониторинга общественного мнения (Вологодская область, N = 1500).

**Результаты исследования.** Изучение российской нормативной базы в области регулирования некоммерческого сектора показало, что государством в целом созданы условия для привлечения в социальную сферу новых поставщиков услуг — социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО)<sup>3</sup>.

В то же время исследование существующей практики управления выявило ряд недостатков государственной региональной политики в области развития некоммерческого сектора в следующих аспектах: отсутствие мониторинга, анализа деятельности негосударственных организаций, работающих в социальной сфере; необходимость укрепления экономического потенциала организаций; потребность в центрах подготовки и повышения квалификации руководителей и сотрудников; преодоление и устранение межведомственных барьеров в части оказания финансовой и иной поддержки СОНКО; организация комплексного информационного сопровождения; координация государственных и муниципальных программ поддержки, привлечение к участию в разработке и реализации этих программ местного бизнеса; совершенствование деятельности экспертных и конкурсных комиссий с целью повышения качества принимаемых к финансированию проектов и контроля целевого использования средств. Определено, что функционирование некоммерческих организаций осложняется невысоким уровнем доверия населения региона, низкими оценками влияния на региональное развитие, неразвитостью информационных связей с гражданами и реального участия.

Предлагаются организационные меры по совершенствованию сотрудничества органов власти и некоммерческого сектора на основе межсекторного социального партнерства: создание «зонтичной» структуры региональных ресурсных центров и центров инфраструктурной поддержки организаций некоммерческого сектора в рамках местных сообществ.

Кочетков А.П.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## ЦИФРОВИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

**В** XXI в. цифровые технологии не только определяют динамику долгосрочного экономического роста страны, многие содержательные аспекты отношений между государствами, но и являются фактором суверенности и стабильности государства, его национальной безопасности. Зачастую цифровые технологии не влияют на национальную безопасность непосредственно, а воздействие происходит через влияние на динамику и вектор социально-экономического прогресса. Среди возникающих в этой связи угроз национальной безопасности в экономической сфере можно выделить:

- догоняющую модель экономического развития в мировой экономике;
- ограничение перспектив инновационного развития, снижение конкурентоспособности национальных компаний;
- ограниченность инструментария для обеспечения экономической безопасности и др.

Широко распространяющаяся сегодня криптовалюта — это условное название зашифрованного нерегулируемого цифрового актива, использующегося в качестве аналога валюты в обменных операциях, которая не имеет физической формы, существует только в электронной сети в виде данных. Банки, а значит, и государства практически не могут регулировать ее эмиссию, а потому подобные финансовые инновации, в том числе так называемые криптотехнологии, можно расценить как угрозу национальной безопасности.

Серьезным вызовом национальной безопасности России в настоящее время являются киберугрозы, т.е. потенциально преступные действия против информационной системы государства, которые могут проявляться и в экономике, и в социальном положении граждан. При этом и субъекты, и объекты преступных действий весьма разнообразны. Субъектами могут быть индивиды, стремящиеся получить незаконный доступ к банковским авуарам, а могут быть и государства, намеренно наносящие вред другому государству; объектами всегда выступают информационные системы, но они в одних случаях

<sup>1</sup> Якимец В.Н., Никовская Л.И. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // *Власть*. 2018. № 4. С. 15–25.

<sup>2</sup> Василенок Н.А., Полищук Л.И., Шагалов И.Л. Общественно-государственное партнерство: теория и российские практики // *Общественные науки и современность*. 2019. № 2. С. 35–51.

<sup>3</sup> Шабунова А.А., Косыгина К.Е. Проблемы государственного управления развитием некоммерческого сектора на региональном уровне // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. № 4. С. 86–103.

могут принадлежать гражданам и обслуживать их интересы, а в других — выполнять функции государственного управления или поддержания нормальной жизнедеятельности государства.

В XXI в. хакерские атаки начали применяться в качестве средства враждебного воздействия на государства. Есть данные о том, что возможностями такого воздействия располагают более тридцати государств.

В условиях, когда отдельные предприятия не способны самостоятельно найти источники для финансирования, киберугрозы могут стать не только фактором сдерживания цифровизации отдельных отраслей, но и потенциальной угрозой национальной безопасности всего государства (в зависимости от выбранного для кибератаки объекта или сведений разной степени значимости и секретности).

Поэтому сегодня чрезвычайно важно привлекать дополнительное инвестирование (как бюджетное, так и частное) для обеспечения информационной безопасности российского государства.

Современный анализ интернет-активности в социальных сетях говорит о том, что российские интернет-пользователи в основном используют продукцию транснациональных ИТ-гигантов. Сегодня крупнейшие транснациональные ИТ-компании монополично определяют всю политику на мировом информационном рынке, во многом непосредственно ставят Россию в информационную зависимость от своих действий. При этом особый интерес вызывает тот факт, что формальные владельцы ведущих мировых ИТ-гигантов не являются основными их собственниками. В действительности они принадлежат узкой группе собственников, имена которых порой не известны. Так, например, крупнейший американский инвестиционный фонд *Vanguard Group* сконцентрировал в своем портфеле крупные пакеты акций *Amazon*, *Microsoft*, *Apple*, *Facebook*, *Google*, *Visa* и др. Активы компании достигли отметки в 4,5 трлн долл. Под ее контролем находятся 370 фондов по всему миру, при этом имена конечных бенефициаров этого фонда официально не разглашаются<sup>1</sup>.

Все это ставит серьезную проблему формирования цифровой элиты, которая будет носить особый характер. Ее высокий статус станет определяться не прежними критериями — достатком, образованностью, близостью к власти, а монополией на обладание основными ИТ-ресурсами, технологиями и наличием опыта пользования и управления с их помощью экономикой и обществом. Эта цифровая нетократическая элита выходит из-под контроля граждан и государства, так как ей никто не делегирует полномочия управлять на основе признаваемых в обществе процедур, и получает возможность установления контроля с помощью цифровых технологий за деятельностью не только отдельных граждан, но и государств.

До тех пор пока государством не будет выстроена и обеспечена эффективная политика информационной безопасности в сфере цифровых технологий, эти технологии не смогут в должной степени выполнять свои функции и служить национальным интересам России. Вот почему процесс цифровизации и обеспечение национальной безопасности находятся в постоянной взаимосвязи и взаимовлиянии.

Красноперов А.Ю.  
(ТГУ, Томск)

## ПРАВО НА ГОРОД И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУССИЯ<sup>2</sup>

Во времена, когда Анри Лефевр разрабатывал концепцию права на город, говорить о способах выражения такого права гражданским обществом с использованием ряда инструментов, которые мы сегодня именуем как новые информационные технологии, можно было лишь гипотетически. Но с тех пор Интернет и все то множество информационных площадок, связанных между собой хрупкими, но интенсивными сетями людского интереса, стали и остаются одним из основных способов заявления права на города. Можно было бы даже сказать, что в интернет-сетях возникает и развивается политическая дискуссия о том, как должны быть устроены города. Городская проблематика успешно политизируется, что показывает нам ее активное использование в избирательных кампаниях.

Ярким примером является томское интернет-сообщество. Существует множество достаточно крупных площадок, посвященных городской проблематике. При этом выборочный сравнительный анализ с другими российскими городами показывает, что взаимопроникновение аудиторий таких площадок несколько выше. Это позволяет говорить о томском сегменте Интернета как несегментированном.

<sup>1</sup> Кошельник Д. От одного из первых индексных фондов до компании с активами в триллионы долларов. Электрон. текстовые дан. URL: <https://vc.ru/story/25085-vanguard-group-story> (дата обращения: 01.02.2021); Сангалова И. Разбираем портфель гуру: 10 акций от Vanguard легендарного Джона Богла. Электрон. текстовые дан. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5f0da8939a79473d351c44b9> (дата обращения: 06.01.2021); Теневые хозяева Google, Microsoft, Facebook, Apple ... Кому служат мировые ИТ-гиганты? Электрон. текстовые дан. URL: <http://xn----8sbeyxgbych3e.ru-an.info/> (дата обращения: 06.05.2021).

<sup>2</sup> Статья выполнена по гранту на реализацию научного проекта РФФИ № 21-011-31374 «Право на город: политические пространства устойчивости, конфликта, диалога».

Три значимых политических инфоповода 2020 г. поочередно актуализировали городскую проблематику. Первый выразился в посещении Томска блогером Ильей Варламовым, который критикует ряд архитектурных и инфраструктурных решений, вступает в полемику с городскими властями и провоцирует тем самым широкий общественный резонанс. Дискуссия приобрела политический характер, поскольку неудачи в развитии города напрямую связывались с неумными решениями местной власти. Таким образом, одной из доминирующих линий обсуждения стала позиция о том, что город не может считаться умным, потому что ему не хватает такого важного элемента, как умная власть.

Другим значимым событием стала избирательная кампания в городскую думу Томска. Она отличилась приездом в Томск оппозиционера Алексея Навального и связанным с ним громким инцидентом, который спровоцировал новую волну общественного резонанса. Поэтому, когда вышел ролик-расследование про Томск, он стал очень популярным. Резонанс значительно усилил информационный фон избирательной кампании кандидатов из команды Навального в Томске, которые делали акцент на технологии так называемого умного голосования. Интересно обратить внимание, что в избирательной кампании умное голосование связывалось с характеристикой Томска как умного и университетского города. Умный город должен использовать умные инструменты. При том что власть все же критиковалась, сам концепт умности приобрел в оппозиционной среде уже позитивную окраску.

Избирательная кампания 2020 г. прошла, как мы знаем, в условиях ограничительных мер в связи с эпидемией COVID-19. Кандидатам, особенно оппозиционным, было довольно сложно проводить кампанию открыто. В связи с этим основная часть кампании проходила онлайн. Одной из самых активных платформ оказался Телеграм (выражается в открытии новых каналов и прироста аудитории старых), который у многих ассоциируется со свободой слова и анонимностью. Но по своей коммуникативной структуре устройство Телеграм могло бы напоминать своеобразные информационные ниши, тупики. Учитывая, что интернет-коммуникации в принципе свойственны фрагментация и кластеризация, переход политической коммуникации в Телеграм, по логике, должен ее значительно усилить. А принимая во внимание, что туда уходит в основном оппозиция и негативно настроенная аудитория, можно ожидать доминирования негативной повестки, в том числе по городской тематике.

Однако третье событие показало, что дела обстоят иначе. Речь идет об аресте мэра города Томска Ивана Кляйна по обвинению в превышении должностных полномочий. Телеграм-каналы стали основными ньюсмейкерами и проявили способность формировать связи друг с другом посредством перекрестных ссылок (большую роль в этом играли каналы вновь избранных депутатов городской думы). В закрытых телеграм-каналах возникла дискуссия. Сначала между поддерживающими и противниками мэра, что ожидаемо. В ходе такой дискуссии можно заметить, что позиция ряда телеграм-каналов начала сглаживаться. Крайне негативные оценки, которые доминировали изначально, начали приобретать характер умеренно-негативных. Сам по себе это очень значимый случай рождения контента в ходе дискуссии. Далее, обсуждение развивалось и проявился сдвиг с собственно ареста на городскую проблематику: а именно проблеме застройки определенного района и связанными с этим обоснованием/преградами. Множество публикаций мы видим с неодобрением мэра, но с одобрением его решений. Так что власть не заклеена как глупая. Интересно, что подобные оценки были порождены дискуссией между изолированными каналами, а не позицией крупных пабликов, которые в большей части сыграли роль ретрансляторов.

Кривов С.В.

(НГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)

## **ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

**В**плоть до конца периода холодной войны вопрос о международной миграции как о факторе мировой политики со стороны большинства исследователей-международников так и не получил должного внимания, что во многом это объясняется исключительным вниманием к государству как к некоей единице анализа в международно-политических отношениях.

Однако в последнее время начался неуклонный рост интереса к этой проблеме, а также выявился ряд новых проблем и аспектов в ее изучении. Так, М. Вайнер утверждал, что «вопросы миграции и проблемы беженцев больше не являются исключительно заботой министерств труда и иммиграции, а стали в настоящее время вопросами *большой международной политики*, привлекая внимание глав государств и ключевых министерств, занимающихся вопросами обороны, внутренней безопасности и внешних связей»<sup>1</sup>. После событий 11 сентября 2001 г. проблемы миграции во все большей степени выходят

<sup>1</sup> Weiner M. Security, Stability, and International Migration // International Security 17, no. 3 (1992/93). P. 91.

на первый план<sup>1</sup>. Исследования теперь охватывают широкий спектр вопросов, таких как воздействие международных миграционных потоков на потенциал государств, проблемы иммиграционного и пограничного контроля, взаимосвязь между миграцией и общественной безопасностью, ее связь с терроризмом, беженцами и вынужденными переселенцами, экологические конфликты, а также различные аспекты политики в отношении диаспор.

Хотя указанные работы обеспечивают понимание ключевых вопросов, связанных с миграцией в глобальной политике, еще сохраняется ряд «пробелов» в комплексном изучении данного аспекта международных отношений. Так, Ф. Адамсон утверждает, что «трансграничные миграционные потоки влияют на интересы государств в трех основных областях национальной безопасности: *государственный суверенитет* как самостоятельность государственных субъектов, *баланс сил* и *конфликтный потенциал* в системе международных отношений»<sup>2</sup>. В то же время исследователи до сих пор не смогли проанализировать, каким образом добровольная и внутренняя миграция в развивающихся странах способна стать источником внутреннего конфликта и повлиять на общий характер межгосударственных отношений.

Исследователями миграции констатируется, что теоретическая база для понимания причин международной миграции и всей совокупности ее последствий остается слабой<sup>3</sup>. Многие согласны с тем, что предмет международных отношений был слишком подвергнут теоретизированию на протяжении большей части XX в., а теория международных отношений, вобравшая в себя разнообразные подходы к изучению широкого спектра вопросов мировой политики, так и не смогла рассмотреть комплекс последствий миграции в глобальной политике. Можно сказать, что отсутствие систематического изучения миграционных потоков является своего рода загадкой, учитывая тот факт, что международная миграция чаще всего определяется как перемещение людей через национальные границы и, без сомнения, является международным явлением. А ведь как отмечает Г. Фримэн, подавляющее большинство «классических» работ в области международных исследований 1980–1990-х годов даже не упоминают о миграции<sup>4</sup>. Кроме того, «когда миграция признается, это почти всегда в своеобразных условиях — анализ ситуации — не с точки зрения общих теоретических основ или сопутствующие процессы». Учитывая давний маргинальный характер движения народонаселения в международных отношениях, ряд важных вопросов, связанных с миграцией, был упущен. Несмотря на то что М. Вайнер призывал более чем двадцать пять лет назад, ставя следующие вопросы: «как действия государства формируют перемещения населения, когда такие движения приводят к конфликту, а когда к сотрудничеству, и что делать правительствам в их внутренней политике: приспособиться или влиять на потоки населения, являются вопросы, которые получили слишком мало внимания».

Кротков В.О.  
(ГУУ, ГАУГН, Москва)

## РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Постсоветский период социально-политической трансформации России характеризовался своей скоротечностью, что не могло не отразиться на институциональной архитектуре, которая конституировалась по ходу формирования правил игры основными политическими акторами. Также этот процесс был детерминирован сложившимися паттернами, связанными с политической культурой российского общества, которая в большей степени релевантна подданническому типу. Нельзя не отметить роль социальной структуры российского социума, которая во многом является атомизированной и обуславливающей позиционирование и ролевые функции различных социальных страт в части политических предпочтений и поведения.

Целью данной работы является первичный анализ неформальных институтов, их классификация и особенности в современной России.

Говоря о процессе институционального строительства, нельзя сказать, что он всегда носит системный и последовательный характер. Всегда, и особенно в период турбулентных и трансформационных социально-политических процессов, происходит формирование и укрепление как формальных («организационные правила», по Р. Элликсон), так и неформальных институций. Характер же их доминирования зависит от структурных (объективных) и процедурных (обусловленных интересами политиче-

<sup>1</sup> Adamson F.B. Crossing Borders: International Migration and National Security // International Security 31, no. 1 (2006); Bigo D. Migration and Security // Controlling a New Migration World, ed. Virginie Guiraudon and Christian Joppke. N.Y.: Routledge, 2001; Castles S. and Miller M.J. Migration and Security // in The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. N.Y.: The Guilford Press, 2009.

<sup>2</sup> Adamson F.B. Op. cit. P. 167.

<sup>3</sup> Massey D.S. et al. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review 19, no. 3 (1993). P. 463.

<sup>4</sup> Choucri N. Migration and Security: Some Key Linkages // Journal of International Affairs 56, no. 1 (2002). P. 114.



ских субъектов) факторов. В каждом государстве это всегда уникальное сочетание различных практик, правил, норм, процессов, организаций, по которым можно идентифицировать политическую систему общества с учетом ключевого компонента — политического режима, отражающего фактический характер социально-политического взаимодействия, в том числе в неконвенциональном формате.

Говоря о роли неформальных политических институтов, в политической компаративистике их принято классифицировать на различные группы со своими функциональными прерогативами и особенностями. Так, Г. Хелмке и С. Левитски выделяют четыре образца формально-неформального институционального взаимодействия: дополняющего, аккомодационного, конкурентного и замещающего<sup>1</sup>. В то же время неформальные институты необходимо отличать от слабых формальных (Г. О’Доннелл). Этот аспект, как правило, создает проблемы для исследователей. В то же время необходимо провести демаркационную линию между неформальными практиками и неформальными институтами. Последние характеризуются общезначимостью и устойчивостью в социально-политическом пространстве. Оставляя за скобками причины формирования неформальных институтов, рассмотрим значение вышеуказанных групп.

Так, *дополняющие институты* заполняют пробелы и разрешают дисфункции формальных институтов. *Аккомодационные неформальные институты* выстраиваются на механизмах адаптации и имплементации формальных правил. То есть фактическая реализация писанных норм по своему духу может противоречить формальной регламентации. Часто в политической сфере эти механизмы выражаются в виде практики протекционизма, использования социального капитала при кадровых и управленческих решениях. В свою очередь, *конкурентные неформальные институты* по своей практической реализации не коррелируют с формальными правилами, выполнение которых может привести к проблемам у того или иного политического субъекта. Другими словами, происходит реализация неформальных приказов и решений относительно формальных правил, что очень релевантно недемократическим практикам. В итоге это выражается в таких институтах, как: неопатримониализм, коррупция, клановая политика, клиентелизм. Последний тип неформальных институтов — *замещающие*, которые возникают и развиваются в условиях слабости формальных институтов, их слабой субъектности, ввиду недостаточного объема полномочий. В итоге эффективность принимаемых решений выражается в синтезе формальных и неформальных практик, которые друг друга дополняют. Можно подчеркнуть, что неформальная институционализация может иметь различный генезис и формироваться по разным осям, как сверху вниз, так и снизу вверх.

Российская политическая практика в 1990-е годы характеризовалась формированием как субъектов, их блоков, так и самих институциональных конфигураций, в рамках которых формальный компонент имел большое значение. При переходе к новому политическому порядку 2000-х годов произошло конституирование и воспроизводство неформальной институционализации, которая поддерживается как политическим классом (в условиях крайне слабого запроса на формальные практики), так и самим обществом в виде блата, коррупции, посредничества и т.д. Как отмечает В.Я. Гельман: «Постсоветский период в российской истории не привел к кардинальному изменению ситуации, тем более что неформальные институты доказали свою функциональность, став ценным ресурсом выживания индивидов в условиях кризиса и сопротивления произволу теперь уже нового государства. Неформальные институты в России неустранимы, а их преобладание над формальными едва ли не с фатальной неизбежностью закрепляется в рамках любого политического режима»<sup>2</sup>. Но с точки зрения Х. Линца и А. Степана, слабое или эфемерное государство препятствует установлению демократии. Соответственно, можно сделать вывод о сложившейся режимной конфигурации.

Кругляков Д.А.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ГРАЖДАНСКИХ СТРУКТУР В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМА ОТКРЫТОСТИ И ПОИСК НОВЫХ ТОЧЕК СОПРИКОСНОВЕНИЯ**

**В** XXI в., в условиях становления информационного общества и бурного развития цифровых технологий, стала очевидной необходимость пересмысления привычных управленческих механизмов, а также инструментов взаимодействия власти и общества. Такие трансформации, меняющие традиционные представления о демократии, осуществляются сегодня практически во всех развитых политических системах мира, поскольку эти изменения диктуются объективными потребностями научно-технического прогресса.

<sup>1</sup> См.: Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. 2007. № 2.

<sup>2</sup> См.: Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. Политические исследования. 2003. № 4.

Сегодня цифровизация — это один из ключевых трендов развития современного общества. Это актуально и для государственного управления, в эту сферу также внедряются новые информационные технологии. При этом остается риск, что изменения будут носить лишь технический характер и не приведут к росту качества государственного управления и жизни людей в целом<sup>1</sup>.

С развитием современных информационных технологий, в частности Интернета, все большее количество населения получает доступ к информации различного вида. У российского общества также появляется запрос на информацию о деятельности органов государственной власти. Поэтому в цифровой среде особую актуальность для обеспечения доверия к органам власти и качественного взаимодействия государственных и гражданских структур приобретает проблема открытости власти для общества, в первую очередь информационной открытости.

На современном этапе использование технологий и методик информационной открытости, активное применение интернет-технологий в осуществлении полномочий государственных и муниципальных органов власти становится фундаментом развития демократии в обществе, способствует расширению вовлеченности граждан в процесс управления государством и обществом, является одной из самых эффективных форм общественного контроля за деятельностью указанных органов<sup>2</sup>. Соответственно, реализация принципов информационной открытости требует взаимного сотрудничества представителей гражданского общества и органов государственной власти.

Важно отметить, что развитие государственной цифровизации основывается на реализации трех базовых принципов, которые в то же время являются и источниками (направлениями) практической деятельности органов государственной власти. Речь идет об ответственности (соблюдение закона, борьба с коррупцией и др.), прозрачности (раскрытие информации, открытость данных и их публикация) и участии (развитие форм взаимодействия власти и общества, привлечение граждан к принятию решений и др.).

Одним из востребованных в последнее время способов использования органами власти технологий для увеличения открытости можно считать более активное использование ими социальных сетей<sup>3</sup>. Сложно передать значение социальных сетей для современного человека, весь их потенциал для установления надежных коммуникаций. Социальные сети позволяют получать мгновенную обратную связь от пользователей, видна их незамедлительная реакция на новости или решения государственных органов. Помимо этого, социальные сети дают возможность организовать открытую дискуссию по вопросам, интересующим население. Кроме того, использование социальных сетей способно помочь более эффективной доставке информации до конечных потребителей. Другим возможным направлением развития может стать создание новых и развитие уже имеющихся мобильных приложений, технологий краудсорсинга в публичном управлении, делиберативных онлайн-платформ для коммуникации.

Таким образом, реализация полномочий органов государственной власти в современном мире тесным образом связана с использованием информационно-коммуникационных технологий, которые рассматриваются как средство осуществления основных функций, предоставления услуг, а также как канал взаимодействия с иными участниками общественных отношений.

Внедрение в практику деятельности органов власти современных информационно-коммуникационных технологий позволяет значительно оптимизировать процесс управления, сократив время отдельных итераций, и одновременно повысить открытость и гласность всей системы. Вместе с тем проблемным остается вопрос поиска эффективных каналов взаимодействия органов государственной власти и общественных структур: использование оптимального набора информационно-коммуникативных технологий позволяет более качественно организовать процессы сбора, анализа, обобщения и трансляции социальной информации, что в конечном итоге ведет к повышению эффективности государственного управления в целом.

Крупная Д.А.  
(КубГУ, Краснодар)

## ИНСТИТУТЫ И ТЕХНОЛОГИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В РФ: НА ПРИМЕРЕ ПЕТИЦИЙ

**В** современных условиях перед органами публичной власти стоят две сложные задачи: во-первых, существенное повышение качества информирования граждан о принимаемых решениях, обеспе-

<sup>1</sup> Косоруков А.А. Открытое правительство и цифровизация государственного управления в современной России // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 3А. С. 29–40.

<sup>2</sup> Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 1.

<sup>3</sup> Днепровская Н.В. Цифровая трансформация взаимодействия органов государственной власти и граждан // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 96–110.

чение достаточного и достоверного знания о результатах их работы и о намерениях власти<sup>1</sup>. Во-вторых, существует необходимость создавать условия для слаженного взаимодействия государства и граждан, для того чтобы обеспечить учет потребностей и ожиданий как можно большего количества людей, тем самым формируя и развивая тенденции интеграции различных социальных групп в систему государственного управления<sup>2</sup>.

Таким образом, цифровая демократия, является формой защиты гражданами своих интересов и определения форм сотрудничества с государством<sup>3</sup>.

**Актуальность** исследования обусловлена возрастающим количеством инструментов для продвижения гражданских инициатив и решения социальных проблем теперь не только в формате «реальной» — оффлайн-реальности, но и в формате виртуальной реальности.

**Цель работы** — выявление тематических доминант по федеральным округам на уровне выдвижения петиции и на уровне ее поддержки онлайн-подписями.

**Эмпирическую базу** исследования составляет электронная платформа для создания петиций «Change.org», а именно 22 452 тематических текста (петиций, и охватывает временной период с 2012 по 2017 г.).

Все русскоязычные петиции были разделены на 10 групп — основных тематик петиций: 1) политика, 2) медицина, 3) социальные, 4) животные, 5) экология, 6) образование, 7) экономика, 8) культура, 9) религия, 10) спорт.

Анализ языкового материала с помощью программного обеспечения *AntiConc* показал, что самой частотной проблематикой на территории РФ является группа «социальные» (44%), затем следуют группы «политика» (18%) и «культура» (11%). Менее частотными оказались тематики «животные» (9%), «экология» (6%), «образование» (4%), «спорт» (3,8%), «медицина» (3%), «экономика» (0,7%) и «религия» (0,5%).

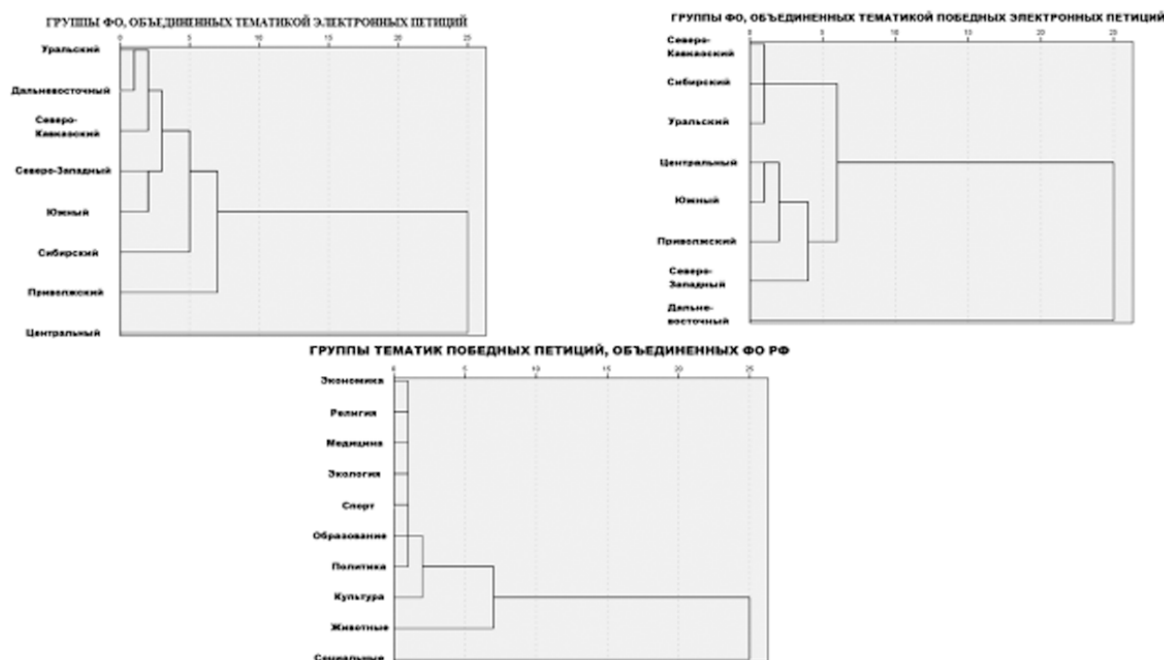


Рис. Кластерный анализ тематик петиций

Кластерный анализа показал, что каждый федеральный округ Российской Федерации разнообразен как по своему субъектному составу и территориальной расположенности, так и по наличию тех или иных предметов недовольства граждан.

Определенные при помощи кластерного анализа группы ФО различаются не принципиально (критерий хи-квадрат Пирсона). Исключение составляет только Центральный федеральный округ, который статистически значимо чаще выдвигает онлайн-петиции политической направленности ( $X^2 = 21,885$ ;  $p < 0,001$ ), однако только в отношении Южного и Северо-Западного округа.

<sup>1</sup> Noveck S. Smart Citizens, Smarter State The Technologies of Expertise and the Future of Governing. Harvard University Press, 2015.

<sup>2</sup> Абрамова Д.С. Электронная демократия в России: проблемы политической коммуникации // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 1. URL: <http://human.snauka.ru/2013/01/2145> (дата обращения: 02.11.2019).

<sup>3</sup> Луканин А.В., Еремина Е.Л. Государство и общество: институционализация новых форм взаимодействия в условиях информатизации // Власть. 2012. № 12. С. 22–25.

Среди победивших петиций самыми частотными тематиками оказались «социальные» (58%), «животные» (15,5%), «культура» (9%) и «политика» (8,5%).

Наибольшее число откликов на онлайн-петиции получают жители Центрального федерального округа (42%). Чуть меньше подписей имеют петиции из Северо-Западного (14%), Приволжского (13%) и Южного федеральных округов (12%).

В группах регионов победивших петиций отношения складываются иначе, чем при кластеризации регионов с первоначальными петициями. Группы ФО имеют принципиальные различия по нескольким тематикам онлайн-обращений. Статистически значимые различия (критерий хи-квадрат Пирсона) проявляют себя среди победивших петиций, относящихся к темам «социальные», «животные», «политика», «образование» и «культура».

Ценностные ориентации региона отражают не поданные петиции, а те, которые поддержаны максимально большим числом жителей: именно победившие петиции указывают на «болевы точки» регионов.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Каждый округ Российской Федерации разнообразен как по своему субъектному составу и территориальной расположенности, так и по наличию тех или иных предметов недовольства граждан.
2. Только Центральный федеральный округ статистически значимо чаще выдвигает онлайн-петиции политической направленности ( $X^2 = 21,885$ ;  $p < 0,001$ ), однако только в отношении Южного и Северо-Западного округа.
3. Статистически значимые различия (критерий хи-квадрат Пирсона) проявляют себя среди победивших петиции, относящиеся к темам «социальные», «животные», «политика», «образование» и «культура».
4. Ценностные ориентации региона отражают не поданные петиции, а те, которые поддержаны максимально большим числом жителей: именно победившие петиции указывают на «болевы точки» регионов.

Крутов А.В.  
(МАИ, Москва)

## **СТАБИЛИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА И ФЛАГИ (МАРКЕРЫ) ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ**

**В**заимоотношения гражданского общества и государства показывают политический режим в стране. Политика стабильности нацелена на устойчивое взаимодействие между ними, т.е. на сохранение баланса структур при появлении проблем, противоречий в социуме. Однако социальное или административное управление основано на упорядочивании отношений, оно не учитывает возникновение случайностей или стохастических явлений. Эти непредвиденные элементы в системе отношений гражданского общества и государства могут стать флагами (термин А.И. Чуличкова) катастроф, т.е. предвестниками дестабилизации в стране и разрушения политической системы в целом. Поэтому следует обращать внимание на такие характеристики, как: управляемость обществом, уровень информационного обмена, законодательная деятельность, социальное обеспечение, формирование национальных интересов.

Предвестниками, указателями на приближение катастрофы являются флаги-маркеры. Во взаимоотношениях государства и общества ими могут быть следующие явления, нарастающие тенденции. 1. Дисбаланс входящих и исходящих потоков в системе взаимоотношений (например, достигнутый путем интернет-коммуникаций, вливания криптовалюты или «утечки мозгов», капиталов). 2. Потеря веры в равновесность системы социального обеспечения, в справедливость распределения благ; рост неоправданных ожиданий. 3. Влияние памяти о сильных событиях прошлого (гистерезис), приводящее к автоколебаниям и самоорганизованной критичности (например, в Грузии всплески гнева в память о событиях 2008 г.). 4. Наличие двух устойчивых состояний (бимодальность) во взаимоотношениях (типа «мир» или «война»), приводящее к расколу социума. 5. Рост хаотичности, разрушение структур порядка, возрастание вариантов состояний системы (например, появление новых организаций и форм связей, рост значимости маргиналов). 6. Возможность быстрого изменения системы при малых изменениях внешних условий (например, при высокой социальной напряженности) и др.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> См.: Бурцева А.Д., Воронов М.П. Теория катастроф: подходы к исследованию и применение // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 8. С. 43–52; Флаги катастроф. <https://www.liveinternet.ru/users/mir0nika/>

Снятие флагов основано на единстве индивида и общества, защитой «не частного интереса личности, не корпоративного интереса государства, а общественного интереса», созданием условий равного удовлетворения потребностей каждого<sup>1</sup>.

Для предотвращения катастрофы необходимо правильно оценить тип ее флага<sup>2</sup>, что позволит спрогнозировать процесс и исключить или уменьшить негативные последствия. Примечательно, что «во всех случаях политических катастроф для крушения политической системы не было объективных предпосылок», но «современники отмечали характерные тренды и социальные маркеры», «лежащие в основном в сфере массового сознания»<sup>3</sup>.

Следует обратить внимание на стабильность таких показателей взаимоотношений государства и гражданского общества, как: степень согласия и способы разрешения противоречий; характер властных отношений; особенности социально-экономических отношений по уровням или по территориям; изменения взаимодействий между институтами гражданского общества и структурами государства.

**Крымчанинова М.В.**  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## **ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЖЕНЩИН В РОССИИ И В МИРЕ**

**В**осприятие гендерного неравенства — это одна из наиболее острых глобальных проблем современности, берущая свое начало еще в Античности. Высокие государственные должности традиционно считались исключительно мужскими профессиями, что было принято связывать с некоторыми личностными и гендерными характеристиками, присущими исключительно представителям мужского пола. Но за последние сто лет кардинальным образом изменилась роль женщин на политической арене: появились женщины-министры, президенты, лидеры партий и т.д. Однако, несмотря на растущее во всем мире женское представительство в государственном управлении, в обществе до сих пор сильны стереотипы, связанные с традиционным распределением ролей между мужчиной и женщиной. Окончательная ликвидация гендерного неравенства становится все более актуальной задачей в современном мире — так называемое «новое равенство».

Основная цель данного исследования состояла в изучении движения за политические права для женщин на протяжении XX—XXI вв. и, как следствие, процесса трансформации роли женщин в управлении государством, а также в анализе тенденций дальнейшего развития политического представительства женщин во власти в России.

Кроме исторического и законодательного анализа трансформации избирательных прав женщин в разных странах мира, в рамках данного исследования была произведена реинтерпретация регулярного социологического опроса о роли женщин в политике, проводимого ФОМ. Последний такой скрининговый опрос был проведен осенью 2020 года среди 1000 граждан РФ в 75 регионах.

### **Выводы**

1. Роль женщины в политике за столетия сильно изменилась; тем не менее и в XXI в. продолжают существовать проблемы, с которыми сталкиваются женщины, стремящиеся занять высокую должность в политике: недостаточное развитие правовой базы, низкий уровень развития демократии в ряде стран, неразвитость институтов гражданского общества, определенные патриархальные традиции.

2. На участие в политической жизни любого гражданина любой страны влияет форма правления и политический строй. В ряде стран Азии и Африки с монархической формой правления абсолютная власть сосредоточена в руках одного человека, что сводит на нет практически любое проявление политической активности, за исключением тех моментов, когда монарх сам назначает государственный орган из приближенных к себе людей.

3. На доступ женщин к государственной власти влияет признание прав женщин как прав гражданина. На примере Саудовской Аравии очевидно, что различия в правовом статусе мужчин и женщин резко негативно влияют не только на степень вовлеченности женщин в политику, но и на их безопасность и благополучие в целом. Даже наличие определенных квот в органах власти не может гарантировать политику в интересах женщин, если эти женщины не наделены равными правами с мужчинами.

post348070361/; Чулицков А. Теория катастроф и развитие мира (математический подход) // Наука и жизнь. 2001. № 6. С. 28–35.

<sup>1</sup> Давыдов Л.В. Политика катастроф как механизм поддержания безопасности и предупреждения конфликтов // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 6. 2008. № 4. С. 107, 108.

<sup>2</sup> Бурцева А.Д., Воронов М.П. Теория катастроф: подходы к исследованию и применение // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 8. С. 43–52.

<sup>3</sup> Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Социальные маркеры политических катастроф // Социодинамика. 2015. № 12. С. 92, 95–110.

4. В большинстве стран ЕС в доминирующем положении находится парламент, куда входят депутаты разных возрастов, полов, сексуальных ориентаций, партий и религий. Такое разнообразие позволяет соблюдать права всех граждан с целью обеспечить социальное благополучие граждан и правовое равенство, поэтому женщины, как и многие другие меньшинства, могут полноценно участвовать в государственном управлении наравне с остальными. Значение имеет и тот факт, что вопросы обороны, развития ВПК и другие силовые составляющие, чем традиционно предписано заниматься мужчинам, в политике ЕС не имеют большого веса.

5. РФ сочетает в себе черты президентского и парламентского правления. Несмотря на статью Конституции о всеобщем равенстве, в российском обществе до сих пор сильны гендерные стереотипы о том, что во власти должны преобладать мужчины, которые отвечают за вопросы войны и мира, развития тяжелой промышленности, а женщины могут заниматься социальными вопросами (здравоохранения, образования, защитой прав семьи и детей, культуры и отдыха — туризма и спорта); именно в этих комитетах российского парламента и кабинета министров наибольшее представительство женщин.

6. Статистика показывает, что число людей, допускающих возможность занятия женщиной должности Президента России, растет, а женщины занимают все больше мест в обеих палатах парламента и других органах власти, что позволяет более полно учитывать интересы всех групп общества при формировании государственной политики. Данные факты обуславливаются глобальной демократизацией политических процессов, расширением прав самих женщин, а также изменением стереотипов массового сознания.

7. Квоты для женщин в парламенте и других органах власти могут восприниматься как посягательство на демократию и неэффективный метод решения проблемы гендерного неравенства. Действительно, только с помощью гендерных квот паритета достигнуть невозможно, они должны сочетаться с просветительскими мероприятиями. Только грамотно выстроенная социальная политика и готовность самих граждан к изменениям являются наиболее эффективными факторами достижения гендерного паритета в политике.

*Кудряшова И.В.*  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **ИСЛАМСКИЕ ПАРТИИ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ В ФОКУСЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ ЛИПСЕТА-РОККАНА<sup>1</sup>**

**В**олна массовых политических протестов, охватившая большинство арабских стран (Арабская весна), на некоторое время открыла дорогу реальной партийной конкуренции и свободным / частично свободным выборам. В этот период исламские партии, многие из которых действовали ранее нелегально или полунелегально, смогли нарастить свое политическое влияние, хотя включились в протестную активность не на самых ранних стадиях. При всем разнообразии этих партий (от глубоко традиционалистских до модернистских) они продемонстрировали идейную сплоченность, наличие легитимности и способность к массовой мобилизации, которые оказались недоступны другим политическим силам. Как бы ни складывалась их судьба в настоящем (полный запрет деятельности, участие в вооруженных конфликтах, вхождение в законодательную и исполнительную власть и др.), вопрос об их влиянии на развитие национальных политических систем представляется важным и не сводимым к анализу факторов их побед и поражений за последние годы.

Среди направлений анализа исламских партий особый интерес в свете темы исследования вызывают те, которые выходят за рамки их традиционного рассмотрения по оси «умеренные — радикальные/экстремистские» и определения уровня «умеренности» для инкорпорации в политическую систему. Это исследования продолжающейся плюрализации исламского политического движения и его электоральной базы, внутренних и внешних аспектов партийной институционализации, качества управленческой политики в случае участия во власти. Ряд авторов (Дж.М. Оуэн IV, Н. Сурков и др.) проводят структурные аналогии между формированием современных исламских и христианских демократических партий.

Как известно, развитие европейских партийных систем С.М. Липсет и С. Роккан объясняли социальными размежеваниями, предопределившими структуру национальной политики в эпоху массовой мобилизации. Процессы формирования западноевропейского государства и постколониального арабского существенно различаются, однако эти различия, как представляется, не исключают эвристической полезности применения теории размежеваний в объяснении устойчивости и путей эволюции исламских партий.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00922.

В ходе анализа формирования размежеваний в арабском регионе было установлено, что на их конфигурацию решающим образом повлияли универсальный характер ислама (ислам *(ад-дин)* и мирская жизнь *(ад-дунья)* различались, но не противопоставлялись), искусственное формирование территориальных границ арабских политий и особенности экономического уклада. Это проявилось в следующем:

- нарушение связей между центрами различных уровней и перифериями в результате распада Османской империи значительно усложнило привязку территориальных периферий к новым политическим центрам;
- «национализация ислама» государством (установление контроля над религиозными управлениями, сужение смысла и сферы действия шариата, использование религиозной риторики и др.) привела к образованию новой культурной периферии — оппозиционных исламских сообществ;
- «преобладание политического» в экономике (Н. Айюби), обусловленное сочетанием докапиталистического уклада, полутоварного сельскохозяйственного производства и государственного капитализма, сдерживало формирование социальных размежеваний на товарных рынках и между трудом и капиталом;
- государство при формировании необходимых для социально-политической мобилизации и легитимации партий / партийных систем было вынуждено конструировать размежевания вовне, используя образ «Другого» (колонизаторов, сионистов, империалистов / коммунистов), что препятствовало появлению новых форм коллективных идентичностей.

Таким образом, «традиционные» и исламские партии имели различные траектории генезиса и развития. Низкая автономия первых связана с незавершенностью формирования структурных конфликтов на рынке труда и капитала и на товарном рынке, а высокая автономия вторых объясняется особой конфигурацией размежеваний по линиям центр—периферия и государство—церковь. В исламе, где института церкви нет, а система мечетей и образовательных учреждений децентрализована, последнее приняло форму противоборства между национальной политической элитой и большей частью мусульманского общества за смысловую интерпретацию государственного проекта.

Будучи продуктом двух расколов, арабские исламские движения / партии противопоставили себя так называемому официальному исламу и одновременно распространили свою деятельность на сферу национального государства — сначала через отрицание его светской политики, а затем через прямое или косвенное участие в его структурах. В отсутствие иных автономных от государства партий они смогли стать выразителями широкого спектра интересов мусульман, обеспечивая постоянную коммуникацию через институты исламской общины.

По мере политической либерализации (реже — демократизации) и социальной дифференциации происходит плюрализация исламского партийного спектра в ответ на меняющиеся запросы граждан. Сохранение общей, т.е. значимой для большинства, ценностной составляющей позволяет этим партиям поддерживать дискурс о нации в рамках исламского национализма. Диффузия религиозной и политической ролей в мусульманском социуме проявляется еще и в том, что задача поиска смыслов и вектора развития обуславливает обращение к исламской терминологии и со стороны так называемых светских партий. Роль исламских партий объективно возрастает в условиях, когда государство не готово предлагать эффективные решения социально-экономических проблем.

**Кузина С.И., Пастухов Т.Ю.**  
(ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ, ДГТУ, Ростов-на-Дону)

## НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР

Одним из направлений политической науки является изучение политических идей как в их генезисе и проектировании, так и в компаративистском ключе применительно к российской действительности. Взаимосвязь и взаимовлияние идей и политики изучается представителями дискурсивного институционализма, которые рассматривают производство и оспаривание идей в интерактивном дискурсе<sup>1</sup>. Дискурс является тем элементом, который необходим при реформировании политической системы и проектировании эволюции политического курса власти.

Проникновение в общественную жизнь идей публичной демократии, усложнение процедуры представительства и легитимации власти, развитие коммуникационно-технологической сферы актуализировали интерес к теме общественного договора.

<sup>1</sup> Малинова, О.Ю. Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях // Полит. наука. 2009. № 4. С. 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pochemu-idei-imeyut-znachenie-sovremennye-diskussii-o-rol-i-idealnyh-faktorov-v-politicheskikh-issledovaniyah>; Сморгунев Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полит. Политические исследования. 2009. № 1. С. 120.

Возникла необходимость формулировки национальной идеи, способной объединить и удержать российское общество в созидательном русле под угрозой деструктирующих процессов, таких как международные санкции, терроризм, рост протестов и др. Осознание элитой растущей необходимости предложить обществу новый общественный договор выразилось в неоднозначные предложения строительства «суверенной демократии» или «модернизации», понимаемой политико-административной элитой лишь в технологическом плане. Но поиск продолжается, о чем свидетельствует появляющаяся периодически в медиапространстве предложения обсудить идею: «Общественный договор-2030» как идею сотрудничества государства, гражданского общества и бизнеса<sup>1</sup> или Новый общественный договор, основанный на концепции «мир для всех и все для мира»<sup>2</sup>.

Как позиция «цель оправдывает средства» может привести к дискредитации значимой для российской нации идеи, можно проиллюстрировать на примере неприглядной истории, связанной с правонарушениями во время спортивных соревнований мирового масштаба, которое допустили российские спортсмены (под руководством спортивных чиновников самого высокого уровня), применявшие допинг для достижения высоких результатов и получения призовых мест.

Физкультура и спорт всегда занимали главное место в культуре россиян. Особо важное значение развитию физической культуры, спорта, организованного отдыха уделяла советская власть. До сих пор во многих городах сохранилась и используется построенная в советские годы спортивная инфраструктура: стадионы, дворцы спорта, спортивные школы. Представляется, что столь высокая популярность физической культуры и спорта сыграла свою роль в победе в Великой Отечественной войне: закаленное на стадионах и в спортивных залах здоровье помогло народу вынести физические и моральные трудности и лишения войны.

Можно сказать, что физическая культура и спорт были национальной идеей советского общества, объединявшей граждан на почве спортивной состязательности, здорового азарта, стремления к победам и гордости за свою страну. Огромное значение для социальных лифтов в области спорта имело то, что любой ребенок или взрослый человек могли посещать спортивную секцию бесплатно.

Национальная идея стала национальным позором, когда российским спортсменам за доказанное в Спортивном арбитражном суде в 2020 г. применение допинга на два года запретили выступать под российским флагом, а в случае их победы исполнять гимн России. И при этом общество видело, что никто из спортивных чиновников, так называемая спортивная административная элита, не был наказан.

Общественный договор в формате консолидирующей и мобилизационной национальной идеи необходим России, особенно в условиях обострения международных отношений. Но, как говорил К. Юнг, «великие новшества никогда не являются сверху, они всегда развиваются снизу вверх, подобно деревьям, которые не растут вниз кронами. Но истинно и то, что семена падают сверху»<sup>3</sup>.

**Кузнецов В.А.**  
(Отдел внешних церковных связей  
Московского Патриархата, Москва)

## **ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**Б**ыстрая трансформация мирового политического пространства, включающая множество факторов нестабильности и повышенных рисков общественного развития, заставляет более пристально вглядываться в позитивный потенциал религиозных конфессий, искать в их позиционировании и деятельности дополнительный источник для стабильного и поступательного развития всего человечества. Это определяет закономерное внимание социально-гуманитарных наук к исследованиям религиозного фактора в глобальных политических процессах.

Русская православная церковь, являясь самой крупной религиозной конфессией России, обладает, во-первых, теоретическим осмыслением основных трендов в мировом политическом пространстве,

<sup>1</sup> Понеделков, А.В., Кузина, С.И., Черкасова, Т.П. «Общественный договор-2030» — современный институт реализации взаимодействия государства, общества и бизнеса // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. № 3. С. 132–142.

<sup>2</sup> Новый общественный договор / Институт социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева, Сретенский клуб им. С.П. Курдюмова; под ред. А.В. Щербакова, Л.А. Колесовой, В.Г. Буданова. URL: <https://strategy24.ru/rf/news/povuy-obshchestvennyy-dogovor> (дата обращения: 30.12.2020)

<sup>3</sup> Цит. по: Рубанов В.А. О национальной идее и будущем России // Международная жизнь. 1999. № 3. С. 109.



во-вторых, опытом практического участия в решении ряда существующих международных проблем и конфликтов.

«Активная позиция Русской православной церкви на международной арене на деле показывает, что роль религии в глобальном масштабе не может быть сведена к частной сфере»<sup>1</sup>, — отмечает председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион.

Церковное осмысление глобальных проблем современного человечества и отдельных аспектов международных отношений зафиксировано в «Основах социальной концепции Русской православной церкви»<sup>2</sup>. Документ, принятый Архиерейским Собором в 2000 г., и в настоящее время остается официальной позицией Московского Патриархата.

Анализ динамики процессов, из которых складывается внешняя деятельность Русской церкви, показывает, что при всей их множественности есть ключевые направления:

во-первых, осмысление современного миропорядка, включая оценку глобализационных процессов, а также концептуальных схем в отношении будущего развития человечества и места России в нем;

во-вторых, критическая оценка сформировавшихся стандартов поведения, прежде всего, в сфере нравственности, семейной этики в ряде стран европейского континента;

в-третьих, активное миротворческое участие в ряде текущих конфликтов, затрагивающих огромное количество людей в разных странах и влияющих на международную безопасность.

Система международных отношений, согласно позиции Русской православной церкви, должна носить полицентричный характер и отражать культурно-цивилизационное многообразие современного мира. Согласно «Основам...», участникам международных отношений «необходимо достичь такого мироустройства, которое строилось бы на началах справедливости и равенства людей перед Богом, исключало бы подавление их воли национальными или глобальными центрами политического, экономического и информационного влияния»<sup>3</sup>.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл подчеркивает: «Нынче справедливо говорится о необходимости создания многополярного мира, об образовании нескольких центров силы на международной арене. И действительно, любая, в том числе и политическая, система устойчива в том случае, если она сбалансирована. Поэтому разумный баланс сил и интересов обеспечивает предпосылки к миру и стабильности»<sup>4</sup>.

Русская православная церковь выступает за развитие диалога и партнерства между культурами, религиями и цивилизациями. В данном случае церковная позиция совпадает с позицией российского государства, которое, например, на протяжении ряда лет является соавтором проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога, взаимопонимания и сотрудничества на благо мира». В данной резолюции Генеральная Ассамблея, в частности, призывает «государства-члены — надлежащим образом и в соответствующих случаях — рассматривать межрелигиозный и межкультурный диалог в качестве важного инструмента в деле обеспечения мира и социальной стабильности и полного достижения согласованных на международном уровне целей в области развития»<sup>5</sup>.

Таким образом, Русская православная церковь принимает наряду с другими акторами международных отношений участие в формировании современной мирополитической системы с учетом собственных позиций.

Кузнецов Д.А.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ: СЛОМИТСЯ ЛИ ТРЕНД?<sup>6</sup>

К началу пандемии COVID-19 в мире наметилась устойчивая тенденция к трансрегионализации: выдвигались различные трансрегиональные проекты, многие из которых оказались

<sup>1</sup> Религиозный фактор в международных отношениях. Лекция председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона 23 октября 2013 г. в МГИМО МИД России. URL: <http://www.doctorantura.ru/ru/rektor/vystupeniya-i-publikatsii/1076-religioznyj-faktor-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh>.

<sup>2</sup> Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXIII Международных Рождественских образовательных чтений. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3957820.html>.

<sup>5</sup> Обзор МИД России «Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2015 г.». URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624).

<sup>6</sup> Исследование финансировалось РФФИ в рамках исследовательского проекта № 20-04-60109 «Влияние глобальных биогенных угроз на мировую политику».

конкурирующими друг с другом. Евразия, в частности Азиатско-Тихоокеанский регион, где развивались инициатива «Один пояс, один путь», Транстихоокеанское партнерство, Индо-Тихоокеанский проект и другие, и вовсе стала эпицентром конкуренции межрегиональных инициатив. Однако с началом пандемии COVID-19 возникли споры о судьбе подобных крупномасштабных проектов, да и глобализации в целом. Сложились мнения, что трансрегионализм ушел в историю, не имея шансов стать объективной реальностью: ведущие мировые державы больше не смогут «платить» за их реализацию и должны сосредоточиться на внутренних проблемах. Однако сегодня ясно, что государства не отказываются от трансрегиональных проектов и, более того, связывают их с возможностью преодоления экономического спада в качестве стимула для экономического роста и формирования новой благоприятной мировой экономической и мировой политической архитектуры.

Сопровождающий пандемию социально-экономический кризис в перспективе может обострить конкуренцию моделей мирового развития, «моделей глобализации», обостренную политическими противоречиями между крупнейшими мировыми игроками — прежде всего США и Китаем. Противостояние последних и без того усилилось в эпоху пандемии: взаимные упреки в создании вируса, дезинформации и влиянии в международных организациях, ответственных за решение глобальных проблем в сфере здравоохранения.

Вместе с тем трансрегиональные объединения могут сформировать собственные «сообщества», нацеленные на углубленное сотрудничество не только по торгово-экономическим и инфраструктурным проектам, но и по проблемам гуманитарных вызовов, включая регулирование проблем в области здравоохранения.

Как же пандемия влияет на трансрегионализм? Поможет ли трансрегионализация создать условия для ускоренного возврата к допандемическим темпам развития и дальнейшего развития мировой экономики? Так или иначе, проблема трансрегионализма снова приобретает важное научное и практическое значение.

**Кузнецова Е.В.**  
(независимый исследователь, Ростов-на-Дону)

## **РАЗВИТИЕ ПОБРАТИМСКИХ СВЯЗЕЙ ДОНЕЦКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**П**обратимские связи являются эффективным инструментом международного сотрудничества, но в сегодняшних условиях для Донецка крайне сложно их выстраивать. В прошлом, даже несмотря на идеологические разногласия, Донецком были подписаны и активно развивались побратимские связи со многими городами, например городами-побратимами были Шеффилд (Великобритания), Шарлеруа (Бельгия), Питсбург (США) и др.

Как известно, сотрудничество городов-побратимов придает новые импульсы работе муниципальных образований, происходит обмен информацией и опытом, знаниями и идеями. Однако развитие побратимских связей Донецка стало заложником сложившейся ситуации, когда официальная позиция государственной власти как своей страны, так и третьих стран затрудняет межмуниципальным образованиям взаимодействовать. При этом поддерживающим ресурсом должно стать общественное мнение, для чего необходима широкая информационная поддержка, и прежде всего среди молодых людей.

Современные технологии дают возможности для поддержания заинтересованности идеи побратимства и в условиях неопределенности и противостояния, в которых сегодня находится Донецк. Следует повышать осведомленность о существующих и предполагаемых проектах, привлекая к их реализации молодое поколение побратимских городов. Особенно посредством социальных сетей, предоставляя поле для дискуссий, поиска решений и урегулирования острых моментов в своем городе. Использование современных средств связи позволяет не быть оторванным, когда даже моральная поддержка обнадеживает и укрепляет стремление к дальнейшему сотрудничеству.

Сегодня успешное побратимство Донецк осуществляет только с Российской Федерацией. Редким примером оставшихся побратимских связей Донецка можно назвать деятельность общества Донецк—Бохум. Хотя в отчетах о его работе не всегда излагается корректная информация о ситуации в городе, безусловно, положительным моментом является забота о пожилых людях, оказываемая им посильная помощь, а также больным лейкемией детям, отделению онкогематологии в Донецке.

Помощь городу Донецку, как и другим городам Донецкой и Луганской народных республик, в развитии побратимских связей оказывает Интеграционный комитет «Россия—Донбасс». Так, были подписаны около 30 соглашений о взаимодействии и сотрудничестве с городами и муниципалитетами Российской Федерации. Донецк и Симферополь 26 августа 2017 г. подписали соглашение о по-

братимстве, а также 12 мая 2017 г. подобное соглашение было подписано между Киевским районом Донецка и городом Судак. Среди приоритетов дружественных связей развитие отношений в области культуры и образования, а также расширение повестки молодежной политики. Задачей побратимства становится не упустить молодежь в ее историко-культурном воспитании, а углубить сотрудничество посредством реализации молодежных проектов и инициатив в рамках народной дипломатии, на уровне городов и районов. Так, укреплению сотрудничества между городами Донецк и Симферополь способствовал прошедший с 7 по 12 июня 2021 г. в Крыму XIV международный фестиваль «Великое русское слово».

Дальнейшее развитие побратимских связей расширит и социально-экономическое сотрудничество, подключая молодых людей как будущее поколение и потенциал их возможного профессионального разнообразия к реализации социально-гуманитарных проектов.

Толчком к расширению побратимских связей могло бы послужить сотрудничество в рамках созданного Луганской и Ростовской областями в 2010 г. еврорегиона «Донбасс», в работе которого в 2014 г. уже принимали участие и Донецкая, и Воронежская области. Представители непризнанных республик ДНР и ЛНР ищут пути и способы восстановления работы в рамках этого еврорегиона. Особое внимание уделяется Ростову-на-Дону, тем более что партнерские отношения между ним и Донецком были установлены еще в 1998 г. Такое сотрудничество смогло бы активизировать взаимодействие и с городом Гомель, который является побратимом и Донецка, и Ростова-на-Дону, а также Воронежа.

Перспективным могло бы стать и оживление взаимодействия Донецка с китайским городом-побратимом Тайюань.

Итак, Донецк на сегодняшний день оказался в условиях непризнанности мировым сообществом, что отразилось и на развитии его побратимских связей. Многие города-побратимы приостановили свое участие во взаимодействии с ним. Однако это не должно стать уходом от принципов побратимства. Необходимо уметь договариваться и искать пути восстановления существовавшей взаимосвязи, пытаться устранить проблему, ведя диалог на местном уровне, обходя предпочтения действующей политической элиты, которая может поменяться или сменить свои настроения как из-за внешнего влияния, так и внутреннего. Побратимство должно стать тем явлением в международных отношениях, которое не будет зависеть от политической повестки, а, наоборот, будет укреплять сотрудничество между простыми горожанами, муниципальными властями, общественными организациями и бизнес-структурами, заинтересованными в укреплении и расширении любых взаимосвязей.

Кузьмин А.Е.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## МЕДИАДОВЕРИЕ КАК КАТЕГОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

Современное изучение различных аспектов политической коммуникации все чаще заставляет обратить свой взор на такие категории, как «доверие» и «медиадоверие».

Если первую категорию чаще всего рассматривают в следующих аспектах:

- 1) доверие к институтам;
- 2) доверие к персоналиям;
- 3) социально-психологические аспекты доверия и т.д.<sup>1</sup>,

то категория «медиадоверие» только сейчас в современных исследованиях политической коммуникации начинает получать должное внимание со стороны исследователей<sup>2</sup>.

У отечественных исследователей категория «доверие», в том числе «медиадоверие», находит отражение в исследованиях:

- «Вопрос доверия и его формирования в настоящее время является важным компонентом в изучении развития общества. Именно доверие является одним из необходимых связывающих звеньев между обществом и его институтами. Кризис доверия к ним в любом обществе негативно повлияет на их успешное функционирование. И восстановление высокого уровня доверия, поиск истоков конфликта и предупреждение его возникновения должно являться

<sup>1</sup> *Sztompka P.* Trust: a sociological theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 214 p.; *Seligman A.* Trust and Civil Society, in: *Trust and Civil Society*, eds. F. Tonkiss, A. Passey, N. Fenton, L.C. Hems. L.: Springer, 2000. 12–30; *Noteboom B.* Trust: forms, foundations, functions, failures and figures. — Cheltenham: Edward Elgar, 2002.

<sup>2</sup> *Lee T.* Why they don't trust the media: An examination of factors predicting trust // *American Behavioral Scientist*. 2010; Meyer T. *Media Democracy: How the Media Colonize Politics*. Cambridge, 2002; *Tsfati Y., Ariely G.* Individual and contextual correlates of trust in media across 44 countries // *Communication Research*. 2014; 41 (6).

продуманной стратегией развития общественной жизни. Углубление концепции доверия позволило выделить уровни доверия и его типологию, охарактеризовать функции и механизмы формирования. Важным аспектом является характеристика доверия как базовой установки индивида»<sup>1</sup>;

- «Одной из основных функций массмедиа является передача информации. При этом доверие к информации является значимым фактором любой коммуникации. Однако доверие к информации не существует само по себе, а находится в определенной взаимосвязи с «ближайшим» доверием, то есть доверием к ее источнику»<sup>2</sup>.

Так автор работы попытался определить основные категории эффективности для оценки реализации информационной функции органов государственной власти в период противодействия пандемии в России (2020–2021 гг.): охват, восприятие и доверие.

Это позволит оценить то, насколько успешно органы власти распространяли информацию, и то, как к ней относилось население, влияло ли это на их поведение.

- 1) Изучая охват аудитории по интересующим вопросам, используя автоматизированные сервисы (например, «Медиалогия»), можно сделать вывод о том, что информирование через медиа осуществлялось достаточно эффективно или неэффективно.
- 2) Изучая восприятие через анализ социологических исследований, мы пришли к выводу, что есть прямая корреляция между уровнем осведомленности о болезни и опасении; коммуникация с интернет-пользователями была менее эффективна, чем с аудиторией классических медиа.
- 3) Можно сделать следующие выводы о факторе доверия к информации: потенциал роста доверия лежит в успешном коммуникационном воздействии на молодежь, прежде всего в интернет-пространстве; предпосылкой для недоверия официальной информации о пандемии являются неосведомленность об опасности болезни; сложности на пути формирования доверия во многом связаны с отсутствием независимого восприятия ведомств, плотной ассоциации со всей системой власти. Увеличение среднего доверия к официальной информации возможно благодаря работе с молодежью, есть необходимость разработки специальных коммуникаций и месседжей для молодежной аудитории.

*Кузьмин П.В., Халанская Л.Г.  
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)*

## **ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ**

Содержание проблемы, содержащейся в названии темы, отражает ряд актуальных аспектов, имеющих практическое значение для развития Крыма. Восстановление российского суверенитета над Крымом в марте 2014 г., коренные изменения политико-законодательных основ жизнедеятельности крымского общества потребовали от субъектов административно-политического управления новых подходов к осуществлению своей деятельности. Нашей задачей является анализ политической деятельности в современном Крыму.

Теоретические положения, относящиеся к сути и содержанию политической деятельности в современной России, получили известное освещение в работах А. Борисенкова, О. Гаман-Голутвиной, М. Жеребкина, В. Ильина, М. Мизулина, О. Крыштановской, В. Ледеяева, А. Понделкова, А. Старостина, А. Соловьева, Л. Сморгунова, А. Сунгурова, Л. Тимофеевой, О. Шаброва и других ученых.

Авторы настоящих тезисов придерживаются точки зрения, что политическая деятельность — это специфический вид человеческой деятельности, основывающийся на использовании политической власти и направленный на регулирование и согласование социальных интересов и отношений, самосохранение и развитие общества как целостной системы. Признаками политической деятельности являются: использование политической власти как необходимого средства осуществления политической деятельности; осуществление на профессиональной основе и использование в качестве ведущей технологии политического решения; рисковость, негарантированность в своих результатах и др.

Современная политическая деятельность в Республике Крым берет начало в марте 2014 г., т.е. охватывает пока непродолжительный период, поэтому можно говорить, что это «молодая» политическая

<sup>1</sup> Фетюков А.В. Подходы к изучению доверия в современной науке: основные теоретические направления и взгляды // <http://novaum.ru/public/p1914>.

<sup>2</sup> Курейченко А.Б., Шляхова Е.В. Медиадверие как интегрированный социально-психологический феномен // Проблемы педагогики и психологии. 2013. № 1.

деятельность. Изначально субъекты политической деятельности получили запущенное хозяйство, так как украинское правительство не уделяло должного внимания развитию Крыма. По социальной направленности эта деятельность охватывает все области общественной жизни Крыма, преобразования осуществляются в экономике, социальной сфере, культуре на правовых основах Российской Федерации. Важной особенностью является то, что политическая деятельность протекает здесь в условиях полиэтничного и многоконфессионального региона в ареале контактов православной, исламской и западной цивилизаций. Население Республики Крым в 2014 г. составило 1889,4 тыс. чел., в том числе русских — 65%, украинцев — 16, крымских татар — 12,6, белорусов — 1% (в Республике Крым проживает 175 этнических групп)<sup>1</sup>. По результатам — политическая деятельность в Крыму в целом эффективна. В ежегодном исследовании качества жизни российских регионов, проводимом аналитиками РИА «Рейтинг», по итогам 2015 г. Крым стартовал с 76-й позиции, а Севастополь — с 71-й. По итогам 2020 г. субъекты Федерации заняли 42-е и 19-е места соответственно. Сопоставимую динамику рейтинга качества жизни за последние годы не демонстрировал ни один другой российский регион<sup>2</sup>. Наиболее значимыми построенными объектами стали: 19-километровый Крымский мост (самый длинный в России и в Европе); 250-километровая трасса «Таврида»; две парогазовые электростанции мощностью 470 МВт каждая; многофункциональный медицинский центр им. Семашко. Существенно обновлена транспортная и дорожная инфраструктура. Одной из особенностей политической деятельности в Крыму является то, что она осуществляется в условиях санкций со стороны США и западноевропейских стран. Отметим, что после воссоединения Крыма с Россией Главой Республики Крым является В. Аксенов (1972 г. рождения), Председателем Государственного совета Республики Крым — В. Константинов (1956 г. рождения), которые до этого не имели значительного опыта политической деятельности, но которые смогли проявить себя как способные, ответственные и эффективные политики. Председателем Совета министров Республики Крым является Ю. Гоцанюк (1966 г. рождения).

В рассматриваемый период имели место и проблемы. Главными среди них, на наш взгляд, являются: нехватка профессионалов-управленцев, что порождало частую смену политиков в системе исполнительной власти, невысокое качество работы в отдельных звеньях политико-управленческой деятельности; несогласование в личностной структуре целого ряда политиков профессионализма и социально-нравственного развития, что компрометировало политическую деятельность, приводило к нарушению ее субъектами правовых норм и российской законности.

Кузьмина А.М.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## **ВОВЛЕЧЕННОСТЬ УЧАСТНИКОВ СЕТЕВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ФАКТОР ЕЕ УСТОЙЧИВОСТИ**

**П**олитическое сообщество — это не просто совокупность индивидов и групп, а связи и отношения, в которых данные индивиды участвуют. Ю. Хабермас подобные связи и отношения объединяет в гипотетическое пространство общественно-политической сферы, «сеть для передачи информации и идей», где благодаря общественным интеракциям, аккумуляции и агрегации идей и мнений формируется социальное знание относительно институционального оформления политического пространства. Сетевая морфология таких публичных интеракций выступает определенной движущей силой принятия и реализации политических решений. Эффективность принятия политических решений рассматривается не с точки зрения минимизации транзакционных издержек акторов публичного пространства при достижении определенных целей, а с точки зрения действенности и результативности коммуникативных взаимодействий в их сетевой конфигурации. В данном случае результативность сетевых коммуникаций определяется их возможностью связать многообразие акторов, «которые разделяют относительно политики общие интересы и которые обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы»<sup>3</sup>. А устойчивость сетевых коммуникативных процессов определяется их способностью при внешних энтропийных воздействиях сохранять такую кооперацию.

Сетевые взаимодействия возникают в политическом пространстве по поводу формирования и развития публичной политики, публичного управления. В этой связи актуализируется проблематика вовлеченности граждан в коммуникативный процесс для непосредственного осуществления публичных интеракций и сохранения устойчивости общественно-политического дискурса.

<sup>1</sup> Воссоединение Крыма с Россией: исторические и юридические основания: Колл. монография. Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2021. С. 18.

<sup>2</sup> Юманова Е. Советские размах и темпы // Крымская правда. 2021. 2 июня.

<sup>3</sup> Organize Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // Public administration. 1998. Vol. 76. № 2. С. 254.

Термины «вовлечение», «вовлеченность» определяются в научной среде как степень когнитивной и поведенческой задействованности в коммуникативном процессе<sup>1</sup>. П. Райт в своих трудах, посвященных восприятию потребителем сообщений, посылаемых медиа в его адрес, применительно к понятию «вовлечение» («*involvement*») говорит о феномене когнитивного ответа («*cognitive response*»)<sup>2</sup>. Под когнитивным ответом автор подразумевает обратную связь, коммуникативную отдачу со стороны аудитории. Многие исследователи определяют вовлечение как особый инструмент коммуникативного действия, где коммуникативный стимул или задача отвечает существующим требованиям и ценностям заинтересованной социальной группы<sup>3</sup>. Поэтому кроме работы с информационным контентом в сетевых интеракциях необходима диагностика степени вовлеченности аудитории в социальные сети<sup>4</sup>.

Для выявления степени вовлеченности в коммуникацию необходимо наличие соответствующих критериев и показателей, определяющих не только качественные параметры, но и количественные значения вовлечения аудитории в коммуникативный процесс. На данный момент в социальных сетях коммуникационный аудит степени вовлеченности аудитории происходит на основе показателей реакции на коммуникацию, выражающейся в лайках, репостах, комментариях и проч. Мы считаем такой вариант диагностики степени вовлеченности ограниченным и не дающим комплексное и системное понимание эффективности действий по вовлечению аудитории в общественно-политический дискурс. Помимо указанных показателей, нами также детерминируются такие качественные показатели, как: системность размещения информации, достаточно большой охват аудитории общества в социальной сети, наличие перехода с социальной сети на официальный сайт, привлечение и использование в сообществе пользовательского контента, наличие горизонтальных связей в сообществе. Кроме того, мы замечаем, что диапазон количественных значений указанных показателей может различаться с учетом предметного (отраслевого), территориального признака публичного проекта, по отношению к которому происходят коммуникации в социальных сетях.

Таким образом, можно сделать вывод, что для эффективной публичной коммуникации в сетевом пространстве необходима системная диагностика степени вовлеченности аудитории в коммуникацию и поддержание высокого уровня такой вовлеченности.

Куква Е.С.

(Адыгейский государственный университет, Майкоп)

## ИНДЕКС ГОТОВНОСТИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)<sup>5</sup>

Пандемия выдвинула на один из первых планов такое значимое для общества в условиях неопределенности качество, как сплоченность, готовность к сотрудничеству. Это свойство проявляется как в горизонтальном — между индивидами и социальными группами, так и в вертикальном — между обществом и властью — аспекте.

Анализ индекса готовности к сотрудничеству (индекс рассчитывается на основе обобщения совокупных индексов) показан как результирующая ряда индикаторов, фиксирующих «объединительные» тенденции в исследуемых регионах в условиях пандемии. В целом при сравнении регионов готовность к сотрудничеству имеет более высокие совокупные индексы в Адыгее (132,8), чем в Краснодарском крае (117,7). Среди индикаторов, из которых сформирован данный индекс:

- оценки степени сплоченности — на уровне региона, страны, человечества;
- оценки эффективности оказания помощи нуждающимся в ней в условиях пандемии;
- оценки пандемии как вызова сплоченности общества;
- оценки уровня эмпатии в условиях пандемии.

Самыми низкими индивидуальными индексами обладают оценки сплоченности людей перед внешней неконтролируемой угрозой как на уровне региона, так страны и человечества в целом. Данные

<sup>1</sup> Гуляева М.А. Теоретические основы вовлеченности в коммуникацию // Известия Волгоградского пед. ун-та. 2016. № 9–10 (113). С. 65–69.

<sup>2</sup> Peter L. The Cognitive Processes Mediating Acceptance of Advertising // Journal of Marketing Research. 10. 1973. P. 53–62.

<sup>3</sup> Buchholz L.M., Smith R.E. The Role of Consumer Involvement in Determining Cognitive Response to Broadcast Advertising // Journal of Advertising. 1991. Vol. 20. No. 1. P. 7.

<sup>4</sup> Kuzmina A.M., Kuzmin A.E. Engaging the audience of non-profit organizations in communication in social networks in modern marketing practice / Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021. 2021. С. 104–107.

<sup>5</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011–31778.

идентичны в обоих региональных сообществах. В соответствии с ними доли оценивающих сплоченность позитивно и негативно примерно одинаковы, а мнения об отсутствии связи между усилением пандемии, борьбы с ней и ростом сплоченности — весьма распространены.

Самым высоким индивидуальным индексом обладает оценка эффективности оказания помощи нуждающимся в условиях пандемии (вопрос был сформулирован следующим образом: Знаете ли Вы о случаях, когда во время пандемии коронавируса люди, нуждающиеся в помощи, ее получили?). При этом в Республике Адыгея индекс на 24 пункта выше (165,1 в Адыгее и 141,7 в крае). Данный индекс дает возможность судить о процессе интеграции власти и общества под углом зрения конкретных ожиданий от общества и ответных практик от власти. Корреляция ожиданий от власти и ее «ответов» позволяет измерить вертикальную сплоченность. В данном случае очевидны тенденции к ней в обоих регионах, в Адыгее они более выражены.

Высоким оказался и уровень эмпатии к представителям стран, наиболее тяжело перенесших пандемию. Так же как и признание того, что пандемия стала неким вызовом, проверкой на человечность и солидарность, в ответ на который люди готовы в трудные моменты помогать друг другу (индексы 118 и 128 соответственно для края и республики). По мнению К. Ларсена, социальная сплоченность — вера граждан данного национального государства в то, что они принадлежат единой моральной общности, и это позволяет им доверять друг другу<sup>1</sup>.

Как нам представляется, это свидетельствует о том, что негативные переживания, связанные с последствиями пандемии, запускают разнонаправленные процессы: с одной стороны, повышают сплоченность людей перед лицом общей опасности, с другой — способствуют их разобщенности. Отметим все же, что данный индекс для рассматриваемых регионов в большей степени свидетельствует о наличии объединительного потенциала для его населения на фоне пандемии COVID-19.

Кулакова Т.А., Волкова А.В.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## ЦИФРОВОЙ ВИГИЛАНТИЗМ: К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ<sup>2</sup>

Зарубежными исследователями вигилантизм трактуется как внезаконные (внесудебные) формы гражданского поведения, конкретные действия, реакция на неэффективность государственных институтов: «предупреждение, расследование или наказание», которые могут встречаться по отдельности, в комбинации или последовательности. Все представленные варианты могут осуществляться гражданами относительно спонтанно или происходить в связи с такими событиями, как выборы, мобилизация общественного движения, где возникло реальное нарушение или моральное возмущение. Гражданская бдительность динамична, и она может перемежаться с законным поведением<sup>3</sup>. Данная тема возникает и активно исследуется в странах англосаксонской правовой традиции, где инициативный характер оказания помощи судебным органам, силовым структурам, государству имеет исторические корни (феномен «охотников за головами», суд Линча). Современный анализ роста насильственных форм бдительности все больше фокусируется на «нецивилизованном» характере общества и провоцировании девиантного поведения. Вигилантизм трактуется как возврат к насильственным местным институтам закона и порядка и как продукт современной институциональной среды клиентелизма и коррупции, как способ борьбы молодежи за свою долю патронажных ресурсов, развивается дискуссия по поводу «захвата» гражданского общества<sup>4</sup>.

Процессы цифровизации общества трансформируют, обостряют проблему вигилантов, заставляют трактовать ее шире, чем первоначально предполагали работы по криминологии. Прежде всего — быстрый, почти мгновенный характер распространения и фактическую безграничность, что дает возможность вовлекать в процесс Интернет-пользователей разных регионов и государств. Она изучается как важный фактор поляризации политического процесса и в контексте актуализировавшего феномена политики постправды. Сегодня в Европе есть ряд поддержанных грантами научных проектов, направленных на изучение широкого спектра практик наблюдения за общественной жизнью. Проект Мюнхенского университета *Vigilanzkulturen* (<https://www.sfb1369.uni-muenchen.de/index.html>.) посвящен истории явления, различным проявлениям вигилантизма в культуре и его современным цифро-

<sup>1</sup> Larsen C.A. Social cohesion: Definition, measurement and developments. 2014. URL: <https://www.un.org/esa/socdev/egms/docs/2014/LarsenDevelopmentinsocialcohesion.pdf> (accessed: 15.06.2021).

<sup>2</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-ЭИСИ № 21-011-31445 «Цифровой вигилантизм и практики формирования публичных ценностей: захват сетевого гражданского общества?».

<sup>3</sup> Bateson R. The Politics of Vigilantism // *Comparative Political Studies*. 2021. 54(6). P. 923–955.

<sup>4</sup> Meagher K. Hijacking civil society: The inside story of the Bakassi Boys vigilante group of south-eastern Nigeria // *Journal of Modern African Studies*. 2007. 45(1). P. 89–115.

вым формам. Тема усиления цифрового вигилантизма в условиях пандемии также находится в поле зрения обществоведов.

Цифровой вигилантизм — феномен, представляющий собой скоординированные действия гражданских групп в виртуальном пространстве в ответ на мнимые или реальные действия и угрозы третьих лиц или моральное возмущение в отношении события, которое было зафиксировано и передано через мобильные устройства, через социальные платформы. Он может выступать и как элемент гражданского общества, базирующийся на таких ценностях, как ответственность, участие, открытость, сотрудничество, и как пример проявления практик «негражданского» (*uncivil*) общества (девиантные проявления гражданской активности, перехват инициатив по порицанию нарушителей и возмездие, виртуальное насилие).

В современных зарубежных исследованиях акцент зачастую делается на вопросе легальности вигилантов в уже сформированном гражданском обществе, но при таком подходе ценностная компонента из поля зрения проблемы фактически выпадает. На наш взгляд, именно ценностная компонента становится фактором формирования новых групп в сетевом гражданском обществе, а те, в свою очередь, оказывают давление на трансформацию национальной системы ценностей. Ориентация государственной политики на электронное участие создает пограничную «спорную» среду, в которой до конца не очевидно, какие инициативы со стороны общественности укладываются в предлагаемые государством инициативы, а какие оспаривают монополию государства (вплоть до присвоения права на легитимное насилие).

Анализ комментариев и текстовых расшифровок наиболее популярных видео вигилантских сообществ (СтопХам, Лев Против и др.) позволяет создать «портрет» типичного вигиланта и подтверждает, что цифровой вигилантизм в реализации дискурсивных практик ориентируется как на сложившиеся национальные ценности (движение «Сорок Сороков»), так и на принципы «новой этики». Он выступает в качестве замещающего неформального института. Сегодня происходит увеличение числа спонтанных всплесков вигилантской активности в социальных сетях, на платформах, в проектах («Подслушано»). Наблюдается тенденция к сближению государственных структур и вигилантских проектов, что свидетельствует о заинтересованности государства к формированию в сети «Интернет» латентных институтов поддержки для обеспечения управляемости.

Курочкин А.В.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## КЛЮЧЕВЫЕ РИСКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РФ В УСЛОВИЯХ РАСТУЩИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ И ВНУТРЕННИХ ВЫЗОВОВ<sup>1</sup>

Трансформация системы публичной власти в России обрела после принятия в 2020 г. поправок к Конституции РФ определенный вектор и идейное содержание, ключевыми целевыми основаниями которого стали внедрение эффективной системы координации взаимодействия различных уровней власти (прежде всего региональной и муниципальной) и обретение ею реального функционального единства.

Проблематика формирования единой системы публичной власти отнюдь не нова. В течение последних 7–10 лет в России был опубликован целый ряд работ, посвященных данному вопросу. Среди прочих отметим работы Лахтиной Т.А.<sup>2</sup>, Безрукова А.В.<sup>3</sup>, Овчинникова И.И.<sup>4</sup> и др. Однако повторим, что принятие поправок к Конституции РФ придало этой чаще всего теоретической дискуссии конкретный прикладной характер. Чрезвычайно важным представляется в этой связи провести анализ внешних и внутренних вызовов, которые влияют сегодня на ход и промежуточные результаты трансформации системы публичной власти.

С одной стороны, такое влияние неизбежно определяется целеполаганием самой системы публичной власти, которая «заключается в реализации в полном объеме концепции народовластия, обеспечении гармоничной жизнедеятельности общества, развитии личности, защите прав и свобод

<sup>1</sup> Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ проект № 21-011-31356 «Исследование трансформаций систем городского управления и самоуправления в условиях конституционной институционализации единой системы публичной власти в РФ».

<sup>2</sup> Лахтина Т.А. Местное самоуправление как элемент публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 7. С. 16–20.

<sup>3</sup> Безруков А.В. Государственная и муниципальная власть в системе единой публичной власти России // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 6. С. 23–28.

<sup>4</sup> Овчинников И.И. Муниципальная власть в структуре публичной власти в Российской Федерации // Вестник Мосгор. пед. ун-та. Серия: Юридические науки. 2017. № 3 (27). С. 37–55.



личности, а также всего общества от внутренних и внешних угроз, выстраивании диалога с личностью, их позитивном взаимодействии и взаимовоздействии»<sup>1</sup>. В этом смысле актуализируются функции превентивного реагирования и защиты общества со стороны системы публичной власти от внутренних и внешних вызовов.

С другой стороны, сама система вынуждена адаптироваться к ним структурно и институционально.

Кратко определим ключевые актуальные вызовы, влияние которых на систему публичной власти представляется наиболее существенным.

К глобальным внешним вызовам отнесем прежде всего цифровизацию и виртуализацию коммуникативной среды политических и управленческих взаимодействий. Гонка технологий неизбежно ведет к углублению цифровых разрывов как между странами, так и между уровнями власти и отдельными регионами (как административными единицами, так и геополитическими надгосударственными конструктами). Отсюда проблематизируется технологический и институциональный баланс развития систем и подсистем публичной власти.

Второй глобальный вызов — рост неустойчивости национальных и наднациональных систем политического управления. Россия, будучи одним из ключевых мировых акторов глобальной политики, неизбежно является объектом влияния различных трендов, исходящих от внешних субъектов, и вынуждена настраивать собственную систему публичной власти таким образом, чтобы она обладала достаточной степенью устойчивости к подобного рода влияниям.

Ключевыми внутренними вызовами и угрозами управляемости системы публичной власти в РФ в условиях роста глобальной неустойчивости являются:

- управленческие и коммуникативные разрывы между уровнями власти и органами отраслевого управления;
- отсутствие целостности и сбалансированности стратегических подходов уровней власти в процессе принятия решений;
- дисбаланс функциональной нагрузки и степени обеспеченности ресурсами различных уровней публичной власти, требующий перераспределения предметов ведения и политической ответственности между ними;
- недостаточная прозрачность институциональных рамок взаимодействия уровней управления.

Общий вывод, который можно сделать относительно обеспечения условий эффективности становления единой системы публичной власти в современной России, заключается в необходимости полноценного учета указанных выше внешних и внутренних угроз и рисков в процессе разработки и имплементации этой новой системы.

**Курюкин А.Н.**  
(ФНИСЦ РАН, Москва)

## **ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПАНДЕМИЮ COVID-19 И ПОСЛЕ**

**П**ринятие в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека стало поворотным моментом для глобального консенсуса в отношении общих прав всех людей. С тех пор это распространилось на множество договоров, конвенций и деклараций, подтверждающих центральную роль и суть прав человека на глобальном уровне. Но сегодня, 72 года спустя, мы вступаем в эпоху, получившую известное название «конец света». Международные соглашения в области прав человека часто нарушаются без последствий, а их влияние на прямое улучшение состояния прав человека в лучшем случае скромно. Сегодня много говорят о «новой нормальности» постпандемического мира. Этот дискурс не обходит стороной и вопрос прав человека. Обобщая, можно выделить пять ключевых компонентов перспективной повестки дня в области прав человека.

1. Право на неприкосновенность частной жизни и право на безопасность.

Взаимосвязь между правом на неприкосновенность частной жизни и требованиями национальной безопасности весьма тонкая и сложная. Актуальность этих вопросов возросла после атак 11 сентября, но новые проблемы, включая COVID-19 и экологическую безопасность, означают, что необходимо обновленное и более четкое понимание того, как эти права сбалансированы. Это особенно актуально в контексте расширения технологий наблюдения, включая внезапное внедрение во многих странах отслеживания телефонов, связанных с COVID-19, с минимальной публичностью таких процессов. Необходимо сосредоточить внимание на достижении консенсуса в отношении компромиссов и стандартов, чтобы гарантировать соблюдение прав человека, в том числе и их возможные

<sup>1</sup> Кулагин Д.А. Эффективность конституционно-правового механизма осуществления публичной власти в Российской Федерации: Дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.02 / Кулагин Дмитрий Александрович; [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т]. Челябинск, 2013. — 232 с.

ограничения, в свете наиболее насущных проблем безопасности, включая безопасность в области здравоохранения.

2. Право на свободу выражения мнений и право на защиту от языка вражды.

Уравновешивание свободы выражения мнений и недискриминации с защитой от языка вражды станет еще одной ключевой задачей в перспективной повестке дня в области прав человека. И как показывает рост движений за расовое равенство в этом году во всем мире, существует острая необходимость в решении этой проблемы с вниманием к различным особенностям личности и ее уязвимостям в современных условиях. Новая Стратегия и План действий Генерального секретаря ООН по борьбе с разжиганием ненависти предлагает возможность расширить понимание этих вопросов в современном цифровом контексте.

3. Свобода передвижения и право на защиту.

Передвижение людей в самых разных формах — от миграции до международных и внутренних поездок — было беспрецедентно ограничено по причинам общественного здравоохранения как внутри государств, так и между ними. С усилением государственного протекционизма, в связи с COVID-19, странам необходимо сбалансировать предоставление права на свободу передвижения с обязанностью поддерживать здоровье населения. Еще до COVID-19 всплески национализма с целью ограничения миграции, наряду с политикой общественной безопасности и борьбы с терроризмом, ограничивающей передвижение людей, долгое время находились в противоречии с концепциями прав человека, касающимися физической свободы и мобильности. Эти вопросы по-прежнему будут в центре внимания. Необходим обновленный, прямой разговор о том, как они должны взаимодействовать, особенно с учетом сегодняшнего акцента на защите от пандемий в будущем.

4. Государственный суверенитет и право на самоопределение.

Эта давняя глобальная проблема, возможно, выскользнула из заголовков в свете пандемии COVID-19, но она остается критической. Эта борьба может быть напрямую связана с относящимися к COVID вопросами государственной легитимности и структур управления, в то время как местные пути к управлению, похоже, никуда не денутся, и мы не должны этого ожидать. Как напоминают нам Брексит, независимость Каталонии и сепаратистские движения в Бангладеш, актуальные претензии к нынешним механизмам государственного суверенитета усиливают политические разногласия во всем мире, что нынешний кризис, вероятно, только усугубит.

5. Право на цифровой доступ и право на защиту от злонамеренных сил в Интернете.

ООН объявила «онлайн-свободу» правом человека, но сохраняющиеся пробелы в доступе и злонамеренные силы усложняют усилия по обеспечению этого права. COVID-19 еще больше выдвинул проблему цифрового доступа, особенно для тех, кто находится в бедности. Дезинформация и дезинформация в Интернете, как в отношении пандемии, так и в отношении ее воздействия на политические и социальные вопросы, также вызывают озабоченность. Реакция на эту напряженность должна учитывать конкретные воздействия, например, на молодежь и женщин. Одним из многих примеров является свидетельство непропорционального преследования женщин — политических активисток, кандидатов в конгрессмены в США, атакованных «фальшивыми новостными аккаунтами».

Кутырев Г.И.  
(НИУ ВШЭ, Москва)

## ПРОБЛЕМА ПАНДЕМИИ COVID-19 В КОРОЛЕВСТВЕ ИСПАНИЯ

Пандемия коронавируса (он же SARS-CoV-2 или COVID-19, 2019-nCoV), которая согласно китайскому офису Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) начала свое распространение из Уханя не позднее декабря 2019 г., теперь прочно заняла свое место в плеяде вызовов глобальной безопасности и, соответственно, получила научную рефлексивную со стороны как западных, так и отечественных ученых. На момент написания данной статьи (2020 г.) «ученые пытаются разработать вакцину против вируса 2019-nCoV, и ВОЗ оказывает им помощь»<sup>1</sup>. Согласно сведениям журнала *Nature*<sup>2</sup>, уже в апреле 2020 г. по всему миру в разработке ряда фармакологических компаний (например, *Moderna*, *Pfizer*, *Johnson & Johnson*, *GlaxoSmithKline*) и исследовательских групп при университетах находилось более 90 вакцин против SARS-CoV-2. Исследователи испытывали различные технологии, некоторые из которых ранее не использовались в лицензионных вакцинах. К примеру, создание прививки на основе ДНК или РНК вируса. Эти методы очень заманчивы, потому что с их помощью вакцину можно

<sup>1</sup> Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением нового коронавируса // Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) (2019-nCoV): мифы и ложные представления. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/myth-busters>.

<sup>2</sup> *Callaway E.* The race for coronavirus vaccines: a graphical guide // *Nature*. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-01221-y>.

сделать за три месяца. Но пока они так и не доказали свою эффективность»<sup>1</sup>, — отметил в своем интервью каналу *Euronews* профессор французского Института Пастера Фредерик Танги.

Что касается ситуации в мире, то в некоторых странах сначала наметился существенный прогресс в борьбе с эпидемией (Италия, Франция, Испания), в то время как в других (Бразилия, Аргентина, Перу) достигла чудовищных масштабов. Однако, как только власти начали ослаблять режим карантина (июнь—июль 2020 г.) и жизнь начинала возвращаться к нормальному ритму, с началом осени начались новые вспышки заболеваний SARS-CoV-2, ознаменовав начало «второй волны». Так, ВОЗ полагает, что для 11 стран Европы сложилась особо опасная ситуация, «значительный всплеск, который при отсутствии контроля вновь поставит системы здравоохранения в Европе на край пропасти»<sup>2</sup>. Ситуация во многом осложнилась из-за шенгенских правил, которые регулировали упразднение пограничного контроля на внутренних границах, и возобновления с 1 июля 2020 г. туристического сезона.

В исследовании мы попытаемся очертить некоторые тенденции борьбы с пандемией внутри Испанского королевства, проанализировать, какие именно политические решения для противостояния коронакризису были приняты администрацией Педро Санчеса, которая находится у власти с 2018 г., а также попытаемся оценить их успешность.

Таким образом, проведя исследование, следует сделать несколько важных выводов:

- ВОЗ предполагает, что коронавирус SARS-CoV-2 имеет животное происхождение и его источником стали либо «мокрые рынки» Уханя, либо промежуточные животные.
- Мировая общественность при пандемии COVID-19 столкнулась с двумя важными задачами — разработка тестов и вакцин против нового коронавируса (живым, индекативным, векторным и ДНК— или мРНК).
- В условиях чрезвычайного положения государства были вынуждены принимать решения, которые существенно ограничивали права и свободы граждан. В результате карантин стал причиной снижения мирового ВВП, разрыва торговых цепочек, снижения биржевых индексов. От коронакризиса пострадали туризм, авиационная отрасль и розничная торговля.
- Существует, по крайней мере, три важные проблемы систем здравоохранения в ЕС, к которым также относится и Испания. Это рост количества пожилых пациентов (65+), отсутствие в странах ЕС общенациональной политики в отношении НИЗ и рост затрат на систему здравоохранения.
- О причинах такой тяжелой ситуации именно в Испании спорят ученые и политики. Их видится, по крайней мере, три: доля возрастной категории жителей в стране, интенсивность международного туризма и управленческая слабость администрации П. Санчеса.
- В итоге электорального цикла 2011—2016 гг. на смену несовершенной двухпартийной системе пришла новая многопартийная система, где помимо традиционных гигантов в лице НП и ИСРП стали играть роль другие партии, такие как «Вокс», «Подемос» и «Сьюдаданос».
- Очевидная слабость нынешнего коалиционного правительства П. Санчеса исходит из конфликта ИСРП и «Унидос-Подемос», их разных взглядов на формирование кабинета правительства. Это стало причиной того, что при начале пандемии власти Испании не спешили вводить карантинные меры, опасаясь за потерю поддержки среди населения.
- Как показало исследование, меры поддержки экономики со стороны администрации П. Санчеса являлись по большей части половинчатыми и без вмешательства тройки международных кредиторов вряд ли смогут остановить развивающийся экономический кризис.
- Существует очевидная прямая зависимость от уровня доверия населения к власти и распространения «фейк-ньюз». Так, в Испании это стало подогреть «антимасочные» и «антипрививочные» выступления в Мадриде и других городах Испании летом и осенью 2020 г.

Кучинов А.М.  
(МЭИ, Москва)

## КРИТЕРИИ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО ТИПА: НЕОБХОДИМОСТЬ ПОНЯТИЙНОГО УТОЧНЕНИЯ

При исследовании институциональных сред политических и квазиполитических явлений используются термины, недостаточно отрефлексируемые в отечественной науке, требуется их понятийная проработка. Политика в античном, немакиавеллистском, понимании понимается как некий диалог равных конфликтного конкурентного характера. В нашей переформулировке — институционализированная, основанная на праве, а не на насилии, конкуренция ориентированных на общее благо

<sup>1</sup> Давлашян Н. COVID-19: как создают вакцину? URL: <https://ru.euronews.com/2020/02/22/ru-vaccine-explainer>.

<sup>2</sup> На Европу надвигается вторая волна // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4396217>.

проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан. При продолжении исследования требуется уточнение этих и сопутствующих понятий.

Важно различать единство (взаимосвязанное с общим благом) и конкуренцию среди граждан, это — не антонимы, они не исключают друг друга. Единство — некая способность видеть в окружающего человека, гражданина, носителя каких-либо качеств, мнений, проектов, понимание с ним равноправия, взаимного достоинства и уважения. Единство не означает единодушия, полного совпадения мнений и интересов. Единству можно противопоставить безразличие вроде «каждый сам по себе», кликовость, крайнюю неприязнь, но не конкуренцию. Цивилизованная конкуренция, таким образом, возможна только при единстве. Конкуренция не предполагает «уничтожения» собеседника.

Понятия «дифференциация» и «интеграция» — тоже не антонимы. Первый термин более употребляется в политической науке относительно идейного разнообразия, второй — «более социологический» об общественной солидарности. Политическая дифференциация предполагает разнообразие идейных ориентаций, мировоззренческих представлений, установок, проектов и решений. Дифференциации можно противопоставить идейно-ориентационную бедность-безыдейность, пребывание в заблуждении. Интеграция — это связанность, преимущественно через институты, сплоченность, противопоставить ей можно несвязанность, расколотовость. Ничто не препятствует возможности одновременного существования дифференциации и интеграции. Интеграция возможна только при дифференциации.

Общее благо — термин, используемый в продолжение античной традиции политической мысли. Благо — «конечный [...] предмет стремления [...], движение к которому не нуждается в дальнейшем обосновании»<sup>1</sup>, «состояние и условие совершенства, осуществленного бытия»<sup>2</sup>. Под общим благом понимаются некие идеи и ресурсы, рефлексивно важные для общности — в противоположность частному благу. Принцип общего блага при конкуренции проектов и решений предполагает, что принимаемые решения насколько возможно должны быть приемлемы для множества людей, при этом не допускать исключения кого-либо.

Таким образом, какие явления относить к политике современного типа, а какие нет, зависит не от того, выборы это, или революции, или референдумы; а в каждом конкретном случае отдельно, в зависимости от удовлетворения критериев. Например, политика не исключает вероятных «движения желтых жилетов», движения *Black lives matter*, карантина, поскольку они попадают под определение политики при выполнении критериев. Распри партий также не препятствуют явлению политики, если они цивилизованные. Не везде, где есть клики и применение силы, политика упраздняется. Рутинные, не выходящие за пределы правового поля выборы — не обязательно политические. В случае отсутствия на них конкуренции, ориентации на общее благо, отсутствия за ними стоящих проектов и решений явление политики упраздняется.

Политика, согласно античной немакиавеллистской традиции, основана на праве, что потребовало переопределять и переосмысливать право. Неправовой характер многих элементов российского пространства связан с тем, что право используется актерами как некий инструмент квазилегитимизации тех или иных процессов и решений, вне общего институционального согласия, вне обратной связи. В таком случае право оказывается ограничено работоспособным, в результате чего упраздняется.

В ходе рассуждений была обнаружена интересная черта Французской революции 1789 г. — ее неправовой характер, частично компенсируется опорой на универсальное доверие и стремление к общему благу. Вероятно, один критерий может компенсироваться другим. Революция остается политическим явлением, так как не предполагала долговременного упразднения права как явления. Даже при насильственном элементе эта революция — во многом политическое событие, поскольку имеет ориентацию на общее благо, конкурентна, в некоторых чертах институционализована. При том что в ней есть насильственный элемент, насилие и запугивание там ситуативны и не оказываются самоцелью.

<sup>1</sup> Казарян А. Т. Благо // Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. 5. С. 233.

<sup>2</sup> Шохин В. К. Благо // Новая философская энциклопедия. ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7effd088db83f68128fb7> (дата обращения: 23.06.2021).

## ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСТВО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ РИСКОВ

Актуальность темы исследования рискогенности процесса становления и развития цифрового гражданства обусловлена активным проникновением цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности современного российского общества. Необходимость ускорения процессов цифровизации и цифровой трансформации общественных связей и отношений выделяется в качестве значимой цели развития России, по мере достижения которой государство сможет занять конкурентоспособные позиции в формирующемся мировом цифровом пространстве.

Вместе с тем трактовки самого понятия «цифровизация» отличаются существенным разнообразием<sup>1</sup>. Во многом они объясняются бифункциональным — техническим и социальным назначением термина. С точки зрения проблемы исследования рисков наиболее продуктивным представляется понимание цифровизации как глобального процесса преобразования характера межгрупповых и межличностных взаимоотношений людей под влиянием конвертирования потоков информации в цифровую форму. В результате использования цифровых форм и технологий как в политическом управлении (институционализированными и неинституционализированными субъектами), так и в повседневности (отдельными гражданами и социальными группами) происходят качественные изменения различных социальных процессов, сопряженные с угрозой возникновения рисков различной природы.

Перечень параметров модели исследования рисков цифрового гражданства зависит от интерпретации понятия «цифровой гражданин»<sup>2</sup>. В литературе встречаются следующие: 1) как статус, приобретаемый в связи с включенностью в интернет-коммуникации, что актуализирует проблемы, связанные с овладением компетенциями онлайн-пользователей (цифровой грамотностью); 2) как представитель поколения Z, социализация которого совпала с эпохой распространения массового Интернета, что объясняет концентрацию внимания ряда исследователей на вопросах специфики мировосприятия и взаимодействия молодых людей как носителей новой модели поведения; 3) как правовой статус, указывающий на устойчивую связь с государством посредством цифровых технологий, что ведет к дискуссии по поводу развития инфраструктуры цифрового профиля и нормативного регулирования порядка получения соответствующего пакета услуг; 4) как участник процесса принятия социально значимых решений посредством специальных интернет-сервисов, что ставит на повестку дня тематику «новой демократии», обеспечивающей вовлечение более широких слоев населения в делиберативный процесс путем использования e-технологий.

Каждый из отмеченных подходов отличает не только выделение отдельных аспектов проявления цифрового гражданства как системообразующих, но и указание на специфику рисков, связанных с его развитием. Принимая во внимание, что все составляющие цифрового гражданства являются значимыми и тесно взаимосвязанными между собой, представляется целесообразным проводить комплексный анализ как самой структуры цифрового гражданства (выделяя в ней технологическое, институциональное, социокультурное и личностное измерения), так и параметров ее рискогенности (ведь риски, вызванные одной группой факторов, могут выступать источником / детерминантой / катализатором рисков, относящихся к другой группе).

Сам процесс возникновения рисков обусловлен влиянием неопределенности на цели субъектов деятельности в цифровом пространстве и представляет собой возможность несовпадения фактического результата с намеченным в условиях объективно существующей турбулентности. Исходя из природы происхождения, следует выделить следующие виды рисков: риски цифровой инфраструктуры, риски цифрового управления, риски социальной активности в цифровой среде. В каждой из групп есть свои субъекты ответственности (представители технологических корпораций, государства, гражданского общества), а также свои системные и ситуационные составляющие. Системные риски каждого вида обусловлены «проблемными зонами» в развитии аналоговых процессов в соот-

<sup>1</sup> См.: *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010; *Elliott A.* Miniaturized Mobilities: Transformations in the Storage, Containment and Retrieval of Affect. *Psychoanalysis // Culture & Society*. 2013. Vol. 18. I. 1. P. 71–80; *Urry J.* Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003; *Lupton D.* Data Selves. New York: Polity Books, 2019. — 208 p.; *Карпова Д.Н., Проскура А.С.* Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества // Власть. 2020. № 1. С. 97–104 и др.

<sup>2</sup> *Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S.* Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. The MIT Press, 2007. — 240 p. URL: <http://bookre.org/reader?file=1152018&pg=3>; *Mattson K.* Digital Citizenship in Action: Empowering Students to Engage in Online Communities. International Society for Technology in Education, 2017. — 134 p.; *Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А., Синяков А.В.* «Цифровая гражданственность» в оценках российской молодежи // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 3. С. 4–22 и др.

ветствующей области, а ситуационные во многом связаны с особенностями самих участников деятельности в цифровом пространстве.

Дальнейшая детализация предлагаемой модели связана с определением совокупности показателей для каждого из измерений рискогенности развития цифрового гражданства, что позволяет применять данные разработки в прикладных исследованиях. В свою очередь, инструментальная оценка взаимосвязи различных групп рисков позволит описать механизм возникновения кумулятивного эффекта в условиях растущей неопределенности.

Лаврушина Н.В.

(Карельский фонд развития общественной дипломатии, Петрозаводск)

## ОБ ОПЫТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ПЕТРОЗАВОДСКА И ЕГО ГЕРМАНСКИХ ПОБРАТИМОВ НОЙБРАНДЕНБУРГА И ТЮБИНГЕНА

Опыту побратимских связей муниципалитетов России и Германии посвящено немало исследований, которые говорят о достаточно широком спектре направлений межмуниципального сотрудничества двух стран. Так, по данным Союза российских городов, 89 российских городов имеют партнерские отношения со 104 немецкими побратимами на основе заключенных договоров<sup>1</sup>; регулярно проходят форумы породненных городов двух стран. Петрозаводск включился в такое сотрудничество с 1969 г., и за прошедшие десятилетия в городе сформировалось системное взаимодействие людей и организаций, имеющих связи с немецкими партнерами, заинтересованных в знакомстве с культурой, традициями, современной Германией и в изучении немецкого языка. И многолетние отношения с городами-побратимами Нойбранденбургом и Тюбингеном способствовали появлению и укреплению такой партнерской сети. Как и наличие такого сообщества в Петрозаводске работало на развитие побратимства.

Рассматривая современное состояние отношений между регионами и городами России и Германии, Ф.А. Басов обращает внимание на тот факт, что и российское, и германское руководство стремится поощрять развитие народной дипломатии<sup>2</sup>.

Дружеские связи с Нойбранденбургом были одними из наиболее успешных и разносторонних контактов с зарубежными партнерами в 1970–1980-х годах. С визита первой карельской делегации в Нойбранденбург летом 1970 г. началось установление связей между различными организациями и предприятиями с обеих сторон. И уже к середине 1970-х осуществлялись обмены бригадами промышленных предприятий: строителями, лесозаготовителями, полиграфистами, рыбводами. Реализовывались культурные связи, молодежные обмены, проводились пионерские лагеря, спортивные соревнования, курсы повышения квалификации учителей<sup>3</sup>.

Появление второго германского побратима — Тюбингена в 1989 г. сместило активность сотрудничества в сторону последнего. Этому способствовало и то, что в 1990-е годы Нойбранденбург и сам переживал непростые времена.

Первая делегация Тюбингена приехала в Петрозаводск 29 апреля 1989 г. Летом того же года Тюбинген принимал гостей из Петрозаводска. И 9 октября мэры городов Ойген Шмид и Павел Пещенко подписали договор о партнерстве городов.

Более 30 лет Тюбинген остается надежным и заинтересованным партнером. Реализованы сотни разных проектов, в которых участвовали тысячи жителей двух городов. Особую роль играют общественные организации: общество «Запад — Восток» г. Тюбинген и его партнер с 1990-х до середины 2010-х годов — общество «Карелия — Германия», а сегодня — Общество дружбы «Петрозаводск — Тюбинген». 25-летие сотрудничества ярко и разнообразно отмечалось в Тюбингене в 2014 г. Мероприятия 30-летия в 2019 г. прошли в Петрозаводске. Контакты между Петрозаводском и Тюбингеном все годы — одни из наиболее успешных, активных и взаимно интересных. Даже в 2021 г. в условиях пандемии реализовывались два онлайн-совместных проекта: «Молодежный обмен-2021»<sup>4</sup> и *UniCSoc — Universities, Civil Society, Public Wellbeing and Crisis*<sup>5</sup>.

Немецкие побратимы участвуют и в Днях Германии в Петрозаводске, которые проходят с 2016 г. ежегодно: проект реализуется в рамках сотрудничества городов-побратимов и сетевого сотрудниче-

<sup>1</sup> Города-побратимы. Союз российских городов. URL: [https://www.urc.ru/rgy\\_cities](https://www.urc.ru/rgy_cities).

<sup>2</sup> Басов Ф.А. Отношения между регионами и городами России и Германии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 6. С. 150.

<sup>3</sup> Карелия — Нойбранденбург. Петрозаводск, 1977. С. 24.

<sup>4</sup> Tübingen trifft Petrosawodsk und Petrosawodsk trifft Tübingen. URL: <https://tuepetro.wordpress.com/>.

<sup>5</sup> Международный междисциплинарный проект ПетрГУ и Университета Карла Эберхарда. URL: <https://petsru.ru/news/2021/96238/mezhdunarodnyi-mezhd>.

ства различных местных организаций. Это своего рода «зонтик» — программа мероприятий культурно-образовательной направленности, осуществляемых разными организациями, которые объединяют свои усилия в рамках общей концепции. Среди петрозаводских партнеров проекта в разные годы были и остаются Карельский ресурсный центр общественных организаций, Фонд «Петрозаводск», Карельский фонд развития общественной дипломатии, Институт иностранных языков и Институт истории, политических и социальных наук ПетрГУ, Администрация Петрозаводска, Центр культуры «Премьер», Немецкий культурный центр Петрозаводск, Державинский лицей, Национальная библиотека Карелии и другие партнеры.

Говоря о современных побратимских связях, стоит отметить роль НКО, которые в свете снижения активности органов местного самоуправления в развитии международных связей в последние годы берут на себя координационные и организационные функции, готовят проектные заявки, реализуют совместные проекты и таким образом способствуют сохранению и развитию сотрудничества.

Ланко Д.А.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## **ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЛИДАРНОСТИ ВНУТРИ ГРУПП ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ИХ ВЛИЯНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИГРОВЫХ МОДЕЛЕЙ**

Солидарность между государствами не является новым феноменом в международных отношениях. Еще в 1940-х годах К. Поланьи отмечал, что в течение десяти лет между окончанием Первой мировой войны и началом Великой депрессии «восстановление золотого стандарта было символом всемирной солидарности»<sup>1</sup>. Сегодня о солидарности внутри групп государств более всего пишут представители так называемой Английской школы в международных исследованиях. Внутри Английской школы сосуществуют несколько направлений, представители одного из которых идентифицируют себя как сторонники «солидаристского» подхода. В своих исследованиях они исходят из того, что так называемое международное сообщество представляет собой меньшинство государств мира, которые, несмотря на это, имеют моральное право и в состоянии диктовать свою волю большинству государств мира благодаря солидарности внутри своей группы государств, основывающейся на общих ценностях приверженности демократии и уважению прав человека. Представители данного направления отстаивают превращение международной солидарности в один из принципов международного права<sup>2</sup>.

Действительно, государства, воспринимающие друг друга в качестве демократических, образуют группу государств, внутри которой возникает солидарность, позволяющая им избегать вооруженных конфликтов между собой, а также взаимно влиять друг на друга в вопросах международной политики, включая и возможность малых демократических стран в определенных пределах влиять на политику крупных демократических держав, что подтверждается рядом исследований<sup>3</sup>. Вместе с тем представляется неверным сводить понятие солидарности внутри групп государств в современном мире исключительно к солидарности стран, относящихся к международному сообществу, по мнению представителей «солидаристского» направления в Английской школе международных исследований. Еще в начале 1990-х годов отмечалось, что в современном мире существует множество групп, порой неформальных, состоящих из небольшого числа государств, демонстрирующих солидарность внутри своей группы<sup>4</sup>.

Подобные группы имеют тенденцию создавать как великие державы для решения зависящих только от их воли вопросов, например задач обеспечения стратегической стабильности, так и малые государства, как правило, относящиеся к одному региону. В современной Европе примерами таких небольших групп государств, отличающихся групповой солидарностью, являются страны Бенилюкса, Северные страны, Балтийские страны, Вишеградские страны, страны региона Северного измерения и некоторые другие. Причем как число таких групп государств, так и уровень солидарности внутри них выросли к настоящему времени по сравнению с 1990-ми годами. Рост значе-

<sup>1</sup> Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 32.

<sup>2</sup> Wolfrum R., Kojima C. (eds.) *Solidarity: A Structural Principle of International Law*. London and N.Y.: Springer, 2010. — 238 p.

<sup>3</sup> Risse-Kappen T. *Cooperation among Democracies: The European Influence on U.S. Foreign Policy*. Princeton: Princeton University Press, 1995. — 260 p.

<sup>4</sup> Kahler M. *Multilateralism with Small and Large Numbers* // *International Organization*. 1992. Vol. 46. No. 3 (Summer). P. 681–708.

ния таких групп можно рассматривать в качестве характерной для современного мира тенденции трансформации мирового порядка. Как представляется, росту значения таких групп способствуют два основных фактора.

Во-первых, это развитие двусторонних отношений под влиянием сложности стоящих перед современными государствами проблем, что заставляет их искать решения этих проблем уже не на двусторонней основе, но в группах из трех–пяти государств. Во-вторых, это кризис многосторонних международных институтов, который опять-таки заставляет отдельные группы из трех–пяти государств искать совместные пути минимизации рисков, связанных с кризисом многосторонних институтов<sup>1</sup>. В данном докладе будет детально охарактеризована игровая модель, которая позволяет экспериментальным путем сопоставить влияние этих двух факторов на возникновение солидарности внутри небольших групп государств. Отличительной особенностью этой игровой модели является наличие двух эквилибриумов, из которых один предполагает принятие решения большинством государств группы при игнорировании интересов одного из государств, в то время как другой предполагает принятие решения консенсусом в интересах групповой солидарности. Также будут показаны другие возможные пути использования данной игровой модели как в исследованиях международных отношений, так и в политологических исследованиях в широком смысле.

**Лапин А.В.**  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## **МЕХАНИЗМЫ И ТЕХНОЛОГИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕПОЛЯРИЗАЦИИ<sup>2</sup>**

**В** период COVID-кризиса на первый план в российском обществе вышли проблемы в сфере труда и занятости, вопросы экологии, материального достатка граждан и безопасности, вследствие чего стали нарастать риски социальных конфликтов и поляризации в российском обществе. В этих условиях ключевой задачей региональных внутриполитических блоков стала работа по оперативному реагированию на появление очагов социальной протестной активности путем урегулирования социально-экономической ситуации для снижения уровня тревожности граждан. В условиях поляризации общества люди начинают подчиняться установкам той группы, к которой они себя причисляют, им все сложнее действовать в рамках собственной системы ценностей, если они противоречат интересам их партии или группы. Ряд зарубежных исследователей<sup>3</sup> предложили метод измерения поляризации, связанной с отчуждением индивидов и групп друг от друга, которая подпитывается представлениями членов группы об их групповой идентичности. Представленный метод при определенных допущениях предложено применить и в российских регионах для выявления динамики изменения уровня поляризации с целью улавливания властью и обществом сигналов об адекватности/неадекватности принятых мер по ее сглаживанию. Сглаживание поляризации населения предложено осуществлять путем формирования и реализации регионального общественного договора, в рамках которого ключевые заинтересованные региональные акторы добровольно принимают на себя солидарную политическую ответственность за соблюдение правил совместного движения к желаемому образу будущего регионального общества. В центре общественного договора находятся доверительные отношения между властью, бизнесом и обществом, так как достигнуть согласия между поляризованными группами можно лишь в атмосфере взаимного доверия, совместно обсуждая ключевые региональные проблемы. Фундаментом согласия региональных акторов является система личных и общественных социокультурных ценностей с учетом региональной идентичности. Поэтому процесс увязывания интересов в ходе деполяризации общества начинается с согласования ценностных факторов, на основе которых будут выстраиваться отношения по сглаживанию противоречий в региональном обществе. Составляющие поляризации общества в форме «межличностного отчуждения» с учетом «групповой идентификации» дополняются составляющей «неравенство», которая существенным образом зависит как от эффективности регионального государственного управления, так и от объема тех ресурсов, которые находятся в распоряжении власти. Объем этих ресурсов зависит от привлекательного имиджа региона, в первую очередь в ее инвестиционной части. Поэтому инвестиционная привлекательность территории рассма-

<sup>1</sup> *Brummer C.* Minilateralism: How Trade Alliances, Soft Law and Financial Engineering are Redefining Economic Statecraft. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — 219 p.

<sup>2</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 21-011-31709 «Механизмы и технологии социально-экономической и политической деполяризации в российских регионах».

<sup>3</sup> Polarization: concepts, measurement, estimation. By Jean-Yves Duclon, Joan-Maria Esteban and Debraj Ray / *Econometrica*. Vol. 72. No. 6 (November, 2004). P. 1737–1772.



тривается как политико-экономическая категория, отражающая в текущем и перспективном периодах субъективные и объективные особенности оценки возможным инвестором сочетания территориальных факторов, которые характеризуют ресурсный потенциал и пространство инвестиционных возможностей, складывающихся на территории инвестирования в случае принятия инвестором инвестиционного решения.

Предлагаемый концептуальный подход к последовательности действий по сглаживанию поляризации в региональном обществе содержит мероприятия по выявлению региональных властных и культурных групп, имеющих противоречия друг с другом по вопросам содержания их ценностной базы, концептуальных систем, нравов и правил социальной жизни и т.д.; по проведению измерения текущего уровня поляризации в региональном обществе через показатели межличностного отчуждения с учетом идентификации и неравенства для формирования эмпирической базы; по разработке механизмов формирования и технологий реализации социально-экономической и политической деполаризации регионального общества с последующим поддержанием его в стабильном состоянии; по достижению на основе принятых механизмов и технологий консенсуса по проблемам поляризации регионального общества между группами общества, представляющими разные слои населения (элиты, бизнес-общества, институты гражданского общества, несистемные акторы) на основе компромисса, общих ценностей, согласованных норм и правил. Предложен также механизм использования цифровых технологий в политической сфере, связанный с общественным выбором, который в этом случае становится правовой процедурой, технологически обеспечивающей истинную справедливость и соблюдение принципов гласности и достижения политического консенсуса интересов.

Лапина Н.Ю.  
(ИНИОН РАН, Москва)

## ФРАНЦИЯ — ЕДИНАЯ И НЕДЕЛИМАЯ? О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ РАСКОЛОТОГО ОБЩЕСТВА

В Конституции Пятой республики записано: «Франция является неделимой, светской, демократической и социальной Республикой». Ее граждане равны перед законом «независимо от происхождения, расы или религии»<sup>1</sup>. В последние десятилетия эта модель все чаще ставится под сомнение в связи с процессами, которые развиваются во французском обществе. В «единой» и «неделимой» Франции сохраняются прежние и возникают новые формы неравенства; появились этнокультурные и религиозные меньшинства, считающие, что их права ущемляются. На практике «идея монокультурной республиканской нации сталкивается с внутренне разобщенной и мультикультурной нацией», — пишет социолог Л. Рубан, подкрепляя свои соображения данными опросов Центра изучения французской политической жизни Сьянс По (CEVIPOF). В 2021 г. лишь четверть граждан (25%) ощущала свою принадлежность к французской нации, среди представителей этнических меньшинств этот показатель еще ниже (16%). Почти половина французов (45%) не ощущали своей принадлежности ни к какому сообществу<sup>2</sup>. Распад социальной ткани общества — результат расколов и растущего социального напряжения внутри него.

В современной Франции выделяются пять социально-экономических и социо-культурных расколов, которые определяют ситуацию в стране.

*Раскол первый* вызван сдвигами в социальной структуре общества, которые спровоцированы вступлением Франции в глобальную информационную экономику<sup>3</sup>. За последние четыре десятилетия резко сократилась численность индустриальных рабочих; начал сокращаться и фрагментироваться средний класс; возросла численность управленческих работников, представителей новых профессий, связанных с IT-технологиями, лиц интеллектуальных профессий.

*Раскол второй* связан с растущей социально-пространственной дифференциацией. В современной Франции сформировалась новая модель расселения: благополучные крупные метрополии, в том числе глобальные города, привлекают управленцев, лиц свободных профессий, высших чиновников, а неблагополучные малые и частично средние города, пригороды и сельская местность стали местом проживания «народных классов», во французской социологии к ним относят рабочих, служащих, безработных.

*Раскол третий* касается разных поколений. Система социальных выплат выстроена так, что пенсионеры оказываются в выигрышном положении, тогда как положение молодежи ухудшается: молодые

<sup>1</sup> Constitution du 4 octobre 1958. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000019240999/2008-07-25/>.

<sup>2</sup> Rouban L. La France: une République désintégrée. Note, Le Baromètre de la confiance politique, Sciences Po CEVIPOF, vague 12, février 2021. P. 1. URL: [https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr.cevipof/files/NoteBaroV12\\_LR\\_lafrance\\_fevrier2021\\_VF-1.pdf](https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr.cevipof/files/NoteBaroV12_LR_lafrance_fevrier2021_VF-1.pdf).

<sup>3</sup> См. подробнее: Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

французы максимально страдают от безработицы, сталкиваются с обесцениением дипломов, отсутствием социальной мобильности и социальных гарантий<sup>1</sup>.

*Раскол четвертый* имеет культурно-религиозное и идеологическое измерение и отражает, с одной стороны, неприятие частью коренных французов государственной иммиграционной политики, с другой — неприятие частью иммигрантов и их потомков условий интеграции во французское общество. Франция в XXI в. превратилась не просто в перекресток разных цивилизаций, но в пространство, где концентрируется глобальное противостояние между сторонниками ценностей современного западного общества и противниками западной цивилизации.

*Раскол пятый* отражает неприятие обществом политической элиты. В годы Пятой республики во Франции произошла профессионализация политической деятельности, внутри партий образовалась «каста несменяемых». В последние два десятилетия во французском обществе росло негативное отношение к политике и политикам. По уровню недоверия к действующим политикам французы опережают других европейцев.

Французским государством многое сделано, чтобы смягчить социально-экономическое неравенство. Оно контролирует неравенство по доходам, борется с бедностью. Тем не менее французский опыт свидетельствует: даже самая щедрая социальная политика не может поставить барьер на пути растущей социально-экономической дифференциации, и, напротив, социальный патернализм порождает новые расколы. Французское государство направляет немалые средства на развитие территорий, однако решить накапливавшиеся в течение десятилетий территориальные проблемы крайне непросто. Еще сложнее решить проблемы с той частью французских граждан, которые не желают следовать законам Республики, становясь на путь преступности, или, будучи приверженными религиозной традиции, презирают ценности демократической и светской государственности. Все описанные расколы угрожают стабильности французского общества, несут в себе опасность широкомасштабных социальных конфликтов и новых всплесков терроризма. Складывается впечатление, что и власти Франции, которые многое делают для решения острых социальных проблем, не имеют ответа на ряд острых поставленных жизнью вопросов.

**Лапкин В.В.**  
(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

## **РОССИЯ В ПЕРИОД КРИТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА СЕРЕДИНЫ 2020-х годов: К МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА**

**П**олитическое развитие России уже в течение многих веков плотно вписано в эволюционный процесс глобального продвижения капиталистических (в широком смысле) институтов и практик с преимущественно англосаксонским культурным бэкграундом.

В этом отношении эволюционная траектория российской политики представляет суперпозицию ее автохтонной эволюционно-циклической динамики и динамики глобальных (мир-системных, в терминологии И. Валлерстайна) циклов развития (капиталистической экспансии). Особый интерес представляет анализ и перспективный прогноз этой траектории в ближайших временных окрестностях 2021 г. В случае корректности методологических принципов, положенных в основу такого анализа и прогноза<sup>2</sup>, исследователь получает возможность сформировать адекватное представление о настоящем геостратегическом положении России в мире, о внешне- и внутривнутриполитических ограничениях, а также о ее объективных интересах, на продвижении которых она могла бы сосредоточить свои усилия и ресурсы в рамках мировой повестки развития. Не той, разумеется, которая декларируется мировыми лидерами мнений, но соответствующей объективным, верифицируемым посредством процедур научного анализа мировым эволюционным трендам.

Преимущество методологии эволюционных циклов в подходе к избранному исследовательскому кейсу в том, что простая (и даже скорректированная) стратегия линеаризации фиксируемых на текущий момент системных трендов может рассматриваться как относительно приемлемое первое приближение лишь при двух условиях: краткосрочном периоде прогнозирования и отсутствии в этот период серьезных структурных и парадигмальных изменений в представлениях о системном порядке. Неизменность системного порядка (парадигмы развития) гарантирует удовлетворительную (прежде

<sup>1</sup> *Chauvel L.* La spirale du déclassement. Essai sur la société des illusions. Paris: Seuil, 2016.

<sup>2</sup> О тех из них, которых придерживается автор, см.: *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014. С. 248–271, 303–389; *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Парадигма цикличности мировой политики // Современная политическая наука: Методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 552–569; *Лапкин В.В.* Глобальная интерлюдия: от униполярной дисфункции к новому миропорядку // Полис. Политические исследования 2019. № 6. С. 128–144. См. также ссылки на указанные там иные источники.

всего — в сфере экономики) работу линеаризованных количественных методов прогнозирования. Но в период дестабилизации (хаотизации) миропорядка, усиливающейся глобальной турбулентности и в контексте долгосрочных трендов ключевой задачей и главным вызовом для исследователей и экспертов становится учет нелинейных эффектов, востребованной оказывается методология эволюционных циклов развития.

Основы соответствующей методологии, заложенные в указанных в сноске работах, безусловно должны быть интегрированы в политический дискурс, ориентированный на решение наиболее острых, актуальных вопросов сегодняшней повестки (таких, как кризис классической модели национального государства, кризис глобального лидерства и системного механизма его трансляции, появление над- и субнациональных субъектов глобальной политики, конфликтная взаимосвязь процессов государственного и национального строительства в сложных обществах и пр.). Но значимость такой методологии в том, что она четко выявляет «критические точки» и «сингулярности» на эволюционной траектории политических систем, тем самым обозначая императивы и инварианты их преобразования.

Укажем два ключевых элемента отмеченной выше методологической суперпозиции автохтонных и глобальных эволюционных циклов. Это 1) четырехфазные эволюционные циклы международной экономической и политической системы, структура которых принципиально более сложная в отличие от, например, широко известных циклов Кондратьева; она задает дополнительную дифференциацию как повышательных, так и понижательных фаз, а также пошагово сокращающуюся длительность последних, вплоть до вхождения в область «сингулярности». Но это и 2) автохтонные циклы «догоняющей модернизации». Эти циклы сформировались как самобытный ответ ключевых держав (Франции, Германии, России, сегодня — Китая), наиболее интегрированных в общение с мировым капиталистическим лидером (последовательно — с Соединенными Провинциями, с Соединенным Королевством, сегодня — с Соединенными Штатами), на культурные и технологические вызовы глобализующегося капитализма (как не только экономического, но прежде всего социального и политического феномена).

В середине 2020-х годов Россия будет вынуждена осуществить критический переход, завершающий период «догоняющей модернизации» и сопряженный с фундаментальной трансформацией стратегии развития и серьезными пертурбациями в социальной и политической сферах. Ранее этот переход уже был осуществлен Францией и Германией, что представляет колоссальный интерес для сравнительного исследования.

Лапкин В.В.  
(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

## РАЗДЕЛЕННЫЕ ОБЩЕСТВА: РАЗДЕЛЕНИЕ КАК ВЫЗОВ И РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Современная политическая наука изначально формировалась как ответ на вызовы *сложного общества* модерна, общества, принципиальной, сущностной характеристикой которого была его *неоднородность*. В ряду ключевых составляющих этой *неоднородности* отметим ценностно-социокультурную (включающую различия по этническому, языковому, конфессиональному признакам, по уровню образования и включенности в те или иные форматы модернизации), а также имущественно-классовую, поселенческую и т.д. Интегрирующие традиционное общество социальные нормы и правила, оставаясь важнейшим цементирующим сообществом субстратом, уже не справлялись с проблемами, порождаемыми его структурным усложнением, динамикой прогрессирующих разделений, множественностью разнородных нормативно-ценностных комплексов, присущих составляющим его сегментам.

Приходящая на смену традиционной новая социальная организация эпохи модерна, как хорошо известно, характеризовалась рядом особых черт, ставших *de facto* нормативными, «естественными» (как принято было полагать — присущими любому нормальному обществу, достойному вступить в мировое сообщество в облике современного государства). Таковыми характеристиками современного общества-государства выступали, в первую очередь, территориальность и национальность. Это национально-территориальное государство и оформляющие его политические институты и стали тем эмпирически найденным решением, которое в течение нескольких веков позволяло в глобальном масштабе осуществлять процесс модернизации. Процесс, сочетающий унифицирующую политическую интеграцию разнородных сегментов в единое социальное тело нации с элиминацией социокультурных скреп традиционных сообществ.

Стоит обратить внимание на изначально неочевидную, но принципиальную дуальность природы национальных сообществ: конфликтное совмещение паттернов интеграции и разделения. В условиях национально-территориальной организации фундаментально неоднородных, разделенных сообществ именно *практики политизации* социальных размежеваний сложного общества позволяли решать за-

дачи выработки нацией консолидированного целеполагания и инструментов целедостижения посредством институционализации конфликтогенных противостояний. На этой основе формировалась проактивная политическая организация, на протяжении длительного периода эффективно купирующая множественные дефекты социальной интеграции столь эклектически «сконструированных» сообществ. Ключевым элементом такой организации стал институт политического представительства (позднее — представительной демократии), посредством которого осуществлялась институционализация латентных социальных расколов, их превращение в инструмент и ресурс консолидации национального государства и общества модерна.

Сложному (постоянно усложняющемуся) обществу соответствовала беспрецедентная множественность идентификационных паттернов и мотивационных стереотипов, адресуемых социализированному индивиду, а также — социальных ролей («социальных личин») индивида, обусловленных актуальным контекстом его социальной активности (отчасти это нашло отражение в концепте «смешанной», по Э. Эриксону, идентичности). Целостная самоидентификация индивида (самость, *self*) стала теперь вмещать многочисленные относительно самостоятельные составляющие, маркирующие «единство в разнообразии» его социокультурных ориентаций (сложносоставных, гибридных, транскультурных).

Кризисный характер социализации и социальной коммуникации в современном сложном обществе не только конституировал и формировал сложносоставную и во многом ситуативную идентичность, но и непрерывно трансформировал ее, разрушая господствующие прежде в массовом сознании раннего модерна представления о «неизменности» социально обусловленной природы человека, системы разделяемых им ценностей и базовых социальных ориентаций. Связь индивида с «раз и навсегда» данным ему сообществом, предзаданность его социальной роли в «изначально своем» сообществе не только поставлены под сомнение, но и уже почти что «преданы забвению», становятся своего рода «ретро-курьезом». И это теперь уже очевидное обстоятельство обуславливает очередной качественный переход на пути эволюции «сложного общества» — от разделенного общества позднего модерна к атомизированному обществу постмодерна. В нем лабильной «неделимой» единицей оказывается отдельный индивид (ср. индивид — от лат. *Individuum*, как и атом — от др.-греч. *ἄτομος* в переводе означают «неделимый»), выстраивающий сферу своих социальных интеракций, исходя из обладания неотъемлемым правом суверенного выбора, «здесь и сейчас» и с учетом актуальной совокупности обстоятельств, того сообщества, которое он в данный момент избирает референтным и в качестве члена которого себя идентифицирует. Тем самым новая итерация сложного общества утрачивает прежде обязательную связь с определенными (атрибутирующими его) нацией (национальностью) и территорией. В континууме таких принципиально более универсальных, пространственно делокализованных и неотчетливо идентифицируемых (в значительной мере — латентных) экстратерриториальных сообществ привычные нам национальные и территориальные сообщества оказываются лишь вырожденными случаями. Изучение таких экстратерриториальных сообществ, характеризующих их размежеваний и практик их политизации становится сегодня актуальнейшей задачей политической науки, важнейшим направлением разработки ее теории и методологии.

Лебедева М.М.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ МИРА И МЕГАТRENДЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Пандемия COVID-19 оказала влияние на процесс трансформации Вестфальской системы и системы международных (межгосударственных отношений), а также на процессы глобализации, интеграции, демократизации и противоположные им тренды. Однако явления и процессы, которые наблюдаются в результате пандемии, получили развитие еще до ее начала. Так, политика изоляционизма, которая привела к проявлению деглобализации, четко проявилась в период президентства Д. Трампа в жестком ограничении миграции, ориентации на национальный бизнес и т.п. В результате появились исследования, в которых делался вывод о конце глобализации<sup>1</sup>. Аналогичные явления происходили в Европе, где активизировались правые партии с требованиями, направленными против мигрантов.

Дезинтеграционные процессы также получили развитие в период до развития пандемии. Наиболее яркий пример — *BREXIT*. Во время пандемии COVID-19, особенно при ее начале, дезинтеграционные процессы усилились. Так, внутри Шенгенской зоны страны ЕС стали закрывать границы. Оказались свернутыми процессы демократизации, так как в связи с пандемией были введены многие ограничения.

<sup>1</sup> См., например: King St.D. *Grave New World. The End of Globalization. The Return of History.* New Haven, L.: Yale University Press, 2018.

Несмотря на то что пандемия усилила проявления трендов деглобализации, дезинтеграции и дедемократизации, представляется, что это временный «откат» от основных мегатрендов, поскольку политическое развитие мира идет нелинейно, и подобные явления были характерны и ранее<sup>1</sup>. Причины же «откатных» волн, проявившихся в деглобализации, дезинтеграции и дедемократизации, в том, что в конце XX — начале XXI в. развитие мегатрендов (глобализации, интеграции, демократизации) шло слишком интенсивно, что было обусловлено развитием коммуникационных и информационных технологий, а также распадом биполярной системы.

В то же время пандемия COVID-19 показала, что мегатренды и противоположные им тренды проявляются по-разному в разных областях. Так, в сфере высшего образования, с одной стороны, возник целый ряд проблем, в частности таких, как сокращение финансирования университетов; потеря работы преподавателями, работающими на контрактной основе; ограничения преподавания ряда предметов дистанционно в области технических наук, медицины и т.п.; отсутствие в ряде университетов инфраструктуры для полноценного преподавания онлайн, психологическая перегруженность студентов и преподавателей<sup>2</sup>. С другой стороны, получило интенсивное развитие образование онлайн, проведение конференций, вебинаров в дистанционном формате, что позволило вовлечь в процессы образования значительное число людей.

Трансформация политической организации мира также отчасти оказалась подвержена воздействию пандемии COVID-19. Государства, закрыв национальные границы, укрепили свои позиции на международной арене и в этом смысле «притормозили» процесс эрозии Вестфальской системы. Растерянность, по оценкам ряда исследователей, на первоначальных этапах развития пандемии проявили многие международные организации<sup>3</sup>. Конфигурация межгосударственных отношений практически не подверглась влиянию пандемии, хотя конкуренция в плане доступности вакцин против вируса SARS-CoV-2 ужесточилась между государствами. Что касается внутривнутриполитических процессов в ряде стран, то отмечается их поляризация. Особенно явно это проявляется в США<sup>4</sup>, однако сложно сказать, насколько этот процесс обусловлен пандемией COVID-19.

Таким образом, пандемия COVID-19 усилила мирополитические тенденции, наметившиеся до ее начала, однако принципиально не повлияла на развитие мировой политики.

**Леденева В.Ю.**  
(ФНИСЦ РАН, Москва)

## **«ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ ДЛЯ РОССИИ<sup>5</sup>**

**В** условиях неблагоприятной демографической ситуации в Российской Федерации приток иностранных граждан является одним из важных источников восполнения недостатка трудовых ресурсов. Наряду с этим образовательная миграция выступает действенным инструментом распространения российского внешнего влияния в мире, в первую очередь — в странах, образовавшихся на территории постсоветского пространства.

Опираясь на исторически тесные связи, наша страна активно развивает интеграционные межгосударственные процессы с государствами Центрально-Азиатского региона, как на политическом, так и на экономическом уровне.

Российская Федерация уже много лет подряд находится в пятерке ведущих стран-реципиентов. По данным МВД России, до начала пандемии COVID-19 в 2019 г. на миграционный учет было поставлено свыше 19,5 млн иностранных граждан и лиц без гражданства. Из них: в целях осуществления трудовой деятельности — 5,5 млн человек, получения образования — 681,9 тыс.<sup>6</sup>

При этом, как показывает практика, все более значительная доля прибывающих на территорию Российской Федерации в поисках работы иностранных граждан не обладает необходимым уровнем

<sup>1</sup> *Лебедева М.М.* Современные мегатренды мировой политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 9. С. 29–37. 10.20542/0131–2227–2019–63–9–29–37.

<sup>2</sup> *Аржанова И.В., Барышникова М.Ю., Заварыкина Л.В., Нагорнов В.А., Перфильева О.В.* Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования и магистратуру: международный, национальный и институциональный ответ. М.: НФПК; Терра курс, 2020.

<sup>3</sup> См.: *Кортунов А.* Кризис миропорядка и будущее глобализации // РСМД. 27.08.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/krizis-mirorogadka-i-budushchee-globalizatsii/>; *Киртон Дж.* Последствия глобализации для управления «Группы двадцати» // *Вестник международных организаций*. 2020. Т. 15. № 2. С. 24–54 (на рус. и англ. яз.). DOI: 10.17323/1996–7845–2020-02-02.

<sup>4</sup> *Журавлева В.Ю.* Американский президент в поляризованной среде: от Б. Обамы к Дж. Байдену // *Вестник С.-Петербург. гос. ун-та. Международные отношения*. 2021. № 3 (в печати).

<sup>5</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011–31096.

<sup>6</sup> Официальный сайт ГУВМ МВД России // [https://xn--b1aew.xn--pp1ai/mvd/structure1/Glavnie\\_upravlenija/guvm](https://xn--b1aew.xn--pp1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm).

владения русским языком, образования, а также знаниями в области культуры и норм законодательства принимающей стороны. Все это зачастую является труднопреодолимым барьером для их социализации в российском обществе. Так, наиболее низкий уровень владения русским языком отмечается среди граждан Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана. В немалой степени этому способствуют проводимая руководством данных стран внутренняя политика, направленная на выдавливание русского языка, а также смена поколений.

Не обладающие даже базовыми знаниями, иностранцы наиболее пассивно участвуют в социальной и культурной адаптации, склонны к самоизоляции, пространственной сегрегации и созданию этнических анклавов. Замкнутый образ жизни формирует угрозы распространения радикальных идей.

Как показывает международный опыт, страны Евросоюза, опробовавшие различные подходы к социализации мигрантов, намерены сделать существенный акцент на домиграционной подготовке, в первую очередь для преодоления «языкового барьера».

Российским научным сообществом социализация иностранных граждан в Российской Федерации рассматривается в качестве двухэтапного процесса: адаптация прибывших в нашу страну (на период временного проживания) и их интеграция в российское общество (на период длительного проживания и/или получения гражданства). При этом основные проблемы, с которыми приходится сталкиваться, связаны с:

- национально-культурными особенностями иностранных граждан;
- попытками переноса на территорию Российской Федерации радикальных идеологических установок, идеологии глобальных этнополитических конфликтов;
- недостаточным уровнем государственного регулирования миграционных потоков с учетом динамично меняющейся ситуации на рынке труда;
- неготовностью значительной доли населения принимающей стороны к совместному проживанию с иностранными гражданами;
- неразвитостью институтов гражданского общества, участвующих в данных процессах.

Так, среди негативных тенденций в странах, с территории которых осуществляются наиболее активные миграционные потоки, являются внедрение в общественное сознание негативных стереотипов по отношению к нашей общей истории и попытки формирования национального самосознания на противопоставлении государствообразующему народу нашей страны.

«Политика исторической памяти» выступает основным инструментом для конструирования национальной идентичности, внедрения ценностных ориентиров и обоснования политического курса. При этом основной акцент делается на новой интерпретации событий периода установления власти Российской империи и Советского Союза в регионе, Туркменского восстания 1916 г., коллективизации и индустриализации, голода начала 1930-х годов, сталинских репрессий и Великой Отечественной войны.

Широкому внедрению разделяющих народы догм способствуют проводимые за рубежом реформы системы образования, перевод национальных языков на латиницу. В результате существенно сокращается сфера распространения русского языка. Данные процессы усиливаются из-за разделения информационного пространства, среди приоритетных направлений которого в ряде стран является продвижение идеи тюркского мира, что формирует ориентированную на внешние ценности тюркскую и религиозную (исламскую) общность.

Вследствие указанных процессов мы сталкиваемся со все большим цивилизационным отдалением иностранных граждан от общероссийского культурного пространства.

*Леонова О.В.  
(Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС  
при Президенте РФ, Орел)*

## **ОСОБЕННОСТИ ПРОВАЛОВ ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ХОЛЛИСТСКИЙ ИМПЕРАТИВ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ**

С 2010-х годов государственная политика РФ в отраслях и сферах стала предметом серьезного анализа в научном и прикладном дискурсах на предмет ее эффективности и продуктивности. В частности, в промышленном комплексе, основе реального сектора экономики, отмечена негативная роль процесса деиндустриализации (исчезновение индустриальных производств, вытеснение сложных типов воспроизводства), высокая зависимость отрасли от импорта. В социальной сфере выделены позиционные и знаковые проблемы: высокий уровень бедности (около 20 млн человек, или 13% всего

населения страны), демографическая проблема (превышение смертности над рождаемостью), проблематика социальной справедливости и гражданской идентичности. Все это актуализирует запрос в политической науке на императив холизма в объяснении политико-управленческих процессов. При этом, на наш взгляд, в данном разрезе логично операционализировать дефиницию «провалы государства».

Сама же дефиниция «провалы государства» несет в себе особое понимание. И по оценке шведского исследователя С. Хедлунда, это стабильно катастрофические попытки государственных институтов вырваться из тисков неудачных институциональных решений<sup>1</sup>. Планы правительств, реализующих политический курс на основании имеющихся проблем, могут быть различными в разные временные отрезки. Британский политолог В. Долфсма, исследуя проблематику провалов государства с позиции институциональной и социальной теорий, выделяет четыре основных типа в поведении политических акторов<sup>2</sup>, реализующих государственную политику.

Вследствие этого, опираясь на типологию провалов государства В. Долфсма и рассматривая опыт реализации государственной социально-экономической политики в постсоветской России, важно выделить четыре этапа с точки зрения холизма.

Первый этап (1992–1998 гг.), когда планы правительства в начале изменений в РФ осуществляются волюнтаристскими методами. Американский политолог Джанин Р. Ведель, исследуя экономические и социально-политические реформы в постсоветской России, подчеркивает волюнтаризм реформаторов правительств Е. Гайдара–А. Чубайса с точки зрения их идеологической идентификации. В органах власти и управления РФ, подчеркивает Джанин Р. Ведель, отчуждали и часто подавляли других реформаторов, а также потенциальных реформаторов из числа российских экспертов и управленцев<sup>3</sup>.

Второй этап (1998–2004 гг.), когда планы правительства на реформы в экономике и социальной сфере представляли собой достаточно общий вид, не учитывающий специфику социально-экономического развития конкретного государства. Третий этап (2005–2017 гг.), когда планы и программы правительств РФ, реализуемых в практической сфере, зачастую вступают в конфликт с другими правилами (проектами). Наиболее знаковым примером этого периода стали четыре приоритетных национальных проекта, программа «материнский капитал», вступавших в конкурентную борьбу за финансовые ресурсы. И четвертый этап (2018 г. — по н/в), когда правительственные стратегии (12 нацпроектов) предстают достаточно подробными, что мешает достижению общенациональных, системных целей, решению позиционных и знаковых проблем.

Лешкевич Т.Г.  
(ЮФУ, Ростов-на-Дону)

## ГИБРИДНЫЙ МИР И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ТРАНСФЕРА ЦЕННОСТЕЙ

Современное состояние, сопрягающее онлайн- и офлайн-практики, дублирующее электронные и бумажные носители, получило наименование гибридного мира. В нем в качестве «новой нормальности» заявило о себе удвоение документооборота, сопровождаемое удвоением физических затрат. Возникают и удвоенные требования к формированию навыкообразующих форм человеческого опыта. Современник обречен на эффект «присутствия» сразу в двух накладывающихся друг на друга мирах, так как гибридная реальность характеризуется симбиозом физического и цифрового<sup>4</sup>. В силу этого современное состояние часто идентифицируется с использованием концепта амбивалентности, который обретает своеобразную универсальность. Во-первых, в координатах амбивалентности современный человек склонен оценивать все события, пребывая в «ситуации настороже». Ощущение прессинга двойных стандартов как со стороны цифровых технологий, так и со стороны имеющих силу традиционных регламентаций доцифровой эры требует двойственности регулятивов, «управляющих нашими практиками».

Во-вторых, трансфер ценностей, характеризуемый амплитудой амбивалентности, с одной стороны, сопровождается возрастающим ощущением уязвимости человека, а с другой — возникающим феноменом гипердоверия машинным алгоритмам, который получил условное название «прокси»-культура.

<sup>1</sup> Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / Стефан Хедлунд; пер. с англ. Н.В. Автономовой; под науч. ред. В.С. Автономова. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. — 424 с. С. 23.

<sup>2</sup> Долфсма В. Провалы государства. Общество, рынки и правила / Пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. Д. Кадочникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 256 с. С. 82.

<sup>3</sup> Wedel Janine R. Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. N.Y.: Palgrave, 2001. — 322 p. P. 136.

<sup>4</sup> Лешкевич Т.Г., Мотожанец А.А., Катаева О.В. Цифровая детерминация и трансформация смысложизненной рефлексии. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. — 196 с.

В-третьих, происходящий трансфер ценностей и новая цифровая аксиология связаны не с когерентным сопряжением значимых человекообразных ценностей, а с цифровым фильтром, который во многом алгоритмизирован. Цифровые платформы предоставляют значительные ресурсы для пропаганды и навязывания нужных матриц мировосприятия и поведения, выступая серьезным инструментом влияния курирующих их сверхдержав. Приоритетом становится программируемость, зачастую лишаящая людей возможности и права на рефлексивность<sup>1</sup>. При том что сформирована позиция, указывающая на дестабилизирующий потенциал Интернета, к нему трудноприменим набор законодательных практик. Здесь амбивалентность дает о себе знать в том, что приоритеты стремительных технологических обновлений противостоят своеобразной консервативности институтов законодательства.

В-четвертых, трансфер ценностей обладает эффектом «детерриторизации», сметающей все границы и ограничения, нивелирующей ответственность за то или иное наполнение контента Сети. Эффект цифровой «детерриторизации» опровергает возможность поддержания национального цифрового суверенитета. Тенденцию цифровой детерриторизации весьма ощутимо иллюстрирует основополагающая ценность цифрового мира, которую сравнивают с новой нефтью — Большие данные или иначе данофикация. Управление на основе Больших данных — это та максима, без которой сейчас решения не принимаются и прогнозы не делаются. Статус *Big Data* далеко превзошел рамки количественных статистических показателей и присвоил себе функции регулирования и контроля. Баллы и количественные показатели проникли во все сферы и анклавы академической иерархии, в виде индексов цитирования они стали главными критериями рейтингов. Критически мыслящие исследователи обеспокоены тенденцией, ведущей к их диктатуре<sup>2</sup>.

В-пятых, цифровой трансфер ценностей использует присущий информационным потокам эффект «амплификации», т.е. генерирование бесконечного количества копий и наличие возможности возврата в тот или иной событийный фрагмент цифровой стрелы времени. Индивид может с легкостью «приватизировать» тот или иной фрагмент сетевого контента, поэтому правомерно маркирование данной особенности как «постдефицитной культуры»<sup>3</sup>. Вместе с тем на фоне этого широко используемого эффекта «амплификации» обескураживает и эффект «ускоренного устаревания» цифровых ценностей.

Таким образом, резюмируя сказанное, отметим следующее. Оценочное восприятие как прошлого, так и настоящего и будущего обладает программобразующим влиянием, направляющим поступки и поведение людей. Вместе с тем дает о себе знать тенденция, согласно которой трансфер ценностей происходит с вытеснением на периферию связи с предыдущим этапом развития и его культурно-антропологическими ценностями и приоритетами.

Линде А.Н.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПЕРСОНАЛИСТСКИЙ ПОДХОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ (В СРАВНЕНИИ С КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКОЙ)

В социальных науках, включая и политическую науку, и в философии все основные вопросы так или иначе сводятся к первичному вопросу о человеческой личности. Так, в философии все вопросы возвращаются к индивидуальной личности, переживающей в своем сознании ключевые смыслы, вопросы философии, а в политической науке все вопросы связываются с человеком-индивидом, выступающим первичной единицей анализа, осуществляющим первичное социальное действие. Таким образом, человеческая личность особенно значима в том числе и с точки зрения современных наук.

Но наиболее подробно сущность человеческой личности выявляется в таких направлениях философии, как экзистенциализм и персонализм. Эти направления философии взаимосвязаны между собой. Так, экзистенциализм, остановивший свое внимание на существовании человеческой личности, повлиял на возникновение персонализма во второй четверти XX в. В свою очередь, персонализм, в большей степени акцентировавший внимание на личности, обогатил экзистенциальную философию. Основными представителями персонализма в первой половине XX в. были Н.А. Бердяев, Э. Мунье, Ж. Лакруа и др. мыслители.

<sup>1</sup> *Rushkoff D.* Program or be Programmed. Ten Commands for a Digital Age. N.Y.: Or Books, 2010. — 159 p.

<sup>2</sup> *Майер-Шенбергер В., Кукьер К.* Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим = Big Data. A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think / Пер. с англ. И. Гайдюк. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2014. — 240 с.

<sup>3</sup> *Hoskins A.* The Restless Past: An Introduction to Digital Media and Memory // *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* / ed. by Andrew Hoskins. N.Y.: Routledge, 2018. P. 1–24.



Одна из основных «негативных» предпосылок для определения принципов персонализма — ключевые положения структурализма, в философском споре с которыми развивался персонализм. Так, структурализм изначально предполагал, что общее, целое, структурное преобладает над личностным, индивидуальным, частным и определяет его, делая его лишь зависимым элементом, переменной общей системы, в результате чего отдельная личность лишается какой-либо свободы действий и «каждый элемент может быть тем, чем он является только в отношении с другими элементами»<sup>1</sup>. Напротив, персонализм утверждает, что каждая человеческая личность неповторима, она есть микросм, неизбежно оригинальный, неподвластный социальному контролю, и «личность в человеке есть победа над детерминацией социальной группы»<sup>2</sup> и определенной структуры, в противоположность структурализму.

Также подобного рода структурализм, в конечном счете, тоталитарен. Так, марксизм, являющийся одним из первых представителей структурализма<sup>3</sup>, на теоретическом уровне постулировал, что общее превалирует над единичным, а коллективное — над индивидуальным. Но в целом подобное теоретическое доминирование общего над индивидуальным на практике приводит к тоталитаризму — к преобладанию коллектива над личностью, сколь бы талантливой она ни была, к коллективизации ценой многих личностей, к индустриализации путем принесения в жертву отдельных социальных групп и входящих в них людей. Преодолевая эти положения структурализма, персонализм ставит в центр каждую личность, с точки зрения персоналистов, всегда способную к духовному развитию. Таким образом, общество нуждается в личностях и не жертвует ими в индоктринируемых властью целях большинства. Таким образом, персонализм антитоталитарен.

Также основные положения персонализма отличаются и от ключевых положений политической науки. Так, прежде всего, отличается модель человеческой личности. В политической науке человек — это прежде всего социальный индивид, рациональный, достаточно эгоистичный в своих социальных действиях и действующий в связи со своими собственными рациональными предпочтениями. Персонализм, напротив, предполагает, что в своей истинной сущности человек есть не социальный индивид, но духовная личность, способная как к рациональным, так и к иррациональным действиям, не эгоистичная, но раскрывающаяся полностью только в диалоге с Другим. Таким образом, в целом личность — это трансцендентальная сущность, обладающая собственным независимым сознанием и переживающая в нем экзистенциально значимые смыслы, ценности, предпочтения, неповторимая в своей индивидуальности, диалогически одобряемая Другим и утверждающая Другого в качестве неповторимой личности.

Следовательно, экзистенциально-персоналистский подход особенно значим как в философии, так и в современных социальных науках, так как позволяет сохранять достоинство и ценность человеческой личности.

Лосада Рамирес Альдо  
(РУДН, Москва)

## **ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ ОБ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ: ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ**

**В** последние годы окружающая среда стала ключевым вопросом международной повестки дня, главным образом среди населения и на международно-политических площадках. Несмотря на то что наука помогает находить решения многих из этих проблем, их реализация зачастую бывает затруднена из-за отсутствия мотивации.

Проблема сохранения окружающей среды связана с экономическим ростом, а через него данный вопрос затрагивает сферу международной политики. С точки зрения экономической теории экономики все больше заботятся о состоянии окружающей среды и сохранении природных ресурсов<sup>4</sup>. Таким образом, существует положительная взаимосвязь между экономическим ростом и сохранением

<sup>1</sup> Косиков Г.К. Структурализм // Современная западная философия: Энциклопедический словарь. М.: Культурная революция, 2009. С. 77.

<sup>2</sup> Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. М., 2016. С. 35.

<sup>3</sup> Точка зрения, что марксизм является одним из первых представителей структурализма, обосновывалась в том числе Л. Альтюссером: «марксистская... политика возможна... если она... основана на марксистской философии, предварительным условием которой является теоретический антигуманизм» (Альтюссер Л. Марксизм и гуманизм // Альтюссер Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006. С. 325). Возможно, и этот теоретический тезис преобладания целого над частным стал основанием для доминирования государства над «отклоняющимися» социальными группами в «сталинистской практике».

<sup>4</sup> Gómez-López C, Barrón K, Moreno L. Crecimiento económico y medio ambiente en México. 2011. URL: [http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci\\_arttext&pid=S2448-718X2011000300547&lng=es&tlng=es](http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2448-718X2011000300547&lng=es&tlng=es).

природных ресурсов. Обычно предполагается, что самые богатые страны наносят ущерб природным ресурсам стран с более быстрыми темпами, чем бедные, с учетом их потребления<sup>1</sup>.

Обычно считается, что качество окружающей среды можно улучшить, только избежав процесса индустриализации<sup>2</sup>. Однако реальность такова, что богатые страны вкладывают больше ресурсов в исследования и разработки, что приводит к технологическому прогрессу, который позволяет заменить устаревшие технологии другими, более соответствующими окружающей среде<sup>3</sup>.

Само общество в состоянии предпринять немедленные действия с помощью принципов «ответственной этики», которая воспринимает масштабы загрязнения и их последствия.

Одним из проявлений политического измерения вопроса стало подписание Парижского договора 12 декабря 2015 г. На нем стороны РКК ООН достигли исторического соглашения по борьбе с изменением климата и ускорения и активизации действий и инвестиций, необходимых для устойчивого будущего с низким уровнем выбросов углерода. Как таковой, Парижский договор намечает новый курс в глобальных усилиях по изменению климата<sup>4</sup>.

Договор вступил в силу 4 ноября 2016 г., через 30 дней после того, как был соблюден так называемый «двойной критерий» (ратификация 55 странами, на долю которых приходится не менее 55% глобальных выбросов). С тех пор все больше стран ратифицировали и продолжают ратифицировать соглашение, достигнув в общей сложности 125 сторон к началу 2017 г.<sup>5</sup>

Важность Парижского соглашения заключается в достижении объединения стран для общего дела: осуществления амбициозных усилий по борьбе с изменением климата, адаптации к его различным последствиям и обеспечения адекватной поддержки развивающимся странам<sup>6</sup>.

Политические платформы, дискурс и государственная политика сами по себе представляют сумму идей, в некоторых случаях благих намерений, с акцентом на оси в ущерб другим, только для проблемы социальной видимости. Этот набор предложений не поддается последовательному структурированию, напротив, он плавает в водах путаницы, а иногда и поверхностности. Без планирования, без серьезных и последовательных дебатов основные направления экологической политики, идеи политических партий, их выступления будут не более чем «постановкой» для успокоения стремлений к трансформации социальных субъектов, участвующих в этих вопросах<sup>7</sup>.

Таким образом, возрастающие изменения в окружающей среде, а также в обществе приводят к необходимости преобразования ценностей и изменения взглядов.

Необходимо глобальное соглашение, которое, помимо политических, социально-экономических, религиозных, культурных и других различий, защищает интересы природы, общества и жизни<sup>8</sup>.

Можно констатировать, что вопросы экологии и окружающей среды в современном мире являются частью глобальной политической стратегии государств, заинтересованных в устойчивом развитии своих обществ.

**Лошкарев И.Л.**  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

**Д**иаспоральная политика государств — это комплекс мер на стыке внешней и внутренней политики, который призван, с одной стороны, привлечь дополнительный ресурс для экономического, культурного, демографического развития, а с другой стороны, сохранить связь с гражданами, выехавшими за рубеж на постоянной основе или на длительный период, а также с их потомками в странах пребывания. Как отдельная отрасль государственной политики диаспоральная политика стала осознаваться только в 60-е годы XX в., что было связано с интенсификацией миграцион-

<sup>1</sup> Grossman G., Krueger A. Economic Growth and the Environment // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 110. I. 2. May 1995. P. 353–377.

<sup>2</sup> Komen M.H.C., Gerking S.D., Folmer H. Income and environmental R&D: Empirical evidence from OECD countries. 1997. Environment and Development Economics, 4, 505–515.

<sup>3</sup> Montaña N., Sandoval A. Contaminación atmosférica y salud. 2007. URL: <http://www.redalyc.org/pdf/294/29406504.pdf>.

<sup>4</sup> Montaña N., Sandoval A. Op. cit. 3.

<sup>5</sup> ¿Que es el acuerdo de París?, United Nations, Climate Change. URL: <https://unfccc.int/es/process-and-meetings/the-paris-agreement/que-es-el-acuerdo-de-paris>.

<sup>6</sup> Cambio climático sin freno: los países están muy lejos de cumplir el Acuerdo de París, Noticias ONU, sitio oficial, URL: <https://news.un.org/es/story/2021/02/1488722#:~:text=%E2%80%9C2021%20es%20un%20a%C3%B1o%20decisivo,durante%20la%20presentaci%C3%B3n%20del%20informe>.

<sup>7</sup> Zarrilli A. Política, medio ambiente y democracia, un debate que apenas comienza // Luna Azul. No. 41. Manizales July/Dec. 2015.

<sup>8</sup> Rodríguez M. Vilma, et al, La protección del medio ambiente y la salud, un desafío social y ético actual, Revisa Cubana de Salud Publica.

ных процессов и становлением современной системы международного права (в том числе пактов по гражданским правам).

В прошлом ключевой задачей диаспоральной политики для большинства государств было привлечение ресурсов диаспор для развития государства — как экономического (диаспорные облигации, прямые иностранные инвестиции), так и социального (поддержание связей с родственниками, использование потенциала родного языка и культуры). После распада биполярной системы международных отношений более сильным стало участие диаспор в политическом развитии государств через вовлечение в конфликты на территории происхождения (тамилская община и Шри-Ланка, курдская община и Турция), участие отдельных представителей диаспор в работе органов исполнительной и законодательной власти (страны Прибалтики, Польша, Сомали), продвижение интересов в национальных и наднациональных институтах на территории пребывания (уйгурская общность в ЕС, индийская диаспора в США).

Среди новых тенденций развития диаспоральной политики государств необходимо выделить три. Во-первых, это рост числа формальных институтов, ответственных за ведение диаспоральной политики на национальном уровне. В настоящий момент свыше 100 государств имеют различные подразделения и ведомства, в задачу которых входит поддержание контактов с соответствующими диаспоральными общинами (от целых министерств до отделов в структуре МИДов). Нередко непосредственной задачей таких подразделений становится защита элементарных прав и свобод граждан и их потомков в стране пребывания, а также социально-гуманитарное сотрудничество в самом широком смысле слова. В целом рост числа формальных институтов диаспоральной политики свидетельствует о дальнейшем становлении этой сферы деятельности как самостоятельной отрасли государственного управления с определенной спецификой и наработанным набором «лучших практик».

Во-вторых, происходит постепенная децентрализация диаспоральной политики и вовлечение субнациональных единиц в ее осуществление и поддержание контактов с соответствующими диаспорами и их представителями. В странах с развитым федерализмом и сильными региональными и/или этническими идентичностями (Мексика, Индия, Непал) такой подход позволяет не конструировать «общую» диаспору для всех выходцев с определенной территории и сфокусировать усилия представителей диаспор на поддержке более конкретного региона или географического ареала, а не на внутридиаспоральных противоречиях. Сходная ситуация в унитарных странах со слабыми государственными институтами (Мали, Филиппины). Однако эта тенденция приобретает более широкий размах, поскольку опыт сфокусированных контактов диаспоры и конкретной территории внутри государства (иногда даже на уровне муниципалитета) позволяет более четко зафиксировать взаимные обязательства и направить усилия на реализацию конкретных проектов — например, больниц и школ по программе «3+1» в Мексике.

Наконец, в-третьих, в последнее десятилетие ряд развивающихся стран (Колумбия, Гондурас, Перу) столкнулись с новым запросом со стороны мигрантов и отчасти их потомков, связанным с поиском помощи в адаптации к условиям общества в стране пребывания. В этой связи отмечается создание на государственном уровне программ и проектов, которые выходят за рамки обычной консульской помощи и связаны с обучением языку и простейшим правовым нормам «принимающего общества», расширением доступа к здравоохранению, банкингу, повышению квалификации. Такая работа над потенциалом диаспорной общины (*migrant capacity building*) вступает в очевидное противоречие с сохранением некоторой культурной отчужденности между диаспорой и местным населением в стране пребывания, однако в то же время демонстрирует полезность государства происхождения для участников диаспорального сообщества и позволяет перейти от «сентиментальных» или ностальгических контактов к более рациональным и взаимовыгодным.

Таким образом, новые тенденции в развитии диаспоральной политики государств свидетельствуют об усложнении форм и технологий работы с диаспорами, о структурной перестройке этой работы (хотя бы в некоторой мере) и о появлении новых задач, связанных с новыми интересами самих диаспор, а не государств происхождения.

Луппов И.Ф.  
(ЛГУ им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург)

## ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПОЛИТИКА ОТКРЫТОСТИ ИНФОРМАЦИИ

Открытый доступ к общественной информации — отличительная черта современной политической культуры всех развитых стран. За последнее время принцип информированного согласия или общественного права на информацию был закреплен в многочисленных законах и нормативных

актах США, касающихся областей: общественное здравоохранение, защита потребителей, безопасность работников и окружающей среды<sup>1</sup>.

Многие законы США об окружающей среде включают положения, предназначенные для расширения или обеспечения доступа общественности к информации об условиях и угрозах, связанных с окружающей средой и здоровьем.

Законы, касающиеся окружающей среды и общественного здравоохранения, которые включают положения о доступе к информации и ее распространении, следующие: Закон «О комплексных экологических мерах, компенсациях и ответственности» (CERCLA), Закон «О предотвращении загрязнения окружающей среды», Закон «О чрезвычайном планировании и праве общества на информацию» (EPCRA), Закон «О безопасной питьевой воде», Закон «О чистом воздухе» и Закон «О национальной экологической политике». Отчетность об опасных химических веществах в соответствии с EPCRA предназначена для предоставления информации местным органам власти и гражданам, проживающим в районах, прилегающих к объектам с соответствующими рисками. EPCRA требует, чтобы были разработаны и доступны для общественности: план действий в чрезвычайных ситуациях, паспорта безопасности материалов и список опасных химических веществ<sup>2</sup>.

В соответствии с оперативными руководящими принципами правила, регулирующие исключения из Закона «О свободе информации» 1974 г. (FOIA), были смягчены, что позволяет федеральным агентствам скрывать информацию, которая ранее была бы опубликована.

Аналогичным образом Закон «О безопасности общественного здравоохранения и готовности к биотерроризму», принятый в 2002 г., гласит, что определенная информация об общественной инфраструктуре освобождена от требований ее раскрытия в соответствии с федеральным Законом «О свободе информации» (Конгресс США, 2002). Кроме того, Управление по надзору за информационной безопасностью (ISOO) Министерства юстиции поручило агентствам предпринять меры для обеспечения безопасности «конфиденциальной, но несекретной информации», связанной с национальной безопасностью США. В исследовании 2006 г. Национальная конференция законодателей штатов (NCSL) выявила, что 50 штатов США приняли соответствующие законы, исключающие раскрытие различных типов критически важной информации об инфраструктуре<sup>3</sup>.

Неспособность предсказать конкретные террористические атаки в сочетании с почти неизбежной реальностью политической импровизации и реагирования на все типы ЧС предполагает, что все институты власти будут продолжать сталкиваться с ситуациями, в которых гражданам и лицам, находящимся в опасной зоне, необходимо оперативно реагировать на развертывающиеся бедствия. Т. Гласс и М. Шох-Спана сформулировали пять рекомендаций по улучшению реагирования на стихийные бедствия гражданами и обществом<sup>4</sup>. В одном из принципов особое внимание уделяется важности предоставления информации; все пять руководящих принципов включают важный компонент распространения общественно значимой информации. Перед лицом неопределенности общественности необходимы точные описания рисков и условий воздействия, инструкции по мерам защиты и соответствующая информация.

Определение того, может ли тот или иной информационный объект иметь отношение к террористическому заговору или нет, по своей сути, является сложным и спекулятивным вопросом, зависящим не только от формы и содержания информации, но и от соответствующих разведывательных данных, касающихся террористических планов, тенденций и технических характеристик<sup>5</sup>. Д. Позен предполагает, что раскрытие информации, связанной с безопасностью, может снизить риски, предупреждая общество о потенциальных угрозах<sup>6</sup>. Внимание и бдительность со стороны общественности может, в свою очередь, побудить органы власти сделать выбор в пользу более безопасных технологий и управленческих решений.

<sup>1</sup> Little R. Holistic strategy for urban security // Journal of Infrastructure Systems. 2004. (June), 52–59.

<sup>2</sup> Rand. Mapping the risks: Assessing the homeland security implications of publicly available geospatial information. S. Monica: Rand Corporation. 2004.

<sup>3</sup> Goldsmith J. The terror presidency: Law and judgment inside the Bush administration. N.Y.: W.W. Norton, 2007.

<sup>4</sup> Glass T., Schoch-Spana M. Bioterrorism and the people: How to vaccinate a city against panic // Clinical Infectious Diseases. 2002. № 34(15).

<sup>5</sup> Pincus W. GAO finds Pentagon erratic in wielding secrecy stamp // The Washington Post. 2006. July. 14. A19.

<sup>6</sup> Pozen D. The mosaic theory, national security, and the freedom of information act // The Yale Law Journal. 2005. № 115. P. 628–679.

Лысенко П.Н.  
(МГУТиУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва)

## ОБРАЗ ВЛАСТИ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА

Образ власти в сознании жителей является важным критерием, характеризующим власть, а также ключевым показателем доверия к власти. Анализ сформированного у населения образа власти помогает шире узнать понимание жителями проводимой политики и экономики<sup>1</sup>. Поэтому формирование позитивного образа власти среди граждан является одной из главных задач, стоящих перед руководством как страны, так и регионов в отдельности. Именно позитивный образ в сознании жителей поддерживает устойчивость государственной власти, стабильность экономики и обеспечивает поддержку проводимой политики<sup>2</sup>.

Существуют несколько групп факторов, оказывающих наибольшее влияние на формирование образа власти у личности. В первую группу включаются характеристики самой политической власти и политических лидеров. Во второй группе находится восприятие власти личностью, оценка и образ в СМИ. В третью входят ситуативные компоненты восприятия, а именно: социальный, экономический и политический контексты, в которых происходит восприятие политической власти. Четвертую группу факторов, влияющих на формирование индивидуального образа политической власти, составляют характеристики воспринимающего субъекта. Среди таких компонентов выделяют социальные и психологические особенности личности. К социальным особенностям относятся возраст, пол, уровень образования, социальный и материальный статусы.

Для определения образа власти Московской области был проведен социологический опрос. В нем принимали участие граждане РФ, жители Московской области от 18 лет и старше, имеющие различный уровень образования, возраст, род деятельности, социальный статус и уровень достатка. В общей сложности в опросе приняли участие 1500 респондентов.

В опрос были включены вопросы, нацеленные на определение у жителей области уровня лояльности к действующей власти, вовлеченности граждан в политику, интересов и предпочтений на предстоящих выборах, а также выяснение степени коммуникации между властью и народом и качества этих коммуникаций.

В результате опроса было выявлено, что жители Московской области недостаточно хорошо осведомлены, кто является губернатором Московской области. Лишь 38% опрошенных ответили, что это А.Ю. Воробьев. Основным видом коммуникаций с властью в Московской области является газета «Подмосковье неделя» и только после нее интернет-портал «Подмосковье сегодня». Это указывает на недостаточность коммуникаций между жителями региона и властью, а также неудовлетворительное качество этих коммуникаций. Важно, чтобы информация от власти до населения доходила кратчайшим путем, претерпевая при этом минимально возможные изменения. Газета не является таким переносчиком информации, чего нельзя сказать об официальных информационных порталах, где информация является наиболее достоверной и проверенной. Самый посещаемый сайт, по мнению опрошенных, — это сайт государственных услуг. Также выяснилось, что почти 22% респондентов не используют онлайн-платформы для общения с действующей властью или вовсе не являются коммуникабельными.

Что касается отношения и оценки самой власти со стороны жителей Московской области, то результаты можно в полной мере считать неутешительными. Всего 20% опрошенных высказали свое позитивное мнение касательно действующей власти. Остальные ответы указывают на нейтральное отношение к властям либо на недоверие к ним со стороны жителей региона. Также 19% респондентов отказались давать ответ или просто затруднились ответить, что свидетельствует о невысоком уровне лояльности населения.

Также были выявлены положительные решения и поступки, которые не остались незамеченными со стороны населения Московской области. Это ремонт дорог, благоустройство территорий, а также строительство и ремонт социальных объектов и детских площадок. Наглядность строительства и ремонта — безусловно главное качество, которое влияет на повышение лояльности населения к власти, к конкретным управленцам и должностным лицам, которые занимаются улучшением состояния городской социальной среды.

Преобладание нейтральных ответов настораживает, но также дает возможность властям узнать, на кого именно стоит направить свою деятельность, чьи интересы стоит учитывать при ведении поли-

<sup>1</sup> Турантаева А.Г., Егорова А.И. Образ власти в зеркале сознания рядовых граждан // Вестник Северо-Восточного фед. ун-та им. М.К. Аммосова; Преснякова Л.А. Структура личностного восприятия политической власти // Полис. Политические исследования. 2000. № 4. С. 135–140.

<sup>2</sup> Шестопал Е.Б. Образ власти в России: желания и реальность // Полис. Политические исследования. 1995. № 4.

тики на территории Московской области. Ведь неопределившиеся и сомневающиеся граждане — это именно та прослойка населения, которую можно склонить на любую сторону в любой момент. Только продуманные решения и поступки со стороны действующей власти могут сделать этих людей лояльниками к тем, кто ими управляет.

Лю Цзинюань  
(РУДН, Москва)

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРАНЫ

Коммунистическая партия Китая возглавила создание социалистической системы с китайскими особенностями и внедрила «правление Китая», основанное на «системе Китая», и достигла чудес быстрого экономического развития и долгосрочной социальной стабильности.

**1. Продолжать продвигать китаизацию марксистской политической теории, чтобы обеспечить теоретическое руководство и идеологическую гарантию построения национальной системы.**

Принцип диалектического соотношения теории и практики раскрывает важный закон построения системы в социалистической стране: результаты построения системы не могут быть отделены от лидерства марксистской политической теории. Марксистская политическая теория является теоретической основой построения социалистической государственной системы. В то же время он должен сочетаться с национальными условиями конкретной страны. Это поднимает вопрос китаизации марксистской политической теории при построении социалистической государственной системы<sup>1</sup>.

Коммунистическая партия Китая объединяет теорию с реальностью и объединяет теорию пролетарской революции, теорию диктатуры пролетариата, теорию политических партий рабочего класса, теорию государственного устройства и теорию функций государства в сочетании с реальной ситуацией. На разных исторических этапах исследуйте эффективные формы построения, строительства и улучшения национальных структур<sup>2</sup>.

**2. Придерживаться основы социалистической государственной системы, использовать инновационные механизмы для управления системой, а затем способствовать ее созреванию.**

Особенность и превосходство социалистической системы с китайскими характеристиками, которые отличают ее от других национальных систем, заключается в том, что она основана на лидерстве партии, структуре собственности с государственной собственностью в качестве основного органа и государственной системе демократической диктатуры народа. Коммунистическая партия Китая использует построение механизмов, т.е. надежность и совершенство институтов, правил и политик, которые фактически управляют целями и принципами системы, как эффективный способ разрешения противоречия между долгосрочной стабильностью системы и динамической работоспособностью<sup>3</sup>.

Этот новаторский путь, основанный на структуре национальной системы, делает Коммунистическую партию Китая более заметной, чем другие политические партии, а также делает социалистическую систему с китайскими особенностями отчетливо практичной и адаптируемой. В течение долгого времени Коммунистическая партия Китая постоянно изучала механизмы руководства партии, такие как отчеты о работе, пропаганда общественного мнения, развитие кадров, исследования и консультации, а также коллективное принятие решений. Она улучшила механизмы демократической деятельности, такие как выборы представителей, маргинальное голосование, консультации и общение, надзор и надзор, раскрытие информации и улучшенное распределение ресурсов, финансовые и налоговые аспекты, контроль цен, справедливая конкуренция и другие механизмы социалистической рыночной экономики, для обеспечения того, чтобы принципы государственной системы «укоренились»<sup>4</sup>.

**3. Оптимизировать национальную систему на основе эффективности управления.**

Осуществляя модернизацию государственного управления, Коммунистическая партия Китая продвигала реформы политической и административной системы, наладила отношения между центральным и местными правительствами, оптимизировала механизмы работы правительства, реформировала кадровую систему, установила социалистическую консультативную демократическую систему и укрепила социалистическое верховенство закона. Необходимо углублять реформу экономической системы, способствовать лучшей интеграции эффективных рынков и эффективных правительств, продвигать

<sup>1</sup> Си Цзиньпин: Речь на Национальной конференции по сокращению бедности и благодарности. 2021. С. 19.

<sup>2</sup> Избранные сочинения Маркса и Энгельса. 2012. С. 140.

<sup>3</sup> Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по нескольким основным вопросам, касающимся поддержки и совершенствования социалистической системы с китайскими особенностями и содействия модернизации национальной системы управления и возможностей управления, 2019. С. 23.

<sup>4</sup> Си Цзиньпин о государственном управлении. 2014. С. 164.

дальнейшее совершенствование фискальной и налоговой системы, финансовой системы, а также научно-технической системы и продолжать расширять модель реформ и открытости. Усилить реформу социальной системы и построить систему социального управления, включающую совместное строительство, совместное управление и совместное использование в образовании, медицинском обслуживании, социальном обеспечении и пенсиях. Углубить реформу культурной системы, улучшить систему для процветания и развития передовой социалистической культуры и укрепить идеологическую основу национального управления. Создавайте и улучшайте систему экологической цивилизации и содействуйте гармоничному сосуществованию человека и природы. Это будет способствовать непрерывному всестороннему развитию социалистической государственной системы<sup>1</sup>.

Любин В.П.  
(ИНИОН РАН, Москва)

## ВЫБОРЫ В ГЕРМАНИИ СЕНТЯБРЯ 2021 года И ПЕРЕМНЫ В ПОЛИТИКЕ ФРГ И ЕС В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

**В** Федеративной Республике Германия 26 сентября 2021 г. состоятся выборы в бундестаг, результаты которых имеют большое значение не только для самой страны, но и для возможной «перезагрузки» политики Европейского союза в отношении Российской Федерации. Эти отношения отличались заметной напряженностью в последнее время, в особенности после государственного переворота на Украине февраля 2014 г. и последовавшего за ним в марте 2014 г. выхода из ее состава Автономной республики Крым (в составе УССР Крымский полуостров оказался в 1954 г. после его передачи из состава РСФСР по спорному указу тогдашнего политического руководства СССР) и вхождения в результате проведенного в середине марта 2014 г. референдума Крыма и Севастополя как ее новых субъектов в Российскую Федерацию<sup>2</sup>, что не признается ЕС, а также после начала с 2014 г. продолжающейся гражданской войны в Донбассе, где возникли две республики — ДНР и ЛНР, поддержанные РФ. Невыполнение Украиной Минских соглашений по урегулированию ситуации в Донбассе — они заключены при содействии в том числе Германии и Франции, ведущих членов ЕС, — усугубило ситуацию, и так называемый «украинский вопрос» стал камнем преткновения в отношениях Россия–ЕС. Европейский союз регулярно каждые полгода на саммитах руководителей стран-членов единогласно продлевает санкции против России, что подрывает экономические и политические отношения этих двух самых крупных политических и экономических субъектов на европейском континенте.

От результатов выборов в бундестаг в Германии сентября 2021 г. и формирования на их основе нового правительства страны, обладающей самым высоким экономическим потенциалом в ЕС и имеющей в нем мощное политическое влияние, во многом зависят перемены в отношениях ФРГ–РФ и ЕС–Россия, заведенных в тупик в 2014–2021 гг., когда были отменены проходившие ранее регулярно встречи руководителей ЕС и РФ, а также встречи лидеров России и Германии. С объявленным уже ранее уходом с политической сцены страны постоянно с 2005 г. занимавшей пост канцлера ФРГ А. Меркель, часто следовавшей в своей политике в фарватере ведущей сверхдержавы Запада США, и выходом на авансцену новых политических лидеров линия германского руководства может оказаться если и сохраняющейся в своих основных чертах, но все же пересмотренной, исходя из требований времени и стремления к укреплению собственного суверенитета как со стороны Германии, так и ЕС в целом.

Пример борьбы и победы сил, выступавших за доведение до конца строительства нового газопровода из России «Северный поток-2», над влиятельными лоббистами, противниками постройки нового экономически выгодного Германии и ЕС газопровода в США и внутри ЕС, оказавшими строительству огромное сопротивление, показывает, что подобные настроения в немецком истеблишменте способны привести к ощутимым переменам в политике ФРГ и ЕС. Помимо политики официальных государственных структур в ФРГ, следует обратить внимание на деятельность организаций разветвленного гражданского общества, многие из которых показывали свое несогласие с официальной линией и настаивали на сохранении дружественных отношений с Россией (Германо-российский форум, Петербургский диалог, организации партнерства городов и т.п.).

В докладе анализируется ход предвыборной борьбы, результаты ключевых парламентских выборов 2021 г. в Германии, раскрываются позиции парламентских партий — ХДС/ХСС, СДПГ, Зеленые, СвДП, Левые, АдГ и их лидеров. Отражено как итоги выборов и создание нового, по всей видимости коалиционного правительства, в которое в отличие от предыдущих кабинетов «большой коалиции» из двух «народных партий» ХДСХСС и СДПГ, вероятно, войдут и другие партии, смогут повлиять на изменения в стратегии и тактике партий и политического класса в целом. Исход голосования не-

<sup>1</sup> Избранные труды важных документов с момента основания Китайской Народной Республики. 1995. С. 490.

<sup>2</sup> См.: Краткая история Крыма: от Античности до начала XXI в. / Отв. ред. В.П. Любин. М.: ИНИОН РАН (в печати).

мецких избирателей и смена кабинета существенным образом повлияют и на развитие отношений ФРГ и РФ, и ЕС, и России.

Автор доклада опирается на анализ доступных источников, свой опыт изучения партийно-политических систем ФРГ и других стран ЕС, на давнее сотрудничество с немецкими политологами, университетами, научно-исследовательскими учреждениями, с которыми ИНИОН РАН развивал партнерские отношения начиная с конца 1970-х годов, что давало результаты в виде совместных научных публикаций<sup>1</sup>. Использован опыт преподавания в качестве приглашенного профессора студентам политологам, социологам и историкам в ведущих университетах Германии в 2004–2021 гг., лекционных курсов и семинаров по тематике «Россия и ЕС» (последние из таких курсов проведены автором на немецком языке для студентов Кельнского университета в декабре 2020 г. и мае 2021 г., а также совместно с учеными-политологами и экспертами-международниками из России и ЕС на русском и английском языках для студентов, обучающихся в РУДН и в университетах ФРГ, в апреле–июне 2021 г.).

Люблинский В.В.

(Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва)

## СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В МЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Институт социального государства переживает непростые времена. Технологическая трансформация на данном этапе и в обозримой перспективе может иметь серьезные социально-политические последствия. Вызовы, которые встают в связи с этим, беспрецедентны. Давление технологий усиливается, процесс несопоставим с тем, что происходило на предшествующих этапах социально-экономического развития. Во многих сферах человек теряет свое, казалось бы, вечное и неоспоримое преимущество перед созданными им механическими устройствами, ибо он управляет и творит.

В условиях крутых перемен общество несет значительные издержки, но особенно страдает средний класс, ибо прежде всего он должен находиться в центре событий. Средний класс меняет свой облик и сокращается и, кроме того, становится источником изменения социально-профессиональной структуры в направлении ее поляризации и роста на верхних и нижних позициях.

Повсеместно в мире усиливаются чувства социальной несправедливости, что определенно создает серьезные риски дестабилизаций и расколов в обществе со всеми вытекающими из этого политическими последствиями.

Общественное восприятие справедливости также должно вызывать озабоченность, но по факту власти стремятся обходить такие вопросы, не замечать их, что характерно для властей предрержащих во всем мире, в том числе и в России. Более половины респондентов в странах ОЭСР считают, что они не получают справедливой доли социальных доходов, а около 60% отмечают, что правительство не учитывает их мнения при разработке социальной политики<sup>2</sup>. При таком состоянии общества, когда граждане де-факто отделены от политики, о какой-либо реальной демократии в так называемых демократических странах говорить не приходится.

Перед лицом этой проблемы государство несет ответственность за обеспечение условий социально-экономического развития, что напрямую связано с повышением результативности управления. В рамках новой модели ему следовало бы возглавить технологическую и цифровую трансформацию, предоставляя необходимые для развития услуги гражданам и бизнесу, с одной стороны, и постоянно осуществляя мониторинг эффективности и внося коррективы в текущую политику с целью ее социальной оптимизации — с другой.

Социальная политика, по нашему мнению, должна строиться по-новому, в полной мере учитывая то, что происходит революция, касающаяся роли, места и содержания труда. А это в условиях бурного развития цифровых технологий требует разворота государства в пользу более значительной поддержки сферы формирования человеческого капитала.

Возможность получать реальную поддержку в трудной ситуации, не обремененную бюрократическими препонами, остается важнейшим условием эффективной социальной защиты, имеет решающее значение для борьбы с бедностью и предотвращения нищеты.

Важно подчеркнуть, что снижение неравенства первичных доходов положительно сказывается как на экономической эффективности, так и на социальной справедливости. И это неоспоримый факт, доказанный практикой развития в XX столетии. Большее равенство помогает создать более ста-

<sup>1</sup> См., напр.: Шнайдер Э. Политическая система Российской Федерации / Отв. ред. и перев. В.П. Любин. М.: ИНИОН РАН, 2002, и другие совместные публикации сотрудников института BIOSI и ИНИОН РАН. А также: Шуберт К., Кляйн М., Любин В.П., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Политлексикон: Понятия, факты, взаимосвязи: М.: РОССПЭН, 2013 (электр. вариант в Интернете 2015, см., напр., на сайте РАПН).

<sup>2</sup> См.: Risks that Matter: Main Findings from the 2018 OECD Risks that Matter Survey. P.: OECD, 2019.



бильную социально-экономическую и политическую систему, основанную на сочетании принципов конкуренции, справедливости, благосостояния и демократии. Развитие сетевого общества и цифровых технологий, по нашему мнению, неизбежно влечет за собой политический запрос на «новые эгалитарные стратегии», которые характерны для политических сил левой ориентации. Поэтому актуальной задачей в условиях новой реальности становится не только изменение характера политики, но переустройство системы общественно-политических и экономических отношений. Простой адаптации институтов рыночной экономики для обеспечения успешного развития и социального благополучия уже недостаточно.

Перед обществом (в России и в мире) стоит политическая проблема стратегического характера — использовать технологическую трансформацию таким образом, чтобы переустроить экономическую систему и подчинить ее социальным целям, чтобы при общем росте доходов и благосостояния уменьшалось социальное неравенство. В условиях современной реальности объективно встает вопрос о новой модели социально-политического развития, которая предполагает и реорганизацию социального государства через расширение его возможностей и влияния на развитие общества.

Сможет ли оно сделать в новых условиях «рывок в направлении всеобщего благополучия», покажет время.

*Ляховенко О.И.*  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛЫ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФУНКЦИИ, ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА И МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА<sup>1</sup>**

**В** настоящее время возросло значение информационных сетей как инструментов публичной коммуникации и управления политическими и информационными процессами. Вместе с тем большинство современных работ (научных и прикладных) уделяют внимание лишь определенным аспектам этих процессов.

Научные работы сосредоточены, главным образом, на общих, фундаментальных процессах трансформации политической коммуникации, роли социальных и информационных сетей в политике, психологических аспектах этих коммуникаций, их способности влиять на репутацию, рейтинги, имидж политических и бизнес-субъектов. Также отдельные исследования посвящены особенностям использования политических технологий в социальных сетях, в том числе в контексте конкретных избирательных и политических кампаний.

В свою очередь, прикладные (в том числе закрытые) исследовательские проекты чаще сосредоточены на выявлении и анализе конкретных «сеток» влияния в СМИ, социальных сетях, телеграм-каналах, на выявлении бенефициаров информационных кампаний, а также на рекомендациях для лиц, принимающих решения, по противодействию подобным кампаниям. Особый акцент в этих работах делается на вскрытии манипулятивной или, как минимум, политехнологической функции телеграм-каналов при работе с информационной повесткой.

Соглашаясь с такой постановкой вопроса и ее безусловной правомочностью, вместе с тем хочется обратить внимание на другую, не менее важную функцию телеграм-каналов в современном русскоязычном сегменте. Сегодня телеграм-каналы в России (в отличие, например, от «Твиттера») во многом выступают как распределенная экспертная сеть, которая в режиме реального времени, максимально оперативно и с очень коротким «плечом» передачи экспертного знания от носителя к лицам, принимающим решения, осмысляет содержание и динамику политических процессов в современной России.

Вместе с тем возникает целый ряд практических проблем в процессе работы с экспертно-аналитическими сетями в телеграм-каналах.

Во-первых, экспертная и манипулятивная функции нередко переплетаются, в связи с чем возникает феномен «формирующей аналитики». Ее отличие от прямой манипуляции и пропаганды в социальных сетях состоит в том, что она в целом опирается на экспертные и аналитические наработки, однако аналитическая составляющая носит фрагментарный и (или) тенденциозный характер и подчинена логике политического интереса.

Во-вторых, существует проблема различения экспертизы и других видов материалов телеграм-каналов, включая инсайдерское знание (которое даже в случае достоверности может нести в себе серьезные искажения), фальшивый «инсайд» (заведомо недостоверное знание, маскирующееся под инсайдерскую информацию), публицистику (т.е. выражение субъективного мнения автора), прямые заказные

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России».

и манипулятивные материалы и т.д. Дополнительная сложность возникает, когда одни и те же авторы или телеграм-каналы в разное время выполняют разную функцию, не только занимаясь экспертизой, но и участвуя в политических и информационных кампаниях, партийной и аппаратной борьбе и т.д.

В-третьих, существует проблема анонимности в телеграм-каналах. Целый ряд телеграм-каналов в общественно-политической сфере работают анонимно, еще в ряде случаев имена авторов и их интенции известны только профессионально погруженным в политический контекст.

Отсюда возникает несколько выводов, связанных с исследованием и использованием телеграм-каналов в экспертной коммуникации.

Несмотря на кажущийся низким «порог доступа» к информации из телеграм-каналов для специалистов, необходимы очень серьезные аналитические и профессиональные компетенции для того, что ориентироваться в материалах телеграм-каналов, не становясь объектом манипуляций либо непреднамеренного введения в заблуждение.

В отличие от критериев «чистой» науки (объективность, воспроизводимость, достоверность, фальсифицируемость и т.д.), в сфере прикладной экспертизы исключительную роль играют профессиональная репутация и характеристики авторов телеграм-каналов: идеологическая и политическая ангажированность (и особенно их отсутствие), наличие эффективного исследовательского задела в прошлом, последовательность взглядов (выводы не меняются с течением времени в угоду политической конъюнктуре или разовым «заказам»). Важнейшим критерием является неанонимность и, как следствие, высокая профессиональная репутация автора, т.е. признание его способности на производство качественной аналитики внутри экспертной и профессиональной среды.

В целом телеграм-среда может быть хорошим источником экспертной информации: именно здесь появляются материалы докладов исследовательских центров, оперативные экспертные комментарии профессиональных аналитиков, работающих в публичной сфере, дискуссии между разными публичными экспертами. С другой стороны, телеграм-среда и политические телеграм-каналы, отражающие позицию и политическую игру разных элитных групп и центров влияния, также являются перспективным источником анализа не только информационной повестки, но также текущих публичных и непубличных процессов.

## ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА

На протяжении последнего десятилетия в России возросла потребность в контридеологической аналитике и появились первые серьезные исследования данной темы<sup>1</sup>. Среди них важное место занимает проблема религиозных предпосылок государственного интереса<sup>2</sup>. Она поставлена более 150 лет тому назад М.А. Бакуниным: государственный интерес не только связывает сословия священников и государственных людей, но и маскирует уголовное содержание деятельности обоих сословий<sup>3</sup>. Подтверждается ли этот вывод современными исследованиями?

Для ответа использую фундаментальный десяти томный труд К. Дешнера «Криминальная история христианства». На русский язык переведено лишь два тома, после чего издание остановилось (хотя в Польше труд издан целиком)<sup>4</sup>. Исследование К. Дешнера позволяет нагрузить понятие государственного интереса громадным социально-историческим содержанием, имеющим непосредственное отношение к политической истории XX в. и современному периоду.

В тексте можно выделить множество смысловых узлов, которые нужно учитывать при анализе предпосылок формирования государственного интереса, сохраняющих свою значимость до настоящего момента: христианство образует вершину всемирно-исторической преступности, которая возникла в результате стремления клира подчинить себе светскую власть; наступательная гражданская война образует итог процесса постоянного подавления религиозным клиром верующих и подданных; клир всегда был вовлечен в политику, поскольку в абсолютном большинстве случаев руководствовался паразитическим стремлением наверх ради преодоления зависимости от светской власти; клир использовал религиозные лозунги для достижения мировой власти; под командованием и с участием церкви было проведено множество войн ради уничтожения целых народов, которые квалифицировались как язычники; церковь провозгласила лозунг священной войны ради смерти за небесную, а затем земную родину; этот лозунг связал историю христианства с мировыми войнами XX в., в которых христианский концепт «единоспасающей правды» переплелся с «окончательным решением» еврейского вопроса. Концепт клерикальной террористической активности резюмирует борьбу церкви с язычеством, историю инквизиции, еврейских погромов, искоренения ведьм и индейцев, милитаризации, политизации, идеологизации христианства.

Указанные предпосылки сильнее всего повлияли на историографию. На протяжении истории христианства возникла система фальсификации и профессия фальсификаторов. В результате благочестивый обман стал политическим фактором. Блок методологических проблем историографии возник в результате истории преступлений христианства в единстве с реализацией христианской политики. В общем виде политическая бездарность есть мера заимствования светской властью у духовной власти методов управления государством. Церковь культивировала насилие ради насаждения христианства, способствовала моральному падению человека на протяжении всей истории. Поэтому вся история переполнена насилием. Историю надо знать для культивирования презрения к ведущим идеям, фигурам, декларациям, действиям и факторам христианской политики. Отношение историографии к социальной действительности воспроизводит противоположность между проповедью и практикой христианства. Подавляющее большинство религиозных и политических деятелей подпадают под категорию «всемирно-исторических негодяев». Для анализа их деятельности надо соединить судебную и историческую медицину.

В целях выявления меры политической бездарности государственных деятелей следует реализовать максимы подлинного историка: правда важнее науки, которая во имя науки выступает против правды; надо стремиться постичь всеобщий смысл, существенное и типичное в истории на основе документов; синтезировать информационный материал путем обобщения и квантификации; иметь мужество быть врагом христианства и с этой позиции воспроизводить его историю; отвергнуть шаблон о делении кри-

<sup>1</sup> См.: *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна* / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов; сост. А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018; *Рубцов А.В. Нарцисс в броне. Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти*. М.: Прогресс-Традиция, 2020.

<sup>2</sup> См.: *Макаренко В.П., Акоюн А.Г., Халед Р.К.Б. Политическая бездарность: государственный интерес в контексте бюрократического господства*. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020.

<sup>3</sup> По его мнению, те и другие достойны тысячекратной каторги и виселицы, «...ибо не существует ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступления, обмана, низкой сделки, цинического воровства, бесстыдного грабежа и грязной измены, которые бы не совершались... представителями государств, без всякого другого извинения, кроме эластичного, столь удобного и вместе с тем столь страшного слова: государственный интерес». Бакунин М. *Избранные сочинения*. Т. 3. Федерализм, социализм и антиидеологизм. Петербург; М.: Книгоиздательство «Голос труда», 1920. С. 191.

<sup>4</sup> См.: *Дешнер К.Х. Криминальная история христианства*. Т. 1. М.: Изд. дом «Терра», 1996. С. 5–36.

тики на конструктивную и деструктивную; направлять критику на клерикальные круги, которые не являются высшей моральной инстанцией; отвергнуть концепт «духа времени»; реанимировать традицию трехсотлетней раннехристианской проповеди с одновременной критикой исторического христианства.

Аксиологическая историография базируется на применении теории (не)справедливости к изображению истории. Особенно важно правдивое изображение способов правления меньшинства для меньшинства и против большинства. Политическая история до сих пор покоится на власти, насилии, преступлении. Поэтому надо квалифицировать государственных деятелей как преступников. Описывать повседневную жизнь и заботы большинства людей, а не войны, революции и прочие исторические преступления и преступников. Для этого надо использовать дешнеровский концепт преступления и преступника со всеми его аргументами и коннотациями. Итак, религиозные предпосылки государственного интереса многообразны и сохраняют свое значение в зависимости от специфики современных государственных бюрократий.

Макаренко К.М.  
(ВолГУ, Волгоград)

## **ОНЛАЙН-МИТИНГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОКРАЩЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ «СТОИМОСТИ» ПРОТЕСТНОГО УЧАСТИЯ<sup>1</sup>**

Протестная активность в современной России носит циклический характер. Волны роста интенсивности протеста сменяются спадами, при этом знание о цикличности протеста зачастую не представляет возможности для построения рабочих моделей протестной активности. Возможными причинами, затрудняющими реализацию прогностической функции общественных наук по отношению к протестной активности, могут быть: недостаток информации, сложности в учете влияния малозначимых событий (недооценка «эффекта бабочки»), неверный (в конкретной ситуации) выбор теоретической и методологической основы исследования. В этой связи хотелось бы сделать акцент на крайней причине и отметить возможность использования теории рационального выбора как методологии исследования протестной активности в России. Данный подход находил ранее отражение в публикациях отечественных<sup>2</sup> и зарубежных<sup>3</sup> авторов и не только имеет право на существование, но и позволяет продуцировать некоторые значимые выводы. Согласно основополагающим принципам теории рационального выбора индивид при принятии решений относительно своей деятельности оценивает перспективы получения «выгод» и «затрат» в процессе реализации этой деятельности.

С конца XX в. наблюдается конвергенция между онлайн- и офлайн-формами выражения гражданской и политической активности, в том числе и протестной. Протестные настроения, канализованные в онлайн-форумах и социальных сетях, распространяемые через сети доверия, конвертировались в офлайн (уличное) участие. Данная практика стала привычной, во многом даже рутинной, так как большинство публичных протестных акций начинаются именно в Сети. Однако в последние годы набирает популярность тренд проведения протестных акций (онлайн-митингов) исключительно в Сети, что вызывает определенный научный и практический интерес.

Государство в попытке обезопасить себя принимает различные меры, использует технологии борьбы с протестными настроениями. В результате с течением времени, «закручивание гаек», реализуемое, как правило, через принятие репрессивных законов, ужесточающих наказание за участие и вовлечение других в участие в протестной деятельности, приводит к увеличению «стоимости» личного участия в протестных акциях для каждого индивида. При этом существует два способа для сокращения той самой «стоимости» при условии сохранения протеста:

1. Увеличение социальных масштабов акции, так как увеличение общего объема участников приводит к уменьшению удельного веса одного участвующего, тем самым вероятность задержания и последующего привлечения к ответственности, а также иные возможные негативные последствия заметно сокращаются.
2. Проведение публичных мероприятий исключительно в онлайн-формате.

Именно второй вариант приобретает дополнительный исследовательский интерес особенно в ситуации распространения пандемии коронавируса в России и мире и введения режима ограничений. В этой связи внимание привлекает онлайн-митинг «За жизнь», проведенный кампанией «Нет!» 28 апреля 2020 г. на видео-хостинге *YouTube*. Митинг не отличился высокой активностью, несмотря

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32222.

<sup>2</sup> Туровец М.В. Протест как рациональное действие // Полит. наука. 2014. № 4. С. 236–252.

<sup>3</sup> della Porta D., Diani M. *Social Movements*. Oxford: Blackwell, 2006. — 341 p.

на широкий протестный дискурс и участие медийных личностей: Ильи Азара, Дмитрия Гудкова, Льва Шлосберга, Максима Шевченко, Сергея Гуриева и др. Пиковое число одновременно присутствовавших на трансляции участников составляло 4800 человек, а общее количество просмотров (на 30.06.2021) составило 71 995 просмотров<sup>1</sup>.

С точки зрения теории рационального выбора создается некий парадокс участия, так как участие в данном митинге не несет никакой прямой угрозы, так как индивид не вступает в прямое противопоставление себя действующей власти и принимаемым решениям, то количество участников должно расти, однако отсутствие «эффекта улицы» создает впечатление о бессмысленности подобной деятельности. Если нет прямого конфликта, то сообщение не дойдет до адресата, и в этой связи определенная часть протестной аудитории принимает решение не участвовать, так как возможные приобретения не стоят затрачиваемых усилий.

Вопрос, поставленный на обсуждение, безусловно не исчерпан и не раскрыт в должной мере, однако данный вопрос актуализирует исследовательский интерес к изучению новых форм проявления публичности. Цифровая среда направлена на формирование сетей доверия, которые, в свою очередь, могут привести к трансформации онлайн-митингов в более работоспособные механизмы коллективного отстаивания интересов, способные влиять на процесс принятия политических решений.

*Максимова Е.Н.  
(СевГУ, Севастополь)*

## **ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ**

**В** условиях глобализации политические системы подвергаются множественным воздействиям из окружающей среды, их взаимодействия становятся более масштабными и взаимопроникающими. Подобные характеристики внешнего уровня взаимодействия политических систем актуализируют вопрос о поддержании их внутренней устойчивости, способности отвечать на вызовы. В этом отношении представляют интерес механизмы стабилизации / дестабилизации политической системы. По мнению автора, для понимания данных механизмов необходимо иметь представление о внутренней структуре и процессах функционирования политических систем.

Функции политической системы имеют сущностное значение, на наш взгляд, анализируя механизм функционирования политической системы, следует их представить в обобщенном виде как функцию распределения ресурсов в обществе и функцию политического управления. Если речь идет об анализе функций политических систем демократического типа либо систем, осуществляющих демократизацию, то описание механизма функционирования не будет полным без включения функций политического представительства и политического участия.

Рассмотрим приведенные четыре функции в качестве основных параметров устойчивости политических систем стран Большого Средиземноморья. Следует отметить, что функционально политические системы данного макрорегиона существенно отличаются. Например, для политических систем Ближнего Востока или Южной Европы будут характерны специфические черты институциональной устойчивости и функциональности. Эффективность функции распределения ресурсов отражается в социально-экономических показателях развития общества. Интегративным показателем данной функции можно считать Индекс человеческого развития, рассчитываемый ежегодно для каждой отдельной страны. Так, политические системы Италии, Испании, Франции занимают высокие позиции в рейтинге: 29, 25, 26-е места соответственно, что свидетельствует о способности указанных политических систем преодолевать дисфункциональные состояния в данном направлении. В то время как ближневосточные страны Большого Средиземноморья Ливан, Иордания, Сирия, за исключением Израиля, демонстрируют дисфункции распределения ресурсов. Ливан и Иордания занимают соответственно 92-е и 102-е места в рейтинге; по Сирии данные отсутствуют, и лишь Израиль занимает 19-е место (2019 г.)<sup>2</sup>.

Функция политического управления тесно связана с формой правления, закрепляющей институциональное распределение власти, и политическим режимом, отражающим уровень демократии. Италия, Испания, Франция осуществляют политическое управление, основываясь на разделении властей и приверженности демократическим традициям. Политические системы южноевропейского региона Большого Средиземноморья в своей основе имеют развитый парламентаризм. Политические системы ближневосточного региона Большого Средиземноморья имеют специфические системы политического управления. В Израиле и Ливане установились парламентские системы управления,

<sup>1</sup> Онлайн-митинг «За жизнь». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gYDkz-tjn7E> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>2</sup> Индексы человеческого развития. URL: [http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr\\_2020\\_overview\\_russian.pdf](http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2020_overview_russian.pdf).

которые позволяют путем консенсуса принимать политические решения. Механизм политического управления Иордании и Сирии основывается на доминировании королевской и президентской власти соответственно.

Функция политического представительства в демократических системах осуществляется посредством политических партий и партийной системы в целом. Для южноевропейского региона Большого Средиземноморья характерна развитая многопартийность, где политические партии выступают в качестве основных субъектов политики. Однако в последнее десятилетие структура партийных систем Италии, Испании и Франции претерпела существенные изменения, традиционные для данных систем политические партии были потеснены партиями нового поколения. В Израиле и Ливане роль политических партий в выполнении функций политического представительства не менее значима, чем в регионе Южной Европы, тем не менее здесь не происходили серьезные трансформации партийного спектра. В Сирии и Иордании не были сформированы действенные системы политического представительства, что в итоге неоднократно становилось источником дестабилизации политической системы.

Таким образом, в макрорегионе Большого Средиземноморья представлены институционально схожие политические системы, но в то же время функционально специфические. Политические системы Юга Европы достаточно эффективно выполняют свои основные функции, имеют опыт преодоления кризисов. Рассматриваемые политические системы Ближнего Востока, за исключением Израиля, несут груз дисфункциональности в вопросах распределения ресурсов в обществе и политического представительства интересов различных социальных групп.

*Максимова В.Н., Шестакова Л.И.*  
(Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)

## **ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ДЕСТРУКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ ПО ВЕРБАЛЬНЫМ МАРКЕРАМ В МАТЕРИАЛАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**

Обзор публикаций по теме исследования позволил выделить ряд основных направлений в работах ученых<sup>1</sup>: изучение причин<sup>2</sup>, факторов, процесса и последствий формирования деструктивных практик у молодежи<sup>3</sup>. В западной социологии деструктивное поведение молодежи часто анализируется в связи с религиозностью населения<sup>4</sup> и с проблемой гендерной самоидентификации<sup>5</sup>, а также с влиянием цифровых технологий и Интернета на деструктивное поведение молодежи. При этом исследовательской областью становятся проблемы суицидального поведения<sup>6</sup>, ксенофобия<sup>7</sup> и неприязненное отношение к представителям других национально-культурных сообществ<sup>8</sup>.

Выявлено, что практически отсутствуют исследования применения геоинформационных технологий в решении задач противодействия деструктивным формам социально-информационной активности. Один из редких примеров публикации на эту тему — статья Е.Г. Никитенко, И.М. Сеницына, Н.А. Сергеева<sup>9</sup>. Тем не менее необходимость их применения давно назрела.

Основной целью исследования является использование факторного анализа в ГИС для выявления и прогнозирования деструктивной социальной активности молодежи в социальных сетях. Подобное

<sup>1</sup> Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Киберсоциализация как рискогенный фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи в эпоху цифровых технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 21–26.

<sup>2</sup> Федоров А.Ф. Влияние сети «Интернет» на молодое поколение // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 61–4. С. 323–325.

<sup>3</sup> Сапрыкин В.А. Деструктивное поведение молодежи в условиях информационной войны: колумбайн-вызовы и меры преодоления // Теория и практика общественного развития. 2019. № 1 (131). С. 18–21.

<sup>4</sup> Abbott-Chapman & Denhom C. Adolescents' risk activities, risk hierarchies and the influence of religiosity // Journal of Youth Studies. 2001. № 4(3). P. 279–297.

<sup>5</sup> Steinman K.J. & Zimmerman M.A. Religious activity and risk behavior among African American adolescents: Concurrent and developmental effects // American Journal of Community Psychology. 2004. № 33(3/4). P. 151–161.

<sup>6</sup> Birkett M., Espelage D.L. & Koenig B. LGB and questioning students in schools: The moderating effects of homophobic bullying and school climate on negative outcomes // Journal of Youth and Adolescence. 2009. № 38(7). P. 989–1000.

<sup>7</sup> Fesl R., Reer F. & Quandt T. Online sexual engagement and psychosocial well-being: The mediating role of sexual victimization experiences // Computers in Human Behavior. 2019. № 98. P. 102–110.

<sup>8</sup> Fullagar S. The paradox of promoting help-seeking: suicide, risk and the governance of youth // International Journal of Critical Psychology. 2005. № 14. P. 31–51.

<sup>9</sup> Никитенко Е.Г., Сеницына И.М., Сергеева Н.А. Проблемы совершенствования технологии стратегического планирования в перспективной системе обеспечения национальной безопасности России в глобализирующемся мире // Власть. 2018. № 7. С. 52–65.

исследование позволяет решить фундаментальную задачу междисциплинарного характера: выявить функционально-содержательную специфику феномена деструктивной социальной активности молодежи на теоретико-методологических основаниях социологических, лингвистических и геоинформационных исследований с использованием контекстов возможных проявлений деструктивности в социальных сетях. Решение указанной задачи способствует выявлению ключевых показателей и индикаторов анализируемого феномена; описанию типов, форм и видов его проявления; разработке алгоритма обнаружения случаев деструктивного поведения в online-пространстве на основе выявления и систематизации вербальных маркеров.

Сущность исследования заключается в получении достоверной актуальной информации в виде самообновляющихся интерактивных карт социальной напряженности населения. Показана взаимосвязь социально-политических процессов и всплеска деструктивных идеологий, их популяризации посредством вовлечения молодежи в экстремистские группы. Итогом стало визуальное отображение модели распространения деструктивных социальных трендов среди молодежи Челябинской области. Данные визуализируются на основе получения из социальных сетей информации в соответствии с разработанным геолокационным алгоритмом визуализации деструктивных «трендов», с последующей тематической обработкой в специализированном ПО (в основе которого — нейронные сети по распознаванию определенных фраз, образов). В результате постоянно поступающей потоковой информации автоматически обновляется информация по картам «трендов» социальной напряженности. Выработка алгоритмов выявления деструктивных трендов и их очагов на ранней стадии необходима для принятия решений или проведения профилактических мероприятий для снятия социальной напряженности среди школьников и подростков, представляющей угрозу в рамках возможного деструктивного и девиантного поведения.

Такая технология позволяет выявлять с высокой точностью географическое положение пользователей социальных сетей (школьников и подростков) и передавать большие массивы данных исследователям для анализа, прогнозирования и моделирования различных ситуаций, связанных с технологией воздействия на их сознание и поведение. Это позволит своевременно выявить актуальные угрозы и специфику их проявления, а также выработать эффективные инструменты профилактической работы в конкретных географических локациях с учетом выявленных угроз.

**Макушина Л.В.**  
(ФНИСЦ РАН, Москва)

## **НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ: ОТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ К ПАРТИСИПАТИВНОЙ**

**О**собенностью нового времени является то, что взаимоотношения между обществом и властью через традиционные институты представительной демократии постепенно теряют свою эффективность. В общественном сознании они начинают восприниматься как некий «реликт» доцифровой эпохи. Кризис репрезентативности коснулся и профсоюзов, в том числе российских. Несмотря на то что ФНПР на сегодня остается самой многочисленной общественной организацией, она стремительно утрачивает свое влияние. Более половины россиян сочли профсоюзы бесполезными при защите своих интересов. В современных условиях возникает объективная необходимость придания социально-трудовым отношениям большей адаптивности.

Одна из причин утраты профсоюзным движением своего бывшего влияния состоит в том, что требования профсоюзов к власти и работодателям более чем за 100 лет их существования в России практически не изменились. Так же как и в начале профсоюзного движения, они касаются гарантий 8-часового рабочего дня, отмены штрафов на производстве и повышения зарплаты. Но мы живем уже в новой нормальности, в том числе в условиях глобальной цифросетевизации, экономики-4, а сейчас еще и коронакризиса, и поэтому людей в сфере занятости в большей степени волнуют уже другие проблемы. Вместе с тем потребность в коллективной защите интересов наемных работников остается, хотя структурно-организационных предпосылок для ее реализации больше нет.

В обществе происходит осознание того, что активную гражданственность уже нельзя проявить на уровне таких традиционных коллективных институтов, как партии, профсоюзы, в целом утрачивается вера в эффективность репрезентативной демократии. Общество начинает самоорганизовываться в социальных сетях, без посредников. Отношения между работником и организацией изменяются благодаря социальным сетям и посредством социальных сетей, происходит попытка заменить представительную демократию партисипативной, которая затрагивает как политическую, так и социальную сферу. Партисипативная демократия стала одним из принципов Глобальной хартии Зеленых, ее задача — воссоздать коллективное взаимодействие, восстановить структурные общественные связи, а также попытаться сплотить общество, в котором господствующими стали индивидуализм и отноше-

ния конкуренции. Партиципативная демократия же предполагает возрождение как самих сообществ, так и понятия «солидарность», в том числе и «рабочая солидарность». При этом местом стихийной выработки повестки дня становятся сети.

Об опасностях для репрезентативной системы, которые существуют сегодня, в том числе и в результате появления социальных сетей, говорит политолог, профессор Гарварда, автор книги «Народ против демократии» Я. Мунк. Сетевая демократия «ставит новые вопросы перед политиками, потому что если они знают, как вести переговоры с разгневанным профсоюзом, то они совершенно не понимают, как справиться с горизонтальной мобилизацией без лидера»<sup>1</sup>. В свою очередь Ален де Бенуа — французский философ, политик, основатель и теоретик движения «Новые правые» (фр. *Nouvelle Droite*) — считает, что в цифровом обществе партиципативная демократия «действительно способна исправить или искоренить проблемы представительства, обеспечить лучшую конформность закону и общей воле, создать легитимность, без которой институциональная легальность — всего лишь иллюзия»<sup>2</sup>.

Вместе с тем многие исследователи полагают, что так называемая партиципативная демократия не заменяет традиционную. Главный недостаток первой, по их мнению, состоит в том, что она полностью лишена той ответственности, которую хотя бы формально несет традиционная представительная власть. А чтобы вернуть демократии ее истинное назначение, было бы целесообразно проводить активную политику развития традиционных демократических институтов. В наше время они не исчезают, но видоизменяются, и для придания нового импульса, например, профсоюзному движению эффективной может стать его кооперация с новыми социальными движениями, выход этих новых объединений за отраслевые и национальные рамки. В целях актуализации профсоюзного движения профсоюзы европейских стран призывают не ограничиваться «узкоцеховыми» интересами, а вернуться к практике проведения политических акций, которые должны стать орудием защиты социального государства и демократии. При этом под демократией понимается более широкое и непосредственное участие трудящихся в принятии решений на разных уровнях управления.

Малинова О.Ю.  
(НИУ ВШЭ, Москва)

## РЕПЕРТУАР АКТУАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКАХ ПАМЯТИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Политика памяти, как публичная деятельность, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом, оперирует хотя и широким, но все же ограниченным репертуаром исторических событий, фигур и символов. Его можно назвать *актуальным* или *актуализированным прошлым* (*usable past*). Это то прошлое, которое «не забыто», не в последнюю очередь благодаря тому, что закреплено в *социально-культурной инфраструктуре памяти* (праздниках, памятниках, музеях и мемориалах, топонимии, фильмах, художественной литературе, песнях и проч.). Формирование и развитие этой инфраструктуры является важной составляющей политики памяти, а ее использование тесно связано с *коммеморацией* исторических событий и фигур — публичными актами их вспоминания и увековечения. Очевидно, что не всякое прошлое актуализировано в практиках коммеморации и социально-культурной инфраструктуре памяти. Наиболее удобным для политического использования оказывается то, что «памятно» и при этом может быть наделено значимыми для современного контекста смыслами. Таким образом, конфигурация репертуара политики памяти определяется, с одной стороны, действиями мнемонических акторов, продвигающих определенные версии памяти об определенных эпизодах прошлого (разумеется, с разными ресурсами), а с другой стороны, от инфраструктуры памяти, сформированной усилиями их предшественников.

Предыдущие исследования показали, что на федеральном уровне репертуар актуального прошлого имеет весьма неравномерную структуру. Хотя нарратив о «тысячелетней России», предполагавший работу с прошлым в долгой исторической перспективе, пришел на смену ельцинскому историческому нарративу о «новой России» еще в начале 2000-х годов<sup>3</sup>, созданием социально-культурной инфраструк-

<sup>1</sup> Лис И. Неополитика. Изменения в современной политической теории и практике / Пер. с англ. М.: Litres, 2019. С. 73.

<sup>2</sup> Бенуа Ален де. Репрезентативная и партиципативная демократия. URL: [https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/alaindebnoist/pdf/reprezentativnaya\\_i\\_partisipativnaya\\_demokratiya.pdf](https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/alaindebnoist/pdf/reprezentativnaya_i_partisipativnaya_demokratiya.pdf) (дата обращения: 23.06.2021).

<sup>3</sup> Smith K.E. Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2002; Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015; Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139–158.



туры, поддерживающей эту конструкцию, властвующая элита стала более или менее систематически заниматься лишь в 2010-х годах<sup>1</sup>. При этом путинская политика памяти была преимущественно сосредоточена на «славном прошлом», повышающем самооценку нации<sup>2</sup>. Работа с «трудным прошлым», начавшаяся в конце 1980-х годов и с переменным успехом продолжавшаяся в 1990-х годах<sup>3</sup>, в 2000-х годах хотя и не запрещалась, но не поощрялась<sup>4</sup>. В результате такого подхода репертуар официальной политики памяти оказался весьма ограниченным: он сфокусирован главным образом на событиях и фигурах советского периода, с упором на Великую Отечественную войну<sup>5</sup>. Отказ от официальной коммеморации 100-летия Февральской и Октябрьской революций в 2017 г. показал, как сложно это событие, прежде интерпретировавшееся как миф основания СССР, вписывается в нарратив, сосредоточенный на «тысячелетней» преемственности российской государственности<sup>6</sup>. Не меньше проблем возникает с коммеморацией гражданской войны, политических репрессий, депортаций и других эпизодов «трудного» / «неудобного» прошлого. Несмотря на то что такие эпизоды вызывают бурные дискуссии, а в какой-то мере — и благодаря этому, они остаются важной частью актуального прошлого, побуждая государство так или иначе встраивать их в свою политику памяти. Вместе с тем в результате активизации официальной политики памяти в 2010-х годах произошло некоторое расширение актуального репертуара дореволюционного прошлого за счет Первой мировой войны и пополнения пантеона почитаемых исторических фигур.

В предлагаемом докладе представлены результаты коллективного исследования, посвященного региональной политике памяти. Опираясь на экспертные интервью и частично на полевые исследования, мы попытаемся обобщить наблюдения относительно особенностей региональных репертуаров актуального прошлого. Учитывая пилотный характер данного исследования, эти наблюдения следует рассматривать как предварительные и нуждающиеся в дальнейшем уточнении.

Начиная наше исследование, мы предполагали, что репертуар актуального прошлого в регионах России может отличаться от того, что было выявлено предыдущими исследованиями на федеральном уровне. Это ожидание в целом подтвердилось. Хотя политики памяти региональных элит развиваются в фарватере федеральных задач, они имеют более сложные повестки, поскольку преследуют и собственные задачи, связанные с конструированием региональных идентичностей, повышением туристической привлекательности территорий, а в некоторых случаях — урегулированием локальных мнемонических конфликтов. Не в последнюю очередь эти повестки определяются самой историей.

Как выяснилось, тематический репертуар актуального прошлого на региональном уровне имеет очевидные параллели с канонами, типичными для наций-государств, с его акцентом на политической истории, славном и героическом прошлом, а также на культурном вкладе. Это неудивительно, учитывая, что история региона вписывается в общероссийский нарратив. Вместе с тем во многих случаях имеет место «сопротивление материала», поскольку реальные исторические события не всегда соответствуют логике нарратива о становлении великого Российского государства.

Хронологическая структура региональных репертуаров отчасти повторяет федеральную, но значительно варьируется с точки зрения наполненности повесток. Так, в некоторых регионах заметно более насыщенно выглядит часть повестки, связанная с досоветским — древним и имперским — прошлым. Хотя советский период повсеместно находится в центре коммеморативных повесток, его наполнение имеет существенные региональные особенности. Наконец, хотя проблематика постсоветского прошлого пока слабо представлена в коммеморативных повестках, есть и исключения из этого правила, региональные (Екатеринбург) и сюжетные (память о погибших в чеченских войнах и иных «локальных

<sup>1</sup> Пожалуй, наиболее заметным исключением стало учреждение нового государственного праздника, Дня народного единства, в 2004 г.

<sup>2</sup> *Миллер А.И.* Политика памяти в России: Год разрушенных надежд // *Полития*. 2014. № 4 (75). С. 49–57; *Khapaeva D.* Historical Memory in Post-Soviet Gothic Society // *Social Research*. 2009. Vol. 76. No. 1. P. 359–394.

<sup>3</sup> *Миллер А.* Историческая политика в России: новый поворот? // *Историческая политика в XXI веке* / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 328–367; *Sherlock T.* Historical narratives in the Soviet Union and post-Soviet Russia: Destroying the settled past, creating an uncertain future. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007; *Kaplan V.* The Vicissitudes of Socialism in Russian History Textbooks // *History & Memory*. 2009. Vol. 21. No. 2. P. 83–109.

<sup>4</sup> *Копосов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М.: НЛО, 2011; *Sherlock T.* Russian politics and the Soviet past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin // *Communist and Post-Communist Studies*. 2016. Vol. 49. No. 1. P. 45–59; *Bogumil Z., Moran D., Harrowell E.* Sacred or Secular? 'Memorial', the Russian Orthodox Church, and the Contested Commemoration of Soviet Repressions // *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol., No. 9. P. 1416–1444.

<sup>5</sup> *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* / ed. by J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. L. etc.: Palgrave Macmillan, 2017; *Edele M.* Fighting Russia's History Wars: Vladimir Putin and the Codification of World War II // *History & Memory*. 2017. Vol. 29. No. 2. P. 90–124; *Бешикская В., Миллер А.* Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну // *Россия в глобальной политике*. 2020. № 5.

<sup>6</sup> *Колоницкий Б., Мацкевич М.* Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 1917 года и его политическое использование // *Мир России*. 2018. Т. 27. № 4. С. 78–101; *Малинова О.Ю.* Неудобный юбилей: Итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ // *Политическая наука*. 2017. № 3. С. 13–40.

конфликтах»). В целом на уровне регионов тематическая повестка актуализированного прошлого оказывается более разнообразной, нежели на федеральном уровне.

Малышева О.П.  
(КубГУ, Краснодар)

## ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАРРАТИВОВ В ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ<sup>1</sup>

Цифровые технологии изменили способ выражения гражданской позиции, отношение к истинности и определению личности «говорящего». До появления цифровых технологий один человек представлял собой один голос<sup>2</sup>, и от авторитетности зависела весомость высказываемых утверждений. В современном сетевом обществе голоса исчисляются по количеству аккаунтов в социальных медиа, а значимость определяется шириной охвата аудитории, количеством подписчиков и реакций. Кто и каким образом формирует нарративы и определяет вектор развития цифровой социально-политической повестки? Какие последствия может иметь спланированная переориентация внимания и может ли она породить «организованный хаос» и представлять угрозу для демократии?

Цифровая социально-политическая повестка (ЦСП) — это глобальное дискурсивное пространство и большие данные. Мы применяем гибридную сетевую методологию<sup>3</sup>, которая позволяет нам визуализировать ЦСП в виде социального графа. Это дает возможность выявлять участников, создающих и развивающих социально значимые нарративы, которые способны влиять на настроения граждан — пользователей онлайн-пространства. Мониторинг за изменением вектора развития нарративов в дискурсивных полях, составляющих ЦСП, и своевременное реагирование на деструктивные дискурсивные практики, таким образом, являются принципиальным для обеспечения социально-политической стабильности.

Для анализа ЦСП «Коронавирус» и «Конституция» были собраны сетевые данные социальных сетей *Twitter* и *Facebook* (период выборки — март–сентябрь 2020 г.; общее количество сообщений — 3 млн 50 тыс. единиц). Проведя анализ сетевых данных, мы выявили закономерность в дискурсивном поведении отдельных пользователей — инфлюенсеров, или хабов в социальном графе. Мы условно разделили данных пользователей на две категории в зависимости от направленности их дискурсивного поведения (конструктивного или деструктивного) и содержания формируемых нарративов.

Анализ показал, что дискурсивное взаимодействие данных групп построено на создании блог-волн (за счет массовой рассылки и репостов) и противоборстве сторон за счет «встраивания» в дискурс «оппонента» и стремления нивелировать значимость выдвигаемых им утверждений посредством определенных тактик.

Пользователи, демонстрирующие деструктивное дискурсивное поведение, использовали тактику высмеивания (официальных данных), применения иронии, использования саркастических комментариев, гротескного представления действительности, диффамации власти, распространения сенсационных фейк-ньюс, в том числе непроверенной шокирующей статистики, и экспрессивного преподнесения информации.

Пользователи, демонстрирующие конструктивное дискурсивное поведение, использовали тактику: апеллирования к проверенным фактам, правдивым поучительным историям; использования саркастических комментариев; агитации против распространения фейк-ньюс; а также купирования взаимодействия с пользователями, демонстрирующими агрессивное деструктивное дискурсивное поведение.

Обе категории пользователей использовали сообщения, публикуемые оппонентами, как «точки встраивания» в их дискурс с целью размывания их дискурсивного поля и переориентации внимания их сторонников на собственные нарративы.

В целом в период с марта по июнь 2020 г. ЦСП «Коронавирус» имела деструктивный дискурсивный характер за счет нагнетания панических настроений и формирования отрицательного отношения к официальной власти посредством идентификации и использования точек встраивания в конструктивный дискурс; с июня по сентябрь наблюдались переориентация направленности и развитие вектора конструктивной коммуникации, что выражалось в большем объеме проверенных ста-

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011–31826 «Делиберативная практика взаимодействия парламентских партий с электоратом: структурно-коммуникативный анализ» (2021).

<sup>2</sup> Anderson A., Rainie L. Broader thoughts from key experts on the future of democracy at a time of digital disruption. FEBRUARY 21, 2020. <https://www.pewresearch.org/internet/2020/02/21/broader-thoughts-from-key-experts-on-the-future-of-democracy-at-a-time-of-digital-disruption/>.

<sup>3</sup> Рябенко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 92–106.

тистических данных и снижении активности пользователей, демонстрирующих деструктивное дискурсивное поведение.

ЦСП «Конституция» в период с марта по июнь 2020 г. характеризовалась равным распределением сил пользователей, демонстрирующих конструктивное и деструктивное дискурсивное поведение. Однако к сентябрю 2020 г. в повестке превалирует неконструктивная дискурсивная активность. В этот период усиливается расщепление ЦСП и наблюдается трансформация нарративов, связанных с конституционными поправками, и осуществляется переход в другие тематики.

Малышева Н.С.  
(АлтГУ, Барнаул)

## К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАТО<sup>1</sup>

Военно-политический альянс НАТО, возникший в условиях советско-американского противостояния, оказался устойчивым объединением, успешно адаптировавшимся к новым вызовам международной безопасности. В марте 2020 г. список членов альянса пополнился Северной Македонией, ставшей, таким образом, тридцатым участником этой организации. Обновление состава участников актуализирует вопрос об идентичности региональной организации.

Проблема идентичности НАТО, или идентичности региональной, понимаемой нами как разделяемое гражданами стран-участниц чувство общности в отношении друг друга и в отношении региональных институтов, оказалась в фокусе внимания исследователей в 1990-е годы<sup>2</sup>. Прежде всего исследователи обращались к вопросу о том, почему альянс, в отличие от Организации Варшавского договора, не распался с исчезновением своей главной угрозы — СССР и социалистического блока; а также каким образом расширение альянса влияло на его идентичность. В основе идентичности НАТО лежало разделяемое США и их партнерами по альянсу общее представление об угрозе европейской безопасности со стороны Советского Союза. Нормализация советско-американских отношений на рубеже 1980-х — 1990-х годов, демонтаж социалистических режимов в странах Восточной Европы обозначили вопрос о целесообразности дальнейшего существования НАТО и повлекли за собой ее так называемый «кризис идентичности». Вопрос о дальнейшем функционировании альянса обсуждался на июльском саммите 1990 г. в Лондоне. В принятой по итогам саммита декларации утверждалось, что после падения Берлинской стены «Европа вступает в новую эпоху» и выбирает «экономическую свободу и мир»<sup>3</sup>. Отмечалось также, что в этих новых условиях НАТО уготована новая роль — стать проводником перемен, способствующим формированию объединенного европейского континента, а также его стабильности, безопасности и демократии. Тем не менее, хотя представители стран-участниц альянса солидарно высказались за то, что его политическая роль должна возрасти при одновременном сокращении военной функции, четкого понимания, каким образом это будет реализовываться, не было.

Последовавшая за этим трансформация НАТО оценивается исследователями по-разному. С одной стороны, две волны расширения НАТО — в 1999 и 2004 гг., регулярные саммиты стран-участниц, а также тот факт, что после окончания холодной войны ни один из участников не покинул ряды НАТО, свидетельствовали о сохранении чувства общности в альянсе<sup>4</sup>. Была предпринята попытка определить общий подход в противостоянии новым угрозам, отличающимся от вызовов биполярного противостояния, таким как межэтнические конфликты в Югославии. Были осуществлены структурные изменения в альянсе, внесены коррективы в процедурные правила приема новых участников и процесса принятия решений. С другой стороны, состоявшийся в 2003 г. «демарш» ФРГ и Франции, заявивших о намерении создать автономную от НАТО европейскую оборонную структуру, указывал на то, что в альянсе нет консенсуса относительно его военной функции<sup>5</sup>. Примерами расхождения во взглядах между европейскими союзниками и США можно также считать принятие ЕС Глобальной инициативы в области безопасности и обороны 2016 г., неоднозначные итоги саммита НАТО в Брюсселе в 2017 г. В этом контексте ошибочным решением можно считать и чрезмерный энтузиазм альянса по вопросу принятия новых членов, который в действительности заглушает проблему кризиса идентичности, совпавшего также с кризисом концепции атлантизма<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31118.

<sup>2</sup> *Lubkemeier E.* NATO's Identity Crisis // *Bulletin of the Atomic Scientists.* 1990. Vol. 46. P. 30–33. DOI: 10.1080/00963402.1990.11459889.

<sup>3</sup> 20 Years Ago: London Declaration Marks Birth of New NATO. URL: [https://www.nato.int/cps/en/natolive/news\\_64790.htm?selectedLocale=e](https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_64790.htm?selectedLocale=e).

<sup>4</sup> *Braun D.* NATO Enlargement and The Politics of Identity. Ontario: Queen's University Kingston, 2007. P. 6.

<sup>5</sup> *Байков А.А.* НАТО уже не то // *Независимая газета.* 05.09.2014. URL: [https://www.ng.ru/world/2014-09-05/2\\_nato.html](https://www.ng.ru/world/2014-09-05/2_nato.html).

<sup>6</sup> *Панюжева М.М.* Европейская безопасность: атлантизм vs европеизм // *Современная Европа.* 2016. № 1. С. 65.

Вместе с тем составляющей идентичности НАТО является взаимное восприятие странами-участницами друг друга как союзников. В этом отношении перспективным для преодоления кризисных моментов может быть позиционирование альянса не как организации, сплотившейся против чего-то (*NATO against*), а как организации, выступающей за общие цели (*NATO for*)<sup>1</sup>.

Мальцева Д.А., Дедуль А.Г., Матвеев Е.А.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19<sup>2</sup>

Ключевой тенденцией развития современного глобального общества выступает цифровизация экономико-управленческой сферы деятельности мирового сообщества: многочисленные субъекты общественно-экономических отношений становятся акторами становления новых систем коммуникации и конкуренции. Направление первоначально инкорпорируется в систему высшего образования и науки, призванной, с одной стороны, сохранять классические традиции, но, с другой стороны, быть продуктивной сферой, способной обеспечить производство инновационных отраслевых продуктов.

Системы высшего образования и науки, являясь фундаментальным основанием развития национальных экономик, в условиях становления глобальной цифровой экономической формации выступают акторами системы глобальной конкуренции. Актуализируется проблема академического превосходства национальных систем образования.

Эксперты российского «Проекта 5–100» анализируют зарубежные инициативы по достижению академического превосходства и демонстрируют, что одной из основных целей таковых инициатив является развитие образовательной составляющей как всей системы высшего образования, так и отдельных университетов/подразделений этих университетов<sup>3</sup>. Повышение качества образования и привлекательности университетов основывается на следующих общих стратегиях: разработка совместных образовательных программ, разработка программ студенческой мобильности (в том числе международной студенческой мобильности); усиление взаимодействия с предприятиями реального сектора экономики; создание репутации национальных университетов как ведущих глобальных научно-образовательных центров<sup>4</sup>.

Позиционирование систем высшего образования на международном образовательном рынке предполагает реализацию обширного ряда технологий и направлений деятельности: разработку маркетинговой стратегии, основанной на традициях и новациях учебных заведений, и брендинг собственных материальных и интеллектуальных продуктов; формирование собственного привлекательного имиджа для продвижения ресурсов и продуктов организации в современных региональных и глобальных медиа, социальных сетях; выстраивание партнерских отношений с государственными и международными НКО, связанными с образовательной сферой.

Современные национальные образовательные системы развиваются одновременно в физическом и цифровом измерениях, что определяет новый институциональный дизайн менеджмента учебных организаций и стимулирует процесс виртуализации академических отношений. Виртуализация образовательного процесса в 2019–2020 гг. получила особое развитие в условиях мировой пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19: национальные образовательные системы столкнулись со следующими проблемами и вызовами, спровоцированными экстренным переходом к дистанционному обучению<sup>5</sup>: отсутствие материально-технического обеспечения университетов для перехода на онлайн-обучение; проблемы с онлайн-приложениями; возросшая нагрузка на университетские онлайн-ресурсы, на базы данных и информационные системы университетов; отсутствие квалификации сотрудников для перехода к онлайн-обучению: отсутствуют знания об имеющихся платформах и сервисах для удаленного обучения, их функционала, эффективных методах преподавания в онлайн-формате и пр.

<sup>1</sup> The Identity of NATO // NATO Review. 20.01.2017. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2017/01/20/the-identity-of-nato/index.html>.

<sup>2</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011–33045.

<sup>3</sup> Студенческая мобильность: цифровая среда и гибкие стратегии развития / Проект 5–100. URL: <https://5top100.ru/news/125208/> (дата обращения: 06.06.2021).

<sup>4</sup> Полюхина Н.А., Тростянская И.Б., Гришакина Е.Г., Байков С.А. Проект 5–100: развитие системы высшего образования в России. ФГАНУ «Социоцентр», 2020. URL: <https://www.5top100.ru/documents/library/134777/> (дата обращения: 06.06.2021).

<sup>5</sup> Карпинская Е. COVID-19: эффекты для высшего образования. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/covid-19-effekty-dlya-vysshego-obrazovaniya/> (дата обращения: 06.06.2021).

Развитие мирового образовательного пространства на современном этапе сопряжено с использованием следующих стратегий развития образовательной политики: использование инновационных маркетинговых механизмов в области продвижения образовательных услуг и продуктов; системная реализация инициатив по достижению академического превосходства на конкурентном международном рынке; адаптация мировой образовательной системы к реалиям пандемии COVID-19 в условиях перманентного роста численности иностранных студентов национальных образовательных систем.

Мальцева Д.А., Петрунина М.А.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ: РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА<sup>1</sup>

Современные процессы нарастающих глобальных кризисов и стремительно развивающиеся цифровые трансформации существенно изменили подходы к исследованию молодежной политики в системе управления человеческим капиталом и артикулировали новые задачи государственного управления в этой области. Длительное отсутствие государственного регулирования и поддержки нанесло ущерб механизмам реализации, а распад прежней политической системы уничтожил паттерны взаимодействия государства и молодежи. Исчез обширный пласт общественно-политических институтов и организаций, партийные лифты, предлагавшие продвижение талантливым и инициативным лидерам. Это привело к общему старению политической системы ввиду простого отсутствия молодых кадров для замещения настоящих. Опасность этого уже известна по историческому опыту и проявляется в стагнации политической системы, что влечет за собой пассивность молодежи<sup>2</sup>, ее разочарованность во власти, следовательно, кризис легитимности и нарастание протестных настроений, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на раскрытие кадрового потенциала молодого поколения и, следовательно, формирование человеческого капитала.

Хотя в современной России накоплен некоторый опыт<sup>3</sup> стратегического управления молодежью<sup>4</sup>, ряд проблем до сих пор остается нерешенным: отсутствие методических рекомендаций, необходимых для разработки и реализации стратегических документов по реализации государственной молодежной политики; пробелы в законодательстве о молодежи; недостаточная координация практик и проектов, направленных на накопление человеческого капитала страны, и др.

Проведенный анализ продемонстрировал, что на сегодняшний день в российской правовой системе можно наблюдать разрозненность нормативно-правовых актов различного характера и уровня, без гармонизации которых регулирование государственной молодежной политики, а также интенсификация ее наиболее эффективных сценариев видится крайне затруднительной. Существующими подзаконными актами урегулирована очень узкая сфера, а именно вопросы поддержки талантливой молодежи и военно-патриотическое воспитание.

В ходе исследования было установлено, что для решения данной проблемы необходимо закрепить в едином правовом акте полномочия федеральных органов, таких как Правительство РФ, Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство культуры РФ, Министерство просвещения, Министерство спорта и Федеральное агентство по делам молодежи, а также закрепить компетенции органов власти субъекта. К полномочиям правительства следует отнести установление общих основ государственной молодежной политики, а также обеспечение финансирования и подготовку бюджета этой отрасли. Федеральному агентству по делам молодежи видится разумным поручить реализацию конкретных программ и проектов во всех субъектах страны в то время, как министерства, согласно сфере их деятельности, после проведения исследований, на их основании смогут определять стандарты и нормативы, разрабатывать меры реагирования и взаимодействия. В то же время нельзя лишать воз-

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33045.

<sup>2</sup> Липская Л.А. Молодежь и политика: пути повышения политической активности // Социум и власть. 2012. № 1 (33). С. 58–62.

<sup>3</sup> Крикунова В.А. Молодежная политика в современной России: понятие, субъекты, факторы формирования [Электронный ресурс] // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. С. 282. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-politika-v-sovremennoy-rossii-ponyatie-subekty-factory-formirovaniya> (дата обращения: 10.07.2021); Ильинский И.М., Луков В.А. Государственная молодежная политика в России: философия преемственности и смены поколений // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4. С. 5–14; Лесовских Н.П. Законодательство Российской Федерации в сфере молодежной политики. [Электронный ресурс] // Вестник Уральского ин-та экономики, управления и права. 2016. № 3. С. 34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/zakonodatelstvo-rossiyskoy-federatsii-v-sfere-molodezhnoy-politiki> (дата обращения: 10.07.2021).

<sup>4</sup> Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_372649/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/) (дата обращения: 11.07.2021).

возможности реализовывать основные цели и задачи органы власти субъектов. На региональном уровне их поддержка будет наиболее эффективна в принятии законов конкретного региона, поддержке местных молодежных инициатив и в обеспечении дополнительных, по сравнению с федеральными, гарантий.

Таким образом, можно заключить, что реформирование сферы молодежной политики, представляющей особую значимость для развития и интенсификации человеческого капитала в национальной проекции, требует комплексного и системного подхода с приоритетом правового сопровождения и регулирования.

Мамычев А.Ю.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ<sup>1</sup>**

**1.** Сегодня в общественно-политическом мышлении и исследовательских практиках также происходит трансформация словаря в описании разворачивающихся событий и процессов, проникновения концептов и понятий из различных описательных систем и исследовательских протоколов в другие. Идет усиленный поиск нового словаря, который, с одной стороны, способен адекватно описать современные кардинальные изменения в обществе, политике, праве под воздействием цифровой трансформации, разворачивающейся долгосрочной вирусной пандемии, а также ускорившихся климатических изменений; а с другой — представить возможность рассмотреть различные системы (социальные, экологические, биологические, физические, цифровые) как взаимосвязанные и равнозначные, не отдавая приоритета ни одному из регионов/измерений. Эта трансформация уже ощутима, поскольку значение цифровых систем, технических потребностей цифровой инфраструктуры, биологические и экологические доминанты становятся по своему статусу равнозначными, а нередко и ведущими по отношению к интересам и потребностям человека, их групп, сообществ.

**2.** Происходящая смена индустриальной на постиндустриальную или цифровую эпоху кардинально меняет, прежде всего:

- а)** политическую арену противоборства интересов и артикуляцию значимых потребностей, а также проблематизации статусов как традиционных политических субъектов (государство, партии, организации, профсоюзы и т.д.), так и статус новых драйверов эпохи, которые пока сложно обозначить традиционным понятием «субъект» (цифровые личности, цифровые платформы, цифровые алгоритмы и другие действующие цифровые актанты);
- б)** институциональные структуры, институциональную политическую коммуникацию и публично-властные отношения в обществе, которые под воздействием цифровизации теряют свой традиционный ресурс легитимности и социальной значимости, а большинство интеракций реализуется через цифровых посредников (платформы, алгоритмы и проч.). При этом реальная власть и центры принятия управленческих решений смещаются с публичного пространства в новую пространственную сферу — «цифровые лаборатории» (разрабатывающие, внедряющие и эксплуатирующие сложные цифровые алгоритмические системы);
- в)** формы и технологии гражданского (цифровой активизм, цифровое гражданское общество и проч.) и военного сопротивления (удаленное, дистантное проецирование власти, силы, авторитета). Уже очевидно, что современные сквозные цифровые технологии позволяют транслировать и проецировать как материальное, физическое, так и символическое воздействие значимого и определяющего характера не только на сферы и отношения в рамках традиционных относительно автономных и структурированных политических пространств (например, в рамках суверенного политического пространства или локального этнополитического пространства), но далеко за пределы последних;
- г)** ключевые центры мобильности, формы и технологии социальной коммуникации, ключевые ресурсы социальной организации, важнейшими становятся данные, которые производит население, организации, механизмы, алгоритмы. Именно данные становятся основой для постоянной циркуляции информации, контентов, базисом современной «цифровой формации».

**3.** В настоящее время любой прогноз, любая стратегия будет неадекватна, если в них, кроме поведенческих и иных социальных факторов, не закладывается моделирование развития цифровых форм и технологий. Говоря иначе, современное общественно-политическое прогнозирование и публично-

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 21-011-31175 опн.

правовое управление уже не закладывают только «социальное» в качестве основополагающего элемента и доминирующего тренда. Традиционные социальные формы организации, социально-политические технологии управления, социальные тенденции развития являются значимыми, но не единственными факторами в динамике современных обществ. Кроме того, действующим, значимым и относительно автономным элементом в общественно-политической динамике являются ментально-культурные основания общества, которые выражаются в культурных первообразах и устойчивых представлениях, а также нормативно-ценностных ориентациях, задающие образцы общественно-политической жизнедеятельности людей и модели публично-властного взаимодействия. Данные элементы в социально-культурных исследованиях также рассматриваются в качестве активно действующих и влияющих актантов, которые вступают во взаимодействие с конкретными практиками и современными стратегиями, обуславливая формообразующие тенденции и направленности последующих социокультурных трансформаций.

**Марков Е.А.**  
(Череповецкий государственный университет, Череповец)

## **ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГИБРИДНЫХ ВОЙН**

**И**нформационное противоборство, по мнению исследователей, стало сегодня обычным явлением в мировой политической системе: «информационные военные средства... с каждым десятилетием приобретают новые черты, выводя возможности информационной войны на все более высокий уровень, не только не уступая, но и превосходя традиционные типы вооружений по своей эффективности и наступающим в результате их использования разрушительным последствиям»<sup>1</sup>.

Разные исследователи в своих многочисленных работах по данной проблематике предлагают собственные трактовки понятия «информационная/гибридная война», стремясь наиболее полно отразить его содержание. Но мы предлагаем свою формулировку, которая, на наш взгляд, является более четкой и емкой. «Современная информационная или гибридная война — это агрессивные действия одной страны или целой группы стран по отношению к другим с применением не только военной мощи, но и целого набора других ресурсов (политических, экономических, информационных, идеологических и др.), позволяющих оказывать массированное давление с целью воздействия на поведение стран-противников и достижения определенных целей»<sup>2</sup>.

В современной истории есть уже немало примеров развязывания информационного противоборства между странами. Как правило, инициаторами этих событий являются наиболее развитые страны (страны англосаксонского мира), стремящиеся сохранить свое доминирование в международном сообществе. Мы можем вспомнить бомбардировки Сербии в 1999 г. авиацией стран НАТО, которые привели к многочисленным жертвам среди мирного населения и разрушенным объектам инфраструктуры этой страны. Задачей США в условиях этой войны стало обеспечение международной поддержки своим действиям. Для решения этой задачи были задействованы информационные ресурсы целого ряда стран: телеканалы, радиостанции, информационные агентства, газеты. После разрушения телецентров в Белграде и Приштине американцы наладили даже свое телевидение на частотах сербского телевидения. В добавление к этому они использовали и проверенные временем способы оказания психологического воздействия, разбросав 22 млн листовок, в которых призывали жителей Сербии свергнуть режим С. Милошевича.

Примеров вмешательства США и их союзников во внутренние дела других стран — много. Это Ирак, Ливия, Сирия, Афганистан, Грузия, Украина, Белоруссия и т.д. К сожалению, подобное вмешательство зачастую приводит к развязыванию гражданских войн, хотя подается международному сообществу как распространение демократии.

Россия также стала объектом информационной войны со стороны стран западного мира. По отношению к нам используются все те же, обкатанные на других странах, приемы. Вначале, с помощью мощных информационных возможностей, нападающие страны формируют образ страны-изгоя, закрепляя его в массовом сознании международного сообщества. Параллельно предпринимаются попытки идеологического разложения и девальвации традиционных моральных ценностей, позволяющих населению страны быть сплоченной нацией. Молодежь является особым объектом такого воздействия. В результате деятельности различных организаций, финансируемых из-за рубежа, молодежи навязываются новые идеологические и моральные установки. Целью такой многосторонней вредоносной деятельности является устройство хаоса, что, безусловно, может привести к беспорядкам, смене политического режима, ослаблению страны. Необходимо также отметить, что страны,

<sup>1</sup> Ларина Е.С., Овчинский В.С. Новая военная стратегия США и поведенческие войны // Мировая политика: Старые проблемы и новые вызовы. 2015. № 13. С. 137.

<sup>2</sup> Марков Е.А. Российская власть и СМИ: история информационного взаимодействия. М.: РУСАЙНС, 2021. С. 237.

предпринимающие подобного рода атаки, не считаются с необходимостью строгого соблюдения норм международного права.

Гибридные войны несут международному сообществу такие вызовы и угрозы, которые можно устранить только объединенными усилиями. Руководство нашей страны не раз уже предлагало обсудить на самом высоком политическом уровне те меры, которые необходимо выработать для обеспечения международной безопасности. Судя по всему, разногласия между странами, исповедующими разные подходы на организацию миропорядка, не позволяют начать такого рода переговоры. России приходится принимать меры, направленные на обеспечение своей собственной безопасности, как и безопасности своих союзников.

**Мармилова Е.П.**  
(независимый исследователь, Астрахань)

## **ОЦЕНКА МНЕНИЙ ИЗБИРАТЕЛЕЙ О ВОЗМОЖНОСТИ ВВЕДЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ГОЛОСОВАНИЯ НА ВЫБОРАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ<sup>1</sup>**

**В** 13% стран в мире применяется обязательное голосование. В марте 2015 г. за введение обязательного голосования в США высказался Б. Обама.

Вопрос о возможности введения в России обязательного голосования отражен в работах российских ученых: С.Н. Слободчиковой<sup>2</sup>, О.С. Морозовой<sup>3</sup>, Е.В. Канайкиной, Л.А. Филипповой, И.А. Кандринной<sup>4</sup>, А.В. Зейналбдыевой<sup>5</sup> и других.

В ст. 32 п. 2 Конституции РФ участие в выборах является правом, а не обязанностью для граждан РФ<sup>6</sup>.

18 сентября 2019 г. ЦИК России на своей страничке в *Twitter* проводил опрос о возможности введения обязательного голосования в России. На странице можно было оставить свой комментарий по данной теме. Мы провели контент-анализ социологического исследования ЦИК России в социальной сети *Twitter* 2019 г. Всего в опросе приняло участие 1973 человека, было оставлено 186 комментариев<sup>7</sup>. За введение обязательного голосования проголосовало 71,9% от общего числа респондентов, против — 28,1% от числа респондентов. В опросе имеются комментарии о том, что ввести в России обязательное голосование в настоящее время не представляется возможным, так как в Конституции указано, что участие в выборах является правом, а не обязанностью.

Одна часть респондентов рассматривает участие в выборах как свое право. Об этом свидетельствуют такие комментарии, как *«право есть, хочу им пользоваться или нет»*, *«это право, а не обязанность»*. Для другой части респондентов участие в выборах — это гражданский долг: *«считаю, каждый гражданин должен отвечать за развитие своей страны»*, *«голосовать должны все, так как на выборы тратятся огромные денежные средства»*.

В случае введения обязательного голосования респондентов волнует вопрос о возможных санкциях за неучастие в выборах. Среди наказаний они отмечают административные штрафные санкции или лишение свободы: *«будет ли введено наказание за уклонение от участия в выборах»*, *«будет ли введен штраф, тюремное заключение»*, *«что будет, если люди не придут на обязательное голосование»*.

Респонденты считают, что раз вводится обязательное голосование, то должны быть отменены все избирательные цензы: *«первоначально должны будут допущены до выборов все, включая лиц, находящихся в местах лишения свободы»*.

Часть респондентов считает, что нельзя вводить обязательное голосование, а, наоборот, его нужно ограничить, предоставив возможность голосовать только тем лицам, которые являются налогоплатель-

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011–31247.

<sup>2</sup> Слободчикова С.Н. Реализация принципа свободы выборов в России в мире: сравнительно-правовой анализ // За рубежом законодательства и сравнительное правоведение. 2018. № 3. С. 94–100.

<sup>3</sup> Морозова О.С. (2013) Добровольное или обязательное голосование: «за» и «против» // Выборы: теория и практика. 2013. № 3 (27). С. 21–32.

<sup>4</sup> Канайкина Е.В., Филиппова Л.А., Кандринная И.А. Обязательное голосование: за и против. Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Саранск. Средне-Волжский ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России): ЮрЭксПрактик, 2018. С. 66–69.

<sup>5</sup> Зейналбдыева А.В. Обязательный вотум как препятствие на пути к реализации конституционного права на протест // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 1. С. 46–50.

<sup>6</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_28399/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/).

<sup>7</sup> ЦИК России. Считаете ли вы, что голосование нужно сделать обязательным для всех граждан, обладающих правом голоса? URL: <https://twitter.com/CIKRussia/status/1174300705869508608>.



щиками, или лицам, имеющим детей, таким образом, повысить степень ответственности участия граждан в избирательном процессе: «ключевое слово обладающих правом», «право голоса нужно ограничить, голосовать должны люди, которые платят налоги», «нельзя предоставлять право голоса всем угодно».

Чтобы все избиратели смогли принять участие в выборах, в случае введения обязательного голосования выборы должны проводиться несколько дней подряд либо с применением электронных методов голосования, так как в данном случае у граждан будет не только обязанность, но и возможность ее исполнения. Респонденты также говорят о том, что в избирательном законе должна быть предусмотрена возможность неучастия в выборах по уважительной причине.

Респонденты считают, что в случае введения обязательного голосования необходимо в обязательном порядке вернуть графу «против всех»: «ответ не имеет смысла ввиду отсутствия поля “против всех” и свободного поля для вписывания имен кандидатов в бюллетене».

Таким образом, большая часть опрошенных против введения обязательного голосования на выборах. Одна часть респондентов рассматривает свое участие в выборах как право, а другая часть как гражданский долг. В случае введения обязательного голосования выборы должны проводиться несколько дней подряд либо должна быть предоставлена возможность участия в выборах с применением электронных методов голосования, предусмотрена возможность неучастия в выборах по уважительной причине. Респонденты интересуются, какие могут быть введены санкции за неучастие в выборах, будут ли отменены избирательные цензы, будет ли восстановлена строка «против всех». Часть респондентов выступает за ограничение избирательного права: предоставление его только налогоплательщикам, а также лицам, имеющим детей.

Мартьянов В.С.  
(Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург)

## ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЕРАРХИЙ ОБЩЕСТВА ТРУДА<sup>1</sup>

**П**од влиянием пандемии COVID-19 в центре общественных дискуссий все чаще оказываются вопросы об изменении критериев общественной пользы, обладание которой открывает гражданам и социальным группам доступ к ресурсам и разнообразным жизненным благам. Институциональная инерция критериев полезности общества труда оставляет за бортом полноправного гражданства все больше индивидов и групп, чья полезность для общества/государства перестает быть значимой, очевидной и достаточной в перспективе как их безусловной дотационной поддержки, так и получения социальной помощи в случае отсутствия иных источников доходов/ресурсов. Это *лишние люди*, которые утрачивают доказательства своей полезности в привычных военных, трудовых, предпринимательских, имущественных, сословно-статусных измерениях. Если история политического проекта модерна предстает как постоянное расширение пула полноправных граждан, включаемых в широкий либеральный консенсус, поскольку за ними признаются права и общественная польза (рабочие, бедные, безработные, женщины, представители иных рас и этносов и т.д.), то актуальные тенденции демонстрируют обратное сокращение *полноправных* и *полезных* индивидов и групп. Множество обделенных меньшинств объединяется в недифференцированную массу *прекариата*, чье положение в социальной структуре описывается как отклонение от социальных статусов, функций и моральных норм привычных *трудовых классов*. Представляется, что эти отклонения/патологии не удастся *исправить* и вернуть социальную структуру современного общества и способы ее стратификации в некое *исходное* нормативное состояние. Подобные отклонения нарастают во всех обществах и с течением времени будут закрепляться институционально.

Очевидно, что катализированное пандемией COVID-19 массовое расширение прекариата, *лишних людей, опасных классов* ведет к усилению запросов на принципиальное изменение привычного видения структуры общества, его стратификации и критериев полезности граждан, позволяющих восстановить значимость всех *исключенных* в контексте их права на доступ к *общему пирогу*. Актуальный глобальный процесс пересмотра сложившихся иерархий *трудового общества* сопровождается неизбежным всплеском политической субъектности — *цветными революциями*, внутриэлитными переворотами, гражданскими волнениями, формированием новых социальных групп, идеологий и идентичностей. Все это является составными частями процесса размывания *идеологии труда* и воспроизводством альтернативных институтов, норм и коллективных практик, которые в будущем могут закрепиться в качестве *иной* политической, экономической и культурной *нормальности* в рамках обновленного общественного договора.

<sup>1</sup> Тезисы подготовлены при поддержке гранта РФФИ № 20-04-60337 «Оптимизация социально-экономических принципов регуляции современных обществ в контексте последствий коронавирусной пандемии».

В сложившейся ситуации неизбежен поворот к внерыночному (внекапиталистическому) обоснованию ценности человеческого существования, которое всегда находилось в ядре христианской морали. Соответственно, глобальной долгосрочной тенденцией становится признание безусловной поддержки достойного уровня жизни граждан на экзистенциальном основании ценности их жизни, которая не может быть подчинена частным критериям полезности этой жизни в каких-либо отдельных сферах общественного бытия. В подобном контексте первоначально безусловный основной доход (БОД) воспринимался как прямой подрыв ценностных основ *цивилизации труда*. Затем последовали попытки его привязки к экономической *полезности*, к экономии на создании дорогостоящих рабочих мест, решению проблем бедности и т.д. Однако в контексте пандемии COVID-19 все чаще предполагается, что БОД не будет связан с внешними доказательствами гражданами своей общественной полезности в виде *правильной общественной активности* или *демонстрации добродетелей*. Все шире распространяемые практики БОДа, по сути, являются движением к признанию внеэкономического характера высших человеческих ценностей, когда всеобщие гарантии достойного человеческого существования должно представить политическое сообщество, минуя саморегулируемый рынок, не оправдавший возложенные на него исторические надежды по улучшению жизни большинства.

Следует отметить, что фоновая тенденция к эгалитарной и коммунитарной социальной политике во многом нивелируется рядом встречных культурных процессов. *Великие идеологии* модерна все чаще уступают место сословно-корпоративным *этикам добродетели*, а экономические классы — множеству локальных меньшинств и новых *сословий*.<sup>1</sup> Тем не менее подобный архаизирующий откат в политической морали и идеологии представляется скорее переходным состоянием к новой иерархии высших гражданских ценностей, которая не будет центрирована на военной и трудовой полезности граждан, а также их имущественном статусе *налогоплательщиков*.

Мартьянов Д.С.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## СЕТЕВАЯ ОХЛОКРАТИЯ КАК ФАКТОР ЦИФРОВОГО ВИГИЛАНТИЗМА: ОТ СООБЩЕСТВ К ТОЛПАМ?<sup>2</sup>

Смена веков в Интернете проходила под знаком господства виртуальных сообществ. Расцвет сетевого коммунитаризма, идеи прямой электронной демократии во многом опирались на метафору электронной агоры, а та, в свою очередь, наиболее последовательно реализовывалась в небольших локациях форумов и сообществ в блогах. Толчком к столь положительному отношению к виртуальным сообществам была вдохновленная Ф. Теннисом ностальгия по *Gemeinschaft*.

Поскольку виртуальное пространство за несколько десятилетий во многом повторило развитие человечества в виртуальной среде, в виртуальных сообществах в определенный момент выдвинулась возможность создания тесных по интенсивности взаимодействия групп, обладающих невиданной для эпохи *Gesellschaft* степенью солидаризации. Динамика развития Интернета оказалась столь стремительной, что *Gemeinschaft* в кратчайшие сроки перерос в *Gesellschaft*, довольно точно следуя вектору истории «реального мира».

Так же как и в реальном мире, переход к *Gesellschaft* сопровождался «восстанием масс», поэтому и виртуальная среда столкнулась с широким распространением нового феномена — сетевых толп.

Уже в середине 2000-х годов сетевой коммунитаризм стали рассматривать как утопистскую, техно-оптимистскую тенденцию. Помимо роста влияния более мощных институциональных акторов (государства и бизнеса), переход от виртуальных сообществ к сетевым толпам обусловлен двумя взаимосвязанными факторами — массовизацией Интернета 2000-х годов и сменой технологических платформ.

Определенным символом сетевых толп стал хэштег (#). Именно он позволил структурировать киберпространство таким образом, что люди могли осуществлять схожие коммуникативные действия одновременно. Если для виртуальных сообществ было характерно наличие определенного «места», в котором пользователи могли ощущать общность своих коммуникативных действий, — форума, чата, ленты комментариев, то хэштег объединил пользователей, которые рассредоточены в рамках одной большой сети — сети микроблогов, социальной сети и т.п.

Хэштег выступает и механизмом идентификации особого типа. Сетевая идентичность виртуальных сообществ сопряжена с особой интернет-темпоральностью. Идентичности, которые формируются в них, следует характеризовать как краткосрочные (что в принципе типично для постмодернистской идентичности). Этим обусловлен и относительно короткий жизненный цикл виртуальных сообществ,

<sup>1</sup> Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Советская мораль: от высоких ценностей к «криминальной революции»? // Новый мир. 2020. № 3. С. 135–149.

<sup>2</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011–31445.

основанных на специфической пространственной (символической) идентичности<sup>1</sup>. Но хэштег позволил создавать принципиально иную идентичность — мгновенную и аффективную. Аффективная идентичность не предполагает глубокого погружения в политический дискурс, обоснования рациональных конструкций, формирования институтов публичной сферы и требует эмоциональных коммуникативных действий.

Хэштег, становясь маркером значимого социального раскола, приводит к массовому взрыву эмоций, который выражается в однонаправленном повторении довольно простой идеи. Именно хэштег позволяет создавать не виртуальные сообщества, а виртуальные движения, для которых будут показательны единичные демонстрации единства, а не постоянная групповая коммуникация.

Формами проявления сетевых толп могут выступать кибербуллинг и цифровой вигилантизм. Цифровой вигилантизм предполагает массовую защиту общепринятых норм<sup>2</sup>, как правило, приобретающих форму манифестации сетевой толпы. Однако в случае лиминальности публичных ценностей вигилантизм выступает в качестве инструмента символического насилия в отношении, как правило, меньшей по численности группы лиц либо отдельной персоны. В условиях разделенного общества, обострения значимых социальных расколов, политики постправды цифровой вигилантизм может представлять собой «войну толп», в которой субъектами выступают антагонистически настроенные толпы, а объектами — беззащитные индивиды.

**Маслова К.В.**  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **КУЛЬТУРА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ВЫХОДЯ ЗА РАМКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»**

Сотрудничество в сфере культуры, как и другие области гуманитарного взаимодействия, непосредственно затрагивающие отдельного человека, становится все более значимым аспектом международного общения. В научно-исследовательской литературе распространен подход, определяющий суть культурной дипломатии в терминах американской концепции «мягкой силы»: как набор методов и стратегий, направленный на формирование привлекательности страны в противовес силовым и экономическим методам внешнеполитического воздействия. Однако, как представляется, «мягкая сила», разработанная в прошлом столетии под специфические задачи американской внешней политики, имеет ряд ограничений для объяснения феномена культуры как части мировой политики. Вышеизложенное актуализирует исследовательский поиск нового наполнения культурной дипломатии, соответствующего нынешним внешнеполитическим реалиям, для которых характерно присутствие культурной компоненты — прямое или завуалированное — во всех областях международной жизни. С данной целью была предпринята попытка осмысления структурных принципов культуры, соответствующего новой мирополитической обстановке, в противовес пониманию, выведенному из популярной концепции «мягкой силы».

В основе разработки гарвардского ученого Дж. Ная лежит идея о том, что государство посредством культуры (наряду с политическими ценностями и внешней политикой) способно благоприятным для себя образом влиять на поведение других и добровольно склонять к желаемым результатам. Так, в литературе, анализирующей международное культурное сотрудничество через призму «мягкой силы», акцентируется внимание на возможности достигать определенные задачи, такие, например, как оказание влияния на решения элит и формирование повестки дня<sup>3</sup>, расширение внешнеэкономических контактов<sup>4</sup>. Сотрудничество в сфере культуры, таким образом, низводится до инструмента достижения внешнеполитических и экономических задач. Подобный подход не отражает весь социально-политический потенциал культуры, выражающийся в ее проникновении во все сферы общества<sup>5</sup>. И хотя, действительно, важнейшим аспектом развития международных связей в сфере культуры является создание условий для долгосрочного общения участников, рассмотрение этого направления внешнеполитической деятельности исключительно в данных целях сужает поле культурного взаимодействия. Более

<sup>1</sup> *Мартыанов Д.С.* Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 10. № 4. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. С. 142–160.

<sup>2</sup> *Волкова А.В.* Цифровая бдительность: этика сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля. Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019; (3). С. 59–64.

<sup>3</sup> *Кучеренко Г.Н.* Особенности культурного взаимодействия Камбоджи и КНР в контексте политики «мягкой силы» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. № 1(46). Т. 1. С. 370–378.

<sup>4</sup> *Погорлецкий А.И.* «Мягкая сила»: экономические оценки и перспективы, позиции Китая // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(6). С. 23–33.

<sup>5</sup> *Lenczowski J.* Cultural diplomacy, political influence, and integrated strategy. Washington: The Institute of World Politics, 2007.

того, другим следствием данного подхода является восприятие культурной дипломатии как сопроводительного направления внешней политики<sup>1</sup>.

Внешиполитические, экономические, гуманитарные проекты, проекты в сфере безопасности содержат в себе культурные составляющие<sup>2</sup>. Развитие культурных связей между государствами—участниками СНГ является системообразующим фактором сотрудничества и придает импульс дальнейшему развитию интеграционных процессов на постсоветском пространстве<sup>3</sup>, поскольку ни одна экономическая интеграция не может являться прочной, если она не имеет в своей основе общих ценностных и культурных точек соприкосновения. Концепция «Один пояс, один путь» предполагает активное использование потенциала культурных обменов и различных коммуникационных площадок для формирования общего для всех участников мировоззренческого компонента<sup>4</sup>. В недавно опубликованном документе Госдепа США о международной и дипломатической деятельности культурно-гуманитарные проекты рассматриваются в качестве ключевого инструмента обеспечения интересов национальной безопасности страны<sup>5</sup>.

В контексте общего гуманитарного поворота мировой политики обозначившиеся в современной мировой политике проблемы в сфере культурного сотрудничества приобретают самостоятельное значение. Оно определяется ценностью сохранения национальных культурных достижений и культурного разнообразия, являющихся важной частью человеческой цивилизации, а также ценностью использования и преумножения этого опыта как важного компонента духовного и социально-экономического развития народов, налаживания продуктивного взаимодействия между культурами. Рассмотрение международного сотрудничества в сфере культуры в данном ракурсе имеет серьезный потенциал для развития российской внешней политики.

Матафонова Ю.А.  
(ЗабГУ, Чита)

## **ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИИ «УСТОЙЧИВОСТЬ» К АНАЛИЗУ СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФЕДЕРАЛИЗМА**

В отличие от зарубежной политической практики реалии функционирования института федерализма в России таковы, что заставляют некоторых исследователей сомневаться в целесообразности рассмотрения субъекта Федерации в качестве региональной политической системы, между тем как концептуальные основы федеративной теории позволяют утверждать обратное. Федеративная организация политико-территориального пространства предоставляет политическую субъектность региону. Другое дело, что в рамках российской федеративной практики регионы реализуют ее по-разному.

В отличие от российской парадигмы в англоязычной традиции каждый субъект федеративного государства рассматривается как самостоятельный центр принятия решений, как уникальная территория. Поэтому исследователи пишут о нескольких центрах властных полномочий, а не о двух уровнях власти, как это принято в России. В современной британо-американской энциклопедии *Britannica* в статье о федерализме важной характеристикой федерализма и федеративных отношений выступает нецентрализация (*Noncentralization*), которая рассматривается как способ, призванный обеспечить распределение власти между несколькими по существу самодостаточными центрами<sup>6</sup>. Нецентрализация также подразумевает взаимный договор и взаимный компромисс. Только общая воля и достижение согласия легитимизируют политические решения. Следовательно, право участвовать в осуществлении политической власти не может быть отнято ни у центрального правительства, ни у правительства субъектов Федерации без общего согласия. За рубежом федерализм трактуется широко, как способ политической организации, объединяющий отдельные государства или другие политические образования

<sup>1</sup> Bélanger L. Redefining Cultural Diplomacy: Cultural Security and Foreign Policy in Canada // *Political Psychology*. 1999. № 20 (4). P. 423.

<sup>2</sup> Лебедева М.М. Социально-гуманитарное измерение международных отношений в АТР // *Международные процессы*. 2013. № 1 (32). Т. 11. С. 4–15.

<sup>3</sup> Фокин В.И. и др. Культурное сотрудничество на пространстве СНГ // *Управленческое консультирование*. 2017. № 5. С. 43.

<sup>4</sup> Кулинец Ю.В. Стратегия развития ШОС и концепция «экономический пояс Шелкового пути»: интеграционный потенциал культурно-гуманитарного сотрудничества // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2019. № 24. Т. 24. С. 131–144.

<sup>5</sup> Congressional Budget Justification. Fiscal year 2022. URL: [https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/05/FY-2022-State\\_USAID-Congressional-Budget-Justification.pdf](https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/05/FY-2022-State_USAID-Congressional-Budget-Justification.pdf) (дата обращения: 14.07.2021).

<sup>6</sup> Federalism // *ENCYCLOPÆDIA BRITANNICA* // <https://www.britannica.com/topic/federalism>.

в рамках общей политической системы таким образом, чтобы каждый из них мог сохранить свою собственную целостность<sup>1</sup>.

Дж. Кинкэйд в рамках системного подхода характеризует федерализм как обязательное равное партнерство, в котором стороны сохраняют свою индивидуальную идентичность и целостность, создавая при этом новое образование, обладающее своей собственной идентичностью и целостностью<sup>2</sup>.

Для американских исследователей естественно даже при признании территориального императива рассмотрение уровней управления в федеративном государстве как равнозначных — они не выстраивают властную вертикаль и различают федеральный уровень и уровень штата преимущественно по количеству обслуживаемого населения (избирателей).

Следовательно, субъект Федерации может быть рассмотрен не только как часть федеративного государства, но и как относительно самостоятельная система среднего уровня, как ограниченное территориально-политическое пространство, как уровень принятия управленческих решений.

С точки зрения синергетического и системного подходов одним из свойств системы является устойчивость. Категория «устойчивость» используется для анализа динамики социальных и политических систем<sup>3</sup>. В рамках анализа специфики федеративной формы организации политико-территориального пространства государства исследователи в качестве системного свойства и преимущества также называют устойчивость Федерации по сравнению с другими формами<sup>4</sup>.

Категория «устойчивость» может быть достаточно органично встроена в теорию федерализма и использована для анализа процессов, происходящих и на субъектном уровне. Однако в данном случае необходима конкретизация. Считаем, что целесообразность использования категории «устойчивость» по отношению к субъекту Федерации обусловлена:

- концептуальными положениями теории федерализма, обозначающими в качестве глобальной цели такой организации политико-территориального пространства — приближение управления к управляемой территории;
- системными характеристиками субъекта Федерации как центра принятия решений, наделенного политической субъектностью.

*Матюсова А.И.*  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Традиционно проблема изучения личности политика вызывает интерес ученых. Постоянно меняющиеся политические условия в рамках российских реалий выдвигают к представителям региональной элиты новые требования, актуализируя в зависимости от текущей кадровой политики то одни, то другие личностные качества, которые должны быть присущи губернаторам. Если раньше высшими должностными лицами регионов становились хорошо известные на местах лидеры-хозяйственники (А.А. Качанов), которые находились в довольно самостоятельном от федерального центра положении, то сейчас кадровая политика в отношении губернаторов претерпела изменения: при отборе на должность губернатора стали учитываться в том числе и личностные качества кандидата, а не только его политический вес.

Так, первых можно назвать губернаторами-«старожилами», некоторые из которых на данный момент до сих пор возглавляют российские регионы уже более двух сроков подряд или же только завершают свой второй срок в качестве главы субъекта РФ, однако находятся в региональной политике еще с 1990-х — начала 2000-х годов (И.С. Палитай, А.И. Матюсова). Губернаторов, управляющих регионом не более двух электоральных циклов, можно отнести к группе «губернаторы-новички». Первых на данный момент насчитывается 73, вторых — 12.

Представители современной зарубежной политической психологии (Д. Уинтер, Ф. Гринстайн, М. Херманн, Дж. Андерсон и др.) выделили ряд наиболее влиятельных личностных характеристик

<sup>1</sup> *Watts R.* Federalism Today, the background paper written for the International Conference on Federalism 2002, Saint Gallen, Switzerland, August 2002. // <http://www.forumfed.org/federalism/introduction-to-federalism/>.

<sup>2</sup> *Kincaid J.* Handbook of Federal Countries: 2002, Introduction, Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. // <http://www.forumfed.org/federalism/introduction-to-federalism/>.

<sup>3</sup> *Гришин О.Е.* Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 1924.

<sup>4</sup> *Глигич-Золотарева М.В., Добрынин Н.М.* Федеративное государство и самоорганизация // Федерализм. 2007. № 1. С. 5–28.

в рамках когнитивного, поведенческого и аффективного компонентов структуры личности политиков. Именно эти характеристики легли в основу исследования личностей губернаторов. Так, автором были изучены мотивы, стиль принятия политических решений, стиль межличностных отношений, Я-концепция, самооценка, политические ценности губернаторов.

Для проведения исследования автором были отобраны шесть кейсов — личностей губернаторов: экс-губернаторы Белгородской области Евгений Савченко, области Сергей Морозов, Калужской области Анатолий Артамонов. Экс-губернаторы по-прежнему остаются объектами эмпирического анализа ввиду их незаурядных личностей и наличия определенных качеств, позволивших им возглавлять российские регионы на протяжении длительного периода времени. Среди «новичков» были рассмотрены кейсы: губернаторов Челябинской области Алексея Текслера, Калининградской области Антона Алиханова, главы Республики Саха (Якутия) Айсена Николаева.

В исследовании был использован принцип симбиоза качественных и количественных методов анализа (Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнева). С помощью методов контент-анализа, анализа вторичных и биографических данных, экспертных оценок, наблюдения удалось изучить КАП-профили губернаторов (термин введен И.И. Рогозарь) и прийти к определенным выводам.

Если губернаторы-«старожилы» ориентированы на достижение сотрудничества и взаимовыгоды, то «новички» демонстрируют низкий процент по мотиву аффилиации, что отражается на выстраивании коммуникации с местным населением. Для них также характерны прагматичность и функциональность. Вместе с тем им не хватает уникальности как в своем собственном имидже, так и с учетом специфики региона, что с избытком присутствует у «старожил».

Губернаторы «новой волны» стараются проявлять чувство эмпатии, демонстрируя свою заботу о гражданах, что является в некоторой степени компенсаторной моделью, ведь, как показало исследование, по своим политическим представлениям о власти «новички» ориентированы скорее не на запрос населения, а на запрос федерального центра.

Граждане, как правило, более доверительно относятся к «своему» человеку, которым является губернатор-«старожил», а чуждые гражданам «варяги», некоторыми из которых являются губернаторы-«новички», не вызывают позитивных чувств и эмоций, несмотря на то что федеральная власть старается «предлагать» такие кандидатуры, у которых хоть какая-то пусть и опосредованная связь с регионом, но присутствует.

Необходимо отметить и выявленный тренд на соблюдение рабочей дистанции, соблюдение формальных правил губернаторами «новой волны», что значительно может отдалять их не только от их рабочего состава, но и от обычных граждан.

«Новички» пока слабо могут реагировать на стресс, для них скорее подходит психологическая форма «Замри!», в то время как для «старожил» скорее характерна манера поведения «Бей!», так как они принимают стресс в виде чрезвычайной ситуации в регионе как вызов (бегство в данном случае обозначает избегание для себя неприятных ситуаций). Исходя из этого можно предположить, что со временем губернаторы «нового поколения», набирая определенный опыт, становятся более устойчивыми к нестандартным ситуациям.

Однако констатировать наверняка, как будет развиваться дальше институт губернаторства в России, пока невозможно, ведь страну ждут выборы Президента РФ, от которого во многом зависит и дальнейшая политика в отношении глав регионов.

*Матюхова Е.И.*

*(ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Москва)*

## **ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНИМАНИЯ ФЕНОМЕНА ИНТЕГРАЦИИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ**

Германия, будучи стабильным государством и тем самым обладая мощной притягательной силой, в течение многих лет показывает себя в качестве одного из основных направлений движения иммигрантов из многих стран мира. Подобный значительный практический опыт способствует формированию уникальной интеграционной политики ФРГ, представленной широким рядом мероприятий и программ, призванных помочь новоприбывшим гармонично включиться в общество. На протяжении долгого времени политика интеграции мигрантов в Германии оценивалась различными международными рейтинговыми исследованиями как одна из самых успешных в мире. Однако в 2021 г., согласно Индексу политики интеграции мигрантов (MIPEX), ФРГ больше не входит в десятку мировых лидеров с наиболее инклюзивным и всеобъемлющим подходом к интеграции мигрантов в принимающее общество<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Germany // Migrant Integration Policy Index (MIPEX). URL: <https://www.mipex.eu/germany> (accessed: 20.05.2021).

Германия осознает важность и необходимость учитывать изменения, происходящие в современном мире под влиянием глобализации, а также ускоренной дифференциации и плюрализации обществ. В современном поликультурном обществе с развитой экономикой необходимо постоянно развивать и улучшать интеграционные инструменты и практики. Для оценки и совершенствования государственной политики интеграции мигрантов федеральное правительство в 2019 г. приняло решение создать независимую экспертную комиссию по рамочным условиям интеграции, состоящей из 25 экспертов из различных областей знания и деятельности, результатом двухлетней работы которых стало формирование нового понимания феномена интеграции мигрантов.

Работа комиссии преимущественно была посвящена вопросу нового, адекватного современным реалиям, понимания интеграции в Германии, основными элементами которого определены следующие ключевые компоненты: принятие иммиграции как неотъемлемой части нынешнего немецкого общества и признание ФРГ иммиграционной страной со своей собственной спецификой, отличной от подобных классических стран; отделение понятия интеграции от миграции как таковой и связь первой с обществом в целом, поскольку в открытых плюралистических обществах, где социальная сплоченность в противовес тенденции к социальному разделению, политической поляризации и борьбе за культурную идентичность приобретает все большую значимость и, таким образом, интеграция касается абсолютно всех; формирование культурно разделенным обществом собственного представления о том, что такое быть немцем; пересмотр прежней политики памяти с учетом усиливающегося культурного разнообразия немецкого общества в контексте глобальной истории и, прежде всего, истории Новейшего времени; большее внимание интегрирующей силе, присущей Основному закону страны, который может стать платформой для социального самопонимания и политической интеграции; развитие образовательных технологий на принципах укрепления демократии, противодействия социальной поляризации и экстремизму; важность использования более деликатных формулировок в публичном дискурсе и тем самым тщательная работа с терминами и концепциями: несмотря на очевидную невозможность выработать универсальную терминологию, предлагается больше не говорить о «людях с миграционным прошлым», а скорее об «иммигрантах и их (прямых) потомках»<sup>1</sup>.

Таким образом, можно констатировать, что Германия все еще считает иммиграционную политику важной составляющей своего развития, что обусловило ее стремление постоянно развиваться в этой области. Поскольку старая парадигма интеграции мигрантов в принимающее общество себя изжила, в следующие несколько лет можно наблюдать сдвиг в иммиграционной политике Германии, основным направлением которой станет восприятие интеграции как инструмента социального сплочения культурно неоднородного общества.

**Мелкоян Л.А.**  
(РУДН, Москва)

## **ОПЫТ ЯПОНИИ В БОРЬБЕ С COVID-19: ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ**

**И**сследование японского опыта борьбы с коронавирусной инфекцией демонстрирует, во-первых, высокий уровень эффективности мер в сфере здравоохранения на государственном, региональном, локальном, а также личностном уровнях, о чем свидетельствуют достаточно низкие темпы распространения COVID-19 в Японии с начала пандемии по сравнению с другими государствами мира<sup>2</sup>. Во-вторых, японские граждане в большинстве доверяли и доверяют правительству и продолжают следовать рекомендациям властей не по принуждению, а добровольно<sup>3</sup>.

Принятый в период пандемии «Закон о профилактике инфекционных заболеваний» содержит положения, обеспечивающие прозрачность информации по управлению кризисными ситуациями в области общественного здравоохранения, означая, что национальные и местные органы власти обязаны предоставлять населению достоверную статистическую и аналитическую информацию об инфекционных заболеваниях, общих тенденциях и эпидемиологической обстановке в стране<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Gemeinsam die Einwanderungsgesellschaft gestalten // Bericht der Fachkommission der Bundesregierung zu den Rahmenbedingungen der Integrationsfähigkeit. URL: <https://www.fachkommission-integrationsfaehigkeit.de/resource/blob/1786706/1880170/5a5d62f9636b87f10fd0e271ba326471/bericht-de-artikel-data.pdf?download=1> (accessed: 20.05.2021).

<sup>2</sup> Infectious Agents Surveillance Report. National Institute of Infectious Diseases. URL: <https://www.niid.go.jp/niid/images/iasr/2020/5/483p04t03.gif>. (на японском).

<sup>3</sup> Muto K., Yamamoto I., Nagasu M., Tanaka M., Wada K. Japanese citizens' behavioral changes and preparedness against COVID-19: How effective is Japan's approach of self-restraint? 2020.

<sup>4</sup> Infectious Diseases Prevention Act art. 3, para. 1 & art. 16, para. 1. URL: [https://www.loc.gov/law/help/health-emergencies/japan.php#\\_ftn103](https://www.loc.gov/law/help/health-emergencies/japan.php#_ftn103).

Государственная стратегия, направленная на борьбу с пандемией, включает в себя широкий комплекс мер. Так, на борьбу с коронавирусом правительство Японии выделяет около 20% ВВП страны, оказывает многостороннюю поддержку малому и среднему бизнесу и населению в целом. Отдельные субсидии выделяются на увеличение и развитие медицинского оборудования, производство новых технологий (аппараты ИВЛ на 3D-принтере<sup>1</sup>), препаратов, в связи с чем японские власти особое внимание уделяют разработке и созданию препаратов для лечения COVID-19. Токио стремится к международному признанию своих препаратов, и прямым путем для реализации этих стремлений являются международное сотрудничество и обмен опытом.

Пандемия не обошла стороной сферу производства, негативно повлияв на производственный потенциал японского государства: в начале распространения коронавирусной инфекции был замедлен мировой спрос, обусловленный нехваткой сырья и сбоями в цепочках поставок (в частности, из КНР). Вирус внес определенные корректировки в деятельность фармацевтических компаний в Японии. С одной стороны, они вынуждены были частично приостановить производство в связи с ограничительными мерами, с другой стороны, некоторые японские фармацевтические компании продолжали работу, уделив особенное внимание разработке лекарств против COVID-19<sup>2</sup>.

Так, несмотря на определенные вызовы, Япония продолжала и продолжает оказывать гуманитарную помощь другим странам, таким как Мьянма, Вьетнам, Иран, Казахстан<sup>3</sup>, поскольку гуманитарная помощь во внешнеполитическом векторе и приоритетах Токио рассматривается как мощный элемент политики «мягкой силы» и продвижения политических и экономических интересов Японии, одним из инструментов реализации которой стали поставки противовирусного препарата для борьбы с COVID-19.

Мельникова Ю.Ю.

(Российский совет по международным делам, Москва)

## **ВОСПРИЯТИЕ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ УВЕЛИЧЕНИЯ ЗНАЧИМОСТИ КИТАЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ПРИМЕР ИНИЦИАТИВЫ ПОЯСА И ПУТИ**

**В**нимание исследователей сегодня сосредоточено на Китае: почти любые его действия рассматриваются как несущие системное значение. На этом фоне несколько стороной обходят отношения Китая и Европейского союза, развитие которых отражает противоречивость роста роли КНР в мировой политике. Тем временем они заслуживают внимания как по объективным, так и по концептуальным причинам.

Во-первых, между ЕС и КНР существует экономическая взаимозависимость: с 2020 г. Китай стал первым торговым партнером Европы, в то время как ЕС еще с 2004 г. обладает этим статусом для КНР. С 2001 г. с небольшим перерывом на 2011–2016 гг. торговый оборот растет<sup>4</sup>. Во-вторых, с 2012 г. внешняя политика КНР стала более проактивной, и Европа как финальная точка двух из шести наземных и морского маршрутов китайской Инициативы пояса и пути (ИПП) испытывает ее непосредственное влияние. В этом контексте взаимодействие двух крупнейших экономик в меняющемся мире имеет кооперационный потенциал. В-третьих, если подъем Китая и развитие проектов ИПП, 16+1 и сообщества единой судьбы человечества рассматривать как контрнарратив для либерального мирового порядка, то это касается не только США как его лидера, но и ЕС. Размывание трансатлантической солидарности на китайском треке создает конфронтационный потенциал для отношений Брюсселя и Пекина<sup>5</sup>.

Наличие кооперационных и конфронтационных тенденций осложняет выработку стратегии ЕС на китайском направлении. Дополнительную трудность представляет расхождение экономических интересов государств-членов и политических интересов союза в целом. Как следствие, развитие двусто-

<sup>1</sup> Hajime Inoue. Japanese strategy to COVID-19: How does it work? // *Global Health & Medicine*. 2020; 2(2):131–132; *Global Health & Medicine*. 2020; 2(2):131–132.

<sup>2</sup> Impact of COVID-19 on Japan Economy, Deviation & Trends Analysis Report, Segmentation and Forecast 2019–2025. Orion Market Research. URL: <https://www.omrglobal.com/about-omr>.

<sup>3</sup> The Japan International Cooperation Agency is advancing its activities around the pillars of a field-oriented approach, human security, and enhanced effectiveness, efficiency, and speed. JICA. URL: <https://www.jica.go.jp/english/about/index.html>.

<sup>4</sup> Garcia-Herrero A., Kwok K.C. [et.al.]. EU-China Economic Relations to 2025: Building a Common Future // *A Joint Report by Bruegel, Chatham House, China Center for International Economic Exchanges and The Chinese University of Hong Kong, L., The Royal Institute of International Affairs*. 2017. URL: [https://www.bruegel.org/wp-content/uploads/2017/09/CHHJ5627\\_China\\_EU\\_Report\\_170913\\_WEB.pdf](https://www.bruegel.org/wp-content/uploads/2017/09/CHHJ5627_China_EU_Report_170913_WEB.pdf).

<sup>5</sup> Godefment F. China's Relations with Europe / In *China and the World* ed. by D. Shambaugh. Oxford University Press, 2020. P. 251–270.



ронных отношений отличает смена прорывов и откатов, и ярким примером является секьюритизация повестки в отношении ИПП.

Изначально интересы Китая и ЕС совпадали: аналогом ИПП в Европе была Трансевропейская транспортная сеть. Это привело к созданию в 2015 г. двусторонней Платформы региональной связанности. Китайские инвестиции в Европу стремительно росли: если до 2010 г. их объем составлял около 2,5 млрд долл. в год, в 2014–2015 гг. этот показатель достиг 21 млрд долл, а в 2016 г. — 42 млрд долл.<sup>1</sup>

Однако в дальнейшем сотрудничество под эгидой ИПП развивалось не по линии Пекин–Брюссель, а на двусторонней основе между Пекином и его партнерами из стран Центральной и Восточной Европы — членом формата 16/7+1. Практические результаты этого сотрудничества не впечатляют: единичные проекты согласованы только с Грецией, Венгрией, Польшей, Болгарией и Хорватией, и ни один из них не находится на финальной стадии. Наиболее заметны приобретение порта Пирей (Греция) и строительство ж/д магистрали Белград–Будапешт. Товарооборот КНР и стран 16+1 вырос, но торговый баланс остается отрицательным для Европы, а доля инвестиций по ИПП составляет всего 1–3% для экономик стран-участниц<sup>2</sup>.

Тем не менее с 2017 г. сотрудничество стало вызывать активную критику Брюсселя, постепенно переросшую в политическое давление и успешные попытки унифицировать и ужесточить внутреннее законодательство<sup>3</sup>. В результате постепенно была заморожена Платформа региональной связанности, выработан единый Механизм проверки иностранных инвестиций, остановлена ратификация Всеобъемлющего инвестиционного соглашения. Иск в отношении Венгрии затормозил процесс строительства ж/д Белград–Будапешт, Италия приостановила свое участие в ИПП, а Литва покинула формат 17 (на тот момент) +1.

Как представляется, вышеперечисленное свидетельствует об усилении политической мотивации в политике Европейского союза, не только потому, что Брюссель испытывает давление со стороны Вашингтона, но и потому, что нуждается в укреплении собственного единства в условиях системных изменений в мировой политике. Это оказывает и окажет сдерживающий эффект на развитие китайских проектов.

**Мещеряков Д.Ю.**  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **ХАРАКТЕРИСТИКА ЭЛЕКТОРАТА ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ»**

Для понимания факторов успеха правопопулистских партий в современной Европе важную роль играет изучение электоральных групп, поддерживающих их. Несмотря на имеющее место в политической науке дискуссии о том, что единый «популистский избиратель» не существует<sup>4</sup>, и то, что каждый из случаев успеха в отдельно взятой стране обусловлен уникальным сочетанием определенных факторов, ряд общих тенденций выделить возможно. Так, политолог К. Арцхаймер, проанализировав исследования на данную тему, приходит к выводу о существовании социальных групп, которые с большей вероятностью склонны голосовать за правых популистов: рабочие, безработные и лица без высшего образования, а также молодые избиратели и мужчины<sup>5</sup>. Отдельные исследователи также указывают на «гендерный разрыв» внутри поддерживающих правых популистов групп<sup>6</sup>. В частности, приводятся данные, согласно которым соотношение женщин и мужчин среди избирателей данных политических сил составляет один к двум<sup>7</sup>.

Приведенные тезисы о наличии определенных групп поддержки правопопулистских партий будут проверены и проиллюстрированы на примере партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) и ее наи-

<sup>1</sup> *Garcia-Herrero A., Kwok K.C.* [et.al.]. Op. cit.

<sup>2</sup> *Bieliński T., Markiewicz M., Oziewicz E.* Do Central and Eastern Europe Countries Play a Role in the Belt and Road Initiative? The Case of Chinese OFDI into the CEE–16 Countries // *Comparative Economic Research*. Central and Eastern Europe. Vol. 22 (2). 2019. URL: <https://doi.org/10.2478/cer-2019-0009>.

<sup>3</sup> *Brattberg E., Soula E.* Europe's Emerging Approach to China's Belt and Road Initiative // *Carnegie Endowment for International Peace*. 19.10.2018. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/10/19/europe-s-emerging-approach-to-china-s-belt-and-road-initiative-pub-77536>.

<sup>4</sup> *Rooduijn M.* What unites the voter bases of populist parties? Comparing the electorates of 15 populist parties // *European Political Science Review*. 2018. Vol. 10. No. 3. P. 364–365.

<sup>5</sup> *Arzheimer K.* Electoral Sociology—who Votes for the Extreme Right and Why — and When? // *Mudde C.* (Ed.) *The Populist Radical Right: A Reader*. — Abingdon, Oxon; N.Y.: Routledge, 2017. P. 285–287.

<sup>6</sup> *Mudde C.* Conclusion: Studying Populist Radical Right Parties and Politics in the 21st Century // *Mudde C.* (Ed.) *The Populist Radical Right: A Reader*. Abingdon, Oxon; N.Y.: Routledge, 2017. P. 614.

<sup>7</sup> *Givens T.E.* The Radical Right Gender Gap // *Mudde C.* (Ed.) *The Populist Radical Right: A Reader*. Abingdon, Oxon; N.Y.: Routledge, 2017. P. 291.

более успешной кампании на выборах в бундестаг 2017 г. Согласно статистическим данным, в 2017 г. за нее более охотно голосовали мужчины (16%; для сравнения — среди женщин партию поддержали 9%)<sup>1</sup>. Также за АдГ активно отдавали голоса представители среднего возраста (16% в группе от 30 до 44 лет и 15% в группе от 45 до 59 лет), а также избиратели без высшего образования (с полным средним образованием — 17%, а также 14% с основным средним образованием; при этом примечательно, что лишь 7% избирателей АдГ имели законченное высшее образование)<sup>2</sup>. Среди наиболее многочисленных профессиональных групп, поддержавших партию, в наибольшей степени выделяются рабочие<sup>3</sup> (в 2017 г. — 21%). Помимо этого, АдГ наиболее активно поддержали представители следующих групп: 12% — служащие, 10% — чиновники, 12% — самозанятые и индивидуальные предприниматели; особо примечательным является то, что за АдГ отдали свои голоса 21% безработных<sup>4</sup>. Интересной деталью является и то, что среди электората АдГ есть определенная доля полицейских, а также военных, причем 13% всех депутатов от «Альтернативы» вышли из военной среды<sup>5</sup>.

Таким образом, анализ электората «Альтернативы для Германии» во многом подтверждает тезис о существовании определенных групп, склонных поддерживать правопопулистские партии в европейских странах, к которым в первую очередь относятся рабочие, безработные, лица без высшего образования, а также мужчины.

Мизулин М.Ю.  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## ПОЛИТИКА И ПРАВО: НЕОБХОДИМОСТЬ ДОКТРИНАЛЬНОЙ ПЕРЕЗАГРУЗКИ

С момента вступления в силу всех норм Конституции Российской Федерации с изменениями, внесенными на общероссийском голосовании 2020 г., «сбит концептуальный прицел» толкования и интерпретации правовых и законодательных норм, применяемых в правовой и юридической среде.

Доктринальный подход Конституции РФ 1993 г., построенный на верховенстве международного права (ст. 15, ч. 4), блокирован нормами ст. 79 действующей Конституции РФ (в ред. Закона РФ от 14.03.2020 №1-ФКЗ), предписывающих, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Возникает вопрос: каков феноменальный статус такого явления, как «международные договоры РФ в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации?». Из какой концептуальной позиции и собственно «кто» будет осуществлять данное истолкование?

С нашей точки зрения, конвенциональным и юридически безупречным может быть только доктринальное толкование, т.е. толкование, построенное на конкретной, разработанной и принятой доктрине права.

«Возникновение догматики предполагает определенный уровень организации системы права, а именно — возможность выносить обязывающие решения относительно вопросов права. Если эта возможность имеется, то внутри правовой системы укореняется господствующая форма постановки проблем и принятия решений. С этого момента проблема уже не сводится только к отношению между нормативным ожиданием и фактическим поведением, а главным образом — к отношению между нормой как предпосылкой решения и решением»<sup>6</sup>.

Таким образом, опираясь на методологию права и права в обществе Н. Лумана, стоит прийти к умозаключению, что вопрос разработки и реализации современной доктрины права лежит как в плоскости теоретической, так и в плоскости практической. В зависимости от его решения или нерешения можно говорить о системности или несистемности действующей инфраструктуры права.

<sup>1</sup> Kolb M. Sechs Grafiken, die den Erfolg der AfD erklären // Süddeutsche Zeitung. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/afd-bei-bundestagswahl-sechs-grafiken-die-den-erfolg-der-afd-erklaren-1.3681714> (accessed: 25.04.2020).

<sup>2</sup> Ibid.

<sup>3</sup> Pfahl-Traugher A. Wer wählt warum die AfD? // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtspopulismus/248916/wer-waehlt-warum-die-afd> (accessed: 25.04.2020).

<sup>4</sup> Umfragen zur AfD — Bundestagswahl 2017 // Tagesschau [Electronic resource]. URL: <https://wahl.tagesschau.de/wahlen/2017-09-24-BT-DE/umfrage-afd.shtml> (accessed: 25.04.2020).

<sup>5</sup> Amann M., Bartsch M., Berg S., Friedmann J., Großbongardt A., Gude H., Gutensohn D., Knobbe M., Medick V., Meyer zu Eppendorf K., Pfister R., Polonyi M., Schmid F., Ulrich A., Wiedmann-Schmidt W., Winter S. Radikale Mitte // Der Spiegel. 2018. No. 37. S. 13.

<sup>6</sup> Луман Н. Система права и правовая догматика // Правовая мысль XX века: Сб. обзоров и рефератов / РАН, ИНИОН; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2002. С. 90.

В этой связи необходимо, как минимум, провести ревизию понятий «толкование» и «истолкование», понять природу термина «истолкование», используемого в тексте действующей редакции Конституции РФ.

Для нас очевидно, что современная доктрина права при ее разработке и утверждении:

- первоначально будет находиться в политическом пространстве (политической плоскости);
- в чисто юридическом дискурсе она появиться не может, тем более не сможет быть утверждена и легализована;
- в юридическом дискурсе доктрина права может носить не реальный, а гипотетический и метафизический статус, что не умаляет значения ее разработки и в этом пространстве;
- современная доктрина права в случае ее разработки и презентации обществу становится действующим источником права и исходной точкой толкования/истолкования права;
- все иные подходы и процедуры недоктринального истолкования/толкования права признаются нелегальными и не подлежащими включению в национальный политико-правовой дискурс;
- отсутствие и промедление разработки доктрины современного права будут представлять собой источник правовой неопределенности (противоречивости законодательных норм и правоприменительной практики) и масштабной конфликтогенности общества;
- в ситуации правовой неопределенности методологии правовой доктрины истолкования/толкования права сохраняется высокая вероятность «псевдо» или «квази» политизации права, правовых институтов, правовых, законодательных процедур и правоприменительной практики с необходимостью воспроизводящих правовой нигилизм, коррупцию, произвол и насилие, беззаконие, эрозию правового поля в целом.

Логично предположить, что следующими шагами рассуждений автора становятся:

- ответ на вопрос о том, где, когда и с каким социальным эффектом принимались и применялись доктрины права;
- политическая и феноменологическая интерпретация таких явлений, как «толкование» и «истолкование» права;
- определение и создание дорожной карты действий по разработке и воплощению в России современной доктрины права.

Важно при этом понимать, что реализация такого проекта потребует создания в параллельном режиме и новой политической картины мира.

Милованова М.Ю.  
(РГГУ, Москва)

## ЖЕНСКОЕ УЧАСТИЕ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: ДИХОТОМИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО

Публичная политика ярко отражает глубокие социальные трансформации, проявлением которых становится новый гендерный порядок<sup>1</sup>, общим дискурсом которого в XX в. стал «женский вопрос» и усиление влиятельности женщин, а в XXI в. — столетии глобального феминизма — понимание и объяснение причин, почему «феминизм равенства» не обеспечил «равенства возможностей»<sup>2</sup>. Тема актуализируется текущим годом как этапом нового федерального избирательного цикла. Понятийно разделим *политику* («*politics*») как конкуренцию и борьбу за власть, приоритетное решение «сверху» над мнением общества и *публичную политику* («*policy*») как процесс и процедуры легитимизации, пространство формирования общественного мнения, пересечения, взаимодействия, конфликта частных интересов, общественного контроля как условия реализации общественных интересов и прогрессивного развития (по Ю. Хабермасу).

Женщины в России составляют 54% от населения страны, по мнению гендерологов<sup>3</sup>, демографов и социологов<sup>4</sup>, это основной социальный и электоральный ресурс<sup>5</sup>. Социальное и политическое

<sup>1</sup> Силласте Г.Г. Социальные трансзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–16.

<sup>2</sup> Милованова М.Ю. Гендерные ресурсы и формирование нового гендерного порядка в XXI веке: Колл. монография. М.: НИИ ЮФО, 2020. — 187 с.

<sup>3</sup> Силласте Г.Г. Указ. соч.

<sup>4</sup> Кочкина Е.В. Российский электорат: демографический разрыв как политический ресурс гендерной сегментации // Женщина в российском обществе. 2006. № 3. С. 47–60.

<sup>5</sup> Айвазова С.Г.; Пушкарева Н.Л., Пушкарева И.М., Козлова Н.Н., Рябова, Т.Б., Великая Н.М., Овчарова О.Г.; Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н., Кранзеева Е.А.

в современной повестке женского участия рассматривается сквозь призму политического интереса. По данным национального онлайн-опроса в Испании, любопытны выводы интернациональной команды исследователей: когда женщин побуждают думать о политике, они игнорируют свои собственные специфические политические интересы и вместо этого сосредотачиваются на доминирующем, ориентированном на мужчин понимании политики<sup>1</sup>. Эта гипотеза заставляет вспомнить концепцию «спирали молчания» (*the spiral of silence*) Э. Ноэль–Нойман в гендерном фокусе<sup>2</sup>. Работает ли данный механизм в российском, высоко эмансипированном обществе, с явной гендерной асимметрией в политике и активном включении в публичную политику? Гендерный диспарат в российской политике стабилен, «высшие» должности занимают лишь 23,3% женщин, а 76,7% заняты мужчинами, в составе действующего Правительства РФ — 3 женщины, в Государственной Думе VII созыва 72 женщины (16,3%), среди сенаторов 33 женщины (17,6%), а значит, целевой показатель критической массы в 30%, считающийся необходимым для обеспечения полноценного участия женщин в политике, не достигнут<sup>3</sup>. Авторское эмпирическое социологическое исследование носит разведывательный и прикладной, трендовый характер<sup>4</sup>, а исследовательская авторская стратегия подкреплена анкетным онлайн-опросом с целью выявить закономерности между деятельностью женских общественных объединений, отношение к возможному созданию объединенной женской партии, отношение к кандидате в Президенты РФ. Итак, в реестре ЕЖС зарегистрировано более 2,5 тыс. женских организаций от 85 субъектов РФ, в перечне Минюста РФ 3447 женских НКО<sup>5</sup>. В России зарегистрировано 36 политических партий<sup>6</sup>, все 36 партий имеют право участвовать в выборах, из них нет ни одной женской<sup>7</sup>. Уровень поддержки политических партий, движений стабильно остается на низком уровне, есть явная динамика роста не поддерживающих никакую партию до 46% и 12% затруднившихся, сумма в 58% возможно аполитичных или потенциально протестных настроений<sup>8</sup>. Нами получены результаты: 61,8% опрошенных не знакомы с деятельностью женских НКО местного, регионального, федерального уровней; около половины опрошенных (47,5%) считают создание объединенной женской партии для участия в выборах перспективным; 66,7% указали, что в случае участия в выборах женщины-кандидата наиболее успешной и результативной для нее станет программа с комплексным подходом, где будут учтены экономические, социальные и политические задачи, но почти треть опрошенных (27,7%) назвали более успешной программу социальной направленности. Это вполне ожидаемо: в данный момент именно социальные проблемы контрастнее всего отражаются на повседневной жизни общества. По данным ВЦИОМ, выявлено свойственное женщинам лучшее понимание социальных проблем и хозяйственность (11%), как положительные черты женщин-политиков; 72,3% готовы проголосовать за достойную женщину-кандидата на пост Президента РФ. Соотнесем с данными Левада-центр<sup>9</sup>: 11% за «Определенно да», 22% за «Скорее да», 31% за «Скорее нет», 23% за «Определенно нет» и 13% затруднились ответить.

Различные формальные и неформальные женские общественно-политические объединения — одна из малочисленных форм женских НКО, но одновременно активных и действенных среди форм вовлечения женщин в публичную политику. Женское участие остается на периферии политики, но в публичной политике дает возможность артикулировать интересы женщин, возводя их в статус общественного запроса, выхода новой женской повестки в публичное пространство. Деятельность «старых» женских общественных организаций сопровождается нарастанием значимости и влияния

<sup>1</sup> Феррин М., Фрейл М., Гарсия-Альбасете Г.М., Гómez R. Гендерный разрыв в политических интересах вновь рассматривается в международном обзоре политической науки // The International Political Science Review (IPSR) — журнал Международной ассоциации политических наук. <https://journals.sagepub.com/toc/ipsr/41/4> (дата обращения: 03.04.2021).

<sup>2</sup> Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Пер. с нем.; общ. ред. и предисл. Н.С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия. Весь Мир, 1996.

<sup>3</sup> Повышение роли и расширение участия женщин в политических процессах: аналитический обзор и рекомендации для стран Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств // Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ. 2010. URL: [https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/women\\_polit\\_participation.pdf](https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/women_polit_participation.pdf) (дата обращения: 03.06.2021).

<sup>4</sup> Милованова М.Ю. Социальные ресурсы гендерных общностей в предпринимательстве // Гендерные ресурсы и формирование нового гендерного порядка в XXI веке: Колл. монография. М., 2020. С. 90–97; Женское предпринимательство в сельской местности: источники развития, поддержка семейного предпринимательства (По материалам круглого стола, Государственная Дума ФС РФ, 10 февраля 2020 г.) печ., электр. // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 27–36.

<sup>5</sup> Реестр организаций Евразийского женского сообщества. URL: <https://eawf.ru/registry/> (дата обращения: 28.04.2021).

<sup>6</sup> Список зарегистрированных политических партий // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/> (дата обращения: 26.02.2021).

<sup>7</sup> Попова О.В. Гендерные партии в современной России: проблемы и перспективы // Политическая наука. 2015. № 1. С. 191–194.

<sup>8</sup> Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года: [монография] / М.: 2020. — 64 с.

<sup>9</sup> «Женский день» и права // Левада-центр. 2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/03/03/zhenskij-den-i-prava/> (дата обращения: 25.05.2021).

новых социальных движений и медиа<sup>1</sup>. Наблюдается лоббирование нового качественного состояния «женского протеста» в России, оно исходит от оппозиционных политиков об альтернативной повестке с упором на «оптимистичный и позитивный взгляд, солидарность, коалиционность»<sup>2</sup>. Субъектность женского участия в общественно-политических процессах при достижении политических прав в ходе революционно-демократических преобразований была чрезвычайно важна<sup>3</sup>, но при действующем политическом режиме и «консервативном развороте» в пользу социально-культурных патриархальных традиций и стереотипов их ресурсы и агентность слабы.

Мирзаджанов Т.Э.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **КОНФЛИКТ И РАДИКАЛЬНАЯ ДОГМАТИЗАЦИЯ ПРОТИВ ПЛЮРАЛИЗМА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ. ПОЛЬСКИЙ ПРИМЕР ПРАВЛЕНИЯ АВТОРИТАРНОГО ПОПУЛИЗМА**

**П**роблемой для польской политики является то, что политическая борьба воплощает не определение того, кто будет заниматься политическим управлением, а того, кто будет формировать идейно-нравственный облик страны и какой концепт морально-политической общности утвердится. Политика перешла от вопроса «кто лучше сможет править» к вопросу «кто имеет моральное право править».

Современный этап формировал не только иную политическую систему, но и новое европейское общество, выбиравшее различные докоммунистические нормы и ценности. Политика не только занималась госрегулированием, но и определяла, какая модель общественной формации установится, какие морально-этические представления об обществе станут доминирующими и какие идентичности победят. Установился перманентный примат метаполитических проблем самоопределения над каждодневной управленческо-административной политикой. В связи с этим политика стала более конфликтной, непримиримой.

Каждый политический лагерь представлял свое видение подобного самоопределения и нового порядка. И вслед вставал вопрос о порядочности и нравственности самих лагерей. Невозможность консолидации из-за обвинений в непорядочности привела партийную систему к постоянным расколам, антагонизмам и противопоставлениям «своих» и «чужих», «правильных» и «неправильных» поляков.

В конце нулевых — начале 2010-х казалось, что эта деструктивная конфликтность скоро закончится, но победа «Права и Справедливости» (ПиС) в 2015 г., и особенно в 2019 г., показала, что она стала основой внутренней и даже внешней политики. Обострение конфликтов и излишняя политизация государственной и социальной жизни — частично результат, наоборот, замалчивания предыдущими правительствами социальных конфликтов. Они избегали болезненных вопросов политического самоопределения и отношения к прошлому.

ПиС активно борется за «правильную» интерпретацию прошлого. Она стремится искоренить любые упоминания военных преступлений, совершенных своими гражданами в годы Второй мировой войны.

ПиС политизировала историю, культуру и обычное госадминистрирование, превратив их в площадку для конфликтов и клеймя всех, кто против, — «ненастоящими» поляками, предателями, коррупционерами, сговорившимися с внешними врагами. ПиС враждует как с оппонентами, так и с самой политико-правовой системой, общественными массами, руководством ЕС. ПиС довольно успешно пытается подчинить Конституционный Суд и СМИ.

ПиС называет целью — защитить «простого человека» от произвола «олигархических элит». ПиС не признает коммунистические и посткоммунистические либеральные элиты легитимными, обвиняя их в дележе благ страны, предоставлении ресурсов иностранному капиталу, бедности.

ПиС оспаривает сам принцип либерального консенсуса и плюрализма. Эти нападки она подкрепляет недовольством польской практикой либеральной экономики. В цивилизационном аспекте ПиС позиционирует Польшу как защитника европейства и христианства от «экспансии» с Востока и «морального разложения» с Запада. ПиС называет себя единственным источником «польскости» и «польского пути». Популизм ПиС основывается на консервативном католическом традиционализме.

<sup>1</sup> *Кастельс М.* Власть коммуникации: Учеб. пособие. М.: ВШЭ, 2016. — 564 с.; Выбери женщину // Информационный портал женского освободительного движения. URL: <http://womention.org/vyberi-zhenschinu/> (дата обращения: 03.04.2021).

<sup>2</sup> Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4720407> (дата обращения: 26.05.2021).

<sup>3</sup> *Айвазова С.Г.* Российские выборы: гендерное прочтение. М.: Консорциум женских неправительственных объединений, 2008. С. 6–9.

ПиС стоит на позициях крайнего охранительства и защиты традиционной национальной нравственности. Она выступает против современных европейских ценностей, называя западноевропейскую политкорректность тиранической цензурой. По мнению ПиС, данные тенденции несовместимы с укладом польского общества, а также католицизмом. Их ПиС считает угрозой для нации и государства, а себя единственным спасителем от них.

В результате ПиС стремится полностью перестроить систему политического управления. Она трансформирует государственные институты из гарантов демократии в услужливые инструменты правящей партии. Так происходит догматизация, фундаментализация политики, ухудшение демократии.

ПиС монополизирует «истинно национальную польскую идентичность» и отказывает в ней всем, кто не поддерживает взгляды партии, называя их вырожденцами. Это ведет к редукции, уничтожению плюрализма внутрипольских идентичностей. Последовательно двигаясь в русле своей логики, ПиС заявляет, что любой истинный, «нормальный» поляк с верными взглядами всегда поддержит идеологию партии, следовательно, тем, кто ПиС не поддерживает, она отказывает в «нормальности» и «польскости», монополизируя эти понятия, уменьшая плюрализм мнений.

ПиС стремится охватить и привлечь всех, кто более-менее близок, и заклеить все альтернативные позиции, резко обрушиваясь даже на национал-популистскую оппозицию справа — «Кукиз'15» и «Корвин». Им в политику дорогу открыла как раз ординаризация националистического популизма, проводимая ПиС. Мелкие национал-популистские партии ПиС успешно кооптирует.

Радикализация политики ПиС окрашивает любого оппонента во врага Польши. Порожденная конфликтность приводит к доминированию принципа «победитель получает все».

*Мирошниченко И.В.  
(КубГУ, Краснодар)*

## **ПРОЕКТИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ: ОТ ОЖИДАНИЙ МОЛОДЕЖИ К ЭФФЕКТИВНЫМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ ПРАКТИКАМ<sup>1</sup>**

**О**пыт выработки и реализации молодежной политики в современной России, которая имела преимущественно дуальный характер (с одной стороны, ориентация институциональных мер поддержки на девиантную молодежь, с другой — на развитие лидерского потенциала молодежного сообщества и талантливой молодежи), привел к росту деструктивных практик и снижению ресурсов управляемости государства в молодежной среде. Существующие инновационные форматы работы с молодежью (форумные площадки, система грантовой поддержки молодежных инициатив, реализация проектов различной направленности, включая федеральный проект «Социальная активность», и др.) не принесли существенного результата в формировании конструктивной субъектной позиции молодежи в общероссийском масштабе.

Приоритеты государственных задач в сфере молодежной политики, закрепленные в 2020 г. в конституционной поправке (ч. 1 ст. 72 Конституции РФ) и Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», имеют рамочный характер и должны получить свое дальнейшее институциональное воплощение не только в правовом поле, но и в конкретных направлениях и практиках. В новом конституционном статусе государственная молодежная политика становится предметом совместного ведения федерального центра и субъектов РФ, которые должны в зависимости от специфики социальной профильности проживающей в регионе молодежи, а также социально-экономического, социально-политического и социокультурного контекста «наполнять» содержанием рамочные институциональные приоритеты, определяемые федеральным центром. Важно, что одним из ключевых положений, закрепленных в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», является понимание того, что российская молодежь является не однородной социально-демографической группой, а многосоставным и дифференцированным сообществом, с многоуровневой и многокомпонентной системой ожиданий, представлений и жизненных стратегий.

Современное проектирование молодежной политики на уровне субъектов РФ должно основываться на следующих ключевых параметрах:

- понимание молодежи с точки зрения дифференциации их социальных профилей (на основе результатов научных исследований);
- выстраивание и закрепление стратегических приоритетов в сфере молодежной политики на уровне федерального и регионального законодательства субъектов;

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ-опн № 21-011–31480 «Молодежная политика в российском регионе: представления и ожидания молодежи vs практики и технологии».

- обоснование и реализация адекватных представлениям и ожиданиям целевых группов молодежи технологий и форматов работы (таргетирование контента и технологий);
- формирование и развитие профессиональных и надпрофессиональных компетенций у всех участников, включенных в сферу молодежной политики.

В рамках научного проекта автором было проведено исследование, в рамках которого были выявлены и охарактеризованы на уровне эмпирических данных ожидания и представления молодежи, а также проведена оценка их соответствия институциональным практикам реализации молодежной политики на уровне Краснодарского края. Краснодарский край как исследовательский кейс интересен тем, что данный субъект РФ отличается своими геополитическими характеристиками, имеет высокие показатели социально-экономического развития, молодежь составляет практически одну треть от общей численности населения (27%) и является дифференцированной по целому комплексу критериев (территориально-поселенческим, социально-экономическим, социокультурным и другим параметрам).

Современная российская молодежь отличается принципиально новыми профильными характеристиками: рационализация и стереотипизация мышления, ориентация на освоение интеллектуальных технологий, персонализация и дестандартизация всех сторон жизни, подвижная основа идентификации с группой сообществом, набором ценностей постматериального общества (самовыражение и свобода, развитие личности, забота о качестве жизни). В практической деятельности молодежи данная специфика отражается в следующих практиках: активность в стратегиях «достижения» и «самовыражения»; использование «быстрых» социальных лифтов для самореализации и развития в различных сферах; приоритетность горизонтальных коммуникаций; участие в разовых публичных демонстрациях единства; нацеленность на символические коммуникативные практики взаимодействия; событийное участие, отраженное в медийном и цифровом форматах.

Полученные по результатам исследовательского проекта научные результаты позволили содержательно наполнить предложенный алгоритм проектирования региональной молодежной политики конкретными целевыми характеристиками, направлениями и технологиями деятельности, отвечающими потребностям и ожиданиям молодежи.

Мирясова О.А.  
(ФНИСЦ РАН, Москва)

## ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТА «ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Концепт гражданской ответственности слабо исследован современной политической наукой и недостаточно используется при анализе политических процессов. Изучение распространенности в обществе феномена гражданской ответственности в контексте политического участия позволяет оценить перспективы демократического развития и трансформации политических институтов.

Компоненты гражданской ответственности формируются и реализуются в определенной институциональной среде — совокупности правовых, политических, социальных и иных правил и структур, установок и устойчивых практик поведения. Чувство ответственности за происходящее в стране (базисом для которого является солидарность и эмпатия) в совокупности с эмпатизмом и владением практическими навыками участия в общественной и политической жизни являются необходимыми и достаточными условиями гражданского поведения. Институциональный контекст оказывает решающее влияние на формирование этих условий. Поскольку понятие «гражданственность» тесно связано с государством и его определяющей ролью в гарантиях прав и свобод граждан, респонденты отталкиваются от оценки своих возможностей при реализации «чувства ответственности» в контексте квази-авторитарного государства.

Одни респонденты говорят о гражданской ответственности как строгом следовании законам и нормам морали. Другие сводят гражданскую ответственность к ответственности за «близкий круг». («*Это в первую очередь, человек, который может сам за себя взять ответственность, близких, родных и за окружающих людей*»). Третьи отмечают, что в России нет равенства прав перед законом.

*«Я вообще, получается, ничего не вкладываю в гражданскую ответственность, вообще. Я либо человек, либо сосед, водитель, член какого-нибудь коллектива. Государство — нет. Мне как гражданину — нет. Я не вкладываю ничего. Я реально сейчас говорю. Я вот сейчас думаю, где мне вот посмотреть и сказать, что я гражданин России? Нету. У меня нет прав, ну, реально»* (мужчина, 44 года, предприниматель, Московская область).

*«Они открывают Росгвардию, с помощью государства пытаются все утилизировать, отобрать из частных рук, и если у людей постоянно все отнимают — право собственности, право на развитие, — то о какой ответственности перед государством с их стороны может идти речь? И я понимаю, что я могу*

оказаться в любой момент на их месте. Просто придут и заберут все, что у меня есть» (мужчина, 42 года, экономист, Москва)<sup>1</sup>.

По данным опроса (18+, ОСПИ ФНИСЦ РАН, июль 2019 г., 700 респондентов), 41% жителей России считают, что власть в России «ничто не может ограничить»; подавляющее меньшинство — 17% — полагают, что ограничителем являются «протесты граждан» и 15% — «общественное мнение».

В иерархии ценностей, которые имеют значение для опрошенного «как для гражданина России», первые места занимают демократические ценности: свободы, справедливости, прав человека. 56% опрошенных среди молодежи и 45% среди старших возрастных групп (31+) считают, что «граждане способны организовать сами для решения важных для них задач», что говорит о позитивной оценке объединений граждан как акторов. При этом возможности влияния на решения власти опрошенные оценивают пессимистично. 51% заявляет, что «таких возможностей нет», 35% — «таких возможностей мало» и только 6% — «такие возможности есть».

Институциональный контекст, в котором социализируются и действуют граждане, характеризуется разрывом между декларируемыми демократическими ценностями (в том числе важностью выборов для определения будущего страны) и реальным «прагматичным» устройством сферы «политического», в которой гражданам отводится роль статистов.

Структурные отношения господства отчуждают граждан от политики, что вызывает два типа реакции граждан: согласие со своей ролью и ограничение зоны ответственности близким кругом и проблематизация невозможности реализации себя в роли активного гражданина. В сложившихся условиях концепт «гражданской ответственности» может быть использован для выявления наиболее важных тенденций и противоречий в сфере политического, но требует операционализации и разработки системы индикаторов.

Митрахович С.П.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Фонд национальной энергетической безопасности, Москва)

## ИНТЕРЕСЫ ТЭК И ДВОЙСТВЕННОСТЬ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

**Т**ЭК как экономическая отрасль в очень большой степени зависит и от внутри-, и от внешнеполитического контекста своего функционирования. Поэтому для условий функционирования российских энергетических компаний, а также для работы в России или с Россией зарубежных энергетических компаний (и компаний смежных отраслей) крайне важна динамика отношений по линии Москва—Вашингтон. Дело в возможностях Америки как мировой сверхдержавы, которая на разных уровнях отношений выступает и как геополитический противник России, и как проводник санкций, и одновременно и как инвестор, и как торговый партнер, и как источник технологий, и в целом как важнейший контрагент.

Уместно вспомнить, что параллельно с многолетними попытками если не сменить, то хотя бы дестабилизировать политический режим в России США на уровне бизнеса продолжают активно присутствовать в России. Тот же российский ТЭК, несмотря на политику импортозамещения, до сих пор активно использует услуги американского нефтесервиса (*Schlumberger* и *Halliburton*) в работе со сложными месторождениями. Повсеместно применяется американский софт как для стандартных корпоративных целей (*Google*, *Apple*, *Microsoft*), так и специализированный отраслевой (*Oracle* и др.). В рамках СПГ-проекта НОВАТЭКа «Ямал СПГ» (по сути, одного из флагманских промышленных проектов в России в целом) для производства сжиженного газа использовано оборудование (главные криогенные теплообменники MCR) и технология сжижения газа американской компании *Air Products (AP-C3MRTM)*. Продолжают работать в России американские компании *Exxon*, *Boeing*, *Procter & Gamble* и т.д.

Россия является крупным поставщиком титана и обедненного урана в США для нужд аэрокосмической и атомной промышленности. Показательно, что сразу после того, как Украина 18 июня 2021 г. ввела санкции против главы «Ростеха» Сергея Чemezova (производитель титана ВСМПО «Ависма» входит в «Ростех») и против крупнейшего изготовителя комплектующих из титана для корпорации *Boeing* (находящейся в России компании *Ural Boeing Manufacturing*), американский Белый дом заморозил пакет военной помощи Украине на 100 млн долларов. Если это и совпадение, то очень символическое.

После того как Д. Трамп ввел санкции против венесуэльской нефтянки, Россия серьезно нарастила и поставки нефти и нефтепродуктов в США. Американские заводы стали испытывать дефицит в тяже-

<sup>1</sup> Фокус-группы и опрос проводились при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00724 «Гражданская ответственность, эмпауэрмент и вовлеченность как основания формирования и институционализации политических практик в России».



лых сортах нефти, компенсируя это поставками из РФ прежде всего темных нефтепродуктов, которые дальше перерабатываются американскими НПЗ. США активно экспортируют свои легкие малосернистые сорта, такие как *WTI*, *WTM*, суперлегкие *Bakken*, *Eagle Ford* и *WTL*. Но сами американские заводы предпочитают более маргинальную переработку тяжелых сортов или темных нефтепродуктов.

Двойственное отношение к Америке как к источнику практически экзистенциальных угроз и постоянной «подрывной политики» в отношении России, но одновременно как к контрагенту, с которым все же есть желание наладить коммуникацию и общий бизнес, остается фундаментальной чертой российской внешней политики. Многим фигурам в российском руководстве было бы куда удобнее жить в мире, где США остаются глобальным лидером, но при этом признают Россию и ее элиту, соглашаясь видеть ее хотя бы миноритарным партнером на приемлемых условиях. Жить же в мире, где лидером является Китай, для значительной части российской номенклатуры было бы неудобно (нет гарантий сохранения уже достигнутых уровней благосостояния и безопасности для элиты). При этом нет гарантий способности России выдерживать долговременную «осаду» (экономическую войну) со стороны США и их ближайших союзников, все же экономические потенциалы России и США слишком разнятся. Через напряжение ресурсов пока удастся реализовывать крупные проекты, которым мешают США (Крымский мост, «Северный поток-2»), но постоянно выживать в условиях экономического стресса постепенно будет все сложнее. Тем более для российской элиты, уже привыкшей к определенному уровню комфорта и не готовой к постоянной мобилизации и «окопной жизни». И это не говоря уже про угрозу активам и капиталам, которые постоянно выводились именно в западные юрисдикции.

**Митрофанова А.В.**  
(ФНИСЦ РАН; Финансовый университет  
при Правительстве РФ, Москва)

## СТАНОВЛЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**В** Советском Союзе геополитику относили к категории ложных буржуазных теорий. К тому же она ассоциировалась с фашизмом. В то же время элементы геополитической методологии скрыто применялись в СССР, но не в марксистской политической философии (которая находилась под контролем партийных органов), а в менее идеализированной этнографии. В советской и постсоветской науке важную роль играет теория этноса как биологического организма, разработанная Львом Гумилевым (1912–1992). Однако ни Гумилев, ни его последователи не называли его учение «геополитическим».

Появление в российском научном и политическом дискурсе слова «геополитика» является почти исключительно заслугой Александра Дугина, объявившего себя продолжателем теории и практики евразийства. Книга «Основы геополитики», изданная в 1997 г., окружена множеством мифов. Некоторые журналисты утверждали, что она официально являлась учебным пособием Военной академии Генерального штаба ВС России. Мифы появились и утвердились благодаря тому, что первое издание 1997 г. напечатано в типографии Военной академии, а в качестве научного консультанта указан генерал-лейтенант Николай Клокотов. Появился также миф, что Клокотов написал предисловие к книге и даже был ее соавтором. Вероятно, близость Дугина к Генеральному штабу является тщательно сконструированным мифом. Книга «Основы геополитики» была издана не Военной академией (хотя напечатана в ее типографии), а издательством А.Г. Дугина «Арктогея».

Во второй половине 1990-х годов научный истеблишмент России считал Александра Дугина маргинальным теоретиком. Тем не менее вскоре после выхода его книги о геополитике заговорил уважаемый академический мир. Хотя роль Дугина в популяризации геополитики мало кто решается признавать даже сейчас, почти сразу после выхода его книги дисциплину «Геополитика» начинают преподавать в вузах по всей России. Каждый вуз постарался издать собственный учебник по геополитике.

Основной причиной популярности геополитики в России является методологический кризис, разразившийся в политологии после того, как был полностью отвергнут марксистский классовый анализ. Как ни странно, в России, где все философы и политологи имели к началу 1990-х годов хорошую марксистскую подготовку, мало кто был заинтересован в развитии марксистских идей. Российские авторы считали (и продолжают считать) марксизм отсталой и не соответствующей реальности теорией. Геополитика была встречена научным и образовательным сообществом России как спасение от методологического кризиса. Теперь классовый анализ можно было заменить геополитическим, опиравшимся (это было важно для российских политологов) на отечественные источники — Николая Данилевского, евразийцев, Льва Гумилева, менее известных Льва Мечникова и Александра Чижевского. По сравнению с «заимствованным» марксизмом геополитика выглядела аутентичным российским методом анализа. Геополитика стала крайне популярной не только среди политологов, нуждавшихся в новой универсальной методологии, но и среди широкой публики. Интерес к геополитике был вызван необ-

ходимостью разрешить кризис идентичности, который испытывали после распада СССР большинство граждан России.

Геополитика рассматривается в работах российских политологов не как метод анализа, а как «наука», предоставляющая полностью объективную картину реальности. Фактически геополитика надеется теми же свойствами, которыми раньше наделяли марксизм-ленинизм. Несмотря на сциентистское отношение к геополитике, российские авторы почти не применяют ее в качестве методологии. Учебники просто рассказывают о внешней политике разных государств и отношениях между ними.

Можно сказать, что геополитика как инструмент анализа в России долгое время была полностью монополизирована антилиберальным лагерем. Фактически она оказалась приравнена к военной стратегии, и факт признания себя «геополитиком» был почти равнозначен заявлению об определенной политической позиции (как и использование слова «геополитика» в заголовке книги или статьи). Попытка создать либеральную геополитическую теорию была сделана философом Вадимом Цымбурским (1958–2009). Его теория построена на идее цивилизаций (он называет их «этноцивилизационными платформами»), которые разделены промежуточными зонами (в терминологии Цымбурского — «лимитрофами»). Однако Цымбурский отрицал как идею борьбы цивилизаций, так и союзы между ними. По его мнению, каждая цивилизация является «островом». Либерально-геополитические идеи Цымбурского, в отличие от теории Дугина, оказались малопопулярны даже среди ученых, не говоря о более широкой публике. Причина, вероятно, в том, что теория Цымбурского не решала две поставленные выше проблемы: проблему методологии и проблему российской идентичности. Терминология Цымбурского подходила для описания статичных состояний мировой политики, но не для анализа ее динамики.

*Митрохина Т.Н.  
(СЭИ СГУ им. Ю.А. Гагарина, Саратов)*

## **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ В РЕГИОНЕ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИНДИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

**П**редмет исследования составляет политическая повестка дня в региональном пространстве публичной политики. В качестве одной из особенностей региональной повестки нередко отмечается расхождение общественно значимой и официально декларируемой составляющих повестки. В контексте данного исследования расхождение означает несовпадение проблем, волнующих общество, и вопросов, действительно решаемых региональной и местной властью.

Проблема расхождения повесток представляет интерес в контексте более масштабной проблемы повышения уровня доверия населения региональной власти, с точки зрения достижения согласия в обществе по наиболее актуальным вопросам, выстраивания диалога с властью — в целом с точки зрения интеграции и консолидации общества. Отсутствие у граждан возможности оказывать влияние на решение актуальных проблем порождает неудовлетворенность властью и недоверие к ее представителям.

В рамках доклада предлагаются к обсуждению ряд проблемных вопросов, таких как понятие, феномен и специфика региональной политической повестки; феномен расхождения общественно значимой и официально декларируемой повесток дня в региональном пространстве публичной политики; критерии отнесения проблемы к общественно значимой, индикаторы, по которым можно судить о наличии и глубине расхождения.

Политическая повестка дня в региональном пространстве публичной политики обсуждается по таким направлениям, как специфика региональной повестки дня, субъектов, механизмов и факторов ее формирования, а также критериев отнесения проблемы к общественно значимой, поскольку все социальные группы себя соотносят с обществом.

Глубина расхождения повесток дня в региональном пространстве публичной политики также не относится к однозначно интерпретируемым феноменам, поскольку непостоянна, меняется под влиянием ряда факторов<sup>1</sup>. Одним из факторов является множество субъектов влияния на формирование политической повестки. В процесс формирования повестки дня включены органы государственной власти федерального, регионального и местного уровней, средства массовой информации, группы влияния, промышленные и строительные группы, бизнес, общественные организации, научные и экспертные сообщества, политические партии. В идеале политическая повестка является результатом совместных усилий статусных и нестатусных субъектов, продуктом «процесса коллективного определения». Другим не менее значимым фактором является близость избирательных кампаний муниципального, регионального или федерального уровней.

<sup>1</sup> Митрохина Т.Н. Власть, политическая повестка и публичная политика // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 41–52.

Не менее дискуссионными являются индикативные характеристики, позволяющие не только на качественном уровне, но количественно оценить степень расхождения общественно значимой и официально декларируемой повесток дня в региональном пространстве публичной политики. К числу таких характеристик относятся, например, доля граждан, полагающих, что власти можно доверять, информированность граждан о каналах влияния на власть и способах эффективного взаимодействия с властью, доля граждан, чувствующих ответственность за ситуацию в населенном пункте, доля граждан, занимающих активную гражданскую позицию и готовых объединяться для совместных действий при решении общественно значимых проблем.

Доверие граждан власти может быть использовано в качестве наиболее универсальной индикативной характеристики, поскольку относится к разряду социально значимых феноменов, является важной характеристикой благополучия любого общества. Не случайно доверие власти входит в число показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, составляет основу социальных отношений, включает оценку заинтересованности власти в реализации общественных запросов<sup>1</sup>.

Михайленок О.М.  
(Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва)

## ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СЕТЕВОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ускорение глобальных изменений во всех сферах жизни общества (чему немало способствуют и прорывы в технологических областях) требует от научного сообщества продвижения в разработке эффективных теоретических инструментов, позволяющих ориентироваться в этом меняющемся мире, понять и предвидеть последствия этих изменений и движущие силы общественных перемен сегодня.

Как считают эксперты, перспективы исследования сложных взаимодействий и непредсказуемых моделей развития современных социально-политических отношений связаны со значительным аналитическим потенциалом сетевой теории.

Появившаяся относительно недавно сетевая теория, как любая новая концепция, претендующая на переосмысление социальной структуры общества, более того, на радикальное изменение трактовки социального, сразу же стала актуальным предметом научных дискуссий.

По мнению большей части комментаторов, на сегодняшний день сетевая теория, представляющая собой сложную, обобщенную систему воззрений на социальную жизнь и человеческий опыт, является одним из самых влиятельных направлений в современной социологической науке. В настоящее время предпринимаются попытки использовать сетевую теорию (понятие сети) и в качестве метода теоретического описания динамики политических отношений.

Сетевой подход включает два исследовательских направления: так называемая социально-сетевая теория М. Кастельса и акторно-сетевая исследовательская конструкция Б. Латура<sup>2</sup>.

Для М. Кастельса сеть — это некая вещь, коммуникативная структура, единство или «совокупность взаимосвязанных узлов»<sup>3</sup>. Подобные взгляды, кажется, весьма близки к традиционным системным представлениям, если вместо элементов системы рассматривать «узлы» сетей.

Сеть — это предмет, вещь, это зафиксированная в тех или иных формах структура коммуникаций между акторами и само по себе тело социума. По М. Кастельсу, общество как изучаемое целое состоит из иерархий и сетей.

У аналитиков социальных сетей всякая сеть рассматривается исходя из особенностей ее структуры, для акторно-сетевой теории определение термина «социальное» не в обозначении конкретной области действительности или какого-либо конкретного объекта, а это название движения, перемещения, преобразования, трансляции, включения.

Сеть Бруно Латура представляет собой динамическое процессуальное образование, возникающее и меняющееся вместе с действиями, решениями, взаимодействиями и ассоциациями акторов.

<sup>1</sup> Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

<sup>2</sup> См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.; Латур Б. Пересборка социального. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. — 384 с.

<sup>3</sup> Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. С. 37.

Латур предлагает рассматривать в качестве составляющих сеть самые разные по своей природе объекты — интеллектуальные, социальные, природные, технические. Такими объектами могут быть люди, организации, микробы, приборы, спонсоры, пробирки, теоремы, подопытные животные, документы, идеи, тексты, произведения искусства, газетные новости и т.д.

Потребность в понятии «социальная сеть» и сетевой модели возникла в связи с неудовлетворенностью понятия «структура», которое используется в социологии и политической науке и которым фиксируются жесткие связи, а общественные отношения текучи и изменчивы, кроме того, на деятельность людей, согласно акторно-сетевой теории, как раз оказывают влияние окружающие предметы, а также, как полагают сторонники сетевой парадигмы, «гены, религия и классовый хабитус».

В связи с этим представляется актуальным выяснение вопроса о том, насколько перспективно рассматривать политические отношения не только в качестве предмета системно-структурного анализа, но и как сетевые феномены и в какой мере сетевой подход может использоваться для анализа динамики политических отношений.

Последнее десятилетие ознаменовано все более частым обращением к понятию «социальная сеть» как в повседневной жизни, так и в науке. В отечественных публикациях наряду с другими формируется тенденция понимания социальной реальности как коммуникационного единства, субстратными составляющими которого являются не только сами индивиды и их сознание, но и в целом социальные группы.

Социальная сеть включает в себя всю совокупность социальных отношений, реализуя интеграционный потенциал теоретических моделей общества, базирующихся на сетевой метафоре.

Стремление осуществить некий синтез категорий «социальная сеть» и «социальная система» имеет целью сообщить социальной философии, социологии и политологии новые импульсы в исследовании и интерпретации сложного и изменчивого мира, достичь нового уровня теоретического конструирования, соответствующего становлению динамического сетевого общества.

*Михайлов А.В., Михайлова Т.В.  
(Сибирский государственный университет науки  
и технологий им. академика М.Ф. Решетнева, Красноярск)*

## **МЕСТНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ И ТЕКСТАХ СМИ VS ОБРАЗ БУДУЩЕГО НА МАТЕРИАЛЕ ИЗ ЭКСПЕДИЦИЙ ПО СЕВЕРУ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

**В** данной работе авторы рассматривают образы короткой и длинной исторической памяти, зафиксированные в экспедициях в населенные пункты по среднему и нижнему течению реки Енисей в Красноярском крае, по реке Ангаре, по реке Хета в Хатангском районе на полуострове Таймыр. Экспедиции проходили с середины 1990-х годов по 2021 г. с некоторыми перерывами.

Экспедиции проводятся в 2020—2021 гг. при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-012-00492 А «Изучение самосознания жителей территории в самоописаниях и реакциях на вербальные стимулы».

Кроме данных, получаемых непосредственно от информантов в ходе опросной работы, через интервью, в ходе включенного наблюдения, авторами изучаются также материалы газет советского времени, в частности локальных газет с 1930-х годов, — «Северный колхозник» (в дальнейшем «Маяк Севера», пос. Туруханск), «Заполярная правда» (Норильск), «Советский Таймыр», «Ангарская правда», «Советская Эвенкия», краевой газеты «Красноярский рабочий» и др.

Материалы печатных СМИ советского времени формируют идентичность советского человека, основанную на новой для Севера России идеологии. Указываются характерные должностные черты персоны и коллектива, называются правильные и неправильные для построения нового сообщества проявления.

Значительное место занимают и художественные произведения, как прозаические, так и стихотворные, в которых описывается красота местной природы и сила человека на ее фоне. Исторически недавние события времен Октябрьской революции и Гражданской войны подаются как нашедшие уже достойное место на полках истории, а номера военного времени наполнены противопоставлением мирного времени и военного лихолетья. На удивление, тематика классовой борьбы, политической ссылки и тюремного заключения практически не находит себе места на страницах данных газет. Можно усмотреть эти элементы в описании коллективных форм работы, развитии общественной собственности, но не находим противопоставления единоличной собственности и работы в колхозе.

Нужно предполагать, что подобные темы вполне естественны для печатных изданий, которые выпускались в разных частях системы лагерей, а также газет крупных производств, например Норильского комбината, ныне известного как часть компании «Норильский никель». Эти рабочие издания, к со-

жалению, оказались пока недоступными авторам, но само их существование и возможность доступа к ним в ближайшее время уже обнадеживает.

Темы и сюжеты перекликаются с темами и сюжетами настоящего времени, ср. заголовок из «Заполненной правды» за 15 апреля 1975 г. — «Прививки — могучее оружие». Тема, как оказывается, достаточно живучая, надо заметить, что материал дан в рубрике «Заочный университет “Здоровье”».

Изучение заголовочных комплексов в соотношении с текстами позволяет понять тематику материалов. Ср. материалы газеты «Северный колхозник» от 20 января 1936 г. (8 материалов): «12 лет без Ленина по ленинскому пути», «Тысячелетний Ленин» (стихотворение И.Р. Бехера), «9-е января 1905 года», «Речь тов. Акулинушкина» (о стахановском движении), «4 месяца Итало-Абиссинской войны», публикация Постановления СНК и ЦК ВКП (б) о разрешении беспрепятственной продажи хлеба, отчет сельсовета об объединении колхоза, «С новыми силами за работу» (об отчетно-довыборной кампании).

При этом авторы отмечают, что по сравнению с материалами СМИ данные, получаемые в устных беседах при обращении к тематике Гражданской войны и революции октября 1917 г., содержат неожиданно эмоциональные и сильные по свежести восприятия эпизоды, в которых рассказчики принимают ту или иную сторону, невольно переносясь из современности в эпоху сильнейших противостояний. Например, интенсивно переживается и сейчас событие периода Гражданской войны на «Смерть-скале» на реке Нижняя Тунгуска (известна еще как Угрюм-река) в 40 км выше по течению от пос. Туруханска, получившей свое название в связи со сбрасыванием сторонниками Колчака, «беляками», их захваченных противников «красных» живыми.

Данное явление отмечено и в публикуемых записях воспоминаний, книгах о родах в поселениях по реке Енисей, например, в девятитомном многокнижном собрании о селе Ворогове на Енисее<sup>1</sup>.

Можно полагать, что живость восприятия событий (это касается и событий двухсот- и трехсотлетней давности) связана с немногочисленностью и малой мобильностью оседлого населения поселений по реке Енисей и отсюда большей устойчивостью памяти прошлого.

Образы будущего для жителей сибирских поселений связаны с желательной реконструкцией советского производственного уклада, планового рачительного хозяйствования, государственного регулирования и ответственности за поколения.

**Михайлов И.В.**  
(Тамбовский государственный университет  
им. Г.Р. Державина, Тамбов)

## ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА США В ЭПОХУ ПОСТГЕГЕМОНИИ

На каждом этапе мирового исторического развития появляется страна (или группа стран), которая хочет и может, имея для этого соответствующие ресурсы, выстроить мир по собственным лекалам. В XX в. такой страной были Соединенные Штаты Америки. Трижды за XX в. Америка пыталась изменить мировой порядок — после Первой мировой войны, после Второй мировой войны и после окончания холодной войны. Идейной основой американского лидерства стала «концепция распространения демократии»<sup>2</sup>.

Этот путь не был простым. После Первой мировой войны, несмотря на то что именно Вудро Вильсон предложил мировому сообществу новый международный институт — Лигу Наций, задачей которого было решение вопросов войны и мира, Соединенные Штаты, прежде всего по внутренним причинам, отказались от активного участия в мировой политике. После Второй мировой войны Советский Союз с альтернативной концепцией мирового устройства помешал Америке добиться успеха в построении нового мирового порядка. Но почти полвека противостояния закончились победой США. СССР и возглавляемый им социалистический блок как факторы мировой политики прекратили свое существование. Фрэнсис Фукуяма провозгласил «конец истории»<sup>3</sup>, а Чарльз Краутхаммер констатировал наступление «однополярного момента»<sup>4</sup>.

В сентябре 1993 г. помощник президента Уильяма Клинтона по национальной безопасности Энтони Лейк выступает с программной речью «От сдерживания коммунизма к расширению демократии», в которой определяет основные цели внешней политики США после окончания холодной войны<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Соколов Ю.А. «Дубчская слобода. Приход Троицкой церкви. История и современность». Красноярск, 2006–2013.

<sup>2</sup> Михайлов И.В. Американская стратегия «расширения демократии» после окончания холодной войны // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1(21). С. 94–100. DOI:10.25730/VSU.2070.21.011.

<sup>3</sup> Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

<sup>4</sup> Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1990 / 1991. Vol. 69. № 5. Winter. P. 23–45.

<sup>5</sup> Lake A. From Containment to Enlargement. Address at the School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, Washington, D.C., September 21, 1993 // U.S. Department of State Dispatch. Vol. 4. № 39.

Теоретической основой доктрины стала концепция «демократического мира», согласно которой государства с демократической формой правления не воюют друг с другом. При этом Америка не стала ждать, когда волны демократии «накроют» весь мир. Она стала активно действовать на международной арене, применяя различные инструменты: от НКО и «цветных революций» до «гуманитарных интервенций». Соединенные Штаты поставили себя в центре системы демократических государств с развитой рыночной экономикой, гарантируя ее стабильность и безопасность, обеспечивая при этом возможность дальнейшей экспансии.

Но ни американская «мягкая сила», ни военное доминирование не привели к включению в либеральный мировой порядок незападных центров силы. Ни Россия, ни Китай, ни Иран, даже Индия не стали адептами американоцентричной модели мирового устройства. Либеральный мировой порядок был международным, но не стал глобальным. Более того, отход от либеральной версии демократии в сторону авторитаризма начался среди ближайших союзников США — Турции, Польши, Венгрии, Румынии. Вопрос, насколько далеко Америка может проецировать свои ценности, остался ключевым для внешней политики США в период после окончания холодной войны.

В американском политическом сообществе в целом признают, что у Америки уже не хватает ни физических, ни моральных сил для того, чтобы оставаться мировым гегемоном. Концепция американской исключительности в последнее время поблекла. Это сильно сократило возможность Вашингтона проводить мессианскую внешнюю политику. Поэтому концепция Лиги Демократий, выдвинутая администрацией Джо Байдена (хотя сама идея не нова), проводит четкий раздел между либеральными демократиями, возглавляемыми Америкой, и авторитарными режимами. Эта новая внешнеполитическая ориентация предполагает два основных направления, куда должны будут направлены основные усилия США и их ближайших союзников. Во-первых, нужно сплотиться и остановить рост популистских и авторитарных тенденций внутри стран, входящих в альянс демократий, в том числе и в самих Соединенных Штатах; во-вторых, институционализировать сам альянс как в плане его членов, так и в плане институтов, связывающих европейских и азиатских союзников США<sup>1</sup>. При этом вопрос взаимоотношений с двумя крупнейшими «автократиями» Россией и Китаем, а также исламским миром остается дискуссионным.

Морозова Е.В.  
(КубГУ, Краснодар)

## ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ

Социальные и культурные размежевания являются важным фактором динамики политических процессов в современном мире. Политический анализ размежеваний и их проекций в политику ведется в основном на мета- и макроуровне, размежевания рассматриваются как вектор трансформации политических институтов, источник конфликтности либо ресурс развития в государстве или наднациональном объединении. Какую ценность может представлять исследование размежеваний в рамках локальных городских или сельских сообществ?

Вопреки распространенным в глобалистском дискурсе мифам о «смерти пространства» современный человек ориентируется на такие свойства локуса, как удобная среда обитания, культурное наследие, благоустройство местности, дружественный социум с низкой преступностью. Причины социальных и культурных размежеваний в местных сообществах варьируются от инокультурной миграции до экономической специализации групп населения, но в любом случае в основе размежеваний лежат факторы самоидентификации, обеспечивающие разграничения групп по принципу «свой—чужой»<sup>2</sup>. Насколько они политически значимы? За счет вертикальной и горизонтальной диффузии сложившихся на локальном уровне социально-политических практик (а также диффузии информации об этих практиках) размежевания могут повлиять на эскалацию конфликтов (пример брюссельского района Молинбек) либо, напротив, стимулировать развитие конструктивных политических проектов на региональном и национальном уровнях (финская модель «малой демократии», проект развития местных сообществ в штате Висконсин, США).

Микроуровень политического анализа позволяет увидеть процесс генерации и развития позитивных практик преодоления размежеваний на основе культуры диалога. Станица Кубанская находится в Апшеронском районе Краснодарского края. В структуре многонационального населения около 30% — представители мусульманской диаспоры, которая также неоднородна по своему составу (турки-

<sup>1</sup> Blinken A., Kagan R. 'America First' is only making the world worse. Here's a better approach // The Washington Post. January 1, 2019: <https://www.washingtonpost.com/opinions/america-first-is-only-making-the-world-worse-heres-a-better-approach>.

<sup>2</sup> Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. 2021. № 5.

месхетинцы, курды, езиды, хемшилы, азербайджанцы и др.). Миграционные потоки были обусловлены потребностью станицы в сезонных рабочих, которые привлекались к сельскохозяйственной деятельности предприятий станицы. В Кубанской реализуется на практике модель ответственного развития, в которой моральные ценности, мотивация команды администрации и гражданская ответственность жителей являются неотъемлемыми компонентами управленческих практик.

Потамиа — уникальное село на территории Республики Кипр, где турко-киприоты остались жить вместе с греко-киприотами. Здесь избирается один лидер села, вне зависимости от его национальной принадлежности, представители этнических общин расселены дисперсно, дети посещают одну школу, распространены смешанные браки. С 2010 по 2013 г. в селе был реализован проект *Future Together* в рамках Программы развития Организации Объединенных Наций на Кипре. Цель проекта заключалась в развитии способностей кипрского гражданского общества к поддержанию мирного процесса, а также в содействии сотрудничеству и примирению на острове Кипр.

Сравнительное исследование двух кейсов — станицы Кубанской и села Потамиа — позволило определить разные конструктивные подходы с одним общим вектором действия: в обоих случаях социальные и культурные размежевания преодолевались через формирование общей локальной позитивной инклюзивной идентичности. Реализуется активная политика идентичности, которая может отличаться набором акторов и институциональных механизмов, разными подходами к символизации пространств, наличием многовековой или недолгой общей истории, но ее обязательным элементом является восприятие политическими субъектами и местными сообществами локальной идентичности как ценности и ресурса развития, а также наличие стратегии по ее формированию.

Морозова О.С.  
(РГУ им. С.А. Есенина, Рязань)

## ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ВНЕДРЕНИЕ В ПРАКТИКУ ВЫБОРОВ ОСОБЫХ СПОСОБОВ ОРГАНИЗАЦИИ ГОЛОСОВАНИЯ<sup>1</sup>

В современной практике управления избирательным процессом решающее значение придается разработке и внедрению избирательных стандартов<sup>2</sup>. Всеобщее, тайное, равное голосование должно обеспечить участие населения в управлении государством и легитимность избранной власти. Традиционное проведение дня выборов в специальном помещении избирательной комиссии в строго отведенное время в определенную дату постепенно дополняется другими, специальными способами организации голосования.

Децентрализация системы управления выборами показала, насколько возможно многообразие вариантов комбинаций различных характеристик избирательных систем<sup>3</sup>.

Голосование по почте или по доверенности, досрочное и онлайн-участие в выборах становятся все более распространенными способами организации голосования, цель которых — привлечь как можно большее количество избирателей к осуществлению своего активного избирательного права. Пандемия ускорила этот процесс.

Рекомендации международных организаций, занимающихся мониторингом выборов, такие как *IDEA*<sup>4</sup>, *IFES*<sup>5</sup> и др. прямо рекомендовали использовать все возможные меры для соблюдения социального дистанцирования и уменьшения одномоментного нахождения в помещении для голосования большого количества избирателей.

В Южной Корее, в самый разгар первой волны пандемии, 15 апреля 2020 г. были проведены парламентские выборы. На 3500 избирательных участках осуществлялось досрочное голосование. Для снижения нагрузки на избирательные комиссии в день голосования была проведена серьезная разъяснительная и организационная работа, и в итоге 26,7% избирателей проголосовали досрочно.

В Литве в преддверии выборов было принято решение продлить досрочное голосование на два дня и время голосования на один час, также было увеличено количество участков для досрочного голосования с 60 до 70. Еще одним изменением в организации досрочного голосования стало добавление

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011–31777.

<sup>2</sup> Гришин Н.В. Развитие международных избирательных стандартов: что дальше? // Политическая наука. 2019. № 1. С. 33–47.

<sup>3</sup> Гришин Н.В., Линдерс А.М.Р. Децентрализация системы управления выборами // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 3. С. 99–115.

<sup>4</sup> Special Voting Arrangements in Europe: Postal, Early and Mobile Voting Webinar series report, 11.2020. Anika Heinmaa and Nana Kalandadze. // <https://www.idea.int/publications/catalogue/special-voting-arrangements-europe-postal-early-and-mobile-voting>.

<sup>5</sup> Featured Elections Held and Mitigating Measures Taken During COVID-19 // [https://www.ifes.org/sites/default/files/elections\\_held\\_and\\_mitigating\\_measures\\_taken\\_during\\_covid-19.pdf](https://www.ifes.org/sites/default/files/elections_held_and_mitigating_measures_taken_during_covid-19.pdf).

избирательных участков для тех, кто находился на карантине (голосование осуществлялось не выходя из автомобиля).

В Финляндии на долю проголосовавших досрочно на последних парламентских выборах пришлось около половины всех голосов. Каждый избиратель имеет уникальный идентификатор, который может быть использован, чтобы определить, проголосовал ли человек. Система также содержит централизованный список избирательных участков и участков для досрочного голосования, которые организуются, например, в часто посещаемых учреждениях, в том числе и в аэропортах.

Вышеприведенные примеры иллюстрируют два подхода к определению институциональных особенностей досрочного голосования в тех странах, где оно применяется. Первый подход: досрочно могут голосовать лишь избиратели, которые в силу особых причин (наличие которых необходимо подтвердить) не имеют возможности посетить избирательный участок в день выборов. Второй подход: досрочное голосование доступно для всех.

Представляется необходимым рассмотреть вопрос, в достаточной ли степени ограничения, которые предусмотрены при первом подходе, обеспечивают равные возможности для голосования, особенно в условиях пандемии.

Кроме того, сама процедура досрочного голосования ставит перед организаторами ряд сложных задач. Во-первых, необходимо обеспечить условия для надежного хранения бюллетеней и другой документации. Во-вторых, предусмотреть возможность организации наблюдения в период досрочного голосования. Имеют значение и методы регистрации для досрочного голосования. Более простой или более сложный процесс регистрации может повлиять на то, выберет ли избиратель такой вариант волеизъявления. И еще один важный фактор: досрочное голосование требует дополнительных финансовых ресурсов из-за затрат на дополнительный персонал и аренду помещений в тех случаях, когда они предоставляются не на безвозмездной основе.

Повышение универсальности избирательного процесса является конечной целью применения всех особых способов организации голосования, но достижение этой цели не должно идти в ущерб другим аспектам избирательного процесса.

Москаленко О.А.  
(СевГУ, Севастополь)

## МЕТАФОРИЗАЦИЯ ПОЗИЦИИ РОССИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

«Что случается в Черном море, не остается в Черном море», — фраза, приписываемая Тихомиру Стойчеву, послу Болгарии в США, иллюстрирует, что на нынешнем этапе Черное море оказывается объектом лингвистической игры, разворачивающейся в рамках политического дискурса, формирующего образ России в Черноморском регионе (ЧР). Ироническая аллюзия, точно отражающая суть и стратегическую роль ЧР, взята на вооружение экспертно-аналитическими центрами. Субъекты политического дискурса активно формируют образное поле, в котором можно выделить метафорические единицы, характеризующие роли геополитических акторов в регионе.

Тема присутствия России на Черном море вошла в медийный и художественный дискурс вместе с началом ее активной политики в регионе. Крымская война 1853–1856 гг. стала отправной точкой дискурсивизации присутствия России в ЧР. Отмена унижительных положений Парижского мира в 1870 г. вернула интерес к черноморскому вопросу в англо-американской прессе. Например, в ведущей британской газете *The Morning Post* появляется регулярная колонка *The Russian Black Sea Fleet*. Без иронии и сарказма в адрес России, в противовес кануну Крымской войны, ставятся вопросы, которые вновь зазвучат в СМИ в 2021 г. Расхожие штампы, лексический ряд (*Russia has annexed; extension of power, aggressive policy for the Crimea, aggressive power of Russia, the great Power to absorb the south Slave nations, nothing would stop the advance of Russia, Russian attack, again become a Russian lake*<sup>1</sup> и др.) показывают, что семантическое ядро понятия «Россия в Черном море» спустя 150 лет остается неизменным.

Период напряжения России в связи с утратой Черного моря оказался очевиден для Запада как в медийной, так и в научной рецепции. Традиционной становится параллель Россия 1856 г. — Россия после распада СССР<sup>2</sup>. В развернутых сравнениях главенствует фактор утраты Россией роли лидера в ЧР, хотя акцент делается на социальной нестабильности. После 2007–2008 гг. риторика научно-экспертного

<sup>1</sup> Russia in the Black Sea // *The Morning Post*. November 25, 1870. P. 3.

<sup>2</sup> *Jensen J.H.* Prince Alexander Gorchakov: The Politics of Recovery. In: McKean R.B. (eds) *New Perspectives in Modern Russian History*. London: Palgrave Macmillan, 1992. [https://doi.org/10.1007/978-1-349-22210-0\\_2](https://doi.org/10.1007/978-1-349-22210-0_2); *Hamilton D. Mangott G.* (eds.), *The Wider Black Sea Region in the 21st Century: Strategic, Economic and Energy Perspectives*. Washington, D.C.: Center for Transatlantic Relations, 2008.



анализа меняется: на первый план выходят аллюзии на горчаковские механизмы дипломатии, которые сначала связывают в западных СМИ с именем Е. Примакова, а позже — С. Лаврова, пусть и в жестко-ироническом контексте.

С 2014 г. в медиапространстве регулярно разогревается конфликтный потенциал региона за счет вовлечения в политический дискурс метафорической атрибуции Черного моря тому или иному актору. В 1870 г. британские газеты кричат о превращении Черного моря в русское озеро *Russian lake*, а распад СССР вновь оживляет эту риторику. Уже первое десятилетие XXI в. пробуждает дремавшие нарративы вековой давности. В 2005 г. президент Румынии Т. Бэеску призывает «кончать с тем, что Черное море является «российским озером»» (*Russian lake*)<sup>1</sup>. Активно метафора Черного моря как «русского озера» вновь эксплуатируется после возвращения Крыма и Севастополя в состав РФ. В мае 2016 г. на Конференции по безопасности на Балканах Президент Турции Р. Т. Эрдоган заявил, что НАТО имеет недостаточное военное присутствие на Черном море, которое в результате превращается в «почти российское озеро» (*nearly become a Russian lake*)<sup>2</sup>. После определенных колебаний риторика постпреда России при НАТО А. Грушко вышла в поле привычного конфликтного дискурса атрибуции Черного моря: Россия сделает все для того, чтобы оно не превратилось в «натовское озеро». Состоявшийся лингвистический «пинг-понг» можно считать моментом, когда Россия четко озвучила в инфополе свою позицию по ЧР. С 2016 г. метафора «Черное море — русское озеро» массово тиражируется не только англоязычными СМИ, но и аналитическими центрами. В 2021 г. наблюдается обострение медиаконфликта: спустя 7 лет с момента возвращения РФ черноморского плацдарма метафора *Black Sea is a Russian lake* входит в официальный дискурс западных экспертно-аналитических центров и СМИ, помещается в панически-настороженный контекст, сопровождается лексемами «агрессия, экспансия», что напоминает период начала Крымской войны.

Мусина Р.И.  
(МПГУ, Москва)

## МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ: ОСОБЕННОСТИ И ОБЩИЕ ТРЕНДЫ

Уже около 20 лет продолжаются споры о судьбе Вишеградской группы. Польша, Чехия, Словакия и Венгрия, наиболее благополучные и динамично развивающиеся участники социалистического содружества, выбирают путь регионального сотрудничества, в первую очередь, с целью менее болезненной интеграции в рамках Европейского союза. Несмотря на значительный интерес, который эти государства представляли для Европейского союза и НАТО в перспективе интеграции, уже в 2002 г. на переговорах о вступлении в Единую Европу в Копенгагене претендентам дали понять, что не считают их равноправными партнерами<sup>3</sup>.

Проект регионального сотрудничества определялся комплексом факторов: сходство исторического наследия, характер экономического развития, опыт сотрудничества в рамках СЭВ и Варшавского договора, особая геополитическая ситуация, территориальная близость.

Планировалось совместное решение таких задач, как демократизация, создание правового государства и рыночной экономики, укрепление региональной безопасности. Вишеградская группа планировалась как прообраз одного из региональных центров в Европе.

Однако после вступления всех стран четверки в ЕС и НАТО идея единого регионального пространства начинает переживать упадок.

Процесс интеграции в рамках Евросоюза для стран группы оказался серьезным испытанием. Если на определенном временном этапе Чехия и Польша реализовали этот процесс более успешно в экономическом плане, то для Словакии и Венгрии евроинтеграция приводит к стагнации. Часть задач была решена, часть проектов откровенно провалилась, некоторые из них утратили актуальность. Проблема перехода в еврозону разделила V4 на две асимметричные области.

Внешняя политика стран Вишеградской группы все более явно демонстрирует свою несогласованность. Если Польша активно использует русофобскую риторику, поддерживая миф о «российской угрозе», Чехия проявляет «гибкость» в отношении западных партнеров, не рискуя на открытый демарш в отношении Брюсселя, то Венгрия в большей степени заинтересована в сотрудничестве с Россией.

<sup>1</sup> Postelnicu V. Bănescu despre declarația sa că Marea Neagră e lac rusesc: O facem lac NATO // Gandul. 06.09.2014. <https://www.gandul.ro/politica/basescu-despre-declaratia-sa-ca-marea-neagra-e-lac-rusesc-o-facem-lac-nato-13214976>.

<sup>2</sup> Kucera J. Erdogan, In Plea To NATO, Says Black Sea Has Become «Russian Lake» // Eurasianet. May 12, 2016. <https://eurasianet.org/erdogan-plea-nato-says-black-sea-has-become-russian-lake>.

<sup>3</sup> Ленделл Л. Вестернизация Востока или ориентализация Запада? Внешняя политика Венгрии и Центральной Европы: на распутье? / Пер. Ю. Гусева // Холодная гражданская война. Раскол венгерского общества. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 173.

Не только не согласовываются стратегические решения, но не соблюдаются и совместно принятые принципы. Основные задачи так и не были реализованы: не сформирована не только единая внешняя политика, но и внешнеэкономическая, энергетическая, политика в области безопасности.

Новым испытанием становится и миграционный кризис, начавшийся в 2015 г.

Поскольку в экономическом и социальном плане страны Вишеградской группы не представляют интерес для мигрантов с Ближнего Востока, в миграционной политике «миграционный компас» не ограничивается направлением восток–запад. Как указывают венгерские исследователи Ф. Сабо и А. Боршаньи, что справедливо не только для Венгрии<sup>1</sup>, в проблеме мигрантов прослеживается два аспекта: иммиграция этнических венгров, чехов и поляков на историческую родину из деградирующих экономически и социально бывших союзных республик, иммиграция представителей бывших союзных республик в поисках более высокого уровня жизни и безопасности, но и эмиграция граждан стран четверки на Запад в поисках высоких доходов.

Если в период с 2015 по 2018 г. страны четверки выступали консолидированно против миграционных квот, навязываемых Брюсселем, то после 2018 г. позиции стран начинают расходиться.

К примеру, в Польше оппозиционная «Гражданская платформа» выступает за облегчение процесса легализации украинских мигрантов, а также мигрантов из Азии и Африки, при этом признавая, что население страны не готово позитивно воспринимать подобное этническое и религиозное многообразие. Таким образом, миграционная проблема влияет не только на экономические перспективы развития Польши, но и на электоральные процессы.

Чехия формально категорично выступает против приема беженцев и нелегальных мигрантов. При этом основная ставка сделана на прием трудовых мигрантов из стран четверки, прежде всего Словакии, и ближнего зарубежья (республики бывшего СССР).

Наиболее разнообразной и сложной, при этом аргументированной, выглядит миграционная политика Венгрии. С одной стороны, она ориентирована на жесткое регулирование и ограничение миграции для защиты соотечественников внутри страны, с другой — явно демонстрируемое нежелание возвращения на историческую родину соотечественников, проживающих за ее пределами.

Сходство позиций стран Вишеградской группы проявилось тем не менее в отказе поддержать «Всемирный пакт за безопасную, упорядоченную и регулируемую миграцию», предложенный ООН.

**Мчедлова М.М.**  
(РУДН, ФНИСЦ РАН, Москва)

## **ПАНДЕМИЯ И ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЕГИТИМНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ<sup>2</sup>**

В эпоху пандемии традиции и ценностные конфигурации стали центром общественных страхов, дискуссий, надежд, поисков выхода. Пандемия как Большое потрясение выступило катализатором качественных изменений, маркирующих изменения глубинных основ присутствия религиозных институтов в обществе и политическом пространстве и прежде всего оснований способов их легитимации, нормативную неопределенность, возникновение новых практик и структуры религиозности, разновекторность общественных ожиданий. При этом пандемия COVID катализировала не только многомерность присутствия религии «вне церковной ограды», но прежде всего присутствие государства и политики «внутри церковной ограды», что заставило задуматься о новой конфигурации институционального дизайна. Проблема насилия и применения насилия, институционально оформленная, например, в виде ограничения свобод или запрета на традиционные религиозные коллективные практики, представляется еще одним аттрактором рефлексии о параметрах «миров COVID и POSTCOVID». Опасения, связанные с масштабным расширением влияния онлайн-реальности на человеческую жизнь, нашли отражение в дискуссиях о будущем религиозной жизни. Речь идет не только о поисках и апелляции к теоретическим парадигмам из смежных областей знания, но и о более глубокой проблеме «колебания» устоев существующих религий, нормативной неопределенности, изменяющей внутренние религиозные легитимации. Наиболее ярко данное переопределение проявилось в предписаниях государства об ограничениях посещения храмов и публичных религиозных практик, вплоть до вторжения в область «сакрального», проявляющегося в обрядах. Реакция у различных религиозных институтов и конкретных священнослужителей была далеко не консолидирована, поставив вопрос о пределах вторжения государства в сферу религиозного, а также о незыблемости легитимации обрядов и традиций статуса религиозных институтов в условиях дефицита безопасности.

<sup>1</sup> Сабо Ф., Боршаньи А. *Morbus hungaricus*, или Демографический кризис в Венгрии. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/958/878/1219/006.SZABO.pdf> (дата обращения: 13.07.2021).

<sup>2</sup> Подготовлено в рамках проекта РФФИ № № 20–511–05025 «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)».

Наиболее громко звучащим стало переопределение институционального баланса между государством и религиозными институтами в нескольких контекстах: политическом, ценностном, экзистенциальном. Соответственно, как в метафизическом, так и в практико-инструментальном плане вопрос о судьбе религиозных институтов, их ресурсной базе, целеполагании и легитимности в мире «POSTCOVID» заставляет задуматься о самой возможности нового дизайна светских и религиозных институтов. Религиозные институты в условиях пандемии симультанно демонстрируют как консолидацию, так и размывание непосредственной субъектности, включая дрейф к различным тактикам конкретных представителей. Если в начале ограничительных мер Русскую православную церковь подозревали в готовности вступить в конфликт с властью за право следовать предписаниям вероучения и, следовательно, диктовать свои условия прежде всего в параметрах права и формы совершения коллективных богослужений в храмах и совершать таинства, то с течением времени властная монополия государства, связанная с параметрами безопасности, стала очевидной.

Изменение практик, новые формы участия в собственно церковной жизни, «колебание» устоев, легальная отмена сакральных традиций и обычаев (т.е. непосредственное вторжение политики в ранее закрытую и охраняемую сферу) создают внутренние вызовы легитимности религиозных институтов. Глобальность угрозы, выбор стратегии поведения и соотношения с требованиями и действиями государственных институтов, прежде всего в условиях переопределения ценностных и нормативных параметров, иерархий общественного и личного выступают внешними факторами, служащими катализаторами изменения традиционных форм легитимации. Выбор стратегии поведения религиозными институтами в России как во время пандемии, так и последующего тяжелого периода коррелирует с вопросом общественных ожиданий, эффективности и достаточности располагаемого потенциала и может привести к различным вариантам: дроблению, реформации, необычайному усилению субъектности либо вытеснению из пространства политической конкуренции, диффузии политического в табуированные сферы, перераспределению межрелигиозного институционального баланса. Легальная отмена посредством ограничений и запретов сакральных традиций и обычаев (т.е. непосредственное вторжение политики в ранее закрытую и охраняемую сферу) создала внутренние вызовы легитимности религиозных институтов.

**Мясоедова Т.И.**  
(независимый исследователь, Москва)

## **СТРАТЕГИЯ ОПК В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА**

Данный концепт хорошо реализован в брендинге США, где в центре всего национального бренда лежит именно человек, который работает на благо государства, а государство в свою очередь поддерживает его и его деятельность. При этом, конечно, нельзя обойти и действия США в вопросе вторжения в Ирак, Ливию и Сирию, за что многие политтехнологи критикуют действия государства и отмечают пагубное влияние на национальный брендинг страны.

В этой связи стоит отчасти перенять саму концептуальную идею антропоцентристской стратегии национального бренда и адаптировать ее под менталитет и специфику российского народа.

Так, хорошим решением будет построение бренда оборонно-промышленного комплекса вокруг людей, которые занимаются инновационными разработками в этой области. Стоит освещать то, с какими сложностями они сталкиваются и какое благо несут всему государству. От них тоже требуется соучастие, поставка информационных поводов.

Помимо этого, стоит с большим упором продвигать данную стратегию на «внутреннем рынке», т.е. наполнять социальные медиа более интересным для подписчиков контентом. Этого можно достичь за счет объяснения механик, по которым технологии в области вооружений встраивались и встраиваются в обычную жизнь людей. Ведь действительно, во многом все те технологии, которыми сейчас пользуется человек, пришли именно из сферы военных разработок. Так, объяснение того, каким образом и какие технологии используются в медицине, станет более привлекательным для потребления контентом для конечных пользователей.

Данное решение представления технологий двойного назначения создаст более положительный ореол вокруг всего брендинга вооружений и породит желание людей идентифицировать себя с этим брендом.

Важно понимать, что основные пользователи социальных сетей поглощают огромное количество информации, а потому развивается такое понятие, как баннерная слепота. Данный феномен свидетельствует о том, что большинство контента пролистывается и не замечается пользователями, а потому важно разработать свой уникальный стиль, который сразу будет цеплять внимание юзера. С этой точки зрения необходимо разработать стандарты по цветокорректировке всего визуального оформления контента, чтобы лента аккаунта выглядела целостно.

Также с точки зрения используемых инструментов продвижения в социальных медиа особый упор стоит сделать на сторис — именно через них миллениалы и зумеры поглощают большинство всего контента. Помимо всего прочего, это создает впечатление того, что профиль «живет» не является просто средством распространения информации. Это также повышает вовлеченность пользователей в сам аккаунт, а как следствие — бренд развивается быстрее и качественнее.

Негативная реакция на контент внутри аккаунтов Минобороны во многом связана с еще одной проблемой продвижения оборонно-промышленного комплекса в социальных медиа: контент не делает упор на применение данных технологий в области медицины или любых других социально важных сфер государства. Это, в свою очередь, порождает дистанцию между брендом государства и его гражданами. То есть политтехнологи, которые занимаются продвижением социальных медиа, упускают главное их преимущество перед традиционными медиа, а именно — тесный контакт с пользователем.

После присоединения Крыма бренд российской армии стал развивать схожий американскому архетип — миротворца, который может в одиночку спасти весь мир. Этот имидж устоялся за счет сильного личного бренда политических деятелей, в частности С.К. Шойгу. Так, по состоянию на 2020 г. Шойгу (+3 пункта) занимает второе место после президента В.В. Путин в «Рейтинге доверия “Ромир” ТОП-100». На январь 2020 г. рейтинг С.К. Шойгу вырос по сравнению с сентябрем 2019 г. с 13 до 19%.

Государство развивает концепцию независимости производимого отечественного вооружения от западного. Общественность узнает об этом факте в основном на Параде Победы, на котором государство представляет все новейшие разработки в области оборонно-промышленного комплекса. Парад в честь победы в ВОВ является мощным маркетинговым инструментом, который во многом строится на эмоциональном аспекте формирования бренда, что, в свою очередь, создает во многом ценность национального бренда страны.

СМИ, в свою очередь, делали акцент именно на независимости данных технологий, что вызвало не только гордость у граждан, но и интерес у зарубежных специалистов.

## НОВАЯ РОЛЬ ПОЛИТИКИ И СМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ АКСИОМАТИКИ В ПОЛЬЗУ СЕТИ

Социальная система и ее сущность, сеть и ее сущность — это одно и то же или разное? Что считать социальной системой? Какова «социальность» системы и сети? Социальное измерение — это новый подход к исследованию социальных образований или традиционный политически окрашенный субъективный взгляд? Какова в этом всем роль политики? Внятных ответов на эти вопросы нет. Пока одни рассуждают о новом субъективном взгляде на социальность как на способность каждого конструировать свой мир, другие рассуждают в старых проверенных временем терминах нечто общего, синтезирующего реальность по лекалам следствий.

По сути, мы продолжаем иметь дело с «лапласовским» историческим детерминизмом — единственным доступным и весьма удобным способом рефлексии, устойчивой к малым возмущениям социальной системы. Парадоксально, что в современном открытом униполярном научном мире продолжает преобладать единственный общепринятый подход, постулирующий существование особого вида явлений, называемого «обществом», «социальным порядком», «социальной практикой», «социальным измерением» или «социальной структурой».

Несмотря на потенциальную иррациональность поведения ее участников — людей, ведущих к сингулярности любых социальных образований, любые попытки рассмотрения сети как новой формы организации социального пока сводятся к банальной структуре. Это или коммуникативная структура, или структура, образованная естественным путем и принимающая самые разные формы от замкнутых тайных обществ до общедоступных социальных движений. В обоих случаях вневременная фиксация связей между ее элементами превращает сеть отношений в традиционную социальную структуру.

Желательность иметь дело с более крупной единицей анализа предполагает рассмотрение любой ситуации на макроуровне. В этом случае сетевые взаимодействия и их «плотность» будут однозначно детерминированы механически — историческим детерминизмом или в плане целеполагания — социальной сплоченностью и мобилизацией. Можно ли отказаться от подобных политически окрашенных обобщений, загоняющих политику в знакомую колею, а структурированную социальность в логический тупик? Вероятно, пора пересмотреть роль и место политики. Исключив латуровское «освобождение» от нее ради чистой социальности, следует двигаться в противоположном направлении. Ее нужно сохранить, но пересмотреть ее суть и роль в конструировании социальности. Вероятно, что таким образом проявятся контуры новой социальности и новой культуры отношений. По сути, речь идет о необходимости ницшеанской пересборки социального посредством синтеза психологических, культурных, религиозных, экономических, правовых, управленческих и прочих связей-отношений. Объединяет все это на межличностном уровне политика. Постоянно производя субъективность, а не копируя предустановленную субъектность, она становится основой сети отношений, соединяя или разъединяя их стороны.

Благодаря пересмотру сути политики возможен и логический разворот к иному уровню социальной организации, а от него, закономерно, и к управлению ею. Нелинейность политических процессов в силу усиливающегося влияния эволюционирующего человека, все более знающего и все более способного обмениваться материей, энергией и информацией с внешним миром, делает его связи-отношения спонтанными и малопредсказуемыми. Очевидно, что подвигает нас к интуитивной революционной трансформации восприятия социальности. Заметим, что интуиция, в ее бергсоновской интерпретации, рассматривается как вполне развитый научный метод в философии и гуманитарных науках. Как показала современная физика, знания о мироустройстве невозможно получить только благодаря непосредственным наблюдениям за видимыми и воспринимаемыми вещами. Заглянуть за горизонт событий позволила лишь основанная на интуиции квантовая механика, область применения которой расширилась до пределов, которые пока невозможно даже установить.

Процесс создания новых связей-отношений между делезовскими ризомоформными узлами сети: людьми как агентами, между агентами и невитальными квазиагентами, между агентами и силами-актантами, благодаря научным открытиям и информационным технологиям принял лавинообразный характер. Человечество оказалось на пороге стихийной бифуркации в осмыслении сути социальной системы по мере роста ее открытости и взаимосвязанности. Новой версией восприятия комплексной социальности видится сеть, подобная пригожинской диссипативной системе, сложность которой локализуется на уровне политических интеракций между ее узлами. Создавая что-либо для себя, в том числе и окружающую нас социальность, мы создаем это для всех, преобразуя таким образом всю систему отношений. Ведь политика будет направлена на эволюцию человека — на формирование эскалационных цепей убегания дальнего действия от самого себя.

## К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ И СУЩНОСТИ ПОЛИТИКИ

Как известно, стремление раскрыть тайны феномена политики, понять ее смысл, возможности ее использования в интересах человека стало причиной появления науки о политике. Однако единого или, по крайней мере, относительно устоявшегося в научной литературе самого понятия «политика» до сих пор не существует.

Так, в современной отечественной и зарубежной научной и учебной литературе существует множество неоднозначных и порой противоречивых определений этого понятия. Например, белорусский исследователь В.А. Мельник считает, что понятие «политика» многоаспектно, поэтому его содержание невозможно отразить в единой формулировке. «Во-первых, это участие в делах государства, в управлении жизнедеятельностью общества; во-вторых, это область отношений народов, классов, социальных групп и общностей; в-третьих, это концентрированное выражение интересов различных социальных групп и общностей; в-четвертых, это наука, а также и искусство; в-пятых, в обыденной речи — это нередко характеристика образа действий, направленных на достижение определенных целей в отношениях людей между собой»<sup>1</sup>. Тем не менее автор все-таки предлагает ее определение. «Политику, — пишет он, — в собственном смысле слова можно определить как сферу деятельности, связанную с реализацией потребностей и интересов индивидов, социальных групп, классов, наций, общества в целом, ядром которой являются завоевание, удержание и использование государственной власти»<sup>2</sup>. Определения политики связывают с деятельностью государства и другие ученые. Например, А.Е. Чуклинов рассматривает политику как некий феномен, в основе которого лежит совокупность отношений, складывающихся в результате целенаправленного взаимодействия групп по поводу завоевания, удержания и использования государственной власти в целях реализации своих общественно значимых интересов<sup>3</sup>.

Такое понимание политики, на наш взгляд, сужает сферу политического, исключает из нее негосударственные, но экзистенциально значимые отношения между людьми и их объединениями.

А.Е. Чуклинов считает, что в русле античной мысли все, входившее в «экономику», а следовательно, принадлежащее к жизни отдельно взятого человека, идентифицировалось и определялось как неполитическое<sup>4</sup>. Это неточно. Платон и Аристотель считали, что деятельность некоторых граждан полиса также может иметь политический характер. Например, управленческие действия мужа по отношению к жене, отца по отношению к сыну и т.д.<sup>5</sup> Это впоследствии подчеркнет и М. Вебер.

Попытку дать определение политики делают многие наши отечественные исследователи: К.С. Гаджиев, А.С. Панарин, В.К. Батурин, М.А. Василик, Р.Т. Мухаев, А.А. Борисенков, В.П. Пугачев, А.И. Соловьев и др. Анализ их работ позволяет сделать вывод, что отечественное представление о сущности данного феномена сформировалось в основном под влиянием идей М. Вебера и Т. Парсонса, связывающих политику с борьбой за государственную власть.

К. Шмитт был прав, обвинив политическую науку в том, что она «заблудилась» между понятиями «государственное» и «политическое», пытаясь определить одно через другое. Государство «оказывается чем-то политическим, а политическое — чем-то государственным, и этот круг в определениях явно неудовлетворителен»<sup>6</sup>. И действительно, в отечественном «Философском энциклопедическом словаре» понятие «политика» определяется как «сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти»<sup>7</sup>. Но государственная власть не является самоцелью для политики, она лишь средство ее осуществления. Политика проявляет себя там и тогда, где и когда затрагиваются экзистенциальные проблемы человеческого бытия, его способа существования.

Весь фокус политики в том и заключается, что на протяжении всей истории развития человечества идет борьба (мирная и немирная) социальных групп, классов, личностей за тот или иной способ существования точно так же, как это происходит (в соответствии с мыслью Аристотеля<sup>8</sup> и современного этолога де Валя<sup>9</sup>) в сообществе всех коллективных животных. С той лишь существенной разницей, что в человеческом обще-

<sup>1</sup> Мельник В.А. Политология. Минск, 1999. С. 107.

<sup>2</sup> Там же. С. 102.

<sup>3</sup> См.: Чуклинов А.Е. Феномен политического: антропологизм versus нормативизм? // Методология исследования политического: основные подходы и направления: Колл. монография / Под ред. Т.В. Карадже. М.: Прометей, 2013.

<sup>4</sup> См.: Там же.

<sup>5</sup> См.: Платон. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. С. 11–53. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 375–402; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 664–706.

<sup>6</sup> Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 23.

<sup>7</sup> Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 352.

<sup>8</sup> См.: Аристотель. История животных. М., 1996.

<sup>9</sup> См.: Де Валь Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов. М., 2014.

стве действуют, ведут борьбу за тот или иной способ существования люди, обладающие сознанием, идеями, интересами по поводу этого существования, а не заложенными природой инстинктами.

Политику нельзя трактовать иначе, чем деятельность людей по организации того или иного образа жизни, способа существования, совместного бытия, как необходимое и полезное в этом плане распорядительство собственным существованием, отношениями и отношением к окружающему их миру. Поэтому вполне закономерно, что главным инструментом, с помощью которого можно реализовать имеющиеся в сознании людей представления о том или ином способе существования, является государство с его властными полномочиями. Сама же политика есть не что иное, как борьба действующих субъектов, акторов за тот или иной способ существования.

Неверов К.А.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## **РЕКУРСИВНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ИНТЕРОПЕРАБЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ<sup>1</sup>**

**П**од интероперабельностью в государственном управлении понимают взаимный удаленный обмен данными или информацией между правительственными агентствами, в основе своей имеющий общие стандарты и правила. Окружением является открытая система, которая подразумевает снижение административных барьеров для граждан и бизнеса, а также бесшовное взаимодействие между правительственными агентами и отдельными государственными служащими в едином семантическом поле. В современных условиях, для которых характерно развитие информационно-коммуникационных технологий, взаимный удаленный обмен данными носит цифровой характер и осуществляется, в частности, посредством цифровых платформ государственного управления. Стоит отметить, что алгоритмы работы в каждом из звеньев системы (или в отдельных подсистемах, которыми могут быть государственные органы, агентства, департаменты и проч.) могут варьироваться в зависимости от специфических особенностей той сферы, за которую ответственна данная подсистема. При этом сохраняется общая управляемость системы благодаря общей стандартизации правил и наличию семантического поля, связывающего отдельные элементы системы.

Рекурсивность может трактоваться через понятие «аутопоэзис», тогда под рекурсивностью будет пониматься самовоспроизведение и самоусложнение системы, когда каждый последующий цикл является продолжением предыдущего. Другое понимание рекурсивности, характерное для компьютерных наук, сводится к разбиению сложной задачи на ряд подзадач меньшей сложности. Процесс дробления продолжается до тех пор, пока не будет достигнуто такое состояние, когда подпроблема может быть решена без дальнейшего разбиения. Затем начинается восходящее движение: решение простейших подпроблем ведет к решению более сложных, и так до тех пор, пока не будет решена основная проблема<sup>2</sup>.

Так как процессы и явления, имеющие место в сфере политического и государственного управления, в своей строгости не тождественны объектам, изучающимся в математике и технике, которые несут в себе неизменные черты или структуры, в процессе рекурсии остающиеся инвариантами, т.е. тем неизменным, что сохраняется при каждом последующем цикле самовоспроизведения и самоповторения. Для наших целей мы принимаем, что в случае общественно-политических процессов и явлений инвариантом могут выступать нормы, правила и ценности как фундаментальные, структурообразующие элементы (константы), определенным образом связанные друг с другом и до некоторой степени неизменные.

Интероперабельность может рассматриваться, с одной стороны, как рекурсивный процесс, когда информация, проходящая через различные правительственные, государственные или общественные учреждения, прирастает в своем количестве и приводит к появлению новой информации, с другой стороны, интероперабельность может обладать свойством рекурсивности: если система является интероперабельной, тогда перемещение и развитие информации в ней будет рекурсивным процессом.

Если трактовать интероперабельность как рекурсивный процесс движения информации или данных, то подход Майкла Крозье к управляемости и государственному управлению может дополнить изложенное выше. Под рекурсивным управлением исследователь понимает «режим работы, который формирует и трансформирует в соответствии с информационной логикой и в процессе может выходить за социальные, институциональные, организационные и концептуальные границы. Это средство, переориентирующее социальную координацию и связи с гражданами и между ними [гражданами]. Это также стратегия, которая трансформирует институциональные механизмы и организационные практики»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда (грант № 19–18–00210 «Политическая онтология цифровизации: институциональные основания цифровой государственной управляемости»).

<sup>2</sup> Eric S.R. *Thinking Recursively*. New York: John Wiley & Sons Inc., 1986. P. 7–8.

<sup>3</sup> Crozier M. *Recursive Governance: Contemporary Political Communication and Public Policy* // *Political Communication*. 2007. No. 24(1). P. 8.

Тогда управляемость можно трактовать как коммуникацию, а государственное управление рассматривать как способность управлять информационными потоками, направляя их в то или иное русло.

Для цифровых платформ рекурсивность интероперабельности проявляется в том, что данные и информация здесь находятся во главе стратегии цифровизации, само цифровое правительство открыто, информация постоянно появляется, изменяется и становится все более сложной, при этом существуют четкие стандарты взаимодействия.

Невзоров М.В.  
(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

## АНАЛИЗ ФОРМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ ВО ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМ КОНФЛИКТЕ

1. Имеющаяся литература показывает два кардинально различных механизма проведения миротворческой операции<sup>1</sup>: 1) операции по поддержанию мира (ОПМ), или *peacekeeping operation*, и 2) операции по принуждению к миру (*peace enforcement*). ОПМ проводится при урегулировании насильственного (вооруженного) конфликта 1) с согласия сторон, 2) с участием беспристрастных миротворческих сил (МС). И наоборот, при проведении операции по принуждению к миру 1) не требуется согласия всех сторон конфликта, 2) военные акции не являются самоцелью, но служат дополнением к «дипломатическим усилиям».

2. Имеется разрыв легитимности, когда ОПМ подробно регламентируется международным правом, тогда как операции по принуждению к миру рассматриваются как произвол отдельных держав. В то же время правовые аспекты ОПМ должны быть дополнены анализом военно-политического компонента. Так, Ю. В. Запарий в контексте вывода миротворческих сил с Ближнего Востока в 1967 г. пишет: «Принципы нейтральности миротворцев и согласия сторон конфликта обеспечивали эффективное воздействие ООН на конфликт, однако, на определенном этапе, они вступали в противоречие с интересами участников конфликта и их союзников»<sup>2</sup>.

3. В нашем исследовании предлагается рассматривать модель операции по поддержанию мира с точки зрения положений единой теории конфликта В.А. Светлова и теории драмы Н. Ховарда. В случае *внутреннего регионального конфликта* модель принимает вид графа<sup>3</sup>, состоящего из 1) государства, сепаратистов, которые противоположным образом относятся к политическому проекту территориального распределения власти (обычно в виде независимости) и 2) миротворческих сил, которые а) с *согласия сторон* размещаются между ними и налаживают положительные отношения с обеими сторонами, б) обеспечивают *беспристрастность* путем нейтрального отношения к оспариваемому сторонами политическому проекту.

4. Формальный анализ модели показывает следующие типовые ситуации: 1) этап формирования структуры ОПМ; 2) режим нарушения прекращения огня на этапе ОПМ. Ниже покажем, что легальный процесс ОПМ дополняется военно-политической стратегией операции по принуждению к миру.

5. На этапе формирования структуры ОПМ возможны две альтернативы:

- 1) легальный процесс обеспечивается наличием между враждующими сторонами предварительных договоренностей и обязательств по прекращению огня, одним из пунктов договора является наличие взаимного согласия разместить на своей территории миротворческий контингент;
- 2) в случае если отношения между враждующими сторонами переходят допустимые пределы (что во внутригосударственных конфликтах выливается, например, в этнические чистки), то внешний игрок, претендующий на проведение миротворческой операции, может по собственной инициативе провести операцию по принуждению к миру по типу гуманитарной интервенции: с помощью военной операции против одной из сторон не только прекращаются боевые действия, но, по сути, «выбивается» согласие на проведение операции по поддержанию мира. Примером является ситуация в Косово 1999 г.

6. Формальный анализ модели операции по поддержанию мира с помощью теории драмы показывает, что миротворцы могут находиться в *дилемме сдерживания*, когда, несмотря на угрозу применения оружия со стороны МС, одна из сторон все же предпочитает угрожающее будущее (например, государство воюет против сепаратистов и игнорирует угрозу МС):

- 1) легальный процесс подчеркивает важность принципа «согласия сторон», таким образом, парадоксально, но при возобновлении боевых действий миротворцы должны быть автоматически «выведены» из зоны конфликта (или, как минимум, не принимать в нем участие, как в случае с Ре-

<sup>1</sup> Заемский В.Ф. Миротворческая деятельность ООН: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2005. С. 11.

<sup>2</sup> Запарий Ю.В. Миротворческие операции ООН: Середина 1940-х — начало 1970-х гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.15. Екатеринбург, 2004. С. 18.

<sup>3</sup> Невзоров М.В. Вмешательство третьей стороны в этнополитический конфликт на территории непризнанного государства: сравнительный анализ // Известия РГПУ А.И. Герцена. 2014. № 171. С. 154–158.



спубликой Сербская Краина в 1990-х годах, интересно, что в этом случае миротворческий мандат был «обнулен» и заново принят после победы Хорватии и подписания Эрдутского соглашения);

- 2) у миротворческого контингента имеется возможность прибегнуть к операции по принуждению к миру, что предполагает привлечение на свою сторону внешней заинтересованной стороны (чей контингент обычно уже выполняет функцию МС). Примером является ситуация в Южной Осетии 2008 г.

7. Данная формальная модель позволит сравнить имеющиеся эмпирически наблюдаемые случаи друг с другом и ответить на ряд вопросов, касающихся взаимозависимости между политическими и военными инструментами проведения миротворческой операции.

Негров Е.О.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## **ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК ВНУТРИ ВИРТУАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ: ОСНОВНЫЕ ТАКТИКИ, СТРАТЕГИИ И КОНТРСТРАТЕГИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

**М**ногоаспектность самого явления политической коммуникации обуславливает ее изучение в рамках различных научных направлений, и в конечном итоге наиболее релевантным представляется их синтез, в ходе которого возможен поливекторный подход, учитывающий как новейшие международные разработки в этой сфере, так и российскую специфику. Задача представляемого доклада состоит в определении механизмов взаимодействия и организации дискурса внутри виртуальных политических сообществ, а также выявление основных тактик, стратегий и контрстратегий в рамках коммуникации внутри социально-политического пространства.

Очевидно, что сам по себе тренд виртуализации общественно-политической жизни, очевидный в последние десятилетия, в последние полтора года еще больше интенсифицировался в ходе общемировой пандемии коронавирусной инфекции и связанных с этим ограничений традиционных видов коммуникаций. В этих условиях анализ механизмов взаимодействия и организации дискурсивных практик в рамках одного из аспектов функционирования социально-политического пространства способен дать не только теоретическую, но и практическую пользу, связанную с предложенными моделями повышения качества этих самых коммуникационных практик.

Основным предметом исследования в рамках данной работы является феномен виртуальных сообществ, манифестирующих свою политическую и/или идеологическую направленность, но не имеющих четко выраженной структуры вне цифрового поля, причем в качестве объектов для эмпирической части работы должны выступать самые разные сообщества во множестве географических и политических пространств — от знаменитых приверженцев движения *QAnon* («Кью-анон») в Соединенных Штатах Америки или сообществ приверженцев антивакцинаторства («антиваксеров») по всему миру с их идеями чипизации и роли «мирового правительства» в этом вопросе до Движения «Сорок сороков» в России или группы петербургских фундаменталистов, которая сама позиционирует себя как региональное и относящееся в первую очередь к культуре общество («литературная группа прямого действия»). Задача исследования состоит не в составлении полного списка таких виртуальных сообществ (да это и невозможно), а именно в синтезировании универсальных механизмов коммуникации, а также дискурсивных тактик и стратегий такого рода групп.

Также нельзя не учитывать тот факт, что взрывной рост использования социальных сетей в повседневной жизни самым непосредственным образом отражается на специфике межличностной коммуникации. Прошедший год и вынужденная интенсификация виртуализации повседневной жизни из-за пандемии еще более выпукло обозначили эту проблему. На наш взгляд, данные процессы влекут за собой не только сугубо технические изменения, но и качественные трансформации в выстраивании коммуникации, такие как изменение иерархических отношений, расширение прав и возможностей ее участников и самих норм, а также уплощение, редуцирование самого процесса коммуникации — как в технологическом, так и в психологическом плане.

Важной особенностью различных виртуальных сообществ является скорость распространения информации и скорость коммуникации между их членами. Сообщества, преимущественно находящиеся в офлайне, ограничены постоянной необходимостью непосредственной работы «в поле». В работе же онлайн-сообществ свобода и быстрота распространения информации является ключевым фактором, что позволяет за очень небольшое время транслировать определенные идеи, декларировать цели и за-

дачи, решать тактические и стратегические вопросы для неограниченного круга лиц. Также нельзя забывать, что при анализе сущностных факторов и составляющих протеста добросовестный исследователь должен учитывать не только количественные показатели (количество участников, соотношение поддерживающих, нейтральных и отрицающих то или иное предложение членов группы, число постов, лайков, перепостов и т. д.), но и всевозможные качественные характеристики (факторы, влияющие на увеличение интенсивности протеста, анализ личной мотивации участия и т. д.).

При этом, сравнивая и анализируя соотношение действий разной степени пассивности и активности, нельзя не учитывать одну специфическую особенность современного общественно-политического процесса — слабо выраженную на практике корреляцию между манифестированием собственной политической идентичности и декларацией готовности к разного рода конвенциональным и неконвенциональным действиям и собственно реальными действиями, которые можно зафиксировать в офлайне (феномен так называемых «диванных войск», с одной стороны, и социально одобряемого лицемерия — с другой).

Практической демонстрацией изложенных идей и презентацией результатов является обрабатываемая эмпирическая часть доклада, которая должна быть представлена на конгрессе.

Недяк И.Л.

(Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва)

## **ВЛАСТЬ В ФОРМЕ ГОСПОДСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЯХ: ДЕТЕРИОРАЦИЯ ИНСТИТУТОВ, СОЦИАЛЬНЫХ И ГРАЖДАНСКИХ НОРМ<sup>1</sup>**

Теоретический дискурс господства наших дней можно назвать поствеберианским в том смысле, что он отошел от характерной черты социологии господства М. Вебера: ценностно нейтральное определение власти и господства, их нормативное неразличение. В наиболее авторитетных современных концепциях господства (они опираются на разные теории: (нео)романского республиканизма, критической социологии Франкфуртской школы, социального обмена, многомерных концепций власти) господство солидарно определяют как форму нормативно-нежелательной власти. Господство (*domination*), произвольная власть (*arbitrary power*), внешний контроль (*alien control*) используют как синонимические понятия.

Под господством понимают форму власти, воспроизводящую на системной основе асимметричные субъект-объектные отношения подчинения с нулевым результатом. Произвольная власть не ограничена общеизвестными нормами, процедурами, целями. Субъект власти может ее осуществлять по своему усмотрению, не встречая противодействия институциональной среды. Под внешним контролем понимается способность субъекта власти управлять в своих интересах набором возможностей объекта воздействия, дабы использовать его в качестве инструмента для достижения своих целей. Внешний контроль сосредоточен на управлении сознанием «подданных», он формирует ценности, нормы, цели, установки, паттерны поведения, которые отвечают своекорыстным задачам субъекта господства.

В современных концепциях господства политику стран с разными моделями демократии анализируют как процесс противостояния субъектов и объектов господства. Результаты измеряют на шкале с полюсами «господство — *empowerment*». Власть, ее целеполагание, способы и результаты осуществления оценивают не столько в рамках спектра «демократический с разными прилагательными», а с точки зрения их нацеленности на ограничение структур господства, на достижение эмансипаторных социальных изменений, наделение граждан полномочиями и расширение их возможностей.

Демократические режимы в разное время с разным успехом ограничивают развитие отношений господства. Нарастивание последних, а также снижение порога чувствительности социума к нормативному и моральному порядкам господства отмечается с последней четверти прошлого века. Усвоение этоса господства приводит общество в состояние, которое описывается и анализируется в терминах «социальная патология», «аномия». Выводы исследований, проведенных с опорой на разные теоретические и методологические основания, непротиворечивы: власть господства профанирует демократическое содержание институтов и практик, свертывает пространство публичной политики, лишает граждан субъектности и способности к действию (*agency*). Господство не только создает специфические нормы и правила социального взаимодействия, но и принуждает к их «добровольному» соблюдению, снижая у объектов воздействия способности к рефлексии и дискурсивному сознанию. Сфера господства «аннулирует» автономного человека, подавляет его социальную энергию, устраняет делиберативные аспекты гражданства и в целом искажает нормативное представление о демократическом гражданстве.

Данные четырех волн общероссийского репрезентативного опроса (2018, 2019, 2020, 2021 гг.), проведенного отделом социально-политических исследований Института социологии ФНИСЦ в сотрудни-

<sup>1</sup> При поддержке гранта РФФИ № 20-011-00724 А «Гражданская ответственность, эмпауэрмент и вовлеченность как основания формирования и институционализации политических практик в России».

честве с Центром социального прогнозирования и маркетинга под руководством Ф.Э. Шереги, позволили верифицировать основные посылы концепций господства применительно к российскому случаю<sup>1</sup>. Господство серьезно поразило российский социум: в разные годы от 82 до 86% респондентов заявляли о своей неуверенности в защищенности законом от произвола властей предрержащих. Разница в оценках социальной и политической сред респондентами, ощущающими себя в сфере отношений произвола и вне ее, достигает 40 процентных пунктов. Сформированное в зоне господства коллективное воображаемое проявляется в когнитивных, мотивационных и поведенческих установках граждан<sup>2</sup>. «Кодекс» отношений господства в целом усвоен россиянами, но еще не изменил их представления о должном устройстве политики — важное условие социетальной интеграции. «Вживание» принципа политико-правового равенства в нормативно-ценностную структуру и моральный порядок российского общества представляется первостатейной задачей в программе действий по обузданию власти господства.

Нежданов В.Л.  
(ТюмГУ, Тюмень)

### «СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ» КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПЦИЙ «ИДЕЙ СИ ЦЗИНЬПИНА О ДИПЛОМАТИИ»

1. Экономические успехи 2000-х годов привели к первым призывам со стороны политического и экспертного сообщества КНР «делать что-то реальное» во внешней политике, «набраться мужества и решимости» и занять позицию ответственной мировой державы<sup>3</sup>.

Ян Цзечи, глава канцелярии комиссии ЦК КПК по иностранным делам, отмечал взаимосвязанность изменений в китайских подходах ко внешней политике с эволюцией мирового порядка<sup>4</sup>.

Совокупность факторов привела к появлению обновленных политических концепций, получивших название «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры».

Официальное употребление термина «Идеи Си Цзиньпина» произошло на XIX съезде КПК в 2017 г.<sup>5</sup> «Идеи Си Цзиньпина» утверждены в качестве руководящей идеологии КПК, включены в ее Устав<sup>6</sup>.

2. Ключевым элементом «Идей Си Цзиньпина» выступает возрождение и развитие марксистских подходов во внутренней и внешней политике<sup>7</sup>. «Идеи Си Цзиньпина» в качестве идеологического подхода означают противопоставление подходов Китая подходам Запада в отношении глобальной политической и финансово-экономической архитектуры.

3. «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» были сформулированы в июне 2018 г.<sup>8</sup> «Идеи о дипломатии» базируются на «десяти настойчивостях» (十个坚持)<sup>9</sup>.

4. Концепция «Сообщества единой судьбы» (СЕС) рассматривается Пекином в качестве стратегии глобального развития. Концепция была представлена Си Цзиньпином в марте 2013 г. на лекции в МГИМО, а в октябре председатель КНР в парламенте Индонезии обозначил условия, необходимые для построения СЕС<sup>10</sup>.

5. За прошедшее с 2013 г. время Концепция СЕС выросла в многоуровневую систему.

Первый уровень, СЕС как «национальная идея» Китая, предполагает идеологическое наполнение концепции и ее связь с другими политическими концептами КНР.

Второй уровень, СЕС как система двусторонних отношений КНР и страны-контрагента, как, например, идея общего будущего Китая и Лаоса.

Третий уровень, СЕС как система региональных сообществ, где КНР представлена в качестве соседней страны или донора развития, например Сообщества судьбы Китая и АСЕАН, Китая и Латинской Америки, Китая и стран Ближнего Востока или ШОС.

<sup>1</sup> Структуры господства, граждане и институты / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 2020. — 318 с.

<sup>2</sup> Недяк И.Л. Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де)формирования политического пространства России // *Общественные науки и современность*. 2021. № 3. С. 30–45.

<sup>3</sup> *Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. — 280 с.

<sup>4</sup> 杨洁篪. 以习近平外交思想为指导 深入推进新时代对外工作 // 中国共产党新闻网, 02.08.2018. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0802/c40531-30192489.html> (дата обращения: 26.06.2021).

<sup>5</sup> *Hernandez Javier C.* China's «Chairman of Everything»: Behind Xi Jinping's Many Titles // *The New York Times*. 25.10.2017.

<sup>6</sup> *Hou Qiang.* CPC Creates Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for New Era // *Xinhua*. 19.10.2017.

<sup>7</sup> 习近平给复旦大学青年师生党员回信 // 中国新闻网. 30.06.2020.

<sup>8</sup> 陈向阳【学习有理】习近平外交思想指引新时代中国特色大国外交 // *Жэньминь жибао*. 10.08.2018.

<sup>9</sup> 杨洁篪. 以习近平外交思想为指导 深入推进新时代对外工作 // 中国共产党新闻网. 02.08.2018.

<sup>10</sup> Ключевые слова Си Цзиньпина / Пер. с кит. А.В. Семенова, Т.Г. Семеновой; науч. ред. Ван Бинь; сост.: «Учебная группа» зарубежного издания «Жэньминь жибао». М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2021. С. 324–329.

Четвертый уровень, СЕС как глобальная система, берет свое начало с выступления Си Цзиньпина на Генеральной Ассамблее ООН в 2015 г. Дипломатической победой Пекина стало включение понятия СЕС в документы ООН.

Пятый уровень связан с особенностями развития СЕС как глобальной системы. Интернационализация концепции приводит к ее отрыву от «материнской» почвы. Мыслители и политики практически всех стран и народов задумывались о судьбах человечества, интернационализация СЕС открывает возможности ее обогащения от национальных идей других стран.

Шестой уровень, внерегиональные СЕС, направленные на построение взаимоотношений в конкретных сферах. В качестве примеров можно назвать сообщества в киберпространстве, в области ядерной безопасности, здравоохранения и др.

6. СЕС выступает ключевым элементом внешней политики КНР и предлагает альтернативный Западу идеал системы международных отношений. Включение концепции в документы КПК — КНР делает СЕС одной из ключевых целей государственного развития Китая на современном этапе.

Нелина Л.П.  
(СевГУ, Севастополь)

## ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ» ПАМЯТИ В СЛОВАКИИ<sup>1</sup>

Изучение политики памяти в Словакии не входит в мейнстрим *memory studies* в России, хотя региону Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) в этом контексте уделяется достаточно много внимания. В современных политологических исследованиях Словакия в основном фигурирует как страна, наиболее лояльная России в риторике своего руководства, анализируется развитие двухсторонних отношений на фоне развития конфликта на Украине и наличия политической напряженности между ЕС и РФ. При этом сохранение симпатий словацкого общества к России при одновременном членстве в ЕС и НАТО свидетельствует о наличии определенного диссонанса внутри словацкого общества, который в терминологии А. Ассман может объясняться конфликтом «политической памяти» и «социальной памяти». А. Ассман определяет «политическую (национальную) память» как один из форматов коллективной памяти, связанный «с сильными императивами лояльности и крайне унифицирующей “Мы”-идентичностью»<sup>2</sup>. Отличительной характеристикой «политической памяти» является ее долговременность и унифицированность, задаваемые политическими институциями «сверху» и культивирующими различные формы ее коллективного усвоения. В противовес — «социальная память» является «памятью “снизу” ... которая вновь и вновь исчезает со сменой поколений»<sup>3</sup>. В силу еще сохраняющихся различий между указанными форматами памяти словацкого общества «восточная» проблематика (в первую очередь — отношения с Россией) еще находит благоприятную почву, становясь инструментом получения политических дивидендов оппозиционными партиями, занимающими существенно более умеренные позиции после достижения власти<sup>4</sup>.

Современная политика памяти в Словакии реализуется в пределах так называемой «восточноевропейской модели» памяти<sup>5</sup>, или же восточноевропейского нарратива<sup>6</sup>. Его ключевыми характеристиками выступают акцентирование странами ЦВЕ собственной «европейскости», мотив «похищения» их Москвой и страдания от гнета тоталитаризма, нивелирование сакральности Холокоста и закрепление роли главной жертвы за титульной нацией.

Одним из главных инструментов формирования «политической» памяти в Словакии является Институт национальной памяти (ИНП)<sup>7</sup>. Созданный в 2002 г. в соответствии с Законом о памяти нации<sup>8</sup>, ИНП, с одной стороны, стал институциональным воплощением разрыва с коммунистиче-

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-09-00279.

<sup>2</sup> Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 33.

<sup>3</sup> Там же. С. 35.

<sup>4</sup> Марушьяк Ю. Словакия и Россия: между национальными интересами и идентичностью // Современная Европа. 2017. № 7 (79). С. 73.

<sup>5</sup> Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика. 2016. № 1. С. 117.

<sup>6</sup> Нелина Л.П. Восточноевропейский нарратив в современном европейском дискурсе памяти // Потемкинские чтения: Сб. мат.-лов. Севастополь: СевГУ, 2021. С. 101–103.

<sup>7</sup> Ústav pamäti národa. URL: <https://www.upn.gov.sk>.

<sup>8</sup> Zákon o sprístupnení dokumentov o činnosti bezpečnostných zložiek štátu 1939–1989 a o založení Ústavu pamäti národa a o doplnení niektorých zákonov (Zákon o pamäti národa) z 19 augusta 2002 553/2002. URL: [553–2002.pdf](https://www.zbierka.sk/akt/553-2002.pdf) (gov.sk).

ским прошлым, с другой — подавался как инструмент европеизации словацкого общества<sup>1</sup>. Идеологом создания ИНП и его первым руководителем стал Ян Лангош, принадлежавший в 1980-е годы к числу наиболее активных диссидентов словацкой части Чехословакии. Во вступительном слове к первому выпуску журнала «Память нации» Я. Лангош определил миссию ИНП в популяризации опыта «работы с коммунистическим прошлым» и распространении правды о прошлом «расширенной Европы»<sup>2</sup>.

ИНП является государственным учреждением, его деятельность и структура полностью регламентированы Законом о памяти нации. Среди его главных задач, возложенных государством, называются:

- «полная» и «беспристрастная» оценка деятельности фашистского и коммунистического режимов на территории Словакии в части преследований и лишения граждан свободы, определение степени причастности к этим действиям местных и иностранных лиц;
- документальное подтверждение статуса репрессированных и оглашение сведений о лицах, в этом виновных, вплоть до возбуждения уголовных дел в сотрудничестве с Генеральной прокуратурой Словацкой Республики;
- продвижение идеи свободы и защиты демократии от режимов, подобных нацизму и коммунизму;
- предоставление статусов участника и ветерана антикоммунистического сопротивления, в том числе посмертно;
- популяризация результатов исследований и документов о «периоде несвободы 1939–1989 годов» среди научной и широкой общественности (§8).

Руководство институтом осуществляется Исполнительным советом из девяти членов, пять из которых назначаются Национальным советом, по двое — правительством и президентом (§12). Ко всем членам органов правления выдвигается требование отсутствия в прошлом связей с компартией или же органами госбезопасности, что должно подтверждаться Генеральной прокуратурой (§11).

Научная работа ИНП тематически сосредоточена на изучении так называемого «периода несвободы», датируемого с 1939 по 1989 г. Рубежом между этапами фашистской и коммунистической «несвободы» выступает 1945 г. Несмотря на научную несостоятельность подобной датировки, именно такой подход реализуется в рамках официального нарратива.

В целом же деятельность ИНП в Словакии является типичным примером институционального регулирования «политической» памяти в странах ЦВЕ, внося свой вклад в процесс трансформации общеевропейского дискурса о прошлом.

**Нестик Т.А.**  
(Институт психологии РАН, Москва)

## **ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ<sup>3</sup>**

**П**сихологическое состояние общества (ПСО) можно определить как совокупность массовых и коллективных переживаний, представлений, ценностей и установок, влияющих на функционирование социальных институтов.

С одной стороны, ПСО определяется преобладанием в обществе тех или иных состояний, которые формируются на уровне личности и малой группы, но при этом носят массовый характер, т.е. широко распространены. Например, выраженность депрессии и тревоги может иметь эндогенную природу или быть связанной с трудными жизненными ситуациями отдельных людей или малых групп, но широкая распространенность симптоматики тревоги и депрессии становится макропсихологическим фактором, влияющим на политическое поведение.

С другой стороны, в ПСО вносят вклад коллективные эмоции, образы, ценности и нормы, которые конструируются россиянами как членами определенной группы, т.е. основаны на идентификации с Россией. Динамика таких феноменов определяется в большей степени групповыми социально-психологическими механизмами: результатами межгруппового сравнения, защитой позитивной группо-

<sup>1</sup> *Sniegón T. Implementing Post-Communist National Memory in the Czech Republic and Slovakia // European Studies. 2013. No. 30. P. 119.*

<sup>2</sup> *Langoš J. Slovo na úvod // Pamät národa. 2004. No. 1. S. 3.*

<sup>3</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31386 «Теоретико-методологические основания диагностики психологического состояния общества в современном российском политическом контексте».

вой идентичности, групповой самооэффективностью, инскриптивными и дескриптивными нормами. Особенностью коллективных состояний является также их большая осознаваемость: такие состояния связаны с групповыми интересами, они конструируются в межличностном и публичном дискурсе, в том числе через СМИ и социальные медиа.

Система показателей для измерения психологического состояния общества должна учитывать как мотивационно-аффективные, так и социально-когнитивные характеристики. К мотивационно-аффективным характеристикам можно отнести: выраженность различных эмоциональных состояний, симптомов дистресса, тревоги и депрессии, удовлетворенности жизнью и субъективного переживания счастья. Сюда же с некоторыми оговорками можно отнести уровень агрессии и ценностные ориентации. К социально-когнитивным характеристикам можно отнести параметры, отражающие то, как представители различных социальных групп воспринимают и объясняют мир в целом и происходящие в стране события, их социальные представления, а также то, каково их отношение к своей и другим социальным группам, социальным институтам, своему собственному и коллективному будущему.

Опираясь на результаты предшествующих исследований и проведенный нами анализ структуры психологического состояния общества, можно выделить ряд перспективных направлений исследований в данной области.

При изучении феноменов ПСО и их влияния на политическое поведение необходимо прояснить связь между психологическими процессами, которые могут быть выделены на различных уровнях социально-психологического анализа: внутриличностном, межличностном, групповом, межгрупповом, социетальном. Большое значение в этой связи могут иметь лонгитюдные исследования динамики отношения к различным политическим событиям и явлениям у представителей той или иной социальной группы (например, отношение к присоединению Крыма, доверие к власти), при проведении которых могут учитываться как индивидуально-личностные, так и групповые психологические характеристики.

Чрезвычайно перспективным является уточнение влияния психоэмоциональных состояний на когнитивные процессы, связанные с политическим поведением: оценку вероятности различных сценариев развития политической ситуации, представления личности о мотивах, целях и возможностях различных политических сил, принятие решения об участии в выборах и т.п.

Большой интерес представляют исследования социально-психологических предпосылок социального оптимизма, конструирования личностью и группой образа коллективного будущего, а также исследования влияния коллективного образа будущего и коллективной памяти на политические установки.

Все больший интерес представляет уточнение степени пластичности тех или иных характеристик ПСО, а также социально-психологических механизмов, которые могут выступать в роли медиатора, ускорять или замедлять изменение характеристик ПСО под влиянием политических событий. Эти вопросы имеют не только теоретическое, но и очевидное прикладное значение, так как они связаны с оценкой большей или меньшей управляемости тех или иных компонентов психологического состояния общества.

Важным направлением исследований является изучение того, как ПСО и его связь с политическими процессами меняется на разных стадиях крупных социальных кризисов, вызванных реализацией глобальных рисков, таких как пандемии, негативные последствия изменения климата и т.п. В таких условиях вклад психоэмоциональных состояний в политическое поведение личности может существенно возрастать, что, в свою очередь, привлекает внимание к ПСО со стороны политической элиты.

Нечаев Д.Н.

(Воронежский филиал ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», г. Воронеж)<sup>1</sup>

## **ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ПАРКИ КАК ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СУБЪЕКТОВ РФ (НА ПРИМЕРЕ ОБЛАСТЕЙ ЦФО)**

Эффективность государственной политики, которую Т. Александер Смит рассматривал как комплекс решений правительств, основанных на проблемах<sup>2</sup>, зависит и от последовательности изменений в отраслях и сферах жизнедеятельности общества. К примеру, современная государственная промышленная политика РФ не может не учитывать ряд существенных проблем: процесса деиндустри-

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова».

<sup>2</sup> *Smith T.A. The Comparative Policy Process. Santa Barbara, California, Oxford, England: American Bibliographical Center — Clio Press, Inc, 1975. P. 7–8.*

ализации территорий страны, необходимость перехода отрасли промышленности к пятому и шестому технологическим укладам, обеспечения прорывов в отрасли в рамках четвертой промышленной революции. Национальные промышленные стратегии представляют собой комплекс мер в решении имеющихся проблем в четырех ключевых сферах. А именно: в стратегическом планировании, в координации в сфере управления, в финансовом обеспечении и в создании конкурентных преимуществ<sup>1</sup>.

Данные аспекты государственной промышленной политики имели и имеют цель в осуществлении изменений (в получении преимуществ, соизмеримых с затратами<sup>2</sup>), где каждый инструмент государственной политики ориентирован на конкретное позитивное и продуктивное изменение. При этом изменения в отраслях и сферах государственной политики, включая отрасль промышленности, в большей мере дают искомый результат при инициировании правительствами создания институтов развития. В постсоветской России это Особые экономические зоны (ОЭЗ) промышленно-производственного и технико-внедренческого типа, территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭРов) в моногородах, индустриальные и промышленные парки. И именно институты развития являются одним из значимых элементов первого этапа в осуществлении стратегии новой индустриализации в РФ.

Создание индустриальных (промышленных) парков (ИП) в субъектах РФ, как институтов развития, имело различные цели в деятельности региональных администраций, в зависимости от состояния промышленного комплекса в данных территориях. К примеру, в период 2000-х годов в макрорегионе ЦФО стоит выделить три группы областей, находившихся на разных уровнях промышленного развития, а создаваемые индустриальные (промышленные) парки решали неоднородные задачи в данной отрасли региональной экономики. Первая группа — «*ржавый пояс ЦФО*», состоящий из 8 областей макрорегиона (Воронежская, Орловская, Брянская, Смоленская, Тверская, Ивановская, Костромская, Владимирская), промышленная политика которых с помощью ИП была ориентирована на *преодоление последствий деиндустриализации*. Вторая группа — *области активной реиндустриализации* (Тамбовская, Курская, Ярославская, Тульская, Московская, Рязанская), промышленная политика которых предусматривала модернизацию промышленного комплекса, с созданием в ИП новых производств. И третья группа *области новой индустриализации* (Калужская, Белгородская, Липецкая), органы власти и бизнес которых в промышленной политике инициировали создание инновационных производств в индустриальных промышленных парках.

Феномен индустриальных (промышленных) парков состоит в том, что они стали одним из адекватных ответов органов власти и управления субъектов РФ на вызовы времени. Данные площадки изначально оформлялись как институт промышленного развития в регионах РФ, а затем тиражировались и масштабировались правительством РФ на всей территории страны (согласно данным Министерства промышленности и торговли РФ, на 1 июня 2021 г. в регионах РФ функционировало 179 индустриальных парков, 99 находилось в стадии создания).

Никовская Л.И. (ИС ФНИСЦ РАН, Москва),  
Якимец В.Н. (Институт проблем передачи информации  
им. А.А. Харкевича РАН, Москва)

## МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Местное самоуправление относят к важнейшим институтам гражданского общества, занимающим пограничное положение между органами государственной власти и общественной самостоятельности. Сочетание в работе органов местного самоуправления властных полномочий и общественной инициативы — явление исключительное, богатое потенциальными возможностями для поиска и выбора оптимальных схем и механизмов взаимодействия граждан и власти, публичного и политического. В ходе реализации социологического проекта нами было проведено исследование особенностей муниципальной публичной политики (далее — МПП) как фактора выстраивания баланса интересов трех секторов местного сообщества (бизнеса, НКО-сектора, муниципальной власти) при решении социально значимых задач устойчивого развития четырех муниципальных образований (далее — МО) двух областей ЦФО — Костромской и Ярославской<sup>3</sup>. При этом оценивалась состоятельность публичных институтов и механизмов

<sup>1</sup> Доббин Ф. Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли / Авторизир. пер. с англ. Е.Б. Головляничины; под ред. В.В. Радаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 58.

<sup>2</sup> Weiss C.H. Evaluation: Methods for Studying Programs and Policies. 2<sup>nd</sup> ed. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River, 1998. P. 3.

<sup>3</sup> Всего было опрошено 359 респондентов на основе малой целевой выборки, представляющей оценки трех важных сегментов местного сообщества: НКО-сектора, муниципальной власти и малого и среднего бизнеса.

взаимно ответственного взаимодействия муниципальной власти, некоммерческого сообщества, малого и среднего бизнеса на местном уровне. Полученные результаты показали, что степень и качество публичной политики на местном уровне является важным фактором, определяющим социальное равновесие и стабильность. Под МПП мы понимаем программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества — бизнеса и некоммерческих организаций через их представителей. Главный акцент при изучении МПП ставится на гражданском и деловом участии во взаимодействии с властью при решении социально значимых проблем общества. Наше исследование подтвердило вывод, что публичный принцип взаимодействия с гражданским обществом всегда выступает существенным ресурсом развития территорий и формирования доверия к деятельности власти, что выдвигает на первый план вопросы о характере взаимоотношений государства и гражданского общества, которые могут существовать в публичной сфере, в рамках которой и совершается процесс совместной выработки решений по общезначимым социальным проблемам. В исследовании мы вводим в оборот *концепт муниципальной публичной политики*, связывая его, прежде всего, с особенностями локального порядка социально ориентированного свойства, опирающегося на баланс интересов основных социальных групп местного сообщества и власти, межсекторное партнерство и принципы согласования интересов во имя общего блага развития территории. Исследование состояния институтов и механизмов МПП в двух регионах показало, что МПП имеет свои особенности как социально-политическое явление. Именно на муниципальном уровне публичная политика получает свое выражение в утверждении определенного «местного порядка». Было выявлено, что в МО двух областей ЦФО наблюдаются тенденции отрыва оценок муниципальной власти от оценок двух публичных акторов — НКО-сообщества и малого бизнеса (причем в Костромской области этот тренд был выражен более ярко). Муниципальная власть испытывает достаточно сильное влияние регионального уровня государственной власти. Это не могло не сказаться на снижении качества функционирования гражданского общества: его институты и акторы (профсоюзы и общественные объединения бизнеса, партии, СМИ и пр.), а также механизмы и институты межсекторного партнерства встраиваются в «вертикаль власти», что на местном уровне, который наиболее приближен к чувствительным проблемам населения, может приводить к появлению *разрывных факторов* разбалансированности МПП. В целом по двум областям анализ институционального дизайна МПП по критерию состоятельности показал, что институты и механизмы, посредством которых *общество может влиять на местную власть*, не отличаются высокой дееспособностью, а инструменты, с помощью которых власть может управлять местным сообществом, напротив, доминируют. Качественный анализ выявил, что запрос на улучшение функционирования институтов и механизмов публичного взаимодействия муниципальной власти и активных групп местного сообщества должен развиваться в направлении нарастания интенсивности и действенности диалоговых и переговорных площадок на местном уровне, усиления респонсивности муниципальной власти. В обследованных нами МО гражданское общество и деловая инициатива продемонстрировали готовность к ответственному участию в процессах управления публичной политикой, формирования местной «повестки дня», артикуляции интересов своих целевых групп. Власть этот гражданский и деловой потенциал пока существенно недоиспользует. Пока во всех четырех МО воспроизводится модель государственного патернализма, когда социально значимые решения принимаются в «режиме консультаций» при активном контроле государственно-административных структур.

Николаева М.В.  
(КубГУ, Краснодар)

## **СЕТЕВЫЕ ПУБЛИЧНЫЕ ПЛОЩАДКИ КАК ДРАЙВЕРЫ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ<sup>1</sup>**

**А**ктуальность выбранной темы обусловлена необходимостью исследовать современные демократические процессы, развивающиеся в онлайн-пространстве, что свидетельствует о повороте политического курса современной России в сторону делиберативной демократии. Сущность делиберативной демократии состоит в том, чтобы осуществлять конструктивный диалог между политическими субъектами (политические партии, институты, государственные органы, политические журналисты и блогеры) и гражданами (электорат, пользователи онлайн-пространства, сетевые сообщества и группы). Необходимость изучения данной темы также обусловлена надвигающимся электоральным циклом, который ознаменуется в сентябре 2021 г., когда завершится работа Государственной думы.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта №21-011-31826 «Делиберативная практика взаимодействия парламентских партий с электоратом: структурно-коммуникативный анализ» (2021 г., рук. Л.Н. Тимофеева).



Необходимость изучения векторов развития делиберативной демократии продиктована также развитием онлайн-пространства, как поля политических практик, в котором отсутствуют эффективные практики взаимодействия между политическими субъектами и гражданами в контексте развития делиберативной демократии. Онлайн-пространство, включающее функционирование различных социальных платформ, является драйвером развития новых публичных площадок, сетевых сообществ и групп, аккумулирующих и агрегирующих ресурсы пользователей для обсуждения важнейших социально-политических вопросов и принятия законодательно-управленческих решений.

Необходимо определить, какие публичные сетевые площадки существуют для конструктивного диалога между политическими субъектами и электоратом для прямой и обратной связи от электората и его представителей, политических партий. Для анализа были выбраны открытые данные законодательных инициатив, а именно официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральным органом исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения и открытые данные социальной платформы «ВКонтакте», на которой базируются такие сетевые сообщества и публичные группы, которые актуализируют региональную законотворческую инициативу и проектную деятельность граждан.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам, позволяющим утверждать, что «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов»<sup>1</sup> может считаться публичной площадкой для развития делиберативной демократии в России, так как на данном портале происходит активное обсуждение предлагаемых законодательными органами власти нормативно-правовых актов и законов, требующих вовлеченности не только политических субъектов и экспертов, но и граждан. Информационный контент портала свидетельствует о его функционировании как публичной площадки, которая полноценно и содержательно отражает законотворческую инициативу. Динамика представленной на сайте статистики формируется в зависимости от участия граждан в обсуждении предлагаемых органами власти законопроектов. Среди 81 866 проектов федерального и регионального уровней, каждый законодательный акт набирает не меньше 200 комментариев и просмотров. Существующие принципы организации публичности сведены к тому, что любой гражданин может отправить свои предложения и идеи разработчику законопроекта, применяя при этом персональные данные, что гораздо усложняет процесс коммуникации. Нет дискуссии между пользователями, обмена мнениями по поводу проекта, пользователь портала вступает в видимый диалог с властью.

Анализ социальной платформы «ВКонтакте» на предмет выявления новых сетевых публичных площадок показал, что на базе социальной платформы интегрируются многочисленные сетевые сообщества и группы. По направлениям деятельности сетевых сообществ и пабликов можно определить, что некоторые из них имеют цель публично информировать об общественно-политических изменениях области, края и региона в целом. Большинство из них отражают деятельность реально существующей организации, предприятия или объединения, артикулирующие интересы граждан. Так, мы видим, что в социальной платформе «ВКонтакте» присутствуют группы различных органов власти, учебных заведений, органов образования, здравоохранения, культуры и спорта. Данные сетевые сообщества являются драйверами развития делиберативной демократии, поскольку носят информативный и представительный характер, имея диалоговую форму, включающую дискуссии и обсуждения.

**Николенко А.А.**  
(ВГУЭС, Владивосток)

## **РУССКАЯ ЛОКАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЭЛЕМЕНТЫ ЯДРА И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ**

**Ц**ивилизационная структура российского общества в части ядра ориентирована на государство как основополагающий институт, одной из главнейших задач которого, кроме создания смыслов и целеполагания, является создание пространства ценностных ориентаций общества. Сегодня патерналистские ориентации современного общества сменились установками авторитарных обществ, где политическая культура имеет такую основную специфическую черту, как аполитичность и пассивность населения относительно политической власти.

Массовый политический опыт в России сместился с уровня общегражданского и решения задач развития страны на политическую интроверсию большей части населения, которая привела к дезорганизации гражданского общества и развитию энтропийных процессов внутри него<sup>2</sup>. В этой связи актуальным представляется выявление существенных характеристик политического менталитета в грани-

<sup>1</sup> Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. URL: <https://regulation.gov.ru/>.

<sup>2</sup> Ильин В.В., Панарин А.С., Ахизер А.С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996. С. 322.

цах русской локальной цивилизации, изучения политической культуры и сознания в его взаимосвязи с элементами политической идеологии, транслируемой элитами. При этом в среднем бытовые представления россиян о политике представляют собой сложную структуру бинарных установок, аттитюдов и ценностей, одни из которых стабильны в историческом контексте, другие представляют собой меняющиеся структуры.

Данное положение отражает ситуацию, в которой противоречия между базовыми, заложенными культурно аттитюдами и сознательными установками граждан переводят часть политической культуры в мифологическое. Различие веры, мнения и ориентации зачастую создают неоднозначное отношение населения к системе власти и существующему порядку. Такая ситуация подчеркивает отличность политического менталитета всех находящихся в пространстве русской локальной цивилизации, когда характер устойчивого ядра цивилизации в виде совокупности языка и нарративных ценностей соседствует с изменчивой структурой внешней оболочки, представленной модами и явлениями, привнесенными извне и инкрустированными в политическое и культурное поле при участии элит.

Политические представления, закрепленные в менталитете, связаны с образами политических лидеров, конкретными представлениями о власти, государстве, политической жизни и сформированным образом родины в целом. Рациональные основания таких представлений со временем смещаются в сторону мифологизации и приобретают свойства политических верований, поэтому ядро цивилизационных шаблонов меняется медленно, даже под воздействием внешних влияний.

Политическая мифология, в свою очередь, играет роль инструмента легитимации власти. Такое взаимопроникновение сакрального и рационального обеспечивает цикличность цивилизационных процессов и воспроизводство множества прецедентов на институциональном уровне. Обмен между властью и обществом во многом обеспечивается механизмом признания прав и взаимных «договоренностей» на символическом уровне. Мифологический элемент и категория «мнение» связаны с системой ценностей и их иерархией в политическом пространстве. Такая дихотомичность традиционных, наиболее устойчивых элементов и подвижных мнений, связанных с прецедентами, проявляет перманентный конфликт двух мировоззренческих моделей власти и общества, а также создает почву для конфликта между самими ценностями, которых придерживаются те и другие, создавая ситуацию двойного стандарта.

Противоречивость политической культуры России объясняется социокультурной неоднозначностью условий формирования менталитета, а также является признаком кризиса цивилизационной самоидентификации. Мифологические же основания дихотомичности восприятия лежат в восприятии политической власти. Тем не менее представления меняются в зависимости от того, какой прецедент создает власть и в каком историческом контексте развиваются отношения двух на первый взгляд полярных миров. В большинстве случаев уместно говорить о восприятии государства как интегрирующей силы, предполагая за этим синонимом упорядоченность. Хотя реальная ситуация в России, конечно же, отличается от мифологизированных представлений. Зачастую государство выступает актором дезинтеграции и даже внутренней экспансии.

Социальное развитие, таким образом, идет по экстенсивному пути, когда, помимо экономических, различные формы принуждения возобладают над естественной самоорганизацией общества.

**Никоненко С.А.**  
(ТГУ им. Г. Р. Державина, Тамбов)

## **ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРТИЙ ПО ИТОГАМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2021 года**

19 сентября 2021 г. должны состояться выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва. Данная электоральная кампания примечательна тем, что пройдет в обстановке коронавирусных ограничений, нестабильности на внешнеполитических границах и факторах дальнейшей неопределенности социально-экономического развития. Думские выборы 2021 г. не принесут сюрпризов, и партии, обладающие на данный момент парламентскими фракциями, должны преодолеть электоральный барьер. Есть определенный разброс оценок, который оставляет небольшие шансы на прохождение таким силам, как «Новые люди», «Яблоко», «Родина» и «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость»<sup>1</sup>.

Автор в рамках проекта «Конституционная реформа 2020 года в России: перспективы трансформации партийно-политического спектра и новые тренды институционального развития» провел

<sup>1</sup> Мисливская Г. Эксперты: У «Новых людей», «Яблока» и «Партии пенсионеров» есть шансы попасть в Госдуму. URL: <https://rg.ru/2021/01/13/eksperty-u-novyh-liudej-iabloka-i-partii-pensionerov-est-shansy-popast-v-gosdumu.html> (дата обращения: 12.07.2021).

электронное анкетирование экспертов с помощью программы «Google-Форм». В данном исследовании один из вопросов касался выяснения факторов влияния политических партий на гражданское общество в обозримой перспективе выборов 2021–2024 гг. Некоторые прогнозы тезисно сформулируем в данной публикации.

В целом эксперты весьма низко оценивают уровень влияния политических партий на гражданское общество. Относительно высокие значения «Единой России», КПРФ, ЛДПР говорят о некотором вращении данных образований в электоральную нишу. Влияние и заметность конвертируются в высокие шансы прохождения в Государственную думу в 2021 г.

Однако эксперты неоднозначно оценивают шансы «Справедливой России». Но данная политическая организация вполне способна нарастить результат, имея развитую сеть влияния в регионах, отсылку в риторике к малоимущим слоям населения и постоянное муссирование темы за отмену пенсионной реформы, что вызывает симпатию и надежду у электората. Так, к примеру, не имея реальных шансов на проходение в Тамбовскую городскую Думу по партийным спискам в 2020 г., партия смогла набрать 7,14%, проведя насыщенную агитацию. Тем более создана новая партия на левоцентристском фланге, куда вошли «Справедливая Россия», «За правду», «Патриоты России». Полагаем, что все же образовавшаяся политическая структура способна не только нарастить свое присутствие в нижней палате парламента, но и в итоге потеснить КПРФ, которая явно испытывает раскол в рядах и обилие внутренних, скопившихся десятилетиями проблем.

Условно «правый фланг» российского политического спектра явно испытывает электоральный кризис. Попытки вывести «Партию Роста» как выразителя мнений и надежд бизнеса пока не приводят к нужному результату в регионах. Вполне ожидаемо слабыми видятся шансы на проходение электорального барьера у «старожилов» политического спектра в лице «Яблока», «Партии народной свободы», «Демократической партии». Наблюдается определенная повестка сплочения структур праволиберального толка вокруг несистемного активиста-блогера А.А. Навального, которому заменен условный срок на уголовный, и активизация протестных масс. Однако на правом фланге есть и противники подобных объединений. Так, Г.А. Явлинский опубликовал статью «Без путинизма и популизма», в которой раскритиковал А. Навального и его сторонников<sup>1</sup>.

Новички-претенденты в лице «Российской партии пенсионеров за социальную справедливость», «Новые люди», «Зеленая альтернатива» у ряда экспертов вызывают определенный скепсис в суждениях на шансы заявить о себе. Хотя стоит отметить, что данные партийные проекты стараются, привлекая в свои ряды узнаваемых персон шоу-бизнеса (например, стилист Сергей Зверев войдет в список «Зеленых» на выборах), а также вкладывая значительные ресурсы в соцмедиа (так, «Новые люди» на своем YouTube-канале раскручивают политическое реалити-шоу «Дебаты кандидаты»).

В целом эксперты (13 из 20) не видят в новых партиях на данном историческом этапе серьезной силы, способной на федеральном уровне показать электоральный прорыв. Среди факторов, мешающих прохождению электорального барьера, респондентами называлось отсутствие социальной базы поддержки во многих регионах, которая требует значительных усилий создания, в том числе лидерских, финансовых и в высокой степени коммуникативных. Однако ряд экспертов (6 из 20) полагают, что сегодня очевиден всевозрастающий запрос на новые партийные бренды и имена в политике. Этот фактор, наряду с усталостью общества, экономическими проблемами, коронавирусной пандемией, может подтолкнуть массы к выражению протеста в форме голосования за спойлеров.

Носиков А.А.  
(независимый исследователь, Санкт-Петербург)

## **СЕТЕВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ: «УГАСАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОРЯДКА» ИЛИ ДРАЙВЕР ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ?**

**В**месте с общим усложнением общественно-политической жизни общества возникают и новые вызовы. Основной вызов кроется в ситуации, когда государственные институты, практики государственного и муниципального управления окажутся в ситуации, при которой они не готовы к происходящим в условиях сетевизации изменениям и вытекающему из них усложнению общественно-политических процессов. К таким изменениям можно отнести обстоятельства, вытекающие из феномена сопряжения [см.: Носиков, 2020] сетевого пространства и политической реальности, характеризуемого

<sup>1</sup> Явлинский Г. Без путинизма и популизма. URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/bez-putinizma-i-populizma> (дата обращения: 06.02.2021).

взаимовлиянием и взаимозависимостью протекающих в областях сетевого пространства и политической реальности явлений. Прежде всего это:

- 1) возникновение сетевой публики, как части гражданского общества, которая активно эксплуатирует Web 2.0 для осуществления политической коммуникации;
- 2) увеличение численности акторов, вовлекающихся в общественно-политические процессы посредством единого доступного для всех цифрового публичного пространства;
- 3) увеличение политической информации и политического предложения вследствие сотворчества сетевой публики;
- 4) увеличение политической конкуренции и вариативности (следствие предыдущих пунктов);
- 5) электоральное взаимовлияние (см. «Умное голосование», президентские выборы в США, Brexit [Hall et al, 2018] и т.д.);
- 6) способствование сетевого пространства вовлечению в процессы политического участия «цифровых» поколений — Y и Z;
- 7) возникновение новых ИКТ, способных в корне модернизировать алгоритмы выработки решений и контроля над ними (например, блокчейн [см.: Сморгун, 2018]).

Именно здесь складывается ситуация, аналогичная ситуации, изложенной Ф. Фукуямой в работе «Угасание государственного порядка». Анализируя изменчивость политических институтов, Фукуяма приходит к выводу, что в результате конкуренции и взаимодействий с различными компонентами политической системы некоторые институты, приспосабливаясь и адаптируясь, сохраняются достаточно продолжительное время, другие исчезают либо же оказываются ущербными. Некоторые политические институты, оказавшись не в состоянии адаптироваться к изменениям окружающей среды, утрачивают свою приспособляемость, вследствие чего наступает политический упадок. Фукуяма выделяет пять крупных трансформаций политических институтов, происходивших в различных обществах и на различных территориях:

- 1) переход от групп к сообществам племенного типа;
- 2) переход от сообществ племенного типа к патримониальному государству;
- 3) переход от патримониального государства к современному;
- 4) возникновение независимых правовых систем;
- 5) появление формальных институтов представительства.

Концепция сопряжения вполне определенно указывает на то, что шестой крупной трансформацией уже становится цифровизация и сетевизация общественно-политических институтов и взаимодействий.

Необходимо отметить, что, по Фукуяме, три основополагающих политических института — государство, главенство закона и представительство, возникали под давлением стремительной социальной мобилизации, стимулирующей желание населения участвовать в общественно-политических процессах. И одними из основополагающих признаков сопряжения также является именно расширение политического участия и мобилизация граждан посредством инструментария сетевой коммуникации. При этом, по Фукуяме, старые политические институты «вынуждены либо адаптироваться к изменившимся условиям, либо прийти в упадок» [Фукуяма, 2017, с. 592]. В случае подавления активностей новых политических акторов и недееспособности институтов участия вероятность возникновения политической нестабильности значительно возрастает. Если же изменения происходят параллельно с расширением политического устройства, эволюцией политических институтов, то политическая система остается стабильной [Фукуяма, 2017, с. 587–592]. Именно в этой плоскости и лежит основной вызов сопряжения: сумеют ли существующие традиционные институты адаптироваться к новым условиям, или же политическая система придет в упадок? И только консолидированная работа по выработке совместных путей развития и дизайнов будущего и со стороны гражданского общества (в том числе и сетевой публики), и политического истеблишмента, и экспертного сообщества способна предотвратить глубокую институциональную и политическую нестабильность обозримого будущего.

#### Список источников и литературы

1. Носиков А.А. Сопряжение сетевого пространства и политической реальности в условиях современной Российской Федерации: Дис. ... канд. полит. наук. М.: РАНХиГС, 2020.
2. Сморгун Л.В. Блокчейн как институт процедурной справедливости // Polis: Journal of Political Studies. 2018. №. 5. С. 88–99.
3. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М.: АСТ, 2017.
4. Hall W., Tinati R., Jennings W. From Brexit to Trump: Social media's role in democracy // Computer. 2018. Vol. 51. No. 1. P. 18–27.

Нугманова К.Ж.  
(Международный центр геополитического  
прогнозирования «Восток-Запад», Нур-Султан, Казахстан)

## **ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ОСНОВНЫХ ЦЕНТРОВ СИЛЫ (США, ЕС, РФ, КНР, ТУРЦИИ) НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ТРЕКЕ ИЗМЕНИВШЕЙСЯ МИРОВОЙ ПАРАДИГМЫ**

**В**нешнеполитические факторы воздействия основных центров силы (США, ЕС, РФ, КНР) на интеграционные процессы в рамках ЕАЭС и выработка рекомендаций по нивелированию возможных негативных последствий для Республики Казахстан.

Содействие реализации Концепции внешней политики РК на 2020 — 2030 гг. по соблюдению незыблемости политического суверенитета, полноценного использования экономического потенциала страны и прагматизма в позиционировании РК на мировой политической арене.

Результаты мониторинга, анализ и оценка имеющих место в мировом политико-экономическом дискурсе трендов в целях повышения эффективности взаимодействия с центрами силы (США, ЕС, РФ, КНР);

- формирование инструментов выявления в мировом политическом поле «триггеров», способных оказать воздействие на политико-экономическую ситуацию в РК;
- оценка потенциала воздействия основных центров силы (США, ЕС, РФ, КНР) на интеграционные процессы в рамках ЕАЭС;
- анализ активности авторитетных зарубежных негосударственных организаций в контексте возможного влияния их деятельности на формирование гражданского общества и демократизацию в РК;
- анализ отдельных проектов документов, заключенных в рамках ЕАЭС, имеющих стратегическое значение на предмет политической целесообразности;
- контроль за недопущением на евразийском интеграционном направлении любых попыток вовлечения стран в политическую интеграцию;
- поддержка в выстраивании взаимовыгодных торгово-экономических отношений со стратегическими партнерами (США, ЕС, РФ, КНР), представляющими основные центры силы, воздействующие на полноценные интеграционные процессы в рамках ЕАЭС.

Многовекторная, безопасная внешняя политика, в центре которой находятся отстаивание национальных интересов и реализация внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов.

В контексте происходящих изменений в мировой социально-экономической и политической действительности необходимо обладать достаточным экспертно-аналитическим потенциалом для разработки эффективной модели взаимодействия с возникающими вызовами в постковидную эпоху.

Успешно реализованный в 2019 г. транзит власти в РК стал важным фактором, положительно повлиявшим на привлекательность Казахстана для прямых иностранных инвестиций. Данный факт требует особого внимания в контексте меняющейся мировой макроэкономической парадигмы с точки зрения реализации прагматичной модели позиционирования ЕАЭС на внешнеполитическом треке.

Влияние радикальных изменений в мировой политико-экономической действительности на интеграционные процессы в ЕАЭС.

Позиционирование ЕАЭС в контексте изменившейся мировой социально-экономической парадигмы.

Внешнеполитические факторы воздействия основных центров силы (США, ЕС, РФ, КНР) на интеграционные процессы в рамках ЕАЭС и выработка рекомендаций по нивелированию возможных негативных последствий для Республики Казахстан.

**ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА  
МОЛОДЫХ ДЕПУТАТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕГИСЛАТУР:  
К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ<sup>1</sup>**

**П**роблема участия российской молодежи в политике — одна из наиболее актуальных в современной политической науке. Отечественные политологи изучают политические установки и ориентации молодого поколения, активность молодежи на выборах, вовлеченность в общественно-политические организации, работу в качестве государственных и муниципальных служащих, т.е. анализируют политическое участие молодежи в институциональной и неинституциональной формах, анализируя его как на общероссийском уровне, так и на региональном. Тем не менее вопрос политического потенциала молодого поколения депутатского корпуса, и в частности депутатов региональных legislatures, в настоящий момент не охвачен вниманием ученых. Гендерный аспект данной проблемы также научно не отражен в полной мере. В силу каких причин мы считаем научно и практически значимым изучение проблемы политического потенциала молодых депутатов в региональных парламентах и непосредственно изучение профессиональных ресурсов молодых политиков с позиции гендерного измерения?

Прежде всего, отметим актуальность исследования регионального среза проблемы, позволяющего не только понять ее специфику на уровне того или иного региона, но и увидеть закономерности в формировании и реализации политического потенциала молодых депутатов на уровне государства. К примеру, предварительный анализ показал, что представленность молодых депутатов (30/35 лет) как в Государственной Думе Федерального Собрания РФ (10%), так и парламентах регионов невелика. Чем обусловлена такая тенденция, каковы механизмы рекрутирования молодежи в парламенты, достаточно ли полно раскрывается в данных условиях потенциал молодых народных избранников в решении проблем своих избирателей и, конкретно, проблем молодежи? Существует ли реальная возможность формирования молодыми депутатами новой политической повестки дня? Есть ли партийные особенности в отношении к позициям молодых коллег, прислушиваются ли к их мнению, либо молодые депутаты в большей степени аккумулируют политический опыт, чтобы в дальнейшем, получив устойчивые позиции, реализовать его? На наш взгляд, взвешенные ответы на эти вопросы помогут отыскать именно региональные кейсы.

Гендерный аспект проблемы также актуализирует ее для изучения академическим сообществом. Женщин-депутатов в ГД ФС РФ и в региональных парламентах России всего около 15 %, что создает проблемы с представительством женских интересов в системе власти. Молодых депутатов среди столь количественно малого представительства и того меньше, а в законодательных собраниях ряда регионов женщины до 30 лет отсутствуют. Гендерная асимметрия политики, изученная через призму представленности молодых женщин в региональных парламентах, свидетельствует не только о недостаточной эффективности решения ряда социальных проблем, традиционно являющихся сферой женского внимания, но и о возможной блокировке в том или ином субъекте Российской Федерации полноценного решения одной из проблем современной России — демографической.

Поскольку социализация молодых политиков происходила в эру цифровизации, нами определяется и следующий момент актуальности изучения — необходимость выявления специфики использования ими сетевых ресурсов для политической репрезентации и мобилизации. Информация в сети сегодня является ключевым средством информирования граждан о политических событиях и настроениях. Молодые люди используют данный ресурс наиболее активно, артикулируя свои политические установки и ценностные приоритеты в период избирательных кампаний и инициативы и проекты в период депутатской деятельности. Именно сетевой анализ деятельности молодых депутатов и публичные отклики на реализованные планы и программы в состоянии выявить и структурировать модели взаимодействия между молодыми политиками и их электоратом/противниками в сети и вне ее.

Итак, изучение гендерного измерения политического потенциала молодых депутатов региональных legislatures обуславливается важными исследовательскими задачами: изучением причин, следствий и нейтрализации существующих поколенческих и гендерных разрывов в составах региональных парламентов, поиском точек пересечения и линий разлома между институциональным и неинституциональным публичными дискурсами молодых депутатов в разрезе ожиданий гражданского общества в возможности формирования молодыми депутатами новой политической повестки дня. Данная теоретическая логика свидетельствует об актуальности темы и в прикладном аспекте — в необходимости разработать и предложить органам власти ряд мер по формированию системы гражданского образования

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31690.

и подготовки молодых политиков с целью конструирования ими позитивного образа будущего России и поддержания устойчивого развития регионов Российской Федерации и России в целом.

Оганесян А.Л.  
(РУДН, Москва)

## ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ПРИМЕРЕ МАЙСКИХ ПРАЗДНИКОВ В АРМЕНИИ<sup>1</sup>

Вопросы исторической памяти, политики памяти и политики идентичности являются весьма актуальными для современных политических исследований. Историческая память способствует консолидации общества, так как «любое политическое “мы” нуждается в общей истории и в той или иной совокупности представлений о внешнем мире»<sup>2</sup>. Важным значением для политики памяти обладают памятные даты и праздники в качестве символов, несущих особую ценностную нагрузку.

День Победы — праздник победы Красной Армии в Великой Отечественной войне (ВОВ), занимает особое место в числе государственных праздников многих постсоветских республик. Согласно Закону о праздниках и памятных днях Армении 9 мая — День Победы и мира<sup>3</sup>.

Для Армении и армянского народа ВОВ является важным историческим событием, учитывая участие 300 тысяч уроженцев Армянской ССР, а также 200 тысяч этнических армян из других советских республик и около 100 тысяч армян из других стран антигитлеровской коалиции<sup>4</sup>. Победа в ВОВ воспринимается в Армении как победа всех народов, участвующих в борьбе против фашизма, в том числе армян. В России также часто отмечается этноконфессиональное единство в ходе борьбы советского народа с фашизмом<sup>5</sup> и подчеркивается важность вклада всех народов СССР в победу<sup>6</sup>. Также в сознании армян победа рассматривается с точки зрения предотвращения нового геноцида армян уже на территории советской Армении, так как в первые годы ВОВ Турция готовилась к открытию Кавказского фронта, что могло поставить армянское население региона под угрозу уничтожения. Для армянского народа особое значение имела победа в Сталинградской битве, как начало переломного момента в войне<sup>7</sup>.

9 мая, помимо Дня победы в ВОВ, в Армении и Арцахе празднуется День освобождения Шуши и День формирования Армии обороны Арцаха. Хотя эти праздники не входят в перечень государственных праздников Республики Армения, они празднуются и в Армении 9 мая. Вместе эти три праздника называются Майским троепраздником (Մայիսյան երեքօրյակը).

Множество знаковых событий в истории армянского народа закрепили значение месяца мая как месяца победы. В мае 1918 г. произошли бои при Сардарапате, Баш-Апаране и Каракилисе, которые закончились победой над турецкой армией и провозглашением 28 мая независимости первой Республики. 28 мая отмечается как государственный праздник — Праздник Республики. В мае также произошла Аварайрская битва (26 мая 451 г.), где во главе с Варданом Мамиконяном армянская армия сразилась с персидской в восстании, направленном против политики обращения армян в зороастризм. Аварайрская битва являлась переломным моментом для формирования армянской идентичности, основанной теперь не только на армянском языке, но и на христианской вере.

Стоит отметить, что для армянского исторического сознания характерны исторические аналогии. К примеру, Сардарапатское сражение часто называется «Вторым Аварайром». В плане предотвращения новой волны геноцида аналогии можно приводить между Сардарапатом и ВОВ. «Еще одним Сардарапатом» именовали в общественном дискурсе и Вторую Арцахскую войну 2020 г.

Майские праздники занимают важное место в сознании общества и в политике памяти Армении, имеют большое символическое значение, консолидирующее население республики.

<sup>1</sup> Исследование подготовлено в рамках гранта РФФИ № 20-511-05025 «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)».

<sup>2</sup> Мчедлова М.М. Общественная солидарность: проекция исторической памяти // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 85–89.

<sup>3</sup> См.: Закон Республики Армения о праздниках и памятных днях Республики Армения. Принят 24.07.2001 // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1274&lang=rus>. Также см.: Закон Республики Армения о праздниках и памятных днях Республики Армения. Принят 21.02.1996 // URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=259>.

<sup>4</sup> Каждый пятый житель Армении ушел на фронт... // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <https://odkb-csto.org/75-letie-pobedy/pobeda-na-vsekh-odna/kazhdyu-pyatyu-zhitel-armenii-ushel-na-front-vsego-za-gody-voynu-v-sovetskuyu-armiyu-bylo-mobilizova/>.

<sup>5</sup> Казаринова Д.Б. Значение Великой Отечественной войны для интеграции на постсоветском пространстве в современный период // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 156.

<sup>6</sup> Хлебников И.Е. Эффективность памяти о Великой Отечественной войне как идеологического нарратива и его применимость в текущем международном контексте // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 159.

<sup>7</sup> Дживанян Д.А. Эпохальность Сталинградской битвы и влияние современного информационного века на политику // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 172.

## ОБЩЕЕ БЛАГО КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ

Концепт «общего блага» (*bonum commune*) с античных времен считается одним из наиболее актуальных в политической и социальной философии, однако в современной науке он практически не востребован (в России к его разработке за последние 30 лет обращались в основном в рамках философии права В.С. Нерсесянц и его научная школа).

Благо в философии рассматривается как предельная онтологическая категория, как цель и смысл существования, как состояние и условие совершенного бытия. При этом оно не тождественно ни выгоде, ни добру, ни счастью, ни ценности, ни интересу, ни воле, ни материальным благам. Благо умопостигаемо и трансцендентно по своей природе. Общее благо в качестве ценности социального порядка можно описать как условие совместного сосуществования всех индивидов в пределах полиса (государства, политической системы, локальной общности) в качестве свободных, равных, чье индивидуальное благо защищено на институциональном уровне. При этом общее благо имеет естественно-правовую природу и исходит из принципа равенства индивидуальных благ всех индивидов. При этом оно не является суммой индивидуальных благ и не может противопоставляться индивидуальному благу каждого: без индивидуального блага нет блага всех. Вл. Соловьев отмечал, что общее благо должно ограничивать частные интересы людей, но оно не может их подменять. (Тогда как советская мораль исходила из подмены частных интересов общим благом.)

Платон считал, что общее благо (справедливость) — это благо подданных. Аристотель — что это общее благо всех граждан (общая выгода). Даже сам концепт республики и республиканской формы правления основан на идее осуществления общего блага, поскольку источником власти в республике считается общественный договор между гражданами.

Целью существования государства, целью публичной политики и целью правового порядка является достижение общего блага (поэтому государство и право уместно рассматривать как его инструменты). Тогда как целью предпринимательской активности (и экономики в целом) является, напротив, индивидуальная выгода, что ведет к оптимизации расходов. (Отсюда — распространенный в современной управленческой практике антагонизм политической и экономической онтологий, проявляющийся в попытках выстраивать государственную политику с помощью экономических методов.)

Западноевропейское и российское понимания общего блага различаются между собой в той же мере, в какой различается понимание права: человекоцентристское в первом случае (право — как форма индивидуальной свободы) и системоцентристское во втором (право — как доминирующее над индивидом религиозное, нравственное, политическое, идеологическое предписание). Российская традиция правопонимания допускает совмещение духовной свободы человека, высшей справедливости, «правды» с оправданием социальной несвободы. (Поэтому в российском контексте категория общего блага имеет размытые характеристики и подчас используется для политической манипуляции.)

В современном дискурсе общее благо соотносится с концептом политической нации — как сообщества, связанного не столько имманентными характеристиками (общностью этнического происхождения, культурой, языком, религией, общим прошлым (историей)), сколько общими устремлениями, общими ценностями, общим будущим, общими представлениями о благой жизни.

Ядром любой современной политической идеологии или программы развития становится вопрос об общем благе: в соответствии с какой философской онтологией, с каким стратегическим целеполаганием решаются те или иные предельно важные вопросы социальной жизни. Скажем, образование и здравоохранение, земли сельскохозяйственного назначения — это проблематика общего блага или индивидуального интереса?

Также к категориям общего блага можно отнести те реалии современного мира, которые не имеют частных выгодоприобретателей, но от состояния которых зависит качество жизни (а иногда и выживание) всего сообщества, всей нации, всего человечества. Это права человека и права народов, экологическое состояние Земли и отдельных регионов, мировой климат, земли сельскохозяйственного назначения, здоровье нации, мировая эпидемиология, общественное пространство городов, глобальная сеть Интернет, а также культура, религия, медиапространство, духовная сфера в целом.

Некоторые современные политические идеологии (либертарианской и неосолидаристской направленности) обосновывают необходимость введения «безусловного базового дохода» (или гарантированного минимума) ссылками на общее благо. Именно при помощи манипуляции представлениями об общем благе обосновываются ограничения суверенитета государств и умаление прав человека. Чаше всего это мотивируется сохранением окружающей среды и эпидемиологической безопасностью (необ-



ходимостью делать прививки, невозможностью въезда в ту или иную страну непривитых). Ссылками на общее благо обосновываются некоторые современные неототалитарные идеологии и «гражданские религии»: толерантность, феминизм, экологизм, «BLM», «новая этика» и др.

Общее благо напрямую коррелирует с уровнем жизнеспособности государства. Так, в государстве, подверженном энтропии и деградации, вырождается прежде всего представление об общем благе и система его обеспечения.

Нынешние глобальные трансформации ведут и к изменению общераспространенных представлений о смысле человеческой жизни, этике, счастье, функциях и назначении государства. А стало быть, и об общем благе. Поэтому одна из насущных задач современной политической науки и социальной философии — обновление концепта «общего блага» в условиях нелинейной динамики современного развития.

Онопко О.В.

(независимый исследователь, Ростов-на-Дону)

## **ЧЕРНОМОРСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ УКРАИНСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ОСНОВНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ И АКЦЕНТЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ**

**П**ренебрежительно несерьезное и порой ироничное отношение к украинской внешнеполитической экспертизе, ее аналитическому потенциалу и стремлению нанести ущерб национальным интересам России в целом и в Черноморском регионе в частности чрезвычайно популярно в отечественном геополитическом дискурсе. Такой подход может быть опасен при разработке российской стратегии противодействия украинской внешней и военной политике.

На Украине Черноморскому региону системно уделяют внимание ведущие институты внешнеполитической экспертизы. Их можно условно разделить на следующие группы.

*Аналитические центры, ведущие фундаментальные исследования* черноморской проблематики. К ним в настоящее время относится только Национальный институт стратегических исследований (НИСИ). Он фокусируется на изучении геополитических основ украинской политики в Черноморье, поиске геостратегических методов и средств противодействия России в нем. С 2014 г. институтом создается и распространяется среди украинской политической элиты и экспертного сообщества миф о «мировой гибридной войне», которую якобы ведет Россия. Эта точка зрения представлена в научных статьях<sup>1</sup>, монографиях<sup>2</sup> и аналитических продуктах<sup>3</sup>, которые НИСИ готовит для президента и Совета национальной безопасности и обороны. При этом меры стратегического противодействия России эксперты института предлагают, руководствуясь принципами политического реализма. У НИСИ пока нет собственного стратегического видения геополитического будущего Черноморского региона, но там сходятся во мнении о необходимости формирования в нем новой региональной системы коллективной безопасности на основе широкой антироссийской коалиции с участием как черноморских, так и нечерноморских стран.

*Специализированные аналитические центры*, занимающиеся преимущественно черноморскими исследованиями. К ним относятся Одесский филиал НИСИ и Центр глобалистики «Стратегия XXI». О деятельности первого начиная с 2020 г. почти нет открытой информации. Второй же по праву может считаться ведущим экспертным институтом по проблемам Черноморья. Он на постоянной основе издает аналитический журнал «Черноморская безопасность»<sup>4</sup>, регулярно готовит аналитические записки по такой же тематике<sup>5</sup>, реализует проект «Содействие безопасности в Черноморском регионе путем большей вовлеченности неправительственных игроков» при поддержке Германского фонда Маршалла. Для аналитики центра также характерна приверженность политическому мифу о «мировой гибридной войне» и прагматичные, реалистские рекомендации по противодействию России.

*Аналитические центры широкого профиля.* К ним относятся Международный центр перспективных исследований, Совет внешней политики «Украинская призма», Центр исследований армии, конверсии

<sup>1</sup> Горбулін В.П. Російсько-українська війна в термінах теорії реалізму / В. П. Горбулін, О. С. Власюк, С. В. Кононенко // Суспільно-політичні процеси. 2016. Вип. 2. С. 70–96.

<sup>2</sup> Світова гібридна війна: український фронт // За заг. ред. В. П. Горбуліна. Національний інститут стратегічних досліджень. К.: НІСД, 2017. — 496 с.

<sup>3</sup> Александров О., Филипенко А., Власенко Р. та ін. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України: аналіт. доп. / За заг. ред. І. Веремія, М. Паламарчука. К.: НІСД, 2020. — 37 с.

<sup>4</sup> Чорноморська безпека. URL: <https://geostrategy.org.ua/chornomorska-bezpeka> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>5</sup> Аналітичний звіт: «тенденції безпекової ситуації у Чорноморському регіоні». URL: <https://geostrategy.org.ua/analitika/analitichna-zapyska/analitichnyu-zvit-tendenciyi-bezpekovoji-sytuaciyi-u-chornomorskому-regioni> (дата обращения: 14.06.2021).

и разоружения, Центр Разумкова и др. Их общие черты: некоммерческий характер деятельности, наличие тесных связей с западными политическими и экспертными структурами, ориентация на выработку практических рекомендаций в сфере внешней политики и политики безопасности. В своих работах эти центры периодически затрагивают проблемы Черноморского региона, демонстрируют реализм в предложениях по противодействию России и иррациональность в восприятии мотивов ее внешней политики. Регион рассматривается ими в контексте либо конкретных политических ситуаций<sup>1</sup>, либо внешней политики Украины в целом<sup>2</sup>, либо отдельных ее направлений<sup>3</sup>.

На Украине сформировано идеологически и идейно-теоретически монолитное черноморское направление внешнеполитической экспертизы. Оно включает в себя как государственные, так и негосударственные аналитические центры, занимающиеся как фундаментальными, так и прикладными исследованиями региональных политических, экономических, военных и других процессов в Черноморье с единственной целью — максимально эффективно противостоять России.

Орлов П.Н.  
(БГУ, Минск, Беларусь)

## ПОБРАТИМСТВО ГОРОДОВ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В условиях глобальной динамики современного мира особое значение приобретает сотрудничество городов, заявляющих о себе как о влиятельных участниках международных отношений.

Побратимское движение является первоочередным механизмом дипломатии городов, установивших между собой тесные дружеские связи с целью развития взаимовыгодного и эффективного сотрудничества в области политики, экономики, культуры, образования и здравоохранения<sup>4</sup>.

Однако, на наш взгляд, институт побратимства городов на сегодняшний день выступает не только в качестве канала установления новых связей, но и формирования общего инновационного поля для реализации городских проектов, обмена лучшими практиками территориального развития.

Особенно актуальным этот тезис видится в контексте последних событий. Не будет преувеличением сказать, что пандемия COVID-19 выступила триггером развития процессов цифровизации и реструктуризации бизнес-процессов на микро-, мезо- и макроуровнях. Коснулось это и городов как центров развития, для которых обозначилась первоочередная задача формирования долгосрочных партнерств для противодействия внешним шокам, а также адаптации территорий к новым, постковидным и цифровым условиям.

Остановимся подробнее на разборе конкретного кейса побратимства Оршанского района Республики Беларусь.

Орша — один из наиболее инвестиционно привлекательных регионов Витебской области<sup>5</sup>.

Побратимство Оршанского района во многом носит характер торгово-экономического, научно-технического и гуманитарно-культурного сотрудничества. Имеют место быть формы совместного участия делегаций в культурных, образовательных и иных мероприятиях городов-побратимов. Однако при всех подписанных договорах, меморандумах, соглашениях фактически отсутствуют документы, закрепляющие положения о совместных намерениях по инновационному развитию территорий.

Успешным механизмом внедрения информационно-коммуникационных технологий зарекомендовала себя практика «умного региона». «Умный регион» рассматривается как территория инновационного развития, использующая цифровые технологии для повышения уровня жизни, эффективности человеческой деятельности и конкурентоспособности экономики, при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений в устойчивом развитии.

В период по 2025 г. в Оршанском районе разрабатывается проект создания единой интегрированной информационной системы регионального управления (региональной цифровой платформы) в целях повышения качества принятия управленческих решений, де бюрократизации органов местной власти, активного включения населения в решение вопросов местного значения.

<sup>1</sup> ЦДАКР: Російська агресія в Керченській протоці — тест для сучасної системи міжнародних відносин. URL: <https://casds.org.ua/?p=4886> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>2</sup> Українська призма: Зовнішня політика 2020. Аналітичне дослідження // ГО «Рада зовнішньої політики “Українська призма”», Фонд ім. Ф. Еберта. Київ, 2021. — 344 с.; Україна 2020–2021: невіправдані очікування, неочікувані виклики (аналітичні оцінки). К.: Центр Разумкова, 2020. — 304 с.

<sup>3</sup> Шелест Г. Чи існує чорноморська політика НАТО? URL: <http://prismua.org.tilda.ws/blackseanato> (дата обращения: 14.06.2021).

<sup>4</sup> Яровой Г.О., Подольский М.А. Побратимство как инструмент социокультурного и экономического развития городов: сравнение «континентальной» и «морской» школ // Studia Humanitatis Borealis. 2014. № 2. С. 38–45. URL: [https://sthb.petsu.ru/journal/article.php?id=3030#snoska\\_1](https://sthb.petsu.ru/journal/article.php?id=3030#snoska_1) (дата обращения: 30.04.2021).

<sup>5</sup> Турок А. У Орши налажены тесные партнерские отношения с 20 городами-побратимами // СМИ Беларуси: [сайт]. 2015. 2 июля. URL: <http://belsmi.by/archive/article/19909> (дата обращения: 30.04.2021).

Болезненным для белорусского региона остается вопрос оттока представителей молодой когорты граждан. Создание особых экономических зон как центров развития совместных проектов городов-побратимов в области информационных технологий и стартапов, где обучают молодых специалистов в области цифровой экономики, которые впоследствии осваивают городские территории, видится нам в качестве инновационного инструмента решения вышеобозначенной проблемы.

Значимым остается вопрос о необходимости регулярного обмена в сфере городского и территориального развития на уровне организаций, профильных специалистов в целях реализации городских инициатив.

Сотрудничество Оршанского района с городами-побратимами в сфере внедрения цифровых решений могло бы способствовать минимизации рисков и повышению качества совместных проектов, способных непосредственно воздействовать на процессы развития территорий.

Таким образом, побратимство городов выступает одним из потенциальных инструментов налаживания социальных, экономических и гуманитарных отношений, потребность в установлении которых сегодня весьма очевидна. Представляется, что пересмотр традиционных подходов к сотрудничеству и выкристаллизация новых направлений, базирующихся на инновационных решениях (приоритет сотрудничества в сфере внедрения информационно-коммуникационных технологий, создание совместных проектов территориального развития, обмен профильными специалистами), будут иметь большой позитивный потенциал.

*Осинина Д.Д., Шатилов А.Б.*  
(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

## **АКТИВИЗАЦИЯ ВНЕШНИХ ИГРОКОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КИТАЙ, ТУРЦИЯ И США В БОРЬБЕ С РОССИЕЙ ЗА РЕГИОН**

Центральная Азия с точки зрения геополитики является стратегически важным регионом. Исторически через регион проходил Великий шелковый путь, соединивший цивилизации Востока и Запада. Таким образом, уникальный логистический потенциал, такой как расположение транзитных и коммуникационных маршрутов, в сочетании с богатой ресурсной базой, послужили ключевыми факторами конкуренции между региональными и трансрегиональными силами, борющимися за свои позиции в Центральной Азии после распада СССР.

Более того, Центральная Азия является частью Хартленда, который, согласно теории Х. Маккиндера, является сердцем Земли. По мнению многих ученых, формула, которую когда-то сформулировал британский ученый-геополитик, актуальна и по сей день: «Кто владеет Хартлендом, тот владеет Мировым островом; кто владеет Мировым островом, тот владеет миром»<sup>1</sup>.

Тем не менее высокий интерес крупных международных игроков к республикам Центральной Азии значительно возрос после стартовавших в регионе транзитных процессов. Так, первым транзитные процессы пережил Узбекистан, где после смерти И. Каримова в сентябре 2016 г. к власти пришел Ш. Мирзиёев. Данная модель транзита власти не нова для Центральной Азии — смерть сильного лидера и борьба потенциальных преемников за пост президента страны. В середине 2000-х годов подобный сценарий был реализован в Туркменистане. Напротив, процессы управляемого транзита власти, запущенные Н. Назарбаевым в марте 2019 г. в Казахстане, являются своего рода экспериментом для всей Центральной Азии. Более того, в будущем смена власти ожидается в двух других центральноазиатских республиках — Таджикистане и Туркменистане, где главы государств рассчитывают передать власть своим сыновьям.

Следует понимать, что процессы транзита всегда потенциально могут привести к дисбалансу в системе и переигрыванию существующих «правил игры», а значит, и к потере стабильности. Особенно это актуально для персонифицированных режимов, где вся «вертикаль власти» завязана на одного конкретного человека. В то же время смена власти может привести и к изменению внешнеполитических приоритетов страны.

Соответственно, именно транзитные процессы, идущие в регионе, привели к очередному витку активизации внешних игроков, среди которых наиболее сильными являются:

- Китай, продвигающий свой главный геополитический проект «Один пояс, один путь», призванный объединить регион под своим началом экономически и политически;
- Турция, выстраивающая взаимодействие с центральноазиатскими республиками на основе идей пантюркизма и построения тюркского мира;

<sup>1</sup> Heartland Reunion: Geopolitical Chimera or Historical Chance? // A. Kortunov, Ph.D. History, Director General of the Russian International Affairs Council, RIAC member. URL. <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/heartland-reunion-geopolitical-chimera-or-historical-chance/>

- США, дополнившие военно-политическое продвижение в Центральной Азии дипломатическими инструментами. Так, в условиях членства большинства стран региона в ОДКБ и ШОС строительство американских военных баз в Центральной Азии ограничено. Поэтому США активно продвигают формат «5 + 1», полагаясь на Узбекистан как на единственную страну, помимо Туркменистана, не входящую в ЕАЭС и ОДКБ. Более того, США, делая ставку на Узбекистан, играют на давнем соперничестве республики с соседним Казахстаном за статус региональной державы.

В свою очередь, Россия, для которой регион является зоной «жизненных интересов», стремится также усилить свое влияние как по линии таких интеграционных объединений, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), так и через личные отношения глав государств, а также посредством межэлитной коммуникации<sup>1</sup>.

**Отроков О.Ю.**  
(Ростовский государственный экономический  
университет (РИНХ), Ростов-на-Дону)

## **ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ**

**М**олодежь является значимым элементом социально-демографического развития страны, представляя собой значительную не только по количеству социально-возрастную группу населения России, но и по важности в системе содержательных общественных перемен. При этом в современных условиях модернизационных реформ молодежь может представлять как локомотивом социально-позитивных преобразований, так и фактором социальной нестабильности — данный выбор во многом предопределяет эффективность реализации государственной молодежной политики, которая является основополагающей составляющей политики воспитания, образования, вовлечения во все сферы жизнедеятельности общества представителей молодого поколения.

Работающая молодежь охватывает значительный пласт молодого поколения России, составляет социально-экономическую основу будущего развития страны, включает социально-экономический потенциал перспективного движения российского общества по пути становления демократического устройства на базе рыночной экономики. Поэтому внимание к работающей молодежи, а особенно к механизмам реализации государственной молодежной политики в отношении нее имеет принципиальное значение на общегосударственном уровне.

Между тем сложившаяся в России система взаимодействия с работающей молодежью не позволяет в должной мере решить круг тех вопросов, которые волнуют данную категорию молодых лиц, среди которых как проблемы, касающиеся социально-экономического положения общества в целом, так и вопросы профессиональной адаптации молодых специалистов, проблемы самовыражения, самоопределения молодых людей, активного вовлечения их в общественно-политическую жизнь на уровне принятия решений. Это обусловлено тем, что процесс становления государственной молодежной политики в отношении работающей молодежи России еще далек от завершения как на законодательном уровне, так и в плоскости реализации конкретных практических программ, способствующих проявлению социальной и общественной активности молодежи на качественно новом уровне.

В связи с этим актуальным представляется теоретико-эмпирическое исследование механизмов реализации государственной молодежной политики в отношении работающей молодежи, анализ их эффективности для разработки методических рекомендаций по их совершенствованию.

Анализ существующей нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы реализации госполитики в отношении работающей молодежи России, показал, что законодательная база содержит вопросы поддержки и мотивации инициативной активности работающей молодежи, а также затрагивает другие вопросы данной категории молодых лиц. Законодательные рамки позволяют характеризовать молодежную политику как ресурсно-мобилизационную, так как молодежь, в том числе и работающая, воспринимается не только как объект, но и как активный субъект социально-экономических и общественно-политических преобразований в стране. В ряде документов, в том числе Федеральном законе «О молодежной политике»<sup>2</sup>, приведено определение понятия «молодой специалист», которое выделяет работающую молодежь как отдельную категорию молодежи с при-

<sup>1</sup> *Осинина Д.Д.* Элитные группы Центральной Азии в большой геополитической «игре» России, КНР и США. М.: ИНФРА-М, 2018.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс».

сущими ей специфическими характеристиками по возрасту, а также уровню образования. В целом существующая нормативно-правовая база задает векторы развития в направлении решения вопросов и проблем, касающихся работающей молодежи, определяя ее основные трудовые права и наделяя основополагающими профессиональными гарантиями.

С другой стороны, анализ российского законодательства позволил выявить ряд пробелов в нормативно-правовом обеспечении: нормативно-правовая регуляция реализации государственной молодежной политики строится на принципах хаотичности, нет единой системы или единого документа в отношении рассматриваемой категории молодых лиц; проанализированные документы частями регулируют различные положения, связанные с работающей молодежью, при этом часть из них дублируются или взаимно исключают друг друга; большинство предложенных трудовых гарантий в отношении работающей молодежи носят декларативный, рамочный характер, так как не подкреплены конкретными предложениями по их реализации; лишь единичные положения нормативных актов затрагивают вопросы трудовой адаптации, профессиональной подготовки и переквалификации работающей молодежи, а также активизации ее инициативного потенциала в решении не только вопросов, касающихся предприятия или организации, но и в решении общественно значимых вопросов.

Фактически работающая молодежь остается «за бортом» законодательной регуляции их трудовых прав и гарантий, что делает невозможным эффективное использование потенциала инновационной активности работающей молодежи, а также для ее профессионального творчества.

**ВЕКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ  
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН:  
ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ<sup>1</sup>**

Данные четырех всероссийских репрезентативных социологических обследований, проведенных в 2018–2021 гг. Отделом сравнительных политических исследований ФНИСЦ РАН, свидетельствуют об определенных сдвигах в сознании россиян, наличии зафиксированного рядом ведущих российских социологических центров «запроса на перемены»<sup>2</sup>, прежде всего на изменение существующего социального и политического порядка. Около 70–80% наших респондентов высказались за частичное или полное их изменение, главным образом, путем проведения реформ (их поддержали примерно 40% опрошенных), тогда как сторонников революционных методов оказалось лишь 6–9%. Лично участвовать в осуществлении перемен готовы более трети респондентов, считающих перемены необходимыми, и примерно столько же не готовы к личному участию в их реализации. Важно отметить, что число готовых к личному участию в осуществлении перемен активных граждан довольно ощутимо выросло в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом (с 32 до 38% сторонников перемен), а количество не готовых к этому (пассивных) заметно снизилось (с 42 до 35%).

Каков вектор желаемых институциональных изменений в представлениях наших граждан? По полученным нами в обследовании 2021 г. данным, несмотря на повсеместный кризис демократии и неудачный опыт ее реализации в российских условиях, большая часть наших респондентов (42%) наиболее полезной для развития России формой политического и социального устройства считают демократическую, тогда как почти вдвое меньшее число приверженцев оказалось у существующей сейчас в России, а также советской форм политического и социального устройства (25 и 23% соответственно).

Анализ полученных данных выявляет различия в представлениях двух выделенных нами групп о векторе возможных перемен. Данные обследования 2021 г. показывают, что если в группе активных граждан демократия является предпочтительной формой социального и политического устройства для 55% респондентов (при среднем по выборке показателе 42%), то в группе пассивных — демократия является таковой для 39% опрошенных. В то же время число сторонников советской формы социального и политического устройства значительно больше в группе пассивных по сравнению с группой активных граждан (их соответственно 31 и 21% при среднем показателе по выборке 23%). Дополняют картину данные относительно выбора входящими в рассматриваемые группы гражданами той или иной формы демократического правления с точки зрения адекватности выражения и эффективности защиты их интересов. В группе активных около 40% поддерживают классическую формулу представительной демократии (при средней цифре по выборке 36%), тогда как во второй группе представительную версию поддерживают лишь 29%). Вместе с тем среди граждан, не готовых к участию в переменах, вдвое больше, чем в группе активных, приверженцев прямой демократии, народовластия (соответственно 18 и 9%).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на существующие многочисленные барьеры на пути формирования поля современной демократической политики, создаваемые властными структурами господства<sup>3</sup>, демократическая стратегия институциональных изменений остается востребованной в представлениях российских граждан. При этом большая часть активных граждан являются сторонниками преобразований путем реформ и демократии в ее представительской, а не радикальной версии. Однако для того, чтобы эти изменения могли реализоваться, граждане должны не только иметь некий образ идеального политического и социального устройства, но и руководствоваться в своем поведении определенным набором ценностей и норм, а также освоить демократические делиберативные и конкурентные практики.

<sup>1</sup> При поддержке гранта РФФИ № 20-011-00724 «Гражданская ответственность, эмпауэрмент и вовлеченность как основания формирования и институционализации политических практик в России».

<sup>2</sup> Дмитриев М.Э., Никольская А.В. Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? // *Общественные науки и современность*. 2019. №2. С. 19–34; Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен-2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения // Московский Центр Карнеги: [сайт]. 6 ноября 2019. URL : <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273>.

<sup>3</sup> Структуры господства, граждане и институты / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

Павлютенкова М.Ю.  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ СВЯЗАННОСТИ ОБЩЕСТВА

Крупнейший ученый XX в., исследовавший проблемы современного общества, М. Кастельс<sup>1</sup> называл наше время «информационной эпохой», главной чертой которой являются сети, связывающие между собой людей, институты и государства. Сегодня, осознавая себя, мы учитываем показатели не только культурной и национальной идентичности, но и связанности, поскольку подключенность к виртуальному пространству позволяет людям выбирать любое местонахождение или даже одновременно находиться в нескольких местах. «Связанность заменила разобщенность как новая парадигма глобальной организации мира. Общество переживает фундаментальные преобразования, и сегодня инфраструктура говорит об устройстве мира больше, чем политические границы. ... Связанность — ключевой фактор глубинного перехода к более сложной глобальной системе. Экономике более интегрированы, население более мобильно, киберпространство сливается с физической реальностью»<sup>2</sup>. Цифровая связанность становится основой более быстрого и интенсивного развития общества, мир меняется беспрецедентными темпами; информационные технологии вытесняют или изменяют отрасль за отраслью; быстрая глобализация ведет к сдвигам в отношениях между странами.

Существуют различные способы, которые позволяют измерить степень связанности. Одним из них является Глобальный индекс связанности (*Global Connectedness Index — GCI*), разработанный компанией *DHL*<sup>3</sup>. Интересно появление *GCI-2020*, в котором в партнерстве с группой исследователей из Нью-Йоркского университета нашли отражение результаты исследования, анализирующего изменение связанности в период пандемии COVID-19. Пандемия существенно увеличила потоки цифровой информации, она приостановила потоки людей, но торговля, потоки капитала и информации помогли сохранить связь в мире.

Выводы исследования свидетельствуют о том, что в целом глобализационные процессы восстанавливаются после COVID-19, но оказалось, что мир менее глобализирован и связан, чем это представлялось ранее. Проведенное исследование также показывает, что пандемия изменила связанность:

- в 2020 г. потоки людей испытали беспрецедентный спад;
- снизилась доля мирового производства, пересекающего национальные границы;
- COVID-19 изменил бизнес и стиль жизни во всем мире, но не разорвал фундаментальные связи через национальные границы; мир с более широкими связями по-прежнему предлагает наилучшие перспективы для восстановления и благополучия;
- в условиях сокращения потоков людей стремительно развивалась «цифровая глобализация».

В течение года с середины 2019 г. международный интернет-трафик вырос на 48%, количество минут международных телефонных разговоров выросло на 20%, глобальное сотрудничество в области научных исследований показало устойчивую тенденцию к росту. В то же время количество людей, путешествующих за границу, сократилось на 70%. Пандемия стала своеобразным «стресс-тестом» для глобализации.

Исследовательский, общественный и международный интерес к проблеме связанности мира достаточно высок. Так, в исследованиях *GCI* компании Huawei в 2018 г. впервые появляется термин «интеллектуальная связанность» (*Intelligent Connectivity*), который отражает процесс конвергенции технологий широкополосной связи, облачных технологий, интернета вещей и искусственного интеллекта с целью активизации их применения, ускорения создания новых технологий и приложений, изменения устоявшейся бизнес-модели для увеличения экономического роста<sup>4</sup>. Интеллектуальная связанность не только является определяющим фактором экономического роста, но может стать решением многих из сложных и глубоко укоренившихся проблем общества, включая разрыв между богатыми и бедными, сохранение окружающей среды и изменение климата.

<sup>1</sup> Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкарлатана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.

<sup>2</sup> Ханна П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации / Пер. с англ. Э. Кондуковой; науч. ред. Р. Хусаинов, В. Шульпин. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 432.

<sup>3</sup> Altman S.A., Bastian Ph. DHL GLOBAL CONNECTEDNESS INDEX 2020. The State of Globalization in a Distancing World. NYU Stern School of Business Center for the Future of Management DHL Initiative on Globalization. URL: <https://www.dhl.com/global-en/spotlight/globalization/global-connectedness-index.html> (accessed: 20.06.2021).

<sup>4</sup> Powering Intelligent Connectivity with Global Collaboration. Mapping your transformation into a digital economy with GCI 2019. Global Connectivity Index Presented by Huawei // URL: [https://www.huawei.com/minisite/gci/assets/files/gci\\_2019\\_whitepaper\\_en.pdf?v=20191204](https://www.huawei.com/minisite/gci/assets/files/gci_2019_whitepaper_en.pdf?v=20191204) (accessed: 15.06.2021).

Таким образом, рассмотренные процессы стимулируют возникновение «саморегулируемого децентрализованного капитализма, при котором связанность становится основой стабильности жизни людей, происходит переход от вертикальной зависимости к горизонтальной взаимозависимости»<sup>1</sup>. Интеллектуальная связанность и другие цифровые технологии делают возможным возникновение глобальной экосистемы для сотрудничества в целях обеспечения устойчивого социально-экономического и политического развития.

Палагичева А.В.  
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

## РЕАГИРОВАНИЕ УЧАСТНИКОВ ПРОТЕСТА НА ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ДЕМОБИЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ<sup>2</sup>

В современном российском обществе применяются разные механизмы и инструменты демобилизации, связанные с институционализацией, сотрудничеством, поляризацией, истощением и подавлением. От совокупности применяемых мер протестная активность замедляется, купируется, направляется в конструктивную мобилизацию, откладывается на потом и может иметь множество дополнительных эффектов.

С. Тэрроу определяет демобилизацию как процесс снижения масштаба и силы (*scale and scope*) действий протестной активности. При этом демобилизация, реализуемая онлайн и офлайн, оказывает влияние на индивидуальном уровне на реальную жизнь граждан. Демобилизованное состояние граждан связано с нежеланием участвовать в протесте, сохраняя при этом интерес к политическому.

Демобилизация протеста через механизмы подавления в 2020 г. зачастую сопровождалась жесткими мерами преследования и применения силы. Общая разбалансировка взаимоотношений в обществе способствует деструктивным действиям протеста, что властью воспринимается как причина для усиления мер демобилизации.

Смещая внимание с государственных репрессий и выходя за рамки виктимизации, А. Хонари<sup>3</sup> выделил стратегии, которые индивиды выбирают в ответ на подавление. Обобщая их, автор указывает, что действия активистов в целом направлены на воздержание или оказание сопротивления. Реагирование граждан на индивидуальном уровне имеет воздействие на общественный макроуровень.

В современной российской практике заметной реакцией гражданских активистов на меры противодействия протесту является смена арены действий за счет перехода в онлайн. Данная тенденция имеет под собой ряд оснований, среди которых — как вынужденная тотальная цифровизация и дистанцирование, так и меры противодействия организации и проведению протестных мероприятий офлайн, осуществляемые как до, так и во время пандемии. Отмечается адаптация протеста к применяемым мерам демобилизации протестной активности граждан за счет изменения форм их проявления в зависимости от существующих институциональных возможностей.

Гражданские активисты также знакомы с применением стратегии обхода мер подавления и регулирования. В процессе и в результате блокировки мессенджера Telegram в России она реализовывалась через обход веб-фильтрации и наблюдения с помощью виртуальных частных сетей VPN. Отмечается тенденция перехода к новым цифровым инструментам организации протеста — каналы, чаты, чат-боты в Telegram. Виловатых А.В. указывает, что пользователи мессенджеров используют преимущество, что их существенно труднее деанонимизировать без потери времени<sup>4</sup>.

В результате анализа ряда протестных кампаний в России были выявлены случаи применения стратегии рефрейминга, установление мотивационных фреймов для мобилизации граждан. Например, усилить моральные стимулы, создавая «рамки несправедливости»<sup>5</sup>, делегитимизировать государство<sup>6</sup> или усилить идеологические обязательства. Контент-анализ групп во ВКонтакте с повесткой протеста

<sup>1</sup> Ханна П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации / Пер. с англ. Э. Кондуковой; науч. ред. Р. Хусаинов, В. Шульпин. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 325.

<sup>2</sup> Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности».

<sup>3</sup> Honari A. From «the effect of repression» toward «the response to repression» // *Current Sociology Review*. 2018. Vol. 66 (6). P. 956.

<sup>4</sup> Виловатых А.В. Фактор цифровых технологий в развитии протестных движений // *Проблемы национальной стратегии*. 2020. № 2 (59). С. 181.

<sup>5</sup> Gamson W., Meyer D.S. Framing Political Opportunity // *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures and Cultural Framings*. 1996. P. 275–290.

<sup>6</sup> Moss M.S. Leadership Strategies of Mobilisation and Demobilisation in Sudan // *Journal of Social and Political Psychology*. 2019. Vol. 7 (2). P. 997–1020. URL: <https://doi.org/10.5964/jssp.v7i2.869> p.1001.



против строительства храма в Екатеринбурге показал, что активисты «прочитывают» принятые меры мобилизации и оборачивают их выгодным для мобилизации граждан способом.

Стратегия конфронтации подразумевает активизацию деятельности по эскалации подавления, чтобы извлечь из них выгоду. При наличии социальных норм в пользу политического участия те, кто превращается в притесняемых и героев, придают импульс деятельности движения. Это наиболее актуально в тех контекстах, где люди, испытывающие проблемы подавления, получают за это социальное вознаграждение, что можно увидеть в современном российском обществе.

Палачева Ю.А.  
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

## АНАЛИЗ АККАУНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАНДИДАТОВ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПО ИЗБИРАТЕЛЬНЫМ ОКРУГАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ, НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Одним из современных инструментов агитации во время избирательной кампании разных уровней является использование аккаунтов в социальных сетях. Многие кандидаты используют для работы персональные страницы. Это связано с равной доступностью социальных сетей, возможностью для избирателя быть в удобной форме информированным о работе кандидата.

Исследования, описывающие работу депутатов Государственной Думы в социальных сетях, проводились В.П. Ермолаевым<sup>1</sup>, Т.А. Невской<sup>2</sup> [2] и др.

С целью характеристики деятельности кандидатов в депутаты в Государственную Думу в социальных сетях было проведено настоящее исследование. Поиск страниц в социальных сетях проводился с помощью стандартизированного поискового запроса, который включал в себя ФИО кандидата, выбранный регион (Ярославская область), категории «депутат», «кандидат» и названия социальных сетей. Отметим, что важной составляющей исследования является простота нахождения аккаунта кандидата.

На выборах в Государственную Думу восьмого созыва в избирательных округах Ярославской области выдвигают свою кандидатуру 21 человек. Количественные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Использование социальных сетей кандидатами

№ избирательного округа	Аккаунт в «ВКонтакте»	Аккаунт в Facebook	Аккаунт в Instagram	Не имеют аккаунтов
194	4	5	1	3
195	4	3	4	5
<b>Итого</b>	<b>8</b>	<b>8</b>	<b>5</b>	<b>8</b>

Исходя из данных табл. 1, отметим, что 8 кандидатов (38%) не используют хотя бы одну из социальных сетей для агитационной работы. При этом наличие аккаунта в социальной сети не является показателем активной работы с электоратом. Если в «ВКонтакте» все кандидаты ведут свои аккаунты, то только 5 из 8 работают с Facebook.

Для получения количественных показателей был проведен анализ страниц с помощью сервиса *Popsters* в период с 29 июля 2021 по 27 августа 2021 г. Уточним несколько особенностей.

1. Есть доля кандидатов, которые имеют аккаунты только в одной из социальных сетей. Так, А.И. Лисицын и Д.А. Петровский представлены только на Facebook. А.Н. Коваленко, О.В. Леонтьев и С.А. Балабаев ведут свои аккаунты на Facebook, но имеют там меньшую активность, чем ВКонтакте. Ввиду этого для сравнения будут использованы их аккаунты «ВКонтакте».

2. На Facebook невозможно определить количество просмотров у постов, в отличие от «ВКонтакте». Поэтому количество просмотров не может быть критерием для ранжирования.

3. Кандидаты дублируют посты из «ВКонтакте» в Instagram, при этом имея там меньшее число подписчиков. Поэтому подробный анализ аккаунтов в Instagram не будет проводиться.

<sup>1</sup> Ермолаев В.П. Социальная сеть «ВКонтакте» как современный канал политической коммуникации // Социум и власть. 2017. № 3 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-set-vkontakte-kak-sovremennyy-kanal-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 26.08.2021).

<sup>2</sup> Невская Т.А. Роль социальных сетей в избирательном процессе современной России // Политика и общество. 2018. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-setey-v-izbiratelnom-protsesse-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 26.08.2021).

Так как необходимо сравнить эффективность агитационной работы в разных социальных сетях, условимся, что критерием ранжирования будет коэффициент вовлеченности *Engagement Rate (ER)*. Ранжирование по числу подписчиков или комментариев не представляется возможным, так как они могут быть увеличены ботами.

Таблица 2

**Коэффициент вовлеченности пользователей в аккаунтах кандидатов**

ФИО	Партия	ER, %	Лайк	Репост	Комментарий	Просмотр	Кол-во постов	Кол-во подписчиков
Мирошниченко В.В.	Новые люди	5,28	424	17	10	6725	4	1937
Леонтьев О.В.	КПРФ	4,99	2 464	633	439	150 468	22	3217
Карпов В.В.	Новые люди	4,17	390	18	10	11 452	3	3336
Коваленко А.Н.	Единая Россия	3,37	2 752	130	641	255 826	28	3727
Лисицын А.И.	СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ПАТРИОТЫ — ЗА ПРАВДУ	2,87	3 341	156	232	—	26	4996
Ушакова Л.Ю.	Единая Россия	2,66	1 483	96	297	116 066	40	1763
Кузнецова Е.Д.	КПРФ	2,64	2 816	347	250	72 492	45	2865
Балабаев С.А.	Яблоко	1,95	310	68	51	13 951	9	2438
Петровский Д.А.	Коммунисты России	1,45	176	3	114	—	46	437
Смирнов Е.А.	ЛДПР	1,29	170	3	0	4 634	6	2231

Анализируя итоги ранжирования по *ER* в табл. 2, отметим, что наибольший коэффициент вовлеченности имеет Мирошниченко В.В., но он значительно уступает в количестве подписчиков и реакций аккаунтам Коваленко А.Н. и Лисицына А.И. Например, по числу просмотров постов Мирошниченко В.В. уступает Коваленко А.Н. в 38 раз. Из этого следует, что коэффициент вовлеченности не может быть использован для объективного ранжирования в вопросах анализа аккаунтов кандидатов в депутаты в Государственную Думу.

Так, существует необходимость проведения дополнительных исследований, направленных на изучение эффективности работы кандидатов в депутаты ГД в социальных сетях. В первую очередь необходимо введение нового коэффициента для объективного ранжирования, при этом количество подписчиков, просмотров и принятый в *SMM ER* не могут быть использованы.

Палитай И.С.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

### НАУЧНОЕ ЛИДЕРСТВО В ПЕРСОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ<sup>1</sup>

Необходимость исследования проблемы научного лидерства вызвана существующими в российском обществе большими вызовами в сфере взаимодействия научных и политических институтов, выражающимися в существовании коммуникационных барьеров, отсутствии единого целеполагания и стратегического планирования, отсутствия четких критериев системы эффективного управления такой сложной сферой человеческой деятельности, как наука. В настоящее время остро стоят проблемы организации науки и положения ученых в обществе, проблемы оценки эффективности научных менеджеров и в целом подготовки управленческих кадров в сфере науки. Большие политические вызовы в этой области состоят в том, что развитие новых технологий неразрывно связано с принятием политических и управленческих решений, а те, в свою очередь, — с экспертным обеспечением их реализации, включающим прогнозирование и оценку воздействия новых технологий, рисков, рефлексию правовой и моральной ответственности ученых перед государством и обществом.

Достижение заявленных государственных приоритетов в сфере науки и технологий непосредственно связано с развитием человеческого капитала науки, в первую очередь — молодых ученых, обладающих как достижениями в своей научной отрасли, так и управленческим потенциалом, которым в ближайшем будущем предстоит встраиваться в политические процессы для того, чтобы активнее

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31294 «Государственная политика в сфере науки и технологий: разработка модели управления человеческим капиталом».

участвовать в реализации объявленных государством приоритетов через выстраивание управленческих механизмов, успешно применяемых в других сферах, но неприменимых к сфере науки.

Как считают специалисты, в основе применения любого метода оценки эффективности исследований и разработок должна лежать кадровая составляющая<sup>1</sup>, которая подвергается учету и прогнозированию не только на национальном, но также и на отраслевом, региональном и корпоративном уровнях управления. Однако существующие в социогуманитарной науке теоретико-методологические подходы к изучению заявленной проблемы сфокусированы преимущественно на рассмотрении аспектов, связанных с разработками в сфере менеджмента, экономики предприятия, корпоративного управления, экономики знаний и т.п. В то же время именно политологический аспект данной проблемы фактически остается вне поля зрения исследователей, хотя и является, как нам представляется, ключевым в решении задачи выстраивания эффективной коммуникации между научным сообществом и его руководящим звеном, с одной стороны, и государством, властью, политическими институтами и лидерами — с другой. Наблюдается определенный дефицит как теоретических разработок, так и эмпирических исследований по данному вопросу. Помимо этого, мы полагаем, что решение данной проблемы невозможно без привлечения политико-психологического подхода, обладающего методологическими и инструментальными возможностями для анализа различных психологических компонентов личности молодого ученого (ценностей, представлений, идентификационных ориентаций, карьерных установок, Я-концепции, мотивации, профессиональных компетенций)<sup>2</sup>.

Обозначенный подход может позволить на основании полученных эмпирических данных провести комплексный анализ текущего состояния человеческого капитала молодого поколения научной элиты, выявить оптимальные каналы коммуникации между наукой и властью, а также преимущества и недостатки текущей государственной научно-технической политики в контексте взаимного восприятия власти и научного сообщества, что позволит в итоге построить оптимальную модель управления человеческим капиталом науки в России. Более того, решение такого рода научной проблемы может в перспективе способствовать повышению уровня доверия и общественного согласия в пространстве коммуникации между научным сообществом и властью.

Панкевич Н.В.

(Институт философии и права УРО РАН, Екатеринбург)

## **ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЛИМИТЫ СУВЕРЕНИТЕТА И ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕГУЛЯТОРОВ**

Представления о суверенной государственности как о базовой форме политического единства составляют основополагающую часть актуальной институциональной и нормативной догматики. Однако именно эта сверхстабильная позиция в институциональном и ценностном измерении предопределяет ситуацию, когда именно государство принимает на себя основную тяжесть критики, связанной с практическим интересом к выходу социальных процессов на уровень, где, оставаясь главной структурной доминантой, государства одновременно оказываются не вполне достаточным и эффективным регулятором.

Ситуация дефицитности государства как регулятора общественной жизни в транснациональном контексте предрасполагает политическую теорию к определению структурных возможностей для появления институций, способных составить функциональную альтернативу в качестве регулятора общественных отношений. И актуализирует вопрос, какие именно возникающие регуляторы и при каких условиях способны занять в этих сегментах превосходящую по отношению к государству позицию.

Представляется, что поиск системных возможностей для появления внегосударственных регуляторов следует начать с анализа организационной специфики самого государства с целью выявить предельную пространственную и функциональную идентичность данного института, квалифицировав области, нормативно локализованные вне «тела» государства и иммунизированные от его экспансии. В этом смысле феномен государственного нормативного суверенитета и эмпирического верховенства предстает как результат реализации специфического пространственного определения и, несмотря на свой всеобъемлющий системный характер, де-факто сформирован как в высшей сте-

<sup>1</sup> Палитай И.С., Попова С.Ю., Селезнева А.В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 455. С. 68–77.

<sup>2</sup> См., например: Палитай И.С. Молодое поколение российской политической элиты: статусно-ролевые и личностные характеристики // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 90–100; Палитай И.С. Молодое поколение политиков в современной России: политико-психологический подход к исследованию // Вестник Мос. ун-та. Серия 12: Политические науки. 2019. № 3. С. 7–22; Шестопал Е.Б. Психологические особенности российских политических элит и рядовых граждан // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11. № 3. С. 5–15.

пени локализованный феномен. Его функционер предельно ясно определен в структуре политического процесса и нормативно лимитирован территориально, но также и социально, и организационно, и процедурно.

В этом случае необходимый структурный минимум центров влияния негосударственной природы будет включать, прежде всего, их специализацию в регулировании процессов, которые разворачиваются в логике разомкнутой географии, выходящей за рамки единственной государственной юрисдикции; фиксацию на процессах, которые генерирует частная сфера. Принципиальным системным требованием далее является стратегический отказ негосударственного регулятора от использования в своей деятельности политического и силового операционального кодов, которые остаются сегодня ключевой и очевидной монополией государств. Аполитичность, неангажированность, беспристрастность, независимость от групп интересов, апартийность и пребывание вне политического процесса, заявляемые функциональными регуляторами в области науки, здравоохранения, образования, массовой информации в качестве результата объективности и ориентация на универсальное благо являются ключевым принципом претендентов на влияние<sup>1</sup>.

Наиболее значимой точкой входа в обязывающую государства коммуникацию здесь оказывается судебная власть как пограничная система между властным аппаратом и обществом, органически настроенная на реализацию функции корректирующей справедливости.

Стабилизация судебной системы как автономизирующегося от государственного контекста регулирующего института происходит сегодня чрезвычайно интенсивно и инициирует как денационализацию правовых систем, так и их детерриториализацию контрастно с принципом эксклюзивности государственной юрисдикции. В этом действии происходит преодоление рассеченности данной системы между национальным и международным уровнями, где отдельные органы укоренены либо в национально-конституционных контекстах, либо формируются совместным действием государств. Актуальное развитие происходит в направлении становления интегрированного функционального комплекса институтов, выходящего за пределы государственности. Взлет собственно политической значимости судебной отрасли является одной из наиболее заметных адаптаций властного аппарата государства к меняющимся социальным условиям и представлениям об оптимальном распределении компетенций между органами государственного управления.

Наиболее отчетливо данный процесс наблюдается в функциональном секторе международной юстиции со специализацией в области прав человека. Совокупный эффект от деятельности внешних регуляторов судебного типа во многих случаях оказывается настолько значимым, что становится важным фактором возникновения на национальном уровне оградительных реакций со стороны государств, что говорит о значительном эволюционном скачке, который осуществили внешние судебные регуляторы в течение последних тридцати лет на пути автономизации и выхода из государственных организационных контекстов, и о том, что данный сектор политического взаимодействия будет иметь высокую значимость с ближайшем будущем.

*Панфилов Г.О., Чугунов А.В.  
(Университет ИТМО, Санкт-Петербург)*

## **ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ: МОНИТОРИНГ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ**

**В** докладе представлены результаты мониторингового исследования Центра технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО, посвященной электронным ресурсам инициативного бюджетирования в России. Эти ресурсы рассматривались как один из каналов электронного участия наряду с другими: «Открытый бюджет», сообщения о проблемах, электронные инициативы, электронные голосования и краудсорсинг. В исследовании учитывались ресурсы, созданные органами власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления городов, являющихся административными центрами регионов.

Исследование проводилось по методике, основанной на системном подходе и рассматривающей каждый из каналов электронного участия, в том числе инициативное бюджетирование как циклический процесс, имеющий «вход», «выход» и обратную связь. Используя канал, гражданин инициирует участие, обращаясь к органам власти в электронной форме, в ответ ответственный орган власти принимает решение, на которое гражданин формирует обратную связь, инициируя повторное участие. В соответствии с методикой каналы электронного участия оценивались по пяти критериям: (1) открытость;

<sup>1</sup> См., например: Бельгия. De Hoge Gezondheidsraad (Высший совет по здравоохранению). URL: <https://www.health.belgium.be/nl/wie-zijn-we>.

(2) доступность; (3) принятие решений; (4) качество обратной связи и (5) специальные требования, каждый из которых имел по 3 показателя.

Было произведено два этапа мониторинга — в 2020 и 2021 гг. Сводные результаты мониторинга каналов инициативного бюджетирования представлены в таблице.

Таблица

**Сводные результаты мониторинга каналов инициативного бюджетирования в 2020 и 2021 гг.**  
(данные ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО)

	2020 г.	2021 г.
Количество региональных каналов	51	38
Количество муниципальных каналов (города—адм. центры регионов)	25	16
Охват субъектов РФ	60 (71%)	43 (51%)
Средний балл региональных каналов	8/30	11/30
Средний балл муниципальных каналов	8/30	8/30

В 2020 г. ресурсы, посвященные инициативному бюджетированию, оказались вторыми по распространенности после «Открытого бюджета» и были представлены в 60 регионах — в 51 на региональном и в 27 на муниципальном уровне. В 35 регионах не было представлено никакой информации об инициативном бюджетировании, в том числе в Москве. Так же как и в случае с «Открытым бюджетом», отдельные порталы получили в среднем больше баллов при оценивании (средний результат — 12 баллов) в сравнении с разделами на сайтах (6 баллов).

Наилучшие результаты показали порталы: «ИБ Сахалин и Курилы» (Сахалинская область), «Твой бюджет» (Санкт-Петербург), «Программа поддержки местных инициатив» (Красноярский край), «Народный бюджет» (Республика Коми), «ИБ в Мурманской области» (Мурманская область), «Народный бюджет» (Тульская область). В Самарской и Кемеровской областях сервисы были реализованы в виде раздела сайта правительства, но при этом являлись хорошими примерами.

В 2021 г. инициативное бюджетирование уменьшило свой охват на 17 регионов (20%), уступив второе место по распространенности другому каналу электронного участия — сообщениям о проблемах. Количество каналов уменьшилось с 51 до 38 на уровне регионов и с 25 до 16 — на уровне городов-столиц.

В качестве основной причины сокращения количества электронных ресурсов стоит обозначить отсутствие поддержания в актуальном состоянии разделов на официальных сайтах органов власти. В 2020 г. страницы с отчетами о функционировании проектов инициативного бюджетирования присутствовали более чем в 25 регионах и в значительной части городов-столиц. Однако к 2021 г. информация более чем в половине из них не обновлялась, раздел не поддерживался в актуальном состоянии. В то же время большинство ресурсов-лидеров, реализованных в виде отдельного портала, не потеряло своей актуальности и активно использовалось. Таким образом, при значительном сокращении количества ресурсов средний балл на региональном уровне увеличился с 8 до 11.

Отдельно стоит упомянуть об уровне развития компонентов электронного участия в ресурсах инициативного бюджетирования. Данные компоненты были обозначены в нашей методике пятью критериями. Выявленная динамика отображена на рисунке.



Развитие компонентов электронного участия в ресурсах инициативного бюджетирования на 2021 г.

Наиболее слабым местом на сегодня можно считать широту обратной связи. Этот критерий при оценке получил наименьший балл. В подавляющем большинстве случаев обратная связь пользователей была ограничена представленными на ресурсе контактными данными и ссылками. Возможность оставить обратную связь напрямую через портал встречалась редко и чаще всего носила закрытый характер.

Стоит отметить, обозначенные выше тенденции были выявлены не только в отношении ресурсов инициативного бюджетирования. В отношении других каналов электронного участия, за незначительными исключениями, была зафиксирована такая же динамика.

Парма Р.В.

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

## ПРОТЕСТНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАН В СОЦИАЛЬНЫХ ОНЛАЙН-СЕТЯХ

Одной из важнейших тем влияния цифровых коммуникаций на политическое участие граждан стала протестная мобилизация. Цифровые социальные сети рассматриваются как информационный, солидаризационный и организационный ресурсы, которые минимизируют временные, финансовые и эмоциональные затраты. Протестная активность, опосредованная цифровыми коммуникациями, способствует интенсивности сетевых взаимодействий, привлечению широких слоев населения к протестной риторике, мгновенной реакции на возникающие триггеры и проблемы.

Во влиянии социальных сетей на протестную активность граждан видится амбивалентный характер. С одной стороны, это возможности для выражения гражданской позиции, коллективной мобилизации, актуализации проблемного поля, с другой — проявления отчуждения от реального протестного движения, концентрации на сетевом взаимодействии и виртуальных лидерах протестного движения<sup>1</sup>.

Многие исследователи сходятся во мнении, что цифровые коммуникации, в частности социальные медиа, способствуют распространению протестной активности<sup>2</sup>. Социальные медиа создают как «эффекты большого размера», так и «эффекты теории 2.0» в организации современных социальных движений. Первый эффект состоит в том, что способствует более массовой и эффективной политической мобилизации. Второй эффект на основании широкой доступности социальных медиа для граждан приводит к новым формам протестных движений<sup>3</sup>.

Платформы социальных медиа расширили охват, увеличили скорость, создали интерактивную среду распространения информации среди граждан, что позволяет их использовать в качестве технологий формирования общественных настроений и управления протестными действиями. Низкая цена доступа превратила социальные медиа в альтернативные официальным СМИ каналы политической коммуникации для распространения контента, приглашения и координации акций протеста, проводимых как онлайн, так и офлайн. Платформы социальных медиа способны передать в наглядных сообщениях сильные эмоции, подталкивая граждан к поддержке протеста в пассивных либо активных формах<sup>4</sup>. Происходящие события и масштабные акции протеста в целом ряде стран показали, что социальные медиа стали эффективными инструментами организации протестов<sup>5</sup>.

Социальные медиа расширили возможности для творческих проявлений гражданского участия, которые во множестве повседневных контекстов образуют основу для активных политических действий. При этом гражданские формы участия в социальных сетях часто оказываются более эффективными, чем политические формы участия, что также может быть отнесено к характеру протестных действий в цифровой среде<sup>6</sup>.

Как показывают результаты исследований, активность в социальных сетях коррелирует с последующей крупномасштабной децентрализованной координацией протестов, что имеет важные последствия для будущего баланса сил между протестными гражданами и действующей властью<sup>7</sup>. Цифровые

<sup>1</sup> Ушкин С.Г. Теоретико-методологические подходы к изучению сетевой протестной активности: от «умной толпы» к «слактивизму» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 3–12.

<sup>2</sup> Boulianne S. Revolution in the making? Social media effects across the globe // Inf. Commun. Soc. 2017. P. 1–16. 10.1080/1369118x.2017.1353641.

<sup>3</sup> Earl J., Kimport K. Digitally Enabled Social Change. MIT Press, Harvard, MA, 2011.

<sup>4</sup> Jost T.J., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A.J. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks // Advances in Political Psychology. 2018. Vol. 39. Suppl. 1. P. 85–118.

<sup>5</sup> Monroy-Hernandez Andrés. Social Media, Civic Engagement, and Slacktivism // Colombia Journal of International Affairs. 2017. URL: <https://jia.sipa.columbia.edu/social-media-civic-engagement-and-slacktivism>.

<sup>6</sup> Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // Social Media + Society. 2015. URL: <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>.

<sup>7</sup> Steinert-Threlkeld Z.C., Mocanu D., Vespignani A., Fowler J. Online social networks and offline protest // EPJ Data Science. 2015. No. 4 (1). 10.1140/epjds/s13688-015-0056-y.

коммуникации посредством «слабых сетей» вовлекают граждан в общественную деятельность, подталкивают к участию в публичной политике. Цифровые платформы создают сетевые структуры для формирования коллективных целей и идентичностей, которые «способны аккумулировать и концентрировать протестный потенциал» для последующих действий офлайн<sup>1</sup>.

Патрушев С.В.  
(Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва)

## В ПОИСКАХ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ К МОНИТОРИНГУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИК (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ)

С 1992 г. общественные практики в России воспринимаются исследователями в контексте концептов политической науки, если не для анализа, то для описания происходящего, причем использование идеальных конструкторов (демократия, выборы, политические партии, электоральный процесс и проч.) могло предшествовать конкретным политическим практикам<sup>2</sup>. Понимание политической реальности как символической не отменяет вопроса: какие практики (и какая политика) наблюдаются в России?

Если политика — это совокупность практик по выработке и реализации конкурирующих проектов общественного развития, предполагающая конфликтность, универсализм норм, возможность выбора и целеполагание<sup>3</sup>, то такие практики реализуются ответственными гражданами, взаимодействующими с другими в рамках коллективных обязательств на основе усвоенных гражданских добродетелей (нормативно-ценностных установок доверия, равенства, справедливости, уважения к праву и к другому человеку), понимающих свои права и готовых к их реализации в форме представительства, участия и действия в целях достижения общего блага.

Политическая вовлеченность — переход от пассивного состояния массового индивида к активному состоянию гражданина — развивает потенциал совместного изменения социальных структур и расширяет полномочия и возможности человека на уровне субъективного восприятия и реальных прав (эмпайрмент).

Перемены 1990–2000-х годов выявили специфический тип социальной организации в России — *социум клик*, интегрирующих частных лиц на основе личных доверия и договоренностей в круг «своих» людей, готовых ради общего дела пренебречь моральными и правовыми нормами, действующих в обход формальных правил, за пределами или внутри социальных институтов. Формальные принципы демократии и приоритет общегражданских интересов деформированы как традициями авторитарного правления, так и новейшими тенденциями замещения политического процесса квазиполитическими административными практиками надзора и контроля, не исключающими произвол. Отсутствие универсального легитимного порядка, гарантирующего взаимное признание интересов индивидов как равных, осложняет реализацию гражданской ответственности и эмпайрмента. Латентные структуры личных и партикулярных интересов деформируют/замещают институты, право как универсальный регулятор общественных отношений подменяется ситуативными решениями и действиями власти, создавая предпосылки неполитического взаимодействия на принципах специфической реципрокности и трансформации политической власти в неполитическое господство<sup>4</sup>.

Структуры господства препятствуют конституированию политического пространства; сужают сферу конкурентных практик как угрозу «стабильности» и «порядку»; деформируют гражданственность; демотивируют действия властных элит и граждан во имя общего блага; склоняют их к политическому оппортунизму, увеличивают риски политической и социальной турбулентности; блокируют разработку эффективных проектов развития; отчуждают граждан от политики; усиливают процессы социетальной дезинтеграции<sup>5</sup>. Господство создает специфические нормы и правила социального вза-

<sup>1</sup> Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>.

<sup>2</sup> Пушкарёва Г.В. Homo politicus: политическая реальность и и политический дискурс // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 95.

<sup>3</sup> См.: Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений. М.: Политическая энциклопедия, 2019.

<sup>4</sup> См.: Кучинов А.М. Структуры и акторы формирования российского политического пространства: институциональные аспекты: Дисс. ... канд. полит. наук. URL: [http://dissovnet.rudn.ru/web-local/prep/tj/index.php?id=74&mod=dis&dis\\_id=3127](http://dissovnet.rudn.ru/web-local/prep/tj/index.php?id=74&mod=dis&dis_id=3127).

<sup>5</sup> См.: Недяк И.Л. Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де)формирования политического пространства России // Общественные науки и современность. 2021. № 3.

имодействия и формирует представления о «нормальном» и/или приемлемом социальном порядке, возможностях, правах и обязанностях индивида. Социальная патология господства воспринимается как обычное положение дел, адаптация к нему — как приемлемая стратегия с очевидными негативными последствиями для гражданской и политической идентичности. Деформация механизма политизации, призванного способствовать политической вовлеченности — ментальной и деятельностной, рационально-эмоциональной приверженности, вдохновляющей индивида действовать во имя общественного блага и тем самым производить политику, вытесняет граждански-значимых акторов с политическими целями и программами<sup>1</sup>.

Оценка институциональных характеристик, включая уровень политизации/деполитизации российских граждан, в режиме ежегодного мониторинга 2018–2021 гг. — общероссийских обследований (общий объем выборки 3400 человек) позволяет прогнозировать характер и динамику российских практик.

**Пашковский Е.А.**  
(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

## **ПОЛЯРИЗАЦИЯ ПОЛЬСКОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ПОСЛЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2019 года)**

Исследование посвящено проблеме европеизации польской партийной системы и роли Европейского союза во внешнеполитических ориентациях польских парламентских партий. Целью исследования является выявление особенностей отношения польских партий к Европейскому союзу в их предвыборных программах.

По итогам парламентских выборов 2019 г. в Сейме Польши сформировалось 5 фракций — правительство получили партии «Право и Справедливость» (правящая партия), «Гражданская коалиция» (во главе с партией «Гражданская платформа»), Левые, «Польская коалиция» (Народная или Крестьянская партия) и Конфедерация.

Таблица

**Результаты выборов в Сейм 2019 г.**

Партия	Коалиция	Результат, %	Количество мест в Сейме
Право и Справедливость ( <i>PiS</i> )	-	43,5	235
Гражданская платформа ( <i>PO</i> )	Гражданская коалиция	27,4	134
Современность ( <i>N</i> )			
	Левые	12,5	49
Польская народная партия ( <i>PSL</i> )	Польская коалиция	8,5	30
Кукиз'15			
	Конфедерация	6,8	11

Партийная система Польши может быть охарактеризована как многопартийная с доминирующей партией<sup>2</sup>. Правящая партия — «Право и Справедливость» сформировала правительство в одиночку, контролирует большинство депутатов в Сейме, а также ее представитель (А. Дуда) переизбран Президентом Польской Республики на второй срок (2020 г.)<sup>3</sup>. Ни одна из партий не имеет устойчивого большинства в Сенате (из 100 мест 48 мест у «Права и Справедливости», а 41 у Гражданской коалиции).

Правящая партия в Польше достаточно скептически относится к Европейскому союзу (это привело к конфликту между правительством Польши и Европейской комиссией). Польские политики, представляющие «Право и Справедливость», играют ведущую роль во фракции Европейского парламента «Европейские консерваторы и реформисты» (группа в 27 депутатов из 63). Программа правящей партии акцентирует важность сохранения национальных государств и крайне негативно настроена к федерализации ЕС<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См.: Структуры господства, граждане и институты / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

<sup>2</sup> *Островерхов А.А.* В поисках теории однопартийного господства: мировой опыт изучения систем с доминантной партией (II) // Полития. 2017. № 4 (87). С. 148.

<sup>3</sup> *Габарта А.А.* Президентские выборы в Польше в 2020 г. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 4 (16). С. 23–28.

<sup>4</sup> Предвыборная программа партии «Право и Справедливость». URL: [http://pis.org.pl/files/Program\\_PIS\\_2019.pdf](http://pis.org.pl/files/Program_PIS_2019.pdf) (дата обращения: 27.06.2021).



Оппозиционная партийная коалиция — партии «Гражданская платформа» и «Современность (*Nowoczesna*)» — поддерживает европейскую интеграцию. В партийной программе преобладают термины «европейское образование», «европейское здравоохранение».

Левые, третья по численности коалиция в польском Сейме ориентирована на европейский проект. В мае 2019 г. была сформирована Европейская коалиция — объединение «Гражданской платформы», «Современности», «Народной партии» и левых<sup>1</sup>. Коалиция получила на 5 мандатов меньше, чем «Право и Справедливость» (22 вместо 27). В своей программе левые не делают отсылок к внешней политике. Левые участвуют в деятельности проевропейских фракций Европейского парламента.

Польская коалиция — объединение «Народной партии» и блока «Кукиз'15». «Народная партия» в 2019 г. сначала участвовала на выборах в Европейский парламент на стороне «Гражданской платформы», но на парламентских выборах объединилась с блоком «Кукиз'15» — евроскептиками и популистами. На выборах в Сейм партия осторожно отстаивала позицию польских евроскептиков. Народная партия имеет очень продолжительную историю (с начала XX в.). В своей программе партия выдвигает приоритет сильной Польши в сильном Европейском союзе<sup>2</sup>.

Конфедерация — партия, получившая самое небольшое количество мест. При этом партия придерживается наиболее скептической позиции. Она акцентирует польский суверенитет и призывает к пересмотру существующей внешней политики, которая не отвечает интересам Польши<sup>3</sup>.

Подводя итоги, мы можем отметить, что в Польше существует серьезная поляризация между политическими партиями в связи с их отношением к Европейскому союзу. Проевропейские политические партии конкурируют с евроскептиками. Выборы в Европейский парламент становятся важным фактором для национальных парламентских выборов. При этом необходимо выделить важную особенность польского евроскептицизма: консерваторы и правые не ставят в качестве основной цели выход Польши из Европейского союза, а стремятся замедлить европейскую интеграцию.

Пейчева А.А.  
(МГИМО МИД России, Москва; ICT IDC, Израиль)

## РОССИЯ КАК ЛИДЕР СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ И НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

**В** настоящее время Россия является не только региональным лидером, развивающим экономически выгодные отношения между соседними странами через Экономический союз Евразии, но и ведущей фигурой в области международной безопасности и дипломатии, проводя мирные переговоры и принимая меры по ограничению войны в таких регионах, как Сирия, Ливия и страны Субсахарской Африки, Армения и Азербайджан, а также отправляя медицинское оборудование и дефицитные товары, такие как маски и другие медицинские ресурсы во время пандемии COVID-19, членам Европейского союза, США и др. Это акт России, который спас множество жизней и помог восстановить диалог вместо бомбардировок, победить болезнь и преодолеть необъяснимые разногласия.

В феврале 2021 г. после встречи министра Лаврова с Верховным представителем ЕС Жозепом Боррелем отношения ЕС–Россия еще более обострились и уже угрожали взаимным бизнес-интересам, как проект «Северный поток-2». Россия стала не только мишенью постоянных атак СМИ, санкций, но и жертвой угроз саботажа проектов, непосредственно связанных с ее экономикой. Многие угрозы в адрес России за продление санкций звучали со стороны ЕС в адрес заключенного в тюрьму миллионера Навального.

Последние данные Глобального индекса терроризма 2020 г. и других источников показывают, что в настоящее время в Европе совершается больше крайне правых террористических актов, чем религиозного терроризма. Крайне правые атаки увеличились на 250% по всему миру. В связи с этим Россия взяла на себя трудную задачу не только «следить за фондами» ультраправых партий и групп за границей, будучи спонсором, но и вести наблюдение за учебными объектами, имеющими связи с ультраправым экстремизмом, на своей собственной территории, рискуя совершениями террористических актов в стране.

Хотя России не хватает экономической мощи в Азии, в отличие от Китая, Россия по-прежнему имеет большую политическую власть в регионе.

Последние визиты министра иностранных дел России Сергея Лаврова в Китай, Индию и Пакистан в течение 2021 г. еще раз подтвердили этот факт и продемонстрировали дипломатический потенциал России, а также ее поддержку национальному интересу номер один любой страны — обороне.

<sup>1</sup> Выборы в Европарламент-2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции / Под ред. Ю.Д. Квашина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. М.: ИМЭМО РАН, 2019. — 178 с.

<sup>2</sup> Предвыборная программа коалиции «Польская коалиция». URL: [https://www.psl.pl/wp-content/uploads/2019/09/PROGRAM\\_PSL\\_2019.pdf](https://www.psl.pl/wp-content/uploads/2019/09/PROGRAM_PSL_2019.pdf) (дата обращения: 25.06.2021).

<sup>3</sup> Программа партии «Конфедерация». URL: <https://konfederacja.pl/bezpieczenstwo-narodowe/> (дата обращения: 21.06.2021).

В этой связи во время визита в Китай после спора Китая с США министр Лавров объявил Китай «настоящим стратегическим партнером России и страной-единомышленником».

Во время визита в Индию Сергей Лавров подтвердил желание России поставлять ракетные системы С-400, «передовые оборонные технологии», несмотря на то, что США угрожают ввести экономические санкции, если Индия их купит. Индия и Россия даже заявили о намерении совместно производить оружие.

Во время визита в Пакистан Россия продемонстрировала поддержку разработке мирного соглашения между США и Талибаном и содействию ликвидации экстремизма на региональном уровне, имея представительство Талибана в правительстве Афганистана после ухода США из Афганистана.

Несмотря на то что в дипломатии были тяжелые времена, когда новый президент США Джо Байден в марте назвал президента Путина «убийцей», это не помешало России и США провести плодотворный двусторонний саммит в Женеве 16 июня 2021 г. Президент Байден даже сказал, что есть «реальная перспектива значительного улучшения отношений между нашими двумя странами». Их обсуждение состояло в том, чтобы установить ограничения на операции в киберпространстве, чтобы помочь диалогу о стратегической стабильности в связи с новым договором о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ), а также по другим важным темам, которые будут способствовать стабильным отношениям между двумя странами, которые будут определять курс для будущих миротворческих операций НАТО по всему миру и другие необходимые улучшения на основе этого сотрудничества.

21 июня 2021 г. Совет Европы принял решение возобновить санкции, введенные в ответ на то, что они называют незаконной аннексией Крыма и Севастополя Российской Федерацией, на следующий год до 23 июня 2022 г.

Впервые санкции были введены в июне 2014 г. Следует отметить, что отделение одного региона от страны с целью присоединения к другой стране или воссоединения с ней не является прецедентом. Мы видели, как это произошло с Косово. Территориальная целостность, конечно, важна, но если граждане региона не согласны с границами территории, принуждение их к соблюдению границ является преступлением, в своем роде — угнетением. Новый мировой порядок может быть основан не только на правилах, но также на понимании этих правил, компромиссах и, что самое важное, сотрудничестве в форме дипломатии. COVID-19 продемонстрировал множество трудностей не только в поставках, но и в кризисном управлении, в международных отношениях и, что хуже всего, во взаимопонимании между людьми и странами, даже если они говорят на одном языке. Пример России прокладывает путь к лучшему будущему.

**Пеньков В.Ф.**  
(ТГТУ, Тамбов)

## **СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ**

**Ф**акторы, оказывающие воздействие на политические трансформации в России, полагаем возможным сформировать в несколько групп.

Стремясь к чистоте формулировок, уточним, что латинский термин *factor* автор толкует как некую причину, возможно — силу, условие, оказывающую влияние на процесс, определяющую его механику, временные сроки и существенные характеристики.

Отдельно отметим наличие так называемых ситуационных факторов, т.е. тех из них, которые влиятельны в определенных ситуациях. Думается, яркой иллюстрацией в последнее время стал «фактор COVID-19», реальное воздействие которого остро проявилось в ситуации с пандемией.

Говоря о группировании факторов, к первой группе отнесем экономические и политико-правовые, во многом определяющие конфигурацию и содержательные характеристики политических процессов. Ядро второй группы составляют ресурсные факторы, понимаемые нами как совокупность природных, людских, инфраструктурных, коммуникационных факторов. К третьей группе отнесем социокультурные и аксиологические факторы, раскрывающие суть этноконфессиональных, исторических особенностей, а также доминирующую систему ценностей и преобладающий в обществе или социальной группе тип политической культуры.

Уточним, что предложенное деление на группы весьма условно, поскольку имплицитная связь отдельных факторов, по сути, формирует многофакторную мозаику воздействия на процессы целеполагания, формирования моделей и практик политических трансформаций.

Кризисные ситуации в экономике, финансовой, социальной сферах, по нашим оценкам, могут быть отнесены к негативным факторам политики. Здесь не следует настаивать на обязательной линейной их детерминации с политическими процессами, поскольку связи эти носят весьма сложный и комбинированный характер. Но и отрицание воздействия первой группы факторов на трансформа-

ции в политике контрпродуктивно. К примеру, санкционная война Запад–Россия реально подтолкнула политическое руководство РФ к принятию ряда политических мер, изменивших внешнюю политику по отношению к инициаторам введения чисто экономических ограничений.

Ресурсные факторы, в нашем понимании, во многом определяют дизайн, темпы и сроки политических трансформаций, степень вовлеченности и включенности в преобразования политических акторов. Можно предположить, что расширение коммуникационного пространства за счет возможностей *Internet* за два последних десятилетия во многом изменило картину современной политической коммуникации, а следовательно, технологии и механизмы (в том числе мобилизационные) политических процессов. Недостаточные демографические ресурсы РФ, рост трудовой миграции в Россию из стран СНГ напрямую повлияли на принятие ряда политических и правовых решений, трансформацию миграционной политики государства.

Раскрывая социокультурные факторы современной политики, отметим, что доминантой здесь является аксиологическая компонента. По сути, именно укоренившиеся в сознании индивидуума или в общественном мнении социальной группы ценности во многом определяют модель политического поведения, что оказывает влияние на трансформационные процессы.

Здесь не будем забывать об аксиологических противоречиях, выявленных Э. Фроммом. Классик указывал на «потребность человека в ценностях, направляющих его поступки и чувства». Но при этом делал важное замечание: «Конечно, обычно существует разрыв между тем, что человек считает своими ценностями, и действительными ценностями, которыми он руководствуется и которые им не осознаются»<sup>1</sup>.

По нашим оценкам, система ценностей современной России пребывает в стадии затянувшегося становления, государство и общество продолжают находиться в состоянии «аксиологической многоукладности». Вхождение в активную политическую жизнь постсоветского поколения граждан страны не микширует, а в ряде случаев обостряет межпоколенческие ценностные противоречия, приводя в ряде случаев к повышению конфликтности политических процессов.

В нашей стране по-прежнему доминирует транзитарный тип политической культуры, порождающий, к примеру, у части молодежи формирование субкультур нигилистического толка, протестные модели политического поведения.

Трансформация политической системы России, политико-правовой эскиз которой был заложен в 2020 г. внесением поправок в Конституцию страны, позволяет рассчитывать на гармонизацию политических отношений. Однако, полагаем, это будет возможно при условии не только принятия нормативных правовых актов, но и при обязательном учете в политической практике аксиологических факторов.

И еще один тезис. Полагаем, что система факторов воздействия на политическую трансформацию в России обладает своей иерархией, не имеющей окончательной конфигурации. В зависимости от социально-экономической и политической ситуации доминирование факторов претерпевает изменения, что во многом определяется аксиологическими компонентами.

Петросян Ф.А.  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КУРС ЕВРОАРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Пандемия COVID-19 стала одним из существенных факторов, влияющих на внутреннюю и внешнюю политику почти всех государств мира. В этой связи большой интерес для политической науки представляет обстановка в Евроарктическом регионе, где складывается уникальная ситуация, связанная со спецификой как самой Арктики, так и отдельных стран Северной Европы. Кроме того, высокую актуальность данной проблематике придает факт обновления странами своих арктических стратегий в 2020–2021 гг. В документы вносятся положения, отвечающие вызовам сегодняшнего времени, в число которых также входит и коронавирусная инфекция.

Влияние COVID-19 на Арктику особо отмечено в экспертном отчете Арктического Совета «COVID-19 в Арктике: информационный документ для высокопоставленных официальных лиц Арктики»<sup>2</sup>, представленном 24–25 июня 2020 г. В документе даны рекомендации для государств и организаций, связанных с Арктикой. Отмечается необходимость анализа возможных причин быстрого распространения вируса, а также обязательность новых инвестиций в инфраструктуру, которая позволит увеличить защищенность населения.

<sup>1</sup> См.: Фромм Э. Революция надежды // Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 285.

<sup>2</sup> COVID-19 in the Arctic: a briefing document for senior Arctic officials. URL: <https://arctic-council.org/ru/news/covid-19-in-the-arctic-a-briefing-document-for-senior-arctic-officials> (accessed: 29.06.2021).

В анализе арктических стратегий следует особо выделить документ Европейского союза «Сбалансированная арктическая политика ЕС»<sup>1</sup>, принятый Европейским парламентом в июле 2020 г. В нем указывается, что кризис COVID-19 оказал далекоидущие разрушительные последствия на экономическую активность, занятость и здоровье граждан. В контексте энергетической безопасности высказывается мнение о том, что наблюдавшиеся тенденции способствуют структурным изменениям в потреблении топлива.

Стратегия Швеции в Арктическом регионе<sup>2</sup>, опубликованная в ноябре 2020 г., рассматривает этот вопрос в контексте развития местных сообществ и цифровой экономики, новая Арктическая стратегия Норвегии<sup>3</sup> — как фактор развития малого бизнеса и серьезного влияния на здоровье молодого поколения. Финляндия в своей новой Арктической стратегии 2021 г.<sup>4</sup> подчеркивает важность поддержки пострадавших сфер экономики, развития коммуникаций, расширения транспортной доступности Арктики, а также улучшения условий проживания народов Крайнего Севера.

Российская Федерация имеет два основных документа стратегического планирования своей деятельности в Арктическом регионе — Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 г.<sup>5</sup> и Стратегию развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. и дальнейшую перспективу<sup>6</sup>. Ни в одном из пунктов данных документов пандемия COVID-19 прямо не упоминается. Однако в Стратегии присутствует пункт, который прямо указывает на необходимость обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения Арктической зоны. Данная мера предназначена для выполнения основных задач в сфере социального развития Арктической зоны.

Анализ влияния пандемии COVID-19 на Евроарктический регион позволяет сделать вывод о том, что оно весьма значительно и отмечено на уровне регионального объединения — Арктического Совета. Все государства Евроарктики, находящиеся в процессе обновления своих арктических стратегий (на данный момент обновили свои документы четыре государства — Россия, Норвегия, Финляндия и Швеция, а также ЕС), принимают во внимание влияние пандемии COVID-19 на развитие региона и отмечают необходимость принятия мер в этом направлении.

**Петросянц Д.В.**

*(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)*

## **ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОЦЕНКИ УНИВЕРСИТЕТОВ: МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ<sup>7</sup>**

Практика исследований сложных экосистем инновационного развития в высшей школе показывает, что сколько есть университетов, столько и моделей их построения и развития, и это несмотря на естественное желание получить некую универсальную модель и далее по проторенному пути только ей и следовать. Опираясь на исследования Дж. Салми, можно отследить развитие университетов мирового уровня и констатировать, что не обязательно уже иметь раскрученный бренд и глубокую историю, важнее обеспечить четкое позиционирование и гибкие и пластичные возможности перестраиваться буквально на ходу<sup>8</sup>. Это относится и к организации менеджмента, и к структурированию учебного процесса, и к информационно-коммуникационной политике, и к работе научно-исследовательских подразделений, в том числе в коллаборациях с отечественными и зарубежными учеными, и еще многое другое, что требуется учитывать, исходя из исторического бэкграунда и материальных возможностей, территориальных локаций.

<sup>1</sup> A Balanced Arctic Policy for the EU. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/603498/EXPO\\_IDA%282020%29603498\\_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/603498/EXPO_IDA%282020%29603498_EN.pdf) (accessed: 29.06.2021).

<sup>2</sup> Sweden's strategy for the Arctic region 2020. URL: <https://www.government.se/information-material/2020/11/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020> (accessed: 29.06.2021).

<sup>3</sup> The Norwegian Government's Arctic Policy. URL: [https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/arctic\\_policy/id2830120](https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/arctic_policy/id2830120) (accessed: 29.06.2021).

<sup>4</sup> Finland's Strategy for Arctic Policy. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/163247> (accessed: 29.06.2021).

<sup>5</sup> Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 «Об Основых государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // КонсультантПлюс. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_347129](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347129) (дата обращения: 29.06.2021).

<sup>6</sup> Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // КонсультантПлюс. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_366065](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065) (дата обращения: 29.06.2021).

<sup>7</sup> Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00104 «Системное регулирование развития экосистем инноваций в российских ведущих центральных и региональных университетах».

<sup>8</sup> Salmi J. The challenge of establishing world-class universities. Washington, DC: Directions in Development, The World Bank, 2009.

Существенные недостатки имеют большинство методик оценки эффективности развития современных университетов, но еще большие проблемы несут в себе сложности верификации данных и стандартизация расчетов оценочных показателей многофакторной деятельности вуза. Во многом это и проблема мониторинга эффективности Министерства науки и высшего образования РФ (МНВО), при понятной позиции не замерять параметры (критерии), не имеющие прочной методической основы, которые не могут использоваться даже в качестве дополнительных индикаторов.

Насколько сегодняшние университеты обеспечивают выполнение своей основной функции — подготовку соответствующих современной экономике и иным сферам жизни специалистов, которые способны пластично переучиваться в соответствии с новыми вызовами времени?

Сфера высшего профессионального образования оказывается на «передовой» формирования национальных инновационных систем. Модель высшего образования должна реализовываться в соответствии с геополитическими векторами государств, обеспечивать гармоничное развитие человеческого потенциала. Адекватность выбранной модели образования впоследствии проявляется в конкурентоспособности стран на мировой арене, их месте в «мировой табели о рангах».

На сегодняшний день с помощью различных комплексных (квалиметрических) оценок принято ранжировать страны в разного рода рейтингах. Большую известность имеют рейтинги индекса экологической эффективности, восприятия коррупции, бизнес-климата, топ-100 национальных брендов и т.д. Особую миссию приобрели мировые университетские рейтинговые исследования *QS*, *THE*, *ARWU*.

Но время не стоит на месте, и реалии сегодняшнего дня подталкивают рэнкеров к пересмотру своих методик оценки университетов. Основными тенденциями, на которых будут основываться современные рейтинги университетов мировых и российских рэнкеров, с учетом изменения технологий и требований, предъявляемых к современным вузам:

- постепенный отход от существующих технологий репутационных замеров и количественных наукометрических показателей, так как именно они лежат в основе существующих международных рейтингов (*Scopus*, *Web of Science*, *Scimago* и др.). Рэнкеры в недалеком будущем начнут замерять/оценивать все возможные акты воздействия университета (импакты) на локальные и глобальные рынки, общество/сообщества;
- реализация многомерной оценки деятельности университетов: требуется собирать и обрабатывать всю информацию о деятельности вуза — таково требование эпохи *Big Data*;
- ориентация на все целевые аудитории рейтинга, не выделять преимущественно академическое сообщество или органы администрирования образованием и наукой;
- одновременно с периодическим публикацией результатов рейтинга университетов (сводным и частными) в России будет создаваться собственная версия картирования глобального образовательного и научного пространств на основе интеллектуальной поисково-прогностической системы.

Система высшего образования в России находится в процессе реформирования и трансформации. Задача ученых, аналитиков, всего экспертного сообщества — верно просчитать основные тенденции развития общества на обозримую перспективу и дать намечки «дорожной карты» первостепенных мер, направленных на коррекцию программ развития университетов, с целью остаться в когорте конкурентных институтов, развивающих образование и образовательные технологии.

**Пинюгина Е.В.**

(ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, Москва)

## **ЭТИКА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ**

**В** первые два десятилетия существования Интернета основным вызовом свободе слова и выражения политической идентичности в этом новом пространстве коммуникации считалась политическая цензура государств. В распоряжении государств были такие инструменты, как блокировка доступа к определенным ресурсам, требование к их владельцам устранить недопустимый с точки зрения цензуры контент, непосредственное давление на создателей и распространителей политически нежелательного или запрещенного контента и др. В этом контексте появившиеся на платформах Интернета социальные сети были восприняты пользователями в разных странах как пространство, где свобода слова и убеждений, основанных на политической идентичности, менее уязвимы перед государством, что содействовало их превращению в площадки политической коммуникации и формированию в цифровом пространстве новой этики.

Исследование принципов и механизма формирования этики социальных сетей позволяет провести дифференциацию двух ее компонент: процедурной (недопустимость оскорблений в адрес других

пользователей, призывов к насилию и угроз приверженцам каких-либо взглядов или представителям каких-либо групп) и обусловленной определенной политической идентичностью. Это наблюдение подтверждает политическая коммуникация в социальных сетях по наиболее резонансному для американского общества в последние годы вопросу об идентичности: поддержка или несогласие с идеологией движения «*Black Lives matter*», отражающая превалирование второй компоненты.

Этика соцсетей становится значимым фактором формирования общественного мнения и одновременно его производной. Некоторые аспекты этого феномена можно объяснить с помощью концептов У. Липпмана: «Общественное мнение является, прежде всего, морализированной и кодифицированной версией фактов. Я утверждаю, что система стереотипов (pattern), находящаяся в центре наших кодексов, определяет, какую именно группу фактов и в каком ракурсе мы увидим»<sup>1</sup>.

Определенную роль играет в этом процессе и амбивалентный характер соцсетей: с одной стороны, это пространство социального действия акторов политических сетей из активистов и групп интересов (выступающих как пользователи или их сообщества), с другой — пространство публичной политической коммуникации, которая является основным инструментом влияния на общественное мнение и принятие решений в публичной политике. С 2020 г. в США в поведении пользователей социальных сетей наблюдается отход от этики, основанной на принципах свободы слова, свободы убеждений, равноценности всех видов идентичности и замена универсальной этики и в соцсетях, и в офлайне этикой содержательной, обусловленной идентичностью компоненты. Неомарксистская идентичность ее идеологов опирается на подход критической расовой теории, в логике которого, если претензии, обвинения, предвзятость или критика высказаны представителем дискриминируемых групп (пришедших на смену угнетенных классов) — в первую очередь, афроамериканцев (но в этом качестве могут выступать, например, ЛГБТ, трансгендеры, женщины и т.д.), оппоненты не имеют морального права их оспаривать или высказывать альтернативное мнение по обсуждаемым вопросам. Наблюдается и возникновение в рамках этики соцсетей, во-первых, легитимности института коллективного порицания в социальных сетях и организации остракизма вплоть до разрыва контрактов и травли в офлайне, а во-вторых, условной градации привилегированности угнетенных групп. Примером порицания в соцсетях, переросшего в травлю в офлайне с потерей контрактов, стал случай писательницы Дж. Роулинг, высказавшейся против замены определения «женщина» словосочетанием «человек, который...»<sup>2</sup>, которое сторонники новой этики стали навязывать обществу как политическую норму в интересах более угнетенной, чем женщины, группы — трансгендеров. Преступление, физическое насилие или агрессия, аморальный поступок угнетенных также оценивается общественным мнением по другой шкале или игнорируется.

На уровне владельцев соцсетей такая этика может служить основанием дискриминации пользователей с определенной идентичностью и произвольного отказа пользователям и политикам в равном доступе к политической коммуникации по причине общественного неодобрения их политической идентичности и основанных на ней суждений. Примером в 2020 г. стали дискредитирующие комментарии от лица цифровых платформ, сопровождавшие публичные политические высказывания президента США Д. Трампа в социальных сетях, осуждавшего массовые беспорядки и насилие в ходе протестов движения *BLM*. Кульминацией такого этического подхода стала блокировка профилей президента в социальных сетях, формально обоснованная его отказом признать легитимность победы конкурента Д. Байдена на выборах, который был безапелляционно интерпретирован как побуждение своих сторонников к насилию. Неформально легитимность такому решению придавали постоянные спекуляции в СМИ относительно неэтичности суждений или решений президента в последний год его правления, хотя они являлись отражением консервативной политической идентичности и отвечали ценностям его избирателей.

На данном этапе этика соцсетей не является универсальной, применяется избирательно и способна повредить демократическим основаниям любого общества, особенно в условиях возрастания неограниченной власти владельцев коммуникационных платформ.

Пищева Т.Н.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

События последних лет в политике, экономике и социальной ситуации не могли не оказать влияние на психологическое состояние российского общества. Перед исследователями встает вопрос о том, какова связь между чувствами и настроениями в обществе и доверием к государству,

<sup>1</sup> Липпманн У. Общественное мнение. М.: Изд-во ФОМ, 2002. С. 69.

<sup>2</sup> Далее шло указание физиологических особенностей женского организма. — Прим. автора.

власти в целом, президенту, политическим институтам и отдельным политикам. В современной науке исследованиям психологических состояний и эмоциональной атмосферы посвящены исследования в рамках психологической, социологической и политической наук. Психологические свойства общества в разное время изучали Г. Лебон, З. Фрейд, Э. Дюркгейм, Г. Тард, К. Левин, Ж. де Ривера, Х.М. Фернандес-Дола и др.

В рамках психологического подхода в современной науке психологические состояния рассматриваются как промежуточное звено между психическими процессами и свойствами личности<sup>1</sup>. Они обладают временными характеристиками (свойственны определенному периоду времени), зависят от особенностей психических процессов, специфики отражаемых предметов и явлений действительности, а также от предшествующего состояния и психических свойств личности<sup>2</sup>. Согласно предложенному Н.Д. Левитовым подходу, психические состояния являются общими для всех членов общества и могут меняться вслед за политическими и экономическими изменениями в стране и в мире. Следовательно, можно предположить, что пандемия и сопровождающие ее события повлияли на эмоциональное состояние общества. Проходя через механизмы индивидуального восприятия и психические свойства личности, события и явления окружающего мира формируют общие для всего общества и определенной ее части эмоциональные состояния. Эти состояния могут меняться под влиянием конкретных факторов, но и сами оказывают влияние на восприятие событий.

В рамках политологического подхода используется термин «эмоциональная атмосфера», который, по определению М.Ю. Урнова<sup>3</sup>, включает в себя объединенные в одну систему существующие в обществе эмоции и настроения, присущие всем членам данного сообщества и которые существенно влияют на их взгляды и поведение. Таким образом, можно предположить, что эмоциональные состояния будут влиять на политическую активность граждан, их доверие к власти, принятие или сопротивление государственным решениям.

Мы предположили, что пандемия и сопровождающие ее факторы негативно повлияли на эмоциональное состояние российского общества, усилив тревожность и напряжение, что, в свою очередь, повлияло на уровень доверия к власти и принимаемым ею решениям. Как следствие это привело к наблюдаемому нами росту латентных негативных чувств и настроений (сопротивление вакцинации, поддержка оппозиционных настроений).

Для проверки этой гипотезы на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова было проведено пилотное исследование психологического состояния общества. В ходе исследования были проведены глубинные интервью с применением проективных методик. В общей сложности было опрошено 72 человека. В равных пропорциях были представлены мужчины и женщины в трех возрастных группах: 18–30 лет, 31–50 лет и старше 51 года. Самому младшему респонденту было 19 лет, самому старшему 81 год.

В ходе исследования задавались четыре группы вопросов:

Блок 1. Эмоции и настроения.

Блок 2. Социально-политические ожидания и потребности.

Блок 3. Представления о российской власти и доверие в социально-политической сфере.

Блок 4. Образы политических институтов и лидеров.

В данном докладе мы остановимся на анализе эмоций и настроений респондентов и их доверии к социально-политической сфере.

Для анализа эмоционального состояния респондентов мы выявляли три типа чувств и настроений: общее субъективное, по отношению к власти, по отношению к пандемии (уровень тревожности), наличие положительных факторов. Кроме того, для анализа уровня социального самочувствия на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ был разработан специальный проективный тест. Респондентов просили отметить на рисунке термометра температуру российского общества, а также объяснить, что, на их взгляд, может привести к повышению или понижению температуры общества.

Для изучения представлений о власти и уровня доверия к ней измерялись интерес к политике, доверие к власти в целом, отдельным личностям, оценка достоинств и недостатков власти, представления о демократии в России, представления об оппозиции, субъективная оценка динамики. Также исследовались представления о желаемой (идеальной власти) и предрасположенность к определенным видам политической активности, в том числе протестному поведению. В ходе исследования представлений о власти и уровня доверия к ней наряду со специальными вопросами интервью применялась методика неоконченных предложений.

<sup>1</sup> Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1984. С. 109.

<sup>2</sup> Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. — 344 с.

<sup>3</sup> Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении. М.: Аспект Пресс, 2008. — 240 с.

## ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ

Вопрос о сущности процессов изменений политических систем является одним из ведущих вопросов политической науки. На сегодняшний день наибольший интерес в исследовании данного процесса представляют три самостоятельных подхода, таких как: модернизационный, транзитологический и трансформационный.

Процессы трансформации политической системы обеспечивают переход одних форм политических институтов, идеологий, партий к другим формам, что в корне меняет механизмы их формирования, управления, а также влияет на стандарты, которые были признаны базовыми. Важно отметить, что трансформация в отличие от модернизации или транзиторности предполагает качественное изменение формы политической системы, а не ее обновление или заимствование<sup>1</sup>.

Процесс трансформации политических систем имеет нелинейный и многовекторный характер. Этим обуславливаются трудности при анализе и прогнозировании данного политического процесса.

Особый интерес для исследователей представляет процесс трансформации политической системы, который начинается и (или) протекает в условиях системного кризиса. В подобных условиях процесс трансформации сталкивается с тем, что нормальное функционирование политических институтов и каналов политической коммуникации затруднено, что приводит к нарушениям в функционировании базовых элементов политической системы. Важной особенностью процессов трансформации в кризисных условиях является ограниченность политических субъектов в использовании и перераспределении материальных и нематериальных ресурсов власти. На практике подобная ограниченность часто приводит к проявлениям акций гражданского неповиновения, групповым конфликтам, а в ряде случаев и к вооруженным столкновениям. В таких условиях процесс трансформации нередко меняет свою направленность и динамичность.

Процесс трансформации политической системы в кризисных условиях сохраняет такие же механизмы трансформации, как и в нормальных условиях. Однако кризисная специфика существенно влияет на протекание данного политического процесса<sup>2</sup>.

Основное отличие процесса трансформации политической системы в кризисных условиях от нормальных заключается в сложности его завершения и окончания. Стоит сказать, что при отсутствии консенсуса внутри политической системы и внутри общества, по итогам произведенных трансформаций, данный процесс не будет завершен. В такой ситуации процесс трансформации будет циклично повторяться до тех пор, пока не будет установлен общественно-политический консенсус, и система станет стабильной либо пока система не прекратит свое существование. Важно отметить, каждый последующий этап трансформации политической системы в условиях кризиса продолжается в более коротких временных рамках, чем предыдущий.

Трансформация политической системы в условиях кризиса существенно повышает роль политических лидеров в конструировании и регулировании политических процессов. В периоды нестабильности и хаоса, которые являются следствием эскалации политического кризиса, общество перестает воспринимать политическую реальность с точки зрения рациональности. Развиваются тенденции эмоционального и импульсивного политического поведения.

В условиях кризиса политической системы наиболее часто страдают институты гражданского общества. Деконструкция институтов гражданского общества во многом связана с утратой гражданской идентичности в условиях кризисных трансформаций. Институты гражданского общества теряют свою устойчивость и провоцируют внутри общественные конфликты, в результате которых происходит сбой в агрегации и артикулировании политических интересов. Кроме того, в условиях кризиса институты гражданского общества становятся потенциально возможной площадкой для рекрутирования сторонников деструктивных политических идеологий, основанных на нелегитимном захвате власти. Именно поэтому в условиях трансформации политической системы первостепенную важность приобретает вопрос о функционировании системы государственного арбитража и правопорядка.

В кризисных условиях трансформации политической системы большой значимостью обладает устойчивость и функциональность системы местного самоуправления. Политические кризисы часто приводят к деконструкции высших институтов государственной и политической власти. Однако си-

<sup>1</sup> Трегубов Н.А. Политическая система: принципы функционирования, условия стабильности, механизм трансформации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 6 (106). С. 108–111.

<sup>2</sup> Данилов А.Н. Переходное общество. Проблемы системной трансформации. Минск, 1998. С. 24.



стема местного самоуправления сохраняется в стабильном состоянии длительный период времени. Именно поэтому для успешного завершения процесса трансформации политической системы необходимо оказывать максимальную поддержку данному уровню власти, который способствует разрешению первейших вопросов и потребностей общества.

Подшибякина Т.А.  
(ЮФУ, Ростов-на-Дону)

## ДИФФУЗИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ КОГНИТИВНОЙ СВОБОДЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Понятие «когнитивная свобода» в рамках реальной политической борьбы активистов за расширение политических прав человека в XXI в. существует уже более 20 лет, оно призвано развить традиционное понятие «свобода мысли» и подтолкнуть демократическое общество к имплементации новой нормы в правовую систему. Как принято считать, понятие когнитивной свободы ввели в политический дискурс Сентенция Рай и Ричард Глен Буар в 2000 г. Сентенция Рай возглавляла Центр когнитивной свободы и этики «*Center for Cognitive Liberty & Ethics — CCLE*), созданный в 1999 г. с целью осуществления миссии разработки политики, которая сохранит и защитит свободу мысли в XXI в., в условиях возникновения новых нейротехнологий улучшения когнитивных функций человека. Она активно продвигала тезис о необходимости отстаивания когнитивной свободы от неоправданно высокого влияния конвергентных технологий по улучшению человеческого познания.

Деятельность гражданских активистов, последователей этой идеи в США и других странах, постепенно сошла на нет, не вдохновив научное сообщество на проработку концепции когнитивной свободы как свободы политической. В научном обороте понятие «когнитивная свобода» по-прежнему широко используется лишь в рамках психологического и нейропсихологического подходов, поэтому требуется его уточнение в политическом значении посредством экспликации из политического дискурса. Обобщение отдельных наработок может быть представлено таким образом: когнитивная свобода — политическая (нормативно институционализируемая) свобода на получение знаний, на свободное познание, свобода от влияния на принятие решений и действий на основе полученных знаний; свобода формирования убеждений и мнений (свобода мысли).

Цель данного небольшого исследования — взглянуть на проблему дефиниции когнитивной свободы с позиций политического диффузионизма, опираясь на теоретико-методологический конструкт понятия, принятый в когнитивистике и психологии. Выбор объясняется исключительно собственными научными интересами и собранным эмпирическим материалом исследований сетевых медиаэффектов, возникающих вследствие попыток установления когнитивного контроля над сетевыми сообществами и пользователями сети Интернет.

В развитие данного понятия сочетание подходов имплицитной когнитивистики и методологии диффузионизма позволило предложить диффузионную концепцию когнитивной свободы: когнитивная свобода — свобода представления, распространения и передачи знаний или информации индивидами в диффузионных сетях. Политический характер процессу придают различные формы управления, влияния, давления, оказываемые властью на участников взаимодействия в сети. Социокогнитивным признаком диффузии является сочетание функционирования нейронной сети разума человека и диффузионной социальной сети, распространяющей или передающей знания и информацию. Понятие когнитивного сетевого контроля обозначает определенный «ограничитель» или даже препятствие на пути свободы получения, хранения или распространения знаний в сетях различного рода. В этом заключается политический характер диффузии, приобретающей признаки политического процесса управления или манипулирования участниками взаимодействия.

Теоретический и эмпирический материал, собранный в ходе исследования, позволяет обобщить и систематизировать некоторые универсальные технологии управления когнитивными сетевыми практиками. Когнитивными технологиями можно назвать совокупность технологий, воздействующих на когнитивные способности человека. Объектами управления когнитивными процессами выступают: сознание, познание, способность рецепции и репрезентации, память, мышление. Уровень сознания, подлежащий воздействию, может быть как индивидуальным, так и групповым (коллективным).

Общим признаком всех когнитивных технологий является манипулирование информацией и воздействие на коммуникативные каналы ее распространения.

- Запрет на получение, переработку и распространение информации, цензура.
- Навязывание официальной идеологии; использование идеологической ориентации сторонников для продвижения решений, проектов или практик.
- Манипулирование информацией (фейки, переключение внимания); формирование официальной версии знаний.

- Воздействие на приобретение (восприятие), выбор (внимание), представление (понимание) и сохранение (память) информации; использование информации для управления поведением.
- Формирование когнитивного контекста, определяющего дискурс; разработка официальных нарративных стратегий.
- Фрейминг заключается во введении моральных фреймов, формирующих рамки восприятия политики в общественном сознании.
- Формирование индивидуальной и коллективной памяти в границах, заданных политикой памяти или исторической политикой.
- Модерация виртуальных площадок коммуникативного взаимодействия; цифровых пустот забвения, искажение информации; искусственное «выращивание» сетевых сообществ.

**Поливаева Н.П.**  
(ВИЭСУ, Воронеж)

## **УСТОЙЧИВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАССОВЫХ НАСТРОЕНИЙ РОССИЯН: «СТАГНАЦИЯ» ИЛИ «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СДВИГ»?**

Одним из сильнейших факторов, определяющих в последнее время массовые общественно-политические настроения российских граждан, конечно, является пандемия. В России на макроэкономическом уровне коронавирус потеснил нефть и газ. В этом смысле пандемийный кризис 2020 г. открывает новые «последствия» для развития страны. Учитывая, что завершилось строительство «Северного потока-2» и санкции против нашей страны уже не представляют собой какой-либо угрозы, у России появляется уникальный шанс обеспечить хотя бы скромный экономический подъем с помощью сохранившегося промышленного и сельскохозяйственного потенциала.

Пандемия рельефно продемонстрировала неравенство между регионами в доступе населения к медицинской помощи. ВЦИОМ спросил россиян по итогам 2020 г., как, по их мнению, система здравоохранения справилась с ситуацией, вызванной коронавирусом. Большинство наших граждан считают, что врачи, медработники сделали либо все возможное в этой ситуации (48%), либо даже больше, чем могли (22%). 23% полагают, что не сделано практически ничего<sup>1</sup>.

По результатам опросов ВЦИОМ, основным настроением россиян являются тревога, подавленность и напряженность, обусловленные, прежде всего, сложным финансовым положением. Многие эксперты отмечают, что, хотя рыночная ситуация и возвращается постепенно в докризисную норму, коронавирус ухудшил материальную сторону жизни каждого четвертого россиянина. Более 30% людей стали постоянно искать скидки и экономить. Во многом это связано с ростом цен на продукты питания. Правительство после «подсказки» президента (в середине декабря 2020 г.) установило предельные цены на масло и сахар, а торговые сети убрали наценку на базовые продукты питания. Но 2021 г. демонстрирует дальнейший существенный рост цен. Как отмечает известный отечественный ученый Н. Зубаревич, самое страшное — это привыкание к выживанию и бедности. По данным Росстата, 36,8% россиян живут на 19 тыс. рублей в месяц, а 23,4% имеют доход ниже 14 тыс. рублей в месяц. Правительственная финансовая помощь определенным категориям населения, конечно, важна, но она носит точечный, разовый характер. Как справедливо утверждают специалисты, для выхода из пандемийного кризиса нужны комплексные, системные меры. Будут ли они разработаны — большой вопрос.

Говоря обобщенно, массовые настроения россиян представлены двумя «лагерями». В одном группируются те, кто считает, что пандемия, отсутствие реальной объединительной (мобилизационной) идеи, коррупция власти, слияние силовых структур с собственностью ведут к деградации страны («пессимисты»). В другом — способны увидеть в кризисе новые возможности и тренды («оптимисты»). Главное, вероятно, заключается в том, что общим настроением россиян выступает «желание перемен». Но вот каких конкретно «перемен» (институциональных изменений — политических, экономических, социальных) желают разные группы россиян, досконально пока не прояснено. «Как показывает история, в периоды нарастания протестных настроений (например, в России накануне 1917 г. или 1991 г.) на первый план выходит негативное политическое самоопределение («против чего боремся?»), в то время как позитивное самоопределение («за что боремся?») актуализируется после смены политического режима»<sup>2</sup>.

Полагаем, что сегодня Россия еще сохраняет поступательный потенциал. Согласны с теми, кто видит в развитии гражданского общества, в гражданской активности Хабаровска, Шиеса, Куштау сим-

<sup>1</sup> ВЦИОМ. Новости: Итоги 2020 г. URL: <http://wciom.ru/analytical-review/analiticheski-obzor/itoqi-2020-qo-sobytia-ludi-ocenki-ozhidaniy-ot-2021-qo> (дата обращения: 05.01.2021).

<sup>2</sup> Латов Ю.В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Полис. Политические исследования. 2019. №12. С. 17.

воли надежды страны. Как отмечают социологи, общественные настроения россиян медленно эволюционируют от «неустойчивого пессимизма» (2020 г.) к «неустойчивому оптимизму» (2021 г.). Несмотря на появление для России новых угроз и рисков развития, которых не было в начале XX в. (экономические санкции, гибридная война против России, процессы деградации национальной и культурно-цивилизационной идентичности и др.), в последние годы исследователи отмечают рост горизонтальной самоорганизации граждан. Растет активность экологических, волонтерских и других движений на местном и общефедеральном уровнях<sup>1</sup>. Суть социально-политических ожиданий (настроений) широких слоев населения заключается, с одной стороны, в том, что государство должно быть еще более последовательным выразителем и защитником сильной социальной политики, а с другой стороны, оно не должно вмешиваться в частную жизнь граждан, политические и гражданские свободы.

Вербальные заявления граждан о своем стремлении к реальной социальной справедливости, сильной демократической власти, способной обеспечить порядок, к возвращению национальных традиций, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем, не сопровождаются реальным участием в массовых гражданских выступлениях или просто готовностью принять в них участие<sup>2</sup>.

В немалой мере это связано с тем, что активистов или организаторов массовых протестов просто изолируют либо выдавливают из страны, а остальных пугают. Социологи отмечают, что страх перед произволом властей вырос очень сильно (Л. Гудков). Продолжает накапливаться скепсис и недоверие к различным политическим институтам. Поэтому совершенно закономерна постановка вопроса о «новой демократизации российского общества»<sup>3</sup>. Для демократического развития страны необходима соответствующая ориентация не только массовых слоев российских граждан, но и политических и экономических элит. Однако такой ориентации не просматривается<sup>4</sup>. И в этом большая политическая проблема.

Полякова Н.В.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## **ВАТИКАН О МИГРАЦИОННЫХ ВЫЗОВАХ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА: РАЗВИТИЕ VS НЕРАВЕНСТВО**

На современном этапе мир столкнулся с крупнейшим после окончания Второй мировой войны миграционным кризисом, который вызван вооруженными конфликтами различной степени интенсивности и масштаба, а также социально-экономическими и гуманитарными проблемами в странах Африки и Ближнего Востока, усугубленными пандемией COVID-19. Святой Престол как один из важнейших субъектов мировой политики не может игнорировать этот кризис: он вынужден выстраивать собственную тактику и стратегию решения этого вопроса.

В условиях понтификата Папы Франциска тема миграции изначально оказалась включенной в более широкий контекст проблематики роста социальной несправедливости и неравенства как главных трендов современного мира, развивающегося по неолиберальной модели. Эту «в корне несправедливую» модель развития постоянно критикует глава Римско-католической церкви (РКЦ), называя ее «новой тиранией», основанной на «новом идолопоклонстве перед деньгами» и приводящей к эскалации различных форм насилия: «Механизмы современной экономики обостряют потребление, но оказывается, что безудержное потребительство вкупе с беззаконием наносит двойной удар по социальной сети. То есть социальное неравенство рано или поздно порождает насилие...»<sup>5</sup>. Папа римский Франциск охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в настоящее время вокруг массовой миграции жителей стран Африки и Ближнего Востока в Европу, как «позорную» и тем самым сформулировал официальную версию отношения РКЦ к этой теме. Для аргументации своей позиции Святой Престол использует ссылки на традиционные христианские ценности братской любви и милосердия, а сам Папа Франциск часто ссылается в том числе и на свой семейный опыт (он выходец из семьи итальянских мигрантов, переселившихся в Аргентину в 1929 г. по политическим мотивам).

<sup>1</sup> Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–53.

<sup>2</sup> Латов Ю.В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Полис. Политические исследования. 2019. № 12. С. 26–27.

<sup>3</sup> Петухов В.В. Демократизация российского общества: возможна ли вторая попытка? // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 8–23.

<sup>4</sup> См.: Козырева П., Смирнов А. Сдвиги в общественной жизни и проблема поддержки демократии в России // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 38.

<sup>5</sup> Апостольское обращение Папы Римского Франциска // *Evangelii gaudium* («Радость Евангелия»). 2013. 24 ноября. URL: [https://www.vatican.va/content/francesco/ru/apost\\_exhortations/documents/papa-francesco\\_esortazione-ap\\_20131124\\_evangelii-gaudium.html](https://www.vatican.va/content/francesco/ru/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20131124_evangelii-gaudium.html) (дата обращения: 11.06.2021).

Выход из миграционного кризиса видится понтифику только в кардинальном переформатировании всей международной системы социально-экономических и политико-управленческих механизмов посредством внедрения на глобальном уровне новой «здоровой» модели развития, ориентированной не на прибыль, а на «общее благо», в рамках которой будет обеспечен доступ к здравоохранению, образованию и рабочим местам для граждан всех стран, включая беднейшие. В обнародованной 3 октября 2020 г. папской энциклике «Все — братья» (*Fratelli tutti*), в которой многие аналитики увидели скорее политический, чем вероучительный документ и выделили дополнительную аргументацию для характеристики Папы Франциска как леволиберального политика, особое место занимает формулировка позиции Святого Престола по проблеме миграции в современном мире. Ее стержнем стал призыв к разработке форм и методов глобального управления миграционными потоками. В четвертой главе этого документа, которая получила название «Сердце, открытое всему миру», содержится призыв к сохранению либерального миграционного законодательства (упрощение получения виз и процедуры воссоединения семей; открытие гуманитарных коридоров), а также к созданию режима максимального благоприятствования мигрантам в принимающих странах (обеспечение жильем и основными услугами; создание возможностей для трудоустройства и получения образования; предоставление гарантий безопасных условий жизни, в том числе гарантии религиозной свободы, и др.). При этом вопрос о способах и инструментах их интеграции в западное общество формулируется в тексте «социальной» энциклики посредством продвижения концепции «полного гражданства» и отказа от дискриминационного использования термина «меньшинства»<sup>1</sup>.

Таким образом, Ватикан при Папе Франциске, делая ставку на расширение своего влияния в первую очередь за счет стран второго и в большей степени третьего мира, продолжает сохранять курс на поддержку либерализации миграционной политики и критику различных форм социального неравенства в условиях современного мира. Но многим практикующим европейским католикам, опасаясь новых волн миграции и критикующим миграционную политику своих правительств, приходится в этих условиях делать нелегкий выбор между собственной социально-политической позицией по данному вопросу и официальной позицией Церкви, к которой они принадлежат.

Помигуев И.А.  
(НИУ ВШЭ; ИНИОН РАН; Финансовый университет  
при Правительстве РФ, Москва)

## ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СЕТЕВОГО ПОДХОДА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Парламент является полем политической борьбы, согласования интересов разных социальных групп, легализации и легитимизации политических решений в виде законодательных актов, регулирующих практически все сферы общественной жизни в государстве. В целом парламентская деятельность сложна и многогранна, что можно увидеть по функциям, которые выполняет данный институт.

В политической науке основной фокус внимания долгое время был сосредоточен на взаимодействии законодательных и исполнительных органов власти, причем эта область исследовалась по-разному, в том числе с помощью математических инструментов анализа. Р. Элджи<sup>2</sup>, оценивая «волны» таких исследований, пришел к выводу, что они развивались от простого изучения типов политического режима и демократической консолидации (например, Х. Линц), с последующим увеличением параметров изучения (добавилась партийная система, сила исполнительной власти — М. Шугарт, Дж. Керри, С. Майнверинг и др.), до изучения в рамках неонституционализма с присущим ему методологическим индивидуализмом (Г. Коуз, К. Стром, Дж. Цебелис и др.).

Современный неонституциональный этап изучения парламентаризма уравнивал политических акторов в парламентском поле и подчеркнул значение не только формальных статусов и ролей, норм и правил игры как политического поля, но и неформальных практик и интеракций участников процесса, расширил представление о парламенте, представив его как поле для взаимодействия. В этой связи неизбежно наблюдаются попытки исследователей посмотреть на парламент как на сетевую структуру (Дж. Фаулер, Э. Алеман, А. Вонка, К. Браттон и др.)<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Encyclical letter *Fratelli tutti* of the Holy Father Francis on fraternity and social friendship. URL: [http://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco\\_20201003\\_enciclica-fratelli-tutti.html](http://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20201003_enciclica-fratelli-tutti.html) (accessed: 16.06.2021).

<sup>2</sup> Elgie R. From Linz to Tsebelis: Three Waves of Presidential/Parliamentary Studies? // *Democratization*. L., 2005. No. 12 (1). P. 106–122.

<sup>3</sup> Bratton K.A., Rouse S.M. Networks in the legislative arena: How group dynamics affect cosponsorship // *Legislative Studies Quarterly*. 2011. No. 36 (3). P. 423–460; Wonka A., Haunss S. Cooperation in networks: Political parties and interest groups in EU policy-making in Germany // *European Union Politics*. 2020. Vol. 21. No. 1. P. 130–151; Aleman E. Coauthorship ties in the Co-

С середины 90-х годов XX в. сетевой подход приобретает серьезный вес в научной среде, поскольку предлагает шире взглянуть на деятельность политических акторов и их количество, признав существование множества властных центров, формируемых «государственными и негосударственными образованиями, вступающими во взаимодействие между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя как формальные, так и неформальные нормы»<sup>1</sup>.

Ключевое место в исследованиях на базе сетевого подхода занимают «теневые» взаимодействия и кооперации групп акторов, связанных наличием доверия и стремлением к достижению общей цели, степень влияния которых определяется количеством разнообразных ресурсов, уровнем активности и заинтересованности участников. При всей перспективности и популярности данного подхода, он часто критикуется за невозможность его применения к изучению роли участников политического процесса из-за ограничения в получении информации о неформальных коммуникациях акторов.

Если продолжать мысль Р. Эджи, законодательные исследования с применением сетевого подхода можно считать четвертой «волной» изучения взаимоотношений исполнительной и законодательной власти, где органы власти, будь то правительство или парламент, выступают лишь обрамлением, внешней оболочкой сетевых взаимоотношений акторов внутри политической системы, формирующих коалиции не столько по принципу принадлежности к политическому институту, сколько по параметрам, определяемым в первую очередь особенностями их межличностного общения.

**Понеделков А.В.**  
(Южно-Российский институт управления (филиал) РАНХиГС  
при Президенте РФ, Ростов-на-Дону)

## **РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

**В** условиях глобализации национальная безопасность и ее обеспечение являются имманентным условием для выживания и развития всех современных государств. Именно поэтому Президент России В.В. Путин постоянно обращает свое внимание к вопросам социальной справедливости, упрочению демократии, обеспечению высокого уровня национальной безопасности.

Очевидно, что сама национальная безопасность зависит от качественного состояния военной, экономической, информационной, экологической ее сфер.

Однако безопасность государства всегда и результат деятельности правящей элиты. Российская политическая элита обязана обеспечить прочную стабилизацию государственности Российской Федерации, создание необходимых условий для реализации физических, интеллектуальных способностей и достойной жизни всех россиян.

В современных научно-гуманитарных исследованиях понятие «элита» является достаточно употребляемым. О влиянии элит на социальные, экономические, политические процессы говорят не только ученые, но и политики, деятели культуры, бизнесмены. Элитология как область исследования явно обозначилась в ряде научных дисциплин: политологии, социологии, истории, психологии. Элитологическая парадигма мышления и интерпретация на ее основе причин происходящих политических, социальных и экономических изменений стала весьма распространенной.

При изучении политических элит лучше всего дополнять властный (позиционный) подход меритократическим (репутационным) и иными аспектами изучения элит.

Качество кадрового обеспечения задач национальной безопасности — важнейшая и неотъемлемая функция российского государства. В современную российскую элиту можно войти различными путями: через удачный брак, через скабрезный скандал, через реальное самовыражение в самых извращенных формах, через наличие значительного количества денег, источник которых обществу непонятен.

Другой проторенный путь в элиту — политика, которая для значительной части претендентов в российскую элиту рассматривается не как тяжелый и неблагодарный труд, а как форма самовыражения, самореклама, попытка добиться благополучия не для народа, страны, а для себя лично.

Не случайно время от времени во власти разгораются скандалы вокруг непонятных, неизвестных обществу персон типа Арашукова, Абызова, Фургала, Быкова и др.

За последние годы в стране появилась определенная категория полуграмотных «всезнаек». Прикрываясь дипломами и учеными степенями, они пытаются все изменить, в лучшем случае «усовершенствовать».

<sup>1</sup> lombian congress, 2002–2006 // Colombia Internacional. 2015. No. 83. P. 23–42; Aleman E., Calvo E. Explaining policy ties in presidential congresses: A network analysis of bill initiation data // Political Studies. No. 61 (2). P. 356–377.

<sup>1</sup> Сетевой анализ публичной политики: Учебник / Под ред. Л.В. Сморгунюва. М.: РГ-Пресс, 2013. — 320 с.; Михайлова О.В. Сети в политике и государственном управлении. М.: ИД КДУ, 2013. — 332 с.

Сфера приложения их усилий значения не имеет: органы государственной власти и местного самоуправления, промышленность, образование, здравоохранение, наука или футбол. Не умея ничего сами, они стремятся учить других. Однако необходимым объемом знаний для этого они не располагают, навыков и умений не имеют, а многие и не желают заниматься реальными делами.

Все они хотят руководить или, в крайнем случае, что-то координировать! Долго не задерживаясь на одном месте, они переходят на новую работу, где рассказывают не о том, какой опыт приобрели, чего достигли лично, а в какой организации работали, пытаясь произвести впечатление звучными и известными наименованиями компаний.

Государство и общество для того, чтобы обеспечить национальную безопасность, должны выращивать элиту, не по званию, а по сути. Элиту недостаточно просто выучить, она должна вырасти на традициях народа. Залогом ее качества должен быть отлаженный механизм участия народа в формировании состава политической элиты.

В Резолюции IV Съезда Российского общества политологов, состоявшегося 22–23 декабря 2020 г., своевременно поддержана Рекомендация Первого заместителя Руководителя Администрации Президента РФ С.В. Кириенко о включении новых направлений исследований тем, связанных с новыми механизмами рекрутирования политических элит.

На протяжении более четверти века на базе ростовской научной элитологической школы совместно с Ростовским, Ставропольским, Волгоградским, Астраханским региональными отделениями РОП изучаются политические элиты в современной элитологии.

Причем по результатам социологических исследований издаются сборники, проблемы рекрутирования политических элит регулярно обсуждаются на Всероссийских элитологических конгрессах (их проведено уже три), круглых столах.

Качество элиты, ее зрелость, ответственность за страну оцениваются не по инициативам и популистским обещаниям министров, губернаторов, мэров, не по количеству законов, принимаемых депутатами, и поправками от их имени, а направленностью их действий на благо людей, справедливостью, гуманностью.

Общеизвестна мысль Президента РФ В.В. Путина о том, что «власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создается прочная моральная основа для созидания, для утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости, для национально ориентированного сознания».

*Попадьева Т.И.*  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ**

**П**олитологи чаще рассматривают проблемы национализма и формирования гражданской идентичности в странах бывшей Югославии через призму этнополитических конфликтов, вызванных неоднородностью населения региона. Вопрос о религиозной принадлежности балканских народов часто игнорируется в научных исследованиях об идентичности, поскольку кажется само собой разумеющимся. Отсюда изучение религиозного фактора и его влияния на формирование гражданской идентичности может пролить свет на современные политические процессы на Балканах.

Многие македонцы выступают против концепции гражданской идентичности. Хотя большая часть Конституции 1991 г. следует гражданской модели государственного строительства, в преамбуле подчеркивается, что македонцы являются конституционной нацией нового государства, гарантирующей равенство с другими нациями. Как нация, македонцы веками боролись за выживание своего собственного национального государства. В то же время политические лидеры албанского меньшинства выступают за признание албанцев в качестве второго конституционного народа (по примеру трех составляющих народов Боснии и Герцеговины, единственного государства бывшей Югославии, не построенного по этноцентрической модели). Этнический состав населения страны следующий: славяне составляют 64%, вторая по величине этническая группа — албанцы (25%), немалое количество турок также проживает в Македонии (около 4%)<sup>1</sup>.

Вопрос существования Македонской православной церкви рассматривается учеными в контексте влияния на данный институт внешних акторов. Отсюда находившаяся в разное время под властью византийцев, осман, болгар и сербов, Охридская архиепископия играла важную роль в процессе сохранения религиозной и культурной самобытности православных христиан и распространении грамотности на территории современной Северной Македонии, а также за ее пределами. По мнению Г. Георгиев-

<sup>1</sup> Статистички годишник на РМ. Скопје: Државен завод за статистика на РМ, 2005. С. 45.

ского, македонский народ отвергает насильственное установление иностранной церковной юрисдикции, поскольку в прошлом иностранные церкви диктовали национальную политику страны, характеризующуюся зачастую денационализацией и ассимиляцией<sup>1</sup>.

Резкий рост мусульманского населения в Македонии был обусловлен массовой миграцией мусульман из Косово, Санджака, Боснии и Герцеговины. Только с 1951 по 1956 г. из этих мест в Македонию перебралось около 20 тыс. жителей и более 50 тыс. мигрантов из Албании, которым югославское руководство предоставило гражданство СФРЮ в духе лозунга «Братство и единство»<sup>2</sup>. Тенденция поддерживалась также высокой рождаемостью в албанских семьях, которая за 40 лет привела к почти четырехкратному увеличению албанской общины в Македонии, концентрации албанско-мусульманского населения и геттоизации (изоляции) западной и северо-западной частей Македонии, где албанцы стали большинством<sup>3</sup>. Албанский элемент в Македонии, как наиболее многочисленный и организованный, послужил основой для религиозной и этнической идентификации остального мусульманского населения республики. Кроме того, сама природа ислама предполагает, что исламское сообщество должно формироваться как политическое сообщество<sup>4</sup>.

Недавнее исследование Фонда им. Конрада Аденауэра в Северной Македонии обнаружило, что в ходе предвыборных кампаний в 2020 г. жители Северной Македонии замечали использование партиями религиозных символов и нарративов. Кроме того, более половины опрошенных не проголосовали бы за политика, исповедующего религию, отличную от их собственной, независимо от его политических взглядов или партийной программы<sup>5</sup>.

Несмотря на попытки государства найти поддержку в религиозных институтах в создании новой наднациональной идентичности, об успехе говорить не приходится. Вектор конструирования македонской идентичности находит свое логическое завершение в религиозной независимости, которая, с одной стороны, способствует «национализации» православия в Македонии, а с другой — расширяет платформу для исламизации страны через албанское меньшинство. Таким образом, этнорелигиозный раскол будет препятствовать дальнейшему созданию гражданской македонской идентичности.

Попков Ю.В.

(Институт философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск)

## ОТ ЭТНОПОЛИТИКИ — К НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ЧТО СТОИТ ЗА СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ ДОКТРИНЫ?

**В**ажной особенностью многовекового развития нашего государства является его существование как своеобразного союза не только граждан, но и народов. В политическом строе это нашло отражение в федеративном устройстве, одним из элементов которого является наличие национальных образований в виде республик, автономных областей и округов.

Распад Союза Советских Социалистических Республик сопровождался кардинальной трансформацией социально-экономической и политической системы страны при сохранении федеративного государственно-территориального устройства России. Одновременно качественные изменения претерпели идейно-методологические основания социогуманитарного знания в рассматриваемой области. Произошел этнологический поворот, совершенный В.А. Тишковым, который привнес англосаксонские традиции и конструктивистские методологические установки. Вслед за переименованием Института этнографии в Институт этнологии и антропологии из научного оборота стали постепенно вытесняться сама «этнография» и «этнос» как основной объект ее изучения. Этнос заменяется на этничность, под которой имеется в виду персональная идентичность<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Gjorgjevski G. Nurturing the Culture of Dialogue: A Macedonian Experience // *Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society*. 2020. P. 394.

<sup>2</sup> Studija za regionalen razvoj na Republika Makedonija. Skopje: Development Fund Publ., 1992. S. 46.

<sup>3</sup> The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/al.html> (accessed: 20.06.2021).

<sup>4</sup> Miroљub Jevtić Islam kao činilac političkog identiteta u bivšoj Jugoslaviji. Srpska politička misao 2015. S. 173.

<sup>5</sup> Божиновски В., Николовски М. Употреба на Религија во Политички Кампањи. Фондација Конрад Аденауер, 2020. С. 14–15.

<sup>6</sup> Попков Ю.В. «Этнологическая модернизация» в России и ее проявления в стратегических ориентирах государственной национальной политики: парадигмальные основания и последствия // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 16: Материалы XX Нац. науч. конф. с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2021. Ч. 1. С. 226–228.

Осуществленный поворот в науке нашел отражение в реальной политике и ее главном доктринальном документе — «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее — Стратегия). В.А. Тишков так оценивает произошедшую трансформацию: «Главное состоит в том, что общими усилиями мы предложили единственно возможный вариант существования и развития нашей страны как полиэтничного и поликонфессионального государства на основе российского *национального проекта* и его основной формулы “единства в многообразии”. А вместе с этим само понятие *национальной политики*, которая до этого фактически понималась как этническая политика, наполняется новым и более адекватным содержанием — как политика общенационального строительства и обеспечения национальных интересов нашего народа как полиэтничной гражданской нации»<sup>1</sup>.

Что же стоит за этими, казалось бы, правильными стратегическими установками? Их существо четко просматривается в приведенных в Стратегии формулировках основных понятий в области национальной политики. Если делать акцент на сути, то выходит, что: 1) многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) — это *сообщество граждан* (здесь и далее курсив наш. — Ю. П.) разной принадлежности, обладающих одной качественной характеристикой — гражданским *самосознанием*; 2) «народы, национальности, этнические общности в Российской Федерации — национальный и *этнический состав* населения Российской Федерации, образующий этнические общности *людей*, свободно *определяющих* свою национальную и культурную *принадлежность*»; 3) гражданское единство — это *признание гражданами* суверенитета государства, его целостности и т.п.; 4) общероссийская гражданская идентичность — *осознание гражданами* их принадлежности..., ответственности..., необходимости...»<sup>2</sup>.

Можно сделать вывод, что парадигмальной основой рассматриваемого доктринального документа является либерально-конструктивистско-инструменталистская методологическая установка, что соответствует позиции В.А. Тишкова, определяющего нацию как форму «коллективного самосознания (идентичности) людей по поводу принадлежности к определенной общности, которую они и считают нацией», как «инструмент достижения коллективной мобилизации и солидарности...»<sup>3</sup>.

Соответствующая трактовка нации, а также многих проявлений этнического феномена имеет существенные ограничения, поскольку не учитывает политический опыт существования российского общества как государства народов, а также многовековые научные традиции в области отечественного народоведения.

Попова С.Ю.  
(ГАУГН, Москва)

## ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ<sup>4</sup>

Современная реальность определяет задачи формирования у молодежи как поколения, от которого зависит будущее, повышения личной ответственности за свою жизнь, принятые решения, за жизнь конкретной семьи, организации, страны в целом. В связи с этим отметим параллельно существующий социальный феномен, получивший название «выученная беспомощность». Суть этого социального явления проявляется в том, что человек чувствует себя беспомощным перед социальными и политическими событиями, убежден, что от него мало что зависит, что он не имеет возможности контролировать происходящие в его жизни события<sup>5</sup>.

В настоящее время российское государство достаточно четко формулирует запрос на социально активную и ответственную молодежь, создавая необходимые условия последовательной поддержки молодежных инициатив, тем самым актуализируя значение личной ответственности человека за события, происходящие в его жизни и жизни общества в целом. Ответственность как характеристика нрав-

<sup>1</sup> Тишков В.А. Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина) // Вестник российской нации. 2018. № 6. С. 29–30.

<sup>2</sup> Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 13.10.2020).

<sup>3</sup> Тишков В.А. Что есть нация. В поисках российской идентичности // Независимая газета. 2017. 24 января. URL: [http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9\\_6910\\_nacia.html](http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html) (дата обращения: 20.05.2021).

<sup>4</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31165 «Моральное и политическое сознание российской молодежи: ценностные ориентации, этические представления и политические установки».

<sup>5</sup> Закирова М.А. Развитие ответственности в юношеском возрасте: на примере студентов вуза: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Казань, 2010. URL: <https://www.dissercat.com/content/razvitie-otvetstvennosti-v-yunosheskom-vozraste>.



ственно-этической сферы личности молодого человека нами рассматривается как показатель гражданской ответственности и политической осознанности. Все вышесказанное определяет практическую актуальность нашего исследования.

Научное обоснование исследования, посвященного новой политической этике молодежи, где ответственность рассматривается в качестве одного из основных компонентов социально зрелой личности, основывается на междисциплинарном подходе, который вслед за А.С. Уйбо мы понимаем как «методологическое оформление реального синтеза научных достижений различных дисциплин в крупных научных проектах и исследованиях»<sup>1</sup>. В нашем случае речь идет о синтезе политологии и психологии.

Рассматривая ответственность в фокусе политической психологии, данная категория понимается нами как осознание личной причастности к происходящему в жизни; относится к категории этики и демонстрирует возможности личности делать осознанный выбор. В качестве ключевого тезиса мы говорим о реализации ценности ответственности в социально-культурном пространстве через социальную активность<sup>2</sup>.

Ответственность как этическая (моральная) характеристика индивидуума подразумевает «соответствие моральной деятельности личности ее долгу с точки зрения ее возможностей». Понятие же долга вменяет в обязанность «предвидеть последствия своей деятельности, особенно негативные последствия»<sup>3</sup>.

Современные социологи отмечают рост безответственности молодежи: «в культурно-нравственной позиции молодежи современной России слабо развита этика социальной ответственности как ориентация на целенаправленную деятельность, имеющую социально значимый смысл, результаты которой будут рассматриваться в качестве личного вклада в развитие общества»<sup>4</sup>.

Наше исследование зафиксировало следующее противоречие между увеличением поддержки со стороны государства социально активной и ответственной молодежи и природой активности и ответственности подрастающего поколения.

Эксперты обозначили «выученную» или «вмененную ответственность» молодежи, которую они осознанно выбирают.

Социально-политически активные молодые люди осознают необходимость демонстрировать свою заинтересованность в социально значимых делах, одобряемых государством и обществом в силу жесткой конкуренции.

Молодежь подчеркивает, что быть активным их обязывают; активность ими воспринимается как инструмент карьерной стратегии и достижения личных целей. Быть ответственным — новый тренд. Данная постановка вопроса входит в серьезное противоречие с классическими этическими характеристиками данной категории.

Попова О.В.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ<sup>5</sup>

Публичная власть (далее — ПВ) как результат взаимодействия политических и социальных акторов, претендующих на реализацию своих интересов, формируется непосредственно в публичной сфере, осуществляя выработку политической повестки, координацию правительственных планов, формируя публичный политический дискурс и символическую политику, принимая стратегические и тактические решения. Публичная политика является производной функционирования институтов ПВ, ее выработка осуществляется в автономном административно-управленческом комплексе. Эффективность ПВ зависит от организации публичной сферы, развитости ее ключевых институтов и механизмов, компромиссного характера взаимодействия политических институтов с институтами гражданского общества (далее — ГО).

Представление о неизменности институционального дизайна ПВ в РФ связано с трактовкой институционализации как только формирования новых структур, игнорированием новых практик ук-

<sup>1</sup> Уйбо А.С. Реконструкция исторического прошлого как междисциплинарная задача // Смысловые концепты историко-философского знания: Учен. зап. Тартус. ун-та: Труды по философии. XXXV. 1990. С. 76–92.

<sup>2</sup> Попова С.Ю. «Вмененная» и осознанная ответственность молодежи // Новая политическая этика российской молодежи / Под общ. ред. А.В. Селезневой. М.: Аквилон, 2021. С. 121.

<sup>3</sup> Медведева Г.П. Этика социальной работы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2002. С. 135.

<sup>4</sup> Зарубина Н.Н. Этика ответственности современной российской молодежи // Вестник МГИМО. 2012. № 6. С. 250.

<sup>5</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31356 «Исследование трансформаций систем городского управления и самоуправления в условиях конституционной институционализации единой системы публичной власти в РФ».

рения существующих институтов власти и изменения их функций. Высказывается идея, что набирающие политический вес сетевые неформализованные институты подвергают коррозии традиционную систему осуществляющих ПВ политических институтов.

Признание права на руководящую роль ПВ в социуме актуализирует проблему институциональной и деятельностной легитимности; предполагается, что население должно добровольно выполнять требования управленцев, считая предписания справедливыми, нравственными и полезными. Такая установка ПВ в отношении граждан оценивается политиками как обязательное условие стабильного функционирования институтов. Требование нерационального отношения граждан к власти и безусловного доверия к ней таит серьезные риски политических кризисов.

Сохраняется ложное представление, что сетевое распределение властных полномочий и ресурсов, формирование модели неиерархической ПВ с предоставлением возможностей влияния некорпоративным группам давления сделают политическую систему слабой, нестабильной и неуправляемой. Традиционными рисками институтов ПВ остаются неспособность управленческих учреждений адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам из-за жесткости регламентирующих действия чиновников обязательных инструкций и практики фаворитизма (некритическое отношение к «доверенным лицам») в верхних эшелонах власти.

В РФ растет вероятность легализации института лоббизма, в том числе за счет монополизации различных сфер деятельности экономически и политически влиятельными акторами. Эффективными инструментами лоббистов остаются знакомство и возможность коммуникации с руководителями верхнего эшелона власти. Дилемма наличия построенных по сетевому принципу неструктурированных профессиональных сообществ лоббистов при отсутствии профессии лоббиста как таковой и соответствующих регламентирующих документов требует принятия волевого политического решения на уровне высшего руководства государства.

Наблюдается фактическое встраивание органов МСУ в «вертикаль» ПВ; об этом свидетельствует, например, создание общественных палат МО с правом информационных и совещательных функций в ряде регионов; на практике эти структуры взаимодействуют преимущественно с общественной палатой соответствующего субъекта РФ.

Трансформация партийной системы осуществляется за счет институционализации партий-спойлеров и бизнес-проектов. Растут риски размывания идеологии конкретных партий или смещение их политического спектра за счет создания общественных организаций «при партии» как «бассейна рекрутирования» электората. Актуализируется возможность превращения общественных организаций в партийные и включения в избирательный процесс взамен дискредитированных партий; вероятны радикализация спектра идеологий в партийной системе и быстрое исключение «партий—движений» из конкурентного политического пространства за 1–2 электоральных циклов.

Из четырех возможных моделей взаимодействия институтов ПВ и ГО — а) социум подконтролен государству и не может функционировать вне рамок и правил последнего; б) социум подчиняется интересам государства, но отчасти может выходить за пределы его влияния; в) социум наряду с государством формирует публичную сферу, но интересы госаппарата доминируют в значимых политических решениях; г) возврат к первой модели при цифровизации публичного государственного управления — в России реализуется последняя.

Наиболее вероятные тренды трансформации ПВ в РФ — этатизация и корпоративный контроль («рефеодализация» в терминологии Ю. Хабермаса), хотя успешное управление всегда является продуктом баланса между государством и социальными институтами, гарантирующим предсказуемость и соответствие государственных актов общественным интересам (Ф. Фукуяма).

*Попова О.В.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)*

## **РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РФ**

**Р**егionalная идентичность (далее — РИ) как установка массового и индивидуального политического сознания характеризует степень привязанности к «своей» территории (в РФ это субъекты Федерации или более крупные образования — Центральная Россия, Сибирь, Урал, Северо-Запад, Дальний Восток, Крайний Север и т.д.) и ее специфический образ, отличный от представлений о других. Образ региона одновременно конкретен и мифологичен, связан с социально-экономическими характеристиками сегодняшнего дня, образами исторических личностей и не существовавших никогда героев. Образ содержит структурные элементы, обеспечивающие сравнительную оценку с сопредельными территориями. Характеристика в массовом сознании граждан и дискурсе региональной политической

элиты образа территории на основе использования только оценочных характеристик («лучший», «прекрасный», «замечательный») свидетельствует о его неразработанности.

РИ относится к территориальным видам идентичности наряду с локальной и государственной (последняя одновременно — вид политической идентичности); в некоторых случаях степень ее политической достаточно высока. РИ может встраиваться в модель территориальной идентичности по «матрешечному типу», гармонично дополняя модели территориальной макроидентичности (например, «европеец»), государственной и локальной идентичности с местным сообществом. Возможны варианты конфронтационного сосуществования в массовом и индивидуальном сознании территориальных типов идентичности (принимается региональная идентичность, но отрицается государственная; Чечня 1990–2000-х годов) или доминирования региональной идентичности над государственной (типично для эксклавных территорий (Калининградская область) или недавно вошедших в состав государства (Республика Крым)). РИ — важный показатель результативности политики брендинга региона и значимый компонент политики управления доверием на субфедеральном уровне. В регионах с высокой скоростью миграционных потоков формирование РИ новых жителей требует времени; наши исследования на Северо-Западе РФ показали, что обычно этот срок ограничивается пятью годами.

Объекты политики управления доверием — показатели межличностного доверия жителей региона и политического доверия к власти, прежде всего региональной. По данным общероссийских исследований, уровень межличностного доверия не превышает 35–37%, что является системной проблемой, связанной с особенностями экономической и социальной жизни страны. Политическое доверие к власти имеет две формы: институциональную и персональную. При политической стабильности показатели доверия институтам региональной власти остаются несколько меньшими, чем лицам, которые их возглавляют (типична разница в 5–7%). Наиболее значима для населения при объективном равенстве власти личность именно главы исполнительной власти. Он должен быть «своим» (родился, вырос, учился, начал работать здесь).

РИ не связана напрямую с доверием региональным институтам власти или политикам, что многократно зафиксировано при проведении исследований в Санкт-Петербурге (2013, 2016, 2020), Ленинградской области (2017, 2019), Пермском крае (2017). Объективно связь эта нелинейна. Она явно проявляется только при угрозе извне (так называемая ситуация «острова»). Возможность «вписать» РИ в политику повышения доверия власти существует при отсутствии универсальной модели для населения в целом. Для людей среднего и старшего возраста традиционно работает схема обеспечения достаточного количества рабочих мест, приличных условий жилья и наличия экономических и социальных перспектив для детей в своем регионе.

В отношении поколений X, Y и Z эта схема недостаточна. Необходимы: трансформация сайтов всех региональных органов власти моделей *Web 1* и *Web 2* (с возможностью обратной связи) к модели *Web 3*, которая в режиме «реального времени» позволит жителям региона «встраиваться» в принятие решений; открытие дискуссионных площадок онлайн и «открытых пространств» для неформальных встреч молодежи с представителями власти. Следует задействовать ресурс молодых региональных депутатов, представителей комитетов по делам молодежи, органов МСУ, а также молодежные парламенты.

При реализации политики доверия региональной власти следует учитывать особенности психологии молодежи (фрагментарность политического сознания, запрос на информационную открытость органов власти, требование «карнавализации» публичной политической жизни, значимость игровых форм взаимодействия), в том числе тягу к «геймификации» (шутливые игровые проекты в стиле *Action* с использованием популярных в регионе мемов, знакомство с историей региона через онлайн-игры, использование их в патриотическом воспитании), соревновательности (развитие региональных программ «Лидер»), способности к проектной деятельности (созидание и сотворчество в конструировании образа будущего региона).

Поцелуев С.П.  
(ЮФУ, Ростов-на-Дону)

## МЕТАФОРЫ ПОЛЯРНОСТИ В ДИСКУРСЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ: ЯВНЫЕ И СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ

Концепты многополярного(-полюсного), биполярного, однополярного и даже неполярного мира давно стали частью методологического инструментария политической науки. Однако употребляющие эти концепты авторы, как правило, не утруждают себя такой мелочью, как уточнение смысла терминов «полярность» и «полюс». Между тем в этой мелочи «скрывается дьявол» для методологии исследования, и суть его помогает понять когнитивно-лингвистический подход к языку политики. Развиваемое в рамках данного подхода понятие концептуальных метафор как междоменного переноса со сферы-источника на сферу-мишень позволяет отнести «полюсную (полярную)» метафорику к кон-

цептуальной метафоре государства как физического объекта. Соответственно, сила государств концептуализируется здесь как физическая сила, а стабильная международная система — как стабильная физическая система<sup>1</sup>. Сюда непосредственно примыкают и метафоры полярности в международных отношениях. Неслучайно первой из названных стала метафора биполярности, которую Дж. Лакофф возводит к книге американского политолога У. Т. Р. Фокса, уже в 1944 г. предсказавшего послевоенный мир как систему, в которой «западные демократии и Советский Союз станут полюсами мировой политики»<sup>2</sup>.

В концептуальной метафоре «способ рассуждения из исходного домена используется для рассуждения о целевом домене»<sup>3</sup>. И в этом смысле концептуальная метафора биполярного мира вполне логична: биполярная система мировой политики более стабильна, чем система со многими взаимно противостоящими силами — как более стабильна физическая система с полюсами как двумя основными противостоящими силами по сравнению с множеством противоборствующих сил. Появившиеся позже метафоры «однополярного» и «многополярного» мира ломают эту логику метафорического рассуждения (то, что Дж. Лакофф называет «*entailment of the metaphor*»). Следствием этого оказывается слабая концептуальная сила таких метафор, их превращение в обычный троп, чисто риторическое средство. Лингвистическим маркером этой концептуальной «деградации» стала синонимическая заменимость термина «полюс» на «центр силы» в современных концепциях «однополярного» и «многополярного» мира<sup>4</sup>. На этот момент обратил внимание российский исследователь Э.Я. Баталов, подчеркнувший, что полюса — это не просто «центры силы», а «полярные, т. е. контрарные, одновременно отрицающие и предполагающие существование друг друга» центры силы<sup>5</sup>. Отсюда его логичный вывод: система международных отношений может быть либо полюсной (биполярной), либо бесполюсной (неполярной).

Одним из эффектов упомянутой заменимости «полюса» на «центр силы» стал элемент абсурда в семантике метафор «однополярности» и «многополярности»; эти концепты гораздо больше скрывают, чем освещают в сути тех явлений, которые они описывают. Когда в 1991 г., после крушения СССР, американские политики и политологи заговорили об «однополюсном мире», они формулировали абсурдное с точки зрения исходной метафорической логики выражение — ведь исчезновение одного полюса влечет за собой исчезновение другого. Этот сбой в исходном метафорическом рассуждении (в случае метафоры «биполярного мира») стал просто другой метафорой — метафорой имперских претензий США. Но эти претензии плохо описываются концептом «однополярного мира», поскольку многое из желаемого выдают в нем за реальное. И прежде всего — факты регулярного и растущего оспаривания права США на роль мирового гегемона<sup>6</sup>. В результате политический дискурс мистифицируется, а принятие политических решений остается в плену ослепляющих рассудок стереотипов. То же самое справедливо и в отношении метафоры «многополярного мира»: она рождает иллюзию упорядоченного мира («концерта» его разных сил), тогда как в реальности такой мир пребывает в еще более нестабильном, чем в эпоху биполярности, состоянии.

Прокопенко Л.Я.  
(Институт Африки РАН, Москва)

## ЖЕНЩИНА КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ (СТРАНЫ ЮГА АФРИКИ)

В XXI в. насилие в различных формах по-прежнему остается важным инструментом политики, потому что его объективный источник заложен в конфликте интересов различных групп общества. Ключевым способом разорвать порочный круг насилия сегодня, по мнению экспертов Всемирного банка (ВБ), становится «усиление легитимных институтов и государственного управления в целях упрочения безопасности граждан, занятости и справедливости»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters. The University of California at Berkeley & Rockridge Institute. December 1999. P. 16–17.

<sup>2</sup> Fox W.T.R. The Super-Powers; The United States, Britain, and the Soviet Union — Their Responsibility for Peace. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1944. P. 97.

<sup>3</sup> Lakoff G. Op. cit. P. 4.

<sup>4</sup> Аюпов А.К. Политико-исторические концепции мирового порядка в теории международных отношений // Общество. Коммуникация. Образование. 2013. № 4. С. 134.

<sup>5</sup> Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005. С. 135.

<sup>6</sup> Массон Н.И. Гегемония, многополярность и неполярность в современных международных отношениях // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4–4. С. 301–303.

<sup>7</sup> World Development Report 2011. Conflict, Security, and development. The World Bank. Washinton, 2011. P. 103. URL: [http://siteresources.worldbank.org/INTWDRS/Resources/WDR2011\\_Chapter3.pdf](http://siteresources.worldbank.org/INTWDRS/Resources/WDR2011_Chapter3.pdf).

В странах Юга Африки в ходе борьбы за независимость к использованию насилия, в том числе вооруженных методов борьбы, прибегали Африканский национальный конгресс (АНК) в Южной Африке, Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО) в Намибии, Африканский союз народа Зимбабве (ЗАПУ) и Африканский национальный союз Зимбабве (ЗАНУ). Борьба за власть между политическими силами внутри самих национально-освободительных движений в Анголе, Зимбабве, Мозамбике, Намибии и ЮАР также сопровождалась физическим уничтожением политических соперников. Более того, в Анголе и Мозамбике это происходило в рамках затяжных гражданских войн. Многие африканки были активными борцами за независимость своих стран, участвуя в том числе в вооруженной борьбе. В ряде стран региона (Анголе, Мозамбике, Зимбабве и Лесото) оппозиционные элиты также имеют достаточный опыт применения насилия.

Юридически африканки защищены от насилия как международным законодательством (Всеобщая декларация ООН прав человека (1948), Резолюция ГА ООН 48/104 (1993), Африканская хартия прав человека и народов (1981 г., Найроби (Кения)), Пекинская платформа действий (1995), специальный Протокол к Африканской хартии прав человека и народов (2003 г., г. Мапуту (Мозамбик)), так и национальным законодательством.

Власть по своему существу стоит над полом. Причиной все более частого превращения африканок в объект насилия в политике сегодня является то, что в процессе роста их политической активности, увеличения числа в органах власти и влияния они становятся серьезными оппонентами и подвергаются насилию наравне с мужчинами.

Проблема предотвращения насилия остро стоит в избирательном процессе. Необходимо отметить, что африканки выступают не только как объекты насилия (запугивание женщин-кандидатов, избивание их в ходе столкновений со сторонниками политических соперников), но и как его субъекты, так как приказы о разгоне несанкционированных демонстраций или арестах иногда дают женщины, которые в некоторых странах региона, например в ЮАР, широко представлены в силовых структурах.

Фактор насилия негативно влияет на приход женщин в политику. Насилие (от запугиваний до применения физического насилия) существенно препятствует участию женщин в политической борьбе на выборах. Тема насилия в политике за последние 15 лет остро заявляла о себе, например, в избирательном процессе в Зимбабве и Замбии<sup>1</sup>. Необходимо отметить, что насилие наряду с социальной дискриминацией, низким уровнем политической грамотности по-прежнему являются серьезными препятствиями для реализации политических прав женщин и в странах региона, добившихся в плане гендерного равенства ощутимых результатов. В последние годы в странах Юга Африки проблеме предотвращения насилия в электоральном процессе уделяется большое внимание. В протоколе, принятом на совещании стран-членов Сообщества развития Юга Африки (САДК) по проблеме выборов (Мапуту (Мозамбик), апрель 2011 г.) указывалось на необходимость искоренять насилие в отношении женщин в электоральном процессе.

Минимизация политического насилия в отношении женщин входит в задачу общего контроля над насилием, что сегодня является одним из необходимых условий развития общества. Ведь в 2000-е годы политическое насилие и экономические кризисы в Зимбабве, Замбии и ЮАР уже нанесли серьезный ущерб их привлекательности в глазах иностранных инвесторов и резко снизили перспективы дальнейших инвестиций. Руководство государств Юга Африки, заботясь о стабильности и безопасности своих стран, в разной степени и с разными результатами продолжают искать пути уменьшения масштабов насилия для достижения ЦУР, поставленных ООН по устойчивому развитию на период до 2030 г. Например, в июне 2018 г. на региональном совещании министров по делам женщин стран САДК был рассмотрен проект стратегии по борьбе с гендерным насилием, рассчитанный на 2019–2030 гг.

**Пророк В.**  
(Университет Яна Амоса Коменского, Прага, Чехия)

## **ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА**

**Г**лобализация значительно ускоряет развитие общества и одновременно создает пространство для роста социальных конфликтов. Основная проблема анализа социальных проблем заключается в том, что люди находятся в специфических условиях и поэтому по-разному воспринимают ситуацию. Различная социальная привязка субъектов ведет, с одной стороны, к разной структуре потребностей и условий их удовлетворения, а с другой стороны, к другой структуре разделяемых ими ценностей. Это приводит к иному представлению о реальности — как о природе существующих явлений и отношений, так и о том, как они регулируются и развиваются.

<sup>1</sup> Прокопенко Л.Я. Политическое насилие и женщина как его объект (страны Юга Африки) // Насилие и терроризм. Гендерный аспект. Серия «Гендерные исследования». Т. 19. М.: Институт Африки РАН, 2016. С. 114–134.

Проблема с адекватным решением заключалась в том, что выбранные инструменты и представления о реальности всегда разделяются только определенным кругом людей и идеи отдельных субъектов могут быть несовместимы. Поэтому их исполнение обеспечивается при помощи власти. Кроме того, познание общества всегда характеризовалось определенной спецификой — существует сильная связь с интересами и ценностями когнитивных субъектов, и поэтому параллельно существует больше парадигм, которые скорее ориентированы на предпочтительные ценности субъекта, чем на эмпирические факты, точнее, эмпирические факты воспринимаются через призму предпочтительных ценностей.

Ценностные схемы исторически принимали форму религиозных концепций или политических идеологий. Сегодня религия сохраняет значительное влияние в некоторых исламских странах, а также влияет на фундаменталистские группы в христианской и еврейской общинах. В идеологиях, возникших после Французской революции, появляется точка зрения, согласно которой они являются наполнением естественного права, несмотря на то, что их духовные отцы — Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо осознавали разногласия во взглядах на сущность естественных прав, и их последователи естественный закон воспринимали как удобную фикцию, не основанную на фактах. Идеологии основаны на определенном наборе принципов, которые их последователи считают «естественными», соответствующими потребностям общества. Взаимно идеологии отличаются ключевым принципом, взглядом на природу человека, принципом организации общества и ролью государства и права в системе. Кроме того, в отдельных идеологиях возникают течения. Они реагируют на изменения в мире и либо расходятся во мнениях относительно значения некоторых ценностей, либо добавляют новые ценности в парадигму. В консерватизме есть авторитарное, патерналистское или либертарианское течения. В либерализме есть классическое и современное социальное течения. В социализме есть радикальное коммунистическое и западное демократическое течения.

Помимо традиционных течений внутри идеологий, во второй половине XX в. появляется попытка примирить ценности разных идеологий. Примером являются новые правые комбинирующие ценности либерализма и консерватизма в виде неолиберализма и неоконсерватизма. Политика новых правых была связана с глобализацией и сохранением гегемонии Запада во главе с США. Инструментами стали цветные революции и интервенции, направленные на устранение авторитарных или неудобных для Запада режимов, ограничивающих свободный рынок. Изменения происходят под девизом естественных прав, но не всегда они соблюдаются или используются в политике избирательно — для оправдания применяется политика двойных стандартов и новая концепция политкорректности.

Идеологическому восприятию мира подчиняется также наука. Отдельным идеологиям отвечают школы политического мышления и методологические подходы. Консерваторы — чаще всего последователи нормативной онтологической школы. Они убеждены в существовании укоренившихся в бытии норм, которые необходимо найти в истории и применять их в настоящем. Либералы — сторонники эмпирически-аналитической школы. Они убеждены, что на основе анализа имеющегося опыта можно смоделировать изменения параметров существующих систем и тем самым повысить их устойчивость. Социалисты используют разные варианты марксистской теории. Внутри отдельных школ возникают определенные течения — креационизм, геополитика, реализм, критический реализм, инструментализм, функционализм, структурализм и др.

Глобализированный мир с растущей ценностной поляризацией. Хотя Запад декларирует применение концепции естественного права, применяет ее выборочно, руководясь принципом полезности для себя. Этому отвечает политика «двойных стандартов» и новое понимание политкорректности. Нарушения прав оцениваются с точки зрения интересов Запада, нарушения естественных прав ими или их союзниками преуменьшаются или оправдываются борьбой с экстремистами и недемократическими силами, в то время как аналогичные или придуманные действия противников широко освещаются в СМИ и активно используются для их дискредитации. Политкорректность сегодня заключается в том, что невежливо говорить о фактах и проблемах, «которые не вписываются в либеральный идеал общества», и негативные факты часто автоматически преподносятся как фейковые новости.

*Прохоренко И.Л.*

*(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)*

## **ИНСТИТУТ МОНАРХИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: ПОТЕНЦИАЛ «СОЕДИНЕНИЯ» РАЗЪЕДИНЕННЫХ ОБЩЕСТВ**

**Ч**то представляет собой институт монархии в век глобализации и регионализации, не являются ли те немногие европейские монархии анахронизмом в государствах и обществах, сохраняют ли они свои значение и роль в процессе принятия государственных решений, тем более — в системе многоуровневого управления в Европейском союзе с весомым наднациональным компонентом, в чем видят свое предназначение королевские дома Европы и как воспринимают их рядовые

граждане, имеет ли перспективы сохранение монархии как института политической власти в европейских странах? Эти вопросы все чаще оказываются в центре общественных дискуссий в тех или иных конституционных (парламентских) монархиях Европы, особенно на фоне судьбоносных перемен — как в случае с Соединенным Королевством, покинувшим Евросоюз, кризисных явлений внутриполитической жизни или экономических неурядиц, трансформации партийных систем и появления популистских радикальных политических партий — как в случае с Королевством Испания. Очень часто наблюдается стремление не только политизировать, но и экономизировать обсуждение этого вопроса. Ведь королевские семьи, как правило, частично содержатся за счет государственного бюджета, а значит, из средств налогоплательщиков, и это порой значительные финансовые суммы, а важная часть доходов царственных особ — использование своего титула и образа монаршего рода. Частью дискуссий становятся и споры о моральном статусе монарха и/или его наследников и ближайших родственников в контексте громких скандалов, связанных с именами членов королевской семьи.

В условиях растущего культурного разнообразия, подъема регионального национализма и сепаратизма в развитых и благополучных странах Европы в институте монархии продолжают традиционно видеть символ традиций, единства политической и гражданской нации, устойчивости политической системы, преемственности политического курса. Почти всегда этому способствует личная популярность царствующей особы, готовность и стремление адаптироваться к переменам в стране и мире с каждым новым поколением династии. Сохраняя свою политическую нейтральность, оставаясь вне политики, точнее — над политикой, монарх как глава государства и главнокомандующий, фактически имеющий номинальную власть и представительские функции, тем не менее обладает значимыми возможностями в регулировании кризисных ситуаций в стране (что порой и происходит), его задача заключается в том, чтобы выступить посредником без вмешательства в пользу той или иной стороны, защищая общее благо.

В этом смысле институт монархии обладает потенциалом сплочения общества. Однако в разделенных обществах институт монархии становится объектом жесткой критики со стороны, прежде всего, сторонников республиканской формы правления, региональных националистов (хотя монархические настроения разделяются представителями различных поколений, социальных слоев, этнических групп, независимо от уровня образования и размера доходов). В этом случае монархию стремятся представить неким маркером политической идентичности, знаком политических разногласий, часто по вопросу государственно-территориального устройства страны в децентрализованных унитарных государствах или квазифедерациях. Отсюда становятся понятны символические акции радикально настроенных региональных националистов — сожжение портретов короля, например, во время ежегодного празднования 11 сентября «Национального» дня Каталонии в память окончания осады Барселоны 1714 г. в ходе Войны за испанское наследство, когда были упразднены привилегии Королевства Арагона, частью которого была Каталония. Недовольство порой выражают и представители правых партий, и это также можно наблюдать на примере сегодняшней Испании. От монарха требуют ответственности, которую по Конституции он нести не обязан, когда ставит подпись под декрет-законами левых правительств, не требующих прохождения через национальный парламент, формально, но не фактически, оставаясь за рамками самого процесса принятия политических решений.

От чего зависит способность монархии «соединять» разъединенные общества? Очевидно, имеют свое значение личность монарха, традиции династии, следование ею определенным правилам поведения, с одной стороны, а с другой — открытость реалиям, вызовам и новым ценностям современного мира. Немаловажную роль играют политика идентичности, в том числе политика памяти, которые партии истеблишмента используют для формирования инклюзивной гражданской нации и в которых символическая роль монархии занимает одно из центральных мест, прежде всего в плане гаранта стабильности и укрепления демократических институтов. Но и сам монарх и его семья проводят собственную политику идентичности, используя различные инструменты, а порой и практики, которые некоторые могут оценить как популистские.

Пуликовский С.К.  
(КубГУ, Краснодар)

## **ПОЛИТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МОДЕЛИ**

**Т**еоретико-методологические аспекты изучения политики патриотизма включают совокупность соответствующих парадигм как объяснительных моделей с использованием всестороннего анализа эмпирических материалов. В данном исследовании необходимо обосновать применение методов дис-

курс-анализа в динамическом измерении с учетом региональной специфики под влиянием различных социально-культурных факторов, политико-правовых условий конституционного развития и трансформаций политического процесса. Для исследуемой темы в контексте логико-семиотического и герменевтического подходов наибольшее значение имеют такие проблемы, как понимание и смыслы, в том числе вопрос о соотношении понимания и интерпретации, а также анализ характера акта понимания, так называемого «словесного знака, передаваемого из поколения в поколение, и проблема адекватности его понимания»<sup>1</sup>. С точки зрения определения методов исследования важно подчеркнуть, что дискурс патриотизма следует рассматривать как социальный факт в событийном измерении, как процесс, точнее, как совокупность процессов, как вербальные взаимодействия индивидов и социальных групп, как конфликтогенные и согласительные практики, по-разному интерпретирующие значимые для страны цели и средства их достижения. Если исходить из того, что политика формирования патриотизма репрезентируется как дискурс, т.е. как некие тексты в совокупности с контекстами, как высказывания, содержащие в себе разнообразные смыслы, отражающие различные понимания патриотизма, то значит, для установления адекватных методов анализа современного политического процесса необходимо установить единицы измерения патриотических отношений. Большое методологическое значение для анализа концепта «патриотизм» имеет работа М.В. Ильина<sup>2</sup>, в которой в ряду ключевых понятий и связанных с ними явлений в отечественной политике на фоне опыта европейских народов дается прояснение политических понятий, содержательно раскрывающих конфликт интерпретаций, который необходимо учитывать и для определения смыслового значения феномена «патриотизм». Целостное понятие реконструируется с помощью этимологии и анализа метафор — образных словоупотреблений, соединяющих разные смыслы одного слова<sup>3</sup>. Кроме метафоризации рассматривается способ фокусирования нескольких понятий в одно ключевое слово. На примере концепта «суверенитет», включающего такие дефиниции, как: «верховенство», «сюзеренитет», «величество», «первенство», «превосходство», «независимость», «иммунитет», показана эволюция понятия как объекта политической реальности и мыслительного процесса. Поскольку духовный облик нашего народа, его важнейшие жизненные условия и предпочтения формировались и утверждались на протяжении многих веков, общество решало масштабные исторические и социально-экономические задачи в процессе оформления идеала патриотического единства нации как фундамента будущих побед. Патриотизм в современном понимании большинства населения страны возможен с опорой на память о Великой победе в Великой Отечественной войне, и главным нравственным ориентиром в современной стратегии национальной безопасности и защиты интересов российского государства является политика исторической памяти, от которой напрямую зависит качество национального самосознания.

В условиях роста влияния СМИ в современном обществе политическая власть все более ассоциируется с коммуникативными процессами в контексте убеждающих воздействий и использования в информационном поле суггестивных технологий. Дискурс патриотизма рассматривается в работе в широком смысле слова, как средство политической социализации и постепенного, поэтапного достижения согласования разнообразных интересов и осознанного консенсуса на основе ценностных согласований смысловых границ патриотизма. В открытом коммуникативном пространстве власть символизирует совместный с гражданским обществом поиск путей эффективного решения трудных общественных проблем и рассматривается как символическое генерирование и артикулирование смыслов с помощью определенных средств коммуникации конкретного общества<sup>4</sup>. Изучение политики формирования патриотизма на основе теорий коммуникативного действия включает ряд объяснительных моделей рассмотрения патриотизма как политической ценности, базовой характеристики общенационального самосознания и дискурсивного конструирования политики идентичности как комплекса духовно-нравственных основ российской государственности.

Пустовойт Ю.А.

(СИУ-филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Новосибирск)

## ГОРОД ОФЛАЙН И ОНЛАЙН: «НОВАЯ ЭТИКА» СООБЩЕСТВ И ПОЛИТИКА ЭЛИТ В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ

Наше исследование выполнено на пересечении трех областей проблем, отражающих наиболее значимые тенденции развития современного общества: глобальные вопросы урбанизации и управления в современных городах, специфические вопросы смены российских политических поколений

<sup>1</sup> Роди Ф. Герменевтическая логика в феноменологической перспективе: Густав Шпет // Логос. 1996. № 7. С. 41–46.

<sup>2</sup> Ильин М.В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. — 432 с.

<sup>3</sup> Там же. С. 20.

<sup>4</sup> Луман Н. Власть / Пер. с нем. М., 2001. С. 18–19.



и вопросы поиска рациональных и этических критериев, лежащих в основании принятия политических решений.

Есть ли у современного горожанина «право на город» в условиях развития современных технологий и увеличения зависимости повседневной жизни современного горожанина от все более и более усложняющейся и одновременно устаревающей инфраструктуры? Должны ли мы рассматривать идеи урбанистики в духе А. Лефевра и Д. Харви, как коллективное право жителей на производство и преобразование городского пространства в собственных интересах? Если да, то насколько существующие институты местного управления способны осуществить растущий комплекс потребностей и могут реагировать на сложную палитру изменения запросов горожан? Если нет и если это право фактически отрицается и отдается существующим «машинам роста» (Х. Молоч, Дж. Логан) и городским режимам (К. Стоун), то чем через какое-то время будет вынуждено расплачиваться городское сообщество за потерю собственной субъектности? Возможно ли концентрированное существование стекла, бетона, асфальта, цифровых коммуникаций без политически несамостоятельных и слабо представленных в органах власти горожан?

Этот комплекс общих проблем современной урбанистики, на наш взгляд, усложняется еще и поколенческим фактором. Здесь он представляет собой еще и специфическое российское явление, которое не столько связано с закономерной и цикличной по теории Хоува–Штрауса заменой людей, по-разному оценивающих свое место в историческом процессе, во властных институтах, сколько с тем, что долгое время ключевые позиции в институтах политической, экономической и медиавласти занимает небольшая группа представителей последнего советского поколения. Как показывают данные международного опроса «Deloitte», молодые поколения россиян в отличие от их зарубежных сверстников больше встревожены социальным неравенством, коррупцией, безработицей и состоянием системы здравоохранения, чем экологическими проблемами. Причем треть из них демонстрируют «повышенную лояльность работодателю», что означает готовность работать на любых условиях, за минимальное вознаграждение.

Именно вот эти расхождения, различия в мировоззрении, оценке приоритетов, взывающих недовольство, и политических способов решения структурных противоречий составляет еще одну перспективу анализа. Понятие «новая этика» выступает как «зонтичное» для очень широкого круга во многом не связанных между собой проблем и сюжетов, где стремление к признанию сексуального разнообразия и терпимости, возможностей экономически неблагополучных групп и людей с некоторыми особенностями граничит с радикальным желанием исключать из социальной жизни тех, кто не признает священную обязанность на толерантность, доброту и сострадание.

Эмпирической базой исследования выступают отдельные политические события (выборы, внутриэлитные конфликты и уличные протесты) и их оценки участниками (властными коалициями и их оппонентами) в сибирских городах: Новосибирске, Томске, Барнауле, Абакане, Кемерово и Новокузнецке. В течение нескольких лет через серии интервью, наблюдений анализа сетевых дискуссий и публикаций местных медиа мы изучали, как взаимосвязаны между собой объемы экономического, социального и культурного капитала на городской территории с формируемым здесь городским режимом и действиями по перехвату политической инициативы оппозиционными группами и сообществами. В качестве теоретических рамок мы опирались на «эмоциональные» и «ритуальные» традиции изучения взаимодействия (Э. Дюркгейм, И. Гоффман, Р. Коллинз, А. Хокшильд).

На основе полученных данных считаем, что молодые поколения россиян хотя в культурном плане имеют больше общих характеристик со своими зарубежными ровесниками, чем со своими родителями, в политическом аспекте точно так же определяют границы и причины политических проблем и актуализируют те же самые традиционные российские страхи и фобии. Если рассматривать города как «естественные лаборатории», то в условиях относительного благополучия правящие группы будут ориентироваться на индивидуальный отбор и инкорпорацию активных и относительно лояльных миллениалов в политическую систему через ограниченные механизмы электоральной и партийной конкуренции. Здесь главным барьером оппозиции выступает не столько репрессивная активность властей и насилие, сколько большее число социальных и идеологических конкурентов. Пока, по нашим наблюдениям, «право на город» не является элементом городской политической повестки даже в благополучных сибирских городах. Скорее речь идет о некоторых моральных дискуссиях различной степени интенсивности в социальных сетях. Это не способствует артикуляции реальных городских проблем и увеличивает количество технологических и социальных рисков, не решенных в современных этических рамках.

Пустошинская О.С.  
(Тюменский государственный университет, Тюмень)

## **ПОБРАТИМСТВО ГОРОДОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ КАК ФОРМА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: АДАПТАЦИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВНЕШНИХ ПЕРТУРБАЦИЙ**

В ситуации усиления лабильности межгосударственных отношений, подверженных конъюнктурным колебаниям, исключительную значимость приобретает межрегиональное международное сотрудничество. Оно удовлетворяет целерациональности субнациональных акторов и внешнеполитическим стратегиям правительств, за исключением оппозиционных прецедентов. Одной из наиболее устойчивых форм такого взаимодействия выступает побратимство городов как элемент системы мультистейкхолдерной дипломатии. В науке понимание последней сводится к международному участию с вовлечением множества субъектов, преследующих совпадающие интересы и обмениваемых ресурсами. Ее выраженное проявление увязывается с констелляцией внутренних и внешних вызовов, обуславливающих необходимость встраивания в контекст изменившихся обстоятельств<sup>1</sup>.

Мегаполисы, где концентрируются экономические, финансовые, людские, информационные и иные потоки, становятся влиятельными игроками, включенными в орбиту международных транзакций. Процессы децентрализации, обеспечивающие дополнительные полномочия и развитие сетевого многоуровневого партнерства, способствуют наращиванию ими потенциала, достаточного для оказания воздействия на глобальную повестку и механизмы управления. Нередко они действуют в качестве интегрирующей и преобразующей коммуникативной силы, демонстрируя способность преодолевать тупики, сопровождающие официальную политику.

В литературе данной теме уделяется пристальное внимание. Однако повышенная исследовательская рефлексия по поводу дипломатии крупных городов и их ассоциаций отодвигает на второй план рассмотрение вопроса о текущем функционировании института побратимства, вынужденного балансировать, находясь под давлением внешнеполитического кризиса. Это упущение, учитывая тренд на углубление межправительственных расколов, требует восполнения, стимулируя интеллектуальный поиск в соответствующем направлении.

В докладе представлены предварительные результаты части инициативного проекта, реализуемого Группой по исследованию межрегионального международного сотрудничества РАПН и посвященного изучению современного состояния института побратимства на примере кейсов России, стран Европы, а также постсоветского пространства.

Презентируемый случай ограничен изучением сотрудничества российско-французских городов. С опорой на положения двух концепций — «нового локализма» и городской дипломатии — верифицируется гипотеза о том, что их взаимодействие в рамках института побратимства в период понижающей динамики в развитии отношений между Россией и Западом разворачивается в логике исчисления наиболее вероятных шансов на успех с поправкой на максимизацию полезности для партнеров.

Исследование основывается на обзоре web-сайтов с информацией официального, статистического, новостного и ознакомительного характера, а также анализе соглашений о побратимстве, программ международного межрегионального сотрудничества и национального законодательства, очерчивающего пределы правосубъектности городов в сфере международной деятельности.

Результаты показывают, что институт побратимства адаптируется к реальности, вырабатывая потенциал, позволяющий предлагать альтернативу для сохранения и углубления международных связей. Фундаментальные отношения не подвержены существенной деформации, другие стагнируют, приобретают иное выражение, изменяются содержательно и ориентационно. Ставка в первую очередь делается на краткосрочные совместные инициативы. Издержки в кратно усложненных обстоятельствах делают принятие проектов, рассчитанных на длительную перспективу, нецелесообразным. В ряде случаев побратимство становится программируемым: усиливаются направления, гарантирующие продвижение «мягкой силы». Насыщенная коммуникация между сторонами имеет место при диверсификации предложения и спроса в соответствии с принципом эквивалентного обмена. Усиливаются неформальные контакты, реализация которых может входить в противоречие с европейским коллективным консенсусом. Особую роль приобретает фактор личности мэра и заинтересованность аффилированных с ним сил в развитии побратимского сотрудничества.

<sup>1</sup> *Hocking B. Multistakeholder Diplomacy: Forms, Functions, and Frustrations // Multistakeholder Diplomacy: Challenges and Opportunities / Ed. by J. Kurbalija, V. Katrandjiev. Malta: DiploFoundation, 2006. P. 13–29.*

Пушкарева Г.В.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## КОГНИТИВНЫЕ ЛОВУШКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ<sup>1</sup>

В информационном пространстве идет постоянная борьба между политическими силами за умонастроения масс. Современный уровень политико-технологического знания позволяет адекватно оценивать возможности и риски информационного влияния, понимать специфику алгоритмов разных политических кампаний, осуществлять осознанный выбор уместных и эффективных для каждой управленческой ситуации технологий. В качестве основных препятствий на пути реализации рационально выстраиваемых стратегий информационного влияния называются, как правило, факторы внешнего воздействия: ограничение доступа к значимым каналам коммуникации, агрессивная пропаганда политических противников, использование ими манипулятивных технологий и т.п. Вместе с тем не менее значимым, на наш взгляд, является фактор когнитивных искажений, возникающих в процессе восприятия индивидом политической информации. Такие искажения принято называть ментальными или когнитивными ловушками, трансформирующими в сознании индивида посылаемые политическими технологами сообщения до неузнаваемости. В итоге затраченные на продвижение определенных видов политической информации усилия оказываются напрасными, не дающими ожидаемый эффект. Люди либо не обращают внимания на призывы политиков, либо по-своему их интерпретируют.

Появление когнитивных ловушек связано, во-первых, с естественной склонностью индивида экономить свою когнитивную энергию, что отражается на его избирательном отношении к внешней информации и произвольном отказе от углубленной мыслительной работы с основной ее частью; во-вторых, с потребностью избегать ситуаций когнитивного диссонанса, вызывающих у индивида психологическое напряжение всякий раз, когда он сталкивается с информацией, противоречащей его убеждениям; в-третьих, со стремлением индивида к определенности, реализуемом с помощью психологического механизма каузальной атрибуции, самообъяснения мотивов поведения участников политических событий, причин тех или иных явлений.

Когнитивные ловушки, с одной стороны, универсальны, они возникают как в среде интеллектуалов, экспертов в области политики, публики, активно интересующейся политическими явлениями, так и в среде тех слоев населения, которые слабо вовлечены в политические процессы, которые не обладают должным уровнем компетентности для анализа политических событий. Такая универсальность обусловлена общими для всех психологическими механизмами восприятия социальной, политической информации. С другой стороны, когнитивные ловушки специфичны в том плане, что в разных социальных и политических группах они способны вызывать подчас противоположные эффекты интерпретации одних и тех же политических событий. Это связано с тем, что универсальные механизмы перцепции политической информации «работают» с интериоризированной, ранее усвоенной информацией, объем и содержание которой определяется особенностями политической социализации каждой личности.

Первой когнитивной ловушкой является «самоограничение», когда мы формируем для себя круг источников информации, которым доверяем. Такое самоограничение является следствием обычно неосознаваемого стремления избежать когнитивный диссонанс путем получения информации, соответствующей нашим ожиданиям, ценностям и установкам. В итоге происходит формирование аудиторий разных телеканалов, радиостанций, печатных изданий. С развитием социальных сетей общение с политическими единомышленниками стало возможным на основе горизонтальных связей, что ведет к возникновению в интернет-пространстве так называемых «эхо-камер», сообществ, фильтрующих новостную информацию в соответствии со своими политическими предпочтениями, поощряющих только определенные интерпретации политических событий и выражающих неприязнь в отношении политических оппонентов.

Как показали известные «кризисные эксперименты» Г. Гарфинкеля, человеку свойственно снижать неопределенность внешнего мира путем объяснения непонятного через понятное, т.е. доступное в опыте или соответствующее сложившимся представлениям. В психологии восприятия социальной информации этот феномен мыслительной активности описывается как каузальная атрибуция, при этом экспериментально подтверждается ее способность вести к формированию искаженных представлений о политической реальности. Ловушка «интерпретации», втягивая информацию о политическом событии, способна до неузнаваемости изменить его смысл, наделять участников такого события не присущими им мотивами. Основной причиной таких искажений является фундаментальная ошибка атрибуции, когда нелицеприятные поступки симпатичных нам политических лидеров мы склонны объяснять внешними факторами (давление обстоятельств, репрессии властей и т.п.), а действия поли-

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31194.

тиков, вызывающих у нас неприязненное отношение, его негативными качествами (корысть, стремление к власти и т.п.).

Пшизова С.Н.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## «ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ» КАК ВЛАСТЬ-ЗНАНИЕ

Мишель Фуко в свое время предложил концепцию власти-знания, т.е. специального знания, включенного в существование и воспроизводство властных структур. По его мнению, насилие постепенно перестало быть преобладающей формой осуществления власти, и появились другие варианты: побуждение, поддержка, контроль, надзор, управление, организация. Право управляющих лишать управляемых жизни было заменено множеством способов управления их жизнью, а также жизнью всего социального тела. В своих лекциях о «гouvernementalité» (gouvernementalité) ученый описывает «управление поведением», которое включает широкий спектр методов и процедур, предназначенных для управления детьми, душами или совестью, домом, государством или самим собой. Для реализации этих методов необходимы знания об объектах управления, что со временем логично привело к развитию целого набора гуманитарных дисциплин, в том числе прикладных, предлагающих эффективные инструменты для управленческой практики.

Граждане, как объект политического управления, также стали предметом научного интереса и активного изучения. А с момента введения всеобщего избирательного права и распространения массовых демократий началось особенно интенсивное накопление знаний, основанных на опыте участия в политике огромных масс людей, что дало мощный импульс развитию политической науки. Причем, начиная с первых классических работ, теория и практика шли рука об руку. Параллельно с теоретическим осмыслением и обобщением опыта функционирования массовых демократий распространялись различные эмпирические практики политического управления: от государственной и партийной пропаганды до деятельности первых политических консалтинговых фирм.

Промежуточный итог изучению этого опыта подвел Й. Шумпетер: «При анализе политических процессов мы в большей степени сталкиваемся не с подлинной, а со сфабрикованной волей. И часто эта последняя и составляет ту общую волю, о которой говорит классическая доктрина. До тех пор, пока это так, воля народа есть продукт, а не движущая сила политического процесса»<sup>1</sup>. Тем не менее долгое время засилье идеологических доктрин в политическом пространстве, как в отдельных странах, так и на международной арене, мешало сделать практические выводы из очевидных фактов демократической практики.

Однако постепенно сочетание научных достижений, накопленного практического опыта и потребностей профессиональных политиков привело к появлению феномена «политического менеджмента». Возникнув в начале XXI в. в форме искусства политических консультантов, к концу столетия этот вид деятельности постепенно получает поддержку в виде академических и прикладных исследований, приобретает все большее значение и занимает, по сути, центральное, хотя и не официальное и не афишируемое место в политическом процессе. Можно сказать, что, пока последователи Мишеля Фуко обсуждали, должно ли изучение «гouvernementalité» способствовать рационализации деятельности властей по «управлению поведением граждан», или оно должно быть направлено на критику этой деятельности, политические консультанты и технологи во всем мире всюду использовали достижения прикладной политологии в интересах управляющих. Ну и в своих интересах, конечно.

В настоящее время в странах, где насилие не является главным инструментом властвования, политическая борьба в большей или меньшей степени превратилась в соревнование профессиональных команд, состоящих из политиков, консультантов/технологов и всевозможных экспертов (специалистов по коммуникациям, маркетологов, социологов, менеджеров и т. д.). Спонтанный политический процесс, как столкновение политических сил, возглавляемых политическими лидерами, обладающими чутьем, интуицией и удачей, в чистом виде почти нигде не существует. Фактически в каждом случае речь идет об определенном балансе управляемости и спонтанности. Одни демократии управляются почти полностью, другие — лишь частично. Соотношение политики, как столкновения носителей различных интересов с неизвестным результатом, и управляемости сегодня можно считать ключевым критерием для идентификации политических режимов. Именно различия в масштабах и качестве политического управления во многом определяют самосознание граждан: живут ли они в свободной стране или нет.

<sup>1</sup> Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. Гл. 21. URL: [http://libertarium.ru/lib\\_capsocdem\\_21](http://libertarium.ru/lib_capsocdem_21).

Руководствуясь этим критерием, можно в самом общем виде различать «управляемые демократии» и «демократии с элементами управляемости». «Управляемые демократии» характеризуются высоким уровнем централизации субъекта управления, вплоть до монополизации управленческих функций, среди которых не только манипулирование информацией, но также целенаправленное формирование и контроль каналов, по которым циркулирует публичная информация, а также моделирование соответствующего институционального дизайна. Избирательное и ограниченное применение насилия или (чаще) угроза применения насилия также используется в этих системах в первую очередь как инструмент информационного воздействия на общественное мнение и массовое поведение. В системах «с элементами управляемости» такого рода технологии используются отдельными участниками политической борьбы, что делает невозможным централизованное управление всем политическим предприятием.

## ВОЗРАСТАНИЕ УРОВНЯ ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ КАК КОНСТАНТНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Постбиполярный мир не только не принес народам ожидаемой безопасности и политической стабильности, но и повысил градус конфликтогенности в отношениях между государствами. Окончательно развеялись надежды, основанные на стереотипах периода холодной войны, концепциях, утверждавших приоритетность военно-политических факторов в обеспечении национальной безопасности и вторичность военно-силовых факторов. В условиях разрушенных систем международных отношений и международной безопасности роль военной силы в решении мировых проблем возросла. Соперничество за безопасность остается константой, при этом интенсивность конкуренции может варьироваться.

Западный нарратив исходит из самопровозглашенной «победы в холодной войне. Отсюда — самонадеянные и нелегитимные претензии США на единоличное глобальное лидерство, попытки силой навязать либеральный мировой порядок, свои ценности и сомнительные идеалы целым странам и народам. Приоритетом для коллективного Запада стало формирование однополярного мира, достижение превосходства в военной сфере и применение военной силы для продвижения собственных интересов».

Несмотря на то что часть российской интеллигенции с легкостью присоединилась к западному нарративу, большинству россиян позиция «проигравшей России» и «обязанной стать членом исторического Запада на подчиненных условиях» кажется неприемлемой. Россия остается постоянным членом Совета Безопасности ООН, сохраняет долговременные национальные интересы и требует их уважения от иностранных партнеров. С преодолением угрозы дезинтеграции и наиболее тяжелых политических последствий распада Советского Союза, восстановлением государственного потенциала, военной мощи Россия «пробудилась» к самостоятельной жизни, стала вести активную внешнюю политику, последовательно отстаивая свои интересы за рубежом.

Российский нарратив утверждает необходимость установления полицентричной — инклюзивной и демократической, с равными правами для всех — системы управления мировыми процессами и отрицает возможность установления миропорядка, построенного на «правилах» признания однополярной гегемонии США. Несочетаемые нарративы породили новый «холодный мир» и вновь привели к «холодной войне».

Рост военных опасностей для России вызван:

- а) разрушением правовых основ архитектуры международной военной безопасности: выходом США из многих договоров об ограничении вооружений и развертыванием космических средств нападения в сочетании с мерами экономического, политического и идейно-психологического воздействия на Россию. За два десятилетия XXI в. США вышли из шести международных договоров по вопросам безопасности;
- б) действиями США и НАТО в европейском регионе по повышению боевой готовности войск и усилению передового присутствия, модернизацией военной инфраструктуры, ростом интенсивности оперативной и боевой подготовки, реализацией американской концепции «четыре по тридцать» (развертывание в Восточной Европе в течение 30 дней 30 натовских батальонов, 30 эскадрилий тактической авиации и 30 боевых кораблей).

Пентагон формирует в Европе два новых подразделения для «противодействия агрессии Кремля»: «многодоменные оперативные группы» (*Multi-Domain Task Force, MDTF*), состоящие из полевой артиллерии, дальнобойных ракет, сложной системы ПВО и ПРО, разведывательных подразделений, специалистов по РЭБ, кибербезопасности и космической связи и командование для управления огнем на театре военных действий (*Theater Fires Command, TFK*). Они направлены на обеспечение НАТО решающего преимущества в потенциальном вооруженном конфликте с Россией.

Отметим также провокационный и дестабилизирующий характер военных учений НАТО: учений 16 стран на Балтике *Baltops 2021*, отработывающих сценарии нападения на Калининградскую область; учений 32 стран в акватории Черного моря *Sea Breeze 2021*. Только в 2021 г. страны НАТО проводят семь учений на территории Украины. Под прикрытием учений появляется канал доставки на Украину современных вооружений, боеприпасов и материального имущества. Подтверждением провокационного характера действий НАТО служит инцидент с британским эсминцем *Defender*;

- в) развернутой в Европе и США кампания русофобии, подъемом фашизма в странах Восточной Европы и на Украине;
- г) постоянным ростом военных бюджетов.

Рост масштабов военных приготовлений позволяет заявить о константной тенденции возрастания уровня военной опасности для России. Мы фактически наблюдаем милитаризацию мировой политики, нарушение основополагающих принципов ООН — неприменение силы или угрозы силой в практике международного общения и невмешательство во внутренние дела других государств. Силловые методы продолжают играть важную роль в разрешении политических и экономических противоречий между странами. Сохранение военной мощи российского государства становится жизненно необходимым.

*Расторгуев С.В.*

*(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)*

## **КАКИЕ ИНСТИТУТЫ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ? ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ**

Экономический рост связывается с государственной экономической политикой в форме бюджетных инвестиций в рамках национальных проектов, рыночной мобилизацией финансовых ресурсов фирм и домохозяйств. В условиях антироссийских санкций, волатильности мировых рынков сырья, перестройки системы международных отношений в многополярную конфигурацию перед политической элитой и бизнес-элитой России встают три задачи трансформации экономического роста: замещение части факторов экстенсивного роста факторами интенсивного экономического роста, использование преимущественно внутренних ресурсов для инвестиций, поиск «голубых океанов» на внутренних и зарубежных рынках. Все указанные трансформации носят политико-экономический характер, поскольку в условиях режима «ручного управления», «вертикали власти», значительной доли государственного сектора экономики и некорпоративистской встроенности крупного российского бизнеса в политическое пространство от «господствующей коалиции» для сохранения власти и собственности, результативного и эффективного управления страной требуются консолидированные решения и действия.

Экстенсивный рост, основанный на увеличении количества задействованных в производстве трудовых, сырьевых, капитальных ресурсов, имеет свои пределы роста как в силу ограниченности или труднодоступности новых ресурсов, так и в силу естественных и искусственных ограничений на внутреннем и зарубежных рынках. Объективные демографические тренды сокращают трудоспособное население России на полмиллиона человек ежегодно, износ основных фондов промышленности и инфраструктуры требует не капитальных ремонтов, а массового обновления, объемы добычи минерального сырья ограничиваются как темпами ввода новых месторождений, так и волатильностью мировых цен, обесценивающих увеличение добычи. «Газовые войны» в Европе демонстрируют, что политические и стоящие за ними финансовые интересы антироссийских групп давления могут перевесить экономическую выгоду стран-импортеров российского сырья, вместо свободной конкуренции создаются «политические рынки».

Существенная доля в ВВП и доходной части бюджета от производства на экспорт углеводородов и металлов ставит Россию в зависимость от мировой рыночной конъюнктуры и политической воли элит тех стран, которые закупают российское сырье. Россия экспортирует в среднем до 25% своего ВВП, из которых около 60% приходится на продукцию ТЭК. Для сравнения экспортная квота Китая — 18%, Японии — 14, Бразилии — 11, США — 8% с учетом иной структуры экспорта, в котором преобладают несырьевые товары и услуги. Чем сильнее экономика страны интегрирована в мировую торговлю или глобальную цепочку разделения труда, тем больше зависимость экономического роста от внешних факторов.

Неоднократно ставившаяся задача перехода к интенсивному экономическому росту становится в политической повестке дня не идеологическим призывом, а мобилизационной стратегией «господствующей коалиции». Факторами интенсивного экономического роста являются повышение квалификации работников, а также новые технологии, которые повышают производительность труда, экономят ресурсы. Одной из основных угроз политической, социальной стабильности современной России является инерционное экономическое развитие.

Именно экономический рост наряду с эффективными бюджетными расходами позволяет поднять благосостояние населения, решать внутривнутриполитические и внешнеполитические задачи без увеличения долговой нагрузки, роста налогового бремени, монетарной и немонетарной инфляции, исходящей от государства. Интенсивный экономический рост входит в противоречие с сырьевым характером российской экономики. Хотя для добычи и транспортировки углеводородов, угля, руды, производства черных и цветных металлов также нужны новые технологии, а повышение производительности труда приносит собственникам дополнительную прибыль, владельцы и топ-менеджеры фирм данных отраслей ориентированы, прежде всего, на благоприятную конъюнктуру мировых цен. Для создания и использования факторов интенсивного экономического роста они нуждаются не столько во внешнем ценовом шоке, сколько в «подталкивании» со стороны властных групп современной России.

Российское государство располагает инвестиционными ресурсами, которые сосредоточены в нескольких источниках: Федеральный бюджет РФ, Золотовалютные резервы России, ФНБ. У российских физических и юридических лиц имеются финансовые ресурсы, часть которых с помощью рыночных механизмов можно использовать для инвестиций в обновление и техническое перевооружение основных фондов. В сложившейся экономической ситуации банки предпочитают кредитовать устойчивый сырьевой бизнес, физических лиц и не готовы вкладываться в проектное финансирование. Возможным инструментом привлечения средств физических лиц в инвестиционные проекты является эмиссия государственных инфраструктурных облигаций, которые могут предлагаться как коммерческим банкам, так и непосредственно физическим лицам.

Расходчиков А.Н.

(Фонд «Московский центр урбанистики “Город”», Москва)

## ОТ ФОРМИРОВАНИЯ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ЧЕЛОВЕКООРИЕНТИРОВАННЫМ РАЗВИТИЕМ ГОРОДОВ

Возрождение интереса исследователей, урбанистов и политиков к работам А. Лефевра «Право на город» и Э. Ги Дебора «Общество спектакля» не случайно. Оно отражает возросшую роль городов в экономике и политике<sup>1</sup>, увеличение имущественного расслоения и социальных конфликтов, особенно актуальных для крупных городов, а также возрастающую политическую активность горожан. Вопросы городского развития стали одной из основных тем политического дискурса последних лет. Так, Президентом РФ В. Путиным создание комфортной городской среды в городах обозначается как один из основных приоритетов устойчивого развития страны наравне с созданием условий для получения образования и доступом к медицинским услугам<sup>2</sup>. Оппозиционные политики и популисты также активно эксплуатируют урбанистическую тему, акцентируя внимание на градостроительных конфликтах и спорных городских решениях.

Поэтому идею А. Щербинина о необходимости разработки специального теоретического направления «политическая урбанистика»<sup>3</sup> можно назвать более чем актуальной. Перевод идей А. Лефевра, Э. Ги Дебора и других теоретиков концепта «права на город» с логики революционного романтизма студенческих волнений во Франции 1968 г. на понятийный аппарат современного постиндустриального этапа городского развития способен внести ощутимый вклад в политическую теорию и научные основания урбанистики.

Определенный вклад в разработку этого нового направления могут внести теоретические наработки социологии управления и человекоориентированные подходы к городскому развитию, сформировавшиеся в социологии города. Так, например, актуальная проблема отчуждения горожан от городской политики рассматривается в социологии управления как прямое следствие неучастия жителей в принятии решений и их последующей реализации (А.В. Тихонов)<sup>4</sup>. Социальное участие в данной концепции выступает как обязательный элемент принятия и качественной реализации социально значимых управленческих решений.

Значительный интерес для формирования целевых подходов в вопросах городской политики представляют наработки Т.М. Дридзе, сформированные ею в рамках экоантропоцентрической парадигмы и методов прогнозного социального проектирования<sup>5</sup>. Рассматривая город через призму обменных процессов между человеком и средой, она сформулировала основные координаты для определения качества городской среды: *природный* — флора, фауна, вода, атмосферный воздух; *рукотворный* — плоды технико-технологической цивилизации, *информационный* — потоки знаний и символов, коммуникационные сети; *социопсихологический* — другие люди с их менталитетом, образом и стилем жизни.

Важным преимуществом данных теоретических подходов является наличие хорошо проработанного инструментария, позволяющего в ходе социологических исследований определять потенциал уча-

<sup>1</sup> Так, московская агломерация, по мнению мэра Москвы С. Собянина, в 2019 г. включала до 40 млн жителей (т.е. 25% населения страны) и производила до 17% национального ВВП. В целом, по оценкам специалистов, уровень урбанизации в России уже превысил 70% населения (Мамин Р.Г., Орехов Г.В., Байрашева А.А. Урбанизация и экологическая безопасность территории новой Москвы: Монография. М.: Изд-во АСВ, 2015. С. 4.)

<sup>2</sup> Выступление В.В. Путина на форуме в Давосе, 2021 г.

<sup>3</sup> Щербинин А.И. Архитектура особого типа. Университетский город: архитектура смыслов: Сб. статей / Под ред. А.И. Щербинина и А.Н. Расходчиков. М.; Томск: ВЦИОМ, Издательский дом Томского гос. ун-та, 2021. С. 8–13.

<sup>4</sup> Тихонов А.В. Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: КРАСАНД, 2015. С. 351.

<sup>5</sup> Дридзе Т. Градоустройство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. — 347 с.



ствия, анализировать ситуацию с позиции сторонников и противников городских проектов, выявлять заинтересованных и готовых к различным формам участия граждан. В практическом плане данный подход позволил провести социологическое сопровождение ряда градостроительных проектов в Москве, выявить причины недовольства и управленческие ошибки на стадии формирования проекта, сформировать перечень компенсационных мероприятий и, соответственно, и увеличить социальный эффект и свести к минимуму конфликты при его реализации<sup>1</sup>.

Отдельной еще не проработанной проблемой здесь выступает вопрос легитимного делегирования права на участие в обсуждении и принятии решений от горожан другим социальным акторам (депутатам, специалистам, общественным объединениям, инициативным группам, соседям и родственникам и т.д.), а также последствий такого делегирования для последующей реализации проектов.

Расчихмарова О.Д.  
(МГЛУ, Москва)

## ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

**В**нешнеполитическая идентичность государства сравнительно молодое понятие, и исходя из определений данных на сегодняшний день стоит отметить, что это в первую очередь политическая идентичность<sup>2</sup>. В центре различных определений внешнеполитической идентичности стоят бинарная оппозиция<sup>3</sup>, совокупность мифов о миропорядке и его образ<sup>4</sup>, ценности как смыслы<sup>5</sup>, восприятие государства и его роли<sup>6</sup>. Следовательно, можно сформулировать обобщенное определение понятия внешнеполитической идентичности как вида коллективной политической идентичности, выраженной в ожидании государства в лице своего народа относительно самого себя, основанное на наборе значений и качеств, приписанных самому себе в результате анализа других государств, на его исторически сложившихся роли, статусе, национальной идентичности и интересах, связанных с восприятием других участников международных отношений.

Интересный пример для рассмотрения данного понятия представляет собой современная Великобритания, на внешнеполитическую идентичность которой оказали существенное влияние такие мировые политические события, как распад биполярной системы международных отношений и вступление в Европейский союз с последующим выходом из него. Великобритания всегда была одним из ведущих акторов мирового политического процесса, так как оказывала существенное влияние как на мировую политику, так и на мировую экономику.

Внешняя политика Великобритании, следуя традиции, стоит на трех «магических кругах», как называл их Уинстон Черчилль, — развитии Британского Содружества Наций, «кровной» связи с США и особой европейской идентичности, основанной на участии в жизни стран Европейского континента. Рассматривая состояние этих трех китов внешней политики, можно не только определить состояние внешнеполитической идентичности на данный момент, но и проследить основные тенденции и причины ее трансформации и, следовательно, сделать прогнозы на будущее<sup>7</sup>.

Главными соперниками Великобритании в Европейском союзе был франко-германский тандем, который критиковал ее чаще всего как раз по тем самым вопросам, которые являлись выражением уникальности внешнеполитической идентичности страны.

- Частичная передача суверенитета по примеру остальных 27 союзных государств.
- Основной проблемой Великобритании выделялся «особый статус», глобальные амбиции и имперское прошлое, которое, по мнению Германии и Франции, мешало полноценному диалогу.

<sup>1</sup> *Расходчиков А.Н.* Информационно-коммуникационные технологии взаимодействия органов власти и населения мегаполиса в процессе реализации градостроительных проектов: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук / Институт социологии РАН. URL: [www.isras.ru/index.php?page\\_id=568&id=6308&p&printmode](http://www.isras.ru/index.php?page_id=568&id=6308&p&printmode).

<sup>2</sup> *Шестопал Е.Б., Смолькина Н.В.* Какой видят свою страну сегодня российские граждане? // *Полития*. 2018. № 2 (89). С. 51–68.

<sup>3</sup> *Тимофеев И.Н.* Эволюция внешнеполитической идентичности России: конец постсоветского периода? // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4 Конвента РАМИ: В 10 т. / Под ред. А.Ю. Мельвиля. Рос. ассоциация междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет. 2007. Т. 2. С. 34–56.*

<sup>4</sup> *Прохоренко И.Л.* Внешнеполитическая идентичность // *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2017. — 992 с.*

<sup>5</sup> *Евгеньева Т.В.* Символы национально-государственной идентичности в сознании современной российской молодежи // *Образы государств, наций, лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2008. — 288 с.*

<sup>6</sup> *Цырфа Ю.А.* Теоретические основы формирования внешнеполитической идентичности актора международных отношений // *Вектор науки ТГУ*. 2014. № 1. С. 174–179.

<sup>7</sup> *Валуев А.В.* Великобритания и Европейский Союз в поисках новой политической идентичности // *МНИЖ*. 2013. № 9–3 (16). С. 50–52.

- Неизлечимый «синдром евроскептицизма».
- Отказ в критической форме от евро как единой валюты.
- «Особые отношения» Великобритании с США.
- Участие Великобритании в «интервенционизме» под эгидой США в Ираке, Сирии, Ливии, Афганистане, Косово<sup>1</sup>.

Великобритания не была готова ради глобальной цели создания сильной единой Европы Наций поступиться полной независимостью и пойти на подчинение своих целей и интересов в пользу ЕС. Европейские приоритеты и интересы почти не пересекались с британскими, и причиной тому был конфликт национального и наднационального<sup>2</sup>, следовательно, борьба европейской идентичности с английской, так называемой «Britishness», в которой победу одержала последняя.

Внешнеполитическая идентичность Великобритании в данный момент переживает кризис, однако выбор был сделан в пользу суверенности и независимости, а следовательно, уже отличного от всех игрока на международной арене, что активно проявляется в дискурсе современной Великобритании и сознании ее граждан.

Римский В.Л.  
(МПСУ, Москва)

### ВОЗМОЖНОСТИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫХ СИТУАЦИЯХ ПО ОЦЕНКАМ ГРАЖДАН РОССИИ<sup>3</sup>

Общественно значимыми ситуациями и проблемами будем называть те, которые значимы для всего общества или крупных социальных групп и требуют коллективных действий общества, различных социальных групп или государства по их решениям. В исследованиях справедливости Фонда ИНДЕМ 2013–2015 гг. было установлено, что российские граждане остро воспринимают несправедливость не только в отношении себя и своих семей, но и в отношении крупных социальных групп, например студентов, пенсионеров, инвалидов, врачей и др.

Изучение этих проблем было продолжено в социологических исследованиях справедливости 2019 и 2020 гг., проведенных при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ. В этих исследованиях изучались принципы и критерии справедливости, которые для российских граждан являются желательными и реально применяемыми в различных типах жизненных ситуаций. Изучались также представления граждан о справедливости безотносительно к тем или иным ситуациям, предпочтительные для их понимания справедливости.

Участники фокус-групп отмечали, что их, как и других граждан, очень волнует и заботит справедливость и несправедливость, в первую очередь, в отношении их самих и членов их семей. Но они отмечали свою озабоченность и несправедливостями в политике, которые, по их мнению, поддерживают несправедливости в обществе. Участники фокус-групп утверждали, что часто замечали высказывания политиков о том, как нужно обеспечивать справедливость, читали об этом в СМИ и блогах социальных сетей. Но на деле они оценивали и нормы и применение многих российских законов как несправедливые. Высокий уровень согласия на фокус-группах получали суждения о том, что в политике вообще не может быть справедливости и что по этой причине и законы, исходящие из политики, тоже не имеют отношения к справедливости, а поддерживают несправедливость. Но столь же высокий уровень согласия получали и суждения о том, что справедливость должна обеспечиваться соблюдением законов, правил поведения в обществе и решениями проблем по совести, на основе норм морали и нравственности.

Следовательно, в сознании граждан реалии справедливости существенно расходились с представлениями о должной справедливости. И при всей желательности такой должной справедливости она вряд ли может быть достигнута в реальности, по их мнению. С одной стороны, они утверждали, что гражданам необходимо участвовать в обеспечении справедливости и противодействии несправедливости. Но, с другой стороны, участники фокус-групп приходили к согласию в том, что сами они и большинство граждан ради достижения справедливости готовы только к тем или иным пассивным действиям, которые организуют другие и для осуществления которых не нужно тратить много сил и энергии.

Представителей старших возрастов на фокус-группе в Москве даже страшила массовая публичная активность молодых людей, осуществляемая с целью достижения справедливости. Они критиковали оппозиционных политиков, в частности Алексея Навального, за вовлечение в такую активность мо-

<sup>1</sup> Валуйев А.В. Указ. соч.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Исследование выполнено в рамках исследовательских проектов № 19-011-31443 «Общественный запрос на справедливость и ее обеспечение со стороны государства» и № 20-011-31240 «Справедливость в повседневной жизни и в образе будущего российского общества» при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ.

лодежи, объясняя, что это был обман, потому что сами оппозиционные политики и не пытались добиваться никакой справедливости.

Но даже когда более молодые участники фокус-групп и личных интервью утверждали, что за справедливость необходимо бороться, даже если их социальное окружение этого не делает, они не были в состоянии описать, как могли бы осуществлять такую борьбу за справедливость. Фокус-группы продемонстрировали модели обсуждений гражданами различных ситуаций, в которых были важны справедливые действия и решения. При обсуждениях на них ситуаций общественной значимости, например несправедливо низких пенсий, пособий, высоких тарифов на коммунальные услуги, несправедливых различий доходов работающих граждан и других, участники фокус-групп довольно быстро соглашались с констатациями этих и других несправедливостей. Но им ни разу не удалось достичь согласия в том, как можно было бы обеспечить справедливые решения этих ситуаций, этих признаваемых ими проблем. Главная причина была в том, что участники фокус-групп не хотели, не умели и даже часто вообще не пытались договариваться друг с другом о приемлемых принципах и критериях справедливости в общественно значимых ситуациях. Они воспринимали такие обсуждения как споры со стремлениями каждого участника доказать свою правоту. А понимать чужие позиции по справедливости никто не стремился, что практически исключало коллективные и согласованные действия граждан по обеспечению справедливости.

Поэтому в реализации справедливости в обществе и государстве российские граждане более всего надеются на прямые линии с Президентом РФ В.В. Путиным.

*Рогач Н.Н.*  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА КАК ФАКТОР ВОСПРИЯТИЯ МЭРА МОСКВЫ С.С. СОБЯНИНА<sup>1</sup>**

**П**андемия коронавируса, обрушившаяся на Россию в начале 2020 г., создала новые условия социальной реальности, которые потребовали от власти оперативных решений по сдерживанию болезни. Значимая роль в борьбе с вирусом была отведена главам субъектов Федерации, среди которых следует выделить мэра Москвы С.С. Собянина. Возглавив оперативный штаб, московский градоначальник получил «карт-бланш» на введение любых ограничительных мер в столице, которые были восприняты ее жителями по-разному. Москвичи оказались в кризисной ситуации, которая, с одной стороны, была и остается обусловлена страхом перед лицом новой опасности, а с другой — неоднозначными решениями главы города.

Согласно факторной модели политического восприятия, разработанной на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, процесс восприятия власти и политических лидеров обусловлен рядом факторов, одним из которых является психологическое состояние общества<sup>2</sup>. Специфика возникшей в столице ситуации поставила перед нами исследовательский вопрос: каким образом психологическое состояние общества в период пандемии влияет на восприятие политического лидера? Для ответа на него мы провели соответствующее эмпирическое исследование.

В исследовании образа С.С. Собянина использовались методы глубинного фокусированного интервью, а также метод фиксированных ассоциаций, разработанный политическими психологами Московского университета. В общей сложности было получено 107 интервью. Выборка была сбалансирована по параметрам пола, возраста и образования.

Политико-психологический анализ текстов позволил нам сделать ряд выводов. В первую очередь, эмпирическим путем подтвердилась гипотеза об амбивалентном отношении москвичей к введенным в столице ограничительным мерам. Большинство респондентов положительно воспринимают решения С.С. Собянина, направленные на сдерживание распространения вируса. Тем не менее среди участников исследования нашлись те, кто обвиняли власть в «перегибах» и стремлении установить контроль за ними под видом борьбы с коронавирусом.

Во-вторых, мы выяснили, что общество готово мириться с усилением авторитарных наклонностей политических лидеров в случае, если гражданам грозит опасность. Несмотря на расхождения в радио-

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31386 «Теоретико-методологические основания диагностики психологического состояния общества в современном российском политическом контексте».

<sup>2</sup> Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / Отв. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Весь Мир, 2019. С. 282.

нальных оценках деятельности С.С. Собянина, эффективные и решительные действия только усилили его позиции в глазах москвичей. Если на рациональном уровне восприятия многие граждане неоднозначно оценивали строгую политику С.С. Собянина, сетуя на чрезмерно жесткие ограничения, то на бессознательном уровне они относились к нему более благосклонно.

В-третьих, нам удалось выявить изменения в мотивационном профиле политика по сравнению с результатами предыдущих замеров<sup>1</sup>. Среди респондентов значительно возросло число тех, кто считает, что власть нужна главе столицы ради корыстных целей (29%), личных амбиций (22,4%) и усиления своего политического статуса (25,2%). Изменения в мотивационном профиле образа С.С. Собянина являются отражением общественной реакции на его поведение в период пандемии. Если раньше жители Москвы считали, что мэром в первую очередь движут альтруистические цели (ради дела), то сегодня они видят в действиях градоначальника его стремление усилить свои политические позиции на федеральном уровне за счет руководства штабом по борьбе с вирусом.

Таким образом, психологическое состояние общества, меняющееся под воздействием кризисных ситуаций, оказывает влияние на восприятие политических лидеров. Переживания граждан не только находят свое отражение в образах политиков, но и выступают в качестве маркеров, сигнализирующих о степени готовности населения к политической и социальной мобилизации. Мы предполагаем, что в период крупных избирательных кампаний первой половины 2020-х годов актуальность исследования психоэмоционального состояния социума будет только расти. Недооценка этого фактора политического восприятия чревата серьезными последствиями и рисками для власти.

Рогожина К.А.  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## ВОЗМОЖНОСТИ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ<sup>2</sup>

**В** текущем столетии все большее распространение приобретает концепция «научной дипломатии». Этот вид дипломатической и научной деятельности успешно развивается во многих странах мира и находит свое применение на государственном уровне. Этой теме посвящены многие специальные труды в США, Франции, Великобритании и других странах. Концепция «научной дипломатии» реализуется развитыми странами в качестве одного из элементов их *soft power*, «мягкой силы». В связи с этим развитию научной дипломатии в этих странах уделяется серьезное внимание и оказывается значимая государственная поддержка. В некоторых странах создана должность советника министра иностранных дел по науке. В дипломатических представительствах этих государств служат атташе по науке. Первыми учредили должность атташе по науке Великобритания и США. На сегодняшний день по количеству научных атташе лидирует Франция, за ней следуют Китай, США, Великобритания, Канада и Япония.

Один из ведущих европейских специалистов в области научной дипломатии, профессор факультета международных отношений Университета Гавра **Пьер-Бруно Руффини**, в своей книге «*Science and Diplomacy. A New Dimension of International Relations*», вышедшей в 2017 г., акцентирует внимание на кардинальном различии между дипломатией и наукой. Наука не может иметь национальный характер и всегда развивается за счет тесного сотрудничества ученых и исследователей из разных стран мира, в то же время научная дипломатия, наоборот, служит продвижению государственных интересов и улучшению имиджа страны на международной арене. *Как отмечается в Мадридской декларации научной дипломатии, принятой в 2019 г., научная дипломатия служит интересам, которые прямо или косвенно направлены на достижение внешнеполитических целей.* Среди инструментов «мягкой силы» научная дипломатия занимает первое место, утверждает профессор Руффини, оставляя позади другие формы влияния в конкуренции за «сердца и умы».

Определение понятия научной дипломатии включает в себя единство трех составляющих — дипломатия для науки, наука для дипломатии и наука в дипломатии.

**Дипломатия для науки** проявляется в поддержке дипломатами международного научно-технического сотрудничества, облегчении контактов между исследователями, несмотря на возможные сложные политические отношения между государствами, которые они представляют.

Использование учеными и дипломатами научных объединений в целях улучшения двусторонних и многосторонних межгосударственных отношений отражает понятие **науки для дипломатии**. Инструменты научной кооперации помогают восстанавливать, улучшать и поддерживать отношения между странами.

<sup>1</sup> Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / Отв. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Весь Мир, 2019. С. 556–563.

<sup>2</sup> Доклад подготовлен в рамках проекта РФФИ-ЭИСИ № 21-011-31886.

**Науку в дипломатии** можно рассматривать как непосредственное взаимодействие ученых и политиков, когда с опорой на результаты научных исследований определяется актуальная политическая повестка.

**Однако научная дипломатия не является нововведением. Одним из родоначальников научной дипломатии можно рассматривать Пагуошское движение**, выступающее за мир, ядерное разоружение и международную безопасность, которому исполнилось уже 60 лет. Даже в эпоху холодной войны не прекращались контакты между советскими и американскими и европейскими учеными. На современном этапе развития международных отношений научная дипломатия становится особенно актуальной вследствие сразу нескольких причин:

- после окончания холодной войны государства стали все больше использовать в своей внешней политике «мягкую силу», неотъемлемой частью которой является научная дипломатия;
- появились новые глобальные вызовы, связанные с вопросами климата, здравоохранения, борьбы с бедностью, терроризмом;
- возросло влияние негосударственных акторов на международной арене;
- деятельность ученых вызывает больше доверия граждан по сравнению с политиками и бюрократами.

Совокупность этих факторов актуализировала запрос на привлечение ученых к развитию межгосударственных отношений. «Научное сотрудничество — это отличный путь к бесконфликтной модели отношений между государствами», — справедливо отмечает Пол Артур Беркман, профессор, директор программы «Геополитика в Арктике» Кембриджского университета<sup>1</sup>.

Необходимость развития механизмов научной дипломатии как разновидности «мягкой силы» нашла свое отражение в **Концепции международного научно-технического сотрудничества** Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. В Концепции впервые в **российской практике было дано определение научной дипломатии**.

Рожнева С.С.  
(ПетрГУ, Петрозаводск)

## **ОБРАЗ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

**В** современном мире роль и значение религии как общественного института в светских государствах постоянно трансформируется. Религия является важной составляющей духовной культуры. В настоящее время наблюдается интеграция светских и религиозных ценностей в современных странах. В Российской Федерации также актуализируются подобные тенденции. Однако в силу традиционного влияния православия в нашей стране и с характерным для общественного сознания восприятием религии как интегрирующего фактора духовной культуры населения роль религии в политической системе страны отражается, в первую очередь, через деятельность Русской православной церкви. Более того, согласно данным ВЦИОМ, в 2021 г. уровень легитимности РПЦ достаточно высок и находится на втором месте после Российской армии, что иллюстрирует важность религиозного фактора в политических практиках страны<sup>2</sup>.

Тем не менее было интересно изучить, как непосредственно РПЦ воспринимает светское государство, какие образы конструирует в своих программных документах, способные оказывать влияние на общественное сознание не только православных граждан, но и всех жителей Российской Федерации.

Примечательным является тот факт, что многие исследования образов государства органично вплетаются в дихотомию, обозначенную немецким философом К. Шмиттом, как «друг—враг» — «свой—чужой»<sup>3</sup>. Анализ программных документов политических партий, публичных выступлений российского президента свидетельствует о том, что создаваемый образ Российской Федерации преимущественно заключается в рамки сильного и единого государства с характерными для него признаками державности.

Такая консервативная специфика, свойственная общественному сознанию, поддерживается той положительной ролью, которую играют традиционные институты в нашей стране, одним из которых по праву считается Русская православная церковь. Возможно, это обусловлено и тем, что сам образ РПЦ, несмотря на сложные для нее времена в XX в., к настоящему времени преимущественно имеет позитивную окраску.

<sup>1</sup> Арктический путь к бесконфликтным отношениям между государствами. 11 мая 2017 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/arkticheskiy-put-k-beskonfliktnym-otnosheniyam-mezhdu-gosudarstvami/>.

<sup>2</sup> Деятельность общественных институтов // ВЦИОМ. URL: [https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie\\_deyatelnosti\\_obshhestvennykh\\_institutov/](https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/) (дата обращения: 22.06.2021).

<sup>3</sup> Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 2: Зарубежная политическая мысль XX в. М.: Мысль, 1997. С. 290—10.

В 2000 г. на Архиерейском Соборе был принят документ «Об основах социальной концепции Русской православной церкви», в котором обозначена официальная позиция РПЦ по основным вопросам церковно-государственных отношений<sup>1</sup>. Анализируя данную доктрину, можно наблюдать, что РПЦ, как и светские политические институты, видит в Российской Федерации сильное и единое государство. Данный образ достигается посредством обращения к исторической памяти, теме, которую время от времени актуализирует российский президент.

Симптоматично, что президентское Послание Федеральному Собранию 2012 г. содержало важный момент легитимизации традиционных институтов, когда В.В. Путин заявил о явном дефиците духовных скреп (милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи). Президент отметил необходимость поддержки институтов, являющихся носителями традиционных ценностей, способных их передавать из поколения в поколение<sup>2</sup>.

Наряду с этим в социальной доктрине РПЦ положительный образ Российской Федерации поддерживается четкостью понимания идеи патриотизма как интегрирующей силы нации как этнической общности и как общности граждан государства. Подобная трансляция идеи патриотизма Церковью в общественное сознание усиливает символизацию церковно-государственных отношений и, несмотря на многоконфессиональный характер страны, показывает доминирующее значение православной веры как «духовной скрепы» российского народа.

В итоге анализ образа государства, доктринально создаваемый в социальной концепции Русской православной церкви, показал, что в контексте церковно-государственных отношений на современном этапе РПЦ видит в России сильную страну, великую державу. При этом Церковь не умаляет и собственные достоинства в этом, полагая, что именно она способна создавать «духовные скрепы» на основе православной веры для единства всех народов многонациональной Российской Федерации.

*Романовский А.А.*  
(Правительство Воронежской области, Воронеж)

## **ПРОЦЕСС ОПТИМИЗАЦИИ ИНСТИТУТОВ УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКОЙ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В последнее время эксперты все чаще обращают внимание на усиление влияния Администрации Президента России на политические процессы и отношения в нашем государстве, определяя ее как одного из ключевых игроков современной российской политики, называя «четвертой ветвью» власти и т.п.<sup>3</sup> Следует обратить внимание на то, что администрация главы государства стала ведущим политическим актором, формирующим внутреннюю политику, и в этом ключе произошло расширение ее воздействия на региональный уровень государственной власти. Основным же политическим институтом, оказывающим такое влияние, является Управление Президента РФ по внутренней политике, в котором еще в 2012 г. число департаментов, занимающихся региональной политикой, увеличилось с двух до шести, из них четыре подразделения были созданы по территориальному принципу для оперативного мониторинга ситуации<sup>4</sup>. Изменение схемы работы с субъектами Федерации происходило неоднократно и в дальнейшем и, в частности, было связано с повышением внимания к проблематике региональных выборов<sup>5</sup>.

Стоит отметить, что общее руководство деятельностью Управления Президента РФ по внутренней политике осуществляет первый заместитель Руководителя Администрации Президента РФ, курирующий деятельность еще трех управлений. Ряд экспертов оценили обновленную в 2018 г. конфигурацию внутривластного блока Кремля как аппаратное усиление находящегося на указанной должности

<sup>1</sup> Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата — <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 22.06.2021).

<sup>2</sup> Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // КонсультантПлюс. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_138990](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990) (дата обращения: 22.06.2021).

<sup>3</sup> *Конаев Е.Н.* К постановке вопроса о роли Администрации Президента Российской Федерации в политическом процессе современной России // *Власть*. 2013. № 2. С. 81; *Радченко В.И.* Администрация Президента Российской Федерации: рабочий аппарат, или четвертая ветвь власти / В.И. Радченко, О.А. Углова // *Вестник Саратовской гос. юридической академии*. 2017. № 6 (119). С. 114.

<sup>4</sup> *Костенко Н.* Подчиненные Володина подготовились к политической либерализации / Н. Костенко, А. Никольский // *Ведомости*. 2012. 15 марта. URL: [https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/03/15/upravlenie\\_po\\_vyboram](https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/03/15/upravlenie_po_vyboram).

<sup>5</sup> *Козлов П.* В Кремле по-новому работают с регионами: курирует их лично начальник управления внутренней политики // *Ведомости*. 2016. 5 декабря. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/12/05/668093-kremle-regionam-kuriruet>.

Сергея Кириенко. По мнению политолога Андрея Колядина, «интернет и Госсовет, переданные в ведение Кириенко, по сути, лишь дополнили механизмы воздействия на внутреннюю политику»<sup>1</sup>. В то же время одним из основных инструментов такого влияния стала выстроенная система взаимодействия с соответствующими институтами на региональном уровне.

Рассмотрим динамику становления внутривластного блока на уровне региона на примере Воронежской области. Его основные контуры сложились при губернаторе Алексее Гордееве (2009–2017 гг.).

Ключевой этап оптимизации политического менеджмента в Воронежской области был синхронизирован с изменениями на федеральном уровне и произошел в 2012 г., когда было создано управление региональной политики правительства области, которое объединило практически весь функционал бывшего внутривластного ведомства и функции по экспертной и аналитической работе<sup>2</sup>. Кроме этого, в структуре нового управления появился отдел информационных проектов. Очевидно, что данная конфигурация была максимально приближена к той, что была реализована на федеральном уровне.

Новый этап оптимизации регионального внутривластного блока был связан со сменой высшего должностного лица Воронежской области: в 2018 г. новым главой региона Александром Гусевым было принято решение о введении должности «политического» вице-губернатора, а также был реорганизован департамент связи и массовых коммуникаций области, часть задач которого были переданы в управление региональной политики<sup>3</sup>.

Процесс оптимизации управления внутренней политикой в Воронежской области прошел достаточно длительный путь эволюции, основными особенностями которого на современном этапе стали повышение уровня взаимодействия с федеральным центром и усиление информационной составляющей, в том числе посредством включения в орбиту внутривластного блока Центра управления региона, который был создан в конце 2020 г.

Рудась А.В.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

После прекращения существования блока стран Варшавского Договора, а также распада СССР и обретения независимости входящих в ее состав государств формируется новая политическая система в мире, в частности в странах Центральной и Восточной Европы.

Конкуренция между Западом и Россией за преимущество на постсоветском пространстве шла практически с самого начала после распада СССР. Расширение НАТО на восток и цветные революции в постсоветских государствах встретили негативную реакцию со стороны России, создав напряженные отношения между сверхдержавами. Украина в силу своего географического положения не могла оставаться в стороне геополитической борьбы, а следовательно, в стороне от противостояния регионального характера. Поскольку Украина находится на пути самоопределения и в поиске своего места на международной арене, в силу своего ментального многообразия, различным внешнеполитическим силам всегда удавалось влиять на политическую ориентацию страны.

После того как Польша стала членом НАТО (12 марта 1999 г.) и Европейского союза (1 мая 2004 г.), постепенно во внешней политике России возростала роль Польши как государства, формирующего политику НАТО и ЕС, в том числе в отношении России. В связи с постепенно растущей ролью Польши в ЦВЕ у данного государства просыпаются *амбиции главного игрока в регионе*. Исходя из основных исторических предрассудков польского руководства по отношению к РФ, Польша включается в новое противостояние Запада и России. Наиболее характерными примерами являются страны Балтии, а также Украина.

Ключевым фактором в польско-российских отношениях была и остается высокая степень конфликта интересов, которая касается, прежде всего, таких областей, как:

1. Система европейской безопасности, включая роль НАТО в ее формировании, и последующие этапы расширения Альянса, особенно расширение на постсоветские страны.
2. Система энергетической безопасности и стремление Польши диверсифицировать поставки энергоресурсов из России, а также работа России по выстраиванию альтернативных газовых и нефтяных маршрутов в Западную Европу в обход Украины и Польши.

<sup>1</sup> Самохина С. Полномочия подтвердили документом. В администрации президента распределили функционал / С. Самохина, И. Сафронов, М. Иванов // Коммерсантъ. 2018. 15 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3658105>.

<sup>2</sup> Об утверждении Положения об управлении региональной политики правительства Воронежской области : Указ губернатора Воронежской области от 5 июля 2012 г. № 222-у // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> О внесении изменений в указы губернатора Воронежской области от 05.07.2012 № 222-у и от 19.02.2009 № 81-у: Указ губернатора Воронежской области от 29 декабря 2018 г. № 790-у // СПС «КонсультантПлюс».

3. Вопросы исторического характера, в котором для Польши особое место занимали дела (с исчерпывающим объяснением, удовлетворившим польскую сторону), касающиеся Катынской трагедии.
4. Противоречия во взглядах на построение порядка в Восточной Европе, особенно конфликт интересов в украинском вопросе.

После обретения Украиной независимости в 1991 г., ввиду своего геополитического, культурного и цивилизационного расположения между Востоком и Западом, она стала полем конкуренции и конфликта интересов Российской Федерации, с одной стороны, а с другой — США, НАТО и Европейского союза (включая Польшу).

Украинский кризис ознаменовал новый поворотный момент в политике безопасности Польши и в польско-российских отношениях. Официально власти Польши стали рассматривать Россию как наибольшую угрозу международной безопасности. *Вследствие украинского кризиса политические отношения между Польшей и Россией на высшем уровне практически полностью заморожены.*

Среди прямых последствий украинского кризиса для безопасности Польши, помимо ощущения угрозы со стороны России, следует указать увеличение усилий по укреплению собственного оборонного потенциала Польши, укрепление сплоченности НАТО и усиление ее участия в безопасности Польши, а также укрепление двустороннего польско-американского сотрудничества в области военно-политической безопасности.

Польша, претендующая на главную роль ЕС в направлении России и постсоветского пространства, отстаивая позицию в пользу скорейшей ассоциации Украины с ЕС, в определенной степени способствовала тому, что Украине пришлось выбрать между ЕС и Россией.

По сумме фактов, поддержку и участие польского политического класса в украинском кризисе 2013–2014 гг. вряд ли можно считать успешными. Восточная политика Польши потерпела провал, ярким примером которого стало *исключение инициативы участия в переговорном процессе по разрешению украинского кризиса*, которые с середины 2014 г. вели представители Украины, России, Германии и Франции.

Кризис на востоке Украины подтвердил обоснованность аргумента о том, что Россия является главным игроком на постсоветском пространстве. Ни одна серьезная проблема не может быть решена без ее участия. Без обоюдного уважения и учета интересов каждой из сторон диалог не представляется возможным. Однако со стороны РФ следует более детально проанализировать структуру безопасности и целостности ЕС, с учетом удовлетворения амбиций Польши в качестве главного игрока в регионе.

**Руденкин Д.В.**  
(УрФУ, Екатеринбург)

## **ПОЛИТИЗАЦИЯ ЗАПРОСА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ВИДЕОБЛОГАМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ<sup>1</sup>**

Основная цель данной работы — эмпирическая верификация гипотезы о формировании у российской молодежи отношения к видеоблогам как к важному источнику социально-политической информации, альтернативному традиционным СМИ. Videоблоги, под которыми обычно понимаются авторские видеоканалы в Интернете<sup>2</sup>, зародились в первую очередь как развлекательный жанр: исследования прежних лет говорят о том, что изначальный репертуар их контента и в России, и в мире в целом в основном ограничивался музыкальными, юмористическими или бытовыми видео<sup>3</sup>. Тем не менее в последние годы в научной литературе все чаще встречаются гипотезы о политизации видеоблогов в восприятии российской молодежи, под которой обычно понимают превращение этого, изначально далекого от темы политики феномена в один из важнейших источников социально-политической информации для молодых россиян. В данной работе мы намерены проверить, справедливы ли подобные предположения.

Прежде всего, отметим: сама гипотеза о политизации видеоблогов в восприятии российской молодежи представляется нам логически обоснованной. В пользу этой гипотезы обычно называются

<sup>1</sup> Работа подготовлена в рамках работы по гранту Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00683 «Видеоблоги как канал формирования общественного мнения российской молодежи: степень и эффекты влияния»).

<sup>2</sup> *Абросимова Е.Е.* Videоблогосфера: построение онтологии предметной области // Научный журнал «Дискурс». 2017. № 8 (10). С. 66–75.

<sup>3</sup> *Шестерина А.М.* Архетипические сюжеты в структуре видеоблогов // Культура в фокусе научных парадигм. 2018. № 7. С. 148–152.



разумные аргументы: дефицит доверия российской молодежи к традиционным СМИ, побуждающий ее искать альтернативные источники социально-политической информации<sup>1</sup>, способность видеоблогеров говорить на темы, не представленные в сообщениях прессы, радио и телевидения<sup>2</sup>, наличие среди авторов видеоблогов целой когорты профессионалов, способных транслировать актуальные темы в интересной и интерактивной форме<sup>3</sup>. И мы согласны с тем, что все эти аргументы свидетельствуют в пользу того, что видеоблоги могли превратиться в важный источник социально-политической информации для российской молодежи. Но произошло ли такое превращение в действительности — можно судить лишь на основании эмпирической диагностики. И о результатах такой диагностики мы поговорим ниже.

Эмпирическую основу наших дальнейших рассуждений будут составлять материалы анкетного опроса, проведенного нами среди представителей молодежи Екатеринбурга весной 2021 г. В ходе исследования были опрошены 402 представителя молодежи города, которые отбирались в соответствии с квотной выборкой, основанной на критериях района проживания, пола и возраста. Модель выборки была разработана на основе официальной информации о половозрастной структуре населения Екатеринбурга на конец 2020 г.

Анализ собранных данных позволил сделать ряд важных выводов.

*Во-первых*, анализ показал, что социально-политический контент востребован среди молодежной аудитории намного сильнее, чем многие развлекательные жанры. Темы политики и новостей выходят на одни из первых позиций по своей популярности, уступая лишь музыке и образовательным роликам (рис.).

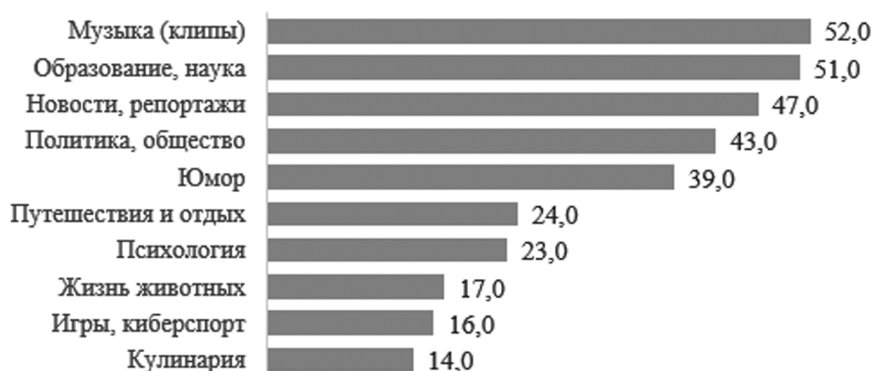


Рис. Видео по каким темам вы чаще всего смотрите у видеоблогеров? (ТОП-10 ответов, % от числа ответивших)

*Во-вторых*, наибольшую популярность среди опрошенных имеют именно те блогеры, которые постоянно или хотя бы периодически затрагивают в своих выпусках политические проблематики: Юрий Дудь (его канал постоянно смотрят 57% опрошенных), Алексей Навальный (49%), Илья Варламов (45%). Каналы, посвященные развлекательному контенту, оказываются на их фоне существенно менее популярными.

*В-третьих*, общее оценочное отношение к видеоблогам как к альтернативе традиционным СМИ получило среди молодежной аудитории массовое распространение. 58% опрошенных отмечают, что относятся к видеоблогам либо как к такому же по значимости источнику информации, как пресса, радио и телевидение, либо даже как к более важному. А 54% соглашаются с тем, что в видеоблогах можно найти больше надежной информации.

В целом проведенный анализ показал, что политизация запроса российской молодежи к контенту видеоблогов действительно существует. Конечно, нельзя сказать, что молодые россияне ждут от видеоблогеров освещения только политических повесток. Однако запрос на освещение таких проблематик сложился довольно выраженный и массовый.

<sup>1</sup> Бычкова М.Б. Современный видеоблог: причины популярности и жанровое многообразие // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 127–131.

<sup>2</sup> Бареев М.Ю., Качурина И.О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионоведение. 2019. № 3 (108). С. 572–587.

<sup>3</sup> Кузнецова К.М. Причины популярности YouTube с точки зрения знаний о поколениях // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1(3). С. 434–446.

**МОЛОДЕЖНАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ НА ВЫБОРАХ  
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2021 года<sup>1</sup>**

Гигантские преобразования в сфере современных технологий в совокупности с процессами глобализации изменяют не только окружающий мир человека и условия его жизни, но и его самого, способы и методы включения человека в жизнь общества и в политическую сферу. Среди этих новых революционных технологий особое место занимает повсеместное распространение Интернета. Естественно, что Интернетом, как и другими коммуникативными технологиями, в первую очередь овладевает молодежь. Именно у молодежи они становятся неотъемлемым атрибутом повседневной жизни и социализации, включения в жизнь общества. В самом конце XX в. и начале XXI в. эти новые условия жизни и новые коммуникативные технологии стали определяющими в формировании подрастающего поколения, которое столь значимо отличается от предыдущих поколений и получило на Западе название «поколения Z», поколение миллениалов, поколения Интернет. В России поколение Z начало формироваться немного позже, чем на Западе. На формирование этого поколения огромный отпечаток (кроме того, что имело место и на Западе) наложили огромные перемены, происходящие в политической и экономической сферах страны. Это поколение другого образа жизни и другого мировидения и, соответственно, во многом с другой повесткой дня ближайшего будущего страны.

Исследования специалистов РАНХиГС<sup>2</sup> (в числе которых был и автор предлагаемого доклада) показали, что, по крайней мере, продвинутая молодежь способна сформулировать собственную повестку дня, которая, помимо молодежных проблем, включает целый ряд проблем общероссийского масштаба. Эта повестка по ряду позиций отличается от правительственной повестки. Отчасти это несоответствие имеет объективную основу, поскольку на данном этапе развития сузились рамки вертикальной мобильности молодежи, ее возможности реализовать свой творческий потенциал, отчасти объясняется романтизмом и завышенными притязаниями молодежи, ее неспособностью соотнести свои требования с реалиями жизни. Исследования других специалистов<sup>3</sup> также подтверждают существующие линии расхождения правительственной повестки дня и повестки дня молодежи, которые могут усугубиться при попытках ужесточения регулирования привычной для нынешнего поколения среды обитания — прежде всего Интернета и социальных сетей, как, например, блокирование *Telegram* в России, продлившееся с апреля 2018 по июнь 2020 г.<sup>4</sup>

Предстоящие в сентябре 2021 г. выборы в Государственную Думу могут стать как драйвером сближения правительственной и молодежной повесток дня, так и их дальнейшего расхождения. Второе было бы не только нежелательно с точки зрения консолидации общества, но и явилось бы прямой потерей в поиске эффективных методов решения злободневных вопросов, волнующих граждан. Предварительные результаты исследования в рамках заявленного проекта показали рост конструктивной составляющей в повестке дня молодежи и постепенный переход от повестки дня в форме т.н. «жалоб» (когда существующая проблема просто констатируется с просьбой обратить на нее внимание) к конструктивной формулировке (когда предлагаются идеи, механизмы и методы решения проблемы). Если традиционно для россиян главным было «кто виноват и что делать», то у нового поколения (точнее, его активной части) на передний план выходит «как сделать», какими средствами и методами решать проблему, либо хотя бы наметить ориентир движения в нужном направлении. Такой подход может стать важным этапом утверждения нового формата избирательных гонок, когда выбирать будут уже не личность, персону, а предлагаемые ею идеи, пути и варианты решения проблем.

Данные, которые планирует получить автор в ходе исследования избирательной кампании 2021 г. в рамках заявленного проекта, позволят продвинуться в оценке реального состояния дел на обозначенных направлениях.

<sup>1</sup> Доклад подготовлен в рамках реализации проекта № 21-011-31366 «Образ будущего России в представлениях учащейся молодежи: факторы формирования и трансформации в условиях перемен и кризисов», выполненного при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ.

<sup>2</sup> Образ будущего России глазами молодежи: Монография / В.С. Комаровский [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2021. — 224 с.

<sup>3</sup> Исследование АНО «Левада-центр» (внесено Министерством юстиции РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) от 26.02.2021 «Отношение к новому сроку Владимира Путина». URL: <https://www.levada.ru/2021/03/24/obshhestvo-posle-protestov-neset-li-smena-pokolenij-modernizatsiyu-rossii/>.

<sup>4</sup> Статья АО «РОСБИЗНЕСКОНСАЛТИНГ» от 22.06.2020 «Почему власти решили разблокировать Telegram. Главное». URL: [https://www.rbc.ru/technology\\_and\\_media/18/06/2020/5ee211609a79473d9eccbc4c](https://www.rbc.ru/technology_and_media/18/06/2020/5ee211609a79473d9eccbc4c).

Русаков А.П.  
(ТвГУ, Тверь)

## НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТЫ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: ПОВЕСТКА ДНЯ (НА ПРИМЕРЕ «СПУТНИКА И ПОГРОМА»)

В рамках современного отечественного консерватизма крайне правый спектр занимают националистические движения. Истоками «Спутника и Погрома» (далее — «СиПа») является сообщество в социальной сети «ВКонтакте», созданное в 2012 г. российским блогером Егором Просвирниным. Работы авторского коллектива «СиПа» фокусировались на популяризации демократического национализма, исследованиях различных межэтнических конфликтов, их истории, текущего состояния и перспектив разрешения. Идеология «СиПа» позиционировалась как гражданский русский национализм, целью которого является формирование России как национального государства для русских, однако с полным набором базовых демократических и правовых принципов. По мнению авторов «СиПа», русские в России не имеют своего национального представительства и национального государства в отличие от разнообразных этносов, у которых существуют собственные национальные республики в составе РФ, права русских постоянно ущемляются, а государство безостановочно эксплуатирует потенциал и ресурсы нации в собственных целях<sup>1</sup>. Коллектив «Спутника и Погрома» неоднократно критиковал политику властей, которые принимают невыгодные для русской нации геополитические решения, покупку лояльности национальных окраин и целенаправленное игнорирование реальных национальных проблем. Еще одна отличительная черта идеологии «СиПа» — приверженность демократическим принципам и процедурам вкупе с неприязнью к авторитаризму во всех его проявлениях. Монархия и централизованная власть СССР рассматривались авторами как неэффективные модели государственного управления, и достижения авторитарных режимов позиционировались как достижения исключительно русской нации. Данная идеологическая позиция русского национализма сформировалась в постсоветское время благодаря публикациям философов Дмитрия Галковского<sup>2</sup> и Константина Крылова<sup>3</sup>. Их национал-демократические концепции 1990-х и 2000-х годов можно рассматривать как идеологическую основу, использованную молодыми консерваторами. Одна из наиболее популярных идей в публикациях и лексиконе «СиПа» заключалась в том, что Российская империя была разрушена при активном содействии представителей национальных окраин. Российская империя, с точки зрения авторов «СиПа», представляла собой искусственное образование, которое является «антирусским», противостественным и губительным для русской нации. Д.Е. Галковский сформулировал новый концепт — «новиоб (новая историческая общность)», которым обозначал советский народ и современных россиян. Очевидно, что советский период национал-демократическими консерваторами рассматривался преимущественно как один из самых драматичных и кризисных периодов развития русской нации, а современная государственная национальная политика считалась прямым продолжением советской. В риторике участников и авторов «СиПа» термин «россиянин» приобрел нарицательный характер.

В 2013 г. у «СиПа» был запущен собственный сайт с презентабельным, современным и удобным оформлением. Важным этапом в истории «СиПа» стала его деятельность, связанная с конфликтом на Украине. Сайт активно освещал происходящие там события и организовал сбор средств на боевую технику для ополченцев Донбасса. В 2017 г. по решению суда сайт был признан экстремистским и заблокирован<sup>4</sup>. Это привело к окончательному распаду авторского коллектива и падению популярности национал-демократических движений среди молодежи. Славащийся своими эпатажными публикациями главный редактор «СиПа» Егор Просвирнин заявил о поражении негосударственного национализма в России<sup>5</sup>. Случай «СиПа» свидетельствует о четкой стратегии российской власти обозначать националистическую повестку дня.

<sup>1</sup> *Кашин О.В.* «Спутник и погром»: Егор нашего времени и главный антифашистский сайт. 2013 г. // Republic. URL: <https://republic.ru/posts/1/971431> (дата обращения: 04.05.2021).

<sup>2</sup> *Галковский Д.Е.* Русская политика и русская философия. 1994 г. // Иное. URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/galkov.htm> (дата обращения: 04.05.2021).

<sup>3</sup> *Крылов К.А.* Прогнать чертей. М.: Скимень, 2010. — 415 с.

<sup>4</sup> *Мерзлякин П.* Роскомнадзор заблокировал «Спутник и погром» по той же схеме, что и «Грани.ру», — не объяснив, за какие материалы. 2017 г. // Медуза. URL: <https://meduza.io/feature/2017/07/06/roskomnadzor-zablokiroval-sputnik-i-pogrom-po-toy-zhe-sHEME-CHTO-I-GRANI-RU-NE-OB-YASNIV-ZA-KAKIE-MATERIALY> (дата обращения: 04.05.2021).

<sup>5</sup> *Кашин О.В.* Прощание со «Спутником и Погромом». Как исчез запрос на антипутинский русский национализм. 2018 г. // Republic. URL: <https://republic.ru/posts/92272> (дата обращения: 04.05.2021).

## ОФИЦИАЛЬНЫЙ РОССИЙСКИЙ ДИСКУРС О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ПРОБЛЕМА ЦЕНЫ ПОБЕДЫ<sup>1</sup>

Официальный дискурс российской политики памяти о Второй мировой войне представляет собой совокупность способов интерпретации и репрезентации общественно значимых событий из истории данной войны, закрепляемых в массовом сознании посредством информационной и коммеморативной деятельности государственных структур. К информационным источникам данной политики памяти мы относим, прежде всего, дискурс публичных выступлений представителей высшего руководства страны. В настоящей работе рассматриваются два таких источника: 1) выступление В. Путина на 43-м заседании Российского организационного комитета «Победа» 20 мая 2021 г.<sup>2</sup>; 2) статья В. Путина «Быть открытым, несмотря на прошлое», опубликованная 22 июня 2021 г. в еженедельной газете *Die Zeit* и приуроченная к 80-й годовщине начала Великой Отечественной войны<sup>3</sup>.

В выступлении Путина на 43-м заседании оргкомитета «Победа» перед российской политикой памяти ставится задача дать отпор современным попыткам «пересмотреть роль Красной армии в разгроме нацизма, в освобождении народов Европы от коричневой чумы», целями которых является замена дискурса «освобождение Европы от нацизма» дискурсом «советская оккупация Европы», что в конечном итоге должно позволить поставить знак тождества между нацистскими преступниками и советскими воинами. Последствия такой европейской политики памяти наглядно видны в акциях сноса памятников и мемориалов советским воинам в ряде европейских государств. Говоря об огромной цене, которую Советский Союз заплатил за свою победу над нацизмом, Путин приводит следующие данные: более 12 тысяч воинских захоронений находятся на территории 56 иностранных государств. «В них покоятся свыше 4 миллионов 150 тысяч воинов ... Эти воинские захоронения — скорбная и зримая память об освободительной миссии Красной армии. И эту память в некоторых странах, к сожалению, пытаются варварски стереть, надругаться над могилами, над памятью павших, оскверняют, сносят мемориалы». В качестве причины такого поведения Путин называет распространенность «вируса беспамятства», который поразил ряд стран Европы и некоторые слои россиян. Объясняется это исключительно геополитическими и пропагандистскими целями стран Запада, направленными на сдерживание и ослабление России. При этом «лечить» данный «вирус» предлагается путем рассекречивания архивных материалов, а также посредством развития воспитательной деятельности среди молодежи.

В статье «Быть открытыми, несмотря на прошлое», посвященной скорбной дате — 80-й годовщине со дня начала Великой Отечественной войны, Путин вновь обращается к вопросу об огромной цене Победы советского народа в данной войне. Он подчеркивает, что 22 июня 1941 г. «нацисты, покорив практически всю Европу, напали на СССР. Для советского народа началась Великая Отечественная война — самая кровопролитная в истории нашей страны. Погибли десятки миллионов людей, гигантский урон был нанесен экономическому потенциалу и культурному достоянию». Автор специально останавливается на освободительной миссии Красной армии в отношении народов Европы: «Мы гордимся мужеством и стойкостью героев Красной армии и тружеников тыла, которые не только отстаивали независимость и достоинство Родины, но и спасли от порабощения Европу и мир. И кто бы ни пытался сейчас переписать страницы прошлого — правда в том, что советский солдат пришел на землю Германии не мстить немцам, а с благородной, великой миссией освободителя». Весь пафос статьи направлен на восстановление отношений сотрудничества России со странами Европы. Однако начиная с 1999 г. последовали пять волн расширения НАТО на Восток, которые похоронили надежды на развитие континента без разделительных линий. «Более того, многие страны были поставлены перед искусственным выбором — быть либо с коллективным Западом, либо с Россией». В итоге Европа поддержала антиконституционный переворот на Украине, что привело к деградации всей системы европейской безопасности. Тем не менее Путин призывает страны Европы к восстановлению партнерства с Россией, поскольку в условиях новых вызовов и угроз «мы просто не можем позволить себе тащить за собой груз прошлых недоразумений, обид, конфликтов и ошибок».

В приведенных нами источниках Путин, как, впрочем, и в предыдущих своих публичных выступлениях, посвященных Великой Победе<sup>4</sup>, ничего не говорит о том, что непонимание высокой цены

<sup>1</sup> Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 21-011-43023 «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики» (2021–2022).

<sup>2</sup> URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65618> (дата обращения: 12.06.2021).

<sup>3</sup> URL: <http://prezident.org/tekst/statja-vladimira-putina-byt-otkrytymi-nesmotrja-na-proshloe-22-06-2021.html> (дата обращения: 23.06.2021).

<sup>4</sup> См.: Русакова О.Ф. Структурный дискурс-анализ статьи президента РФ В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 10–25.

Победы и распространение «вируса беспамьяства» коренятся в стратегии антикоммунизма, заложенной в «лихие 90-е годы». Именно изнутри данной стратегии выросло публичное замалчивание роли Коммунистической партии в обеспечении Великой Победы. Но если не говорить, что войну советский народ выиграл именно под Красным знаменем, что в бой с нацистами его вела партия большевиков, то пропаганда «беспамьяства» будет и дальше давать свои горькие плоды.

Рустамова Л.Р.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ ПОВЕСТКА ДЛЯ РОССИИ И РЕФОРМИРОВАНИЕ ЕЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Во второй половине XX в. шло активное формирование социально-гуманитарной повестки мировой политики. Большую важность приобрели вопросы здравоохранения, культуры, спорта, образования и науки, которые затем были концептуализированы в концепции «мягкой силы» Дж. Ная. С 2000-х годов в России обратили внимание на необходимость наращивания социально-гуманитарных ресурсов и формирования привлекательного образа, соответствующего «ее вкладу в мировую цивилизацию, в науку, культуру» и занятия своей ниши среди стран, обладающих «мягкой силой». В концепции внешней политики 2013 г. «мягкая сила» впервые упоминается в качестве необходимого элемента ее внешней политики<sup>1</sup>, что обусловило создание целого ряда профильных организаций, серьезным образом усиливших присутствие России в социально-гуманитарной сфере. В 2005 г. начал вещание канал «*Russia Today*», который сейчас представлен в более чем 100 странах мира на английском, арабском, испанском, немецком и французском языках. В 2007 г. был открыт фонд «Русский мир», чья задача заключалась в популяризации русского языка за рубежом. В 2008 г. было создано агентство «Россотрудничество», главная задача которого состояла в том, чтобы оказывать поддержку соотечественникам за рубежом и способствовать улучшению имиджа страны. В 2010 г. был основан Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, призванный содействовать формированию благоприятного для России общественного мнения за рубежом, содействовать продвижению интеллектуального, культурного, научного и делового потенциала России<sup>2</sup>. Другие российские учреждения: РПЦ, Фонд Андрея Первозванного, «Императорское православное палестинское общество» активно подключились к установлению межцерковного диалога, продвижению правозащитной тематики и российских ценностей.

Однако в продвижении ее видения вопросов, входящих в социально-гуманитарную сферу, накопился целый ряд проблем, связанных с восприятием ее мягкой силы, а также неэффективностью некоторых проектов по ее наращиванию. За рубежом «мягкая сила» России и ее институты стали восприниматься как инструменты лоббизма внешнеполитических интересов и пропаганды. Минюст США потребовал «*RT America*» зарегистрироваться в качестве «иностранный агент». 7 января 2017 г. в ЦРУ США опубликовали доклад, в котором канал назвали пропагандистской машиной. В докладах Федерального ведомства по защите конституции Германии за 2018 и 2019 гг. канал также получил негативные оценки. В аналогичном Докладе парламентского комитета Великобритании отмечалось, что телеканал *RT* и агентство *Sputnik* «через дезинформацию, вбросы фейковых новостей стремятся распространить политическое влияние России на Западе». После проведения Олимпиады в Сочи в 2014 г. разразилась целая череда допинговых скандалов с участием российских спортсменов, которая привела к тому, что многие результаты «мягкой силы» России в спорте были сведены на нет. Россия была лишена права участия в зимней Олимпиаде в 2018 г. в Пхёнчхане (Республика Корея) и использовать российскую национальную символику в крупных спортивных мероприятиях. Такое положение дел потребовало начать реформирование российской «мягкой силы», которое началось с того, что в 2016 г. вышла новая концепция внешней политики России, где «мягкая сила» уже ассоциировалась с политическим давлением, манипулированием общественным мнением<sup>3</sup>. Реформирование предполагало передачу многих функций по ее наращиванию в руки гражданских структур. Проекты по популяризации культуры России, ее исторического наследия, оказывающие влияние на восприятие России за рубежом, стали реализовываться российскими гражданами и некоммер-

<sup>1</sup> Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) (утратила силу) // МИД России. 18.02.2013. URL: [https://www.mid.ru/foreign\\_policy/official\\_documents/-/asset\\_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186](https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186).

<sup>2</sup> Миссия и задачи // Сайт Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова. URL: <http://gorchakovfund.ru/about/mission/>

<sup>3</sup> Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248) (дата обращения: 08.05.2017).

ческими организациями на самостоятельной основе. К такого рода проектам можно отнести проект сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне и укрепления мира «Синий платочек», разработанный благотворительным фондом «Русская земля». В то же время дальнейшее продвижение «мягкой силы» России в значительной степени зависит от формирования гражданского самосознания в сфере наращивания «мягкой силы» России и ее идейной основы, которая позволит вписать институты «мягкой силы» в единую систему.

*Рябова Т.Б., Рябов О.В.*  
(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

## **МУЖИК И МЕДВЕДЬ: О ВЗАИМОВЛИЯНИИ ГЕНДЕРНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСОВ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ<sup>1</sup>**

Тема, которой посвящен доклад, находится на стыке проблем, которые давно и плодотворно изучаются в гендерных исследованиях — «Гендер и нация», «Гендер и международные отношения», «Гендер и политика» (например, Н. Юваль Дэвис, Э. Тикнер, Дж. Скотт). В российской политологии эти проблемы изучались, в частности, на материале таких тем, как использование образа мужика как гегемонной маскулинности в легитимации власти<sup>2</sup> и образа медведя — в политике национальной идентичности<sup>3</sup>.

В последнее время в символической политике становится заметной тенденция сравнивать с медведем не только Россию, но и российского мужчину, что проявляется, в частности, в поздравлениях и подарках ко Дню защитника Отечества; медведь становится символом национальной маскулинности. Именно на этой тенденции сфокусировано наше исследование, задачи которого — ответить на следующие вопросы: какие акторы символической политики и с какими целями прибегают к сравнению мужика с медведем? Какими характеристиками при помощи данного сравнения наделяется гегемонная маскулинность? Какие функции выполняет это превращение медведя в символ национальной маскулинности?

Ассоциирование России с медведем возникает в западных культурах около пятисот лет назад. В России восприятие медведя в качестве политического символа становится заметным лишь в постсоветский период — прежде всего, благодаря его появлению на атрибутике «Единой России». Образ медведя превратился в символический ресурс российской власти. В последние несколько лет происходит трансформация медведя из партийного символа в национальный.

Популярность данного символа проявляется и в том, что с медведем сравнивают российского мужчину. Образ медведя тем самым становится частью гендерного дискурса, будучи используемым в качестве символа мужественности. Это маскулинность определенного типа, которая включает в себя стереотипные представления о мужском начале (сила, смелость, независимость). В этом смысле медведь используется как символ традиционности и нормальности. Между тем канон мужика, настоящего мужчины, сформировался как воплощение национальной мужественности; в немалой степени он создается через противопоставление репрезентациям западной маскулинности.

Говоря о функциях превращения медведя в символ национальной маскулинности, отметим, во-первых, что метафора «Мужик — это медведь» способствует наделянию российских мужчин чертами идеализированного образа медведя: мощью, отвагой, непобедимостью, спокойствием, терпением. Во-вторых, происходит легитимация данного типа маскулинности как национального. Образ медведя становится фактором поддержания гендерных отношений в российском обществе. В-третьих, использование гендерного дискурса способствует дополнительной легитимации медведя в качестве национального символа, поскольку не только страна в целом, но и ее граждане ассоциируются с данным образом. В-четвертых, образ медведя привлекается для укрепления символических границ с Западом, в том числе при помощи гендерного дискурса, что способствует легитимации внешней политики России, а также власти, которая эту политику проводит. То есть такое ассоциирование мужика с медведем связывает воедино гендерный, национальный, геополитический и потестарный дискурсы, которые тем самым взаимно поддерживают друг друга.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-011-00748 «“Русский медведь” в современной символической политике: российский и западный контексты».

<sup>2</sup> *Рябова Т.Б., Рябов О.В.* «Настоящий мужик»: о гендерном измерении символической политики // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 68–72.

<sup>3</sup> *Рябов О.В., Рябова Т.Б., Мутаев У.К.* Медведь как национальный символ: взгляд россиян (на материале всероссийского опроса) // *Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы: Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунунова, Л.Н. Тимофеевой*. 2020. С. 457.

Рябцева Е.Е.  
(СевГУ, Севастополь)

## БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ США

Проведен анализ основных геополитических интересов США в Средиземноморье и Черноморском международном регионе. Статья выполнена на основе парадигмы сдерживания Российской Федерации.

Определены задачи и направления деятельности США по поиску союзников и основных направлений давления в регионе, ограничению российского геополитического влияния. Отмечена взаимосвязь энергодипломатии, трансграничных транспортных проектов и создания нового альянса сателлитов США Израиль–Греция–Кипр в регионе.

**Постановка проблемы.** В условиях конфронтации между Западом и Россией на современном этапе, начавшемся в 2013 г., Большое Средиземноморье остается одним из важнейших регионов соперничества. Актуальностью обладает исследование как геополитических интересов США, так и необходимости реагирования со стороны Российской Федерации. Вместе с тем геополитическая ситуация меняется столь быстро, что необходим постоянный мониторинг происходящих процессов в регионе.

**Цель** — выявить состояние и тенденции развития новых геополитических интересов США в районе Большого Средиземноморья, определить круг новых акторов, выявить угрозы национальной безопасности Российской Федерации в регионе.

**Изложение основного материала.** Большое Средиземноморье, включающее в себя Средиземное и Черное моря, имеет важное значение для безопасности Российской Федерации, открывая доступ в Мировой океан на южном направлении. Это один из сегментов мирового пространства, где наиболее рельефно проявляется противостояние США и России. Интересы США тезисно можно обозначить следующим образом:

1. Энергетические интересы США. Запасы нефти и газа в Восточном Средиземноморье привлекают многих. Здесь открыты газовые месторождения «Левиафан» и «Зухр». В 2010 г. Геологическая служба США оценивала запасы этого района в 3,45 трлн кубометров газа и в 1,7 млрд баррелей нефти, но сейчас геологи утверждают, что запасы существенно больше — 6,42 трлн кубометров газа и 3,8 млрд баррелей нефти. В ситуации острого спора между Турцией и Грецией за энергоресурсы США создают в регионе новый альянс сателлитов Израиль–Греция–Кипр<sup>1</sup>.
2. Интересы США в сфере безопасности. Прежде всего, поддержку получают Греция, Израиль и Кипр, которые являются главными союзниками Америки в регионе. Конгресс США принял закон о государственных затратах на 1,4 трлн долл., позволяющих Соединенным Штатам стать важным игроком в регионе за счет сотрудничества в области безопасности и энергетики с государствами Восточного Средиземноморья<sup>2</sup>.
3. Подчинение Европы. В Европе формируется три разделительные линии, три группы стран и три тенденции: те, кто придерживается установок на евроатлантическую интеграцию; те, кого устраивает сюзеренитет США с их «представителем» Германией; те, кто хотел бы выстраивать отношения с Америкой напрямую. При этом одни готовы пытаться вести диалог с Россией, другие не хотят такого в принципе<sup>3</sup>. Но любая расстановка сил должна привести к изоляции России.
4. Военное присутствие США. Нарастание военного присутствия США в Средиземном море также может усилить напряженность в отношениях с Россией<sup>4</sup>.
5. Борьба с «терроризмом». Причем главными «террористами» объявлены Иран и Турция.

**Выводы.** Интересы США в регионе Большое Средиземноморье заключаются в установлении безоговорочного доминирования, нейтрализации и в конечном счете вытеснения России. А также в использовании региона в качестве плацдарма для продвижения своих интересов на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

<sup>1</sup> Малышев В. Дипломатические сражения за ресурсы Восточного Средиземноморья // URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/06/14/diplomatiche-srazhenija-za-resursy-vostochnogo-sredizemnomorja-51131.html>

<sup>2</sup> США намерены ослабить влияние Москвы и Анкары в Средиземноморье // URL: <https://investtalk.ru/invest-news/id66291-ssha-namereny-oslabit-vliyanie-moskvy-i-ankary-v-sredizemnomore>

<sup>3</sup> Конгресс США поддержал энергонеависимость Европы от России // URL: <https://planeta.press/news/47243-kongress-ssha-podderzhal-energonezavisimost-evropy-ot-rossii/>

<sup>4</sup> Интересы США и Израиля в Средиземном море // URL: <https://katehon.com/ru/article/interesy-ssha-i-izrailya-v-sredizemnom-more>

## ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ В ONLINE-ПРОСТРАНСТВЕ<sup>1</sup>

Глобальные трансформации социально-политической системы, запущенные пандемией коронавирусной инфекции, поставили перед исследователями политических процессов задачу, связанную с выработкой комплексного подхода к исследованию структурных, процессуальных и контекстуальных компонентов формирования цифровой социально-политической повестки дня в *online*-пространстве. В практическом аспекте решение подобной задачи позволит предложить органам государственной власти инструментарий *Data Science* для мониторинга цифровой социально-политической повестки дня в *online*-пространстве, аналитический инструментарий для построения прогностических моделей и набор технологий для управления цифровой повесткой дня.

В результате анализа данных кейсов «Коронавирус» и «Конституция», собранных в *online*-пространстве в ходе 2020 г., была создана и апробирована модель цифровой социально-политической повестки в *online*-пространстве<sup>2</sup>. Данная модель представляет собой многомерную сеть, включающую в себя измерение «Официальный дискурс» и измерение «Сетевой дискурс», в которых субъекты цифровой повестки (как институционализованные акторы, так и неинституционализованные) могут взаимодействовать в данных измерениях с разной эффективностью протекания диффузионных процессов.

Выявленными основаниями субъектности государственных, социально-политических и гражданских акторов, участвующих в формировании и потреблении цифровой социально-политической повестки, стали используемые стратегии и тактики производства и распространения контента в онлайн-пространстве, являющегося основой дискурсивных полей формирования и позиционирования цифровой социально-политической повестки. Каналы (сеть «Пользователи», сеть «Сообщения», сеть «Хештеги», сеть «Эмоджи» и официальные сайты органов власти и информационных агентств) и технологические приемы (диффузионные процессы, стратегии и тактики производства и распространения контента в дискурсивных полях цифровой социально-политической повестки) формирования и управления цифровой повесткой дня в *online*-пространстве были эмпирически определены и доказаны в ходе апробации модели на кейсе «Коронавирус» и кейсе «Конституция». Выявлено, что технологические приемы отвечают за передвижение информации по дискурсивным полям, составляющим основу цифровой социально-политической повестки и формирующим лингвопрагматический паттерн социального действия; определены и охарактеризованы факторы и условия, влияющие на устойчивость и результативность цифровой социально-политической повестки дня в *online*-пространстве. Такими факторами и условиями являются: во-первых, наличие либо отсутствие поляризованности сети «Пользователи» — два ядра в основе сети, одно из которых — оппозиционное, другое — провластное; во-вторых, взаимное встраивание и проникновение провластного и оппозиционного дискурсов; в-третьих, значение веса межуровневых взаимодействий измерения «Официальный дискурс» и измерения «Сетевой дискурс».

Предложенная модель цифровой социально-политической повестки дня может быть использована для анализа цифровых практик взаимодействия различных субъектов политического процесса в *online*-пространстве. В настоящий момент данная модель используется в анализе делиберативных практик взаимодействия парламентских партий с электоратом в *online*-пространстве.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31826 «Делиберативная практика взаимодействия парламентских партий с электоратом: структурно-коммуникативный анализ» (2021).

<sup>2</sup> Апробация модели цифровой социально-политической повестки была осуществлена на эмпирических данных кейсов «Коронавирус» и «Конституция» в период с 18 марта 2020 г. по 19 сентября 2020 г. В этом периоде было выбрано три ключевых точки для анализа: 1-я точка — начало карантинных мер — март 2020 г.; 2-я точка — неделя до и неделя после референдума по Конституции РФ; 3-я точка — неделя до и неделя после дня единого голосования — 13 сентября 2020 г.



## ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ 2021 года

По наблюдениям политологов, политические партии теряют доверие и поддержку среди своих избирателей по всему миру. В России нижняя палата федерального парламента и политические партии как институты возглавляют рейтинг недоверия (67 и 64% соответственно)<sup>1</sup>. В то же время партии остаются привилегированным субъектом выдвижения кандидатов на выборные должности, обладающим набором льгот при их регистрации. Накануне федеральной избирательной кампании в России зарегистрировано 34 политические партии, из которых 32 имеют право выдвигать своих кандидатов на выборах депутатов Госдумы 19 сентября 2021 г.<sup>2</sup> Благодаря результативному участию в региональных выборах 14 партий получили право регистрировать своих кандидатов без сбора подписей избирателей. Традиционно к релевантным партиям относят парламентские партии: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия—Патриоты—За правду». Научно-практический интерес вызывают контуры социального будущего, предлагаемые партиями в предстоящий электоральный цикл.

Объектом нашего исследования является предвыборная риторика релевантных политических партий в период выборов депутатов Государственной Думы 2021 г., а предметом — образ будущего в их предвыборных программах и агитационных материалах. Работа с предвыборными документами осуществляется методами дискурса-анализа<sup>3</sup>.

Программные документы политических партий создаются по требованию федерального закона, определяют принципы деятельности организации, ее цели и задачи, а также методы реализации целей и решения задач<sup>4</sup> и, как правило, содержат образ желаемого будущего. Предвыборные документы сосредоточены на решении актуальных проблем и способов их решения, т.е. формулируют повестку дня. В предвыборные документы включаются значимые агитационные материалы: предвыборная программа, заявления лидеров.

Партия «Единая Россия» позиционирует себя защитником граждан под лозунгом «Защита. Забота. Патриотизм». Подготовку предвыборной программы партия использует для коммуникации с лояльными группами избирателей, чтобы собрать их наказы и еще раз напомнить о своих социальных инициативах<sup>5</sup>. КПРФ уверена в неизбежной социализации собственности по всему миру и левом политическом повороте — это единственный способ выхода из мирового экономического кризиса. Образ будущего партии напоминает систему СССР, но вернуться к ней уже возможности нет<sup>6</sup>. ЛДПР предлагает набор либерально-демократических принципов: смешанная экономика, демократия и сменяемость власти, свобода прессы и независимость судов. При этом партия избегает отнесения себя к конкретной идеологической семье: «...мы считаем себя и либералами, и консерваторами, и патриотами»<sup>7</sup>. Объединенная партия «Справедливая Россия—Патриоты—За правду» сосредотачивается на борьбе с бедностью, за отказ от пенсионной реформы 2018 г. и введение справедливого базового дохода<sup>8</sup>.

Предварительный дискурсивный анализ предвыборной риторики парламентских партий, имеющих наибольшие шансы на представительство в Государственной Думе по итогам выборов 2021 г., свидетельствует об их сосредоточении на проектах социального обеспечения граждан, сохранения стабильности в условиях продолжающейся мировой экономической стагнации. Лидеры партий осудили сторонников А. Навального, стремящихся организовать «уличное» давление на власть. Предвыборные программы партий будут приняты в ближайшее время, но уже сейчас ясно, что партии избегают представления нового оригинального проекта будущего, сосредотачиваясь на совершенствовании суще-

<sup>1</sup> Доверие институтам // Левада-центр. 21.09.2020. <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 09.06.2021).

<sup>2</sup> Политические партии // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/> (дата обращения: 20.06.2021).

<sup>3</sup> Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. М., 2012. С. 197.

<sup>4</sup> Федеральный закон от 11.07.2001. № 95-ФЗ «О политических партиях». Ст. 22 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> Программа «Единой России» может стать стратегией развития страны на пять лет // Официальный сайт партии «Единая Россия». 19.06.2021. <https://er.ru/activity/news/programma-edinoj-rossii-mozhet-stat-strategiej-razvitiya-strany-naryat-let-dmitrij-medvedev> (дата обращения: 24.06.2021).

<sup>6</sup> «Главная цель — отобрать голоса у нас». Интервью с Г.А. Зюгановым // Коммерсантъ. 15.06.2021. <https://www.kommersant.ru/doc/4856773> (дата обращения: 18.06.2021).

<sup>7</sup> «ЛДПР — девственница на политическом поле». Интервью с В.В. Жириновским // Коммерсантъ. 17.05.2021. <https://www.kommersant.ru/doc/4815457> (дата обращения: 18.06.2021).

<sup>8</sup> «Я думаю, что мы еще и “Единую Россию” потолкаем». Интервью с С.М. Мироновым // Коммерсантъ. 29.04.2021. <https://www.kommersant.ru/doc/4793611> (дата обращения: 18.06.2021).

ствующих институтов. Итоги выборов по единому федеральному округу и уровень явки позволят оценить масштабы поддержки таких идей.

**Савина Е.В.**  
(Минэкономразвития России, Москва)

## ИНТЕРНЕТ-САЙТЫ КАК КАНАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПАРТИЙ С ГРАЖДАНАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Причинами массового внедрения информационно-телекоммуникационной сети Интернет в процесс политической коммуникации партий являются возможность предоставления общей и контактной информации о партийной деятельности, а также возможность информирования о проведении мероприятий (данная составляющая особенно актуализируется во время проведения избирательной кампании)<sup>1</sup>.

Первым документом, определившим ключевые стратегические направления в сфере использования Интернета, стала Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203<sup>2</sup>.

В соответствии с официальной статистической информацией Росстата в настоящее время в России наблюдается динамичное увеличение аудитории информационно-телекоммуникационной сети Интернет и рост количества интернет-пользователей в 1,3 раза с 2012 г.<sup>3</sup> Согласно результатам исследования «Mediascope» в первой половине 2019 г., количество пользователей Интернета в России составило 95,8 млн человек (78% от общего населения страны)<sup>4</sup>.

В настоящее время все российские парламентские политические партии имеют официально зарегистрированные интернет-сайты<sup>5</sup>, которые характеризуются достаточно отработанными методами структурирования ресурсов, а также системностью изложения информации.

С помощью онлайн-сервиса «Analysis» в начале 2020 г. был проведен мониторинг интернет-сайтов парламентских политических партий (табл.).

Таблица

**Анализ эффективности интернет-сайтов российских парламентских политических партий**

Наименование политической партии	Оценка интернет-сайта, %	Просмотры		Посетители		Адаптивность для мобильных устройств
		День	Месяц	День	Месяц	
«Единая Россия»	69	26 963	263 623	7421	54 982	—
КПРФ	80	27 291	645 719	12 097	197 431	—
ЛДПР	71	8021	248 000	3219	98 700	—
«Справедливая Россия»	68	9340	290 000	2100	65 100	+

Проанализировав данные таблицы, можно отметить, что наиболее эффективным по функционированию и популярным среди российских пользователей является интернет-сайт КПРФ, который по некоторым критериям опережает сайт «Единой России». В связи с этим можно сделать вывод о разном уровне и несбалансированном распределении влияния российских парламентских политических партий в Интернете.

Проведенный анализ позволил выработать ряд рекомендаций по оптимизации функционирования партийных сайтов:

- формирование качественного, универсального и релевантного контента при освещении партийной деятельности;
- необходимость своевременной и систематической актуализации партийного контента;

<sup>1</sup> Терещук В.И. Технологии электронного PR в деятельности политической партии// STUDIA HUMANITATIS. 2016. № 2. С. 4.

<sup>2</sup> Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 20. П. 6.

<sup>3</sup> Показатели развития информационного общества в Российской Федерации. Официальная статистика Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/14478> (дата обращения: 29.02.2021).

<sup>4</sup> Mediascope: проникновение интернета в России выросло на 10% за два года. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2019/09/18/12658993/mediascope.shtml> (дата обращения: 29.02.2021).

<sup>5</sup> Единая Россия. Официальный сайт партии. URL: <https://er.ru> (дата обращения: 02.04.2020); Официальный сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/> (дата обращения: 02.04.2020); ЛДПР. URL: <https://ldpr.ru/> (дата обращения: 02.04.2020); Справедливая Россия. URL: <https://spravedlivo.ru/> (дата обращения: 02.04.2021).

- размещение контента в различных форматах (интерактивы, чаты, видео, обзоры);
- оптимизация ссылок, размещенных на партийном сайте (в том числе на страницы, группы и сообщества в социальных сетях);
- продвижение партийного сайта путем размещения рекламы, а также в социальных медиа для увеличения охвата аудитории;
- привлечение специалистов в сфере интернет-маркетинга и IT в целях отработки технических моментов по функционированию и продвижению партийного сайта.

Таким образом, при грамотном и рациональном подходе политические партии при помощи своих интернет-сайтов имеют возможность повысить эффективность процесса политической коммуникации, тем самым укрепив свою позицию медиатора как посредника между гражданами и властными институтами, в том числе способствовать активному включению населения в политическую жизнь государства. Партийный сайт способен обеспечить реализацию таких традиционных функций политических партий, как артикуляция, агрегация и мобилизация общественности.

Савойский А.Г.  
(МГИМО МИД России, Центр устойчивого развития  
Института экономических стратегий, Москва)

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ РОССИИ И США НА ФОНЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ДО И ПОСЛЕ ЖЕНЕВЫ-2021

**И**нтерес мировой общественности прикован к России и США как индикатору международной жизни. Теперь эти отношения переживают сильнейший политико-экономический кризис, сопровождаемый бесконечными санкциями и вспышками дипломатической войны. Инициатором ухудшения сотрудничества со второй половины 2012 г. стала американская сторона. Президенты Обама, Трамп и Байден не улучшили взаимодействие США с Россией.

После недавнего российско-американского саммита в Женеве наступила *пауза*. К середине декабря этого года президенты двух мировых держав договорились «сверить часы» по намеченной «дорожной карте»: запуск диалога по стратегической стабильности и контролю над вооружениями, начало консультаций по кибербезопасности и обмен заключенными, совместное решение дипломатических проблем и проч.

2021 год в международной жизни и российско-американских отношениях характеризуется негласным выходом США и стран коллективного Запада из Ялтинской и послевоенной Потсдамской систем. Пересматриваются история и итоги Второй мировой войны, решения Нюрнбергского трибунала над фашизмом, что подтверждает их толерантность в зарождении неонацизма. Однако Запад считает «ревизионистами» Россию и Китай. ООН давно перестала быть авторитетной организацией для США и части Европы. Возможен ее переход в иную международную структуру, поскольку уже не нации, а государства и цивилизации определяют ход мировой истории.

При глобальном экономическом кризисе гиперсистема международных отношений давно развалена. Беловежско-Маастрихтская подсистема претерпела изменения после модификации СНГ и Брексита. В воздухе витает создание Лиги демократий без «авторитарных» государств, как Россия и Китай. США активно создают свой миропорядок, основанный на двойных стандартах и правилах, далеких от международного права.

10 июня 2021 г. США и Англия подписали в Британии новую *Атлантическую хартию*, где НАТО рассматривается как *единственно легитимный центр принятия решений* в борьбе за мир, демократию и безопасность. Новая конфигурация западного порядка в многополярном мире — это «Б7» и НАТО без России, США—ЕС, ЕС и «Восточное партнерство» для послушных стран, при сохранении «Б20». С противоположной от «либеральной демократии» стороны находятся: Россия и СНГ, ОДКБ, БРИКС, ЕАЭС и ШОС с геополитической концепцией «*Большое Евразийское партнерство*» в рамках торгово-экономического проекта Китая «Один пояс — один путь».

*Политическая дипломатия* между РФ и США соответствует 4-му Большому политическому циклу с кризисом до 2061 г. *На период 2017–2039 гг.* приходится *расцвет ее кризиса*: подъем и спад по 11 лет. *Экономическая дипломатия* между РФ и США находится в начале 2-го Большого цикла ее становления и развития, но в фазе спада до 2023 г. Потом, до 2030 г. будет наблюдаться определенный подъем на фоне Большого экономического цикла на планете до 2060 г. Однако в двустороннем взаимодействии по-прежнему ожидаются *санкции США к России*, чье экономическое развитие находится на траектории роста до 2029 г.

Именно в наши дни *создается новая система международных отношений с иной системой обязательств и механизмами исполнения, вне зависимости от желаний политических лидеров ведущих миро-*

*вых держав. Этот процесс, вероятно, завершится подписанием мирного договора еще до 2024 г. Все, что установится в ближайшие годы (в плане дипломатических договоренностей, международных структур, границ, сфер влияния, мировых валют, ресурсов и рынков сбыта), будет действовать на планете еще более полувека.*

США торопятся. У них цейтнот (7–8 лет) и серьезные проблемы: слом политической системы, магия величия и преследования; миграционные, социальные и расовые неурядицы, кризис доллара и непомерные долги; сбой мировой экономики и сложности с объединением стран мира в коллективный Запад, особенно на восточном направлении.

У России вообще больше нет времени. Ей, как всегда, предстоит действовать на пределе собственных сил и возможностей: стать экономически самодостаточной и независимой державой; заключить новые дипломатические договоры со странами мира; создать комфортный миропорядок в Большой Евразии на основе международного права и экономической дипломатии; выйти из западной системы международных отношений и прекратить оплачивать взносы в международные организации, относящиеся к ней без уважения; создать у себя архитектуру международных отношений; регулярно проводить международные соревнования по интеллектуально-спортивным играм и традиционным видам спорта; вернуть величие русскому языку как международному; сделать рубль мировой электронной валютой; запустить свои социальные сети; предотвратить гибридную войну, победить коронавирус, не позволить США измотать себя очередным витком «гонки вооружений», успеть завершить экономический подъем.

**Саенко И.В.**  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## **ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ГОСУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**В** контексте возрастания роли цифровых технологий во всех сферах общества возрастает интерес к применению технологий в сфере государственного управления. Среди позитивных последствий цифровизации указывают упрощение контактов между госструктурами и населением. В частности, выделяются следующие критерии эффективности функционирования электронного правительства: публичность, участие и «онлайн-транзакции» (предоставление госуслуг через Интернет)<sup>1</sup>. В отчетах ООН основными качествами, характеризующими уровень развития электронного правительства, являются индексы онлайн, служб, инфраструктуры и человеческого капитала, при выделении рейтинга участия граждан в управлении посредством электронных технологий<sup>2</sup>. Анализируя положение России в данных рейтингах, стоит выделить несколько факторов.

- В совокупности РФ имеет высокий рейтинг, показывающий хорошее состояние развития системы электронного правительства.
- Наиболее уязвимым является сегмент телекоммуникационной инфраструктуры.
- Рейтинг электронного участия стабильно находится в самой высшей категории<sup>3</sup>.

Отдельно необходимо рассмотреть место России в индексе E-Participation, так как его показатель показывает уровень участия, обеспечиваемый электронными технологиями. Из анализа элементов данного показателя можно вывести то, что основное внимание уделяется качеству информирования граждан и системе обратной связи. Наиболее ярким, по мнению экспертов ООН, примером, выполняющим задачи по репрезентации мнения общества, является сайт Российской общественной инициативы. На примере этой платформы можно выявить сложности, препятствующие точной оценке трансформации системы госуправления. Если общемировая оценка подобных реформ направлена на эффективность исполнения государственных функций, в меньшей мере затрагивая основы взаимодействия власти и общества, то в российском обществе большую роль имеет запрос на увеличение влияния граждан на госструктуры, равно как и увеличение их прозрачности. Соответственно, оценки успеха РОИ отечественными исследователями отличаются от международных<sup>4</sup>. В этом контексте важной

<sup>1</sup> Ирхин Ю.В. Электронное правительство как форма коммуникации между органами власти и гражданами // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. № 1. С. 160–174.

<sup>2</sup> UN E-Government Survey methodology. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/about/methodology> (accessed: 11.05.2021).

<sup>3</sup> 2020 UN E-Government survey. URL: [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf) (accessed: 02.06.2021).

<sup>4</sup> Волошинская А.А. «Российская общественная инициатива»: парадоксы отечественной электронной демократии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-obschestvennaya-initsiativa-paradoksy-otchestvennoy-elektronnoy-demokratii/viewer> (дата обращения: 22.04.2021).

является проблема компетенций. Ключевым принципом модернизации считается переход на систему принятия решений, основанную на *Data Science*. Этот подход, повышающий эффективность системы управления, может уменьшить прозрачность структур власти, так как уровень знаний и навыков, необходимый для понимания указанных принципов, возрастет.

Рассматривая основные направления политики российских властей в области цифровой экономики, стоит выделить несколько моментов. Международные принципы организации электронного правительства также положены и в основу отечественной цифровой модернизации<sup>1</sup>. Реализация подобных планов в российских условиях будет иметь неоднозначный характер. Исходя из международных оценок, наиболее существенный эффект в цифровизации будет иметь модернизация инфраструктуры, а не совершенствование системы электронных служб, уже соответствующих требуемым стандартам. Но тенденции к стандарту технократического прослеживаются и при реализации нацпрограммы «Цифровая экономика»<sup>2</sup>.

В качестве итога стоит отметить, что сохранение привычного направления модернизации электронного правительства будет иметь ограниченный эффект в контексте укрепления связи между властью и обществом.

Сазантович А.Б.  
(КубГУ, Краснодар)

## ВИЗУАЛЬНЫЕ АССОЦИИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ, ПОСЕТИВШЕЙ ЕВРОПУ

Опираясь на идеи П. Штомпки о тотальном восприятии действительности через образные стереотипы и замещении реальности образом, который становится более реальным, чем представляемый им мир<sup>3</sup>, социологи обосновывают использование визуальных источников и методов в исследовании социальной реальности<sup>4</sup>. Визуальные ассоциации, возникающие у испытуемых в отношении тех или иных феноменов культуры, являются важнейшим источником социологической информации, поскольку визуальные образы остаются наиболее яркими формами существования впечатлений от опыта, полученного ранее.

Цель данной работы — сравнить визуальные ассоциации России и Европы, возникающие у испытуемых, которые прежде посещали европейские страны. Выводы, полученные в работе, основываются на эмпирических данных качественного исследования, проведенного среди студенческой молодежи. Опрашиваемым предлагалось изобразить первую ассоциацию, возникшую у них при упоминании России и Европы.

Анализ ответов испытуемых позволил объединить изученные рисунки в несколько категорий, исходя из содержания и глубины приводимых ассоциативных связей. К первой отнесены ответы информантов, в которых содержатся отдельные символы или группы символов, между которыми отсутствует прямая содержательная связь. В таких ответах не содержится попыток сопоставления или противопоставления Европы и России.

Вторая категория содержит целостные сюжеты. Возникшие у респондентов образы впоследствии были ими осмыслены, а сюжеты, связанные с Россией и Европой, скорее всего, сопоставлялись. Однако в процессе сравнения опрошенными не предпринимались попытки противопоставить объекты на основе положительных и отрицательных оценок. Антропогенно-субъективные картины Европы, детализированные в предметах быта, элементах стиля жизни, формируют контраст с российскими пейзажами, бескрайней природой и пасторалью.

Последняя категория содержит очевидные противопоставления отдельных сторон российской и европейской жизни сквозь призму оценочных суждений.

С точки зрения применяемых средств визуализации ответы испытуемых характеризуются активным использованием символических изображений, достопримечательностей, элементов природы и предметов быта, многие из которых также наделяются символическим смыслом. С одной стороны,

<sup>1</sup> Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Клочкова Е.Н., Талапина Э.В., Старцев Я.Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2019/01/TSifrovoye-budushchee-gosudarstvennogo-upravleniya-po-rezultatam.pdf> (дата обращения: 26.06.2021).

<sup>2</sup> Паспорт национальной программы «Цифровая экономика». URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 09.02.2021).

<sup>3</sup> Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования / Пер. с польск. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2007. С. 6–7.

<sup>4</sup> Инишев Ю.Н., Бедаш Ю.А. Визуальное, социальное, образное: зрительное восприятие как фактор современной культуры // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та. 2016. № 1 (7); Попова О.В. Фотография как объект политологического анализа // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2010. Сер. 6. Вып. 1.

это знаки, символический смысл которых формировался в течение длительного времени, в результате чего они носят универсальный хорошо узнаваемый характер, в большинстве своем легко воспринимаются вне какого-либо контекста. К ним можно отнести Эйфелеву башню, матрешек, Олимпийского медведя. С другой стороны, это изображения символического характера, не имеющие таких глубоких корней, но которые несут в себе безошибочно узнаваемые и соотносимые ассоциации российских или европейских особенностей, — дороги, бюрократия и т.п.

Неотъемлемым компонентом символических ассоциаций России и Европы выступают видные политические деятели и другие известные личности. Но уровень персонификации ассоциативного ряда как России, так и Европы невысокий. Контрастными представляются ассоциации, связанные с религиозной тематикой. С Европой таких ассоциаций практически нет, но в российских сюжетах храмы нередко становятся частью или главным планом сельских пейзажей.

В целом же проведенный анализ позволил структурировать совокупность ответов испытуемых исходя из их содержания на следующие категории. Самая многочисленная категория — это изображения отдельных или единичных ассоциаций России и Европы, первые образы, возникшие при упоминании ассоциируемых объектов. Следующая группа — это целостные сложные картины, отражающие, как правило, уклад жизни в России и Европе или отдельные его стороны, без выраженных попыток противопоставления. Третья категория — это рисунки, основанные на противопоставлении тех или иных сторон жизни ассоциируемых объектов. Самая малочисленная категория рисунков была выделена на основе контрастного противопоставления сторон жизни в самой России.

Сакаев В.Т.  
(НИУ ВШЭ, Москва)

## **СОЦИАЛЬНАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ<sup>1</sup>**

Современный мир до относительно недавнего времени характеризовался интенсивными потоками товаров, услуг, финансов, технологий и идей, а также растущим передвижением людей внутри, между и «поверх» границ территориальных образований (государств, регионов, городов). Однако уже в 2020 и 2021 гг. пандемия, вызванная распространением коронавирусной инфекции COVID-19, привела к фактическому закрытию международных границ и серьезному ужесточению пограничного контроля и, тем самым, обернулась серьезными ограничениями мобильности между государствами. Кроме того, пандемия привела к значительному сокращению мобильности внутри стран и даже отдельных регионов.

В данном контексте вопросы социальной идентичности и пространственной принадлежности, так же как и национально-государственная идентичность, снова становятся актуальными и значимыми в повестке дня. Эти идентичности в настоящее время стали приобретать все более и более серьезный вес в структуре множественных идентичностей индивида.

Как известно, в социальных науках некоторые исследователи тесно связывали процессы глобализации и интенсификацию мобильности, считая, что они, тем самым, способствуют ослаблению связи между территориями и людьми. Другие же ученые, наоборот, указывали на то, что скорее следует говорить об усложнении отношений между людьми, местами (*places*) и сообществами, выделяли такие характеристики идентичности, как множественность и многомерность. Тем не менее представители обоих подходов сходятся в том, что последствия распространения пандемии и политико-административные меры, направленные на сдерживание ее развития, существенным образом отразились на внутренних и внешних миграциях, и в то же время также способствовали переосмыслению физических и символических границ, окружающих каждого человека (дихотомии «внутри/снаружи», «мы/они»). Все эти вопросы, несомненно, требуют проведения внимательного и детального анализа, в том числе с опорой на новые эмпирические данные.

Таким образом, целью представленного исследования являлось изучение того, как передвижения людей внутри и за пределами государств отражаются на характеристиках их социальных и пространственных идентичностей, в том числе в контексте политических трансформаций нашего общества и глобальных вызовов, прежде всего связанных с пандемией коронавируса. Исследование было также призвано продемонстрировать место социальной и пространственной идентичности в структуре (иерархии) множественных идентичностей современного человека.

Для анализа особенностей социальных и пространственных идентичностей в контексте внутренней и международной мобильности, а также для определения факторов, обуславливающих их динами-

<sup>1</sup> Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

ку, была разработана программа исследования, опирающаяся, прежде всего, на качественные методы изучения идентичности. В частности, было проведено 80 интервью со специально отобранными респондентами. Причем 40 глубинных полуструктурированных интервью были проведены с респондентами, имеющими опыт внутренней мобильности, а 40 глубинных полуструктурированных интервью — с респондентами, имеющими опыт международной мобильности.

Результаты исследования позволили выявить и зафиксировать ряд ключевых факторов и предположить некоторые закономерности формирования социальных и пространственных идентичностей в контексте мобильности (передвижений) людей в современных условиях. Кроме того, в исследовании была предпринята попытка определить то, как индивиды, находящиеся в состоянии мобильности, воспринимают физические и символические границы разных территориальных образований и различных социальных групп в контексте политических трансформаций и глобальных вызовов современности, вызванных в том числе пандемией COVID-19.

Результаты исследования могут быть полезны для ученых, специализирующихся на исследовании в том числе вопросов политической идентичности и ее взаимосвязи с иными видами идентичности.

**Салаватова А.В.**  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПОСТЬЮГОСЛАВСКОГО ПРОСТРАНСТВА С ПОЗИЦИИ КРИТИКИ БАЛКАНИЗМА**

**Б**алканизм как вариация ориенталистского неокOLONиального дискурса был концептуализирован в 1990-е годы на фоне событий распада социалистической Югославии сначала в работах М. Тодоровой и М. Бакич-Хейден<sup>1</sup>, а затем стал центральным элементом академического направления, известного как соответственно критика балканизма.

Хотя степень «инаковости» балканских стран, т.е. их включенность непосредственно в ориенталистскую оптику по отношению к Европе, оспаривается, дискурс балканизма строится на тех же принципах: конструирование определенного образа балканского «другого», отражающее западный взгляд на регион и представляющее собой форму неокOLONиального доминирования. Иными словами, современное восприятие т.н. «Западных Балкан» как проблемного, конфликтного, неразвитого региона, где зачастую требуется внешнее управление, воспроизводит иерархию властных отношений между балканским «Востоком» и Западом.

Важно отметить, что само по себе распространение концепта «Западные Балканы» является одним из проявлений балканистского дискурса. Введенный на саммите ЕС в Салониках в 2003 г., термин обозначает группу стран, которые пока что не завершили процесс евроинтеграции (изначально — страны бывшей Югославии вместе с Албанией, но без Словении). Он носит условный характер, так как, во-первых, включает в себе механизм символического саморазрушения (Хорватия, вступив в ЕС, перестала принадлежать к «Западным Балканам»); во-вторых, не включен в сопоставимый политико-географический контекст (Восточные Балканы как символическая категория отсутствуют, но имплицитно подразумевается, что это Болгария, Румыния и Греция, ранее успешно завершившие процесс евроинтеграции). Балканистский дискурс распространен как в Европе/на Западе, так и среди региональных элит, а также касается не только по-прежнему входящих в группу «Западных Балкан» стран, но и Хорватии и Словении, строящих свою идентичность с опорой на воспроизводство балканизма и символическое противопоставление ему.

С точки зрения критики балканизма можно выделить следующие конструкты, формирующие современный образ региона, которые в перспективе должны быть подвергнуты демифологизации.

1. Дискурс безопасности. Балканы часто ассоциируются с криминалом: наркотрафик, торговля органами, неконтролируемая миграция, терроризм и т.д. В последнее время даже сложилось восприятие региона как европейской Латинской Америки, имеющее несколько смысловых особенностей — как зона распространения криминала и одновременно как сфера исключительных интересов ЕС.

2. Дискурс экспертизы и помощи. Считается, что в условиях транзита национальные элиты нуждаются в постоянном внешнем руководстве и экспертном сопровождении в вопросах государственного строительства. Финансовая и экспертная помощь выступает в роли механизма установления экономического и политического контроля над регионом.

3. Дискурс внешнего управления. Подразумевает обоснование необходимости сохранения постоянного военного присутствия и политического контроля в некоторых регионах постъюгославского пространства, где иное развитие событий могло бы привести к возобновлению конфликта — Косово,

<sup>1</sup> *Todorova M. Imagining the Balkans. N.Y.: Oxford University Press, 1997. — 273 p.; Bakic-Hayden M. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia // Slavic Review. 1995. Vol. 54. No. 4. P. 917–931.*

Босния и Герцеговина. Так, например, сохранение поста Высокого представителя ЕС в Боснии и Герцеговине выглядит излишним и анахроничным, но сторонники этого института апеллируют к природной вражде и патологической неспособности народов договориться друг с другом.

По мере более активного включения стран бывшей Югославии и Албании в процесс евроинтеграции отмечается тенденция к усилению неокOLONиального дискурса, что связано с односторонним и иерархичным характером переговоров о вступлении в ЕС, представляющих собой перечень требований, которые необходимо выполнить даже в том случае, если они противоречат базовым характеристикам национальной идентичности. Особая проблема связана с необходимостью отказа от социалистического прошлого как источника легитимности: это уже приводит к росту ревизионизма, пересмотру итогов Второй мировой войны, масштабной политике реабилитации коллаборационистских сил, так как антифашистская традиция была тесно связана с социалистической.

**Самарин Я.В.**  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## **ПРАЙМЕРИЗ 2020 И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США**

**П**осле выборов 2016 г. Демократическая партия столкнулась с кризисом лидерства. К 2019 г. о желании участвовать в праймериз объявило более 20 кандидатов. Однако многие рассматривали предварительные выборы как пробу сил перед избирательной кампанией 2024 г. К началу праймериз осталось семь кандидатов, фаворитами были Дж. Байден и сенатор Б. Сандерс.

Байден является одним из самых опытных политиков-демократов, но при этом он не вписывался в тренды, охватившие партию.

Партии в США представляют из себя слабоцентрализованные коалиции. К 2010-м годам в них усилились радикальные группы, которые ориентировались на лидеров-популистов, не стремящихся подстраиваться под умеренного избирателя. Если у республиканцев таким стал Трамп, то у демократов — Сандерс, а также ряд более радикальных политиков. И если после выборов 2016 г. почти вся Республиканская партия перешла на платформу трампизма, то к 2020 г. большинство кандидатов-демократов декларировали приверженность левому прогрессизму. Как следствие ожидалось, что Сандерс будет объединять вокруг себя электорат левых за счет выбывающих кандидатов, в то время как Байден, если не сможет одержать решающую победу на ранних стадиях, не сможет увеличить свою поддержку.

Статистик Н. Сильвер выделил пять ключевых групп в Демократической партии: черные, этнические меньшинства из Латинской Америки и Азии, миллениалы, партийные лоялисты и левое крыло партии. Байден пользовался поддержкой черных и лоялистов, у Сандерса было преимущество у левых и молодежи, в том числе предполагалось, что он сможет привести новых избирателей, ранее игнорировавших выборы. Исходя из этого и строились стратегии двух кандидатов.

Первые праймериз в виде кокуса прошли 3 февраля в Айове, которая по демографическим показателям была не-байденовским штатом. Перед его командой стояло две задачи: не допустить разгромного поражения и не дать однозначно победить конкурентам. Сложная система подсчета голосов и сбой в компьютерном приложении привели к тому, что объявление победителя затянулось до 27 февраля. Сандерс разделил победу с харизматичным Буттиджичем, а отсрочка результатов сгладила провал Байдена.

Прошедшие 11 февраля праймериз в Нью-Гэмпшире увеличили неопределенность. Байден проиграл, но успех Сандерса не был сокрушающим, а в сумме умеренные кандидаты одержали победу над левыми. На кокусах в Неваде Байден занял второе место. Сандерс победил, получив меньше, чем в 2016 г.

Таким образом, спустя три тура Байден нигде не смог занять первое место, Сандерс показывал результат хуже, чем ожидалось, чтобы стать однозначным кандидатом от левого крыла, а остальные претенденты получали достаточно голосов, чтобы сохранять участие в кампании. Все это повышало вероятность раскола партии в случае открытого съезда или победы Сандерса без решающего преимущества. Однако Байдену удалось совершить уникальный come-back для американской политической практики.

Он смог заручиться поддержкой афроамериканского комьюнити Южной Каролины и добился там победы, почти в 2,5 раза обойдя Сандерса. В следующие два дня о поддержке Байдена объявляют кандидаты-центристы, таким образом, он становится практически единственным кандидатом от умеренных. А у Сандерса оставался сильный конкурент в лице Э. Уоррен.

В результате Супервторника 3 марта Байден смог продемонстрировать универсальность своей кандидатуры, победив либо показав хорошие результаты в разных регионах страны. Если вычесть фактор досрочного голосования, то у Байдена оказалось явное преимущество. Это стало залогом по-



беды в «малый Супервторник» 10 марта, после чего у Сандерса фактически не осталось пути к большинству делегатов на съезде. Праймериз еще продолжались, но стали формальностью, особенно на фоне пандемии.

Какие выводы следуют из праймериз-2020? 1. Раскол между прогрессистами и умеренными оказался сглажен, но не исчез. Демократы показали большую системность, чем республиканцы в 2016 г., но в случае проигрыша выборов в Конгресс возможна радикализация левого крыла. 2. Успех Байдена основывался на кризисе лидерства. Можно отметить слабую глубину его поддержки, он сохранял лидерство лишь в отсутствие альтернативы ему и Сандерсу. Важнейшим условием для сохранения демократами своих позиций является появление новых фигур национального масштаба уже в течение следующего года. 3. Стоит предположить, что система и календарь праймериз очевидно претерпят изменения, поскольку Айова и Нью-Гэмпшир перестали быть срезом страны. Праймериз в очередной раз выявили дефекты избирательной системы США, так что в ближайшие годы ожидается ее реформирование.

Самаркина И.В.  
(КубГУ, Краснодар)

## **СУБЪЕКТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОБЛЕМ И ПРОТИВОРЕЧИЙ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ**

В последнее десятилетие практики работы с молодежью в России демонстрируют не вполне удачный опыт проектирования и использования технологий в сфере молодежной политики. Очевидно, этим обусловлен рост в последние годы деструктивных, протестных практик в молодежной среде на фоне нарастания социально-политической напряженности в стране в контексте нового электорального цикла и пандемии. Попытки федеральных, региональных, местных органов власти совместно с другими субъектами молодежной политики (политическими партиями, общественными организациями и движениями, фондами и агентствами развития) переформатировать деструктивный потенциал молодежи в конструктивные практики, которые раскрывают ее ресурсный потенциал как субъекта инновационного развития РФ, пока не принесли существенных результатов.

Налицо социальное противоречие между объемами ресурсов, вкладываемых государством, и эффективностью институциональных практик и технологий, имеющих в реальном поле государственной молодежной политики, которое определяется отсутствием конгруэнтности ожиданий и представлений молодежи и институциональных моделей и практик, реализуемых ее субъектами. Очевидно, что современные институциональные практики в сфере государственной молодежной политики не учитывают скорости, масштабов и содержания изменений социального профиля молодежи (ценностно-мотивационных и поведенческих аспектов), ее потребностей и ожиданий в отношении власти.

Традиционные подходы к исследованию обозначенной социальной проблемы, к исследованиям молодежи и молодежной политики не позволяют комплексно подойти к решению проблемы. Многомерность объекта исследования и исследовательская задача изучения противоречивых механизмов взаимодействия институциональных и неинституциональных компонентов молодежной политики обуславливают необходимость выработки методологии, учитывающей динамическую сложность изучаемого объекта, а также необходимость многоальтернативного выбора методологических практик и исследовательских техник. Такая методология, отраженная в концепте субъективного пространства молодежной политики, лежит в поле политико-психологических исследований. В современной политической науке существует потребность выявить и охарактеризовать содержательные компоненты субъективного пространства молодежной политики в представлениях разных субъектов и оценить их соответствие институциональным практикам реализации молодежной политики.

Методологической основой исследования субъективного пространства молодежной политики является полипарадигмальный подход, интегрирующий возможности феноменологии, социокультурного и деятельностного подходов, гуманистической концепции молодежной политики, неинституционального и конфликтологического подходов, а также концепции «метауправления».

Субъективное пространство молодежной политики включает когнитивные, аффективные, символические и оценочные конструкты, а также репрезентует совокупность субъектов политики и их практик в индивидуальном и коллективном сознании молодежи и других социальных субъектов, участвующих в выработке и реализации молодежной политики. Комплексное изучение субъективного пространства молодежной политики в современном обществе требует выработки концептуальных схем, операциональных моделей и аналитического инструментария, дающих возможность исследовать

его как сложный и многомерный объект в контексте противоречивого взаимодействия с миром реальной молодежной политики.

Концепт субъективного пространства молодежной политики эмпирически верифицирован на кейсе Краснодарского края. Краснодарский край как исследовательский кейс интересен тем, что данный субъект РФ отличается своими геополитическими характеристиками, имеет высокие показатели социально-экономического развития, молодежь составляет практически одну треть от общей численности населения (27%) и является дифференцированной по целому комплексу критериев (территориально-поселенческим, социально-экономическим, социокультурным и другим параметрам). Эмпирическую базу для верификации концепта составили материалы фокус-групповых интервью с представителями различных групп молодежи, экспертных сессий с представителями институциональных структур, участвующих в выработке и реализации молодежной политики Краснодарского края, результаты онлайн-анкетирования молодежи региона, а также дескриптивный анализ статистических, социологических и цифровых данных и результаты анализа цифровой среды молодежной политики Краснодарского края.

Исследование позволило интегрировать в целостную когнитивную конструкцию разнородные компоненты государственной молодежной политики: социальные профили современной российской молодежи, институциональные приоритеты, направления, практики и технологии, а также структурные элементы субъективного пространства молодежной политики и выработать практические рекомендации по оптимизации модели региональной молодежной политики в Краснодарском крае.

Самсонова Т.Н.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЯН: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ**

Процесс подготовки молодого поколения к будущей общественно-политической жизни неизменно находится в центре внимания общества. В возрасте от 15 до 25 лет идет не только апробация полученных ранее знаний о политике, но и выработка собственных политических взглядов, установок, моделей поведения.

В настоящее время, учитывая изменения моделей политической социализации, остро стоит задача выработки навыков эффективного использования виртуальной социальной среды, Интернета, поскольку именно там в значительной степени осуществляется процесс социализации. Для «цифрового» (сетевое) поколения электронные медиа — «естественный социальный ландшафт». В сети максимально упрощена передача сообщений, велик объем передаваемой информации, есть возможность устанавливать обратную связь, вести диалог (социальные сети, форумы и др.), что позволяет поддерживать интерес молодого поколения к политической информации.

Интернет служит средством вовлечения молодежи в общественно-политическую жизнь. В виртуальном социальном пространстве формируется новая институциональная среда политического участия, содействуя развитию институтов прямой демократии. Интернет — эффективный инструмент организации разных видов социальной и политической активности, проведения вебинаров, презентаций, проведения уроков/семинаров в режиме реального времени, что особенно важно в условиях пандемии.

Виртуализация политических процессов создает эффект дополненной реальности, когда к реальным событиям «присоединяются» различные интерпретации пользователей сети. Доверие пользователей к электронным источникам информации создает их манипуляционный потенциал. Поэтому «сетевая» молодежь является не только самым активным субъектом интернет-пространства, но объектом влияния. Поскольку интернет-реальность все больше выступает как доминирующий источник знаний о политике, о российской истории, важна поддержка на государственном уровне традиционных для нации ценностей, противодействие формированию информационного поля, несущего «заряд его интеллектуального разрушения и маргинализации»<sup>1</sup>. Поэтому нужны эффективные механизмы «продвижения» российской идентичности в сети, так как «формируемые виртуальные социально-политические идентичности становятся своего рода социокультурными и символическими «конкурентами» национально-гражданской идентичности молодежи»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Шаповалова И.С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социс. 2015. № 4. С. 148.

<sup>2</sup> Самсонова Т.Н. Государственная молодежная политика как механизм социальной интеграции и политической социализации современной российской молодежи // Молодежная политика в России и мире: исторический опыт и современные тенденции: Ежегодник. XXII Всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2018. С. 65.

Переизбыток информации в Сети может негативно влиять на аналитические способности индивида. Политическая реальность зачастую воспринимается молодежью фрагментарно, в итоге развивается «клиповое мышление». Современные технологии «стирают» грани индивидуальности, навязывая стереотипность в мышлении и действиях. Политическая активность молодежи зачастую проявляется через высказывания в Интернете, в результате у многих молодых людей нет ни желания, ни необходимых навыков к непосредственному политическому участию.

Широкое использование Интернета в системе образования «высвечивает» еще одну проблему. Так называемый компетентностный подход несомненно важен для дальнейшем жизни, профессиональной деятельности. Однако нельзя забывать о воспитании человека, обладающего комплексом гуманистических ценностей и ориентиров. Между тем воспитательные возможности гуманитарных учебных дисциплин используются далеко не всегда эффективно. (Вспоминаются слова Д.И. Менделеева: «Знание без воспитания — это меч в руках сумасшедшего».)

Необходимы хорошо продуманные образовательные, ориентирующие, информационные программы, блоги и игры (для подростков), дающие возможность «говорить» с молодым поколением на его языке и успешно решать задачи его политической социализации, образования и воспитания. С 2018 г. в России реализуется проект «Цифровая школа» (планируется завершить его к 2025 г.). Другой пример: создание новой обучающей системы — «Московской электронной школы» (МЭШ).

В наши дни каждый индивид, независимо от своей воли и сознания, является субъектом виртуальной социальной среды, а большинство социальных взаимодействий происходит посредством информационно-коммуникационных технологий. Поэтому требуется органичное сочетание применения цифровых технологий с традиционными духовными ценностями и общественными идеалами. Цель — формирование ответственных и активных молодых граждан, которые способны самостоятельно мыслить, принимать решения, не поддаваться манипулированию и провокации.

Сарайкина Я.И.  
(РУДН, Москва)

## СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ МИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Начиная с 1980-х годов потоки иммигрантов в европейские страны становятся одним из важнейших сюжетов политических дебатов, что запускает процесс секьюритизации миграции. Иммигранты все чаще представляются фактором дестабилизации общества, который необходимо взять под более строгий контроль, причем такой контроль должен распространяться не только на государственные границы, но и на жизнь иммигрантов и степень их интеграции в принимающее общество.

Теория секьюритизации ориентируется на исследование безопасности, которое фокусируется не на объективных, а на субъективных аспектах; «безопасность» формируется через механизм дискурса. Агенты секьюритизации, в зависимости от собственных интересов и преследуемых выгод, переносят то или иное неудобное им явление в область безопасности и секьюритизируют его, часто искажая реальность. Обычно дискурс безопасности касается чего-то «нашего», особо значимого для общества референтного объекта, которому угрожают «другие»<sup>1</sup>.

Современная миграционная ситуация в Европе разворачивается в контексте неудачи мультикультурализма и повсеместных идей о тотальной несовместимости цивилизаций Востока и Запада как в мире в целом, так и в рамках одного государства в частности.

Во Франции дебаты о размытии национальной идентичности начались в конце XX в. в связи с третьей волной иммигрантов преимущественно из стран Магриба и франкофонной Африки (и с нарастающим страхом «африканизации», «арабизации», исламизации страны). Идеи мультикультурализма, доминировавшие на европейском уровне, нарушили принципы ассимиляции иммигрантов (принцип «плавильного котла»), действовавшие ранее во французской модели интеграции<sup>2</sup>, и привели к фрагментации общества: так, общество разделилось на «коренных» французов и французов иностранного происхождения, не всегда готовых оставить свою культуру и традиции и принять образ жизни светского либерального общества.

Россия кажется такой страной, где благодаря мультикультурности и многонациональности общества на государственном уровне гражданам с самого детства прививаются толерантность и уважение к другим культурам.

<sup>1</sup> Professor Buzan discusses the concept of security in a series of five videos from Foreign Affairs and International Trade Canada // YouTube [Видео]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dqdzRjSlz34> (accessed: 28.06.2021).

<sup>2</sup> Марусенко М. Шарли или не Шарли: Проблемы французской идентичности и иммигрантский конфликт во Франции // Древняя и новая Романия. 2014. № 15. С. 371–388.

Национализм в России стал реакцией на возникший в связи с распадом Советского Союза идеологический вакуум. В 1990-х годах многие националистические движения (как, например, ДПНИ — Движение против нелегальной иммиграции) пользовались популярностью и не считались радикальными и экстремистскими. Эти движения пытались обозначить характеристики «русскости» после утраты советской идентичности. Так, «другими» для них становились выходцы с Кавказа и Средней Азии, часто мусульмане, несмотря на то, что общепринятое отношение государства к исламу оставалось довольно позитивным.

Многие российские националистические движения в настоящее время запрещены в стране в связи с обвинениями в экстремизме, разжигании ненависти, расизме. Тем не менее те движения, которые поддерживают генеральную линию российского правительства, продолжают свою деятельность (например, Евразийский союз молодежи). Это можно объяснить стремлением российского правительства противопоставить инклюзивную русскую/российскую евразийскую нацию Западу (после кризиса 2014 г. на правительственном уровне было принято евразийское направление внешней политики страны).

Российская и французская национальные идентичности обладают схожей чертой — неопределенностью. В России после утраты советской идентичности националисты обращались к вопросам национальности, народности и даже расы, чтобы найти общие корни с одними и вместе с ними противостоять тем, кто, по их мнению, не вписывался в представление о «русском человеке». Во Франции сегодня вопросы национальной идентичности поднимают крайне правые партии, которые достаточно легко манипулируют отсутствием официальной статистики и сведений о религиозном и этническом составе населения страны.

*Саркисян О.Л.  
(РАУ, Ереван, Армения)*

## **ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АРМЕНИИ В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ<sup>1</sup>**

Распад СССР стимулировал интенсивный процесс государственного и национального строительства в государствах постсоветского пространства. Это, в свою очередь, в той или иной степени повлияло на трансформацию идентичности, в том числе гражданской, обществ этих государств. Политические процессы в различных государствах постсоветского пространства имели как определенную общую логику, так и свою специфику, обусловленную разнообразными факторами, что наложило свой отпечаток и на процессы трансформации идентичности. В большинстве случаев процесс формирования собственной государственности сопровождался расцветом этнонационализма. Одновременно декларировались лозунги демократизации и необходимости развития гражданского общества. Тем самым, возникала проблема совмещения этнонациональной и гражданской идентичности. Данная дилемма, на наш взгляд, была и остается актуальной в армянской действительности.

Начавшееся в 1988 г. всенародное движение за воссоединение Нагорного Карабаха с Арменией вскоре выступило с призывами демократизации общественной жизни, а затем трансформировалось в движение за независимость. Таким образом, изначально была попытка синтеза достижения этнонациональных целей и развития гражданского общества. Необходимо признать, что в дальнейшем повестка развития институтов гражданского общества и гражданского сознания постепенно отошла на второй план, свидетельством чего является факт отсутствия каких-либо государственных программ в этом направлении. Основными факторами, определившими данное положение дел, на наш взгляд, являлись:

- долгие века отсутствия собственной государственности, включенность в различные имперские проекты;
- эссенциализм в понимании армянской нации, в том числе частично мифологизированное понимание единства армянства, включая многомиллионную диаспору;
- преобладание в общественном сознании культурно-конфессиональной модели армянства;
- моноэтнический состав населения;
- трагичные страницы истории и геноцид, создавшие образ нации-жертвы;
- борьба за Карабах;
- дилемма обеспечения безопасности и эффективного развития, в том числе гражданского общества;
- отсутствие стратегических проектов развития армянской государственности и др.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы «Спонтанное развитие гражданской культуры». 20RF-182 и 20-511-05025 соответственно.

В любом случае является фактом, что проблематика развития политической и гражданской культуры ушла из поля зрения государства и развитие гражданского общества носило стихийный характер. Результатом подобной логики политического развития стал рост недоверия к политическим институтам со стороны общества и постепенное отчуждение от них: сначала от государства, а в дальнейшем — и от политических партий. В результате начиная с 2012 г. в Армении разворачиваются различные спонтанные массовые протестные движения, завершившиеся так называемой «бархатной революцией» 2018 г.

Еще до «бархатной революции» конституционной реформой 2015 г. был дан старт трансформации политической системы Республики Армения, предполагавший переход от смешанной формы республиканского правления к парламентской. На первый взгляд это было проявлением прогрессивного тренда демократизации политической системы. Но как показало дальнейшее развитие, ни переход к парламентской форме республиканского правления, ни смена властных элит в 2018 г. не стали основанием для эффективного развития. Низкий уровень развития политической культуры в целом и гражданского сознания в частности, с одной стороны, отсутствие развитой партийной системы — с другой, обнажили множество проблем и поставили вопрос вообще о целесообразности проведенных реформ.

Наличные проблемы стали еще более явными после 44-дневной второй карабахской войны. Поражение в войне вызвало новый всплеск этнонационализма. У всех на устах тезис о необходимости формирования национального государства, но понятого не как гражданско-государственный, а этнонациональный проект.

Если после «бархатной революции», казалось, произошла легитимизация публичной политики и массы «вернулись» в политику, то поражение в войне положило начало новому отчуждению гражданского общества и от политики (на выборах в Национальное собрание 20 июня 2021 г. приняло участие чуть более половины избирателей), и в некоторой степени даже от проекта армянской государственности.

Таким образом, проблема совмещения этнонациональной и гражданско-государственной идентичности продолжает оставаться актуальной для Армении, а интенсивное развитие гражданской культуры, на наш взгляд, является важнейшим условием эффективного развития армянской государственности.

Сафина А.Р.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА: СЛУЧАЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАК**

**О**громное количество сравнительных исследований проводятся в лоне институционального подхода, где основной акцент производится на изучении формальных норм. Однако во многих политических системах, в том числе с ярко выраженной постимперской институциональной памятью, неформальные институты, начиная от бюрократических норм и заканчивая клиентелизмом и патриониализмом, приводят к еще более весомым политическим результатам.

Неформальные институты, прежде всего, представляют собой нормы, не кодифицированные законодательно или иным нормативно-правовым путем<sup>1</sup>. Если формальные институты легитимизируются через государственные каналы власти, то неформальные институты являются механизмами самоидентификации и легитимизируются группами, которые непосредственно заинтересованы в функционировании данных институтов. Основной исследовательской проблемой является возможность интеграции неформальных практик в сравнительный институциональный анализ. В рассмотрении кейса Республики Ирак стоит отметить, что неформальные структуры могут определять эффективность работы формальных институтов. Для концептуализации конвергенции формальных и неформальных институтов на постимперском пространстве обратимся к типологии неформальных институтов, разработанной американскими профессорами Г. Хельмке и С. Левицки<sup>2</sup>. Выбранная типология основывается на двух принципах: конвергенции или дивергенции формальных и неформальных институтов и эффективность/неэффективность формальных институтов. Речь идет о том, ведут ли неформальные договоренности к тем же результатам, что и формальные институты, и есть ли сближение обеих систем. В случае если результаты функционирования неформальных институтов вступают в противоречие с формальными правилами, тогда мы фиксируем феномен дивергенции институтов. Повышение эффективности формальных институтов, так или иначе, ослабляет работу неформальных институтов, и наоборот. Однако чаще всего неформальные институты создаются тогда, когда формальные нормы воспринимаются как неэффективные и неустойчивые, либо по причине

<sup>1</sup> Lucan A. W., Levitsky S. Why Democracy Needs a Level Playing Field // Journal of Democracy. 2010. No. 21 (1). P. 57–68.

<sup>2</sup> Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: a research agenda // Perspectives on Politics. Cambridge: American Political Science Association. 2004. Vol. 2. No. 4. P. 725–740.

отсутствия доверия к новым формальным правилам. Неформальные институты, в том числе консоциативные практики, способствуют достижению положительных результатов на выходе. И хотя консоциализм в некоторой степени нарушает «дух закона», все же может привести к политической стабильности системы<sup>1</sup>. Принцип *Al-Muhasasa* в определенной степени позволил иракскому правительству лавировать между политической стабильностью и равным представительством всех этнорелигиозных групп. Консоциативные практики пронизывают всю политико-институциональную систему ИР. Так, в Республике Ирак кабинет министров представлен: 54% арабо-шиитами, 23% арабо-суннитами, 18% курдами и 4% остальными меньшинствами<sup>2</sup>. В связи с высокой вероятностью эскалации этнополитических конфликтов и насилия политические акторы ИР были вынуждены дополнить формальные институты власти консоциативными практиками. Наряду с низкой эффективностью формальных институтов принцип *Al-Muhasasa* является взаимодополняющим неформальным правилом, вместе с тем не противоречащим основным институтам власти. Таким образом, происходит процесс конвергенции формальных и неформальных политических институтов, где неформальные практики появляются тогда, когда формальные институты еще не смогли аккумулировать потенциал доверия и авторитета. Такого рода политическая ситуация чаще всего встречается во время затянувшихся демократических транзитов, что также справедливо в отношении кейса Республики Ирак. Неформальные и формальные институты находятся в прямой зависимости друг от друга, и изменения в распределении власти и ресурсов могут катализировать трансформацию этих институтов. Однако после проведения анализа формальных и неформальных институтов в Республике Ирак нельзя не отметить, что конвергенция институтов позволяет сдерживать этнополитические конфликты, при этом снижая транзакционные издержки и поступательно развиваясь в сторону укрепления институтов власти.

Сафонова О.Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург),  
Корейс Л.Д. (ГБОУ СОШ № 316, Санкт-Петербург)

### СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ГРАЖДАНСКИХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ<sup>3</sup>

В основе принятых в России в 2014 г. «Основ государственной молодежной политики на период до 2025 года» находится идея создания благоприятных условий для самореализации молодежи, воспитания гражданственности и патриотизма, развития молодежных инициатив, поддержки талантливой молодежи, формирования ценностей здорового образа жизни и института семьи. Основы были разработаны с учетом положений «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» для последующей реализации задач в сфере гражданского, патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи.

Молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющие гражданство Российской Федерации. Основными законодательно зафиксированными направлениями реализации молодежной политики в России являются (среди прочих важных) воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации.

Для демонстрации усиления социальной значимости воспитания, и в том числе гражданских качеств, в 2020 г. были внесены изменения в Федеральный закон «Об образовании в РФ», где под воспитанием понимается деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде. Требования к организации воспитания теперь будут распространяться на обучающихся по основным образовательным программам, основным общеобразовательным программам, образовательным программам среднего профессионального образования и образовательным программам высшего образования.

<sup>1</sup> Lijphart A. The politics of accommodation: Pluralism and democracy in the Netherlands. Berkeley: University of California Press, 1975. P. 207–230.

<sup>2</sup> Hamzeh al-Shadeedi, Erwin van Veen. Iraq's adolescent democracy: Where to go from here // CRU Report. 2020. Hague: Netherlands Institute of International Relations. P. 13–44.

<sup>3</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33045.

Гражданское воспитание как педагогическая проблема находило свое отражение в трудах педагогов на протяжении всего развития нашей страны<sup>1</sup>. Как можно видеть, проблема гражданственности молодежи является сегодня актуальной и широко обсуждаемой не только в научном сообществе, но и находит закрепление в федеральных нормативных актах. Насущная необходимость изменения и усиления парадигмы гражданского образования и воспитания гражданственности диктуется кризисными явлениями в сфере современного политического, правового, нравственного сознания, внешними и внутренними проблемами, существующими в политике, экономике, культуре.

В структуру содержания воспитания гражданственности входят знания, необходимые навыки и ценности, что приводит в итоге к активной гражданской позиции. Если говорить о первом компоненте, то, по мнению исследователей, на становление гражданских качеств и формирование гражданственности современной молодежи, несомненно, влияет процесс образования, в том числе изучение обществоведческих и государствоведческих дисциплин в процессе обучения. Указанные дисциплины участвуют в осознании молодежью своей гражданской идентичности — принадлежности к стране, обществу и государству, объединяющему их правовому, культурному и языковому пространству.

Система работы образовательных учреждений с молодежью, несомненно, должна включать в себя организацию воспитательной работы, что и было закреплено внесенными в закон об образовании поправками. Для подобного рода работы в вузах выделяются несколько причин. Во-первых, как правило, студенты достаточно молодые люди с не полностью сформированной жизненной позицией, системой ценностей и выработанным характером. Во-вторых, освоение профессиональных компетенций предполагает формирование определенной системы личностных качеств и профессиональных установок. В-третьих, выпускники вузов представляют собой, в определенном смысле, интеллектуальную основу государства и общества, от их личностных качеств зависят и направление развития общества, и государственные устои<sup>2</sup>.

В настоящее время происходит возрождение системы гражданского и патриотического воспитания и обучения, поэтому одной из важных задач для исследований представляется изучение гражданских качеств личности молодежи в современной России.

Сащенко Н.П.  
(ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва)

## ДЕТЕРМИНАНТЫ СИТУАЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

**А**нализ тенденций в изменении характера политической идентичности в современных обществах (не только российском) показывает, что нарастание неустойчивости политической идентичности характерно для различных политических культур. Отмечается рост влияния ситуационных факторов на самоопределение людей по отношению к политическим организациям. Объяснить это только злоупотреблением манипулятивными технологиями или ростом доли политически незрелых граждан среди избирателей крайне сложно. Гораздо более перспективным представляется исследование ситуационной политической идентичности как одного из значимых феноменов современной политической жизни, имеющего множественную детерминацию.

Системный подход к ситуационному анализу предлагает рассматривать ситуацию как состояние системы более высокого порядка. Такой системой по отношению к политическому пространству, в котором протекают процессы политической идентификации, безусловно, является социальное пространство. Известно, что и социальная структура современного российского общества является неустойчивой, на социальную идентификацию людей существенное влияние оказывают не столько формальная принадлежность к демографическим, профессиональным, этническим, религиозным и другим группам, сколько доминирующие тенденции в трансформации общества. В ряду таких тенденций важно отметить быстро нарастающее имущественное расслоение, цифровизацию всех сфер социальной жизни и как следствие виртуализацию социальных отношений и информационной среды, которые оказывают влияние на представления граждан о реальном мире и, в первую очередь, молодежи, социализация которой все больше смещается в виртуальное пространство. Пандемия же, вынужденная изоляция и масштабная, ускоренная цифровизация явились катализатором всех этих процессов, изменив режимы межличностных отношений, взаимодействия личности с семьей, ближним кругом общения, с государством, с глобальными субъектами. Появились условия и новые инструменты управления массовым сознанием через трансформацию социальных представлений.

<sup>1</sup> Болдырев И.И. К вопросу о гражданских качествах личности подростка // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2019. № 194. С. 224–229.

<sup>2</sup> Нефедов С.А. Воспитание гражданских качеств личности студентов в период обучения в вузе // Совет ректоров. 2011. № 7. С. 40–44.

Под таким социальным давлением политическое пространство становится крайне чувствительным к ситуационным факторам, а следовательно, механизмы субъективной интерпретации становятся главными механизмами формирования ситуационной политической идентичности.

Среди таких механизмов представляется важным отметить интерпретацию субъективного эмоционального опыта. Согласно атрибутивной теории эмоций С. Шехтера и Д. Сингера эмоциональные переживания зависят от умозаключений по поводу причин их возникновения<sup>1</sup>. Таким образом, даже приняв распространенную точку зрения на эмоциональный характер выбора при ситуационной политической идентификации, мы будем вынуждены рассматривать и когнитивные аспекты этого процесса.

Процессы виртуализации социальной жизни делают современное политико-идеологическое пространство результатом крайне динамичного и бессистемного движения идеологических элементов. Реальных условий для формирования строгих идеологических систем в современном мире практически не существует. Современное идеологическое пространство аморфно, эклектично и в высокой степени неопределенно. Ситуационные идеологические структуры возникают в результате внедрения «узловых точек» таких ключевых идей, которые способны задать идентичность смысловому полю. Так, для сторонников В. Путина борьба за выживание российского государства стало той доминантой, которая придает целостный смысл противоречивым действиям и позициям Президента. На пике популярности президента Б. Ельцина в начале 1990-х годов такой доминантой для его сторонников было немедленное достижение материального благополучия и личной свободы. Наличие ключевой идеи, которая способна зафиксировать все идеологическое поле, является необходимым условием формирования ситуационной политической идентичности. В то же время, когда все приносится в жертву целостности, возникает иллюзорное восприятие перспективы.

Возникновению «узловых точек» способствует тот факт, что в ходе избирательных кампаний существующие мотивационные доминанты актуализируются и получают выраженную эмоциональную окраску. «Свободно плавающие» эмоции переживаются как состояние внутреннего напряжения, требующее субъективной интерпретации. Таким образом, актуализированные мотивы и «свободно скользящие» понятия, встречаясь, образуют эмоционально заряженные идеи, структурирующие все идеологическое поле. В результате «ретроверсивного» эффекта субъект начинает воспринимать в том числе и себя «тем, кем он всегда уже был». Данная модель формирования в ходе избирательных кампаний ситуационной политической идентичности, построенная на концепции символической идентичности С. Жижика, является эффективным инструментом для психолого-политологического анализа и прогноза.

Свиридов А.В.  
(БГЭУ, Минск)

## ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

В основе глобализационных процессов, несомненно, лежат экономические факторы. Важно, однако, что это процесс нелинейный: действия его активных субъектов, преследующих собственные, иногда противоположные интересы, приводят к непредсказуемым результатам, существенно изменяя реальный мир и заставляя акторов приспосабливаться к новым условиям существования и новым правилам игры.

Ведущая роль в этом процессе принадлежит ТНК и ТНБ, государствам и региональным блокам государств, Международному валютному фонду, Всемирному банку и Всемирной торговой организации. ТНК и ТНБ, располагающие огромными финансовыми ресурсами, имеют возможность как «наказывать», так и «поощрять» правящие элиты отдельных стран, особенно тех, которые не входят в единые пространства и не располагают мощным экономическим и научно-техническим потенциалом.

В последние десятилетия основные переливы капиталов осуществляются между «тридцаткой» стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития — ОЭСР. На эти страны, где проживает 19% населения мира, приходится 96% всех прямых международных инвестиций.

Эти данные свидетельствуют о том, что глобализация не совсем «глобальна», поскольку многие страны мира вовлечены в нее лишь в ограниченной степени. Постановка вопроса об «эксплуатации» их ресурсов ТНК развитых стран не вполне корректна: в условиях перехода последних на энерго- и ресурсосберегающие технологии она становится для них невыгодной, особенно с учетом политической нестабильности в третьем мире, необходимости вложения слишком больших средств в создание инфраструктуры их развития.

Бесспорно, что глобализация капитала, его отрыв от национальной почвы вообще становится источником массы проблем. Затруднились возможности национально-государственного контро-

<sup>1</sup> Schachter S., Singer J. Cognitive, Social, and Physiological Determinants of Emotional State // Psychological Review. 1962. No. 69. P. 379–399.



ля над деятельностью корпораций, при этом далеко не все они проявляют «социальную ответственность». Широчайшее распространение получают спекулятивные операции с фиктивными акциями, игра на колебаниях валютных курсов, дестабилизирующая международные финансовые рынки, уклонение от уплаты налогов.

В экономике процесс глобализации наиболее глубоко продвинулся в финансовой сфере, что нашло выражение в формировании мирового финансового рынка. Предпосылкой этого явились три основных фактора. Это, во-первых, информационные технологии, связавшие основные финансовые центры и резко снизившие транзакционные издержки и время, необходимое для их совершения. Во-вторых, изменение условий деятельности финансовых институтов в связи с дерегулированием (ослаблением государственного контроля над банковской деятельностью). В-третьих, развитие нового инструментария финансового рынка — механизмов хеджирования и управления рисками.

В один из наиболее острых вопросов мировой экономики сегодня превращается проблема либерализации торговли и открытия рынков. Борьба идет вокруг устранения протекционистских барьеров и способов открытия национальных рынков для свободного доступа иностранных товаров, услуг и рабочей силы. Под лозунгами либерализации выступают представители ТНК и развитых стран, занимающих господствующие позиции в мировой экономике. При этом правила свободной или совершенной конкуренции пытаются искусственно наложить на реалии современного рынка, в котором господствуют олигопольные структуры. В их силовом поле конкурентные отношения приобретают искаженный характер диктата и дискриминации. В связи с этим многие авторитетные экономисты выступают против тотальной либерализации и в защиту национальных рынков.

Интернационализация производства позволяет ТНК захватывать рынки в обход таможенных барьеров. При этом значительная часть объема торговых операций, осуществляемых ТНК, происходит в рамках внутрифирменного оборота. Глобальные производственные стимулируют перенос производства в развивающиеся страны. Это ведет к ликвидации рабочих мест в развитых странах и оказывает негативное воздействие на общую ситуацию на рынке труда.

Острой остается проблема урегулирования долгов, связанная с рядом факторов. Во-первых, это дестабилизация национальных валютных систем в условиях глобального финансового рынка с его стихийным движением капитала. Обесценивание национальных валют ведет к увеличению зависимости от внешних кредиторов.

Во-вторых, возрастает несбалансированность государственных финансов. Механизм финансирования дефицитов государственных бюджетов становится международным, а система международного кредита позволяет распределить бремя их покрытия между инвесторами развитых стран. Это ведет к увеличению государственного долга как развитых, так, в особенности, развивающихся стран.

Глобализация, таким образом, резко увеличила степень открытости национальных экономических и общественных систем, интенсифицировав взаимный обмен информацией, людьми, капиталами, товарами и услугами, культурными и духовными ценностями. Вместе с тем глобализация означает необратимые качественные изменения в основных сферах общественной жизни, динамизируя происходящие в них процессы.

*Сейидли Салех Агил оглы  
(МГИМО МИД России, Москва)*

## **РОЛЬ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В БОРЬБЕ С ИГ В ИРАКЕ (2013–2017)**

**П**оявление ИГ в Ираке и территориальная экспансия данной террористической организации на западные провинции Ирака привели к целому ряду негативных последствий для страны: политический кризис, ухудшение экономического положения, гуманитарная катастрофа и уничтожение культурного наследия страны. Положение этнических меньшинств, которые правозащитные группы еще со времен Саддама Хусейна характеризовали как «плачевное»<sup>1</sup>, также сильно ухудшилось. Нарушение прав этнических меньшинств со стороны ИГ породило ответную реакцию среди представителей этих меньшинств, которое заключается в создании и начале деятельности целого ряда разных вооруженных групп, созданных на этнической основе. Несмотря на то что довольно много трудов написано про ИГ, ход военных действий против данной организации и вообще про этнические меньшинства в Ираке, тема деятельности этнических формирований в данном конфликте довольно мало изучена.

Вторым крупнейшим народом Ирака являются курды. Еще до начала активной фазы боевых действий с ИГИЛ в 2013 г. курды обладали автономией в Ираке, которая имела довольно широкие полномочия, включая собственные вооруженные формирования «Пешмерга». Пешмерга активно участвова-

<sup>1</sup> Iraq (2018) // Сайт правозащитной организации Minority Rights Group International (accessed: 02.07.2021).

ла в боевых действиях против ИГИЛ на севере страны в провинции Найнава (включая город Мосул), а также непосредственно на территории под юрисдикцией курдского регионального правительства. После успешного наступления ИГИЛ в ходе летней кампании 2014 г. именно действия Пешмерги позволили отстоять север страны, а также стратегически важный город Киркук. В ходе боевых действий против ИГ Пешмерге также удалось занять спорные территории, которые являются предметом спора между курдской автономией и федеральным правительством (которые, однако, были потеряны в результате конфликта с федеральным правительством в сентябре 2017 г.).

Признанная террористической в целом ряде стран мира Рабочая Партия Курдистана (РПК) также участвовала в боях против ИГ и смогла закрепиться в нескольких езидских районах Синджара. Езидами также были сформированы «Силы самообороны Эзидхана», которые хоть и боролись с ИГ, но часто вступали в конфликт с Пешмергой из-за нежелания передать подконтрольную им территорию под контроль ИГ<sup>1</sup>.

Третьим крупнейшим народом Ирака являются туркоманы, которые до начала конфликта с ИГ, несмотря на наличие культурной автономии, собственными вооруженными формированиями не обладали. В ходе конфликта многие районы, в которых компактно проживало туркоманское население, перешли под контроль ИГ, поэтому возникла необходимость в формировании туркоманских вооруженных ополчений. При военной, дипломатической и финансовой поддержке Турции на базе политической партии «Туркоманский Фронт Ирака» были созданы вооруженные формирования численностью 5 тыс. человек. Туркоманы шииты сформировали так называемую «16-ю бригаду» внутри альянса шиитских ополчений «Силы народной мобилизации». Туркоманские вооруженные формирования активно участвовали в боях в Киркуке, Мосуле, Анбаре и Тель-Афаре<sup>2</sup>.

В Ираке также действовали христианские вооруженные формирования. Сформированная ассирийцами «Бригада защиты Ниневии» действовала преимущественно в ассирийских поселениях Ниневии и участвовала в боевых действиях против ИГИЛ на севере провинции Ниневия.

В заключение стоит отметить, что основной вклад в победу над ИГ в Ираке был внесен непосредственно вооруженными силами Ирака, и деятельность этнических формирований была в основном ограничена районами их проживания.

Селезнева А.В.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ<sup>3</sup>**

**В** фокусе нашего внимания находится гражданское самосознание молодежи «как комплекс ценностных, когнитивных, рефлексивных, мотивационных и эмоциональных особенностей личности, определяющих ее устойчивую и осознанную самоидентификацию в качестве гражданина и выражающихся в ее взаимоотношении с государством и обществом»<sup>4</sup>. Основные проблемные характеристики гражданского самосознания современной российской молодежи связаны, главным образом, с ценностными противоречиями, бедностью и фрагментарностью представлений о стране и государстве<sup>5</sup>.

Формирование гражданского самосознания современной российской молодежи происходит под влиянием медиапространства, которое является для нее «естественной средой обитания». В нашем случае мы имеем в виду медиапространство в самом широком понимании, включая не только контент СМИ и ресурсов сети Интернет, но и представленные в нем продукты массовой культуры. Медиапространство, по сути, задает информационный контекст жизнедеятельности молодых людей, а существующие в нем каналы и формы коммуникации выступают институтами и факторами политической социализации. Предметом нашего изучения выступают структурно-содержательные характеристики

<sup>1</sup> Kurdish government: Shesho arrested by official order (2015) // Сайт новостного агентства Ezidi Press (accessed: 02.07.2021).

<sup>2</sup> Uğur Ergan (2015). «Turkish military starts training missions in Iraq, Syria» // Hürriyet Daily News (accessed: 02.07.2021).

<sup>3</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ РФ в рамках научного проекта № МД-1966.2020.6 «Национальное и гражданское самосознание современной российской молодежи в условиях социокультурных угроз: политико-психологический анализ» (соглашение № 075-15-2020-220).

<sup>4</sup> Селезнева А.В., Смутькина Н.В., Яковлева А.Ф. Образ России в структуре гражданского самосознания молодежи: визуальное измерение // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2 (28). С. 114–115.

<sup>5</sup> Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241.

потребления молодежью социально-политического медиаконтента и их влияние на состояние гражданского самосознания молодежи.

Эмпирическую базу исследования составили материалы 1600 формализованных и 200 глубинных интервью, проведенных в 2020 г. с молодежью в возрасте от 18 до 30 лет.

Обобщение результатов исследования позволяет выделить следующие особенности формирования гражданского самосознания молодежи в медиапространстве.

Во-первых, среди всех средств массовой информации безусловный приоритет принадлежит Интернету. Небольшая часть молодежи смотрит телевидение, потребляя преимущественно новостной и развлекательный контент, еще меньше молодых людей пользуются печатными СМИ, обращаясь скорее к их интернет-версиям, нежели «живым» отпечатанным изданиям. Причины такого положения дел связаны со спецификой социальных и политических установок молодого поколения: печатные СМИ воспринимаются как устаревший формат передачи информации, а телевидение — как инструмент пропаганды. Интернет же видится молодым людям единственным пространством свободы, где представлена правдивая информация и можно высказывать разные точки зрения.

Во-вторых, молодежь активно потребляет продукты массовой культуры, представленные в медиапространстве. Это в первую очередь кинофильмы (54,4%) и сериалы (20,3%), книги (35,6%), музыкальные композиции (26,3%). Молодые люди предпочитают зарубежные фильмы отечественным, отмечая низкое качество последних, читают мало и преимущественно в период школьного и вузовского обучения, зато музыку любят и с удовольствием слушают. Среди фильмов и сериалов российского производства, в которых отражены социально-политические проблемы, они называют работы Д. Быкова и А. Звягинцева, комедийные сериалы («Домашний арест», «Слуга народа», «Год культуры»), фильмы про спортивные победы (например, «Движение вверх») и др. Среди книг соответствующего характера были обозначены классические произведения XIX–XX вв. из школьной программы (например, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского) и романы-антиутопии О. Хаксли, Р. Брэдбери, Е. Замятина. Социально-политические проблемы, по мнению молодежи, в современной музыкальной культуре активно поднимают главным образом рэп-исполнители, такие как Хаски, *Noiz MC*, *Oxxxymiron*, *Face* и др.

В-третьих, потребление молодежью медиаконтента носит фрагментарный и поверхностный характер, что отражается на системе социальных и политических представлений молодежи. Клиповое восприятие и отсутствие необходимых навыков критического анализа информации, которые отмечают сами молодые люди, негативно отражаются на когнитивных компонентах их гражданского самосознания, а неустойчивость предпочтений и следование моде, например, в области массовой культуры влияют на эмоциональные, зачастую полярные и не подкрепленные реальной аргументацией, позиции молодежи по отношению к своей стране. Таким образом, мы можем заключить, что медиапространство, обладая значительными возможностями для конструктивного воздействия на молодежь и формирования ее гражданского самосознания, в настоящее время оказывает на этот процесс противоречивое и нередко деструктивное влияние.

Сельцер Д.Г.  
(ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов)

### **КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В СССР (1985–1991 гг.) КАК ФАКТОР РАСПАДА ГОСУДАРСТВА<sup>1</sup>**

**П**остановка проблемы. Вела ли кадровая политика М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина к распаду СССР? Итак, что собою представляла кадровая политика КПСС в 1985–1991 гг.? В СССР до поры было четкое представление, что кадровые процессы — основа стабильности политической системы. М.С. Горбачев допустил ослабление контрольной функции КПСС по выдвижению, подготовке, воспитанию, перестановке и контролю управленческих кадров. Он в несколько этапов инициировал процессы, стремительно ведущие к департизации СССР и деэтизации КПСС. После перехода в июне 1991 г. стратегической инициативы к Б.Н. Ельцину кадровые решения по РСФСР принимались уже под его определяющим воздействием и завершили дезинтеграцию СССР.

На наш взгляд, были пройдены четыре этапа кадровых действий, в итоге разрушивших номенклатурную систему как основу существования общего союзного государства.

1-й этап. «Чистка» элиты (1985–1987 гг.). Для М.С. Горбачева поиск надежной социально-политической опоры был существенной и жизненно важной задачей, априори не имевшей простых решений. Не доминируя ни в Политбюро, ни в ЦК, он не доверял ни высшей номенклатуре, ни региональным партийным руководителям. Их замена казалась ему неперемennым условием его собственного карьерного выживания. Номенклатуру ожидала масштабная «чистка». Динамика ротации руководящей но-

<sup>1</sup> Статья написана в рамках проекта, поддержанного РФФИ (грант № 20-011-00105).

менклатуры КПСС оказалась более чем внушительной. Финал этапа кадровой политики — сотрясение номенклатуры и номенклатурной системы.

2-й этап. Выборы в партии (1988–1990 гг.). 27–28 января 1987 г. прошел пленум ЦК КПСС по кадровым вопросам, ставящий задачу демократизации аппаратного управления и порядка рекрутизации номенклатуры. На XIX партконференции (28 июня — 1 июля 1988 г.) было принято решение об избрании секретарей партийных комитетов на альтернативной основе. Процесс организации внутрипартийных выборов — существенная корректировка номенклатурной модели элитного рекрутирования. Финал этапа кадровой политики — десакрализация фигуры партийного работника и подрыв номенклатурной системы.

3-й этап. Выборы в государстве (1989–1990 гг.). На XIX конференции КПСС была заявлена и в 1989–1990 гг. последовательно реализована реформа системы Советов. III съезд народных депутатов СССР 14–15 марта 1990 г. избирает М.С. Горбачева Президентом СССР. Постановление Президиума ВС РСФСР «О временном положении о председателях и президиумах местных Советов народных депутатов РСФСР» от 9 февраля 1990 г. и рекомендации Совета Министров РСФСР от 12 марта 1990 г. официально давали первым секретарям возможности реализовать политику горбачевского совмещения. Выборы советских органов 1990 г. были обязательными и конкурентными. Итоги выборов можно рассматривать как мощную перегруппировку номенклатуры. Очевидный перенос механизма принятия политических решений из партийных органов в Советы нарушал традиционный баланс сил, лишал номенклатуру ориентиров, дезорганизовывал номенклатурную систему. Финал этапа кадровой политики — нарушение служебно-номенклатурного характера формирования элиты, расширение набора центров силы, обострение борьбы за власть.

4-й этап. Указ о департизации и «партийный исход» (1991 г.). Выборы президента РСФСР 12 июня 1991 г. легитимировали власть Б.Н. Ельцина. 20 июля 1991 г. был обнародован его указ «О прекращении деятельности организационных структур, политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». Он вступал в силу через 14 дней после его опубликования — 5 августа 1991 г. Начался партийный исход — апофеоз департизации. Коллизии 1991 г. отличались от ее первого издания в 1990 г. коренным образом. Департизация 1990 г. означала перетекание властных функций из партийных органов в советские с перегруппировкой партийно-советской элиты. В 1991 г. департизация означала уход номенклатуры и являла собой финал процесса ликвидации партии-государства. Департизация 1990 г. была вызвана, по сути, началом политической реформы. Департизация 1991 г. явилась ее окончанием. «Партийный исход» означал одновременно и ликвидацию ключевого звена номенклатурной модели элитного рекрутирования — номенклатуры, и исчезновение самой номенклатурной организации власти. Финал этапа кадровой политики — завершение процесса разгосударствления: партия, лишенная власти и собственности, перестала быть государством, что предопределило и судьбу последнего.

*Семенов И.С.*

*(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)*

## **КОНЦЕПТ РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Сегодня в политической науке остро стоит вопрос о приведении ключевых аналитических категорий и концептов в соответствие со стремительно меняющимися реалиями нового политического времени. Такая потребность возникает и ввиду неоднозначного влияния цифровых технологий на сознание и поведение «человека политического», и из-за появления новых рисков и угроз общественному развитию, и под влиянием растущих вызовов социальной безопасности и свободам граждан, порождающих серьезные нравственные дилеммы для личности. Нынешняя пандемия актуализирует этическое измерение политической повестки дня, важность принятия оптимальных управленческих решений в условиях растущих угроз здоровью, благосостоянию, самой жизни людей. Первостепенное значение приобретает поэтому осмысление перспектив развития и выбор его приоритетов как основы формирования соответствующего задачам ответственного развития научного и политического дискурса.

В становлении такого дискурса ключевую роль играет не только взвешенная и обоснованная оценка состояния современных обществ, но и прогнозирование вероятных направлений динамики их институтов и идентичностей. Принципиально важно выявить те ресурсы и ограничения развития, которые определяют потенциал конфликтности и продвижения разных форм социального диалога. Феномен культурного многообразия, который стал неотъемлемой характеристикой современности и средостением политико-управленческой повестки дня в странах либеральной демократической традиции, отодвинул на второй план другие ключевые размежевания в социальной ткани обществ XXI в. Между тем их природу не так просто оценить, и тем более непросто спроецировать такие оценки в сферу разработ-

ки и принятия управленческих решений. Трудности учета динамических характеристик социальных и культурных разделений усугубляет необходимость принимать во внимание кумулятивные эффекты их взаимодействия и их неоднозначное влияние на партийно-политические ландшафты современных обществ (будь то в виде «нового» национализма, регионального сепаратизма, популизма, продвижения различных форм прямой демократии или же электорального абсентеизма вплоть до отторжения индивидом сферы политического).

В социальных науках наряду с качественным анализом активно осваиваются методы количественных замеров этнических, региональных и национальных идентичностей<sup>1</sup>. Полученные на основе соединения обоих подходов данные свидетельствуют о необходимости переосмысления природы размежеваний, которые определяют вектор политико-институциональных трансформаций современных обществ. Референтной точкой в изучении социальной динамики стали трактовки кливажей и политических противостояний, разработанные классиками политической науки<sup>2</sup>; в глубоко разделенных обществах более или менее эффективно функционируют разные модели политической институционализации таких разделений<sup>3</sup>. Тем более актуален сравнительный анализ размежеваний в современных западных и незападных обществах с учетом различий типов политической культуры и форм политико-институциональной организации и выявление на основе такого анализа национальных и локальных приоритетов *политики идентичности*.

Понятие «разделенное общество» является базовой категорией политического анализа. Этот зонтичный концепт описывает *совокупность проявляющихся в социуме социальных и культурных размежеваний* (кливажей, разделений, расколов), *которые могут иметь политическую проекцию как в институционально закрепленных* (например, в рамках консociативной демократии), *так и в неинституционализированных формах политических противостояний* (конфликтов, революций) *и социальных взаимодействий*. Соотнесение оптик и ракурсов анализа свидетельствует о необходимости расширительного толкования этого ключевого для исследования политических изменений понятия, имея в виду множество осевых линий размежеваний и многообразие способов их политизации и институционального оформления в обществах разной политической традиции. В этих условиях *политика идентичности может стать значимым нематериальным ресурсом общественной консолидации разделенных обществ или, напротив, их дальнейшей фрагментации*. Ее позитивный потенциал определяют возможности использования разделений для продвижения приоритетов социального развития и поддержания приемлемого уровня общественной консолидации в рамках вовлеченных в социальные взаимодействия сообществ.

Сенюшкин Е.А.  
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

## МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ СЕТЕВОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В связи с тем что современная теоретическая рефлексия нередко отстает от быстро меняющихся условий реальной политической практики, актуализируется вопрос об адекватности используемых методов в современной политической науке. Особое внимание обращает на себя академическая дискуссия, связанная с применением сетевого подхода, у которого как в России, так и за ее пределами есть активные сторонники и не менее активные критики.

В теоретическое пространство, оперирующее понятием «сеть», сегодня включается широкий дисциплинарный круг академических дискуссий от современных микробиологических исследований, которые оперируют понятием «информационные сети», до исследования публичной политики и бизнес-администрирования, посвященных изучению политических сетей<sup>4</sup>. Наряду с этим применение сетевого подхода связано с целым рядом проблем концептуального характера. Одной из таких проблем можно считать определение методологических пределов применения сетевого подхода.

В российской политической науке сетевой подход применяется авторами, работающими преимущественно в сфере исследований государственного управления, публичной политики и меж-

<sup>1</sup> *Bochsler D., Green E., Jenne E., Mylonas H., Wimmer A.* Exchange on the quantitative measurement of ethnic and national identity // *Nations and Nationalism*. 2021. Vol. 27. No.2. P. 22–40. URL: <https://doi.org/10.1111/nana.12688>.

<sup>2</sup> *Lipset S.M., Rokkan S.* Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction // *S.M. Lipset, S. Rokkan* (eds.) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives*. N.Y.: Free Press, 1967. P. 1–64.

<sup>3</sup> *Lijphart A.* Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven: Yale University Press, 1977; *Bogaards M.* Consociationalism and Centripetalism: Friends or Foes? // *Swiss Political Science Review*. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 519–537. URL: <https://doi.org/10.1111/spsr.12371>.

<sup>4</sup> *Borzel T.A.* Organizing Babylon — on the different conceptions of policy networks // *Public Administration*. 1998. Vol. 76. P. 253–273. P. 253.

дународных отношений. В числе исследователей, работающих в этом направлении, следует назвать Л.В. Сморгуну, Г.В. Косова, И.В. Мирошниченко, Т.А. Сенюшкину, Е.А. Сенюшкина, М.В. Стрежневу и др.

В целом обзор российских публикаций по этой теме показывает, что большинство авторов применяют англосаксонскую версию теории политических сетей, которая апеллирует к этому методу при изучении взаимодействия государства и групп интересов. Как известно, наиболее известными представителями этой школы являются Р. Родес и Д. Марш<sup>1</sup>.

Согласно Р. Родесу, политические сети формируются как особый тип горизонтального взаимодействия политических акторов, каждый из которых обладает определенным набором ресурсов. Для достижения своих собственных целей сетевые акторы обмениваются ресурсами, в результате чего обеспечивается достижение интересов всех участников сети, участвующих в обмене. Отметим, что такое понимание в целом характерно для англосаксонской школы исследования политических сетей.

Исследователи выделяют также немецкую школу. Всесторонний сравнительный анализ двух школ представлен в работах Т. Бёрцель<sup>2</sup>. Оценивая концептуальные различия двух направлений, автор приходит к выводу о том, что «различия между англосаксонской и немецкой школой политических сетей существуют, однако они не всегда явные»<sup>3</sup>.

Учитывая то, что сетевой подход — одно из самых молодых направлений в политической науке, ему, как и всякому новому знанию, свойственны проблемы роста. В связи с этим нам представляется важной критическая рефлексия, направленная на осмысление особенностей заимствования данного метода и применения его к исследованию российских политических реалий. Кроме этого, на наш взгляд, акцентуация основного исследовательского внимания на изучении политических сетей означает не что иное, как сужение диапазона эвристических возможностей сетевого подхода, который гораздо шире и концептуально разнообразнее.

Считаем целесообразным обратить внимание на концептуальные идеи, сформулированные представителями современного неомарксизма и неовеберизма. Неомарксизм в версии мир-системного анализа И. Валлерстайна и неовеберизм в версии М. Манна и Р. Коллинза могут быть рассмотрены как одни из наиболее эвристических подходов с точки зрения методологической рефлексии, связанной с применением сетевого подхода.

В отличие от концептуальных подходов англосаксонской и немецкой школ политических сетей М. Манн считает, что зависимость от ресурсов не исчерпывает все содержание власти. Основным смыслом власти заключается в принуждении. В этом утверждении М. Манн выступает последователем М. Вебера и развивает его идеи, утверждая, что принудительная власть является сетевым феноменом особого характера.

Таким образом, расширение методологического горизонта сетевого подхода дает возможность вывести политологические исследования за рамки формального анализа политических сетей. При этом реализуется основное методологическое преимущество сетевого подхода, которое заключается в том, что он позволяет выявить причины и ключевые факторы, формирующие условия для взаимодействия сетевых акторов в разных типах сетей: экономических, политических, геополитических и культурно-идеологических.

Сенюшкина Т.А.

(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

## ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ И МЕТАМОРФОЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВЗГЛЯД ИЗ КРЫМА

**В** современном обществе конструирование идентичности становится одним из мощных ресурсов политического влияния. Одновременно с этим в повестке дня политического противостояния основных мировых игроков ведущую роль начинают играть мемориальные войны, которые приводят к не менее разрушительным последствиям, чем открытое военное противостояние.

В этих условиях тема идентичности и памяти поколений приобретает особую значимость. Особенно это актуально для Крыма, где идентичность поколений наслаивается на другие формы идентичности — религиозную, этническую, геополитическую, региональную, гражданскую и др.

Понятие «поколение» имеет долгую историю, закодированную в аллегорической форме еще в текстах Библии, и даже в древних обществах люди обращались к этому феномену при организации социального порядка.

<sup>1</sup> Rhodes R., Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government. Oxford, 1992. P. 231.

<sup>2</sup> Borzel T.A. Op. cit. P. 253.

<sup>3</sup> Ibid. P. 254.

В начале XXI в. исследователи стали активно обсуждать новый феномен — разрыв между поколениями, который связан с тем, что в XXI в. разные поколения вступили с разным жизненным опытом и с разным культурно-символическим пространством коллективной памяти<sup>1</sup>.

Теоретическое обоснование проблемы массовых поколений впервые появилось в работах К. Манхейма. Его эссе по проблемам поколений написано под влиянием собственного опыта автора, принадлежащего к «потерянному» поколению (поколение, формирование жизненного опыта которого происходило после Первой мировой войны). Проанализировав все предшествующие философско-исторические попытки рассмотрения поколений в разных национальных традициях, он заложил основу для последующего изучения поколений как массовых социальных групп<sup>2</sup>.

Анализ проблемы поколений у К. Манхейма осуществлялся на основании творческого переосмысления идей его теоретических предшественников, в частности принадлежащих к французской и немецкой традициям в трактовке поколений.

Французская традиция сформировалась в контексте идейного влияния позитивизма. Согласно Конту, секреты истории почти раскрыты и рационально укладываются в математические расчеты длины поколений.

Романтико-историческая традиция, существовавшая в рамках немецкой школы, рассматривает поколенческую проблематику как способ доказательства существования субъективного времени как времени, переживаемого отдельным поколением, что и формирует качественную определенность данной исторической эпохи. Так, Дильтей считал, что исторический опыт поколения не может быть измерен, а может быть только пережит современниками и понят исследователем в терминах качественного своеобразия. Развивая эти идеи, Хайдеггер ввел в научный оборот феноменологическое понятие судьбы поколения как общего жизненного мира, готовности к определенным социальным возможностям, предопределенности индивидуальных судеб общими жизненными обстоятельствами.

Обобщая теоретические рассуждения на тему идентичности российских поколений, следует подчеркнуть, что поколенческий дискурс имеет реальный политический смысл и рефлексию на проблему трансформации конфликтных отношений «прошлой» и «сегодняшней» систем ценностей и их влияния на идентичность нескольких ныне живущих поколений общества, включая старшие возраста (советские поколения), средние (поколение разлома) и юные когорты (постреформенное поколение).

В условиях кардинальных политических, экономических и социальных изменений, произошедших в Крыму за сравнительно небольшой исторический промежуток, возникает необходимость глубокого осмысления взаимосвязи исторической памяти и наслоения идентичности поколений на другие формы идентичности. Это проблемное поле нацеливает на исследование аксиологической специфики отношений между поколениями, а также таких вопросов, как исторические разрывы социального времени и проблемы коллективной памяти. Для Крыма исследуемая тема имеет особое преломление в связи с этнокультурными различиями населения, а также разными версиями коллективной памяти, которая имеет также и поколенческое измерение.

Подводя итог сказанному, отметим, что в связи с новыми демографическими тенденциями и «разрывом поколений», который фиксируется на уровне ценностной иерархии разных возрастных групп, проблема идентичности поколений приобретает особое значение. Осмысление этой проблемы на теоретическом и практическом уровнях предполагает формирование нового направления в исследовании коллективной памяти и идентичности поколений. Учитывая то, что в современной политической науке наблюдается отставание теоретической рефлексии от появления новых феноменов, необходимо усилить эвристическую функцию научных исследований в этой сфере.

Сергеев С.А.  
(КФУ, Казань)

## НОВЫЕ ЛЕВЫЕ РАДИКАЛЬНЫЕ ПАРТИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ УСПЕХ?<sup>3</sup>

В последние 20 лет в большинстве стран Западной Европы появились новые леворадикальные партии (НЛР), занявшие нишу левее социал-демократии, так что можно говорить о формировании новой партийной семьи<sup>4</sup>. В Греции и в Испании они оказались в состоянии войти в правительство,

<sup>1</sup> *Senyushkina T.* The Politics of Memory and the Conflict of Generations // *New Opportunities and Impasses: Theorizing and Experiencing Politics*: Istanbul: DAKAM Publishing, 2014. P. 170.

<sup>2</sup> *Манхейм К.* Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2000. — 744 с.

<sup>3</sup> Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00198 «Эволюция леворадикальных партий, движений и групп во Франции, Испании, Греции, России и Канаде в 2007–2018 гг.: сравнительный анализ»).

<sup>4</sup> *Chiochetti P.* The Radical Left Part Family in Western Europe, 1989–2015. L. & N.Y.: Routledge, 2017; *Hudson K.* The new European left. A socialism for the Twenty-First century? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012; *March L.* Radical left parties in contemporary Europe. Abingdon: Routledge, 2012.

в других странах (например, во Франции) — стать важным фактором политического процесса, в третьих им едва удастся пройти в парламент (Италия). Чем объясняется это различие? Почему в одних странах левые радикальные партии смогли войти в правительство или стать основной оппозиционной силой, в других — нет?

Можно выделить, как представляется, четыре фактора.

А. Социальная структура. Изменение социальной структуры, постепенное уменьшение доли рабочего класса приводит к упадку «старых левых» партий и складыванию ситуации, которую К. Крауч определил как «постдемократию»<sup>1</sup>. В то же время рост слоя молодых образованных профессионалов, которые претендуют на рабочие места с высокой зарплатой, но далеко не всегда — особенно в условиях кризиса и политики жесткой экономии — их находят, создает социальную базу НЛР. Но этот процесс характерен для всех стран Западной Европы и Северной Америки, и даже Россия не составляет исключения: молодые образованные профессионалы и предпрофессионалы (студенты) начиная с 2011 г. все чаще заявляют о себе как об активном политическом субъекте.

Б. Политическая структура или политический режим. Все рассмотренные нами страновые кейсы — плюралистические демократии. Но сильной левой радикальной партии, подобной СИРИЗе, «Подemos» или «Непокоренной Франции», нет ни в Канаде, ни в странах, не включенных в нашу выборку (например, Италии и США).

Таким образом, социальная структура, характерная для постиндустриального общества, и плюралистическая демократия, основные политические силы которой проводят *mutatis mutandis* неолиберальную политику жесткой экономии, не порождают автоматически сильную леворадикальную партию. Леворадикальные движения и группы в таких условиях возникают почти неизбежно, но эффективность их («сила») определяется, по-видимому, другими факторами.

В. Политическая культура. Обоснованность введения данной категории ставится под вопрос рядом политологов-неоинституционалистов<sup>2</sup>. Мы предпочли бы говорить о политической традиции, вернее, традициях. Политические традиции влияют на формирование политических акторов и их поведение, но при этом надо учитывать, что традиция не есть что-то монолитное и раз навсегда данное. В современных западноевропейских, североамериканских обществах, как и в российском обществе, сосуществуют несколько различных политических традиций, то усиливающихся, то ослабевающих. Кроме того, даже прерванная традиция может быть, видимо, восстановлена в исторически короткие сроки, как показывает опыт СССР на рубеже 1980—1990-х годов или Португалии в 1970-е годы (а во франкистской Испании левая традиция, насколько можно судить, и не умирала). И поскольку обнаружить леворадикальную традицию в истории всех рассматриваемых стран не составляет большого труда, констатация ее влияния мало что может добавить к объяснениям организационной и электоральной эффективности/неэффективности левых радикалов.

Г. Партийная система. Констатируя большую проблематичность определения степени влияния на развитие и степень эффективности НЛР политической культуры / политической традиции, нельзя не обратить внимание на то, что важным, если не определяющим фактором являются, возможно, партийная система, сформировавшаяся в той или иной стране, и соотношение сил основных политических партий. В частности, НЛР быстро развиваются и растут в электоральном вакууме, остающемся после ослабления социалистической / социал-демократической партии. Особенно показателен в этом отношении случай Греции: не случайно обвальная потеря голосов ПАСОК получил название «пасокификации» (что обуславливалось еще и тем, что ПАСОК была партией «клановой», руководимой кланом Папандреу, на который греки во многом возлагали ответственность за провалы экономической политики). Но там, где социалисты / социал-демократы прочно удерживают ядро своих избирателей, новые левые радикалы могут претендовать лишь на роль младшего партнера в коалиции, как в Испании.

Серебряков К.Д.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## ОСОБЕННОСТИ ГОСКОРПОРАТИВНОГО СЕКТОРА В ЭКОНОМИКЕ КИТАЯ: В ПОИСКЕ АКТОРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Государственные компании в КНР относятся к организациям с государственным участием, где ключевое публичное образование является основным либо единоличным акционером, и выступают на протяжении нескольких десятилетий декларируемым китайским правительством драйвером эконо-

<sup>1</sup> Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. С. 19.

<sup>2</sup> См., например: Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. С. 35—36.



мического благополучия. С годами позиционирование видоизменилось и акценты были расставлены вокруг образа госкорпораций как ведущих глобальных игроков в своих отраслях. Подтверждением тому можно считать список *Fortune Global 500* (2017), где из 108 китайских корпораций более  $\frac{3}{4}$  были отнесены к компаниям с государственным участием с тенденцией их большей представленности в каждой новой генерации рейтинга<sup>1</sup>.

Госкорпорации признаны в КНР «ключевым звеном в реформировании экономической системы». По этой причине они рассматриваются руководителями страны как драйвер перехода к новой инновационной модели развития народного хозяйства, что требует усиленного контроля за их деятельностью<sup>2</sup>, а от самих компаний проявления такого поведения, которое бы позволило в рамках требований китайского правительства стать «агентами» этой трансформации.

Характеристиками предъявляемых требований в этом случае являются обязательный выход на международные рынки, нахождение для каждой отрасли за рубежом конкретной доли собственности и капитала для обеспечения максимально диверсифицированного представительства китайских интересов, разработка долгосрочного планирования с ориентацией на структурные изменения показателей ВВП.

Деятельность госпредприятий до 1990-х годов развивалась в рамках т.н. «двухколейной» системы, заключавшейся в поисках баланса плановой и рыночной экономики, что стало возможно с 1982 г. благодаря инициативе Дэн Сяопина. В тот период вводилась двойная система надзора — рыночная часть контролировалась профильным министерством или ведомством, а командно-административная — местными администрациями, определявшими планы для предприятий на территориях по выпуску продукции, получению прибыли, выделению излишков и т.п. Однако такая модель быстро показала свою неэффективность, поскольку между Пекином и регионами давно сложилась политика ресурсного самообеспечения, когда Центр направляет только кредитные средства, которые региональные и местные власти должны будут вернуть. Это приводило к тому, что выплаты по кредитам осуществлялись за счет ресурсов «приписанных» компаний, что снижало их плановые показатели и возможности роста<sup>3</sup>.

С финансовым кризисом 1998 г. и приходом к управлению Госсоветом КНР Чжу Жуньцзи, перед которым стояла задача сохранения высоких темпов роста китайской экономики, начала развитие активная прорыночная реформенная деятельность, носящая оптимизационный характер. В результате произошла консолидация государственного сектора за счет поглощения крупными компаниями более мелких и экономически неэффективных, примерно 35 тыс. государственных предприятий унитарного типа были переданы муниципалитетам (при этом местные администрации были лишены права надзора за государственными корпорациями) с целью приведения их к оптимизационным показателям, что лишь усугубило долговую нагрузку на региональном уровне, побудив местные власти к приватизации и постепенной продаже собственности местным предпринимательским и фермерским сообществам.

К концу реформ премьер-министра Чжу в 2003 г. оформилась политика введения КРП в духе нового государственного менеджмента, за выполнение которых компании вступали в т.н. стадию «преференциальных условий» получения господдержки в виде искусственных конкурентных преимуществ для своего роста, ограничений проникновения иностранных игроков в стратегически важные сферы, иных нетарифных ограничений и т.п.

В этой ситуации складывание благоприятной для лоббизма среды стало возможно с введением института совета директоров и последовательного повышения льгот и автономии для высшего менеджмента госкорпораций вплоть до того, что последние могут держать миноритарные пакеты акций отраслевых конкурентов. Правда, это создало основу для рентного поведения и договороспособности между игроками для сохранения своих позиций, выживания на рынке и получения льгот, что начало себя проявлять уже к концу срока нахождения Ху Цзиньтао на посту Председателя КНР.

Сересова У.И.  
(АСОУ, Москва)

## ПАНДЕМИЯ COVID-19: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Социальное государство, ставшее политическим проектом капиталистических стран в период после Второй мировой войны, в конце XX — начале XXI в. переживало период идеологического кризиса

<sup>1</sup> Cendrowski S. China's Global 500 companies are bigger than ever — and mostly state-owned // Fortune. 2017. July 22. URL: <http://fortune.com/2017/07/22/china-global-500-government-owned/> (accessed: 20.05.2021).

<sup>2</sup> The Institute of Contemporary China Studies. 中国共产党于国有企展与改革的探索. URL: <http://www.iccs.cn/contents/401/11928.html> (accessed: 20.05.2021).

<sup>3</sup> State Owned Enterprises in China: Reviewing the Evidence. OECD Working Group on Privatisation and Corporate Governance of State Owned Assets // OECD. 2009. January 26. P. 4–5. URL: <https://www.oecd.org/daf/ca/corporategovernanceofstate-ownedenterprises/42095493.pdf> (accessed: 20.05.2021).

и финансовых сокращений<sup>1</sup>. Мировым откликом стали концепции *new public management* и *governance* в вопросах государственного управления в целом (привлечение негосударственных акторов — бизнеса, НКО в публичное управление) и неолиберализм в социальной политике в частности (уменьшение социальных расходов, повышение экономической эффективности). Европейские социальные государства в начале XXI в. стали декларировать переход от «чистого» социального государства к модели государства социальных инвестиций, где на первое место выходят не пассивные меры помощи (социальное обеспечение), а активные меры социальной поддержки (политика в области занятости и профессионального образования)<sup>2</sup>.

Пандемия COVID-19 вновь поставила вопрос о роли государства как центрального политического актора в социальной политике в целом и в решении социально-экономических проблем, вызванных распространением коронавируса, в частности<sup>3</sup>. В настоящей работе на основе концепций государственной состоятельности и сопротивляемости (*state capacity and resilience*)<sup>4</sup> и социального государства (*welfare state*)<sup>5</sup> мы рассматриваем, как реагируют на пандемию COVID-19 страны Европы и США, и задаемся вопросом о том, как переосмыслиется феномен социального государства в академической дискуссии.

Страны, относящиеся к континентальной (бисмарковской) модели социального государства, в качестве нового для себя объекта социальной защиты выделяют работающих граждан среднего возраста, длительно или на короткий срок теряющих работу. Поскольку континентальные социальные государства базируются на механизмах социального страхования, именно они и использовались в первую очередь в качестве основных средств социальной политики в 2020 г.<sup>6</sup> Некоторые страны, например Германия, добавляли к выплатам по безработице из страховых фондов еще и государственные пособия (самозанятым), а также программы краткосрочной занятости для уволенных работников. Работники, имеющие детей, которые не посещали образовательные учреждения, получили частично оплачиваемый отпуск на срок до 20 недель. Также все семьи с детьми, независимо от уровня доходов, получили социальные пособия; а семьи, и так имевшие пособия по бедности, получили дополнительные выплаты.

Северные социальные государства, и так имеющие наибольшие государственные расходы на социальные нужды и наиболее универсальные социальные программы для всех слоев населения, подтвердили все свои ключевые признаки социал-демократической модели социального государства в борьбе с пандемией коронавируса. Кроме мер социальной поддержки лиц, теряющих работу (страхование и прямые социальные выплаты из бюджета), скандинавские страны предложили ряд мер в области политики здравоохранения (оплата больничных листов самозанятым, лицам в карантине и т.п.) и семейной политики (бюджетные или страховые выплаты родителям, остающимся с детьми дома во время локдауна). Были введены послабления для бизнеса в области пенсионной политики (Финляндия и Швеция временно уменьшили выплаты в пенсионные фонды для малого и среднего бизнеса) и налоговой политики; осуществлены социальные трансферты из государственного бюджета в муниципалитеты — для реализации их социальных функций. Самозанятые и фрилансеры, которые ранее не попадали в фокус государственной социальной заботы, становятся новыми объектами социальной политики<sup>7</sup>.

Либеральные социальные государства в «доковидную эпоху» характеризовались небольшими социальными расходами и ориентацией на активную политику занятости в структуре всех направлений социальной политики. Эпидемия коронавируса заставила США, Канаду, Великобританию вводить меры социальной поддержки, аналогичные тем, что реализовывались в континентальной Европе, т.е. радикально отличающиеся от идеологии неолиберализма: оплата вынужденных отпусков работникам, бюджетные компенсации лицам, ставшим безработными, расширение программ социального страхования, пособия семьям с детьми, не только малообеспеченным, но и представителям среднего класса<sup>8</sup>. Наиболее эффективным считается опыт Канады, где вопросы социальной защиты (в частности, стра-

<sup>1</sup> Castles F.G. The future of the welfare state: crisis myths and crisis realities. Oxford: Oxford University Press, 2004.

<sup>2</sup> Towards a social investment welfare state? Ideas, policies, challenges / Ed. by N. Morel, B. Palier, J. Palme. Bristol: University of Bristol, Policy Press, 2012; van Kersbergen K., Hemerijk A. Two Decades of Change in Europe: The Emergence of the Social Investment State // Journal of Social Policy. 2012. Vol. 41.

<sup>3</sup> Tzagkarakis S., Pappas I., Reitas D. COVID-19 has brought back the necessity of the welfare state: the Greek case // HAPSc Policy Briefs Series. 2020. Vol. 1 (1). P. 67–73.

<sup>4</sup> Crowley K., Stewart J., Kay A., Head B.W. (eds.) Reconsidering Policy: Complexity, Governance and the State. Bristol: Policy Press, 2020. — 242 p.

<sup>5</sup> Esping-Andersen G. The Tree Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity, 1990.

<sup>6</sup> Cantillon B., Seeleib-Kaiser M., van der Veen R. The COVID-19 crisis and policy responses by continental European welfare states // Social Policy and Administration. 2021. Vol. 55. Issue 2. P. 326–338.

<sup>7</sup> Greve B., Blomquist P., Hvinden B., van Gerven M. Nordic welfare states — still standing or changed by the COVID-19 crisis? // Social Policy and Administration. 2021. Vol. 55. Issue 2. P. 295–311.

<sup>8</sup> Hick R., Murphy M.R. Common shock, different paths? Comparing social policy responses to COVID-19 in the UK and Ireland // Social Policy and Administration. 2021. Vol. 55. Issue 2. P. 312–325.

хования по безработице) наиболее централизованы, что позволило относительно быстро принимать решения о срочных социальных реформах<sup>1</sup>.

Пандемия коронавируса стала своего рода «лакмусовой бумажкой» для проверки на прочность феномена социального государства. Государство — не бизнес, НКО, политические сети — вновь рассматривается как ведущий политический актор в социальной политике, направленной на преодоление социально-экономических проблем, вызванных коронавирусом.

Сигачёв М.И.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

## **ЛЕПЕНИЗМ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВОВОГО ПОПУЛИЗМА: РАЗМЕЖЕВАНИЯ ВО ФРАНЦИИ ПО ВОПРОСАМ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ОТНОШЕНИЯ К ЭЛИТАМ**

**П**равый национал-популизм во Франции глубоко укоренен во французской почве и вследствие этого обладает достаточно сильными историческими позициями. Наиболее заметную роль в рамках дискурса популистского национализма играет, безусловно, Национальное объединение, наследующее Национальному фронту. Наследие Национального фронта, в свою очередь, тесно связано с несколькими поколениями семьи Ле Пен, поэтому уместно говорить о лепенизме как особом социально-политическом феномене. Проанализировать историю и современность правого популизма во Франции планируется сквозь призму тех разделений, которые существуют во французском обществе и определяют специфику его социально-политического развития.

### **Социально-политические размежевания в развитии современной Франции**

По мысли М.В. Ильина, только начинающийся процесс глобализации будет способствовать открытию социально-политических размежеваний. Так, французское общество, сталкиваясь с вызовами глобализации, уже сегодня реагирует на них достаточно остро. Как пишет Н.Ю. Лапина, глобализационные процессы приводят к нарастанию расколов по линии «центр—периферия», ведущих к появлению «двух Франций», идентичность одной из которых является более открытой и глобальной, тогда как идентичность «второй Франции» является более протекционистской, консервативной и национально ориентированной<sup>2</sup>. Современный правый популизм во французском обществе в значительной степени позиционирует себя в качестве защитника ценностно-мировоззренческого ядра идентичности национальной и суверенной Франции. Он учитывает и акцентирует те социальные и политические разделения во французском обществе, которые возникают по вопросам европейской интеграции, национально-государственного и идентитарного суверенитета, отношения к элитам.

Следует отметить, что помимо «классических» размежеваний Роккана—Липсета во французском и других западноевропейских обществах присутствуют разделения по культурно-этническому признаку, по отношению к инокультурным иммигрантам, по отношению к языковой, образовательной, культурной политике. Во Франции и в других странах Западной Европы постоянно возникают новые и новейшие размежевания — имущественные и социальные разделения (растущее имущественное и социальное неравенство), цифровое неравенство, информационные и сетевые разделения (включенные в социальные и другие сети — невключенные), экологические (проблема изменения климата и др.), поколенческие, ценностные (по отношению к традиционным ценностям семьи, религии, государства, к однополым бракам, трансгендерам и т.п.).

### **От Национального фронта к Национальному объединению: французский правый популизм как зеркало раскола на «две Франции»**

Правопопулистский дискурс во Франции опирается на давнюю историческую традицию. В настоящий момент воплощением правого и национального популизма во Франции является «Национальное объединение» Марин Ле Пен, опирающееся на наследие «Национального фронта» ее отца — Ле Пена-старшего.

Исторический Национальный фронт (НФ) уже в эпоху лидерства Ж.-М. Ле Пена являлся одной из самых успешных популистских партий в Западной Европе, сумевшей в 1980—1990-е годы пре-

<sup>1</sup> Beland D., Dinan Sh., Rocco Ph., Waddan A. Social policy responses to COVID-19 in Canada and the Unites States: Explaining policy variations between two liberal welfare state regimes // Social Policy and Administration. 2021. Vol. 55. Issue 2. P. 280–294.

<sup>2</sup> Лапина Н.Ю. Французское общество перед вызовами глобализации: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отд. глобал. проблем. М., 2019.

вратиться в образец правого популизма вследствие сочетания пламенного национализма, противостояния инокультурной иммиграции и популистской враждебности по отношению к политическому истеблишменту. НФ, как и другим западноевропейским правым популистам, была присуща опора на этнонационализм, апелляция к далекому прошлому, стремление сделать нацию этнически более однородной и вернуться к традиционным ценностям. Элиты, в свою очередь, рассматривались как чрезмерно интернационалистические и корыстные, преследующие лишь свои узкие групповые, а не общенациональные и общенародные интересы. В совмещении этнического национализма и популизма исследователи видят ключ к успеху Ж.-М. Ле Пена, благодаря которому ему удалось превратить свою партию во влиятельную электоральную силу уже в 1980-е годы<sup>1</sup>. Таким образом, основой взлета исторического НФ можно считать радикализацию целого ряда социально-политических размежеваний: в первую очередь, этнокультурных и идентитарных, а также социально-популистского разделения на народ и элиту, обострившегося вследствие глобализационных процессов, когда все более транснационализирующийся и глобализирующийся истеблишмент стал отчуждаться от национального, народного большинства.

Сиденко О.А.  
(ВГУ, Воронеж)

## ОГРАНИЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ (РОССИЙСКИЙ КЕЙС)

**П**роблематика развития, междисциплинарная по своему характеру, является одной из самых актуальных. Она затрагивает как фундаментальный, так и прикладной уровень наук, политология здесь не является исключением. Российский кейс представляет особый интерес, так как здесь вопросы, связанные с возможностями, ограничениями, механизмами и собственно политикой развития, предстают в наиболее сложном виде, несущем на себе отпечаток множества противоречий. Что же касается ограничений, они могут быть выявлены на нескольких уровнях: российского социума; политической системы и системы публичного управления; политической конъюнктуры и расклада политических сил. Рассмотрим некоторые из них.

Российское общество с полным основанием можно отнести к расколотым обществам. Помимо глубочайшего социокультурного раскола<sup>2</sup> для него характерен высокий уровень социальной поляризации. По данным Росстата, с 2003 г. коэффициент Джини ни разу не опускался ниже отметки 0,4, а величина децильного коэффициента составляла от 14,5 до 16,7 раза<sup>3</sup>. По данным Росстата, в 2020 г. численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (11 312 руб.) составила 12,1%<sup>4</sup>. Необходимо отметить, что статданные многими воспринимаются как заниженные. При том, что реальные располагаемые доходы населения падают или же стагнируют, «за последний год совокупное состояние участников списка Forbes выросло на 207 млрд долл.<sup>5</sup> Кроме того, бедность становится наследственной, а каналы восходящей вертикальной мобильности во многом заблокированы. Для страны с социалистическим прошлым это представляется особенно опасным.

Наблюдается высокая дифференциация в уровнях социально-экономического развития регионов и населенных пунктов, причем инвестиции лишь усиливают неравенство (растет концентрация инвестиций в регионах с конкурентными преимуществами). Это, в свою очередь, сужает «коридор возможностей» для успешной разработки и реализации пространственной стратегии, политики стимулирования и выравнивания.

Остро стоит проблема дефицита ресурсов (демографических, финансовых, кадровых и т.д.), что формирует дополнительные запросы к системе публичного управления и качеству элит. Относительно последних целесообразно обратить внимание на феномен обратной селекции (Дж. Акерлоф), характерный для рынков с асимметричной информацией. Российский политический рынок относится именно к таким. Асимметрия здесь не компенсируется ни репутационным механизмом, ни политической конкуренцией. В 2020 г. Россия заняла лишь 23-е место из 32 в рейтинге индекса качества элит (72 показателя, отражающие экономическую и политическую власть и ценность)<sup>6</sup>. Одной из ключевых проблем, помимо слабой административной децентрализации, является высокий уровень недоверия.

<sup>1</sup> Rydgren J. France: The Front National, Ethnonationalism and Populism // Twenty-First Century Populism. The Spectre of Western European Democracy / Ed. by Daniele Albertazzi and Duncan McDonnell. 2008. P. 166.

<sup>2</sup> Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I: От прошлого к будущему. URL: <https://ecsocman.hse.ru/text/19187891/> (дата обращения: 15.06.2021).

<sup>3</sup> Уровень жизни. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 28.06.2021).

<sup>4</sup> Неравенство и бедность. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 28.06.2021).

<sup>5</sup> Рейтинги. URL: <https://www.forbes.ru/rating/426935-200-bogateyshih-biznesmenov-rossii-2021-reyting-forbes> (дата обращения: 27.06.2021).

<sup>6</sup> Elite Quality Report 2020. [https://www.alexandria.unisg.ch/260885/1/Elite\\_Report.pdf](https://www.alexandria.unisg.ch/260885/1/Elite_Report.pdf) (дата обращения: 27.06.2021).

О впечатляющих масштабах коррупции свидетельствуют как исследования, так и низкие места в международных рейтингах. Она фактически стала социальным институтом. Для системы публичного управления это означает, помимо неэффективности, которую в условиях дефицита ресурсов властные структуры себе позволить не могут, значительные репутационные издержки.

Немаловажным ограничивающим фактором выступают слабость правопорядка и низкий уровень правовой культуры. Причем, как свидетельствуют эксперты, изменения на уровне конституционно-правовой регуляции, имевшие место в 2020 г., не только не решают эту проблему, но и создают для политической системы существенные риски<sup>1</sup>.

Наблюдается комплекс блокирующих противоречий: между потребностью во множественных точках роста и порядком ограниченного доступа; между интересами элит и масс; между накоплением потенциала автономного политического участия и режимными ограничениями; между общественной и официальной внутривнутриполитическими повестками; между модернизационной парадигмой развития и консервативно-охранительным трендом в российской политике и др.

Осевая проблема видится в том, что российские политические реалии обеспечивают не развитие, а сохранение status quo. Все, что так или иначе создает угрозу системе господства и статусным акторам, оказывается за рамками «окна возможностей».

Сидоров В.В.  
(КФУ, Казань)

## ЭТНИЧЕСКИЕ ПАРТИИ: КАТАЛИЗАТОРЫ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ ИЛИ ИНСТИТУТЫ ДЕМОКРАТИИ?

Исследуя особенности функционирования этнических партий, политологи в первую очередь интересовались последствиями существования такого рода партий. Представляют ли этнические партии угрозу стабильности внутри полиэтнических обществ? Способствует ли деятельность этнических партий развитию опасных этнических конфликтов? Содействуют ли этнические партии распространению насильственных конфликтов с участием этнических меньшинств? Обостряют ли этнические партии конфликты, возникающие по этническим линиям расколов в обществе? Многие ученые придерживаются мнения, что появление этнических партий неизбежно ведет к интенсификации этнических конфликтов и негативно сказывается на демократии. Особенно остро эта проблема стоит для молодых демократий в полиэтнических обществах. Эта точка зрения предполагает, что этнические партии ведут к «этнизации» политики. С другой стороны, некоторые исследователи отмечают, что этнические партии обеспечивают возможность конструктивной артикуляции интересов этнических групп, которые в иной ситуации могут быть исключены из «входов» политической системы. Главный довод сторонников консоциальной (сообщественной) модели политической системы заключается в том, что этнические партии на самом деле уменьшают интенсивность конфликтов с помощью создания легальных каналов для выражения этнических интересов, повышая таким образом лояльность, предотвращая центробежные и конфликтные стратегии этнических групп.

Количественное сравнительное исследование, проведенное Дж. Ишиямой, подтвердило тезис о мобилизационном потенциале этнических партий. Опираясь на эмпирические данные 82 стран с 1985 по 2003 г., исследовалась взаимосвязь между этническими партиями и интенсивностью этнического конфликта<sup>2</sup>. При этом этнический конфликт упрощенно делился на два типа — мирный протест и насильственные действия. Сравнительный анализ показал, что этнические группы, представленные этнической партией, сильнее вовлекаются в протестную деятельность, чем этнические группы, не имеющие соответствующих этнических партий. Этот вывод подтверждает тезис о том, что главная функция этнических партий — мобилизация своих сторонников. Для сторонников модели общественной демократии в этнической мобилизации нет ничего плохого, поскольку это лишь одна из сторон мирной ненасильственной артикуляции интересов этнической группы. Кроме того, демократические режимы имеют более высокий уровень протестной активности. Открытость политической системы предоставляет большее количество каналов для политической артикуляции интересов, в том числе через институт этнических партий. Однако было бы большим упрощением сказать, что этнические партии стимулируют и протестную активность, и межэтнические конфликты. Появление этнических партий является результатом существования в обществе размежеваний по этническим линиям. Этническая партия — это следствие этнического конфликта. Эмпирический анализ, проведенный Дж. Ишиямой, показал, что появление этнической партии усиливает этниче-

<sup>1</sup> Глухова А.В., Сиденко О.А. Конституционная реформа 2020: риски для политической системы // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2021. №1. С. 14–23.

<sup>2</sup> Ishiyama J. Do Ethnic Parties Promote Minority Ethnic Conflict? // Nationalism and Ethnic Politics. 2009. Vol. 15. Issue 1. P. 79.

скую мобилизацию, но не делает этнический конфликт более масштабным. Хотя этнические партии и повышают уровень этнической мобилизации, не существует неизбежной связи между политизацией этничности и этническим конфликтом. Возможность доступа к исполнительной власти позволяет значительно снизить вероятность вооруженного конфликта. Из всех аспектов модели общественной демократии именно создание «большой коалиции» придает самые значимые стимулы для предотвращения конфликтов.

На наш взгляд, этнические партии выступают как инструмент лидеров этнических групп, организационно оформляя политизацию этничности. С точки зрения неинституционального подхода этнические партии обладают собственными интересами, которые могут и не совпадать с интересами этнической группы. Именно исходя из этой логики, исследователи, подчеркивающие опасности существования этнических партий, высказывают идею о том, что партии заинтересованы в сохранении конфликтности и межэтнической напряженности: чем глубже и интенсивнее размежевания по этническим линиям, тем выше востребованность этнических партий. Однако если рассуждать об этнополитике с точки зрения теории рационального выбора, очевидно, что конфликт — это наименее желательный исход политического процесса с большими издержками. Этнические партии скорее будут искать равновесие со стратегиями других политических акторов, и для этого им будет необходим набор институтов, предлагаемых общественной моделью демократии. На теоретическом уровне можно сделать вывод о том, что этнические партии не способствуют радикализации этнических конфликтов при наличии в политической системе элементов общественной демократии вообще и «большой коалиции» в частности. Однако данный вывод требует дополнительной эмпирической проверки.

Сизоненко А.Ю.  
(КубГУ, Краснодар)

## **ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ ОФИЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА МЭРОВ ГРОЗНОГО, НОВОСИБИРСКА, РЯЗАНИ И ЧЕЛЯБИНСКА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА**

**А**ктуальность исследования заключается в том, что в настоящее время мы наблюдаем усиление роли Интернета не только в рамках пандемии COVID-19, но и в связи с цифровизацией всех сфер жизни человека. Это приводит к изменению многих процессов, происходящих в современной медиасфере, следствием чего является и изменение цифровой повестки. Происходит параллельное становление информационных потоков со стороны новых медиа, что ведет к видоизменению традиционных СМИ, которые в социальных сетях создают разнообразные повестки дня. Сейчас все чаще мы наблюдаем появление новых акторов и инструментов, способных транслировать наиболее актуальные темы. В современном обществе цифровая повестка выступает отдельным актором политического процесса, который способен формировать различные настроения общества, задавать тенденции. Исследование официального дискурса позволяет выявить взаимосвязь между формированием и отражением повесток дня мэрами городов современной России.

Эмпирическая основа исследования представлена выборкой официальных аккаунтов мэров городов современной России — Н.П. Котовой, А.Е. Локоть, Ю.В. Рокотьянской и И.Н. Хаджимурадова в таких социальных сетях, как *Instagram*, «ВКонтакте», *Facebook*, *Twitter* и в «Одноклассниках». *Data set* составил 558 сообщений, в свою очередь, *dataset* комментариев составил 16 050 сообщений. Визуальный анализ составил 1109 фото- и видеоматериалов.

В исследовании использовались такие методы, как обобщение и систематизирование полученной информации, анализ теоретических и эмпирических данных, сравнительный, а также сетевой анализ. С помощью сравнительного анализа мы смогли сопоставить между собой официальные аккаунты мэров городов современной России, что позволило выявить общие и частные тенденции при ведении аккаунтов, как со стороны дискурсивной составляющей, так и с визуальной. С помощью сетевого анализа были выявлены лингводискурсивные особенности официального дискурса политиков в их социальных сетях. Данные методы позволили определить условия формирования цифровой повестки дня на муниципальном уровне, тенденции ее развития и особенности трансляции через различные социальные медиа.

В рамках исследования были выделены следующие тематические блоки: здравоохранение, политика, экономика, социальная сфера, инфраструктура, праздничная тематика и досуг мэров. Отметим, что тематика коронавируса была выделена в отдельную категорию от здравоохранения, так как было важно проследить в рамках исследования, какой официальный дискурс транслируют мэры в своих социальных сетях в период пандемии, когда данная тема является наиболее популярной среди населения.

В рамках содержательного анализа нам был интересен посыл текста, который идет через каждый отдельный пост выбранного нами политика.

Также проводился визуальный анализ, в рамках которого были выделены тематики по фото- и видеоматериалам, на которых политики находятся в окружении других людей, делятся событиями и объектами города. Также присутствуют праздничные фотоматериалы и фотографии, на которых мэры единолично запечатлены на снимках.

Анализ комментариев проводился следующим образом. Все комментарии были дифференцированы по категориям коронавируса, инфраструктуры и социальной сферы. Далее в каждом из комментариев были найдены отличительные маркеры, которые могли в себе нести положительную, нейтральную и отрицательную характеристику. Это позволило отследить настроения, которые свойственны электорату политика, в связи с формированием официального дискурса.

Проведенное исследование позволило выделить следующие особенности формирования официального дискурса в социальных медиа и в цифровой повестке на муниципальном уровне. Это сложность участия акторов в формировании цифровой повестки дня, ограниченность ресурсов при формировании повестки политическими субъектами, отсутствие объективной составляющей в цифровой повестке дня, опора политиков на общеизвестные факты, а не на запросы конкретного общества, а также то, что в своих официальных аккаунтах на разных платформах политики дублируют контент, что является ошибкой с точки зрения эффективного продвижения в социальных медиа.

Отметим, что происходит параллельный процесс, в рамках которого власти, включая мэров, не только формируют повестку дня, в том числе и цифровую, но и отражают в своих официальных аккаунтах общественный дискурс, заданный другими субъектами. Отсюда следует, что мэрам требуется более тщательно рассматривать вопросы, актуальные среди населения их городов, так как большинство людей в онлайн-пространстве может прислушиваться к лидерам мнений, способным транслировать информацию, которая не всегда будет удовлетворять позиции самого политика.

Силакова И.В.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМЫ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (2011–2021 гг.)<sup>1</sup>

1. За период 2011–2020 гг. количество ежегодно публикуемых материалов, посвященных научной дипломатии, увеличилось в сегменте русскоязычных *социальных медиа* с 27,8 тыс. до 37,8 тыс. Эта тенденция полностью не соответствует вектору публикационной активности *научных* периодических изданий по теме научной дипломатии. В качестве примера мы можем сослаться на данные. В соответствии с базой данных научной электронной библиотеки *elibrary.ru*, число публикаций в научных изданиях, напрямую или косвенно затрагивающих научную дипломатию, сократилось с почти 7,4 тыс. в 2011 г. до 1,3 тыс. в 2020 г.

2. Объяснить расхождение в развитии трендов публикационной активности можно посредством следующей гипотезы. В первой половине 2010-х годов термин «научная дипломатия» достаточно активно использовался в работах, посвященных смежным либо более широким по объему вопросам. В более поздний период начали формироваться авторские коллективы и научные центры, фокусирующие свое внимание непосредственно на изучении практик научной дипломатии. Глубина научной разработки темы (как и степень интереса к ней со стороны экспертных кругов) выросла, в то время как общее количество научных публикаций, в которых упоминается соответствующая дефиниция, сократилось.

3. Сопоставление выборок публикаций за первую половину 2011 г. и аналогичный период 2021 г. позволило выявить значимые изменения в тематической структуре посвященных научной дипломатии материалов в социальных медиа. В 2011 г. 68% всех размещенных в соцмедиа публикаций, затрагивающих тему научной дипломатии, были построены преимущественно на описании теоретической стороны соответствующего понятия. Лишь в 32% постов внимание авторов уделялось в первую очередь анализу практики функционирования научной дипломатии. К 2021 г. соотношение между постами теоретического характера и публикациями, посвященными анализу практики научной дипломатии, в целом выровнялось.

4. Параллельно было зафиксировано смещение фокуса внимания аудитории соцмедиа с освещения зарубежного опыта на изучение российских практик. 46% всех размещенных в социальных медиа публикаций о реализации проектов в области научной дипломатии за первую половину 2011 г. были посвящены освещению зарубежного опыта использования соответствующих практик. За последующие

<sup>1</sup> Доклад подготовлен в рамках проекта РФФИ-ЭИСИ № 21-011–31886.

десять лет доля публикаций, посвященных изучению российского опыта использования научной дипломатии, сократилась до 29%.

5. Сопоставление данных, полученных посредством киберметрии, позволило выявить динамику моделей интерпретации понятия «научная дипломатия». Доля публикаций, посвященных изучению науки в дипломатии (*Science in diplomacy*) или помощи со стороны науки (пониманию и) достижению внешнеполитических целей, выросла за 10 лет с 41 до 69%.

6. Удельная доля материалов, в рамках которых освещалась дипломатия для науки (*Diplomacy for science*), т.е. дипломатическое содействие международному научному сотрудничеству, сократилась с 27 до 8%.

7. Репрезентация публикаций, связанных с направлением «наука для дипломатии» (*Science for diplomacy*), т.е. применением ресурсов научного сотрудничества для улучшения международных отношений, уменьшилась с 32 до 23%.

8. Таким образом, на протяжении последних 10 лет изучение науки в дипломатии утратило статус одного из трех равноправных направлений научной дипломатии и приобрело роль доминирующего вектора в развитии темы. Последнее косвенным образом указывает на то, что именно данное направление, с одной стороны, является наиболее актуальным в условиях сложившейся политической конъюнктуры, а с другой — четко коррелирует с представлениями экспертного сообщества о сущностном функционале научной дипломатии.

9. Можно заключить, что на протяжении большей части рассматриваемого периода в рамках репрезентации темы научной дипломатии в социальных медиа наблюдался устойчивый рост интереса к соответствующей проблематике. При этом имело место смещение акцентов в сторону большего освещения эмпирических кейсов, в первую очередь российских. Направление «наука в дипломатии» стало наиболее значимым вектором в рамках обсуждения соответствующей тематики, в первую очередь, вероятно, за счет увеличения масштабов ее прикладной востребованности на фоне ухудшения внешнеполитической конъюнктуры.

10. Дальнейшее развитие исследований по затронутой нами тематике связано в первую очередь с разработкой вопроса о качественных и количественных характеристиках обратной связи между авторами публикаций на тему научной дипломатии и пользователями, участвующими в обсуждении размещенных материалов.

Склянчук П.Д.  
(Исполком ОНФ, Москва)

## ФЕНОМЕН ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В настоящее время понятия «городская среда», «общественное пространство» прочно укоренились в современном российском политико-управленческом дискурсе. В процессе реализации местных программ благоустройства власть проявляется наиболее доступным для людей образом — через частичное изменение облика окружающего мира. Трансформация городских локаций влияет на восприятие участниками повседневных практик собственного положения и социального статуса. Пребывание в эстетически приглядных локациях становится маркером социального успеха и влияет на положительное восприятие политического процесса.

В условиях существующих больших коммуникационных разрывов между государством и обществом такой способ удовлетворения ценностных запросов на перемены к лучшему для правящей элиты становится универсальным средством оценки своих достижений.

Становлению пространственного способа мышления в политике во многом способствовал структуралистский конструктивизм французского социолога Пьера Бурдьё, который ввел и развил концепт «социального поля». Однако в его теории не было в достаточной мере реализовано физическое измерение социального пространства, что не позволяло представить контекст, в котором непосредственно осуществлялось распределение выделенных им капиталов и действие социальных агентов. Под таким измерением, на наш взгляд, можно понимать город как очерченную часть социального пространства.

Позднее другой французский ученый, антрополог Мишель де Серто, устранил данный методологический пробел, разработав «теорию повседневности», которая описывает практику освоения городского пространства через понятие «стратегия» — связь человека с институтами и структурами власти, и понятие «тактика» — способ создания человеком личного пространства в окружении, определенном стратегиями.

Контекстуальность в описании городской реальности произошла вследствие так называемого «пространственного поворота» в социальной философии, произошедшего в 80-е годы XX в., когда эмпирические исследования стали преимущественно базироваться на топологии места.



Так, отечественный исследователь Александр Марков в книге «1980: год рождения повседневности»<sup>1</sup> (2014) считает, что де Серто благодаря своей теории сумел объяснить, как опыт повседневности из опыта «ближайшего контекста» превращается в опыт новой социальной регламентации.

В настоящее время отечественные политологи также фиксируют движение к локализации. Так, томский ученый, профессор Алексей Щербинин заявляет, что «сегодня центр политики перемещается в город. Такие институты, как государство, партии, все еще играют определенную роль, но в реальной политической жизни она становится номинальной»<sup>2</sup>.

Вместе с тем редукция политики до повседневных интересов чревата ложными выводами о движущих силах прогрессивного развития общества. Удовлетворение потребностей является важной, но не главной задачей локализации политического процесса в городской среде. Гораздо важнее рассматривать городские общественные пространства, в которые погружены индивиды, как источники формирования новой культуры повседневности.

В развитие представленных выше научных взглядов считаем, что конструкция «умного города» через реализацию таких методов по де Серто, как «гулять», «смотреть», «называть» город, становится новым пространством университета, в котором рождаются новые смыслы и меняются социальные структуры.

Таким образом, рассматривая «умный город» как концепцию идентичности места, возможно проведение научных исследований российских городов через выявление культурных, исторических, производственных доминант, которые лягут в основу их гармоничной стратегии социально-экономического развития российских городов. При таком подходе у публичных органов власти появляются новые резервы улучшения человеческого капитала и повышения легитимности собственной деятельности. Представляется, что перспективы стать «умным» есть, по сути, у каждого города, но только в том случае, если процессы «умного» благоустройства будут вписываться в практики повседневности местного сообщества жителей.

Слатинов В.Б.  
(КГУ, Курск)

## **ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ СТОЛИЦАМИ ОБЛАСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ**

Магистральным направлением трансформации института местного самоуправления начиная с первой половины 2000-х годов является его встраивание в формирующуюся и укрепляющуюся «вертикаль власти»<sup>3</sup>. В регионах Центрального Черноземья «вертикализация» муниципального уровня публичной власти стартовала с начала реализации ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». После предоставления в 2014 г. в рамках «малой» муниципальной реформы права регионам императивно определять особенности систем управления муниципалитетами все административные центры областей Черноземья перешли от модели с выбираемым населением «сильным» мэром к вариантам, где мэра (либо сити-менеджера) избирают депутаты представительного органа города.

Данный переход существенно облегчал задачу установления обширного политико-административного контроля областной власти над муниципалитетами. В системе управления городом появляется фигура с исполнительными полномочиями, в отборе которой прямо — через делегированных представителей в отборочную комиссию, и косвенно — через большинство «Единой России» в представительном органе — участвует областная исполнительная власть. Такой институциональный порядок городского управления отвечает нескольким базовым требованиям, присущим современной российской политической системе. Во-первых, в нем преобладает вертикальная подотчетность между городским и региональным уровнями публичной власти. Во-вторых, основными акторами городской политики в такой институциональной конфигурации систем управления городами становятся региональная власть и наиболее влиятельные группы интересов, представленные в депутатском корпусе либо способные повлиять на решения депутатов. Формирование исполнительной власти города полностью находится в руках указанных игроков, к ним же направлена подотчетность мэра и городской администрации.

Сторонники «вертикализации» при этом подчеркивают, что переход к выборам глав городов депутатами представительных органов после конкурсного отбора кандидатур позволяет: (1) обеспечить привлечение на должности мэров профессиональных управленцев или, по меньшей мере, лиц, соот-

<sup>1</sup> URL: <https://www.libfox.ru/632360-aleksandr-markov-1980-god-rozhdeniya-povsednevnosti.html>.

<sup>2</sup> URL: <https://gazon.media/people/gosti/aleksey-scherbinin/>.

<sup>3</sup> См.: Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 49–50.

ветствующих по своим компетенциям задачам муниципального управления, в то время как выборы глав городов населением создают риски избрания популистов и малокомпетентных политиков; (2) стабилизировать процесс функционирования органов власти городов, уменьшить риски флуктуаций муниципального управления вследствие некомпетентности, популизма либо избыточного влияния заинтересованных групп на городскую политику. Исследование реальных практик функционирования моделей управления городами в Центральном Черноземье, однако, показывает, что достижения указанных целей либо не происходит, либо, в лучшем случае, наблюдается эффект «частичных улучшений». Так, носители профессиональных компетенций в сфере муниципального управления далеко не всегда оказываются на должностях мэров региональных столиц, ими при поддержке глав регионов избираются представители бизнеса или профессиональные политики, не имевшие опыта публичного управления (Липецк, Курск). Не подтверждается тезис о стабильности кадрового корпуса мэров в условиях «вертикализации» городского управления. Кейсы с ротацией глав Тамбова в 2015–2020 гг. и сити-менеджеров Белгорода в 2011–2019 гг. показывают, что наличие «вертикального» порядка формирования и функционирования муниципальной власти в указанных городах не исключило политико-управленческих флуктуаций.

Отчуждение населения от процесса формирования исполнительной власти города существенным образом затрудняет возможности консолидации городских сообществ, способствует фрагментации городской политико-управленческой среды, в которой обостряются противоречия между влиятельными игроками, имеющими доступ к избранию главы исполнительной власти городского округа (областная власть и наиболее влиятельные заинтересованные группы), и горожанами. Попытки компенсировать дефицит легитимности исполнительной власти города и отчуждение населения от процессов ее формирования и ротации через развитие механизмов обратной связи посредством использования социальных сетей, а также через вовлечение горожан в выработку и контроль реализации городских проектов и программ представляются перспективной, но половинчатой мерой. Предпочтительной траекторией развития местного самоуправления в городах является общая децентрализация полномочий публичной власти, а также параметров и механизмов налогового и бюджетного обеспечения ее уровней. Представляется важным сохранение вариативности выбора моделей управления в муниципалитетах при доминирующем движении в направлении расширения практик выборов мэров крупных городов. Однако наблюдаемые траектория и характер эволюции системы публичной власти в стране исключают подобный сценарий, по меньшей мере, в краткосрочной перспективе.

*Слобожникова В.С.  
(СГЮА, Саратов)*

## **МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ И ЖЕЛАЕНЫМ**

**М**ногообразные проявления религиозности в постсекулярную эпоху актуализируют проблему корректировки государственно-конфессиональных отношений (ГКО). Выстраивание отношений между политической системой современной России и религиозным миром начиная с 1991 г. серьезно эволюционировало. В их развитии можно выделить несколько последовательно сменяемых моделей. Начало 1990-х годов ознаменовалось реализацией сепарационной модели, для которой характерны полная, ничем не ограниченная свобода религиозного мира и невмешательство государства в его жизнь. Светская модель ГКО, закреплённая в нормативно-правовой базе современной России, по-разному определяется современными исследователями. На наш взгляд, более других ей соответствует определение «интеграционная», в рамках которой светское государство учитывает религиозность в своей политике и использует ее потенциал в решении актуальных социально-политических проблем. В исследованиях можно встретить и характеристику современных ГКО как «кооперационных», что предполагает равное сотрудничество государства и традиционных религиозных организаций. Ряд регионов вполне вписывается в характеристики данной модели.

По мере изучения политики все яснее становится роль в ней не только формализованных и законодательно закреплённых норм и положений, но и исторической предопределённости, традиции, массового сознания, политической культуры. В современной России этногенез тесно связан с религиозностью, вследствие чего религиозная принадлежность сегодня нередко ассоциируется с этнической. Не случайно в выявлении численности верующих используется и этнический подход.

Поликонфессиональность по-разному проявляется в субъектах Российской Федерации, что серьезно влияет на региональные ГКО. В результате форсированного этногенеза, проходившего в условиях демократической политики, не только увеличилась численность этносов, но изменился этнонацио-

нальный состав некоторых субъектов нашей страны. Особенно ярко это демонстрируют республики, считающие «своим долгом» не столько поддерживать полиэтничность, сколько стимулировать развитие и, как следствие, численность титульной нации, обозначенной в названии республики. Это серьезно влияет и на конфессиональный состав населения этих субъектов. Субъекты Российской Федерации демонстрируют различные модели ГКО. Руководители некоторых субъектов достаточно четко определились с религией, с которой кооперируются в своей деятельности.

Сама по себе кооперационная модель обладает огромным потенциалом для сотрудничества светских властей и религиозного мира в решении важнейших социально-политических проблем, но становится серьезной проблемой, когда отношения при поликонфессиональности региона выстраиваются с одной из религий. Политические процессы современности свидетельствуют об особой значимости не только большинства, но и меньшинств, наделенных свойствами активизма. Определенность человека в религиозной вере явно можно отнести к активистской характеристике.

Свою корректировку в ГКО внесла пандемия. Эта проблема требует более тщательного анализа. Но уже сейчас можно отметить глубинные, серьезные процессы, происходящие в религиозном мире. По отношению к принимаемым ограничительным мерам в условиях эпидемии религиозный мир продемонстрировал многообразие реакций, в том числе и несогласие, неприятие и даже сопротивление. Наблюдается явное уменьшение доходов религиозных организаций за счет сокращения посещения культовых зданий в условиях ковидных ограничений. Ряд региональных социологических исследований показывает увеличение численности не верующих и верующих в Бога или богов без привязки к конкретным конфессиям, что позволяет сделать вывод об оставшемся в прошлом нарастании религиозности россиян и изменении ее характера.

Линия напряженности в современных ГКО пролегает между полюсами, с одной стороны, светскости, закрепленной в Конституции РФ и всей нормативно-правовой базе, регламентирующей эти отношения, а с другой стороны, естественного стремления религиозных организаций к доминированию как в отдельных регионах, так и в стране. Сложность перспектив ГКО состоит в отсутствии консенсуса в элите России, особенно региональной, по отношению к принципу светскости и реализации конституционных принципов ГКО в реальной политике.

Таким образом, модели ГКО в современной России выстраивались и выстраиваются в рамках светскости. При этой основополагающей основе политическая система страны, прежде всего государство, находится в состоянии поиска собственной модели, которая бы органичнее соответствовала задачам современной политики, изменениям религиозного мира и массового сознания россиян. Стратегический выбор между прошлым и будущим в пользу будущего поможет избежать серьезных ошибок в ГКО и их корректировке, от чего выиграют все.

*Смаль С.В.  
(РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург)*

## **СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПРОГРАММАХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ НА ВЫБОРАХ 2021 года: ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА**

Грядущие в сентябре 2021 г. выборы в Государственную Думу Российской Федерации заставляют по-новому взглянуть на программные документы, опираясь на которые можно как провести анализ отдельных структурных компонентов фундамента партий, так и обосновать те или иные ориентации (социальные, экономические, политические) для каждого случая.

В статье проанализированы программы политических партий «Единая Россия», Коммунистическая партия Российской Федерации, Либерально-демократическая партия России и «Справедливая Россия», это обусловлено количеством представителей упомянутых партий в Государственной Думе текущего созыва, используемый метод: контент-анализ (вариация Р. Метрона).

Обобщим данные в виде таблицы.

*Таблица*

**Данные о программах парламентских политических партий Государственной Думы РФ VII созыва**

Название партии	Дата принятия/корректировки	Количество слов
Единая Россия	1 декабря 2001 г.	1018
Коммунистическая партия Российской Федерации	22 января 1995 г., изменена 30 ноября 2008 г.	4457
Либерально-демократическая партия России	13 декабря 2001 г.	2032
Справедливая Россия	25 апреля 2008 г.	16 395

Далее остановимся на единицах контент-анализа: в зависимости от того, какие единицы выделены исследователем, полученный результат также будет значительно отличаться. Для получения целостной картины необходимо выделение не только тех единиц, которые характеризуют непосредственно социальную сферу, но также нужно затронуть экономику и политику. Это позволит провести комплексный анализ и выявить, каких элементов объективно больше: для этого рассчитаем удельный вес каждой единицы, разделив общее количество слов в программе на количество упоминаний. Также добавим, что подобный метод используется авторами по смежной тематике<sup>1</sup>, разработки этих авторов, особенно А.П. Чумаченко<sup>2</sup>, оказались очень полезны при написании статьи. Также примем во внимание, что для выявления значимости единицы ее вес должен быть не менее 1%.

Итак, выделенные автором контент-единицы при разбивке по сферам выглядят следующим образом.

1. В социальной сфере слова-маркеры — это: социальный, здравоохранение, образование, наука, безработица.

2. В сфере экономики: собственно сама экономика, сельское хозяйство, промышленность, предпринимательство и бизнес, технологии и инновации.

3. Политическая сфера: политика, демократия, власть, управление, институт<sup>3</sup>.

В целях экономии объема статьи представим результаты контент-анализа программ парламентских политических партий, куда включим количество упоминаний, удельный вес единиц, разместим все по возможности компактно.

«Единая Россия». Удельный вес 0,95%, количество упоминаний 14; подсчет показал, что социальная сфера не является приоритетной, как, парадоксальным образом, ни политическая, ни экономическая.

КПРФ. Удельный вес 0,7%, количество упоминаний 31; программа говорит про управление — самое большое количество упоминаний (36), социальная повестка дня представлена слабо.

ЛДПР. Программа — 0,3%, удельный вес и всего 4 упоминания. Это образец популистских воззваний по принципу «За все хорошее, против всего плохого», однако у партии есть более пространственный документ объемом 31 страница, размещенный на сайте Министерства юстиции РФ, и там более подробно расписаны элементы социальной сферы.

«Справедливая Россия». Удельный вес категории, что удивительно, так же мал, как и у всех проанализированных выше (0,75%), хотя и встречаются эти единицы, безусловно, чаще: 105 упоминаний, но и размер документа больше.

Подводя итоги нашего краткого анализа, постулируем, что:

1. Проведенный анализ показал, что остро востребованная, особенно в пандемийном мире, социальная тематика парадоксальным образом ничтожно представлена в программах политических партий.
2. Тренд, фиксируемый опросами общественного мнения, однако, именно на изменения социальной политики и улучшение благосостояния, социальной защиты и обеспечения.
3. В целом выявлено, что в программах политических партий недостаточно четко прописан механизм влияния на развитие общества, что, возможно, частично объясняет недостаточную популярность политических партий как института современного российского общества.

Смирнова С.М.

(Челябинский государственный университет, Челябинск)

## РЕФОРМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЧЕЛЯБИНСКЕ: НОВОВВЕДЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Новый этап развития муниципальной реформы в Российской Федерации, который прошел в 2014–2015 гг., затронул организационные и территориальные основы местного самоуправления. Их реализация на практике оказала существенное влияние на всю систему публичной власти на уровне субъектов Российской Федерации, включая Челябинскую область и город Челябинск.

<sup>1</sup> Северухина Д.Д. Контент-анализ программ политических партий для выявления преобладающих ценностей // Общественное право. 2017. № 12. С. 29–35.

<sup>2</sup> Пигалева П.В., Чумаченко А.П. Сравнительный анализ программ политических партий системной оппозиции Российской Федерации // Электронный журнал «ГосРег». 2018. № 4. URL: <http://gosreg.amchs.ru/pdffiles/26number/articles/Pigaleva-SHAP-26.pdf>, свободный (дата обращения: 25.03.2021).

<sup>3</sup> Смоль С.В. Социальная политика в программах политических партий России на выборах 2021 года // Герценовские чтения: Россия-2021. Актуальные вопросы политического знания: Сб. материалов научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 апреля 2021 года / Под общ. ред. Л.А. Гайнутдиновой. СПб.: РГПУ им А.И. Герцена, 2021. С. 37–45 (в печати).

Главные нововведения коснулись порядка избрания глав муниципальных образований. Перечень существующих способов замещения этой должности был расширен за счет введения в практику процедуры избрания главы местного самоуправления представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам ее отбора<sup>1</sup>.

Другим важным итогом муниципальной реформы стало введение новой модели организации местного самоуправления в городских округах, имеющих внутрирайонное деление. К ним относятся, главным образом, все административные центры субъектов Российской Федерации. Здесь местным сообществам было предложено введение двухуровневой системы органов местного самоуправления, включающей органы власти городского округа и районов, входящих в его состав.

В 2014 г. в Челябинске была введена двухуровневая модель организации местного самоуправления. Во всех семи внутригородских районах была сформирована собственная система органов местного самоуправления, а сами они получили статус внутригородских районных муниципальных образований.

Данная модель организации местного самоуправления предусматривает наличие представительных и исполнительных органов на уровне города и района, а также избрание глав районов и главы городского округа. При этом для представительного органа городского округа допускается вариативность в выборе способа его формирования. Он может избираться населением либо создаваться путем делегирования депутатов от районных советов<sup>2</sup>. В Челябинском городском округе выбран способ делегирования от районных советов с равным числом представителей<sup>3</sup>. Это определило и численный состав городской Думы, который увеличился с прежних 36 до 49 депутатов<sup>4</sup>.

Представительные органы в районах Челябинска получили название Советы депутатов<sup>5</sup>. Они формируются по итогам муниципальных выборов, проводимых по мажоритарной избирательной системе в одномандатных избирательных округах<sup>6</sup>. По итогам реорганизации представительных органов местного самоуправления в Челябинске депутатский корпус города включает сегодня 170 человек. На практике это означает, что представительство жителей города в представительных органах местного самоуправления увеличилось почти в 5 раз.

Важным изменением в системе формирования органов власти в Челябинске стало внедрение нового способа избрания главы городского округа и глав внутригородских районов. В нем большую роль играют конкурсные комиссии. Разница в их формировании заключается в том, что при избрании главы города половину членов конкурсной комиссии назначает Челябинская городская Дума, а другую половину — губернатор Челябинской области. В свою очередь конкурсная комиссия при избрании главы внутригородского района наполовину состоит из членов районного Совета депутатов, а другую ее часть назначает глава города Челябинска. Таким образом обеспечивается контроль вышестоящего уровня публичной власти за замещением ключевой должности главы местного самоуправления в городском округе и внутригородском районе соответственно.

Подводя итог, можно сказать, что реформа местного самоуправления в Челябинске создала условия для приближения власти к народу, а именно: повысилась оперативность и эффективность взаимодействия горожан со своими депутатами, возросла ответственность народных избранников за результаты реализации своих предвыборных программ. Создание органов местного самоуправления на районном уровне позволяет использовать их для развития этих территорий, включать в этот процесс горожан, повышать качество муниципальных услуг, оказываемых населению. Сегодня стоит вопрос о направлениях и перспективах развития города в рамках выбранной модели местного самоуправления.

*Смольникова К.А.*

*(Центр управления регионом Краснодарского края, Краснодар)*

## **ЦИФРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ВНЕДРЕНИЯ**

**В** российском политическом дискурсе на сегодняшний день размыта граница между терминами «электронное правительство» и «цифровое правительство». Ряд отечественных авторов в своих ра-

<sup>1</sup> Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 26.05.2021) // Информационно-правовое обеспечение ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/186367/>. (дата обращения: 19.06.2021).

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Закон Челябинской области № 703-ЗО «Об осуществлении местного самоуправления в Челябинском городском округе» (в ред. от 12.03.2015) // Информационно-правовое обеспечение ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/19815241/> (дата обращения: 19.06.2021).

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Уставы внутригородских районов г. Челябинска.

<sup>6</sup> Там же.

ботах определяет электронное правительство — форму предоставления гражданам государственных услуг в электронном виде как первую стадию реализации правительства цифрового — концепции управления развитием национальной инновационной системы, человеческим капиталом и современными формами электронной демократии<sup>1</sup>.

Становление системы цифрового государственного управления прошло три эволюционных этапа развития:

- представительство органов государственной власти на электронных площадках с целью информирования граждан;
- предоставление возможности получения государственных услуг в режиме онлайн (государственные информационные системы — ЕСИА, СМЭВ и проч.);
- включение граждан в процесс выработки политических решений в цифровой среде.

Вышеуказанные этапы на сегодняшний день имеют накопительный характер и обладают потенциалом к дальнейшему развитию и становлению.

Мы можем выделить следующие основные результаты развития концепции цифрового правительства:

- трансформация модели «государство—общество», развитие делиберативной демократии, в поле которой возможна артикуляция политических интересов большего количества социальных групп, чем в рамках существующей системы политических отношений. Государство выстраивает открытый диалог с населением, открывая новые возможности для моделирования политической повестки.

Критика внедрения цифрового правительства по большей части сосредоточена на угрозе «цифрового тоталитаризма», т.е. полного контроля государства над повседневной жизнью граждан как в онлайн-, так и в офлайн-пространстве. Существенные опасения вызывает и сохранность персональных и биометрических данных, утечка которых уже возникает как в коммерческих, так и в государственных электронных структурах;

- многоступенчатая мобилизация граждан на участие в политической жизни страны. Ярким примером здесь выступает электронное голосование за поправки в Конституцию, апробированное на территории Москвы и Нижнего Новгорода в 2020 г. Данный опыт был зарекомендован как успешная практика, получившая развитие в федеральном проекте «Формирование комфортной городской среды»<sup>2</sup>. На сегодняшний день это самый масштабный проект реализации электронного голосования, осуществляемый в России;
- потеря информационной монополии государства на моделирование политической повестки. В связи с политизацией медиапространства и развитием политического блогинга формируются новые взаимосвязи между носителем политических смыслов и его аудиторией, что дает толчок к развитию оппозиционных акторов и протестных настроений. Ярким позитивным примером нового типа диалога власти и гражданина выступает внедрение Платформы обратной связи (ПОС);
- трансформация политической культуры позиционирования представителей власти. Медиа-тизация повседневной жизни и рабочей деятельности приводит к развитию социальной ответственности. Формируется новый стандарт поведения политической культуры, в основе которой лежит принцип информационной прозрачности отношений «государство—общество». Гиперперсонификация в интернет-пространстве ведет к фактической потере приватности деятелями публичной политики;
- внедрение математического моделирования и использование аналитических программ, т.е. принятие политических решений на базе принципиально новых инструментов. Внедрение *big data* влияет как на процесс выработки и принятия политических решений, так и на работу в сфере политического консалтинга (политический *SMM*).

Характерным примером здесь выступает исследование актуальной цифровой политической повестки в период пандемии коронавируса 2020 г., проведенное Н.А. Рябченко, О.П. Малышевой, И.В. Мирошниченко, которое выявило две основные стратегии ее формирования, в основе которых лежат онлайн-агитация и онлайн-информирование<sup>3</sup>.

Онлайн-агитация направлена на идеологическую мобилизацию граждан с целью побудить их к совершению конкретных политических действий в офлайн-пространстве. Ярким примером реализации данной стратегии выступило голосование за поправки в Конституцию РФ.

<sup>1</sup> Кочетков А.П., Василенко И.А., Володенков С.В., Гаджиев К.С., Коваленко В.И., Соловьев А.И., Кирсанова Е.Г. Концепция цифрового правительства как политический проект для России: перспективы реализации в условиях вызовов и рисков цифровизации общества // Власть. 2021. № 29 (1). С. 317–331.

<sup>2</sup> Паспорт приоритетного проекта по основному направлению стратегического развития Российской Федерации «Формирование комфортной городской среды». URL: <http://government.ru/projects/selection/649/25517/>

<sup>3</sup> Рябченко Н.А., Малышева О.П., Мирошниченко И.В. Дискурс «конституционные поправки» и «пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке дня в 2020 г.: агитация vs сдерживание в официальных СМИ // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А: Гуманитарные науки: научно-теоретический журнал. 2021. № 1.

В рамках реализации проекта на этапе онлайн-агитации была применена стратегия прагматического моделирования, представляющая собой аккумуляцию в дискурсивном поле максимально возможного количества акторов, с последующим внедрением необходимых сообщений — в данном случае важности голосования за поправки. Одним из наиболее результативных показателей на данном этапе выступает вовлеченность пользователей, т.е. их сетевая активность (количество публикаций, лайков, репостов, комментарийных линий и проч.).

Онлайн-информирование концентрируется на организации наиболее конструктивного медиапространства, формирования позитивного инфополя, в котором негативная социальная реакция нивелирована. Наглядным примером здесь выступает медийное освещение ситуации с распространением коронавирусной инфекции. В рамках данного подхода были применены стратегия дискурсивной гибрикации — управляемое снижение количества публикаций по теме covid, замещение их инфоподами о голосовании за поправки в Конституцию, и стратегия дискурсивной диффузии — снижение эмоционального вовлечения в подаче информационных материалов, переход на сухую статистику и лимитация дискурса, которые позволили сформировать у населения спокойное отношение к пандемии и исключить панические настроения.

Сморгунов Л.В.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## **ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В РЕКУРСИВНОЙ СИСТЕМЕ ПРОЦЕДУР СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦИФРОВОМ ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ<sup>1</sup>**

**К**ритическое публичное мышление поставило под вопрос системную стабильность и вывело на первый план множественность/плюрализм, различие и неопределенность. Эпистемическая концепция демократии в этой связи определила подобные условия как достаточные для коллективного принятия общественно приемлемых (правильных) решений на основе сочетания индивидуальных и публичных ценностей. В цифровом публичном управлении появились выраженные формы сотрудничества и соучастия. Старые институциональные формы централизованного на государственном уровне выбора стали подвергаться изменению, обозначив кризис прежнего институционального порядка. Следовательно, говорить о современном мире и нормальном порядке можно лишь в терминах «новый мир» и «новая нормальность».

Какие же понятия нам нужны для описания этого нового мира и нормальности?

*Сложность*: наш мир является сложным (многослойным, многоуровневым, с сочетанием в «одном флаконе» людей и вещей, прошлого и будущего, памяти и бессознательного, природы и культуры), постоянно изменяющимся (нет доминирования вектора прогресса) и нелинейным (хаотичным и открытым). Системность и стабильная состоятельность не могут рассматриваться подходящими категориями. Неснижаемая сложность и неопределенность в природном и социальном мирах.

*Контингентность*: мы живем в мире с непредвиденными обстоятельствами природного и социального свойства. Причинность и детерминизм, случайность и статистическая закономерность не являются «путями зависимости».

*Рекурсивность*: рекурсивные системы, изменяющие процессы коммуникации, взаимодействия и институциональную динамику: рекурсия часто используется для описания сдвигов или динамики системы в ее собственных терминах или ценностях. Это способ организационного самопроизводства, при котором взаимодействие конституируется системой, возникающей из взаимодействия.

*Сознание (как творческая способность людей)*: оно вписано в этот мир в виде конструктивной и преобразующей силы. При этом формы сознания и познания многообразны. Под вопросом истина знания. Прагматика (контекстуальность) ставится выше догматики (универсальность). На первый план выходит знание, а не информация, многообразные формы обработки данных. Наблюдается кризис простых методологий.

В этом отношении «новая нормальность» скорее понимается как нормальность процесса, а не порядка, содержания, а не формы, предполагающего иную форму рекурсивного взаимодействия на основе сотрудничества. Особое значение это имеет для процессов принятия публичных решений, находящихся в контексте решения социальных дилемм. Обострение проблем управляемости определяется часто обострением процесса сотрудничества, когда либо нарушаются принципы распределительной справедливости (нарушение баланса индивидуальных и групповых предпочтений), либо требуется корректировка

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

процедуры принятия решений в связи с динамикой развития самой группы (усилением сложности группового взаимодействия или необходимостью ответа на контингентные события). Сотрудничество — это особый тип отношений между участниками принятия решений (государственными и частными субъектами в публичном со-управлении). В отличие от модели контракта, в которой главный актер действует в управлении, устанавливая цели и объекты соглашения, форму кооперации и других совместных форм реализации взаимных интересов, сотрудничество предполагает взаимодействие на единой платформе с общим риском и ответственностью за полученные результаты. В этом отношении рекурсивные формы коммуникации и кооперации, включающие в себя постоянный обмен знаниями, учет взаимных намерений, склонность к поддержке и взаимной ответственности, создают институциональную среду, позволяющую легитимизировать и поддержать справедливость принимаемого совместного решения. Сотрудничество представляет собой рекурсивную систему, позволяющую поддерживать справедливость решений за счет постоянного воспроизводства с переходом на новый уровень таких ее компонентов, как репутация, автономная идентичность, учет взаимных намерений, совместные знания, реципрокность и доверие. Тем самым обеспечивается постоянный процесс поддержки научения сотрудничеству, ориентированному на справедливость решений. Рекурсивный процесс сотрудничества выступает формой развивающегося порядка процедурной справедливости, так как поддерживает основные условия ее обеспечения.

В условиях цифровизации и сетевых форм взаимодействия связи (социальные сети) и сотрудничество (целевые группы: профессиональные сообщества, вики, конференции и др.) демонстрируют различный уровень достигнутой справедливости из-за слабости или силы рекурсии (т.е. самоаутентичной организации с исходной плановой установкой на достижение цели и, главное, совершения действий на основе общей операционной модели). В последнем случае рекурсивность запускается организацией научения сетевому взаимодействию на основе формирования совместного знания о целевой задаче организации деятельности на единой цифровой платформе, обеспечивающей в процессе действия операционное единство. В цифровом публичном управлении данное операционное единство связано с институтами, обеспечивающими процедуры принятия решений. Примерами такой институциональной организации выступают инициативное бюджетирование, использование блокчейн-технологии для публичных решений, некоторые краудсорсинговые городские платформы и коллаборации на основе «умных городов». Справедливое решение здесь возникает при такой процедуре совместного действия, при которой поддерживаются репутация сторон, когнитивный обмен мнениями, взаимные обязательства и уровень приемлемого доверия.

**Сморгунов Л.В.**  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## **ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ И СОВМЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ<sup>1</sup>**

Гарантиями, позволяющими обеспечить нормальные условия для союза граждан в современном государстве, выступают ряд факторов и механизмов, обеспеченных современным конституционным развитием. Радикальной формой расширения союза выступает его конституционное оформление в понятие публичной власти. Нельзя не отметить и то, что в современных условиях открытость публичного пространства сопровождается формированием системы конституционных возможностей для прямых форм демократического участия граждан во власти и управлении. Цифровизация позволяет восстановить прямые формы активности в условиях кризиса политической репрезентации, предоставляя цифровые платформы для взаимодействия на уровне городов, регионов, страны в целом. Конституционной основой такого расширения выступает введенное в контекст Конституции РФ понятие «публичная власть». Еще в 1997 г. Конституционный суд РФ использовал понятие публичной власти для характеристики деятельности власти в стране. В Постановлении Конституционного суда РФ от 24 января 1997 г. это понятие использовалось в контексте территориального устройства государства как способа организации публичной власти, а также в отношении власти, организуемой на уровне местного самоуправления. В качестве публичной власти, наиболее приближенной к населению, названо местное самоуправление в Указе Президента РФ от 15 октября 1999 г. Таким образом, уже в 1990-е годы в публично-правовой лексике использовалось понятие публичной власти в качестве особой характеристики органов государственной и муниципальной власти в стране. В многочисленных публикациях 1990-х годов и первых десятилетий нынешнего столетия развивались идеи публичной власти как системного параметра власти народа, реализуемой в форме государства и местного самоуправления. Развитие органов государственной власти и местного самоуправления создавало потребность систематизировать конституционное описание публичной власти. Вот почему в своем послании Федеральному

<sup>1</sup> Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 21-011–31356 «Исследование трансформаций систем городского управления и самоуправления в условиях конституционной институционализации единой системы публичной власти в РФ».



Собранию в январе 2020 г. Президент РФ посчитал необходимым закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. При этом он подчеркнул, что «полномочия и реальные возможности местного самоуправления — самого близкого к людям уровня власти — могут и должны быть расширены и укреплены». Соответствующие конституционные поправки были одобрены общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. Так, сегодня ст. 67, 71, 80, 131, 132, 133 Конституции РФ раскрывают место и роль публичной власти в системе организации публичного пространства для осуществления функций государственных и муниципальных органов как ее субъектов. Вместе с тем можно утверждать, что публичная власть, основанная на тесном взаимодействии ее органов и граждан, приобретает не только характер единства властных уровней, но и расширения пространства, вовлечения граждан в ее осуществление непосредственно и через представительство интересов. Общий источник такого расширения содержится в ст. 3, определяющей, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. В этом отношении идеи со-управления, которые составляют сегодня перспективный вектор административных трансформаций, получают дополнительную правовую легитимацию.

В последнее время концепции «сотворчества» и «совместного производства» активно использовались в политической науке, государственном управлении, социологии как инновации. Первоначально эта концепция установила новое отношение к предоставлению государственных услуг и была направлена против рыночного подхода к организации этой деятельности. Новое дыхание этой концепции приобрело в развитии движения за цифровое управление. В последние годы концепция «совместного производства» широко используется при изучении государственной политики в целом. По сравнению с категориями «сотрудничество», «участие общественности» эта концепция расширила понимание цикла государственной политики, затрагивающего проблему политических проектов, управления государственной политикой, совместной разработки и реализации общественных ценностей и др. Многие исследователи сосредоточили свое внимание на представлении исследовательских материалов, касающихся «управления посредством сотрудничества», «совместного создания» и «совместного производства» публичной политики не только по вышеуказанным аспектам темы, но и по отношению к влиянию сотрудничества в области государственной политики, которое соответствовало бы устойчивому и инклюзивному развитию.

Ориентация на сотрудничество и совместное производство в демократической государственной политике означает следующие процессы и ориентации на гражданское участие и концентрацию услуг и действий на граждан, а не государство; сотрудничество в процессе государственной политики, а не принятие соглашения; расширение публичных пространств взаимодействия; внимание к коммуникации на основе общественных ценностей и насущных потребностей; внимание реальному контексту жизни участников совместной публичной политики; привязка процессов публичной политики к контексту вместо представления общих программ; расширение прозрачности и информационно-когнитивной базы принятия публичных решений.

*Смулькина Н.В.*  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **МЕТОДИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РИСУНОЧНЫМИ ТЕХНИКАМИ<sup>1</sup>**

Трансформационные социально-политические процессы последних лет формируют не только новую общественную реальность, но и вызовы научному сообществу. Актуальным становится выработка новых парадигм и подходов к исследованию в современной политической науке психологического состояния общества. Внимание исследователей обращено здесь и к психологическому состоянию общества как обобщенного концепта (состояния со своим «градусом» напряжения и общей окраской), и к отдельным его элементам, формирующим это состояние (речь здесь идет, например, о политических настроениях, впечатлениях, образах, ожиданиях, эмоциях, ценностях, ориентациях). Важным аспектом исследования становится в данном случае описание и оценка именно эмоциональных, зачастую не вполне осознаваемых, состояний. И здесь значимо то, что бессознательную природу политико-психологических феноменов все чаще рассматривают в связи с визуализацией образов. Несомненно, данный подход требует специальных изобразительных методов.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках проекта № 21-011-31386 «Теоретико-методологические основания диагностики психологического состояния общества в современном российском политическом контексте».

Выявленная тенденция обусловлена повсеместной «визуализацией» политического пространства. Расширение поля применения изобразительных методов в политических исследованиях актуализируется в последнее время в связи со все чаще упоминаемой тенденцией «клиповости мышления» у молодого поколения. Некоторые исследователи уже бьют тревогу, призывая общество и власти обратить внимание на формирование «перцептивной культуры»<sup>1</sup>.

Современный россиянин погружен в мир визуальной политики. Логично, что изучение его впечатлений о политике, его состояний, детерминированных контактами с политическими институтами, будет плодотворным при получении в ходе опросов и последующей интерпретации визуализированного материала. Политические психологи обращаются в данном случае к рисуночным проективным техникам, заимствованным из личностной и социальной психологии.

Попытки использовать изобразительные методы в отечественных исследованиях визуальных образов делались в начале «нулевых»<sup>2</sup>. В качестве наиболее популярного методического проективного инструментария изучения, например, политических образов выступали: психологический тест «Рисунок власти» и «Рисунок России»<sup>3</sup> и их модификации<sup>4</sup>; метод направленных рисунков<sup>5</sup>. Политические представления, мифо-символические аспекты политических представлений, установок исследовались рисуночными конструктивистскими методами (метод рисуночных персонификаций «баблс»<sup>6</sup>; картоидный метод<sup>7</sup>). Проективная методология политического исследования, использующая рисуночный материал, не стоит на месте, она активно развивается. Так, например, сейчас делаются попытки модифицировать под политико-психологические исследования интерпретативные методы<sup>8</sup>, при которых в качестве стимульного материала применяются рисунки. Развиваются приемы работы с методиками незавершенных рисунков на политическую тематику.

При определении стратегии политического исследования психологического состояния общества важно понимать, что неосознаваемый и визуальный уровни восприятия не тождественны друг другу. Анализ рисунка не должен предполагать считывание и интерпретацию только визуальной информации. Значение уделяется и вербализации, описанию рисуемого. Следует помнить и о рационализации рисуемым рисуемого. Использование изобразительных техник в сочетании с развернутой беседой является важным методологическим условием. При всей сложности интерпретации, высокого процента «отбраковки» материала проективные рисуночные методы ценны. Прежде всего тем, что предоставляют исследователю возможности оценить уникальные сюжеты политических представлений, формируемые в условиях неконгруэнтных политических образов, в ситуациях, когда респондент сам не способен вербализовать свое эмоциональное отношение к политике, но «видит» его.

Сокол А., Кускова В., Зайцев Д., Хвацкий Г.  
(НИУ ВШЭ, Москва)

## ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ НА ИЗМЕНЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

**В** социальных науках, включая социологию, существует множество различных подходов. Принято считать, что в настоящее время не существует единой теории как всеобъемлющей. Многообразие точек зрения научных школ с различными взглядами и методами на одну и ту же проблему может привести к научным противоречиям. Одно из таких противоречий относится к изучению значения социальных движений.

Социальные движения как объект исследования всегда интересовали политологов. С развитием движений и политических институтов общества парадигмы изучения социальных движений менялись от изучения социально-психологических аспектов коллективного поведения к анализу движений в по-

<sup>1</sup> Ворохов Ю.А. Проблема формирования перцептивной культуры // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 4. С. 203.

<sup>2</sup> Мельникова О.Т., Шайдулина Ю.А. Методика психологического рисунка в качественном исследовании социальных установок // Социология: методология и методы, математическое моделирование. 2005. № 21. С. 108–127.

<sup>3</sup> Разработки Т.Н. Пищевой, Е.Б. Шестопал, С.В. Нестеровой, О.В. Букреевой.

<sup>4</sup> Модификация рисуночного теста «Россия и я» К.Б. Джгамадзе, проективный тест «Рисунок партии», психографический тест «Лидер и партия» А.В. Затонский и И. С. Палитая.

<sup>5</sup> Рисуночные методики «Рисунок страны в виде дома», «Рисунок России в виде несуществующего животного» Т.В. Евгеньевой и В.В. Титова.

<sup>6</sup> Исследования образов стран М.В. Крымчаниновой, Н.В. Смутькиной.

<sup>7</sup> Изучение образа региона Л.Б. Габдрахмановой, символической карты мира Н.В. Смутькиной, национально-государственной идентичности Т.В. Евгеньевой.

<sup>8</sup> Например, разработка методик «Окна», «Маски» Е.Б. Шестопал, А.В. Селзневой и Н.В. Смутькиной.

литическом и социокультурном контексте до определения факторов институциональных и политических изменений<sup>1</sup>.

В середине прошлого века в западных странах возникает несколько социальных движений: рабочее, экологическое, расовое, феминистское и др. Движения преследуют две цели: привлечение внимания к социальным проблемам и их решениям; участие в политическом протесте и влияние на него. Обычно социальные движения рассматриваются как фактор социальных и политических изменений, желаемых обществом, которых государство «избегает». По мере роста популярности социальных движений они становятся все более важной политической силой в западном обществе, а также предметом обширных исследований в академическом сообществе политологов и социологов.

В последнее время растет интерес к влиянию социальных движений, особенно в отношении экологического движения<sup>2</sup>. Многие исследования указывают на недостаток изучения влияния, которое общественные движения оказывают на изменение политики<sup>3</sup>, хотя это важный момент в данной теме.

В данном исследовании мы строим кросс-национальную, продольную оценку факторов и акторов, влияющих на изменение экологической политики. Экологические общественные движения — лишь один из возможных акторов и факторов в данном исследовании. Изменения в экологической политике измеряются как в виде результатов политики (улучшение качества окружающей среды), так и в виде результатов политики (развитие международного сотрудничества, приверженность и озабоченность экологическими проблемами). Мы используем модель анализа сети социального влияния в сочетании с моделированием структурных уравнений для проверки гипотез о влиянии экологических общественных движений на изменение политики.

В научной литературе нет единого мнения о том, как социальные движения приводят к желаемым изменениям, но иногда не оправдывают ожиданий, по крайней мере, так часто бывает. Исследователи социальных наук пытаются ответить на вопросы: «Когда и как активисты достигают своих целей? Является ли протест необходимым и/или достаточным условием для осуществления социальных и политических изменений? Имеют ли социальные движения какое-либо долгосрочное наследие для нашего общества? Меняют ли они жизненный выбор тех, кто участвует в протестной деятельности? Как все это варьируется как в разных контекстах, так и в разных движениях?»<sup>4</sup>. Именно на эти вопросы мы и пытаемся ответить.

Соколов А.В., Беляков А.А.  
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

## ЛОЯЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ<sup>5</sup>

Устойчивость политической системы зависит от установок и практикуемых моделей поведения граждан. Последние годы демонстрируют значительное накопление у населения негатива и нарастание протестного потенциала в России. Масштабные протестные кампании (дело Галунова, дело Устинова, московские протесты лета 2019 г. в целом, протесты вокруг экотехнопарка Шиев в Архангельской области, акции в поддержку антикоррупционных расследований) способны вызвать как позитивные процессы в государстве и обществе, так и разрушающие их процессы. Особую обеспокоенность вызывает стремительное распространение среди молодежи чувства недоверия органам власти и неспособность улучшить ситуацию собственными конструктивными действиями и участием.

Политические субъекты начинают использовать подобные настроения молодежи в своих узкогрупповых интересах. Это может серьезно подорвать устойчивость и потенциал роста политической системы России уже в ближайшей перспективе.

Во избежание подобной угрозы необходимо снижение и регулирование уровня протестного потенциала, формирование лояльности граждан (и молодежи как значимой социальной группы). Это возможно с помощью использования широкого спектра технологий демобилизации. Как и процес-

<sup>1</sup> Bosi L., Giugni M., and Uba R. *The Consequences of Social Movements*. Cambridge University Press, 2016.

<sup>2</sup> Coglianesi C. *Social Movements, Law, and Society: The Institutionalization of the Environmental Movement* // *University of Pennsylvania Law Review*. 2001. No. 150 (1). P. 85–118; Dunlap R.E., Mertig A.G. *American Environmentalism: The US Environmental Movement, 1970–1990*. Taylor & Francis, 2014; Mertig A.G., Dunlap R.E. *Environmentalism, New Social Movements, and the New Class: A Cross-national Investigation* // *Rural Sociology*. 2001. No. 66 (1). P. 113–136; Spaargaren Gert, Arthur P.J. *Mol. Sociology, Environment, and Modernity: Ecological Modernization as a Theory of Social Change* // *Society & Natural Resources*. 1992. No. 5 (4). P. 323–344.

<sup>3</sup> Burstein P., Einwohner R.L., Hollander J.A. *The Success of Political Movements: A Bargaining Perspective* // *The Politics of Social Protest: Comparative Perspectives on States and Social Movements*. 1995. P. 275–95; Porta D., Donatella and Mario Diani. *Social Movements: An Introduction*. John Wiley & Sons, 2020.

<sup>4</sup> Bosi L., Giugni M., and Uba R. *The Consequences of Social Movements*. Cambridge University Press, 2016.

<sup>5</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31770 «Возможности и угрозы управления лояльностью молодежи в современной России».

сы мобилизации, эффективность демобилизации во многом зависит от возможностей использования имеющихся ресурсов, каналов коммуникации и взаимодействия.

Ситуативные технологии демобилизации применяются практически во всех кампаниях политического протеста. Однако они могут кардинально изменить настроения молодежи, перенаправить ее энергию в конструктивное русло. И в наибольшей степени это касается молодежи, установки которой все больше формируются под влиянием неформальных объединений, часто настроенных деструктивно как по отношению к самим вовлекаемым, так и к стране в целом.

Массовые акции протеста в январе и феврале 2021 г. ярко продемонстрировали масштабы проблемы и возможные ее последствия. В связи с этим актуализируется задача системной работы с молодежью, формирования ее лояльного отношения к стране, позитивным формам активности. Можно говорить о том, что современная молодежь оказалась вне системы позитивных смыслов, конструктивных форм вовлеченности и гражданской активности, что разрушает взаимодействие между поколениями и возможность устойчивого и целенаправленного развития страны.

Как показывает опыт крупнейших протестных кампаний, особенно зарубежных, молодежь является ключевой социальной группой, вовлеченной в них. По сути, именно молодежь становится сначала объектом воздействия определенных политических акторов, а затем двигателем протеста и следующих за ним периодов турбулентности. Поэтому можно утверждать, что создание институтов и механизмов, позволяющих вовлечь молодежь в конструктивные формы гражданской активности, сотрудничества с властью в процессе решения социально значимых проблем, является ключевой задачей России на современном этапе. Обеспечение политической лояльности является важнейшим фактором в механизме взаимодействия индивидов, социальных групп с государственной властью и остается насущной потребностью политической элиты для сохранения стабильности политической системы.

Политическая лояльность традиционно определяется как приверженность индивида или группы целям, нормам, ценностям, идеологиям, предлагаемым социуму политическими институтами, элитой и лидерами общественного мнения. Лояльное поведение противоположно публичному оспариванию, протесту и оппозиции к властным решениям и действиям.

Особенностью современной ситуации является фиксируемая потеря доверия к традиционным либерально-демократическим каналам диалога между обществом и властью: партиям, выборам и т.п.<sup>1</sup> Важно отметить, что кризис политических институтов приводит к тому, что молодежь все больше переориентируется на новые каналы коммуникации и формы активности, которые, как отмечают Джо Кейн и Кэти Коэн, нельзя не принимать во внимание<sup>2</sup>. Поэтому органам власти важно развивать коммуникацию с молодежью (гражданами в целом) через Интернет, создавать онлайн-площадки по обсуждению актуальных проблем, вести информирование и коммуникацию через социальные сети, так как это позволяет вовлечь молодежь в общественно-политическую активность.

Сокольщик Л.М.  
(НИУ ВШЭ, Москва)

## **ГЛОБАЛЬНОЕ КЛИМАТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОПЕРНИЧЕСТВА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ: ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ ЭКОЛОГИИ И КЛИМАТА**

**К**лиматический кризис становится экзистенциальной проблемой для человечества. При этом эколого-климатическая проблематика активно политизируется. Одной из ключевых тенденций современного развития является формирование глобальной системы климатического регулирования (ГКР). Ее суть заключается в создании норм и правил политики и финансово-экономических механизмов, регулирующих на общемировом уровне защиту окружающей среды.

Эффекты от процесса политизации эколого-климатической проблемы носят амбивалентный характер. С одной стороны, ГКР имеет существенный потенциал для сотрудничества стран, в том числе для тех, которые являются геополитическими соперниками (включая Россию и США). С другой стороны, данная проблематика становится сферой соперничества международных акторов. Связанные с ГКР политические и экономические механизмы неизбежно будут использоваться в качестве инструментов усиления конкурентных преимуществ и политического лидерства одних стран в отношении других.

После прихода к власти демократической администрации США стали активно включаться в решение климатической проблемы. В избирательной программе Дж. Байдена декларировалось дости-

<sup>1</sup> Рейбрук Д.В. Против выборов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 13.

<sup>2</sup> Cohen S., Kahne J. Participatory Politics: New Media and Youth Political Action. Chicago: MacArthur Research Network on Youth and Participatory Politics, 2012.

жение нулевых выбросов углекислого газа в США к середине текущего столетия<sup>1</sup>. Одним из первых его решений на посту президента стало возвращение США в Парижское соглашение по климату<sup>2</sup>. Однако в стране пока отсутствует консенсус по этому вопросу. В американском обществе активно разворачивается дискуссия по поводу пограничных углеродных сборов. В перспективе углеродные таможенные барьеры могут стать причиной новых торговых войн, которые дестабилизируют международную обстановку<sup>3</sup>. Это создает поле для вариативности развития внешнеполитической стратегии США в данной области.

В свою очередь, Россия все с большей серьезностью смотрит на проблему изменения климата. В недавнем выступлении российский президент в число приоритетных направлений международного сотрудничества включил борьбу с изменением климата наряду с преодолением коронакризиса и совместным использованием экономического роста<sup>4</sup>. Хотя Россия принимала участие во всех ключевых международных инициативах в области климата, развитие «зеленых» технологий рассматривается ее руководством как угроза экономической безопасности страны<sup>5</sup>. В условиях политизации ГКР и соперничества великих держав продвижение на международном уровне «зеленой» повестки становится еще более серьезным вызовом для России. Введение углеродных торговых барьеров на товары/услуги, а возможно, и санкционных механизмов создает дополнительные рычаги воздействия на развитие России.

Обоюдная заинтересованность России и США в решении климатических проблем и пересечение интересов в области ГКР создают предпосылки для сотрудничества двух стран. В частности, Россия и США могли бы объединить усилия в противодействии планам ЕС по введению пограничных углеродных барьеров. Исторический опыт российско-американских отношений в области климата и экологии показывает, что сотрудничество для защиты собственных интересов может оказаться полезным сегодня<sup>6</sup>.

В то же время изменение климата, приводящее к ускоренному таянию льдов на полюсах, стимулирует «перетекание» конфронтации между Россией и США в новый регион Арктики. Это порождает существенные вызовы для военно-политической безопасности и России, и США. С таянием льдов Арктика перестает быть естественным барьером между Россией и США. Министерство обороны США уже рассматривает регион как «коридор для стратегического соперничества»<sup>7</sup>. В складывающихся условиях вызовом не только для России и США, но и всего международного сообщества становится недопущение усиления милитаризации Арктики.

В целом в российско-американских отношениях как подсистеме ГКР складывается неоднозначная картина. Политизация эколого-климатической проблемы несет свои преимущества и угрозы для двух стран. Наличие общих интересов в данной сфере не отменяет соперничества России и США, но оно создает предпосылки для прагматичного сотрудничества по вопросам климата и экологии.

**Соловьев А.И.**  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **КВАЗИПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА**

**Д**иверсификация центров влияния и власти в современном государстве сохраняет множество пустот, не контролируемых высшими государственными институтами и официальными нормами. Наряду с частными управленческими практиками, демонстрирующими влияние различных локальных центров<sup>8</sup> особый пласт отношений, отклоняющихся от контроля официальных властей, формируется и в латентном пространстве политического процесса. В этом смысле основными акторами, продуцирующими эти связи и коммуникации, являются сетевые коалиции правящего класса, интересы которых не могут удовлетворить официальные институты и система социального представительства.

<sup>1</sup> The Biden Plan. URL: <https://joebiden.com/clean-energy/>.

<sup>2</sup> Paris Climate Agreement. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/01/20/paris-climate-agreement/>.

<sup>3</sup> Как будут развиваться экономические отношения между США, Россией и Китаем при Байдене? URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/ekonomicheskie-otnosheniya-ssha-rossiya-kitai-bayden/>.

<sup>4</sup> Пленарное заседание ПМЭФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65746>.

<sup>5</sup> Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208.

<sup>6</sup> Turning to Nature. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/turning-to-nature-report/>.

<sup>7</sup> Report to Congress. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF>.

<sup>8</sup> Börzel T.A., Buzogány A. Governing EU Accession in Transition Countries: The Role of Non-State Actors // Acta Politica. 2010. Vol. 45 (1–2).

Логика продвижения интересов этих элитарных акторов (формирующихся под влиянием «самоорганизующихся инициатив» и «субполитик» «сетевых сообществ», использующих неформальные методы влияния на официальные органы власти) в сочетании с эволюцией структур республиканского правления не только способствует формированию «дезагрегированных политических институтов»<sup>1</sup>, но и постоянно провоцирует возникновение «параллельных подсистем» власти<sup>2</sup>, предлагающих государству и обществу собственные нормы политического господства и стандарты распределения благ и ресурсов.

Вторая половина XX в. и первые десятилетия XXI в. показывают, что во многих странах мира в правящих — особенно авторитарных и переходных — режимах не только укреплялось влияние неформальных ассоциаций правящего класса, но и формировались локальные квазиполитические системы, так или иначе ассоциированные с закрытой от общества зоной принятия ключевых государственных решений. Используя разнообразные институционально-правовые пустоты правящего режима и государства, эти «параллельные» системы власти, избегая административно-правового регулирования, базировались исключительно на фактическом доминировании и неформальном господстве сетевых сегментов правящего меньшинства (вовлекающего в свои ряды как статусных, так и нестатусных лиц). Подстраивая под свое фактическое господство имеющееся законодательство (и даже соединив его с нормами международного права, хотя в ряде случаев им приходится отказываться от его приоритетов) и нормы Конституции, такие политические квазисистемы усиливают асимметричный характер распределения общественных благ и ресурсов, расширяя сферу своего политического доминирования и распространения патрон-клиентской этики.

Столкновение требований официальных институтов и требований неформальных структур квазисистемы формирует то политическое пространство, которое в ряде случаев не только выходит за рамки легальной конструкции властных отношений (предполагающих правовое регулирование административно-политических отношений), но и становится проницаемым для воли и интересов внешнеполитических образований (других государств, международных неправительственных организаций и даже структур теневого бизнеса), которые оказывают давление не на институты власти, а на конкретных чиновников и политиков. В этом смысле особыми рисками обладают персоналистские режимы (с их формами ручного управления и не подконтрольным закону окружением). Не приходится удивляться, что в ряде переходных государств со всеми их конституциями и законами *de facto* устанавливаются формы внешнего управления.

Соперничество высших центров государственной власти и квазисистем внутри правящего режима отражает противостояние различных сегментов правящего класса (в том числе и тех, которые аффилированы с зарубежными силами) и является фактором дальнейшего отчуждения рядовых граждан как от структур власти и управления, так и ресурсных потоков.

Противодействие квазисистемам предполагает повышение уровня гражданско-правовой активности и контроля населения за структурами власти и инструментами правящего режима. Дефицит таких усилий или невозможность граждан противодействовать этим формам господства означает стремительное нарастание рисков формирования диктаторских режимов и расширения зоны криминальной власти.

Соловьев Д.А.  
(ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов)

## **«ГЛАВНАЯ УПРЯЖКА» ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИРЕКТОРАТА В РОССИИ: ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ**

**П**олитический директорат: подход Ч.Р. Миллса. В середине XX в. американский социолог Ч.Р. Миллс опубликовал работу «Властвующая элита», где описал систему взаимоотношений между тремя главенствующими иерархиями в США: военной, экономической и политической<sup>3</sup>. По его мнению, именно в этих трех основных сферах общественной жизни совершается процесс принятия решений. Его логика размышления была такова. Все эти сферы тесно переплетены между собой, поэтому американская элита представляет собой совокупность людей, обладающих общими душевными свойствами. Элита также обладает схожими коренными интересами, что определяет ее стремление сплотиться в одну группу. Эта форма единства позволяет элите координировать соб-

<sup>1</sup> Морозова Е., Мирошниченко И., Рябченко Н. Фронтис сетевого общества // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 2. С. 89.

<sup>2</sup> Baumgartner F., Bryan D., Mortensen B. Punctuated Equilibrium Theory: Explaining Stability and Change In Public Policy-making // *Theories of the Policy Process* / Ed. by C.M. Weible and P.A. Sabatier. N.Y., L.: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. P. 70.

<sup>3</sup> Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.

ственные действия и выгодна ее представителям. Занимаемые ими командные позиции в основных иерархиях увеличивают шансы на получение и удержание власти, богатства и известности. Таким образом, влияние персоны обусловлено весом занимаемой должности, гласит позиционный метод идентификации элит.

Если мы сосредоточим свое внимание на изучении политической пирамиды, то в структуре правящей элиты, в первую очередь, нам интересен политический директорат. В американском обществе эта совокупность состоит из 53 постов и людей, «облеченных правом принимать решения, связанные с осуществлением исполнительной власти»<sup>1</sup>. В составе политического директората существует три прослойки: А) «главная упряжка» — 12 должностей; В) «вспомогательная упряжка» — 32 должности (руководители министерств и административный секретариат президента) и С) «узкий кружок» — 9 должностей помощников президента.

По состоянию на 2 мая 1953 г. в «главной упряжке» находились президент, вице-президент, а также 10 членов кабинета Дуайта Эйзенхауэра. Если бы мы изучали с помощью позиционного метода Америку в 2021 г., то в нашем списке должностей оказалось бы 17 позиций — президент, вице-президент, а также 15 членов кабинета Джо Байдена. Заметим, что члены кабинета США назначаются президентом с согласия Сената.

*Политический директорат: современная Россия.* Полагаем, позиционный метод подходит для изучения и российских решенческих практик. В настоящей работе мы рассмотрим лишь «главную упряжку» политического директората в России. В существующей системе властных отношений наше внимание привлеч институт Совета Безопасности (далее — СБ) РФ. Этот совещательный орган при Президенте РФ создан 3 июня 1992 г. Многие члены СБ являются руководителями федеральных органов государственной власти, которых в соответствии с пунктом «д»<sup>1</sup> ст. 83 Конституции РФ<sup>2</sup> президент назначил и может отстранить от должности после консультации с Советом Федерации. Поэтому мы считаем, что председатель и постоянные члены СБ входят в состав искомой когорты руководителей. В таком случае укажем главное отличие российской модели от американской. В России руководящие политические деятели принадлежат к исполнительной и законодательной ветвям власти, а в США они воплощают в себе лишь исполнительную государственную власть.

Поскольку перечень лиц, введенных в состав СБ, в официальных документах представлен в алфавитном порядке (кроме должности заместителя председателя)<sup>3</sup>, то нам пришлось найти другой способ определения влияния должностей постоянных членов СБ с помощью позиционного метода.

На сайте Администрации Президента РФ в разделе «Новости Совета Безопасности» в хронологическом порядке представлена информация о совещаниях президента с постоянными членами СБ. В каждой новости данного типа указывается персональный состав участников встречи. Определим контрольную точку исследования — 2021 г. — и проанализируем сообщения о событиях за этот год. Нам необходимо найти заседание, на котором присутствуют все 12 постоянных членов СБ. Например, такое совещание состоялось 18 июня 2021 г.<sup>4</sup> Порядок, в котором указываются участники совещания, соответствует протокольному старшинству должностей. Исключением являются лица, замещающие равные по статусу командные политические посты, — министр внутренних дел, министр иностранных дел и министр обороны. В таком случае мы говорим лишь о положении этой группировки должностей в политической иерархии. Итак, модель иерархии «главной упряжки» политического директората в России выглядит следующим образом: председатель СБ РФ — Президент РФ (1-й ранг), председатель правительства — 2-й ранг, спикер СФ ФС РФ — 3-й ранг, спикер ГД ФС РФ — 4-й ранг, заместитель председателя СБ РФ — 5-й ранг, руководитель АП РФ — 6-й ранг, секретарь Совбеза — 7-й ранг, руководители МВД, МИД и МО (8–10-й ранги), директор ФСБ — 11-й ранг, директор СВР — 12-й ранг и спецпредставитель президента по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта — 13-й ранг. Таким образом, влияние должностей председателя и постоянных членов СБ РФ описывается в рамках позиционного метода их протокольным старшинством.

<sup>1</sup> Миллс Р. Указ. соч. С. 531.

<sup>2</sup> Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 б/н (с изм. от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

<sup>3</sup> Об утверждении состава Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 25.05.2012 № 715 (в ред. от 16.11.2020 № 708) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 22. Ст. 2758.

<sup>4</sup> Совещание с постоянными членами Совета Безопасности // Сайт администрации Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/security-council/65881> (дата обращения: 26.06.2021).

Сони́на Е. О.  
(Уральский институт управления, филиал РАНХиГС  
при Президенте РФ, Екатеринбург)

## ВЛИЯНИЕ ТИПА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА ПОДХОДЫ К ЦИФРОВИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Современная ситуация определяется эскалирующим развитием цифровых технологий и их внедрением во все сферы жизни общества, включая системы управления им. Возникновение и утверждение цифрового общества (информационное, постиндустриальное общество, общество третьей волны), характеризующиеся проникновением цифровых технологий в большинство жизнеобеспечивающих его сфер, не является новым феноменом. Специфика современной ситуации, определенной, в первую очередь, распространением новой коронавирусной инфекции, заключается в появлении новых субъектов цифровизации.

Процессы активного распространения информационных технологий на этапе становления цифрового общества были спровоцированы, в первую очередь, глубинными структурными изменениями в самом обществе и поведением в ответ на эти изменения экономических агентов. Ситуация, связанная с распространением новой коронавирусной инфекции, привела к активизации спроса на информационные технологии и укоренению попыток обеспечения контроля за их освоением и распространением со стороны государственных структур, которые стали одними из претендентов на статус субъектов цифровизации. Предлагаемые на сегодня в рамках разных моделей реформирования системы государственного управления подходы к цифровизации — это не просто попытка технологического обновления данной системы, а, по сути, попытка выбора возможных подходов к сохранению статуса государства как ключевого субъекта политического управления. Именно поэтому цифровизация оказывается в числе приоритетных национальных направлений развития во всех странах, претендующих на политическое и экономическое лидерство, а концептуальное оформление задач применения цифровых технологий в системе государственного управления произошло практически во всех его моделях, приведя в том числе к появлению неадминистративной модели, легитимирующей возможные подходы цифровизации в рамках бюрократической модели. Насколько в результате этого поиска будет обеспечен баланс интересов государства и общества, будут ли созданы действительно условия для их устойчивого развития, во многом определяется типом политической системы.

В условиях глобальной угрозы распространения новой коронавирусной инфекции, простимулировавшей цифровизацию государственного управления, указанный процесс разворачивался преимущественно в условиях двух типов политических систем: бюрократических (авторитарных) и согласительных (по Ч. Эндрейну).

Бюрократическая (авторитарная) политическая система опирается преимущественно на модель идеальной бюрократии в определении подходов к государственному управлению. «Цифровая» прививка привела к появлению неадминистративной модели государственного управления, которая предполагает активное развитие и применение цифровых технологий с целью упрощения взаимодействия общества и государства, но преимущественно в отношении конкретных процедур, связанных с реализацией государственных функций. Такая цифровизация государственного управления позволяет ускорять процессы принятия решений, получения населением необходимых разрешений, документов, но не означает отказа от установки на централизацию системы государственного управления и доминирующей роли государства в процессах принятия политических решений. Поэтому главными рисками цифровизации государственного управления в рамках такой модели оказывается возможное усиление цифрового неравенства, усиление закрытости органов власти из-за минимизации «живых» контактов во взаимодействии их с населением, осложнение обеспечения действительного контроля со стороны населения за процессами принятия политических решений.

Согласительная политическая система предполагает ориентацию на модели нового государственного управления (*new public management*) и хорошего управления (*good governance*). В рамках данных моделей цифровые технологии рассматриваются как инструмент повышения открытости деятельности органов публичной власти, обеспечения их большей клиентоориентированности, доступности государственных услуг для населения, стимулирования его участия в процессе принятия стратегически важных для государства или отдельного региона решений. Но указанные модели достаточно сложны в управлении, очень требовательны к коммуникативной и цифровой компетенции как населения, так и политических субъектов, а также эффективно работают при высоком уровне доверия власти и общества. В противном случае активное внедрение цифровых технологий в рамках данных моделей может обернуться тоже существенными рисками для обеспечения стабильности и развития общества и политической системы: при функционировании модели нового государственного управления усилением цифрового неравенства, но уже не между государством и населением, а крупными экономическими



агентами и населением; при функционировании модели хорошего управления — усилением популистских тенденций и попыток за счет использования в том числе цифровых технологий создавать иллюзию открытости процесса принятия политических решений.

Сосунов Д.В.  
(ВГУ, Воронеж)

## ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ДЛЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ<sup>1</sup>

В центре внимания политического дискурса современной России неизменно находятся вопросы повышения эффективности системы государственного управления и совершенствования работы политической системы в целом. По словам Президента РФ В.В. Путина, главный смысл государственного управления — это обеспечение устойчивого развития общества и достижение достойного уровня жизни людей. «Чтобы добиться действительно прорывных результатов, нужна постоянная обратная связь, объемное, объективное видение всей картины, где система изменений работает, а где, к сожалению, иногда, так же как и везде во всем мире, дает и сбои, — отметил В.В. Путин. — Выявляем, какие лучшие управленческие решения надо тиражировать, а где, напротив, сохраняются риски неэффективности, коррупции, стагнации. Принимаем решения по поводу того, что с этим делать, как с этим бороться»<sup>2</sup>.

Стоит отметить, что в процессе подобного многосоставного взаимодействия возникают новые внешние и внутренние вызовы и угрозы. По нашему мнению, в современной России своеобразным ответом на поступающие подобные импульсы стала конституционная реформа 2020 г. Принятые поправки значительно изменили институциональный дизайн политической системы, способствовали развитию системы государственного управления РФ и стали объектом детального анализа со стороны научно-экспертного сообщества.

Осенью 2020 г. исследовательская группа кафедры социологии и политологии ВГУ под руководством профессора А.В. Глуховой провела экспертный опрос. Выборка составила 70 информантов из более чем 20 городов — региональных центров России. Экспертами выступили специалисты в различных профессиональных областях: юриспруденция/право, социология, политология, философские науки, эксперты-практики. Для измерения уровня рисков была использована шкала: от 1 до 10 в оценках степени влияния (1 — минимальное, 10 — максимальное).

Итак, если говорить о политических рисках для системы государственного управления РФ, то эксперты их постарались проранжировать по десятибалльной шкале. Исходя из этого, получилось три группы рисков. Для низкого уровня характерны, в частности, рост шовинизма и усиление центробежных сил, передел собственности и ухудшение условий социально-экономического развития, втягивание страны во внешнеполитические конфликты, разрушение правопорядка, снижение уровня защищенности прав и свобод человека. Интересно, что риск нарастания радикализации протеста оценивался на уровне чуть более 4 баллов.

Во второй группе оказался риск углубления общественного раскола, который был оценен на уровне 5,4 балла. Триггеры его наступления фиксируются данными ежегодных наблюдений и исследований общественного мнения. Так, например, по данным Левада-центра, в январе 2021 г. половина россиян (49%) считают, что страна движется по правильному пути, 40% — считают иначе. При этом 48% респондентов в возрасте 18–24 года думают, что страна движется по неверному пути, 44% — страна движется в правильном направлении<sup>3</sup>.

В группе с высоким уровнем риска эксперты выделили, помимо внешнеполитических факторов, риски снижения результативности эффективности публичного управления, ослабления обратной связи (от общества к государству), всевластия элиты при одновременном ухудшении ее качества и формализацию, профанацию института выборов. Именно эти параметры вызывают наибольшую тревогу в экспертном сообществе.

Следует отметить, что риск ослабления обратной связи участники опроса оценили как один из самых важных. «Люди вынуждены следовать тем решениям, которые принимаются сверху, не имея при этом никакой возможности на них влиять», — подчеркнул один из экспертов. Созданные новые структуры — Центры управления регионов (ЦУРы) представляются скорее в качестве инструмента контроля и мо-

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 20-011-31097 «Риски деформации политической системы РФ в условиях конституционных изменений (конфликтологическая экспертиза»).

<sup>2</sup> Латухин К. Путин назвал смысл госуправления // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/09/25/putin-nazval-mysl-gosupravleniia.html> (дата обращения: 15.06.2021).

<sup>3</sup> Левада-центр. Президентские рейтинги и положение дел в стране. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/04/prezidentskie-rejtingi-i-polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения: 15.06.2021).

нитинга, нежели повышения эффективности государственного управления за счет своевременного и адекватного реагирования на обратную связь.

Таким образом, экспертные оценки позволили взглянуть на достаточно широкий спектр возможных политических рисков для системы государственного управления современной России. Удалось выделить и проранжировать три группы рисков по итогам проведения конституционной реформы 2020 г. Тем не менее необходимо отметить, что экспертное мнение — лишь один из возможных информационных срезов, поэтому сделанные выводы имеют дискуссионный характер.

Стахеев И.С.

(ТГУ, Томск; Университет ИТМО, Санкт-Петербург)

## ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК ПУБЛИЧНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕДОВОЛЬСТВА: «СКРЫТОЕ ПОСЛАНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УЛИЧНОМ ИСКУССТВЕ

Сложность современного социального устройства, многообразие социальных групп и их интересов порождают самые разнообразные формы политического господства, а также формы сопротивления этому господству. В городской среде это многообразие выражено особенно ярко. Именно это многообразие подчеркивает Анри Лефевр<sup>1</sup> в своей концепции производства общественного пространства как непрерывного процесса установления иерархий, доминирующих дискурсов, пространственных практик и представлений об этих практиках.

Город служит площадкой для столкновения политических интересов, реализуя различные формы репрезентации политического высказывания. Одной из таких форм является городское уличное искусство<sup>2</sup>. Появившись как форма уличного протеста, сейчас городское уличное искусство зачастую используется официальными представителями власти для утверждения собственного идеологического дискурса, например, в России проводятся конкурсы патриотического граффити<sup>3</sup>. С другой стороны, несогласованные граффити расцениваются российскими властями как вандализм, подлежат быстрому устранению и могут стать поводом для уголовного преследования автора. И все же подобные образцы уличного искусства появляются все чаще и чаще.

Интересным трендом в подобного типа искусстве становится появление граффити в виде той или иной символической формы, понимание которой требует некоторого навыка, понимания контекста и уровня образования. Типичным примером подобного художественного высказывания является ребус на трансформаторной будке, разгадкой которого служит слово «диктатура»<sup>4</sup>. Появившись на популярном агрегаторе интернет-мемов «Яплакал» в 2017 г., этот ребус до сих пор пользуется популярностью в цифровой среде.

Объяснение роста популярности подобного жанра возможно, если проанализировать ситуацию при помощи концептуальной схемы американского антрополога Джеймса Скотта. Скотт, так же как и Лефевр, используя неомарксистский фундамент, выделяет в обществе «сильные» и «слабые» группы<sup>5</sup>. У сильных групп для установления своего доминирующего положения есть институциональные возможности, у слабых — или радикальные, например восстание, или символические, которые он называет «оружием слабых». «Оружие слабых» — это анекдоты, памфлеты, рисунки и другие жанры производства символических форм<sup>6</sup>.

Власть, согласно Скотту, пытается контролировать публичный дискурс, производя свою систему как буквальных смыслов, так и респектабельных намеков, которые так или иначе реализуют дискурсивную гегемонию<sup>7</sup>, формируя единодушие.

При сильном прессинге со стороны «сильных» группа «слабых» может высказывать свое недовольство только в скрытой, закодированной форме, применяя «искусство политической маскировки». Написать прямое «Долой Имярек» слишком рискованно, особенно в эпоху видеонаблюдения. Поэтому

<sup>1</sup> Лефевр А. Производство пространства / Пер. с франц. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. — 432 с.

<sup>2</sup> Бажкова Е.В., Лурье М.Л., Шумов К.Э. Городские граффити // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 430–449.

<sup>3</sup> «Конкурс патриотического граффити, посвященного полету Гагарина в космос, объявили в Подмосковье». URL: <https://www.interfax-russia.ru/center/novosti-podmoskovya/konkurs-patrioticheskogo-graffiti-posvyashchennogo-poletu-gagarina-v-kosmos-obyavili-v-podmoskove>.

<sup>4</sup> URL: <https://www.yaplakal.com/forum2/topic2283069.html>.

<sup>5</sup> Scott J.C. Weapons of the week: everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale University Press, 1984.

<sup>6</sup> Scott J.C. Domination and the art of resistance: hidden transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993.

<sup>7</sup> Здесь уместно вспомнить высказывание про «очень вежливую кошку» министра обороны РФ Сергея Шойгу. URL: <https://www.mk.ru/politics/russia/article/2014/04/17/1016052-shoigu-o-zelenyih-chelovechkah-na-ukraine-glupo-iskat-chernuyu-vezhlivuyu-koshku-v-temnoy-komnate.html>.

протестные смыслы обретают зашифрованную форму, как в указанном выше ребусе, или, например, часах, идущих назад, установленных в Нижнем Новгороде<sup>1</sup>.

Это порождает у власти дополнительную подозрительность и попытки распознать протестный смысл в любом публичном высказывании. В Санкт-Петербурге это породило настоящее противостояние уличных художников и коммунальных властей города, а в местных СМИ начали замерять скорость<sup>2</sup>, с которой закрашивалось то или иное граффити. Впрочем, продолжительность жизни самого произведения уже не так важна, его ценность — в дальнейшем вирусном распространении в социальных сетях, где оно продолжает жить даже после своего уничтожения.

Таким образом, мы можем утверждать, что появление подобного типа «спрятанных посланий» в российском городском искусстве является некоторым маркером сложившейся политической обстановки в стране: появилась некоторая социальная группа городских жителей, идентифицирующих себя как «группа слабых», недовольная существующим положением дел и использующая «скрытые послания» для донесения этого недовольства и все же пока не решающаяся на радикальные действия.

Степанов А.И.  
(ПГНИУ, Пермь)

## **СТРУКТУРА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕГИСЛАТУРАХ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ**

Для проведения грамотной молодежной политики желательно наличие в составе политических элит соответствующей социальной группы. Вовлечение молодых людей в управленческие процессы может считаться насущной проблемой на протяжении всей истории существования государственных институтов. Власть никогда не была уделом молодых, а во многих государствах геронтократический уклад формально и неформально закреплен по сегодняшний день. Молодежь как социальную группу в России можно считать плохо представленной на всех уровнях власти. В так называемом «среднем» уровне, в региональных легислатурах, число молодых депутатов составляет около 10%, при условии, что мы определяем их как людей, не достигших возраста 35 лет. Что из себя представляет структура представительства молодежи в региональных легислатурах и каковы каузальные связи между ней и различными политическими аспектами? Для ответа на данные вопросы мы обратились к кросс-региональному сравнительному анализу в изучении состава региональных легислатур на всей территории РФ, а также инструментов рекрутирования молодежи. Для визуализации данных и частичных построений каузальных связей между состоянием рекрута молодежи и политическими аспектами применялся анализ данных в R, конкретно, в рамках эксплораторного анализа использовался кластерный анализ, для прикладного — построение линейных регрессий.

В рамках исследования удалось выявить карьерно-биографические траектории, которые характерны для молодых людей, заполучивших мандаты в региональных легислатурах. В большинстве случаев эти траектории связаны с внутрипартийной активностью, относительно нередки случаи, когда кандидаты либо имели бизнес, либо занимали руководящие должности в организациях, а их возраст, как правило, превышал 30 лет.

В целом состояние рекрутирования молодежи в региональные легислатуры с точки зрения целенаправленного использования инструментов региональными элитами практически не развито. Среди инструментов виден значительный разброс и преобладание «административных» путей. В некоторых федеральных округах мы можем заметить достаточно высокий уровень политического профессионализма среди молодежи, они получают опыт в муниципальном депутатстве, проходят процедуру праймериз, самостоятельно добиваются популярности и избираются в рамках одномандатных округов. Среди таких «профессиональных» территорий мы можем выделить Центральный округ, Северо-Западный и частично Поволжье. Остальные в той или иной степени относятся к округам с плохо развитыми «сложными» инструментами рекрута. В них чаще всего преобладают «простые» пути, связанные с выслугой перед партией или депутатом или включение своего имени в список. В большей степени такое характерно для Южного федерального округа, Урала, Дальнего Востока и Северного Кавказа, хотя инструменты рекрутирования в последнем нам, к сожалению, проанализировать не удалось ввиду огромного числа депутатов и почти полного отсутствия информации о них.

<sup>1</sup> «На доме Бориса Немцова в Нижнем Новгороде установили часы с надписью “Россия» — они идут назад”. URL: <https://tjournal.ru/art/395655-na-dome-borisa-nemcova-v-nizhnem-novgorode-ustanovili-chasy-s-nadpisyu-rossiya-oni-idut-nazad>.

<sup>2</sup> «Политическое граффити на Литейном закрасили через девять часов». URL: <https://peterburg2.ru/news/politicheskoe-graffiti-na-liteynom-zakrasili-cherez-devyat-chasov-86656.html>.

По итогу регрессионного анализа была обнаружена значительная ассоциация между долей молодых депутатов и процентом мандатов, принадлежащих «Единой России». *P-value* был равен 0,00000039, это говорит нам о высокой вероятности соответствия набора данных альтернативной, а не нулевой гипотезе. Коэффициент детерминации 0,27, такова доля объясненной вариации. Значение «*Intercept*» сообщает о том, что ожидаемый процент молодых депутатов в законодательном органе составлял бы приблизительно 25%, при условии, что «Единая Россия» не занимает ни единого места. Коэффициент регрессии указывал на ожидаемое уменьшение доли молодежи на 0,2% при повышении присутствия «Единой России» в законодательном органе на 1%. Подобное может говорить о том, что нынешняя партия власти практически не заинтересована в рекрутировании молодежи в группу региональных элит. Также прочная связь имеется между годом выборов и долей молодежи среди депутатов. С каждым годом ее число стабильно возрастает, *p-value* при очередном анализе был равен 0,00015. Однако стоит учесть небольшое число случаев, равное шести избирательным циклам. Сами региональные законодательные органы в доле числа молодых депутатов представляют из себя распределение, относительно близкое к нормальному, и органично вписываются в кластерный анализ всего по трем показателям: непосредственно региону, проценту молодых депутатов и доли мандатов «Единой России».

Среднее число молодых депутатов в регионах (до 35 лет) по стране составляет около 10%, и лишь менее 1% относятся к категории моложе 26 лет. Среди партий-покровителей молодых депутатов лидирует «Единая Россия», что связано с ее наибольшим присутствием в законодательных органах в принципе, второе место занимает ЛДПР, ее, в некоторой степени, можно считать главным проводником молодежи в региональные представительные органы, если судить по доле молодых людей среди общего числа депутатов, входящих в ЛДПР. Среди инструментов рекрутирования преобладают партийный список, опыт в муниципальном представительстве и внутрипартийная карьера.

Дальнейшее исследование данной темы предполагает расширенное использование качественных данных, для чего предполагается обращение к информации, касающейся политической культуры конкретных территорий. Кроме того, при нахождении валидных переменных возможно расширение предикторов и дальнейший их анализ с точек зрения мультипликативности и мультиколлинеарности.

Столетов О.В.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## **ПРИОРИТЕТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНОЙ ЕВРАЗИИ В СТРАТЕГИЯХ ОСНОВНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОРОВ**

Современная мировая политическая динамика характеризуется смещением пространства стратегической конкуренции в Южную Евроазию, к которой представляется возможным отнести территории Евразийского континента, омываемые с юга Индийским океаном, а с юго-востока — Тихим. На стратегическом уровне повышение внимания основных международных акторов к проблемам безопасности в Южной Евразии характеризуется рядом факторов. Во-первых, структуру международных отношений все больше формирует стратегическое соперничество США и Китая, наиболее интенсивно проявляющее себя в зоне реализации инициативы «Один пояс — один путь» и прежде всего мегапроекта «Морской Шелковый путь XXI века» (далее — МШП-XXI). Во-вторых, усиливаются геополитические и геоэкономические противоречия между Китаем и Индией, которые проецируются на их отношения с третьими странами. В-третьих, Южная Евразия, превращаясь в перспективный драйвер роста мировой экономики и энергопотребления, сталкивается с широким спектром проблем безопасности.

Свидетельством концентрации внимания США и другими акторами «коллективного Запада», прежде всего Японией, Австралией, Великобританией, Францией, Германией, Евросоюзом в целом, на проблемах безопасности Южной Евразии является утверждение ими во второй половине 2010-х годов стратегических документов, ставящих задачу активизации сотрудничества в сфере безопасности с государствами Индо-Тихоокеанского региона (далее — ИТР). Эти документы отличает ориентация на широкий спектр разновидностей безопасности, как традиционных, так и новых. Особый акцент делается на вопросах морской, транспортной, энергетической и водной безопасности, контроля над вооружениями, противодействия угрозам в таких областях, как киберпространство, экология и климат, инфраструктура, здравоохранение, борьба с терроризмом, экстремизмом и защита гражданских прав. В документах прослеживается общая установка на «перехват повестки дня» в сфере безопасности ИТР за счет развития сотрудничества государств региона — стран-членов АСЕАН (прежде всего Индонезии, Сингапура, Филиппин, Таиланда, Малайзии, Вьетнама), Индии, Австралии, Японии, Новой Зеландии, Южной Кореи, с США, ведущими странами Европы, Евросоюзом и НАТО, а также в рам-

ках многосторонних объединений в сфере безопасности: Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD), Пятисторонние договоренности по коллективной обороне (FPDA) и другие форматы.

Не имея общей границы по суше с государствами Центральной Азии и Ближнего Востока, Индия серьезно экономически зависима от логистики между Тихим и Индийским океанами. Реализуя концепцию «Sagar Mala», Индия заинтересована в расширении сотрудничества с государствами Индийского и Тихого океанов, в том числе посредством интеграции в формирующуюся систему «морских альянсов» ИТР: QUAD, Трехсторонняя инициатива по сотрудничеству в сфере морской безопасности и др.

АСЕАН на фоне интенсификации борьбы США и КНР за лидерство в ИТР старается сохранить за собой ключевую роль в формировании архитектуры безопасности в регионе, обеспечивающую мирное развитие на основе многостороннего сотрудничества.

КНР стремится к преодолению «Малаккской дилеммы» и обеспечению безопасности мегапроекта МШП-XXI. В условиях обострения противоречий с США, их близкими союзниками и партнерами в ИТР Китай заинтересован в сохранении взаимодействия в сфере безопасности со странами АСЕАН, прежде всего расположенными на территории Индокитая, а также контролирующими Малаккский пролив, при одновременном укреплении двустороннего военного сотрудничества с Россией, Ираном, Пакистаном, Бангладеш.

Россия, продвигая концепцию «Большой Евразии» и Концепцию коллективной безопасности в зоне Персидского залива, стремится к поддержанию сбалансированных отношений с ключевыми государствами Южной Евразии. Россия выступает против внедрения блоковых подходов в международную политику Южной Евразии и содействует формированию неконфронтационных отношений между странами этого региона, в том числе посредством многостороннего диалога в рамках ШОС. Усиливая внешнеполитические позиции в Южной Евразии, Россия укрепляет свой Тихоокеанский флот, развивает сотрудничество в сфере безопасности с Китаем, Индией, Ираном, Пакистаном, а также странами АСЕАН, прежде всего стремящимися к выстраиванию конструктивных отношений с КНР (Вьетнам, Лаос, Мьянма).

Результатом активизации внешнеполитических стратегий основных международных акторов в Южной Евразии становятся расширение их военного присутствия в ИТР, рост соперничества в области реализации инфраструктурных проектов. Нарастающая конкуренция подходов к обеспечению безопасности в Южной Евразии все более интенсивно притягивает к себе США, страны Европы, Восточной Азии, Россию и другие государства евразийского пространства, которые вовлекаются в сложное взаимодействие, сочетающее элементы сотрудничества и конфликтности.

Стрежнева М.В.

(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, МГИМО МИД России, Москва)

## **МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК ОСНОВА ИНТЕРПРЕТАТИВНОГО ПОДХОДА В МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ**

С точки зрения интерпретивизма любые факты зависят от контекста. Факты устанавливают агенты, придерживающиеся определенных традиций в интерпретации мира. Иными словами, вне какой-то конкретной трактовки получение знания в принципе невозможно. Следовательно, и при анализе международно-политического поведения мы не можем обойтись простым изучением фактов, не уточнив при этом смыслы, которые агенты вкладывают в политические концепты и практики.

Интерпретативная политическая наука, которая позаимствовала свои особые методы у социологии, претендует на изучение «смысловой нагруженности» международной политики. В конечном счете международно-политическое поведение — это поведение людей, которое интенционально, т.е. содержит субъективную компоненту, иначе говоря — оно не полностью познаваемо для науки «традиционной». Однако подобное заимствование остается проблематичным в той степени, в какой политологи игнорируют «напряжение» между объектом социологии (общество) и методологическим индивидуализмом в том виде, как данный принцип был сформулирован Максом Вебером. Для Вебера в социологическом объяснении только индивидуальное действие выступает как «субъективно постижимое» (т.е. поддающееся гипотетической каузальной интерпретации третьим лицом, которая тем не менее подлежит объективной верификации)<sup>1</sup>. Важно, что методологический индивидуализм отличен от атомизма в том смысле, что не влечет за собой необходимости полной редукции социологических подходов к психологическим, признавая автономное существование межличностных отношений, которые несводимы полностью к состоянию психики или индивидуальному ментальному состоянию их

<sup>1</sup> Aragona M. Causal understanding: Max Weber and the interpretation of human actions // Dialogues in Philosophy, Mental and Neuro Sciences. 2018. No. 11 (1). P. 36–48.

участников. Он, помимо прочего, никоим образом не равнозначен рассмотрению индивида в качестве единицы анализа.

Полезным является также различие, которое Вебер проводит между прямым пониманием наблюдателем смысла происходящего с точки зрения участников (*aktuelles Verstehen*) и объясняющим пониманием (*erklärendes Verstehen*) как более изощренным истолкованием мотивов индивидуального действия, для достижения которого действие должно быть помещено наблюдателем в удобопонятный/ концептуальный смысловой контекст<sup>1</sup>.

В настоящем докладе три более или менее устоявшихся метода интерпретативного исследования (нарративный метод, метод символического интеракционизма и метод дискурс-анализа по Мишелю Фуко) рассмотрены на предмет их соответствия принципу методологического индивидуализма по Веберу. Сделано заключение, что нарративный метод есть скорее метод достижения прямого понимания (скажем, смысла опубликованной правительством внешнеполитической стратегии с точки зрения ее авторов, когда предметом рассмотрения является сама по себе рассказываемая ими «история»). С дискурс-анализом по Фуко открываются возможности для понимающего анализа (единицей анализа здесь тоже выступают не индивиды, будь то социальные и/или биологические, как таковые, а совершаемые ими дискурсивные акты), тогда как символический интеракционизм в принятых формах искомому принципу изначально соответствует в меньшей степени, что и провоцирует упорные попытки его методологической коррекции.

Ключевая причина возникновения несоответствия видится в том, что методология символического интеракционизма теми, кто его применяет, воспринимается не как индивидуалистическая (по Веберу), а как более «традиционная» — атомистическая. В исследовании международных отношений в особенности (это хорошо видно на примере органицизма Александра Вендта<sup>2</sup>) ее применение может выливаться поэтому в сомнительные попытки наделяния коллективов (прежде всего государства) индивидуальной интенциональностью, свойственной исключительно человеческому сознанию или психическим состояниям субъекта, в то время как интенциональность коллектива является коллективной (социальной) по определению, и никаким индивидом она не могла бы быть осуществлена в одиночку.

Вышесказанное не отменяет полезности для интерпретивистов-международников категории государства как социального лица. Хотя политические явления имеют место вследствие индивидуальных установок и поведения, описания индивидуального уровня во многих случаях не позволяют уделить должное внимание в ходе политического исследования всем значимым параметрам, поскольку политические дискурсы и нарративы, изучение которых помогает восполнить недостатки иных форм политического анализа, всегда прочно укоренены в организациях и институтах.

Су Шуай  
(РУДН, Москва)

## СОСТОЯНИЕ И МЕТОДЫ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ СМИ

Двусторонние отношения между Китаем и Россией вступили в самый лучший период в истории, и степень политического доверия между странами становится все выше и выше. Современные российско-китайские отношения стали образцом современных международных отношений.

СМИ играют важную роль в развитии отношений между КНР и РФ, являются мостом, связывающим дружбу между двумя народами Китая и России, а также конкретным проводником укрепления китайско-иностранных культурных обменов и совершенствования «мягкой силы» национальной культуры в развитии социалистической мысли с китайской спецификой со стороны Председателя Си Цзиньпина. СМИ являются важной частью российско-китайского сотрудничества в гуманитарной области. С быстрым развитием информационных технологий, распространением средств массовой информации активно представляются обмены и сотрудничество между двумя странами, формируя хороший национальный имидж двух стран. С момента распада Советского Союза китайские и российские СМИ от попыток общения перешли к обширным контактам, от взаимодействия СМИ к стратегическому сотрудничеству, от частных контактов к правительственному продвижению, пережили период медленного развития, период обширных контактов, а теперь и развития стратегических возможностей<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Gert A. Erklären und Verstehen // Max Weber-Handbuch / Ed. by H.-P. Müller and S. Sigmund. Berlin: J. B. Metzler Verlag, 2020. P. 64–66.

<sup>2</sup> Wendt A. The state as person in international theory // Review of International Studies. 2004. No. 30 (2). P. 289–316.

<sup>3</sup> Ли Шууха, Цзинь Хуэсинь. Китайско-российское сотрудничество СМИ: реализация проблемы и предложения. 2019. № 2. С. 139.

В 2001 г. Китай и Россия подписали Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, который закрепил в правовой форме «дружбу поколений» двух стран. 14 октября 2002 г. в Пекине была создана российско-китайская рабочая группа по сотрудничеству в области СМИ и состоялось ее первое заседание. Его участники обсудили сотрудничество между РФ и КНР во многих областях СМИ, сотрудничество и обмена в области издательской деятельности, радио и телевидения и др., они стали все более частыми и начали нормализовываться<sup>1</sup>. В 2002 г. китайско-российское совместное заявление было подписано Председателем КНР Цзян Цзэминем и Президентом России Владимиром Путиным. В этом заявлении говорилось о расширении обменов и сотрудничестве между Китаем и Россией в области медиа и культуры, что способствовало укреплению новых связей, добрососедству, дружбе и взаимному доверию между Китаем и Россией<sup>2</sup>.

Качественное сотрудничество между Китаем и Россией в области СМИ позволило руководителям Китая и России достичь дальнейших договоренностей. 8 мая 2015 г. Председатель КНР Си Цзиньпин во время поездки в Россию совместно с Президентом РФ В. Путиным объявили, что в 2017 г. проведет «Годы китайских и российских СМИ».

На пяти форумах стороны из Китая и России договорились о сотрудничестве по таким темам, как «Каналы и методы международной передачи информации в эпоху новых СМИ», «Пояса и пути», «Новые направления российско-китайского сотрудничества СМИ в новую эпоху», «Развитие традиционных средств массовой информации и новых медиа в эпоху цифровой экономики». Цифровые СМИ стали важным направлением сотрудничества СМИ двух стран. В рамках профильной конференции стран, сотрудничающих с ИПП, российские медиа продемонстрировали повышенный интерес к опыту Китая по внедрению технологий 5G в СМИ.

Российско-китайский медиафорум стал важной платформой для диалога и ведущей к взаимодействию СМИ двух стран, а также к дружественному развитию российско-китайских отношений. В 2020 г. Министерство цифрового развития, связи и средств массовой информации России заявило, что российско-китайский комитет гуманитарного сотрудничества утвердил программу сотрудничества СМИ двух стран на 2021 г.<sup>3</sup>

От медленного развития к обширным контактам китайско-российское сотрудничество в области СМИ достигло стремительного развития и впечатляющих результатов. Конечно, глубокое сотрудничество китайских и российских СМИ нельзя отделить от следующих причин: отношения между Китаем и Россией бурно развиваются; дружественная фоновая поддержка китайско-российских отношений, поддержка национальной политики; развитие сотрудничества в области новых медиа.

Таким образом, сотрудничество Китая и России в сфере СМИ на национальном уровне является продуктом политической мудрости лидеров двух стран и носит инновационный, долгосрочный и стратегический характер. Подписание лидерами двух стран соглашения о сотрудничестве в области средств массовой информации — также активный шаг в укреплении обменов между двумя странами в гуманитарной области.

Интенсивное взаимодействие средств массовой информации между двумя странами будет способствовать дальнейшему углублению политических и культурных связей и формированию позитивного имиджа стран, тем самым выводя китайско-российские международные отношения на новую высоту.

Сулимов К.А.  
(ПГНИУ, Пермь)

## **ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ «РЕГИОНАЛЬНОГО КАРТИРОВАНИЯ» ДЕПУТАТОВ ГД<sup>4</sup>**

Публичные выступления депутатов Государственной Думы РФ представляют продуктивный эмпирический материал, который может быть использован для реализации различных исследовательских задач. Общей целью проекта, в рамках которого выполнено данное исследование, является определение вариативности и пространства эквilibriumа образа будущего России в представлениях депутатского корпуса. Эмпирической базой являются стенограммы заседаний ГД РФ, весь массив данных с 1994 по середину 2020 г. включает 324 тыс. реплик (27 млн словоупотреблений) от 2773 депутатов и других лиц.

<sup>1</sup> Исаев А.С. Институты формирования общественного сознания КНР и вопросы сотрудничества СМИ России и Китая // Китай в мировой и региональной политике, история и современность. Политологические науки. 2016. № 21. С. 218–233.

<sup>2</sup> Ли Шухуа, Цзинь Хуэсинь. Китайско-российское сотрудничество СМИ: реализация проблемы и предложения. 2019. № 2. С. 139.

<sup>3</sup> Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40150/>.

<sup>4</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00624.

Использование данного массива данных позволяет проверить институциональную обусловленность символического депутатского картирования электоральной связью депутата с регионом («одномандатники» vs «списочники»). Депутаты в своих выступлениях по самым разным поводам регулярно упоминают разные регионы (их названия или иные «сущности», однозначно связываемые с тем или иным субъектом РФ). Очевидно, что конкретных причин упоминания региона конкретным депутатом может быть очень много, но можно выделить один универсальный фактор, т.е. действующий в отношении всего депутатского корпуса, причем безотносительно персональных, политико-идеологических или иных характеристик конкретных депутатов. Таким фактором выступает электоральная связь депутата с регионом, т.е., говоря конкретнее, избирался ли он по одномандатному округу в конкретном регионе или по партийному списку. Мы проверили, будут ли «одномандатники» в силу различий в совокупности стимулов чаще упоминать «свой» регион, нежели «списочники», а также будут ли они чаще упоминать «свой» регион в сравнении с другими регионами, как минимум ПФО. Предположение состояло в том, что «одномандатники» в большей степени обращаются к реалиям, соотношенным с географией своего региона, чем «списочники».

Для проверки предположения на материале одного федерального округа (Приволжского) все депутаты были разделены на три группы в логике связи с одним или несколькими регионами и институциональным характером этой связи: 1) представляющие один регион ПФО, 2) представляющие несколько регионов ПФО; 3) представляющие один регион в ПФО и входящие в списочную часть других регионов за пределами ПФО (либо представляющие один регион ПФО и все регионы РФ).

Полученные результаты показывают существенную и ожидаемую разницу между двумя разновидностями депутатов. «Одномандатники» в среднем по выборке регионов намного чаще, почти вдвое, упоминают именно свой регион. Они также в три раза чаще упоминают свой регион, нежели другие регионы в ПФО. А депутаты, избранные по партийным спискам и аффилированные с несколькими регионами в ПФО, склонны в среднем чаще упоминать другие регионы в ПФО, нежели «свои». Но при этом можно наблюдать значительную межрегиональную вариацию по частоте упоминаний «своего» региона депутатами. «Одномандатники» Кировской и Пензенской областей не делают этого совсем. Тогда как депутаты от Ульяновской области, Чувашии, Татарстана, Саратовской, Нижегородской и Самарской областей упоминают «свой» регион намного чаще своих коллег, избранных по партийным спискам.

Использованный методологический и технологический подход к анализу дискурса депутатов Государственной Думы позволил наметить способы реконструкции их картины и модели мира. Апробация количественного метода на материале упоминаний регионов в выступлениях депутатов, электорально аффилированных с регионами ПФО, позволила подтвердить ожидания о связи между типом представителя региона («одномандатник» или «списочник») и связью с ним в рамках создаваемого (овнешняемого) символического пространства. Также получены данные для построения карт разметки символического регионального пространства в публичных речах депутатов, которые могут включать три перспективы взгляда: «мы» — самопредставление, т.е. упоминания своего региона; «они» — взгляд на «других», т.е. упоминания других регионов; «они о нас» — взгляд «других», т.е. упоминания конкретного региона депутатами от других регионов.

Развитие метода мы видим как в плоскости более широкого охвата регионов (вплоть до всех регионов страны), так и в учете контекстуального фактора упоминаний географических региональных реалий.

Сунгуров А.Ю.  
(НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

## ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА РФ: ЭВОЛЮЦИЯ ЗА 15 ЛЕТ<sup>1</sup>

Создание в 2005 г. Общественной палаты РФ сразу вызвало споры и дискуссии, и связано это было с тем, что в Федеральном законе об этом новом институте не было дано юридического определения новой структуры, является ли она общественно-государственной или государственно-общественной организацией<sup>2</sup>. В нашем исследовании мы опираемся на предложенную нами более двадцати лет тому назад концепцию институтов-посредников, выполняющих медиаторскую функцию между организациями гражданского общества и исполнительной власти<sup>3</sup>. Позже опыт исследования институтов-

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00573.

<sup>2</sup> Чернышов Ю.Г. Общественная палата: «симулякр» или институт гражданского общества в России? // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / Редкол.: А.Ю. Сунгуров (отв. ред.) и др. М.: Российская ассоциация политической науки; РОССПЭН, 2008. С. 33–43; Гриб В.В. Общественная палата Российской Федерации как элемент политико-правовой институционализации гражданского общества. М.: Юрист, 2010. — 183 с.

<sup>3</sup> Сунгуров А.Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России // Полис. Политические исследования. 1999. № 6. С. 34–48.



медиаторов, к которым мы относим институт омбудсмана, фабрики мысли, общественные консультативные советы и общественные палаты, был обобщен нами в монографии<sup>1</sup>.

В нашей предыдущей работе мы анализировали деятельность одного из таких институтов-медиаторов — Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека<sup>2</sup>. Настоящее исследование, посвященное деятельности Общественной палаты РФ, основано на анализе состава этой палаты, личностей их руководителей, а также на десяти полуструктурированных интервью с членами Общественной палаты, при этом каждому из семи ее созывов соответствует не менее двух интервью с членами соответствующего созыва.

Результаты исследования позволяют нам разделить деятельность ОП РФ на три этапа. Первый — с момента создания до 2014 г. — первые четыре созыва, когда ее возглавлял академик РАН Е.П. Велихов, второй — пятый созыв 2014 г., когда ее секретарем был один из лидеров Объединенного народного фронта, А.В. Бречалов, третий — шестой и седьмой созывы, когда ее возглавлял сначала В.А. Фадеев, а с конца 2019 г. Л.Ю. Михеева. Отчасти эти периоды совпадают с периодами деятельности на посту заместителей руководителя Администрации Президента РФ В.Ю. Суркова, В.В. Володина и С.В. Кириенко. В первый период это была первая, действующая на основе федерального закона коммуникативная площадка для диалога российской власти, структур гражданского общества (преимущественно лояльного власти) и более широкой «общественности». Ярким представителем еще советской «общественности» был и академик Е.П. Велихов. В это время активно действовал Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, обе эти площадки органично дополняли друг друга.

В 2014 г. наряду с назначаемой непосредственно президентом РФ третью Общественной палаты другая ее часть назначалась на основе интернет-голосования, что в условиях «интернет-накруток» вылилось в многочисленные скандалы и непопадание в Общественную палату ряда ее активных членов из регионов и из Москвы. Так как к этому времени уже во всех субъектах РФ были созданы аналогичные общественные палаты, то примерно половина членов Общественной палаты РФ стала составляться из представителей этих палат. Это привело, в частности, к существенному увеличению в ее составе доли ответственных работников социальной и культурной сферы областного уровня, директоров музеев и т.д., которые уже не представляли интересы сообщества НКО и не были яркими представителями российской общественности.

Вместе с тем за прошедшие годы, в том числе и благодаря усилиям Общественной палаты РФ, на федеральном уровне сформировалась достаточно представительная сеть профильных Общественно-консультативных советов при различных министерствах, что позволяет активным представителям лояльного гражданского общества эффективно представлять общественные интересы и на других коммуникативных площадках.

*Сунгуров А.Ю., Дмитриева А.Е.  
(НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)*

## **ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В БЮДЖЕТНОМ ПРОЦЕССЕ: ОПЫТ ПРОШЛЫХ ЛЕТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ<sup>3</sup>**

**О**дной из наиболее успешных форм вовлечения жителей современной России в тематику участия граждан в принятие политико-управленческих решений являются разнообразные практики общественного бюджетирования, которые продвигались и продолжают продвигаться при активном участии Министерства финансов РФ. В то же время важно учитывать и, возможно, использовать накопленный ранее опыт подобных проектов. В настоящей работе имеется в виду опыт реализации общественной организации Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр СТРАТЕГИЯ, который в 1999–2009 гг. при поддержке различных фондов успешно реализовывал программу «Открытый бюджет» на территории различных российских регионов, включая Самарскую и Сахалинскую области и большинство областей и республик Северо-Запада РФ<sup>4</sup>.

В рамках этой программы особое внимание уделялось, во-первых, просветительской деятельности, обучению активистов НКО основам бюджетной грамотности, снятию комплекса «непонимания этой премудрости», что достигалось путем образовательных семинаров-тренингов с участием как представителей бюджетных комитетов городских и областных комитетов, а также экспертов проекта<sup>5</sup>. Вторым

<sup>1</sup> Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 383 с.

<sup>2</sup> Сунгуров А.Ю. Президентский совет по развитию гражданского общества и правам человека: эволюция за четверть века // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 90–106. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990010752-9>.

<sup>3</sup> Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ/ЭИСИ № 21-011-31297.

<sup>4</sup> Материалы этой программы можно найти на ее сайте. URL: [www.transparentbudget.ru](http://www.transparentbudget.ru).

<sup>5</sup> Виноградова Т.И. Повышение эффективности бюджета и оптимизация бюджетного процесса путем внедрения социальной технологии «Прозрачный бюджет» // Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества

важным приоритетным направлением было создание сообщества бюджетных аналитиков, вовлечение в тематику бюджетного анализа университетских преподавателей экономики, которые ранее такими практическими вопросами не занимались<sup>1</sup>.

В совокупности оба эти тренда способствовали распространению практик делиберативной демократии, или, иначе, демократии обсуждений. В итоге в регионах проекта сложилось уже более широкое сообщество лидеров НКО, заинтересованных экспертов и вовлеченных таким образом в процессы общественного участия специалистов-управленцев в сфере бюджетного процесса. В ряде случаев члены этого сообщества вместе создавали и другие институты с медиаторскими свойствами — например, общественно-консультативные советы и общественные палаты неимитационного типа.

Этот опыт создания «экосистемы» общественного участия в бюджетном процессе может быть полезным и для современных практик общественного бюджетирования, так как многие участники современных дискуссий по этой теме отмечают, что на живые практики обсуждаемого процесса накладываются многочисленные имитационные или полностью «спящие» структуры, в которых увязают эти практики<sup>2</sup>.

О существующих в этой области проблемах свидетельствуют и результаты исследования одного из авторов настоящего текста. Так, при изучении ряда муниципальных образований Санкт-Петербурга было выявлено, что при выборе между практиками соучаствующего проектирования и инициативного бюджетирования депутаты этих муниципальных образований выбирают чаще соучаствующее проектирование. Это объяснялось респондентами как отсутствием недорогой экспертной поддержки, так и опасением негативной реакции прокуратуры из-за «нецелевого использования средств».

Сулов Е.В.  
(МарГУ, Йошкар-Ола)

## ОТСТУПНИЧЕСТВО ОТ ДЕМОКРАТИИ КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ОБЩЕСТВА

Устойчивым трендом последнего времени стала констатация публичными политиками и исследователями, изучающими феномен демократии, факта отступничества от демократии в большинстве стран мира. Особую озабоченность вызывает Европа. Недавно об отступниках от демократии заговорил известный политолог Г. Павловский, отметив, что «сейчас появилось новое явление: полтора миллиарда индийцев или сто миллионов турок — они демократически выбрали своего диктатора, и очень довольны, очень ему доверяют, значительно больше, чем в европейских странах выбранным премьерам и президентам. Это новое явление, этого не было. В таком виде все это отсутствовало»<sup>3</sup>.

Конечно, это не новое явление: Гитлер как «крайнее воплощение антидемократических идей и злобного антисемитизма»<sup>4</sup> пришел к власти в Германии, используя механизм демократических выборов, когда сошлись такие факторы, как экономический кризис, поражение в Первой мировой войне, жажда реванша, появление неординарного лидера «с фарсовой риторикой национального величия»<sup>5</sup>, внушившего массам непоколебимую уверенность в возможности господства в мире. Полугодные избиратели, утрата доверия к демократическим институтам и механизмам — не могло быть более питательной среды для забвения идей, ценностей Веймарской республики. Это, пожалуй, наиболее яркий феномен прихода к власти для уничтожения демократии и как идеала, и как нормы. Отступничество от демократии чрезвычайно дорого обошлось как немцам, так и всем народам Европы.

В рамках предлагаемой публикации есть основание утверждать, что отступничество от демократии имеет деградирующее влияние на состояние конфликтности в политической сфере общества. Если в устойчивом демократическом обществе политические конфликты воспринимаются как естественная данность, способствующая обеспечению устойчивости и динамичному развитию

в регионах и муниципалитетах: практика межсекторного взаимодействия / Под ред. А.Е. Шадрина. М.: Агентство социальной информации, 2008. С. 129–145.

<sup>1</sup> Бюджет глазами экспертов. Прикладной бюджетный анализ в регионах России / Под ред. В.А. Бескровной. СПб.: «ИК «Синтез», 2004. — 326 с. URL: <http://www.strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=54>.

<sup>2</sup> Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях / Сост. А.А. Беленчук, В.В. Вагин. М., 2019. — 52 с.; Капогузов Е.А. Инициативное бюджетирование как дискретная институциональная альтернатива бюджетного процесса // Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2019. С. 260–275; Вагин В. Место консультантов и проектных центров в развитии инициативного бюджетирования // Муниципальная власть. 2016. № 2–3. С. 25–29.

<sup>3</sup> Павловский Г. Программа «Особое мнение». Ведущий А. Плюшев. 12 мая 2021. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2836356-echo/> (дата обращения: 14.07.2021).

<sup>4</sup> Павлов Н.В. История современной Германии, 1945–2005. М.: Астрель: АСТ, 2006. — 510 с.

<sup>5</sup> Фиш С.М., Виттенберг Дж. Неудавшаяся демократизация // Демократизация / Сост. и научн. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 708 с.

политической системы, то автократии всячески пытаются избавиться от конфликтов, тем самым создавая острые конфликтные ситуации, прежде всего в политической сфере, где конфликт существует априори. Латентные политические конфликты опасны своей непредсказуемостью и трудной диагностируемостью, что приводит политическую ситуацию в авторитарных государствах в состояние крайней неустойчивости.

В современном мире возможности для открытых фальсификаций на выборах заметно ограничились, хотя белорусский прецедент напоминает о подобном исходе, вселяя надежду на гарантированное сохранение власти с опорой на насилие. Инициаторы демократических откатов полагают, что управляемые выборы с заранее известными результатами снижают угрозы протестных акций, между тем чаще всего происходит со знаком до наоборот. Люди, осознавшие себя «адекватными» гражданами, как показывает исторический опыт, уже не откажутся от своего приобретенного в борьбе права быть субъектами политики и не покинут эту пусть небезопасную, но многообещающую площадку для обустройства счастливой и комфортной во всех смыслах жизни. Белорусский прецедент оказался, на наш взгляд, исключением из правил, что только подтверждает правило: отступничество от демократии в конце концов сметает с президентских постов их засидевшихся обладателей.

Суховерхов К.К.

(Российский совет по международным делам, Москва)

## КРИЗИС ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА США

В начале XXI в. внешняя политика Соединенных Штатов Америки стала все больше сопрягаться с внутренней политикой государства по сравнению с XX в. В период холодной войны и до 2010-х годов между двумя основными политическими партиями США — Республиканской и Демократической существовал внешнеполитический консенсус. Он был продиктован глобальной конфронтацией двух блоков во главе с СССР и США. Переход от биполярной к однополярной системе в конце XX в. привел американских политиков и интеллектуалов к уверенности в триумфе идеи либеральной демократии. Однако в XXI в. они столкнулись с обратными тенденциями — укреплением многополярности и нелиберальных режимов в мире.

В XXI в. Республиканская и Демократическая партии стали больше поляризовываться в вопросах внутренней, а затем и внешней политики. Новые международные реалии дали начало широкой дискуссии среди американских интеллектуалов и политиков по вопросам внешней политики. В 2010-х годах идея либерального внешнеполитического консенсуса стала подвергаться эрозии. Ранее, когда внешнеполитические вопросы США вызывали серьезные дебаты внутри политического руководства страны, то часто они не носили партийного характера. В современных Соединенных Штатах Америки дебаты по вопросам внешней политики носят не только партийный, но и внутрипартийный характер, что вызвано дезориентацией политических элит страны в поиске современной роли США в мире.

Современный внешнеполитический раскол США по своей глубине напоминает споры изоляционистов и интернационалистов во времена Вудро Вильсона и Франклина Рузвельта. Консенсус во внешней политике США сложился в 1940-е годы при Гарри Трумэне. Укрепление этого консенсуса произошло с окончанием холодной войны и объявлением США победителями в этом противостоянии.

Консенсус внешней политики США основывался на разделяемых Республиканской и Демократической партиями идеях: 1) США привержены «глобальному лидерству»; 2) США привержены укреплению и распространению универсальных либеральных ценностей; 3) США связывают свою безопасность и процветание с лидерством в мировом либеральном порядке<sup>1</sup>. Эти пункты предполагают глобальное присутствие США и их вмешательство в урегулирование международных кризисов и проблем.

Внешнеполитический консенсус имел свое идейное обоснование, которое связано с верой американских элит в развитие мира в выгодном для США направлении; в универсальность американской идеологии; в глобализацию как благо для США и др. Сегодня становится понятно, что эти обоснования оказались иллюзиями. Глобализация показала, что она имеет не только позитивные, но и негативные стороны для Вашингтона. К элитам пришло осознание, что глобализация, помимо таких ее проблем, как глобальные финансовые кризисы и транснациональные угрозы безопасности, играет на пользу больше незападным странам, чем западным. Именно осознание этого факта побудило США отказываться от глобализации «по-старому» и искать новые формулы внешней политики страны.

Стоит отметить, что именно экономические проблемы, связанные с финансовыми кризисами, масштабной миграцией латиноамериканского населения в США, переносом производств на Восток, создали недовольство населения внешней политикой, которую проводит американский истеблишмент. Население осознало эти проблемы в начале 2010-х годов, а в ходе президентских выборов 2016 г.

<sup>1</sup> Сулов Д.В. Гудбай, прежняя Америка? // Россия в глобальной политике. 2016. Т. XIV. № 5. С. 13–22.

расхождение во взглядах на внешнюю политику между населением и политическими элитами, между Республиканской и Демократической партиями стало очевидно<sup>1</sup>.

Демократы вновь предложили традиционную интернационалистскую внешнюю политику. США должны возглавлять мировой либеральный порядок, а для его поддержания и защиты американских ценностей и интересов необходимо решительно применять военную силу.

Республиканцы предложили изоляционистский подход, который был сформирован с учетом запроса общества. Он не отрицает необходимости мощной военной силы США, но подчеркивает, что США в мировых делах должны действовать в такой мере, которая будет отвечать национальным интересам.

Таким образом, позиции Республиканской и Демократической партий США оказались противопоставлены друг другу. Это противопоставление будет еще сложнее разрешить из-за внутрипартийных идеологических перемен. Республиканцы за последние 5 лет становятся более правыми, а демократы более левыми. Эти идеологические сдвиги только помешают выработке общей идеологии во внешней политике.

На данный момент преодоление кризиса внешнеполитического консенсуса в ближайшем будущем представляется маловероятным. Единственный вопрос, по которому у партий нет расхождений, — необходимость конфронтации с КНР.

Сучкова А.А.  
(ТулГУ, Тула)

## ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЛОББИЗМА КАК КАНАЛА КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ

Лоббизм — это один из механизмов взаимодействия государства и общества, канал коммуникации, с помощью которого граждане информируют органы власти о наиболее актуальных проблемах, что обеспечивает эффективность процесса принятия решений. В современной России институционализация лоббистской деятельности не завершена, несмотря на это, происходит увеличение лоббистских практик, а также существуют предпосылки создания законодательства в данной сфере.

Объектами лоббистской коммуникации в России являются федеральные и региональные органы государственной власти (законодательное, ведомственное и региональное направления лоббизма). Субъектами лоббирования выступают бизнес-сообщество, общественно-политическое лобби, региональные группы интересов, отраслевые группы давления, крупные корпорации, фонды, некоммерческие организации, ассоциации, профсоюзы и отдельные граждане.

Результаты исследований, которые основаны на рассмотрении специфики институционализации лоббизма, позволили проанализировать организацию процесса взаимодействия между гражданским обществом и органами государственной власти в России. Таким образом, эффективность лоббистской коммуникации зависит от количества обладаемых ресурсов у субъектов влияния и готовности объектов к налаживанию системы взаимодействия. В связи с этим респондентами выделены сложности, с которыми они столкнулись в процессе отстаивания интересов: бюрократизм, сложность системы коммуникации с представителями органов власти.

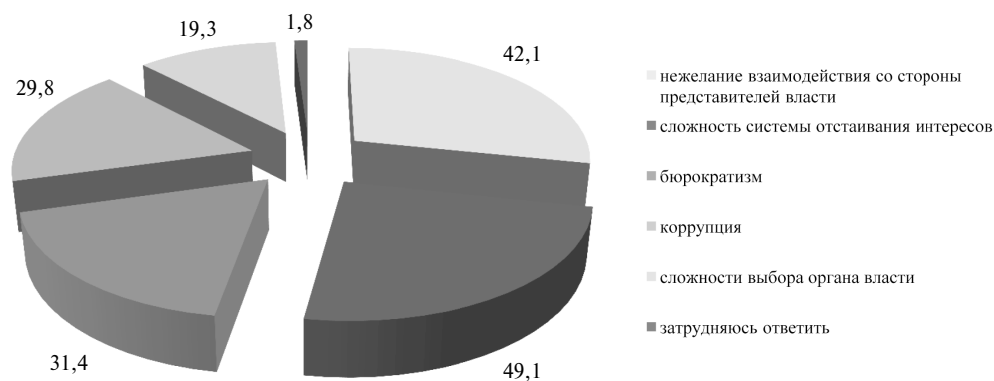


Рис. 1. Трудности, с которыми столкнулись респонденты при отстаивании интересов (%)

<sup>1</sup> Burns W.J. Polarized Politics Has Infected American Diplomacy // The Atlantic. 2020. June 6. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/06/polarized-politics-has-infected-american-diplomacy/612778/>.

Эксперты считают, что чаще всего в России лоббируются экономические, политические, групповые интересы, это связано с особенностями предметов и субъектов влияния в обществе, наиболее актуальными и сложными потребностями групп давления, а также со сложностью механизма отстаивания интересов для продвижения менее значимых инициатив. Традиционно в современной России активно продвигаются личные (45,6%) и семейные (35,1%) интересы. Эксперты отмечают, что наиболее эффективными лоббистскими технологиями в России являются *Public Affairs* и *Bundling*, а *Media Relations* — перспективной. Респонденты выделили несколько механизмов взаимодействия с государством, которые используются чаще: индивидуальные и коллективные обращения, встречи с представителями органов власти, мирные собрания, акции протеста. Данные каналы являются законодательно закрепленными и реализуют четкий алгоритм коммуникации.

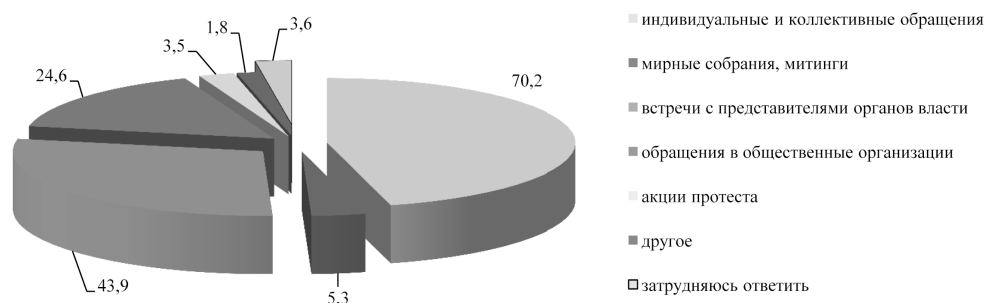


Рис. 2. Часто используемые способы отстаивания интересов (%)

Большинство экспертов считают, что общество соединяет коррупцию с таким явлением, как лоббизм, и не видит его как механизм отстаивания своих интересов. 25,8% респондентов отметили, что лоббизм — это способ взаимодействия бизнеса и власти, 33,4% — институт отстаивания общественных интересов, 28,7% — вид коррупции. Таким образом, происходит сохранение тенденции отождествления теневых и легальных форм функционального представительства, экспертами отмечается процесс увеличения лоббистских практик на региональном и федеральном уровнях осуществления власти, что в некоторой степени способствует легитимации лоббистской деятельности. Данная ситуация связана с развитием новых каналов взаимодействия общества и власти, появлением профессиональных лоббистов, получением опыта и навыков отстаивания интересов, что, как правило, повышает степень привлекательности лоббизма.

Для повышения эффективности процесса взаимодействия общества и государства необходимо: во-первых, увеличение субъектов лоббирования, во-вторых, изменение позиции объектов влияния на проблему функционирования института лоббизма, в-третьих, повышение активности групп интересов посредством реформирования системы сотрудничества общества и власти, преодоление проблем политического участия, в-четвертых, завершение институционализации лоббизма в России благодаря созданию системы правового регулирования, в-пятых, увеличение доступности органов государственной власти.

## ПУБЛИЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИТАЛЬЯНСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА<sup>1</sup>

В сложившихся международных отношениях гуманитарная дипломатия направлена на то, чтобы влиять на правительства и лидеров общественного мнения с целью привлечения их внимания к уязвимым группам населения, находящимся в тяжелых условиях. Напомним, что Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца (далее — МККК) благодаря обширности собственных гуманитарных программ и большому числу добровольцев по всему миру, а также статусу наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН активно участвует в национальных и международных дискуссиях на разных уровнях, что позволяет говорить о проведении данной организацией активной публичной деятельности (в некоторых случаях сопоставимой собственно с публичной дипломатией)<sup>2</sup>.

В настоящей работе рассмотрим «дипломатическую» деятельность итальянского бюро МККК. В принятой Стратегии 2018–2030 указаны следующие приоритетные направления деятельности итальянского комитета: 1) укрепление позитивного имиджа, так как комитет играет в Италии уникальную роль «вспомогательного» органа государственных институтов в гуманитарной сфере; 2) соблюдение и продвижение основополагающих принципов и гуманитарных ценностей среди своих добровольцев и сотрудников во всех своих мероприятиях; 3) сотрудничество с университетами, профессиональными ассоциациями и группами экспертов для ознакомления и/или продвижения последних тенденций и событий в области международного гуманитарного права (МГП); 4) использование технологических инноваций с целью распространения знаний о МГП и устранения разрыва между теоретическими знаниями в области права и практическими инструментами обучения<sup>3</sup>. В указанном документе были прописаны и «узкие» задачи комитета: 1) активное взаимодействие с МККК, увеличивая тем самым национальное присутствие за рубежом; 2) содействие развитию культуры социальной инклюзивности для активной интеграции уязвимых групп населения; 3) защита и продвижение всеобщего образования в целях здоровья и безопасности людей; 4) ответственность и активное участие волонтеров и персонала в процессах принятия решений на всех уровнях. Другими словами, как мы видим, все эти цели направлены на расширение публичности и медийности работы итальянского комитета. «Новыми» векторами деятельности комитета стали: образование (например, обучение поваров-волонтеров и кухонных работников), пропаганда здоровья и здорового образа жизни (например, в Риме был открыт центр вакцинации от COVID-19 для бездомных); борьба с климатическими изменениями и активная поддержка реализации ЦУР (например, «тепло растет, профилактика растет»: итальянская кампания Красного Креста и Легамбиента по борьбе с климатическим кризисом и предотвращению воздействия тепловых волн); работа с молодежью (например, были организованы «летние лагеря для завтраков», где рассказывали о здоровом образе жизни и раздали более 30 тыс. завтраков нуждающимся детям). «Наша цель — способствовать развитию у молодежи личных и межличностных навыков для построения более устойчивых и инклюзивных сообществ. Мы реализуем разнообразные действия для пропаганды здорового образа жизни с уважением к окружающей среде, содействием социальной интеграции и уважению разнообразия. Мы также стремимся развивать волонтерство и активную гражданскую позицию. Мы поощряем образование, которое способствует формированию позитивного поведения, стимулирует участие молодых людей в наших сообществах и новаторски реагирует на вызовы будущего»<sup>4</sup>. Таким образом, помимо оказания гуманитарной помощи уязвимым слоям населения во время вооруженных конфликтов, экологических или техногенных катастроф, итальянский комитет (согласно с общей линией МККК) развивает публичную деятельность (сопоставимую с отдельными направлениями дипломатии: публичной и цифровой). Так, новостная лента соцсетей и официального сайта итальянского бюро за июнь текущего года посвящена различным по сути красочным кампаниям, проведенным совместно с другими учреждениями и направленным на популяризацию организации, а не на освещение действий конкрет-

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

<sup>2</sup> Подробнее о «расширении» концепта гуманитарной дипломатии МККК см. статью: Табаринцева-Романова К.М. Гуманитарная дипломатия Международного Комитета Красного Креста: реализация ЦУР ООН в области экологии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 4. С. 39–54.

<sup>3</sup> Strategia della Croce Rossa italiana 2018–2030 // URL: [https://cri.it/wp-content/uploads/2021/02/StrategiaCRI1830\\_Versione\\_breve\\_web.pdf](https://cri.it/wp-content/uploads/2021/02/StrategiaCRI1830_Versione_breve_web.pdf) (accessed: 29.06.2021).

<sup>4</sup> Supportiamo attivamente lo sviluppo del giovane come agente di cambiamento // URL: <https://cri.it/cosa-facciamo/giovani/> (accessed: 29.06.2021).

ных миссий на «местах». Таким образом, публичность становится одним из активных инструментов гуманитарной дипломатии МККК.

Таишева В.В.  
(РУДН, Москва)

## РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ<sup>1</sup>

Как и для прочих постсоветских государств, для Республики Узбекистан вопросы построения национальной идентичности являются одними из наиболее актуальных и сложных. Во многом это объясняется наличием в Узбекистане многочисленного русскоязычного населения, которое включает как этнических русских, так и татар, корейцев, украинцев, армян и пр., чья идентичность отличается от идентичности этнических узбеков.

В процессе формирования идентичности уже независимого Узбекистана проводилась активная языковая и образовательная политика, а также политика памяти. Широко использовалось историческое наследие, в частности личности Амира Тимура, Алишера Навои, Мирза Улугбека. Были переизданы учебники истории, переименованы улицы, станции метро, городские объекты. Основными праздниками стали День Независимости, Навруз, мусульманские праздники. Тем не менее свою значимость сохранило и празднование Дня Победы 9 мая, хотя праздник был переименован в День памяти и почестей.

Представители русскоязычного населения как носители русского языка и, часто, культуры и ценностей также занимают важное место в процессе формирования национальной идентичности Узбекистана.

Одним из аспектов русскоязычной идентичности является проживание в относительно более благоприятных городских пространствах: по данным исследования Русского географического общества в 2017 г., около 65% русского населения Узбекистана проживало в Ташкенте и Ташкентской области, 6,5% — в Самарканде, 5,7% — в Фергане. Кроме того, идентичность русскоязычного населения проявляется в приверженности к русским, европейским культуре, ценностям и нормам, образу жизни. Говоря о религиозной составляющей идентичности русскоязычного населения Узбекистана, стоит отметить, что данный фактор является не столь значительным, как, например, языковой. Это обусловлено и тем, что русскоязычное население является полиэтничным, включающим представителей различных конфессий.

Говоря об официальном статусе русского языка, можно отметить, что в 1989 г. был принят Закон Республики Узбекистан «О государственном языке», согласно которому государственным языком провозглашался узбекский, а русскому отводилась роль языка межнационального общения. Однако после принятия поправок в 1995 и 2004 гг. в законе о русском языке более не упоминается.

В контексте образовательной и языковой политики после обретения независимости в Узбекистане сократилось количество русскоязычных школ и русскоязычных классов в школах со смешанным обучением. В вузах также происходило сокращение русских групп, а некоторые образовательные программы вовсе не представлены на русском языке. При этом обучение на русском языке пользуется большим спросом среди узбекского населения. В связи с этим вице-спикер Законодательной палаты Олий Мажлиса А. Кадилов выразил обеспокоенность по поводу подрастающего поколения узбеков, «не знающих родного языка и не осознающих своей национальной идентичности». В то же время русскоговорящее население редко владеет узбекским языком.

Русский язык также широко распространен в СМИ Узбекистана и в интернет-среде: большинство сайтов в Узбекистане представлены на узбекском, русском и английском языках. Кроме того, популярностью пользуются российские массмедиа, особенно телевидение, которые доступны на территории Узбекистана.

Помимо политики непосредственно Узбекистана, на идентичности русскоязычного населения большое влияние оказывает политика России, проводимая, главным образом, посредством Россотрудничества и направленная на продвижение российской культуры и образования за рубежом. Кроме того, несмотря на полиэтничный характер русскоязычного населения, Россия стремится сформулировать и проводить последовательную и эффективную политику в отношении «соотечественников», что может способствовать повышению самоидентификации русскоязычного населения как части русской культуры.

Таким образом, в вопросе построения своей идентичности Узбекистан, с одной стороны, опирается на историческое прошлое и духовное наследие предков, национальные ценности и традиции, прово-

<sup>1</sup> Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-511-05025 Арм\_а «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)» (под руководством Мчедловой М.М.).

дит активную политику по укреплению роли узбекского языка как государственного, а с другой — стремится сохранить лояльность русскоязычного населения и межнациональное согласие и стабильность в республике. Как отмечал Президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев, русская культура является неотъемлемой частью духовной жизни узбекского народа. Анализируя процесс конструирования идентичности, можно предположить, что, несмотря на различия и противопоставления русских языка, ценностей и культуры узбекским, они являются частью национальной идентичности современного Узбекистана.

**Тамицкий А.М.**  
(Северный (Арктический) федеральный  
университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск)

## **ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ПО ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ**

Такие полиэтнические и многоконфессиональные регионы Российской Арктики, как Архангельская область и Ненецкий автономный округ (далее — НАО), характеризуются низким уровнем межэтнической напряженности при элиминированном проявлении межгрупповой враждебности в молодежной среде<sup>1</sup>. Противоречия между традиционным укладом жизни и процессами глобализации, относительной неизменностью автохтонного населения и необходимостью в привлечении человеческих ресурсов, человеческим потенциалом и инфраструктурными возможностями относятся к факторам роста напряженности<sup>2</sup>.

Исходным посылом для определения эффективности государственного управления и региональных институтов по гармонизации межэтнических отношений стал анализ состояния трех факторов, способных создать в комплексе условия для возникновения этнически окрашенного конфликта: 1) распространение этноцентристских установок среди населения, 2) наличие практики дискриминационных действий, 3) негативная динамика социально-экономических условий развития региона, подготавливающие негативистские установки.

Теоретическими основами исследования стали разработки, направленные на разрешение таких проблем, как социальная природа феномена этничности с позиций конструктивистского подхода в этнологии (Р. Брубейкер, В.А. Тишков, С.В. Соколовский), структура этнического самосознания и формирование этностереотипов (Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижина и др.), этнический аспект социальной дистанции (Э. Богардус, Г.У. Солдатова и др.).

Социологическими методами избраны:

- массовый формализованный опрос (разведывательное исследование 9 октября — 14 ноября 2020 г.; выборка 509 человек, квотная по полу и региону проживания, статистическая погрешность 5%);
- глубинное полуструктурированное интервью (18 ноября 2020 г. — 7 февраля 2021 г.) 48 информантов, представляющих различные демографические страты (пол, род занятий, проживание в городской/сельской местности) и наиболее крупные этнические группы: русские, украинцы, ненцы, белорусы, коми, азербайджанцы и татары, также туркмены, узбеки, грузины, казахи, кумыки, чеченцы и имеющие двойную идентификацию: русский/азербайджанец и белорус/русский.

Объектом исследования являлась молодежь в возрасте 18–29 лет, проживающая на территории АЗРФ в Архангельской области и НАО.

Комплексный правовой, статистический и социологический анализ позволяет сделать несколько выводов:

- в обследованных регионах сформирована политико-правовая база и система государственного управления и принятия мер по профилактике проявлений межкультурной интолерантности в молодежной среде с активным привлечением общественных и религиозных организаций, учреждений образования и культуры;
- в обследованных регионах наблюдается низкий уровень этнической интолерантности в молодежной среде, что объясняется отсутствием системных практик дискриминации по этническому признаку в политической, экономической и культурной сферах;

<sup>1</sup> Зайков К.С., Максимов А.М., Тамицкий А.М., Трошина Т.И. Этносоциальная ситуация в арктических регионах России и государственная национальная политика // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 57.

<sup>2</sup> Тамицкая Е.Н., Цихончик Н.В. Факторы риска межэтнической напряженности в молодежной среде регионов Российской Арктики // Социология. 2021. № 2. С. 45.



- основной целевой аудиторией мероприятий этнической направленности с презентацией инкультурных других является принимающее население региона в областных центрах и крупных городах;
- отмечается слабая информированность молодежи о проводимых властью и гражданским обществом мероприятиях межэтнической направленности;
- наблюдается дефицит адаптации и интеграции в принимающее сообщество мигрантов, прибывающих в его молодежный сегмент. Значительная роль в профилактике интолерантного поведения отводится учреждениям высшего образования;
- межэтническая напряженность в Архангельской области и НАО являет собой переходную форму от латентной к фрустрационной (по классификации Г.У. Солдатовой<sup>1</sup>) и связана с имеющимся в регионе риском реализации негативного сценария социально-экономического и общественно-политического развития. Группой риска распространения межэтнической интолерантности из числа национальных меньшинств молодежи являются представители с минимальной аккультурацией, имеющих высокий уровень этноцентризма, основным кругом повседневной коммуникации которых выступают члены их этнических общин/диаспор.

Перечисленные аспекты ситуации в сфере профилактики и противодействия проявлениям межэтнической интолерантности свидетельствуют о том, что в настоящий момент потенциал для развития межнационального конфликта минимизирован и соответствует условиям удовлетворительной эффективности деятельности субъектов профилактики.

**Тарасов И.Н.**  
(БФУ им. И. Канта, Калининград)

## **ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ БИКАМЕРАЛИЗМА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**П**роблемы институционального устройства парламентской деятельности на постсоветском пространстве, прежде всего, связаны с поиском оптимальной модели и адекватного отражения политических реалий в разных странах. Сейчас здесь расположено шесть официально признанных мировым сообществом государств, которые имеют двухпалатные парламенты. Речь идет о Беларуси, Казахстане, России, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Кроме них опытом бикамерализма располагает Кыргызстан.

В современной политической науке существует несколько устоявшихся представлений, относящихся к проблеме функционирования верхней палаты парламента: бикамерализм свойствен федерациям; верхняя палата — институт регионального представительства; порядок формирования верхней и нижней палат должен различаться; численность палат зависит от численности населения страны; верхняя палата призвана ограничивать широту взглядов и мнений, представленных в нижней палате; избирательные цензы сенаторов должны быть выше цензов для депутатов нижней палаты. Наша задача состоит в оценке институциональной оправданности бикамеральной структуры парламента в постсоветских государствах.

В России конституционные изменения 1989 г. учредили бикамеральную систему, и к моменту провозглашения государственного суверенитета республики (1990) Верховный Совет состоял из двух палат: Совета Республики и Совета Национальностей. Логика учреждения второй палаты состояла, прежде всего, в реализации федеративного характера государства при сохранении основополагающих принципов советской власти. Эта логика отчасти была сохранена в Конституции 1993 г., а последующие конституционные новеллы не ставили под сомнение институциональную необходимость бикамеральной системы парламента.

Унитарные государства постсоветского пространства с двухпалатными парламентами учреждали бикамерализм и расставались с ним в разное время и по разным причинам. Конституцией Туркменистана 1992 г. была создана сложная система с двумя парламентскими органами (Халк Маслахаты и Меджлис), не вписывающаяся в традиционные формы парламентаризма, но по своим внешним признакам сопоставимая с советским опытом. В 2008 г. конституционная поправка упразднила Халк Маслахаты, а указом президента его деятельность была восстановлена в 2017 г. Конституционная реформа 2020 г. сделала его выборной верхней палатой Национального Совета. Выборы в новый Халк Маслахаты состоялись в марте 2021 г. Двухпалатный Жогоргу Кенеш был учрежден в Кыргызстане в 1993 г. и прекратил свое существование в 2005 г. Отметим, что учрежденные на первом этапе постсоветской трансформации вторые палаты неоднократно подвергались реконструкции, связанной как с определением круга полномочий, так и с порядком формирования. Ранний постсоветский бикамерализм характеризует процесс оптимизации политических систем.

<sup>1</sup> Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

Все же появление второй палаты парламента в постсоветских странах связано с генеральным направлением развития политических систем — укреплением авторитарных практик со стороны президентской власти. Вторая палата, учрежденная по инициативе главы государства, призвана играть роль противовеса нижней палате и минимизировать риски открытого конфликта между парламентом и президентом. Впрочем, опыт России (1992–1993 гг.) и Кыргызстана (2004–2005 гг.) показывает, что в ситуации острого политического кризиса бикамеральная система не способна выполнить стабилизирующую функцию. При этом задача легитимации преемственности президентской власти (Россия, 1999 и 2008; Узбекистан, 2016; Казахстан, 2019) двухпалатными парламентами решается вполне успешно.

Значимой характеристикой в оценке эффективности бикамерализма является сравнительный анализ полномочий верхних палат. Конституционное право стран, имеющих двухпалатную систему организации структуры парламента, знает разделение полномочий парламента на две категории: исключительные полномочия палат и полномочия, осуществляемые палатами совместно. К исключительным полномочиям верхних палат Конституции, кроме проблем организации работы палаты, относят в основном кадровые полномочия. При этом обращает на себя внимание почти полная зависимость палат в решении кадровых вопросов от воли главы государства. Так, в центральноазиатских республиках все полномочия верхней палаты в кадровой сфере связаны с инициативой президента. Парламенты Таджикистана и Узбекистана относятся к парламентам с относительно ограниченной компетенцией. Более самостоятельны в кадровых решениях верхние палаты России и Беларуси, однако объем их полномочий в этой сфере не велик. Контрольные функции верхних палат фактически сведены к формальной декларации.

Подводя итог, трудно согласиться с радикальной критикой постсоветского бикамерализма. Вместе с тем определенно двухпалатная система организации парламентской деятельности далеко не полностью реализовала свой потенциал. Опыт постсоветских государств показывает как проблемы, связанные, прежде всего, с катастрофически низким уровнем общественного доверия к парламентским институтам, так и потенциал поступательного развития институциональной структуры политических систем.

Тарусин П.В.  
(Военный университет Министерства обороны, Москва)

## КОГНИТИВНЫЙ КОНТУР ЛИДЕРСКОГО ЗАМЫСЛА: ОСНОВАНИЯ И ДЕТЕРМИНАНТЫ

Лидерский замысел представляет субъективно осмысленное видение содержания и наиболее оптимальных форм и способов регулирования отдельных проблем или их совокупности во взаимосвязи с политической повесткой, направлением и задачами государственного курса. Самоцелью персональных размышлений и разрешения сомнений является формирование стойкой убежденности лидера в необходимости и общественной полезности (политической целесообразности) обдуманной им стратегии, ее осуществимости, на которых и зиждутся его политическая воля и решимость, необходимые для продвижения задуманных целей. Лидерский замысел — лишь одна из возможных версий конструирования социально-политической реальности или ее отдельных элементов, но в силу особого властного статуса своего «автора» он выступает основой подготавливаемого решения, задает «красные линии» его содержания, формат разработки и принятия.

В теории объективный метод, исследующий систему связей и отношений в сфере принятия политических решений, преобладает над способом описания, реконструирующим картину реальности главы государства, т.е. того, как именно тот видит проблемы и пути их регулирования. Используемые для объяснения оснований и мотивов лидерских замыслов «термины внешнего описания не суть термины сознания действующего лица <...> такие понятия, как “класс”, “структура”, суть абстракции, действуют не классы, не структуры, а люди»<sup>1</sup>. Сети, социальные группы, институты — это способ объективного анализа, а не самостоятельные сущности, наделенные единой волей, сознанием и интересами, способные принимать решения и нести персональную ответственность. Они не в состоянии подменить лидера в принятии решений *in extenso*.

Предметом замысла выступают преимущественно неструктурированные проблемы, характеризующиеся неопределенностью свойств и нелинейностью протекания. Их природа фактически исключает посылку не просто абсолютного, но и достоверного знания, для каждой из них не существует ни типового, ни особого, единственно правильного варианта толкования и регулирования. Это обуславливает принципиальную неспособность лидерского мышления воспроизводить закономерную картину своего

<sup>1</sup> Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 182.

объекта, которой, в идеале, должно соответствовать решение. Оттого замысел не содержит четкого плана согласованных по времени, месту и целям действий исполнителей.

Главы государств не пытаются воссоздать в целостности действительную структуру и содержание рассматриваемых проблем и вызовов, они ориентируются на их совокупное отражение, формирующееся на пересечении различных пространств: политического, социального, культурного, военного, экономического, символического и т.п. Процедура «феноменологической редукции»<sup>1</sup> состоит в неразложимом сращивании, а то и подмене предмета мысли с его предполагаемыми формами и параметрами, которые объекту зачастую и не присущи, не являются продуктом его натуральных свойств.

В целом лидер выстраивает акты мыслительной деятельности по ранее усвоенным им образцам, воспроизводящим когнитивные программы, которые передаются внутри элиты посредством социальных эстафет<sup>2</sup>. Для обозначения этих программ Л. Флек ввел понятие «стиль мышления»<sup>3</sup>, как элемент габитуса власти тот выражает социальные, политические, групповые и когнитивные компоненты выработки, оформления и реализации лидерского замысла.

Неопределенность и непредсказуемость лидерской мысли в процессе формирования замысла дают шанс реализации любого потенциально возможного варианта конструирования событий, выступая одним из источников нелинейной природы социально-политических процессов.

К практикам влияния на содержание лидерских замыслов относят: воздействие на условия его мышления, состояние когнитивных и эмоциональных структур, на порядок и характер информирования. Однако наиболее эффективными оказываются технологии увязки отдельных характеристик, свойств явлений или предметов, зачастую надуманных, с их феноменальными образами в сознании глав государств, а также приемы актуализации, абсолютизации тех или иных приписываемых граней, параметров проблем, непосредственно влияющих на результаты их восприятия и осмысления. Подобным проникновением в феноменальную картину реальности первого лица, знанием особенностей его ментальных и психологических структур, «доступом к телу» обладают, как правило, «старые» друзья и соратники лидера, а также наиболее приближенные сотрудники из ближайшего окружения, имеющие возможность в достаточной мере «изучить» своего руководителя.

Телин К.О. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва),  
Филимонов К.Г. (ФНИСЦ РАН, Москва)

## **ДЕФИЦИТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ<sup>4</sup>**

**П**олитика идентичности как «построение» различных коллективных идентичностей (к примеру, «национальных» или «гражданских») — распространенное направление властной интервенции государства в публичную сферу; считается, что подобное вмешательство способствует формированию публичных ценностей и качеству управления. По мнению некоторых экспертов, оно обеспечивает необходимый уровень консолидации и актуализирует в повестке дня вопросы развития, образа будущего, а через них — и обеспечения стабильности. Практика, однако, показывает, что не все государственные системы справляются с подобными задачами — равно как и не все экспертно-аналитические подходы могут зафиксировать прикладные проблемы в пределах их реализации.

Важно, что попытки «сконструировать» коллективную идентичность через отдельные и разрозненные государственные проекты, нацеленные на обеспечение консолидации, в том числе через обращение к категории «нации», чаще всего приводят не к позитивным сдвигам в области «социального самочувствия», а к выхолащиванию культурной традиции, эксплуатируемой государственными институтами в пределах этой дискретной активности. Добавляя к этому вопрос о конгруэнтности инициатив в области идентичности социальному запросу, можно обнаружить ситуацию, в которой декларативно триумфальный поиск национальной идентичности парадоксально соседствует с нарративом о социальной аномии. Социологи и политологи рапортуют о том, насколько востребована среди россиян гражданская и национальная идентичность<sup>5</sup>, и в то же самое время указывают

<sup>1</sup> Мамардашвили М. Указ. соч. С. 186–188.

<sup>2</sup> Розов М. Философия науки в новом ведении // Постнеклассика: философия, наука, культура: Колл. монография. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. С. 346.

<sup>3</sup> Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

<sup>4</sup> Материал подготовлен в рамках научного проекта № 21-011-32117 «Концептуальная модель оценки управляемости государственных систем: анализ и разработка эмпирического инструментария», реализуемого при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ.

<sup>5</sup> Дробижеева Л.М., Рыжова С.В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1–2 (77–78). С. 39–52.

на то, что «культурные ценности и нормы, социальные взаимосвязи отсутствуют или противоречат друг другу»<sup>1</sup>. Документы стратегического планирования одновременно указывают на усиление «сплоченности российского общества» и укрепление «гражданского самосознания» — и при всем этом на «вестернизацию» культуры», усиливающую «угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета» и «попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей»<sup>2</sup>. Общественная солидарность одновременно оказывается как достигнутой, так и хрупкой — как устойчивой, так и нуждающейся в защите.

На протяжении последних десятилетий публичная декларация разнообразных успехов в области конструирования национальной идентичности — от возрождения «традиционных российских духовно-нравственных ценностей»<sup>3</sup> до утверждений о том, что российский «генный код», одновременно «очень гибкий» и «очень устойчивый», «является одним из наших главных конкурентных преимуществ в современном мире»<sup>4</sup> — оказывается регулярной. При этом проблемы, связанные с рисками слишком оптимистичного понимания государственных инициатив, табуируются и замалчиваются.

Подобная конфигурация представляет собой серьезную угрозу политической стабильности и государственной управляемости в России — как минимум, в силу следующих причин:

- 1) государственные инициативы в области идентичности напоминают стратегический трек «фальсификации предпочтений» — они не укладываются в схему проработанной государственной политики, а скорее имитируют ее, носят декларативный характер и сложно поддаются измерению;
- 2) государственные проекты в области политики идентичности, имея «нематериальный» характер, востребованы властью, однако работу последней в области «национального» строительства трудно оценить; вызывает вопросы и инструментарий, призванный связать условную коллективную идентичность большинства россиян с продвигаемыми публичными ценностями;
- 3) эксплуатация дискурса «национальной идентичности» во внешней политике слабо коррелирует с раскрытием и разъяснением соответствующей повестки в политике внутренней, отчего формируется обременительная и затратная дивергенция риторики «многонациональности» для внутреннего дискурса и «единства» для международно-политической обстановки.

Тетерюк А.С.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **РОЛЬ GR-АНАЛИЗА В «ИНВЕРСИВНОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ» ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНТЕГРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ КОРПОРАЦИЙ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛОББИСТСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ПРИНЯТИЕ ОТРАСЛЕВЫХ ГОСРЕШЕНИЙ**

В настоящее время в российском научно-экспертном сообществе продолжается дискуссия о концептуальном осмыслении такого явления, как политико-управленческое взаимодействие (*Government Relations* менеджмент). Определенные научные труды отечественных авторов уже внесли свой вклад в формирование теоретических подходов к GR<sup>5</sup>. Однако дальнейшее исследование с целью более фундаментального обоснования этой области политической науки требует более глубокой инструментализации и операционализации понятия «*Government Relations*» и его составных элементов, среди которых одним из ключевых является GR-анализ.

GR-анализ можно определить как область прикладной политологии и новый вид частного (делового и неправительственного) анализа политики (*private politics analysis*), основанного на интегри-

<sup>1</sup> Чернов И.В. Обострение социальной аномии и современная российская молодежь // Гуманитарные и общественные науки. 2001. № 5. URL: <http://trudymai.ru/published.php?ID=34665>; Анисимова С.Г. Предпосылки и условия аномии в России: девиантологический дискурс // Вестник РГГУ. 2012. № 2 (82). С. 208–221.

<sup>2</sup> Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66098>.

<sup>3</sup> Указ Президента РФ №683 от 31.12.2015 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

<sup>4</sup> Прямая линия с Владимиром Путиным (2014). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20796>.

<sup>5</sup> Дегтярев А.А. Современный GR-менеджмент как сфера межсекторального управления // Предметное поле экономической политологии / М.А. Абрамкин, И.А. Василенко, Е.В. Галкина [и др.]; под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 170–180; GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством: Учеб. пособие / Л.В. Сморгун, Л.Н. Тимофеева, В.А. Ачкасова [и др.]; под ред. Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012. — 406 с.; Толстых П.А. GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М.: Перо, 2019. — 1246 с.

рованном междисциплинарном и многометодном подходе и направленном на обеспечение аналитической доказательной базы для адекватной и актуальной формулировки и реализации стратегии и тактики в GR-деятельности<sup>1</sup>. Подобное восприятие этой аналитической работы позволяет выявить, как минимум, два существенных аспекта GR-анализа, которые требуют дополнительного исследования.

Во-первых, интегрированный подход в GR-анализе основывается на прикладном политическом анализе, направленном на интенсивное и систематическое изучение политико-проблемных ситуаций для формулирования прикладных рекомендаций при подготовке, принятии и реализации политических решений<sup>2</sup>. Это представляется логичным, поскольку анализ политических рисков и общего механизма принятия политико-управленческих решений являются важными факторами выживаемости и успешной работы многих организаций бизнеса. В этой связи GR-анализ выполняет функции анализа политической «макросреды» бизнеса и отраслевого регулирования.

Во-вторых, анализ взаимодействия с государственными органами, ввиду своего «корпоративного» происхождения, оказывается также неотъемлемым элементом системы корпоративного управления и стратегического целеполагания организации. Это предполагает глубокое понимание экономических процессов, происходящих в компании, знание продукции и процесса ее производства, понимание основ маркетинга и PR-продвижения бизнес-инициатив в государственных органах. Иными словами, на этом уровне GR-анализ предоставляет информацию касательно «микropolitического» поведения стейкхолдеров, ответственных за принятие конкретных госрешений, тем самым способствуя выработке определенной линии политического поведения корпорации в пространстве различных позиций и стратегий поведения политико-государственных акторов.

GR-анализ является одновременно и основополагающим элементом и отправным этапом в построении стратегии лоббирования относительно государственных органов и в то же время связующим звеном, позволяющим увязать институциональную логику бизнеса и государства (в неоинституциональной интерпретации)<sup>3</sup> и выстроить интегрированную политическую стратегию деятельности бизнеса, которая будет обеспечивать дополнительную прибыль за счет реализованных экономических интересов (путем изменения отраслевого регулирования), но и, параллельно, способствовать извлечению политической ренты вследствие конструктивного и экспертного диалога между компанией и профильными государственными органами<sup>4</sup>. Это, в свою очередь, еще более актуализирует вопрос о кадровом наполнении подобной организационной функции, уровне квалификации соответствующих специалистов и инструментах GR-анализа.

Таким образом, в докладе автор намерен проанализировать роль функции GR-анализа в процессе синхронизации стратегий экономической и политической активности корпораций для осуществления лоббистского влияния на принятие отраслевых госрешений.

Тимофеева Л.Н.  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## КОНФЛИКТНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВИДЫ, КАЧЕСТВО, РЕЗУЛЬТАТ<sup>5</sup>

Цель гуманистической философии — помочь людям мирным путем разрешать возникающие перед ними конфликты. В этих целях учеными были разработаны «рациональные» и «описательные» подходы к объяснению поведения людей в конфликтах. В рамках «рациональности» рассматривалась теория игр, а в рамках «описательности» — различные концепции психологического реагирования людей на проблемную ситуацию. При этом особая роль отводится коммуникации. Американский философ А. Рапопорт в 1955 г. издает книгу «Наука и цели человечества», где убеждает, что многие волнующие людей политические проблемы предопределяются не тем, что происходит в действительности, а тем, как, какими словами, с использованием каких клише они сами об этих проблемах говорят, как судят о политике и друг о друге. Политическое суждение — это всегда выбор позиции в пространстве дискуссии, спора. Тот же Рапопорт различает три вида конфликтов: конфликт типа схватки, конфликт типа игры и конфликт типа дебатов. Кроме того, у политического

<sup>1</sup> Egorov G., Harstad B. Private Politics and Public Regulation // Kellogg School of Management and NBER. 2012. — 26 p.

<sup>2</sup> Десярев А.А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития // Полис. Политические исследования. 2004. № 1. С. 158.

<sup>3</sup> Scott W.R. Organizations: Rational, Natural, and Open Systems. 5th Ed. NJ: Prentice-Hall, 2003. — 430 p.

<sup>4</sup> Baron D.P. Integrated Market and Nonmarket Strategies in Client and Interest Group Politics // Business and Politics. 1999. Vol. 1. Iss. 1. P. 7–34.

<sup>5</sup> Грант РФФИ и ЭИСИ № 21-011–31826 «Делиберативная практика взаимодействия парламентских партий с электоратом: структурно-коммуникативный анализ» (2021).

спора как конфликта есть как позитивные, так и негативные функции. Среди позитивных: *функция психологической разгрузки* (власть и оппозиция высказались, довели свою мысль до оппонента и широких масс); *функция давления на власть* с целью изменения курса, неприемлемых для общества решений и *давления на оппозицию* — с целью разоблачения нереалистических или фальшивых требований; *сигнально-информативная функция* — власть и оппозиция сообщают друг другу о новых проблемах, которые следует решать сегодня, и другие функции. Среди негативных: жесткая политическая самоидентификация, отказ от сотрудничества<sup>1</sup>. Негативные функции политических суждений в форме конфликтов возникают тогда, когда позитивные функции не принимаются в расчет обеими сторонами, не переосмысливаются и не переводятся в программу конструктивных действий. В этом случае затянувшийся смысловой конфликт переходит в стадию радикальных выступлений и превращается в конфликт-схватку, разрывая ткань социальных отношений; рождая абсолютную нетерпимость, бескомпромиссное противостояние в форме «друг–враг»; уничтожает каналы переговоров и согласований позиций, доводит до политической нестабильности, гражданской войны, бунтов, переворотов с лозунгом «Долой!». Примером таких негативных практик может служить практика политических коммуникаций со стороны радикальной непарламентской оппозиции, часть из которой признана экстремистскими организациями, в частности ФБК и другие организации А. Навального. Судить о логике и корректности его суждений можно по целому ряду высказываний с навешиванием ярлыков. Для блогера Навального характерно использование оценочных мемов, таких как: «зомбоящик», «Омериканцы», «Анонимус» и знаменитый — «Партия жуликов и воров».

Но есть ли у нас не только желание власти и оппозиции перейти к диалогу, но и переговорные площадки, кроме «уличной» и «сетевой» демократии, где каждый высказывается как хочет, но при этом не стремится слушать и слышать другого? Практика такая появилась, но насколько она эффективна? Это ежегодные встречи президента с руководителями оппозиционных парламентских фракций; деятельность Совета непарламентских партий во главе со спикером парламента; Открытая трибуна в ГД и т.д. В феврале с.г. состоялась очередная встреча с президентом, где В.В. Путин накануне выборов в парламент 2021 г. предостерег политических конкурентов от нечестной борьбы и предупредил об особой, повышенной ответственности, которая лежит на партиях «Большой четверки»<sup>2</sup>. После массовых протестов 2012 г. «За честные и чистые выборы» по инициативе С.С. Митрохина («Яблоко») заработал Совет непарламентских партий при ГД РФ. При спикере С.Е. Нарышкине прошло семь заседаний, где были рассмотрены законопроекты о выборах депутатов Государственной Думы; о государственном стратегическом планировании; об общественном контроле в сфере жилищно-коммунального хозяйства и др. В эти годы снизилось число массовых радикальных уличных выступлений. При В.В. Володине прошло одно заседание, но существенное — по вопросу реновации, положившее конец массовым протестам в Москве и как итог — принят новый закон. Вместе с тем замечено, что в большинстве случаев власть прислушивается к тем требованиям оппозиции, в поддержку которых дополнительно проводились уличные акции<sup>3</sup>. Значит, работу в направлении развития дееспособной конструктивной коммуникации между ними нужно продолжить, ведь за этим всем стоит избиратель, его нерешенные проблемы.

Тимофеева Ю.С.

(Российский совет по международным делам, Москва)

## ЭВОЛЮЦИЯ САНКЦИЙ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Санкции — экономические меры ограничительного характера, принимаемые инициаторами против отдельных государств в целях принуждения (прямого или косвенного) к отказу от выбранного политического курса и иным уступкам<sup>4</sup>. Санкции направлены на создание экономических издержек<sup>5</sup> и в первую очередь затрагивают импортно-экспортную и финансовую деятельность (получение кредитования, помощи развитию и т.д.) государства-адресата. Следовательно, введение санкций способствует росту неопределенности на мировых рынках. Так, часто санкции могут быть как результатом кризисных явлений, так и их причиной.

<sup>1</sup> Тимофеева Л.Н. Политический конфликт. М.: РАГС, 2008. С. 6.

<sup>2</sup> Встреча Владимира Путина с руководителями фракций Госдумы. Стенограмма. URL: <https://rg.ru/2021/02/17/vstrecha-vladimira-putina-s-rukovoditeliami-frakcij-gosdumy-stenogramma.html>.

<sup>3</sup> Виноградов Е. Что мешает диалогу между властью и оппозицией России. URL: <https://inosmi.ru/russia/20120920/199512705.html>.

<sup>4</sup> Hufbauer G., Schott J. Economic Sanctions Reconsidered / G. Hufbauer, J. Schott, K. Elliot, B. Oegg // Peterson Institute. 2007. P. 3–5.

<sup>5</sup> Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. 1997. Vol. 22. P. 93–94.

В настоящее время наиболее активными инициаторами санкций являются США и ЕС<sup>1</sup>. За период 2020–2021 гг. на них приходится порядка 53 и 13% санкционных событий соответственно<sup>2</sup>. На протяжении десятилетий инициаторы совершенствовали свой санкционный инструментарий и в настоящее время склонны делать выбор в пользу так называемых точечных санкций, направленных против конкретных физических и юридических лиц или секторов экономики государства<sup>3</sup>. Санкционный арсенал позволяет инициаторам оказывать давление на правительства для достижения желаемых результатов и в целом обеспечивает их акторность. Впрочем, в большинстве случаев срабатывает «парадокс Д. Дрезнера» относительно нелинейности эффекта от увеличения санкционного давления на политических противников<sup>4</sup>. Однако в ряде случаев санкции могут иметь «накопительный эффект», который сложно нивелировать ввиду того, что он может проявиться спустя временной период, заранее не определенный. К тому же его масштаб будет также зависеть от ряда факторов.

Санкции, вводимые против бизнес-структур, часто достигают своих результатов. Компании сотрудничают с властями США ввиду риска финансовых потерь и отсутствия гарантий защиты со стороны национальных правительств.

В этой связи интересно, что ЕС, вероятно, избрал стратегию наращивания использования собственных санкций, помимо прочего, в целях снижения уязвимости частных компаний из ЕС перед вторичными санкциями США — «санкциями за нарушение уже введенных санкций». Такая стратегия нацелена на решение проблемы «авторитета» ЕС посредством повышения эффективности его санкций. Кроме того, фактор санкций сближает страны—члены ЕС, часто становясь предметом, по которому они достигают единой позиции. Таким образом, санкции, являясь вызовом для ЕС, в то же время служат его интересам и активно применяются им.

Крупнейшие государства—объекты санкций — Россия и Китай — также столкнулись с необходимостью совершенствования своих механизмов использования санкций. Единый подход к санкциям, а также общая принадлежность к категории государств, против которых ограничительные меры применяются наиболее активно, закладывают почву для сотрудничества России и Китая в этой области. В то же время характеристика США и ЕС как крупнейших инициаторов санкций ставит их на противоположную чашу весов, что в условиях продолжения конфронтации США и Китая (политической, экономической, военной) может способствовать усилению дивергенции.

Нет консенсуса в оценках экономических издержек и политических последствий из-за фактической невозможности определения точных причинно-следственных связей. Однако и те и другие присутствуют, причем политические последствия прослеживаются в разных формах: от корректировки политического курса до принятия контрмер.

Санкции, будучи сами по себе глобальным вызовом, успешно сосуществуют с другими вызовами. К примеру, пандемия COVID-19, указавшая на необходимость глобального диалога и сотрудничества и бессмысленность борьбы с общими угрозами в одиночку, тем не менее не повлияла на политику санкций основных инициаторов, прежде всего США, которые существенно не ограничивали использование принудительных мер.

Таким образом, представляется, что санкции являются мощным современным вызовом для государств, учитывая неспособность правительств предоставить национальному бизнесу гарантии защиты от них. При этом противодействие санкциям основано, по большому счету, на создании и совершенствовании собственных санкционных механизмов.

Титов А.А.  
(ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов)

## ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ВЛИЯНИЯ ТАМБОВСКИХ СМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

**В** настоящее время ключевую роль в политических процессах занимают средства массовой информации, поскольку они создают потребный диалог между населением и властью. Особенно

<sup>1</sup> Тимофеев И.Н. Политика санкций Европейского союза. Опыт событийного анализа // Современная Европа. 2021. № 2. С. 18.

<sup>2</sup> Тимофеев И.Н. Санкции против России: взгляд в 2021 г.: Доклад 65/2021 / [И.Н. Тимофеев]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2021. С. 6.

<sup>3</sup> Тимофеев И.Н. «Санкции за нарушение санкций»: принудительные меры Министерства финансов США против компаний финансового сектора // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 74.

<sup>4</sup> Drezner D.W. et al. The sanctions paradox: Economic statecraft and international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 364 p.

интересным становится освещение политической информации СМИ в условиях цифровизации<sup>1</sup>, в частности, в регионе, так как влияние СМИ на взгляды и поведение людей достаточно очевидно. Из-за того, что функция СМИ сильно ограничена, средства массовой информации имеют ярко выраженный политический контекст в своей деятельности и во многом воздействуют на общественное сознание.

Сегодня мы живем в новой эпохе, когда мир движется на кончиках наших пальцев. Новые медиатехнологии кардинально изменили мир. Даже традиционные печатные и электронные средства массовой информации подверглись значительному влиянию новых медиатехнологий. Революция новых медиатехнологий изменила структуру политической коммуникации<sup>2</sup>.

Аналізу проблем использования интернет-технологий в области государственного управления, проблемам электронного правительства посвящены работы зарубежных ученых Т. Беккера, К. Слэйтона, Дж. Снидера, Р. Дэвиса. Среди отечественных исследователей следует отметить работы А.И. Соловьева, М.С. Вершинина, В.И. Василенко, Л.А. Василенко<sup>3</sup>.

СМИ — это неотделимая часть от современной политической жизни. В условиях цифровизации средства массовой информации можно назвать ключевым актором политической коммуникации<sup>4</sup>, созданный для распространения информации, идей и взглядов на государственные дела.

Что касается региональных СМИ, то они не могут оказаться вне региональной политики, поскольку политика их редакций полностью совместима с той системой правил, норм и ценностей, в рамках которой осуществляется политика в регионе. Само же функционирование региональных СМИ зависит от разнообразных факторов региона.

Важнейшим фрагментом при характеристике региональных СМИ является пул сетевых СМИ, поскольку технологические возможности цифровизации активно меняют перспективы их влияния на политическую повестку<sup>5</sup>. Сегодня в зоне электронных массмедиа Тамбовской области можно наблюдать две основные группы игроков. Первая — это относительно новая группа участников, возникшая 10–12 лет назад, на заре новой эры для СМИ, эры перехода в Интернет, позиционирующих себя как независимые («*Online Tambov.ru*», «Новый Тамбов», «В Тамбове.ru» и др.). Они довольно популярны, у них большая аудитория, но линия взаимодействия с «хозяевами территории» все-таки на лояльность. Сюда же относятся сетевые издания, созданные на базе уже упомянутых областных СМИ («Новый Век», «Тамбовская жизнь», «Издательский дом “Мичуринск”» и т.п.) и инфраструктурно связанные с ними. Оппозиционно настроенных сетевых участников регионального медиапространства наблюдать не приходится. Таковые если и возникают (например, «Твердый знак»), то существуют недолго, поскольку на территории области не находят источников финансирования.

Вторая группа участников региональной интернет-коммуникации представляет собой результат освоения новых технологий политической системы региона, а именно сайты государственных, региональных, муниципальных учреждений, общественных организаций области. Эту группу необходимо считать политическими акторами, причем весьма активными.

Сфера региональных СМИ отличается в первую очередь тем, что в Тамбовской области, по существу, не осталось влиятельных и хоть сколько-нибудь независимых СМИ. Большая часть представителей разнообразных массмедиа в составе учредителей имеет государственное или областное участие. Даже те СМИ, которые позиционируют себя как независимые и имеющие частных учредителей, занимают нейтральную позицию и действуют в рамках информационной политики основного политического актора региона — исполнительной власти.

Таким образом, в условиях цифровизации, применяя идеологические и технические возможности, потенциал, используемый СМИ, — обширный. Особенностью же изучения региональных СМИ является то, что сами региональные СМИ серьезно зависимы от власти, но, с другой стороны, они несут идею выполнения своей миссии — освещение новостей. Эти два противоречия лежат в рамках дотационного региона, в том числе и Тамбовской области. Анализируя СМИ Тамбовской области, можно говорить о том, что большинство из них являются провластными и работают для достижения политической цели.

<sup>1</sup> Бахтуридзе З.З. Формирование общественного мнения в условиях развивающегося информационного общества // Армия и общество. Вып. № 5. М., 2013.

<sup>2</sup> Жожиков А.В., Малардырова Я.А. Роль и возможности современных электронных СМИ.

<sup>3</sup> Ачкасов В.А., Чугунов А.В. Демократия и Интернет: Роль Интернет в формировании «просвещенного понимания» // Интернет и современное общество: Тезисы Всероссийской научно-методической конференции. СПб., 7–11 декабря 1998 г. СПб., 1998. С. 43–46.

<sup>4</sup> Клэппер Дж.Т. Влияние массовой коммуникации. Гленко, III: Свободная пресса, 1960.

<sup>5</sup> URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/6497/> (дата обращения: 24.06.2021).



Титов В.В.  
(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

## ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Изучение государственной политики идентичности в Российской Федерации, основных векторов ее формирования и механизмов реализации представляется значимым как в теоретическом ракурсе, так и в контексте тех глобальных и внутренних вызовов, которые вырисовываются перед российским обществом в последние годы. Достаточно упомянуть тот факт, что ситуация вокруг пандемии COVID-19, хотя напрямую и не связана с процессами макрополитической идентификации, тем не менее усиливает социальную напряженность и процессы атомизации российского общества. Это обостряет и запрос на конструирование полномасштабной работоспособной модели национально-государственной идентичности.

Важно подчеркнуть, что само понятие «политика идентичности» применительно к деятельности государства носит многогранный характер, включает в себе множество интерпретаций. Анализируя многообразие взглядов на данную проблему, можно выделить три концептуальные диспозиции к осмыслению государственной политики идентичности. Первая диспозиция связана с необходимостью реставрации исторической памяти, сохранения уникальности локальных миноритарных сообществ — этнических, культурных, религиозных. В известной степени она может быть охарактеризована как *реставрационно-релятивистская*. Вторая — *государствоцентричная* — точка зрения базируется на идее доминирования государства и ведущей роли вертикальных коммуникаций в выработке единой (зонтичной по своей сути, не отрицающей при этом важность субнациональных идентификационных конструкторов) идентификационной платформы макрополитического сообщества.

Третья диспозиция исходит из *структурно-функционального понимания государственной политики идентичности*, интерпретирует ее как многосоставный политико-управленческий алгоритм, в структуре которого выделяются такие элементы, как стратегическое целеполагание и определение направлений (доктринальная составляющая), проработка инструментов и механизмов реализации (функциональная составляющая), ожидаемые эффекты и возможные социально-политические последствия реализации (результатирующая составляющая).

В данном ракурсе государственную политику идентичности можно определить как последовательную целенаправленную деятельность — широкий комплекс взаимосвязанных механизмов, инструментов и шагов по формированию эффективной модели национально-государственной идентичности.

Опираясь на это определение, можно выделить ряд рисков и проблем, влияющих на степень эффективности проводимой в РФ политики идентичности. Назовем четыре ключевые проблемы.

*Во-первых*, в полной мере обозначился острый вопрос, связанный со степенью соответствия традиционных механизмов политики идентичности *новому информационно-психологическому ландшафту* российского общества. Развитие интернет-коммуникаций, рост политического влияния социальных медиа, утрата государством монополии на формирование идентификационной системы координат побуждают признать необходимость поиска инновационных — горизонтальных и диагональных — форматов.

*Во-вторых*, немаловажно, что указанная тенденция серьезно усугубляется и фактором *цифрового разрыва* в российском обществе, при котором различные поколения российских граждан (старшая когорта, «миллениалы», «зумеры») живут в относительно автономных «идентификационных мирах», которые во многом нивелируют ценность общероссийской гражданской идентификации, придают ей периферийное значение. В этих условиях эффективность государственной политики идентичности во многом зависит от ее конвенциональности: способности сочетать различные ценности, смыслы и символы.

*В-третьих*, на повестке дня остро стоит такая проблема, как поиск сбалансированной конфигурации общероссийской идентичности, ее трансляция в массовое сознание в *условиях этнорегиональной и религиозной многосоставности* российского общества. В этих условиях государство должно активно реагировать на вызовы со стороны конкурирующих идентификационных проектов: от неоархаических до радикальных псевдорелигиозных.

*В-четвертых*, относительная слабость и недостаточная эффективность политики идентичности в РФ во многом связана с ее явным ретроспективным характером. Признавая важность политики памяти как ядра формирования национально-государственной общности, следует заострить внимание и на таком вопросе, как формирование развернутого позитивного образа будущего в политическом сознании российских граждан. Решение данной задачи позволит выстроить относительно устойчивую

темпоральную пропорцию, в которой «прошлое» и «будущее» будут органически дополнять (а не конфликтовать или компенсировать) друг друга.

Представляется, что обозначенные концептуальные основания и стратегические проблемы могут способствовать оптимизации государственной политики идентичности в Российской Федерации, выработке новых приоритетов и механизмов ее реализации.

**Титова Л.Г.**  
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

## **ПОЛИТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ДИНАМИЧНО РАЗВИВАЮЩИХСЯ СООБЩЕСТВАХ**

**В**ыводя представление об устойчивости за пределы экономических показателей, концептуализируем соотношение социальных, социокультурных, политических факторов, особо выделяя политические, непосредственно связанные со стратегическими решениями, направленными к будущим поколениям.

Необходимость устойчивого развития определяется динамикой современной цивилизации, которая вырабатывает природные ресурсы и ищет новые, где создается противоречие между увеличивающимися возможностями для удовлетворения все большего числа все более разнообразных потребностей человека и разрушительными последствиями процессов потребления. Устойчивость возможна либо при добровольном принятии человечеством идеи ограничения, экономии ресурсов для будущих поколений, либо при более сложном варианте — пополнения ресурсов при помощи новых технологий и коренного изменения отношения человека к миру как среде своего обитания. Человек становится главным творцом будущего, переходя из статуса объекта в состояние субъекта.

В политике устойчивого развития обозначаются узловые точки реализации управленческих решений, правила, разделения полномочий, иерархия вертикальных отношений и паритет горизонтальных, способы оптимизации и достижения эффективности развития, фиксируются факторы, действительно обеспечивающие перспективы развития. Такими факторами являются: человек как субъект, субъектно-ориентированные управленческие решения. Это предъявляет новые требования к государственной политике, ее качеству, культуре, содержанию и направленности.

В отличие от антропоцентричного подхода, согласно которому человек — основной объект развития и в качестве такового является потребителем качества жизни, деятельности, удовлетворяет свои желания, для чего необходимо развитие сферы услуг, медико-санитарного, спортивного, туристического комплекса и т.д., гуманистический подход ставит в центр развития самого человека. Растущему антропогенному давлению необходимо противопоставить вначале его нейтрализацию, а затем гуманизацию всех социальных процессов.

Решение проблем устойчивого развития переходит к человеку как основному субъекту политических процессов, который должен участвовать в принятии таких решений, которые позволят оставить следующим поколениям невозполняемые ресурсы, создать технологии их замещения. Человек сам при этом может стать невозобновляемым ресурсом, если в современной политике не будут обеспечены необходимые условия для его здоровья и жизнедеятельности. Особенность нынешнего этапа формирования устойчивого развития в том, что человек является объектом и субъектом происходящих процессов в любой сфере.

Политика устойчивого развития включает:

- системное управление;
- нейтрализацию властных функций общественно-политической активностью населения;
- открытость и достоверность информации, обеспечивающей доступность принимаемых политических решений различным слоям населения, создание информационного пространства процессов устойчивого развития;
- политическое просвещение молодежи с целью формирования субъектов, потенциально способных активно взаимодействовать с природой, обществом, властью для сбалансированного развития и сохранения окружающей среды для себя и будущих поколений.

Переход России к устойчивому развитию займет длительный период, на каждом этапе — решение беспрецедентных задач: создание пространственной структуры экономики; разделение труда между регионами для выравнивания уровней развития; перераспределение продуктов труда по степени качества; решение демографических проблем, развитие социальной инфраструктуры и повышение уровня жизни населения.

Качество их решения определяется уровнем общей и политической культуры. Нравственные ценности, прозрачное информационное пространство, всеобщее непрерывное образование, повсемест-

но распространяемое просвещение, творчество как социальное благо и для социального блага — эти и многие другие составляющие культуры государственной политики — закладывают основы социума нового гуманистического типа и устойчивого развития.

Токарев А.А., Бойко М.Ю., Козлова Ю.А.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ ПРОТЕСТОВ: ВЛАСТЬ РЕГИОНОВ И РЕГИОНЫ ВЛАСТИ<sup>1</sup>

Российская политическая система часто описывается как персоналистский авторитарный режим. В этой логике легко изобразить любые протесты как продемократические действия, направленные на борьбу за политические свободы. Однако авторы предполагают, что в силу большой территории и регионального разнообразия протесты в России имеют более сложный характер. Это исследование направлено на изучение протестов по всей России с использованием количественных методов.

Под протестом в настоящем исследовании понимается деятельность, которая связана с физическим перемещением человека в пространстве с целью выражения протестной точки зрения (онлайн-протесты не рассматривались в принципе). База по протестам, которую команда исследователей составила вручную, включает в себя протестные акции, митинги, забастовки, одиночные пикеты, голодовки и иные протестные мероприятия, проведенные на территории России в период с 18 марта 2018 г. (день выборов президента России) по 1 июня 2021 г. Для сбора данных были использованы несколько источников: Яндекс.Новости и *Google.News*; база российских и иностранных источников *LexisNexis*; система мониторинга и анализа СМИ и соцсетей «Медиалогия». Всего в базу вошло 4909 протестных акций. Протесты были ранжированы по федеральным округам, регионам и населенным пунктам, классифицированы по тематическим кластерам и разделены на три уровня — международный, федеральный и региональный. Чтобы определить персоналии, страны и партии, которые становятся участниками или частью тем протестов, авторы выделили отдельно субъекты (организаторы) протестов и объекты (за/против/в поддержку кого выходили на улицы).

На основе собранной базы по формуле, включающей переменные абсолютного числа протестов, количество их кластеров, множители, позволяющие вычислить относительные доли, был рассчитан индекс протестной активности (*Protest Activity Index, PAI*), который позволил сравнить специфику протестов в разных субъектах Федерации с учетом численности населения и тематического разнообразия протестных акций. Все российские субъекты были ранжированы в соответствии с *PAI*: лидерами оказались не Москва и Санкт-Петербург, а неочевидные Костромская, Владимирская, Архангельская области, ЯНАО и Хабаровский край, часть из которых активно освещались массмедиа во всероссийском масштабе: хабаровский кейс С. Фургала, архангельский Шиес, голодовка О. Сенцова в ЯНАО. Сопоставление *PAI* с абсолютным числом протестов в регионах показало, что по отдельности ни численность населения, ни большое число протестов не являются гарантиями высокого значения индекса протестной активности. Важно соотношение числа протестных акций на число жителей.

Изучение кросс-регионального распространения протестной повестки дало понять, что объединяющим элементом для российских протестов служат политические темы: они распространяются в большое количество субъектов и за короткий срок, при этом расстояние не является определяющим фактором. В то же время экологическая повестка, также получившая кросс-региональное распространение, оказалась локальной и распространялась по географическому принципу. Международные протесты самые малочисленные — всего 126 случаев (2,6%), в то время как региональных — 2480 (50,5%), а федеральных — 2305 (46,9). 72,2% протестов (91 случай) международного уровня касались стран постсоветского пространства (Армения, Белоруссия, Украина, Казахстан, Эстония). Абсолютными лидерами по поддержке населением России здесь оказались две бывшие ССР — Белоруссия (44) и Украина (36).

Проведенный анализ распределения протестных тематик по годам и уровням выявил следующие тенденции. На федеральном уровне политический кластер доминирует на протяжении всего рассматриваемого периода, однако региональная протестная повестка характеризуется большим вниманием к неполитическим вопросам, таким как обманутые дольщики, строительство «грязных» производств и мусорных полигонов, вырубка зеленых насаждений.

Россия протестует по 68 темам. Не находит подтверждение гипотеза о том, что главная движущая сила российских протестов — политическая повестка: неполитические протесты (экономические, экологические, «ковидные», социально-бытовые, гендерные и проч.) составляют большинство. Хотя на федеральном уровне именно политика объединяет протестующих — остальные кластеры опережают ее только в регионах.

<sup>1</sup> Исследование проводится при поддержке РФФИ и ЭИСИ, проект № 21-011-31440.

С одной стороны, несистемная оппозиция организовала 51% протестов. Но с другой — в условиях сильной раздробленности этих сил невозможно выделить какую-то конкретную институцию (хотя очевидно, что хедлайнер на этом фланге А. Навальный и его сторонники). Главная протестующая оформленная сила — это КПРФ. Мнение о том, что российский режим подавляет протесты полностью и лишь отдельные группы наиболее смелых граждан выходят отстаивать свои права, не выдерживает критики.

Токарев А.А., Маргоев А.Р., Приходченко А.Ю.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **SNA-ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КНР: ВЗАИМОСВЯЗЬ БИОГРАФИЙ И СТРУКТУРА ВЛАСТИ «ЛИДЕРОВ ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВА»<sup>1</sup>**

С приходом «пятого» поколения китайских лидеров под руководством председателя КНР Си Цзиньпина система формирования китайских элит, разработанная еще при Дэн Сяопине, претерпевает значительные изменения. Роль Си Цзиньпина в системе усилилась до беспрецедентных для Китая масштабов, а именно в такие времена личные связи с руководителем являются более важным критерием, чем профессиональная подготовка. Однако если внимание академического и экспертного сообщества в достаточной мере направлено на анализ «вертикальных» связей внутри партийных элит (отношения патрон—подчиненный в рамках неформальных политических объединений и связи между представителями элит разных поколений), то исследований, посвященных «горизонтальным» связям в рамках одного поколения руководителей, значительно меньше. Главным образом эти работы касаются межфракционной политики. Отсутствуют модели для анализа связей внутри китайской элиты не по фракционному признаку. Исследовательская команда пытается ответить на два исследовательских вопроса: каково качество связей внутри китайской элиты? Какая эмпирическая модель описывает это качество на основании анализа открытых данных? Целью исследования является предложить методологию анализа «горизонтальных» связей между представителями китайских элит, что обуславливает его поисковый характер.

Исследователи применяют метод анализа социальных сетей (*social network analysis*) для построения карты профессиональных связей между 71 представителем китайской элиты из списка «лидеров партии и государства». В этот список входят люди, обладающие «национальным» или «субнациональным» рангом (соответственно первый и второй ранги по значимости). Официальная информация о карьерном продвижении выбранных лиц с 1978 по 2019 г. собрана в базе данных, а совпадение территории и/или органа работы/учебы у представителей сети в заданный год регистрируется как отдельная связь. Для загрузки базы связей в ПО были выбраны два варианта представления: первый — невзвешенный (когда каждое совпадение между двумя представителями — отдельная связь), а второй — взвешенный (когда связь между представителями одна, но ее вес задается в отдельном столбце количеством этих совпадений).

Команда выстроила иерархию представителей китайских элит по четырем видам переменных (центральностям) — *Degree Centrality*, *Closeness Centrality*, *Betweenness Centrality* и *Eigenvector Centrality*, а также разбила их на кластеры с помощью метода Лёвен (*Louvain*). *Degree Centrality* необходима для выявления крепких связей между политиками, *Betweenness Centrality* выделяет политиков, выступающих посредниками между несколькими объединениями, *Closeness Centrality* отображает основных проводников информации, а *Eigenvector Centrality* — самого влиятельного представителя сети. Метод *Louvain* позволяет выделить основные объединения внутри сети.

Во-первых, метод Лёвен при невзвешенном представлении связей четко определяет три кластера, которые поделены между наиболее представленными органами в рамках данной сети — НПКСК (председатель и 24 заместителя), Политбюро (25 членов) и ВСНП (председатель и 14 заместителей). При взвешенном представлении таблицы связей выделяются четыре группы — две на основании органа (в них входят члены ПК ВСНП и некоторые члены Политбюро), одна — на основании провинции (Чжэцзян-Фуцзянь, члены данной группировки долгое время вместе сначала работали в провинции Фуцзянь, а затем продолжили службу в провинции Чжэцзян, в обеих провинциях в то же время работал и Си Цзиньпин, сейчас входят в Политбюро) и еще одна смешанная (в нее входят члены ПК НПКСК и представители китайской элиты, долгое время вместе работавшие в Шанхае). Полученные результаты совпадают с общепринятыми в китаистике представлениями как о фаворитизме Си Цзиньпина по отношению к своим коллегам по работе в приморских провинциях Фуцзянь и Чжэцзян, так и о существовании неформального объединения партийных и государственных деятелей, связанных с Шанхаем.

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10144.

Во-вторых, подсчет *Eigenvector centrality* и *Degree Centrality* показывает четкую иерархию политических элит, совпадающую с их реальным влиянием на китайскую политику: а) Си Цзиньпин и Ли Кэцян; б) члены ПК Политбюро; в) члены Политбюро и некоторые члены НПКСК; г) представители НПКСК и ВСНП. При этом *Eigenvector Centrality* дает больший контраст, чем *Degree Centrality*.

Команде удалось верифицировать иерархию влияния китайских элит методом, нерелевантным по отношению к их должностям. Можно сделать вывод, что в целом высокая центральность свидетельствует о высокой степени влияния представителя китайской элиты.

Толмачева И.В.  
(ИД «Аргументы недели», Москва)

## СПЕЦИФИКА ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО СОАВТОРСТВА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ФРАКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ VII СОЗЫВА

Ниже представлены результаты исследования законотворческого соавторства депутатов Госдумы VII созыва, в частности особенности соавторства руководителей фракций. В основе исследования открытая информация Системы обеспечения законодательной деятельности официального сайта Госдумы, обработанная с помощью инструментов Python. В ходе исследования была проанализирована законотворческая деятельность всех депутатов в период с 16 сентября 2016 г. по 31 декабря 2020 г. и было выявлено законотворческое соавторство парламентариев, которое определялось как появление имени депутата в паспортных данных законопроекта в списке авторов. В центре внимания исследователей — имена наиболее частых соавторов депутатов как в законопроектах, так и в уже состоявшихся федеральных законах. Исследование показало, что существует различие в соавторстве в законопроектах и в федеральных законах.

На примерах законотворческого соавторства руководителей фракций «Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР и КПРФ очевидно это различие. Руководители малочисленных фракций выбирают законотворческую стратегию, основанную на многочисленном и частом соавторстве с однопартийцами, но большая часть таких законопроектов не преобразуется в федеральные законы, а снимается с рассмотрения. Тогда как федеральные законы получаются в соавторстве с депутатами фракции «Единая Россия» и руководителями иных фракций.

### **Сергей Неверов, «Единая Россия»**

Соавторы, фракция и число общих законопроектов: Андрей Исаев (ЕР, 26), Вячеслав Володин (ЕР, 14), Игорь Дивинский (ЕР, 7), Владимир Жириновский (ЛДПР, 7), Александр Жуков (ЕР, 7), Сергей Миронов (СР, 7), Геннадий Зюганов (КПРФ, 7), Владимир Плотников (ЕР, 6), Евгений Шулепов (ЕР, 6), Дмитрий Белик (ЕР, 5).

Соавторы, фракция и число общих законов: Андрей Исаев (ЕР, 15), Вячеслав Володин (ЕР, 11), Владимир Жириновский (ЛДПР, 6), Александр Жуков (ЕР, 5), Виктор Кидяев (ЕР, 5), Геннадий Зюганов (КПРФ, 5), Сергей Миронов (СР, 5), Дмитрий Белик (ЕР, 4), Анатолий Аксаков (СР, 4), сенатор Андрей Турчак (СФ, 11).

### **Сергей Миронов, «Справедливая Россия»**

Соавторы в законопроектах: Олег Нилов (СР, 238), Михаил Емельянов (СР, 236), Ольга Епифанова (СР, 169), Олег Николаев (СР, 133), Валерий Гартунг (СР, 132), Александр Ремезков (СР, 129), Федор Тумусов (СР, 129), Олег Шеин (СР, 128), Дмитрий Ионин (СР, 122), Гаджимурад Омаров (СР, 114).

Соавторы в законах: Владимир Жириновский (ЛДПР, 8), Геннадий Зюганов (КПРФ, 8), Вячеслав Володин (ЕР, 7), Иван Мельников (КПРФ, 7), Михаил Емельянов (СР, 5), Игорь Лебедев (ЛДПР, 5), Сергей Неверов (ЕР, 5), Вадим Белоусов (СР, 4), Ольга Епифанова (СР, 4), Олег Нилов (СР, 4).

### **Владимир Жириновский, ЛДПР**

Соавторы законопроектов: Ярослав Нилов (ЛДПР, 22), Алексей Диденко (ЛДПР, 12), Елена Строкова (ЛДПР, 12), Андрей Свинцов (ЛДПР, 8), Михаил Дегтярев (ЛДПР, 6), Вячеслав Володин (ЕР, 11), Сергей Неверов (ЕР, 7), Сергей Миронов (СР, 10), Геннадий Зюганов (КПРФ, 10).

Соавторы законов: Вячеслав Володин (ЕР, 10), Геннадий Зюганов (КПРФ, 8), Иван Мельников (КПРФ, 8), Сергей Миронов (СР, 8), Сергей Неверов (ЕР, 6), Анатолий Аксаков (СР, 5), Ирина Яровая (ЕР, 4), Александр Жуков (ЕР, 3), Михаил Емельянов (ЕР, 3), Владимир Кашин (КПРФ, 3).

### **Геннадий Зюганов, КПРФ**

Соавторы законопроектов: Владимир Кашин (КПРФ, 78), Николай Коломейцев (КПРФ, 78), Иван Мельников (КПРФ, 78), Юрий Афонин (КПРФ, 66), Дмитрий Новиков (КПРФ, 62), Валентин Шурчанов (КПРФ, 62), Николай Арефьев (КПРФ, 59), Валерий Рашкин (КПРФ, 55), Казбек Тайсаев (КПРФ, 55), Николай Иванов (КПРФ, 54).

Соавторы законов: Владимир Жириновский (ЛДПР, 8), Сергей Миронов (СР, 8), Вячеслав Володин (ЕР, 6), Сергей Неверов (ЕР, 5), Ирина Яровая (ЕР, 4), Михаил Емельянов (СР, 3), Александр Жуков (ЕР, 3), Павел Крашенинников (ЕР, 3), Иван Мельников (КПРФ, 4), Владимир Кашин (КПРФ, 3).

Хотя эффективность деятельности российского парламента регулярно привлекает внимание различных исследователей, анализ законодательного соавторства российских парламентариев реализован впервые<sup>1</sup>. Но подобную работу ранее проделали украинские коллеги, изучив соавторство депутатов Верховной Рады<sup>2</sup>. Многочисленные результаты исследования законодательного соавторства депутатов Госдумы VII созыва позволяют в целом характеризовать работу парламента, а также представляют собой ценную информацию о фактическом соавторстве депутатов, выраженном в конкретных именах и цифрах, что может быть использовано в политических, политтехнологических и лоббистских целях.

Томин Л.В. (СПбГУ, Санкт-Петербург),  
Балаян А.А. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

### ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ<sup>3</sup>

В последние годы изучение политических эффектов цифровизации государственного управления и публичной политики становится все более актуальным. Эксперты и активисты настаивают на необходимости общественного контроля над технологиями, создающими потенциальную угрозу правам и свободам граждан. Например, системы «умного города» паноптизируют городское пространство, создавая инфраструктуру для авторитарных управленческих практик<sup>4</sup>.

Власти ряда стран в периоды политических акций оппозиции или локальных конфликтов прибегают к политически мотивированному отключению Интернета. Доклад группы «Агора» и организации «Роскомсвобода» гласит, что в Российской Федерации за последние годы зафиксировано 8 случаев политически мотивированного отключения Интернета<sup>5</sup>. Наиболее значимые примеры: отключение мобильного Интернета во время протестов в Ингушетии (осень 2018 г.), отключение мобильного Интернета и Wi-Fi сетей на месте проведения митингов в Москве (3 августа 2019 г.), отключение мобильного Интернета во время протестов в Улан-Удэ (сентябрь 2019 г.), отключение мобильного Интернета во время протестов в Шиесе (23 октября 2019 г.). В этом году совет по правам человека ООН принял резолюцию о правах в Интернете. Резолюция осуждает подобные действия властей, кроме того, она поручила управлению Верховного комиссара ООН по правам человека работу над специальным докладом об имевших место случаях политически мотивированного отключения Интернета<sup>6</sup>.

Среди элементов «умного города» у общественных и правозащитных организаций наибольшую озабоченность вызывают системы камер с технологией распознавания лиц. Организация *Access Now* инициировала кампанию, конечная цель которой — запрет «биометрической слежки», прежде всего использования правительствами, правоохранительными органами и частными компаниями технологии распознавания лиц и других механизмов удаленного биометрического распознавания. По мнению инициаторов кампании, данные технологии подрывают фундаментальные гражданские права и свободы<sup>7</sup>. Особо отмечено, что использование властями данных технологий подвергает эрозии права граждан на свободу собраний и ведет к криминализации протеста.

Инициаторы общественной кампании требуют: прекратить государственные инвестиции в использование распознавания лиц и удаленных биометрических технологий, которые делают возможным массовое наблюдение и дискриминационное целевое наблюдение; запретить использование этих технологий в общедоступных местах как государственными, так и частными компаниями, где такое ис-

<sup>1</sup> Толмачева И.В. Анализ эффективности субъектов права законодательной инициативы Российской Федерации в 2016–2019 годах // Вестник Финансового ун-та. 2020. Серия: Гуманитарные науки. № 10 (5). С. 100–109.

<sup>2</sup> Брик Т., Остапчук Д. Анализ сетей в украинском парламенте посредством рассмотрения законодательного соавторства. URL: <https://voxukraine.org>

<sup>3</sup> Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости» № 19-18-00210.

<sup>4</sup> Krivy M. Towards a critique of cybernetic urbanism: the smart city and the society of control // *Planning Theory*. 2016. No. 17 (1). P. 8–30.

<sup>5</sup> Доклад о свободе Интернета-2019 // Агора. URL: <https://2019.runet.report> (дата обращения: 20.07.2021).

<sup>6</sup> United Nations adopts resolution on human rights on the internet // CIVICUS. URL: <https://civicus.org/index.php/media-resources/news/united-nations/geneva/5170-human-rights-council-adopts-new-resolution-on-human-rights-on-the-internet> (accessed: 27.07.2021).

<sup>7</sup> Ban biometric surveillance // Access Now. URL: <https://www.accessnow.org/ban-biometric-surveillance/> (accessed: 21.07.2021).

пользование может сделать возможным массовое наблюдение или дискриминационное целевое наблюдение. По данным на июль 2021 г., к кампании, инициированной *Access Now* присоединилось уже более 170 общественных организаций со всего мира<sup>1</sup>.

Согласно исследованию Comparitech, Российская Федерация занимает второе место из 47 стран в рейтинге «надзорных государств». На первом — КНР, после РФ идут: Индия, Малайзия, Таиланд. Комплексный рейтинг составляется на основе оценки стран по ряду показателей, среди которых: обеспечение неприкосновенности частной жизни, функционирование систем видеонаблюдения, использование и обмен пользовательских данных, мониторинг и перехват информации в каналах связи<sup>2</sup>. Важным элементом цифровой инфраструктуры Москвы как «умного города» является система камер видеонаблюдения, оснащенных функцией распознавания лиц. Согласно исследованию Comparitech, по количеству камер на 1000 человек Москва занимает 34-е место в мире<sup>3</sup>. Города, находящиеся выше в этом рейтинге, кроме Лондона и Сингапура, — китайские и индийские мегаполисы. В этом году полиция использовала систему камер для задержания участников митинга в поддержку А. Навального (23 января<sup>4</sup> и 21 апреля<sup>5</sup>).

Трегубов Н.А.

(Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)

## МОТИВАЦИЯ ГОЛОСОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ АНАЛИЗА

В научной литературе представлено два основных направления анализа мотивов голосования. Первое направление базируется на изучении данных электоральной, а также демографической и социально-экономической статистики<sup>6</sup>.

Основным достоинством данного способа исследования является возможность тотального охвата объекта (все избиратели страны, региона и т.д.), а также возможность использования всего многообразия статистических техник анализа данных<sup>7</sup>.

К числу недостатков анализа с использованием электоральной и иной статистики можно, во-первых, отнести так называемую проблему экологического заключения, т.е. вывода об индивидуальном поведении на основе агрегированных данных. Считается, что из суммарных показателей статистически невозможно вывести достоверное суждение о связи между результатами голосования и какими-либо из факторов электорального поведения, поскольку существует большое количество комбинаций индивидуальных данных, ведущих к одинаковым агрегированным результатам<sup>8</sup>. Вторым очевидным недостатком электоральной статистики является разный уровень достоверности данных о результатах выборов. Для современной России эта проблема в последние годы становится все более актуальной. Соответственно, прежде чем проводить анализ электоральной статистики, часто имеет смысл провести дополнительное исследование, направленное на выявление и нивелирование статистических «аномалий»<sup>9</sup>.

Второй способ эмпирического анализа мотивов голосования избирателей связан с использованием данных социологических опросов.

<sup>1</sup> Ban biometric surveillance // Access Now. URL: <https://www.accessnow.org/ban-biometric-surveillance/> (accessed: 21.07.2021).

<sup>2</sup> Bischoff P. Data privacy laws and government surveillance by country: Which countries best protect their citizens? // Comparitech. URL: <https://www.comparitech.com/blog/vpn-privacy/surveillance-states/> (accessed: 21.07.2021).

<sup>3</sup> Bischoff P. Surveillance camera statistics: which cities have the most CCTV cameras? // Comparitech. URL: <https://www.comparitech.com/vpn-privacy/the-worlds-most-surveilled-cities/> (accessed: 22.07.2021).

<sup>4</sup> Камалетдинов Д. Система распознавания лиц в Москве теперь ищет протестующих // TJjournal. URL: <https://tjournal.ru/tech/333457-sistema-raspoznaniya-lic-v-moskve-teper-ishchet-protestyuyushchih-kak-ona-ustroena-i-chto-sdelat-dlyazashchity> (дата обращения: 20.07.2021).

<sup>5</sup> Полоротов А. За месяц после акции в поддержку Навального правоохранительные органы составили протоколы на 289 человек // Seldon News. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/251176822> (дата обращения: 20.07.2021).

<sup>6</sup> См., например: *Голосов Г.В.* Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 44–56; *Туровский Р.Ф., Гайворонский Ю.О.* Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? // Полития. 2017. № 3 (86). С. 42–61; *Шкель С.Ю.* Бастионы традиции: этнический фактор и политические машины в регионах России // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 49–70.

<sup>7</sup> *Ахременко А.С.* Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы. М., 2008. — 160 с.

<sup>8</sup> *Robinson W.S.* Ecological Correlations and the Behavior of Individuals // American Sociological Review. 1950. Vol. 15. P. 351–357; *Ахременко А.С.* Указ. соч. С. 72–82.

<sup>9</sup> *Lukinova E., Myagkov M., Ordeshook P.C.* Metastatised fraud in Russia's 2008 presidential election // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. No. 4. P. 603–621; *Kobak D., Shpilkin S., Pshenichnikov M.S.* Integer percentages as electoral falsification fingerprints // Annals of Applied Statistics. 2016. Vol. 10. No. 1. P. 54–73.

Главное достоинство опросного метода — отсутствие проблемы вывода из агрегированных данных, возможность непосредственного изучения данных об индивидуальных предпочтениях респондентов. К недостаткам данного подхода относится выборочный характер исследования (отсутствие тотального охвата объекта), а также постоянный дефицит первичных эмпирических данных.

При проведении количественных опросных исследований при анализе факторов голосования могут быть использованы две основные эмпирические стратегии. В первом случае главным эвристическим инструментом становится набор закрытых вопросов о мотивах электорального выбора<sup>1</sup>, во втором — набор открытых вопросов<sup>2</sup>.

Основным достоинством ответов на закрытые вопросы о мотивах голосования является сравнительная простота их обработки и интерпретации. Главный недостаток такого рода вопросов — их зависимость от предпочтений дизайнеров исследования. Закрытые вопросы часто побуждают респондентов рассуждать о темах, о которых они не задумывались до этого. С другой стороны, закрытые вопросы могут показаться респондентам настолько легкими, что они могут отвечать на эти вопросы, даже не задумываясь об их сути<sup>3</sup>.

Соответственно, ключевыми достоинствами открытых вопросов о мотивах голосования является независимость ответов на эти вопросы от предпочтений дизайнеров исследования, отказ от навязывания респондентам какой-либо структуры ответов. Кроме того, формулировки открытых вопросов менее зависимы от текущей общественно-политической ситуации, в связи с чем открытые вопросы зачастую оказываются более пригодными для сравнительных исследований<sup>4</sup>.

Недостатки открытых вопросов связаны со сложностью кодирования ответов на эти вопросы, а также с сомнениями некоторых ученых в том, что ответы респондентов на открытые вопросы отражают реальные мотивы их действий в день голосования. Последний аспект критики открытых вопросов является предметом продолжительной научной дискуссии<sup>5</sup>.

Еще один способ эмпирического анализа данных о мотивах голосования связан с проведением качественных (как правило, фокус-групповых) социологических исследований. Этот способ в ряде случаев позволяет раскрыть некоторые глубинные аспекты мотивации избирателей<sup>6</sup>. Основным недостатком данных качественной социологии — их ограниченная репрезентативность и, соответственно, невозможность генерализации полученных выводов на поведение всех избирателей.

Таким образом, результаты количественных социологических опросов с открытыми вопросами о мотивах голосования являются на сегодняшний день наиболее приемлемой эмпирической базой для изучения электорального поведения российских избирателей. Опора на такую эмпирическую базу позволяет обойти как проблему экологического заключения, неизбежно возникающую при использовании данных электоральной статистики, так и проблему влияния исследовательского дизайна на результаты, сопутствующую применению закрытых вопросов. Кроме того, использование на эмпирической стадии открытых вопросов о мотивах голосования позволяет обеспечить на стадии интерпретации результатов разумный баланс между репрезентативностью (количественные исследования) и полнотой/глубиной анализа (качественные исследования).

<sup>1</sup> Miller W.E., Shanks J.M., Shapiro R.Y. *The New American Voter*. Harvard University Press, 1996. — 640 p.; Colton T.J. *Transitional Citizens. Voters and What Influences Them in the New Russia*. Harvard University Press, 2001. — 336 p.; Hale H.E., Colton T.J. *Who Defects? Unpacking a Defection Cascade from Russia's Dominant Party 2008–2012* // *The American Political Science Review*. 2017. Vol. 111. No. 2. P. 322–337.

<sup>2</sup> Miller A.H., Wattenberg M.P., Malanchuk O. *Schematic Assessments of Presidential Candidates* // *American Political Science Review*. 1986. Vol. 80. No. 2. P. 521–554; Lewis-Beck M.S., Jacoby W.G., Norpoth H., Weisberg H.F. *The American Voter Revisited*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008. — 494 p.; Blumenstiel J.E., Plischke T. *Changing Motivations, Time of the Voting Decision, and Short-term Volatility — the Dynamics of Voter Heterogeneity* // *Electoral Studies*. 2015. Vol. 37. No. 1. P. 28–40; Wattenberg M.P., Powell S. *A Policy-Oriented Electorate: Evaluations of Candidates and Parties in the Obama Elections Compared to the 1952–1980 Period* // *Presidential Studies Quarterly*. 2015. Vol. 45. No. 3. P. 540–557.

<sup>3</sup> Kessel J.H., Weisberg H. *Comparing models of the Vote. The Answers Depend on the Questions* // *Reelection 1996* / Ed. by Herbert F. Weisberg and Jane M. Box-Steffenmeier. N.Y.: Chatham House, 1999. P. 88–102; Lewis-Beck M.S. at all. Op. cit.

<sup>4</sup> Lewis-Beck M.S. at all. Op. cit.; Wattenberg M.P., Powell S. Op. cit.

<sup>5</sup> Smith E.R.A.N. *The levels of conceptualization: False measures of ideological sophistication* // *The American Political Science Review*. 1980. P. 685–696; Knight K. *Ideology and public opinion* // *Research in Micropolitics*. 1990. Vol. 3. P. 59–82; Knight K. *Ideology and Public Opinion* // *Micropolitics*. 1990. No. 3. P. 59–82; Hagner P.R., JPierce J.C. *Liberal Is a Four Letter Word: Campaign Rhetoric and the Measurement of Political Conceptualization* // Paper presented at the Annual Meeting of the Midwest Political Science Association. 1991.

<sup>6</sup> См., например: Mickiewicz E.P. *Television, Power, and the Public in Russia*. Cambridge University Press, 2008. — 220 p.



Трещенков Е.Ю.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЕВРАЗИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕС

После краха биполярного миропорядка разнообразие, непредсказуемость и трансграничный характер вызовов безопасности только усиливались. На современном этапе государства постсоветской Евразии сталкиваются с взаимосвязанными вызовами внутренней трансформации и неблагоприятного внешнего контекста. В последнем случае одним из серьезнейших обстоятельств является глубочайший с момента окончания холодной войны кризис в отношениях России и Запада.

В связи с этим большой аналитический интерес вызывает концепция стрессоустойчивости (*resilience*). Она появилась в 1970-е годы в социальной экологии и постепенно получила развитие не только в других отраслях научного знания (от экономики до психологии), но и в управленческой практике (система ООН, ЕС, национальные модели управления рисками).

Первоначально стрессоустойчивость использовалась для описания способности экологических систем выдерживать воздействие шоков, восстанавливаться и адаптироваться к изменяющимся условиям<sup>1</sup>.

Суть современной трактовки стрессоустойчивости применительно к социальным системам можно изложить следующими пунктами:

- система не только отвечает на внешние изменения среды, но и сама генерирует риски своему существованию (например, Арабская весна и миграционный кризис ЕС);
- стрессоустойчивой систему делает ее способность адаптироваться к изменениям параметров за счет мобилизации и развития внутренних ресурсов;
- необходимо различать стабильность и стрессоустойчивость системы. Так, можно утверждать, что государство как система может казаться стабильным, но обладать слабой стрессоустойчивостью, и наоборот.

После того как стрессоустойчивость была провозглашена концептуальной основой стратегии безопасности ЕС<sup>2</sup>, интерес к этой категории появился и среди российского академического сообщества. В последние годы можно видеть предложения применить эту категорию к вызовам, стоящим и перед государствами постсоветского пространства, и перед интеграционными объединениями региона<sup>3</sup>.

В фокусе предлагаемого исследования несколько взаимосвязанных проблем:

1. Европейский союз склонен видеть себя стрессоустойчивой системой с центром в Брюсселе и периферией в виде стран-участниц Европейской политики соседства (Восточного партнерства — на восточной границе). При этом за Россией, согласно такому видению, закрепляется роль источника угроз. Согласно академическому подходу к стрессоустойчивости, напротив, Россия является частью большой системы, включающей и ЕС, и пространство общего соседства. Более того, она не только является источником угроз, но и обеспечивает и ЕС, и государства постсоветского пространства ресурсами их стрессоустойчивости перед различного рода вызовами<sup>4</sup>. Сам же ЕС, в свою очередь, также способен продуцировать вызовы стрессоустойчивости своих соседей.

2. Можно ли рассматривать ЕАЭС через призму стрессоустойчивости? Если он является системой, то какие вызовы продуцирует и какими ресурсами обладает? Возможно, учитывая слабость наднационального элемента в этом объединении и его межгосударственный характер с асимметрией в сторону Москвы, правильнее рассматривать то, как Россия влияет на стрессоустойчивость каждой из стран-участниц? Ее роль здесь велика — от поставок энергоносителей до трудовой миграции. При этом конфликт по линии Россия—Запад, чем он глубже, тем более искажающее влияние оказывает на роль Москвы в плане обеспечения стрессоустойчивости соседей. Например, российское вмешательство в политический кризис 2020 г. в Беларуси способствовало стабилизации режима, но никак не укреплению долгосрочной стрессоустойчивости данного государства.

<sup>1</sup> Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. 1973. Vol. 4. P. 1–23.

<sup>2</sup> Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Brussels, June 2016. URL: [https://eeas.europa.eu/archives/docs/top\\_stories/pdf/eugs\\_review\\_web.pdf](https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf).

<sup>3</sup> Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В. Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 13 (4). С. 6–33; Кондратьева Н.Б. О перспективах ЕАЭС и путях повышения его роли на международной арене // Институт Европы. Аналитическая записка. 2020. № 35.

<sup>4</sup> Романова Т., Павлова Е. Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С.102–109.

3. Неоднозначен и фактор Китая. В рамках кризиса в отношениях между Россией и Западом взгляды многих обращены на Пекин. Однако тот же Экономический пояс Шелкового пути — это (даже в еще большей степени, чем проекты Европейского союза в постсоветской Евразии) инструмент достижения Китаем своих собственных задач развития. Не вписывается КНР и в систему стрессоустойчивости, предлагаемую Евросоюзом.

Тропинова Е.А.  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## РЕФЛЕКСИВНАЯ КООРДИНАЦИЯ КАК ДОМИНАНТА ЦИФРОВОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ<sup>1</sup>

**А**ктивное использование технологий в цифровом публичном управлении значительно меняет поле взаимодействия публичных акторов, обуславливает, согласно Дж. Коулману, «необходимость координировать действия других акторов, чтобы удовлетворить собственные потребности»<sup>2</sup>. Рефлексия, лежащая в основе «управления изнутри»<sup>3</sup>, обеспечивает акторам, вступающим во взаимодействие в цифровом публичном пространстве, право и возможность форматировать техно-социальную систему, актуализировать и реструктурировать нормы и правила ее функционирования в соответствии со своими потребностями. Такое рефлексивное взаимодействие является результатом договора, относительно какого объекта осуществляется совместная координация.

Уровень вовлечения и осознанности актора определяет и тип рефлексии. Рефлексивное самоуправление осуществляется, когда объект рефлексии включается субъектом в качестве средства деятельности. Именно через реализацию проактивной позиции достигается необходимая степень осознанности деятельности субъекта, освоения им технологии взаимодействия с цифровой платформой, определение поля самостоятельности и форматов взаимодействия с другими акторами, в том числе с государством. Итеративный и алгоритмический принцип построения публичных платформ обеспечивает постепенное «погружение» и «контакт» с публичным пространством, в результате чего расширяется спектр знаний и компетенций актора, проявление зоны самостоятельности. На примере программы вакцинации от коронавируса (весна 2021 г.) в рамках данного исследования были проанализированы профили граждан, поставивших прививку, и их дневники самонаблюдений, предусматривающие подготовку и направление в Министерство здравоохранения через портал «Госуслуги» заявлений, содержащих результаты самонаблюдений. Интуитивно понятный алгоритм подготовки заявлений, сопровождающийся цепочкой напоминаний, обеспечивает поддержку мотивации гражданина отслеживать собственное состояние после прививки и при этом выступать «маячком» — мотиватором для других граждан в программе вакцинации. Регулярное обращение к portalу «Госуслуги» расширяет, таким образом, компетенции граждан в использовании платформы, а также побуждает отслеживать темп и результаты программы вакцинации, сообщать о неточностях и сбоях в системе, выступать с инициативами в социальных сетях о целесообразности прививок.

Внешнее рефлексивное управление актуализируется, если система отклоняется от запланированных показателей либо наступают рискованные события; в таком случае субъект включается в функциональную область объекта и «управление изнутри» преобразуется в «управление снаружи». Например, эскалация проблемы по управленческой вертикали, введение требований обязательной или «безальтернативной» вакцинации для отдельных регионов, отраслей или групп работников.

Важно отметить, что рефлексивная координация предполагает существенный пересмотр цели и отход от управления по результатам в сторону управления эффектами, согласования текущих процедур для поддержания эффективной сетевой (преимущественно горизонтальной) координации. Акторы ставят перед собой необходимость непрерывного обсуждения собственных ожиданий, предпочтений или норм, регламентирующих функционирование публичной платформы. Как справедливо подчеркивает Жанетт Хофман, рефлексивность — это управление управлением, она фокусирует внимание на условиях реализации обычных координационных механизмов<sup>4</sup>.

Рефлексивная координация выходит за пределы традиционного обмена, регламентации и статичных норм, управленческая логика формируется в ходе непрерывного изменения правил и рутин как результата коллективной деятельности и коммуникации относительно конкретного периода/

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости» № 19-18-00210.

<sup>2</sup> Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

<sup>3</sup> Smith A., Stirling A. Moving Outside or Inside? Objectification and Reflexivity in the Governance of Socio-Technical Systems // Journal of Environmental Policy & Planning. 2007. No. 9. P. 3–4, 351–373. DOI: 10.1080/15239080701622873.

<sup>4</sup> Hofmann J., Katzenbach C., Gollatz K. Between coordination and regulation: Finding the governance in Internet governance // New Media and Society. 2017. Vol. 19. Iss. 9. P. 1406–1423. Sage, Thousand Oaks.

управленческой задачи. Целью коммуникации акторов, взаимодействующих на платформах, становятся два процесса. Первый касается выбора приоритетов, какие задачи и в какой последовательности должны быть решены (по такому принципу функционируют Центры управления регионом как институты реагирования на обращения граждан). Второй вводит в поле рефлексивной координации регламенты — временные пределы реагирования на проблему, технологии ее решения, общественные затраты). И в первом, и во втором процессах рефлексивная координация охватывает участников, которые мотивированы вовлекаться в обсуждение *в данный момент времени*. Поэтому столь значимым является постоянное взаимодействие актора с платформами, наличие личного кабинета, системы уведомлений и напоминаний, обозначение статуса (активен/вне доступа/не активен). Помимо «подключенности» существенное значение имеет самосознание и самоидентификация гражданина, чиновника, эксперта, его осведомленность не только о том, как функционирует технологическая система публичной платформы, но и политико-управленческая методология в том числе. Для успешной рефлексивной координации важна сопряженность управленческих процессов в реальном и виртуальном пространстве.

В целом логика рефлексивной координации заключается в стремлении формальных политико-управленческих институтов избежать прямого вмешательства в управленческий процесс, который успешно функционирует благодаря алгоритмам и самоорганизации акторов (т.е. на основе саморефлексии). Трансформируется миссия публичных институтов — от прямого регулирования они переходят к оптимизации принципов управления через технологии и поддержание логики «сервисной модели» государства, в центре внимания которого находится человек/гражданин, его интересы и потребности. Формальные политические институты приобретают роль наблюдателя и контролера, обеспечивая акторам нужную долю самостоятельности, возможность функционировать в управленческой логике, приемлемой для них. Однако критическим фактором успешной саморефлексии в цифровом публичном пространстве остается цифровая культура и доверие публичных акторов государству.

Туманов И.А. (БФ «Приоритеты роста», Москва),  
Ильичев М.В. (ВАВТ, Москва)

## ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ УСПЕШНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ<sup>1</sup>

Обеспечить эффективность государственного управления в интересах повышения конкурентоспособности России на международной арене в первую очередь могут экономические успехи страны, предполагающие создание новых высокотехнологичных рабочих мест, обеспечение роста богатства общества в целом, повышение уровня инвестиционной привлекательности регионов и т.д. Другими словами: успешность государственного управления есть функция тех или иных экономических аргументов, что можно представить следующей формулой:  $УГУ = f(эа_1 + эа_2 + \dots + эа_n)$ , где: УГУ: успешность государственного управления; эа — экономический аргумент; n — количество аргументов. Успешность государственного управления во многом будет способствовать повышению эффективности социально-экономического развития страны в целом, политической стабильности в обществе и др.

Первый показатель — это соответствующий рост инвестиций в экономику и граждан России, обуславливающий в значительной степени обеспечение национальной безопасности, которая определяется как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства. Инвестиции — долгосрочные вложения капитала в собственной стране и/или за рубежом с целью получения дохода, в том числе и национального. Значение инвестиций заключается в том, что без них невозможно обеспечить на должном уровне: структурную перестройку экономики государства; сбалансированность социально-экономического развития; ускорение научно-технического прогресса; создание новых рабочих мест, тем более высокотехнологичных; конкурентоспособность экономики, национальную безопасность страны; развитие человеческого капитала и др. Важнейшим инструментом регулирования инвестиционной деятельности в экономике является ключевая ставка, величина которой определяется Центральным банком РФ (ЦБ РФ) в рамках проводимой им денежно-кредитной политики.

Второй показатель — инновации. Современная экономика — это экономика, находящаяся на уровне своего века, неотсталая, отвечающая материальным, социальным и духовным потребностям настоящего времени, а также способная генерировать, формировать новые потребности, потребности нового века в интересах обеспечения конкурентоспособности страны, повышения благосостояния и качества жизни людей. Современная экономика — это в первую очередь инновационная

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 21-011-31709 «Механизмы и технологии социально-экономической и политической деполаризации в российских регионах».

экономика, предполагающая развитие разнообразных видов экономической деятельности посредством поддержки инноваций.

Третий показатель — инновационное развитие социокультурной сферы (СКС) России. Инновации — важнейшая составляющая постиндустриального общества, которое характерно для развитых стран мира. Постиндустриальное общество — это общество, в котором снижение объема промышленного производства происходит не в результате экономического кризиса, рецессии или стагнации, а в результате опережающего роста социокультурной сферы, сферы услуг в целом, перерастающего в рост информационного сектора как основы возникновения экономики знания. В экономической структуре занятости населения развитых стран уже сейчас преобладают тенденции превышения совокупного числа занятых в непроемких отраслях над отраслями промышленности и сельского хозяйства. СКС включает в себя образование, здравоохранение, культуру и искусство, науку, средства массовой информации, физическую культуру и спорт, туризм. Инновации в СКС обеспечивают развитие человеческого капитала, который, в свою очередь, является основой роста производительности труда. Производительность труда — важнейший показатель конкурентоспособности экономики, ключевой фактор социально-экономического процветания страны. Успешное развитие экономики СКС — это, безусловно, и важнейший фактор объединительных, центрирующих процессов в стране, и значительный рост валового внутреннего продукта (ВВП), национального дохода и личных доходов граждан.

Успехи России в сфере экономики, значимые в масштабе мирового хозяйства, не позволят ее недоброжелателям в ходе конкурентной борьбы на мировой политической арене использовать уничижительные высказывания, подобные таким, как, например, «СССР — Верхняя Вольта с ракетами», автором которого считается Гельмут Шмидт — канцлер Федеративной Республики Германия в 1974—1982 гг., критиковавший Советский Союз за то, что его руководство наращивало военную мощь, пренебрегая нуждами населения страны в целом.

Связь между соответствующими экономическими успехами страны и успешностью государственного управления является комплементарной: чем больше успехов, тем успешнее государственное управление.

Экономические успехи России могут способствовать ее популяризации в мировом политико-экономическом пространстве и посредством паблисити — положительных упоминаний в зарубежных средствах массовой информации (СМИ) о РФ за счет собственных ресурсов данных СМИ.

Тумов А.А.

(КБГУ им. Х.М. Бербекова, Нальчик)

## **НАСИЛИЕ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ УРЕГУЛИРОВАНИЙ В СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ПОРЯДКАХ ОГРАНИЧЕННОГО ДОСТУПА**

**А**нализ роли насильственных практик в становлении государственного режима и общественно-политического порядка является одной из фундаментальных задач политической науки. Политическое насилие способно подорвать эффективность и легитимность политических институтов, повлиять на ход социально-экономического развития и привести к дальнейшей эскалации конфликта. На протяжении десятилетий исследователи изучают влияние насильственного потенциала политических и экономических акторов на характер политической борьбы (*politics*), распределение ресурсов (*rent distribution*) и осуществление политического курса государства (*policy*) — как на национальном, так и на субнациональном уровне.

Данное исследование призвано проанализировать роль насильственных практик (со стороны как государства, так и негосударственных образований) в становлении и трансформации общественных порядков на субнациональном уровне. Исследование будет осуществлено на примере трех республик Северного Кавказа — Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии. Основной теоретической базой для исследования станет институциональный подход, нашедший свое выражение в теории социальных порядков (*social orders theory*). Сравнение общественно-политической динамики между регионами будет проведено при его комбинации с политэкономическим анализом политических урегулирований (*political settlements analysis*).

Затрагиваемая проблематика касается значительного сегмента академической литературы, поэтому в данном разделе мы не ставим целью выполнить обзор всех существующих научных работ, а выделим наиболее значимые направления.

Исследования насильственных практик на примере России и, в частности, Северо-Кавказского региона могут быть поделены на несколько групп. Ряд исследований сконцентрирован на изучении установления монополии государства на насилие и усилении значимости силовых органов в регионе

на протяжении постсоветского периода. В других работах в фокусе внимания оказалась деятельность криминальных группировок и их участие в политической борьбе. Значительный сегмент литературы посвящен функционированию региональных политических режимов.

Исследования в области насилия в политическом кавказоведении, в свою очередь, делятся на несколько сегментов. Первая группа выполнена в этнополитологическом ключе<sup>1</sup>. С 2000-х годов фокус академических исследований сместился на вопросы религиозного насилия как основного политического тренда, формирующего авторитарную структуру политических режимов на Северном Кавказе через раскручивание «спирали насилия»<sup>2</sup>. Другие работы привлекали внимание к специфичной политике насилия и тому, какие стимулы экономические институты создавали для будущих насильственных действий<sup>3</sup>.

Анализ выявленных направлений литературы позволяет сказать, что остается открытым вопрос о том, как действия обладающих насильственным потенциалом акторов влияют на социально-политический порядок, сложившийся в регионах Северного Кавказа. При этом необходимо учитывать такие факторы политической динамики, как постоянно изменяющийся состав основных действующих лиц и организаций, совокупность интересующих их экономических ресурсов, а также результаты политической борьбы в виде процесса управления и осуществления политического курса. Цель проекта — осуществление системного исследования взаимосвязи между насилием и изменяющимся социально-политическим порядком на субнациональном уровне. Задачи исследования:

1. Анализ констелляции акторов с насильственным потенциалом (государственные органы власти, правоохранительные органы, криминальные группы, экстремистские бандформирования, локальные отряды самообороны).
2. Выявление релевантных экономических ресурсов (ренты), к которым имеют доступ акторы с насильственным потенциалом, а также которые являются объектом интереса со стороны политических групп.
3. Изучение конфликтных кейсов с целью определения насильственных практик, используемых в борьбе за власть и ресурсы.
4. Исследование характера взаимодействия локальных акторов с «внешними» по отношению к региону политическими силами (федеральными органами власти, государственными и частными корпорациями, АНО и т.д.).
5. Анализ влияния насильственных практик в социально-политических конфликтах на реализацию политического курса в регионах, осуществление инфраструктурных проектов и распределение экономической ренты среди акторов.

Важное место в работе занимает применение неинституционального подхода, который рассматривает институты как наборы формальных и неформальных ограничений, направляющих поведение индивидов и организаций и выбор ими стратегий для достижения своих целей. Процесс политической борьбы проанализирован сквозь призму теории о социальных порядках. Согласно этой концепции борьба за доступ к ренте, ресурсам и привилегиям, идущая среди акторов, обладающих насильственным потенциалом, ведет к появлению правящей коалиции, занимающейся распределением ренты и ресурсов. Доступ остальных индивидов и организаций к ренте ограничен; этот порядок ограниченного доступа изначально поддерживается монополией правящей группы и постепенно обрастает институциональным каркасом, формируя собой «естественное государство». Концепт о социальных порядках рассматривает насилие как определяющий инструмент (ресурс) в формировании элитных групп. Согласно автору концепта Д. Норту, Российская Федерация является социальным порядком ограниченного доступа. Насилие используется элитами с целью контроля доступа к общественным структурам,

<sup>1</sup> Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдые на Северном Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010; Казенин К.И. «Тихие конфликты» на Северном Кавказе. Адыгя, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М.: REGNUM, 2009; Gall C., De Waal T. Chechnya: A Small Victorious War. L.: Pan Original, 1997.

<sup>2</sup> Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: Экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013; Сокирянская Е. Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе? М.: Центр анализа и предотвращения конфликтов, 2019; Religion and Violence in Russia. Context, Manifestation, and Policy / Ed. by O. Olikier. L.: Rowman & Littlefield, 2018; Sagramoso D. The Radicalisation of Islamic Salafi Jamaats in the North Caucasus: Moving Closer to the Global Jihadist Movement? // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No. 3. P. 561–595; Starodubrovskaya I.V. Islamic Conflict and Violence in Local Communities: Lessons from the North Caucasus // Perspectives on Terrorism. 2020. Vol. 14. Iss. 2. P. 80–92.

<sup>3</sup> Стародубровская И.В., Казенин К.И. Северный Кавказ и современная модель демократического развития: Экспертный доклад. М.: Комитет гражданских инициатив, 2016; Стародубровская И.В., Казенин К.И. Северный Кавказ: Quo vadis? Экспертный доклад. М.: Комитет гражданских инициатив, 2013; Стародубровская И.В., Соколов Д.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. (Серия «Экономическая политика: между кризисом и модернизацией»). М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013; Соколов Д., Магомедов Х., Силаев Н. Источники конфликтов и развития на Северном Кавказе: Доклад Кавказского центра проектных решений. М., 2013 // БезФормата.ру. URL: <https://nalchik.bezformata.com/listnews/konfliktov-i-razvitiya-na-severnom-kavkaze/12341465/>.

ренте и ресурсам. Тем не менее в самой России разные политические организации и группы интересов следуют различным паттернам и провоцируют различную динамику, и эта многогранная реальность усложняется поведением акторов на региональном и локальном уровнях.

Основной недостаток теории о социальных порядках заключается в том, что он призван проанализировать и описать долгосрочные паттерны масштабных социетальных единиц; его трудно применить при анализе политической динамики социального порядка на субнациональном или локальном уровне. В связи с этим мы берем на вооружение анализ политических урегулирований (*political settlements analysis*). Этот подход фокусируется на взаимодействии институциональных ограничений и организационных способностях социальных акторов в пределах данной социетальной единицы и, таким образом, облегчает анализ организационной структуры возможностей для каждого участника политического процесса.

Тумуров Ж.Т.  
(ЗабГУ, Чита)

## ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ СТРУКТУР ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Формирование молодежных парламентских структур на различных уровнях государственного и муниципального управления является велением времени в связи с необходимостью систематизации различных направлений государственной молодежной политики. Ряд ученых в области парламентаризма считают, что молодежные парламенты создаются с целью мониторинга и разработки соответствующих управленческих решений в сфере государственной молодежной политики, возможности координации различных органов государственной власти по ее реализации. Многолетняя работа по разработке федерального закона о государственной молодежной политике затормаживалась ввиду отсутствия системности анализа в этой области, отсутствия идеологической базы по работе с молодежью. Принимаемые управленческие решения в кабинетах государственных органов без участия самой молодежи и дальнейшее их исполнение не приводили к качественным результатам. После ряда социологических исследований было принято решение применить вертикально-горизонтальный метод по созданию молодежных структур при органах власти, чтобы услышать мнение самой молодежи по реализации молодежной политики, как на государственном, так и на муниципальном уровне.

Важной составляющей молодежных парламентов являются особенности их формирования в субъектах Федерации. В этом контексте хочется согласиться с мнением исследователя федерализма и федеративных отношений Ю.А. Матафоновой, что согласно федеральному законодательству субъекты Федерации обладают определенным статусом и имеют ряд автономных полномочий в рамках принципа взаимоотношения между федеральным центром и субъектом, дающих возможность каждому субъекту Российской Федерации формировать государственные и общественные институты по своему усмотрению. При этом исследователь обращает внимание, что субъект Федерации имеет ряд особых факторов, параметры которых зависят от исторических, географических, национально-культурных и геополитических особенностей<sup>1</sup>.

Территориальный принцип формирования молодежного парламента в Забайкальском крае в отличие от наших соседних субъектов, таких как Республика Бурятия и Иркутская область, имеет практическую значимость. Ряд решений, принятых на заседаниях молодежного парламента Забайкальского края, представители муниципальных районов и городских округов стараются реализовать на местах, хотя эти решения носят рекомендательный характер.

В структуре молодежного парламента Забайкальского края существует всего две комиссии: комиссия по законотворческой деятельности и комиссия по развитию молодежного парламентаризма. В принципе это очень логический шаг, если первая комиссия является площадкой для дискуссий по поводу внесенных изменений в законодательство и нормативно-правовую базу как федерального, так и регионального уровня, так или иначе касающихся молодежи и молодежной политики, то вторая комиссия призвана реализовывать различные проекты на всей территории Забайкальского края. При этом нужно учитывать, что молодежный парламент проводит консультационную и методическую помощь по всем направлениям жизнедеятельности общества.

Реализация государственной молодежной политики процесс длительный, сложный, но необходимый, любое государство заинтересовано в стабильном своем существовании, и, как сказано выше,

<sup>1</sup> Матафонова Ю.А. Образование Забайкальского края как способ повышения федеративной устойчивости // Власть. 2013. № 6. С. 48–51.

молодежь является субъектом смены поколений, ресурсом и признаком существования государства как такового. И насколько Российская Федерация или ее субъект смогут обеспечить реализацию молодежной политики от того зависит эффективность жизнедеятельности общества, и как будут ее реализовывать зависит и от субъекта Федерации. Об этом говорит и ученый специалист О.А. Макарова, утверждающая, что молодежная политика должна проводиться в субъектах и зависит от специфики этой территории<sup>1</sup>.

В завершение нужно отметить уникальность молодежного парламентаризма в России, специфику формирования, учитывающую многообразие способов формирования, особенности функционирования и деятельности молодежных парламентских структур, призванных достигать главной цели, развитие молодежи и молодежной политики. Таким образом, молодежный парламентаризм — это реальный инструмент привлечения молодежи к активному участию в жизнедеятельности государства, разработке и реализации эффективной молодежной политики.

Тупаев А.В.  
(ЮФУ, Ростов-на-Дону)

## ПОЛИТИКА МЫСЛИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Что представляет собой политика и политическое участие в современной России? На первый взгляд область данного вопроса находится в сфере политического консалтинга, избирательных кампаний, легитимации власти и политического менеджмента. Однако обращение к политическому субъекту (индивиду) не только с позиции голосующего на выборах и функционирующего объекта в сложившемся политическом порядке, а как к актору, у которого есть потребность воспроизводить и формировать содержание политического, сразу погружает нас в политическую философию и политику мысли. В чем заключается философско-политическое содержание граждан в современной России? Подходить к ответу на данный вопрос возможно с нескольких позиций: влияние советского прошлого и его проработка, оценивать социально-культурный и цивилизационный тип русского человека через демократические и правовые институты. Однако политика мысли в политико-философском контексте предполагает обращение к человеку как содержательному политическому субъекту, основной движущей силой которого является политическое недоверие (критика, дистанцирование), направленное на основные экономические, политические и идеологические основания существующей политической системы<sup>2</sup>.

Реализовать политику мысли возможно через политизацию знания, которое должна воспроизводить, в лучшем случае, большая часть общества в ситуации политической депрессии, в которой пребывает современная Россия. Эту роль выполняют представители различного рода элит, власть не имеет права использовать знание в своих интересах, так как это приводит к манипуляции целями общественного развития<sup>3</sup>. Однако идея политизации знания наталкивается на проблему роли философии, да и в общем гуманитарного знания в современной России. Для политики мысли принципиальную роль играет личностное знание, которое не может стать коллективным, только личностно-политическое содержание способно противостоять диктатуре<sup>4</sup>. Такой подход к оценке политики и роли индивида в ней формирует множество ключевых вопросов к современной политической системе и государственно-управленческому аппарату. В современной России власть своими действиями сформировала устойчивое убеждение, что политика не формируется и не определяется в процессе выборов. Последние 20 лет возросло количество людей, воспринимающих выборы, преимущественно президентские и парламентские, как одобрение общего политического курса, не вникая в частности избирательных кампаний и содержание политического процесса, что постепенно привело к утрате навыков политики знания. Власть, надеясь на политическую апатию, предполагая, что предохраняет себя от проявлений гражданской активности, получила массу негативных последствий, в первую очередь в неспособности выстроить нормальный социальный диалог между различными субъектами власти и обществом.

Существующее состояние политической депрессии в современном российском обществе характеризуется следующими проявлениями: перманентное нарастание недоверия к демократическим ин-

<sup>1</sup> Макарова О.А. Молодежь как субъект государственного управления // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2009. № 14. С. 238–241.

<sup>2</sup> Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. М.: Практика, 2005. — 320 с.; Подорога В.А. Апология политического [Текст] / Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 288 с.

<sup>3</sup> Политика мысли: мастерская Валерия Подороги в оценке учеников и коллег [Текст]: Сб. статей / Отв. ред. В.П. Макаренко. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. — 315 с.

<sup>4</sup> Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; под ред. Д.В. Кузницына. СПб.: Наука, 2005.

ститутам политического участия и в общем к конституционным основам республиканского правления и правового государства; индифферентное отношение к стратегиям и моделям развития российского государства, а также к различным видам стимулирования со стороны власти экономической, политической и гражданской деятельности, во многих действиях по улучшению жизни людей гражданами отмечается имитационный характер такой деятельности; власть и общество все основательнее укрепляются по разным сторонам баррикад, чему способствует абсурдность современной российской политики, а также идеологизация политического процесса, призванная обосновать легитимность власти историческими событиями и мифотворчеством. Нарастает идеологическая политизация, которая не позволяет взглянуть на проблемы с позиции консолидированных ценностей.

Это далеко не полный ряд проблем, с которыми сталкивается современное российское общество в силу нахождения в состоянии политической депрессии. Можно с уверенностью констатировать, что в России все больше утрачивается понимание политики как одной из принципиальных сфер для согласования общественных ценностей, идей и будущего.

Тушков А.А.  
(ВГУЭС, Владивосток)

## СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОТЕСТАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Переплетение архаичных и современных черт властного процесса в современной России дает возможность говорить о том, что характеристики цивилизации влияют на свойства власти — власть создает прецеденты в рамках цикла, являясь агентом, через который внешние элементы поступают в среду цивилизации.

Цивилизация как явление существует в трех плоскостях: время, пространство и прецедент, которые являются переменными величинами и также связаны с таким циклом, как стагнация — хаос — отчуждение — восстановление. Русская локальная цивилизация влияет на власть через базовые свойства, а власть на цивилизацию — через прецедент, внедряя новые внешние элементы. Тем самым происходит адаптация привнесенных отношений и систем ценностей к внутренней среде. Политическая власть в рамках цивилизационного развития в таком случае носит следы травмы восприятия соседней, противостоящей цивилизацией, где маркирована как «антимир». Такое посттравматическое состояние влияет на рациональность всей нации, ставя культуру русской локальной цивилизации в подчиненное положение, создавая феномен отчуждения. Последующее изменение трех аспектов цивилизации, таких как структура ценностей и цивилизационный выбор моделей и ориентиров, изменения самоидентификации и репрезентации, а также динамику элит и процессы, происходящие в процессе социализации и рекрутинга последних, определяют выживаемость и успешность цивилизации на следующем этапе. Для современной российской политической практики характерны три вида различных социальных установок, обусловленных социальными причинами: корпоратократические, которые являются установками новообразованных элит, чаще всего экономического толка. Второй вид — это традиционные элиты, включающие национал-патриотически ориентированные элиты, также представители так называемых «силовиков». Третью разновидность культурных установок можно обозначить как гражданские или народные представления, больше связанные с концепцией социал-демократии.

Важную роль в изменении принципов действия политической власти в локальной цивилизации играет процесс вторичной архаизации. Создаваемая квазитрадиция из эклектичного сплава предыдущих практик меняет облик не только процессов управления, но и основные принципы. Существующий культурный упадок ставит общество и элиты перед задачей создания нового общества через формирование образа будущего для всех либо для избранных, в чем и заключается основная проблема. Так как частично ядро цивилизации — это ценности и язык, основным изменениям под влиянием в том числе внешних факторов подвергаются именно они как наиболее уязвимые и неустойчивые к воздействию элементы. Тактика цивилизационных конкурентов в смещении акцентов, изменении центра локальной цивилизации с ценностей на технологии и механические действия, с языковых практик в практики социальных сетей, которые подменяют язык и его нормы.

Попытка осмысления цели существования не только самой России, создание целостного имиджа русской локальной цивилизации, ставит задачи не просто формирования идентичности, но и преодоления последствий распада 90-х годов и раскола внутри самого «Русского мира». Существует три возможные сферы осмысления «Русского мира» как феномена, а следовательно, и русской локальной цивилизации. Геополитическая, связанная с суверенитетом страны и культурной самобытностью, геоэкономическая, приобретающая особую актуальность в условиях надвигающегося мирового экономического коллапса, а также непосредственно геокультурная, связанная



с работой как с соотечественниками за рубежом, так и мигрантами, прибывающими в Россию<sup>1</sup>. Несколько уровней существования русской локальной цивилизации предполагают не только разнообразие культур и возможных сценариев развития, но также разные уровни восприятия власти как феномена. Это — светский, государственный уровень, внешний транснациональный, а также культурная и духовная оценка политической реальности. Каждый уровень в свое время соответствует ядру локальной цивилизации. Архетипические отношения элементов системы, власти и культурной матрицы позволяют как моделировать способ развития цивилизации или ее отдельных этапов, так и проследить изменения власти в русской локальной цивилизации, которая задает определенный тон всей социальной жизни сообщества.

Таким образом, бессознательное восприятие власти, пространства, «иного» и самих себя формирует те принципы, на которых основывается русская локальная цивилизация. Здесь изменчивость власти, ее стремление перетягивать чуждые архетипы, саму форму «чужеродности» как способ легитимации не совсем совпадает не только с ожиданиями населения, но и с логикой процесса.

Тюков Н.А.  
(МПГУ, Москва)

## ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В БЕЛОРУССИИ в 2020–2021 годы: АКТОРЫ, ТЕХНОЛОГИИ, МЕХАНИЗМЫ<sup>2</sup>

В современном обществе манипуляция массами стала основным механизмом политической борьбы за власть. Мирные протесты трансформируются в неконтролируемые процессы при помощи современных технологий манипуляции толпой. Благодаря протестам происходит программирование людей и формирование определенных социальных систем, которые используют в целях дестабилизации общества и государства. Россия является одним из государств-мишеней для применения подобных технологий. Осмысление белорусского опыта представляется важным для предотвращения деструктивных сценариев развития политического процесса в Российской Федерации.

События в Белоруссии в 2020–2021 г., получившие название «Тапочковая революция», по целому ряду внешних и внутренних признаков могут быть отнесены к политической технологии, называемой «цветной революцией», использующей как триггер электоральный сценарий.

В то же время белорусские события, являющиеся на настоящий момент одним из последних прецедентов применения данной технологии, показывают как ставшие уже стандартными технологические приемы, так и новые способы активизации протестных настроений и сценариев их купирования.

Протестные активности, которые в XXI в. использовались против руководства в разных странах мира, проходят под воздействием определенных технологий — целого комплекса механизмов психологического воздействия. По этой тематике существует целый ряд исследований. В частности, для многих протестов характерно использование методов ненасильственных действий, сформированных в работе известного американского исследователя Джина Шарпа. Поэтому часто протесты реализовываются сообразно резко изменяющимся правилам взаимодействия с обществом.

В ходе протестных активностей их лидеры и организаторы задействуют различные технологии психологического воздействия, которое производится тайно, при помощи совокупности методов и механизмов иррационального влияния, с целью управления группой индивидуумов в процессе реализации своих скрытых целей.

События в Белоруссии второй половины 2020 — начала 2021 г. стали предметом прикладного политического анализа и в настоящее время еще недостаточно научно осмыслены.

Это определяет необходимость дополнительного анализа технологий и механизмов, применяемых протестующими и организаторами акций протеста, включая международные и онлайн-активности в Белоруссии в 2020–2021 гг.; информационно-медийного пространства для выявления основных дискурсов, направленности на целевые аудитории и нарративных особенностей, стимулирующих к различным политическим действиям; способов и методов, применяемых органами государственной власти для купирования протестов в Белоруссии в 2020–2021 гг.

В ходе комплексных исследований были определены особенности внутренней и внешней мотивации участников событий, а также признаки манипуляций общественным мнением в ходе гражданских протестов в Белоруссии.

<sup>1</sup> Градировский С.Н. Русский мир как объект геокультурного проектирования // С.Н. Градировский, Б.В. Межуев. Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русского Мира». URL: [https://archipelag.ru/ru\\_mir/history/histori2003/gradirovskyrussmir/](https://archipelag.ru/ru_mir/history/histori2003/gradirovskyrussmir/) (дата обращения: 21.04.2021).

<sup>2</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31848 «Политический кризис в Белоруссии в 2020–2021 гг. (акторы, технологии, механизмы): вызовы для России».

Отдельное место в рамках работы уделяется оценке эффективности действий основных акторов (лидеры протеста, органы власти, внешние акторы) с учетом поставленных перед собой задач и полученных результатов.

В рамках этой задачи были проанализированы действия органов государственной власти Белоруссии в период политического кризиса: выявлены мероприятия, акции и действия, направленные на преодоление политического кризиса, определены технологии и схемы реализации основных направлений купирования протеста.

Была сформирована шкала взаимосвязей и взаимозависимостей действий основных акторов с учетом определения роста или спада ответных действий.

По результатам исследования были разработаны модели противодействия деструктивной протестной активности.

**РЕГИОНАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА  
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ  
«ОБРАЗА» ГОСУДАРСТВА У МОЛОДЕЖИ  
(НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)<sup>1</sup>**

Сравнительный анализ активности молодого поколения в 90-е годы и сейчас показывает необоснованность распространенного в последние годы стереотипа о росте тенденции аполитичной молодежи, в особенности студентов. Так, опрос студентов провинциальных вузов Центральной России показал, что лишь 7% опрошенных не интересуются политикой вообще<sup>2</sup>.

Однако интерес молодежи к политике сегодня в основном информационный. По данным различных социологических исследований, около 90% молодых людей заявляют о том, что иногда слушают по радио или смотрят по ТВ политическую информацию.

В январе 2021 г. кафедрой политологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского был проведен опрос молодежи в *google*-формах с целью выявления зависимости между процессом формирования образа государства в сознании современной российской молодежи и молодежной политикой, проводимой в России на разных уровнях власти.

Образ государства — это сложное и многосоставное явление, формируемое на основе интерпретаций основных политических ценностей и установок различными категориями граждан на разных уровнях политического сознания, от индивидуального до группового и массового. В данном исследовании внимание было акцентировано на изучении группового политического сознания молодежи через призму рассмотрения молодежной политики как одного из факторов формирования образа государства.

Нами сознательно была сформирована неслучайная выборка респондентов, основанная на возрастных критериях в рамках от 14 до 35 лет. В опросе приняли участие 150 респондентов, проживающих в Нижегородской области и Нижнем Новгороде. Акцент был сделан на региональном и муниципальных уровнях осуществления молодежной политики, поэтому респонденты были отобраны в рамках Нижегородской области, а вопросы анкеты отображали специфику реализации молодежной политики в Нижегородской области и Нижнем Новгороде.

По итогам проводимого исследования нужно отметить, что общий уровень оценки молодежью проводимой молодежной политики в регионе и муниципалитете довольно низкий. Лишь 12,8% респондентов считают, что государство заботится о молодежи в достаточной степени, 35,8% опрошенных признают, что «государство о них заботится, однако меры, которые оно принимает, малоэффективны и не оказывают существенного влияния на жизнь молодежи». 18,3% респондентов заявили, что государство «наверно, о них заботится, только они об этом ничего не знают», 17,4% утверждают, что молодежная политика лишь видимость, а 15,6% респондентов высказались о том, что государство вообще о них никак не заботится. Кроме того, 25,7% опрошенных не увидели связи между качеством жизни молодежи и молодежной политикой, а 31,2% респондентов затруднились ответить на вопрос, влияет ли молодежная политика на качество их жизни.

По итогам ответов на другие вопросы, раскрывающих зависимость между образом государства и проводимой молодежной политикой, связь между ними выглядит следующим образом: 44,9% респондентов высказались о том, что молодежная политика влияет на процесс повышения уровня патриотизма в сознании молодежи, остальные же заявили, что эти понятия не связаны (28,4%), так как патриотизм формируется иным способом, а 24,8% заявили, что проекты молодежной политики преследуют совсем другие цели и на патриотизм молодого населения не влияют.

Таким образом, нужно отметить, что определенная связь между образом государства в групповом сознании молодежи и проводимой молодежной политикой существует, однако молодежь не в полной мере удовлетворена предлагаемыми мерами поддержки и инструментами взаимодействия с ними и сама в массе своей является аполитичной. Она не связывает свои надежды на улучшение качества своей жизни с государством, а качество и способы продвижения молодежной политики, проводимой на региональном и муниципальном уровнях, не отвечают в полной мере запросам современной молодежи.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31307.

<sup>2</sup> Кулеинова И.Н. Социально-психологические особенности политического мировоззрения студенческой молодежи (на примере провинциальных вузов центра России), 2016. — 103 с.

**«МЕСТА ПАМЯТИ» КАК «ФАКТОР СБЛИЖЕНИЯ» ГОСУДАРСТВ  
В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ  
(НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ)**

В современной науке основная задача «политики памяти» (policy of memory), как пишет в своих работах российская исследовательница О.Ю. Малинова, заключается в формировании социальных представлений об историческом прошлом для закрепления в коллективной памяти социально разделяемого культурного знания, которое опирается на различные источники<sup>1</sup>. Наиболее важными инструментами в проведении «политики памяти» и источниками хранения исторического знания о прошлом являются «места памяти».

В российских исследованиях, например, А.А. Вороновича<sup>2</sup>, А.А. Махина<sup>3</sup> и В.В. Титова<sup>4</sup> встречается понятие «место памяти» (lieux de mémoire), введенное французским ученым П. Нора<sup>5</sup>. Зачастую оно понимается как инструмент поиска и формирования национальной идентичности в историческом прошлом. Можно сказать, что понятие не утратило значение и по-прежнему обозначает символический элемент наследия национальной памяти, отражающий духовную и материальную стороны жизнедеятельности. Так, «местами памяти», по мнению российской исследовательницы Л.О. Терновой, могут быть памятники (культуры и природы), праздники, эмблемы, торжества и речи<sup>6</sup>. Они как «символы памяти» связаны с конкретным историческим событием и, несмотря на разную интерпретацию «места памяти», призваны сохранять общую историческую память различных групп людей внутри страны и содействовать поиску общеисторических связей с соседними странами для нормализации или установления дружественных отношений.

В своих работах ученые зачастую обращаются к опыту России и не затрагивают вопросы о «местах памяти» как «факторах сближения» и о роли «мест памяти» в установлении международных связей между различными странами. Поэтому автор ставит цель проанализировать отражение концепции «места памяти» и определить роль этого элемента, используемого как внешнеполитический инструмент, в процессе установления дружественных связей между Великобританией и Ирландией на современном этапе развития.

Британо-ирландские отношения, которые были напряженными с 1920-х годов, стали налаживаться в 1990-х годах. После открытия на территории Бельгии «Ирландского парка мира» или «Ирландской башни» 11 ноября 1998 г. в Ирландии обратились к возрождению памяти о событиях Первой мировой войны. В Великобритании, несмотря на неоднозначность и дискуссионность вооруженного конфликта в истории страны, память о нем сохраняется, особенно в памятниках, среди которых значимое место занимает лондонский Кенотаф на улице Уайтхолл, установленный еще 11 ноября 1919 г.

В 2000-х годах, в связи с реабилитацией событий «Пасхального восстания» и проявлением интереса к битве на реке Сомма, так как события произошли в 1916 г., в Ирландии официально прошли парады, посвященные 90-летию этих событий. В результате успешного поиска, с точки зрения концепции «места памяти», общего исторического прошлого произошли сближение стран на международном уровне и установление между ними дружественных связей. Налаживанию отношений поспособствовали визиты королевы Великобритании в Ирландию в мае 2011 г. и президента М.Д. Хиггинса в Соединенное Королевство в апреле 2014 г. На волне преодоления напряженности в современных британо-ирландских отношениях «памятные места» сыграли важную роль в возрождении общей коллективной памяти об исторических событиях.

Таким образом, связанные с конкретными историческими событиями «места памяти» как инструмент «политики памяти» могут рассматриваться значимым «фактором сближения» стран в междуна-

<sup>1</sup> Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-история, 2018. С. 32.

<sup>2</sup> Воронович А.А. Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // Методологические вопросы изучения политики памяти / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-история, 2018. С. 127–143.

<sup>3</sup> Махин А.А. «Политика памяти» и «социокультурной травмы» в контексте формирования российской идентичности // Берегиня. 777. Сова. 2017. № 4. С. 56–62.

<sup>4</sup> Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017.

<sup>5</sup> Nora P. Realms of Memory: Rethinking the French Past. Vol. 1: Conflicts and divisions. N.Y.: Columbia University Press, 1996. P. 609–638.

<sup>6</sup> Терновая Л.О. Политика памяти в понимании истории и современности международных отношений // Россия: тенденции и перспективы развития. М.: Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, 2015. С. 454.

родных отношениях. Само «место памяти» играет важную роль в сохранении социальных представлений об историческом прошлом и консолидации стран и народов для восстановления «нормальности» в международных отношениях, несмотря на различную интерпретацию конкретного памятника в современности.

Усенко Р.С.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **АНАЛИЗ РОЛИ ДЕЛОВЫХ АССОЦИАЦИЙ КАК АГЕНТОВ-МЕДИАТОРОВ «МИКРО-МАКРО» ПЕРЕХОДА В ПРОЦЕССЕ ПРОДВИЖЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА В ОТРАСЛЕВОМ ОРГАНИЗАЦИОННОМ ПОЛЕ**

Одним из центральных вопросов в рассмотрении трансформации множественных частных интересов бизнес-корпораций в общеотраслевые (ассоциативные) интересы бизнес-сообществ является набор факторов, обеспечивающих данный «микро-макро» переход. В число ключевых таких факторов входят нормы и ценности, способствующие установлению общепринятых правил поведения («правил игры») в отрасли и агрегированию интересов ее участников во взаимодействии с органами государственной власти.

Полезным с точки зрения такого анализа представляется выделение промежуточного («мезо-») уровня перехода, на котором находятся отраслевые деловые ассоциации как делегированные носители корпоративного влияния и интересов, с одной стороны, и неформальных регулятивных норм — с другой. В этом смысле деловые ассоциации можно рассматривать как «аутсорсинговые» структуры и, следовательно, как одну из типовых форм работы бизнеса по взаимодействию с государством, или GR-работы<sup>1</sup>.

В то же время деловые ассоциации — это институты, выполняющие для групп интересов функцию регулирования и сдерживания их поведения<sup>2</sup>. Данное измерение находится в фокусе исследований, использующих методологический инструментарий теории организационного институционализма, включая концепцию «организационного поля», удачно объясняющую организационное взаимодействие отраслевых акторов в ходе лоббистской деятельности<sup>3</sup>. Данная концепция, сформулированная П. ДиМаджио, У. Пауэллом, а также У. Скоттом, используется в научной литературе в социологическом неинституциональном анализе для объяснения распространенности схожих норм, организационных форм и социальных практик среди организаций, являющихся частью одного организационного поля<sup>4</sup>.

Формирование и воспроизводство разделяемых правил игры и ценностей в отрасли осуществляется не в последнюю очередь благодаря регуляторным структурам (*regulatory agencies*) — включая профессиональные ассоциации, как отмечает Р. Гринвудом и К. Хинингсом<sup>5</sup>.

Ассоциации действуют как переговорные или представительные агентства, формируя и переопределяя приемлемые методы взаимодействия для своих членов. Они помогают своим членам в процессе самопозиционирования во взаимодействии с другими организациями за пределами отдельно взятой ассоциации, но в пределах того же организационного поля. Иными словами, можно говорить о делегировании функции представительства интересов таким ассоциациям, которое вполне можно обозначить как аутсорсинг.

Подобное рассмотрение отраслевых объединений в первую очередь как нормативных институтов подчеркивает роль ценностей и нормативных рамок в структурировании выбора — что приближает анализ деловых ассоциаций к категории организационного поля и процессу его структурирования — отрасль сама по себе представляет собой не что иное, как организационное поле<sup>6</sup>.

Таким образом, структура и поведение организации в существенной степени зависят от характеристик отрасли (поля), в которой приходится действовать бизнес-корпорациям. В этом смысле деловые

<sup>1</sup> Дегтярев А.А. Основные формы GR-работы по регулированию взаимодействия бизнес-корпораций с государственными органами // Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, Л.Б. Сморгун. М.: РАПН, 2012.

<sup>2</sup> Lane J.E., Ersson S. The New Institutional Politics: Performance and Outcomes. Routledge, 2000. P. 53.

<sup>3</sup> DiMaggio P., Powell W. The Iron Cage Revisited // American Sociological Review. 1983. Vol. 47. P. 147–60.

<sup>4</sup> DiMaggio P. The New Institutionalism: Avenues of Collaboration // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1998. No. 4. P. 696–705.

<sup>5</sup> Greenwood R., Suddaby R., Hinings C.R. Theorizing Change: The Role of Professional Associations in the Transformation of Institutionalized Fields // The Academy of Management Journal. 2002. February. Vol. 45. No. 1. P. 58–80.

<sup>6</sup> Scott W.R. Institutions and Organizations. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1995. P. 38–39.

ассоциации можно рассматривать как агентов-медиаторов «микро-макро» перехода в процессе продвижения интересов бизнес-сообщества и отраслевом организационном поле.

**Усманова З.Р.**  
(Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)

## **КОГНИТИВНЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОБРАЗА ИММИГРАНТА В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН<sup>1</sup>**

**П**роблематика конструирования конвенциональных политических образов является одной из центральных в политической психологии. В рамках настоящего исследования мы обращаемся к концепту «иммигрант», который для российского общественно-политического сознания существует в двух не до конца идейно синхронизированных проекциях. С одной стороны, как проблема регуляторного масштаба, требующая контроля и формализации со стороны государственных органов и слабо затрагивающая личные интересы граждан. С другой стороны, для политических акторов, выстраивающих коммуникацию с электоратом, как удобная тема для политического популизма (например, артикуляции охранительной стратегии в случае возникновения инцидентов с участием иммигрантов в противоправной деятельности). При этом вопросам конструирования позитивного образа иммигранта внимание практически не уделяется.

Среди центральных задач современной миграционной политики обозначена и потребность в урегулировании вопросов взаимодействия иммигрантов и российских граждан, предупреждении конфликтов и неприятия, имеющих различные социокультурные и иные причины. Несмотря на наличие фрагментарных исследований предпосылок межкультурной конфликтности в российском обществе, проблема восприятия иммигрантов российскими гражданами в комплексе социокультурных, политико-культурных и политико-психологических причин изучена недостаточно.

Настоящее исследование носит междисциплинарный характер и проводится в рамках политико-психологического и этнополитического подходов, которые интегрируют концептуально-методологические возможности социальной и политической психологии и социологии, а также этнополитологии для изучения заявленной проблемы в предметном поле политической науки. Проект предполагает проведение комплексного эмпирического и теоретического исследования представлений российских граждан об иммигрантах, особенностях культуры и общественно-политической сферы стран исхода иммигрантов, а также установок взаимодействия (активное, пассивное, избегание) с иммигрантами-индивидами и их сообществами (диаспорами, национально-культурными автономиями). В результате будут описаны особенности образа иммигранта (его когнитивные и эмоциональные составляющие) как комплексной категории, характеризующей инокультурного субъекта в массовом сознании российских граждан.

Социально-политическое восприятие связано с непрерывным процессом осознания и интериоризации информации, поступающей в сознание гражданина из внешних источников и в конечном счете влияющей на выбор стратегий поведения (толерантных или интолерантных его форм) в отношении иммигрантов. В рамках настоящего проекта планируется изучение глубинных стереотипов, ценностей и установок массового восприятия миграции с целью понимания степени их конфликтности или нейтральности и прогнозирования моделей поведения в ситуации конфликта.

Иммигранты, устремившиеся в нашу страну в результате крушения СССР, имеют свою специфику, отличную от общемировых тенденций (в частности, европейских). Предполагается, что около тридцати лет Россия преимущественно принимает культурно близкие группы иммигрантов, тем не менее требуется более глубинное изучение их действительных различий, отраженных в массовом сознании россиян.

В качестве новизны проекта, отличающего его от отечественных исследований прошлых лет, мы предлагаем качественную модель, включающую изучение:

- 1) восприятия россиянами степени близости национальных культур — отечественной и иммигрантских;
- 2) поколенческих трансформаций массового сознания (политической, этнонациональной культуры российских граждан) и специфики восприятия иммигрантов старшей, средней и младшей возрастными группами российского общества (т.е. теми, кто имел контакт с «советским проектом», и теми, кто социализировался в современных реалиях);
- 3) готовности иммигрантов к адаптации (встраиванию во все сферы жизни общества) в представлениях российских граждан, что влияет на выбор последними стратегии контактов с иммигрантами;

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31096 «Образ иммигранта в сознании российских граждан: траектории формирования и конфликтный потенциал».

- 4) влияния образа иммигранта (бывшего согражданина, его потомков, стран постсоветского пространства как государств исхода), включающего этнокультурные компоненты, на трансформацию российской национально-государственной идентичности;
- 5) влияния негативного образа иммигранта на катализацию социального протеста (в том числе и политического), межкультурную напряженность в российском обществе.

Утекова З.Д.

(МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Нур-Султан, Казахстан)

## **ОБРАЗ БУДУЩЕГО КАЗАХСТАНА ГЛАЗАМИ КАЗАХСТАНЦЕВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19**

**В** докладе будет рассмотрен образ будущего собственной страны, который является неотъемлемой частью политической картины мира всего казахстанского общества в целом.

В настоящее время во время карантинных ограничений наблюдается некий страх казахстанцев перед собственным будущим и будущим страны. По словам врача-психотерапевта, суицидолога столичного центра психического здоровья Екатерины Мироновой, «пандемия и вынужденная самоизоляция способствуют острому и хроническому стрессу и последующему формированию посттравматического стрессового расстройства...»<sup>1</sup>. Как известно, пребывание в стрессовом состоянии формирует страх перед настоящими и будущими явлениями.

Действительно, коронавирусная инфекция COVID-19 кардинально изменила обыденное сознание и привычный уклад жизни всех жителей нашей планеты, в том числе и граждан Казахстана.

Сегодня все страны мира столкнулись с коронавирусной эпидемией и приняли соответствующие меры в борьбе с инфекцией, в том числе и Казахстан, сразу с момента первого выявления данного вируса в стране.

Первые случаи заражения коронавирусом были выявлены в середине марта 2020 г.<sup>2</sup> Еще до момента выявления первых случаев заражения коронавирусом Главный государственный санитарный врач Республики Казахстан Жандарбек Бекшин сообщал, что как только в Казахстане будет выявлен случай коронавируса, то власти «сразу введут специальные мероприятия»<sup>3</sup>. Казахстанцы после информирования об этом через СМИ не ожидали ничего хорошего в ближайшем времени.

Известный казахстанский политолог Досым Сатпаев спрогнозировал ситуацию, что, если завтра в стране выявится первый пациент, зараженный ковидом, так: «Неудивительно, что на фоне тревожных вестей с других фронтов борьбы с COVID-19 в разных регионах мира странная тишина в Казахстане у многих граждан страны вызывает отнюдь не состояние успокоения, а, наоборот, ощущение тишины перед бурей»<sup>4</sup>. Как раз в так называемый «момент тишины перед бурей» большинство граждан бросились закупать продукты первой необходимости, создавая ажиотаж и дефицит товаров во всех торговых точках, а также распространяя этот опасный вирус в общественных местах, сами не подозревая этого.

И после выявления первого случая коронавируса сразу же был введен карантин Указом Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева от 15 марта 2020 г. «О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан»<sup>5</sup>.

Данный указ президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева о введении чрезвычайного положения на территории республики заставил всерьез призадуматься большинство казахстанцев о своем будущем. Так, бывший министр экономики и торговли, а также образования и науки, профессор экономики Жаксыбек Кулекеев в ходе интервью отметил следующее: «Даже после снятия ограничительных режимов люди еще долгое время будут бояться вести прежний образ жизни, панические настроения будут наблюдаться в любом случае — это человеческая психология»<sup>6</sup>.

Стоит отметить, что никто конкретно не знает, какие точные последствия несет в себе COVID-19 и введенные впоследствии карантинные ограничения на образ будущего страны в целом.

<sup>1</sup> Пандемия грозит людям острым хроническим стрессом — врач. URL: <https://liter.kz/pandemiya-sposobstvuet-ostromu-hronicheskomu-stressu-u-lyudej/>.

<sup>2</sup> В Казахстане выявили два первых случая заражения коронавирусом. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5e6b58f49a79479188fb0f78>.

<sup>3</sup> Коронавирус может появиться в Казахстане 11–16 марта. URL: [https://tengrinews.kz/kazakhstan\\_news/koronavirus-mojet-poyavitsya-v-kazahstane-11-16-marta-394100/](https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/koronavirus-mojet-poyavitsya-v-kazahstane-11-16-marta-394100/).

<sup>4</sup> Если завтра коронавирус. URL: [https://forbes.kz/life/opinion/esli\\_zavtra\\_koronavirus/](https://forbes.kz/life/opinion/esli_zavtra_koronavirus/).

<sup>5</sup> 14 апреля 2020. О продлении действия чрезвычайного положения в Республике Казахстан. URL: [https://www.akorda.kz/ru/legal\\_acts/decrees/o-prodlenii-deistviya-chrezvychainogo-polozheniya-v-respublike-kazakhstan/](https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-prodlenii-deistviya-chrezvychainogo-polozheniya-v-respublike-kazakhstan/)

<sup>6</sup> «Мир уходит на карантин». Жаксыбек Кулекеев о том, какие последствия для Казахстана будет иметь введение режима ЧП. URL: [https://forbes.kz/process/expertise/kakie\\_posledstviya\\_dlya\\_kazahstana\\_budet\\_imet\\_vvedenie\\_rejima\\_chp/](https://forbes.kz/process/expertise/kakie_posledstviya_dlya_kazahstana_budet_imet_vvedenie_rejima_chp/)

Действительно, сегодня с уверенностью можно утверждать, что данная тема является весьма актуальной, а также имеет важное место в повестке дня Казахстана, поскольку задает положительный или отрицательный импульс в развитии образа будущего Казахстана.

Практическая часть доклада основана на качественных и количественных методиках исследования. Для определения особенностей образа будущего были проведены фокусированные интервью среди казахстанцев в период карантинных ограничений (январь–май 2021 г.). Методология исследования включала в себя 70 глубинных интервью, а также 70 рисуночных тестов для анализа элементов положительного и отрицательного образа будущего Казахстана. Интервью проводилось по электронной почте, по телефону и во время личных встреч. Возраст респондентов был от 18 лет и выше.

Стоит отметить, что данное исследование является частью исследования, которое проводила кафедра социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Бланк интервью включал в себя вопросы, связанные с влиянием карантина на образ будущего страны.

В ходе исследования в период пандемии COVID-19 были выявлены масса как оптимистичных, так и пессимистичных ожиданий образа будущего Казахстана. В связи с этим данный вопрос требует пристального внимания и дальнейшего непрерывного изучения.

Таким образом, в период длительного карантина совокупность различных факторов, как международных так и внутригосударственных, способствуют влиянию и изменению образа будущего Казахстана, что подтверждает актуальность темы данного доклада.

Уханова Ю.В.  
(Вологодский научный центр РАН, Вологда)

## ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: УРОВЕНЬ РЕАЛИЗАЦИИ И КАЧЕСТВЕННОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПРАКТИК<sup>1</sup>

Участие населения в общественно-политической жизни является значимым нематериальным ресурсом развития, хотя отмечается обеспокоенность снижением его уровня и недостаточным использованием потенциала<sup>2</sup>. В исследовательском поле категория «политическое участие» используется для описания политической вовлеченности, внимания к политике, т.е. традиционных каналов участия в политической жизни. Ученые выделяют такие форматы политического участия, как голосование, избирательные кампании, совместная политическая деятельность (через партии и группы), гражданские контакты, протестные практики (посещение демонстраций и присоединение к бойкотам)<sup>3</sup>.

В научных кругах наблюдается тенденция постепенного расширения понятия «политическое участие», предназначенного не только для непосредственного влияния на политический процесс, но и направленного на проблему сообщества. Исследователи при характеристике политического участия наряду с голосованием и протестом анализируют такие новые нетрадиционные формы, как участие в цифровой сети, волонтерство в различных областях<sup>4</sup>.

Политическое участие рассматривается автором в контексте теории активного гражданства (*active citizenship*) (или концепта активного участия), в рамках которой акцент сделан на возможности эффективного участия в жизни общества и формировании своего повседневного существования как активных, информированных, критических и ответственных граждан<sup>5</sup>. Под политическим участием нами понимается процесс, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие) с целью решения общественно значимых задач<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

<sup>2</sup> Berger B. Political Theory, Political Science and the End of Civic Engagement // Perspectives on Politics. 2009. No. 7 (02). P. 335–350. DOI: 10.1017/S153759270909080X.

<sup>3</sup> Verba S., Nie N.H. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1972.

<sup>4</sup> Theocharis Y., Deth J. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy // European Political Science Review. 2018. No. 10. P. 1, 139–163; Якимец В.Н., Никовская Л.И. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. 2019. № 5 (3). С. 209–223.

<sup>5</sup> Kiwan D. Conceptions of democracy, citizenship and diversity // Education, Citizenship and Social Justice. 2008. Vol. 2. P. 223–235.

<sup>6</sup> Уханова Ю.В. Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 3. С. 25–50.



Для исследования политического участия в российском региональном пространстве использовались данные авторского социологического опроса, организованного на территории субъектов РФ — в Вологодской и Псковской областях, Республике Карелия в 2019 г. по репрезентативной выборке ( $N = 1600$ ). С целью проведения компаративного анализа были рассчитаны индексы участия по отдельным практикам, после чего они сгруппированы в близкие по значению репертуары (с двумя и более практиками). В результате обобщения эмпирического материала выделены следующие репертуары политического участия: электоральное участие, протестное участие, участие в политической партии (группе), общественное мнение и контроль, инициативное бюджетирование.

Анализ социологических данных выявил, что среди всех репертуаров политического участия среднее и высокое (свыше 0,5) значение индекса наблюдается только в группе, которая охватывает практики электорального участия. Наиболее распространенная практика участия — голосование на выборах. Однако, как показал анализ, значимое место в общественно-политической жизни регионов занимает не только голосование на выборах, но и активное участие в избирательной кампании. Кроме традиционных практик участия в региональном пространстве в последнее время получают распространение такие гражданские активности при взаимодействии с властью, как общественное мнение и контроль (в виде петиций, обращений в органы власти и т.д.), а также инициативное бюджетирование — совокупность практик вовлечения граждан в бюджетный процесс.

Резюмируя, отметим, что развитие и стимулирование политического участия в России с учетом исторических особенностей условий его институционализации должно двигаться при поддержке государства, но в рамках общественного диалога. Иными словами, результативность разнообразных форм и практик участия возможна лишь в том случае, если у населения с властью устанавливаются не только вертикальные, иерархические отношения господства/подчинения, но и формируется модель горизонтальных, диалоговых отношений.

## ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ: СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ VS ГУМАНИЗАЦИЯ<sup>1</sup>

Актуализация политики идентичности стремительно происходит как в международных отношениях, так и во внутриполитической борьбе разных стран. Политика идентичности используется как инструмент легитимации того или иного политического курса. Наиболее активную роль в этом процессе играют политики разного уровня и публичные интеллектуалы. Как правило, в поле зрения массмедиа и исследователей как акторы, инициаторы или медиаторы такой политики оказываются левые публичные интеллектуалы. Однако по мере интенсификации политики идентичности все больший интерес вызывают правые, которые создают интеллектуальное сопровождение так называемому консервативному повороту<sup>2</sup>.

Так, отмеченный немецким политологом К. Блюм в качестве одного из важных компонентов такой консервативной интеллектуальной сети Изборский клуб в феврале 2020 г. выступил с декларацией: «Многополярность строится не только на утверждении геополитических полюсов, но и на отстаивании системы ценностей, отличных от тех, которые либеральный Запад пытается навязать всем в качестве универсальных»<sup>3</sup>.

Российские ученые отмечают то обстоятельство, что «национальные традиции, религия и культура (базовые составляющие идентичности) стали более значимы, поскольку обострилось восприятие национального самосознания»<sup>4</sup>. В международных отношениях это способствует секьюритизации политики идентичности, переводу представлений о ценностных основаниях политического сообщества в разряд категорий безопасности, необходимости защиты своего сообщества и борьбы против источника угроз. Политическая наука также подвергается секьюритизации, приводящей к эмоционально нагруженной алармистской риторике<sup>5</sup>.

20 лет назад П.А. Цыганков, характеризуя гуманизацию в международных отношениях, одним из важнейших ее проявлений называл установление стандартов в сфере прав человека как своего рода ориентиров, к которым следует стремиться. В то же время он напоминал, что международная политика представляет собой «сложную систему соперничества и согласования интересов и ценностей возрастающего числа и многообразия ее участников, в силу чего остается сферой неуверенности и риска»<sup>6</sup>.

В современном мире проблематика и риторика прав человека, обвинения в адрес стран-оппонентов в нарушении прав человека используются для конкретных политических шагов, таких как санкционная политика. Это ярко проявляется в политике Европейского союза по отношению к России. Лидеры ЕС призывают к *защите общих ценностей и интересов*<sup>7</sup>, *рассуждают о важности веры в открытое общество, многосторонность и демократические ценности*<sup>8</sup>, *выдвигают обвинения в адрес России, что та «бросает вызов ценностям Евросоюза»*<sup>9</sup>.

Российские политики реагируют на это крайне критически. «Идейной основой воссоединения «западной семьи» стало декларирование либеральных ценностей в качестве «путеводной звезды» развития человечества», — заявляет С.В. Лавров, уточняя, что «бесперспективно ставить во главу угла вопрос о том, чьи ценности лучше или хуже, надо просто признать наличие других — по сравнению с западными — форм организации общества, принять как данность, уважать их»<sup>10</sup>.

Конкурентность ценностных оснований политики идентичности проявляется и внутри стран-членов ЕС. Это отразилось в росте идентитарного движения в Европе, создании в 2019 г. в Европейском

<sup>1</sup> Работа выполнена в рамках проекта POWERS / Peace, War and the World in European security challenges. Erasmus+ Jean Monnet Network.

<sup>2</sup> Bluhm K., Varga M. (ed.). *New Conservatives in Russia and East Central Europe*. L.: Routledge, 2019.

<sup>3</sup> URL: <https://izborsk-club.ru/18820>.

<sup>4</sup> Лункин П.Н. (2020). Будущее европейской идентичности на фоне коронакризиса // URL: <https://www.institutofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an193.pdf>.

<sup>5</sup> Юдин В.Н. Секьюритизация дискурса «мягкой силы» в российских международно-политических исследованиях. URL: <https://fmp.msu.ru/2015-12-29-11-16-48/2019/item/2875-sekyuritizatsiya-diskursa-myagkoj-sily-v-rossijskikh-mezhdunarodno-politicheskikh-issledovaniyakh>.

<sup>6</sup> Цыганков П.А. Гуманизация международных отношений: противоречия и парадоксы // *Общественные науки и современность*. 1998. №1. С. 58.

<sup>7</sup> URL: <https://ria.ru/20210611/evrosoyuz-1736690588.html>.

<sup>8</sup> URL: [https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/06/10/n\\_16085204.shtml](https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/06/10/n_16085204.shtml).

<sup>9</sup> URL: <https://iz.ru/1168675/2021-05-25/glava-ek-zaiavila-o-sabotazhe-rossiei-tcennostei-i-interesov-es>.

<sup>10</sup> URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/>.

парламенте фракции «Идентичность и демократия», подписании в июле 2021 г. лидерами 16 правых политических партий ЕС совместной декларации о будущем Европы<sup>1</sup>.

Возрастают риски раскола европейского сообщества и расколотых обществ в Европе. Это вызов европейской общественности, по Хабермасу, тем публичным интеллектуалам, которые имеют и могут использовать богатый опыт солидарности.

Фароян Э.М.  
(КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь)

## **К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО» И «ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ»**

**В** контексте развития конституционного процесса в России особую актуальность приобретают исследования гражданского общества, которое в рамках политической науки изучается в тесной взаимосвязи с другой категорией — гражданское участие. Однако составить полноценное представление о разграничении данных понятий исследователи пытаются по сей день.

Так, чаще всего исследователи данного вопроса (И.Б. Фан<sup>2</sup>, М.В. Гурьлина<sup>3</sup> и др.) приводят ряд объяснений и дают свои определения понятиям «гражданское общество», «политическое участие» и «гражданское участие». Однако не во всех работах можно найти ответ на вопрос разграничения данных понятий.

Для исследования указанной проблемы следует изучить обе категории в межотраслевой научной плоскости, учитывая инструментарий и выводы политологии, социологии и политической антропологии.

Самодеятельность, самоуправление, самоорганизация — этими терминами в основном характеризуется такая фундаментальная категория, как гражданское общество. Следует отметить, что хотя термин «гражданин» характеризует человека как члена политического сообщества, термин «гражданское общество», имея свои генеалогические основы в римском праве, призван характеризовать частную, неполитическую сферу жизни людей с частными интересами, потребностями, самостоятельностью. Это та сфера, которая постепенно вышла из поля влияния государства в течение всей ее истории становления и развития.

Современное гражданское общество характеризуется как правовое, плюралистическое, открытое общество, основным субъектом которого является свободный человек, осуществляющий свои интересы в рамках единого для всех закона и общего правопорядка<sup>4</sup>.

Понимание сущности гражданского общества тесно связано также с идеей народовластия. Народовластие, как одна из основ демократии, является столпом гражданского общества. Народовластие предполагает постоянное влияние общества на власть, контроль над теми, кто осуществляет власть посредством выборов, принятие важнейших решений посредством референдумов и т.д.<sup>5</sup>

Таким образом, хотя гражданское общество и определяют как сферу негосударственных отношений, оно является важным фактором политических, властных отношений. Это оказывается возможным благодаря воздействию граждан на политические процессы в обществе, т.е. гражданскому участию.

В контексте сказанного выше можно утверждать, что гражданское участие — это один из принципов гражданского общества, смысл которого заключается в том, что все граждане имеют равное право воздействовать на политические процессы в своей стране. В самой простой и непосредственно доступной каждому форме, имеющей отдельные, законом определенные ограничения, при этом принцип гражданского участия отражен в праве голоса. Но если проследить далее, каким образом граждане могут активно оказывать влияние на принятие решений, то станет очевидным, что участие опосредовано конституционно зафиксированной и гарантированной правовыми институтами общества возможностью высказывать публично свою позицию, объединяться с единомышленниками для обмена взглядами и мнениями, а также для оказания благоприятного и организованного влияния на органы управления и власти, пытаться стать кандидатом на выборные властные должности и быть избранным. Для полноты осуществления данной возможности граждане имеют право на получение сведений, каса-

<sup>1</sup> URL: <https://tehnovar.ru/262773-Alyyans-evropeyskih-pravyh-utopiya-ili-ugroza-dlya-Evrosoyuza.html>.

<sup>2</sup> Фан И.Б. Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения // Научный ежегодник Ин-та философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 67–82.

<sup>3</sup> Гурьлина М.В. Политическое участие в современной России: социокультурные аспекты // Вестник Московского ун-та. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 3. С. 157–168.

<sup>4</sup> Петухов А.В., Демьянов Е.А. Гражданское общество: Российская модель взаимодействия государства и социума // Регионоведение. Политическое пространство региона. 2016. С. 7–16.

<sup>5</sup> Шипилов А.Г. Идея народовластия в политической культуре современной России // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2009. № 4. С. 218–225.

ющихся состояния дел по тем или иным общественным вопросам, которые представляют для них обоснованный интерес. Иными словами, право граждан на информацию является одной из существенных компонент принципа участия.

Таким образом, следует заключить, что понятие «гражданское общество» имеет ряд возможных определений, однако суть каждого из них сводится к общему знаменателю. Что же касается разграничения данного понятия с гражданским участием, то они соотносятся как общее и частное, а именно гражданское участие является неким динамическим принципом, посредством которого существует и функционирует гражданское общество.

Филимонов К.Г.  
(ФНИСЦ РАН, Москва)

## **ЭКСПЕРТОКРАТИЯ В СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИСТЕМ: МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМИ ОЖИДАНИЯМИ И ЛЕГИТИМАЦИЕЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ<sup>1</sup>**

Современные государственные системы, будучи зависимыми от общественных ожиданий и потребности в легитимации, регулярно испытывают необходимость в структурах и практиках, обеспечивающих тот или иной аспект государственной управляемости. В качестве подобных структур, в том числе способствующих выработке социального консенсуса и стандартизации общественных ожиданий, сегодня выступают разного рода экспертные сообщества.

Последние, как считается, влияют на течение политических процессов: своим участием в разработке и принятии решений они, по меньшей мере, повышают уровень доверия к государственной политике: делают ее более «научной» и тем самым более обоснованной и устойчивой к публичной критике. Публичная демонстрация значимости экспертного участия в процессе принятия решений и выработке государственной политики подается сегодня как неотъемлемый компонент государственных систем, очевидно необходимый для качественного управления.

Куда менее очевидными в данном случае представляются вопросы о самой необходимости включения экспертов в процессы принятия решений, в структуры и механизмы государственного управления; не менее интересными представляется также вопрос о том, каким образом следует обеспечивать эту включенность, чтобы ожидаемый социальный эффект от принятых решений способствовал их реализации.

Вынесенная в заголовок «экспертократия» призвана здесь подчеркнуть не только практический интерес государств к участию экспертов в координации политики, но и проблемы, которые выявляются в ходе этого участия. В данном случае в качестве одной из ключевых проблем, связанных с работой государственных систем, я акцентирую проблему доверия — к экспертизе и экспертным сообществам — как элементам государственных систем; доверия прежде всего со стороны общества, которое затрагивают проектные решения экспертов.

Тенденция усиления роли экспертов в государственной политике сегодня волнует исследователей, считается, что предпочтение «экспертократии» — в процессе принятия решений и выработке государственной политики, в ущерб демократическим процедурам выборов и голосования, открытой дискуссии — приводит к «искажению» природы демократии. Однако представляется, что в ряде случаев данная тенденция преувеличена политическими теоретиками, и немаловажным представляется обратить внимание на то, как решается проблема экспертного участия, если оно вызывает недовольство общества и участников публичной политики.

Экспертиза (политическая экспертиза в частности) сегодня стала частью правительственной деятельности, она должна обеспечивать легитимность и доверие граждан к политике государства, однако в ряде случаев ее статус в структуре государственных систем проблематизируется. Все чаще возникают вопросы о том, как реализуются медиативные способности научного знания и экспертов, использующих это знание для обоснования политики.

Представляется, что сегодня мы наблюдаем параллельные тенденции как восхождения, так и упадка влияния экспертных сообществ на государственную политику. И последнее не менее интересно, с учетом того внимания, которое в рамках государственных систем уделяется при экспертном обосновании того или иного политического курса, а также общественных ресурсов, потраченных на это обоснование.

Если экспертиза, как полагали, в структуре государственных систем была одним из источников равновесия и согласования интересов, своего рода медиативным институтом, связывающим управля-

<sup>1</sup> Материал подготовлен в рамках научного проекта № 21-011-32145 «Концепция экспертократии и ее реализация в структуре государственной политики: теоретические подходы и современный российский опыт», реализуемого при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ.

ющих и управляемых, то не менее важно принять во внимание, что ее способности к легитимации во многих ситуациях являются недостаточными, что подталкивает нас к поиску сбалансированных форм работы государственных систем, сочетающих помимо экспертного знания и другие компоненты, способствующие решению задач государственного строительства.

Филиппова Л.Е.  
(ФНИСЦ РАН, ВАВТ, Москва)

## ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ЗАКРЕПЛЕНИЯ СТРУКТУР ГОСПОДСТВА: РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ<sup>1</sup>

Концепт деполитизации широко используется в зарубежной — а в последние годы и в отечественной — политической науке для анализа совокупности процессов, трансформирующих как формы политической активности, так и содержание политики. Как отмечает И.Л. Недак, «общей тенденцией текущего всеохватного кризисного состояния представительных демократий является экстенсивное и интенсивное развитие социальных отношений господства, которые лишают формальные демократические институты и практики их примордиального содержания и формируют пространство неполитической власти»<sup>2</sup>. Господство, по сути, выступает антагонистом не только демократии, но и политики как таковой — если понимать последнюю как институционализированную конкуренцию проектов и решений, ориентированных на общее благо<sup>3</sup>. Таким образом, можно говорить о тесной взаимосвязи между деполитизацией и пролиферацией отношений господства.

Явления деполитизации и их эффекты различны в т. н. «старых» демократиях (т.е. в политиях, для которых характерно наличие дифференцированной и институционализированной политической сферы) и в странах с несформированным политическим пространством — современная Россия представляет собой пример второй ситуации. В предлагаемом докладе будут проанализированы существенные и функциональные особенности российского варианта деполитизации, которые, на наш взгляд, являются следствием незавершенности институционального порядка российского социума, неполитического характера власти, отсутствия у большинства граждан представлений о политике как о свободной и конкурентной сфере производства альтернатив общественного развития.

Деполитизацию в российском контексте следует рассматривать как блокирование процессов формирования политического пространства и разворачивания политики. Мы можем обнаружить примеры как целенаправленной, осуществляемой структурами господства, так и спонтанной, разворачивающейся на уровне общественного сознания, деполитизации. К первой можно отнести, в частности, технократическую деполитизацию, которая приводит к замещению политики администрированием, исключая конкурентность. Граждан (как и избираемых гражданами политиков) объявляют «недостаточно компетентными» для участия в принятии решений по определенным вопросам, и их решение отдается на откуп «профессионалам». При этом компетентность самих «профессионалов» не подлежит оспариванию, как и критерии оценки эффективности принимаемых ими решений. Эти критерии в конечном итоге определяются произвольно, т.е. в логике господства. Деполитизация также осуществляется путем создания препятствий для политической активности. Рамки, задаваемые структурами господства и ограничивающие набор возможностей граждан, принципиально отличаются от универсальных норм, структурирующих политическое пространство правового государства: селективное применение формальных норм и существование неформальных превращает граждан из политических субъектов в объекты господства.

Не менее, а возможно, и более важной является спонтанная деполитизация, усиливающаяся отчуждение граждан от политики. Исследования, проводимые ОСПИ ФНИСЦ РАН в последние годы, показывают снижение интереса россиян к политическим событиям, неготовность к исполнению гражданских ролей, несформированность политических позиций, неверие в возможность влиять на события, происходящие в обществе, выражать и отстаивать свои интересы. В представлениях россиян политика маркирована негативно — как «игра без правил», участники которой руководствуются личными интересами, как закрытая для влияния «зона власти», а политические активисты — маргинализированы. Действуя (а чаще бездействуя) в соответствии с этими представлениями, граждане постоянно воспроизводят дискурс и практики деполитизации, тем самым способствуя нормализации отношений господства.

<sup>1</sup> Подготовлено в рамках гранта РФФИ № 20-011-00724 «Гражданская ответственность, эмпауэрмент и вовлеченность как основания формирования и институционализации политических практик в России».

<sup>2</sup> Структуры господства, граждане и институты / [А.В. Жаворонков и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 27.

<sup>3</sup> См.: Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / [С.Г. Айвазова и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 16–20.

Преодоление господства и формирование институционализированной политики будет возможно в случае возобновления политической дискуссии и конкуренции, готовности граждан к обсуждению значимых с точки зрения развития общества вопросов и осуществлению свободного выбора способов их решения.

Фокин И.А.  
(ЮФУ, Ростов-на-Дону)

## **ЭТОС ПРОТЕСТА И ЛОЯЛИЗМА В ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КАМПАНИЯХ: МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ (2015–2020 гг.) (НА МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНОВ РОССИИ)**

Публичная политика может рассматриваться не только как место обсуждения и принятия решений, а и как место эмансипации, обретения гражданами их прав и защиты их интересов в различных сферах их жизнедеятельности. В этом аспекте проведение гражданских и общественно-политических кампаний является механизмом заявить о себе и существовании своих интересов перед властями и иными общественными группами, публикой. Под кампанией мы понимаем совокупность мероприятий, направленных на достижение ранее поставленной задачи по защите общественного интереса в той или иной сфере. Такие задачи могут быть как сугубо политические: содержательное, институциональное, кадровое изменение в государственной политике. Задача может преследовать и достижение изменения в конкретной сфере общественных отношений: в трудовой сфере, в сфере культуры, экологии, науки, образования и пр. Задачи кампании могут быть комбинированными: как достижение изменений в конкретной сфере, так и изменения на том или ином уровне политической системы.

Успех в эмансипации граждан определяется не только организованностью их кампании и скоординированностью действий, а и тем, в каких категориях мыслят сами участники кампаний. Субъектность гражданина в публичной политике определяется этосом, т.е. системой рациональных убеждений, проявляющей себя в общественной коммуникации посредством речевых актов. В этом смысле политический этос представляется системой идеальных представлений о должном в политической сфере общества.

Этос существует как речь, соответственно, он не может существовать вне коммуникационного пространства. Основными формами коммуникации между современными людьми являются социальные сети, в которых и происходит борьба за формирование идеальных представлений о политическом в сознании людей. В нашем предыдущем исследовании политического краудсорсинга мы определили, что активность в социальных сетях не является определяющей в успешности той или иной кампании. Неуспешность кампании в сфере «реальной политики» (т.е. сфере принятых решений) не означает неуспешность кампании в сфере «символической политики» (т.е. в сфере интерпретации реальности). Более того, если рассматривать кампанию не как только точку-действие, а как волну-действие, то неуспех в сфере «реальной политики» запросто может стать предпосылкой к появлению текста, успешно используемого в формировании сообщества кампании. Ярким примером такой кампании может являться «бессрочный протест». Несмотря на то что данная кампания реализуется с 2018 г., не следует пренебрегать чередой его неудач как просчетов в символической политике» и в деле упрочнения сообщества.

Задачей нашего исследования является выявить механизмы обратной связи между офлайн-овым функционированием кампаний и формированием этосов их участников. Речь идет об исследовании дискурсивной роли гражданских и политических краудсорсинговых кампаний в формировании политического этоса и исследовании иных источников такового. Исследование осуществляется на основе анализа дискурсивных практик шести кампаний: речевых практик самих участников, речевых практик организаторов кампании, а также соотношения этих практик с набором практик прямого действия.

Рабочей гипотезой нашего исследования является тезис о существовании двух этосов: этос-1 и этос-2. Этос-1 — это тот политический этос, который приводит участника кампании в нее. Этос-2 — это тот политический этос, который имеет эмерджентный характер и формируется в результате речевых практик офлайн и онлайн, а также в процессе практической деятельности кампании.

В процессе исследования было запланировано изучить дискурсивные практики шести кампаний, которые условно можно разделить по отношению к политическому режиму в стране на: антагонистические, нейтральные и протагонистические. Запланировано методом устного интервьюирования опросить 120 человек из разных регионов страны, которые принимали участие в данном движении. Также дискурс участников планировалось сопоставить с дискурсом организаторов кампании, дабы выявить точки пересечения и речевые акты, которые способствовали вовлечению граждан в те или иные кампании.

Фомин И.В.  
(ИНИОН, НИУ ВШЭ, Москва)

## ОБРАЗЫ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО В ДИСКУРСАХ РОССИЙСКОГО РЕЖИМА И ОППОЗИЦИИ<sup>1</sup>

Исследование посвящено анализу способов использования образов советского прошлого в политическом дискурсе современной России. Существующие изыскания, посвященные российской исторической политике, показывают, что одной из ключевых актуальных тенденций в этой области оказывается всевозрастающее значение отсылок к советскому прошлому. В частности, демонстрируется, что такие отсылки активно используются российским режимом в качестве инструмента обоснования своей легитимности и конструирования национальной идентичности. При этом, однако, в меньшей степени изучен вопрос о том, какое место образы советской истории занимают в дискурсе российской оппозиции. В докладе представлена попытка более широкого обобщения ключевых дискурсивных стратегий, к которым прибегают при репрезентации советского прошлого не только представители российской властвующей элиты, но спикеры из числа парламентской и внепарламентской оппозиции.

Эмпирическую базу исследования составляет корпус текстов, в который вошли выступления президента России Владимира Путина, агитационные материалы и выступления, распространяемые представителями Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), а также интервью и записи в блоге российского оппозиционера Алексея Навального. В качестве инструментов анализа используются процедуры и категории, выработанные в рамках дискурс-исторического подхода (М. Райзигл, Р. Водак), позволяющие идентифицировать дискурсивные стратегии, типичные для того или иного набора текстов. Цель исследования при этом состоит в том, чтобы реконструировать основные нарративы о советском прошлом, к которым отсылают различные политические спикеры, а также понять, каким именно образом такого рода отсылки используются в политическом дискурсе.

Проведенный анализ показывает, что арсенал сюжетов из советского прошлого, которыми оперируют российские политики, довольно широк и включает в себя отсылки к спектру событий, акторов и реалий, относящихся ко всем основным периодам советской истории. При этом, однако, разные политические акторы делают акцент на разных событиях, а также по-разному встраивают соответствующие нарративы в свои дискурсы. Исследование демонстрирует, что основные способы задействования образов советского прошлого можно свести в четырем парам основных дискурсивных шаблонов (дискурсивных макростратегий): (1) шаблоны «наследование» / «похищение», (2) шаблоны «коммеморация» / «мискоммеморация», (3) шаблон «позитивное сходство» / «негативное сходство», (4) шаблон «позитивный контраст» / «негативный контраст».

Так, например, в дискурсе всех исследуемых акторов важное место занимают шаблоны, связанные с коммеморацией (позитивная репрезентация действий, связанных с конструированием и воспроизводством нарративов исторической памяти) и мискоммеморацией (негативная репрезентация таких действий) применительно к событиям Второй мировой войны. Другие же сюжеты и стратегии оказываются специфичными только для одного из исследуемых акторов. Так, например, только для Алексея Навального оказывается характерно соотнесение — в рамках макростратегий сходства — политических репрессий в отношении оппозиции, происходящих в современной России, с репрессиями в отношении диссидентов позднесоветского периода. Для Владимира Путина же специфичным оказывается, к примеру, амбивалентное сочетание приемов контрастирования и наследования, когда, с одной стороны, в некоторых его выступлениях подчеркивается преемственность между советским народом и народом России в контексте «славного (военного) прошлого», а с другой — используются контрастирующие приемы, суть которых заключается в противопоставлении «контрпродуктивных» действий советского руководства актуальным или желательным практикам нынешнего российского режима. Наконец, для дискурса КПРФ характерна негативная репрезентация некоторых решений, принимаемых нынешним политическим руководством (например, в сфере образования), через контрастирование с политикой советского периода.

В целом исследование показывает, что образы советского прошлого являются одним из важных дискурсивных инструментов в политике современной России, и позволяет реконструировать арсенал приемов их использования, типичных для дискурсов не только российской властвующей элиты, но и оппозиции.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00709.

## ИНДЕКС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ РЕГИОНОВ: ВНУТРИСТРАНОВЫЕ РИСКИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Известно, что политическая демография изучает влияние демографических изменений на политические процессы, как внутренние, так и международные, а также обратное влияние политических изменений на демографическую ситуацию, регулирование миграции, на социальную мобильность и систему расселения, занятость и безработицу, экологическую безопасность и природопользование, инфраструктурное развитие и т.д.

Демографические исследования активно используются в деятельности политических институтов, в том числе при организации и проведении выборов, при разработке программ политических партий, определении электоральных предпочтений различных социально-демографических групп населения. Однако авторская позиция данного проекта несколько отличается от известных работ.

Прежде всего, в самой постановке исследовательских целей и задач. Так, представление о фундаментальных основах методов сбора и анализа информации о населении, об особенностях протекания демографических и миграционных процессов в России и других странах мира раскрывает проблематику современных исследований демографии, имеющиеся теоретические подходы к их объяснению, а также о мерах реализуемой демографической политики в разных странах и оценке их эффективности.

Вместе с тем базовые навыки анализа и оценки демографической ситуации не отвечают современным требованиям практического применения, как в академических исследованиях, так и в разработке и реализации проектов в органах государственного и муниципального управления, политических и общественных организациях, коммерческих структурах.

Основная цель исследования — разработка методики расчета индекса политической демографии регионов России (ИПД), который предполагает, что существует возможность количественно оценить активность политической жизни региона в рамках принципа «max-min».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

I. В соответствии с тремя составляющими политической жизни сформировать оценку по следующим уровням:

Уровень социально-бытового положения населения (УСБП) предполагает количественное измерение привлекательности региона для населения. Он включает в себя показатели величины:

- 1) преступности (количество преступлений за год/в динамике на 100 тыс. человек населения региона);
- 2) величины заболеваемости коронавирусом (количество заболевших за год/в динамике на 100 тыс. человек населения региона до начала массовой вакцинации);
- 3) величины бытового недовольства (количество бастующих рабочих и служащих за год/в динамике на 100 тыс. человек населения региона);
- 4) миграционной активности (количество эмигрантов за год/в динамике на 100 тыс. человек населения региона).

Уровень экономического положения населения (УЭКП) показывает количественное измерение качества жизни в регионе. Он включает в себя показатели величины:

- 5) кредитной нагрузки населения (количество заемщиков за год/в динамике на 100 тыс. человек населения региона);
- 6) безработицы среди населения (количество безработных за год/в динамике на 100 тыс. человек населения региона);
- 7) бедности (количество людей с низкими доходами за год/ в динамике на 100 тыс. человек населения региона);
- 8) задолженности по выплатам (количество людей с задолженностями по выплатам заработной платы, пенсий, пособий за год/в динамике на 100 тыс. человек населения региона).

Уровень электорального положения населения (УЭЛП) призван количественно измерить избирательные настроения в регионе. Он включает в себя показатели:

- 9) политической лояльности (количество голосов за избранного Президента РФ на 100 тыс. человек населения региона);
- 10) политической инертности (количество людей, проигнорировавших выборы, на 100 тыс. человек населения региона);
- 11) протестной активности (количество вышедших людей на митинги за год/в динамике на 100 тыс. человек населения региона);
- 12) численность электората (количество избирателей за год/в динамике на 100 тыс. человек населения).



Все 12 показателей рассчитываются по «минимаксному методу».

II. Каждый из трех уровней рассчитывается посредством интегрального индекса. Результаты расчетов среди регионов ранжируются по величине значения индекса политической демографии *IPDi*. При ранжировании первое место получает регион, имеющий наибольшее значение *IPDi*. В случаях, когда фактические значения *IPDi* у нескольких регионов оказываются равными, всей группе присваивается среднegrupповое место. При отсутствии какого-либо признака всем таким регионам присваивается последнее место.

В основе комбинации лежит величина показателя *IPDi* — чем она выше, тем выше активность политической жизни в регионе. В то же время, для того чтобы понимать социальное, экономическое и электоральное положение при описании региона по отдельности, дополнительно существует возможность обратить внимание на каждый из этих показателей непосредственно вне *IPDi* в отдельной матрице индексов.

III. Для визуализации результатов исследования производится группировка регионов в матрице рисков (угроз).

Категории регионов (вертикальные ячейки матрицы):

- территории активного госрегулирования — города федерального значения, приграничные субъекты, регионы присутствия проблемных моногородов;
- территории инерционного развития — территории инерционного развития систем расселения — с развитием свободной самоорганизации расселения;
- территории демографического ресурса — сдержанное инвестиционное развитие, рамочное регулирование миграционных потоков из других регионов, в связи с тем, что численность населения и трудовых ресурсов на данных территориях выше потребности в них.

Сила воздействия (горизонтальные ячейки матрицы):

- угроза, вызывающая беспокойство;
- рост активности;
- социальный баланс.

Маркеры внутри ячеек матрицы рисков:

- зеленый — мониторинг ситуации, ее анализ и выработка рекомендаций;
- желтый — план альтернативных действий по снижению уровня угроз;
- красный — немедленные действия по возможной нейтрализации последствий.

IV. Для визуализации результатов регионы обозначаются соответствующим цветом на карте страны.

**Фролов А.А., Гребенко Е.Д.**  
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

## **ЛОЯЛЬНОСТЬ И ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ГРУПП В ПОЛИТИКУ<sup>1</sup>**

Человеческий фактор на сегодняшний день остается одной из наиболее значимых переменных во взаимодействии различных организаций с индивидуумом, и наоборот. Поэтому изучение лояльности человека как в отдельности, так и групповой лояльности является важным аспектом в понимании системы взаимодействия государственных и общественных институтов с различными социальными группами. Одной из таких групп является молодежь, которая должна быть проводником интересов текущей государственной политики для подрастающего поколения и полноценно социализирующихся молодых людей.

Так, И.А. Байкин<sup>2</sup> считает, что одним из самых важных требований к вовлечению молодежи в общественно-политическую жизнь государства — это делегирование управленческих полномочий различным молодежным объединениям. Подобного рода действия с психологической точки зрения удовлетворяют запрос молодежи на самостоятельность, которая, в свою очередь, накладывает на них и определенные обязательства перед сверстниками и обществом в целом. Исходя из анализа различных источников можно привести следующие возможные институционализированные диалоговые площадки по вовлечению молодежи<sup>3</sup>:

1. Организации самоуправления (подобными организациями могут являться как советы учащихся школ, так и полноценные молодежные городские комитеты, которые реализуют самоуправление на местах).

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31770 «Возможности и угрозы управления лояльностью молодежи в современной России».

<sup>2</sup> Байкин И.А. Вовлечение российской молодежи в социальное управление // Социально-гуманитарные знания. 2015. №1. С. 140–149.

<sup>3</sup> Носкова О.С. Технология вовлечения молодежи в структуру молодежного самоуправления в реализации государственной молодежной политики // Молодой ученый. 2013. № 8 (55). С. 331–341.

2. Волонтерские и благотворительные организации (действия молодежи в данных структурах могут накладываться на различные государственные инициативы в сфере благотворительности и волонтерства).
3. Неполитические молодежные организации (способны решать и прорабатывать вопросы как отдельных сегментированных групп молодежи, так и молодежи в целом).
4. Политические молодежные организации (такие организации способны напрямую транслировать интересы различных политических групп на молодежь, ставя агитацию и пропаганду как приоритетные действия по вовлечению).

В современной России лояльность молодежных групп рассматривается скорее в ретрансляции на электоральные процессы и вовлечении молодежи в участие в голосовании, что приводит многие проекты, реализуемые государством, в конвертацию голосов молодых людей. Подобные проекты хоть и имеют логическое обоснование, но в целом не могут полноценно раскрыть потенциал молодежных групп. Поэтому исследование степеней лояльности и их достижения является важной задачей для реализации различных государственных и негосударственных молодежных проектов.

О.В. Попова и О.В. Лагутин<sup>1</sup> отмечали, что политическая лояльность среди молодежных групп может подразделяться на следующие типы: полное принятие, частичное принятие, равнодушное отношение, умеренное неприятие, полная нелояльность. Подобная классификация в достаточной мере отражает возможные настроения молодежи при реализации различных проектов со стороны власти, поэтому анализ лояльности молодежных групп может способствовать оценке проходимости политических решений.

В заключение можно сказать, что одной из главных и центральных идей вовлечения молодежи в общественно-политическую жизнь государства является самостоятельность управления молодежных групп. Лояльность молодежных групп является одним из самых сложных аспектов взаимодействия с молодежными организациями, поэтому постепенная и планомерная реализация различных государственных проектов среди молодежи должна проходить с учетом особенностей поведения и восприятия последними политических процессов в России.

Фролов А.А., Егоров Д.В.  
(ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль)

## ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В ПРОТЕСТНЫХ КАМПАНИЯХ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ<sup>2</sup>

**П**ротест можно определить как «оспаривание», «отрицание» всей социальной деятельности, самих принципов общественно-политической жизни, возмущение существующими порядками и институтами власти в целом и выступления лишь против определенных тенденций в их политике или способов ее осуществления<sup>3</sup>. Обычно протесты — результат негативного восприятия гражданами действий властей, затрагивающих их личные интересы. Акции, движения, протекающие онлайн, могут дестабилизировать политическую систему и способствовать нарастанию массовых беспорядков. Сейчас актуальными становятся исследования особенностей процесса коммуникации в протестных кампаниях в социальных сетях.

Основной платформой для протестных кампаний в сети Интернет являются социальные сети. Социальная сеть — это платформа, позволяющая участникам устанавливать отношения и связи друг с другом в сети Интернет. Среди самых используемых социальных сетей в России можно выделить ВКонтакте, Одноклассники, *Instagram*, *Facebook* и *TikTok*. В науке существует два подхода к пониманию того, чем являются социальные сети для протеста — еще одним средством коммуникации или полноценным пространством, копирующим некоторые свойства социального офлайн-пространства<sup>4</sup>. Объединяя указанные подходы, можно сказать, что социальные сети являются как средством коммуникации, так и новым пространством, в котором протест может действовать. Как средство коммуникации социальные сети выступают на первом этапе возникновения проблемы, вокруг которой формируются

<sup>1</sup> Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619.

<sup>2</sup> Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности».

<sup>3</sup> Савченко И.А. Политический протест в современном обществе: технологический подход // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2.

<sup>4</sup> Сибирев В.А., Головин Н.А., Клебанов А.А. Сетевые сообщества в борьбе вокруг решения передать Исаакиевский собор Русской православной церкви (январь–июнь 2017 года) // Мониторинг. 2018. № 1 (143).

протестные движения, здесь социальная сеть выступает как способ рассказать о проблеме, донести ее до как можно большего круга людей, чтобы привлечь к ее решению различных активистов. На этом же этапе происходит первая мобилизация в социальных сетях, т.е. идет распространение информации о проведении протестной офлайн-акции, посвященной решению проблемы. На более поздних этапах вокруг проблемы формируются протестные сетевые сообщества. Эти сообщества находят свое выражение в социальных сетях в виде тематических групп, посвященных проблеме.

Подробное рассмотрение этапа формирования протестных сетевых сообществ показывает, что на эти сообщества и на проводимые ими протестные кампании оказывают влияние различные факторы. Среди этих факторов наиболее значимым является механизм алгоритмизированной новостной ленты в социальной сети. Контент в новостной ленте располагается в зависимости от свежести и релеванности каждому конкретному пользователю, т.е. пользователь может быть подписан на множество групп в социальной сети, но при этом в своей новостной ленте видеть публикации от нескольких групп, которые ему наиболее интересны, а также посты, в которых наиболее привлекательны. Алгоритмическая лента социальной сети «ВКонтакте» учитывает то, как именно пользователь взаимодействует с контентом. Персонализированная выдача новостей анализирует лайки, репосты, время просмотра или чтения статьи, фактические переходы по ссылкам в публикациях, количество комментариев и взаимодействие пользователя с медиаконтентом постов. Сумма таких реакций, деленная на количество подписчиков группы, называется «вовлечением», или *Engagement Rate* (коэффициент вовлеченности). Предпочтение сегодня получают такие виды записей, с которыми пользователи чаще всего взаимодействуют, иначе говоря, с наибольшим уровнем вовлеченности<sup>1</sup>.

Таким образом, протестные кампании, проводимые в социальных сетях или проводимые офлайн, но освещаемые в социальных сетях, должны быть наиболее яркими, чтобы привлечь внимание пользователя, листавшего свою новостную ленту в социальной сети. Протестным сообществам, делая публикации в социальной сети, приходится учитывать тот факт, что они не просто публикуют материал и получают моментальное распространение, но и соревнуются за внимание пользователя с другими группами неполитического характера. Существование механизма релевантности (алгоритмической ленты) в социальных сетях во многом определяет то, какой по форме и содержанию контент будет делать протестное сообщество. Это, в свою очередь, может отражаться на политическом процессе и делать его более «театрализованным» и менее содержательным.

Фролова Ю.Н.  
(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

## ТЕХНОЛОГИИ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ» В ИЗУЧЕНИИ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАЗА «РУССКОГО МЕДВЕДЯ» В СМИ США)<sup>2</sup>

Современный мир предполагает внедрение новых методов в различные сферы научного знания. Таковыми являются технологии «больших данных», которые открывают возможности для решения новых задач в социально-гуманитарных науках.

Вопрос об эвристическом потенциале применения технологий «больших данных» в политологии уже привлекал внимание исследователей<sup>3</sup>.

Мы применяем методы анализа больших объемов информации для изучения образа «русского медведя» в символической политике СМИ США. Актуальность данной проблемы определяется тем, что «русский медведь» является одним из тех символов, которые используются для формирования отношения к России. Метафора «Россия — это медведь» значима в дискурсе международных отношений и используется журналистами, политиками и государственными деятелями<sup>4</sup>. Цель исследования — изучить, какие характеристики приписываются «русскому медведю», в каких контекстах он используется в американских медиатекстах. Источником материалов стали базы данных СМИ ресурса *EBSCO*, включающие в себя как региональные, так и федеральные газеты США. Временные ограничения выборки связаны с особенностями формирования конкретной базы и в большинстве случаев представляли собой период 2000–2021 гг. Выгрузка данных осуществлялась посредством программы на языке

<sup>1</sup> SMMplanner / Как работает новая алгоритмическая лента «ВКонтакте». URL: <https://smmplanner.com/blog/k-ver-shine-novostej-kak-rabotaet-novaya-algoritmicheskaya-lenta-vkontakte/> (дата обращения: 29.06.2021).

<sup>2</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00748 «Русский медведь» в современной символической политике: российский и западный контексты».

<sup>3</sup> Например: Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Большие данные в исследовании политических процессов. М.: МПГУ, 2018. — 88 с.

<sup>4</sup> Riabov O. The Birth of the Russian Bear? The Bear Symbol in the Satirical Journals of the Russian Revolution of 1905 // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2020. No. 9 (1). P. 139.

*Python*, а последующая обработка и анализ проведены с помощью программы *PolyAnalyst*. В результате выявлены контексты использования образа «русского медведя», наиболее часто встречающиеся сущности (люди и организации), а также те характеристики, которыми чаще всего наделяется символ «русского медведя» в американской прессе.

При анализе контекстов выделены крупные тематические группы использования символа: политика — 86% и др. Также выявлены ключевые слова, позволившие понять основную тематическую направленность текстов (*leader, election, politics, nation, president* и др.). Анализ сущностей фактически дополнил анализ контекстов. Ключевыми «сущностями-людьми» стали лидеры государств, а наиболее часто встречающимися «сущностями-организациями» выступили Белый дом, Сенат, НАТО, Администрация Обамы и т.д. Метафора используется в текстах, посвященных вопросам выборов, взаимоотношениям РФ и США, переговорам президентов и государственных деятелей двух стран, военной тематике и др.

Характеристики «русского медведя» разнообразны, однако в подавляющем большинстве связаны с воинственностью и агрессией. Медведь — это угроза (*threat*); он сильный (*strong*), дерется (*fight*), злой (*angry*), захватывает / «включает в себя» (*embrace*). Популярны метафоры «ткнуть медведя палкой» / «дразнить медведя» (*poke bear*), упоминание образа в контексте холодной войны.

В результате выявлены проблемы и перспективы применения технологий «больших данных» при изучении символической политики, которая включает в себя деятельность, направленную на «производство и продвижение... определенных способов интерпретации социальной реальности»<sup>1</sup>.

К преимуществам методов относятся возможности анализа больших объемов информации и изучения всех имеющихся материалов в выборке. Методы предполагают и ряд проблем, связанных с техническими особенностями программ и спецификой текстовых данных. При исследовании символической политики основными единицами анализа, как правило, выступают понятия и поддающиеся измерению ключевые индикаторы этих понятий, получаемые при операционализации. Таким образом, значимую роль в успехе применения технологий «больших данных» играет формулировка индикаторов в допустимом для машинного анализа формате.

При выгрузке данных ограничения формируются и источником данных: временные, тематические рамки баз данных, политика доступа социальных сетей и др. Важный аспект — предварительная подготовка к использованию указанных технологий: изучение того, адекватна ли запросу выдача данных из источника; формирование представления о возможных ограничениях при работе с текстовыми данными и, как следствие, понимания, какие именно методы приведут к результатам, а какие неприменимы в условиях работы с текстами значительного объема.

<sup>1</sup> *Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5–29.

## ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПОВЕСТКУ

В настоящее время экологические и климатические проблемы стоят в центре политической повестки дня многих международных организаций, государств, региональных правительств, бизнес-компаний. На протяжении последних нескольких десятилетий государства усиливают и ужесточают свою политику по охране окружающей среды, вводя новые правила, экологические стандарты, переходя на «зеленые» технологии, возобновляемую энергетику и т.д. Тем не менее без надлежащего сотрудничества со стороны граждан все это не даст должного эффекта. Ввиду этого в большинстве стран ядром экологической политики становится политика по повышению экологической грамотности и сознательности (*environmental awareness*).

Обеспокоенность людей экологическими проблемами и их отношение к защите окружающей среды влияют на успех политики, направленной на сохранение биосферы, развитие «зеленых» технологий и ответственное потребление. На протяжении многих лет исследователи применяли теоретические конструкции, такие как мировоззрение, ценности, убеждения, установки и нормы, для понимания и прогнозирования действий граждан и общественности по поддержке мер в области защиты окружающей среды и, главное, их влияние на политические приоритеты. Усиливающаяся озабоченность состоянием окружающей среды закладывает основу для создания объединений, которые преодолевают идеологические разногласия, что влияет на изменение политической повестки<sup>1</sup>.

Сегодня мы можем наблюдать формирование экологической идентичности в странах с высоким уровнем ВВП, где сформирован устойчивый средний класс, политическая культура, определенные традиции потребления<sup>2</sup>. Все больше внимания уделяется концептуализации и измерению различных аспектов «Я» по отношению к природе и биосфере и их влиянию на политический процесс. Следовательно, измерение отношений в виде «Я — природа» или же «Я — окружающая среда» может дать представление о том, как социальные и психологические факторы влияют на политические приоритеты и решения экологических проблем.

Алармистские доклады МГЭИК, призывы эконоНПО и экспертного сообщества к усиленным мерам по защите окружающей среды стали импульсом к новой волне экологической обеспокоенности. С каждым годом увеличивается запрос граждан на более устойчивую и экологическую политику. Это проявляется как в результатах выборов, усилении позиций зеленых, так и в росте протестной активности экологических некоммерческих организаций и их поддержки. Выборы в Европейском союзе и его государствах-членах показали приверженность граждан общему зеленому курсу. Однако существует и другая категория граждан, которая утверждает, что предпринимаемых действий недостаточно и нужно действовать более радикально.

Экологическая идентичность чаще всего активизируется в условиях стихийных бедствий, экологических катастроф. Именно тогда приходит понимание важности природной среды для человека, его зависимости и слабости по сравнению с силами природы<sup>3</sup>. Текущий кризис COVID-19 усилил эти тенденции, продемонстрировав, как человек и природа тесно взаимосвязаны.

Таким образом, на современном этапе идет формирование экологической идентичности в ведущих странах, которые влияют на глобальную политическую повестку. Это способствует продвижению экологических приоритетов в международных организациях и их дальнейшему распространению в странах, где «зеленая повестка» не актуализирована. Экологическая идентичность дает импульс для дискуссии об альтернативном посткапиталистическом развитии, строящемся на «дружественном к экологии» подходе.

<sup>1</sup> Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. С. 619–625.

<sup>2</sup> Lo Alex. National income and environmental concern: Observations from 35 countries // Public Understanding of Science. 2016. No. 25. P. 873–890. DOI: 10.1177/0963662515581302.

<sup>3</sup> Терещина М.В., Башмаков И.С. Экологическая идентичность местных сообществ как ресурс развития «зеленой» экономики // Журнал Человек. Сообщества. Управление. 2017. № 18 (1).

## ИСЛАМИЗМ: ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ СДВИГИ В СТОРОНУ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

Будучи многомерным и неоднозначным явлением, политический ислам/исланизм с момента своего организационного оформления претерпевает значительные трансформации. Актуальность темы связана с усилением роли исламизма как ведущей политической идеологии на Ближнем Востоке и в Северной Африке и его влиянием на формирование политической повестки в регионе. Примененный в исследовании системный подход позволил не только проанализировать отдельные аспекты исламизма, но и синтезировать их в единую картину.

Начнем с того, что новые идеологические концепты, как правило, возникают в период кризисов и/или социально-политических потрясений как реакция на стагнацию и стремление ее преодолеть. Организационно оформившись на рубеже 1970–1980-х гг. исламизм достиг колоссальной популярности на арабском Востоке как альтернативная и в то же время прогрессивная и либеральная идеология движению арабского национализма, дискредитировавшего себя поражениями в арабо-израильских войнах, неспособностью разрешить социально-политические проблемы и объединить всех арабов «под одной крышей».

Однако исламисты столкнулись с репрессиями и политикой сдерживания со стороны светских авторитарных государств. В качестве выхода из кризисной ситуации предлагалась новая, более прогрессивная модель исламизма в виде постисламизма. Эта модель была предложена в начале 1990-х годов как попытка осмыслить очевидный кризис исламизма, развитие консервативной формы которого возглавила Саудовская Аравия. Роль Саудовского королевства как ведущей исламистской силы оказалась частично подорвана действиями Ирака, захватившего Кувейт, и появлением американских войск на территории Саудовской Аравии. Помимо этого, активность саудовцев в продвижении исламистского проекта была замедлена падением цен на нефть в период 90-х годов XX в.

Все же применимость идей постисламизма в рассматриваемый период была поставлена под сомнение, поскольку некоторые исламистские партии, далекие от политического истощения, на протяжении 2000-х годов доказывали, что их электоральный потенциал все еще силен и что достижение политической власти является важнейшей целью. К примеру, репрессии и жесткие ограничения в избирательных правах не помешали египетским «Братьям-мусульманам» показать хорошие результаты на выборах в законодательные органы в 2005 г. Марокканская Партия справедливости и развития также хорошо зарекомендовала себя на рубеже 1990–2000-х годов, показав позитивную динамику роста депутатских мандатов в законодательном органе страны.

Арабская весна вызвала очередную волну предсказаний о «закате исламизма» и наступлении нового «постисламистского рассвета». В период событий Арабской весны новыми примерами построения постисламистского общества стали Тунис и Марокко, где активно действовали умеренные исламисты, связанные идеологическим родством с «Братьями-мусульманами». На фоне активизации умеренных исламистских партий на политическую арену в ряде арабских государств региона вышли салафитские партии, что говорит о существенных сдвигах в консервативном исламизме и традиционной салафитской доктрине в целом.

Отметим, что неудачи исламизма в 1990-е годы и в период событий Арабской весны являются лишь его временным кризисом, который имеет циклический характер. Так называемый постисламизм, несмотря на свою заявку на самостоятельный идеологический этап, является пока лишь направлением в исламизме. При этом не отменяется факт того, что в исламизме преобладают либеральные тенденции.

Более того, в последние несколько лет наблюдается снижение доверия к исламистским движениям и исламизму в целом со стороны населения. Этому способствуют неудачи умеренных исламистских партий и движений в вопросах достижения власти (и неспособности решения социально-экономических проблем в случае ее достижения), а также деятельность радикальных исламистских группировок. Некоторое снижение популярности исламизма среди населения говорит о либерализации общественного сознания, направленного в сторону постепенной секуляризации социально-политических отношений в Ближневосточном регионе. При этом не исключается, что в данной ситуации исламизм вновь подвергнется либерализации и сохранит роль ведущей политической идеологии в Ближневосточном регионе.

Харитоновна Е.М.  
(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва)

## НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ БРЕКЗИТА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Поиск новой идентичности после распада Британской империи — постоянная тема научных и общественных дискуссий в Соединенном Королевстве. Результаты референдума о членстве страны в Европейском союзе и последовавший затем долгий и сложный процесс выхода из ЕС (Брекзит) обнажили существующие проблемы и еще больше обострили противоречия внутри страны, а также несколько изменили общественный и научный дискурс относительно постимперской идентичности.

Среди тенденций последних лет в Британии можно перечислить следующие: 1) поиск новой внешнеполитической идентичности и глобальной роли, позиционирования страны на международной арене в связи с выходом из Евросоюза; 2) усиление разрыва между Лондоном, где заметно изменился состав населения, и остальной частью страны; 3) апробирование новых моделей контроля над иммиграцией; 4) продолжение курса на независимость Шотландии со стороны Шотландской национальной партии и рост ее поддержки на выборах; 5) обострение североирландского вопроса в связи с влиянием *Brexit*; 6) переосмысление исторического наследия и роли тех или иных выдающихся исторических деятелей и др.

Помимо Брекзита свое влияние оказали разразившийся в 2018 г. скандал «Виндраш», при котором от новых иммиграционных правил пострадали люди, прибывшие в страну до 1973 г., а также зародившееся в США и получившее поддержку в Великобритании движение *Black lives matter*, направленное на борьбу с системным расизмом.

Результаты социологических исследований и демографические данные демонстрируют заметные различия между жителями разных частей Соединенного Королевства и изменения, произошедшие за последние годы. Так, по данным исследовательской компании *DeltaPoll*, в 2021 г. среди жителей Шотландии 63,8% опрошенных считали себя в первую очередь шотландцами, 29,2% — британцами и всего 1,6% — прежде всего европейцами. В то же время в целом по стране 49,4% назвали себя в первую очередь британцами, 32,6% — англичанами и около 5% — европейцами<sup>1</sup>.

Отдельного внимания требует изменение отношения к Евросоюзу и гражданам стран, оставшихся в ЕС, а также прогнозы относительно дальнейшего будущего. Согласно различным исследованиям, еще до выхода из ЕС отношение граждан Британии к Евросоюзу отличалось от отношения граждан других стран объединения<sup>2</sup>. Сегодня для жителей Великобритании ЕС оказывается в роли «другого», при этом пресса и политические лидеры обеих сторон часто прибегают к достаточно жесткой риторике, оказывая соответствующее влияние на общественное мнение. В качестве примера обострения отношений можно привести спор о разрешениях на рыбную ловлю, произошедший у берегов острова Джерси весной 2021 г.<sup>3</sup>

Доклад посвящен анализу новых тенденций и факторов, влияющих на самовосприятие жителей разных частей Великобритании, а также обзору мер, принимаемых британским правительством в ответ на существующие вызовы.

Харитоновна О.Г.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## «КОНСОЦИАЦИЯ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ»: ОПЫТ ИРАКА<sup>4</sup>

Ирак представляет собой разделенное общество в этническом (75–80% арабов, 15–20% курдов, 5% — другие группы) и религиозном (30% суннитов, 69% шиитов, остальные — христиане, йезиды и другие группы) отношении. В таких обществах всегда присутствует угроза политизации и мобилизации этничности, проявления радикализма и сепаратизма, вспышек этноконфессиональных конфликтов. Для предотвращения/урегулирования конфликтов в разделенных обществах большое значение имеет институциональный дизайн.

<sup>1</sup> См.: Scots less likely to identify as 'European' than others in the UK, survey reveals // The Conversation. 14.05.2021. URL: <https://theconversation.com/scots-less-likely-to-identify-as-european-than-others-in-the-uk-survey-reveals-160818> (accessed: 21.06.2021).

<sup>2</sup> См.: *Ormston R.* Do we feel European and does it matter? // NatCen Social Research. 2015. URL: <https://whatukthinks.org/eu/wp-content/uploads/2015/10/Analysis-paper-2-Do-we-feel-European.pdf> (accessed: 21.06.2021).

<sup>3</sup> *Boffey D., O'Carroll L.* UK sends navy vessels to Jersey amid post-Brexit fishing row with France // The Guardian. 05.05.2021. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2021/may/05/uk-hits-back-at-french-threat-to-cut-jerseys-electricity-supply> (accessed: 21.06.2021).

<sup>4</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00922 А.

Классическим подходом к управлению разнородностью является консоциализм. В консоциациях (А. Лейпхарт) выборы проходят по системе пропорционального представительства, все основные сегменты участвуют в большой правящей коалиции, основные решения принимаются на основе консенсуса, все сегменты обладают правом вето при принятии затрагивающих их интересы решений, власть распределена по вертикали (например, широкая автономия). Согласно Р. МакГарри и Б. О'Лири, в случае разногласий о самоопределении необходима «консоциация плюс» (сочетающая консоциативное распределение власти, федерализм и др.).

Случай Ирака является хрестоматийным примером постконфликтного государственного строительства (трансплантации демократического транзита через создание консоциации). Хотя институты сохранили единство страны, они не привели к стабильно функционирующей демократии, гражданскому миру и консолидации политических институтов. Повлиял ли на это институциональный дизайн 2005 г.?

Признанные исследователи и практики консоциализма Р. МакГарри и Б. О'Лири назвали конституцию 2005 г. «консоциативной», что привело к очередному (после североирландского кейса) растяжению концепта консоциации. Большинство исследователей используют для характеристики иракской консоциации различные прилагательные: неполная, неформальная, либеральная, волюнтаристская, квази-, половинчатая, облегченная (*light*) и т.п.

В списке 29 случаев консоциализма (Р. Тэйлор) Ирак является примером консоциации «новой волны» (с внешним гарантом), установленной после международной интервенции. Консоциативные механизмы (право вето и большая коалиция) важны для обеспечения участия меньшинства в процессе принятия решений, что переводит все конфликты в институциональное русло. Консоциация в Ираке создавалась на фоне дебаасификации при исключении некоторых значимых сегментов: арабов-суннитов, двух из трех шиитских партий и арабских националистов (П. Диксон, Т. Додж). В итоге была построена неполная консоциация, в которой сохранилась маргинализация суннитов. Согласно Индексу межэтнических властных отношений они являются безвластными (*powerless*) — не имеют властных полномочий и не влияют на процесс принятия решений (М. Богаардс).

Конституция закрепила только два признака консоциативной модели А. Лейпхарта — пропорциональность и автономию сегментов, поэтому некоторые авторы предлагают называть Ирак полуконсоциацией (Э. Абултайф), что является нечетким концептом, используемым Лейпхартом для описания Канады. Конституционная статья о большой коалиции являлась переходной, право взаимного вето применялось только в момент принятия конституции и в парламенте первого созыва (2006–2010), а пропорциональность по конституции относится лишь к вооруженным силам и распределению доходов, поэтому единственным признаком формальной консоциации является автономия сегментов или самоуправление (М. Богаардс). Согласно Д. Горовицу, в конституции 2005 г. сложно идентифицировать какой-либо институт, кроме федерализма, снижающий остроту этнического или конфессионального конфликта. Однако федерация в Ираке является неполной (пока не функционирует предусмотренная конституцией верхняя палата) и асимметричной, так как полномочия 19 провинций и одного автономного региона сильно отличаются по индексам самоуправления и соуправления. Консоциация является облегченной (*light*) версией, так как основной фокус сделан на временное распределение власти (*power-sharing*) и гибкий федерализм (М. Богаардс).

Иракский консоциализм является неформальным и либеральным. Неформальные правила закрепляют пост спикера парламента за арабом-суннитом, президента — за курдом, премьер-министра — за арабом-шиитом. Либерализм (Р. МакГарри и Б. О'Лири) проявляется в возможности интегрировать в политический процесс всех вновь появляющихся акторов. Министерские портфели распределяются между партиями пропорционально их результатам на выборах, что дает возможность включить в систему распределения власти «предустановленные» и «вновь определившиеся» (*pre-determined and self-determined* в терминологии А. Лейпхарта). Однако при отсутствии других важных характеристик консоциации баланс сил оказывается непропорционально смещен в сторону шиитского сегмента, контролирующего исполнительную власть, поэтому некоторые авторы называют такую систему мажоритарной. Анализ инвестиционных проектов показал непропорциональное распределение финансирования между сегментами: в регионах с шиитским большинством осуществлено 4260 проектов, с суннитским — 906 проектов, в курдском — 603 (Э. Абултайф). Правление большинства в разделенных обществах, по мнению А. Лейпхарта, является не только недемократическим, но и опасным, так как меньшинства, которым постоянно запрещен доступ к власти, будут чувствовать себя исключенными и дискриминированными и режим может потерять их лояльность. Согласно данным Института Гэллага, в 2019 г. всего 13% граждан доверяли политическому руководству, 11% — президенту, что стало наихудшим показателем за 10 лет наблюдений.

Использование прилагательных с корневым концептом (см. выше) приводит к его усечению через изменение одного или нескольких ключевых признаков. Случай Ирака, где имеет место политическое доминирование шиитского сегмента, возвращает политологов к вопросам о сущности и основных признаках консоциализма.



Харитоновна О.Г., Кудряшова И.В.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## «ПОПУЛИСТСКИЕ РЕЖИМЫ» И РЕЖИМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ВОПРОСА<sup>1</sup>

Проблеме теоретического осмысления популизма посвящены множество отечественных и зарубежных исследований, однако они до сих пор не привели к появлению теории популистских режимов. Сам этот термин часто используется в политической науке, но нам неизвестны работы, которые концептуализировали бы популистский режим как отдельный тип режима. В частности, происходит отождествление персоналистского и популистского режимов при изучении авторитаризма (Б. Геддес) или подвергающейся эрозии президентской демократии (М. Родес-Пурди), а также популистского и авторитарного стилей руководства — при изучении демократии (П. Норрис, Р. Инглхарт).

«Популистский режим» не вписывается ни в одну из существующих типологий политических режимов. На основе изученной научной литературы можно предположить, что существуют популистские демократические, популистские гибридные и популистские авторитарные режимы. Персоналистский режим наиболее близок к популистскому недемократическому режиму (выделение персоналистских режимов в отдельный тип авторитаризма справедливо при разграничении акторов, принимающих ключевые решения в рамках режима (Б. Геддес и др.). Персонализм как общую черту авторитарных политических режимов отмечают А. Хадениус, Ж. Теорелль, Б. Магалони и Д. Ганди.

Вслед за К. Мюдде мы понимаем популизм как идеологию, подразумевающую разделение общества на две антагонистические однородные группы, «истинный народ» и «коррупцированную элиту», и основанную на тезисе, согласно которому политика должна представлять собой выражение «общей воли» народа. Таким образом, в основе популизма лежит отрицание представительной модели демократии в пользу прямой или партиципаторной, что разрушает механизмы горизонтальной подотчетности, необходимые для консолидированной демократии. Согласно Дж. Мюллеру, Н. Урбинати и другим исследователям, ему свойственно отрицание конституционализма и либерализма, в том числе ограничения воли большинства, защиты прав меньшинств, сдержек и противовесов при принятии решений.

В соответствии с подходом С. Левицки лидеры-популисты, во-первых, являются политическими аутсайдерами; во-вторых, создают прямые связи с народом, разрушая связи институциональные; в-третьих, позиционируют себя в качестве представителей всего народа, противопоставляя себя коррупцированной элите. Несмотря на размытость понятия аутсайдера в данном подходе, популизм как характеристика демократического режима приводит к усечению корневого концепта (демократия) и превращает демократию в демократию с прилагательным (как, например, делегативная демократия Г. О’Доннелла). Лидеры-популисты в своей риторике выступают за мажоритаризм как способ принятия решений, который, в свою очередь, является институциональным фактором становления демократии с прилагательными.

Возможны ли в условиях популистских режимов режимные изменения? По нашему мнению, популистский демократический режим эволюционирует в сторону деконсолидации демократии, так как под его влиянием происходят изменения на трех уровнях демократической системы: поведенческом, ориентационном и институциональном (выделены Х. Линцем и А. Степаном). На поведенческом уровне популизму чужды консенсус, компромисс, толерантное отношение к оппозиционным взглядам и дух демократического соревнования. На ориентационном уровне популизм подрывает доверие граждан к институтам представительной демократии, в том числе парламентам, политическим партиям и группам интересов, и поощряет веру в сильных лидеров. На институциональном уровне появляются области, контролируемые невыборными корпоративными акторами, на которых не распространяется демократический процесс.

Гибридные режимы сочетают авторитарные и демократические институты и практики и представляются, по мнению Л. Морлино, «оптической иллюзией», так как могут одновременно классифицироваться как «демократии с прилагательными» и как «авторитаризмы с прилагательными». Гибридные режимы («соревновательный авторитаризм» у С. Левицки и Л. Уэя или «электоральный авторитаризм» у А. Шедлера) представляют собой полудемократии разного типа. Главное отличие подобных режимов от «настоящих» автократий — это готовность толерантно относиться к существованию (но не победе) оппозиционных партий, независимых СМИ и неправительственных организаций. Гибридный режим является результатом определенных сочетаний полупрозрачности, полусоревновательности, полурепрессий. Такие характеристики делают эти режимы уязвимыми перед протестными действиями, восстаниями и другими формами гражданского неповиновения и насилия, в том

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31622 «Политические режимы и режимные изменения в контексте “популистской волны”».

числе вооруженными конфликтами. Приход популистов к власти в гибридных режимах позволяет консервировать существующую систему, сглаживая ее внутренние противоречия за счет особенностей популистской философии и лидерства.

Популистские авторитарные режимы являются по своей сути персоналистскими, так как все решения единолично контролируются лидерами-популистами. В политической науке персонализм операционализируется через ряд критериев, включая персонифицированный контроль лидера над процессом принятия решений, связь партии власти с личностью лидера и рекрутирование элиты на основе персональной лояльности лидеру (Б. Геддес). В случае лидера-популиста персонифицированная политика и личный контроль над политическим процессом получают народную поддержку и легитимность благодаря его апеллированию к воле и интересам народа. Популизм позволяет авторитарным лидерам компенсировать слабость квазидемократических (или формальных политических) институтов. Такие популистские режимы возникают преимущественно в западных странах, поздно вставших на путь государственного строительства. К ним можно отнести и многие государства постсоветского и постъюгославского пространства.

**Харкевич М.В.**  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **КАРНАВАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: МИХАИЛ БАХТИН В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Несмотря на некоторое признание карнавализации публичной сферы, особенно в социологии при описании современных протестных движений, концепция карнавала в значительной степени игнорируется в социальных науках и международных отношениях<sup>1</sup>. Доклад вводит теорию карнавализации<sup>2</sup>, разработанную русским лингвистом Михаилом Бахтиным, в теорию международных отношений. Она прекрасно отражает и объясняет кризисные явления в современном международном порядке, вызванные демократизацией и растущим влиянием глобального гражданского общества и отдельных негосударственных акторов.

Русский поэт и филолог О. Седакова отмечает, что «существо карнавала в том, что его участник отчуждается от себя, ведет себя не как “он сам”, а как маска, аноним, как нечто другое. Маскарадное поведение заведомо “не считается”. В Венеции было достаточно маленького значка маски на одежде, чтобы окружающие его прочли: то, что сейчас делает этот человек, “не считается”, сейчас это не он. Побег от “себя этического”, “себя ответственного”, узаконенный обычаем и обрядом»<sup>3</sup>. У карнавала есть также архаичное значение: «это пространство действия нечистых или хтонических сил, ритуальное впускание Смерти в пространство жизни»<sup>4</sup>.

Теория Бахтина позволяет интерпретировать современные явления мировой политики в терминах карнавала как явления, деконструирующие иерархии господствующего мирового порядка, которая (деконструкция), как это ни парадоксально, помогает поддерживать господствующий мировой порядок. Ведь карнавал не разрушал социальный порядок Средневековья, а только укреплял его. Современные явления мировой политики, в которых угадывается карнавальное начало, связаны с гражданским обществом, его организациями, характером коммуникации, ценностями, интересами. Гражданское общество встраивается в государствоцентричный порядок международных отношений в карнавальном режиме, не угрожая при этом самому порядку. К карнавальным явлениям мировой политики можно отнести всевозможные транснациональные протестные движения, состояние «постправды», запрос на «новую искренность», «новую этику», повышение информационной прозрачности в мировой политике, которую эксплуатируют частные расследовательские структуры, блогеры.

Гражданское общество вторгается в мировую политику не только как созидательное, но и как разрушительное, хтоническое явление, актуализируя архаичное значение карнавала. Социетальное насилие сегодня — основная форма организованного насилия. Хтоническую символику карнавала поэты и художники часто использовали для отображения ужасов гражданской войны. Так, «Поэма без героя»

<sup>1</sup> Одно из исключений в российской политической мысли — эссе чрезвычайного и полномочного посла: *Краморенко А.* Карнавализация политической жизни на Западе: смех сквозь слезы, или время «призывать клоунов» // РСМД. 2019. 26 марта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/karnavalizatsiya-politicheskoy-zhizni-na-zapade-smekh-skvoz-slezy-ili-vremya-prizvat-klounov/>. В западной политической мысли с обзором по теме карнавализации общественных отношений можно познакомиться в: *Langman L.* The carnivalization of the public sphere // *Re-Imagining Public Space*. Palgrave Macmillan. N.Y., 2014. P. 191–214.

<sup>2</sup> *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Litres, 2017.

<sup>3</sup> *Седакова О.* О протестах и карнавале // Ольга Седакова. 01.05.2012. URL: <https://www.olgasedakova.com/Moralia/1083>.

<sup>4</sup> Там же.

А. Ахматовой и «Вальс чертовщины» Б. Пастернака, которые многими литературными критиками рассматриваются как поэтические предчувствия Гражданской войны в России, пронизаны мотивами хтонического карнавала.

Теория Бахтина также показывает, что внутри карнавала все иерархии перевернуты: смех и оптимизм внутри карнавала отражают плачевную ситуацию в реальной жизни; цинизм внутри карнавала демонстрирует стремление к поиску моральных ориентиров; неприятие существующих форм политического авторитета внутри карнавала отражает поиск новых форм политического авторитета и т.д.

Категория карнавализации мировой политики создает концептуальное пространство в теории международных отношений для понимания международных отношений, в том числе как сферы комедии, дополняя устоявшуюся реалистскую традицию изображать международные отношения как сферу трагедии политики великих держав<sup>1</sup>. При этом сама трагедия, описываемая в ТМО в ницшеанских терминах<sup>2</sup>, скорее всего должна быть переосмыслена в терминах критической теории В. Беньямина<sup>3</sup>. Как представляется, М. Бахтин должен входить в ТМО вместе с В. Беньямином.

Хахалкина Е.В.  
(ТГУ, Томск)

## ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГОРОДА КАК КОНЦЕПЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ<sup>4</sup>

Режим пандемии, объявленный ВОЗ в марте 2020 г. и действующий во всем мире уже второй год, обозначил запрос населения на безопасный город. Оформились дискуссии о новом дизайне городов, изменении их инфраструктуры. Современные города не были предназначены для жизни в период пандемии, и нынешний «перевернутый образ» жизни нарушил привычное функционирование городов как центров, «соединенных в международном масштабе, заполненных миллионами людей, которые работали, ездили на работу, осматривали достопримечательности, пили, танцевали и обнимали друг друга, не задумываясь. Но сейчас этот мир кажется далеким»<sup>5</sup>.

Более того, в городах инфекция распространяется быстрее, чем в пригородах и сельской местности. Специалисты указывают: «Именно потому, что города являются центрами транснациональной торговли и мобильности, густонаселенные и гиперсвязанные города могут усилить риск пандемии»<sup>6</sup>. По оценкам Всемирного экономического форума, к 2050 г. 68% населения мира будет жить в городах, необходимость в проектировании городов для защиты от пандемий будет становиться все более насущной общественной и политической задачей<sup>7</sup>.

Другие эксперты обращают внимание на то, что пандемия COVID-19 — это не конец глобального города, она создает больше возможности для развития таких динамичных, устойчивых городских центров, как Лондон, для удовлетворения будущих потребностей бизнеса, инвесторов, рабочих и простых жителей.

Прогнозируется, что, несмотря на пандемию, население Лондона и других мегаполисов будет продолжать расти в результате внутренней миграции, а также за счет демографических тенденций, которые нелегко повернуть вспять<sup>8</sup>. Переход офисных сотрудников на удаленный режим работы в 2020 г. станет одним из тех факторов, которые позволят городам быстро восстановиться в 2021 г. Эксперты убеждены, что города будут продолжать оказывать магнитное притяжение на бизнес, таланты и население в более широком масштабе, позволяя им выполнять свою роль посредников в инновациях, культуре и процветании. Однако все это будет возможно только в таком «умном городе», который будет ориентирован на безопасность его жителей.

Столицы разных стран мира столкнулись с особенно серьезным проявлением пандемии. Закрытие рабочих мест, сокращение числа деловых поездок и ослабление туризма в целом привели к тому, что боль-

<sup>1</sup> См.: Mearsheimer J.J. The tragedy of great power politics. WW Norton & Company, 2001; Erskine T., Lebow R. (eds). Tragedy and international relations. Springer, 2012.

<sup>2</sup> Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб.: Азбука, 2000.

<sup>3</sup> Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002.

<sup>4</sup> Подготовлено в рамках гранта, предоставленного РФФИ и ЭИСИ. Проект № 21-011-31374 «Право на город: политические пространства устойчивости, конфликта, диалога».

<sup>5</sup> Constable H. How do you build a city for a pandemic? URL: <https://www.bbc.com/future/article/20200424-how-do-you-build-a-city-for-a-pandemic>.

<sup>6</sup> How cities around the world are handling COVID-19 — and why we need to measure their preparedness. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/03/how-should-cities-prepare-for-coronavirus-pandemics/>.

<sup>7</sup> Ibid.

<sup>8</sup> The evolution of global cities. URL: <https://www.knightfrank.com/london-report/2021-02-03-global-cities-a-concept-in-question>.

шие города, обычно полные людей и оживленной жизни, почувствовали себя более затронутыми, чем небольшие города или пригороды. Соответственно, именно им суждено стать «законодателями мод» в перестраивании городской инфраструктуры, ее логики и философии на другие рельсы, позволяющие комфортно и эффективно работать в удаленном режиме либо максимально безопасно в режиме офлайн.

Такое положение дел рождает вопрос, который волнует многих экспертов в настоящее время: как спроектировать такой город завтрашнего дня, чтобы открытая территория не стала запретной зоной, а оставалась безопасным и пригодным для проживания пространством? Как представляется, особую роль в ответе на поставленный вопрос будет играть новое наполнение концепции «умного города», напрямую связанной и реагирующей на процессы цифровизации повседневной жизни, появление «больших данных» и развитие искусственного интеллекта (ИИ) в условиях пандемии.

*Хачатурова С.И.*

*(МГУ им. М.В. Ломоносова, Правительство Москвы, Москва)*

## **ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЛИДЕРОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО УРОВНЯ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА МОСКВЫ)<sup>1</sup>**

В данном исследовании автор исходит из понимания муниципального лидерства как политическо-го феномена. Теоретическим основанием для такой трактовки стали современные концепции политического лидерства, уделяющие особое внимание личностным особенностям лидеров и концепции местного самоуправления. При этом муниципальное управление в Москве в целом и в отдельных ее округах имеет свою специфику. С одной стороны, выбор в качестве объекта изучения личностных особенностей представителей муниципальной власти в Центральном округе Москвы имеет теоретическую значимость, так как показывает приоритет социокультурной детерминанты при анализе муниципального лидерства. Теоретические основания природы муниципальной власти однозначно создают фундамент для исследования ее представителей с позиций теорий политического лидерства. Наравне с дискуссиями об особенностях федерального и регионального лидерства представляется возможным обсуждать и муниципальное лидерство как актуальное, оформленное и независимое явление. В процессе проведения политико-психологических исследований на сегодняшний день нет сомнений в наличии неформальных практик и важности личностных особенностей для их понимания. С другой стороны, данное исследование может представлять практический интерес в преддверии выборов в Государственную Думу РФ и муниципальных выборов. Эмпирической базой исследования стало проведение глубинных интервью с главами муниципальных округов и анкетный опрос муниципальных депутатов ЦАО Москвы. Результатом исследования стала, в первую очередь, концептуально-методологическая модель анализа личности лидеров муниципального уровня власти, в рамках которой ключевым является определение основных характеристик представителей данного профессионального сообщества и их личностных особенностей. Кроме того, в процессе сбора эмпирических данных были разработаны гайды для глубинных интервью, обладающие универсальностью и применимостью не только на территории Москвы. Собранные данные позволили предложить классификацию муниципальных депутатов по их политическим предпочтениям, разработанную при помощи применения методов дистантной и контактной диагностики личностей муниципальных лидеров.

Лоялисты федеральные (22%) — для представителей этой группы является важным, чтобы кандидат проживал на территории округа, выступал за существенные изменения, был принципиально новым человеком. Среди данной группы больше всего сторонников КПРФ (16%).

Лоялисты локальные (24%) — среди них больше всего тех, кто поддержал бы сторонника власти, уже известного в округе человека, выступающего за стабильность. Соответственно, доля поддерживающих «Единую Россию» в этой группе выше среднего — 37% (максимально высокая среди всех групп).

Безразличные (21%) — они поддержат как стабильность, так и изменения, при этом скорее поддержат сторонника власти (55%), чем ее противника (5%).

Умеренные реформаторы (22%) — в группе максимально выражен запрос на изменения, идеальным кандидатом является противник власти, работающий в коммерческой сфере, при этом это должен быть новый человек, независимый от политических партий, для многих это кандидат от несистемной оппозиции.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Личностные особенности лидеров муниципального уровня власти (на материалах Центрального административного округа г. Москвы)».

Радикальные реформаторы (11%) — выражен острый запрос на изменения, на кандидата—противника власти и представителя несистемной оппозиции. Представители группы чаще готовы взаимодействовать с парламентскими партиями — многие из них проголосовали бы за партию «Яблоко» и КПРФ.

Исходя из особенностей выделенных групп, нетрудно сделать вывод о политической и социальной стратификации респондентов и их порой диаметрально противоположных интересах. Грамотное использование принципов и техник публичной политики и формирования общественно-политического дискурса способно привести к тому, что победу на выборах в 2021 г. может одержать, по сути, кандидат от любой партии. Полновесный контроль над электоральным циклом достигаем в том случае, если кандидат не будет оторван от насущных проблем отдельных групп жителей. В данном контексте будет важно не столько знание основ партийного стратегирования, сколько «политика малых дел», адекватная реакция на недовольство граждан, пополнение рядов своих сторонников молодыми и активными людьми, чья биография, жизненный опыт и личностные качества являются убедительными аргументами для дальнейшей работы в интересах жителей. Ключевым аспектом на уровне муниципальной власти должно стать последовательное и грамотное выстраивание коммуникации с институтами гражданского общества, организациями, культурными ассоциациями, профессиональными группами и даже с оппозицией.

Измерения на территории Центрального округа Москвы доказали, что при обеспечении благоприятного имиджа и решении конкретных запросов жителей, даже в самом оппозиционном и политически подкованном округе столицы может быть преодолен скепсис в отношении действующей власти со стороны лидеров общественного мнения — муниципальных депутатов.

Хенкин С.М.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## ИСПАНИЯ: НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА

**В** территориально-политическом отношении Испания исторически не отличалась внутренней сплоченностью. В ней господствовали партикуляризм, культурное и языковое многообразие областей и провинций. Наиболее серьезную попытку в истории страны добиться «национальной гомогенности» предприняла франкистская диктатура, подвергшая дискриминации национальные меньшинства каталонцев, басков и галисийцев. Однако эта попытка успехом не увенчалась.

В наши дни Испания остается недостроенным государством с недостаточной национальной консолидацией. Государство автономий — объект постоянной борьбы. Одни политические силы настаивают на сохранении государства автономий при возможном внесении некоторых коррективов, другие требуют его превращения в федерацию, третьи — в конфедерацию, четвертые борются за полную независимость своих территорий.

Противоречия регионов с центром — прежде всего проблема элит. Именно часть представителей региональных элит, руководствуясь своекорыстными интересами и националистическими амбициями, искусственно нагнетает эмоции и подогревает сепаратистские настроения. На низовом уровне тяга к радикальным переменам выражена слабее.

Опыт Испании говорит об отсутствии прямой связи между низким уровнем социально-экономического развития региона и его борьбой за суверенитет и независимость. В этой стране в авангарде борьбы за суверенитет идут наиболее развитые регионы — Каталония и Страна Басков, а среди выдвигаемых требований преобладают не социально-экономические, а требования политического, культурного и языкового характера. Националисты опираются на мифотворчество, искусственное конструирование представлений об этих регионах как «избранных нациях, ставших жертвой несправедливых притеснений со стороны Испании». Недостроенность испанского государства проявляется прежде всего в неспособности по-настоящему интегрировать Каталонию и Страну Басков, отличающихся ярко выраженным культурно-языковым своеобразием.

Конфликт между каталонскими сепаратистами и испанским государством далек от разрешения и приобрел хронический характер. Сепаратистский блок не в состоянии одержать победу над испанским государством. Но и государство не может одержать полную победу над сепаратизмом. Оно достаточно силно и занимает главенствующие позиции в политической жизни Каталонии, создавая в стране обстановку перманентного политического кризиса.

Проблема Каталонии — это проблема Испании. Значение этого региона для страны в целом определяется не только тем, что на его долю приходится 19% ВВП Испании, 24% ее промышленной продукции и 28% экспорта<sup>1</sup>. Дело еще и в том, что в условиях потери Испанской социалистической ра-

<sup>1</sup> Política, diálogo y audacia. La Vanguardia. 28.10.2012. URL: <https://www.lavanguardia.com/opinion/editorial/20121028/54353577431/politica-dialogo-audacia.html>.

бочей партией и Народной партией монопольного положения в политической жизни возрастает их зависимость от сепаратистских партий, представленных в кортесах. Парадоксально, что нынешний глава правительства Педро Санчес был утвержден в этой должности в июне 2018 г. благодаря воздержанию (равнозначному поддержке) при голосовании сепаратистских партий Каталонии и Страны Басков. И опять же благодаря им в декабре 2020 г. правящая коалиция смогла набрать необходимое число голосов для принятия бюджета.

Даже гипотетическое снятие остроты каталонской проблемы вряд ли разрешит ее полностью. Не существует такого решения вопроса, которое бы удовлетворило большинство каталонцев. Каталонская проблема останется «встроенным дестабилизатором», «хроническим недомоганием» страны, с которым ей предстоит жить.

После ухода с политической сцены эта ситуация в Стране Басков выглядит более благополучной. Однако конфликт между местными националистами и испанским государством вовсе не исчез. Он только упростился, лишившись террористической составляющей. Радикальные националисты добиваются независимости от Мадрида или установления с ним конфедеративных отношений мирным путем. Это активное и влиятельное меньшинство. В Стране Басков регулярно проходят манифестации, на которых радикальные националисты выдвигают свои требования к центральной и местной власти. Нельзя сбрасывать со счетов, что при благоприятном развитии событий они выйдут на авансцену политической жизни этого региона и баскский конфликт вновь обострится.

Территориально-политическая модель Испании не устоялась. В отношениях центр—регионы вполне вероятны серьезные перемены если не по всей линии, то в отдельных важных звеньях.

*Хопёрская Л.Л.*

*(Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия)*

## **РЕВОЛЮЦИИ В КИРГИЗИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

Киргизия является постсоветским государством, в котором в 2005, 2010 и 2020 гг. произошли силовые захваты власти, интерпретируемые большинством экспертов как «цветные революции». Однако такая трактовка происходящих процессов не объясняет множества проявлений политической активности правящего класса. Так, для легитимации пришедшей к власти в октябре 2020 г. группировки ею было инициировано принятие новой (одиннадцатой с 1993 г.) Конституции КР<sup>1</sup>. В ее преамбулу включена ссылка на заветы Манаса Великодушного, а политическая система дополнена институтом Народного курултая (ст. 7) с целью, чтобы «не вошедшие во власть кланы смогли направлять туда своих представителей для контроля верхов и заявления своих интересов»<sup>2</sup>.

Объяснение этого феномена возможно в рамках политико-антропологического подхода. Автор считает, что определяющим фактором политических процессов в КР выступает функционирование структур, норм, ценностей, типов политического поведения кочевой цивилизации. В советский и постсоветский периоды институты кочевого общества, основанного на внерыночных отношениях, — Курултай (этнические собрания различного уровня), тои (торжественные собрания семей, родов, кланов) — были сохранены.

В антропологии для обозначения типа социального взаимодействия по типу «дарение—отдаривание» используется понятие «реципрокность»<sup>3</sup>. Распространив это понятие на сферу политических отношений, мы получим понятие политической реципрокности, фиксирующее процесс нелегитимного получения (захвата) власти как дара определенному лидеру от участников захвата и его безусловную обязанность возмещать этот дар под угрозой потерять власть.

Реципрокность является одной из существенных характеристик кочевой цивилизации, в основе которой лежало набеговое хозяйство. Нахождение в составе Российской империи и СССР прекратило набегничество как основной источник благосостояния киргизов и обусловило переход к современным оседлым формам хозяйства и политическим институтам. Но в период суверенизации республики кочевнический субстрат трансформировался в «политические набеги», включающие не только обязательное «взятие» Белого дома и захват ключевых должностных позиций, аресты оппозиционеров, но и «набеги» на хозяйственные объекты иностранных инвесторов.

Захваты власти или политические набеги совершают группы, недовольные порядками и действующими политическими институтами. Фактически это группы молодого мужского трудоизбыточного

<sup>1</sup> Конституция Кыргызской Республики. Принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г. Введена в действие Законом Кыргызской Республики № 59 от 5 мая 2021 г. // URL: <http://www.president.kg/ru>.

<sup>2</sup> Почему Садыр Жапаров хочет легализовать Курултай? 25.12.2020 // URL: <https://www.gezitter.org/politic/93945>.

<sup>3</sup> *Мосс М.* Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература РАН, 1996 // URL: [http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss\\_Present.pdf](http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf).

населения, для представителей которых совершение набега на политическую власть — это способ социализации, получения авторитета, повышения престижа и основанного на этом социального продвижения. Но, что более значимо, участие в политическом набеге — это дар, требующий обязательного возврата, отдачи.

Во-первых, в виде поощрения «силового предпринимательства», безнаказанности захватов *крупных предприятий с вложением иностранного капитала* под лозунгом «заставим инвестора уважать наши правила».

Во-вторых, в виде получения должностей и постов; основная масса чиновников подала в отставку, часть бывшей «элиты» покинула КР, на их места назначаются люди, в основном близкие к С. Жапарову, на менее значимые должности — лица, не прошедшие конкурсного отбора и зачастую имеющие связи с ОПГ.

Одним из результатов политического набега можно считать превращение парламента Киргизской Республики в политического «невольника», который штампует нужные законы и постановления. Его «высшим» достижением является создание Государственной комиссии по изучению эффективности разработки золоторудного месторождения «Кумтор». «Кумтор», которым владеет канадская компания *Centerra Gold Inc*, выступает одним из основных источников бюджета КР: доля «Кумтора» в общем объеме промышленного производства КР в 2020 г. составила 23,3%.

17 мая 2021 г. парламентом было принято Решение о введении государственного внешнего управления над «Кумтором». Компания *Centerra Gold Inc* назвала «фактическим захватом» действия парламента республики. Бизнес-омбудсмен в КР заявил, что «внешнее управление в компании-инвесторе и перехват всех активов вплоть до банковских заставляя инвесторов задуматься о целесообразности вообще смотреть на Кыргызстан как на место для инвестиций»<sup>1</sup>.

Политический набег на власть, совершенный в октябре 2020 г., вызвал нарастающий процесс архаизации. Это уже повлекло усиление моноэтнизации республики, уход ключевых иностранных инвесторов, приостановление или ограничение предоставления зарубежными государствами финансовой и гуманитарной помощи.

Хуажев А.А.  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов)

## К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МЕДИЙНОГО ИМИДЖА СЕВЕРНОГО КAVKAZA

**П**од медийным имиджем территории в данном случае понимается совокупность транслируемых средствами массовой информации и коммуникации характеристик и особенностей (политических, социально-экономических, этнокультурных, природно-географических и пр.) конкретного региона. Разделяя позицию целого ряда российских ученых (Т. Гринберг, В. Шепель, Е. Шестопад, Д. Леонтьев), полагаем, что имидж, образ и репутация не тождественны друг другу. Имидж чаще всего конструируется целенаправленно, в то время как образ — это, скорее, субъективное восприятие какого-либо объекта, которое вполне может не совпадать с формируемым имиджем. Репутация же в нашем случае — это набор убеждений и мнений о территории, сформировавшихся у людей на основе информации, полученной о регионе, их личного опыта или опосредованных контактов<sup>2</sup>.

Формирование благоприятного медийного имиджа субъекта Российской Федерации считаем достаточно важной задачей региональной власти. При условии ее успешного решения повышаются возможности для привлечения отечественных и зарубежных инвесторов, участия в разнообразных федеральных программах, развития туризма, налаживания конструктивных связей с федеральным центром. Применительно к Северному Кавказу это также становится фактором стабилизации региона и позволяет преподнести его в качестве «безопасной территории с привлекательными социальными горизонтами и перспективами социокультурных проектов»<sup>3</sup>.

Между тем в массмедиа Северный Кавказ до сих пор преподносится неоднозначно. Еще в 2010 г. И.А. Курбанов и А.Н. Таджибова отмечали: «Описывая Кавказ сейчас, и писатели, и журналисты акцентируют свое внимание на том, что *там* правят криминальные кланы с методами латиноамериканской диктатуры, *там* люди умеют только воевать, что это головная боль России и территория врага,

<sup>1</sup> Бизнес-омбудсмен о ситуации по Кумтору: Бизнес должен быть уверен в верховенстве закона. 18 мая 2021 г. // URL: <https://kaktus.media/doc/438586.html>.

<sup>2</sup> Напалкова И.Г., Курочкина К.В. Имидж региона: специфика, основные элементы и технологии конструирования // Экономическая история. 2018. Т. 14. № 4. С. 419.

<sup>3</sup> Аствацатурова М.А. Креативные возможности региона Кавказских Минеральных Вод // Культура и пространство. Кн. 2: Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / Под ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 97.

и создают тем самым образ “чужого” в сознании читателя»<sup>1</sup>. Однако за прошедшие десять лет в этом плане мало что изменилось. Т.А. Ткачева по-прежнему фиксирует «информационную неоднородность и неравенство отдельных территорий Северного Кавказа в медиапространстве России», «преобладание негативной тональности в восприятии северокавказских территорий и доминирование отрицательных черт в его образе», а также тот факт, что «ментальная репрезентация Северного Кавказа во многом формируется под влиянием “информационного давления” двух регионов — Дагестана и Чечни, с которыми и ассоциируется в большинстве случаев весь Северный Кавказ»<sup>2</sup>.

Что можно предпринять для изменения данной ситуации? На наш взгляд, важную роль в изменении медийного имиджа Северного Кавказа должны сыграть два основных института — региональная власть и массмедиа. Первой необходимо уделять больше внимания комплексной реализации территориальной имиджевой политики (не ограничиваться проведением отдельных мероприятий, PR-акций или событий, а выстраивать долговременную стратегию позиционирования собственного региона). СМИ же, в свою очередь, могут хотя бы попытаться на время забыть о рейтингах (рост которых нередко достигается за счет акцента на негативе, криминале и так называемых жареных фактах) и транслировать в том числе позитивную информацию о регионе, об имеющихся там достижениях, героях и успехах. Кроме этого, многое в данном случае, безусловно, зависит и от такого неинституционализированного актора, как жители северокавказских регионов: их образ жизни, поведение и отношение к окружающим тоже во многом влияют на то, какой имидж Северного Кавказа формируется в информационном пространстве.

Убеждены, что при условии совместного действия отмеченных выше факторов возможно нейтрализовать негативные аспекты медийного имиджа данного региона и впоследствии заместить их позитивными моментами (Северный Кавказ как стабильный, органично встроенный в российскую политическую систему регион, центр туризма и отдыха, территория этнического и культурного разнообразия).

<sup>1</sup> Курбанов И.А., Таджибова А.Н. Образ Кавказа в российском и германском дискурсе масс-медиа // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 4 (185). С. 116.

<sup>2</sup> Ткачева Т.А. Географический анализ репрезентации образа Северного Кавказа в социальных медиа // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2020. Т. 26. № 2. С. 224.



## ПОЛИТИКО-РЕЖИМНЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ КОНФЛИКТОВ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Механизмы и результаты политической институционализации региональных конфликтов в значительной степени определяются моделью, в рамках которой происходит данный процесс. Ее сущность, в свою очередь, зависит от характеристик политических режимов, сложившихся на общегосударственном и субнациональном уровнях.

К началу 2010-х годов в России складываются основные черты гибридного политического режима соревновательно-авторитарного типа, который характеризовался переформатированием партийной системы, сокращением конкурентного потенциала оппозиции, ужесточением правил участия в легальной политической деятельности и т.д.<sup>1</sup> Важными характеристиками эффективности режима становятся способность к консолидации элит, урегулированию внутриэлитных конфликтов<sup>2</sup>. Общие тенденции развития региональных политических режимов накладываются на специфику Северного Кавказа.

Для национальных республик региона характерна высокая концентрация власти в руках первых лиц. В то же время в их политико-управленческой деятельности присутствуют серьезные ограничения, связанные с полиэтничным составом населения и, соответственно, элиты, с делением правящего класса на субэтнические группы, кланы, землячества и т.п. Сформировавшиеся в республиках политические режимы по своим системообразующим характеристикам в основном имеют гибридный характер<sup>3</sup>, при этом степень их устойчивости различна. В республиках можно выделить автократические моноцентричные режимы, а также упорядоченные и неупорядоченные полиархические режимы<sup>4</sup>. Соответственно, несмотря на наличие общих черт, региональные модели политической институционализации конфликтов имеют выраженную специфику.

Необходимо отметить, что их гибридность отражена в двух аспектах. Первый включает в себя сочетание авторитарных и демократических методов регулирования, а также универсальных формальных и традиционных неформальных институтов. Второй аспект предполагает функционирование «двойной» системы политических институтов, в которой неформальная составляющая возрастает за счет архаизации институциональной системы и развития «теневых» институтов<sup>5</sup> (коррупции, клиентелизма, клановости и др.). Это приводит к усложнению моделей политического управления, возможности возникновения институциональных противоречий. Постоянная институциональная гибридность способствует некоторой стабильности и выживанию локальных и консервативных социальных систем. Создание гибридных институциональных структур тесно связано с необходимостью разрешать конфликты в рамках ненасильственного регулирования.

Таким образом, следует обратить внимание на региональную специфику институциональных практик. Исходя из описанных характеристик, они могут рассматриваться как «порядки ограниченного доступа» (в терминологии Д. Норта и его соавторов<sup>6</sup>), основанные на внутри- и межэлитных договоренностях. К числу основных оспариваемых ресурсов относятся политико-административные ренты, земельные ресурсы, властные полномочия, духовный авторитет. Совместный контроль их участников над доступом к основным социальным ресурсам, в том числе и ограничение политической конкуренции, использование неформальных и непубличных правил взаимодействия между акторами региональной политики. Авторитарное начало институционализации конфликтов в наименьшей степени выражено в Республике Дагестан (в связи с наличием большого числа этноэлитных групп и относительно развитого гражданского общества), в наибольшей — в Чеченской Республике (в связи с высоким уровнем консолидации политико-управленческих элит в период после вооруженного конфликта).

<sup>1</sup> Шкель С.Н., Шакирова Э.В. Политическая оппозиция в гибридном режиме: опыт постсоветской России // Вестник Пермского ун-та. Серия: Политология. 2014. № 1 (25). С. 4–21.

<sup>2</sup> Туровский Р.Ф. Эффективность и демократичность региональных политических режимов в современной России: противоречия теории и практики измерения // PolitBook. 2013. № 1. С. 8–39.

<sup>3</sup> Ханалиев Н.У. Политические режимы национальных республик Северо-Кавказского федерального округа: факторы формирования и системные характеристики: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2016. С. 9.

<sup>4</sup> Бирюков С.В., Барсуков А.М. Институционализация региональных политических режимов в России // Социогуманитарный вестник. 2012. № 1 (8). С. 99–100.

<sup>5</sup> Магомедрасулова Р.Б. Неформальные институты на Северном Кавказе: субъекты и ресурсы влияния на политическое пространство // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 283–286.

<sup>6</sup> Норт Д., Уоллис Д., Уэбб С., Вайнгайт Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М.: ГУ ВШЭ, 2012.

## **МЕСТО И РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОБРАТИМСТВ В РАЗВИТИИ КРУПНЫХ ГОРОДОВ ПОЛЬШИ**

Побратимство городов в Европе началось во второй половине XX в. и все чаще становится неотъемлемым элементом функционирования городов. В случае Польши первые договоры о международном сотрудничестве заключили Рыбник с французским Сен-Валье в 1961 г. и Зелена Гура с восточнонемецким Котбусом в 1971 г. Заключению очередных партнерств способствовало открытие границ на Запад в 1989 г., принятие в 1990 г. закона о местном самоуправлении и присоединение Польши в 1991 г. к Европейской хартии местного самоуправления. 30 лет спустя почти все города страны установили побратимства с зарубежными городами. География данного сотрудничества разнообразна: от Западной и Центральной Европы, стран бывшего СССР по отдельные города Азии и обеих Америк. Целью выступления является характеристика мотивов, которыми руководствуются городские власти, заключая очередные партнерства, а также выявление связи международных контактов со стратегиями развития городов. Поскольку такие документы имеют обязательный характер, выявление объективного значения побратимства является возможным посредством эмпирического анализа.

Современная история установления побратимств польских городов имела определенную динамику. Первая волна налаживания международных контактов продолжалась до середины 1990-х и была довольно стихийной. Партнерами становились главным образом города Германии и других стран Западной Европы, реже США. В центре внимания ставился сам факт готовности западного города сотрудничества с Польшей, реальные возможности его осуществления, в том числе финансовые, уходили на задний план. Очередная волна началась на стыке XX и XXI столетий и была связана с перспективой вступления Польши в Европейский Союз. Поиск городов-побратимов проходил более осознанно, расширялся круг партнеров из ближайших стран — Венгрии, Словакии, Чехии. Заключаемые тогда договоры учитывали перспективу сотрудничества при использовании институтов и финансирования Евросоюза. Таким образом, можно выделить две основные предпосылки заключения договоров. Первая, идейная, где партнеры подбирались с целью подчеркнуть «открытие» нового раздела в отношениях со странами Запада или установить связь с теми городами, в которых имеется значительное польское меньшинство (к примеру, Вильнюс, Чикаго). Вторая, прагматичная, где побратимство устанавливалось между городами, похожими друг на друга (население, структура производства и пр.) и находящимися довольно недалеко.

На современном этапе можно утверждать, что международное сотрудничество городов Польши находится на стадии зрелости. Повышается не количество партнерств, а качество сотрудничества. Однако пример двух крупных городов Польши — Кракова и Вроцлава подтверждает тезис о том, что в Польше нет единой модели международного сотрудничества городов. Насчитывающий около 800 тыс. жителей Краков, академический и промышленный центр, является бывшей столицей Польши. Немного меньший Вроцлав воссоединен с Польшей в 1945 г., в силу своей сложной истории именуется «городом встреч».

Оба города заключили относительно много договоров о побратимстве: Краков — 20, Вроцлав — 15. Исследование доказало, что главной целью их заключения является популяризация городов и узнаваемость за границей. В текущем функционировании обоих городов зарубежные побратимы не играют значительной роли. В этом плане выделяется Краков, где были приняты Общие принципы международного сотрудничества. Оба города декларируют развитие побратимств с целью привлечения зарубежных инвесторов, увеличения туристического потока, наращивания культурного и научного потенциала. Во многом заключенные партнерства являются площадкой для осуществления совместных проектов в рамках Евросоюза. Поэтому прагматический, рабочий характер имеют партнерства с европейскими городами, подчас неевропейские партнерства имеют идейный, декларативный характер. Опросы, проведенные среди муниципальных чиновников в указанных городах, подтверждают высокую оценку самого института побратимства, как и осуществляемых в его рамках мероприятий.

Чепель С.Л.  
(НИУ МЭИ, Финансовый университет  
при Правительстве РФ, Москва)

## ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПОДВИЖНОСТЬ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ЭКОНОМИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Выборы в Государственную Думу 2011 г. в регионах Центрального федерального округа (ЦФО) отчетливо продемонстрировали снижение доверия общества партии «Единая Россия», свидетельствующее о нарастании неудовлетворенности избирателей качеством жизни. В период между парламентскими выборами 2011 и 2016 гг. негативные тенденции социально-экономического развития сохранились. В этой ситуации вполне вероятным было дальнейшее сокращение электоральной поддержки «партии власти» в ходе выборов в Государственную Думу 2016 г. Однако этого не произошло. Партии «Единая Россия» удалось заметно укрепить свои электоральные позиции в большинстве регионов ЦФО, а ведущие оппозиционные партии, КПРФ и партия «Справедливая Россия», напротив, потеряли значительную часть своего электората.

Основываясь на статистических данных о величине и темпах изменения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума и об уровне безработицы в период 2012–2016 гг., регионы ЦФО можно разделить на три группы. Первая — регионы с очень высоким уровнем бедности и безработицы: Владимирская, Ивановская, Костромская, Орловская, Смоленская области. Вторая — регионы с умеренно высоким уровнем бедности и безработицы: Брянская, Калужская, Курская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская области. Третья — регионы с низким уровнем бедности и безработицы: Белгородская, Воронежская, Липецкая, Московская области и Москва. С точки зрения концепции ретроспективного голосования в ходе выборов 2016 г. именно в регионах первой и второй групп следовало бы ожидать подъема протестных политических настроений и смещения поддержки избирателей в направлении ведущих оппозиционных партий. Однако, несмотря на заметное снижение качества жизни в период, предшествовавший выборам, электорат подавляющего большинства этих регионов усилил поддержку партии «Единая Россия», связывая надежды на улучшение в будущем своего материального положения с сохранением власти в ее руках. О перспективном характере голосования говорит и устойчивая корреляция между показателем качества жизни и уровнем доверия избирателей политической оппозиции. Расчеты показывают, что чем хуже была социально-экономическая ситуация в регионах накануне выборов 2016 г., тем меньше их избиратели связывали возможность ее преодоления с приходом к власти представителей ведущих оппозиционных партий. Вместе с тем следует отметить, что наименьший средний рост голосования за «партию власти» имел место именно в регионах первой группы, более заметный — второй группы и наибольший — третьей группы. О ретроспективном характере голосования можно говорить только применительно к регионам третьей группы, за исключением Москвы. Умеренно позитивная социально-экономическая ситуация, сложившаяся к выборам 2016 г., содействовала тому, что в этих регионах наблюдался самый высокий средний рост голосования за «партию власти». Что же касается динамики смены партийных предпочтений избирателей столицы, то она имела свои особенности. Здесь партия «Единая Россия», сохранив положение наиболее сильного политического игрока, тем не менее потеряла, по сравнению с выборами 2011 г., заметную часть голосов. В то же время в Москве в ходе выборов 2016 г. меньшим, чем в среднем по ЦФО, был спад электоральной поддержки ведущих оппозиционных партий. Именно в Москве наилучших своих электоральных результатов добились партии демократической оппозиции: партия «Яблоко» и Партия Роста. В совокупности эти электоральные показатели говорят о том, что, несмотря на позитивные тенденции в социально-экономическом развитии региона, в ходе голосования значительная часть избирателей Москвы придерживалась выраженной критической позиции по отношению к курсу, проводимому правящей партией, что можно интерпретировать как проявление особенностей столичной политической субкультуры.

Влияние фактора экономического роста на изменение ценностных ориентаций и моделей политического поведения было раскрыто в концепции Р. Инглхарта, согласно которой продвижение к постиндустриальной фазе сопровождается материальной, когнитивной и социальной эмансипацией массовой личности. Степень распространения в общественном сознании ценностей выживания или ценностей самовыражения во многом объясняет мотивы, которыми руководствуются граждане в своем электоральном поведении. Анализ динамики электоральной подвижности в регионах ЦФО в ходе выборов 2016 г. говорит о том, что в условиях снижения качества жизни преобладающие в российской политической культуре ценности выживания, стимулировали усиление поддержки партии «Единая Россия». Для большинства избирателей она остается единственной политической силой, способной эффективно управлять страной, что подтвердило преимущественно перспективное голосование в регионах

ЦФО. Электоральная ситуация, сложившаяся на выборах 2016 г. в Москве, напротив, свидетельствует о том, что в регионе с наиболее высоким средним доходом населения, с достаточно благополучным социально-экономическим положением и в то же время центре научного и технологического развития страны в массовом сознании избирателей получили довольно широкое распространение ценности самовыражения. Снижение электоральной поддержки партии власти, сохранение стабильных электоральных позиций ведущих оппозиционных партий, незначительный, но последовательный рост голосования за партии демократической оппозиции означают проявление стремления электората Москвы играть реальную роль в процессе обсуждения, выработки и реализации политического курса. Однако в условиях сохраняющейся в большинстве российских регионов негативной динамики социально-экономического развития следует ожидать дальнейшего смещения электоральных предпочтений избирателей в пользу партии власти.

Чернавский А.С.  
(МПГУ, Москва)

## ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ И ДИГИТАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА (НА ПРИМЕРЕ США И КИТАЯ)

В современном мире США и Китай являются крупнейшими потребителями самых разнообразных информационных технологий различного спектра. Также мы живем в мире, где именно эти страны оказались крупнейшими поставщиками подобных сервисов и технологий. Отметим, что при этом на сегодняшний момент соответствующие технологические отношения между этими странами оказались едва ли не самыми сложными в мире, особенно учитывая торговые войны в технологическом секторе в последние годы<sup>1</sup>. Судя по всему, значительное количество вопросов и трудностей возникает из-за очевидных и значительных противоречий между базовым стремлением Китая сохранить имеющийся порядок и центральную роль в управлении коммунистической партии наряду с приверженностью Запада и соответствующих технологических компаний правам человека и сравнительно прозрачной и открытой конкурентной экономики частной инициативы. Безусловно, в некоторой мере соответствующие отличия основываются на глубинных различиях в общественном мировоззрении и соответствующих идеологических конструктах. В упрощенном виде мы можем представить себе представление о прогрессе на Западе в виде вполне позитивистской модели, где прогресс и соответствующие технологические инновации часто представляются в виде прямой и где развитие технологий вполне органично соседствует с верой в непрерывное улучшение и прогресс. Со времен конфуцианской традиции китайская мировоззренческая модель описывает и представляет мир циклически, когда фокус внимания не только сосредоточен на будущем, но и в значительной мере ориентирован на традиции прошлого. При этом вполне очевидно, что уже сегодня распространение цифровых технологий оказывает неравномерное влияние и воздействие на политическое и экономическое развитие, создавая значительные преимущества для одних, оставляя позади остальных, затрагивая все значимые сферы общественной жизни.

Отметим, что при всей глобальности современных технологических процессов, особенно тотальной цифровизации, Китай оказался глобальным лидером в возведении различных барьеров в мировом пространстве. Многие остальные страны не могли себе этого позволить, учитывая цену участия в глобальной мировой системе, особенно влияние ВТО. При этом лишь Китай, имея соответствующий гигантский внутренний рынок, смог сопротивляться соответствующим экономико-политическим трендам глобализации<sup>2</sup>. Цифровые продукты и сервисы должны были проходить через сложные процедуры лицензирования, перед тем как оказаться на китайском внутреннем рынке.

При этом в современном мире один из важнейших вопросов на повестке дня — формирование принципов дальнейшего развития медиасферы процессов цифровизации на каких-то общих и прозрачных основаниях. Парижский и Крайстчерский призывы (принятые с интервалом менее года) вполне наглядно показали миру, как далеко можно продвинуться в области того, что Каспер Клиндж именуется «технодипломатией». Современный подход к многовекторной дипломатии цифрового мира уже сегодня демонстрирует отказ от традиционной опоры исключительно на государственные институты и предполагает объединение соответствующих усилий со стороны правительств, крупнейших технологических компаний и гражданского общества в самых разных странах. К 2019 г. число подписей под «Парижским призывом к доверию и безопасности в киберпространстве» превышало

<sup>1</sup> Фриман Ч. Чем закончится китайско-американский антагонизм? URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kitai-amerika-antagonizm/> (дата обращения: 15.07.2021).

<sup>2</sup> Джан Л., Чен С. Цифровая экономика Китая: возможности и риски. URL: <https://iorj.hse.ru/data/2019/09/25/1540073043/Джан.%20Чен.pdf> (дата обращения: 15.07.2021).

уже 500, среди них 65 правительств и значительное количество технологических компаний, включая *Google* и *Facebook*<sup>1</sup>.

Данный феномен явил миру важный инновационный процесс. Данный тренд представляет собой многовекторный подход к проблеме развития цифрового мира сегодня, актуальный для решения современных технологических проблем.

Модель, представленная выше, уже сегодня привлекает дополнительное широкое внимание и представляется важнейшим потенциалом для согласования и урегулирования соответствующих противоречий, упомянутых выше, в том числе меду США и Китаем, на новом витке развития технологической сферы.

**Черненко Е.И.**  
(ПетрГУ, Петрозаводск)

## **ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)**

**В** современной исследовательской литературе признается позитивный опыт Республики Карелия в привлечении потенциала институтов гражданского общества и использовании механизмов межсекторного диалога в развитии социокультурной сферы. Так, М.Б. Горный причисляет РК к регионам с элементами партнерской модели взаимоотношений<sup>2</sup>. Приграничное положение республики, имеющийся исторический опыт развития парадипломатии, потребность привлечения внешних ресурсов для реализации региональных программ развития, сложившиеся диалоговые практики оказывают свое влияние на конкретные формы трансграничного сотрудничества, в которых раскрывается потенциал как властных, так и общественных институтов.

Важнейшим инструментом развития трансграничного сотрудничества является проектная деятельность, аккумулирующая ресурсы социокультурной сферы территорий участников в программах развития. Опыт участия республиканских институтов, властных и общественных, в трансграничном сотрудничестве представлен в исследовательской литературе<sup>3</sup>. В частности, обобщается опыт участия общественных организаций республики в проектах Программы приграничного сотрудничества «Карелия», реализуемой с 2007 г., оценивается роль общественных организаций в развитии международной коммуникации местных сообществ, в обеспечении качества программно-проектного метода и расширении сфер его применения в управлении социальными процессами, особенно в реализации молодежной, социальной, экологической и экономической политики<sup>4</sup>.

Данные, представленные в имеющихся исследованиях, не подтверждают вывод, к которому приходит в своем исследовании А.В. Немцев, утверждающий, что участие «региональных НКО во внешнеполитическом треке можно охарактеризовать как новое явление», недооцененное в исследовательской литературе<sup>5</sup>. Вместе с тем в своем исследовании автор вполне обоснованно показывает роль общероссийских институтов, фондов-грантодателей, в первую очередь Фонда президентских грантов, которые обеспечивают нарастающую поддержку проектной деятельности социально ориентированных организаций. Результативность участия общественных организаций в конкурсах президентских грантов является свидетельством того, что их проектная деятельность становится заметным явлением в региональном публичном пространстве. Что касается Республики Карелия, то основные результаты участия в этих конкурсах проанализированы в сравнении с данными по тем субъектам СЗФО РФ, которые реализуют программы приграничного сотрудничества. По авторским подсчетам, в период 2017–2021 гг. в десяти проведенных конкурсах активно участвовали общественные организации четырех субъектов Федерации СЗФО: Калининградской, Мурманской и Псковской областей, Республики Карелия и Санкт-Петербурга. При этом соотношение поданных заявок и полученных грантов выглядит следующим образом: большая доля одобренных заявок приходится на проекты общественных организаций

<sup>1</sup> *Смит Б., Браун К.* IT как оружие. Какие опасности таит в себе развитие высоких технологий. М.: Альпина Паблшер, 2021.

<sup>2</sup> *Горный М.Б.* Взаимодействие некоммерческих организаций и органов власти: сравнительный анализ законодательства // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 2. С. 219–232.

<sup>3</sup> *Яровой Г.О.* Парадипломатическая деятельность как инструмент регионального развития: к постановке вопроса // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 28–41.

<sup>4</sup> *Шлапко Е.А.* Республика Карелия в проектах приграничного сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1 (48). С. 17–25.

<sup>5</sup> *Немцев А.В.* Некоммерческие организации регионов России как субъект общественной дипломатии // Власть. 2018. № 2. С. 64–65.

Мурманской области — 66,7%, грантовую поддержку получила примерно третья часть заявок, поданных организациями Республики Карелия (30,6%) и Калининградской области (30,4%), для Псковской области этот показатель составил 18,2%, для Санкт-Петербурга — 17,9%. Всего в 2017–2021 гг. по направлению «развитие общественной дипломатии» от 20 республиканских и местных организаций было подано 42 заявки, поддержано 11 проектов семи карельских общественных организаций, на реализацию которых было выделено более 21 млн руб.<sup>1</sup> При этом Карельская региональная общественная организация «Общество дружбы Карелия–Финляндия» за этот период получила гранты на реализацию четырех проектов.

Активность общественных организаций республики даже в том случае, если их заявки не получают одобрения, является подтверждением того факта, что проектный метод становится важнейшим инструментом деятельности общественных организаций, в том числе и в сфере общественной дипломатии, способствуя упрочению партнерских отношений государственных и негосударственных акторов, наращиванию необходимых компетенций членов общественных организаций и их потенциальных возможностей.

Черникова В.В.  
(ВГУ, Воронеж)

## РЕГИОНАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТРАНСФОРМАЦИЯ-2020

Исследователями регулярно актуализируется вопрос о роли и уровне развития гражданского общества в России. Исследователи из Высшей школы экономики выделяют четыре популярных домена концептуализации гражданского общества в теоретических исследованиях: некоммерческие и добровольческие организации, политическая активность населения, модернизация и государство<sup>2</sup>.

Состояние гражданского общества влияет на уровень демократичности государства. Развитие современного гражданского общества неразрывно связано с социально-экономическими и политическими изменениями, происходящими в социуме под влиянием глобальных и локальных факторов.

Основу гражданского общества составляют различные институты, социальные связи и коммуникации, межличностное доверие, политическая культура и другие компоненты.

С этих позиций стоит рассматривать отличительные особенности функционирования регионального гражданского общества, которые влияют на скорость и вектор его трансформации. Трансформационные процессы гражданского общества возникли под влиянием вызовов глобализации и цифровизации.

Большинство трендов начали появляться ранее 2020 г., но ограничения, связанные с пандемией, ускорили их распространение.

— *Формирование сетевого гражданского общества.* Важную роль для функционирования гражданского общества играет коммуникация. Традиционными каналами коммуникации были СМИ, сейчас первенство переходит к Интернету. В социальных сетях создаются паблики, которые озвучивают региональные проблемы, влияют на общественные настроения. А значительная часть подписчиков лично знакомы друг с другом, что приводит к росту уровня доверия внутри таких сообществ, способствует выработке консолидированной позиции. При этом сохраняется неформальный характер участия в группе.

Социальные сети также становятся каналами взаимодействия общества и власти. Этот процесс начался ранее, но в 2020 г. резко ускорился в связи с необходимостью соблюдать социальную дистанцию.

— *Социальная дистанция* стала вызовом для регионального гражданского общества. В Воронежской области преобладают в обществе коллективистские настроения, что привело к необходимости быстрой адаптации к виртуальному взаимодействию.

— *Сокращение горизонтов планирования,* вызванное возросшей неопределенностью. НКО и другие структуры переходят к реализации краткосрочных целей.

— *Переход протестной активности к конструктивному взаимодействию с властью,* без отказа от критики и контроля над властью.

— *Рост социальной солидарности,* который выразился в подъеме волонтерского движения, развитии сотрудничества между НКО.

— *Активизация межсекторного партнерства* проявилась в создании объединенных команд для решения актуальных задач представителями НКО и бизнеса при поддержке власти.

<sup>1</sup> Проекты. Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/cards> (дата обращения: 29.06.2021).

<sup>2</sup> Проект «Роль гражданского общества в трансформации социальных и экономических институтов». Руководитель: Якобсон Л.И., Мерсиянова И.В. / Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. URL: <https://www.hse.ru/org/projects/47265642>.

Параллельно развиваются институты гражданского общества — Общественные палаты, НКО, социальное предпринимательство и идет рост неформальных групп, в основном в сети «Интернет».

По количеству зарегистрированных социально ориентированных НКО Воронежская область опережает регионы Центрального Черноземья в 1,5–3 раза, занимает 3-е место в ЦФО (уступает Москве и Московской области) и 17-е место по России в целом<sup>1</sup>. Традиционные институты гражданского общества активно переходят на интернет-коммуникации, регистрируя паблики и чаты в социальных сетях. Но и институты власти расширяют свое присутствие в социальных сетях, что позволяет оперативно решать актуальные задачи посредством неформальных каналов связи.

Изменение форм работы, возрастание рисков, активность населения сопровождаются и более глубокими изменениями в гражданском обществе. Они связаны с политической культурой и ценностями общества. Используя классификацию параметров социокультурных особенностей Г. Ховстеде, стоит отметить, что параметры, характерные для регионального социума, начинают меняться быстрее, чем это было до 2020 г. Сокращается «дистанцированность власти» благодаря распространению социальных сетей и отказу от статусного неравенства при их использовании. *Избегание неопределенности* оказалось перед вызовом реальности, усилив противоречие и вынудив социальные структуры адаптироваться. Меняется уровень маскулинности в обществе, что связано с ростом эмпатии и новыми условиями заботы о близких. От долгосрочной ориентированности социальные группы переходят к краткосрочной, переключая фокус внимания на настоящее.

Трансформация регионального гражданского общества требует внимания не только к самому процессу, но и к влиянию последствий на развитие демократии.

Чернышов Ю.Г.  
(АлтГУ, Барнаул)

## РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИХ СВЯЗЬ С ИМИДЖАМИ И БРЕНДАМИ РЕГИОНОВ<sup>2</sup>

В обширной литературе, посвященной имиджам и идентичностям стран и регионов, давно уже определились приоритетные исследовательские подходы, связанные с различными научными направлениями (имиджелогия, этнопсихология, маркетингология, идентитарные исследования и т.д.). Обращает на себя внимание то, что, когда говорят в целом о России, анализируют общенациональную, политическую, гражданскую идентичности, часто рассматривая их в контексте «образа» и «самоимиджа» страны. Когда же заходит речь о внутрироссийских регионах, очень часто разговор переходит на уровень местных «брендов», «фирменных товаров» и их связи с «региональной идентичностью». В массовом сознании закрепляются стереотипы восприятия ряда регионов: например, Тула ассоциируется с пряником, самоваром и оружейниками, Иваново — с ткацким производством и «городом невест», а Алтайский край — с гречкой, медом и шукшинскими «чудиками». Представляя широкой аудитории какой-то регион, СМИ нередко как бы отвечают на вопрос: «А какую конкретную пользу можно получить от данной территории?» В силу этого стоит обратить внимание на причины, по которым в презентациях регионов нередко доминируют «приземленные» маркетингологические подходы и «бренды».

Прежде всего, необходимо отметить, что сам термин «бренд» приобретал в последние десятилетия все более широкие толкования. Первоначально он обозначал «клеймо», «тавро» (*brand*), отличительный знак владельца собственности (например, домашних животных). Затем широкое распространение получили «фирменные бренды» (например, при выпуске автомобилей). Наконец, с легкой руки Саймона Анхольта теперь нередко оценивают «стоимость брендов» не только товаров, но и «хороших» стран и регионов<sup>3</sup>. Фактически бренд территории представляют уже как своеобразный «капитализированный имидж», что вполне логично для прагматизированных подходов в условиях рыночной экономики.

Внутрироссийские регионы при переходе от планового хозяйства к рынку оказались перед необходимостью выдерживать жесткую конкуренцию друг с другом — они борются за свою «заметность», за поступление внешних инвестиций, за приток трудовых ресурсов, туристов, абитуриентов и т.д. При этом сама множественность регионов подталкивает к тому, что каждый из них стремится в максимально наглядной и лаконичной форме продвигать свои презентации по формуле «чем мы ценны для внешних потребителей». В политическом плане до определенного времени большую имиджевую роль играли также фигуры наиболее известных и авторитетных глав регионов (Александр Лебедь, Эду-

<sup>1</sup> Доклад «О состоянии и развитии гражданского общества в Воронежской области в 2020 году» // Сайт Общественной палаты Воронежской области. URL: <https://opvo36.ru/media/uploads/2021/04/08/2020.pdf>.

<sup>2</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31118.

<sup>3</sup> См., например, одну из последних работ этого автора: *Anholt S. The Good Country Equation: How We Can Repair the World in One Generation*. Oakland, CA: Berrett-Koehler Publishers, 2020. — 272 p.

ард Россель, Аман Тулеев, Минтимер Шаймиев и др.), однако в последнее десятилетие картина на этом поле стала гораздо менее яркой.

На примере Алтайского края в период пребывания на губернаторском посту Михаила Евдокимова (апрель 2004 г. — август 2005 г.) можно проследить интересные связи, которые выстраивались между региональной идентичностью, имиджем региона и фигурой губернатора. К 2004 г. в ряду ассоциаций с Алтайем были: прекрасная природа, аграрный регион, низкий уровень жизни, «номенклатурный застой», протестное голосование, местные жители как «простые мужики» и «чудики-правдоискатели». Путь к победе на выборах заслуженного артиста России Михаила Евдокимова был во многом связан с тем, что он сумел аккумулировать представления многих местных жителей о том, какой жизни они заслуживают и каким должно быть «справедливое правление» губернатора. Однако ему, как не имевшему достаточного опыта в политике, становилось все труднее удерживать власть при усиливавшемся противодействии прежних элит. Развязка наступила после автомобильной катастрофы. После его гибели «народный губернатор» стал для многих местных жителей своеобразным «героем-мучеником» (ему посвящены сборники стихов, часовня на месте гибели, ежегодный фестиваль и т.д.). Однако такой исход не способствовал поддержанию надежд на перемены к лучшему — в последние годы все больше усиливается отток жителей из региона.

Идентичности и имиджи большинства регионов отличаются сейчас усредненностью и «приземленностью», и одна из причин этого заключается, видимо, в том, что уровень самостоятельности регионов и их руководителей значительно снизился. Губернаторов нередко «делегируют» в регионы и затем отправляют в отставку, их функции и критерии эффективности сводятся в основном к проведению «общего курса». На этом фоне происходит нивелирование «официально показываемых» черт политической идентичности и многих особенностей менталитета жителей регионов. По-видимому, для полноценного раскрытия потенциала регионов было бы полезно открыть более широкие возможности для конструктивного проявления их идентичностей.

Чеснокова Н.А.  
(НИУ ВШЭ, Москва)

## **«МАРКЕРЫ ДЕМОКРАТИИ»: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ**

15 августа 1948 г. на Корейском полуострове, долгое время едином, была провозглашена Республика Корея, а вслед за ней, через месяц, — Корейская Народно-Демократическая Республика. Однако если в КНДР сплочение народа происходило с усилением и усложнением культа Ким Ир Сена, то в РК наблюдалась — и наблюдается — кризис легитимности власти. Наше исследование позволило выявить стремительное изменение в восприятии народными массами Южной Кореи лидера государства — от «подобный королям» до «слуга народа», что отражено и в изменениях политической культуры общества. В настоящий момент можно говорить о попытке выработать некоторый новый курс, который, возможно, будет связан и с изменением статуса главы государства.

Наше исследование опирается на анализ пространственных представлений в РК как одной из технологий легитимации власти лидера государства. Мы считаем, что пространство представляет собой «канал» политической коммуникации, по которому транслируется сообщение о политическом курсе президента или кандидата, о его ценностях, возможностях, принадлежности к той или иной партии, клану, региону и др. Пространство «используется» особым образом не только во время предвыборных кампаний, но и позднее, на весь период президентского срока.

Пространство возможно анализировать через несколько плоскостей — «личное пространство», т.е. то, которое непосредственно связано с главой государства (дом, могила, статуя и др.), а также через «пространство социальное», т.е. то, которое имеет особую семантическую значимость для народных масс. Мы вводим также термины «присвоение» пространства — т.е. наделение некоторым новым значением определенного пространства с дальнейшей к нему апелляцией, а также «освоение» — регулярную апелляцию к «присвоенному» пространству. Отметим, что мы имеем в виду не геополитику, а именно обращение к массовому сознанию.

Эксплуатация пространства — «изобретенная традиция» воображаемого сообщества, успешность которой во многом определяется одним «культурным кодом» адресанта и адресата политической коммуникации. Это обусловлено тем, что Республика Корея позиционирует себя как наследника государств, ранее располагавшихся на ее территории; так и этнической однородностью населения; грамотной политикой по сохранению «исторической памяти», начатой еще в 1960-е годы.

Несмотря на частую эксплуатацию пространства в политической коммуникации лидеров Республики Корея, в «социальном пространстве» мы склонны выделять ряд обязательных пространствен-



ных маркеров, каждый из которых связан с одним из «заявлений», которые должен сделать лидер государства:

- антияпонская деятельность;
- стремление к объединению;
- демонстрация демократического правления.

«Демонстрация демократического правления» на данный момент связана с пространством города Кванджу. Исторический контекст — восстание в Кванджу 18–27 мая 1980 г. В поддержку Кванджу до или во время избирательных кампаний, а также во время президентства отметились демократы Ким Дэджун, Но Мухён и Мун Джэин.

Триггером к идентификации электората с президентом служит посещение лидером страны памятных мест (спортивный зал, временно исполнявший роль морга в мае 1980 г.; кладбище активистов восстания), возложение цветов и совершение соответствующих церемоний, а также исполнение вместе с жителями города и чиновниками песни, которая называется «Марш за любимого» (*Им-ыль вихан хэджингок*, 1981). Регулярны и упоминания «событий в Кванджу» в дискурсе президента-демократа.

По антияпонской позиции заявление должно быть четким, понятным и безотлагательным. Среди наиболее ярких примеров — Намсан, Дом генерал-губернатора и острова Лианкур (кор. Токто). Проведенный нами анализ «больших данных» *big data* показывает, что отказ президента Ли Мёнбака от четкой позиции по Токто изрядно подорвал доверие электората.

Что касается «стремления к объединению», которое заложено Конституцией РК, то позиция по нему выражена через обращение к пространству острова Чеджудо, а также дуализму гор Пэктусан–Халласан, первая из которых находится на территории КНДР, а вторая — в РК.

Однако подобная риторика «мирного острова» характерна только для президентов-демократов. Поэтому в настоящий момент остров Чеджудо представляет собой курорт, в центральном городе которого расположен Чеджуский исследовательский институт мира; «Чеджуский международный центр мира», который регулярно проводит научные мероприятия, посвященные вопросам мировой медиации и мирного урегулирования ядерной проблемы на Корейском полуострове; а в сравнительной близости открыта военная база, построенная при президенте-консерваторе Пак Кын Хе.

В заключение необходимо сказать, что ценность исследования заключается в возможности на основе южнокорейского примера оценить значение пространства в политической коммуникации с дальнейшей экстраполяцией на иные этнически однородные регионы.

Чимирис Е.С.  
(ВАВТ, Финансовый университет  
при Правительстве РФ, Москва)

## ИНТЕГРАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ СТРАН СНГ — ОПЫТ ТИПОЛОГИИ

Региональная экономическая интеграция — один из трендов, который остается актуальным на постсоветском пространстве как в научном<sup>1</sup>, так и в публичном дискурсе<sup>2</sup>. Способность прогнозировать готовность тех или иных стран к развитию экономической интеграции — важный инструмент, который может не только оказать влияние на экономическую мировую повестку, но и стать поводом для развития конфликтов в политической сфере. Как показал опыт Украины и России в 2014 г., именно экономический договор об интеграции с ЕС стал поводом для развертывания масштабного политического противостояния, которое продолжается до сих пор.

В этой связи важно иметь инструмент, который хотя бы в некоем приближении сможет помочь прогнозировать формирование конфигурации региональной экономической интеграции. В данном исследовании мы предприняли попытку применить метод *Social Network Analysis* для типологизации стратегий стран постсоветского пространства в отношении региональной экономической интеграции.

**Источник данных.** База региональных торговых соглашений ВТО<sup>3</sup>, к сожалению, не дает полной картины существующих договоров. Она включает только соглашения, о которых была проинформирована организация. Типы соглашений: таможенный союз, зона свободной торговли, соглашения ограничен-

<sup>1</sup> Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: Монография / Под общ. ред. Г.И. Осалчей. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. — 374 с.; Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. / Аналитическая записка НП РСМД. 15 июня 2017 г.

<sup>2</sup> Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 03.10.2011. URL: <https://iz.ru/news/502761>.

<sup>3</sup> Regional Trade Agreements. Database. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>.

ного формата (*Partial Scope*), соглашения о свободной торговле (либерализация торговли услугами). Поэтому для данного исследования мы уточнили данные по дополнительным источникам.

**Описание модели соглашений об экономической интеграции на постсоветском пространстве**

В рамках созданной модели показано, как выстраиваются отношения между странами СНГ с учетом существующих экономических договоров. Мы построили модель на основе данных базы ВТО, с дополнением информации о договоре в рамках самого СНГ, а также ГУАМ, которые не были заявлены в ВТО.

Модель позволяет нам выявить существующие стратегии стран СНГ в отношении региональной и внерегиональной интеграции. Показатель центральности (он обозначает количество связей вершины с другими вершинами) в случае нашей модели — это количество соглашений об экономической интеграции, которые действуют у отдельно взятой страны на данный период. Модель показывает распределение центральности от 1 до 0 (табл.).

Таблица

**Степень центральности и направленности экономической интеграции стран СНГ**

Страна	Степень центральности	Связи <i>внутри</i> постсоветского пространства	Связи <i>вне</i> постсоветского пространства
Украина	1.0	13	5
Грузия	0.62	8	5
Россия	0.38	8	1
Армения	0.31	8	1
Молдова	0.31	4	3
Беларусь	0.31	5	1
Кыргызстан	0.25	7	0
Казахстан	0.19	7	0
Узбекистан	0.19	4	0
Туркменистан	0.19	5	0
Азербайджан	0.19	5	0
Таджикистан	0.6	2	0

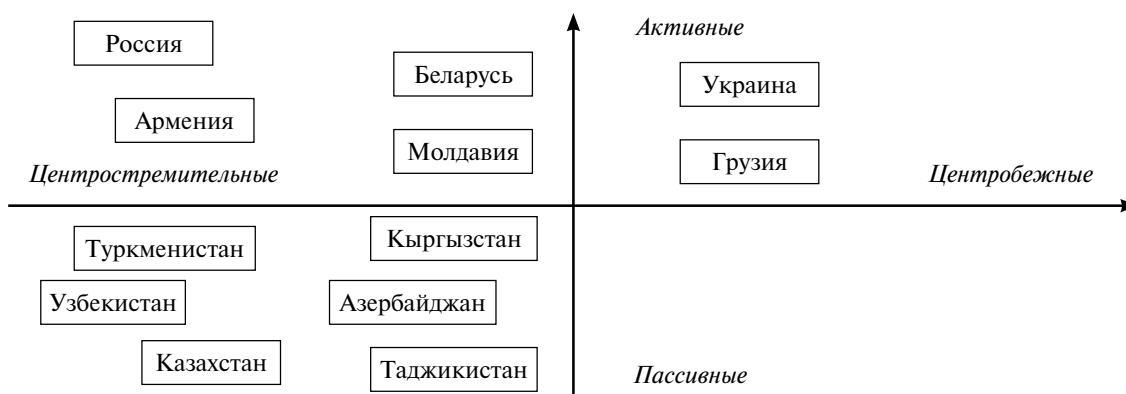
Таким образом, на основе анализа этой модели мы можем выделить группы стран: **Активные и ориентированные вне региона** — Украина, Грузия.

**Пассивные и ориентированные вне региона** — (таких нет)

**Активные и ориентированные внутри региона** — Армения, Россия, Молдова, Беларусь.

**Пассивные и ориентированные внутри региона** — Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан.

На основе полученных показателей мы можем распределить страны постсоветского пространства в системе координат по линиям пассивный — активный и по направлению ориентации вне региона (центробежный) или внутри региона (центростремительный) (рис.).



**Рис.** Модель стратегий государств СНГ в отношении региональной экономической интеграции

\*\*\*

Наиболее «опасную» группу с точки зрения развития экономической интеграции в регионе постсоветского пространства представляют собой пассивные страны, ориентированные внутри региона. В случае работы по активизации их внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии выбор может склониться в сторону как региональной интеграции, так и внерегиональной, если внешние центры притяжения (для стран Центральной Азии и Азербайджана это в первую очередь Турция) предложат более выгодные варианты сотрудничества.

Чирикова А.Е. (ФНИСЦ РАН, Москва),  
Ледяев В.Г. (НИУ ВШЭ, Москва)

## МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН

Муниципальная власть в России, ее структура и ключевые акторы уже на протяжении, как минимум, двух десятилетий являются предметом анализа и академических дискуссий. Однако происходящие в социуме изменения и новые факторы, существенно влияющие на деятельность муниципальных властей, требуют постоянной коррекции наших представлений о том, как работает институт местного самоуправления и какие тенденции наблюдаются в данной сфере.

В настоящей статье представлены три основных сюжета, связанные с происходящими в муниципальной власти изменениями: влияние пандемии, восприятие новой ситуации локальными элитами и мотивация глав муниципальных образований и их команд как ресурс для развития городов. Основной вопрос, на который мы попытаемся дать ответ: возможны ли в настоящих условиях позитивные перемены в деятельности муниципальных властей?

Анализ опирается на результаты эмпирического исследования, проведенного в шести малых городах в Пермском крае, Ивановской и Тамбовской областях. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе было проведено 96 глубинных интервью с представителями локальных и региональных элит и экспертами. На втором этапе в 2018–2020 гг. было проведено 87 интервью, в том числе с теми, кто был проинтервьюирован на первом этапе исследования.

### Муниципальная власть в России в условиях пандемии

Пандемия и последующее вслед за ней ухудшение социально-экономической ситуации привело уже сегодня к повышению нагрузки на муниципальную власть. Это значительно усложняет ее работу сегодня и в дальнейшем. В худшем варианте кризис будет сопровождаться нарастанием уязвимости муниципальных элит, актуализацией их слабых мест («в кризисной ситуации мы тушим пожары») и, как следствие, возрастанием турбулентности муниципальных элит и снижением масштаба планирования. Поступательное развитие в этой ситуации практически невозможно.

Ситуация с вирусом показала, что муниципалитеты в условиях форс-мажора не имеют должных финансовых, человеческих и организационных ресурсов для преодоления неординарных ситуаций. Тем не менее, как полагают наши респонденты, большинство глав городов «действует по возможности», благодаря чему ситуация в городах напряженная, но не катастрофическая.

Основные надежды наши респонденты возлагают на региональные власти (регионалы, разумеется, придерживаются иной точки зрения), но большинство их считает, что со стороны региона «контроля много, а помощи мало».

### Проблемы муниципальной власти вчера и сегодня: оценки локальных элит

Результаты исследования показали, что комплекс проблем малых городов 5–8 лет назад и сегодня остался практически неизменным. Самое главное, что подчеркивают представители городских элит, — это отсутствие у муниципальных властей ресурсов развития, финансовых и кадровых. С этим тесно связана проблема распределения налогов: большая часть собираемых средств отдается наверх, а оставшиеся ресурсы тратятся на выполнение сообязательств, что не оставляет ресурсов для развития города («Мы сегодня муниципалитетам навешали столько обязанностей, а оставили им только НДФЛ. Больше жить им не на что. В результате идет раскардаш»). В числе других проблем наши респонденты чаще всего называют следующие: слабый кадровый потенциал, низкая скорость принятия решений; преобладание неформальных практик во взаимодействии с бизнесом и населением, напряженность в отношениях с властями региона, неудовлетворенность действиями федерального центра. Нерешенность этих проблем, по мнению респондентов, препятствует позитивным переменам, которые если и происходят, то довольно медленно.

### Мотивация глав и их команд как ресурс для развития городов

Поскольку в настоящее время все более отчетливо формируется запрос на лидерство, на первый план выходит мотивация акторов, прежде всего руководителей муниципалитетов. Результаты первого этапа исследования показали, что данного ресурса явно не хватает. Сниженной мотивацией отличались не только главы городов, но и члены их команд. В основе нежелания действовать лежали «страхи ошибки», «боязнь потери работы», а иногда «несогласие с действиями первого лица».

Тем не менее в большинстве городов элиты или вполне, или частично удовлетворены своими главами, полагая, что они действуют вполне заинтересованно и в целом успешно.

Ситуация в изученных нами городах очень разная. Но одним из городов Пермского края стоит особняком. В нем успешно решены кадровые проблемы и сложился довольно прочный союз крупного бизнеса и муниципальных властей, которые совместно вырабатывают стратегию развития города. Ситуация в городе показывает, что позитивные перемены вполне реальны при наличии мотивации и профессионализма основных субъектов локальной политики.

## КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК ЧАСТЬ СТРАТЕГИИ СБЕРЕЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА<sup>1</sup>

Десекуритизация и «политика страха»<sup>2</sup> начинают негативно сказываться на качестве человеческого капитала. Часть людей старается уйти от реальности в виртуальный мир, подавляя психологические травмы с помощью алкоголя, наркотиков, компьютерных игр. Другая — заражена «вирусом агрессивности», которая выходит за рамки социальных групп и национальных границ. В докладе предлагается гипотетическая концепция для анализа психологических эффектов в сфере политики и межгосударственных отношений<sup>3</sup>, опирающаяся на то, что политико-психологические факторы, в частности *Расёмон-эффект* (множественность параллельных «истинных» версий) и *фундаментальная ошибка атрибуции*, помогают более полно описать механизмы возникновения внутривнутриполитических и международных конфликтов в нашем усложняющемся мире.

Расёмон-эффект (*Rashomon effect*) восходит к названию ленты Акиры Куросавы «Ворота Расёмон», снятой по мотивам рассказов Рюноске Акутагавы «Расёмон» и «В чаше». Главные герои излагают версии криминальной драмы, чистую правду, ссылаясь на одни и те же реальные детали преступления. И пропаганда расставляет акценты так, что предлагаемые «правдивые версии» выглядят абсолютно по-разному.

Фундаментальная ошибка атрибуции (под атрибуцией подразумевается «когнитивный процесс понимания и объяснения поведения других людей и своего собственного»<sup>4</sup>; упрощенно говоря, оправдания своего «я» и перенос вины на «другого») в политической сфере заключается в том, что политики и журналисты переоценивают позитивные характеристики «мы-группы» (своей страны), а при оценке поведения «других» приписывают их успехи ситуационным факторам, а неудачи — их недостаткам. Это типичный источник «альтернативной правды» в средствах массовой информации, необъективных суждений и недопонимания.

Для преодоления искажения реальности предлагается инструментарий стратегической эмпатии. Поскольку нельзя избавиться от иллюзии собственной объективности, то можно задаться вопросом: «Почему противная сторона думает или действует именно так?»<sup>5</sup>, а потом — на основе критического анализа полученного знания — скорректировать свою позицию. Неверно смешивать эмпатию с симпатией. Последняя означает неглубокое, хотя, возможно, интенсивное по накалу переживание, благожелательный взгляд на «другого». Карл Роджерс, давая определение эмпатии, подчеркивал, что индивид «как будто становится этим другим, но без потери ощущения “как будто”»<sup>6</sup>. Стратегическая же эмпатия, выступающая в роли средства продвижения стратегических интересов «мы-группы», сфокусирована на эмоционально-когнитивном контакте между «мы-группой» и «они-группой», вживании в мыслительное пространство «они-группы». Если «я» — это «другой» для «другого», то «мой народ» — это «другой» народ для «другого», а *стратегическая эмпатия есть форма ментального сравнения чужих ценностей со своими* для решения стратегических задач. Главное условие успеха в том, что эмпатия вовсе не должна подразумевать сдачу позиций и приводить к заимствованию чужих ценностей, как чуть было не случилось с Россией в конце 1980-х — 1990-х годах из-за беспрецедентных уступок в ожидании от партнеров зеркального ответа.

<sup>1</sup> Доклад подготовлен в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2020-930 от 16.11.2020).

<sup>2</sup> Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Страх как политика // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 8–21.

<sup>3</sup> Современная политическая наука. Методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019; Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2012.

<sup>4</sup> Большой психологический словарь. 4-е изд., расш. / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.; СПб.: АСТ; АСТ-Москва; Прайм-Еврознак, 2008. URL: <https://bookap.info/genpsy/bigdic/gl4.shtm>.

<sup>5</sup> Gilovich Th., Ross L. The Wisest One in the Room: How You Can Benefit from Social Psychology's Most Powerful Insights. Simon and Schuster, 2015.

<sup>6</sup> Роджерс К. Эмпатия // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 274.

Чугунов А.В., Панфилов Г.О.  
(Университет ИТМО, Санкт-Петербург)

## МОНИТОРИНГ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В докладе представлены результаты второй волны мониторингового исследования ресурсов электронного участия в России, которое проводилось Центром технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО в январе–феврале 2021 г.

В рамках мониторингового исследования проанализированы ресурсы регионального и муниципального уровней, которые относятся к одному из шести каналов электронного участия: (1) «открытый бюджет»; (2) инициативное бюджетирование; (3) электронные петиции; (4) электронные голосования; (5) сообщения о проблемах; (6) краудсорсинг.

Исследование проводилось по методике, разработанной в 2019 г. и основанной на системном подходе. Каналы электронного участия оценивались по пяти критериям: (1) открытость; (2) доступность; (3) принятие решений; (4) качество обратной связи и (5) специальные требования.

Общее количество выявленных региональных каналов электронного участия увеличилось с 198 в 2020 г. до 209 в 2021 г. На муниципальном уровне (муниципалитеты–столицы регионов) количество каналов, наоборот, сократилось со 155 до 148. Средний балл по-прежнему является более высоким у ресурсов регионального уровня (12 баллов), чем муниципального (10). В наибольшей степени эта разница ощутима в каналах о бюджете и сообщениях о проблемах.

Каналом электронного участия с наибольшим охватом регионов (100%) по-прежнему являются системы типа «Открытый бюджет». Этот канал функционирует в каждом из 85 регионов. Общее количество каналов этого типа увеличилось с 83 до 84 на региональном и с 77 до 80 — на муниципальном уровне.

Второе место по охвату регионов занял канал сообщений о проблемах, обогнав инициативное бюджетирование, занявшее второе место в 2020 г. Количество каналов этого типа на уровне регионов увеличилось с 30 до 37, а в городах-столицах сократилось с 20 до 19. Таким образом, общий охват составил 47 регионов (55%). Средний набранный балл увеличился на 2.

На третьем месте, уменьшив свой охват на 17 регионов (20%), оказались каналы инициативного бюджетирования. Количество каналов этого типа уменьшилось с 51 до 38 на уровне регионов и с 25 до 16 — на уровне городов. Средний балл увеличился на 3 на региональном уровне (прежде всего, за счет ликвидации части ресурсов низкого качества), на муниципальном — остался без изменений.

На четвертом месте оказались электронные голосования. Возможность проголосовать за проекты благоустройства и другие инициативы власти сегодня имеют жители 24 регионов (увеличилось на 11) и 17 административных центров регионов (сократилось на 3). Общий охват регионов каналом участия данного типа увеличился на 6 и составил 34 региона (40%). Средний балл уменьшился на 1 у каналов обоих уровней.

Пятое место занял канал подачи электронных инициатив. Возможность отправить на рассмотрение в органы власти собственный проект реализована в 12 регионах и 10 городах-столицах. Общий охват регионов увеличился на 4 по отношению к прошлому году, составив 21 регион. Средний балл на региональном уровне не изменился, а на муниципальном — уменьшился на 3 балла.

Последнее, шестое место занял канал «краудсорсинг», предполагающий возможность кооперации людей для различной активности через электронный ресурс. Сегодня этот канал реализован всего в 12 субъектах и 6 городах. Общий охват увеличился с 13 регионов в 2020 г. до 17 регионов в 2021 г. Средний балл на региональном уровне не изменился, на муниципальном — уменьшился на один.

В 2020 г. в России начала разворачиваться вертикально организованная сеть Центров управления регионами (ЦУР) и появился новый комплексный канал «Платформа обратной связи» (ПОС), интегрирующий в себя такие каналы, как сообщения о проблемах, обращения граждан и электронные голосования.

В связи с этими изменениями было решено дополнить исследование мониторингом размещения виджетов для перехода на Платформу обратной связи ЕПГУ («Госуслуги. Решаем вместе») и провести пилотное исследование по трем направлениям:

- PR-составляющая — пресс-релизы об открытии и промежуточных результатах работы ЦУР и создании ПОС в новостных ресурсах и на сайтах органов власти;
- институциональная составляющая — определение регионального органа власти, ответственного за создание ЦУР и поиск нормативно-правовых актов, регулирующих отношения, связанные с созданием и функционированием ЦУР;
- кадровая составляющая — поиск информации о руководителях, ответственных за создание ЦУР, — куратора на уровне высшего руководства региона (ответственный вице-губернатор и т.п.) и непосредственного руководителя регионального ЦУР.

В рамках пилотного исследования выявлялась в том числе связь ответственных органов исполнительной власти и руководства ЦУР с курированием процессов цифровизации в регионе, а также

степень активности региональных ЦУР в публичном пространстве на основании пресс-релизов и онлайн-публикаций.

Рабочая группа исследовательского проекта, помимо обследования открытых источников, в начале 2021 г. провела консультации с представителями АНО «Диалог. Регионы», в результате чего было установлено рабочее взаимодействие и получен массив данных с показателями активности региональных ЦУР. В докладе будут более подробно представлены результаты исследования.

Коллектив исследователей планирует продолжение ежегодного мониторинга и совершенствование методики оценки каналов электронного участия в регионах Российской Федерации.

Чумиков А.Н.  
(МГЛУ, Москва)

## COVID-19 И ЛОББИСТСКАЯ АКТИВНОСТЬ

Вредоносность пандемии коронавируса, охватившей человечество в конце второго — начале третьего десятилетия XXI в., коснулась не только здоровья населения. Локдауны — режимы ограничения в свободе передвижения людей, работе различных учреждений, которые вводятся государством во время стихийных бедствий и эпидемий, означают негативные последствия для экономики в целом и, естественно, для большинства конкретных предприятий, которым грозят спад производства, замедление темпов экономического роста, финансовые потери.

Согласно опросу Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) весной 2020 г., около 70% предпринимателей в России ожидали максимально негативного влияния COVID-19 на экономику страны. 85% респондентов заявили об ухудшении финансовых показателей их предприятий из-за коронавируса. Последствия пандемии острее других ощутили компании, где число сотрудников не превышало 100 человек. 73% респондентов заявили, что нуждаются в государственной поддержке. Ситуация сопровождалась беспрецедентными лоббистскими усилиями отдельных предприятий, а также целых отраслей с запросами государственной поддержки. Они выражались даже в заголовках СМИ. Так, одна из статей влиятельной газеты «Коммерсантъ» называлась «Предприниматели считают, что от коронавируса больше всего пострадают общепит и туризм» («Коммерсантъ» от 06.04.2020).

Своеобразным результатом GR-усилий стало определение государством одиннадцати приоритетных отраслей для оказания помощи, среди них авиаперевозки, туризм, выставочная деятельность, гостиницы, общественное питание, культура и спорт, бытовые услуги, фармацевтическое и медицинское производство и др. Для этих отраслей предусматривались льготные кредиты и гранты на выплату зарплат; отсрочка налоговых, страховых, арендных платежей; снижение административной нагрузки и непроизводительных издержек бизнеса. Закладывались меры поддержки для регионов, столкнувшихся с падением доходов; системообразующих предприятий в 70 секторах экономики; формировались механизмы защиты от банкротства для ряда организаций<sup>1</sup>.

Как отмечали в своем блоге эксперты лондонской школы экономики (LSE), в европейских и американских странах COVID-19 рассматривался многими как самый большой глобальный кризис со времен Второй мировой войны. Это побудило заинтересованные группы бизнеса мобилизовать свои лоббистские усилия. Несмотря на то что социальное дистанцирование резко сократило возможности взаимодействия инфлюенсеров лицом к лицу с принимающими решения людьми, расходы на GR увеличились и достигли рекордного уровня. По данным обязательной отчетности, около 500 групп интересов и фирм провели встречи с комиссарами ЕС и высокопоставленными государственными служащими Комиссии, лоббируя свои интересы в условиях пандемии: причем фиксировались только те контакты, где в тематическом описании упоминались слова «covid» или «corona».

В США первостепенное внимание было уделено лоббированию преференций в рамках Закона о помощи, чрезвычайной помощи и экономической безопасности в связи с коронавирусом (*CARES Act* — с англ. «Закон о заботе», принят 116-м Конгрессом США и подписан президентом Д. Трампом 27 марта 2020 г.), предполагающего поддержку организаций и граждан в объеме 2,2 трлн долл. в ответ на экономические последствия пандемии<sup>2</sup>.

Анализ российских и зарубежных прецедентов позволяет сделать вывод о том, что лоббистские усилия являются перманентно востребованными в текущей государственной деятельности и усиливаются в период сложных ситуаций, связанных с финансовыми потерями или приобретениями.

<sup>1</sup> План преодоления последствий коронавирусной инфекции // Портал Минпромторга России [minpromtorg.gov.ru](http://minpromtorg.gov.ru). URL: [http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!plan\\_preodoleniya\\_ekonomicheskikh\\_posledstviy\\_novoy\\_koronavirusnoy\\_infekc](http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!plan_preodoleniya_ekonomicheskikh_posledstviy_novoy_koronavirusnoy_infekc) (дата обращения: 21.06.2021).

<sup>2</sup> How has COVID-19 changed lobbying activity across Europe? // Blog Team. 2020. June 17 // Блог Лондонской школы экономики. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2020/06/17/how-has-covid-19-changed-lobbying-activity-across-europe/> (accessed: 21.06.2021).

Чупрова Д.А. (независимый исследователь, Москва),  
Бондарев М.Д. (АНО ЭИСИ, Москва)

**АНАЛИЗ ВОЗДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ  
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ  
НА НАЦИОНАЛЬНУЮ СТРАТЕГИЮ И ТАКТИКУ  
КОРПОРАТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ  
ПО ФОРМИРОВАНИЮ ОТРАСЛЕВОГО ГОСРЕГУЛИРОВАНИЯ  
(ОПЫТ ЛОББИСТСКОЙ КАМПАНИИ РУСАЛА  
ПО ВВЕДЕНИЮ УГЛЕРОДНОГО НАЛОГА)**

**В** современных условиях крупный бизнес стремится все более активно воздействовать на процессы формирования отраслевой государственной политики и реализации значимых политико-управленческих решений. Одновременно возрастает и влияние международных отраслевых трендов на внешнюю среду крупных компаний, которые по мере расширения масштабов своей деятельности сталкиваются с многочисленными режимами национального и наднационального регулирования.

Инструментом реагирования и воздействия на указанные процессы является корпоративная политическая активность, объединяющая всю совокупность форм и методов участия субъектов бизнеса в политическом процессе. Причины вовлечения в подобную активность обусловлены желанием и возможностью компаний улучшить свои финансово-экономические показатели, снизить регуляторные издержки и упрочить позиции в стране ведения бизнеса за счет своевременного отслеживания и предвосхищения значимых изменений в области государственного регулирования и системе принятия политико-управленческих решений. Иными словами, последовательная и планомерная работа в политической сфере может способствовать достижению экономических результатов внеэкономическими средствами — прежде всего, за счет извлечения дополнительной политической ренты.

Тот факт, что на практике участие крупного бизнеса в политическом процессе главным образом проявляется в легальном лоббировании своих интересов в профильных сферах регуляторной политики, обуславливает актуальность обозначенной проблематики, которая связана с необходимостью выявления и анализа комплексного механизма воздействия крупного бизнеса на отраслевую политику государств.

При этом только совмещение нескольких теоретико-методологических подходов (бихевиорализм, теория рационального выбора, неоинституционализм, сетевой подход) позволяет комплексно рассмотреть различные аспекты корпоративного реагирования на воздействие внешней, нерыночной среды путем осуществления корпоративной политической активности, которая распадается на стратегию политической деятельности (по производству статуса и ренты) и необходимую для ее реализации тактику политического поведения (по маневрированию в организационно-сетевом поле стейкхолдеров). Так, бихевиорализм и теория рационального выбора как «активистские» подходы позволяют выявить внутренние факторы (ценности, интересы, мотивы, установки), которые оказывают влияние на то, как и какие решения принимают ответственные лица компании. В свою очередь, «холистские» подходы — неоинституционализм и сетевой подход — акцентируют внимание на формальных и неформальных структурных факторах, задающих рамки для профильной и сопутствующей деятельности организации. Более того, совмещение указанных подходов дает возможность рассмотреть и проанализировать «макро- и микропереходы» от результатов воздействия макрофакторов внешней среды к конкретной стратегии и тактике микроакторов, в роли которых выступают отдельные компании, а также обратные «микро- и макропереходы», когда действия конкретной фирмы запускают сложный многоступенчатый процесс согласования интересов множества стейкхолдеров, зачастую находящихся в противоречивых отношениях, который выливается в серьезные изменения на государственном (в отдельных кейсах — и на надгосударственном) уровне.

Учитывая наличие специфических содержательных и технологических особенностей процессов лоббирования в различных отраслях, предметное поле исследования ограничивается анализом и реконструкцией конкретной политико-управленческой ситуации, связанной с действиями отечественной алюминиевой компании «РУСАЛ» в рамках лоббистской кампании по введению углеродного налога в России (2015–2021 гг.). Выбранная кампания интересна, как минимум, по двум причинам. Во-первых, в связи со значимостью вопросов формирования национальной системы углеродного регулирования, дискуссия о чем была подстегнута мировым трендом на декарбонизацию экономики. Во-вторых, усилиями РУСАЛа по эксплуатации международной среды в интересах продвижения выгодного для него варианта регулирования выбросов парниковых газов в национальном политико-правовом ландшафте.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СОЮЗ, ФЕДЕРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО  
И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ**

З аключительную часть «Учения о конституции» Карл Шмитт посвящает федерации<sup>1</sup>. Здесь он обращается к дебатам о статусе штатов и федеральной политике, происходившими в США в первой половине XIX в. Шмитт отвергает решение Калхуна, который отстаивал суверенитет штатов. Одновременно Шмитт опровергает аргументы Вебстера и Линкольна, которые утверждали, что суверенитет принадлежит федеральной политике в целом. Шмитт предлагает третье решение: в федеральной политике вопрос о суверенитете должен оставаться неразрешенным.

Воплотиться в жизнь такое решение может благодаря «конституционному договору». Независимые суверенные государства заключают договор и становятся членами федеральной политики, не теряя при этом своего суверенного статуса. Конституционный договор становится частью их конституций, при этом последние не находятся с конституционным договором в отношениях иерархии. Образовавшаяся федеральная политика может вмешиваться в дела своих членов в пределах, оговоренных в конституционном договоре. Федеральная политика также приобретает *jus belli*.

С одной стороны, описанная схема кажется отходом от прежней аргументации Шмитта, согласно которой конституция есть продукт воли суверена. Кроме того, не ясно, кто будет финальным арбитром в вопросах вмешательства федеральной политики в дела своих членов. С другой стороны, именно отсутствие решения суверена в основании конституционного договора, а также отсутствие определенной инстанции, разрешающей споры между федеральной политикой и ее членами, составляет суть федерации. Если бы такая инстанция существовала, то нерешенный вопрос об источнике суверенитета, лежащий в основе федерации, был бы разрешен.

При этом Шмитт признает, что вопрос об источнике суверенитета не должен переходить в экзистенциальный конфликт между федерацией и ее членами. Возникновение такого конфликта и его разрешение также ведут к снятию указанного вопроса и превращению союза либо в федеративное государство (которым стали, согласно Шмитту, США в результате гражданской войны), либо в совокупность не связанных друг с другом суверенных государств. Превращение вопроса об источнике суверенитета в экзистенциальный конфликт можно избежать, если члены федерации будут гомогенны в аспекте политической организации, а также в аспектах классовой организации, религиозных представлений и т.д.

Через 45 лет после выхода фундаментальной работы Шмитта в свет вышла статья Патрика Райли «Истоки федеративной теории в концепции международных отношений», в которой рассматривается вопрос о нестабильности федеративных государств, проявляющейся в моменты политических кризисов<sup>2</sup>. Согласно Райли, источником этой нестабильности (речь в первую очередь о возникновении вопроса сецессии) является представление о том, что члены федеративного государства обладают суверенитетом наряду с самим федеративным государством. Райли прослеживает, как идея федеративных государств родилась из идеи правления «смешанного характера», предложенной авторами Американской конституции. В свою очередь, концепция правления «смешанного характера... ни национальной, ни федеральной Конституции, но сплава обеих» была создана благодаря наложению идей, взятых из сферы международных отношений, на идеал национального государства. Проблема с этим теоретическим ходом, согласно Райли, в том, что он склоняет нас видеть в членах федеративного государства независимые политики. Таким образом, несмотря на то что в федеративном государстве вопрос о суверенитете, согласно Шмитту, разрешен; несмотря на то что в них есть «арбитр» (верховный суд, конституционный суд и т.п.), в момент политического кризиса мы можем столкнуться с тем, что члены федеративного государства вспомнят о своем — спрятанном на какое-то время под сукно — суверенном статусе. Таков аргумент Райли.

Итак, в нашем докладе мы хотели бы обозначить напряжение между двумя подходами. С одной стороны, Шмитт считает, что нерешенность вопроса об источнике суверенитета является основанием федерации. Он замечает, что при отсутствии гомогенности между членами федерации такой вопрос может превратиться в экзистенциальный конфликт. С другой стороны, Райли показывает, что даже после разрешения указанного вопроса и после превращения федерации в федеративное государство экзистенциальный конфликт между федерацией и ее членами может возобновиться в условиях политического кризиса. В чем именно может быть причина экзистенциального конфликта в данном случае? Мы попробуем наметить направление, в котором можно решать эту задачу.

<sup>1</sup> Schmitt C. Constitutional Theory. Durham: NC, 2008. P. 379–409.

<sup>2</sup> Riley P. The Origins of Federal Theory in International Relations Ideas // Polity. 1973. Vol. 6. No. 1. P. 87–121.



Шабров О.Ф.  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## СОЦИАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ КАК ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Принято рассматривать эффективность управления как степень достижения поставленной цели. Разнообразные методики анализа эффективности государственного управления сводятся в конечном счете к соотношению степени достижения цели и затрат<sup>1</sup>, свойственному менеджеристскому подходу. Между тем нередко бывает, что достижение цели вступает в противоречие с более высокими ценностями, — к примеру, со стабильностью и развитием общественной системы, с положением человека в обществе и др. Это может быть результатом несоответствия поставленных целей объективным законам развития общественных систем, противоречия между интересами правящей элиты и общества, а возможно, и умысла управляющих.

Сегодня проблема эффективности приобрела новое звучание. Явно обозначился ряд противоречий, с которыми столкнулось государственное управление в условиях информационного общества и глобализации. Это, прежде всего, противоречие между целями элит, национальных и глобальных, и развитием общественных систем. Изъян представления об эффективности управления как степени достижения цели становится все более эффективным, что делает необходимым обратиться к иным критериям, которые дает кибернетический подход, для которого на первый план выходит проблема стабильности.

Условием и критерием развития систем, понимаемого как противоположность деградации, является их усложнение, повышение степени разнообразия. Ключевым преимуществом человеческих сообществ перед другими природными системами является способность к быстрому накоплению разнообразия посредством коллективной памяти, а также осознанного целеполагания и управления.

К концу XX столетия степень разнообразия общественных систем стала нарастать лавинообразно. К технологическому скачку добавились процессы трансграничной коммуникации по сетям Интернета, массовой миграции, роста объема научных знаний и др. Обратной стороной роста социального разнообразия становится ослабление возможностей эффективного социального управления в связи с действием принципа необходимого разнообразия<sup>2</sup>: для достижения целей управления управляющая подсистема по степени разнообразия должна превосходить управляемую. До сих пор проблема соотношения разнообразий решалась за счет повышения степени разнообразия механизма государственного управления — демократизации, роста числа чиновников и т.п. Сегодня этот ресурс, по-видимому, близок к исчерпанию: становится все более очевидным, что общественные системы становятся все менее способными адаптироваться к вызовам природной среды, социальных и межкультурных конфликтов.

К этому добавляется естественная глобализация целого ряда проблем и явлений, ответом на которую должны, казалось бы, стать совместная целенаправленная деятельность, глобальное управление. Но чтобы это управление было эффективным, необходимо сделать так, чтобы степень разнообразия глобальных управляющих подсистем стала выше, чем степень разнообразия человечества. А это вступает в противоречие с фундаментальным пределом повышения степени разнообразия всякой подсистемы, в том числе управляющей, «принципом хрупкости хорошего»: чем сложнее организация системы, тем более вероятна потеря ее устойчивости<sup>3</sup>.

Между тем информационное общество предоставило в распоряжение правящих элит невиданное прежде средство управления: Интернет в сочетании с технологиями *dig data*. Казалось бы, ставшее доступным людям море информации должно вести к усложнению, а значит, и к развитию социальных систем. Но одновременно сложность ориентироваться в безграничном информационном потоке дала возможность эффективнее, чем средствами прежних СМИ, манипулировать общественным сознанием, не только увлекая ложными способами удовлетворения потребностей, но и формируя сами потребности. Как верно заметил М. Дин, «либеральная власть превратила свободу в техническое средство управления»<sup>4</sup>. Это равносильно радикальному упрощению общественных систем и самих людей, а значит, к их деградации.

<sup>1</sup> См., например: Каминский В.С. Эффективность государственного управления: анализ основных методик // Society and Security Insights. 2019. № 4. С. 13–33.

<sup>2</sup> См.: Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959.

<sup>3</sup> См.: Левантовский Л.В. Особенности границы области устойчивости // Функциональный анализ и его приложения. 1982. Т. 16. Вып. 1.

<sup>4</sup> Дин М. Правительственность: власть и правление в современных обществах. М.: Дело, 2016. С. 518.

Шадже А.Ю.  
(Адыгейский государственный университет, Майкоп)

## РЕСУРС ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СЛОЖНОЙ РЕАЛЬНОСТИ<sup>1</sup>

В условиях меняющегося мира вновь актуализируется проблема идентичности, в частности идентичности молодежи. Для характеристики формирующейся новой реальности ввели термин «нормальная реальность», который не дает понимания содержания и не наполнен ценностным смыслом.

Встают вопросы: «Не мы ли создаем эту “нормальную реальность”, в условиях которой формируется духовность молодежи и конструируется идентичность? Не мы ли наполняем ценностное содержание происходящих изменений?» В этом контексте встают проблемы в развитии духовности молодежи, требующие нового осмысления, новых исследовательских подходов к политике идентичности.

В последние годы наметились новые исследовательские подходы к идентичности. Так, методологический аспект реализуется в области междисциплинарности и полипарадигмальности; переосмысливается классическое определение идентичности Э. Эриксона; в исследовательской практике признается конструктивистско-инструменталистский подход; аргументируется упругий характер этнической идентичности и т.д.

Оценивая ситуацию в этой области, И.С. Семененко отмечает, что «политика идентичности успешно используется как инструмент негативной политической мобилизации, но отнюдь не как инструмент политики развития. Оценка возможностей и ограничений интеграции политики идентичности в контексте политики развития остается актуальной научной задачей»<sup>2</sup>.

Важно отметить и то, что молодежь активно осмысливает происходящие новые процессы. Современная молодежь отличается от молодежи 1990-х годов по уровню рефлексии происходящих изменений и определения путей самореализации. Она представляет собой открытую сложную систему, она не может закрыть свою энергию, свое идентификационное пространство, свое «Я». Кроме того, следует учесть, что развитие молодежи осуществляется в условиях неопределенности и рисков, современных вызовов глобализации. Изменение/ускорение социокультурных процессов, экономические и политические кризисы отражаются на формировании идентичности молодежи; управление обществом в условиях пандемии изменило отношение/доверие к власти. На это указывает и наше исследование.

Осмысление политики идентичности региональных сообществ Республики Адыгея и Краснодарского края в условиях глобальной пандемии показывает, что трансформировались методы управления/направления идентификационных процессов. Это обусловлено тем, что в условиях современных глобальных вызовов в идентификационное пространство молодежи активно вторгается цифровизация, подменяя естественные процессы идентификации искусственными, и влечет разрушение тех объединяющих начал, благодаря которым держится единство и сплоченность российского общества.

В духовном мире молодежи власть/политика идентичности должны изменить векторную направленность своей деятельности, подчинив ее выявлению ценностного смысла/ресурса новых видов идентичности и направлению объединения и сплоченности региональных сообществ.

Сегодня мы живем в обществе, где произошла резкая социальная дифференциация, дезориентация, деморализация и политизация. В нем молодого человека сломать очень легко. Куда сложнее его взрастить здоровым и сильным, дарящим людям и обществу свет знаний, добро и любовь, плодоносящим духовно. Для этого нужно укреплять живительной силой и питательной средой. А питательная среда — это каждый из нас и все мы вместе. Смысл нашей жизни — не дать погибнуть молодым, пронизать и увлечь их духовно, помочь им в обретении вечных ценностей, неподвластных времени и разным эпохам.

В условиях сложной реальности и высокой степени неопределенности представляется перспективным дальнейшее исследование молодежной политики, политики идентичности, ресурса идентичности такого социального капитала, как доверие, совмещающая «мягкое управление» обществом и направление молодежи в условиях современных глобальных рисков.

<sup>1</sup> Исследование проведено в рамках проекта РФФИ и ЭИСИ, проект № 20-011-31523 «Взаимодействие власти и общества в условиях нового глобального риска: тенденции (дез)интеграции (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края)».

<sup>2</sup> Семененко И.С. Политика идентичности в современном научном дискурсе: перспективные направления исследований // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы: Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020, Москва, МПГУ, 27–28 ноября 2020 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунуова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Изд-во МПГУ, 2020. С. 480–481.

Шалаев Н.Е.  
(СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург)

## ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ БЛИЗОСТЬ И СХОЖЕСТЬ ЭЛЕКТОРАТА: ИЗМЕНЯЕТСЯ ЛИ РАЗНИЦА В ПОВЕДЕНИИ С УВЕЛИЧЕНИЕМ РАССТОЯНИЯ МЕЖДУ ГРУППАМИ ЭЛЕКТОРАТА?

Электоральная география является классическим подходом, успешно зарекомендовавшим себя в электоральных исследованиях и традиционно применяющимся как в анализе результатов голосования, так и в построении прогнозов. Однако в наиболее распространенном виде географический подход выступает как источник дополнительных сведений об электорате и как способ визуализации результатов голосования, обходя стороной специфические вопросы, связанные с положением изучаемых объектов в пространстве. Известное выражение отца электоральной географии Андре Зигфрида «гранит родит священника, а известняк — учителя» устанавливало связь между свойствами регионов и характером электорального процесса в них, но ничего не говорило о роли расположения самих регионов в пространстве и относительно друг друга — и в этом смысле задало тон большинства работ с применением географического подхода.

Однако существуют и работы, в которых географическому фактору отводится роль не только дополнительного источника сведений описательного характера, но и полноценной независимой переменной. Так, в исследовании К. Арцхаймера и Дж. Эванс 2012 г. была рассмотрена роль, которую играет географическое расстояние между кандидатом и его округом на выборах в парламент Великобритании<sup>1</sup>: при прочих равных живущий ближе к избирателю кандидат действительно получает больше голосов. Аналогичные результаты были получены коллективом исследователей под руководством С. Орфорда на материале местных и парламентских выборов в Великобритании<sup>2</sup>. В работе Д. Виллумсена было показано, что существует связь удаленности округа от места расположения представительного органа (Вестминстера) и поведения избранного депутата, т.е. связь удаленности и характера представительства<sup>3</sup>. Была найдена связь между географическим удалением кандидатов от округа и внутривнутрипартийной конкуренцией и в Финляндии<sup>4</sup>. Существуют и работы, в которых вопрос о влиянии географической дистанции на свойства электорального поведения ставился с точки зрения поиска универсальных закономерностей<sup>5</sup>. Разумеется, есть и исследования, в которых вопрос дистанции носит локальный характер, в особенности в контексте вопроса о размещении участков для голосования в США и их доступности для электората.

Увеличившийся в последние годы интерес к поиску в электоральной статистике данных, которые могут быть использованы для выявления искажения результатов голосования, заставил обратить внимание и на географический фактор. И в этой связи появилась идея о том, что географически близкие группы электората не должны демонстрировать большой разницы в характеристиках своего поведения (уровне явки, уровне поддержки партий и кандидатов и т.п.). Однако вопрос о том, действительно ли соседи склонны голосовать однообразно, по-прежнему носит преимущественно публицистический характер.

В рамках данной работы была предпринята попытка на материале стран Балтии определить, действительно ли свойства электорального поведения изменяются по мере географического удаления групп электората друг от друга. В качестве географической привязки избирателей были использованы координаты избирательных участков, а исследуемыми свойствами поведения стали явка и уровень поддержки партий на парламентских выборах. Результаты обработки данных по всем участкам в Эстонии и Литве показали статистически значимую связь между увеличением расстояния и расхождением характеристик электорального поведения, хотя общая объяснительная сила модели оказалась невысока в силу наличия множественных локальных максимумов значений исследуемых переменных, что указало на перспективность именно «локального» подхода с ограничением географических рамок.

<sup>1</sup> *Arzheimer K., Evans J.* Geolocation and voting: Candidate-voter distance effects on party choice in the 2010 UK general election in England. // *Political Geography*. 2012. Vol. 31. P. 301–310.

<sup>2</sup> *Orford S., Rallings C., Thrasher M., Borisyuk G.* Investigating differences in electoral turnout: the influence of ward-level context on participation in local and parliamentary elections in Britain // *Environment and Planning A*. 2008. Vol. 40 (5). P. 1250–1268; *Orford S., Rallings C., Thrasher M., Borisyuk G.* Changes in the probability of voter turnout when resiting polling stations: a case study in Brent, UK // *Environment and Planning C*. 2011. Vol. 29. P. 149–169.

<sup>3</sup> *Willumsen D.M.* So far away from me? The effect of geographical distance on representation // *West European Politics*. 2019. Vol. 42 (3). P. 645–669.

<sup>4</sup> *Put G.-J., von Schoultz Å., Isotalo V.* Fighting over friends and neighbors: The effect of inter-candidate geographic distance on intra-party competition // *Political Geography*. 2020. Vol. 81. P. 102–219.

<sup>5</sup> *Borghesi C., Bouchaud J.-P.* Spatial correlations in vote statistics: a diffusive field model for decision-making // *Eur. Phys. J. B*. 2010. Vol. 75. P. 395–404.

## США И АФГАНСКИЙ МИРНЫЙ ПРОЦЕСС

Вступая в новое десятилетие, Америка сталкивается с комплексными внешнеполитическими и внутривнутриполитическими вызовами. Соединенным Штатам приходится действовать во все более конкурентной среде. Во всех сферах мировой политики обостряется соперничество различных центров силы, меняются их стратегические приоритеты и материальные возможности. В условиях девестернизации международной системы в американском экспертном сообществе интенсифицируются дискуссии о роли США в быстроменяющемся и турбулентном мире. Утрачивая абсолютное преобладание в международной системе, США ужесточают реакцию на происходящие трансформации и активизируют попытки замедлить процесс уменьшения своей роли в мировой политике. В условиях усложнения международно-политических проблем Вашингтон наращивает усилия с целью высвобождения ресурсов для их преодоления. В частности, США стремятся минимизировать вовлеченность в конфликты на периферии мировой системы, отвлекающие их внимание и ресурсы от решения наиболее приоритетных внешнеполитических задач. Яркой иллюстрацией служат энергичные действия США, направленные на окончание войны в Афганистане, которая стала самой продолжительной войной в американской истории.

В период правления республиканской администрации Д. Трампа (2017–2020 гг.) афганское урегулирование впервые стало рассматриваться в качестве направления, требующего активного и сфокусированного приложения усилий американской дипломатии. Предыдущие попытки достичь компромисса с Талибаном, предпринимавшиеся с 2010 г., носили спорадический характер. Выполнение сложной дипломатической задачи — достижение договоренности с талибами — было поручено опытному дипломату З. Халилзад. В сентябре 2018 г. он был назначен на пост спецпредставителя Госдепартамента США по афганскому примирению. Активные действия американской дипломатии на афганском треке были обусловлены изменениями внешнеполитических приоритетов США (в первую очередь переориентацией на стратегическую конкуренцию с Китаем и Россией), а также необходимостью концентрации ресурсов на ключевых направлениях (прежде всего в Азии, которая становится основной ареной междержавного соперничества). Кроме того, Трамп намеревался использовать окончание афганской войны в качестве одного из значимых результатов своего президентства.

В ходе избирательной кампании 2020 г. Трамп реактуализировал обещание завершить «бесконечные войны». Его соперник — кандидат от Демократической партии Дж. Байден — также высказался за минимизацию вовлеченности США в региональные конфликты. Будучи противником крупных военных кампаний за рубежом, он выступает за проведение ограниченных контртеррористических операций с участием небольшого контингента американского спецназа. С приходом в Белый дом Байден реализовал намерение вывести боевые подразделения из Афганистана, о котором он заявил в ходе предвыборной кампании. С целью достижения устойчивого урегулирования конфликта президент Байден акцентирует необходимость активного дипломатического содействия запуску содержательных межафганских переговоров, а также продолжающейся поддержки Афганистана со стороны региональных и внерегиональных держав.

Напряженные переговоры между Халилзадом и представителями Талибана, в которых не участвовало кабульское правительство, завершились подписанием в феврале 2020 г. соглашения об установлении мира в Афганистане. Соглашение предусматривало полный вывод иностранных контингентов в течение 14 месяцев. В соглашении зафиксированы контртеррористические гарантии Талибана, направленные на предотвращение использования территории Афганистана индивидами или группировками, включая «Аль-Каиду», в целях, представляющих угрозу безопасности США и их союзников. Согласно тексту соглашения, решение комплекса вопросов, связанных с постконфликтным обустройством Афганистана, осуществляется в ходе прямых межафганских переговоров.

Несмотря на размытость ряда ключевых положений и асимметричный характер договоренностей, обусловленный значительными уступками Вашингтона, заключение соглашения способствовало запуску межафганских переговоров в сентябре 2020 г. Однако затянувшееся обсуждение процедурных вопросов тормозило переход сторон к субстантивному диалогу. Продолжающийся после подписания соглашения рост вооруженного насилия на фоне вывода коалиционных сил препятствовал формированию условий для результативных переговоров.

Достижение договоренностей потребует от сторон проявить гибкость и готовность к поиску компромиссов. Усиливается необходимость тесной координации действий региональных и внерегиональных держав с целью придания устойчивости межафганскому мирному процессу, долгосрочной стабилизации Афганистана и обеспечения безопасности в регионе. Независимо от дальнейшей реализации планов редукции вовлеченности США в конфликтную ситуацию в Афганистане Вашингтон заинтере-

сован в поддержке умеренного политического режима в этой стране, способного обеспечить безопасность с ограниченной внешней помощью.

*Шаповалов В.Л., Шестакова М.Н.  
(МГИМО МИД России, Москва)*

## **К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЗАЦИИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО КАЧЕСТВУ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ<sup>1</sup>**

**Д**ля более глубокого понимания социально-экономических и общественно-политических процессов, происходящих в стране в целом и в отдельных регионах, крайне важным является изучение региональных элит.

Различные аспекты данной темы привлекали значительный интерес отечественных исследователей. Изучению современных политических элит посвящены работы Г.К. Ашина, О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Дуки, А.М. Понделкова. Анализ политико-психологических аспектов функционирования политических элит представлен в исследованиях Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. Региональные политические режимы являются объектом изучения Р.Ф. Туровского, Н.В. Гришина. Специфика деятельности региональных политических институтов рассматривалась А.Ю. Сунгуровым, А.В. Кыневым. Типологизация и особенности измерения политических систем и режимов в регионе стали предметом научного интереса Ю.О. Гайворонского, А.В. Баранова, А.В. Соколова, И.В. Орловой, А.М. Барсукова и др.

В то же самое время сравнение российских регионов с точки зрения состава политических элит, кластеризация и типологизация регионов по этому показателю пока не привлекала пристального внимания отечественных исследователей. Данная работа призвана восполнить существующий пробел.

Объектом исследования является качественный состав региональных политических элит. Предметом исследования является анализ влияния институциональных изменений на персональный состав депутатов законодательных собраний субъектов Российской Федерации. Для оценки качества и операционализации выбраны следующие параметры: пол, возраст, образование, социально-профессиональная принадлежность, партийная принадлежность, срок депутатской деятельности.

В 2010–2021 гг. в российской политической системе произошел ряд институциональных изменений, оказавших влияние на конфигурацию политических элит, в том числе на региональном уровне. К данным изменениям необходимо отнести политические преобразования 2012 г., а также конституционную реформу 2020 г. и ряд других изменений. В частности, была возвращена возможность прямых всеобщих выборов высших должностных лиц регионов, восстановлена смешанная система выборов депутатов Государственной Думы, произошла значительная либерализация условий создания и деятельности политических партий. В дальнейшем были внесены существенные изменения в принципы формирования региональных парламентов, результатом которых стала дифференциация региональных избирательных систем, с выделением типов систем: мажоритарная, пропорциональная, смешанная паритетная, смешанная преимущественно мажоритарная, смешанная преимущественно пропорциональная.

Гипотезой исследования является предположение об изменении персонального состава региональных парламентов в результате институциональных преобразований. Наблюдается тенденция к росту партийного представительства и политической конкуренции. Так, в 2015 г. в выборах депутатов региональных парламентов в среднем приняло участие 7,8 партийных списка, депутатские мандаты получили в среднем представители 4,2 партии. В 2020 г. в выборах участвовали в среднем 8,4 партии, а в каждом региональном парламенте в среднем получили представительство 5 партий. Расширение участия партий в выборах и масштабов политической конкуренции позволяет увеличить представленность в органах власти различных групп и страт общества, повысить уровень репрезентативности власти, поднять качество политического представительства.

Качественный состав региональных политических элит находится в зависимости как от институциональных параметров (избирательная система, применяемая при выборах депутатов, количество депутатских мест, количество депутатов, работающих на постоянной основе, объем полномочий законодательного собрания, особенности взаимодействия законодательной и исполнительной власти субъекта Федерации), так и от социокультурных особенностей развития региона, исторической, этноконфессиональной, языковой специфики, социально-экономических и демографических параметров регионального развития. Данные параметры стали основой для кластеризации субъектов Федерации по качественному составу региональных политических элит.

<sup>1</sup> Тезисы подготовлены в рамках проекта № 075-15-2020-930 от 16.11.2020, поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ.

## РОССИЙСКАЯ КОРПОРАЦИЯ-ГРАЖДАНИН КАК ФЕНОМЕН МЕДИАТИЗИРОВАННОГО ОБЩЕСТВА

Развитие цифровых технологий, сформировавших коммуникационный ландшафт и медиадискурс современного общества, осмысливается в рамках различных предметных областей, что, в частности, привело к выделению и разработке понятия «медиатизация». В рамках методологических оснований его трактовки выделяются два основных подхода: институциональный<sup>1</sup> и социально-конструктивистский<sup>2</sup>.

С позиций социально-конструктивистского подхода мы рассматриваем бизнес-корпорации, выстраивающие развитые системы стратегического коммуникационного взаимодействия с различными стейкхолдерами, в качестве структурного базиса коммуникативной фигурации, характерной для медиатизированного общества<sup>3</sup>. Международные стандарты нефинансовой отчетности (*The global standards for sustainability reporting — The GRI Standards*), применяемые в компаниях, входящих в сеть Глобального договора ООН (*UN Global Compact Network*), формируют общее видение корпоративной социальной ответственности и являются признаком глубокой медиатизации<sup>4</sup>.

Корпорации, эффективно реализующие на системном уровне программы корпоративной социальной ответственности, корпоративной устойчивости<sup>5</sup>, разрабатывают свои ESG-платформы, включаются в решение проблем местных сообществ, стимулируют социальный активизм, способствуют формированию гражданского самосознания акторов. Такие компании мы рассматриваем в качестве корпоративных граждан, «ведь гражданство изначально имело два ракурса бытия: гражданство — это и статус (юридический ракурс), и одновременно участие, членство в жизни политического сообщества (политический и социокультурный ракурсы)»<sup>6</sup>.

В период 2017–2020 гг. проводился анализ открытой нефинансовой отчетности, а также экспертные интервью с представителями профильных подразделений российских крупных компаний, работающих в направлении развития корпоративной устойчивости («Газпромнефть», «РЖД», Норникель, АФК «Система», X5Group, «Северсталь», Объединенная металлургическая компания).

Исследование показало, что корпоративные граждане с развитыми GR-коммуникациями, но уделяющие недостаточно внимания изучению потребностей населения регионов присутствия компании, направляют социальные инвестиции не на развитие компетенций и социальной активности жителей и их сообществ, а на объекты социальной инфраструктуры и проч. Такие компании включаются в политические коммуникации как амбассадоры действующих органов государственной власти, поддерживают иерархическую модель корпоративных коммуникаций, сохраняют границы между индивидуальным и корпоративным (наиболее выражено у ПАО «Газпромнефть» и холдинга «РЖД»). Эффективность программ корпоративной социальной ответственности измеряется преимущественно по объемам переданных региональным структурам материальных ценностей (литры бесплатного бензина машинам скорой помощи, построенные спортивные объекты, водоносные скважины и др.) и по уровню ассоциированности компании с реализуемыми проектами.

Бизнес-корпорации, уделяющие значительное внимание эффективности обратной связи от жителей регионов присутствия компаний, разрабатывают программы корпоративной социальной ответственности на ее основе, способствуют развитию социального активизма и гражданского самосознания. Такие корпоративные граждане способствуют формированию устойчивых сетевых социальных структур (коммуникативных фигураций), характерных для медиатизированного общества, повышая открытость информации, стирая барьеры корпоративного и индивидуального. При оценке эффективности социально ориентированных программ таких компаний уделяется особое внимание изучению качественных изменений в регионах присутствия. Органы власти включаются в реализацию таких программ с различной степенью вовлеченности, что оказывает влияние на субъектность корпоративных граждан в структуре политических коммуникаций.

<sup>1</sup> Дж. Маццолени, 1999; С. Хьярвард, 2008; В. Шульц, 2004.

<sup>2</sup> Н. Коулдри, 2003; Ф. Кротц, 2009; А. Хепп, 2013

<sup>3</sup> *Hepp A. The communicative figurations of mediatized worlds: Mediatization research in times of the 'mediation of everything' // European Journal of Communication. 2013. December. No. 28 (6). P. 615–629.*

<sup>4</sup> *Hepp A. Deep mediatization. 1st ed. L.: Routledge, 2019. — 260 p.*

<sup>5</sup> Благов Ю., 2011, Тульчинский Г., 2012, Канаева О., 2013, 2014, Косоруков А., 2017, 2019 и др.

<sup>6</sup> *Полякова Н.В. Гражданство: новые измерения в условиях глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 4. С. 141.*

Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю.  
(АлтГУ, Барнаул)

## ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ СФО И ДФО<sup>1</sup>

В последние годы политические процессы в стране и регионах ознаменовались активным участием в них молодежи. Особенно часто тема молодежи и политики поднимается в связи с массовыми акциями протеста, митингами в поддержку А. Навального. Более того, в органах государственной власти и СМИ разных уровней сложился устойчивый штамп, что на улицы выходит только молодежь, а потому лучшие меры пресечения протеста — превентивная работа со школьниками и студентами. И события 23 января текущего года — лучшее тому подтверждение.

Вместе с тем при анализе протестного потенциала молодежи существует ряд вопросов, которые требуют более детального изучения.

Первый — насколько в молодежной среде распространены установки на участие в протесте и в каких группах они более заметны? Только ли учащаяся молодежь выходит на улицу?

Как показали исследования коллектива кафедры политологии АлтГУ, опыт участия в митингах и демонстрациях имеют всего 4,6% респондентов в СФО и 4,7% в ДФО, в несанкционированных акциях протеста участвовали 2,6 и 1,8% соответственно. Для сравнения, обсуждали политику в социальных сетях, репостили политическую информацию 23,5% респондентов в СФО и 23,2% в ДФО, 15,5 и 11% соответственно принимали участие в выборах, 9,6 и 9,5% — в работе общественных организаций, по 6,7% подписывали петиции в органы государственной власти, 5,2 и 4,4% обращались для решения своих проблем в общественные организации. Тем самым можно констатировать, что значимую роль в акциях протеста, особенно в связи с локальными проблемами, играет как не учащаяся молодежь, так и вообще не молодежь. Студенты же и особенно школьники отдают предпочтение тем формам участия, которые не требуют от них значительных личных усилий и связаны с возможностью делегировать решение своих проблем кому-то другому.

Вместе с тем протестный потенциал в молодежной среде существует: в митингах и демонстрациях как средство защиты своих интересов выражают готовность участвовать 26% школьников и студентов в СФО и 32% — в ДФО, из них в несанкционированных акциях протеста — 12 и 14%.

Мужчины больше склонны к данному типу участия, чем женщины. Готовность участвовать в протестных акциях повышается с возрастом, достигая пика в 18 лет, что в среднем формирует 11–12% потенциального участия у школьников 9–11-х классов и 17% — у студентов вузов. Участие в массовых акциях допускают для себя молодые люди с доходом семей до 10 тыс., 10–15 тыс., свыше 40 тыс. руб. и каждый четвертый респондент из семей с доходом 15–40 тыс. руб. При этом в несанкционированных акциях готовы участвовать почти пятая часть школьников и студентов из семей с доходом до 10 тыс. руб., несколько реже — учащиеся из семей с доходами свыше 40 тыс. руб., 10–15 тыс. руб. и 15–40 тыс. руб. В национальных республиках протестный потенциал молодежи ниже, чем в административных субъектах Федерации.

Второй вопрос, имеющий научное и практическое значение: при каких условиях происходит актуализация данного протестного потенциала, каковы мотивы протестного поведения молодежи?

Анализ прошедших за последние годы акций протеста и фокус-групповые опросы показали существование в молодежной среде запроса на социальную справедливость как обеспечение равенства возможностей, независимо от социального положения родителей и места жительства. В этом контексте значимую роль в протестной мобилизации учащейся молодежи в январе 2021 г. сыграло ухудшение социально-экономической ситуации в стране и материального положения населения в ходе ковидных ограничений 2020 г., что затруднило реализацию намеченных образовательных и трудовых траекторий многих школьников и студентов.

Кроме того, доминирование в сознании учащейся молодежи, помимо ценности справедливости, ценностей свободы и правопорядка приводит к негативной оценке ею российского политического процесса и делегитимации большинства общественно-политических институтов, вызывая протест против незаконных действий последних, если они приводят к ущемлению прав и свобод граждан, особенно в городах.

Показательно, что в качестве сдерживающих факторов своей протестной активности молодежь называет ситуативные причины — отсутствие информации об акциях и опасение за последствия для себя и родителей или за немногочисленность акции. В случае же их устранения, в том числе за счет расширения масштабов протестов, до четверти учащейся молодежи вполне способно принять в них участие. Это должно побуждать органы власти не к росту репрессивных мер, а к более внимательному анализу и учету интересов молодежи при разработке государственной политики вообще и молодежной политики в частности.

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №21-011-31651.

## ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

В последние годы российская политическая система столкнулась с ростом протестной активности, обретающей субъектность впервые с 2011–2012 гг. Симптоматично, что протестные акции происходят на фоне электоральных региональных кампаний и экологических кризисов. Социальное недовольство вылилось в 2018 г. в неожиданную победу оппозиционных кандидатов на губернаторских выборах в Хабаровском крае, Хакасии и Владимирской области, вызвав политический кризис при избрании главы региона в Приморье (2018 г.) и депутатов Московской городской думы (2019 г.). В 2020 г. наиболее крупная протестная акция позволила защитить от разработки гору «Куштау» в Республике Башкортостан.

Равнодушие и дистанцированность властей на различных уровнях управленческой «вертикали», с которыми часто сталкиваются граждане, а также обилие фигурирующих в СМИ непродуманных заявлений чиновников выступают катализатором протестных акций различного формата. При этом протесты носят преимущественно локальный характер, сосредотачиваясь на повестке конкретной территории (экология, социальное обеспечение, электоральные нарушения, коррупция и др.).

Усиление именно экологической тематики в последние годы свидетельствует, с одной стороны, о возрастающем запросе общества на удовлетворение социальных потребностей — улучшение качества жизни, создание благоприятной окружающей среды. С другой стороны, экологическая повестка становится каналом агрегирования протестных настроений, поскольку она является консолидирующим фактором, способным объединить людей с разными политическими позициями. Власть на всех уровнях далеко не всегда демонстрирует понимание проблем протестующих, концентрируясь на попытке минимизации политических рисков. Это выявляет общую неготовность государства к открытому равноправному диалогу с протестным сегментом общества и принятию антикризисных решений.

Всего, по данным мониторинга Центра социально-трудовых прав, в 2018 г. отмечено 2070 протестных акций по стране, в 2019 г. — 1947, в первом полугодии 2020 г. — 958<sup>1</sup>. Причем в структуре протеста в условиях мировой пандемии коронавируса преобладают одиночные пикеты и онлайн-формы протеста. Однако, несмотря на это, обострение социально-экономической повестки и арест Алексея Навального выступили триггерами массовых офлайн-выступлений в 198 городах России и 95 городах за рубежом. Эти акции не стали самыми массовыми по числу протестующих, но география протеста была представлена наиболее широко.

По результатам социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 30% россиян допускают протестные выступления в месте своего проживания, а 64% сочли их маловероятными. При этом 23% опрошенных не исключили возможность своего личного участия, а 72% — отвергли<sup>2</sup>. Левада-центр (признан «иностранным агентом» на территории РФ) демонстрирует схожие индикаторы протестного потенциала: 30% респондентов видят возможность политического протеста и 34% — экономического, однако лишь 20–27% готовы принять непосредственное участие в акциях<sup>3</sup>.

Несмотря на очевидное меньшинство недовольных граждан, 30% — статистически значимая величина, демонстрирующая наличие существенных противоречий, способных в один момент преобразовать негативный настрой отдельных групп в полноценное протестное движение.

В свою очередь, протестная активность, связанная с политическими причинами, обладает восходящим трендом и демонстрирует рост с 24 до 43%.<sup>4</sup> Причина этого — политизация изначально неполитических проблем общества. При соприкосновении с равнодушием или противодействием властной вертикали, игнорировании или нежелании властью решать декларируемые социальные проблемы у протестующих появляются политические требования и протест трансформируется из социального в политический.

<sup>1</sup> Очкина А.В. Как протестуют россияне. Результаты мониторинга протестной активности в четвертом квартале 2019 года. URL: [www.trudprava.ru/news/protestnews/2182](http://www.trudprava.ru/news/protestnews/2182) (дата обращения: 21.02.2021); Очкина А.В. Как протестуют россияне. Результаты мониторинга протестной активности во втором квартале 2020 года. URL: [www.trudprava.ru/news/protestnews/2232](http://www.trudprava.ru/news/protestnews/2232) (дата обращения: 21.02.2021).

<sup>2</sup> ВЦИОМ: Как Вы думаете, насколько возможны сейчас в нашем городе / сельском районе массовые акции протеста выступления против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав? URL: [www.wciom.ru/news/ratings/protestnyj\\_potencial/](http://www.wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/) (дата обращения: 13.07.2021).

<sup>3</sup> Левада-центр: потенциал протеста. URL: [www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/](http://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/) (дата обращения: 13.07.2021).

<sup>4</sup> Левада-центр. Положение дел в стране. URL: [www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/](http://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/) (дата обращения: 13.07.2021).



Данные статистические показатели свидетельствуют о растущем потенциале массовых выступлений на местном и региональном уровнях, особенно в кризисные моменты.

Шведова Н.А.  
(ИСКРАН, Москва)

## ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО: «ДВИГАТЬСЯ К НОВОМУ НОРМАЛЬНОМУ И ЛУЧШЕМУ МИРУ ДЛЯ ВСЕХ»<sup>1</sup>

Более четверти века спустя после Четвертой Всемирной конференции (Пекин), посвященной женщинам, слишком мало изменилось, а COVID-19 усугубил кризис гендерного неравенства. Конечно, международные обязательства по обеспечению гендерного равенства привели к определенному улучшению положения (сокращение детских браков и калечащих операций на женских половых органах (КЖПО), некоторое повышение представленности женщин на политической арене). Есть обнадеживающий прогресс: согласно данным из 75 стран, в 2019 г. государства приняли 73% законов и нормативных актов, необходимых для обеспечения полного и равного доступа к сексуальному и репродуктивному здоровью и правам<sup>2</sup>.

Однако «обещание мира, в котором все женщины и девочки будут пользоваться полным равенством полов и где будут устранены все правовые, социальные и экономические барьеры на пути их расширения прав и возможностей, остается невыполненным»<sup>3</sup>. Эта цель отдалена: женщины и девочки сильно страдают от пандемии COVID-19 (резкий рост насилия, большая часть дополнительной работы по уходу из-за закрытия школ и детских садов лежит на женщинах, которые находятся на переднем крае борьбы с коронавирусом — почти 70% медицинских и социальных работников во всем мире составляют женщины<sup>4</sup>).

Мировое сообщество в лице ООН выражает обеспокоенность сложившейся ситуацией и на многочисленных встречах, конференциях, конгрессах призывает к тому, чтобы 2021 г. ознаменовал собой глобальный поворотный момент с появлением возможности и ответственности «вступить в новую эру, в которой возможен более здоровый, зеленый, безопасный и справедливый мир»<sup>5</sup>. Знаковый форум по гендерному равенству, который состоялся в Париже 30 июня — 2 июля 2021 г., завершился конкретными обязательствами, планами по достижению паритета к 2026 г., чтобы устранить несправедливость, связанную с обострившимися кризисными обстоятельствами из-за разрушающей гендерное равенство пандемии.

В результате намечены почти 40 млрд долл. в виде новых инвестиций, политические и программные обязательства со стороны правительств, гражданского общества и других сторон для осуществления нового глобального пятилетнего плана действий по ускорению гендерного паритета к 2026 г.<sup>6</sup>

План ускорения прав человека для обеспечения гендерного равенства обсуждался на Форуме по вопросам равенства<sup>7</sup>, который, по мнению Фумзиле Мламбо-Нгкука, главы структуры «ООН-Женщины», подразделения Организации Объединенных Наций по расширению прав и возможностей женщин, «знаменует собой позитивный исторический сдвиг во власти и перспективах». Однако политик подчеркивает, что женщины все еще «сидят в коридорах, когда мужчины находятся внутри за столом переговоров о мире»<sup>8</sup>. В контексте COVID-19 крайне важно, чтобы женщины были справедливо представлены на руководящих должностях, связанных с пандемией, что поможет избежать углубления существующего неравенства.

При этом ООН выражает уверенность в приверженности принципам, согласно которым были сформулированы Цели Устойчивого Развития. Они рассматриваются как ключ к лучшему восстановлению в постковидном мире. Универсальные цели заострены на рост, инклюзивность, справедливость и устойчивость. Правительствам и предприятиям следует учесть уроки, извлеченные из «тревожных сигналов», и сформулировать способы переходных процессов, необходимых для построения более

<sup>1</sup> Women Political Leaders Summit 2021: Building Forward. URL: <https://www.womenpoliticalleaders.org/>.

<sup>2</sup> Achieve gender equality and empower all women and girls. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/goal-05/>.

<sup>3</sup> SDG Report 2020. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/#sdg-goals>.

<sup>4</sup> Achieve gender equality and empower all women and girls/ URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/goal-05/>.

<sup>5</sup> Machel G. et al. URL: The world needs a breakthrough year <https://gulfnnews.com/opinion/op-eds/the-world-needs-a-breakthrough-year-1.79814266>.

<sup>6</sup> Landmark gender equality forum concludes with concrete commitments, plan to advance parity by 2026. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/07/1095272>.

<sup>7</sup> Nayema Nusrat Acceleration Rights Plan for Gender Equality Mooted at Equality Forum. URL: <http://www.ipsnews.net/2021/06/acceleration-rights-plan-gender-equality-mooted-equality-forum/>.

<sup>8</sup> Landmark gender equality forum concludes with concrete commitments, plan to advance parity by 2026. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/07/1095272>.

здорового и устойчивого мира. При этом особое внимание обращается на «своевременные и дезагрегированные статистические данные, на основе которых можно формировать эффективные и справедливые меры и политику». А. Гутерриш, *Генеральный секретарь ООН*, призывает «решительно бороться с бедностью и неравенством, действительно расширить права и возможности всех женщин и девочек и создать более инклюзивные и справедливые общества во всем мире»<sup>1</sup>.

Включение проблемы достижения гендерного равенства в официальные документы по обеспечению социального и экономического восстановления общества после пандемии коронавируса, а также выделение ресурсов на реализацию этого вопроса будут означать действительную готовность государств к осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. «Великая истина», появившаяся в результате пандемии коронавируса, заключается в том, что никто и нигде не застрахован от COVID-19, пока «все и везде не будут в безопасности», что означает особое внимание к проблемам гендерного равенства<sup>2</sup>.

**Шевченко Е.С.**  
(РАНХиГС при Президенте РФ, Москва)

## **ПОИСК НОВЫХ СЦЕНАРИЕВ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА США: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ДЖ. БАЙДЕНА**

Сегодня политическое руководство США сталкивается с беспрецедентными, но при этом объективно обусловленными реалиями политической жизни, запускающими, во-первых, изменения непосредственно политической конъюнктуры, во-вторых, пересмотр используемого политической элитой инструментария. Американская политическая система оказалась не готова адекватно воспринять и сформулировать более-менее грамотный ответ как на факторы внутрисударственного дисбаланса, так и на факторы неустойчивости мирового политического порядка.

Победу Дж. Байдена на выборах президента США большинство зарубежных политологов расценивает как своего рода тест на проверку жизнеспособности принимаемых американским истеблишментом политических решений. Очевиден тот факт, что работу команды действующего президента США в течение последних месяцев можно анализировать в контексте исходных позиций в вопросе переориентации внешнеполитической деятельности.

В качестве центральных аспектов предпринимаемых Дж. Байденом действий по вопросам внешней политики можно определить следующие:

- отмена ряда ограничительных мер в отношении мигрантов, введенных Д. Трампом (повторное узаконивание некоторых привилегий для отдельных категорий мигрантов, ослабление контрольно-надзорной работы);
- пересмотр некоторых внешнеполитических шагов 45-го президента США (приостановка выхода США из Всемирной организации здравоохранения (*World Health Organization*), пересмотр иницируемых ранее ограничительных мероприятий в отношении Международного уголовного суда (*International Criminal Court*);
- возвращение к обсуждению ядерной сделки с Ираном;
- подтверждение неготовности к перезапуску отношений с КНР<sup>3</sup>;
- акцентуация напряженности российско-американских отношений (ужесточение санкционного давления США, усиление негативной политической риторики в адрес российской стороны). При этом перспективными для обсуждения предлагаются такие вопросы, как сотрудничество в военно-технической области, двустороннее взаимодействие на уровне регионального развития и др.;
- возвращение к проявлению политической активности на европейском театре действий<sup>4</sup>.

Реальное положение дел в США таково, что Дж. Байден оказывается вынужден вести наступление по обоим фронтам — внутривнутриполитическому и внешнеполитическому, причем неоднозначна оценка того, какие вопросы требуют более оперативного и серьезного регулирования. Ситуация осложняется углублением межпартийного противодействия в Конгрессе США, преобладанием рассогласующихся

<sup>1</sup> SDG Report 2020. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/#sdg-goals>.

<sup>2</sup> *Machel G. et al.* Op. cit.

<sup>3</sup> Biden Expands Trump's List Of Chinese Companies Banned From US Investment // CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2021/06/03/economy/biden-china-executive-order/index.html> (accessed: 22.06.2021).

<sup>4</sup> Opinion: Joe Biden: My Trip To Europe Is About America Rallying The World's Democracies // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/06/05/joe-biden-europe-trip-agenda/> (accessed: 22.06.2021).

позиций среди представителей американской политической элиты, отсутствием предлагаемой для американской общественности позитивно оформленной политической повестки, нерешенностью ряда базовых общественных проблем в США. Доминирует точка зрения относительно того, что в прошлом можно оставить планы по восстановлению эффективной работы многосторонних институтов западного образца, обеспечению лидирующих позиций США в рамках динамично развивающейся и в дальнейшем углубляющейся многополярности. С учетом этого целесообразно рассматривать реализуемую Дж. Байденом политику, скорее всего, в рамках следующих измерений: способность обеспечивать более-менее солидаризированный вариант политического развития (на фоне восстановления легитимности и функциональности существующих сегодня в США политических процедур); нацеленность на обсуждение интересных как для демократов, так и для республиканцев политических проектов; независимость в вопросе корректировки используемого инструментария; уверенность в эффективности участия в решении глобальных политических проблем.

В этом смысле наиболее вероятными представляются следующие основные сценарии реализации американского внешнеполитического курса:

- рассмотрение возможности встроить ранее реализуемые США национальные политические проекты в актуальные тренды глобального политического устройства;
- обновление понимания демократической атрибутики и символики с учетом придания этому нового звучания;
- демонстрация американоцентризма в ситуациях, так или иначе предполагающих такую возможность;
- стремление внешне доказать приоритетность принятия стратегически выверенных и одобренных на уровне международного сообщества политических решений;
- рассмотрение в качестве ключевого критерия необходимость сокращения спектра обязательств вне зависимости от специфики обсуждаемых проблем;
- усиление военно-политических позиций НАТО (*North Atlantic Treaty Organization*) на территории современных государств.

**Шентякова А.В.**  
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

## **ПРОТЕСТНЫЕ МОТИВАТОРЫ В ОБЗОРАХ ПОПУЛЯРНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ВИДЕОБЛОГЕРОВ<sup>1</sup>**

За последние годы появилось большое количество исследовательских публикаций, в которых, применяя количественную и качественную методологию, изучаются социально-политические взгляды, ценности и ориентации современной российской молодежи<sup>2</sup>. В определенной степени этот интерес обусловлен волной акций протеста, в которых молодые люди выступали как важный субъект. Молодежь все чаще стала выступать в качестве заметного актора протестных моделей поведения, в связи с чем в российском научном сообществе стали более активно исследовать политическое поведение этой группы. Протестное поведение свойственно молодежи в силу особенностей процесса усвоения политических ценностей и норм политического поведения, но она также более подвержена влиянию информационных потоков в Интернете.

Молодежь современных мегаполисов обладает высоким уровнем возможностей, потребностей и социальным капиталом, что увеличивает возможности более активного вовлечения этой группы в политический процесс. Развитие моделей онлайн-коммуникации способствовало трансформации площадок борьбы политических акторов и представителей гражданского общества за лояльность и поддержку в сетевом пространстве.

В ходе реализации исследовательского проекта по политической онлайн-мобилизации молодежи мегаполисов необходимо было определить векторы и логико-смысловые конструкты наиболее популярных и влиятельных интернет-субъектов. В качестве лидеров общественного мнения в исследовании

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

<sup>2</sup> *Попова О.В., Сулов С.И.* Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам // Политическая наука. 2021. № 1. С. 160–182; *Лагутин О.В.* Ценностные ориентации российской молодежи в моделях взаимодействия государства и гражданского общества // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 107–117; *Негров Е.О.* Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 18–30; *Будко Д.А., Лукьянова Г.В.* Отношение студентов к предвыборной коммуникации (на примере выборов Президента РФ 2018) // Социодинамика. 2020. № 2. С. 1–11.

рассматриваются блогеры, журналисты и другие публичные люди, которые в своей постоянной повестке дня обсуждают, комментируют социально значимые, общественно важные политические темы. Они выступают как инфлюенсеры, которые интерпретируют и конструируют смыслы политических событий для своего сегмента аудитории. Характер подачи информационных материалов, сочетание различных техник привлечения внимания к акциям протеста, подчеркивание самопозиционирования и самоидентичности в конфликтных ситуациях позволяют рассматривать их в качестве лидеров общественного мнения, способных существенно влиять на ценностные установки и политические взгляды молодежной части аудитории видеохостинга *YouTube*<sup>1</sup>. Анализ индивидуальных логических цепочек мышления протестных лидеров общественного мнения в русскоязычном сегменте Интернета, которые комментировали или делали обзоры акций протестов, проходивших в крупных городах в 2019–2020 гг. позволил выявить несколько ключевых блоков.

Первый блок — «Образ протестующих». Подчеркивается отличительная особенность этих людей, т.е. демонстрируется модель поведения, которая позволяет выделиться из общей массы обывателей и самоидентифицироваться. Создание положительного образа протестующих происходит с использованием рациональных и эмоциональных компонентов.

Второй блок — «Статус и характер действий представителей силовых ведомств». Основной проблемой позиционируется применение мер силового воздействия по отношению к рядовым гражданам и многочисленные задержания, которые носят незаконный характер.

Третий блок — «Причины и последствия акций протеста». Отсутствие демократических институциональных механизмов разрешения конфликтных ситуаций обозначается в качестве главной проблемы современной власти.

Четвертый блок — «Ценностные и эмоциональные мотиваторы». Оценка мотива участия людей в акциях протеста связывается с набором демократических и постдемократических ценностных установок.

Шестакова А.А.  
(КубГУ, Краснодар)

## ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ АКТОРОВ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА TELEGRAM-КАНАЛОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ<sup>2</sup>

События, связанные со всемирной пандемией коронавируса, ускорили интеграцию традиционных офлайн-систем в цифровое представление информационных потоков и больших данных. Традиционные акторы публичной политики вынуждены более качественно переносить свою деятельность в цифровую среду и иметь представительство на всех популярных онлайн-ресурсах с целью эффективного деятельностного аспекта. Результативность таких действий отражается в тиражировании информационных потоков, что влечет за собой конструктивные или деструктивные социальные действия. Онлайн-митинги, внедрение новых платформ, таких как площадки представительства политических структур, использование имиджевых технологий, таких как косвенный видеоконтент и скрытое контролирование ветки комментариев этого контента, отражают эффективное использование цифровых технологий традиционными акторами публичной политики. Классическая модель поведения и привычное позиционирование традиционных акторов публичной политики в цифровой среде будут лишены результативности, поскольку процессы, происходящие в этой среде, протекают по другим правилам. Попытки политических структур контролировать на законодательном уровне интернет-пространство могут привести к абстрагированию гражданского общества от политических процессов. Традиционные каналы распространения информации утрачивают свою силу и значение в эпоху возрастающей роли медиапотребления.

Исследовательский центр компании «Делойт» представил отчет по исследованию контента и особенностей его потребления «Медиапотребление в России 2020»<sup>3</sup>, где выделены основные прогнозы и трансформации в медиасреде. Если провести анализ популярности интернет-ресурсов, то значительный рост по сравнению с 2019 г. наблюдается в использовании платформ *TikTok* и *Telegram*. Это

<sup>1</sup> Шентякова А.В., Гришин Н.В. Мобилизация политического протеста молодежи и российские видеоблогеры: результаты когнитивного картирования // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. № 2. С. 93.

<sup>2</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 21-011-31826 «Делиберативная практика взаимодействия парламентских партий с электоратом: структурно-коммуникативный анализ» (2021 г., рук. Л.Н. Тимофеева).

<sup>3</sup> Медиапотребление в России-2020. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/media-consumption-russia-2020.pdf>.

отражает значительный скачок миграционных потоков пользователей, чья активность переходит преимущественно на мессенджеры и видеоконтент.

Нами был проведен анализ *telegram*-каналов четырех политических партий РФ: Всероссийской политической партии «Единая Россия», политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ), Либерально-демократической партии (ЛДПР), социалистической политической партии «Справедливая Россия — патриоты — за правду».

*Telegram*-канал «Единая Россия. Официально» имеет 36 897 подписчиков, в среднем каждый пост просматривает 40% от общего количества пользователей. Канал создан 28 января 2020 г., что совпало с заявлением владельца мессенджера о том, что *Telegram* с 2021 г. начнет монетизироваться по причине роста расходов, связанных с большим количеством пользователей. Основным носителем новостей выступает официальный сайт партии, содержание постов в *Telegram* дублируется механизмом кросспостинга, но прямая ссылка на официальный ресурс указывается не во всех новостях, что создает ощущение уникальности контента «только для мессенджера».

*Telegram*-канал «КПРФ» имеет 5072 подписчика и является неофициальным каналом партии. Канал создан 17 октября 2017 г., и в среднем каждый пост просматривает 15% пользователей от общего числа подписчиков. Комментирование новостного контента разрешено, что создает видимость работающей площадки обмена мнениями.

*Telegram*-канал «Фракция ЛДПР в ГД» имеет 1847 подписчиков. Канал создан 21 марта 2019 г. Интересно, что публикуемые записи, связанные с событиями и выражением отношения, публикуются от первого лица, обремененные личными местоимениями. Это создает ощущение причастности и близости к объекту, формируя образ партии, сконцентрированный в одном лице.

*Telegram*-канал «За справедливую Россию» имеет 11 819 подписчиков и является неофициальным каналом партии. Публикации структурированные, емкие по содержанию и в краткой форме дублируют деятельность партии, отраженную на официальной странице. Интересно отметить обеспечение межплатформенного перехода посредством размещения информации для быстрого перехода на другой канал, например оповещение о начале трансляции на видеохостинге.

В ходе исследования были выделены основные отличительные характеристики *Telegram*-каналов политических партий и концептуализирована модель позиционирования партий в мессенджере *Telegram*.

Шестакова М.Н.  
(МГИМО МИД России, Москва)

## **УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

В начале нулевых годов с принятием Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»<sup>1</sup> в постсоветской России начался второй этап муниципальной реформы. Количество поправок, исчисляющееся несколькими тысячами, свидетельствует о том, что вначале закон был достаточно «сырой» и не был рассчитан на такой значительный объем трансформаций в такой большой и крайне разнообразной стране. По этой причине вступление ФЗ № 131 откладывалось дважды, и окончательно он вступил в силу лишь спустя 5 лет (01.01.2009). При этом поправки продолжают вноситься до сих пор.

Изначально закон предусматривал существование двух управленческих моделей: «Одноглавая» (или иначе обозначаемая как «сильный мэр») и «Двуглавая с сити-менеджером». К настоящему моменту муниципальные образования утратили право самостоятельного выбора модели МСУ в пользу власти субъектов Российской Федерации.

Обе модели имеют как сильные, так и слабые стороны. Из плюсов двуглавой модели можно отметить разграничение полномочий руководителей, их отдельный функционал, потенциальный взаимный контроль без сосредоточения власти в одних руках. При этом очевидны и минусы: дублирование функций, высокий конфликтный потенциал, разрастание управленческого аппарата. У модели «сильный мэр» в качестве достоинств безусловны высокая легитимность, прямая связь исполнительной власти с избирателями, подотчетность ее перед гражданами. Однако власть сосредоточена в руках одного человека, и есть вероятность (по мнению противников данной модели) прихода популиста или непрофессионала. Многие эксперты придерживаются мнения, что идеальной модели, как всегда в реальности, не существует.

<sup>1</sup> Федеральный закон №131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/20035/page/25>.

Еще 10 лет назад в России преобладала первая модель с сильным мэром. В результате принятия пакета поправок к ФЗ № 131 в 2014 г. региональные власти получили право самостоятельно формировать институциональный дизайн органов местного самоуправления. В результате в стране стала доминировать вторая, «двуглавая модель» и не только в региональных центрах, но и в муниципальных районах, городских округах и поселениях.

В феврале 2015 г. в результате новых поправок была добавлена новая модель, которую можно обозначить как третью — «одноглавая модель с сити-менеджером». Именно последняя по времени принятия в настоящее время получает наибольшее распространение как удобная для региональных властей. Наряду с распространением модели № 3 произошло практически полное исчезновение модели «сильный мэр». Если в 2008 г. выборы мэра проходили в 73% городов, то в 2019 г. — только в 12%. Прямые выборы в последние годы только в Абакане, Анадыре, Якутске, Улан-Удэ, Томске (мэр временно отстранен), Новосибирске, Хабаровске. Не так давно были упразднены выборы в Кемерово и Екатеринбург<sup>1</sup>. И если в Кемерово упразднение выборов прошло спокойно<sup>2</sup>, то в Екатеринбурге действующий на тот момент мэр ушел в отставку<sup>3</sup>. В 2019 и 2020 гг. КПРФ и инициативная группа местных активистов выступили с предложением о возвращении прямых выборов в Екатеринбурге, в конце 2020 г. такая же попытка была зафиксирована в Красноярске<sup>4</sup>. Таким образом, налицо практически полная смена модели МСУ в административных центрах Российской Федерации.

В нескольких региональных центрах (Махачкала, Самара, Челябинск) была проведена реорганизация городской власти — разделение городского округа на городской округ с внутригородскими территориями со статусом муниципалитетов. В результате данной трансформации эти центры автоматически утратили возможность проведения прямых выборов. В нескольких центрах произошел переход с «двуглавой системы с сити-менеджером» на аналогичную «одноглавую», в некоторых — в режиме дискуссии на законодательном уровне (например, в Нижнем Новгороде)<sup>5</sup>.

Итогом трансформаций управленческой организации МСУ можно назвать дальнейшее укрепление «властной вертикали» федеральным центром и региональными властями, встраивание в эту систему местного самоуправления («достраивание “вертикали власти” на локальном уровне»)<sup>6</sup>, определяемая в настоящее время как «единая публичная власть». Вероятно, в ближайшие годы количество городов с прямыми выборами мэра останется неизменным либо исчезнет совсем. Повлечет ли полная отмена прямых выборов глав городов рост недовольства на местах, усиление протестных настроений либо, напротив, гражданский абсентеизм — дальнейшая исследовательская задача.

*Шестопад Е.Б.*  
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

## НА ЧТО В ПОЛИТИКЕ МОЖЕТ ПОВЛИЯТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА<sup>7</sup>

События последнего времени по-новому высветили в российском обществе связь между политическим процессом и психологическим состоянием общества.

Переживания, представления, образы и установки, которые входят в понятие **психологического состояния общества** (ПСО), являются реакцией граждан на реальные или воображаемые политические события. Мы исходим из того, что ПСО может выступать и фактором **риска** (угрозы), и триггером **развития** российской политической системы.

Именно связь психологического состояния общества и политики, их взаимовлияние находятся в фокусе нашего внимания. Своей задачей мы видим выявление тех политических процессов, которым могут угрожать определенные деформации ПСО, и определение иерархии этих рисков.

В настоящее время, при том что и внутриполитические и международные угрозы остаются более чем актуальными, акцент все же переместился на те политические риски, которые вызваны панде-

<sup>1</sup> Города прямого действия // Газета «Коммерсантъ». 11.10.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4120109>.

<sup>2</sup> Выборы мэров Кемерово и Новокузнецка отменили по-тихому // Газета «Коммерсантъ». 08.02.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3875861>.

<sup>3</sup> Евгений Ройзман ушел в отставку // Газета «Коммерсантъ». 22.05.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3636157>.

<sup>4</sup> Депутаты мэров не отдадут // Газета «Коммерсантъ». 04.12.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4596304>.

<sup>5</sup> Мэротворческая миссия // Газета «Коммерсантъ» 19.05.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2990326>.

<sup>6</sup> *Чирикова А.Е., Ледяев В.Г.* Власть в малых российских городах: модели взаимодействия исполнительной и представительной власти // Мир России. 2015. № 3. С. 6–32 (с. 9).

<sup>7</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках проекта № 21-011-31386 «Теоретико-методологические основания диагностики психологического состояния общества в современном российском политическом контексте».

мией, перевернувшей привычную жизнь людей. И наряду с объективными причинами их усиления существенную роль играют субъективные факторы, и в частности ПСО. Одновременно можно видеть и обратное воздействие принимаемых властью решений — на ПСО. Достаточно вспомнить реакцию общества на введение обязательной вакцинации летом 2021 г. Налицо взаимная зависимость психологии общества и политики.

Обратим внимание на некоторые парадоксы восприятия этих политических событий обществом и элитами. Угрозы, идущие извне, стали вполне реальными, что потребовало выработки новой внешнеполитической и военной стратегии. Но при этом общество живет так, будто ему ничего не угрожает, а враги воспринимаются как плод воображения пропагандистов. Реальной мобилизации не происходит. Такой когнитивный диссонанс порождает рост тревоги в обществе на эмоциональном уровне и одновременно полное бездействие — на поведенческом. Эта ситуация внушает опасение, так как ответом на нее может стать неконтролируемое паническое поведение граждан в ответ на любое заметное событие, предсказать которое невозможно.

Как показал экспертный опрос, проведенный нами среди политологов и политических практиков<sup>1</sup>, среди внутривнутриполитических рисков наиболее значимым оказался **низкий уровень доверия населения к власти**. Примечательно, что опасность экстремизма и терроризма, которые традиционно рассматриваются в качестве основного риска для стабильности государства, эксперты оценили как меньшую угрозу в сравнении с риском недоверия власти.

Эксперты однозначно оценивают **внешнеполитические риски** на ближайшие годы как очень высокие. Геополитический фон при любом сценарии на ближайшее десятилетие останется агрессивным по отношению к нашей стране.

Таким образом, можно выделить ряд дисфункций политической системы и политических процессов, на которые серьезно влияет ПСО:

- конфликты во внутренней и внешней политике,
- снижение управляемости политической системой,
- неэффективность политического управления,
- политическая нестабильность,
- падение доверия к власти, лидерам и государственным институтам,
- дезинтеграция государства,
- политический абсентеизм и цинизм,
- популизм,
- демобилизация общества, кризис политико-идеологических ценностей и идеологический вакуум.

Таким образом, во-первых, переживание тех или иных угроз массовым сознанием в виде тревог и страхов может быть как адекватным, так и искаженным. Но даже будучи реакцией на мнимую угрозу, эти настроения влияют на политическую сферу. Во-вторых, управление влиянием ПСО на политику не имеет прямолинейных и простых решений, оно требует «тонкой наладки». Непродуманные и примитивные подходы, не учитывающие сложности системы ПСО, сами могут стать фактором риска, дестабилизирующим общество и государство. В-третьих, как правило, при оценке угроз, исходящих от ПСО, эксперты обращают внимание на опасности и риски, имеющие характер конфликтов, проявлений радикализма, экстремизма, разного рода «цветных революций» и т.п. Но не в меньшей степени представляют угрозу для государства и общества состояния политической демобилизации, социальной и политической апатии, тревожности, снижение моральных стандартов, распространение индивидуализма, меркантилизма, неудовлетворенный запрос на социальную справедливость, отсутствие в публичном поле образцов служения обществу и высоких моральных стандартов со стороны элит; кризис идентичности; снижение социального доверия, которые подрывают социальное здоровье нации. Эти состояния общества порождают нежелание и неспособность людей менять что-либо в своей жизни.

<sup>1</sup> Экспертный опрос был проведен в декабре 2018 г. в рамках проекта «Анализ и оценка уязвимости общества, экономики и государства перед социокультурными и идеологическими угрозами (идеологическим экстремизмом)» при поддержке Министерства образования и науки РФ, Соглашение № 14.601.21.0018 от 23 октября 2017 г. В качестве экспертов выступали 30 известных российских политологов, политических аналитиков, журналистов.

Шмелева О.Ю.  
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)

## ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР МОДИФИКАЦИИ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ<sup>1</sup>

Цифровизация является серьезным вызовом современному обществу. Она способствует трансформации субъективного пространства политики, ценностной картины мира, механизма и модели восприятия политической реальности; представляет собой противоречивый процесс, сопряженный с социально-политическими рисками, «обратными эффектами». В их числе — десакрализация власти, рост фейков, манипулятивных возможностей и «конфликтного потенциала цифровизации»<sup>2</sup>; ее рассогласование с бюрократическими, архаичными практиками управления в РФ (клиентелизм, коррупция и пр.), инерционностью граждан<sup>3</sup>. Обозначенные выше особенности усиливают внутреннюю амбивалентность образа государства, проявляющуюся по линии архаика/инновации.

Модификация образа государства связана с изменением его ценностных оснований, запросов, ожиданий от современного государства, складыванием цифрового сознания *homo-digitalis*, характеризующегося технократизмом (объявлением технологического прогресса ценностью), некритичностью, клиповизацией, разрушением целостной и универсальной картины мира<sup>4</sup>. На первый план выходят витальные ценности, ценности технократизма (прогресс, инновации, технологии, развитие и пр.), потребления, качества жизни. Жертвенность уступает место потреблению<sup>5</sup>. Материалы анкетирования нижегородцев (июнь 2020 г.) свидетельствуют о позитивной маркировке в сознании респондентов мер власти, связанных с модернизацией, внедрением инноваций. 21% опрошенных связывали перемены в регионе с широким использованием цифровых технологий в различных сферах, 31 и 24% соответственно отметили рост активности региональной власти и лично Г.С. Никитина в социальных сетях, создание дополнительных каналов коммуникации на пространстве социальных медиа.

Укреплению ценностей технократизма способствует официальный нарратив, а также информационная повестка СМК, направленные на продвижение цифровых ресурсов, проектов («Открытый бюджет Н. Новгорода», «Карта жителя Нижегородской области», «Умный город», «Бережливая поликлиника» и пр.), *lean*-технологий в контексте реализации *Smart-nation*. Опорными понятиями дискурса власти, как показал анализ страницы губернатора Г.С. Никитина в Инстаграм, произведенный с помощью аналитического сервиса *Picalytics* <<https://picalytics.ru>>, стали «проект», «модернизация», «развитие», «прорыв», «современное пространство» и др.

Эмпирические данные отражают также ряд проблем, связанных с цифровизацией, проецирующихся на восприятие государства, — формальный характер функционирования цифровых платформ, реализация цифровых проектов и технологий превращается в PR власти; различное отношение к ценностям технократизма в сознании элит (технологический процесс объявляется ценностью) и граждан, изменение шкалы ценностей в сознании элиты — в приоритете не качество услуг, предоставляемых населению, ориентация на запросы, а погоня за технологическими показателями. Как результат, рост недовольства в регионе чрезмерным увлечением инновациями на фоне нерешенности текущих бытовых проблем — роста цен, проблем ЖКХ, общественного транспорта, коррупции (несколько коррупционных скандалов в регионе за 6 месяцев 2021 г.), негативный сетевой образ регионального чиновника. 52% нижегородцев не удовлетворены работой общественного транспорта в городе и области<sup>6</sup>. Протестный кейс в Н. Новгороде, связанный с реализацией проекта «Сберкласс» в школах города.

Таким образом, общий проблемный фон нивелирует достижения властей, связанных с цифровизацией. Противоречивые эффекты последней усиливают амбивалентность образа государства. Позитивный футурологический сценарий, выстраиваемый вокруг образа «цифрового будущего/

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31307.

<sup>2</sup> Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций. 2020. Т. 13. № 2. С. 9, 10, 17.

<sup>3</sup> Малышева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. № 1. С. 41.

<sup>4</sup> Чернышов А.Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-политическая проблема: сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 321.

<sup>5</sup> Бабурова Н.Б. Значимость явления жертва в русской политической культуре // Ученые записки Крымского федерального ун-та имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. 2016. Т. 2. № 3. С. 85.

<sup>6</sup> Опрос НИИ проблем социального управления, июнь 2021 г. URL: <https://www.nn.ru/text/transport/2021/06/28/69994721?nw=1624867421000>.



цифрового государства», возможен только при условии комплексного подхода к решению проблем государственного управления в РФ, пересмотра архаичных практик, «дворцовой сущности» государства.

Шпагин С.А.  
(ТГУ, Томск)

## РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНДИКАТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ

Изучение партийных систем в федеративных государствах предполагает анализ их состояния и тенденций развития не только на общенациональном уровне, но и в регионах. Наряду с такими аспектами, как количество партий в регионах, уровень активности их участия в выборах органов власти или степень конкурентности этих выборов, имеет значение и уровень устойчивости региональной партийной системы. В сравнительной политологии этот показатель обычно измеряется при помощи индекса электоральной волатильности М. Педерсена<sup>1</sup>. В последнее время все большее распространение в исследованиях получила модифицированная версия этого показателя — индекс общей волатильности ( $V$ )<sup>2</sup>. Он суммирует индекс М. Педерсена ( $V_3$ ) с индексом межэлекторальной волатильности ( $V_M$ ) и тем самым учитывает не только колебания в уровнях поддержки одних и тех же партий, но также появление и исчезновение партий в промежутках между выборами. Страны/регионы, где значение  $V$  оказывается менее 10%, могут быть названы высокостабильными, при  $10\% < V < 20\%$  — относительно стабильными, при  $20\% < V < 30\%$  — относительно нестабильными, а при  $V > 30\%$  — нестабильными.

Расчет значения названных индексов для результатов выборов в законодательные собрания российских регионов в 2017–2020 гг., по данным ЦИК России<sup>3</sup>, позволяет сделать вывод о том, что на выборах 2017 г. уровень волатильности был низким во всех 6 регионах, где проводились соответствующие выборы. Средний уровень  $V$  по всей группе регионов был равен 14,5%. Исключением стала только Северная Осетия, где «Единая Россия» сумела отобрать часть голосов у «Патриотов России» и тем самым восстановить свои позиции, подорванные на выборах 2012 г. Поэтому уровень  $V$  там достиг 22,2%. На противоположном полюсе расположилась электорально-управляемая Пензенская область, где общая волатильность составила всего 7,3%.

Ситуация резко изменилась на выборах 2018 г. К этому времени накал возмущения избирателей инициированной властями пенсионной реформой достиг своего максимума и выразился в резком сокращении числа голосов, поданных за «Единую Россию». Другим фактором дестабилизации партийных систем в регионах стало постепенное сокращение количества партий, многие из которых ранее участвовали в региональных выборах. Колебания уровня голосования за «партию власти» сказались главным образом на результатах других парламентских партий и относительно стабильной группе непарламентских («Коммунисты России», «Партия пенсионеров», «Патриоты России» и т.д.). Поэтому среднее значение  $V_3$  выросло до 17,6%, а  $V$  — до 21,8%, но средний уровень  $V_M$  не только не вырос, но даже чуть сократился и составил 4,8%. В этом отношении довольно характерен пример Ульяновской области, где электоральные потери «Единой России» почти полностью достались КПРФ. В результате здесь  $V_3$  поднялась до самого высокого в 2018 г. значения — 30,1%, но  $V_M$  составила лишь 2,5%.

Самые экстремальные показатели волатильности за весь электоральный цикл были зафиксированы в 2019 г. «Опрокидывающие выборы» в Хабаровском крае были отмечены рекордно высокими уровнями электоральной и общей волатильности — 47,3 и 49%. Отметим, что близкие значения волатильности в том же году были и в Севастополе — 40,7 и 43,2% соответственно. Но одновременно в Кабардино-Балкарии все показатели волатильности были столь же рекордно низкими:  $V_3 = 1,5\%$ ,  $V = 2,6\%$ . Недалеко ушли от нее значения индексов в Карачаево-Черкесии и Тыве. Поэтому среднее значение общей волатильности оказалось даже чуть ниже, чем в 2018 г. — 21,4%.

Участие в выборах 2020 г. четырех новых провластных партий сразу сказалось на значениях индексов. Средний уровень  $V_3$  опустился до 10,7%, хотя в Коми он составил 24,8%. Зато в Костромской, Но-

<sup>1</sup> Pedersen M.N. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // European Journal of Political Research. 1979. Vol. 7. No. 1. P. 1–26.

<sup>2</sup> Powell E., Tucker J.A. Revisiting Electoral Volatility in Post-Communist Countries: New Data, New Results, and New Approaches // British Journal of Political Science. 2014. Vol. 44 (1). P. 123–147; Шпагин С.А. Стабильность и динамика партийной системы в России: новые возможности для изучения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2018. № 2 (55). С. 70–77.

<sup>3</sup> Выборы, референдумы и иные формы волеизъявления // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 29.06.2021).

восибирской и Рязанской областях уровень  $V_M$  превысил 10%, чего в предыдущие годы не было ни разу. Существенно вырос этот показатель в Калужской, Челябинской областях и Республике Коми. Причем в Новосибирской и Челябинской областях уровень  $V_M$  превысил уровень  $V_3$ . Во всех названных регионах новые партии участвовали в выборах и добились результатов. Зато самый низкий уровень  $V_M$  — 1,4% в Курганской области, которую новые партии проигнорировали.

Анализ результатов выборов в региональные парламенты 2017–2020 гг. дает основания для отнесения регионов ко всем четырем ранее выделенным группам. В категорию высокостабильных попадают Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Тыва, Белгородская, Магаданская и Пензенская области, а также Ямало-Ненецкий АО. Нестабильными следует признать Республики Коми и Марий Эл, Хабаровский край, Владимирскую, Ивановскую и Ульяновскую области, Севастополь. Республики Алтай, Башкортостан, Калмыкия, Северная Осетия, Хакасия, Забайкальский край, Архангельская, Волгоградская, Иркутская, Кемеровская, Костромская, Новосибирская, Рязанская и Ярославская области попадают в зону относительной нестабильности. Остальные 17 регионов могут быть названы относительно стабильными.

Шпиро Л.А.  
(КубГУ, Краснодар)

### КАДРОВЫЕ РЕСУРСЫ В РАЗВИТИИ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РФ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ)<sup>1</sup>

«3» апросы» общества на эффективные модели государственного управления и взаимодействия с гражданами обуславливают необходимость внедрения новых подходов, обеспечивающих устойчивое развитие страны и результативность достижения показателей во всех сферах жизни общества.

Инструментальным «ответом» на вызовы современной системы государственного управления России стал проектный подход, внедрение которого заложило основания для новой управленческой идеологии, способной изменить не только принципы принятия управленческих решений, но и достижения приоритетных целей общественного развития, характер и стиль управленческой деятельности, связанных с формированием инновационной культуры и качественно иного кадрового потенциала<sup>2</sup>.

Эффективная реализация проектной деятельности в регионе определяется комплексом политико-административных ресурсов, к которым относятся институциональная структура, коммуникации субъектов публичной политики, потенциал социально-экономического развития региона, кадровые ресурсы (компетентность участников проектной деятельности, вовлеченность в проектные команды).

Формирование компетентного кадрового состава представляет собой важную часть в системе проектного управления в органах государственной власти, так как человеческий капитал — ключевой ресурс развития проектного управления в органах государственной власти, а специалисты, обладающие необходимым набором профессиональных и личностных компетенций, — движущая сила проекта.

По результатам эмпирического исследования, проведенного в период с марта по апрель 2019 г. и с апреля по май 2021 г., выделяется ряд проблем в формировании кадровых ресурсов в рамках системы органов исполнительной власти Краснодарского края:

- малое количество компетентных специалистов, которые обладают комплексом компетенций («*hard skills*» (жесткие навыки) и «*soft skills*» (мягкие навыки));
- образовательная составляющая проектного управления (обучение проектным компетенциям государственных и муниципальных служащих, реализующих проекты) находится только на стадии формирования и не является практико-ориентированной;
- отсутствие «проектной культуры» в органах исполнительной власти Краснодарского края (неготовность и непонимание возникающих изменений, непринятие проектного управления);
- отсутствие законодательного закрепления системы мотивации и стимулирования участников проектных команд.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-230022 «Политико-административные ресурсы публичного управления социально-экономическим развитием Краснодарской агломерации».

<sup>2</sup> Мирошниченко И.В. Проектное управление в государственном секторе: зарубежный опыт и российская практика / И.В. Мирошниченко, Л.А. Шпиро // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3. № 3. С. 360–368.

Каким образом можно решить данные проблемы? На наш взгляд, значимую роль при формировании и развитии институциональной структуры проектного управления на региональном уровне приобретает кадровая политика. Именно кадровые службы могут обеспечить высокую результативность в сфере реализации проектной деятельности.

Развитие проектных компетенций у государственных гражданских служащих — участников проектной деятельности является важнейшим направлением развития всей системы проектного управления в Краснодарском крае, так как выполнение приоритетных задач государственной службы и в целом улучшения качества жизни населения зависит от компетентности тех, кто реализует государственную политику. В части развития кадровой составляющей проектного управления необходимо предпринять ряд мер для дальнейшего совершенствования проектного управления в органах власти Краснодарского края, в числе которых:

- нормативное закрепление требований, предъявляемых к государственным гражданским служащим — участникам проектных команд (создание «модели компетенций»);
- формирование проектной культуры в органах государственной власти Краснодарского края и закрепление системы мотивации и стимулирования (в том числе нематериальной — рейтинги лучших проектных команд, руководителей проектов);
- реализация ежемесячных (ежеквартальных) обучающих интерактивных форматов, а также нетворкингов с привлечением научного и бизнес-сообщества (разбор кейсов, моделирование конкретных ситуаций, командная работа, тренинги, обмен опытом).

## НЕРАВНОМЕРНАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ОТ ЧЕГО ЗАВИСЯТ ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ?

Цифровизация высшего образования стала ключевой темой после перехода на вынужденное дистанционное образование весной 2020 г.<sup>1</sup> Экстренная ситуация «подсветила» ряд проблем высшего образования, проявившихся особенно остро в тот период: разный уровень цифровых образовательных сред вузов<sup>2</sup>, увеличение «отрыва» ведущих вузов (НИУ, федеральные, включенные в программы поддержки «5–100» и опорных университетов) от остальных, неравномерное распределение цифровых компетенций у студентов и преподавателей в разных регионах<sup>3</sup>. Все вышеперечисленное является маркерами сохраняющегося цифрового неравенства. Результаты всероссийского исследования «Рождение российской магистратуры», проведенного в конце 2019 — начале 2020 г., продемонстрировали, что более трети магистрантов и бакалавров отмечали недостаток сформированных цифровых компетенций и не ожидали, что они будут сформированы в ходе обучения по выбранным образовательным программам. У магистрантов недостаток цифровых компетенций был выражен сильнее, чем у бакалавров. Был зафиксирован значительный разрыв между ожидаемыми и сформированными компетенциями, а также что этот разрыв зависит в первую очередь от федерального округа, в котором этот вуз расположен. Неравенство в области приобретения цифровых компетенций в допандемийный период не показало статистической связи с основными показателями «социального капитала» студента: образованием и профессией родителей и доходом семьи, но оказалось значимым в условиях дистанционного образования<sup>4</sup>.

Предметом исследования в данном материале является неравномерность получаемых цифровых компетенций магистрантами и бакалаврами российских вузов в зависимости от типа вуза и федерального округа, в котором расположен вуз, по состоянию на 2021 г.: после того, как высшее образование сумело так или иначе адаптироваться к новым условиям форсированной цифровизации. Исследовательский вопрос состоял в том, чтобы выяснить, связано ли неравномерное освоение цифровых компетенций студентами с фактором нахождения вуза в определенном федеральном округе и типом вуза. Ответ на этот вопрос приводит к выводам о том, какую роль в уменьшении цифрового неравенства в высшем образовании может играть вуз (через образовательные программы и формируемые на них компетенции), а что от университета не зависит.

Выводы основаны на всероссийском исследовании «Ландшафт российской магистратуры», проведенного в 2021 г. и охватившего 45 российских вузов, квотированных по статусу и географическому положению. Было опрошено три когорты: бакалавры, магистранты и преподаватели. Распределение студентов выборки по УГСН соответствует структуре и объему учащихся на образовательных программах в каждом исследуемом вузе.

Результаты исследования показали, что неравномерность в цифровых компетенциях сохранилась и в 2021 г. Она по-прежнему связана с социально-экономическими условиями федерального округа. Это показало, насколько значительным фактором являются внешние региональные условия для реализации требований образовательной политики в области формирования цифровых компетенций. Сами вузы пока что слабо влияют на социально-экономическое развитие регионов (несмотря на старт программ по реализации «третьей миссии вуза»). В итоге цифровые компетенции студентов во многом становятся результатом личной заинтересованности студента в их развитии и только частично связаны с реализацией образовательной программы, на которой они обучаются.

На основе полученных данных были сформулированы рекомендации для политики в области высшего образования.

<sup>1</sup> Клячко Т.Л., Синельников-Мурылев С.Г. Российское высшее образование и воздействие на него пандемии коронавируса // Университетское управление: практика и анализ. 2020. № 24 (4). С. 9–21.

<sup>2</sup> Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Петрова Т.Э., Пырма Р.В., Азаров А.А. Цифровая среда ведущих университетов мира и РФ: результаты сравнительного анализа данных сайтов // Высшее образование в России. 2019. № 12.

<sup>3</sup> Гармонова А.В., Щеглова Д.В. Образовательные стратегии и профессиональные ориентиры современных российских магистрантов / Отв. ред. С.И. Заир-Бек; под общ. ред.: В.А. Болотова, И.Д. Фрумина; науч. ред. В.А. Болотов. Вып. 3 (28). М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2020.

<sup>4</sup> Бекова С.К., Терентьев Е.А., Малошенок Н.Г. Образовательное неравенство в условиях пандемии COVID-19: связь социально-экономического положения семьи и опыта дистанционного обучения студентов // Вопросы образования / Educational Studies. 2021. № 1. С. 74–92.

Щенина О.Г.  
(Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва)

## ТОПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Топологический метод исследования процессов в области социально-гуманитарного знания начал активно применяться в XX в. «Привлекательность топологических идей для ученых-гуманитариев объясняется прежде всего тем, что топология представляет собой один из разделов так называемой неколичественной (качественной, реляционной) математики, что как нельзя лучше соответствует природе изучаемых гуманитарными науками объектов и явлений»<sup>1</sup>. Формируются новые научные направления: социальная топология, топологическая философия, политическая топология, лингвистическая топология, топологическая психология, топологическая рефлексия и т.д. В этой связи ряд исследователей высказывают идеи о топологическом повороте в социально-гуманитарных науках.

Предметом исследования топологии являются сохраняемые в условиях модификаций и деформаций объектов их свойства, такие как непрерывность, связность (*connectedness*), т.е. она «воспроизводит различия между различиями, концептуализируемые как “политическая топология”»<sup>2</sup>. «Под топологией будем понимать учение о модальных отношениях пространственных образов, или о законах связности, взаимного положения и следования точек, линий, поверхностей, тел и их частей или их совокупности в пространстве, независимо от отношений мер и величин»<sup>3</sup> — такое определение топологии первым предложил немецкий математик И. Листинг еще в 1847 г.

В контексте исследования политических отношений топологический метод вызывает особый интерес у специалистов, поскольку позволяет проанализировать их сложную многослойную структуру в динамике. Политические отношения представляют собой многоуровневую систему взаимодействий акторов и субъектов политики по поводу власти, ее реализации в политических решениях в сфере государственного управления или в области взаимодействия государства со структурами гражданского общества.

Связи и отношения субъектов политики формируются и реализуются в пространстве политики, отсюда и интерес ученых политологов, социологов, философов, изучающих эту область общественных отношений, к изучению пространства и форм, а это ключевые понятия топологии. Тем самым применение топологической терминологии позволяет расширить спектр анализа политических отношений.

Так, пространство политических отношений в условиях развития информационно-коммуникационных технологий приобретает черты амбивалентности, поскольку в равной мере значимыми для субъектов и акторов являются пространства реальное (социальное) и виртуальное. Политические отношения в сетях сохраняют свои свойства, однако в процессах трансформации, проходя через узлы сетей, которые часто выступают точками бифуркации при наличии большого числа связей, они могут обретать новые характеристики. Обретение ими новых качеств и новых форм является проявлением морфогенеза, это понятие, на наш взгляд, вполне применимо в контексте анализа политических отношений.

Здесь также уместно вспомнить и о понятии гомеоморфности, рассматриваемом в «теории множеств» Г. Кантором, которое также относится к ключевым концептам топологии. Гомеоморфность политических отношений проявляется в сохранении ими основных параметров в процессе их деформаций, изменений в политических практиках.

Тем самым изучение политических отношений будет приобретать топологический ракурс, позволяющий на основе применения методов картографирования, визуализации составлять карты политических отношений в сетях. На основе теории графов возможно эффективно и качественно исследовать узлы сетей политических отношений, вычлняя наиболее значимых с точки зрения ресурсной составляющей субъектов политических отношений. Отсюда и «понимание топологии в качестве символической конфигурации сетевых акторов, наделенных как внутренней размерностью топологической формы, так и размещающихся в многомерном пространстве социальных процессов, отношений, практик и позиций, функционально взаимосвязанных»<sup>4</sup>.

Еще одной стороной топологического ракурса исследования политических отношений является использование теории Дж. Ло, который предлагает концепцию «социальной топологии», основывающуюся на идее интеграции топологии пространства и топологии форм.

<sup>1</sup> Полубиченко Л.Б. Топологическая парадигма гуманитарного знания: миф или реальность? // Вестник Московского ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 103.

<sup>2</sup> Качанов Ю.Л. Производство политического поля в современной России // Социологические исследования. 1997. № 11. С. 4.

<sup>3</sup> Листинг И.Б. Предварительные исследования по топологии / Пер. с нем. Э. Кольмана. М.; Л.: Гостехиздат. 1932. С. 35.

<sup>4</sup> Заякина Р.А. Генезис топологических воззрений в сетевом подходе // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 128.

В заключение хотелось бы отметить, что топологический подход к исследованию политических отношений представляется перспективным с точки зрения методологии политической науки.

Щербинин А.И.  
(ТГУ, Томск)

## «ПРАВО НА ГОРОД»: ВОЗВРАЩЕНИЕ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Сегодня, отмечая 120-ю годовщину А. Лефевра, мы отдаем дань уважения ученому, чьи идеи, уходящие корнями в недра XIX в., стали не только теоретико-методологической рамкой для целого корпуса наук, но и политической программой городских движений. Пространство, город, революция, справедливость, будущее в исследованиях продолжают определяться через теорию, заданную Анри Лефевром. В «эпоху городов» и тотального вызова, продиктованного человечеству пандемией, мы можем констатировать новый всплеск интереса к идее «права на город». Сейчас мы говорим не о теории Лефевра в целом, число последователей которой возросло по мере утверждения постиндустриальной эпохи, а именно об ее сегменте, о «праве на город». Для этой новаторской идеи мы фиксируем волнообразный характер. Первый всплеск связан с публикацией самой работы, вышедшей в 1968 г. на фоне студенческой революции. Резонансный характер публикации, воспринятой как лозунг не только молодыми радикалами, искавшими обоснование своих действий в актуальном прочтении идеологических кумиров, но и сторонниками справедливости в целом, оформился в качестве локальных программ и движений, заявлявших о праве всех, а не только капиталистов и властей на присвоение городского пространства и участие в конструировании города.

Второй пик фиксируется в 2008 г. и связан с работой Дэвида Харви «Право на город». Тогда глобальный финансовый кризис усилил социальный раскол в городах. «Города становятся все более геттоизированными по мере того, как богатые все сильнее стремятся оградить себя от них. И если расовое, религиозное и этническое разделение пересекается, как это часто бывает, с борьбой за укрепление классовых позиций и увеличение доходов, города оказываются еще более расколотыми, чем прежде». Харви называет это «капиталистической логикой власти». В данных условиях «Право на город — это гораздо больше, чем индивидуальная свобода доступа к городским ресурсам: это право изменить себя, изменив город». Точно так же Лефевр видел городские изменения как финал революции, цель которой конструирование города нашей мечты. В условиях провала неоллиберальной идеи, что подтвердил финансовый кризис, городские ресурсы, как ни парадоксально, должны выступить против города, узурпированного властью и глобальным капиталом, ставшего их *locus vivendi*.

Харви стал первым, кто рассматривал *урбанизм как политическую доктрину*, отмечая, что город претерпевает сегодня изменения не благодаря своей природе, особенностям и внутренним потребностям, а по внешним причинам: изменения общества влекут изменения города. Сравним с Лефевром, отмечавшим, что для городов регламенты пишут те, кто в них не живет. Преодолевая «земное тяготение» повседневного пространства (базового по Лефевру и, добавим, по Бергеру и Лукману в их теории социального конструирования реальности), Харви зовет в город-утопию, город кардинальных перемен и революционной деконструкции. Я хочу предостеречь от скептицизма в отношении харвианских апорий — «городские ресурсы против города, индивидуум против нас самих, свобода против права, доступ к изменениям против права на изменение». Более того, сам Харви заставляет задуматься, а то, что мы живем в городах, районах, кварталах, зданиях, с жестким предписанием сверху быть именно таким, а не иным — это ли не воплощенная утопия? И опять переключка с Лефевром, его пониманием надчеловеческой логики административного пространства.

Нет нужды говорить о том, что многие черты города, пораженного нынешним кризисом, уже нарисованы Лефевром, прогнозировавшим массовый переток населения планеты в нашем столетии в города по типу фавел и бидонвилей. Нынче налицо рост бесправия пред логикой дальнейшего присвоения стратегических пространств и ресурсов, управление городской демократией бесплотными институтами, фактически обретающими материальность только благодаря «жизненным сокам» городов. Реактуализация «Права на город» на третьем этапе была подготовлена глобальными процессами миграции (10% населения Земли — беженцы, не имеющие права на город), взрывной волной популизма как воплощением лозунга «Народ против демократии» (в ее неоллиберальной трактовке), налицо прекариатизации социальных слоев и групп, дававших устойчивость. Из городов исчезла индивидуальность облика его зданий, улиц, районов, но зашкаливает индивидуализм в социальном поведении: мы все чаще сталкиваемся с феноменом «свободы против права». Реконструкция города, в условиях диктата административного пространства, воспроизводится в сетевой медиареальности, виртуальных проектах.

Расклад сил, когда права на город принадлежат институтам, а симулякры «городской правды» ушли в пространство социальных сетей, делает реальный город лишенным гражданского иммунитета. Тем не менее призыв «изменим себя, изменим город, изменим мир» в любом раскладе этой триады является неотложной политической повесткой и научной программой политической урбанистики.

Щербинина Н.Г.  
(ТГУ, Томск)

## ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО СЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ «ПРАВА НА ГОРОД»<sup>1</sup>

Понятие семиотического пространства или семиосферы взято нами у Ю.М. Лотмана и применено к городу. Семиотическое пространство города заполнено языковыми конструкциями, носителями семиотических значений, и все оно генерирует информацию. Семиосфера города неоднородна и асимметрична, поскольку официальный язык власти обычно противостоит периферийным. Но вся она служит предпосылкой для коммуникации, т.е. нельзя навязать смысл, порожденный вовне семиосферы, что относится и к бренду города. Конструирование же бренда свидетельствует о состоявшемся семиозисе и достижении организационной стадии самоописания.

Принято считать, что самоназвания генерируются в ядерной структуре семиосферы, и городская власть, согласно маркетинговому подходу, призвана создавать унифицированное представление о городе. Но цельность семиотического пространства в отношении номинации достигается и единством отношения к его границе. Граница отвечает за «семиотическую индивидуальность», отделяя внутреннее пространство значений от внешнего «чужого» пространства. С феномена разделения зарождается любая культура и конституируется особая городская знаковая среда. Отсюда — молодежь, студенты и другие «пограничные группы» символически перемещаются в центр семиосферы города. Это вообще характерно для динамики семиосферы, когда с окраин города что-то переносится в центр, становится культурно значимым. Тем более что символика периферии более яркая и маркированная, чем символика ядра.

Кроме того, сегодня официальный язык не обязательно становится метаязыком, задающим нормы общения по поводу города, поскольку возникают языки активных пользователей. «Активный пользователь» — у нас это субъект, инициирующий смысловнесущую коммуникацию безотносительно своего социального статуса. В силу бытующей конкуренции кодов некоторые текстовые сообщения вообще не считываются, и это зачастую относится к официально организованной рекламной коммуникации. В данной связи существенно не столько, какие тексты «писались», сколько какие «читались» в определенный период времени. Отсюда возрастает значение сетевой коммуникации, когда текст одновременно и читается, и пишется активными пользователями. Пересеченность семиотического пространства города границами создает для каждого сообщения проблему многократных переводов. Но данная общая ситуация перевода и порождает коммуникацию уже в содержательном смысле.

Потому в эффективной городской коммуникации вообще и относительно бренда в частности необходим диалог. Диалог, по Лотману, представляет собой попеременную линейную коммуникацию с обратной связью и с переходом на чужой язык, при этом передача сообщений ведется дискретно. Генератор текстов находится в ядерной структуре семиосферы, получатель — на периферии, затем они меняются местами. При этом сегодня тексты, продуцируемые активными пользователями, проникают в ядерную структуру семиосферы. Это значит, что для достижения диалога городская власть должна не просто допускать обсуждение бренда города, но выступать на стороне получателя информации. Сущность происходящего в том, что «нормативный текст» может быть актуализирован на периферии и перемещен в центр семиосферы. В данной связи выражение А. Лефевра «право на город» для нас означает право на производство городского семиотического пространства. Такое истолкование «пространства» относится к сфере медийного дискурса, который с помощью ценностно оформленных понятий конституирует новое отношение к городу. И здесь мы опираемся уже на авторский концепт политического конструирования реальности, и под «реальностью» понимается то, что семиотически принято.

Политическое конструирование на практике осуществляет власть в трактовке термина, по М. Фуко, как воздействие дискурсов, производящих истину. Отсюда любая власть, конструирующая городскую реальность, предлагая ее номинацию и репрезентируя мир смысла, оказывается вла-

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного РФФИ и ЭИСИ по программе научных проектов фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук в 2021 г. Проект № 21-011-31374 «Право на город: политические пространства устойчивости, конфликта, диалога».

стью политической. Это аналогично и понятию символической власти П. Бурдьё, согласно которому в медийном поле всегда происходит борьба символических властей за право определить реальность, и не обязательно официальная власть доминирует, но победивший дискурс трансформируется в политическую власть. Интернет-посредничество в определении городской реальности при этом знаменует собой лишь новую форму коммуникации и легитимации, не меняющую креативную природу политической власти. Таким образом, политически/властно инспирированная медиареальность возникает за счет реализации права на создание структуры медиаконструктов, представляющих городское семиотическое пространство.

**Щукина Е.В.**  
(Финансовый университет  
при Правительстве РФ, Москва)

## **РОЛЬ КЛИЕНТОЦЕНТРИЧНОГО ПОДХОДА В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ЧИНОВНИКА**

Современные исследования отмечают низкий уровень доверия к государственным институтам<sup>1</sup> и негативный образ представителей органов государственной власти, в массовом сознании объединяемых словом «чиновники». Так, согласно опросам ФОМ<sup>2</sup>, более 70% опрошенных считают, что отношение к чиновникам в России отрицательное, слова «чиновник», «госслужащий» ассоциируются у россиян с негативными понятиями: вор, коррупционер, взяточник, а 61% опрошенных считают, что чиновники не справляются со своей работой («не заботятся о людях», «бездельники», «работают для себя»).

Если бюрократия — часть государственной системы управления, то для формирования положительного образа государственной власти и укрепления ее легитимности государственный аппарат должен быть заинтересован в положительном восприятии чиновничества. Однако в массовой коммуникации этого не происходит. По данным пилотного исследования<sup>3</sup> публикаций в государственных СМИ, почти половина (48%) всех публикаций о чиновниках за 2020 г. посвящена нововведениям, регламентирующим работу госаппарата: от введения штрафов за неграмотность чиновников<sup>4</sup> до масштабной реформы по сокращению численности, объявленной премьер-министром М.В. Мишустиним.

Образ чиновника, как и любой образ, формируется опосредованно, в первую очередь, каналами коммуникации и информации<sup>5</sup>, традиционными и нетрадиционными медиа<sup>6</sup>, а также под влиянием ценностей, стереотипов и установок, существующих в обществе. И хотя очевидно, что социальная группа чиновничество, как и любая другая, для восприятия которой характерна высокая степень стереотипизации, подвержена большим обобщениям (все чиновники — коррупционеры), для власти негативный образ чиновника как ее представителя становится значимым дестабилизирующим фактором, способным в том числе оказать влияние на уровень ее легитимности.

Предотвратить возможные последствия критически низкого доверия к исполнительной власти призван объявленный государством курс<sup>7</sup> на клиентоцентричность госуправления, понимаемый как устройство организации, обеспечивающее предоставление услуг, максимально адаптированных для каждого клиента<sup>8</sup>.

В числе мер, которые способствовали бы развитию клиентоцентричного подхода в государственном управлении, значимыми представляются разработка системы отбора, подготовки и мотивации кадров, повышение уровня оплаты труда в привязке к компетенциям и результативности<sup>9</sup>. Немало-

<sup>1</sup> Edelman Trust barometer Global Report // URL: [https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/201902/2019\\_Edelman\\_Trust\\_Barometer\\_Global\\_Report.pdf](https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/201902/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf) (accessed: 20.01.2020).

<sup>2</sup> Фонд «Общественное мнение». Результаты еженедельных всероссийских опросов // Сайт ФОМ. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d48chn2020.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).

<sup>3</sup> Щукина Е.В. Формирование образа чиновника в СМИ // Известия Тульского гос. ун-та. 2021. № 1. С. 27–35.

<sup>4</sup> Курский губернатор лишил чиновников премии за орфографические ошибки. RBC // URL: <https://www.rbc.ru/society/14/07/2020/5f0d6d829a794714d32c63e8> (дата обращения: 15.01.2020).

<sup>5</sup> Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

<sup>6</sup> Палитай И.С. Влияние средств массовой информации на процесс политического восприятия // Информационные войны. 2018. № 1.

<sup>7</sup> «Клиентоцентричное государство». Росконгресс // URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-2021-klientotsentrichnoe-gosudarstvo/discussion/>.

<sup>8</sup> Клиентоцентричный подход в государственном управлении: Навигатор цифровой трансформации / Под ред. О.В. Линник, А.В. Ожаровского, М.С. Шклярук. М.: РАНХиГС при Президенте РФ, 2020. — 180 с.

<sup>9</sup> Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения // URL: [https://cpur.ru/research/pdf/R\\_civil\\_servants\\_reforms\\_2021.pdf](https://cpur.ru/research/pdf/R_civil_servants_reforms_2021.pdf).



важным является повышение внутренней культуры чиновничества, повышение требований к профессиональным компетенциям рядовых госслужащих, их личностным характеристикам и этическим нормам<sup>1</sup>. Все большую актуальность приобретает необходимость формирования нового языка коммуникации власти и общества.

Вместе с тем важно отметить, что помимо современной и удобной системы сервисов и госуслуг, на создание которых ориентирован клиентоцентричный подход, потребностью «клиента» в соответствии с основными демократическими принципами является возможность влиять на принимаемые государством решения. В связи с этим значимым направлением деятельности политических институтов должно стать и информационное сопровождение реформы госаппарата, работа по разъяснению статуса и полномочий чиновников, с акцентом на открытости и общественном контроле их деятельности.

<sup>1</sup> Магомедов К.О. Проблема нравственности государственных гражданских служащих в социологическом измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 8 (114). С. 108–113.

## ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН-ПОЛИТИКОВ В ИРАНЕ ЗА ПОСЛЕДНЮЮ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА

История первой женщины-политика в Иране восходит к периоду Ахеменидов, т.е. к 2500 лет назад. Атосса была дочерью Кира Великого и жила с 550 по 475 г. до н.э., она была одной из самых выдающихся женщин в истории Древнего Ирана. «В истории сказано, что Атосса была хорошо осведомлена о культурной ситуации своего времени, а также воспользовалась присутствием при дворе греков и представителей других национальностей. Если Дарий нападал на какой-то регион и собирал королевский совет, главой и верховным лидером королевского совета была Атосса».

Атосса упоминается как первая иранская женщина-политик, после которой женщины в Иране более или менее пришли к власти. И с тех пор борьба иранских женщин за достижение идеалов продолжается по сей день.

Единственным древним государством, где женщины обладали долей прав, можно считать Древний Египет. В этом государстве женщины имели право на получение профессии, на ведение торговли, на присутствие на общих праздниках. Кроме того, женщины могли представлять государственные интересы. Например, в истории Египта имеются периоды, когда женщины становились фараонами. Иными словами, женщины имели равные права с мужчинами, в том числе имели право голоса, право на имущество и его распоряжение, право защиты своих интересов перед законом.

Женщины Европы получили избирательное право только в начале XX в. Первой страной, где женщины стали участвовать в выборах в 1905 г., а также первые женщины, которые избирались, стала Финляндия.

Далее в период Первой мировой войны избирательным правом женщин наделили в Норвегии и Дании, Канаде, России, Германии, Польше. В некоторых странах ввели определенные ограничения участия женщин в выборах (например, в Англии возрастной ценз для женщин определялся возрастом 30 лет). Одним из последних государств, где женщины получили право на участие в политической жизни, стал Бутан. Это произошло лишь в 2008 г.

Традиционное убеждение в Иране в том, что «депутаты-мужчины лучше депутатов-женщин», практически исчезло среди молодого поколения. В Иране идет процесс модернизации, даже если со стороны государства не применялась никакая стратегия и не было создано ни одного института для большего участия женщин на выборах и, как следствие, в политическом русле страны. Тем не менее число женщин в парламенте постепенно увеличивалось благодаря повышению осведомленности среди женщин, несмотря на то, что это изменение проходит очень медленно. Однако в Иране с приходом к власти каждого нового президента присутствие женщин в политике становится все более распространенным явлением.

Рухани приложил все усилия, чтобы назначить женщину членом кабинета министров и избрать женщину на должность министра 12-го правительства. Однако по разным причинам это было невозможно, и г-н Рухани предпочел не превращать это в «конфликт внутри правительства» и вместо избрания женщины-министра он использовал другие важные и эффективные стратегии, предусматривающие 30%-ное количество женщин на высших руководящих уровнях.

С самого начала принятия закона о выделении 30% государственных должностей для женщин Рухани дал приказ его исполнения до 2021 г. всем исполнительным органам.

В то же время в этом же постановлении подчеркивается необходимость участия «молодежи», для того чтобы была возможность выбирать квалифицированных людей на руководящие должности.

Рухани применил метод, который практически предоставляет женщинам возможность присутствовать на руководящих должностях среднего и высшего звена. Полагаясь на статистику, на сегодняшний день в правительстве есть более 12 заместителей министров и более 28 других высоких должностей на таком же уровне, которые также являются очень известными персонами среди женщин.

Например, главой авиации Исламской Республики Иран, заместителем министра нефти, главой геологической организации страны, руководителем ремесленной организации страны, ряд заместителей министров образования, внутренних дел, здравоохранения, спорта и молодежи являются женщины.

Если сравнить участие женщин во время двенадцатого правительства с одиннадцатым правительством при Ахмадинежаде, очевиден тот факт, что женщины имеют более значительную роль, чем в тот период, когда министром была женщина. Даже на провинциальном уровне за последние

несколько месяцев около 46 женщин занимали должности генеральных директоров, а также должности на похожем уровне. Также количество губернаторов и заместителей губернатора увеличилось примерно на 20 человек.

Поэтому вопрос об участии этих людей в различных органах исполнительной власти не менее важен, чем присутствие одной или нескольких женщин только в качестве министра.

Можно сказать, что уже в большинстве министерств присутствуют заместители-женщины, и в ближайшем будущем некоторые из них будут избраны в качестве министра в Иране.

## ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Ряд ведущих российских политологов отмечают, что ответ на вопрос, может ли Россия претендовать на самостоятельную цивилизованность и, следовательно, быть полноценным субъектом современной геополитики и одним из пяти основных полюсов многополярного мироустройства, может быть однозначно только положительным. Постулаты цивилизационной науки фиксируют следующие основные параметры трансрегиональных цивилизаций. Их всего четыре. И первый — большая территория, второй — довольно значимый объем ВВП. Третий — самобытная культура и четвертый — большая численность населения. Естественно, многие авторы подчеркивают суверенность российской цивилизации, стремление нашего народа к справедливости, миротворческий характер нашего цивилизационного кода. Но в то же время хорошо известно, что политическая стратегия может быть сформирована только на базе обоснованной для данного общества идеологии. И одной из основных функций государства как раз и является разработка адекватной идеологии, т.е. конкретной, хорошо выверенной модели развития страны и ее постепенной реализации. В России же до сих пор нет ясности в вопросе об отношении политической элиты к проблеме государственной идеологии, что является одной из опасностей для сохранения внутривнутриполитической гражданской социальной солидарности и угрожает сильными геополитическими рисками, поскольку в новом трансформирующемся мировом порядке наша страна рано или поздно будет включена в эту новую систему, но только уже на менее выгодных условиях, которые уже сейчас пытаются диктовать нам наиболее сильные акторы международной политики. Необходимо также, чтобы цивилизационная методология и идеология постепенно возобладала и во внутренней политике России, как государства-цивилизации<sup>1</sup>. Интеграционные и конфликтогенные процессы в мировой политике демонстрируют обострение геополитических противоречий, в том числе и по причине тесного переплетения внутренних и внешнеэкономических тенденций в условиях новой реальности, связанной с глобальной пандемией. В современных условиях государство может плодотворно развиваться лишь в ходе конструктивного диалога с западными и незападными странами — влиятельными игроками на мировой арене, прежде всего США, Китаем, странами ЕС, Турцией, Ираном и многими другими. Многовекторный и сложносоставной характер геополитической стратегии России обусловлен высокой динамичностью трансформаций международных отношений и углубляющимся кризисом старого мирового порядка. Е.М. Примаков в свое время отмечал, что он ни в коей мере не сторонник рассуждений о том, что российско-американские отношения должны стать стержнем развития современного глобализирующегося мира. Есть еще наращивающий экономические мускулы Китай, есть еще и Европейское экономическое сообщество, которое скорее всего сумеет преодолеть сложный этап своего существования. Есть еще и другие центры многополярного мира. Но значение сотрудничества России и США не может быть второстепенным, считал он<sup>2</sup>. Всесторонний анализ в российских и зарубежных СМИ встречи в верхах в Женеве остается в центре внимания мировой общественности. Причем этот анализ осуществляется в расширительном контексте, т.е. с учетом роли китайского лидера Си Цзиньпина. Многие считают, что Байден решился на встречу с Путиным во многом с тем, чтобы противопоставить Россию Китаю, с целью нейтрализации формирующегося военно-политического российско-китайского альянса. Возникает вопрос, действительно ли для Байдена основной задачей было помешать союзу Путина и Си Цзиньпина. И для того чтобы обсудить проблему последствий союза России с Китаем, была организована эта встреча в верхах. В медиадискурсе эта тема стала на сегодняшний день одной из центральных, и поэтому для политологического сообщества очень важно организовать не только дискуссию, но и комплексные, полипарадигмальные исследования геополитических и внутренних факторов обеспечения национальной и региональной безопасности России в условиях формирования нового порядка международных отношений, в том числе и с учетом решения глобальных экологических проблем и новых вызовов климатических трансформаций. Для этого нам необходима своя модель видения будущего мира, представление о новом формате его устройства, разработка теории глобального и регионального развития с учетом защиты национальных интересов России, ее суверенитета как государства-цивилизации.

<sup>1</sup> Бельский В.Ю., Лепехин В.А. Россия в ситуации цивилизационного вызова: его осознание и пути преодоления // Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия: Коллективная монография / Под ред. А.И. Костина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2018. С. 202–204.

<sup>2</sup> Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России / Отв. ред. П.А. Цыганков, И.И. Кузнецов. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. С. 219.

Юрченко И.В.  
(КубГУ, ЮНЦ РАН, Краснодар)

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ<sup>1</sup>

В политической науке одним из важнейших направлений исследований является анализ потребностей человека в ценностях, которые направляют его стремления, эмоции и деятельность. Нельзя не согласиться с Э. Фроммом, который утверждал, что «обычно существует разрыв между тем, что человек считает своими ценностями, и действительными ценностями, которыми он руководствуется и которые им не осознаются»<sup>2</sup>. Противоречие между осознаваемыми и неосознаваемыми ценностями проявляется в том, что мотивация человеческого поведения порождается социальной бюрократической средой современного общества, когда на первый план выдвигаются интересы потребления, гедонизм, получение максимальной прибыли любой ценой и другие стремления, которые порождают как внутренние личностные конфликты, так и социальную напряженность в полиэтничном, мклтикультурном обществе. Применение конкретных политических практик управления этнонациональными отношениями и урегулирования возникающих конфликтов — это, как правило, процесс целенаправленного воздействия на объект политики, с тем чтобы устранить причины, породившие конфликт, и привести поведение участников конфликта в соответствие с теми нормами, которые сложились в данном обществе. Значимым критерием для определения эффективности политических технологий является проблема структурирования ценностных ориентаций, которые в совокупности создают иерархическую систему предпочтений, в которой некие определяющие ценности задают последовательность всех остальных, взаимосвязанных с главенствующей. Субъект политики, осуществляющий управление конфликтогенными отношениями в полиэтничном, поликонфессиональном социуме, может применять позитивные практики повседневного взаимодействия в публичном пространстве только при условии анализа тех ценностных ориентаций, которыми руководствуются конкретные социальные группы; это может быть система ценностей «благоговения перед жизнью» (сформулированная А. Швейцером) или прямо противоположная, социал-дарвинистская парадигма, провозглашающая такие главенствующие ориентации в поведении человека, как соперничество, эгоистический индивидуализм, жесткая конкуренция, агрессия по отношению «к другому» и признание принципа «выживания сильнейшего». Если в первом случае люди отвергают все то, что подавляет жизненные ресурсы и природы, и общества, и понимают необходимость преодоления агрессии, языка вражды, хищнического отношения к другим культурам, то во втором — поддерживается деструктивность, раскол, дискриминация. Таким образом, говорить о позитивных политических практиках управления этнонациональными процессами возможно только при условии ориентации субъектов политики на систему гуманистических ценностей, которые во многом совместимы с традиционными. И несмотря на то что у каждого этноса есть свои особенности в ценностных ориентациях и не прекращаются дебаты о значимости и возможностях реализации универсальных ценностей в мировой политике и сложносоставных обществах, признание верховенства гуманистических ценностей должно быть аксиомой в процессе выбора стратегии и тактики политической деятельности различных акторов политической борьбы за доминирование в языке и коммуникации и принятии социально-политических решений. Именно от ценностных приоритетов субъектов управления этнонациональными процессами зависит позитивный или негативный эффект их непосредственной деятельности. И в этой связи можно опять обратиться к оценкам Э. Фромма, который задает вопрос: какие из возможностей считать предпочтительными — «оживленную, радостную, заинтересованную, деятельную, миролюбивую структуру характера или безжизненную, тупую, незаинтересованную, пассивную, агрессивную»<sup>3</sup>. Лица, принимающие решения, лидеры общественного мнения являются людьми с различными структурами характера, а поэтому они будут ориентироваться на разные структуры ценностей в соответствии со своими характерами: одни — на жизнеутверждающие, творческие цели, а другие — на дисфункциональность и социальную патологию. Для широкой общественности, представителей различных этносов и религий критерием поддержки тех или иных политиков в соответствии с ценностными ориентациями должны быть оценки успешности их содействия оптимальному и благополучному развитию общества. Но структура ценностных ориентаций самих граждан также неоднородна, внутренне противоречива и неоднозначна, поскольку люди часто не могут четко определиться в выборе между разными ценностными структурами. Таким образом, позитивные

<sup>1</sup> Публикация выполнена в рамках ГЗ ЮНЦ РАН № гр. АААА-А19-119011190170-5.

<sup>2</sup> Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 285.

<sup>3</sup> Фромм Э. Указ. соч. С. 288.

управленческие практики формируются в зависимости от качественных характеристик, преобладающих в данном регионе или локальном пространстве, ценностных приоритетов, которые непосредственно отражаются в лидерских качествах управленческой элиты.

Юрченко Н.Н.  
(КубГУ, Краснодар)

## ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: РОЛЬ И МЕСТО РОССИИ<sup>1</sup>

В позитивном ключе коммуникативные практики способствуют определению политической повестки в процессе диалога с учетом запросов различных социальных групп и представителей бизнеса. Однако информационная война, в которую трансформировалась современная информационная революция, изменившая политическую картину мира, сегодня фактически вышла из-под контроля политиков и стала наносить всевозрастающий ущерб дипломатии, что приводит к нарушениям спокойного обсуждения спорных проблем и наиболее актуальных тем. Новый формат политических коммуникаций изменил и ослабил традиционное политическое поле. Информационные технологии кардинально изменили формы и методы политического противоборства. Доступ к информационным источникам становится важнейшим политическим активом каждого участника политического диалога. В то же время руководители российского государства демонстрируют постоянную готовность нашей страны к прямому разговору со всеми участниками международных отношений при условии, если он будет вестись на принципах равенства и взаимопонимания. Обычно рассматривают ситуации, связанные с санкциями и всевозможными обвинениями российских политиков со стороны Запада, как, например, на саммите лидеров стран G7 (11–13.06.2021), где наряду с другими проблемами обсуждались «нарушения норм» Россией и связанных с этим вопросов: кибератак, вмешательства в выборы и т.д.<sup>2</sup> Достаточно сложно складываются и отношения с Китаем, поскольку инвестиции Китая в Россию падают, а в страны Центральной Азии увеличиваются. Так, 12.05.2021 г. прошла встреча шести министров иностранных дел в городе Сиань (провинция Шэньси). Китайские СМИ особо подчеркивали, что мероприятие проходило в год 30-летия со дня получения «независимости странами Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), а в следующем году будет отмечаться 30-летие установления дипломатических отношений между Китаем и этими странами»<sup>3</sup>. Вот как характеризует эту ситуацию Вячеслав Костиков, руководитель центра стратегического планирования «АиФ», который утверждает, что «Пекин над своим новым образом — второго мирового игрока — работает вдумчиво и осторожно. Китай везде присутствует, но ни с кем и нигде не воюет. Частных военных соединений никуда не посылает, в каких-либо блоках не участвует и принципиально избегает официальных союзнических отношений. В том числе и с Россией... С 2016 г. юань уже присутствует на финансовых рынках в статусе международной валюты. Пекин щедро раздает займы (в юанях и долларах) по всему развивающемуся миру. При этом иностранная финансовая помощь является в Китае государственной тайной. Активно КНР действует и в зоне бывшего влияния СССР. Китайские компании уже контролируют до 25% нефтедобычи в Казахстане. Предоставив Туркмении 12 млрд долл. кредитов, Пекин получил эксклюзивные права на добычу газа в бывшей советской республике. Эксперты предупреждают о возможном в будущем столкновении российских и китайских интересов в Средней Азии. Опасения по поводу растущего китайского влияния звучат и в Казахстане, у которого с Китаем протяженная граница»<sup>4</sup>. Агентство «Синьхуа» подчеркивает, что «в этот исторический момент шесть стран намерены приложить усилия по созданию сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии», что развитие отношений Пекина с Центральной Азией полностью соответствует китайскому мегапроекту «Один пояс — один путь», который должен соединить экономики развивающихся и развитых стран на обширном Евразийском континенте. При этом китайские инвестиции в Россию снижаются»<sup>5</sup>. В контексте усложнения политического диалога можно рассмотреть еще один

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках работы лаборатории политического анализа и конфликтологической экспертизы проблем национальной и региональной безопасности Кубанского государственного университета.

<sup>2</sup> Лидеры G7 открыли первый за полтора года очный саммит // Коммерсантъ. 11.06.2021 (автор Марина Коваленко) // URL: <https://www.kommersant.ru/archive/online/57> (дата обращения: 13.06.2021).

<sup>3</sup> Инвестиции Китая в Россию падают, а в страны Центральной Азии увеличиваются 17 мая. URL: <https://zen.yandex.ru/bchina20years>.

<sup>4</sup> Костиков В. Тени дракона в Женеве. Китайские карты в мировой политике // Еженедельник «Аргументы и Факты». 2021. № 24; 12 табуреток. Какие трудности переживает наша мебельная промышленность? 16.06.2021 // URL: <https://aif.ru/>; <https://aif.ru/opinion/author/1714>; <http://www.globallookpress.com/>.

<sup>5</sup> Инвестиции Китая в Россию падают, а в страны Центральной Азии увеличиваются 17 мая. URL: <https://zen.yandex.ru/bchina20years>.

кейс — это грандиозный проект Эрдогана — Канал «Стамбул»<sup>1</sup>. Но пока идут в информационном пространстве рассуждения по поводу озабоченности российского государства из-за начала строительства этого канала, реально и активно ему противодействуют США, считают эксперты. В целом политический диалог в условиях современных глобальных трансформаций складывается для России, впрочем, как и для всех остальных стран, не просто.

Юшина Е.А.  
(ГАУГН, Москва)

## **ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ)**

**В** современных условиях развития публичного управления актуальным становится вопрос об оценке эффективности и результативности деятельности органов местного самоуправления как органов публичного управления. А.Г. Гричук выделяет *экономическую и социальную эффективность, отождествляя понятия эффективности муниципального управления и результата управления*<sup>2</sup>.

Методики определения эффективности публичного управления ученые подразделяют на *межстрановые* оценки эффективности публичного управления и *национальные* методики оценки качества государственного управления и эффективности деятельности органов местного самоуправления.

К международным методикам оценки относятся: индекс *GRICS*; показатели *WBES*; *BEEPS*; *Transparency International*; *Heritage Foundation*; *Opacity index*<sup>3</sup>. Также применяются показатели эффективности государственного управления, измеряемые на основе обследований государственных служащих и населения (*World Bank, Bank of Netherlands*); индекс конкурентоспособности (Фонд *IMD*); показатель свободы прессы (*Reporters Without Borders*); индекс развития человеческого потенциала (Комитет развития ООН); оценка на основе базовых показателей (*Benchmarking*); показатели оценки качества целей и прогресса реформ в стране (ОЭСР).

Используя терминологию П. Друкера, можем сказать, что органы местного самоуправления должны предоставлять «нужные, правильные услуги» (результативность), как следствие того, что услуги предоставляются «правильно» (эффективность). Дж. Бачлер считает, что она способствует принятию эффективных решений, обеспечивает обратную связь и дает средства для определения результатов принятых решений<sup>4</sup>.

Еще в середине XX в. в зарубежных странах стали разрабатываться методики оценки социально-экономических и политических показателей (индикаторы), в том числе анализирующие качество жизни населения непосредственно в поселениях (Cohn, 1972; Flax, 1972; Liu, 1977 и др.). Урбанисты считали индикаторы фактором повышения эффективности городского управления. Однако показатели не носили системного характера, а давали общую статистическую информацию об отдельных сферах городского хозяйства: бюджет, рынок нежилой недвижимости и др.

IX конгресс Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме принял декларацию, определяющую принципы внутреннего и внешнего финансового контроля, в том числе и аудита эффективности (*performance audit, value-for-money audits*), сутью которого является оценка эффективности, продуктивности и результативности деятельности органов публичной власти, использующих государственные средства. При этом организация контроля является обязательным элементом управления общественными финансовыми средствами, так как такое управление влечет за собой ответственность перед населением<sup>5</sup>.

В мировой практике переход большинства стран к аудиту эффективности обусловлен необходимостью повышения эффективности государственного финансового контроля; для повышения качества деятельности органов исполнительной власти и иных органов, использующих в своей деятельности государственные ресурсы; для увеличения прозрачности деятельности исполнительных органов власти и др., а также для искоренения коррупции в данных органах; для определения персональной ответственности за принимаемые решения и действия в государственных органах.

<sup>1</sup> Ирина Алкснис. Новая война за Босфор: Эрдоган ставит на Россию (07.04.2021). URL: <https://ria.ru/20210407/>

<sup>2</sup> Гричук А.Г. К вопросу об эффективности муниципального управления // ЧиновникЪ. 2004. № 3 (31). URL: <http://chinovnik.uara.ru/>

<sup>3</sup> Добролюбова Е.И. Показатели эффективности реформ государственного управления в России: возможные подходы: Доклад Всемирного банка. М., 2006. URL: <http://www.Politanaliz.ru/articles/568.html>; Ибрагимов Р.М. Теоретико-методологические аспекты оценки эффективности муниципального управления // Экономика и управление. 2009. № 8 (57).

<sup>4</sup> Bachler J., Michie R. The restructuring of Regional Policy in the European Community // Regional Studies. 1993. No. 27 (8); A New Era in EU Regional Policy Evaluation? The Appraisal of the Structural Funds // Regional Studies. 1995. No. 29 (8).

<sup>5</sup> Лимская декларация руководящих принципов контроля. Ст. 1. URL: <http://www.ach.gov.ru/international/limskay>.

Развитие информационных технологий в XX в. ускорило процесс сбора, обработки и анализа статистической информации. Вступил в действие проект *Global Urban Observatory and Statistics* в рамках Программы ООН *UN Habitat* («Хабитат»), состоящий из комплексной системы мониторинга социально-экономического развития поселений. Для расчета индикаторов информация собирается из 240 городов развивающихся стран Африки, Азии и др. В ряде городов ЕС действует проект *Urban Audit* (Городской аудит), основной целью которого является «измерение качества жизни в городских поселениях ЕС с помощью индикаторов, которые сгруппированы в блоки: социально-экономические аспекты; политическая активность граждан; городская среда; образование; культура и отдых»<sup>1</sup>.

Федерация канадских муниципалитетов в качестве индикаторов обозначила человеческие ресурсы, занятость населения, здоровье населения и его политическую активность, безопасность, социальную инфраструктуру, социальную напряженность, доступность жилья. В Великобритании сложилась система показателей, позволяющая оценивать эффективность деятельности органов публичной власти на местном уровне через систему предоставления общественных услуг и их качество.

Для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления большое значение имеют и *Total quality management (TQM)*, *Benchmarking* и стандарты других систем качества.

В целом методы измерения эффективности деятельности органов местного самоуправления как органов публичной власти позволяют сравнить результативность их деятельности; изменить характер взаимодействия между ними; действенно осуществлять функции контроля и надзора за их деятельностью со стороны органов государственной власти. Внутри муниципалитета методики позволяют оптимизировать технологии принятия управленческих решений в области стратегического планирования и прогнозирования; совершенствовать структуру публичного управления, делать ее более гибкой и адаптивной для своевременного реагирования на потребности общества; повышать эффективность деятельности органов публичной власти и управления. Причинами, тормозящими распространение процедур измерения эффективности на уровне муниципалитетов, являются: несовершенство информации; издержки внедрения; политические стратегии. Внедрение системы показателей измерения эффективности требует четкого определения стратегии и политических целей, что не всегда выгодно политикам, привлекающим электорат нереалистичными целями своей программы. Также данной категории политиков невыгодны результаты анализа, выявляющие низкую эффективность их программ, что может привести к их провалу на выборах<sup>2</sup>. Оценка эффективности (результативности) деятельности органов публичного управления на местном уровне обеспечивает ответственность местных политиков за свои действия как перед государством, так и перед местным сообществом.

<sup>1</sup> Лекции по экономике города и муниципальному управлению. М.: Фонд «Институт экономики города», 2014.

<sup>2</sup> Бачлер Дж. Оценка региональной политики в европейском сообществе // URL: [www.politanaliz.ru](http://www.politanaliz.ru); Kuhlmann S. Benchmarking and Performance Measurement in German Local Governments.



## **О ПРОБЛЕМЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ МОСКВЫ К УЧАСТИЮ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Сегодня некоммерческие организации особенно остро нуждаются в привлечении в свои ряды высококвалифицированных специалистов, студентов и выпускников высших учебных заведений, обладающих необходимыми навыками и компетенциями для решения широкого спектра задач, стоящих перед государством и гражданским обществом. Однако, несмотря на значительное количество существующих некоммерческих организаций по самому широкому спектру вопросов, студенты вузов Москвы не в достаточной степени осведомлены об их деятельности и не всегда знают о возможностях включения в их работу. С целью просвещения студентов вузов Москвы о деятельности организаций «третьего сектора» и возможного пополнения НКО профессиональными кадрами с февраля по июнь 2021 г. был реализован проект «Дни НКО в вузах Москвы».

Организаторами проекта выступило региональное отделение Общероссийского народного фронта в Москве совместно с пятью вузами столицы — Российский университет дружбы народов (РУДН), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Российский государственный социальный университет (РГСУ), Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ), Государственный университет управления (ГУУ). Организационную поддержку проекту оказал фонд им. А.П. Починка и Комитет общественных связей и молодежной политики города Москвы. Одной из ключевых задач проекта стало предоставление возможности студентам получить практический опыт работы с некоммерческими организациями при решении важных социальных задач, стоящих перед властями Москвы.

В рамках совместной работы студентов и представителей московских НКО удалось разработать реальные проекты, направленные на решение самых разных задач: от помощи людям с ограниченными возможностями и организации досуга для пожилых до защиты животных.

Для реализации проектов в рамках «третьей миссии университетов» во всех вузах-участниках были созданы площадки, на которых были организованы встречи студентов с представителями НКО, ярмарки вакансий и мест стажировок, презентации лучших практик студенческих некоммерческих общественно значимых проектов, а также конференции по вопросам вовлечения студентов в развитие столичного некоммерческого сектора.

В рамках реализации проекта не только студенты получили широкую возможность получения практических навыков, но и сами НКО смогли повысить уровень своей кадровой, экспертной и аналитической обеспеченности. Кроме этого, были сформулированы рекомендации по корректировке системы профессионального образования с учетом потребностей развития некоммерческого сектора.

В рамках финального питчинга проектов, прошедшего 11 июня 2021 г. на базе РАНХиГС, студенческие команды представили вниманию жюри социально значимые программы, разработанные ими при участии некоммерческих организаций и направленные на повышение качества жизни москвичей. Победителями конкурса стали: проект «Милосердие», посвященный социализации воспитанников детских домов, проект «Музейные истории Москвы», направленный на популяризацию малых неизвестных музеев Москвы, проект «Кузьминки», посвященный облагораживанию территории парка Кузьминки, проект «Лапки в руки», направленный на помощь бездомным животным и развитие приютов для животных. Лучшие из проектов впоследствии могут быть реализованы при содействии экспертов штаба ОНФ г. Москвы и представителей московских НКО.

Для развития отечественного гражданского общества сегодня особенно важно, чтобы студенты управленческих специальностей уже с момента обучения в вузе погружались в тематику развития некоммерческого сектора, ведь сегодня он играет весьма существенную роль в решении актуальных социальных задач. Важно расширять работу по развитию соответствующих компетенций как у студенческой молодежи, так и действующих государственных и муниципальных служащих.

Знакомство с деятельностью московских НКО оказалось интересным для всех участников проекта «Дни НКО в вузах Москвы». Студенты узнали, как НКО помогают людям решать актуальные проблемы в сфере здравоохранения, образования, экологии, культуры, социальной защиты, как и какие задействованы механизмы в решении тех или иных задач. Студентами был изучен опыт эффективного решения социальных проблем с участием НКО в Москве. В то же время и представители НКО смогли познакомиться со студентами, получили возможность наладить отношения с вузами и привлечь студентов к своим проектам, а также к прохождению практик и стажировок.

## ПЕРСПЕКТИВЫ КАДРОВОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ НАУКИ: РЕПУТАЦИОННЫЕ И ПУБЛИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ<sup>1</sup>

В течение Года науки и технологий, объявленного в России в 2021 г., ландшафт разнообразных мер и механизмов поддержки, в том числе направленных на воспроизводство научных кадров, очень быстро трансформируется. Это касается и принятого Федерального закона от 30.12.2020 № 517-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (об аспирантуре), при одновременном росте количества и качества публичных политических и экспертных дискуссий, посвященных проблемам развития научной сферы (например, 13 мая 2021 г. в Совете Федерации прошли парламентские слушания «Научный кадровый потенциал страны: состояние, тенденции развития и инструменты роста»<sup>2</sup>), формирования модели компетенций современного лидера и управленца в научно-технологической сфере, разработанной по инициативе Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию в рамках курса управленцев «Лидеры России» (трек «Наука»)<sup>3</sup>.

С одной стороны, поддержка нового поколения ученых выражена в большом количестве целевых конкурсов, предоставлении разнообразных возможностей для создания собственных научных коллективов и лабораторий (такие как конкурс создания новых лабораторий под руководством молодых, перспективных исследователей до 39 лет<sup>4</sup>). С другой стороны, последние изменения в конфигурации грантовой поддержки российских ученых после принятия решения Правительством РФ о реорганизации Российского фонда фундаментальных исследований кардинальным образом влияют на изменение ситуации, так как Российский научный фонд устанавливает очень жесткие требования для руководителей проектов еще на этапе подготовки заявки (так называемый «входной билет» по публикационной активности) и ориентирован почти исключительно на поддержку молодых научных лидеров и уже давно состоявшихся ученых-лидеров.

Академическую карьеру определяют ряд социальных детерминант, среди которых особенно выделяют репутацию и структуру организации, науки как социального института, особенности рекрутинга, источники финансирования, научного лидера, организацию исследовательской среды и новые исследовательские ниши. На современном этапе социально-политического развития страны изучение человеческого капитала науки в контексте взаимодействия политики и науки позволяет выделить взаимосвязанные факторы, которые *не способствуют* в перспективе системному воспроизводству научных кадров. Это одновременно публикационный аспект и система грантовой поддержки: 1) публикационная гонка, результатом которой является появление огромного количества разнообразных противоречащих научной этике практик (приписное соавторство, платные публикации, журналы-клоны, «мусорные» журналы и т.п.), провоцирующих репутационные риски, и повсеместная реализация принципа «*Publish or Perish*»; 2) приоритет статьям в высокорейтинговых журналах в качестве основного ожидаемого научного результата в ущерб научным результатам в виде крупных научных трудов, например рецензируемых монографий по итогам многолетних исследований; 3) потеря возможности реализации разномасштабных проектов, в том числе так называемых «посевных грантов» (конкурс «а» РФФИ), благодаря которым «прорастали» новые научные темы и направления и выявлялись новые успешные научные коллективы. Возможности получения поддержки учеными наиболее продуктивного возраста 40–55 лет, уже не соответствующими статусу молодых и при этом не имеющими званий и ресурсов академика или члена-корреспондента, профессора РАН, людей, сужаются очень сильно. В недавнем докладе РАН «О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации» об этом сказано прямо: «еще одна проблема — “тихая миграция” уже высококвалифицированных исследователей, в том числе признанных или находящихся на пороге мирового признания научных лидеров»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31294 «Государственная политика в сфере науки и технологий: разработка модели управления человеческим капиталом».

<sup>2</sup> URL: <http://council.gov.ru/events/news/126610/>.

<sup>3</sup> Воробьева О.В., Иванникова Е.М., Маландин В.В., Секиринский Д.С., Караваева Е.В., Сулеманова А.И., Телешова И.Г. Лидерство и управление в научно-технологической сфере: модель компетенций // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 8–9. С. 26–38.

<sup>4</sup> URL: [https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT\\_ID=36508](https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=36508) [https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT\\_ID=36508](https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=36508).

<sup>5</sup> Доклад «О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными в 2020 году». М., 2021. С. 49.

Анализ этих проблем, связанных в первую очередь с факторами потери мотивации учеными при воспроизводстве научных кадров отечественной науки, представлен в докладе.

Януш О.Б.  
(КГЭУ, Казань)

## МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ФИННО-УГОРСКОМ «МИРЕ»<sup>1</sup>

Финно-угорский «мир», мыслимый его идеологами как широкая культурная идентичность, призванная объединить разные финно-угорские народы в своеобразную социокультурную целостность, является примером конструируемого трансграничного языкового сообщества на основе принадлежности его народов к уральской языковой семье с отсутствием единого *lingua franca*. Языками общения представителей «мира» являются русский и английский языки.

Предположения о родстве между некоторыми финно-угорскими языками появились в XVI и XVII столетиях, но сам факт был доказан в конце XVIII столетия двумя пионерами компаративной лингвистики — *János Sajnovics* и *Sámuel Gyarmathi*<sup>2</sup>. Профессор риторики, гуманист Габриэль Портэн (1739–1804) популяризировал их идеи в Финляндии и подтолкнул финских исследователей к изучению родственных финно-угорских языков России. *Так были заложены начала конструирования окруженного мифами финно-угорского сообщества.*

Идея «воссоздания» финно-угорского мира, мыслимого как широкая культурная идентичность, призванная, основываясь на лингвистическом родстве, объединить разные финно-угорские народы в своеобразную социокультурную целостность, появилась в начале 1990-х годов<sup>3</sup>.

Примером конструирования общефинно-угорской культуры может выступать созданная в 2013 г. Программа «Культурная столица финно-угорского мира» — совместная инициатива Молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН) и эстонской НКО «Центр развития коренных народов URALIC» при поддержке Программы родственных народов Эстонии. Программа направлена на повышение узнаваемости уральских народов и языков, укрепление финно-угорской идентичности и стимулирование социально-экономического развития местного уровня в финно-угорском мире. Титул «Культурная столица финно-угорского мира» был присужден *удмуртской* деревне Быги (2014), *сето* деревне Обиница (2015), *венгерской* деревне Искасентдьёрд и городу Веспрем (2016), *карельской* деревне Вокनावолок (2017). Победителем конкурса Культурной столицы финно-угорского мира (2019) было выбрано село Шоруньжа Республики Марий Эл. В рамках официальной программы Культурной столицы стал фестиваль национальных свадебных обрядов «Сўан пайрем» с участием многих финно-угорских народов<sup>4</sup>. Заявка Шоруньжинской администрации была поддержана региональной властью — Министерством культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл; всемарийским советом «Марий Мер Канаш», районными и местными учреждениями.

Носителем титула Культурной столицы финно-угорского мира (2020) стало село Мишкино в Республике Башкортостан. Мишкино — село с населением 7 тыс. человек, 60% из которых — мари. На сайте Центра развития коренных народов URALIC (Эстония) подчеркивают, что «Мишкино будет первой Культурной столицей финно-угорского мира в регионе, где большинство населения говорит на тюркских языках». Президент МАФУН и председатель жюри Кяби Суви прокомментировал решение следующим образом: «В итоге Мишкино выиграло благодаря своей тщательно составленной заявке, юношеской энергии и *новизне своего расположения, то есть вне финно-угорского мира, как это принято считать.* Тем не менее *Мишкино является небольшой частью более широкого финно-угорского мира, так как большинство жителей поселка коренные мари.* Предполагалось, что ведущим мероприятием столицы финно-угорского мира (2020) будет *медвежий фестиваль*, исходящий из того, что название села и на марийском и на русском языках относится к медведю, а также из-за значения медведя в мифологии и идентичности многих финно-угорских народов.

Этнически окрашенные фестивали и проекты можно интерпретировать в качестве одного из инструментов политики идентичности, как значимый ресурс в конструировании и транслировании фин-

<sup>1</sup> Исследование выполнено по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

<sup>2</sup> *Saarinен S.* The Myth of a Finno-Ugric Community in Practice // Nationalities Papers. 2001. Vol. 29. No. 1. P. 41.

<sup>3</sup> *Шабает Ю.П.* «Новые идентичности» у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. 2006. №1. С. 13.

<sup>4</sup> Марийское село Шоруньжа выбрано следующей культурной столицей финно-угорского мира. URL: <https://uralic.org/novosti/marijskoe-selo-shorun-zha-vybrana-sleduyushej-kul-turnoj-stolicej-fинно-ugorskogo-mira> (дата обращения: 20.05.2021).

но-угорской идентичности, как «осязаемые формы утверждения культурной osobости в мире»<sup>1</sup>. Названные мероприятия представляют собой целую систему культурных маркеров, призванную сформировать некую культурную солидарность, общефинно-угорскую идентичность, внедрить идею финно-угорского «мира» в массовое сознание, донести до населения. Иными словами, смоделировать финно-угорский мир как транснациональное культурное пространство.

Яхшиян О.Ю.  
(ГУУ, Москва)

## ОБЩИННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

На предгосударственной стадии общественного развития, в ходе так называемой неолитической революции первобытная община как универсальный социальный институт утрачивает свой универсализм, усложняется, постепенно выстраиваясь в систему соподчиненных общин, что повсеместно является основным содержанием этнополитогенеза. В рамках архаичной политики (античный полис, восточнославянская земля-волость и др.) община как самоуправляющийся гражданский коллектив в известном смысле выступает непосредственным государством, а формирующаяся публичная власть лишь дополняет, венчает собой институты общинного самоуправления и выполняет важнейшую функцию символического идентификатора «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон). На постархаичной доиндустриальной стадии община в своем сельском (крестьянском) и в городском форматах является базовой структурой для становления и воспроизводства всех других социальных структур и институтов, в том числе и традиционной государственности. В традиционном досовременном обществе община является территориально-сословной организацией непосредственных производителей, выполняющих известные обязанности по отношению к государству и феодалу. А общинное самоуправление закономерно встраивается в вертикаль государственной власти в качестве ее низового сословно-представительного звена.

Архаичные восточнославянские земли-волости сформировались во второй половине первого тысячелетия нашей эры на базе соседской земледельческой общины. Структура такой политики — соподчинение общин-селений, связанных между собой через центральную, «старшую» общину («город»), институты самоуправления которой обеспечивали верховную власть и протогосударственное управление<sup>2</sup>. Общинная традиция на ранних этапах истории отечественной государственности, в земских политиях домонгольской Руси, складывалась в повседневной практике совместного функционирования институтов самоуправления общины «старшего» (стольного) города — вече, боярского совета, выборных должностных лиц, которые одновременно выступали и органами государственной власти земли. В рамках той же традиции самоуправление «младших» городов — пригородов и сельской округи как соподчиненных общин — обеспечивало государственное управление на своем территориально-административном уровне.

В Московском (Российском) государстве и в Российской империи общинная традиция воспроизводилась преимущественно как территориально-сословное самоуправление тяглых (податных) городских и сельских миров, встроеное в систему государственной администрации в качестве ее низового звена. В пореформенной России сословно-крестьянское самоуправление сельских обществ и волостей встраивалось в вертикаль государственной власти и, в земских губерниях, взаимодействовало с земствами. Общинное самоуправление городских и сельских миров сыграло едва ли не решающую роль в организации земских ополчений и в преодолении Смуты начала XVII в. Самоуправление русской крестьянской общины мощно проявилось в организации аграрного движения за ликвидацию помещичьего землевладения в ходе революций 1905–1907 и 1917 гг.

В 1917 г. традиция общинного самоуправления через преимущественно крестьянский менталитет русских рабочих и солдат проявилась в создании и функционировании Советов рабочих и солдатских депутатов. А.Н. Медушевский, однозначно негативно оценивая роль Советов в русской революции, тем не менее признает их спонтанно возникшими революционными организациями, выразившими традиционалистские аграрно-коллективистские и уравнилельно-распределительные представления крестьянства<sup>3</sup>. По его мнению, подобные русским Советам самопровозглашенные учреждения, действующие от имени восставшего народа по принципу непосредственной демократии, в ходе всех

<sup>1</sup> Семенов И.С. Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. С. 102.

<sup>2</sup> Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994. С. 306.

<sup>3</sup> Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 188.

крупных революций выполняют функции массовой мобилизации и могут быть использованы совершенно различными политическими силами для захвата власти<sup>1</sup>. Все-таки, конечно, не «совершенно различными», а только теми, которые артикулировали интересы трудящихся классов в революции и демонстрировали готовность реализовать эти интересы. Специфика Советов в России в контексте аналогичных революционных новообразований просматривается в их крестьянской природе, в общинном характере самоорганизации, в классовой — антибуржуазной — коалиции трудящихся слоев общества как условия советской организации, в потенциальной возможности превращения сети Советов в интегрированную вертикаль государственной власти. В русской деревне к началу 1920-х годов Советы как новые органы государственной власти легко утвердились главным образом благодаря тому, что они практически повсеместно совпали с традиционной организацией общинного самоуправления.

<sup>1</sup> Там же. С. 100.

**PARA-DIPLOMACY AS DIALOGUE IN CHALLENGING TIMES:  
A REFLECTION ON THE TENDENCIES, CHALLENGES  
AND OPPORTUNITIES IN CONTEMPORARY  
RUSSIAN-GERMAN CITY RELATIONS**

The contemporary system of international relations experiences a range of crises, among others, marked by increasing geopolitical tensions, global warming, and not in the least, a global pandemic. This pressing situation has been spurring leaders, professionals as well as members of civil society to promote an alternative, dialogue-based approach to international politics. Although citizen-oriented initiatives such as track-II diplomacy and international cultural relations have become increasingly part of the toolbox of many nations' foreign policy, their concrete outcomes remain often too vague. This is arguably different with respect to para-diplomatic initiatives.

Generally associated with the diplomatic activities from regional and municipal actors, para-diplomacy reflects the gradual decentralization of traditional power politics from national to sub-national actors, a tendency which has been confirmed since the start of the COVID-19 pandemic as particularly cities asserted themselves as proper actors in international affairs. Building upon a long history, cities' para-diplomatic activities relate to both the maintenance of mutual city relations in a wide variety of spheres, as well as the tackling of global challenges such as international security or climate change, often in a broader cooperation with multiple cities. Based on the recent, successful experience from city cooperation in the sphere of global health care and socio-economic recovery, it is conceivable that the role of cities in international affairs will be redefined in post-COVID age.

The case of German-Russian city relations reflects this trend and demonstrates how para-diplomatic cooperation enables state and non-state actors to leverage crises (whether they are social, political or global) and continue dialogue in adverse circumstances. Since the beginning of the Ukrainian crisis at the end of 2013, German-Russian relations have been experiencing a setback reflected by mutually imposed sanctions, diplomatic quarrels and socio-political tensions, therefore mirroring the general state of relations between Russia and the EU, by some referred to as the "new cold war". Regardless, the relative standstill of official German-Russian relations, cooperation has been continuing, for instance, on the level of official city cooperation. Assessing such relations since the outbreak of the ongoing political crisis both before and after the ongoing COVID-19 pandemic, a range of tendencies, challenges as well as opportunities can be singled out with respect to para-diplomatic cooperation between Russian and German twinning cities.

Regardless of the sensitive political situation between both countries, culture and common history remain, for instance, an important aspect in sustaining friendly relations. Although, shared memory is often a harsh and delicate topic, it functions as a bridge and represents a relative safe space for official and non-official cooperation. In recent years, however, an increase in social and humanitarian topics, such as urban development, migration and climate change, is noticeable in Russian-German city twinning which arguably points at the willingness to involve younger generations. While business and trade relations stand in the center of the ongoing tensions between Russia and the West, and therefore have to cope with potential reputational and political pressure, they remain critical for successful cooperation on the level of city cooperation. A similar challenge is presented by the ongoing COVID-19 pandemic which has forced cooperation to take place virtually and has resulted in the rethinking of the very concept of city cooperation in the 21<sup>st</sup> century. The experience of recent Russian-German city twinning demonstrates, however, the ability to adapt in times of crisis whether in the context of international politics or a global pandemic and sheds therefore a new light on the role of para-diplomatic actors in protecting and reinventing dialogue mechanisms in challenging times.

*Научное издание*

**РОССИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ:  
ЦЕННОСТИ, ИНСТИТУТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Материалы IX Всероссийского конгресса политологов**

**Москва, 16–18 декабря 2021 г.**

Под общей редакцией

*О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова,*

*Л.Н. Тимофеевой*

Формат 60×90/8. Усл. печ. л. 77,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: [info@aspectpress.ru](mailto:info@aspectpress.ru); [www.aspectpress.ru](http://www.aspectpress.ru)

Тел.: 8 (495) 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»

127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел. 8(495) 685-93-18